

Серия «СДВИГ ПАРАДИГМЫ»

Уильям Мак-Нил

Восхождение Запада

История
человеческого
сообщества

The Rise of the West

A HISTORY OF THE HUMAN COMMUNITY

WITH A RETROSPECTIVE ESSAY

by WILLIAM H. McNEILL

Уильям Мак-Нил

ВОСХОЖДЕНИЕ ЗАПАДА

История человеческого сообщества

С АВТОРСКИМ РЕТРОСПЕКТИВНЫМ ПРЕДИСЛОВИЕМ

Киев • Ника-Центр
Москва • Старклайт
2004

~~УДК 130.11+930.85-~~

~~ББК 87.6.63.3(4)-~~

✓ M15

Перевод: А. Галушка, Ph.D., Е. Т. Маричев,
д-р филол. наук Г. Э. Мирам, д-р филол. наук В. К. Петров

Научный редактор А. Галушка, Ph.D. (Оксфорд, Великобритания)

Консультанты:

канд. истор. наук А. П. Толочко; канд. географ. наук В. Н. Самойленко

Редактор А. С. Волынский

Мак-Нил Уильям

M15 ВОСХОЖДЕНИЕ ЗАПАДА: История человеческого сообщества. – К.: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. – 1064 с.: ил.

ISBN 966-521-296-6

«Восхождение Запада» – один из наиболее значимых трудов известного современного американского историка Уильяма Мак-Нила. В книге всемирная история рассмотрена как единое целое и предпринята попытка интерпретировать ее на основе концепции взаимопроникновения культур. Мак-Нил провел исследование развития социальных и культурных традиций, но особое внимание он сосредоточил на процессах, с помощью которых различные навыки и технологии распространялись от одной культуры или народа к другой, что приводило к изменениям в структуре власти и социальной организации. При этом контакты между разными культурными традициями не всегда были однозначно позитивными для всех участников этого процесса, поскольку он часто проходил в контексте военных столкновений или завоеваний.

Рассчитана на ученых – историков и культурологов, преподавателей и студентов, а также на всех, кто интересуется проблемами всемирной истории.

УДК 130.11+930.85

ББК 87.6:63.3(4)

ISBN 966-521-295-8 Серия «СДВИГ ПАРАДИГМЫ»

ISBN 966-521-296-6 Издательство «Ника-Центр»

ISBN 966-521-296-6

9 789665 212966

© 1963 by The University of Chicago. All rights reserved

© Перевод. Издательство «Ника-Центр», 2004

© Оригинал-макет. Издательство «Ника-Центр», 2004

© Серия «СДВИГ ПАРАДИГМЫ». Издательство «Ника-Центр», 2001

Предисловие научного редактора

Впервые «Восхождение Запада» Уильяма Мак-Нила мне попало на глаза почти 10 лет назад. В библиотеке Центрально-Европейского университета в Праге я лениво просматривал раздел книг по истории и взял с полки довольно старый, хорошо изданный том. Из названия (в оригинале книга называется «The Rise of the West» – дословно «Подъем Запада») не было понятно, о чем, собственно, идет речь. Пробежав глазами несколько абзацев, я понял, что это стоит прочесть внимательно. Я оказался прав. Я тогда не знал, что книга была удостоена Государственной премии США по литературе, но вовсе не был удивлен, узнав об этом. Впоследствии я познакомился с другими работами этого автора, после чего было легко понять, почему Уильям Мак-Нил, профессор-эмеритус Чикагского университета, считается одним из наиболее уважаемых и известных американских историков и «патриархом» бурно развивающегося направления «мировой истории».

Любопытно, что названия многих известных книг вовсе не соответствуют их содержанию. На ум приходят «Три мушкетера» А.Дюма. Книга ведь не о трех, а о четырех мушкетерах, а если быть еще более точным, то об одном – д'Артаньяне. И тем не менее каждому, кому знакомы имена Атоса, Портоса и Арамиса, понятно, почему сын наполеоновского генерала назвал свою самую знаменитую книгу именно так: без трех мушкетеров не было бы четвертого.

«Восхождение Запада» – тоже не только о Западе, но обо всем мире (на что указывает подзаголовок: «История человеческого сообщества»). Собственно, развитие НЕ-западной цивилизации описывается в ней гораздо более подробно. Предполагается заранее, что факты европейской истории читателю уже известны.

Тем не менее, как и в «Трех мушкетерах», в названии отражена суть. Именно Запад (а Мак-Нил относит Восточную Европу и Россию именно к западной цивилизации – к ее периферии, безусловно, но и Америку он относит к периферии западной цивилизации, во всяком случае до начала XX века) оказался в господствующем положении на нашей планете, причем за 40 лет, прошедших с момента написания книги, это господство только укрепилось. Но Мак-Нил показывает, что так было далеко не всегда. Совсем недавно, с исторической точки зрения, мир Запада (Дальнего Запада Европы), как его неоднократно называет автор) уступал по уровню культурного и материального развития как цивилизации Среднего Востока, так и Китаю.

Мак-Нил показывает, как европейским странам удалось вырваться вперед, а также поясняет, почему другие цивилизации не смогли удержать пальму первенства. Интересно, что в свое время Мак-Нил был учеником и младшим коллегой Арнольда Джозефа Тойнби, чей труд «Постижение истории» («A Study of History») с его концепцией циклического развития и круговоротом сменяющих друг друга локальных цивилизаций, проходящих через аналогичные стадии развития, довольно давно стал известен у нас. Мак-Нил, несомненно, многое почерпнул у своего учителя, особенно стремление охватить взглядом широкую картину исторического развития. Однако он скорее со скепсисом отнесся к грандиозной историко-философской схеме Тойнби. В «Восхождении Запада» делается упор не на изолированное развитие той или иной цивилизации, а на взаимодействие и взаимное влияние разных цивилизаций, что, по мнению Мак-Нила, и является движущей силой исторического процесса.

Несмотря на то что контакты между различными культурными традициями не всегда были однозначно положительными для всех участников процесса, так как часто происходили в контексте военных столкновений или завоеваний, разные народы разработали большое количество различных комбинаций идей, навыков и технологий, которые могли прийтись к стати их соседям в изменившихся условиях существования. Мак-Нил исследовал развитие индивидуальных общественных и культурных традиций, но сосредоточил особое внимание на процессах, с помощью которых навыки и технологии распространялись от одной культуры или народа к другой, что, таким образом, приводило к изменениям в структуре власти и социальной организации.

«Восхождение Запада», написанное в начале 1960-х, собственно, представляет собой только первую часть своеобразной трилогии. Две другие книги (которые Мак-Нил назвал «расширенными примечаниями» к «Восхождению Запада») – это книга «Эпидемии и народы» («Plagues and Peoples»), вышедшая в середине 1970-х, и «Погоня за могуществом: технология, вооруженные силы и общество с 1000 г. н.э.» («The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000»), которая была написана в начале 1980-х, на пике «холодной войны». Эти книги развивают проблемы и отвечают на вопросы, поставленные в первой книге. В идеале их надо было бы выпустить одним изданием.

В первой из этих книг Мак-Нил исследует динамику эндемических и эпидемических заболеваний в мировой истории. Контакты между народами различных обществ вели не только к распространению навыков и технологий, но также к появлению экзотических заболеваний в популяциях, где

раньше они не были представлены. Во всех случаях эпидемии разрушали существующее положение вещей, а также приводили к нарушению уже установившихся связей между культурами. Эпидемии, по Мак-Нилу, несут существенную ответственность за упадок Римской империи и империи Хань в Китае, за пережитые средневековой Европой потрясения в XIV в., и особенно за почти бесследное исчезновение цивилизации американских индейцев, что дало возможность европейцам установить колонии и организовать общества европейского типа в отдаленных землях. В то же время усиление иммунитета к подобным заболеваниям в человеческих популяциях и последующее снижение смертности и вызванные этим демографическое давление на общественные структуры в XVIII в. привели к кризису Старого режима в Европе, выразившемуся во Французской революции и в наполеоновских войнах.

В «Погоне за могуществом» Мак-Нил переместил свое внимание от микропаразитов (болезнетворных микроорганизмов) к макропаразитам – к людям и сообществам людей, с помощью организованного насилия установившим, поддерживавшим и усиливавшим свою власть над другими людьми. В «Восхождении Запада» он очень подробно остановился на появлении и распространении способов ведения войны, технологии изготовления оружия и пригодного для войны снаряжения, их адаптации к новым целям и их потенциале изменить существующий политический или военный порядок. В книге показана часто решающая роль распространения бронзовой и железной металлургии, колесниц, верховой езды в ходе исторического процесса. Однако с наступлением нового времени эта сторона истории сходит со страниц книги. «Погоня за могуществом» завершает этот рассказ, включая в повествование порох, огнестрельное оружие, модели военной организации и коммерциализацию военного производства. Особенно интересны его рассуждения о том, что без наполеоновских войн и без гарантированного в течение четверти века рынка сбыта в виде государственных закупок оружия промышленная революция в Великобритании, требовавшая невиданных доселе вложений капитала в новое оборудование и новую технологию, могла бы и не состояться, поскольку (у Мак-Нила этого нет, но не могу не вспомнить семинары по марксистской диалектической философии) для качественного скачка могло бы не хватить количественных изменений в виде накопления критической массы новых производительных сил.

В авторском предисловии к новому изданию «Восхождения Запада» Мак-Нил с высоты прошедших десятилетий критикует свое раннее детище по разным поводам, не буду их все здесь перечислять, но одна мишень его

критики – это то, что в книге не учитывалось значение экономического роста и технологических новшеств в Китае в 1000–1500 гг. н.э. В «Погоне за могуществом» достаточное внимание уделяется именно этому моменту, чтобы и с этой точки зрения сделать книгу дополнением к «Восхождению Запада».

Для русскоязычного читателя небезынтересно узнать, что вышедшая в 1954 г. первая большая работа Уильяма Мак-Нила «Америка, Британия и Россия: Их сотрудничество и соперничество, 1941–1946 гг.» (*America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict, 1941–46*) была посвящена теме, которая и сейчас не перестает привлекать широкое внимание. Мак-Нил, служивший в американских вооруженных силах во время Второй мировой войны, еще тогда осознал значение Советского Союза (России – на Западе практически постоянно употребляют эти термины синонимически) в мировых геополитических раскладах. Он не питал и не питает иллюзий по поводу сущности коммунистического советского режима, но любопытно видеть, как он в своих книгах (читатель может обратиться к последней главе «Развития западной цивилизации») ставит Советский Союз и нацистскую Германию в общемировой контекст громадного усиления роли государственного аппарата в жизни людей во всех развитых, даже демократических, странах.

Возможно, поскольку для американца понятия «Россия» и «степь» тоже синонимичны (впрочем, справедливости ради можно отметить, что то же верно и в отношении понятий «Америка» и «прерии» для нас), он занялся историей степных народов Евразии. Как можно заметить, в схеме истории, представленной в «Восхождении Запада», кочевым народам отводится весьма значительное место. Даже монгольские завоевания, обычно расценивающиеся как однозначно отрицательное явление, предстают в виде катализатора рывка европейского развития, поскольку они, по Мак-Нилу, познакомили Западную Европу с техническими достижениями китайской цивилизации (порохом и книгопечатанием), ставшими ключевыми для наступления нового времени, а также привели к эпидемии чумы в середине XIV в., глубоко потрясшей основы средневекового порядка.

Украинским читателям будет любопытно посмотреть на историю своей страны именно в таком ракурсе – как на историю части великой евразийской степи. Кроме того, книга Мак-Нила должна сослужить хорошую службу в качестве антидота на ставшие с некоторого времени модными книги Льва Гумилева: вполне трезвый взгляд на роль Великой Степи, причем без всякой мистики, подобной «вспышкам пассионарности», якобы являющимся результатом космического излучения из глубин Галактики. Вполне реальным «вспышкам человеческой активности» находится вполне земное объяснение (пусть даже не все согласны со всеми выводами автора).

Даже если «Восхождение Запада» и воспекает в конечном счете триумф Запада (хотя последняя глава весьма далека от триумфальной в собственном смысле этого слова), книга эта все же подчеркнуто неевропоцентрична. Взлет Запада представлен итогом взаимодействия самых различных культур и факторов, часто находящихся за пределами сознательного воздействия людей. Что особенно интересно – книга перекликается с нашим днем, причем по нескольким направлениям. Самое очевидное – это скрытая, через десятилетия, полемика с модным и влиятельным после выхода в 1996 г. его книги «Столкновение цивилизаций и переделка мирового порядка» С.Хантингтоном, предсказывающим глобальный конфликт между различными цивилизациями, которые развиваются в противостоянии друг другу. Мак-Нил, как он пишет в своей рецензии на книгу Хантингтона в «New York Book Review», соглашаясь с содержащейся в работе Хантингтона критикой преобладающей в среде элиты Запада либеральной «общечеловеческой» идеологии и с тем, что в наше время приобретает особую важность приверженность к определенным цивилизационным типам, тем не менее гораздо более оптимистичен и считает, что будущее за дальнейшим взаимодействием и слиянием цивилизаций (которое может вовсе не быть тождественным цивилизации современного Запада). Ну и еще одно небольшое замечание: Мак-Нил вовсе не считает «православную цивилизацию», представленную преимущественно Россией (Украина, безусловно, находится на стыке ее с цивилизацией Запада), чем-то существенно отдельным от Запада и противостоящим ему цивилизационно.

Читая книгу, нельзя не почувствовать, что она все-таки была написана давно. Не думаю, чтобы сейчас автор стал так открыто писать о том, что лишь «высокая культура» имеет существенное значение для исторического процесса. Но дело не в словах, а в том, что истина, как бы то ни было, лежит недалеко. При этом автор не скрывает своей симпатии к простым людям, «винтикам» механизма истории, а часто его жертвам. Но он смотрит на них отстраненно, и иногда это режет слух, пусть разумом и осознаешь правоту Мак-Нила.

Но это последнее незначительное замечание все же не должно воспрепятствовать читателям получить удовольствие от этой интересной, информативной, заставляющей задуматься, хорошо написанной и, как я надеюсь, адекватно переведенной книги.

*Андрей Галушка
Вустер-колледж, Оксфорд*

Почему эту книгу надо прочитать именно сейчас?

Предисловие редактора

Потому что мир меняется быстро и непредсказуемо. С разрушением Советского Союза и завершением ядерного противостояния двуполярного мира, с быстрым развитием стран «мусульманского пояса» пробуксовывают схемы прогнозирования, ставшие привычными за десятилетия (а то и века). Тут невольно задумаешься, насколько прав автор, утверждая, что доминирование Европы сложилось лишь в XV в., да и то довольно неожиданно.

Потому что в этой книге есть «недописанная глава». Завершенная в 1962 г. книга «Восхождение Запада» даже современные ей достижения технологий и политических доктрин не поспетила выстроить в резюмирующий ряд. В ней не рассмотрены ни Великая депрессия, ни Вторая мировая война, ни глобальный социалистический эксперимент, ни вступление в эпоху ядерной энергии и телевидения. Автор остался верен истории, а не публицистике, его футурология осторожна и потому преимущественно точна. С расстояния в 50 лет, уже зная о распаде социалистической системы, о появлении Интернета, глобальных спутниковых систем и генных технологий, о миграционных потоках и наднациональных юрисдикциях, возможно ли смоделировать главу «1950–2000 гг.» и скорректировать аксиомы, в которых с юности воспитаны современники? По крайней мере, восстановить логику развития не с позиций текущих интересов, а с позиций всей истории.

Потому что в ней множество примеров, как развивались события в переломные моменты: и по воле правителей, и по воле событий. Своеобразная инвентаризация легко обнаруживает, что основные рецепты преодоления проблем в разных странах и в разные времена уже опробованы: упор на волевое администрирование, на идеологический энтузиазм, на технический прогресс, на возрождение традиций, на честлюбивых выходцев из низов, на примирение наций и верований. Одни страны возникают стремительно, вопреки всяческому канону госстроительства, и живут потом века. Другие строятся административно талантливо, в согласии с опытом и логикой, но быстро рушатся. Можно ли вообще что-то сделать с системным кризисом

страны или целой субконтинентальной цивилизации? Ответы, скоординированные по осям «вероятное» и «реализованное», радуют многообразием.

Потому что эта книга – хороший претендент на электронное переиздание. Само обилие материала вызывает желание призвать на помощь слабому человеческому мозгу математически спроектированный электронный мозг. Несколькими нажатиями клавиш сгруппировать сходства в категории, четко выстроить разбегающееся многообразие, проверить по списку сотни исторических прецедентов, чтобы не упустить самый нужный. Может быть, будущее книгоиздание и будет таким: в отличие от нынешних оцифрованных копий бумажного (поступательного) текста появятся разноуровневые, интерактивные, поддерживающие прихотливый синтаксис запроса, самообучаемые книги-системы, включенные во всеисторическое пространство-чтение. «Восхождению Запада» нашлось бы в нем почетное место. Но это даже не «недописанная», это «завтрашняя» глава.

Потому что завтра и сама эта книга будет уже другой. Одни книги стареют, не успевая за меняющимся миром своих читателей. Другие – опережают свое время и потом долго живут, пока мир догоняет их. Третьи – не зависят от смены внешнего мира, не отстают от календаря и не забегают – читатели сами находят для них новое востребованное прочтение. «Восхождение Запада» – из третьих. Разумеется, ее не обязательно читать именно сегодня, но завтра она будет уже немного другой.

Александр Вольтинский

*Я стремлюсь понять
и по мере возможности оправдать то,
как человек поступает
по отношению к себе подобному.**

Эта книга посвящается сообществу ученых,
которое в 1933–1963 гг. воплощал в себе
Чикагский университет.

* Автор перефразирует цитату из «Потерянного рая» Джона Мильтона (кн.1), где указывается на стремление оправдать то, как Бог поступает с человеком. (Прим. пер.)

«Восхождение Запада» двадцать пять лет спустя

Историки рассматривают предмет своего исследования через призму изменяющегося настоящего, поэтому прошлое в их трудах тоже постоянно меняет свои очертания. И любой из них, проживший достаточно долго, чтобы перечесать свой собственный труд много лет спустя, должен быть готов увидеть приметы тех неизбежных сдвигов, которые привносит время в понимание исторических фактов. Эта банальная истина открылась мне в 1988 г. на семинаре в Уильямс-колледже, посвященном моему главному труду – книге «Восхождение Запада». Я читал там лекции как приглашенный профессор и снова перечел эту книгу спустя 25 лет: встреча со старым другом – и старыми призраками¹ – обрадовала и в то же время разочаровала меня.

Когда книга вышла в 1963 г., она имела неожиданный успех. Щедрая похвала Хью Тревор-Ропера на страницах «New York Book Review» и приближающиеся Рождественские праздники быстро превратили ее в бестселлер, и с тех пор она постоянно переиздается. Тираж дешевого издания в бумажной обложке (всего доллар и двадцать пять центов за 828 страниц!) разошелся в течение года, а всего сегодня продано более 75 000 экземпляров полноформатного издания.

Сейчас, в ретроспективе, мне кажется очевидным, что «Восхождение Запада» следует рассматривать как выражение послевоенного имперского духа, царившего в то время в США. И объем, и концепция книги – это проявления своего рода «интеллектуального империализма»: всемирная история берется как единое целое, и предпринимается попытка ее интерпретации на основе разработанной американскими антропологами в 1930-х гг. концепции взаимопроникновения культур. Книга «Восхождение Запада» написана, исходя из понимания контакта с чужеземцами, обладающими новыми, неизвестными знаниями и умениями, как основного фактора, способствующего исторически значимым социальным изменениям. Естественным следствием такого подхода стал вывод о том, что центры высокой куль-

¹ Когда я писал «Восхождение Запада», то, возвращаясь домой, каждый раз проходил мимо вяза с отломанной бурей веткой. Я видел, как дерево медленно заживает рану и разлом покрывается буйной молодой порослью. Я обычно думал, проходя: удастся ли мне закончить свой труд до того, как дерево залечит рану. Однако вышло так, что я сдал рукопись в печать и через год дерево засохло, так и не залечив свою рану. Мне так и не удалось пройти мимо выздоровевшего вяза с готовой напечатанной книгой в руке.

туры (т.е. цивилизации), демонстрируя соседям свои привлекательные новинки, становились для них своего рода раздражителями. Окружающие их менее развитые народы стремились освоить новшества и тем самым получить доступ к богатству и власти, к познанию истины и красоте – ко всему, что дают блага цивилизации тем, кто ими обладает. Однако такого рода попытки неизбежно связаны с необходимостью болезненного и сложного выбора между страстным желанием подражать новому и не менее сильным стремлением сохранить и сберечь те старые обычаи и институты, которые отличают мир жаждущих приобщиться к цивилизации от цивилизованного мира с продажностью и несправедливостями, неизбежно ему присущими.

Вторым естественным следствием концепции, основанной на контакте с чужеземцами как основном двигателе социальных перемен, является вывод о том, что контакты между цивилизациями, существовавшими в одно и то же время, также должны быть основным объектом при изучении мировой истории, поскольку именно они призваны изменить сумму и разнообразие знаний и технологий, присущих каждой цивилизации, и повлиять на общую картину взаимопроникновения культур. Более того, как только одна из цивилизаций в силу некоего очевидного превосходства своих знаний сможет повлиять на тех, с кем она вступает в контакт, ткань мировой истории начнет, так сказать, разрастаться в одном направлении; и таким образом, наблюдая восприятие новых знаний и идей в отдаленных уголках, историк сможет проникнуть в суть этой головоломки из отдельных элементов и деталей, которая делает мировую историю столь трудно постижимой.

В 1954–1963 гг., когда писалась эта книга, Соединенные Штаты были, конечно, в расцвете своей послевоенной мощи и оказывали сильное влияние на другие страны благодаря своему богатству и технологическому превосходству. Поэтому мое видение прошлого может быть оспорено как всего лишь попытка логического обоснования американской гегемонии, попытка спроецировать ситуацию послевоенных десятилетий на всемирную историю в целом и заявить при этом, что аналогичная схема культурного доминирования и проникновения существовала всегда. (Конечно, можно выдвинуть очевидный контраргумент, указав, что послевоенная эпоха была неотъемлемой частью мировой истории и вполне согласовывалась с прецедентами, пусть даже американцы в то время этого и не осознавали.)

Ни один историк не сможет отрицать, что его видение прошлого отражает опыт его эпохи, зависит от традиций и школы, несет на себе печать того времени и места, где он жил. Однако я могу утверждать, по крайней мере, следующее: когда я писал эту книгу, я не имел ни малейшего представления о том, насколько мой метод интерпретации мировой истории совпа-

дает с современным мне международным положением Соединенных Штатов. В ретроспективе можно, по-видимому, утверждать, что тот теплый прием, который был оказан читателями моей книге в начале 1960-х, во многом объясняется этим совпадением. Но даже если это и так, ни я сам, ни критики не заметили тогда этого сходства. Поразительное сходство между моим подходом к описанию истории человечества и современной ролью США на международной арене если тогда и отмечалось вообще, то лишь на подсознательном уровне.

В свете того, как развивалась историография за прошедшие 25 лет, второе возражение против моего подхода к интерпретации прошлого выглядит еще более очевидным. Книга «Восхождение Запада» стремится «идти в авангарде победоносных армий», рассматривая историю с позиции победителей, с позиции привилегированных властителей, искусно управляющих судьбами народов, уделяя мало внимания страданиям жертв исторических перемен. Это, вне сомнения, отражение моих личных предрассудков – семейных, этнических, классовых и прочих проявлений самоидентификации и опыта, которые в итоге привели к тому, что я высоко ценю плоды совместных усилий человечества, направленных на покорение природной и социальной среды и ее организацию в соответствии со своими желаниями. Пользуясь полученными в результате благами, как постоянно пользуемся все мы, включая беднейшие слои населения, мы должны, я полагаю, восхищаться теми, кто был первым в этом предприятии, и воспринимать прогресс человечества как удивительную хронику успешных свершений, даже несмотря на сопутствовавшие ему страдания. Идеалом было бы, конечно, справедливое беспристрастие в оценке достижений и потерь, сопутствующих каждому шагу человечества. Я, безусловно, старался достичь такой беспристрастности, но то, что кажется справедливым балансом достижений и потерь мне, может показаться другим жалким оправданием сильных мира сего, стоявших у руля великих мировых цивилизаций.

Все эти общие соображения едва ли возникли у меня на семинаре в Уильямс-колледже. Скорее, в ходе этого семинара с его напряженным графиком (глава книги в неделю) я пришел к малоприятному заключению о том, что разные главы моей книги отличаются по качеству. Хуже всего в этом смысле оказалась глава IV озаглавленная «Возникновение космополитической цивилизации на Среднем Востоке в 1700–500 гг. до н.э.». Вслед за кратким вступлением в этой главе предпринимается попытка описать военно-политические преобразования, административные системы, социальную структуру, развитие и сохранение культурных ценностей у десятков народов и во множестве государств в течение 12 столетий. В итоге глава получилась

вымученной и фрагментарной – даже терпеливого и вдумчивого читателя она скорее сбивает с толку, чем обогащает.

В главе IV я допустил фундаментальную ошибку, пожертвовав хронологией ради тематической организации материала в неподходящем для этого регионе. Я смешал две эпохи, которые надо было рассматривать последовательно: бронзовый век воинов на колесницах и правления аристократии, с одной стороны, и железный век с его более демократическими военными институтами и культурой, с другой. Эту неуклюжую попытку трудно оправдать. Новая информация не внесла ничего существенного в то, что было известно мне, когда я писал эту главу. И никакой новый опыт, полученный после 1963 г., не изменил моего отношения к космополитизму на Среднем Востоке, зарождавшемуся еще в древности. Это простейший случай неправильной организации материала, вступающей в противоречие с естественным ходом вещей и тем самым затеняющей более простой, точный и адекватный способ интерпретации исторических событий. Более того, само понятие исторической последовательности бронзового и железного веков было известно из литературы, и сейчас я просто не могу представить себе, почему я не применил здесь этот подход для организации материала.

Еще один недостаток отрицательно повлиял на структуру этой главы и этот недостаток, как мне представляется, просматривается и в следующих разделах книги. Дело в том, что в книге «Восхождение Запада» высказывается предположение, что отдельные цивилизации образуют реальные и значимые сообщества и что взаимодействие этих сообществ определяет базовую линию развития всемирной истории. Однако в той главе, о которой сейчас идет речь, я должен был осветить слияние ранее существовавших отдельных цивилизаций в новое космополитическое образование, охватившее весь Средний Восток, но не устранившее локальных различий. Эти различия были весьма существенны, поскольку после 2500 г. до н.э. на землях с естественным орошением, расположенных между поймами рек Египта и Месопотамии, возник целый ряд промежуточных сопутствующих образований, обладающих всеми признаками цивилизаций.

В итоге, поскольку я мыслил в терминах отдельных цивилизаций, этот исторический период оказался ими перенасыщенным. Фрагментарный, отрывочный характер этой главы можно объяснить стремлением рассказать о каждом народе, в культуре которого находили свое отражение избранные мной темы исследования. Мне нужно было полнее сконцентрировать внимание на процессе космополитизации. Мне следовало детальнее изучить те новые виды деятельности, которые объединяли народы Среднего Востока, и более четко их охарактеризовать. Все это требовало новых подходов и кон-

цепций, которыми я не владел в то время и которые изучил впоследствии лишь поверхностно.

Вторую, менее досадную, но зато более существенную ошибку я допустил в главе X, где рассматриваются события мировой истории в 1000–1500 гг. н.э. В этом случае новые данные, полученные после 1963 г., открыли перспективу более объективной и последовательной интерпретации событий того времени на Евразийском континенте. В свете этой новой информации становится понятным, почему я не отразил ведущую роль Китая и китайской цивилизации в этот период, а вместо этого сосредоточился на «Степных завоевателях и европейском Дальнем Западе» (см. главу с таким названием). В контексте новых знаний моя ошибка вполне простительна. Сейчас стало понятным, что упор, сделанный в книге на степных завоевателях и подъеме средневековой Европы, отражал предвзятость моего образования. Эта глава – взгляд на Евразию с наивной западной позиции. Получается, что турки и монголы прискакали галопом откуда-то с востока внезапно и, так сказать, непонятным образом, хотя я и выделил административную систему, сделавшую армии Чингисхана столь грозными. Тем не менее мне не удалось связать удивительный рост военной мощи кочевников с тем фактом, что новые бюрократические методы военной организации у монголов были напрямую заимствованы у китайцев. В итоге я пропустил фактор, изменивший баланс сил в мире в ту эпоху, – расцвет китайской цивилизации, которая на четыре-пять столетий подняла культуру, благосостояние и мощь Китая на качественно новый уровень, превосходящий уровень достижений остального мира в то время.

Более того, я переоценил значение западного христианства, стремясь найти зачатки и предвестники подъема европейской цивилизации в мировые лидеры после 1500 г. В общем, такое стремление достаточно оправдано, но этот материал лучше было бы дать как предисловие к следующей главе. Информация, имевшаяся в 1950-х гг., должна была позволить мне сделать вывод о том, что, несмотря на бурный рост, западно-европейская цивилизация все же оставалась маргинальной по отношению к остальному миру и ей следовало бы уделить такое же внимание, какое я уделил становлению японской цивилизации в тот же период. Вместо этого я посчитал татаро-монгольские завоевания и подъем средневековой Европы событиями сопоставимой значимости для мировой истории. Я даже отвел Китаю второе место среди цивилизованных жертв нашествия кочевников, рассматривая вначале и более подробно преобразования мусульманского мира, в основном потому, что мне об этом было известно больше.

Сейчас, в ретроспективе, интересно отметить, насколько доступны мне

были и до 1963 г. некоторые материалы, позволявшие дать правильную оценку китайского первенства на мировой арене в 1000–1500 гг. н.э. Так, я использовал статьи Стефана Балажа по экономическим преобразованиям в Китае в эпоху Тан² и первые книги монументального исследования Джозефа Нидэма «Наука и цивилизация Китая». Однако пока Роберт Хартвелл не продемонстрировал высокий уровень черной металлургии и сложную систему экономического управления в период династии Сун³, Есинобу Сибэ не представил цельную картину экономики в эпоху Сун⁴, а Марк Элвин не предложил смелую и вдумчивую интерпретацию всего прошлого Китая⁵, истинное значение преобразований в Китае около 1000 г. н.э. ускользало от меня.

Оправданием мне может служить то, что в историографии прошлого поколения все еще находили свое отражение традиционные оценки истории Древнего Китая. Тогда считалось, что режим, не способный контролировать самые северные провинции Древнего Китая, был по определению слабее того, который существовал, когда Китай был целостным государством под властью действительно достойного императора. Поскольку в правление династии Сун (960–1279 гг. н.э.) Китай никогда не контролировал северных варваров и уступил им в начале правления этой династии свои северные провинции, считалось, что эта эпоха не относится к числу великих в истории Китая, хотя издавна было признано, что искусство и литература как никогда расцвели в период правления этой династии. Однако этот небывалый расцвет не компенсировал политических неудач, а до Жака Герне⁶ никто, видимо, не обратил внимания на то, что военные неудачи армий династии Сун на степных границах связаны с распространением китайских знаний за пределами традиционных границ Китая и что эти знания нарушили существующий баланс сил сначала между Китаем и его соседями-кочевниками, а позднее и во всей Евразии, что вскоре проявилось в успехах военных походов Чингисхана.

Моя неспособность понять главенствующую роль Китая в 1000–1500 гг. н.э. особенно досадна с точки зрения общей организации материала книги «Восхождение Запада» – если бы я это понимал, книга отличалась бы элегантной простотой структурной организации. В настоящем ее виде средняя часть книги, озаглавленная «Евразийское культурное равновесие (500 г. до

² Stefan Balasz, «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang Zeit», *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin*, XXXIV: 21–25; XXXV (1932): 23–27.

³ Robert Hartwell, «Markets, Technology and Structures of Enterprise in the Development of Eleventh Century Chinese Iron and Steel Industry», *Journal of Economic History*, XXVI (1966): 29–58.

⁴ Yoshinobu Shiba, *Commerce and Society in Sung China* (Ann Arbor, 1970).

⁵ Mark Elvin, *The Pattern of the Chinese Past* (Stanford, 1973).

⁶ Jacques Gernet, *Le Monde Chinois* (Paris, 1972).

н.э. – 1500 г. н.э.)», опирается на положение о том, что средиземноморские эллинистические цивилизации (500 г. до н.э. – 200 г. н.э.), Индия (200–600 гг.) и реинтегрированный исламом Средний Восток (600–1000 гг.) последовательно переживали стадии культурного расцвета, что обеспечивало каждому из этих сообществ определенный период доминирования среди народов Старого Света. Если бы я продолжил эту простую схему структурного деления прошлого, добавив к ней расцвет и периоды гегемонии китайской цивилизации Дальнего Востока (1000–1500 гг.) и европейской цивилизации Запада (1500–2000? гг.), книга приобрела бы точность и фактическую достоверность⁷, однако мое невежество (и остатки «евроцентризма») помешало мне это сделать в 1963 г.

Это действительно самый большой недостаток книги. Конечно, есть в ней и другие места, где новая информация, полученная после 1963 г., делает содержание устаревшим, но это почти всегда касается деталей. Исключение составляет в этом смысле лишь Африка, где за последние четверть века был установлен намного более сложный комплекс взаимовлияния народов и культур, чем та картина, из которой я исходил, когда писал «Восхождение Запада». И все же Африка к югу от Сахары никогда не была колыбелью крупной цивилизации, и этот континент оставался и остается до сих пор на периферии мировой истории. Поэтому, хотя краткие разделы, касающиеся африканской истории, и содержат устаревшую и неадекватную информацию, этот недостаток не искажает общей картины минувшего в такой мере, как в главе X, где я не отразил эпоху мирового лидерства Китая.

Говоря в целом, предположение о том, что контакты с иноземцами были основным двигателем исторических перемен, и сейчас мне кажется справедливым, а выбор и расстановка акцентов, сделанные на базе этого предположения, – правильными, за исключением игнорирования роли Китая в 1000–1500 гг. В этом смысле повторное прочтение книги «Восхождение Запада» возвысило меня в собственных глазах и ободрило. Несмотря на все ее недостатки, это хорошая книга и заслуживает того, чтобы считать ее важной вехой на пути развития такой историографии, которую с большим основанием можно было бы назвать всемирной.

На другом уровне, однако, мне кажется, что этой книге присущи внут-

⁷ Порох, книгопечатание и компас – три главных атрибута восхождения Европы к мировому лидерству после 1500 г. – были изобретены в Китае и достигли Запада в то время, когда политическое объединение Северной Евразии монголами сделало путешествия на этом континенте непривычно безопасными, легкими и частыми. Нидэм – см. Joseph Needham, *Science and Civilization in China: The Gunpowder Epic* (Cambridge, 1967) – приводит сведения о длительном периоде равенства технических достижений Европы и Китая на ранних стадиях разработки технологии изготовления пороха и дает более точные сведения о проникновении этой технологии на Запад.

ренные недостатки просто потому, что она допускает существование различимо отдельных цивилизаций как автономных социальных образований, взаимодействие которых определяет ход мировой истории. Даже само значение термина «цивилизация» не определено, хотя вслед за В. Гордон-Чайлдом⁸ и другими я считал цивилизацией общество, в котором профессиональная специализация приводила к возникновению передовых знаний и технологий – административных, военных, ремесленных, – а также литературы и искусства. Этого, может быть, и достаточно для описания ранних цивилизаций, начиная с неолитических деревень, но этого мало для определения географических и социальных границ в последующие эпохи, когда возникло множество цивилизаций и когда, по крайней мере, частичная профессиональная специализация очень широко распространилась среди народов, которые поставляли сырье дальним цивилизованным странам, но сами отнюдь не могли считаться цивилизованными.

С этим вплотную связан и вопрос о том, кто принадлежит к цивилизации. Младенцы, очевидно, ей не принадлежат до тех пор, пока не получают свою социальную роль. А как быть с бедными и необразованными, роли которых по меньшей мере ограничены? А как быть с теми, кто живет в отдалении, кто подчиняется время от времени организующей силе центра, но в остальном остается чужим? А как все эти различные знания, обычаи и взгляды отдельных носителей цивилизации объединяются в более или менее единое целое? Утверждая реальность такого объединения, я использовал выражение «стиль жизни». Но эта метафора, взятая из истории искусств, всего лишь метафора, и она совершенно бесполезна на практике, поскольку стилистическую близость совсем не просто установить, если речь идет не о предметах искусства или иных материальных объектах, а об обычаях и взглядах.

Возможно, историку и не следует углубляться в этот вопрос. Если настаивать на точном определении терминов, то исследование тут же переродится в эпистемологические дебаты, и из этого лабиринта едва ли есть выход. Поэтому достаточно сказать, что цивилизации, несомненно, кажутся мне реальными образованиями, объединяющими значимыми связями миллионы людей на площади в миллионы квадратных километров в течение многих столетий. Но цивилизации – не единственные актеры на мировой исторической сцене, и в книге «Восхождение Запада» я недостаточно это подчеркивал. Позвольте мне сейчас попытаться полнее объяснить мое теперешнее видение вопроса.

Общий письменный канон и нормы поведения, оформленные в этом

⁸ V.Gordon Childe, *What Happened in History* (Harmondsworth, 1943).

каноне, служат, вероятно, основой того, что мы понимаем под цивилизацией. Но не было еще такого, чтобы каждый имел доступ к этому канону. Высший класс, воспитанный в духе уважения к великим книгам, где указано, как должно вести себя людям, – вот слой, который в действительности определяет цивилизацию. Менее привилегированные слои разделяют его идеи в большей или меньшей степени, но никто в полной мере не является их воплощением – даже самый строгий моралист. Повседневная практика и здравый смысл дают определенную поблажку слабостям как отдельного человека, так и общественного слоя, тогда как низшие классы и маргинальные группы общества вырабатывают собственные местные моральные кодексы и практические нормы с учетом правил высшего класса, подчиняясь им, где это неизбежно, и оставляя за собой право придерживаться своих собственных обычаев, где это только возможно.

Однако для того, чтобы удерживать цивилизацию от распада, в ней должна существовать постоянная циркуляция новостей и их толкований между отдельными городами, регионами, социальными и этническими группами, составляющими социум. Непрерывная циркуляция этих сообщений необходима для поддержания связи во времени и пространстве между частями того единого целого, которое считается цивилизацией. Безусловно, можно видеть разные степени этой связи, и уровень общности характеристик понижается по мере продвижения к границам. Точные границы цивилизации на карте почти всегда будут произвольными, но «культурные градиенты» действительно существуют, и когда становится явно ощутимым резкий спад влияния некоей культурной традиции, такая географическая граница стили жизни приобретает определенность, достаточную для практических целей.

Средства транспорта и связи имеют особое значение для передачи сообщений в рамках установившейся цивилизации – когда они меняются, меняется и протяженность границ данной цивилизации. При этом возникает новое явление: с усовершенствованием средств связи разные цивилизации начинают все чаще и сильнее влиять друг на друга, поскольку при этих условиях степень автономности и независимости отдельных цивилизаций начинает уменьшаться и новое космополитическое образование – то, что Валлерштайн называет «всемирной системой»⁹, – начинает играть ключевую роль в дальнейшем историческом развитии. Этот процесс я довольно неуклюже попытался описать в главе IV и полностью игнорировал, рассматривая тысячелетия христианской эры до 1850 г.

⁹ Immanuel Wallerstein, *The Modern World-System*, 3 vols. (New York, 1974–1988).

Таким образом, наряду с ошибками главы IV, центральным методологическим недостатком моей книги можно считать тот факт, что несмотря на то, что в ней подчеркивается взаимодействие между цивилизациями, недостаточное внимание уделяется возникновению ойкуменической всемирной системы, в которой мы живем сегодня. Вместо того чтобы организовывать материал книги исключительно вокруг идеи расцвета сначала в одной, потом в другой отдельно взятой цивилизации, я должен был бы уделить внимание ойкуменическому процессу. Как надо было это сделать, пока неясно. Отдавая должное автономности отдельных цивилизаций (и всех прочих менее существенных и развитых мировых культур) за прошедшие два тысячелетия, нужно при этом дать описание возникающей всемирной системы, объединяющей все больше людей по разные стороны культурных границ.

Чтобы это предприятие имело успех, надо составить четкое представление о возникающей всемирной системе, какой она была в древности на Среднем Востоке и какой она рождается во второй раз в наше время, а затем показать, как эти две системы пересекались с более локальными культурными сообществами и цивилизациями. Из этого не следует, что обе эти всемирные системы были одинаковы. Поскольку каждая из них опирается на развитие сети транспорта и связи, техническая база у них была, очевидно, очень разная. А поскольку к тому же каждая всемирная система вырастает из политических, военных и экономических институтов, следует помнить, что институциональное наследие II и I тыс. до н.э. сильно отличается от наследия I и II тыс. н.э.

Если взять мир после 1870 г., когда практически мгновенные средства передачи информации и механический транспорт стали оказывать влияние на всемирном уровне, станет ясно, что современная мировая система основывается в первую очередь на экономическом обмене и взаимодополнении и уже во вторую – на институтах, в основном военно-политических, и на обмене идеями, знаниями и вкусами, который следует за изменением экономического и политического стереотипа. Можно, наверное, предположить, что подобный приоритет фактора экономического взаимовлияния существовал и ранее вплоть до возникновения ранних цивилизаций Древней Месопотамии, несмотря на то что такое взаимовлияние долгое время было ограниченным и сводилось лишь к стратегически важным элементам и предметам роскоши. Едва ли ситуация могла бы быть иной, поскольку нельзя было полагаться на товары из дальних стран для удовлетворения повседневных потребностей при существующем тогда нерегулярном и часто прерываемом сообщении.

Города, однако, были своего рода исключением. Все они должны были ввозить продукты питания и часто достаточное количество зерна трудно было найти в ближней округе. Задолго до возникновения рыночной системы снабжения городов многие крупные столичные города зависели от поставок пищевых продуктов из относительно отдаленных районов в рамках внеэкономической системы сборов и налогов. Так, система каналов в Китае вначале использовалась для поставок пищевых и прочих продуктов двору, императорской армии и их окружению, сконцентрированным в столице. Аналогично имперский Рим кормил плебс зерном, поступающим от сборов в Египте и Северной Африке. Мекка и Медина, священные города ислама, зависели от поставок зерна из Египта в ранний период халифата, и многие другие имперские и религиозные центры росли и процветали за счет налогов и контрибуций в форме продуктов питания, взимаемых с отдаленных от них территорий.

Можно без преувеличения сказать, что культурный расцвет и военная мощь ранних цивилизаций зависели от накопления в приказном порядке продуктов питания и прочих товаров в столицах и религиозных центрах. Сама идея автономной цивилизации зиждилась на этом древнем принципе разделения труда, при котором большинство населения работало на полях, а привилегированное меньшинство существовало за счет результатов их труда в виде ренты и налогов и пользовалось благами цивилизации. С самого начала, однако, эта простая поляризованная система, состоящая из налогоплательщиков и живущих за счет налогов, усложнялась существованием определенного числа аутсайдеров, не подверженных бремени обычных налогов и ренты и игравших при этом важную роль купцов, т.е. поставщиков тех необходимых редких товаров, которые нельзя было получить в приказном порядке, так как имелись эти товары в тех местах, на которые не простиралась власть правителей.

Одна из возможностей заполучить эти редкие и отсутствующие в стране товары состояла в организации военного похода. Одним из самых первых упоминаемых в литературных памятниках примеров таких экспедиций может служить поход Гильгамеша в леса Ливана, а военные походы Саргона (Аккад, около 2350 г. до н.э.) могли преследовать цель захвата запасов металлов и других стратегически важных товаров, отсутствующих на аллювиальных землях Месопотамии. Однако применение военной силы для добычи стратегических товаров в местах, недоступных для администрации и сборщиков налогов, было куда менее эффективно, чем товарообмен. В частности, накопленные запасы предметов роскоши, изготовленных мастерами художественных ремесел для храмов и двора, предлагались для обмена власти-

телям далеких земель, которые могли мобилизовать рабочую силу для добычи руды, рубки леса или выращивания зерновых, необходимых цивилизованному центру. Таким путем древние цивилизации создавали вокруг себя круг торговых партнеров, потребность которых в продукции мастерских цивилизованного мира была столь же велика, как и потребность последнего в сырье и колониальных товарах. Даже в глубокой древности такие связи распространялись на много сотен миль. Регулярные караваны вьючных животных и рейсы торговых парусников отмечаются уже в III тыс. до н.э.; тогда же складывается и особый юридический статус купцов, сопровождающих товары и в силу своего занятия пересекающих различные политические и культурные границы.

До тех пор, пока каждая цивилизация была связана с определенной системой поставщиков, использующих корабли и вьючные караваны для доставки редких товаров к месту их реализации, понятие отдельной автономной цивилизации можно считать адекватной моделью для описания исторического процесса. Наряду с товарообменом происходил и обмен идеями и технологиями, и время от времени случалось, что варвары с окраин цивилизованного мира захватывали центры цивилизации, поскольку противоречия между правящей верхушкой и угнетенным населением зачастую сводили на нет численное превосходство, на которое всегда полагались цивилизованные народы.

В древности на Среднем Востоке культурное взаимообогащение народов, живших в разных географических зонах, говорящих на разных языках и имевших иные явные признаки культурных различий, привело к возникновению в период с 1700-го до 500 г. до н.э. транснациональной системы космополитического типа. В отличие от транснациональных систем, возникших в ходе последних веков нашего тысячелетия, на Среднем Востоке того времени сохранился приоритет командно-управленческих структур в рамках постоянно расширяющихся границ великих империй – Египетской, Хеттской, Ассирийской, Вавилонской и Персидской. Однако административные структуры сбора налогов и дани, на которых основывалось существование этих империй, взаимодействовали с системами товарообмена по караванным и водным путям, которые сложились раньше, чем политические структуры этих империй, и сфера действия которых простиралась намного дальше самых дальних политических границ. В таких условиях купцы и торговцы процветали и даже достигали определенных вершин, используя несовершенство существующей системы налогов и сборов, удовлетворяя старые и вновь возникающие потребности и обогащаясь за счет коммерции.

Можно предположить, что в итоге такого процесса интеграции должна

была сложится отдельная цивилизация, занимающая большую территорию, но по сути подобная тем, с которых этот процесс начался. Такое предположение я и высказал в книге «Восхождение Запада». При таком подходе, однако, мы не учитываем религиозные, языковые и морально-этические различия, сохранившиеся в рамках образовавшихся империй, и преуменьшаем роль рыночных экономических отношений и торговли с далекими странами в консолидации Среднего Востока древности и объединении его отдаленных и политически независимых окраин. Рыночные отношения, основанные на свободе выбора, выгодно отличались от старого способа накопления ресурсов с помощью аренды и налогов. Человек склонен работать лучше, если его не принуждают. Поэтому, если дать людям возможность свободно покупать и продавать и за счет этого удовлетворять хотя бы некоторые свои потребности, то вполне вероятным следствием этого будет общий рост благосостояния. Эти простые истины, как мне представляется, начали проникать в сознание людей во II тыс. до н.э. и стали нормой в ходе следующего, по крайней мере на той главной арене, где зарождалась транснациональная система, основанная на торговле, т.е. на Среднем Востоке, который становится все более космополитичным.

Все это лишь вскользь упоминается в «Восхождении Запада». Например, я пользовался эпитетом «великое общество», говоря о симбиозе рыночно-товарных отношений и системы налогов и аренды в Месопотамии в период Хаммурапи, но эта идея не нашла применения в моей интерпретации истории последующих столетий и нигде больше в книге не проявилась. Я был слишком поглощен идеей цивилизации и не отдал должное начальным признакам зарождения транснациональной цивилизации.

Существуют основания, по которым расцвет цивилизаций на Эгейском (и позднее Средиземноморском) побережье, а также в Индии после 1500 г. до н.э. можно рассматривать как часть процесса становления транснациональной системы с центром на Среднем Востоке. Историкам давно было известно, что древние греки очень многое заимствовали от более развитых народов Азии и Египта. Нечто подобное происходило также в Северной Индии. В классическую эпоху народы всех трех регионов находились в тесном и непрерывном контакте, а вскоре армии Александра нанесли поражение персам и македонцы и греки стали правителями Среднего Востока. Почему же тогда не считать греков одним из народов, внесших вклад в образование космополитической транснациональной цивилизации? Без сомнения, традиционный ответ на этот вопрос в значительной мере связан с теми событиями, которые произошли позднее, и является отражением существовавшего на этих землях исторического антагонизма между христи-

анством и исламом, между индуистской Индией и ее мусульманскими правителями – хотя в последующие столетия торговые и иные связи, преодолевающие религиозные и культурные барьеры, всегда существовали и с течением времени становились прочнее.

Так или иначе, оставив в стороне причины, можно утверждать, что я, следуя прецеденту, построил описание исторического процесса в I тыс. до н.э. вокруг трех отдельных и четко обозначенных цивилизаций: Среднего Востока, Индии и Греции. Однако этот исторический процесс с таким же основанием можно было бы изобразить и как распространение «великого общества» Среднего Востока на другие страны с отличной культурой. Если принять эту обобщающую точку зрения, то и Китай начинает вписываться в общую систему после 100 г. до н.э., когда выючные караваны, соединяющие Китай с Сирией, начали ходить регулярно по так называемому Великому шелковому пути. Более того, в тот же период караванная связь дополнялась морскими перевозками, связывающими Средиземноморье с Индией и Индию с Китаем.

Через два или три столетия процветания эта транснациональная общность приходит в упадок главным образом в связи с тем, что по торговым путям распространились опасные заболевания, приведшие к массовой гибели населения, особенно в Римской империи и Китае. Эти демографические потери проложили дорогу нашествию варваров, и в истории Европы наступил период «темных веков». Подобные, хотя и не столь мрачные, времена настали и в Китае после падения династии Хань в 220 г. н.э. Дальние торговые связи на Евразийском континенте пришли в упадок ввиду экономической слабости и политической нестабильности государств на его окраинах. С другой стороны, судоходство в Индийском океане и соседних морях не пришло в упадок, хотя имеющаяся информация столь скудна, что не позволяет говорить об этом определенно.

Несмотря на наступление «темных веков» и упадок зарождавшейся самой древней транснациональной системы, вскоре становятся заметны признаки ее возрождения, подобно тому, как на Среднем Востоке восстанавливались дальние связи, прерванные нашествием варваров железного века, разрушившим зарождавшееся космополитическое сообщество бронзового века. Более того, Средний Восток, как и раньше, стал центром возрождения: этому способствовало приручение верблюдов – и у воинов, и у купцов благодаря ему появилось более совершенное средство передвижения. Согласно Буллиету¹⁰, приручение верблюдов началось на юге Аравии, возможно, еще в 3000 г. до н.э., но приобрело большое значение для цивилизованного мира

¹⁰ Richard Bulliet, *The Camel and the Wheel* (Cambridge, Mass., 1975).

только в IV–V вв. н.э. В этот период на Среднем Востоке верблюды вытеснили колесные средства передвижения и скоро стали основным средством перевоза товаров также в Средней Азии, Северной Африке и прилегающих регионах.

На верблюдах можно было пересекать непроходимые иным способом пустыни, и значение этого для культуры и географических открытий можно сравнить со значением освоения океанских путей европейскими мореплавателями после 1500 г. Ранее недоступные места стали посещать торговцы с караванами верблюдов, и соответственно расширились рамки торговли с цивилизованными странами. Сильнее всего рост караванной торговли повлиял на развитие стран Аравийского полуострова, Средней Азии с ее пустынями, на степных пространствах к северу от Средней Азии и в Африке в регионе Сахары. Благодаря караванам эти страны смогли установить намного более тесные отношения со сложившимися центрами цивилизации, прежде всего со Средним Востоком и с Китаем. Как следствие этих контактов, в период между 500 г. до н.э. и I тыс. н.э. начала складываться более выраженная, чем прежде, транснациональная мировая система, постепенно подрывавшая культурную автономию отдельных стран. Сильнее всего этот процесс проявился в распространении ислама на окраинные области Старого Света.

Действительно, распространение мусульманской религии и возрождение не признающей культурных границ транснациональной системы шло параллельно, и возможно, их следует рассматривать как две составляющие одного процесса. Несомненно, в первые столетия после возникновения мусульманской религии ее приверженцы, уверовавшие в откровения Мухаммеда, были лишь одной из многих религиозных общин, существовавших совместно на Среднем Востоке и соседних землях. Религиозный и культурный плюрализм, в сущности, диктовался предписаниями Корана, провозглашающими терпимость к верованиям христиан и иудеев. Таким образом, цивилизация в центрах распространения ислама представляла собой мозаику различных религиозных общин, обладающих удивительной свободой. Завоевания исламских правителей, сопровождавшиеся обращением покоренных народов в мусульманство после 1000 г. н.э. и принесшие ислам в Индию, Юго-Восточную Азию, в большинство евразийских степных регионов, на юго-восток Европы и в значительную часть Африки к югу от Сахары, привели к тому, что эта мозаика различных верований стала еще разнообразнее. Только на окраинах цивилизованного мира, в Китае, Японии, а также на севере и западе Европы сохранилась социальная и культурная однородность.

Стойкий культурный плюрализм в зоне влияния ислама поддерживался и за счет ограничений, которые налагал исламский закон на светскую власть. Этим определялась большая автономность торговых и рыночных связей, чем в доисламскую эпоху. Купеческое сословие в системе взаимоотношений мусульманского мира редко получало самоуправление, но при этом пользовалось уважением и в большинстве случаев могло рассчитывать на поддержку властей. В конце концов, и сам Мухаммед, до того как стать пророком, был купцом, и поэтому трудно себе представить более благосклонное отношение к купечеству, чем в странах ислама.

Следующей вехой в истории становления транснациональной торговой системы можно считать те заимствования, которые Китай сделал в Индии и на Среднем Востоке и применил в своей среде в условиях более совершенной транспортной системы. Китайцы заимствовали у народов Среднего Востока целый ряд обычаев, практических правил и канонов морали, действовавших в сфере местных и международных торговых отношений. Буддизм, пришедший в Китай по торговым путям Центральной Азии, был основным носителем идей и морали торговых сообществ. (Конфуцианство, напротив, презирало коммерцию: торговцы считались паразитами, живущими за счет спекуляции и не создающими никаких материальных ценностей.)

Особую значимость распространению торговой морали и мировоззрения в Китае придавало то, что там уже существовала система судоходных каналов, соединяющая долину Хуанхэ с еще более обширной территорией долины реки Янцзы. По этим каналам перемещались баржи и грузовые суда, перевоза огромные количества различных товаров в условиях почти полной безопасности. Китайские каналы были прорыты для нужд сельского хозяйства и сбора податей в течение нескольких столетий. В 605 г., когда было завершено строительство Большого канала, соединившего две великие реки, в Китае была создана системы внутренних водных путей, объединившая районы, обладающие различными взаимодополняющими ресурсами. В итоге по масштабу и значению торговли Китай намного превосходил Средний Восток и другие регионы мира. Были разрушены прежние барьеры товарной взаимозависимости регионов и регионального товарообмена. Установился новый уровень рыночного обмена, при котором население, даже малообеспеченные жители деревень, могло полностью рассчитывать на то, чтобы за счет товарообмена уплатить налоги и удовлетворить свои потребности в продуктах питания и товарах первой необходимости.

Однако не стоит и преувеличивать. Не каждый крестьянин мог позволить себе покупать рис и заниматься, например, только разведением шелкопряда – большинство все еще питалось тем, что само выращивало. Тем не

менее, как только разделение труда и специализация смогли обеспечить пусть небольшое, но все же повышение жизненного уровня, разделение труда среди китайских крестьян и горожан достигло уровня, никогда не существовавшего ранее в какой-либо другой цивилизации. Итогом этого стал рост ремесел и значительное увеличение благосостояния общества в целом. Одним из показателей можно считать увеличение численности населения почти вдвое в период династии Сун. Кроме того, китайские ремесленники были искуснее своих собратьев в других регионах. Наиболее важными примерами китайских технологических достижений можно считать шелк, фарфор, порох и судостроение, но было и множество других. Оживленная торговля на бесчисленных рынках и огромные флотилии судов, перемещавшиеся по сети каналов, обеспечивали циркуляцию товаров и позволяли производить обмен избытков товаров между разными районами с невиданной доселе надежностью и эффективностью.

Коммерциализация Китая не ограничивалась рамками одного государства. Интенсивная торговля с использованием караванных путей велась с зарубежными странами, возрос и объем внешней торговли с использованием морских путей: корабли с китайскими товарами бороздили Индийский океан и доходили до Японии. Космополитическая, транснациональная система, ранее сосредоточенная вокруг крупных городов Среднего Востока, сконцентрировалась теперь вокруг нового центра оживленного товарного обмена и достигала отдаленных уголков Западной Европы и других ранее недоступных мест, примером которых может служить Япония¹¹.

Историки, занимающиеся средневековьем, давно признали роль роста городов после 1000 г. и торговли пряностями, которая связала европейских потребителей с поставщиками в далекой Индии. Они, однако, еще не свыклись с мыслью, что это лишь часть более широкого процесса распространения и интенсификации транснациональной системы, которая уже распространилась почти на всю Евразию и большую часть Африки. Кроме того, ни европейские, ни мусульманские историки не осознали того, что расцвет средневековой европейской цивилизации после 1000 г. связан с перемещением мирового центра транснациональной цивилизации со Среднего Востока в Китай. И в этом нет ничего удивительного, если учесть, что европейские историки, занимающиеся средневековьем, сосредоточили свои усилия на изучении истории Англии и Франции, подсознательно перенося на исто-

¹¹ William H. McNeill, *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000* (Chicago, 1982). В гл. II изложено мое понимание проблемы коммерциализации Китая и его ведущей роли в мире в период с 1000-го по 1500 г. В тексте есть более полные ссылки на литературные источники.

рию всего человечества ситуацию конца XIX в., когда Великобритания и Франция действительно владели почти всем миром. Признать в этих условиях главенствующую роль Китая было действительно сложно, несмотря на свидетельства Марко Поло.

Следующая важная глава становления современной мировой системы изучена лучше. Известный своими трудами в этой области Иммануил Валлерштайн считал, что эта эпоха началась около 1500 г. с великих географических открытий и развития капитализма. Великие открытия действительно изменили картину всемирной торговли и культурных связей – Америка и бесчисленные океанские острова были включены в развивающуюся всемирную систему. За удивительно короткий срок в несколько десятилетий центр инноваций переместился из Китая на Атлантическое побережье Европы. И до 1500 г. капиталисты пользовались удивительной самостоятельностью во многих городах-государствах Италии и Северной Европы, а когда политическая система городов-государств пришла в упадок, некоторые пришедшие ей на смену монархии и молодые национальные государства Европы продолжали предоставлять коммерсантам почти неограниченную свободу расширения коммерческой деятельности, в то время как в Китае и в большинстве стран мусульманского мира преобладали режимы, отрицательно относившиеся к накоплению частного капитала. Стараясь снискать у подданных репутацию добрых правителей, азиатские монархи жестко ограничивали крупное предпринимательство драконовскими налогами и регулированием цен в интересах потребителей. Таким образом, крупное предпринимательство, а позднее горнодобывающая промышленность и крупномасштабное сельскохозяйственное производство сосредоточивались в Европе. Как следствие, начался период подъема западной цивилизации, приведший к ее мировой гегемонии.

Научные исследования, посвященные Китаю и попыткам выяснить, почему династия Мин прекратила морские экспедиции после 1430 г., весьма незначительны в сравнении с изобилием научных трудов, посвященных освоению европейцами новых стран, открытых мореплавателями. Сравнительный анализ динамики развития Китая и Европы до и после переломного периода с 1450-го по 1500 г. ставит накануне XXI в. перед современными историками интересный вопрос: не обратится ли вскоре в свою противоположность процесс замещения Дальнего Востока Дальним Западом, произошедший в XVI в.?

Следует заметить, однако, что расцвет Китая после 1000 г. так же опирался на цивилизацию Среднего Востока, как и успех Европы на мировой арене после 1500 г. основывался на заимствованиях из китайской цивилиза-

ции. И если японское экономическое чудо после Второй мировой войны окажется прелюдией к дальнейшему расцвету стран Азиатско-Тихоокеанского региона, то этот расцвет, очевидно, будет опираться на заимствования из европейской (и американской) цивилизации. Эта схема представляется одним из наиболее четко обозначенных клише в мировой истории. Кроме того, она и наиболее реалистична, поскольку ни один народ не может догнать и перегнать весь остальной мир, не воспользовавшись самыми передовыми мировыми достижениями, а те, по определению, концентрируются в мировых центрах процветания и могущества, где бы они не находились. Таким образом, любому перемещению географического центра мировой гегемонии должно предшествовать заимствование из ранее сложившихся центров.

Такого рода флуктуации мировой истории, сопровождающиеся смещением центров цивилизации, охватывающих великое множество народов и культур, и кажутся мне сейчас тем аспектом всемирной истории, который я не учел в полной мере при написании «Восхождения Запада». Даже описывая историю столетий, следовавших за 1500 г., я исходил из концепции отдельных цивилизаций; я предполагал, что только после 1850 г. автономность отдельных цивилизаций Азии нарушилась и положила начало глобальной космополитической системе. Но дело в том, что автономность отдельных цивилизаций подвергалась разрушению и задолго до 1850 г., задолго до XV в. и даже до X в. Сейчас я считаю, что процесс разрушения автономности отдельных цивилизаций наблюдался уже в самом начале истории цивилизаций как таковой и он должен быть отражен параллельно с историей отдельных цивилизаций и их взаимодействия.

Трудно сказать с определенностью, каким образом следует объединить в историческом описании эти два аспекта прошлого. Только в конкретных работах можно выработать оптимальный подход, и разработка такого комбинированного подхода должна стать приоритетной задачей серьезных историков. Культурный плюрализм и дифференциация – доминирующие черты истории человечества, но за ними всегда просматривается общность. Эта общность выразилась в становлении такой всемирной системы, которая вышла за пределы политических и культурных границ, поскольку именно такая система и была нужна человечеству. Иными словами, человечеству требовались редкие и ценные товары, которые нельзя было получить на месте, а со временем появились и перспективы обогащения, которые предлагала система рыночного обмена, вознаграждая труды тех, кто эффективно действовал в ее рамках. Со временем, по мере того, как все больше людей связывало свою деятельность с рыночным обменом, и всемирная система

выросла из зачаточного маргинального состояния до той мощной централизованной структуры, которая свойственна нашему времени. Этот взаимный обмен и взаимная зависимость прекрасно уживаются с культурным разнообразием и, по крайней мере в наше время, с политическим плюрализмом и конкуренцией. Все эти разнообразные аспекты вместе и составляют настоящую всемирную историю.

И наконец, есть еще один аспект человеческой деятельности, заслуживающий внимания историков. Это наше взаимодействие и столкновение с другими видами, составляющими экосистему Земли. Сельское хозяйство – одна из глав этой повести. Другую можно посвятить вспышкам различных болезней. В свете новых научных знаний и средств борьбы с болезнями, которые эти знания нам дают, эту проблему можно представить по-новому. Эпидемии отрицательно сказались на развитии всемирной системы торгового обмена в течение первых столетий христианской эпохи, а затем вторая, менее продолжительная, вспышка эпидемий произошла в XIV в., когда «черная смерть» свирепствовала в Китае, на Среднем Востоке и в Европе. Важно отметить, что эпидемии разрушали культуру и препятствовали независимому развитию народов. Беда, постигшая коренное население Америки после 1492 г., когда туда были занесены европейские и африканские болезни, – один из драматических примеров, но не единственный¹². Распространение культурных растений, домашних животных, а также паразитов – другая сторона экологической истории, о которой историки еще плохо информированы¹³. Этот аспект экосистемы, подобно эпидемиям, также определенно оказал влияние на экономическую и политическую историю – из-за него одни народы процветали, а другие приходили в упадок.

Данные стороны истории человечества, следовательно, также заслуживают того, чтобы занять свое место в серьезных исторических трудах; эта информация должна быть включена в описание развития цивилизаций в качестве всеохватывающего явления, сопоставимого по значению с процессом развития всемирной системы экономического взаимовлияния и культурного симбиоза.

Такая задача может показаться слишком сложной, но не выполнив ее, нельзя адекватно описать историю человечества во всей ее полноте. Задача не кажется мне невыполнимой. Информация есть – нужно только собрать

¹² William H. McNeill, *Plagues and People* (New York, 1976) – до сих пор лучший обзор общего характера по этой проблеме. Более короткое эссе – William H. McNeill, *The Human Condition: An Ecological and Historical View* (Princeton, 1980) – дает предварительную обзорную информацию о взаимовлиянии экологии и истории человечества.

¹³ Alfred Crosby, *Ecological Imperialism* (Cambridge, 1988) заслуживает внимания первая попытка заполнить этот пробел.

ее, упорядочить и представить в виде четкого и исчерпывающего описания взаимодействия различных аспектов истории человечества в современном ее понимании. Перед историком всегда стоит именно такая задача, даже когда он пишет об отдельных периодах и народах. Информации обычно слишком много, нужно только ее отобрать, упорядочить и представить в такой словесной форме, которая способна вызвать в воображении читателя яркий образ прошлого. Это то искусство, которое историки всегда культивировали, и сейчас его можно применить к описанию всего прошлого человечества с точностью и разнообразием, не сравнимыми с тем, что было достигнуто ранее, поскольку в наше время историческая мысль, как никогда раньше, глубоко проникла в прошлое планеты, а концептуальные подходы достигли такой степени разработанности, что старые исторические труды, даже такие сравнительно недавние, как эта книга, оказываются теоретически устаревшими и ненужными.

*Уильям Мак-Нил
Чикагский университет*

Предисловие

Эта книга была задумана в 1936-м, начата в 1954-м и закончена в 1962 г. В сносках в основном указаны те работы, к которым автор обращался в процессе написания книги, ранее использованные источники идей и информации не цитируются. Следствием этого стала некоторая односторонность цитирования – те разделы книги, которые касаются европейской истории, сферы моих научных интересов, почти лишены ссылок. Существенный перекос свойствен и содержанию книги. Я предположил, что читатель достаточно хорошо знаком с историей Запада, поэтому, описывая наше прошлое, концентрировал свое внимание на тех его аспектах, которые обычно бывают освещены недостаточно, в то время как более известные удостаивал лишь поверхностного упоминания или вовсе пропускал. Это делает мою книгу непригодной в качестве учебного пособия и, как я по крайней мере надеюсь, адресует ее взрослым образованным читателям западного мира. Надеюсь, что и представители других народов обнаружат в ней что-либо интересное, но при этом они, вероятно, найдут в ней и места со слишком подробным описанием известных им вещей наряду со страницами, содержащими неясную или неадекватную информацию.

Расхождения между тем, что известно читателю, и предположениями автора всегда будут источником такого рода диспропорций, и книга, в которой предпринимается попытка осветить такую огромную тему, как всемирная история, особенно часто будет вызывать непонимание. Однако лишь тогда, когда читатели, приняв во внимание подход автора, развивают, интерпретируют и переосмысливают его в соответствии со своими собственными представлениями, беря его на вооружение для решения собственных задач, холодное и бесстрастное слово наполняется жизнью. Если такое будет происходить достаточно часто, книга, подобная этой, может стать настоящим событием в истории культуры. Поэтому, отнюдь не иронизируя, я могу сказать, что надеюсь на разнообразную критику широкой читательской аудитории.

«Восхождение Запада» задумана как триединство текста, фотографий и карт, призванных взаимно дополнять друг друга. В принципе – а возможно, и на деле – внимательное изучение каждой из этих линий должно давать свое, хотя и ограниченное, представление об истории человеческого сообщества, сочетание же этих компонентов книги их взаимно обогащает.

Уильям Мак-Нил

25 сентября 1962 г.

ЧАСТЬ I

***Эпоха
культурного доминирования
Среднего Востока
(до 500 г. до н.э.)***

ГЛАВА I

В начале

В начале человеческой истории была тьма. Фрагменты скелетов, напоминающие человеческие, обнаруженные в самых разных частях Земли, мало что могут рассказать нам о предках человека. Специалисты по сравнительной анатомии и эмбриологии относят представителей вида *Homo sapiens* (человек разумный) к той же группе приматов, к которой принадлежат бесхвостые обезьяны, мартышки и бабуины. Однако подробности процесса эволюции человека неясны. Обработанные камни, глиняные черепки и другие археологические находки до обидного мало могут рассказать нам об исчезнувших культурах, хотя сравнение археологических находок с различной глубины залегания позволяет опытному археологу сделать довольно полные выводы о постепенном совершенствовании набора орудий человека и судить, по крайней мере, о некоторых сторонах человеческого существования во времена, которые иначе были бы полностью недоступны. Однако картина, вырисовывающаяся в результате применения подобных методов исследования, очень неясна, и нет ничего удивительного в том, что специалисты придерживаются существенно различных точек зрения, а полемика между учеными – скорее правило, чем исключение.

Черепы и другие кости, найденные в различных частях Старого Света, явно свидетельствуют о том, что в геологическую эпоху плейстоцен¹ возникла не одна, а несколько гоминидных (человекоподобных) форм жизни. Использование деревянных и каменных орудий присуще не только современным людям – неоспоримые остатки материальной культуры древнего

¹ Классификация, основанная на нескольких известных сегодня фрагментах скелетов, ненадежна, однако в свете последних находок, в частности в Африке, правдоподобной выглядит следующая трехуровневая родовая классификация:

Ранний плейстоцен (1 000 000–500 000 лет тому назад)	Австралопитек
Средний плейстоцен (500 000–100 000 лет тому назад)	Питекантроп
Поздний плейстоцен (начиная со 100 000 лет тому назад)	Человек

В пределах этих родов можно выделить подроды и виды: например, человек подразделяется на человека неандертальского, человека родезийского, человека разумного и др. См. John Grahame Douglas Clark, *World Prehistory: An Outline* (Cambridge: Cambridge University Press, 1961), pp.16–25; S.L.Washburn and F.Clark Howell, «Human Evolution and Culture», in Sol Tax (ed.), *Evolution after Darwin* (Chicago: University of Chicago Press, 1960), II, 35–46.

человека были обнаружены вместе с синантропом в Китае и, с меньшей вероятностью, с другими гоминидами в Африке и Юго-Восточной Азии. Синантроп оставил также следы огня у входа в пещеру, где он жил, а в Европе неандертальцу были известны и орудия труда, и огонь.

В Африке обнаружено достаточное количество остатков гоминидов и человека для того, чтобы утверждать, что основная колыбель человечества располагалась на этом континенте². Саванна, которая сегодня простирается широкой дугой на север и восток от тропических лесов Экваториальной Африки, представляет собой тот тип среды, в котором, возможно, сформировались наши древнейшие предки. Это зона обитания крупной дичи, территория с отдельными группами деревьев, разбросанными в море трав; климат саванны исключает вероятность сильного похолодания. Хотя климатические условия, очевидно, очень изменились за последние полмиллиона лет, возможно, в те времена, когда ледники покрывали часть Европы, перемещающаяся зона тропической саванны существовала в Африке, в Аравии или Индии. Такие земли, где растительная пища могла быть дополнена животной, где под сенью деревьев можно было укрыться ночью или в случае опасности, где климат позволял обходиться без одежды, очевидно, служили наиболее благоприятной средой для появления вида животных, детеныши которых были беспомощны при рождении и так медленно выросли, что становились тяжелой обузой для взрослых особей.

В самом деле, беспомощность детенышей человека сначала таила в себе чрезвычайно большую угрозу его выживанию как вида. Однако этот вид заключал в себе такие механизмы компенсации, которые в процессе длительной эволюции поистине непостижимым образом обратили этот недостаток на пользу человечеству. Открылись широкие возможности для культурного, а не только чисто биологического развития. Со временем культурная эволюция привела к тому, что человек как вид животного, несмотря на свои относительно слабо развитые зубы и мускулы, достиг бесспорного превосходства над всеми хищниками. Исходя из естественного предположения о том, что люди учили своих детей жизненно необходимым навыкам, можно утверждать, что длительный период младенчества и детства позволил человеческим сообществам в конце концов подняться над уровнем животного, с которого они начинали. Поскольку эти навыки содержали в себе подлинно неисчерпаемые возможности совершенствования и накопления опыта, по прошествии времени они позволили человеку освоить не только животные,

² См. John Desmond Clark, *The Prehistory of Southern Africa* (Harmondsworth: Penguin Books, 1959), pp.24-130 and *passim*; L.S.B. Leakey, «The Origin of the Genus Homo», *Evolution after Darwin*, II, 17-31; Robert Ardrey, *African Genesis* (London: Collins, 1961), популярный, но весьма информативный источник.

но также растительные и минеральные ресурсы земли, все более и более успешно приспособлявая их к своим потребностям.

Культурная эволюция, по-видимому, началась среди протогоминидных предков современного человека. Элементы обучения молодняка можно заметить уже у многих типов высших животных; ближайшие родственники человека в животном мире ведут вполне общественный образ жизни и постоянно пользуются в общении звуковыми сигналами. Эти особенности предположительно и послужили тем фундаментом, на котором проточеловеческие сообщества достигли высокого охотничьего мастерства. Мужчины за счет использования языка общения и различных орудий учились все более успешно координировать свои действия, и у них появлялась возможность регулярно добывать крупную дичь. Можно предположить, что при таких условиях даже после того, как охотники вдоволь наедались, немного мяса оставалось также для женщин и детей. Это сделало возможным дальнейшее разделение функций полов. Мужчины могли позволить себе отказаться от нескончаемого собирания ягод, корнеплодов и съедобных плодов, составлявших ранее основной источник пропитания, и сосредоточиться вместо этого на занятиях охотой. Женщины же, наоборот, продолжали собирание пищи, как и прежде; однако, освободившись от суровой необходимости самообеспечения продуктами в полном объеме, они могли уделять больше времени и внимания защите и воспитанию детей. Только в такой проточеловеческой общине, где группы умелых охотников обеспечивали ее членов основным питанием, стало возможным выживание слабых при рождении и медленно достигающих самостоятельности детей первых гоминидов, которых можно уже уверенно назвать людьми³.

Происхождение современных видов человека – одна из нерешенных загадок археологии и антропологии. Возможно, сегодняшнее разнообразие рас – это результат параллельной эволюции гоминидных родов до уровня человека в очень удаленных и надежно изолированных друг от друга частях Старого Света⁴. Однако те разрозненные свидетельства, которыми мы се-

³ С точки зрения биологии, отличительным признаком человека было систематическое отставание в развитии, делавшее человеческого детеныша менее взрослым в сравнении с детенышем проточеловека. Некоторые черты взрослого человека тоже являются инфантильными по сравнению с соответствующими чертами человекообразных обезьян: например, чрезмерный размер мозга относительно размера остального тела, недоразвитые зубы и надбровья. Но отставание в развитии, конечно же, означало растянутый период пластичности, так что период обучения также можно было растянуть. В дальнейшем размах культурной, в противовес сугубо биологической, эволюции неизмеримо возрос и человечество стартовало в направлении развития чрезвычайного как биологически, так и исторически.

годня располагаем, могут с таким же успехом быть интерпретированы и в пользу противоположной гипотезы о том, что *человек разумный* появился в каком-то одном центре, а затем прошел путь расовой дифференциации в процессе миграции в различные области Земли⁵.

Человек разумный появился в Европе только около 30 000 лет тому назад, после того как последние большие ледники ледникового периода отступили на север. Можно предположить, что он пришел из Западной Азии двумя путями: один южнее, а другой севернее Средиземноморья⁶. Пришельцы были искусными охотниками, без сомнения, привлеченными на европейские земли стадами северных оленей, мамонтов, лошадей и других травоядных, которые паслись в тундре и в узкой полосе лесов, располагавшихся к югу от отступавших ледников. Неандерталец, обитавший в Европе ранее, исчез с приходом *человека разумного*. Возможно, пришельцы перебили своих предшественников, а возможно, какая-то другая причина, например эпидемия, привела к исчезновению неандертальцев. Нельзя наверняка сказать, что неандертальцы и *человек разумный* не смешивались, хотя в Европе не были обнаружены скелеты со смешанными признаками. В обеих Америках, напротив, *человек разумный*, по-видимому, пришел на прежде необитаемые земли, хотя время его появления там (10 000–7000 лет до н.э.?) и даже параметры скелетов первых представителей этого вида в Америке остаются невыясненными.

В тех зонах планеты, где отступление ледников вызвало не столь радикальные изменения экологии, не обнаружено почти никакого прогресса в найденных археологами орудиях труда⁷. В эпоху позднего палеолита челове-

⁴ См. Wilhelm Volz, «Die geographischen Grundlagen der menschlichen Rassenbildung», *Saeculum*, II (1951), 10-45. Автор выделяет пять больших обитаемых областей Старого Света: Европу с Западной Азией, Восточную Азию, Африку к югу от Сахары, Юго-Восточную Азию и Индию – и делает предположение о том, что в каждом из этих главных регионов во время последнего ледникового периода возник отдельный расовый тип.

⁵ См. Carleton S. Coon, *The Story of Man* (New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1954), pp.41, 73, 195-215; William W. Howells, «The Distribution of Man», *Scientific American*, CCIII (September, 1960), 113-27.

⁶ Скелеты с характерными признаками неандертальского и современного человека были обнаружены в пещерах на склонах горы Кармель в Палестине. Это может быть истолковано таким образом, что европеоидный тип современного человека развился на Среднем Востоке из видов неандертальского типа в те времена, когда ледниковые пространства отделяли неандертальское население Европы от остальной части проточеловечества. См. F. Clark Howell, «The Place of Neanderthal Man in Human Evolution», *American Journal of Physical Anthropology* (n.s.), IX (1951), 409-12. Однако, если кто-то считает, что в процессе эволюции современные люди появились ранее где-то еще, те же самые находки могут рассматриваться как результат смешения представителей вида *сapiens* с неандертальцами. Загадка остается неразрешенной.

⁷ Hallam L. Movius, Jr., «Paleolithic Archaeology in Southern and Eastern Asia, Exclusive of India», *Cahiers d'histoire mondiale*, II (1954-55), 257-82, 520-53; J. G. D. Clark, *World Prehistory: An Outline*, pp.45-50.

ческая изобретательность могла проявиться главным образом на пространствах вдоль северной границы евразийского обитаемого мира, особенно ближе к его западной части⁸. Сравнительно суровый климат и чрезвычайно разнообразные флора и фауна создавали здесь для человека нелегкие условия и бросали вызов его приспособляемости. Таким образом, очевидное качественное превосходство европейского палеонтологического материала может быть объяснено не только случайностью археологических находок.

Судя по всему, уже во время их первого появления в Европе племена *человека разумного* имели в своем распоряжении гораздо более богатый набор орудий. Изделия из кости, слоновой кости и оленьего рога дополняли набор кремневых (и предположительно деревянных) орудий, которыми пользовались неандертальцы. Орудиям из кости и оленьего рога можно было придать такую форму, которую нельзя было получить при обработке кремня. Такие полезные приспособления, как иглы и наконечники гарпунов, могли быть изобретены только с использованием свойств материалов, более мягких и упругих, чем кремнь. Секрет обработки кости и оленьего рога основывался на использовании специальных режущих инструментов из камня. Похоже, приспособления для производства орудий были впервые изобретены *человеком разумным*, и обладание такими инструментами дает ключ к разгадке успешной адаптации представителей этого вида к условиям Субарктической Европы⁹.

По аналогии с охотничьими племенами, сохранившимися до наших дней, можно предположить, что люди эпохи палеолита жили небольшими группами от двадцати до шестидесяти человек. Такие сообщества вполне могли вести кочевой образ жизни, возвращаясь в свои пещеры или другие постоянные убежища только на какую-то часть года. Весьма вероятно, что руководство во время охоты передавалось одному человеку, завоевавшему авторитет личным умением и доблестью. Возможно, имелась система отношений между группами охотников, рассеянными по относительно большой территории или, как минимум, разграничение охотничьих угодий между соседствующими группами. Может быть, заключались экзогамные браки, и различные сообщества объединялись для всевозможных церемоний. Иногда могли происходить столкновения, когда одно сообщество вторгалось на территорию другого. Есть также некоторые свидетельства торговых связей

⁸ На Дальнем Востоке лессовые отложения в Северном Китае, вероятно, образовались в эпоху оледенения и свидетельствуют о продолжительном периоде существования тундры в этом регионе. В таких климатических условиях, естественно, не хватало влаги для выживания обильной фауны, подобной той, которой могли промысливать европейские охотники периода позднего палеолита.

⁹ См. C.S.Coon, *The Story of Man*, pp.78-83.

РУЧНОЕ РУБИЛО ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

Этот обтесанный кусок кремня, возраст которого, возможно, насчитывает 500 000 лет, был найден в Англии, на берегах Темзы. Длина его 5,5 дюймов (14 см), а утолщенный конец достаточно гладок, чтобы человек мог удерживать орудие в руке. С точки зрения современного человека, рубило наравне с утилитарной представляет и эстетическую ценность. Даже если его создатель не думал о красоте, вызывает восхищение очевидное мастерство, с которым он обтесал кусок грубого камня, чтобы изготовить такое сбалансированное и симметричное оружие.

на больших расстояниях¹⁰, хотя часто нельзя быть уверенным в том, была ли данная находка принесена издалека в результате обмена или же была перемещена в результате сезонных либо других миграций.

Примитивные скульптурные изображения, непонятные знаки и поражающие воображение фрески животных в глубине нескольких пещер во Франции и Испании¹¹ – чуть ли не единственные дошедшие до нас свидетельства верований и обрядов эпохи палеолита. Существующим материальным свидетельствам той эпохи нельзя дать однозначное толкование. Возможно, в темных глубинах пещер проводились какие-то церемонии, весьма вероятно ритуальные танцы, участники которых надевали костюмы, изображающие животных. Может быть, целью таких церемоний было установление мистической связи между охотником и его добычей, задабривание духов животных, а возможно, и стремление увеличить поголовье. Пещеры использовались для таких ритуалов, наверное, потому, что их темные глубины, казалось, позволяли проникнуть в чрево Матери-Земли, откуда вышли люди и животные и куда они возвращались, однако это – всего лишь предположение¹².

Ведущее положение, которое занимали животные в наскальных изображениях, служит еще одним подтверждением того, насколько случайным был успех охотников эпохи палеолита. Их существование зависело от состава и поголовья дичи, которые, в свою очередь, зависели от изменяющегося экологического равновесия. Около 10 000 лет назад ледники, в течение миллиона лет периодически перемещавшиеся через территорию Европы и Северной Америки, начали свое последнее отступление. Безлесная тундра и скудные березовые и еловые леса следовали за полосой льдов на севере, тогда как более густые лиственные леса начали распространяться в Западной Европе. Изменение среды обитания заставляло стада одних животных перемещаться за ней на север, возникшие густые леса заселяли новые виды животных, и охота на них требовала иных навыков.

Таким образом, около 8000 лет до н.э. стиль жизни человека, преобладавший в Европе, претерпел изменения¹³. Существуют доказательства появ-

¹⁰ J.G.D.Clark, *Prehistoric Europe: The Economic Basis* (New York and London: Methuen & Co., 1952), pp.241-81.

¹¹ «Известия», от 24 сентября 1961 г., сообщили об открытии изображений животных, подобных обнаруженным во Франции и Испании, в пещере в Уральских горах.

¹² См. Gertrude Rachel Levy, *The Gate of Horn: A Study of the Religious Conceptions of the Stone Age and Their Influence upon European Thought* (London: Faber & Faber, Ltd., 1948), pp.3-70, пример интересной попытки объяснения верований пещерного человека.

¹³ Аналогичные изменения, причем по тем же причинам, произошли в лесистой восточной части Северной Америки: наступающие леса вытеснили некоторые из традиционных источников питания, одновременно предлагая новые и вынуждая таким образом населяющие

ления в Европе новых племен, пришедших предположительно с востока. Неизвестно, смешались ли эти племена со своими предшественниками или последние ушли за своей привычной добычей на север и восток, оставляя после себя почти необитаемые земли¹⁴. Бесспорно лишь то, что пришельцы расширили набор орудий человека палеолита в Европе существенными дополнениями. Пришельцы научили изготавливать луки и стрелы, рыболовные сети, долбленые лодки, сани и лыжи, а также приручать собак, использовавшихся, скорее всего, для охоты.

Находки, относящиеся к так называемому периоду мезолита (ок. 8000–4500 гг. до н.э.), в целом не так впечатляют, как находки предшествующей эпохи палеолита. Характерным признаком изделий из кремня является их меньший размер, да и красота наскальных росписей, найденных преимущественно в Испании, не столь выразительна. Однако было бы неправильным предположить, что культура в Европе в это время переживала упадок. Даже если на взгляд неспециалиста наконечник стрелы или рыболовный крючок выглядят не так внушительно, как гарпун, нельзя отрицать, что лук и стрелы, а также рыболовная леска могут быть намного эффективнее гарпуна при добыче пищи. Точно так же почти полное отсутствие свидетельств существования верований в эпоху мезолита не доказывает того, что религия перестала владеть умами людей, или даже того, что более ранние религиозные традиции были забыты. Следует просто смириться с нашим неведением.

На протяжении эпох палеолита и мезолита человек уже превратился в царя животного мира в том смысле, что он был главным и наиболее легко приспособляющимся к внешним условиям хищником. Однако, несмотря на умение людей создавать и использовать различные орудия, социальную организацию и уникальную способность накапливать и передавать культурное достояние, их выживание по-прежнему чрезвычайно зависело от существовавшего в природе равновесия. Следующим значительным шагом на пути человечества к господству на планете было открытие способов, делающих возможным изменение естественной окружающей среды в целях удовлетворения потребностей и для удобства человека. По мере окультуривания растений и одомашнивания животных с развитием методов создания полей на месте естественного произрастания лесов человек поднялся на новый уро-

леса племена соответственно изменить образ жизни. См. Gordon R. Willey, «Historical Patterns and Evolution in Native New World Cultures», *Evolution after Darwin*, II, 120.

¹⁴ По крайней мере, уже в III тыс. до н.э. большие пространства Сибири были заселены людьми, в физическом отношении похожими на охотничьи племена Западной Европы эпохи палеолита. См. Karl Jettmar, «Zur Herkunft der türkischen Völkerschaften», *Archiv für Völkerkunde*, III (1948), 13. Это наводит на мысль, что, по крайней мере, часть населения Западной Европы уходила вслед за стадами животных по мере изменения климата.

Фотоархив (Archives photographiques), Париж

ПЕЩЕРНАЯ ЖИВОПИСЬ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

Этот черный буйвол — одна из многочисленных подобных фигур на стенах пещеры вблизи Ласко, в южной части Центральной Франции. Возможно, он исполнен охотниками мадленской культуры, обитавшими в этом регионе приблизительно 16 000 лет назад. Вряд ли мы узнаем, зачем они опустили в недра земли и создали свои картины в темных глубинах. Точность наблюдения, верно схваченная характерная поза, даже если, как в этом случае, такие детали, как рога и уши, изображены оптически неправильно, придают этим картинам замечательную притягательную силу. У современного зрителя такие образы создают впечатление животной силы, скрытой, восхитительной, хотя и таящей в себе возможную угрозу. Эти чувства должны в какой-то слабой мере отражать эмоциональную неоднозначность отношений между древними охотниками и их добычей, которую создатели картины пытались выразить каким-то доступным им образом.

вень жизни. Из простого хищника, господствовавшего над природой, он превратился в организатора окружающего его животного и растительного мира.

Этот шаг открыл принципиально новую фазу в истории развития человека. Образ жизни хищника автоматически ограничивает количество его представителей; поэтому крупные хищники, подобные древним людям и современным львам, по независящим от них обстоятельствам остаются относительно малочисленными в природе. Таким образом, более крупные популяции с признаками специализации и общественного расслоения, определяемыми числом их членов, могли устойчиво существовать только в сообществах людей, нашедших способ преодоления естественных ограничений, обусловленных их прошлым образом жизни хищников. В этом кроется, можно сказать, принципиальная основа всех революционных скачков в истории человечества. В самом деле, вся история цивилизации связана с увеличением производства продуктов питания в результате развития земледелия и приручения животных. Однако за это приходилось платить дорогой ценой, поскольку однообразная работа по возделыванию земли в эмоциональном отношении была неравноценной заменой бешеных восторгов, крайнего напряжения сил и удовлетворения животных инстинктов, которые давала охота. Итак, могущество человека с самого начала проявило свою принципиально двойственную природу. Усиление власти над природой для людей, занятых земледелием, и освобождение от прежних ограничений производства продуктов питания означали в то же время, что человек попал в постоянную зависимость от семян, почвы и погоды.

Археологические открытия, однако, немного могут рассказать нам об этом принципиальном изменении в жизни человека. Даже первобытные люди могли произвольно изменять распределение и видообразование определенных растений, привлекавших их внимание. Охотники, возможно, особенно ценили растения, из которых можно было выделять наркотики, стимуляторы или яды. Быть может, первые попытки управления ростом и воспроизводством растений были связаны именно с такими видами, а не с более поздними традиционными продуктами земледелия¹⁵.

Окультуривание растений было процессом, а не событием. Генетические комбинации и рекомбинации, скрещивание культурных и диких разновидностей, производимая человеком селекция – сознательная и случайная¹⁶ – означали в конечном счете необычайно быструю биологическую эволюцию

¹⁵ См. Edgar Anderson, «The Evolution of Domestication», *Evolution after Darwin*, II, 74-83.

¹⁶ Выжигание лесов и кустарников, начатое человеком, серьезно повлияло на местные системы растений, открыв, например, лесные территории для однолетних трав. Некоторые из этих трав могли быть прародителями культурных злаков Среднего Востока.

некоторых видов растений в сторону их более эффективного симбиоза с человеком. В некоторых случаях окультуривание заходило так далеко, что само существование растений зависело от действий людей – как в случае с кукурузой. И напротив, выживание человека со временем стало в не меньшей степени абсолютно зависимым от урожая.

Существует вероятность того, что земледелие изобреталось несколько раз. Тот факт, что злаки доколумбовой Америки в ботаническом отношении очень отличались от растений Старого Света, для большинства исследователей служит убедительным доказательством независимого развития земледелия в Новом Свете¹⁷. Даже в пределах Старого Света земледелие, возможно, зародилось, как минимум, в двух различных регионах. Важнейшее свидетельство в пользу этого заключается в существенном отличии, которое до недавних пор делило евразийское земледелие на две ярко выраженные категории. Полевое земледелие, основанное на воспроизводстве посредством семян, преобладало в Европе и на Среднем Востоке, где основной сельскохозяйственной культурой стали зерновые. И огородное земледелие с использованием разведения путем пересадки отростков от родительского растения, преобладавшее в большей части Азии и на островах Тихого океана в зоне муссонов, где главное значение имели корнеплоды¹⁸. Эти различия принципиальны и могут быть следствием независимых открытий в деле выращивания растительной пищи путем целенаправленных действий человека. Однако вышеупомянутые контрасты могли также быть вызваны просто разумным использованием в отличающихся климатических условиях различной местной флоры¹⁹.

Зерновое земледелие на Среднем Востоке стало основой первых цивили-

¹⁷ Не все, однако, разделяют эту точку зрения; некоторые ученые считают, что переплывая Тихий океан или пересекая Берингов пролив из Азии в Америку, можно было привнести идею земледелия, несмотря на то что и без этого вскоре должно было начаться или началось культивирование новых зерновых растений на базе американской флоры. См. Carl O.Sauer, *Agricultural Origins and Dispersals* (New York: American Geographical Society, 1952).

¹⁸ Рис, выращиваемый на заливных полях, преобладающий на Азиатском континенте и части островов Тихого океана, только частично соответствует определению «огородная культура». Он размножается семенами, однако метод пересадки рассады делает его культивирование очень близким к выращиванию корнеплодов. Таким образом, рис, возможно, сначала рассматривался как сорняк на грядках корнеплодов и только впоследствии был признан самостоятельным ценным продуктом. См. André G.Haudricourt and Louis Hedin, *L'homme et les plantes cultivées* (Paris: Librairie Gallimard, 1943), pp.91, 153.

¹⁹ Различия в принципах земледелия Старого Света между подходом, основанным преимущественно на выращивании корнеплодов путем вегетативного размножения и культивируемым в более северных областях способом, при котором выращиваются главным образом зерновые культуры посредством посева семян, были воспроизведены в обеих Америках. Главными культурами североамериканского земледелия были кукуруза, бобы и тыква; на высоко-

лизованных сообществ. Кропотливая работа археологов позволяет нам узнать кое-что о природных условиях, которые сделали возможным возникновение такого земледелия. Исходя из данных радиоуглеродного анализа можно предположить, что развитие земледелия в регионе началось около 6500 г. до н.э., когда Континентальная Европа освободилась от ледового панциря, а климатические зоны Земли, возможно, располагались приблизительно так же, как сегодня. В Западной и Центральной Европе это привело к появлению густых лесов и к соответствующей замене палеолитического набора орудий человека мезолитическим. Далее к югу иссушающие пассаты уже начали формирование Сахары, Аравийской, Гедрозийской (юго-восток Ирана) пустынь и пустыни Тар в регионах, которые раньше были важными центрами обитания людей. Между этими областями лежала переходная зона, где пассаты дули только часть года, а зимой циклоны приносили из Атлантики вместе со штормами живительные осадки. Это был регион средиземноморского климата, в котором располагалась большая часть Среднего Востока. Здесь растительный покров был тоньше, чем на лучше орошаемых землях к северу; но все-таки до того, как человек и прирученные им животные опустошили ландшафт, на равнинах росли отдельные деревья, между которыми весной буйно произрастали травы, исчезающие в летний зной и вновь оживавшие под зимними дождями. В отличие от равнин, задерживавшие дожди склоны холмов и гор с наветренной стороны были покрыты густыми лесами.

Такой разнообразный ландшафт был исключительно благоприятным для существования человека²⁰. На Среднем Востоке природа предлагала людям запасы пищи, отсутствовавшие в лиственных северных лесах. Размножающиеся семенами травы – предки современных культурных злаков, возможно, росли в диком состоянии 8-9 тыс. лет назад на возвышенностях между Анатолией и горами Загрос (часть Иранского нагорья), где и по сей день существуют дикие разновидности пшеницы и ячменя. Если предположить, что это так, то можно представить, как с незапамятных времен местные женщины выискивали участки произрастания трав пшеницы и ячменя в

горях Южной Америки и на Карибских островах выращивались батат, картофель и различные другие корнеплоды. Является ли это просто отражением приспособления к климатическим условиям? Или такое положение объясняется тем, что земледелие в Америках было также открыто дважды? Или дважды завезено туда?

²⁰ Он напоминал просторы саванны, которые, возможно, были древнейшей колыбелью человека; разница касалась только климата, характеризовавшегося более ярко выраженными сезонными колебаниями температуры. Сходство основывается на том, что тропическая саванна расположена на юге, а зона средиземноморского климата лежит на северной границе маршрута пассатов, которые периодически, согласно с положением Земли относительно Солнца, изменяют направление, поочередно опалая каждый регион своим иссушающим дыханием.

период созревания семян и собирали дикий урожай вручную или с помощью простейших режущих инструментов. Они могли постепенно открыть способы, как помочь росту зерновых, например прополка сорняков; возможно, задолго до развития земледелия в более строгом смысле слова были изобретены примитивные серпы для ускорения сбора урожая.

Решающим обстоятельством было осознание сборщиками дикорастущих злаков того факта, что если при уборке часть семян упадет на землю, урожай в следующем году обязательно будет более богатым. Возможно, догадка связывалась с идеей духа зерна, его задабриванием и наградой, полагавшейся благочестивому жнецу, оставлявшему духу часть урожая. Вторым прорывом было открытие, заключавшееся в том, что, разбрасывая семена на соответствующим образом подготовленную почву, женщины могли создать поля зерновых даже там, где травы не произрастали естественным образом. Однако трудоемкая практика рыхления земли с помощью палки и засыпания посеянных семян для их защиты от птиц, вероятно, распространялась медленно, даже после того, как стало совершенно ясно, что такие усилия будут впоследствии вознаграждены. Причина заключалась в том, что общины охотников редко задерживались в одной местности достаточно долго для того, чтобы можно было заняться постоянной обработкой одних и тех же участков земли.

Тем не менее, по сравнению с предшествующими темпами прогресса человечества, земледелие на Среднем Востоке развивалось относительно быстро. По мере расширения площадей, занятых зерновыми культурами, пищевые ресурсы возросли настолько, что люди сознательно отошли от своего хищнического прошлого. При этом отпали ограничения на численность и плотность населения, которые прежде делали человека как вид относительно редким в системе природного равновесия²¹. Нельзя с уверенностью назвать дату этого эпохального перехода; в самом деле, до сегодняшнего дня не обнаружено неопровержимых археологических подтверждений свершившегося. Однако предположив, что по мере того, как новые методы получения продуктов питания доказывали свое превосходство, они повсеместно распространялись на Среднем Востоке среди сборщиков дикого зерна, и допустив также, что рост пищевых ресурсов вызвал сравнительно быстрый рост населения, можно сделать вывод о том, что такое древнейшее земледелие зародилось несколько раньше 6500 г. до н.э. Древнейшие обнаруженные остатки деревень, возникших в связи с необходимостью вести более

²¹ См. расчеты в работе: Edward S. Deevey, Jr., «The Human Population», *Scientific American*, CCIII (September, 1960), 195-204, согласно которым население Земли в результате революции в земледелии в период между 8000 г. и 4000 г. до н.э. выросло приблизительно в 16 раз.

оседлый образ жизни, позволявший возделывать поля и охранять их от диких животных, датируются приблизительно 6250 г. до н.э. (плюс-минус 200 лет), однако в более поздние периоды их становится все больше и больше²².

Вероятно, поначалу масштабы земледелия на Среднем Востоке были ограниченными, и занимались им женщины. Охота оставалась задачей мужского населения. Однако открытие женщинами даже зачатков земледелия резко нарушило хрупкое экологическое равновесие в природе. Численность охотников слишком возросла, дикие животные, окруженные быстро распространяющимися полями зерновых культур, по всей видимости, скоро были почти полностью истреблены²³. По мере того как происходили эти перемены, земледелие постепенно заменило охоту в качестве основы жизни общества. Мужчины, чьи луки в значительной мере утратили свою полезность, возможно, поддались убеждениям взять на себя часть работы в поле – возведение оград для защиты от животных, сбор урожая в течение немногих драгоценных дней, когда зерно необходимо собрать до того, как оно осыпется и будет безвозвратно утрачено; и наконец, поскольку запасы продовольствия на год стали зависеть в основном от размера возделываемых участков, в некоторых общинах мужчины могли неохотно взять в руки лопату или мотыгу и выйти на полевые работы бок о бок со своими подругами.

При этом существовала и другая возможность. Мужчины могли приручить часть зверей, на которых они привыкли охотиться. Для сообразительных охотников было логично, столкнувшись с сокращением поголовья дичи, прибегнуть к защите своих потенциальных жертв от других хищников и сохранять стада для собственного использования в будущем. Однако это все еще очень отличается от полного одомашнивания, предполагающего эксплуатацию животных в целях использования их молока, шерсти и даже крови.

Никто не знает наверняка, как или через какие этапы образ жизни, основанный на охоте и собирательстве, уступил место другому, опиравшемуся на земледелие и скотоводство. Может быть, первые полностью прирученные животные использовались для заманивания своих диких сородичей в расставленные охотниками ловушки. Другие возможности их использования открывались человеку постепенно, по мере уменьшения популяций

²² Здесь я привожу данные и аргументы, в том виде, в каком они в последний раз изложены в работе: R.J.Braidwood, «The Agricultural Revolution», *Scientific American*, CCIII (September, 1960), 130-48.

²³ Есть некоторые основания полагать, что североамериканские охотники уничтожили несколько видов животных, которых в принципе можно было приручить, например лошадь, сравнительно недавно. См. J.G.D.Clark, «New World Origins», *Antiquity*, XIV (1940), 128.

диких зверей. Без сомнения, новаторы не могли предвидеть, как приручение животных изменит существовавшие прежде обычаи. Люди вряд ли осознали подлинную причину наступивших изменений, поскольку все их отношения с животными были пронизаны мистическими представлениями. Ритуальное жертвоприношение пойманных зверей было частью религий некоторых народов, занимавшихся охотой; поэтому, возможно, защита и прокорм стад животных, которые могли стать потенциальной добычей, путем принесения более регулярных и обильных жертв в надежде обеспечить успешную охоту, казались единственно правильным поведением в условиях возрастающей нехватки дичи.

Можно утверждать только то, что жители Среднего Востока действительно смогли приручить коз, овец, свиней и крупный рогатый скот на ранней стадии развития сельского хозяйства. Таким образом, у них появилась возможность обеспечить постоянный и, может быть, даже возрастающий уровень производства мяса и других продуктов животного происхождения. Предположительно одомашнивание животных могло начаться даже прежде, чем развитие земледелия привело к увеличению популяции людей выше уровня, соответствовавшего образу жизни хищника; но даже в этом случае наличие домашних животных, очевидно, оказывало очень незначительное воздействие на жизнь первобытного сообщества до тех пор, пока охотники не обнаружили, что привычной дичи становится все меньше. Если охота приносит обычное количество добычи, зачем менять образ жизни, вобравший в себя опыт бесчисленного числа предшествовавших поколений и освященный многовековой религиозной и моральной традицией?²⁴

Археологические экспонаты, найденные на Среднем Востоке, свидетельствуют о том, что с тех пор, как сельское хозяйство стало существенно влиять на жизнь человека, арсенал орудий, находившийся в распоряжении членов возникших сельскохозяйственных групп, резко расширился. Кажущаяся

²⁴ Это серьезный аргумент против выдвинутой венской школой этнологов гипотезы о том, что первыми взялись за приручение животных охотники Северной Евразии (возможно, начиная с северного оленя), а окультуривание растений развилось в областях, лежавших к югу от великой центральной горной системы континента. В соответствии с этой теорией, сформировавшийся на Среднем Востоке и в Европе метод ведения сельского хозяйства, сочетавший земледелие и животноводство, развился как следствие взаимопроникновения этих более древних и первоначально независимых видов хозяйствования. Из недавних источников, отстаивающих эту точку зрения, можно упомянуть работу Carl J. Narr, «Hirten, Pflanzen, Bauern: Produktionsstufe», in Fritz Valjavec (ed.), *Historia Mundi* (Bern: Francke, 1953), II, 66-100. Но все-таки наиболее серьезное возражение против этой теории заключается в отсутствии достоверных археологических свидетельств в ее пользу. Поэтому с точки зрения логики будет ошибочным полагать, что образ жизни современных первобытных пастухов Сибири и первобытных огородников Юго-Восточной Азии *обязательно* старше более сложной системы хозяйствования Среднего Востока в древности.

ся внезапность появления новых инструментов в археологических пластах частично может быть объяснена случайным характером находок археологических памятников. С другой стороны, в возникших новых условиях повседневной жизни требовались иные приспособления и методы работы; поэтому реакция людей в создавшейся ситуации могла быть сравнительно быстрой. Может быть, кардинальные изменения, выразившиеся в переходе от охоты к земледелию и скотоводству, временно освободили творческие способности людей от оков привычных представлений. Естественное сопротивление прогрессу на какое-то время ослабилось, пока после ряда блестящих изобретений и преобразований на базе старых методов не был создан новый, удовлетворительный для возникших условий, образ жизни, который, в свою очередь, сформировал стабильную, установившуюся модель поведения, характерную для деревенской общины эпохи неолита.

Археологические данные позволяют получить некоторое представление о технической и материальной стороне наступивших социальных перемен. На базе земледелия и скотоводства зародились пивоварение, ткачество, гончарное дело и производство отшлифованных каменных инструментов. Обнаружены немногочисленные стоянки догончарного периода со следами занятия земледелием их обитателей, однако, несомненно, для создания в примитивных сельскохозяйственных коммунах Среднего Востока развитого арсенала, называемого археологами «неолитическими» орудиями, потребовалось несколько столетий.

После того как экономической основой жизни сообщества стали зерновые культуры, с неизбежностью сильно возросла зависимость его членов от конкретного места, в отличие от времени, когда господствовало хозяйство, базировавшееся на охоте²⁵. В течение сезона созревания по крайней мере часть населения должна была охранять поля от набегов животных; даже в межсезонье трудности транспортировки собранного урожая, а также необходимость обрабатывать существующие поля и расчищать новые привязывали женщин сообщества к конкретному месту на протяжении почти всего года.

С основанием постоянных поселений стало возможным хранение громоздкой, тяжелой и хрупкой домашней утвари. Глиняные горшки, например, с успехом заменили более легкие и менее долговечные емкости из шкур животных, кувшины из тыкв и плетеные из ивы корзины. Поначалу отход от прежних типов сосудов был минимальным. По большей части древней-

²⁵ Некоторые современные исследователи считают на этом основании, что, возможно, первые сельскохозяйственные коммуны возникли среди племен, занимавшихся рыбной ловлей, поскольку подобная деятельность уже во времена мезолита предполагала оседлый образ жизни.

Музей древностей Дальнего Востока (Ostasiatiska Museet), Стокгольм.

РАСПИСНОЙ ГОРШОК ЭПОХИ НЕОЛИТА

Этот замечательный горшок найден при раскопках неолитической стоянки в провинции Ганьсу в Китае. Украшающий ее завитковый орнамент настолько близок к стилю неолитической керамики Украины и региона нижнего течения Дуная, что многие археологи на этом основании полагают, что технология производства подобных сосудов должна была иметь общий источник и впоследствии была разнесена на восток и на запад полукочевыми племенами, возделывавшими злаковые культуры.

шие керамические изделия повторяют в глине форму корзин и тыкв. Сама собой напрашивается мысль о том, что первые горшки были изготовлены тогда, когда возникла необходимость покрыть такие более ранние емкости огнестойким и водонепроницаемым слоем глины для приготовления нового блюда – каши из злаков. Ведь мясо можно было, в конце концов, зажарить на деревянном вертеле, однако для приготовления блюд из злаков требовалась специальная посуда, огнестойкая и водонепроницаемая одновременно, одним словом, требовался горшок.

Древнейшие известные остатки одежды обнаружены на стоянках эпохи неолита. Это еще не доказывает того, что ранее одежда была неизвестна, поскольку плетение изделий из лозы во времена палеолита можно рассматривать как прообраз изготовления одежды и гончарного дела. Но до начала выращивания льна, использования волос и шерсти домашних животных, источники волокон, вероятно, были слишком скудными, даже если искусства прядения и плетения были уже известны. Однако с развитием земледелия и одомашнивания животных возможность изготовления нитей настолько возросла, что плетеная ткань стала важной принадлежностью нового образа жизни.

Отшлифованные каменные орудия, в особенности топоры, – отличительная особенность любой неолитической стоянки. Кремень раскалывали и расщипывали таким образом, чтобы получить острые режущие края. Такие куски камня идеально подходили для изготовления наконечников стрел, ножей и скребков, использовавшихся охотниками, но кремень был слишком мягким материалом, чтобы сдирать кору и срезать ветви с деревьев или рубить их. Пригодные к употреблению топоры можно было изготовить только из более прочных пород камня, которые, однако, не поддавались обработке традиционными методами, применявшимися для дробления кремня. Решением проблемы стало применение к более твердому материалу методов обтесывания и шлифовки, которые уже давно использовались при изготовлении инструментов из кости и рога. Наличие шлифованных каменных топоров и других орудий стало, таким образом, отличительной особенностью сельскохозяйственных поселений, а разительное отличие между этими инструментами и более ранними находками из кремня побудило археологов назвать такие остатки «неолитическими» задолго до того, как стала понятной связь между методом обработки орудий и изменившимися требованиями к ним.

Образ жизни первых земледельческих сообществ, строго говоря, не был оседлым. В результате эксплуатации одних и тех же угодий в течение ряда лет их плодородность падала, поэтому для поддержания постоянного уровня урожая необходимо было время от времени покидать истощенные поля

и вводить в оборот участки целинных земель. Земли, имевшиеся в распоряжении древних земледельцев, представляли собой заросшие большими деревьями участки, где тенистые кроны мешали появлению густого подлеска. В этих местах после уничтожения деревьев путем обдирания коры почва под ними становилась относительно открытой и ее легко можно было обработать с помощью палки для копания, лопаты или мотыги, двигаясь вокруг оставшихся стволов деревьев. После сезона-другого возделывания такого участка можно было восстановить плодородие почвы путем сжигания сухих ветвей и стволов деревьев с последующим разбрасыванием образовавшейся золы. Почву естественных лугов, напротив, было чрезвычайно трудно обрабатывать деревянными палками для копания; к тому же было практически невозможно помешать прорастанию диких трав сквозь посеянные злаки и заглушению посевов сорняками. Поэтому древнейшие земледельцы, подобно пионерам Американского континента XVIII в., отдавали предпочтение лесистой местности и взбирались по склонам холмов и покрытым деревьями предгорьям Среднего Востока. Возможно, жители «зрелых» деревень эпохи неолита практиковали именно такой метод подсечно-огневого земледелия, предполагающий полукочевой образ жизни. Подобный метод применяется и сегодня первобытными земледельцами в тропических лесах и в субарктических березовых и еловых лесах на окраинах сельскохозяйственного мира²⁶.

По мере развития сельского хозяйства на Среднем Востоке типичными становятся смешанные хозяйства, где сочетаются выращивание зерновых культур и животноводство. Конечно, отдельные хозяйства делали акцент на том или ином виде деятельности. На небольших возвышенностях вдоль границы лесов, где луга и пастбища постепенно переходили в пустыню, природные условия были благоприятными для скотоводства; и должно быть, подобно Аврааму, покинувшему халдейский Ур со стадами и домочадцами²⁷, многие группы людей до и после него проделывали этот путь.

Из-за скудности оставленных пастушьями племенами археологических свидетельств невозможно точно определить, когда впервые возникли явные различия между скотоводческим и земледельческим образом жизни. Освоение степи и пустыни было постепенным. В самом деле, возможности кочевого пастушеского образа жизни были осознаны в полной мере только после того, как перемещение верхом на лошади стало обычным делом – это произошло не ранее 900 г. до н.э. В отличие от этого, древнейшие племена, следовавшие за своими стадами по пастбищам, также возделывали подходя-

²⁶ J.G.D.Clark, *Prehistoric Europe: The Economic Basis*, pp.91-98.

²⁷ Бытие, 11:31.

щие участки земли. Таким образом, можно говорить о том, что вначале скотоводческий и земледельческий образ жизни различались скорее акцентами на разных аспектах существования, чем в принципе.

По всей вероятности, пастбищное скотоводство в чистом виде существовало только в сообществах, которые долго оставались охотниками, пока осваивавшие новые территории животноводческие племена привлекли их внимание к новому образу жизни, возможно, узурпировав какую-то часть привычных охотничьих территорий. Вряд ли работа в поле пришлась по душе охотникам, тогда как в искусстве пастухов естественным образом продолжались охотничьи традиции. Поэтому, если бы по какой-то причине охотникам пришлось изменить устоявшиеся обычаи, нетрудно представить, что им было легче взять на себя заботу о домашних животных, отвергнув выращивание урожая как занятие, недостойное свободного человека. Таким образом, пастбищное животноводство обосновалось на границах древнейших центров развития культуры земледелия – в степях Европы, Центральной Азии и Северной Аравии, где возделывание земли на естественных пастбищах было чрезвычайно затруднено²⁸.

Освоение пастбищ пастушескими племенами означало, что на Среднем Востоке наступил период сосуществования двух стилей жизни, в какой-то степени зависимых друг от друга и заключающих в себе бесконечные возможности взаимовлияния. Как и сегодня, пастухи древности должны были выгонять своих животных на скошенные поля. Без сомнения, с самого начала они должны были вступить в меновые отношения с земледельцами, поскольку производимые обеими группами излишки естественно дополняли друг друга. Более мобильная жизнь пастухов поощряла их выступать в качестве переносчиков таких особенных и ценных товаров, как прочный камень для топоров, ракушки для украшений и различные легко разрушающиеся ценности, следы которых не сохранились. И наконец, постоянное трение между крестьянином и пастухом, нашедшее отражение в библейской притче о Каине и Авеле, должно было неоднократно омрачать жизнь людей эпохи неолита вспышками насилия.

Образ жизни сообществ охотников, разбросанных на больших территориях, в основных чертах был сходным; благодаря своим профессиональным навыкам они были отлично приспособлены к окружающим условиям, поэтому вряд ли после контактов с соседними общинами у охотников могли появиться веские основания изменить характер общественного устройства. Однако по мере развития земледелия и пастбищного скотоводства образ

²⁸ См. Karl Jettmar, «Les plus anciennes civilisations d'éleveurs des steppes d'Asie centrale», *Cahiers d'histoire mondiale*, I (1954), 775-76.

жизни человеческой популяции в целом разделился на несколько направлений. На исторической сцене появляется новый мощный стимул к изменениям. Ступив на путь преобразования среды в своих интересах, человечество переступило через прежние ограничения социальных изменений. Таким образом, начался захватывающий процесс движения по направлению к современному уровню воздействия человека на силы природы.

Для образа жизни земледельцев и пастухов, по сравнению с господствовавшей в предшествовавший период поведенческой моделью охотников, смена времен года имела гораздо большее значение. Основным фактором для жизни людей, зависимых от полей и пастбищ, были грозы и засухи, случавшиеся нерегулярно, но связанные с сезонными ритмами в природе. Скорее всего, времена года на Среднем Востоке в древности были в целом такими же, как и сейчас, – иногда они наступали раньше или позже, но всегда с ярко выраженными признаками. Сегодня для этой зоны характерны зимние дожди, вызывающие бурное весеннее развитие растительности, за которым наступает палящий летний зной. Зона расположена на южной границе циклонов, приходящих с Атлантики и иногда приносящих с собой дожди. В годы обильных осадков созревает богатый урожай, а на пастбищах вырастают тучные травы; засушливые годы означают голод для людей и животных²⁹.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что капризы погоды и времен года легли в основу религиозных представлений неолитических жителей Среднего Востока. Созидательный и разрушительный потенциал земли, дождя и солнца не мог остаться незамеченным; земледельцы соответственно изменяли свои религиозные обряды в надежде убедить или заставить силы природы считаться с потребностями людей. Более ранние поверья, обожествлявшие духов животных и растений, продолжали существовать, а ритуалы, призванные умиловить этих духов или увеличить их плодородие, легко смешивались с новыми или с переосмысленными старыми культами земли, неба и солнца, породив таким образом «религии плодородия» Среднего Востока.

Коренное преобразование общественных отношений, вызванное к жизни переходом от занятий охотой к сельскому хозяйству, видимо, затронуло и неолитические верования. В связи с тем, что женщины стали основ-

²⁹ Несомненно, природа Среднего Востока не всегда была такой, как сегодня. Вероятно, во многом обезвоживание региона стало следствием человеческой активности – нарушения естественного почвенного покрова, ускоряющего эрозию и вымывание почвы в реки. Но даже если в VI или V тыс. до н.э. здесь выпадало больше осадков, нерегулярность дождей должна была представлять постоянную проблему для древних земледельцев.

ными поставщиками продуктов для коммуны, вероятно, возросли их независимость и авторитет; многочисленные дошедшие до нас из глубины времен свидетельства говорят о том, что часто в сообществах эпохи неолита преобладало матриархальное семейное устройство. Соответственно распространение земледелия было связано повсеместно с появлением женщин-жриц и почитанием богинь³⁰. Сама земля, видимо, считалась женщиной – прототипом матери-прародительницы более поздних религий, а многочисленные керамические фигурки женщин, найденные в неолитических раскопках, возможно, символизировали плодородную богиню-землю³¹. Кроме того, каменные топоры (которыми очищали деревья при устройстве полей), священный огонь (удобрявший почву и поддерживавший домашний очаг), священные горы, деревья и камни, по-видимому, играли определенную роль в религиозных церемониях людей неолита. Можно предположить, что простой переход к новому арсеналу орудий, созданному на основе соответствующего изменения прежних инструментов, а также интеллектуальный, эмоциональный и моральный аспекты нового сельскохозяйственного общества вскоре получили свое объяснение в мифах, превратили практику в ритуал и наполнились священным смыслом.

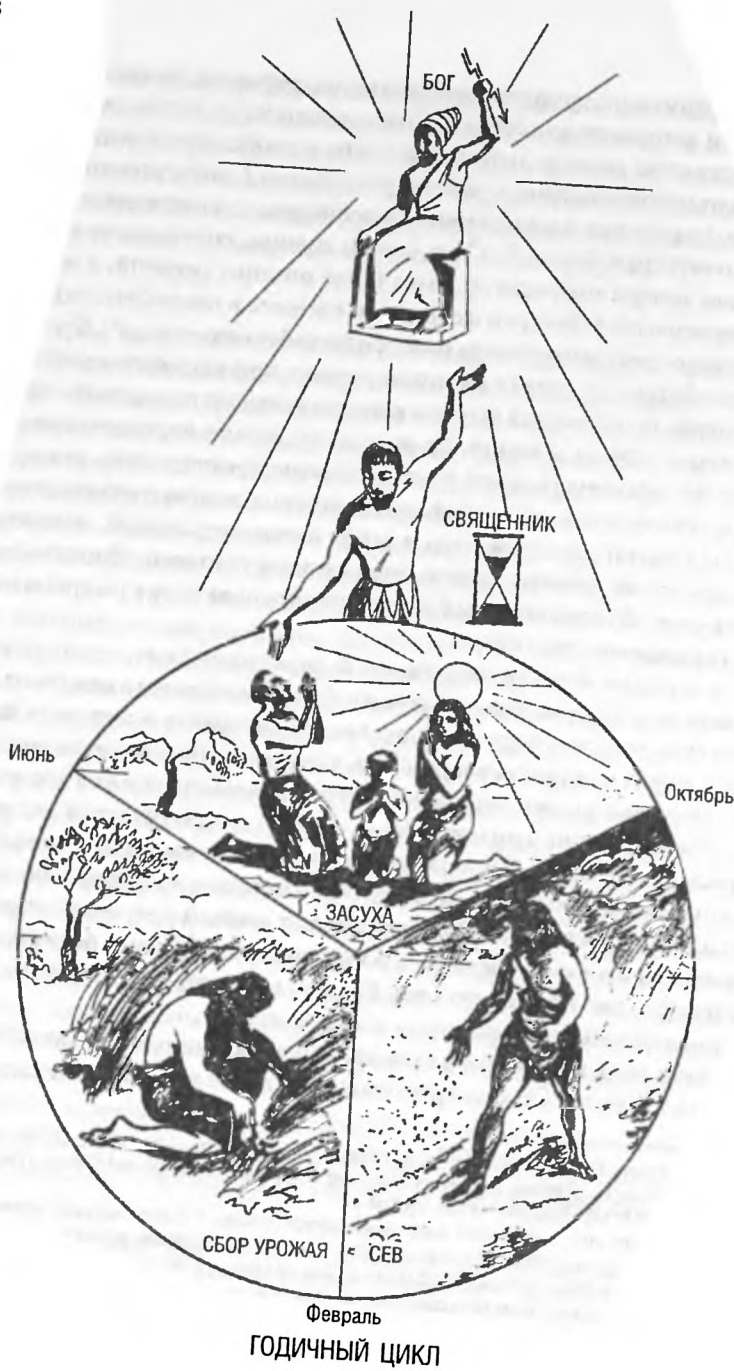
Хотя главные аспекты религиозной практики, символов и ритуалов сместились довольно ощутимо, все-таки фундаментального отхода от более ранних анималистских верований охотников палеолита и мезолита не произошло. Однако один аспект поведения людей и их религиозных воззрений в эпоху неолита серьезно изменился. В ритуальном отношении это выразилось в обожествлении луны, что было связано с практической потребностью счисления времени. Периоды роста и ущерба Луны были основой единственного естественного для первобытного человека календаря. Более того, поскольку рога домашних коров напоминают лунный полумесяц, первобытные земледельцы стали связывать божественную корову и богиню луны с премудростью расчета времен года. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем детали этих разнообразных причудливых ассоциаций³².

Важная роль измерений и вычислений в сельскохозяйственной практике Среднего Востока оказала чрезвычайно сильное влияние на последующее

³⁰ См. Robert Briffault, *The Mothers* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1927), III, 45 and *passim*; Pia Laviosa-Zambotti, *Ursprung und Ausbreitung der Kultur*, trans. Ferdinand Siebert (Baden-Baden: Verlag für Kunst & Wissenschaft, 1950), pp.164-68.

³¹ Напротив, боги мужского пола появляются только в более поздние времена, когда политические и другие преобразования круто меняют социальное устройство деревенских общин раннего неолита. Gertrude Rachel Levy, *Gate of Horn*, pp.86-88.

³² Связь между крупным рогатым скотом, Луной и плодородием могла возникнуть только после изобретения плуга, что сделало скот основной тягловой силой при возделывании почвы.

развитие общества и человеческой мысли. Для охотников не имеют большого значения ни временные, ни пространственные измерения. Жизнь состоит из сменяющих друг друга пира и голода, который можно несколько отдалить за счет замораживания или сушки мяса впрок или создания скромных запасов дикорастущих семян и корней. Однако время до следующей удачной охоты нельзя рассчитать, невозможно также сохранить пищу в течение периода ее предполагаемой нехватки. Земледельцу все представляется иначе. Для него основной ритм существования определяется сменой времен года с ее постоянными и предсказуемыми периодами изобилия и ограничений. Распределение потребления зерна так, чтобы его хватило до следующего урожая, создание запаса на случай засушливого года, расчет необходимого для посева количества, сколько и когда вскопать земли – все эти и подобные приемы предвидения и вычислений должен был знать первобытный крестьянин. Главным в таких расчетах были изначальные знания о временах года – когда вновь наступит пора посева и сбора урожая и в очередной раз завершится круг времен. Таким образом, в условиях Среднего Востока искусство вычислений было неотъемлемой и абсолютно необходимой частью оснащения крестьянина.

Грубые количественные расчеты, достаточные для того, чтобы оценить, сколько семян потребуется для засева участка земли, возможно, не представляли большой сложности для первых земледельцев. Для расчетов они пользовались предыдущим опытом. Полная корзина семян на поле, корзина или поле «вот такой величины» были достаточно точными оценками. Более точные пространственные измерения понадобились человеку только тогда, когда он освоил широкомасштабное орошение и монументальную архитектуру. Однако измерение времени представляло для них головомолную проблему; в условиях Среднего Востока наступление зимних дождей не всегда происходило одинаково из года в год. Случайные летние или осенние ливни легко могли подтолкнуть голодного крестьянина посеять невосполнимый запас семян слишком рано, и тогда зерна всходили только к зиме в период возобновившейся засухи. Тот факт, что фазы Луны не совсем совпадают с солнечным годом, ужасно усложнял задачу. Только когда люди научились наблюдать и правильно интерпретировать сезонные перемещения Луны, Солнца и звезд, они точно смогли определять, на каком цикле Луны следует сеять. Чрезвычайная важность точных сезонных расчетов и одновременно их сложность служили главным стимулом интеллектуального и научного развития на Среднем Востоке³³. И только в период расцвета цивилизаций Шумера и

³³ См. O. Neugebauer, *The Exact Sciences in Antiquity* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952), p. 161.

Египта эта задача была окончательно решена с созданием надежных календарей.

Здесь следует заметить, что в муссонной зоне Азии проблема измерения времени была куда менее серьезной. За исключением окраинных районов, появление муссонов ни с чем нельзя спутать, а с возвратом дождей начинается период роста растений. В такой ситуации исключен слишком ранний или запоздалый сев, а точный календарь просто не нужен. Возможно, не будет большим преувеличением предположить, что пресловутое безразличие ко времени, свойственное цивилизации Индии, основывалось на этом фундаментальном различии земледельческого цикла. Напротив, чрезвычайное значение, которое древнейшие земледельцы Среднего Востока придавали измерению времени, вполне могло повлиять на философские основы западного и мусульманского мировоззрения, корни которого уходят в средиземноморско-средневосточное прошлое.

В сельскохозяйственных общинах мужчины утратили свое былое лидерство времен охотничьего образа жизни. По мере того как дисциплина охотничьей ватаги разваливалась, политическая организация древнейших деревенских поселений, возможно, напоминала анархизм, который с тех пор повсеместно считается идеалом мирной крестьянской жизни. Вероятно, важная форма социального руководства досталась служителям культа как посредникам между беспомощным человечеством и непостоянством плодородия. С исчезновением или оттеснением на второй план профессии охотника сильный и умелый мужчина утратил былой непререкаемый авторитет; поскольку теперь жизнь сообщества сосредоточилась вокруг зерновых посевов, относительно строгое персональное подчинение, необходимое для успеха охотничьего предприятия, можно было ослабить.

Однако у преимущественно скотоводческих племен религиозно-политические институты приобрели совершенно другой характер. Присущие охотникам черты – смелость и коллективная дисциплина – в той же мере требовались и для защиты стад от хищников. Главный вид деятельности пастухов, так же как это было среди древних охотников, основывался на паразитическом отношении к животным и по-прежнему оставался уделом мужчин. Таким образом, у них сложилась система патриархальных семей, объединенных в группы по признаку родства и возглавляемых вождем. Вождь принимал решения, определявшие повседневный быт племени, например, где искать лучшие пастбища. Кроме того, пастухи хорошо понимали важность военных приемов и дисциплины. В конце концов, насильственный захват чужих животных или пастбищ был самым легким и быстрым способом обогащения, а в неурожайные годы – и единственным средством выживания.

Подобная воинственность была совершенно несвойственна земледельческим общинам. Данные археологических раскопок остатков раннеэолитических деревень свидетельствуют о чрезвычайно мирном характере их обитателей. При избытке пригодной для обработки земли и невозможности произвести значительный излишек продукции за счет труда одного хозяйства – не было особых причин для войн. Можно предположить, что традиции насилия и организации охотничьих отрядов в таких общинах угасли. Лишь набеги пастухов вынудили мирных крестьян сохранить элементы военной организации, которые, в свою очередь, стали предтечей всех без исключения цивилизованных политических институтов.

Несмотря на присущие ему недостатки, образ жизни древних земледельцев Среднего Востока имел существенные преимущества перед ранним типом охотничьих сообществ. Конечно, жизнь не была такой захватывающей, однако пропитание было почти гарантированным и с определенной территории могло прокормиться большее число людей. С учетом таких преимуществ земледелие было обречено на распространение от центра его зарождения и обосновывалось везде, где условия возделывания зерновых культур были наиболее благоприятными. В Европе такие условия означали легкие почвы, особенно лессовые, и меловые склоны холмов с хорошим естественным дренажом и легко обрабатываемые.

Земледелие распространялось на Европу двумя путями: один севернее, а другой южнее Средиземноморья. Более северный и более мощный из этих потоков, охвативший Центральную и Северную Европу в 4500 г. и 4000 г. до н.э., составили так называемые дунайские земледельцы. Южная волна пионеров-земледельцев и пастухов прошла через Северную Африку, пересекла Гибралтар, после чего встретила и смешалась с дунайским потоком. Ранее жившие здесь охотничьи племена не исчезли. Они сохранились в труднодоступных местах в лесах на протяжении веков после того, как земледельцы заняли вершины и склоны холмов. Возможно, случалось и значительное смешение населения двух типов; таким образом, охотники могли иногда заимствовать методы пришельцев и ассимилироваться в земледельческое сообщество³⁴.

Очень похожая сельскохозяйственная экспансия произошла в Казахстане и Центральной Сибири приблизительно через тысячу лет после того, как первые земледельцы проникли в Западную Европу. Около 2500 г. до н.э. охотничьи хозяйства в этих регионах начали уступать место общинам, ос-

³⁴ C.F.C.Hawkes, *The Prehistoric Foundations of Europe to the Mycenaean Age* (London: Methuen & Co., Ltd., 1940), pp.87-134; M.Richard Pittioni, «Zur Urgeschichte des Bauerntums», *Anzeiger der oesterreichischen Akademie der Wissenschaften*, Phil.-Hist. Klasse, No.21 (1957), pp.326, 341; J.G.D.Clark, *World Prehistory*, pp.119-29.

нованным на скотоводстве и земледелии. Дошедшие до нас керамические изделия этих племен неопровержимо свидетельствуют о сходстве системы их хозяйствования с той, что развилась на Среднем Востоке. Кроме того, в раскопках найдено небольшое количество бронзы, а в землях, богатых рудами, жители некоторых селений устраивали примитивные шахты³⁵.

Наука почти не располагает свидетельствами распространения сельского хозяйства эпохи неолита в других регионах планеты. В Индии до сего дня не обнаружено явных свидетельств периода, когда люди обрабатывали землю исключительно с помощью каменных и деревянных орудий, хотя, с другой стороны, инструменты неолитического типа сохранялись в их арсенале на протяжении тысячелетий после начала применения металла³⁶. Однако почти нет сомнений в том, что земледелие и животноводство средневосточного типа проникло, как минимум, в Северо-Западную Индию и послужило основой индской цивилизации³⁷. В то же время в Китае, в долине Хуанхэ, найдены прямые археологические свидетельства эпохи неолита. У гончарных изделий, обнаруженных при раскопках древнекитайских деревень, немало общего с керамической посудой, известной по находкам в западной части степей – на юге современной России и в Восточном Иране, что дает основание предположить существование каких-то отношений между культурами неолита этих двух регионов. Относительно небольшой возраст неолитических находок в Китае, ориентировочно оцениваемый 2400 г. до н.э., вполне согласуется с гипотезой о том, что полукочевые земледельцы, начав свое движение из холмистых районов Среднего Востока вскоре после 6500 г. до н.э., освоив плодородные земли вдоль берегов рек и на лесистых склонах на всей территории Центральной Азии, вероятно, смешиваясь с местным населением по всему пути на восток, достигли наконец долины Хуанхэ и принесли сюда элементы земледельческих приемов Среднего Востока. С другой стороны, некоторые особенности находок эпохи неолита, обнаруженных в Китае, лучше всего можно объяснить, предположив существование первобытного земледельческого общества к югу от Хуанхэ. Наиболее красноречивый факт в этом ряду – наличие риса, появление которого как куль-

³⁵ Karl Jettmar, «Zur Herkunft der türkischen Völkerschaften», pp.14-15.

³⁶ Stuart W. Piggott, *Prehistoric India to 1000 B.C.* (Harmondsworth: Penguin Books, 1950), p.37; Robert Eric Mortimer Wheeler, *Early India and Pakistan to Ashoka* (London: Thames & Hudson, 1959), pp.80-92; D.H. Gordon, *The Prehistoric Background of Indian Culture* (Bombay: N.M. Tripathi, Ltd., 1958), pp.26-33.

³⁷ Это утверждение основывается на сходстве гончарных изделий и мотивов искусства индской цивилизации с соответствующими принадлежностями цивилизаций Ирана, Сирии и даже Крита. См. Heinz Mode, *Indische Frühkulturen und ihre Beziehungen zum Westen* (Basel: Benno Schwabe & Co. Verlag, 1944), p.131 and *passim*; Willibald Kirfel, «Vorgeschichtliche Besiedlung Indiens und seine kulturellen Parallelen zum alten Mittelmeerraum», *Saeculum*, VI (1955), 166-79.

турного злака обычно связывают с муссонными районами Азии³⁸. Похоже, что приемы возделывания злаков, зародившиеся в Центральной Азии, в течение III тыс. до н.э. встретились в Северном Китае с другим стилем земледелия, происходящим из муссонной зоны Азии, при этом обе культуры взаимно обогатились. Это служит аргументом в пользу гипотезы о том, что земледелие зародилось в двух отдельных областях Старого Света.

Задолго до того, как племена, использовавшие палки для копания, мотыги и лопаты, достигли пределов своей сельскохозяйственной экспансии в Евразии, на Среднем Востоке возникли другие, более развитые формы земледелия. Может быть, возрастающая нехватка пригодных для обработки территорий вынуждала или подталкивала крестьян к изобретению технических новшеств и совершенствованию культуры земледелия. По мере роста населения первобытных деревень рано или поздно наступал момент, когда все плодородные участки, обрабатываемые общиной, истощались. Тогда возникала дилемма: либо переходить на новое место, что, возможно, и выбирали некоторые сообщества, либо все чаще и чаще возвращаться на те же участки, уже достаточно истощенные регулярным сбором урожая.

Решить проблему, с которой столкнулись привычные к ведению подсечно-огневого земледелия крестьяне, помогли два основных изобретения. Первое – это вспашка паров под зябь, а второе – тягловый плуг. Оба изобретения тесно связаны между собой. Только ценой поистине нечеловеческо-

³⁸ См. Gunnar Andersson, *Children of the Yellow Earth* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1934), pp.184-87; C.W.Bishop, «Long-Houses and Dragon-Boats», *Antiquity*, XII (1938), 411-24; W.Eberhard, «Eine neue Arbeitshypothese über den Aufbau der frühchinesischen Kultur», *Tagungsberichte der Gesellschaft für Völkerkunde*, No.2 (Leipzig, 1936); Folke Bergman, *Archaeological Researches in Sinkiang* (Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule, 1939), pp.14-26.

Согласно последним исследованиям китайских археологов, сходство между культурой росписи керамической посуды в Северо-Западном Китае, в Украине и Западной Азии не столь значительно, как было принято полагать. Возможно, ученые преувеличивали схожесть за счет отбора конкретных образцов, игнорируя общую картину, полученную в результате находок из разных раскопов. Однако сегодняшние ученые не могут быть полностью свободными от влияния национальной гордости и доктрин марксизма относительно древнейшей истории, отрицающих историческую важность процессов миграции. Непредвзятое обсуждение последних открытий см. Cheng Te-k'un, *Archaeology in China. I: Prehistoric China* (Cambridge: W.Heffer & Sons, 1959), pp.73-87 and *passim*.

Возможно, процесс распространения приемов земледелия и украшения гончарных изделий не требовал массовой миграции через всю Азию. Вполне вероятно, что местное население, особенно столкнувшись с продовольственным кризисом, искало новые источники продовольствия и заимствовало методы мотыжной обработки почвы у соседних народностей. Таким образом, они выполняли роль земледельцев-пионеров по отношению к живущим далее от первоначального центра распространения племенам.

го труда можно было качественно подготовить значительную площадь паров, не используя силу животных. Однако после того, как кому-то пришло в голову прикрепить модифицированную лопату позади одного или более животных и использовать их силу для вспашки, обычной семье стало относительно просто обрабатывать больше земли, чем требовалось для пропитания ее членов. Теперь можно было оставлять незасеянной часть подготовленной таким образом земли, вспахивать ее несколько раз за сезон роста для удаления сорняков и сохранения влаги в почве; при этом плодородие полей поддерживалось как уютно долго, хотя уровень его был намного ниже изобильной урожайности целинных земель, освобожденных от леса.

Неизвестно, как и когда был изобретен тягловый (лемеховый) плуг. Его применяли на Среднем Востоке еще до 3000 г. до н.э.; примитивные плуги описаны уже в древних шумерских и египетских хрониках, датируемых приблизительно тем же периодом. Однако насколько ранее этого времени и где именно люди впервые успешно впрягли животное в устройство типа лопаты, сказать невозможно³⁹.

Представляется, что само по себе это техническое новшество не было таким уж выдающимся. Намного раньше был изобретен так называемый ножной плуг, который, наверное, получил повсеместное распространение одновременно или вскоре после внедрения древнейших методов возделывания земли с помощью лопаты и мотыги. Ножной плуг представляет собой простейшую модификацию обычной лопаты. Он снабжен длинной, изогнутой на конце ручкой (черенком), позволяющей переворачивать почву за счет нажима на нее, а не за счет подъема лопаты. Кольшечек у основания ручки служит упором для ноги, таким образом человек может приложить свой вес для введения лезвия лопаты в грунт под тупым углом, приближающимся к горизонтальному⁴⁰.

Преобразовать такое устройство в тягловый плуг было просто. Все, что для этого требовалось, – это кусок веревки или кожаная лямка, прикрепленная к нижней части ручки, и животное, которое можно было привязать к другому концу веревки. Крупный рогатый скот можно было запрячь, просто привязав веревку к рогам; и на некоторых древнейших шумерских и египетских памятниках изображены быки, которые именно так тащат плуг⁴¹. Крупный рогатый скот, в особенности быков, стали использовать, таким

³⁹ Paul Leser, *Entstehung und Verbreitung des Pfluges*, Anthropos Bibliothek, III, No.3 (Münster: Aschendorf, 1931), 568-69.

⁴⁰ См. E.C. Curwen, *Plough and Pasture: The Early History of Farming* (New York: Henry Schuman, 1953), p.71.

⁴¹ См. Paul Leser, *Entstehung und Verbreitung des Pfluges*, p.551-60. Ослов и других домашних животных, имевшихся в распоряжении первых земледельцев и достаточно крупных, чтобы

образом, в основном как тягловых животных. Это обстоятельство еще более укрепило в представлении древних земледельцев связь рогатых животных с плодородием полей⁴².

Первые плуги не имели отвала. Они просто царапали землю, разбивая поверхностный слой на грубые куски за счет протягивания плоского лемеха под поверхность почвы. Обычно применялась перекрестная вспашка, возможно, с самого начала. Таким образом, близкая к прямоугольной форма полей почти всегда ассоциируется с легкими царапающими плугами этого примитивного типа (сохами).

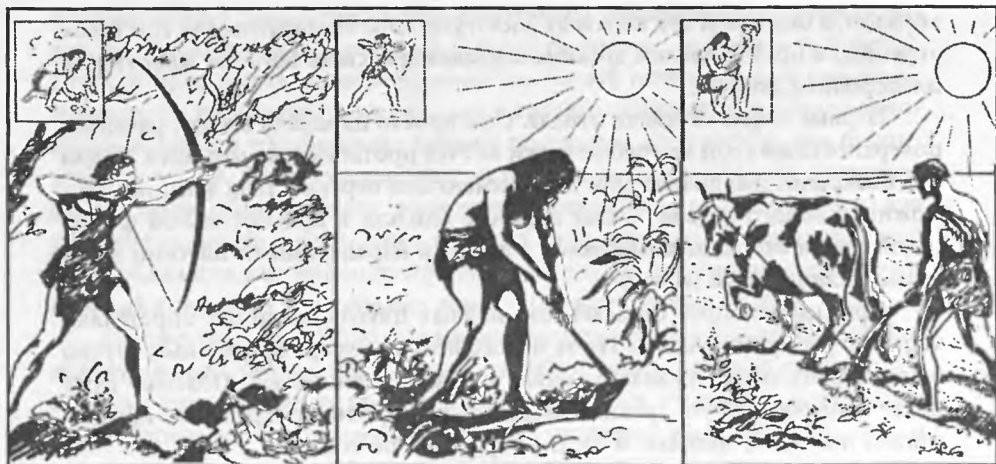
Принципиальные ограничения первых плугов частично определяли характер расселения людей. Из-за малого веса и размера орудий ими трудно было обрабатывать тяжелые почвы, особенно глинистые. Поэтому даже после появления плуга древние земледельцы Европы по-прежнему предпочитали лессовые, меловые и легкие торфяные почвы.

Использование животных в качестве тягловой силы при возделывании земли стало существенным шагом вперед. Таким образом, возможности человека значительно расширились, поскольку впервые он использовал источник механической энергии более мощный, чем его естественные мускульные ресурсы. Использование животной силы также намного сильнее сблизило животноводство и земледелие. Смешанный тип крестьянского хозяйства, объединяющий выращивание скота и возделывание злаков, с тех пор стал отличительной чертой сельского хозяйства Западной Евразии. Он позволил достигнуть уровня жизни или досуга, невозможного для людей, главным образом или полностью полагавшихся на свою мускульную силу.

Распространение вспашки с помощью тяглового плуга способствовало также распределению ролей между полями в крестьянском хозяйстве. Охота и уход за скотом традиционно считались обязанностью мужчин, поэтому, когда животные вышли в поле, мужчины последовали за ними. Женщина

тащить плуг, нельзя было запрячь столь же просто; здесь интересно отметить, что в Ирландии вплоть до XVII в. н.э. лошадей обычно запрягали в плуг, вплетая им в хвосты плети из ивы. Charles Hughes, *Shakespeare's Europe: Unpublished Chapters in Fynes Moryson's Itinerary* (London: Sherratt & Hughes, 1930), p.214.

⁴² В работе: Eduard Hahn, *Die Entstehung der Pflugkultur* (Heidelberg: Carl Winter, 1909) автор утверждал, что изобретение плуга произошло под влиянием религиозного ритуала, направленного на повышение плодородия почвы. Нам представляется, что этот аргумент ставит телегу впереди лошади или, точнее, – плуг впереди быка! Религиозные обряды по сути своей консервативны и нелегко допускают нововведения; скорее, более логично предположить, что легенды о плодородии, связывающие рогатый скот с полями, появились не до, а после изобретения плуга. Лично мне ближе гипотеза о том, что некий муж, постоянно упрекаемый женой в неисполнении положенной ему части работы в поле, стал тем утомленным гением, который придумал средство, позволяющее произвести необходимую обработку земли, сохранив при этом свое мужское достоинство хозяина животных!

ОХОТА И СОБИРАТЕЛЬСТВО

МОТЫЖНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

ПЛУЖНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РОЛЕЙ МЕЖДУ ПОЛАМИ

утратила главенствующее положение в поле, мужчина же, идущий за плугом, опять превратился в основного кормильца. Теперь он получил возможность укрепить или восстановить первенство мужского начала в семье и в обществе. Ко времени появления первых письменных свидетельств для всех народов Среднего Востока, возделывавших зерновые культуры с помощью плуга, были характерны патриархальные семьи и ведущая роль мужчины в обществе; хотя немало находок, указывающих на следы существовавшей ранее системы отношений, говорят о том, что это не всегда и не везде было так. Характерный для зрелых религий Шумера и Египта количественный рост пантеона божеств мужского рода и жрецов-мужчин также можно объяснить новой ролью мужчин в сельском хозяйстве. Изменения, вероятно, затронули политическую организацию общества в меньшей степени. Остатки системы управления, основанной на неформальных решениях собрания старейшин сохранились в Древней Месопотамии⁴³; такая разновидность «примитивной демократии» представляется правдоподобной моделью принятия любых решений в древнейших деревнях земледельцев.

Метод земледелия, основанный на вспашке, распространился от места его возникновения на Среднем Востоке приблизительно так же, как это произошло ранее с культурой земледелия на базе применения лопаты и

⁴³ Thorkild Jacobsen, «Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia», *Journal of Near Eastern Studies*, II (1943), 159-72.

мотыги. На территории современной Дании найдены свидетельства существования вспаханных полей приблизительно в 1500 г. до н.э.⁴⁴; по некоторым косвенным признакам можно предположить, что арии, вторгшиеся в Северо-Западную Индию приблизительно в это же время, были первыми, кто принес плуг на этот субконтинент⁴⁵. В Китае, впрочем, первые достоверные доказательства существования плуга относятся к периоду династии Чжоу, возможно, не ранее 350 г. до н.э.⁴⁶

Независимо от того, что было основным орудием производства: мотыга, лопата или плуг, в определенное время года земледелие эпохи неолита требовало длительного и тяжелого труда крестьян. Особенно это касалось периода сбора урожая, когда создание запасов пищи на целый год зависело от активной и постоянной работы, в которую должен был внести свою лепту каждый мужчина, каждая женщина и ребенок. Однако в другие сезоны срочной работы в поле подолгу не было. Эти периоды затишья, когда люди были освобождены от насущной необходимости добывания пропитания, были, таким образом, чрезвычайно благоприятным временем для развития культуры.

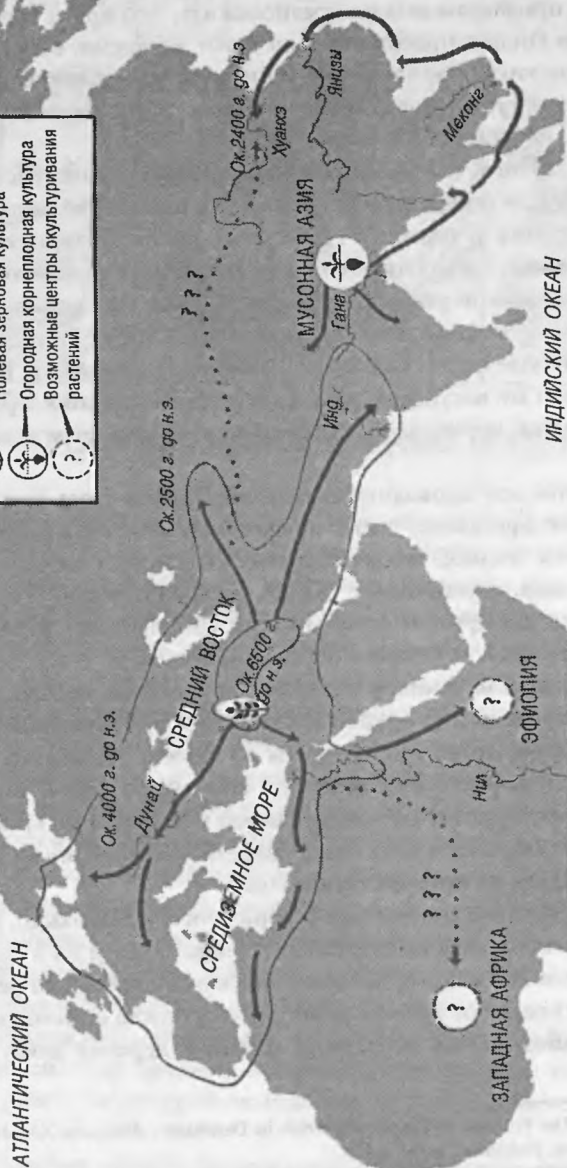
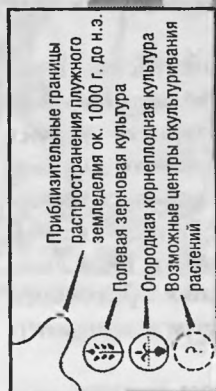
Сведения о том, как проводили свой достающийся столь тяжелым трудом досуг древние крестьяне, очень приблизительны. Мы можем только догадываться об их песнях, танцах и других эфемерных видах искусства, таких как татуировка, окрашивание тканей, резьба по дереву и деревянное зодчество, изделия из перьев и кожи, а также изготовление украшений из недолговечных материалов. Осколки керамики, несколько статуэток и изображения из обожженной глины составляют крупнейшее из дошедших до нас собраний артефактов, а из орудий труда наибольшее внимание обращают на себя отшлифованные инструменты из камня. Несколько кусочков меди, найденных при раскопках деревень, знаменуют собой зарождение металлургии. Эти фрагментарные свидетельства указывают по крайней мере на возросшее разнообразие и сложность изделий мастеров эпохи неолита в сравнении с работами их предшественников.

Однако уровень этого умения был ограниченным. Возможно, за исключением специалистов в области сверхъестественного, вряд ли в поселениях эпохи неолита были люди, которые занимались исключительно ремеслами; обычно этому посвящалось время в периоды отсутствия активных сельскохозяйственных работ. Таким образом, в условиях деревни действительно

⁴⁴ E.C.Curwen, «The Furrows in Prehistoric Fields in Denmark», *Antiquity*, XX (1946), 38-39.

⁴⁵ Stuart W.Piggott, *Prehistoric India*, p.265.

⁴⁶ C.W.Bishop, «Origin and Early Diffusion of the Traction Plow», *Smithsonian Institution Annual Report of the Board of Regents*, 1937, pp.531-47.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

профессиональный уровень мастерства был недостижим. Развитие специализированных промыслов стало отличительным признаком древнейших цивилизованных городских сообществ, появившихся на Среднем Востоке ближе к концу IV тыс. до н.э.

Хронологически распространение земледелия эпохи неолита и деревенского образа жизни в пределах Старого Света совпало с периодом подъема цивилизаций в долинах рек Тигра и Евфрата, Нила и Инда. По мере развития культуры народов, населявших эти долины, они начали оказывать мощное влияние на своих соседей, формируя таким образом стиль жизни в деревнях на широких просторах Евразии. Поэтому сейчас мы обратимся к истории цивилизаций речных долин, а затем проследим отзвуки этого процесса в развитии народов, живших с ними бок о бок.

ГЛАВА II

Прорыв к цивилизации в Месопотамии

После того как на Среднем Востоке были освоены лесистые склоны холмов с пригодной для земледелия почвой и площадь необрабатываемых земель сократилась, крестьяне, число которых все возрастало, начали расселяться во всех направлениях. Долины великих рек, протекавших с гор на юг к морю через луга и пустыни, одновременно привлекали и пугали будущих поселенцев. Здесь в изобилии водилась рыба и водоплавающие птицы; плодородные аллювиальные почвы было легко обрабатывать, а богатый урожай фиников отлично дополнял преимущественно злаковый рацион. Однако по мере продвижения в более низкие широты и переселения с гор в долины люди сталкивались с тем, что дождей, даривших живительную влагу, становилось все меньше, пока наконец они практически не исчезли. Сеять на мягких илистых почвах, оставшихся после весенних разливов, было несложно; но чтобы молодые побеги выжили под знойным летним солнцем, необходимо было найти способ искусственного орошения полей.

Однако вскоре после 4000 г. до н.э. в долинах в нижнем течении Тигра и Евфрата появились первые земледельческие поселения, сравнимые по размеру и уровню развития с любой деревней, расположенной в зоне естественного дождевого орошения. Вывод очевиден: пионеры земледелия в этих местах научились подавать воду на свои поля. Без сомнения, поначалу орошение проводилось в небольших масштабах. Техника ирригации, наверное, впервые была использована вдоль берегов небольших рек в тех районах, где выращивание урожая традиционными методами оказывалось невозможным, поскольку водные потоки, зарождавшиеся на относительно хорошо увлажненных холмах, попадали здесь на пустынные низменные земли Месопотамии¹. Итак, первые удачные попытки выращивания урожая с использованием искусственного орошения открыли новые возможности для членов первых земледельческих общин на обширных просторах пустынных долин Тигра и Евфрата.

Возможно, поначалу поселения в Нижней Месопотамии сосредоточивались на узкой полосе земли вдоль берегов рек. Орошение сводилось здесь

¹ См. Robert M. Adams, «Agriculture and Urban Life in Early Southwestern Iran», *Science*, CXXXVI (1962), 112-13.

просто к прорытию проходов в естественных насыпях, созданных отложениями после разливов вдоль русла реки, чтобы пропустить воду на земли ниже этих насыпей. Только после того, как земледельцы продвинулись в глубь территории и удалились от водных артерий, им понадобилась более развитая система каналов и дамб для орошения полей.

Новая среда обитания разительно отличалась от лесистой местности, где зарождалось земледелие. Ловля рыбы и водоплавающей дичи в хитросплетениях рек, болот и ручьев приобретала большое значение в жизни поселенцев. Столь же важным, причем весьма неожиданно, становилось и животноводство². В новых условиях было уже невозможно расселение в форме практически одинаковых и достаточно удаленных друг от друга сельских общин, поскольку в узких плодородных долинах рек плотность населения возросла до высокого уровня, и это заставляло согласовывать интересы и точки зрения различных живших бок о бок групп населения: рыбаков, пастухов и земледельцев.

Появилась необходимость в более крупных общественных образованиях, чем это было возможно в обычной неолитической деревне; возникавшие при этом вследствие различия профессиональных интересов и в условиях относительно высокой плотности населения трения способствовали выделению слоя руководителей, наделенных властью разрешать различные конфликты. Две особенности земледелия Древней Месопотамии позволили эффективно решить эту политическую проблему. Во-первых, практически равнинная и свободная от камней местность долины в нижнем течении Тигра и Евфрата значительно облегчала процесс вспашки³; что, в свою очередь, упрощало производство на богатых аллювиальных почвах избытка зерна, достаточного для обеспечения пищей групп руководителей. Во-вторых, ежегодные половодья приносили свежий верхний слой ила на поля, восстанавливая

² Вдали от живой влаги пейзаж Нижней Месопотамии резко менялся, и на протяжении большей части года местность представляла собой выжженную пустыню; однако с наступлением периода зимних дождей пустыня, хоть и ненадолго, покрывалась пышной растительностью. В оставшуюся часть года в узких переходных зонах между болотами и пустыней в небольшом количестве произрастали многолетние травы. При полном отсутствии свежих кормов овцы, козы и ослы могли прокормиться сеном.

³ Трудность вспашки неровных или покрытых пнями полей существенно снижала ценность плуга для земледельцев, использовавших для подготовки новых участков метод подсечно-огневой расчистки. Следовательно, возможно, что плуг был изобретен только тогда, когда люди начали возделывать наносные земли. Если это так, то обсуждавшееся выше распространение вспашки по всему миру было одним из первых результатов подъема цивилизации. Однако доказательства, позволяющих сделать такой вывод, недостаточно. См. Robert M. Adams, «Agriculture and Urban Life in Early Southwestern Iran», pp.112-13.

таким образом плодородие почв⁴, поэтому необходимость в кочевом земледелии совершенно отпадала. Так, произведенный оседлым населением излишек сельскохозяйственных продуктов сделал возможным возникновение общин с четко определенными границами. Этими общинами управляли колдуны и шаманы. Наступил этап, когда кровное родство – древнейшая основа человеческого общества – было дополнено, а затем вытеснено новым принципом консолидации общества: близостью мест проживания⁵.

Особенности пустынного рельефа по берегам рек многое объясняют в процессах социальной эволюции первых сельскохозяйственных общин, пришедших на обширные территории долины в низовьях Тигра и Евфрата предположительно после 4000 г. до н.э. Географические размеры новой зоны обитания также стимулировали изобретательность переселенцев, одновременно поощряя развитие относительно интенсивного транспортного сообщения и системы связи на больших расстояниях. Таким образом, внешние обстоятельства не позволяли первым поселенцам забыть о необходимости налаживать контакты с другими племенами. Лодки и плоты могли беспрепятственно передвигаться по рекам, лагунам, ручьям непосредственно в пределах региона, а также ходить вдоль побережья залива, называемого сегодня Персидским, встречая при этом только естественные трудности в виде ветра и волн. В противоположной стороне Месопотамии также не было географических препятствий, способных преградить путь караванам в горы, окаймлявшие Месопотамскую низменность с севера, востока и запада. Отсутствие в аллювиальной зоне Нижней Месопотамии камня, строительного леса и металлов также побуждало отправляться в дорогу на поиски этих материалов. Для удовлетворения своих потребностей жители долины должны были либо организовывать экспедиции в целях поиска, изготовления и

⁴ На протяжении столетий при испарении воды, используемой для орошения, в почве накапливается соль. Возможно, это стало серьезной и в конце концов неразрешимой проблемой для Месопотамии; однако образование солончаков происходило медленно, и поначалу изменения не бросались в глаза на протяжении человеческой жизни. См. Thorkild Jacobsen and Robert M. Adams, «Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture», *Science*, CXXVIII (1958), 1251-58.

⁵ Можно только догадываться о том, как это происходило. Из того очевидного факта, что все население определенной местности поклонялось одним и тем же божествам наводнений и гроз, можно сделать логичный вывод, что в результате племя, проживавшее на определенной территории вдоль берега реки, подчинялось посланцам самого бога на земле, т.е. священникам. Но поскольку территориальные границы значительно легче поддавались изменению, чем родственные связи, новая основа социального объединения представляла значительно более гибкие инструменты регулирования деятельности населения. Пройдя через сложности и видоизменения в ходе развития общества, такая основа сохранилась и в развитых цивилизациях. В конце концов это привело к тому, что люди, никогда прежде не встречавшиеся и, возможно, живущие на расстоянии сотен километров, относятся друг к другу как товарищи только потому, что проживают на территории одного государства.

доставки необходимых продуктов, либо убедить соседние народы обменивать камень, лес или металлы на излишки производства в долине. По мере углубления специализации в рамках общественной организации населения долины объем торговли между жителями горных и равнинных районов увеличивался, одновременно возрастало значение торговли; зарождавшиеся вдоль берегов рек города становились центрами пересечения дорог и способствовали развитию окружающих их регионов.

Таким образом, появилась возможность гарантированного выживания в условиях сравнительно высокой плотности населения в речных долинах Месопотамии; наличие больших масс людей, в свою очередь, обеспечивало достаточные объемы рабочей силы, необходимые для возведения монументальных сооружений, для ежегодного расширения системы дамб и каналов и для выполнения функций, связанных с обеспечением транспортного сообщения на больших расстояниях, обусловленного усложнением образа жизни населения Месопотамии.

Конечно, рост общин имел естественные ограничения. Воду нельзя заставить течь в гору, поэтому склоны холмов невозможно было оросить, а низинные области не поддавались осушению от застойных болотных вод. Однако, за исключением слегка возвышенных берегов рек, территория нижней части долины Тигра и Евфрата представляла собой очень ровную местность. Поэтому можно было подавать воду по искусственным каналам за несколько километров от берега реки, пользуясь практически незаметным понижением уровня земли вниз по течению. Однако подобные усовершенствованные каналы имели тот серьезный недостаток, что в годы небольших разливов воды могло не хватить для орошения удаленных полей. Впрочем, намного опаснее были годы сильных наводнений, поскольку тогда основные плотины и каналы могли быть разрушены до основания; к тому же время от времени могучий Евфрат изменял русло, оставляя при этом населенные территории бессильными перед лицом засухи, если только людям не удавалось вовремя приспособить ирригационную систему к изменившимся условиям. Таким образом, по мере совершенствования техники орошения становилось все сложнее поддерживать ирригационную систему в рабочем состоянии, повышался также риск случайных разрушений. Так, по жестокой иронии судьбы люди, находившиеся в зависимости от дамб и каналов, увеличивали риск периодических катастроф в той же степени, в какой их мастерство создания безнапорных ирригационных систем приближалось к своему техническому пределу.

Соседние племена также представляли серьезную опасность для сложных систем орошения в Месопотамии. Общество, существовавшее за счет воды, приходящей по каналу, который можно перекрыть в нескольких ки-

лометрах по течению выше орошаемых полей, было чрезвычайно уязвимым в случае военного нападения. Поэтому расположение выше по течению играло важную стратегическую роль при любой политической и военной ситуации в Месопотамии, так как живущие ниже по течению всегда с неизбежностью зависели от милости тех, кто контролировал приток воды.

Таким образом, развитие земледелия с использованием ирригации в долинах нижнего течения Тигра и Евфрата ограничивалось как природными факторами, так и причинами, связанными с деятельностью людей. Однако прежде, чем такой предел был достигнут, возник новый образ жизни людей, характеризующийся сложностью системы общественных отношений, богатством и общим впечатлением фундаментальности, заслуживающий названия «цивилизированный». Приблизительно между 3900-м и 3500 г. до н.э. были полностью раскрыты потенциальные возможности земледелия на основе орошения в Месопотамии, основаны поселения на равнине Шумера, далеко на юге; таким образом, успешно закончилась начальная стадия развития сельского хозяйства и приспособления человека к новой окружающей среде. Затем около 3500 г. до н.э. начинается быстрое развитие организаций, идей, церемоний, ремесел, которое продолжалось приблизительно до 3000 г. до н.э. Относящиеся к тому времени расшифрованные документы позволяют более четко представить древнее общество. Из этих источников вырисовывается нечто уже достаточно древнее, установившееся и подлинно зрелое: шумерская цивилизация.

Наука не дает ответа на вопрос, кто такие шумеры и откуда они пришли. Их язык не похож ни на один из известных языков, а по скелетам нельзя достоверно судить об их расовой принадлежности. В религии и искусстве шумеров особое место отводится животным, это дает основания полагать, что часть населения когда-то занималась скотоводством. По описаниям некоторых традиций этого народа можно судить о том, что шумеры прибыли морским путем с юга. Однако эти ненадежные данные не позволяют утверждать, что какой-то конкретный регион первоначально был их родиной⁶.

Уже первые документальные источники свидетельствуют о том, что долины Месопотамии были заселены разными народами. Можно предположить, что по мере освоения земель в целях земледелия сюда со всех сторон устремлялись на поселение люди, как это происходило во времена, зафиксированные в хрониках. Древнейшие из имеющихся документов указывают, что шумеры жили бок о бок с народами, говорившими на языках семитской

⁶ В работе: A.Parrot, *Archéologie mésopotamienne: technique et problèmes* (Paris: Albin Michel, 1953), pp.308-31 хорошо изложен обзор различных выдвинутых по этому вопросу теорий.

группы⁷. Влияние шумеров распространялось на южную часть территории, а семитские группы господствовали на севере Месопотамии; однако во многих районах наблюдалось их тесное смешение⁸. Несмотря на столь неоднородный состав населения, принято называть возникшую здесь цивилизацию «шумерской»; ведь именно на этом языке были записаны древнейшие хроники, а первые вполне сформировавшиеся города находились в южной части пойменной равнины, где преобладало население, говорившее на языке шумеров.

Цивилизация шумеров была цивилизацией городов. С одной стороны, разница между шумерским городом и разросшейся деревней была невелика, поскольку большую часть их населения составляли крестьяне. Однако размерами и прежде всего структурно такой город принципиально отличался от общин неолитических деревень, поскольку технологии, связанные с подачей воды, от которых зависело само существование людей, требовали организованных усилий городского населения. Вместо возделывания небольших участков силами одной семьи, как почти наверняка поступали жители деревень эпохи неолита, шумеры разделили орошаемые земли на большие поля, принадлежавшие богу, которыми от его имени распоряжались жрецы. Город создавался на базе одной или нескольких таких храмовых общин.

Практическим результатом такой системы землепользования было то, что шумерские работники объединялись в рабочие бригады по несколько сот, а возможно, и тысяч человек. Пользуясь простейшими ручными механизмами, эти бригады возводили и обслуживали крупномасштабные ирригационные системы, необходимые для использования возможностей реки в полном объеме. Орывочные записи не позволяют судить о деталях организации труда; возможно, существовали местные различия в разных городах, о которых сегодня нам ничего не известно. Глиняные таблички из Лагаша повествуют о том, что земля в этом городе (а значит, и урожай) была разделена на три категории: 1) поля, принадлежавшие богу и обрабатывавшиеся от его имени; 2) поля, арендуемые отдельными жителями на год; 3) поля,

⁷ Повсеместно распространенное двуязычие, возможно, имело далеко идущие последствия для интеллектуального развития Месопотамии. По сравнению, например, с языком египтян, в письменных источниках Месопотамии удивительно мало мест, связанных с волшебством. Для грамотных жителей Месопотамии, знавших по крайней мере два совершенно непохожих языка, было довольно естественно делать различие между словом и понятием, а также между словом и вещью; проистекавшая из этого склонность к абстрактному мышлению могла быть одной из предпосылок их замечательных математических достижений.

⁸ Thorkild Jacobsen, «The Assumed Conflict between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History», *Journal of the American Oriental Society*, LIX (1939), 485-95.

отданные жителям в постоянное пользование в виде наделов различной величины⁹. У нас нет достоверных свидетельств из других городов.

Тем не менее очевидно, что жрецы выступали в роли руководителей, инициаторов и координаторов коллективных действий сограждан, без которых цивилизация шумеров не могла возникнуть или долго просуществовать. Священнослужители контролировали распределение земли, содержали в порядке пограничные знаки, следили за тем, чтобы существенная часть урожая оседала в закромах храмов, а также руководили работой бригад, ежегодно очищавших каналы и укреплявших плотины. Таким образом, коллегии жрецов были наделены очень большой властью; однако взамен они оказывали общине жизненно необходимые услуги. Только священнослужители могли рассчитать смену сезонов, спланировать прокладку каналов и вести счета, без чего эффективная координация деятельности общины была бы невозможна. Еще более важным фактором, составлявшим основу власти жрецов, был сверхъестественный ореол, окружавший тех, через кого великие боги снисходили до общения с людьми. Обладая таким могуществом, жрецы совершенствовали свои организационные возможности как в вопросах практической жизни, так и в области религиозной деятельности, что позволило обществу шумеров подняться на уровень примитивной цивилизации.

По мере становления храмовых общин в Шумере сложились условия, при которых крестьяне производили излишек продуктов, достаточный для пропитания слоя специалистов, которые могли позволить себе не работать в поле. Такое социальное расслоение, лежащее в основе любой цивилизации, не является ни естественным, ни автоматическим. Представители современ-

⁹ Anna Schneider, *Die Anfänge der Kulturwirtschaft: Die sumerische Tempelstadt*, Staatswissenschaftliche Beiträge, Heft IV (Essen, 1920); A.Falkenstein, «La Cité-temple sumérienne», *Cahiers d'histoire mondiale*, I (1954), 791. По мнению A.L.Oppenheim, «A Bird's-Eye View of Mesopotamian Economic History», в работе Karl Polanyi et al., *Trade and Market in the Early Empires* (Glencoe, Ill.: Free Press, 1957), pp.27-37, в условиях древней цивилизации шумеров могли также сохраниться и сельскохозяйственные общины, не зависящие от влияния какой-либо церкви. Тем не менее именно храмовая община была новым, существенным для развития цивилизации шумеров явлением с разделением социально-экономических ролей в той степени, которую допускала существовавшая общественная система.

Интересно отметить, что ранние шумерские хроники, известные сегодняшним исследователям, не содержат упоминаний о племенной или основанной на кровном родстве общественной организации. Нам представляется, что, как правило, территориальное объединение сочеталось с небольшими семейными хозяйствами. Из чего следует, что ко времени появления письменных памятников история земледела шумеров насчитывала уже несколько веков, в течение которых существовавшие прежде племенные связи распались. По окончании этого процесса сельские общины, состоявшие из небольших семейных хозяйств, стали тем общественным сырьем, из которой выросли города.

ных первобытных цивилизаций редко производят больше, чем им требуется в данное время; однако в Древней Месопотамии десятки тысяч крестьян были убеждены в необходимости трудиться, чтобы прокормить других членов сообщества. Корни невероятной иррациональности такого поведения следует искать в существовавшем испокон веков страхе, заставлявшем людей жертвовать часть пищи ревнивым духам, чтобы они не лишили пропитания вечно голодающее человечество. В позднейших списках шумерских религиозных текстов прямо указывается на то, что человек был создан с целью освободить богов от необходимости работать для обеспечения их существования. Таким образом, человек рассматривался как раб богов, обязанный непрестанно и усердно трудиться под страхом неизбежного наказания – наводнения или засухи и последующей голодной смерти. Безусловно, подобные представления существовали задолго до того, как были записаны; возможно, поэтому и возникла практика накопления зерна и других продуктов в кладовых храмов, где священники распоряжались ими для удовлетворения потребностей богов.

Каждый храм шумеров рассматривался как жилище конкретного божества в буквальном смысле. Священники и другие служители составляли его челядь¹⁰. Их первой обязанностью было прислуживать божественному повелителю путем исполнения церемоний и принесения жертв. Вторая задача заключалась в посредничестве между богом и его рабами-людьми: открывать божественную волю, смягчать гнев божества или определять время, когда небеса благословляли важные для людей начинания. По мере увеличения богатства храмов возрастало величие и сложность священных обрядов. В конце концов надлежащее исполнение храмовых обязанностей стало важным видом экономической деятельности, которым профессионально занимались не только священники, но также и ремесленники различных специальностей.

Такое поведение основывалось на предположении о необходимости умиловить и успокоить бога, чтобы он не послал наводнения, засухи или болезни, не поднял кровожадного врага против своего народа. Подобные несчастья довольно часто постигали города Месопотамии, что, очевидно, помогало внушать их жителям тревогу в отношении поведения божественных сил, которые слишком часто вели себя капризно, непостижимым для человеческого понимания образом. Недопущение случайного нарушения доброй воли богов, правильное объяснение знаков и предзнаменований, которыми боги могли удостоить людей, стали вопросами первостепенной

¹⁰ См. F.R.Kraus, «Le Rôle des temples depuis la troisième dynastie d'Ur jusqu'à la première dynastie de Babylon», *Cahiers d'histoire mondiale*, I (1954), 519-21.

Институт востоковедения, Чикагский университет (Oriental Institute, University of Chicago).

ВЕРХОВНЫЕ ЖРЕЦЫ ИЛИ БОЖЕСТВА МЕСОПОТАМИИ

Эти статуэтки были обнаружены в развалинах древнего храма Тель-Асмар в Ираке. Они относятся к III тыс. до н.э., однако происходят из отдаленных районов Месопотамии. Относительно грубая техника исполнения скульптур демонстрирует сильное отставание в развитии по сравнению с более развитыми центрами шумерской цивилизации. Таким образом, эти скульптурные изображения сохранили более древний стиль и позволяют получить представление об уровне, соответствующем времени зарождения цивилизации шумеров. Через застывшую неуклюжесть фигур с руками, сложенными в ритуальном, возможно, молитвенном положении, с устремленным вверх взглядом огромных глаз и общее впечатление напряженного ожидания автору удалось передать страстное волнение, с которым в те далекие времена жители Месопотамии старались услужить своим капризным богам, в результате чего создали древнейшую цивилизацию на земле.

важности. Только образованные и опытные жрецы могли оказывать подобные услуги простолюдям.

Таким образом, нестабильность жизни в ранних шумерских городах гарантировала власть и могущество священнослужителей. Власть жрецов в качестве руководящей силы общества в свою очередь обеспечивала подготовку специалистов в области управления и ремесел. Часть населения освободилась от сельскохозяйственных обязанностей и могла полностью посвятить свое время другим занятиям, что способствовало быстрому развитию ремесел и знаний в различных областях. Однако зарождавшееся социальное многообразие было воплощено в узких рамках структуры храмовой общины.

Трудно сказать, в какой степени крестьяне пользовались плодами углубления специализации ремесел. Скорее всего священнослужители, а позже и солдаты были для ремесленников в первую очередь просто людьми, потреблявшими производимые ими изделия. И все же уже в самом начале этого процесса мог существовать какой-то товарообмен между крестьянами и ремесленниками. В урожайный год даже после исполнения обязательств по отношению к богу у крестьянина могло оставаться больше продуктов, чем ему требовалось. Поэтому он мог обменять зерно или финики на профессионально изготовленные инструменты или горшки. Однако такой обмен носил все-таки второстепенный характер в условиях храмовой экономики, которая определяла жизнь шумерского общества и господствовала над ней.

Сущность перемен заключалась в следующем: впервые в истории человечества в храмовой общине шумеров были созданы технические возможности и психологические стимулы для производства излишка сельскохозяйственной продукции в целях содержания специалистов, которые, как горожане до наших дней, стали создателями, хранителями и организаторами цивилизованной жизни.

Быстрое, с точки зрения исторического процесса, формирование основных признаков шумерской цивилизации в течение периода, предшествовавшего возникновению письменности (до 3000 г. до н.э.), наиболее ярко проявилось в развитии искусства, поскольку основные формы и темы шумерского стиля были уже разработаны и достигли удивительно зрелого уровня еще до создания первых хроник. Возможно, теологическое мировоззрение, присущее шумерам и их преемникам в Месопотамии в упомянутые в письменных памятниках времена, оформилось на протяжении того же периода становления. То же относится и к технике: целый ряд выдающихся изобретений – ирригация, колесные транспортные средства, судоходство, метал-

лургия, обожженная керамика и гончарный круг – довольно неожиданно появляется в археологических находках, относящихся к периоду перед возникновением письменности, тогда как после ее распространения столь же значительные открытия прекратились. С другой стороны, в области политического управления и военной организации эволюция в Месопотамии продолжалась и в исторические времена; поскольку расцвет более милитаризованного и светского государства резко изменил храмоцентрическую экономическую систему в ту древнейшую историческую эпоху.

Однако даже в самых консервативных аспектах древней культуры Месопотамии на протяжении веков заметны небольшие, но постоянные изменения. Это лучше всего можно проиллюстрировать с помощью тщательного изучения цилиндрических печатей – миниатюрных произведений искусства, используемых для нанесения знаков собственности на запечатанные кувшины. Тысячи таких дошедших до наших дней печатей, относящихся ко всем периодам, представляют собой уникальное собрание материалов по истории искусства Месопотамии. Древнейшие печати, относящиеся к периоду до появления письменности, характеризуются «удивительным мастерством»¹¹, представленные на них сюжеты сохранились на протяжении всего времени изготовления таких печатей. Затем наступил период снижения художественного уровня, возможно, в результате массового производства или обращения мастеров к другим областям творчества после того, как были преодолены первоначальные трудности, связанные с конструкцией и технологией изготовления печатей. В дальнейшем наблюдается ряд видоизменений стиля, отчасти под влиянием незначительных перемен в технике производства, отчасти из-за происходившего время от времени расширения тематики изображаемых сюжетов. Однако в целом искусство изготовления печатей оставалось неизменным, а выработанные на раннем этапе его развития принципы всегда соблюдались.

Несмотря на то что до нас дошло значительно меньше документальных свидетельств истории развития других видов искусства шумеров, они, похоже, следовали тем же законам. Стилистические особенности скульптуры и ювелирных украшений сложились на ранней стадии развития; позже происходили лишь относительно незначительные их изменения. В архитектуре эволюция была более существенной. Ко времени Третьей династии Ура, когда сформировалась классическая форма зиккурата (ок. 2050–1950 гг. до н.э.), размеры храмов увеличились, а сложность их конструкции существенно возросла. В раннешумерском городе храм представлял собой просто прямоугольный дом, предназначенный для бога и установленный на приподнятой

¹¹ Henri Frankfort, *Cylinder Seals* (London: Macmillan & Co., 1939), p.15.

Институт востоковедения, Чикагский университет (Oriental Institute, University of Chicago).

ОТТИСК ЦИЛИНДРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Этот оттиск печати, обнаруженный в Тель-Асмаре и относящийся приблизительно ко времени правления Саргона Аккадского, демонстрирует высокий уровень мастерства, достигнутый граверами Месопотамии, наносившими изображения на печати. Подобные оттиски можно отнести к искусству миниатюры: представленная здесь фотография приблизительно вдвое больше оригинала. Более того, фигуры были не просто вырезаны по твердому камню в зеркальном отражении, но и выгравированы на изогнутой поверхности цилиндра довольно малого диаметра. Прокатывая такую печать по влажной глине, можно было получить бесконечно повторяющуюся последовательность фигур, что иллюстрируется изображением скачущей антилопы, сделанным на оттиске дважды. Возможно, здесь изображена какая-то мифологическая сцена, однако современной науке ничего об этом не известно.

платформе, возможно, для защиты от наводнения. Со временем между уровнем земли и внутренним помещением святилища появлялись дополнительные ступени, поднимавшие храм все выше и выше; параллельно увеличивалась относившаяся к храму территория вокруг сооружения за счет предназначенных для культовых целей участков. Однако принципиально план храма оставался неизменным¹².

Не существует хронологически непрерывной последовательности документов, освещающей развитие религии в Месопотамии и сравнимой с коллекцией цилиндрических печатей. В описанный в хрониках период (и предположительно уже со времени зарождения культуры) верховные божества земли, олицетворявшие высшие силы природы – небо, солнце, землю, воду и бурю, – представлялись шумерам в образе человека. Циклическая смена сезонов объяснялась с помощью мифа об умирающем боге растительного мира, чей периодический уход в подземное царство вызывал увядание растений, которые затем возрождались с возвращением божества. Другие мифы описывали сотворение мира, открытие ремесел, характеризующих цивилизованное общество, родословную богов, а также отношения между человеческим и божественным¹³.

Профессиональные жрецы с большим размахом и торжественностью проводили грандиозные праздники, соответствовавшие важнейшим моментам сельскохозяйственного года. Храмы превратились во внушительные сооружения, вознесенные высоко над городом, богато отделанные скульптурами и дорогими материалами. Во время торжественных церемоний простые люди были только зрителями; однако в каждом доме имелась специальная ниша для изображений второстепенных божеств шумерского пантеона, с которыми жильцы общались непосредственно. Прихожане же могли приблизиться к великому богу храма лишь в исключительных случаях¹⁴.

Как обрядовая сторона культа, так и сама теологическая доктрина, возможно, выкристаллизовались уже при зарождении шумерских городов и с тех пор постоянно шли в ногу с процессом консолидации управления храмовыми общинами со стороны жрецов, поскольку эти аспекты были взаи-

¹² См. Heinrich J. Lenzen, *Die Entwicklung der Zikurra von ihren Anfängen bis zur Zeit der III Dynastie von Ur* (Leipzig: Otto Harrassowitz, 1942); André Parrot, *Ziggurats et Tour de Babel* (Paris: Albin Michel, 1949); Charles Leonard Woolley, *The Development of Sumerian Art* (New York: Scribner's Sons, 1935); A. Parrot, *Sumer* (Paris: Librairie Gallimard, 1960).

¹³ См. S. N. Kramer, *Sumerian Mythology: A Study of Spiritual and Literary Achievement in the Third Millennium B.C.* (Philadelphia: American Philosophical Society, 1944); и главу, написанную Thorkild Jacobsen в работе Henri Frankfort et al., *Before Philosophy* (Harmondsworth: Penguin Books, 1941), pp. 137-99.

¹⁴ См. Édouard Dhorme, *Les Religions de Babylonie et d'Assyrie* (Paris: Presses universitaires, 1945), pp. 174-282.

АЛЕБАСТРОВАЯ ВАЗА

Эта ваза могла использоваться в храмовых церемониях. Она найдена в Уруке и относится к протописьменному периоду. Высеченный на сосуде рельеф, возможно, изображает встречу Нового года. В верхней части вазы богиня, принимающая дары от людей — своих рабов, чье предназначение заключается в служении богине; точно так же, как назначение помещенных у основания растений и животных — удовлетворять желания и потребности человека. Фигуры людей в средней части сосуда замыкают круг бытия в том виде, в каком его представляли себе древние шумеры. Таким образом, на этой вазе отражена принципиальная структура шумерской храмовой общины.

Генеральное управление древностей, правительство Ирака (Directorate General of Antiquities, Government of Iraq)

мозависимыми. Каждый город рассматривался как собственность определенного божества, а его жители – как рабы этого божества. Однако местные боги подчинялись коллективной воле всего пантеона, который собирался каждый Новый год для определения судьбы на предстоящие 12 месяцев и мог изменить решение любого божества, входившего в совет. Таким образом, подданные конкретного бога могли оказывать ему все мыслимые почести, однако в соответствии с высочайшим решением божественных соперников покровителя их могла постигнуть катастрофа. В подобных случаях шумеры полагали, что Энлиль, бог урагана, исполняя верховную волю, разрушил тот или иной город в соответствии с коллективным решением богов¹⁵. Таким образом, шумерская теология убедительно объясняла превратности жизни в нестабильных условиях орошаемого земледелия в долине Тигра и Евфрата и, используя положение о том, что люди являются рабами богов, внушала им мысль о повиновении священникам.

Мы достаточно хорошо знакомы с проявлениями консерватизма в религии и даже в искусстве; но в области технологии на протяжении всей новейшей истории неизменно царил дух новаторства. Однако во времена шумеров ситуация была другой. На этапе возникновения поселений, когда ремесленники вырабатывали профессиональное мастерство в различных областях, когда развивалось искусство ирригации и создавались технологии получения избыточной сельскохозяйственной продукции, когда бурно развивались торговые связи на больших расстояниях, был сделан или впервые применен в широких масштабах ряд важных изобретений. На протяжении этих столетий протописьменного периода был создан арсенал основных технических средств цивилизации Месопотамии, который впоследствии претерпевал лишь незначительные улучшения.

¹⁵ Henri Frankfort et al., *Before Philosophy*, pp.229-31. В более поздних мифах роль исполнителя воли богов отводилась Мардуку, богу Вавилона; но почти наверняка это случилось уже в период, когда Вавилон занимал господствующее положение в иерархии городов шумеров.

Трудно удержаться от соблазна рассматривать подобные отношения между божествами как отражение ранней стадии политического развития шумерского общества, когда главные решения, возможно, принимались собраниями граждан. Если это так, то описываемые мифы сложились до того, как политические институты приняли известные из истории формы. См. Thorkild Jacobsen, «Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia», *Journal of Near Eastern Studies*, II (1943), 159-72. Якобсен обнаружил также некоторые следы «примитивной демократии» во времена Хаммурапи, что при условии правильного прочтения древних текстов служит серьезным подтверждением выдвинутого им тезиса. Однако, даже если автор полностью прав в своих предположениях, выдвинутая им концепция «примитивной олигархии» может быть столь же удачным описанием предложенной им же модели политического устройства.

Интерпретация Якобсоном мифов Месопотамии не является общепринятой. По мнению других исследователей, пантеон шумерских богов сформировался только после того, как в Месопотамии установилась монархия. См. Anton Moortgat, «Grundlagen und Entfaltung der sumerisch-akkadischen Kultur», in Fritz Valjavec (ed), *Historia Mundi*, II (Bern, 1953), p.239.

Такой технологический застой, безусловно, отражает стабилизацию прочих аспектов жизни. Храмовые общины укрепились настолько, что стали в состоянии организовать производство, накопление и распределение материальных ценностей за счет использования таких изобретений, как письменность, плуг, колесные транспортные средства, транспортные суда, а также бронзовые инструменты и оружие, и при этом появилась возможность полностью удовлетворить основные потребности людей. Жизнь приобретала характер застывшей священной рутины, которая не давала достаточно мощных стимулов для преодоления силы общественной инерции.

Но было бы неверно заключить, что в описываемый период полностью отсутствовали какие бы то ни было технические усовершенствования. Скудость информации о развитии в некоторых областях, например в судостроении, не дает оснований для определенных выводов; однако большое количество материальных свидетельств из других отраслей позволяет сказать, что там при сохранении общей застывшей картины в основном происходили второстепенные улучшения. Так, на заре развития цивилизации Месопотамии была реализована идея использования в монументальном строительстве изготовленных из глины кирпичей определенного размера и формы, и эта практика существовала на протяжении всей истории великой цивилизации. В то же время величина и форма определенных зданий все-таки изменялись; менялись и конкретные размеры кирпичей, из которых они возводились, таким образом, точный размер кирпичей, использовавшихся при строительстве, является хорошим методом датирования сооружений.

Большое число дошедших до наших дней изделий шумерских металлургов свидетельствует о том, что мастера периода возникновения письменности в Месопотамии были достаточно хорошо знакомы с бронзой. Однако в более поздние времена инструменты и оружие изготавливались практически из чистой меди. Этот очевидный регресс (дело в том, что медь мягче бронзы – сплава на ее основе), возможно, был связан с недостатком олова; есть основания полагать, что при вторичном появлении бронзы, относящемся ко времени после окончания правления Саргона (ок. 2350 г. до н.э.), олово приходилось доставлять даже из Центральной Европы¹⁶. Невзирая на трудности снабжения сырьем, с течением времени инструменты, и особенно оружие, изготовленные из металла, встречаются все чаще. Упомянутое обстоятельство более, чем какое-либо другое, свидетельствует о возникновении постоянного состояния войны между шумерскими городами. Война диктовала возрастание спроса на поставку металлов; так как без металлических шлемов, наконечников копий и щитов армия вряд ли могла выдер-

¹⁶ R.J.Forbes, *Metallurgy in Antiquity* (Leiden: E.J.Brill, 1950), p.251.

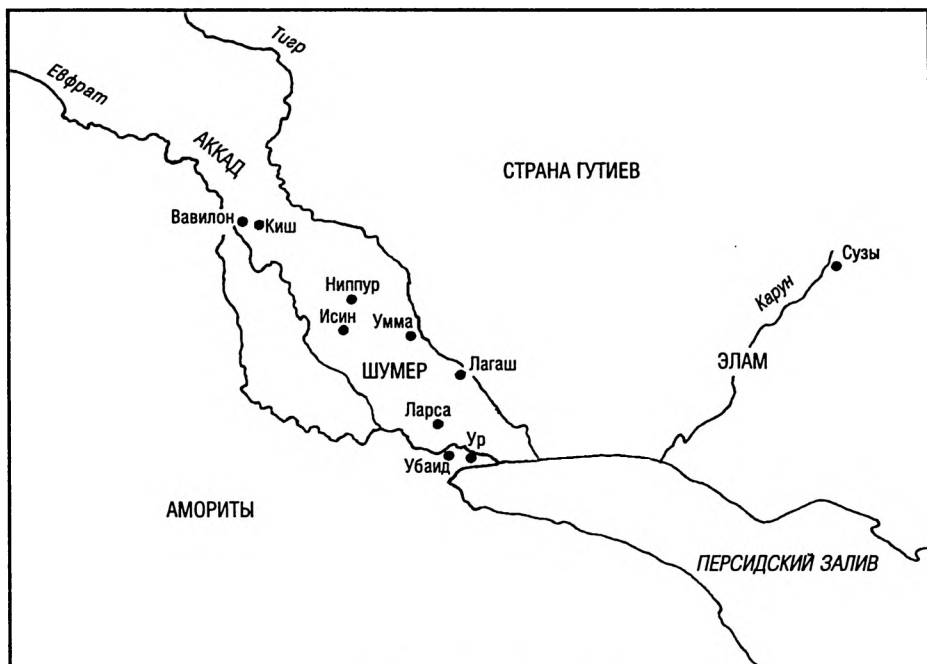
жать натиск экипированного подобным образом противника. Однако изменения в количестве военного снаряжения не сопровождались серьезным прогрессом в конструкции оружия. И вновь следует отметить небольшие отклонения в пределах практически неизменной традиции.

Все большее использование металла для изготовления оружия свидетельствует о том, что независимые шумерские города-государства с трудом поддерживали приемлемый порядок среди цивилизованных общин и защищались от набегов варваров. Последующее развитие цивилизации в Месопотамии вплоть до приблизительно 1700 г. до н.э. несло отпечаток этого серьезного политического дефекта образа жизни шумеров, сформировавшегося к 3000 г. до н.э.

Политическая нестабильность раннешумерских общин во многом объясняется географическими факторами. В отличие от Египта, в Месопотамии не было естественных преград для завоевателей; со всех сторон долина была открыта для захватчиков. Когда расположенные на равнине города стали процветать, они превратились в соблазнительную приманку для варваров-грабителей, населявших окрестные территории. При этом раннешумерские храмовые общины, чья социальная организация была сориентирована на услужение богам, а не на войну, находились в невыгодном положении по сравнению с воинственными скотоводческими племенами и не могли реализовать свое преимущество в живой силе, поскольку сам образ жизни пастухов вырабатывал военную (или по крайней мере полувойнную) дисциплину и навыки.

Отношения между городами представляли собой столь же серьезную проблему. Пока общины были разделены ничейными участками болота и пустыни, серьезные конфликты между ними не возникали. В самом деле, удивительная однородность протоисторической шумерской культуры очевидно свидетельствует о беспрепятственных контактах и обмене опытом между духовенством зарождавшихся городов. Исключительно высокий в религиозном отношении авторитет города Ниппур и чрезвычайная важность, придававшаяся в раннешумерской теологии его богу Энлилю, возможно, отражали времена, когда в храмах города периодически встречались жрецы разных общин Шумера¹⁷. Однако такие предположительно гармонич-

¹⁷ См. Thorkild Jacobsen, «Early Political Development in Mesopotamia», *Zeitschrift für Assyriologie*, N.F., XVIII (1957), 104-10; Bruno Meissner, *Babylonien und Assyrien* (2 vols., Heidelberg: Carl Winter, 1920-25), II, 6-8; Henri Frankfort, *Kingship and the Gods* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp.216-17. Ср. с ролью дельфийского оракула в истории Древней Греции.

ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ

ные отношения резко изменились после освоения большей части легко орошаемых земель Нижней Месопотамии, когда поля соседствующих общин стали непосредственно граничить. Поскольку не существовало ни институтов власти для определения границ между городами, ни законного способа распределения воды в периоды ее нехватки, общие границы стали служить источником постоянных трений и породили хроническое состояние войны.

К 3000 г. до н.э. войны между городами стали уже обыденным явлением. Храмовая община была слишком малой и узкоспециализированной административной единицей, чтобы справляться со всеми проблемами сообществ, зависевших от ирригационной системы, существовавшей практически везде в низинах по всей долине. Первым следствием этого недостатка церковного управления было появление наполовину светской царской власти, существовавшей наряду с более древней храмовой администрацией. Наука не располагает сведениями о том, как именно это произошло. Согласно более поздним преданиям, после Великого потопа боги пожаловали царскую власть правителям Киша; несколько вошедших в историю монархов

признавали престижность древнего титула, именуюя себя «царь Киша» даже после того, как город совершенно утратил свое политическое влияние¹⁸. Киш располагался ближе к северным границам раннего Шумера, в более поздние времена его население было преимущественно аккадоязычным. Возможно, идея «царства» – в отличие от храмового правления, которое представляется чисто шумерским явлением, – была привнесена в Месопотамию потомками пастушеских семитских племен, которые предположительно в условиях орошаемых речных долин могли изменить традиционную форму племенного управления на территориальное царское правление¹⁹.

Независимо от того, из чего возник институт царской власти в Шумере, он укрепился за счет наложения военных функций на уже существовавшую до того религиозно-политическую систему. Власть военачальника над его армией послужила прототипом власти царя над городом; а расцвет царской власти можно рассматривать как процесс, когда чрезвычайные полномочия, делегированные монарху на время войны, стали обычными и в мирной жизни²⁰. Цари узурпировали верховную военную и судебную власть и создали свои дворы по образцу божественных дворов храмовых общин. Таким образом, цари посягнули на административную власть коллегий жрецов; отсюда несомненно, что часто отношения между монархом и священником были непростыми. Вероятно, обычно им удавалось договориться без затяжных споров или открытого применения силы; однако же известно, что Урукагина, правитель Лагаша (ок. 2400 г. до н.э.), открыто выступил против жрецов, предложив бедным и слабым свою защиту от угнетения их жрецами, чтобы вернуться таким образом к старым добрым временам. Но со временем узурпация власти царями была освящена мифами и ритуалами, кульминацией которых стала ежегодная церемония свадьбы царя и богини города.

¹⁸ A.Falkenstein, «La Cité-temple sumérienne», p.805.

¹⁹ Некоторые специалисты полагают, что в искусстве и архитектуре можно обнаружить следы влияния аккадцев на ранние, исключительно шумерские стили, и склонны относить к владениям царя Киша обширную империю, простиравшуюся от Персидского залива до Среднего Евфрата. См. Anton Moortgat, «Grundlagen und Entfaltung der sumerisch-akkadischen Kultur», pp.235-39. Однако другие ученые, как можно судить, не менее проникательные, не замечают этих изменений – или, точнее, не видят оснований рассматривать широкомасштабное проникновение семитских племен в пойму Тигра и Евфрата в качестве причины произошедших изменений. См. T.Jacobsen, «The Assumed Conflict between Sumerians and Semites», pp.285-95.

²⁰ Существование двух различных терминов, обозначающих понятие «царь» в шумерской литературной традиции, наводит на мысль о том, что могло существовать два источника царской власти. См. Thorkild Jacobsen, «Appraisal of Breasted and Childe on Mesopotamia», в *Human Origins*, общем вводном курсе антропологии, избранные чтения, серия 2 (мимеографическая копия; Chicago: University of Chicago Press, 1946), p.252.

По мере того как состояние войны становилось хроническим, институт царской власти превращался в необходимость. По всей вероятности, к 3000 г. до н.э. концентрация политической власти в руках одного человека стала правилом в городах шумеров. Несомненно, следствием этих изменений стало некоторое улучшение местных средств защиты от набегов варваров, в первую очередь потому, что они совпали с постройкой внушительных стен вокруг городов. Однако при этом обострилась борьба между самими городами, которая, возможно, поглощала все большую часть общих ресурсов шумеров.

Очевидно, эволюция отношений между городами в III тыс. до н.э. в целом напоминала развитие более поздних систем государственности, о которых есть более точные исторические сведения. Можно предполагать, что возникавшие на местном уровне ссоры между соседними общинами со временем вызвали появление враждующих союзов, в которые входило большинство цивилизованных городов на равнине. Согласно дошедшим до нас записям, приблизительно с 2500 г. до н.э. Лагаш и Умма стали центрами, вокруг которых сформировались соперничающие союзы. Постепенно полная независимость, по крайней мере более слабых городов, была ограничена. Самые могущественные властители часто создавали крошечные «империи», объединяя под своим руководством несколько общин; однако такие образования были крайне нестабильными и распадались при первой же возможности. По описанной схеме развивались города-государства классической Греции или Италии эпохи Возрождения; отрывочные свидетельства, которыми сегодня располагает наука, позволяют предположить, что сходным образом эволюционировали города Древнего Шумера.

Как бы то ни было, имперские завоевания изменили политическую жизнь Месопотамии во второй половине III тыс. до н.э.²¹ . Лугальзаггиси из Умма был первым правителем, о котором известно, что он объединил под

²¹ Большинство относящихся к хронологии Месопотамии расчетов производится по отношению к периоду правления Хаммурапи, даты которого, к сожалению, не бесспорны. Раньше, по общему мнению ученых, считалось, что Хаммурапи правил около 2000 г. до н.э., однако последние археологические открытия в Сирии и других местах заставляют многих исследователей думать, что это было позже – либо в начале, либо в конце XVIII в. до н.э. Ввиду такого несогласия специалистов кажется целесообразным ввести искусственную хронологическую точку отсчета – 1700 г. до н.э. и ассоциировать с ней Хаммурапи. Более подробное обсуждение проблемы содержится в работе Sidney Smith, *Alalakh and Chronology* (London: Luzac & Co., 1940); Benno Landsberger, «Assyrische Königsliste und "Dunkles Zeitalter"», *Journal of Cuneiform Studies*, VIII (1954), 31-45, 47-73, 106-33; Arnold Toynbee, *A Study of History* (New York and London: Oxford University Press, 1954), X, 171-212; Friedrich Schmitke, *Der Aufbau der babylonischen Chronologie* (Münster: Aschendorff, 1952); P. van der Meer, *The Chronology of Ancient Western Asia and Egypt* (Leiden: E.J.Brill, 1955); André Parrot, *Archéologie mésopota-*

своей властью (ок. 2375 г. до н.э.)²² большинство городов Шумера; однако более устойчивое государственное образование было создано в следующем поколении, после завоеваний Саргона из Аккада. Земли Аккада располагались выше по течению реки, а его население разговаривало на семитском языке, совершенно не связанном с шумерским. Согласно древней традиции, Саргон начал свою карьеру как виночерпий царя Киша на северной оконечности Шумера. В начале своей независимой карьеры завоевателя Саргон, возможно, опирался на солдат, набранных среди его соотечественников, жителей Аккада. В то время Аккад представлял собой переходную зону между высокоразвитой цивилизацией юга и окружавшими ее территориями, населенными варварами. Таким образом, положение жителей Аккада позволяло им объединить доблесть варваров с техническими достижениями их цивилизованных соседей и создать на этой основе мощную военную организацию; по сути дела, Саргон был всего лишь одним из первых в длинной шеренге властителей, которые создавали свои империи, с успехом используя сходное стратегическое положение на границе между цивилизованным и варварским мирами.

Завоевания Саргона, очевидно, не привели к серьезным изменениям в старых городах Шумера. Храмовые общины продолжали существовать, как и прежде, а местные царьки попали в зависимость от поработителя. Однако кульминацией деятельности Саргона в Аккаде стало чрезвычайно важное преобразование. Этот район долго находился под влиянием шумеров; приблизительно ко времени прихода Саргона к власти цивилизация шумеров прочно укрепилась в долинах среднего течения Тигра и Евфрата.

Но в Аккаде влияние храмовых общин никогда не достигало уровня, существовавшего в Шумере. Племенные и клановые вожди, а не жрецы распоряжались большей частью полей и пастбищ Аккада. В это время по мере ослабления прежних племенных связей под влиянием оседлого образа жизни и городских условий возникло что-то вроде личной собственности на землю. Существовали храмы подобно тому, как это было в Шумере, однако бог был всего лишь одним из многих землевладельцев, иногда зависевшим от экономической поддержки царя. В результате священнослужители в Цен-

mienne: technique et problèmes, pp.332-445; Sabatino Moscati, «Nuovi Aspetti della Cronologia dell'Antico Oriente Anteriore», *Relazioni del X. Congresso Internazionale di Scienza Storiche*, II (1955), 167-98.

²² Возможно, еще до Лугальзаггиса из Умма его безвестные предшественники также принимали попытки установления военной гегемонии во всей Месопотамии в том или ином виде. Однако именно о деяниях Лугальзаггиса сохранилось большое число письменных свидетельств. См. Thorkild Jacobsen, «Early Political Development in Mesopotamia», pp.122-36.

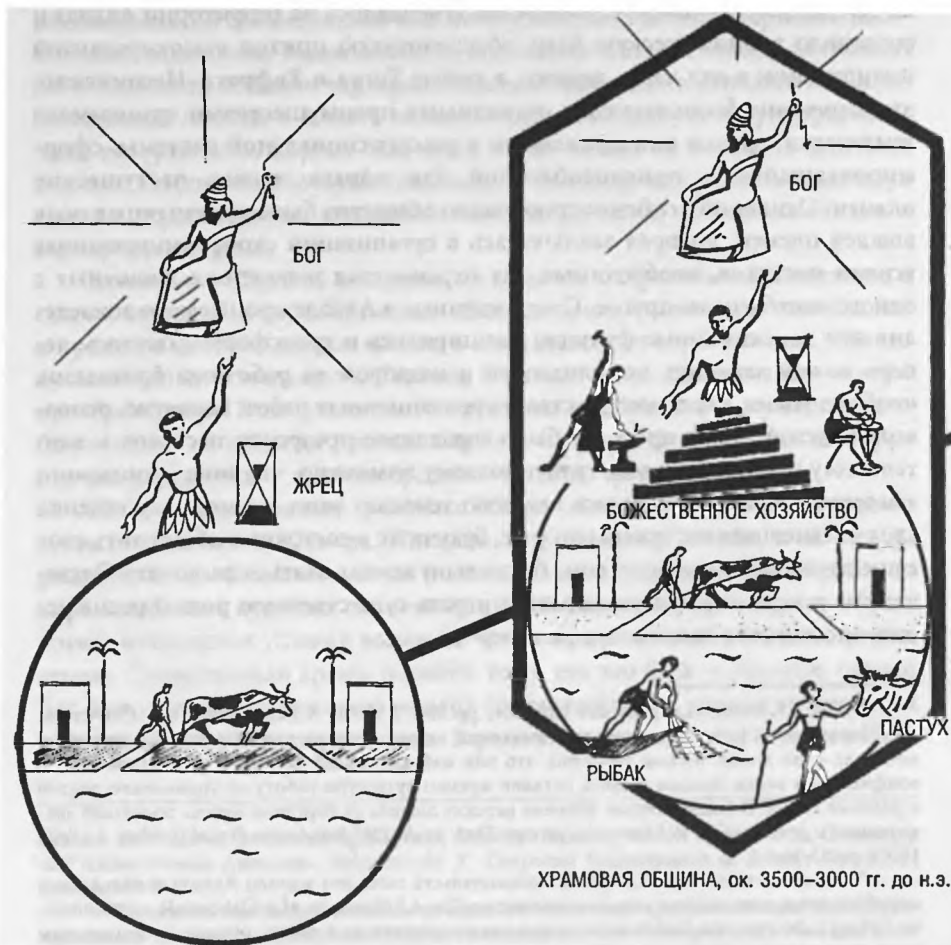
тральной Месопотамии никогда не управляли землей единолично, как это, по-видимому, было в раннем Шумере²³.

Такое различие можно понять, приняв во внимание отличный от шумерского путь к цивилизованности, которым следовало общество Аккада. Можно предположить, что члены семитских племен, основой существования которых традиционно был уход за скотом, не горели желанием заниматься тяжелыми и однообразными земляными работами на рытье каналов и устройстве дамб, что только и делало возможным занятие сельским хозяйством в Месопотамии. И все же на протяжении второй половины III тыс. до н.э. орошаемое земледелие утвердилось на территории Аккада и составило экономическую базу, обеспечившую приход высокоразвитой цивилизации в эту часть долины в пойме Тигра и Евфрата. Несомненно, эти перемены были вызваны очевидными преимуществами орошаемого земледелия; однако они произошли в рамках социальной системы, сформировавшейся и приспособленной для образа жизни пастушеских племен. Основной особенностью такого общества была руководящая роль вождей племен, которая заключалась в организации скоординированных усилий пастухов, необходимых для охраны стад и перегона животных с одного пастбища на другое. С зарождением в Аккаде орошаемого земледелия эти традиционные функции расширились и трансформировались: теперь вожди занялись мобилизацией и надзором за рабочими бригадами, необходимыми для строительства и ирригационных работ. Вероятно, основной помехой этому процессу было горделивое презрение пастухов к длительному и напряженному труду; поэтому возможно, что зона орошаемого земледелия распространялась вверх по течению лишь по мере зарождения слоя обедневших пастухов, которые, будучи не в состоянии обеспечить свое существование скотоводством, были вынуждены взяться за лопату. Захваченные в войнах рабы также могли играть существенную роль в расширении орошаемого земледелия на север²⁴.

²³ См. F.R.Kraus, «Le Rôle des temples», pp.524, 533-40; A.Falkenstein, «La Cité-temple sumérienne», pp.804-14. Мне не удалось выяснить, каким образом цари городов Шумера обеспечивали свой доход. Весьма вероятно, что они избрали самый легкий и очевидный способ конфискации части доходов храмов, оставив жрецам рутинную работу по управлению землей и рабочей силой. В более поздние времена царские доходы от торговли иногда достигали значительного уровня. См. W.F.Leemans, *Foreign Trade in the Old Babylonian Period* (Leiden: E.J.Brill, 1960), pp.55-56.

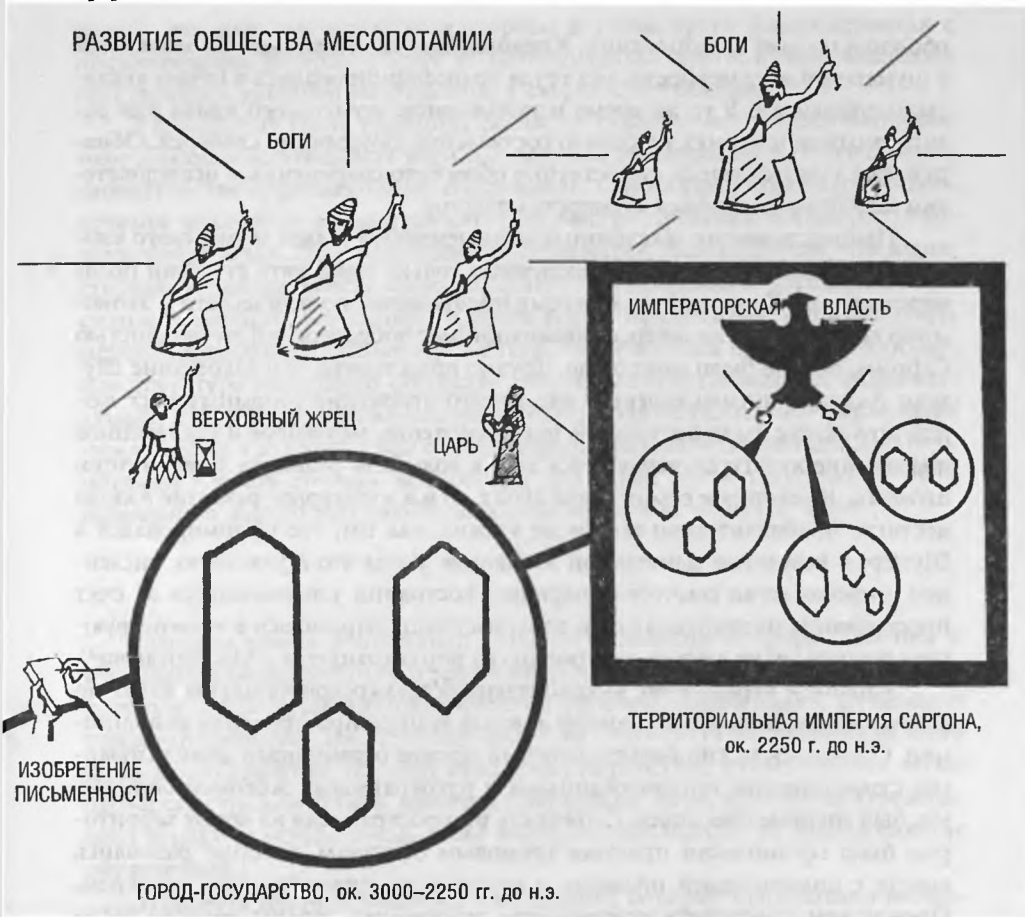
²⁴ Не существует, однако, прямых доказательств того, что жители Аккада использовали поработенных пленников в сельском хозяйстве. См. A.Falkenstein, «La Cité-temple sumérienne», pp.793, 811. Во времена Саргона военнопленных превращали в рабов, однако, насколько нам известно, именно в тот период рабство впервые превратилось в Месопотамии в важный социальный фактор.

Начинающим ирригаторам Аккада было совершенно ясно, что только научившись ладить с наводнениями и богами, они могли рассчитывать на хороший урожай. Поэтому они позаимствовали у шумерских жрецов как технические знания по орошению, так и практику общения с богами. Жители Аккада унаследовали также литературные, художественные и научные традиции Шумера, поскольку эти знания составляли неотъемлемую часть священнодействия – необходимой составляющей успешных отношений с богами. Как способные ученики, аккадцы восприняли и уважение шумеров к традициям, лежащее в основе любой власти и мастерства. Следовательно,

ДЕРЕВЕНСКАЯ ОБЩИНА, ок. 5000 г. до н.э.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА МЕСОПОТАМИИ

проникновение цивилизации в Аккад не привело к серьезным изменениям сложившихся форм художественных проявлений в Месопотамии²⁵. Единственным важным исключением был язык, так как жители Аккада сохранили родное семитское наречие, которое постепенно стало обычным средством

²⁵ Любое подобное утверждение страдает большой долей субъективизма. Тот факт, что дошедшие до нас остатки произведений искусства (за исключением уже упоминавшихся печатей) носят весьма фрагментарный характер, а тексты сохранившихся произведений литературы претерпели сложную эволюцию, начинавшуюся (но в какой степени?) от шумерских источников, еще больше усиливает неубедительность таких суждений. Некоторые ученые усматривают значительные изменения в искусстве и литературе, произошедшие во времена Саргона, см., например, Anton Moortgat, «Grundlagen und Entfaltung der sumerisch-akkadischen Kultur», pp.254-56. Однако эта точка зрения так же субъективна, как и противоположная ей.

общения по всей Месопотамии. Клиновидные символы, использовавшиеся в шумерской письменности, без труда трансформировались в буквы аккадского алфавита²⁶. В то же время использование шумерского языка при религиозных церемониях требовало составления двуязычных словарей. Обнаружение таких словарей существенно облегчило современным исследователям задачу расшифровки шумерских текстов.

Процесс развития аккадского и одновременный упадок шумерского языков происходил постепенно и закончился только через пять столетий после царствования Саргона. В то же время продвижение политического и экономического влияния на север, символизируемое победоносной деятельностью Саргона, еще не было завершено. Трудно представить, что завоевание Шумера Аккадом носило характер внезапного вторжения огромных масс людей. Это скорее было постоянное проникновение, медленное и постепенное подчинение культуры, начавшееся еще в колыбели развития цивилизации шумеров. В результате вскоре после 2000 г. до н.э. культурное развитие Аккада достигло приблизительно такого же уровня, как тот, что сформировался в Шумере в результате длительной эволюции. Когда это произошло, численное превосходство семитских народов, постоянно усиливавшееся за счет просачивания из примыкающей зоны пастбищ, выразилось в главенствующем положении их языков, которое до сих пор сохраняется в Месопотамии²⁷.

Успешное перенесение высокоразвитой шумерской культуры вверх по реке на земли Аккада знаменовало важный этап распространения цивилизации. Социологический барьер, который прежде ограничивал цивилизованное существование организованными и руководимыми жрецами общинами, был впервые преодолен. Сложность распространения на новые территории была органически присуща храмовым общинам, которые развились вместе с цивилизацией шумеров и служили ее организующим стержнем. Прежде чем обеспечить повиновение чужеземцев, жрецы должны были каким-то образом убедить все население подчиниться сверхъестественной власти и идеям, которые были враждебны местной религиозной традиции. Вероятно, это было трудно само по себе; положение еще больше осложнялось тем, что носители драгоценных религиозных преданий имели все осно-

²⁶ Принцип, согласно которому «2» обозначает «два», «zwei», «deux» и т.д., по существу, основан на принципе перевода клиновидных символов с языка на язык.

²⁷ Засоление земель, происходившее вследствие испарения воды из оросительных систем (представляющее серьезную проблему для современного Ирака), нанесло большой ущерб сельскому хозяйству южной части Месопотамии в период между 2400 г. и 1700 г. до н.э. и в конце концов практически уничтожило его. Возможно, этот упадок дал толчок к закату культуры и языка шумеров. См. Thorkild Jacobsen and R.M. Adams, «Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture», p.1252.

вания сохранять свои знания и секреты в узком кругу. Зачем делиться с посторонними, которые к тому же потенциальные враги, преимуществами собственного узаконенного доступа к сверхъестественному?²⁸

В отличие от такой позиции, любой завоеватель мог последовать примеру Аккада и использовать военную силу для организации рабочей силы на строительстве ирригационных сооружений. С помощью подобных средств крупное земледелие могло сравнительно быстро продвигаться вверх по долине междуречья. При социальной организации, подобной той, что существовала в Аккаде, можно было накапливать и использовать излишки сельскохозяйственного производства почти так же эффективно, как в раннешумерских храмовых общинах. Кроме того, менее жесткая и более разнообразная структура аккадского общества, объединявшая племенное, индивидуальное, царское и храмовое землевладение, а также разделение управления между царем и духовенством способствовало развитию цивилизации Месопотамии в такой степени, которая ни при каких обстоятельствах не была возможна в жестко регламентированных храмовых общинах Шумера.

Царская власть имперского типа, объединившая города равнины и наводившая благоговейный страх на приграничные районы, бесспорно, представляла собой решение политических проблем, поразивших шумерские города-государства. Тем не менее империя Саргона просуществовала всего лишь около столетия. К концу правления Нарамсина, внука Саргона, атаки варварских племен гутиев, живших в верховьях Тигра, приобрели угрожающий характер; вскоре после этого империя развалилась на враждовавшие образования.

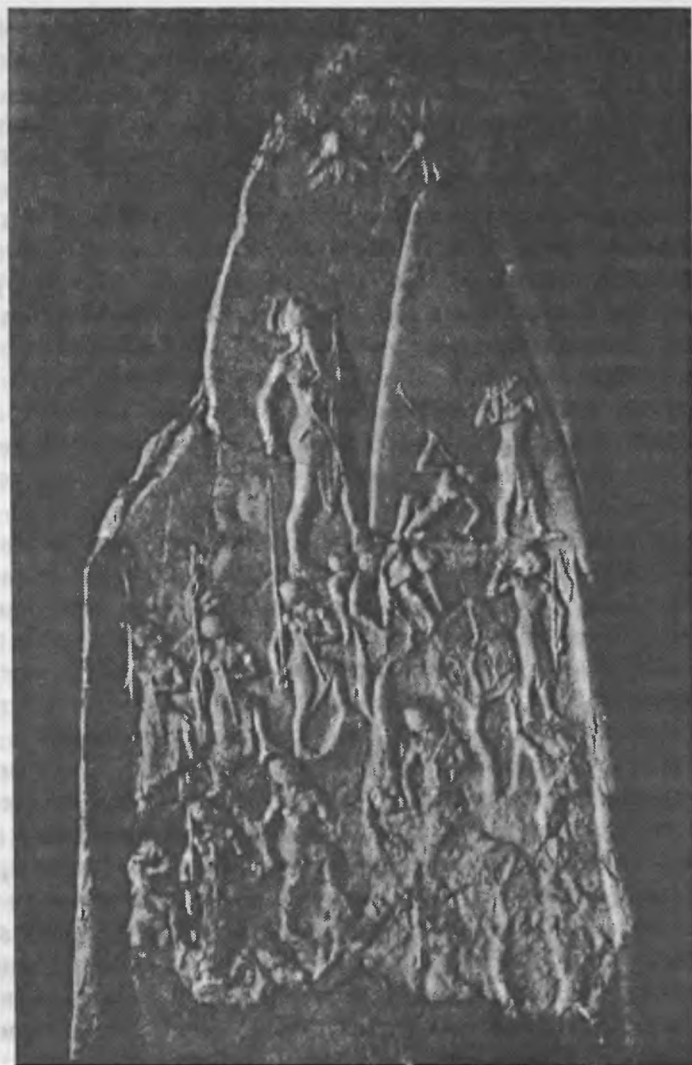
Патриотические чувства к своей родине, которые испытывало население отдельных входивших в империю регионов, конечно, сыграли определенную роль в разрушении царства Саргона. Однако еще более серьезную опасность таило в себе уязвимое географическое положение империи, со всех сторон которой потенциальные противники голодными глазами пристально следили за любым признаком военной слабости Месопотамии. Еще одна

²⁸ Купцы и торговые колонии, действовавшие от имени храмовых общин Шумера, могли тем не менее передавать важные элементы шумерской цивилизации варварским племенам. Эти группы купцов могли оказывать такое же цивилизующее воздействие на жителей Аккада в средней части долины Тигра и Евфрата, какое они совершенно точно оказывали в лежащем дальше на север Ашшуре, центре, вокруг которого позднее сформировалось государство Ассирия. Относительно влияния шумеров на Ашшур до эпохи Саргона см. A.T.Olmstead, *History of Assyria* (New York: Scribner's Sons, 1923), pp.15-16.

слабость государства проистекала из самих масштабов завоеваний Саргона, поскольку существовавшие примитивные методы управления не позволяли осуществлять эффективный контроль над обширными территориями. Нарамсин обычно свергал местных правителей и назначал на их место своих родственников; он пытался также создать себе ореол божественности. Однако в Месопотамии, так же как и везде, члены царской фамилии не всегда были покорны главе дома; а божества, искусственно созданные для поддержания авторитета верховной власти, далеко не всегда становились живыми богами. В отсутствие развитого бюрократического аппарата практическое влияние центральной власти должно было быть очень ограниченным; возможно, оно простиралось ненамного шире зоны личного внимания монарха. Там, где находился царь, его власть была реальной; в его отсутствие признание власти верховного правителя местными вождями, духовенством или другими влиятельными лицами носило скорее декларативный характер.

И все же силы, способствовавшие консолидации империи, продолжали существовать. Как только центральная царская власть пала, сразу возродились старые методы войн и союзов между городами, создавая таким образом новые возможности объединения путем завоеваний. В процессе беспорядков практические рамки власти, которой мог воспользоваться энергичный самодержец, постепенно ослабевали; в результате последующие царские правительства Месопотамии оказались более успешными, чем при Саргоне. Однако политическая стабильность никогда не устанавливалась надолго. По мере ослабления империй Месопотамии пропорционально возрастала мощь соседних народов и государств. Варвары, овладевшие современными технологиями и пристрастившиеся к посещению злых мест Вавилона, были очень опасными соседями даже для самой сильной в военном отношении империи речных долин; и каждый раз, когда центральная власть ослабевала, они были готовы проникнуть в сердце цивилизации как грабители или захватчики.

Взаимодействие этих центростремительных и центробежных тенденций объясняет меняющийся ритм политической истории Месопотамии. Завоеватель, пришедший, подобно Саргону, из областей на границе цивилизованного мира, действительно мог установить дееспособную центральную власть; однако через несколько поколений завоеватели вполне могли сменить свои военные обычаи на более свободный и изнеженный образ жизни, существовавший в городах. В свою очередь, ослабление военной дисциплины и упадок боевого духа создавали предпосылки для восстания в самой империи или прихода новых завоевателей из пограничных областей. Внутренние мятежи часто совпадали с набегами одновременно с нескольких направлений; таким образом, по мере ослабления власти сильного завоевателя могли

Музей Лувра и фотоархив (Musée du Louvre and Archives photographiques), Париж.

НАРАМСИН — БОГ И ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Внук и наследник Саргона изображен здесь поражающим своих врагов в горах Загрос, на северо-востоке от центра Месопотамии. Коническая форма горы, а также нитеобразное изображение ветвей лиственных деревьев свидетельствуют о том, насколько непривычными были такие особенности пейзажа для скульпторов Месопотамии конца III тыс. до н.э. Рога, наподобие тех, которыми увенчан Нарамсин, в искусстве Месопотамии были отличительной чертой божеств. Таким образом, стела прославляла не только военное могущество царя, но и его божественное происхождение. Позднее, с появлением в Месопотамии альтернативных оснований существования имперской царской власти, такие требования к изображению царственных особ исчезают.

наступать продолжительные периоды смуты, заканчивавшиеся новым объединением в империю, возникавшую из неразберихи враждующих государств и народов.

Истории династий Месопотамии от Саргона до Хаммурапи легко укладываются в эту схему. Когда империя Саргона пришла в упадок, гуттии проникли в Междуречье с северо-востока и образовали слабоцентрализованное государство, просуществовавшее почти столетие. Внутренний мятеж прервал правление гуттиев; после чего следующие сто лет (ок. 2050–1950 гг. до н.э.) в Шумере и Аккаде правила так называемая Третья династия Ура. Этот последний период политической независимости Шумера ознаменовался значительным расцветом культуры Месопотамии. Скульптура из камня стала изысканнее, были впервые записаны многие устные традиции и мифы. Правители Ура, возможно, создали более совершенные административные методы, чем их предшественники. Надписи говорят о существовании определенной царской бюрократии; а храмы, очевидно, контролировались путем назначения родственников царя на должности жрецов²⁹.

Ослабленное рядом столкновений с полудивилизованными эламитами на востоке и дикими аморитами на западе, владычество Ура было свергнуто около 1950 г. до н.э. На протяжении последующих двух с половиной веков Месопотамия была политически разобщенной. Сначала власть была приблизительно поделена между соперничающими династиями, образовавшимися соответственно в Ларсе и Исине; однако вскоре после этого пришельцы-амориты основали третье государство-империю вокруг Вавилона. К тому времени общественная организация, характеризующая цивилизованное общество, распространилась далеко за пределы речной долины Месопотамии, так что мощные и политически относительно устойчивые царства граничили с древними центрами, из которых началось распространение цивилизации Месопотамии. Баланс сил, таким образом, больше не зависел только от соотношения сил внутри Шумера и Аккада, а определялся значительно более крупными государственными образованиями и обширными территориями. Старые шумерские города воистину превратились в пешки на дипломатической доске, если даже владыки Исина и Ларсы в конце концов стали зависеть от помощи аморитов и эламитов.

Равновесие сил, не благоприятствовавшее городам долины, в конце XVIII в. до н.э. было нарушено правителем аморитов Хаммурапи из Вавило-

²⁹ В частности, похоже, что храмы стали экономически зависеть от царских дотаций. См. FR.Kraus, «Le Rôle des temples», pp.524-33. Можно предположить, что земли, принадлежавшие храмам в шумерских городах, были конфискованы или объявлены царской собственностью, лишив таким образом церковь ее доходов, за исключением случаев, когда царь вновь жаловал им некоторую часть богатств.

на (ок. 1700 г. до н.э.). Хаммурапи завоевал и Исин, и Ларсу; и таким образом, как это сделал до него Саргон, объединил Месопотамию и сместил ее политический центр еще на шаг к северу. Правда, безоблачное правление династии нового завоевателя продолжалось менее века, после чего повторился знакомый процесс. Варварские племена касситов пришли с севера, навязали государству аморитов изнурительную войну и затем полностью покорили его (ок. 1525 г. до н.э.). К тому же завоевание касситов не было просто повторением предыдущих побед варваров. Оно было частью более масштабного переселения народов, затронувшего все части цивилизованного мира, от Крита до Египта и Индии, став таким образом существенной вехой в истории древней цивилизации.

Если попытаться обнаружить в этом нагромождении событий главные тенденции развития цивилизации в Месопотамии, то, безусловно, отправной точкой должно стать рассмотрение военно-политической сферы. Жители речных долин редко чувствовали себя в безопасности и практически постоянно испытывали необходимость укреплять оборонительные сооружения перед лицом угрозы или в условиях войны. Практическим результатом такой необходимости было ускорение процесса политической централизации. Поэтому неудивительно, что за время правления Хаммурапи в четырех областях общественной жизни Месопотамии произошли изменения, имевшие далеко идущие последствия и направленные на поддержание централизованной светской власти. Итак, назовем эти аспекты: 1) создание имперской политической теории и более широкой политической лояльности в противоположность крайним проявлениям местнических тенденций, характерных для первой эпохи Шумера; 2) появление чиновничества и профессиональной армии; 3) совершенствование методов административного управления, особенно путем использования средств письменной связи; 4) расширение торговли между городами и между регионами и возникновение самостоятельного класса торговцев. Рассмотрим подробнее перечисленные проблемы.

1. *Политическая теория и лояльность.* Основным идеологическим принципом Древней Месопотамии была вера в божественное происхождение власти. Разумеется, этот постулат мог быть использован для оправдания любого успешного усиления власти: победоносный завоеватель самим фактом захвата доказывал свою избранность в качестве орудия воли богов. Позже развилась несколько усложненная политическая теория, возможно, она относится ко времени восстания коренного населения против гутиев (ок. 2050 г. до н.э.). Согласно этой теории, Земля, т.е. цивилизованный мир речных

долин, всегда была объединена под властью единого монарха; для подтверждения этого старинные традиции и записи были отредактированы, в результате чего появился документ, известный под названием «Список царей Шумера»³⁰. Такая обработанная версия исторических записей использовалась центральным правительством в качестве полезного орудия пропаганды; отсюда с очевидностью следовало, что если Земля всегда была объединена под высшей властью монарха, то правильно и естественно продолжать эту традицию³¹.

Некоторые из наиболее могущественных царей Месопотамии объявляли божественный статус лично для себя, особенно во времена Третьей династии Ура (ок. 2050–1950 гг. до н.э.). Однако это изобретение, возможно, заимствованное у египтян, не прижилось в Месопотамии; последующие правители отказались от претензии на обожествление³². Тем не менее царская власть окружалась ярко выраженным религиозным ореолом за счет личного участия царя в храмовых церемониях.

Непросто обнаружить убедительные доказательства расширения масштабов политической преданности от уровня города-государства на более крупные образования. Однако с потерей фактической независимости, с возвышением царских чиновников, которые дополняли или замещали местных бюрократов, когда набеги варваров стали повсеместными, доверие к прежним городам-государствам должно было постепенно угаснуть. Есть достаточно свидетельств, что в более поздние времена существовало развитое самосознание Вавилона, которое сохранялось даже после того, как Вавилон уступил политическую независимость более сильным империям, таким как Ассирия и Персия. Возвышение бога вавилонян Мардука до положения верховного божества – символ и показатель такого расширения географических границ лояльности, хотя нет явных доказательств того, что эти изменения начались до времени Хаммурапи³³.

³⁰ См. Thorkild Jacobsen, *The Sumerian King List* (Chicago: University of Chicago Press, 1939), p.140. Как обычно, мнения ученых расходятся. Некоторые из них склонны полагать более достоверной теорию древнего происхождения высшей царской власти, объединяющей всю «Землю», см., например, Anton Moortgat, «Grundlagen und Entfaltung der sumerisch-akkadischen Kultur», pp.235–39. Не является также общепризнанной точка зрения о том, что «Список царей» и литература Шумера были записаны во времена Третьей династии Ура. Некоторые ученые считают, что это произошло только два столетия спустя, при правителях Исины. См. Adam Falkenstein и Wolfram von Soden, *Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete* (Zürich: Artemis Verlag, 1953), pp.11–13; F.R.Kraus, «Zur Liste der älteren Könige von Babylonien», *Zeitschrift für Assyriologie*, N.F., L (1952), 47.

³¹ Henri Frankfort *et al.*, *Before Philosophy*, p.210.

³² Henri Frankfort, *Kingship and the Gods*, pp.301–2.

³³ Уже в III тыс. до н.э. в надписи, оставленной Урукагиной, царем Лагаша (ок. 2400 г. до н.э.), противопоставляются шумеры и захватчики-варвары из страны гуттиев. Фразы из этой

2. *Образование чиновничества и профессиональной армии.* У первых правителей, таких как Лугальзаггиси и Саргон, не было аппарата чиновников, который помогал бы им управлять завоеванными территориями. У Саргона, правда, было множество слуг, согласно одной из записей, не меньше 5400 человек, которые «питались вместе с ним постоянно»³⁴. Предположительно это были в основном воины. Несомненно, в мирное время было непросто содержать такую силу вокруг особы царя; только хорошо организованная система могла осуществлять одновременные масштабные поставки в одно место пищи, оружия, одежды, необходимых для такого двора. У Саргона такой организации не было; с другой стороны, роспуск войск или размещение их на некотором расстоянии от себя, возможно, были чреваты утратой реального контроля над воинами. Напрашивалось решение ежегодно проводить военные кампании, поскольку на войне армия могла прокормить себя сама и поживиться за счет грабежа. Это всего лишь предположение, однако оно объясняет непрекращавшуюся военную активность, характеризовавшую правление и Саргона, и его внука и преемника Нарамсина.

Ко времени прихода к власти Хаммурапи эта дилемма была разрешена³⁵. Административный аппарат Хаммурапи был достаточно совершенным, он позволял рассредоточить войска по различным пунктам, удаленным от места пребывания монарха, и при необходимости призывать их для несения службы. Его система была экономически более совершенной, чем у Саргона, поскольку не приходилось делать выбор между накоплением больших запасов в одном месте и существованием за счет постоянных грабежей. Однако она требовала развитого чиновничьего аппарата для регистрации имен, местонахождения и обязанностей тысяч воинов.

Первые шаги в направлении создания бюрократической машины можно усмотреть в действиях Нарамсина, который заменял местных царьков и главных жрецов своими родственниками. После такого примитивного старта царское чиновничество стало быстро развиваться, пока при Хаммурапи царские судьи, сборщики налогов и гарнизонные начальники не появились по всей империи. Царский бюрократический аппарат претерпел значительные изменения, углубилась специализация отдельных категорий чиновников. Названия многих должностей дошли до сегодняшних дней, хотя их

таблички Торкильд Якобсен перевел (устно в 1958 г.) как доказательство существования у шумеров чувства единства, более сильного, чем преданность правителям отдельных городов, которые раздирали землю Шумера на враждующие части как до, так и после Урукагины.

³⁴ Bruno Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, 84.

³⁵ Отрывочные сведения позволяют судить о том, что бюрократическое управление впервые стало действительно эффективным в период Третьей династии Ура.

Музей Лувра и фотоархив (Musée du Louvre and Archives photographiques), Париж.

Генеральное управление древностей, правительство Ирака
(Directorate General of Antiquities, Government of Iraq).

САРГОН АККАДСКИЙ И ХАММУРАПИ ВАВИЛОНСКИЙ

Предположение о том, что приводимые здесь два скульптурных портрета изображают двух самых известных монархов Древней Месопотамии, носит чисто умозрительный характер. Однако именно так их должны были бы запечатлеть. Литая бронза, великолепно проработанные детали прически и бороды, горделивый рот и выражение надменного самоутверждения (впечатление, которое странным образом не уничтожили даже грабители, безжалостно вырвавшие драгоценные камни, некогда служившие глазами «Саргона»; возможно, от этого оно даже усилилось) представляют модель в более здоровом, цветущем возрасте по сравнению с изваянным в граните более спокойным, грустным и, может быть, более мудрым лицом «Хаммурапи» (на фото справа). Изображение бороды, прически и проработка таких деталей, как брови, свидетельствует о непрерывности художественной традиции, объединяющей две скульптуры. Однако резко отличающееся впечатление, которое производят эти две работы, свидетельствует о больших выразительных различиях, возможных в рамках единого стиля.

точные функции и иерархия управления не ясны³⁶. Под контролем такого активного царя, как Хаммурапи, находилось все вплоть до мельчайших деталей, это доказывают сотни его писем. Во времена менее энергичных монархов управление местными чиновниками из центра, безусловно, ослабевало. Сама суть власти царя могла при этом быстро исчезнуть, а территория становилась легкой добычей новых набегов соседей.

3. *Совершенствование методов административного управления.* Управление из центра чиновниками и воинами, в качестве военных землевладельцев рассеянными на большой территории, зависело от активного использования средств письменной связи. Обращение к письму для преодоления расстояний столь привычно для нас, что трудно представить себе общество, в котором такое средство связи не было бы естественным. Однако это не всегда было так; вероятно, жители Месопотамии были первыми, кто приспособил письменные знаки для этой цели.

Развитие письменности у шумеров началось со счетоводческих символов, которыми помечались приход и выдача товара со складов в храмах. Простые пиктограммы и система числовых обозначений были достаточны для такого рода учета – трудности возникали лишь тогда, когда требовалось записать имя собственное владельца личного счета, по которому отпускались и принимались товары. Возможно, именно необходимость записывать имена собственные и заставила шумерских писцов связать пиктограммы с определенными звуками. Так или иначе, обобщение этого принципа сделало возможным отображение на письме связной речи. Однако длительное время это открытие не применялось в полном объеме. Письмо использовалось главным образом для храмового учета, реже при заключении отдельных сделок экономического характера и практически больше ни для каких иных целей.

Очевидно, лишь потребности централизованной власти привели к расширению сферы применения письма. До определенного предела владыка может просто держать в памяти свои договоренности с подданными – даже в современной бюрократической системе есть определенная доля устных и письменно не зафиксированных соглашений на самой вершине власти. Однако уже задолго до Хаммурапи система управления стала слишком сложной и один человек был не в состоянии держать в голове все ее аспекты. Записи, к которым можно было впоследствии обратиться за справкой, стали обязательным атрибутом управления. Записи о землевладении, об обязательствах по отношению к отдельным лицам, о судебных решениях и правительственных распоряжениях придавали силу и смысл государственным

³⁶ Bruno Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, 116-27.

действиям на обширных территориях в течение длительного времени³⁷. Разработка письменности, пригодной для передачи связной речи, позволила также создать систему единообразного царского судопроизводства в пределах государства. Свод законов Хаммурапи – прекрасный пример преимуществ письменного закона над устными правилами и обычаями³⁸.

4. *Развитие торговли и класса купечества.* Повседневное существование крестьянской массы в Шумере и Аккаде мало в чем изменилось с установлением централизованной политической власти. С незапамятных времен жизнь крестьянина сводилась все к той же рутине: сев и сбор урожая, очистка оросительных каналов, уплата сборов и податей. Кто властвовал над ними – царские чиновники, жрецы храма или местные землевладельцы, большого значения не имело, так как земледельцы лично крайне редко общались с представителями монаршего двора или высшими чиновниками.

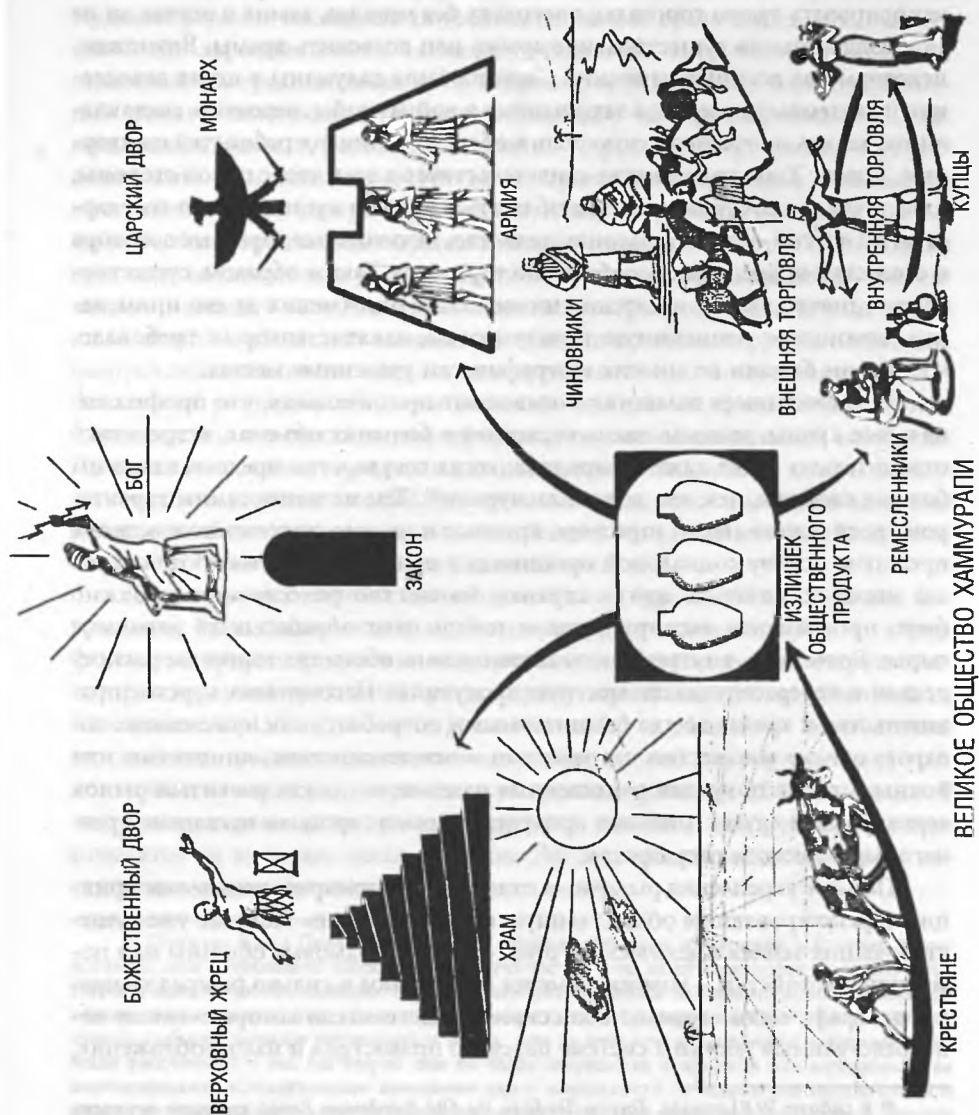
Однако ко времени правления Хаммурапи между большинством населения и официальными правящими классами начала формироваться заметная, хотя и не очень многочисленная, промежуточная общественная группа. Ее составляли профессиональные купцы, занимавшиеся торговлей с удаленными территориями частично по указанию государства, частично по собственной инициативе. При таком сильном правителе, каким был Хаммурапи, внешняя торговля, похоже, велась в основном от имени правителя, что очень напоминает торговлю от имени бога в древних шумерских храмовых общинах³⁹. И все-таки даже при Хаммурапи продолжала существовать частная торговля, контролировавшаяся с помощью царских разрешений.

Внешняя торговля всегда была жизненно необходимой для цивилизованных народов Месопотамии, поскольку основные сырьевые ресурсы при-

³⁷ См. Ignace J. Gelb, *A Study of Writing* (Chicago: University of Chicago Press, 1952), p.61ff.; Thorkild Jacobsen «The Relative Roles of Technology and Literacy in the Development of Old World Civilization», *Human Origins* (2d ed. Chicago: University of Chicago Press, 1946), pp.245-49.

³⁸ Очевидно, нет смысла говорить о том, как централизованное исполнение правосудия усиливает влияние далекой центральной власти – это позволяет представителям монархии непосредственно влиять на судьбы и состояние дел на местах. Кроме того, право апеллировать к царю или его представителю в лице судьи делает центральную власть конечной инстанцией в судебных спорах населения в целом и подрывает авторитет местных властей, вершащих правосудие исключительно на основании местных законов и обычаев. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что свод законов Хаммурапи широко использовался при разрешении судебных дел. Найденные и расшифрованные протоколы судебных процессов этого не подтверждают. См. Wilhelm Eilers, *Die Gesetzesstele Chammurabis* (Leipzig: J.C.Hinrichs, 1932), pp.8-9. Это тем не менее не означает, что в Древнем Вавилоне не существовало системы единообразного царского правосудия, просто могли применяться процедурные нормы, отличные от законов Хаммурапи, записанных на знаменитой стеле.

³⁹ W.F.Leemans, *The Old-Babylonian Merchant: His Business and Social Position* («Studia et Documenta ad Iura Orientis Antiqui Pertinentia», III [Leiden: E.J.Brill, 1950]), pp.113-21 and *passim*.

ходило искать за пределами страны. В тех случаях, когда простой захват был невыгоден, мастерские Месопотамии могли предложить для обмена различные качественные изделия⁴⁰. Ни один правитель не мог позволить себе игнорировать такую торговлю; поскольку без металла, камня и дерева он не мог поддерживать существование армии или возводить храмы. Возможно, некоторые из военных кампаний Саргона были задуманы в целях завоевания чужеземных товаров; а захваченные в войнах рабы, вероятно, составляли его челядь и играли важную роль в обслуживании потребностей государства. Кодекс Хаммурапи также свидетельствует о том, что, с одной стороны, царь старался контролировать и облагать налогами купцов своего государства, а с другой – царское законодательство, включившее торговые договоры в свои статьи, защищало сообщество торговцев. Таким образом, существование единого закона и царских чиновников, отвечавших за его применение, приносило неоценимую пользу людям, занятие которых требовало, чтобы они бывали во многих географически удаленных местах.

Сохранившиеся памятники позволяют предположить, что профессиональные купцы, занимавшиеся торговлей в больших объемах, встречались относительно редко даже во времена, когда государство предоставляло им больше свободы, чем это делал Хаммурапи⁴¹. Тем не менее самим характером своей деятельности торговцы, крупные и мелкие, постепенно изменяли прежнюю основу социальной организации общества. Для того чтобы купцы могли торговать в других странах, множество ремесленников должно было производить экспортируемые товары или обрабатывать ввозимое сырье. Более того, внутри самого вавилонского общества торговцы распределяли и перераспределяли местную продукцию. Несомненно, царское правительство и храмы всегда были главными потребителями чужеземных товаров; однако множество частных лиц – землевладельцы, чиновники или воины – также покупали ремесленные изделия, тогда как развитый рынок зерна, рыбы и других пищевых продуктов кормил городское население Древнего Вавилонского государства.

По мере укрепления рыночных отношений формировались новые принципы, регулировавшие общественную и личную жизнь. Помимо уже существовавших землевладельческих групп – будь то храмовые общины или помещичьи хозяйства, – возникает менее однородное и сильно рассредоточенное географически «великое общество», представители которого имели непосредственный доступ к системе царского правосудия и налогообложения,

⁴⁰ В работе: W.F.Leemans, *Foreign Trade in the Old-Babylonian Period* приведен перечень нескольких видов товаров, включая значительное количество реэкспортируемых изделий, в операциях с которыми вавилонские купцы выступали как простые посредники.

⁴¹ W.F.Leemans, *The Old-Babylonian Merchant*, pp.49-69.

чьи политические взгляды были менее ограниченными чем те, что преобладали во времена, когда все цивилизованное общество состояло из крестьян, зависимых ремесленников и управлявшей землей элиты. Не служба богам, а удовлетворение насущных потребностей людей стало определяющей целью этого зарождавшегося «великого общества», хотя богам, разумеется, отдавалась их традиционная доля. Решения, определявшие взаимоотношения между участниками «великого общества», частично принимались чиновниками, судьями, воинами, а частично – простыми торговцами и ремесленниками. Они могли самостоятельно принимать решения в небольшой, но важной области (например, качество, цена, ассортимент товаров). Без сомнения, все стороны таких общественных отношений обычно действовали просто в соответствии с установившейся традицией; но каждый из участников мог изменить свое поведение в соответствии с собственной выгодой. В этом «великом обществе» относительно многочисленные группы населения, распределенные по всем социальным уровням и способные принимать эффективные решения, получали возможности для неограниченного роста благосостояния и постоянного продвижения по общественной лестнице. Преуспевающие новаторы находили последователей; никакая власть не могла помешать усвоению новых методов, становившихся необходимыми под действием обезличенного рынка, – тем более что сначала движущие пружины рынка были окутаны завесой таинственности⁴².

Доля сельского хозяйства в общем объеме производства, конечно, по-прежнему была подавляющей – об этом свидетельствует живучесть старых форм культурного проявления под присмотром организованного жречества, которое охраняло традиционную доктрину и ритуалы с последовательным консерватизмом. Тем не менее расцвет «великого общества» ознаменовал важный этап развития цивилизованной социальной структуры и дал толчок новым важным направлениям культурного развития в Месопотамии. В частности, первые памятники письменной поэзии и высшей математики относятся ко времени, когда в долине Двуречья появляются признаки наступления эпохи «великого общества».

⁴² Попытка Карла Поланьи определить характер торговых отношений в Древней Месопотамии, если я правильно понимаю его замечание, по сути, не противоречит тому, что излагается в данной работе. Дальняя торговля, осуществлявшаяся на монопольных условиях на основе комиссионных, тем не менее представляет собой форму рыночных отношений: все стороны обмена должны договориться о том, что на что менять, какие бы эквиваленты не были рассчитаны и как бы твердо они не были закреплены традицией или юридическими определениями. «Объективное» изменение цен в зависимости от изменений предложения и спроса не представляется мне необходимой характеристикой рыночных отношений, термин «рынок» в том понимании, в каком он используется здесь, также не предполагает подобных в высшей степени нестабильных отношений. См. Karl Polanyi, «Marketless Trading in Hammurabi's Time» in Karl Polanyi et al., *Trade and Market in the Early Empires*, pp.12-26.

Когда техника письма достигла уровня, позволявшего фиксировать обиходную речь, появилась возможность записать древние мифы и ритуальные тексты, которые раньше передавались изустно. Это способствовало совершенствованию ритуальных форм и облегчало обучение молодых людей священным обрядам. Приблизительно до 1800 г. до н.э. письменная литература Месопотамии оставалась в этих узких и строго консервативных границах; однако в период между 1800-м и 1600 г. до н.э. появляются творцы, которые, подобно Гомеру и Гесиоду в Древней Греции, взяв за основу древние легенды, создали новые крупные произведения искусства.

Два основных памятника литературы этой эпохи – «Сказание о Гильгамеше» и «Сказание о сотворении мира». В обоих произведениях на базе разнородного мифологического материала создается история, рисующая вполне целостную картину мира и места человека в ней. Центральная тема «Сказания о Гильгамеше» – тщетность всех попыток человека избежать смерти, даже если он происходит от героя, «на две трети бога и на одну треть человека». «Сказание о сотворении мира» представляет собой велеречивое прославление бога Мардука, верховного божества Вавилона. Для обоснования претензий Мардука на старшинство среди богов и людей автор посвятил около половины поэмы описанию сотворения мира и роли Мардука в этом; вторая же часть – литургическое перечисление имен и титулов бога. Несмотря на пассажи, которые могут показаться странными современному читателю, главные темы поэм – смерть и созидание – сегодня, так же как и в те времена, рождают отклик в умах и сердцах людей; если при чтении сделать мысленно небольшую поправку на восприятие мифической формы и иногда присутствующую в поэмах наивную примитивность сюжета, можно ощутить необычайное чувство родства с авторами, задумавшими и написавшими эти произведения⁴³.

Обе поэмы отрицают адекватность общепринятой тогда религиозной доктрины. «Сказание о Гильгамеше» восстает против несправедливости богов, отказывающих людям в даре вечной жизни; в «Сказании о сотворении мира» древние мифы сознательно изменены для обоснования возвышения Мардука и его города. Это направление получило свое развитие в третьей поэме, иногда называемой «Страдающий праведник»⁴⁴. В манере, кото-

⁴³ Образцы литературы этого периода, включающие перевод как «Сказания о Гильгамеше», так и «Сказания о сотворении мира», содержатся в работе: James B.Pritchard (ed.), *Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1955), pp.60-119.

⁴⁴ Перевод на английский язык можно найти в книге: S.H.Langdon, *Babylonian Wisdom* (London: Luzac & Co., 1923), pp.35-66.

ЛЮБОПЫТНЫЙ КОЗЕЛ

Эта статуэтка, выполненная из золота, лазурита, перламутра и серебра, инкрустированных по клеящей основе из горной смолы, была обнаружена в царских захоронениях периода Третьей династии Ура и датируется приблизительно 2000 г. до н.э. Тема козла, взбирающегося на дерево, довольно часто встречается в искусстве Месопотамии. Каким было первоначальное предназначение или символический смысл этой статуэтки, неизвестно. Сохранилось немного подобных образцов искусства золотых дел мастеров и ювелиров, так как рост замечательного козла составляет полных 20 дюймов (50 см). Эта статуэтка раскрывает современному зрителю более легкую и изысканную сторону цивилизации Месопотамии, чем большинство других дошедших до нас произведений искусства и литературы.

рую можно сравнить со стилем изложения Книги Иова, описываются мучения ни в чем не повинного благочестивого человека, по воле богов терпящего невероятные страдания от отвратительной болезни. Автор заключает, что божий промысел непостижим для человека; и все же обычная жалость немного робко торжествует в самом конце произведения, когда страдалец возрождается для здоровья и счастья.

Автор «Страдающего праведника» отчетливо сознает, что боги должны относиться к людям справедливо, а не играть ими по своей прихоти. Эта вера жизнеутверждающим и оптимистичным образом сформулирована в гимне богу солнца Шамашу, восхваляемому за то, что он несет людям справедливость, наказывает злые силы и помогает угнетенным⁴⁵. Шамаш был богом, давшим Хаммурапи его законы, согласно надписи, высеченной в верхней части стелы, на которой был обнаружен этот знаменитый кодекс; а распространение идеи справедливого отношения богов к человеку вполне может быть связано с развитием эффективной административной системы царского правосудия⁴⁶.

Однако такой подход был чужд более раннему религиозному мировоззрению; поэтому, когда в результате политических потрясений юридическая система Месопотамии в очередной раз разрушилась, до божественного правосудия было очень далеко. В сложившихся обстоятельствах любознательность порождала только неверие. Поэтому неудивительно, что начиная приблизительно с 1500 г. до н.э. жрецы и писари отбрасывают теологические, космологические и моральные рассуждения и вместо этого сосредоточиваются на составлении объемистых справочников и перечней слов, что постепенно привело к созданию энциклопедий существовавших знаний и доктрин. Ученость вытеснила литературу; больше не нашлось авторов, осмелившихся поставить под сомнение или изменить установившиеся религиозные трактовки. Вместо того чтобы использовать мифы в качестве литературной основы при создании эпических произведений или философской драмы, как это впоследствии сделают греки, обитатели Древней Месопотамии удовлетворились тем, чего они уже достигли.

Такой исход подытожил ход развития, при котором период обновления сменился застоєм, как ранее в искусстве шумеров. Тесная связь между религиозными деятелями, с одной стороны, и художниками и писателями, с другой, возможно, объясняет прекращение процесса художественной и литера-

⁴⁵ Перевод на английский язык приведен в работе: Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts*, pp.387-89.

⁴⁶ Эта дискуссия о литературе Месопотамии в большой степени опирается на элегантное изложение Торкильда Якобсена в книге: Henri Frankfort et al., *Before Philosophy*, pp.187-99, 223-31.

турной эволюции как раз в тот период, когда, с сегодняшней точки зрения, возникли многообещающие возможности и проблемы. Не следует, однако, забывать, что при изображении богов и героев – словесными ли средствами или резцом скульптора – новизна всегда граничит с ересью. Истина заключена в древней доктрине; а подлинное благочестие требует почтительного сохранения старинных обычаев и идей. Кроме того, система школьного образования Древнего Вавилона всячески укрепляла этот священный консерватизм. Школы писцов были организованы в форме профессиональных гильдий и вскоре превратились в ревностные корпорации, оберегавшие профессиональные стандарты и профессиональные привилегии с бесстрастной строгостью. Для овладения тонкостями аккадского и шумерского языков и клинописных символов требовались долгие годы обучения, не говоря уже о математике и музыке, которые также входили в учебную программу. К 1500 г. до н.э. задача была упрощена путем подготовки серии текстов и конспектов существовавших знаний, предоставлявших будущим писцам легкий доступ ко всему объему знаний, которыми они должны были овладеть. Исключенные из канона сведения не воспринимались всерьез и вскоре предавались забвению, а все противоречия и спорные места в системе древнего знания Месопотамии затушевывались за счет мастерства составителей и авторов учебников. Система образования была направлена на то, чтобы в результате длительного обучения грамотности гарантировать формирование у каждого закончившего обучение безусловно ортодоксального склада мыслей⁴⁷.

Учитывая такую организацию древневавилонской науки, вызывает еще большее удивление, что отдельные авторы нашли в своей душе вдохновение для создания величественных эпических произведений, которые существовавшая система не стала бы терпеть долго. Похоже, что обе поэмы появились за короткий период интеллектуальной и общественной оттепели, приблизительно совпавшей со временем, когда Хаммурапи распространил свою власть на древние города Шумера и Аккада. Завоеватели-амориты (амореи) в то время все еще недалеко ушли от своих кочевнических корней; их наивные религиозные представления и поведение могли вступать в противоречие с мироощущением более цивилизованных жителей Аккада и Шумера. Более того, новый расцвет Вавилона логически предполагал возвышение его бога Мардука до главенствующего над всеми другими богами страны положения. Однако такая узурпация верховенства Мардуком требовала от жре-

⁴⁷ Вавилонские школы и «канонизация» вавилонской литературы рассматриваются в работе: Adam Falkenstein, «Die babylonische Schule», *Saeculum*, IV (1953), 125-37; S.N.Kramer, «Schooldays: A Sumerian Composition relating to the Education of a Scribe», *Journal of the American Oriental Society*, LXIX (1949), 199-215; Adam Falkenstein und Wolfram von Soden, *Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete*, pp.15-16.

цов отступления от профессиональных принципов в части вмешательства в древние мифы и священные истории. В этом смысле они добились больших успехов, о чем красноречиво свидетельствует «Сказание о сотворении мира» – выдающийся памятник их безжалостным амбициям и радикальному благочестию.

Трудно обнаружить столь же очевидный мотив создания «Сказания о Гильгамеше» или «Страдающего праведника». Тем не менее на этапе политических и общественных перемен, когда амориты смешивались с народами, чья цивилизация была более древней, и когда власть, богатство и религиозное руководство перемещались в новую столицу Вавилон, устои традиционной религии были явно нарушены. Подобно замерзшему морю под напором весенних потоков, оледеневшее выражение господствовавшей религии вздулось и треснуло; в старинных формулировках чувствовалось несоответствие времени; некоторые авторы с помощью усовершенствованной техники письма смогли зафиксировать это отклонение от прежней традиции.

Однако дух непочтительности, как и вызвавшие его к жизни условия, не просуществовали долго. Консерватизм жрецов и писцов быстро адаптировался к видоизмененным старинным традициям и твердо запретил их дальнейший пересмотр. Копирование, а не создание нового считалось истинным благочестием и научным подходом; копирование соответствующим образом поощрялось, к радости современных исследователей, обнаруживших множество копий великих эпосов, различным образом искаленных, но столь похожих, что можно использовать один текст для восполнения пробелов в другом.

Развитие математики в Вавилоне, согласно сегодняшним научным представлениям, происходило по тем же законам. Таблички, датируемые приблизительно временем Хаммурапи, свидетельствуют об использовании элегантной шестидесятеричной системы счисления, основанной на позиционном принципе значения цифры, известном сегодня как «арабская» система. Единственный недостаток вавилонской системы записи чисел XVIII в. до н.э. – отсутствие обозначения для нуля. Эта система произошла от записи чисел, использовавшейся при ведении счетов; а ее шестидесятеричное основание объясняется тем, что вавилонские гири для взвешивания серебра – очень важного эквивалента стоимости во времена Хаммурапи – имели значения, кратные шестидесяти. Приблизительно в это же время математика вышла за чисто прикладные границы; некоторые таблички свидетельствуют о теоретическом интересе и достижениях в области сложных алгебраических действий. Были известны методы решения квадратных уравнений; древние математики умели также решать отдельные виды уравнений степеней более высокого порядка. Основное место в математике Вавилона всегда отводи-

лось числам и их отношениям, в отличие от Греции, где упор делался на геометрию.

Возможно, в силу случайности их обнаружения сохранившиеся памятники развития вавилонской математики дают сильно искаженную картину. Тем не менее заслуживает внимания тот факт, что после всплеска созидательной активности приблизительно во время правления Хаммурапи не наблюдается никакого прогресса вплоть до эпохи Селевкидов (312–63 гг. до н.э.), когда соприкосновение с наукой Греции дало новый толчок развитию вавилонской учености. Период обновления как в математике, так и в литературе, вероятно, был непродолжительным. После того как немногие пионеры в математике добились значительных успехов, последующие поколения вавилонских писцов, похоже, пребывали в состоянии самодовольной удовлетворенности полученными процедурами вычислений. Так продолжалось более тысячи лет, пока геометрия греков не явила им новые достижения⁴⁸.

Подведем итоги: две основные вехи характеризуют достижения Месопотамии до 1700 г. до н.э. Во-первых, на базе организации жизни крестьян вокруг храмовой общины древние шумеры смогли создать условия для зарождения цивилизации. Основанная на религиозном мировоззрении, но поддерживаемая также практическими услугами, которые жрецы храма оказывали крестьянам, храмовая община позволила накопить значительный излишек сельскохозяйственной продукции и использовала этот излишек для обеспечения жрецов и зависимых ремесленников. Такая специализация привела в быстрому росту мастерства и раннему формированию художественных, интеллектуальных и технических традиций. К концу III тыс. до н.э. храмовые общины Шумера были дополнены другими, светскими типами аграрных общественных систем, где землевладельцы заняли экономическое положение, аналогичное коллегиям жрецов. Помещики могли таким образом сконцентрировать богатство в собственных руках не как представители божественных сил, но опираясь на военную силу или традиционные prerogatives своей ведущей роли в обществе.

Сельскохозяйственные общины храмового или светского типа всегда оставались основной общественной ячейкой в Древней Месопотамии. Эти общины составляли обрамление, внутри которого жила и работала большая

⁴⁸ O. Neugebauer, *The Exact Sciences in Antiquity*, p.19. О развитии математики в Вавилоне см. также работу: M.E.M. Bruins, *Nouvelles découvertes sur les mathématiques babyloniennes* (Paris: Presses universitaires, 1951).

часть населения; их жизнестойкость на протяжении поколений, веков и тысячелетий, несмотря на периодическое уничтожение наводнениями, голодом или войнами, и способность быстро возрождаться придали цивилизации Месопотамии удивительную однородность и замечательную способность к восстановлению после катастрофы.

Вторым великим достижением Месопотамии было постепенное развитие менее жесткой социальной структуры «великого общества», функционировавшего подобно смазке в зазорах между отдельными сельскохозяйственными общинами и связывающего их в единое более крупное целое. Им также управляли жрецы, но в меньшей степени. Кроме того, организация общества опиралась также на законы, административное управление, военную силу и объективные рыночные отношения. По сравнению с аграрными общинами, такое более широкое сообщество было намного менее единым и подверженным более серьезным разрушениям. Образ жизни «великого общества» непосредственно воздействовал только на небольшую часть населения страны и никогда глубоко не затрагивал повседневное существование составлявших основу общества крестьянских общин. Несмотря на присущие ему недостатки и нестабильность, этот тип социальной организации, особенно в его светских аспектах, впоследствии стал первоосновой дальнейшего развития цивилизации в самой Месопотамии и, что еще более замечательно, за пределами этой древней земли.

Народы Месопотамии существовали не в вакууме, их постоянно окружали чужаки, время от времени угрожавшие нападением и постоянно предлагавшие товары для торговли. Блеск и впечатляющие достижения Месопотамии не остались незамеченными этими народами. С самого начала наблюдался процесс взаимопроникновения, в ходе которого приграничные народы повторяли достижения Месопотамии или же под влиянием успехов Месопотамии создавали собственные общественные и культурные системы. В следующей главе мы проследим этапы этого процесса.

ГЛАВА III

Диффузия цивилизации: первая фаза

А. ВВЕДЕНИЕ

Сельскохозяйственные деревни ближневосточного типа, зародившиеся в виде мелких хозяйств около 6500 г. до н.э., множились и распространялись на новых землях. Этот процесс продолжался в течение V и IV тыс. до н.э., пока к 3000 г. до н.э. зерновые хозяйства не появились в Европе, вдоль побережья Северной Африки, в Индии и на Иранском нагорье, распространившись до Центральной Азии. В этих сельскохозяйственных сообществах происходили процессы социального расслоения, которые в особых, экстремальных случаях (например, в Месопотамии) приводили к возникновению цивилизации.

Месопотамия была крупнейшей орошаемой речной долиной Среднего Востока, расположенной вблизи центров зарождения сельского хозяйства. Этот факт, вероятно, и способствовал созданию здесь наиболее благоприятных условий для развития цивилизации. Когда стали очевидны те возможности, которые могла дать для развития сельского хозяйства эта долина, дальнейшее развитие цивилизации в ней ускорялось за счет сложного культурного взаимообогащения различных племен, приходивших сюда, вытесняя одно другое. Первые крестьяне Месопотамии не могли безмятежно заниматься оседлым хозяйством. Напротив, как мы видим, постоянная близость и набеги враждебных племен заставляли их объединяться и изобретать средства выживания в сложной обстановке, которая потенциально сулила им большие блага, пока в период между 3500 г. и 3000 г. до н.э. не возникло на этой земле то, что уже можно назвать цивилизацией.

Однако рождение цивилизации не остановило реактивные социальные процессы в этом районе. Напротив, наличие в нижнем течении Тигра и Евфрата столь могучего, богатого и культурного сообщества дало этим процессам новый толчок. Нуждаясь в металлах, древесине и камне, добываемых в далеких странах, цивилизованные государства были вынуждены либо посылать экспедиции для вырубки деревьев, добычи руды и камня, либо заставлять местное население выполнять для них эту работу. В обоих случаях были установлены тесные отношения между цивилизованными государствами и менее цивилизованными территориями. Куда бы ни проникали торговцы и солдаты из Месопотамии, они оставляли за собой следы соци-

альных перемен. В результате те элементы цивилизации, которые были приемлемыми для местного населения и могли быть воссозданы в контексте их общественных структур, технологий и географической среды, имели тенденцию к повсеместному распространению.

С одной стороны, это распространение обычаев и техники не было чем-то новым. С самого начала человеческой деятельности различные сообщества заимствовали у своих соседей и приспособляли к себе способы изготовления различных изделий. Однако цивилизованное общество многому учило других, но сравнительно мало заимствовало само от еще не цивилизованных народов. Таким образом, общественные процессы заимствования происходили в одном направлении – от цивилизованных центров к периферии земледельческого мира. Так, в последней части IV тыс. до н.э. и на протяжении всего III тыс. до н.э. в пределах Старого Света находились в постоянном движении две цивилизационные границы – земледельческая граница между варварством неолита и дикостью палеолита и граница между «городской жизнью» и варварством.

Но распространение цивилизации не могло происходить тем же способом, что и расширение земледельческих деревень. С тех пор как были приобретены основные земледельческие навыки, не требовалось особых условий для возделывания новых полей на девственных землях. Подходящие почвы образовывали широкие пояса, и новые поселения могли размещаться на небольшом расстоянии от старых, формируя более или менее значительную земледельческую зону. Иначе обстояли дела с цивилизациями, которые в свой начальный период требовали особых географических условий для процветания, а именно – наличия орошаемых аллювиальных почв.

Ирригация была жизненно необходимой для ранней цивилизации отчасти также потому, что она давала простым земледельцам возможность регулярно производить земледельческий избыточный продукт. Еще более важно то, что, требуя довольно значительной координации общественных усилий, ирригация способствовала созданию общественных механизмов концентрации продуктов питания в руках правящей верхушки. И как только определенная правящая группа получала право отбирать часть излишка урожая у земледельцев, все большее число людей могло быть использовано не только для рытья каналов, но и для совершенствования культа бога, осуществления военных операций, специализации в качестве ремесленников, артистов и музыкантов: короче говоря, для того, чтобы творить цивилизацию.

Все это было невозможно на почве, орошаемой лишь дождем. Без речного ила и надежного орошения было сложно или вовсе невозможно получить большой излишек продуктов. Без обязательного применения широко-

масштабных коллективных усилий для создания каналов и плотин правящей верхушке было сложно установить контроль над каким бы то ни было избыточным продуктом.

С этих пор распространение цивилизации стало скачкообразным; цивилизации «перепрыгивали» на сравнительно большие расстояния, перемещаясь из одной орошаемой речной долины в другую. Поскольку основные орошаемые долины отделялись одна от другой значительными негостеприимными пространствами, новые цивилизации по мере их становления были изначально независимы одна от другой. Местные общественные структуры – обычаи, религиозные культы, политические сообщества – были основным материалом, из которого предстояло сформироваться новым цивилизациям речных долин. Однако в критический период перехода к цивилизации, до того как были найдены местные решения проблем, присущих созданию сложного общества, наступал этап, когда жизненно важным становилось иностранное влияние, ускорявшее и упрощавшее появление новых цивилизаций во всех благоприятных районах в сфере влияния Месопотамии.

Все потенциально орошаемые речные долины находились в пределах земледельческого мира IV тыс. до н.э. Некоторые из них были сравнительно небольшими, например, долина реки Карун, протекающей теперь в нижней части бассейна Тигра и Евфрата, но в древние времена прокладывавшей себе независимый путь в Персидский залив. Эта река вместе с притоками стала основой для раннего развития цивилизации эламитов, но ее долина была настолько связана с более широким комплексом Тигра и Евфрата, что первоначально независимое развитие Элама было вскоре поглощено культурой Месопотамии¹. Подобным же образом большой источник воды возле берегов реки Иордан стал основой раннего подъема города Иерихон, изолированного и сравнительно маленького островка высокой культуры в окружающем море варварства². Несомненно, были и другие мелкие центры орошаемого земледелия на Среднем Востоке, поддерживавшие маленькие города, чьи жители даже в IV тыс. до н.э. были в состоянии создать для себя по крайней мере основы цивилизованного образа жизни. Но таким изолированным центрам трудно было защитить себя от нападения варваров, и когда во II тыс. до н.э. они столкнулись с блеском и могуществом цивилизаций Египта и Месопотамии, то были поглощены более крупным космополитическим сообществом, постепенно утверждавшимся на Среднем Востоке.

¹ George G. Cameron, *History of Early Iran* (Chicago: University of Chicago Press, 1936), pp.33-34; Clément Huart and Louis Delaporte, *L'Iran antique* (Paris: Albin Michel, 1943), pp.74ff.

² Kathleen M. Kenyon, «Jericho and Its Setting in Near Eastern History», *Antiquity*, XXX (1955), 184-94; Kathleen M. Kenyon, *Digging up Jericho* (London: E. Benn, 1957).

На окраинах Среднего Востока, однако, есть и три более обширные речные долины, хорошо подходившие для размещения больших цивилизованных общин. Две из них, долины Нила и Инда, были освоены около 3000 г. до н.э., и цивилизации на их берегах вскоре стали соперничать с цивилизацией Месопотамии. Третья периферийная речная система – долины рек Сырдарья и Амударья – не была, насколько мне известно, местом какого-либо подобного раннего развития³; но, возможно, археологи смогут еще обнаружить следы исчезнувшей и забытой цивилизации в этих долинах. В конце концов, открытие цивилизации шумеров датируется лишь 1890 г., а цивилизация долины Инда была совершенно неизвестна до 1922 г.

Не имеющие выхода к открытому морю долины рек Сырдарья и Амударья были менее доступны влиянию Месопотамии, чем долины Инда и Нила. Даже в IV тыс. до н.э. корабли из земли шумеров проходили через Персидский залив в Аравию и Красное море, таким образом вступая в сношения с древними египтянами⁴. Хотя доказательства таких ранних морских связей между землями шумеров и долиной Инда отсутствуют, но те же капитаны кораблей, которые достигали Красного моря, несомненно, могли достигнуть (и возможно, достигали) устья Инда. Но между долинами Месопотамии и рек Сырдарья и Амударья водного пути не было. Поскольку сухопутный транспорт был дорогим и опасным, незначительные, но поразительно стимулирующие контакты с цивилизацией шумеров, ускорившие создание цивилизаций в долинах Нила и Инда, так и не смогли распространиться в северо-восточном направлении. Если это так, то открытие в будущем забытых ранних цивилизаций в долинах рек Сырдарья и Амударья становится менее вероятным.

Пригодность долин Нила и Инда для поливного земледелия обеспечила подъем цивилизаций Египта и Индии вскоре после 3000 г. до н.э., а спорадические контакты с шумерской культурой ускорили этот процесс. Однако

³ Sergei P.Tolstow, *Auf den Spuren der altchoresmischen Kultur* (Berlin: Verlag Kultur & Fortschritt, 1953), pp.73-100.

⁴ Додинастические каменные барельефы кораблей месопотамского типа были найдены в Вади-Хаммамате, высохшей долине, представляющей собой естественный путь, соединяющий Верхний Египет и побережье Красного моря. Такие корабли, возможно, прибыли не прямо из Шумера. Может быть, какие-нибудь посредники осуществляли плавания между берегами Аравийского полуострова и побережьем Красного моря, но поскольку они попадали под влияние цивилизации шумеров, это не противоречит факту морских контактов между Шумером и Египтом, какими бы слабыми и случайными они не были. См. Helene J.Kantor, «The Early Relations of Egypt with Asia», *Journal of Near Eastern Studies*, I (1945), 174-213; Helene J.Kantor, «Further Evidence for Early Mesopotamian Relations with Egypt», *ibid.*, XI (1952), 239-50. Сухопутные сообщения между Шумером и Египтом также не должны исключаться. См. W.F.Albright, «Syrien, Phönizien und Palästina», in F.Valjavec (ed.), *Historia Mundi*, II, 339.

лишь с тех пор, как народы Египта и Индии встали на путь создания самостоятельной цивилизации, они стали действительно доступны влиянию шумеров. Вся монументальная архитектура не могла оптимально развиваться до тех пор, пока в местных общинах не появились личности, заинтересованные в строительстве крупных сооружений и способные управлять необходимой рабочей силой. До этого технические модели шумеров были непригодны к применению. Даже такое сравнительно простое приспособление, как гончарный круг, который, как и монументальная архитектура, по-видимому, был завезен в Египет из Месопотамии, не прижилось на местной почве до тех пор, пока в Египте не появились профессиональные гончары, которые были заинтересованы в приобретении и совершенствовании особых знаний, требуемых для изготовления посуды на быстро вертящемся гончарном круге.

По мере создания в Египте и Индии собственного уникального образа цивилизованной жизни эти государства сами стали новыми источниками социального воздействия, влияя на менее развитое окружающее население почти так же, как влияла и продолжала влиять на них цивилизация Месопотамии. Таким образом, увеличились масштаб и интенсивность взаимодействия между первобытными и цивилизованными сообществами, а также ускорился темп социальной эволюции как на всем Среднем Востоке, так и в отдаленных регионах. Эти процессы продолжались до тех пор, пока развитое варварство, включавшее в себя многие легко воспроизводимые элементы цивилизаций речных долин, широко не распространилось по Европе и Азии. Археологи обычно именуют этот период истории человечества бронзовым веком, который в Европе может быть отнесен приблизительно к периоду между 1800 г. и 1000 г. до н.э.

Возникновение развитого варварства основательно изменило мировое равновесие сил. Цивилизованное население стало более чем когда-либо ранее подвержено набегам варваров, представлявших серьезную угрозу благодаря владению техникой и оружием цивилизованной войны. Это глубинное преобразование того, что можно назвать «социальным градиентом» Евразии, проявилось вскоре после 1700 г. до н.э., и его можно считать вехой, знаменующей окончание первого периода истории цивилизации.

Позвольте теперь бросить беглый взгляд на ранние периоды египетской и индийской цивилизаций речных долин и проследить, насколько позволяют имеющиеся неполные данные, какое влияние эти цивилизации вместе с цивилизацией Месопотамии оказали на мир варваров.

Б. ЦИВИЛИЗАЦИИ ДОЛИН НИЛА И ИНДА ДО 1700 Г. ДО Н.Э.

1. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

По сравнению с тысячелетним процессом вызревания цивилизации шумеров, развитие египетской культуры и общества было относительно быстрым и бурным. Но потрясающий успех ранних египтян в построении государства, развитии религиозной системы, создании нового искусства и в целом в формировании уникального и очень привлекательного образа цивилизованной жизни оказался тяжелым наследием для последующих поколений. Наследники первого великого периода истории Египта ощущали свою неспособность улучшить модели, предложенные предками, и даже сохранить достижения прошлого. Географическое положение страны обеспечивало независимость от значительного иностранного вмешательства, и у Египта не было серьезных внешних стимулов для новых походов, поэтому, несмотря на великолепное начало, цивилизация Египта в некоторых важных аспектах начала отставать от более бурно и последовательно развивающегося общества Месопотамии.

Наиболее очевидным аспектом раннего развития Египта был политический. Около 3100 г. до н.э., когда большая часть долины Нила была, вероятно всего, все еще неосвоенными болотами и пустыней, когда местные сообщества едва ли начали подниматься выше простого уклада неолитических деревень, в то время, когда интеллектуальные и эстетические традиции Египта были еще не сформированы, страна была объединена под верховенством единого правителя, традиционно известного как Менес⁵. Несмотря на последующие смены династий, возможно, сопровождаемые в некоторых случаях короткими периодами беспорядков, политическое объединение страны не нарушалось в течение приблизительно 900 лет.

Как же мог царь, не имея административного аппарата, так мучительно долго создававшегося в Месопотамии, собрать великую державу воедино с самого начала истории Египта?

Во многом это кажущееся аномальное явление объясняется географическим положением. Пустыни дали египетской земле ясно очерченные и легко защищаемые границы, в то время как Нил стал естественным хребтом и центральной нервной системой страны. Защита границ от чужеземцев вряд ли была серьезной проблемой для царя Египта. Конечно, проникновение

⁵ Хотя точные даты не известны, ранняя египетская хронология вызывает меньше сомнений, чем месопотамская. Я использовал приблизительные данные из таблицы в работе: John A. Wilson, *The Burden of Egypt* (Chicago: University of Chicago Press, 1951), pp.vii-viii.

Музей Лувра (Musée du Louvre), Париж.

КАМЕННЫЙ НОЖ, ЕГИПЕТ

Это оружие, найденное в Джебель-эль-Араке в Египте, относится к позднему додинастическому периоду. Рукоятка из слоновой кости, обе стороны которой показаны на рисунке, свидетельствует о явном влиянии Месопотамии. Справа — изображения тел павших по мере приближения к лезвию ножа сменяются изображениями кораблей, вид которых напоминает корабли на печатях Месопотамии; на конце рукоятки ножа изображена величественная картина единоборства. Шумерские моряки, посеща побережье Красного моря, вероятно, часто участвовали в подобных драках с местными жителями. Другая сторона рукоятки повторяет мотивы Месопотамии: бородатый мужчина, окруженный с обеих сторон двумя львами, стоящими на задних лапах, — сцена, хорошо знакомая по искусству Месопотамии; а также изображение льва, прыгающего на спину своей добычи, которое просматривается чуть ниже выступа. В целом резьба производит впечатление умелой, но при этом все еще примитивной местной имитации высокого искусства Месопотамии.

ливийцев с запада и азиатов с востока иногда требовало военных действий на окраинах Дельты; происходили также и пограничные стычки с нубийцами на юге. Однако опасность со стороны варваров в III тыс. до н.э. была незначительной и не могла серьезно угрожать величию фараона. Таким образом, один из наиболее разрушительных факторов в политической истории Месопотамии был незначительным для Египта.

Раннее объединение страны в одно государство находилось в прямой зависимости от свободного судоходства по Нилу. Течение реки несло лодки на север; и по счастливому стечению обстоятельств ветры Египта дуют преимущественно с севера так, что двигаться вверх по течению довольно легко с помощью парусов. Контролируя судоходство, царь автоматически регулировал все основные передвижения товаров и людей и таким образом владел средствами эффективного господства над Египтом⁶. Правители Месопотамии, напротив, не могли воспользоваться природными преградами для защиты своей централизованной власти и должны были медленно и трудно создавать законы и бюрократический аппарат как искусственную замену естественной защиты, которую дала Египту природа⁷.

Социальные факторы усиливали централизующее воздействие географического положения Египта. До 3100 г. до н.э. в Египте не существовало сильных и богатых организаций, подобных шумерским храмовым общинам и городам-государствам. Районы (номы) были признаны административными единицами царства с ранних времен; деление на Верхний и Нижний Египет – на узкую долину Нила и болотистую равнину дельты – всегда оставалось известным фактом в официальной номенклатуре. Это деление, возможно, было основано на политических реалиях, предшествовавших объединению двух царств, но власть местных священников, вождей или царей-жрецов была в доисторическом Египте слабой по сравнению с властью местных правителей у шумеров⁸. В противном случае была бы невозможна та

⁶ Hermann Kees, *Das alte Ägypten: eine kleine Landeskunde* (Berlin: Akademie Verlag, 1955), pp.50-56.

⁷ Тигр и Евфрат – бурные реки; и хотя плоты и легкие лодки могли продвигаться вниз по течению в сезоны, когда вода была не слишком высокой и не слишком низкой для безопасного плавания, плыть вверх по течению было нецелесообразно. Следовательно, сухопутный транспорт, который на широкой поверхности орошаемой равнины не был ограничен никаким определенным маршрутом, стал обычным способом перевозки товаров как на север, так и на восток и запад.

⁸ До конца не ясно, как происходило развитие оросительных систем до завершения политического объединения Египта; но есть причина полагать, что их главное развитие началось после, а не до завоеваний Менеса. Если это так, то становится понятной все еще примитивная и неразвитая природа местных религиозно-политических институтов. См. J.A.Wilson, *The Burden of Egypt*, p.31.

Способы орошения, используемые в Древнем Египте, существенно отличались от тех,

концентрация верховной власти в царском доме, которая имела место в Древнем царстве. Более того, если предания правильно определяют первого царя Верхнего и Нижнего Египта как завоевателя со скотоводческого юга, тогда исключительные полномочия позднейших фараонов можно было рассматривать как результат применения к завоеванному земледельческому населению широких полномочий, которыми наделяло своего вождя процветающее скотоводческое общество.

Следствием раннего политического объединения Египта было то, что, в отличие от Месопотамии, долина Нила не имела больших городов, которые служили бы средоточием высокой культуры. Ранняя египетская цивилизация была результатом усилий царского двора, который разросся так широко, что по мере того, как отдельные его части приобретали специализированные функции, он сам превратился в город. Будучи в состоянии управлять трудом большого количества крестьян по всей стране, управляющие и инженеры царского двора смогли организовать строительство огромных пирамид, а царские ремесленники создавали изысканные произведения скульптуры и живописи. Поразительно, что они достигли этого успеха за несколько столетий от начала цивилизации в долине Нила.

Основной социальной единицей Египта оставалась сельская община. В первые столетия истории Египта, очевидно, не существовало важных промежуточных общественных групп между деревнями и царским двором. Позднее кое-какие из основных храмов могли нанимать группы управляющих, ремесленников и слуг в некотором роде по образцу Месопотамии. Но такие центры никогда не достигали того значения в жизни Египта, как их аналоги в Месопотамии. Местные магнаты, большинство из них первоначально царские административные чиновники, играли более значительную роль, и со времени Первого промежуточного периода до Среднего царства

которые применялись в Месопотамии. До времен империи египтяне не строили искусственных каналов – они полагались на природный разлив Нила, удерживая воды за крепкими плотинами до тех пор, пока почва достаточно не пропитается, затем позволяли воде стекать вниз по течению. С помощью этого процесса стока воды устранялась опасность искусственного повышения содержания соли в почве – проблема, насущная для Месопотамии.

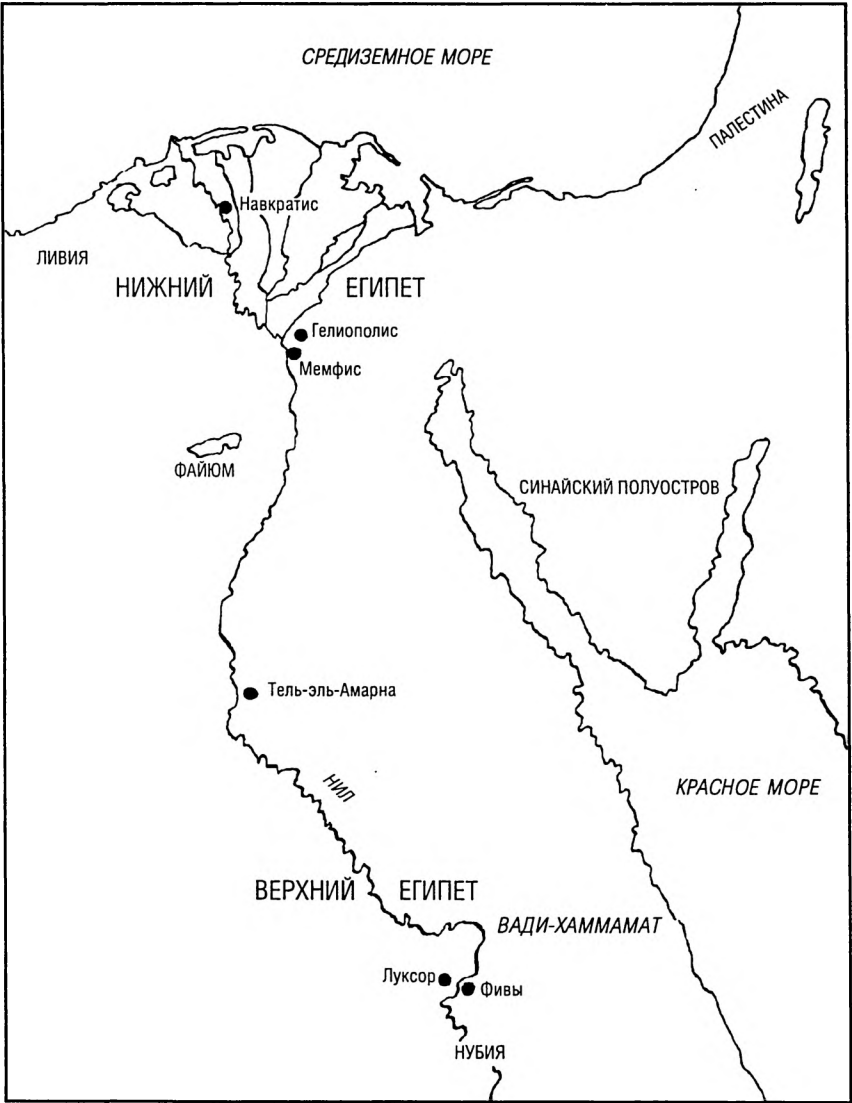
Метод «бассейнового» орошения требовал намного меньше земляных работ, чем метод, применяемый в Месопотамии; тихие, регулярные подъемы и спады Нила облегчали обслуживание оросительных систем. Это объясняет тот факт, что египетские крестьяне имели достаточно времени и сил для строительства пирамид. В ранний период развития Египта каждый год было несколько месяцев после сбора урожая и до подъема воды в Ниле, когда не было или почти не было работы, связанной с землей. В Месопотамии, напротив, всегда существовала работа на плотинах и каналах, которую нужно было сделать в период между сезонами. См. Charles Singer (ed.), *A History of Technology* (Oxford: Clarendon Press, 1955), I, 535-55; Hermann Kees, *Das alte Ägypten*, p.22.

(2200–1800 гг. до н.э.) такие аристократы-землевладельцы и мелкие князья могли выступить своеобразной прослойкой между жителями деревень и центральными царскими властями. С точки зрения крестьян, это была просто замена одного хозяина другим. Организация деревенской жизни и базовая структура египетского общества сильно не изменились. Городам, в месопотамском смысле слова, т.е. как центрам ремесел и торговли, существующим независимо от правящего царского двора, не удалось укорениться на египетской земле до эпохи империи, и даже потом этих инородных образований в общественной структуре Египта было мало.

Ранний Египет был похож на большую храмовую общину, как если бы первые правители объединенного Египта взяли социальную систему Шумера и улучшили ее, расширив территориальную базу включением всего судорожного нижнего течения Нила и таким образом автоматически решая проблемы, которые возникали из-за конфликтов между соседними государствами в более древней стране.

По крайней мере в двух аспектах экономическое и социальное устройство Египта было схоже с ранним шумерским храмовым сообществом. Во-первых, главный раздел общества проходил между крестьянской массой и божественным двором. Тот факт, что бог в Египте был воплощен в правителе, в то время как в Месопотамии бог был существом сверхчеловеческим и вещал только через жрецов, не затмевает сходства между двумя цивилизациями. Во-вторых, торговля и все широкомасштабные экономические операции осуществлялись и контролировались чиновниками божественного двора. Время от времени фараон посылал экспедиции полувоенного характера в Сирию за древесиной, на Синай за медью, в Нубию за золотом, в Пунт (современная территория Сомали) за миррой; в это время в пределах страны добывали гранит и другие минералы из Верхнего Египта и таким образом собирали дань в царскую казну. Если эти товары не были использованы по прямому назначению богом-царем для своего двора или строительства гробницы либо других сооружений, они распределялись между придворными. Раннее экономическое устройство шумерских храмовых общин, вероятнее всего, было очень похожим. Но в то время, как в Месопотамии торговцы и другие светские предприниматели находили поле для своей деятельности в промежутках между отдельными храмовыми общинами, в Египте монолитное устройство Древнего царства этого не допускало.

В конце концов монолитная структура должна была помешать развитию египетской цивилизации. Но сначала она давала массу преимуществ. Божественный статус фараона придавал центральному правительству стабильность, недостижимую для царств Месопотамии, так как доктрины религии Египта давали его богу-царю такую власть над подданными, подоб-

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

ной которой не могло быть в стране, чьи правители, хотя и могущественные, все же не были божествами.

Предполагалось, что царь Египта, будучи божеством, был (по определению) бессмертным. Требовались надлежащие меры для сохранения его тела и подобающей обители его духу – отсюда пирамиды. Во времена Древнего царства египтяне верили, что обычный человек, даже самый набожный священник или могущественный чиновник, не мог достичь бессмертия сам по себе. Жизнь после смерти зависела от обеспечения места в свите умершего царя. По этой причине чиновники Древнего царства приложили немало усилий для строительства своих гробниц настолько близко к царской могиле, насколько мог милостиво позволить божественный правитель; и в надписях на стенах таких гробниц подчеркивались заслуги умершего перед богом-царем, возможно, в надежде, что бессмертный, хотя, вероятно, и не очень памятливым, дух умершего фараона сможет вспомнить, насколько действительно необходимы для него при жизни были услуги умершего чиновника.

Жизнь после смерти, по-видимому, была главной заботой египтян. Поскольку они были глубоко убеждены, что их собственные надежды на вечную жизнь зависели от доброй воли фараона, стало довольно легко даже для монарха, отдаленного от своих поданных, обеспечить беспрекословное повиновение. Кто мог сознательно подвергнуть себя гневу бога-царя, когда наказание было столь радикальным, а вознаграждение столь желанным? В этом, конечно, и кроется тайна Древнего царства. Вместо того чтобы пытаться контролировать чиновников с помощью закона и постоянных посланий, подобно простому смертному Хаммурапи, фараон Египта мог предложить вознаграждение в виде вечной жизни тем, кто абсолютно ему повиновался.

Даже в лучшие времена Древнего царства всегда сказывалось сильное местничество, пусть не выступая на передний план. Царь и его двор были подняты высоко над крестьянством, но крестьянство было очень сильно привязано к своему углу. Кроме центральной царской администрации, мало что связывало одну местность с другой. Лучшее доказательство этого скрытого центробежного местничества можно найти в религии Египта. Чрезвычайная беспорядочность египетского пантеона отразила существование различных местных культов, которые обычно не имели тесной связи друг с другом и могли быть гармонизированы лишь частично, даже после того, как единая политическая власть объединила две земли. Действительно, необычайное единство и стилистическая целостность египетской цивилизации были творением царского двора, а не населения в целом. В религии же – единственной сфере, в которой в наше исследование начинают вовлекаться

местные особенности, – мы сталкиваемся не с целостностью, а с чрезвычайной беспорядочностью.

Немного известно об истории Египта первых трех династий (ок. 3100–2650 гг. до н.э.). В этот период влияние Месопотамии продолжало играть определенную роль в развитии египетской культуры. Некоторые произведения искусства того периода очень ясно воспроизводят шумерские мотивы; усовершенствования в металлургии, введение гончарного круга и монументальная архитектура из кирпича и глины несут в себе влияние Месопотамии. Возможно, идея фиксировать речь на письме из того же источника. Символы египетских иероглифов не имеют никакого отношения к клинописи Месопотамии, и они, несомненно, были изобретены независимо друг от друга. Однако некоторые примеры недавнего времени показывают, что отдельные творческие личности могут создать совершенно новую систему письма в результате контактов с народами, обладающими письменностью. Египетское письмо уже существовало в начале династического периода; однако сейчас практически невозможно обнаружить никаких следов предшествующего развития письменности. Таким образом, можно предположить, что иероглифическое письмо было изобретено в короткий период под влиянием контактов с письменностью Месопотамии⁹.

Как бы то ни было, период заимствования был коротким. Египет отличался от Месопотамии тем, что имел легкий доступ к строительному камню: его залежи находились вдоль пустынных откосов, окаймлявших долину Нила по всей ее длине. За короткое время архитекторы Египта научились использовать возможности строительства из камня. Первая каменная гробница была возведена для одного из последних царей Третьей династии (ок. 2700 г. до н.э.). После этого египтяне поразительно быстро овладели искусством каменного зодчества, и их архитектура намного превзошла месопотамские образцы. Самая большая из великих пирамид была построена через полтора столетия после завершения наиболее ранней известной гробницы из камня, и точность и изысканность элементов этого строения, не говоря уже о его размерах, никогда не были превзойдены в последующие времена¹⁰.

⁹ См. Ignace J. Gelb, *A Study of Writing* (Chicago: University of Chicago Press, 1952), pp.72-81, 206-10, 214-15. Целенаправленное изобретение письменности, не связанной ни с чем ранее известным, оказывается не таким уж и редким явлением, когда люди – или же отдельная восприимчивая личность – без традиций письменности сталкиваются с чужой письменностью. Известно несколько примеров такого рода у американских индейцев в XIX в. и XX в., а также у отдельных племен в Африке и Сибири. См. David Diringer, *The Alphabet: A Key to the History of Mankind* (New York: Philosophical Library, 1948), pp.150-57, для более подробной информации.

¹⁰ Somers Clarke and R. Engelbach, *Ancient Egyptian Masonry* (Oxford: Oxford University Press, 1930), pp.5-11 and *passim*. Сильные различия в технологии строительства из камня и кирпича практически вынудили египтян освободиться от зависимости от архитектурных примеров

Быстрое освоение техники каменного зодчества было лишь одним проявлением общего подъема; за время переломных столетий почти все аспекты культуры Египта достигли своей зрелости. Это сильнее всего проявилось в скульптуре и настенной живописи – двух искусствах, тесно связанных с обработкой камня.

В религии, однако, не было единых общепринятых определений веры или ритуала. Местные традиции были прочными и не могли быть приведены к единому знаменателю даже после того, как объединение страны под эгидой единого бога-царя потребовало централизации различных первобытных культов и верований. Необходима была попытка примирить практику с логикой, особенно ввиду притязаний фараона на полный божественный статус. Правящий монарх вначале нашел себе место среди богов страны, приняв имя Гора – небесного бога-сокола, в то же время отождествляя своих царственных (и, как предполагалось, бессмертных) предшественников с Осирисом, правителем царства мертвых. Гор и Осирис, возможно, первоначально происходили из разных частей Египта. На основе их характеристик можно сделать вывод о том, что первый относится к кочевому и сравнительно воинственному прошлому, в то время как другой определенно воплотил в себе интересы земледельческого населения, повелевая временами года и обновлением растительности¹¹. Отождествление правящего царя с Гором, а его предшественников на троне – с Осирисом всегда существовало в истории Египта; но начиная с Пятой династии (2500–2350 гг. до н.э.) фараон стал также называть себя сыном Ра – бога солнца. Эта идея, несомненно, отражала влияние жрецов храма Гелиополиса; и действительно, древние предания свидетельствуют, что Пятая династия была основана жрецами Ра из того храма.

С современной точки зрения трудно осмыслить объединение сына Осириса, сына Ра и сокола Гора в логически несовместимую троицу, тем более

Месопотамии, как только было принято решение строить из камня. Глиняные кирпичи должны были быть небольшими, чтобы не пропускать много воздуха, тогда как основная задача отделочного камня делает более выгодным строительство из настолько крупных блоков, какие только можно поднять. (Чем больше блок, тем меньше площадь поверхности пропорционально к его объему, и таким образом, требуется тесать меньше камня для достижения заданной высоты стены.) Другие следствия происходят от разницы в размерах. Геометрические узоры, сложенные из кирпичей, выложенных различными своими гранями, были главной характерной чертой строений Месопотамии, но это было невозможно сделать, используя огромные каменные блоки разных размеров. В качестве замены можно было, например, возводить колонны и строения с перемычками окон и дверей, которых не знала архитектура из глиняных кирпичей.

¹¹ См. Joachim Spiegel, *Das Werden der altägyptischen Hochkultur* (Heidelberg: F.H.Kerle Verlag, 1953), pp.87-96.

Генеральное управление древностей, Египетский музей (Director-General of Antiquities, Egyptian Museum), Каир.

КРАСНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЛИТА ФАРАОНА НАРМЕРА-МЕНЕСА

Эти рельефы резко контрастируют с подражательными узорами на рукояти ножа из Джебель-эль-Арака. Здесь показан следующий этап в развитии того, что позже стало отличительным стилем египетского искусства; эта плита, предположительно, была изготовлена в период Первой династии, так как она прославляет победу Менеса, который объединил Египет в единое царство. Плита также интересна тем, что она, по-видимому, предшествует иероглифическому письму. Изобразительные элементы, из которых позже были созданы иероглифы, можно увидеть, например, в фигуре сокола слева. Эта часть композиции даже может читаться как иероглиф.

Особенно поучительно сравнение изображений животных здесь и на рукояти ножа из Джебель-эль-Арака, так как сразу становится очевидным свойственное египетскому искусству повышенное внимание к композиции и безразличие к реалистическим деталям мускулатуры и жестов. Также здесь хорошо просматривается принцип сопоставления размера каждой фигуры с ее значимостью, например, справа сверху, где изображен царь, взирающий на обезглавленные тела поверженных врагов.

отождествление получившегося многоликим божества с личностью фараона; и все же эта неразбериха свойственна египетской религии. Несомненно, большинство египтян не чувствовало этой несовместимости, придерживаясь традиционных и освященных веками религиозных верований и обрядов¹². Но в годы борьбы египетской культуры за свое место в истории отдельные пронизательные умы были обеспокоены разнообразием мифов и ритуалов и стремились создать систему теологических аргументов, согласовывавшую эти различия и более логично объяснявшую взаимоотношения между различными богами.

Три такие системы, исходившие от могущественных и влиятельных храмов, известны современным ученым, хотя некоторые источники сохранились лишь в виде фрагментов. Все три богословские школы пытались создать своего рода генеалогию богов, начиная с первого создателя мира и прослеживая линию сменявших друг друга божественных пар¹³. Жрецы бога Пта из Мемфиса, вероятно, положили начало наиболее интересной и замысловатой из этих попыток. Во всяком случае, «мемфисская теология» наделила бога Пта ролью создателя мира и в целом несет явные следы «пропаганды» в пользу Пта. Текст описывает акт создания Пта мира как момент зачатия в сердце бога, за которым последовало произнесение заклинания его губами. Этими действиями ему приписывалось создание не только материального мира, но и сообщества богов и людей, а также принципов социальных отношений между людьми. Деятельность Пта, вероятнее всего, была смоделирована на основе роли фараона в делах людей. В конце концов, мысли и слова, выражаемые богом-царем, приводили к созданию пирамид, наделяли его преданных слуг вечной жизнью и обращали в бегство варваров.

Однако усилия рационализировать религиозные традиции Египта не были систематическими. Хотя жрецы Пта в царской столице Мемфисе смогли возвысить своего бога над всеми остальными, были и другие жрецы, преданные другим богам в других храмах, чья набожность побуждала их противостоять каким-либо отклонениям от местных священных традиций. Таким образом, египтяне в конце концов выбрали более легкий путь, при-

¹² Усилия защитить последовательность и единство религии Египта как проявление «мифопоэтического мышления», которое показало «сложность подходов» к проявлению божественной силы, отражены в книге: Henri Frankfort, *Ancient Egyptian Religion* (New York: Columbia University Press, 1948), pp.16-22 and *passim*. См. также Frankfort et al., *Before Philosophy* (Harmondsworth: Penguin Books, 1941).

¹³ Adolf Erman, *Die Religion der Ägypter* (Berlin and Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1934), pp.88-96 дает прямой пересказ; более глубокий подход см. John A. Wilson in *Before Philosophy*, pp.59-70; Henri Frankfort, *Kingship and the Gods* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp.24-35; Hermann Junker, *Pyramidenzeit: Das Wesen der altägyptischen Religion* (Einsiedeln: Benziger Verlag, 1949).

нимая как данность устоявшееся разнообразие религиозных проявлений и не пытаясь переделать их. Официальная религия легко совместила логически слабо совместимые доктрины; и хорошо прижившееся разнообразие богов было изменено лишь тогда, когда к власти пришла новая династия, преданная своим собственным богам и традициям. Таким образом, когда правители Фив из Верхнего Египта укрепили свой контроль над всей страной, местный фиванский бог Амон пришел к власти, с тем чтобы вскоре, слившись с богом солнца, стать Амоном-Ра. Но более древние великие боги не были смещены. Фараон продолжал величать себя Гором, Осирис продолжал даровать мертвым бессмертие, соревнуясь с Ра, и продолжало существовать разнообразие местных религиозных традиций, пусть частично скрытых за номинальным отождествлением местных божеств с тем или иным из великих богов, почитаемых центральной властью.

Стойкость такого религиозного разнообразия можно понять лишь как следствие жизнестойкости местных святынь и жреческих сообществ, каждое из которых пользовалось по крайней мере некоторой независимостью от центрального правительства. Согласно определенным документам, можно предполагать, что со временем власть некоторых из этих жрецов усилилась за счет центрального правительства¹⁴. Однако не столько храмовые жрецы, сколько неповиновение чиновников подорвало и в конечном счете уничтожило власть бога-царя.

Удивительно не то, что чиновники вышли из повиновения, а то, что это произошло настолько поздно. Когда Древнее царство было на вершине своего могущества, в период Четвертой и Пятой династий (2650–2350 гг. до н.э.), Египтом, по-видимому, управляло относительно небольшое число чиновников. Многие из них были родственниками фараона. И все они как придворные бога-царя попадали в прямую зависимость от доброй воли царя в отношении всех привилегий и почестей, которые им могли когда-либо перепасть как в этой, так и в последующей жизни. Со временем число чиновников росло, и сам этот рост должен был ослабить психологические связи между богом-царем и его слугами. Как мог мелкий чиновник, находящийся далеко от двора, так же уверенно возлагать надежды на вечную жизнь, как и представитель царской свиты, если богу он был неизвестен лично? Возможно, еще важнее была тенденция передавать должность по наследству. Это препятствовало продвижению талантливых и амбициозных людей и способствовало тому, что слабо пригодные для своих ролей наследники оставались в высоких чинах. Когда сын наследовал отцу в отдаленных регионах, связи с

¹⁴ John A. Wilson, *The Burden of Egypt*, pp.98-99.

местными жителями, провинцией и ее богами должны были укрепляться, пока наконец они не уничтожили старое автоматическое повиновение центральной власти.

В результате административная машина постепенно распалась. Распад начался во времена Шестой династии (2350–2200 гг. до н.э.); вскоре после этого местные магнаты и князьки превратились в полноправных властителей, а некоторые из них претендовали и на верховную царскую власть, пусть даже не имея возможности отстоять этот титул у своих соперников.

Этот так называемый Первый промежуточный период (2200–2050 гг. до н.э.) сопровождался упадком искусств. Объем монументального строительства сильно сократился, огрубели стиль и мастерство, явно проявились местные различия¹⁵. Все это можно объяснить тем, что высокое искусство ранее было продуктом царского двора. Однако в области философии и литературы этот период общественной встряски способствовал укреплению национальных традиций Египта. Писцы, чье место в социальной иерархии было серьезно подорвано упадком упорядоченного правления, брали в руки перо, чтобы осуждать и протестовать против того, что случилось с египетской землей. Некоторые сохранившиеся произведения литературы этого периода передают полное отчаяние; другие – провозглашают неприкрытую жажду наслаждений; а третьи – ищут основу для восстановления социального порядка, настаивая на необходимости личной праведности¹⁶.

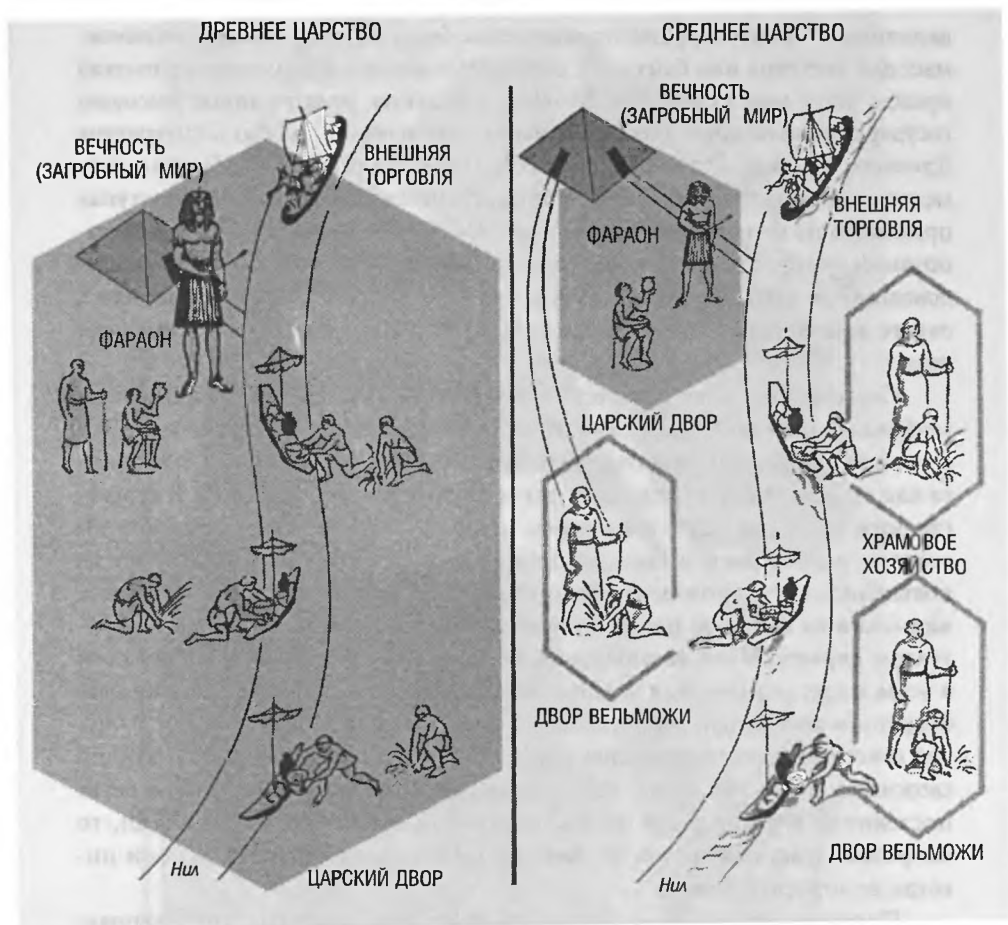
Этические принципы, выраженные авторами, относящимися к третьей группе, иногда вызывали восхищение современных ученых¹⁷; но нравственные принципы, с такой силой провозглашаемые негодующими летописцами, так никогда и не были встроены в религиозную систему Египта. Социальный разлад постепенно был ликвидирован, и идеалы, провозглашенные в трудные времена нестабильности, тоже постепенно исчезли, оставив слабый след в цивилизации Египта¹⁸. Изначальный консерватизм египетской религиозной системы, который ранее предопределил неудачу систематизационных попыток, воплощенных в «мемфисской теологии», поглотил и этот

¹⁵ См. William C. Hayes, *The Scepter of Egypt*, Part I: *From the Earliest Times to the End of the Middle Kingdom* (New York: Harper & Bros., 1953), pp.135–48.

¹⁶ Переводы этой литературы можно найти в работе: Adolf Erman, *The Literature of the Ancient Egyptians*, Aylward M. Blackman (trans.) (London: Methuen & Co., 1927), pp.75–108.

¹⁷ См. James Henry Breasted, *The Dawn of Conscience* (New York and London: Scribner's Sons, 1935), pp.207ff. Другие ученые в тех же текстах видели призывы к социальной революции и классовой борьбе, при этом не умаляя своего восхищения этими памятниками письменности. см. Joachim Spiegel, *Soziale und weltanschauliche Reformbewegungen im alten Ägypten* (Heidelberg: F.H. Kerle Verlag, 1950), pp.7–56.

¹⁸ John A. Wilson, *The Burden of Egypt*, p.124.

ЭВОЛЮЦИЯ ЕГИПЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

вид нового литературного истолкования основ человеческой жизни, даже не почувствовав его воздействия. Лишь в одном отношении распад Древнего царства дал толчок постоянной перемене в религии: с этого времени надежда на вечную жизнь больше не зависела всецело от связей с богом-царем, но открылась простым смертным при наличии у них соответствующих гробниц, заклинаний и подходящих обрядов.

Египетская литература характеризуется определенно приземленным со-

держанием¹⁹. Литературные произведения были работой писцов, нанимаемых для светских или близких к светским задач, и их внимание привлекал прежде всего мир людей. Так, правила поведения, предписанные высоким государственным чиновникам, занимают значительное место в литературе Древнего царства. Эти правила были созданы для того, чтобы показать молодым, как можно преуспеть в делах, почитая вышестоящих и поступая правильно по отношению к нижестоящим. Богобоязненность в духе Месопотамии тут просто не присутствовала. Даже во времена трудностей, следовавших за распадом Древнего царства, египетские писцы считали, что в ответе за бедствия и беспорядки не боги, а непокорные и высокомерные люди.

Светский характер египетской литературы, несомненно, указывает на глубокий контраст между мировоззрениями Египта и Месопотамии. Это различие отчасти можно объяснить относительной защищенностью Египта как от нападений чужеземцев, так и от стихийных бедствий²⁰. В стране, где боги были так надежны в своем покровительстве, где регулярно происходил разлив реки и где враждебные варвары никогда неожиданно не появлялись на горизонте, ученые писцы могли себе позволить не обращать внимания на богов, за исключением определенных, предусмотренных ритуалом случаев. Имея возможность не слишком заботиться о выживании в этом мире, религиозная мысль сконцентрировалась на достижении бессмертия в следующей жизни, а литературные произведения могли с чистой совестью быть направлены только на мирские заботы. Иная ситуация сложилась в Месопотамии, где природные и военные катастрофы были постоянной угрозой и где боги считались то намеренно капризными, то непредсказуемо опасными, то поразительно великодушными, но они никогда не игнорировались.

Пропасть, таким образом открывшаяся между устным мифотворче-

¹⁹ Священные традиции Египта не были сохранены в письменных источниках. Намеки на существование мифических циклов прослеживаются в уцелевших текстах; но греческий историк Плутарх, который жил во II в. н.э., когда цивилизация Египта была уже в прошлом, был первым, кто записал последовательный рассказ об одном таком мифе – историю Осириса, Исиды и Гора. Современники знают эту историю только благодаря Плутарху – неточному и сомнительному источнику для элемента египетской религии, часто считающегося центральным для религиозного сознания целой цивилизации. Жители Месопотамии начали записывать религиозные сюжеты лишь тогда, когда язык шумеров стал мертвым языком, значение слов которого нужно было разъяснять. Никакого похожего кризиса системы передачи информации в Египте никогда не было, и у египетских жрецов не было причины записывать священные секреты.

²⁰ John A. Wilson, *The Burden of Egypt*, pp.12-13.

Генеральное управление древностей, Египетский музей (Director-General of Antiquities, Egyptian Museum), Каир.

ХЕФРЕН, ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЕРХНЕГО И НИЖНЕГО ЕГИПТА

Эта сидячая статуя из диорита из храмового придела гробницы Хефрена в Гизе изображает царя-бога как в виде человека, так и в виде сокола Гора. Скульптор великолепно преодолел внутренне присущее такому художественному замыслу неудобство: крылья сокола, защищая фараона, неразрывно соединяют вместе две фигуры, и величественная суровость лица фараона подкрепляется равнодушной благожелательностью сокола. Такая скульптура символизировала и, символизируя, возможно, помогала также укрепить и определить всеохватывающую роль бога-царя в Древнем Египте. Искусное и стилистически совершенное творение было выполнено во времена Четвертой династии (2650—2500 гг. до н.э.), когда ресурсы всего Египта были использованы на строительстве великих пирамид. (Пирамида Хефрена уступает по размерам лишь пирамиде его непосредственного предшественника, известного Геродоту как Хеопс и египтологам как Хуфу.)

ством и письменной литературой, предоставила египетским писцам намного больше свободы, чем та, которой пользовались месопотамские летописцы. Вследствие этого египетская литература появилась раньше месопотамской, и очень рано в ней появились некоторые сугубо светские жанры – рассказы, притчи, диалоги и песни о любви, – которые были слабо представлены или вообще не имели аналогов в Месопотамии²¹.

Беспорядки, последовавшие за распадом Древнего царства, конечно же, принесли много страданий жителям Египта, и идеал объединенной земли, покорной богу-царю, никогда не стерся из их памяти. Наконец, где-то в середине XXI в. до н.э. местный правитель из Фив в Южном Египте добился военного превосходства и объединил страну снова, таким образом основав так называемое Среднее царство (2050–1800 гг. до н.э.)²². Эта новая династия (Двенадцатая) возродила нечто похожее на централизацию Древнего царства; но под этой внешней схожестью скрывалось существенное различие. Местные магнаты и жрецы не были отстранены от управления. Они остались у власти, осуществляя посредническую функцию между придворными чиновниками и крестьянами. Центральная власть была менее превозносимой и более ограниченной. Рабочая сила всего Египта больше не призывалась на строительство гробницы для царя, так же как и официальная идеология больше не провозглашала, что бессмертия можно достичь, лишь имея связь с божественным царем в загробной жизни²³. Изменение основ жизни Египта проявилось и в том, что стили искусства продолжали отражать мелкие, но заметные местные различия в рамках единого канона, унаследованного от Древнего царства²⁴. Несмотря на это, некоторые более энергичные цари Двенадцатой династии смогли распространить свое господство на весь Египет, хотя более слабые личности легко могли выпустить бразды правления из рук.

К 1800 г. до н.э. Египет опять утратил политическое единство. Поэтому египтянам не удалось оказать эффективное сопротивление новому и непривычному феномену в их историческом опыте: массированным вторжениям иноземцев. Начиная приблизительно с 1730 г. до н.э. народ, именуемый

²¹ См. T.Eric Peet, *A Comparative Study of the Literatures of Egypt, Palestine and Mesopotamia* (London: Oxford University Press, 1931), p.17 and *passim*.

²² Завоевание всего Египта из Фив похоже на завоевание Менесом в том смысле, что оба правителя пришли с юга, из относительно отсталых пограничных районов. Два объединения иллюстрируют преимущества пограничного правителя в борьбе за власть среди мелких цивилизованных государств. См. выше замечания в связи с Саргоном из Аккада.

²³ John A.Wilson, *The Burden of Egypt*, pp.112-37.

²⁴ William C.Hayes, *The Scepter of Egypt*, Part I, p.154.

гиксосами, пересек пустыню Сина и проник в Египет, легко завоевав северные районы страны и установив чужеземное господство, просуществовавшее до 1570 г. до н.э.

Гиксосы стали для Египта «моментом истины». Жрецы и знать Египта, исстари привыкшие считать себя превыше всех остальных народов, оказались покорены презренными варварами-азиатами, которые осквернили их храмы и уничтожили их наиболее ценимые традиции. Этот жизненный опыт основательно изменил взгляды египтян. Даже после того, как новый царь пришел с юга, освободив оба царства от ненавистных гиксосов, египтяне больше не чувствовали себя в безопасности за своими пустынями. Так нашествие гиксосов положило конец долгому периоду изоляции Египта от остального мира, и в последующем тысячелетии египтяне включились в качестве великой империи в сложную борьбу держав Среднего Востока. С изгнанием гиксосов владыки Египта начали эпоху космополитического правления в непосредственном контакте и в условиях соперничества с другой великой ближневосточной цивилизацией речных долин – Месопотамией. Здесь мы оставим египтян на том этапе, когда их уникальный образ жизни почти преобразовался и вступил в фазу более широких контактов.

Подведем итог: в некотором отношении достижения Египта III тыс. до н.э. превосходили что-либо ранее известное. Египетское искусство и архитектура производят намного более сильное впечатление на наших современников, чем что бы то ни было в Месопотамии. Этические принципы, развитые в некоторых литературных произведениях, также вызывают отклик в современных умах²⁵. И наконец, нельзя не восхищаться рано сформировавшимся политическим единством Древнего царства, так хорошо воплощенным в простоте и монументальности великих пирамид.

Однако в другом смысле Египет отставал от достижений Месопотамии. Ничего похожего на «великое общество» Месопотамии не возникало в долине Нила. Резкий контраст между богом-царем и его двором, с одной стороны, и крестьянами, с другой, остались характерной чертой даже в Среднем царстве, и незначительное посредническое звено – местные магнаты и духовенство – не могли придать египетскому обществу той внутренней гибкости, того разнообразия и тех возможностей, которые были скрыты в устройстве Месопотамии. Египтянам не хватало для великого царства структурной базы, которую дали Месопотамии политическая теория, писанные законы и класс состоятельных купцов. Вместо этого вся обслуживающая пра-

²⁵ Однако, что касается литературы, то, судя по переводам, мне кажется, что «Сказание о Гильгамеше» превосходит все литературные произведения Египта, которые дошли до нас.

вителя прослойка – писцы, каменщики, архитекторы, художники, чиновники и жрецы – существовала за счет покорного крестьянства. В таком обществе не было простора для дальнейшего развития, и даже расширившиеся контакты с чужеземцами, которые принесло с собой Новое царство, не позволили египтянам сделать больше, чем просто подтвердить действенность старых идей и насколько возможно противиться иностранному влиянию. Несмотря на всю чуждую им запутанную имперскую политику, древние египтяне все же эффективно сохраняли свою духовную изоляцию. Даже после присоединения к Римской империи они остались отдельным самобытным народом – хранителем традиций древности, не создавшим ничего нового.

2. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОЛИНЫ ИНДА

Цивилизация Египта несла в себе значительное сходство с другой цивилизацией, которая появилась приблизительно в то же время в Индии. Два великих города и многочисленные малые города и деревни процветали на берегах реки Инд и ее притоков в период между 2500 г. и 1500 г. до н.э. Жители этих поселений были знакомы с искусством письма и применением меди и бронзы; они воздвигали монументальные сооружения из обожженного кирпича, высекали из камня характерные статуи и печати. Короче говоря, материальная сторона их цивилизации была равнозначна современным им Месопотамии и Египту. Но из-за недостатка данных, особенно из-за того, что современные ученые не смогли расшифровать письменность этой цивилизации, мало что известно о ее нематериальных аспектах и абсолютно ничего – о ее историческом развитии.

Большие города Мохенджо-Даро и Хараппа предстают перед нами вполне развитыми, без каких-либо следов постепенного развития от более примитивных предшественников. Подземные воды помешали археологам раскопать более глубокие слои на месте этих городов, а вскрытые слои, содержащие обломки многих столетий, свидетельствовали лишь об упадке после первоначального всплеска²⁶. Вскрытые культурные слои в других местах раскопок также не выявили признаков развития от первобытного начала до полного развития систематической городской планировки, о чем свидетельствуют Хараппа и Мохенджо-Даро²⁷. Лишь обнаружение в Месопотамии не-

²⁶ Stuart W. Piggott, *Prehistoric India to 1000 B.C.* (Harmondsworth: Penguin Books, 1950), pp.167, 200-201.

²⁷ R.E.M. Wheeler, *The Indus Civilization: The Cambridge History of India*, Supplementary Volume (Cambridge: Cambridge University Press, 1953), pp.8-14.

скольких индских печатей в таком контексте, который позволяет грубую датировку, дает ученым возможность назвать 2500–1500 гг. до н.э. приближительными временными рамками цивилизации Инда²⁸.

Существование торговых отношений между Месопотамией и долиной Инда с 2500 г. до н.э. (или, возможно, за несколько сотен лет до этого) предполагает, что шумеры, вероятно, играли определенную роль на ранних стадиях индской цивилизации, аналогичную той, которую они играли в Египте. Морские контакты с шумерами, возможно, предоставили готовые модели и идеи, которые жители долины Инда смогли применить к особенностям своих местных культурных традиций²⁹. В этом случае подъем цивилизации долины Инда, вероятно, был быстрым и занял самое большее нескольких столетий.

Необычно систематичная планировка Мохенджо-Даро и Хараппы подсказывает и другие выводы. Внутреннее пространство обоих городов было хорошо организовано³⁰. На западной окраине каждого из них располагалась крепость, построенная на искусственном возвышении над равниной. Оба города также имели большие зернохранилища, сооруженные по заранее установленному плану, а также геометрически спланированные кварталы, по видимому, предназначенные для рабочих. Все это свидетельствует о наличии высокоцентрализованного управления, которое собирало большую подать зерном и управляло бригадами рабочих с размахом, достаточным для строительства целых городов. Это также предполагает, что города были расположены по заранее разработанному плану на прежде незастроенных участках. Мохенджо-Даро и Хараппа, таким образом, вероятно, были построены как столицы-близнецы уже объединенного и, по крайней мере частично, цивилизованного государства³¹.

²⁸ Обнаружение в Мохенджо-Даро нескольких печатей, похожих на те, что существовали в Месопотамии около 3000 г. до н.э., приводит некоторых ученых к выводам о более раннем появлении индской цивилизации. См. Heinz Mode, *Die indischen Frühkulturen und ihre Beziehungen zum Westen* (Basel: Benno Schwabe & Co., 1944), pp.127-28. Однако трудно поверить, что настолько развитые города, как города индской цивилизации, могли появиться так рано. Такие артефакты, как печати, возможно, существовали на протяжении нескольких столетий как ценная редкость; или же они могли попасть в Мохенджо-Даро из какого-либо района на окраине Месопотамии, где старый стиль сохранился дольше, чем в центре этой культуры.

²⁹ Heinz Mode, *Die indischen Frühkulturen*, pp.86-87, 128-38; R.E.M. Wheeler, *Early India and Pakistan to Ashoka* (London: Thames & Hudson, 1959), pp.100-104.

³⁰ Большая часть находок Хараппы была уничтожена в XIX в., когда грунт с места будущих раскопок использовался для насыпей железных дорог. Поэтому планировка города в полной мере неясна, хотя, кажется, у нее много общего с планировкой города Мохенджо-Даро.

³¹ Месопотамские города, наоборот, имели кривые и разномастные улицы и здания. Для сравнения можно провести параллель с геометрически правильной планировкой Вашингтона, Канберры или Бразилии и кривой асимметрией улиц Лондона, Парижа, Лиссабона.

Фонды Британского музея (Trustees of the British Museum).

ПЕЧАТИ ИНДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Связь между цивилизациями Месопотамии и долины Инда проявляется в первых двух из этих печатей, так как левая печать найдена в руинах шумерского морского порта Ур, а вторая — в Мохенджо-Даро, одной из двух столиц-близнецов, где также было обнаружено много других печатей похожего стиля. Очевидно, первая печать привезена в Ур из района Инда, возможно, каким-нибудь купцом. Третья печать интересна другим. Фигура с тремя лицами, сидящая со скрещенными ногами в окружении тигров, слонов и других диких животных, точно соответствует позе, позже ассоциируемой с индийским богом Шивой в ипостаси Парурати, Повелителя зверей. Такая непрерывность традиции демонстрирует сохранение элементов культуры долины Инда в позднейшем индуизме. Современные ученые не могут прочесть надписи на этих печатях.

Поразительное единообразие археологической застройки свидетельствует о том, что политическая структура цивилизации Инда была высокоцентрализованной уже на раннем этапе своей истории. Две столицы находились на расстоянии 350 миль, а более мелкие поселения найдены на расстоянии до тысячи миль от них. Шестьдесят с небольшим мест раскопок, в которых были обнаружены следы этой цивилизации, расположены в пойменной долине Инда и его притоков или вдоль побережья Аравийского моря вплоть до устья реки Нарбада на юге. На всей этой сравнительно обширной территории³² не найдено региональных или местных культурно-стилистических вариантов. Раннее политическое объединение, аналогичное египетскому, само по себе объясняет такое единообразие.

Как такое обширное государство могло быть организовано и сплочено, невозможно даже представить. Во второй половине III тыс. до н.э., когда цивилизация Инда была в полном расцвете, при построении ее городов, похоже, уделялось мало внимания защите от вооруженных нападений. Городские стены обнаружены не были; находки оружия и защитного вооружения скудны, и отсутствуют некоторые их виды, хорошо известные в Месопотамии³³. Следовательно, эта цивилизация была не военной империей, как империя Саргона, а жреческим государством, как египетское Древнее царство, не исключено, что с похожей политической системой.

Если не считать довольно большого числа резных печатей, которые иногда соперничают с лучшими образцами Месопотамии, художественные находки долины Инда немногочисленны. Более того, несколько обнаруженных объектов представляют головоломный разноречивый стиль³⁴. Такая же неопределенность окружает религию цивилизации Инда. Женские статуэтки, часто очень грубые, иногда демонстрирующие преувеличенные половые признаки, по-видимому, свидетельствуют о культе плодородия и поклонении богине типа «Великой Прародительницы». Культы деревьев и фаллические символы указывают на то же. Но без доступа к письменности невозможно вос-

³² Цивилизованная часть Египта растянулась не более чем на 600 миль вдоль Нила; и пойменная равнина Месопотамии, хотя и была шире, имела несколько меньшую протяженность. См. R.E.M.Wheeler, *The Indus Civilization*, pp.2-3.

³³ Например, шлемы и щиты, которые были обычным оружием воинов Месопотамии с самого начала III тыс. до н.э., обнаружены не были. См. R.E.M.Wheeler, *The Indus Civilization*, pp.52-56.

³⁴ См. D.H.Gordon, *The Pre-historic Background of Indian Culture* (Bombay: N.M.Tripathi, Ltd., 1958), p.69. Даже если, подобно Гордону, кто-либо и отрицает подлинность каменных торсов из Хараппы и относит их к более позднему творениям буддийского периода, захороненным в более глубоких слоях, остается поразительный контраст между топорностью «портретных» голов и грацией танцующей девушки из бронзы, найденной в Мохенджо-Даро.

Национальный музей Индии (National Museum of India), Нью-Дели.

СТАТУЭТКИ ИЗ ДОЛИНЫ ИНДА

Обнаженный торс слева и грубо выполненная, но надменная фигура справа были обнаружены соответственно в Хараппе и Мохенджо-Даро. Едва ли эти статуэтки можно отнести к одной и той же традиции или школе, и некоторые ученые предполагают, что торс может быть произведением более поздних времен — периода буддизма. Неполные записи при проведении раскопок не позволяют подтвердить ни эту гипотезу, ни альтернативную точку зрения, заключающуюся в том, что эти две фигуры могут представлять соответственно более и менее древний этапы развития скульптуры культуры Инда. Гибкое изящество одной и надменность другой продолжают озадачивать специалистов, изучающих культуру Древней Индии.

создать мифологию, которая придавала бы смысл отдельным уцелевшим образам и символам.

Имеется достаточно свидетельств того, что жизнеспособность и социальная дисциплина цивилизации Инда пришли в существенный упадок накануне полного разрушения двух ее главных городов. Например, в Мохенджо-Даро разрушительные наводнения время от времени делали необходимым восстановление целого города. Старые улицы и здания сначала полностью воссоздавались заново, согласно старым образцам, но в последний период существования города перестроенные стены более не соответствовали границам прежних улиц; и кое-как возведенные невысокие здания появились там, где ранее находились монументальные сооружения. Несомненно, социальная дисциплина, которая изначально определила и долго поддерживала геометрическую точность городской планировки, каким-то образом ослабела.

Можно только высказывать догадки о причинах такого упадка. Возможно, засуха и сведение лесов сделали наводнения более разрушительными, а земледелие менее производительным, чем раньше³⁵. Но в свете того, что мы знаем об упадке Древнего царства Египта, заманчиво попытаться отнести распад древнеиндской цивилизации к внутренним политическим изменениям. Если по какой-либо причине влияние центрального правительства на подвластных ему жителей равнины Инда ослабло, то большие города тотчас должны были пострадать, и доказательством может служить упадок Мохенджо-Даро.

Вторжения с северных и западных нагорий могло сыграть некоторую роль в ослаблении центральной власти³⁶. Последний смертельный удар, вероятно, был нанесен тогда, когда воинственные варвары, говорившие на индоевропейском языке – предшественники санскрита и называвшие себя ариями, спустились с гор, чтобы опустошить долину Инда. С подлинно первобытной яростью они превратили древнеиндские города в груды дымящихся развалин.

Хараппа и Мохенджо-Даро не были восстановлены. Общественный порядок, некогда поддерживавший жизнь этих двух главных городов, распался, и место, где ранее находился Мохенджо-Даро, постепенно было занято горсткой чужеземных поселенцев. Когда главные города и аппарат управления были разрушены так сильно, что исчезли какие-либо напоминания о

³⁵ См. осторожный комментарий в работе: R.E.M.Wheeler, *The Indus Civilization*, p.91.

³⁶ Stuart Piggott, *Prehistoric India*, pp.208-21 указывает на увеличение в последние периоды истории цивилизации Инда доли культурных находок, происходящих из Белуджистана.

существовании цивилизации Древней Индии, скромные деревни выжили. Можно предположить, что именно население этих деревень и передало последующим поколениям главные идеи религии Древней Индии, которые позднее так ярко возродились в индуизме.

Возникает вопрос: почему цивилизация Инда распалась под натиском варваров, в то время как цивилизации Египта и Месопотамии, подвергаясь таким же нападениям варваров, выжили и со временем вновь утвердились? Возможно, число варваров было большим, а атаки более яростными и жестокими, чем в Египте и Месопотамии. Возможно, цивилизация Инда была более хрупкой, без глубоких связей между населением деревни и правящим меньшинством.

Существующая информация не подтверждает тех или иных предположений. Так, информацию для размышления можно найти в Ригведе³⁷, некоторые части которой – например, описание того, как бог войны Индра брал приступом крепости, окруженные стенами, и безжалостно уничтожал своих темнокожих врагов, – возможно, касаются периода завоеваний ариев³⁸. Некоторые тексты могут толковаться как свидетельства того, что арии относились к религиозным традициям народа Древней Индии с большой неприязнью, со священным ужасом воспринимая откровенность священных эротических обрядов³⁹. Более того, Ригведа проясняет и тот факт, что вторгающиеся арии имели относительно развитую религию и сложную иерархию духовенства, которые, вероятно, сформировались под влиянием религиозных идей шумеров и Вавилона⁴⁰.

³⁷ Ученые полагают, что Ригведа включает в себя древнейшие уцелевшие тексты литературы на санскрите.

³⁸ R.C.Majumdar (ed.), *The History and Culture of the Indian People: The Vedic Age* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1951), pp.225-28, 360.

³⁹ Толкование соответствующих отрывков Ригведы – предмет спора. Некоторые индийские ученые полагают, что в них лишь осуждается чрезмерная похоть, но не критикуются обычаи доарийского населения. См. R.C.Majumdar, *History and Culture of the Indian People: The Vedic Age*, p.187.

⁴⁰ См. V.Gordon Childe, *The Aryans: A Study of Indo-European Origins* (New York: Alfred A.Knopf, Inc., 1926), I, 80-81; Louis Renou and Jean Filliozat, *L'Inde classique: Manuel des études indiennes* (Paris: Payot, 1947), p.516; Sir Charles Eliot, *Hinduism and Buddhism: An Historical Sketch* (London: Edward Arnold & Co., 1921), I, 60-61; James Hope Moulton, *Early Religious Poetry of Persia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1911), pp.37, 44-45. Торговцы и кузнецы, путешествовавшие из гористой части Среднего Востока на север, в степи, наверняка многому научили первобытных индоевропейцев. Например, праиндоевропейское обозначение меди происходит от шумерского слова для этого металла. Не только материальные, но и религиозные уроки, которые давали представители более высокой, чем степная, культуры, были усвоены, о чем свидетельствует сходство между индоевропейским и месопотамским пантеоном, которое не

Следовательно, есть вероятность того, что вторжение ариев включало в себя столкновение двух соперничавших религий. Возможно, эти завоеватели принялись систематически и с фанатичным рвением уничтожать следы ненавистной им религии врагов. Однако, если древнеиндская цивилизация была цивилизацией жрецов, то ликвидация института жрецов означала уничтожение общественного учреждения, создавшего и поддерживающего эту цивилизацию. Более того, если общество Инда, подобно обществу Египта периода Древнего царства, не имело промежуточной социальной прослойки между жрецами-царями в их неприступных цитаделях и в целом равноправным сельским населением, то уничтожение института жрецов означало бы стремительную гибель древнеиндской цивилизации без малейшей возможности ее возрождения. Только отдельные фрагменты древней культуры, понятные и доступные сельским жителям, смогли после этого сохраниться. Так оно скорее всего и произошло⁴¹.

В. ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РАЙОНЫ ДОЖДЕВОГО УВЛАЖНЕНИЯ: МАЛАЯ АЗИЯ И КРИТ

1. ВСТУПЛЕНИЕ

К началу III тыс. до н.э. общественная организация и технические средства, доступные земледельцам Среднего Востока, все еще были настолько

может быть случайным. См. заимствования, сделанные Мухаммадом у иудео-христианской культуры, с которой он, вероятно, сталкивался во время своих торговых контактов в молодости.

⁴¹ Ср., например, судьбу цивилизации американских индейцев, когда местные жрецы и вожди были обращены в христианскую веру испанскими завоевателями и миссионерами.

Подобная печальная судьба могла постигнуть и древнеегипетскую цивилизацию, когда долина Нила подверглась набегу варваров, а двор фараона был единственным носителем высокой культуры. Однако к тому времени, когда гиксосы завоевали Египет и осквернили святыни и храмы, уже существовала тонкая, но жизнеспособная прослойка писцов и знати (т.е. местных магнатов и землевладельцев), которая разделяла с двором фараона и жрецами миссию сохранения древнеегипетских культурных традиций. Эта прослойка выжила под гнетом гиксосов, поскольку те нуждались в услугах сборщиков податей и управляющих. Сохранение этой прослойки означало сохранение вместе с ней и культурных традиций Древнего Египта. Этот факт подтверждается успешным восстанием против гиксосов под предводительством местного магната, правителя Фив, которому удалось воссоздать основы утраченной цивилизации. Ср. также многократное возрождение китайской культуры после набегов варваров и русской культуры после монгольского нашествия.

Если мы, следовательно, предположим, что общество Инда слегка отставало в развитии от Египта и по-прежнему было организовано подобно египетскому Древнему царству ко времени арийского завоевания, то неспособность высокой культуры цивилизации долины Инда к выживанию сразу же становится понятной.

примитивными, что цивилизации могли возникнуть только на искусственно орошаемых землях. Однако к концу тысячелетия ситуация изменилась, так как незадолго до 2000 г. до н.э. значительное число различных по культуре, но взаимосвязанных цивилизаций укоренилось за пределами узких территориальных рамок пойменных долин разливающихся рек. Этот прорыв позволил ускорить процесс развития цивилизации в несколько раз. Любой регион, располагающий достаточно плодородной землей для ведения сельского хозяйства, потенциально становился местом возникновения цивилизованной жизни. Теперь процесс территориальной экспансии цивилизации превратился из скачкообразного движения от одной речной долины к другой в растекание по непрерывному пространству.

Как же произошел переход от орошаемых к неорошаемым землям?

Только используя весь арсенал воображения человека, можно получить даже самый общий ответ на поставленный вопрос. Начальной формой цивилизации мы представляем общество более или менее равноправных земледельцев, живущих сельскими общинами. С распространением плуга земледельцы получили возможность производить излишек продуктов питания даже на землях, увлажняемых лишь дождями. Пар, эффективность которого поддерживалась за счет уничтожения сорняков путем частой перепашки, дал возможность постоянно использовать одни и те же земельные участки и вытеснил старый полукочевой способ обработки почвы. Таким образом, земледельцы как никогда ранее оказались связанными с определенной территорией. При отсутствии внешних факторов простые земледельцы за счет увеличения населения быстро потребляли излишек продуктов питания, который появился в результате улучшения техники обработки почвы. Так происходило до тех пор, пока не устанавливалось новое равновесие⁴² между возросшей численностью населения и излишками продуктов питания. Таким образом, могло возникнуть сравнительно компактное земледельческое поселение, которое не порождало усиления классовых различий, а также каких-либо кардинальных изменений в образе жизни общества⁴³.

Но земледельческие общины, расположенные в ареале цивилизаций речных долин, не были предоставлены сами себе. Война и торговля стали теми факторами, которые способствовали контактам с культурой народов, населявших пойменные долины. В то же время общины жили под постоян-

⁴² Т.е. вплоть до того момента, когда технические ограничения уступали место нехватке свободной земли как главному фактору, сдерживающему производство продуктов питания.

⁴³ Например, аналогичная ситуация сложилась на территории раннего Лациума, где вулканическая почва была чрезвычайно плодородной. См. Tenney Frank, *An Economic History of Rome* (2d rev. ed.; Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1927), pp.1-12.

ной угрозой, их часто завоевывали племена кочевников, которые приходили из-за пределов земледельческих районов. Таким образом, земледельческие поселения древнего Среднего Востока оказались между молотом и наковальней, что существенно тормозило их культурное развитие, и в итоге на протяжении III тыс. до н.э. они оказались подчиненными иноземным властителям. Эти обстоятельства и подтолкнули развитие цивилизации в районах дождевого увлажнения. Жесткое, часто полярное социальное разделение между помещиками и крестьянами позволило первым аккумулировать богатство в таком масштабе, который при наличии благоприятных условий позволил содержать корпус специалистов, способных создавать и поддерживать независимый стиль цивилизованной жизни.

Не составляет труда проследить, как захватнические войны кочевников могли привести к данному результату. Боевая дисциплина, приобретенная скотоводами во времена кочевой жизни, давала огромное военное преимущество над разобщенными и миролюбивыми земледельцами. Воины, привыкшие паразитировать на стадах скота, очень быстро осознали выгоду, которую они могли получить от перенесения этого паразитизма на людей, если они встречали общину, достаточно богатую, чтобы удовлетворить их потребности, и в то же время достаточно беззащитную, чтобы покориться. Такие общины смогли появиться за пределами орошаемых земель только после того, как начал широко применяться плуг, что существенно увеличило урожайность на землях, увлажняемых дождями. Таким образом, появление разрозненных государств, управляемых воинственными аристократами-землевладельцами, происходило рука об руку с распространением плуга⁴⁴.

Поскольку цивилизованные завоеватели были менее, чем кочевники, склонны поселяться среди отдаленных земледельческих общин, то их нашествия значительно меньше отражались на положении местных жителей. Тем не менее в обоих случаях был сформирован класс местных магнатов, притязавших на часть произведенного земледельцами продукта. Военные завоевания, исходившие из речных долин, вряд ли начались намного раньше эпохи Саргона (2350 г. до н.э.). Тем не менее его армии, по всей видимости, достигли Средиземного и, возможно, Черного морей, преодолев перевалы гор Загрос на востоке и проникнув далеко в глубь от долины реки Тигр⁴⁵. Бесспорно, где бы ни был великий властелин, он требовал дань и отражал своих

⁴⁴ Возможно, распространение плуга было стимулировано расчетливыми действиями аристократов, так как лучшая техника делала крестьян значительно более полезными для господ. Я, однако, не располагаю фактами, подтверждающими эту гипотезу.

⁴⁵ Идут споры о реальных масштабах завоеваний Саргона. См. Sidney Smith, *Early History of Assyria to 1000 B.C.* (London: Chatto & Windus, 1928), pp.80-94.

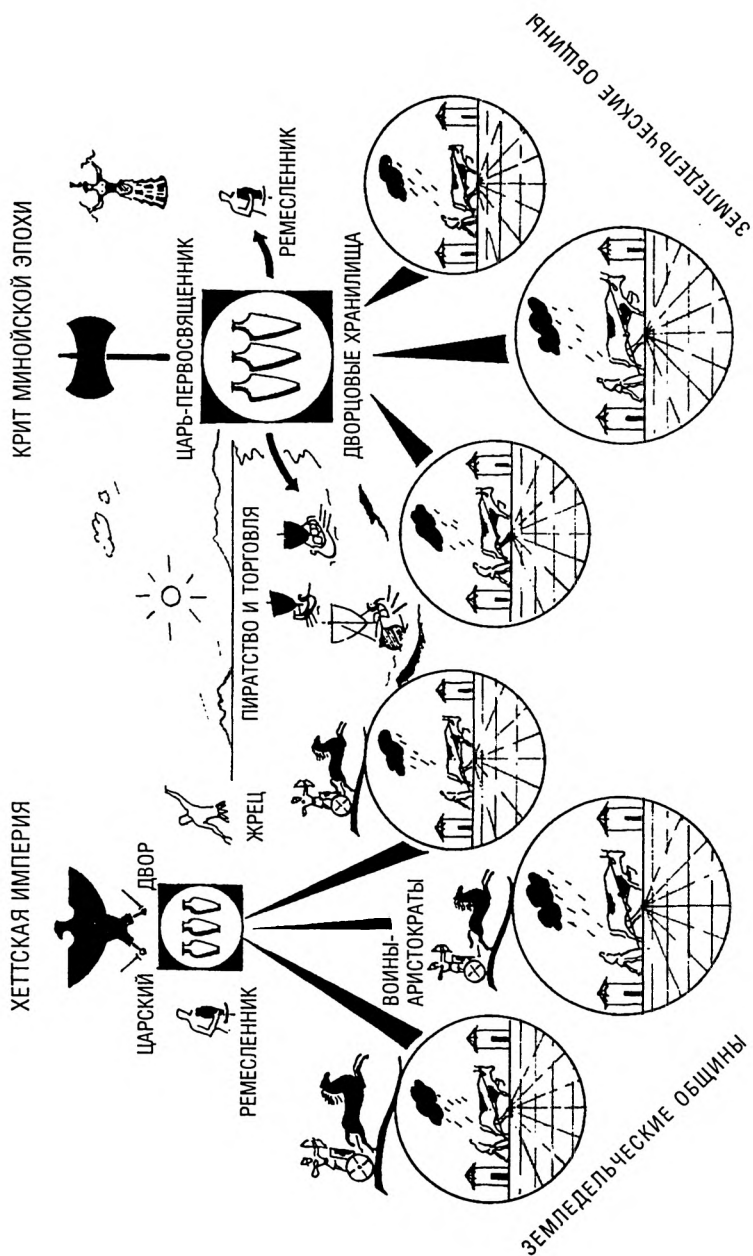
посланцев брать те товары, которые были доступны в данном регионе. Кто бы ни организовывал трудовые ресурсы, необходимые во исполнение приказов Саргона, он расширял и укреплял новую «протоиндустриальную» форму социальных различий между земледельцами. Более важным фактом стала трансформация земледельцев в крестьян в том понимании, что их социальная вселенная была расширена, отражая их ограниченное участие в великом цивилизованном мире⁴⁶.

Влияние торговли на сельские общины было более сложным и, должно быть, зависело от условий в каждом отдельном случае. Торговцы без поддержки военной силы могли только убеждением стимулировать производство товаров, в которых они нуждались. Члены автономной, тесно спаянной сельской общины сначала могли противостоять соблазну красивой одеждой и безделушками, предпочитая жить по старинке работе на чужаков. Но в других поселениях, где ощущалась нехватка земель для ведения сельского хозяйства, люди с готовностью шли валить деревья или добывать руду в обмен на товары купцов. Расширяя торговые отношения, купцы-путешественники постепенно сделали возможным заселение предгорий, где местные пищевые ресурсы были недостаточны, но где можно было добывать руду и древесину, производить овечьи шкуры и шерсть. Соответственно установилось разделение между равниной и предгорьями, между поселениями с недостатком и излишком произведенных продуктов питания, которое вплоть до нашего времени являлось фундаментальным для образа жизни на территории Среднего Востока и Средиземноморья.

Поскольку население предгорий стало частично зависеть от поставок продуктов питания с равнины, на границах аграрного мира появилась новая движущая сила. Даже отдаленные политические конфликты могли нарушить сложное обращение товаров, от которого зависела жизнь жителей предгорий. Всякий раз, когда торговля прерывалась, они были вынуждены захватывать силой то, чего не могли получить, используя обмен. Если население равнин было не в состоянии защищаться или восстановить взаимовыгодную торговлю, то такие рейды могли превратиться в крупномасштабные завоевательные походы. Таким образом, на протяжении всей последующей истории горцы соперничали с кочевниками в набегах и завоевании равнин.

Для уже подчиненных завоевателю общин развитие торговли только усиливало их зависимость. Не имея возможности решать свою судьбу, не-

⁴⁶ Для интересного обсуждения вопроса о том, что значит быть крестьянином, см. Robert Redfield, *Peasant Society and Culture: An Anthropological Approach to Civilization* (Chicago: University of Chicago Press, 1956); Robert Redfield, *The Primitive World and Its Transformations* (Ithaca: Cornell University Press, 1953).

РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗЕМЛЯХ ДОЖДЕВОГО УВЛАЖНЕНИЯ

свободные крестьяне были вынуждены работать на иностранных купцов, которые в обмен поставляли их знатым хозяевам предметы роскоши цивилизации. Иными словами, для воинственных аристократов торговля увеличила возможности получения прибыли от работы их подданных. Она также дала возможность воинам-варварам оценить плоды цивилизации. Однажды узнав о богатствах и чудесах далеких стран, отряды жаждущих наживы и славы воинов теперь все чаще и чаще нападали на саму территорию ядра цивилизации. Вследствие этого вскоре после 2000 г. до н.э. цивилизованные народы Среднего Востока подверглись нашествиям полуварварских вождей из все более отдаленных аграрных регионов.

Таким образом, действия цивилизованных торговцев и завоевателей, способствовавшие установлению чужеземного военного режима правления над земледельцами окраинных районов в III тыс. до н.э., бумерангом отозвались на самих цивилизованных общинах. В течение II тыс. до н.э. цивилизованные земледельцы, а также стоявшие на более низкой стадии развития крестьяне окраинных земель оказались зажатыми между кочевниками и горцами. Еще большую опасность представляли бывшее кочевники или горцы, эксплуатировавшие крестьянские общины и имевшие достаточно ресурсов, чтобы посвятить все свои силы погоне за войной и славой. Социальный ландшафт Среднего Востока стал исключительно сложным. Кочевники, горцы, воинственные аристократы, крестьяне, ремесленники, торговцы и чиновники образовывали шаткий, но неизбежный симбиоз.

Постепенно отряды воинственных аристократов стали играть все большую роль на социальной сцене. Однако в действительности позиция любого из них была внутренне нестабильной. В ранней фазе завоевательных походов, когда одерживались блестящие победы и завоевывались аграрные регионы, члены полуварварских отрядов беспрекословно подчинялись власти вождя. Но предводители победоносных варварских отрядов (или их наследники) пытались избежать ограничения собственной власти, выработанного на основе обычая, путем привлечения принципов абсолютного и бюрократического правления, выработанных в цивилизованных обществах. Вследствие этого противоречия между монархами и аристократами были обычным делом. И когда по вышеуказанной причине в варварских военных отрядах падала дисциплина, открывался путь для новых завоеваний, новых монархий, новых аристократов и новых трений между централизованным властелином и его вынужденными сторонниками.

Несмотря на видимую неразбериху, эти внешне циклические процессы политического соперничества, консолидации и дезинтеграции предшествовали более медленным и значимым переменам. Власть и богатство правите-

лей окраинных земель основывались на податях, налогах и принудительном труде крестьян. Это также дополнялось разного рода доходами от торговли, организации добычи и экспорта полезных ископаемых, а также от торговли за собственный счет. Цари также могли требовать плату за защиту с торговых караванов, пересекавших их территорию. С течением времени вокруг царских дворов возникли общины ремесленников. Они производили товары на экспорт и частично для местного спроса, создаваемого царским дворовым хозяйством. Так, социальная структура окраинных земель мало-помалу уподоблялась древнему культурному многообразию Месопотамской долины, и соответственно уровень развития искусства и ремесла, присущий цивилизации, распространился на новые территории.

Иными словами, приблизительно к 2000 г. до н.э. «великое общество» Месопотамии дало начало большому числу полувцивилизованных сообществ, которые лишь частично были включены в его политическую структуру. Как никогда раньше, этот процесс развития утвердил связь городов и селений, пастухов и воинов, купцов и ремесленников, невзирая на различия и расстояние между ними. Теперь возникшие в V и IV тыс. до н.э. самодостаточные сельские общины не могли безопасно существовать, разве что на самых отдаленных территориях Среднего Востока.

Но экономическая, социальная и культурная взаимозависимость превзошла все границы политического объединения. По этой причине общества Среднего Востока столкнулись с проблемой, подобной той, с которой ранее столкнулись города-государства Шумера. И постепенно она была решена подобным же образом. Как случилось в III тыс. до н.э., когда междоусобные войны шумерских городов прекратились только после объединения долин Месопотамии в империю, также произошло во II и I тыс. до н.э., когда конфликт между соперничавшими территориальными государствами Среднего Востока разрешился появлением гораздо более мощной государственной структуры – Персидской империи, которая объединила все земли цивилизованного Востока под единой властью.

2. МАЛАЯ АЗИЯ

Картина развития цивилизации в приграничных районах Месопотамии остается неполной по причине отсутствия подробной информации. Однако археология позволяет частично прояснить условия, в которых жили люди в тех местах. Например, клинописные таблички, написанные ассирийскими купцами, могут поведать о состоянии дел в Восточной Анатолии около 1900 г. до н.э. Тогда на данной территории находилось бесчисленное множество

E. Meyer, Reich und Kultur der Hettiter.

ХЕТТСКИЙ БАРЕЛЬЕФ

Барельеф изображает царя (меньшая фигура справа), взывающего от лица своего народа к богу плодородия. Черты влияния искусства Месопотамии без труда просматриваются в таких деталях, как фасон царской одежды и способ пластического изображения бороды и волос. Однако неуклюжесть, приземистость и массивность фигур, несомненно, выделяют барельеф как произведение хеттов.

мелких княжеств, столицы некоторых уже тогда стали приобретать черты городских поселений. Присутствие постоянных торговых колоний, члены которых поддерживали непрерывающуюся связь с партнерами в их родном городе Ашшур, который в свою очередь был отдаленным форпостом месопотамской цивилизации, доказывает существование вполне развитой международной торговли. Торговля стала носителем могучего культурного влияния. Так что в государстве-империи хеттов, возникшей в Анатолии после 1800 г. до н.э., в искусстве, религии и придворной литературе проявлялось сходство с месопотамскими образцами⁴⁷. Однако имитация месопотамской техники и стиля не привела к полному отказу от местных традиций. Скорее смешение культурных элементов варваров и цивилизации постепенно создало производные, но стилистически своеобразные культуру и общество хеттов⁴⁸.

Цивилизация хеттов была одной из нескольких цивилизаций, сформировавшихся на окраинах Месопотамии приблизительно в 2000 г. до н.э. Хурриты, ханаанеи, ассирийцы, касситы, эламиты сформировали более-менее развитые цивилизации⁴⁹ и, за исключением ханаанеев, положили начало могучим в военном отношении государствам. Даже на отдаленном побережье Эгейского моря троянцы в 2000 г. до н.э. построили небольшой, но богатый город и пользовались некоторыми плодами цивилизации⁵⁰. Скорее всего богатство троянцев появилось в результате эксплуатации местных крестьян, но возможно, что морские перевозки и торговля тоже внесли некоторый вклад в процветание города. Троянская культура представляет собой нечто среднее между цивилизацией воинственных аристократов, таких как хетты, и цивилизацией, основанной на мореплавании, в качестве примера которой можно назвать минойский Крит.

⁴⁷ Хеттская система письма сохранила некоторые особенности месопотамской клинописи Третьей династии Ура (ок. 2050–1950 гг. до н.э.). Это позволяет считать, что коренное население Малой Азии переняло письменность от месопотамских писцов.

⁴⁸ Выводы об истоках и происхождении цивилизации хеттов основаны на: O.R.Gurney, *The Hittites* (Harmondsworth: Penguin Books, 1954); Margarete Riemschneider, *Die Welt der Hethiter* (Stuttgart: Gustav Kilpper Verlag, 1954); Eugène Cavaignac, *Le Problème Hittite* (Paris: Librairie Ernest Leroux, 1936).

⁴⁹ Возможно, в этот список можно добавить народы юга Аравийского полуострова. См. Carl Rathjens, «Die Weihrauchstrasse in Arabien», *Tribus: Jahrbuch des Lindenmuseums*, N.F. II/III (1952–53), 290–95; Richard Le Baron Bowen, Jr., and Frank P. Albright, *Archaeological Discoveries in South Arabia* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1958), p.87.

⁵⁰ Carl W. Blegen et al., *Troy* (Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1950), Vol. I, Part I, pp.41, 204–13.

3. КРИТ

Нашествие народов из Малой Азии, возможно, ознаменовало первую фазу развития минойской цивилизации⁵¹. Различия между завоевателями и покоренными привели к изначальному социальному расслоению общества на Крите. Однако относительная сложность задачи нападения на остров означала, что военный стимул к созданию цивилизации не мог действовать более-менее постоянно, как это случалось на материке. Напротив, минойцы пришли к цивилизации другим путем. Богатство,житое морской торговлей, и стимул, который они черпали у более развитых народов, торгуя с ними, позволили им создать культуру и искусство, которые можно наблюдать в развалинах Кносса.

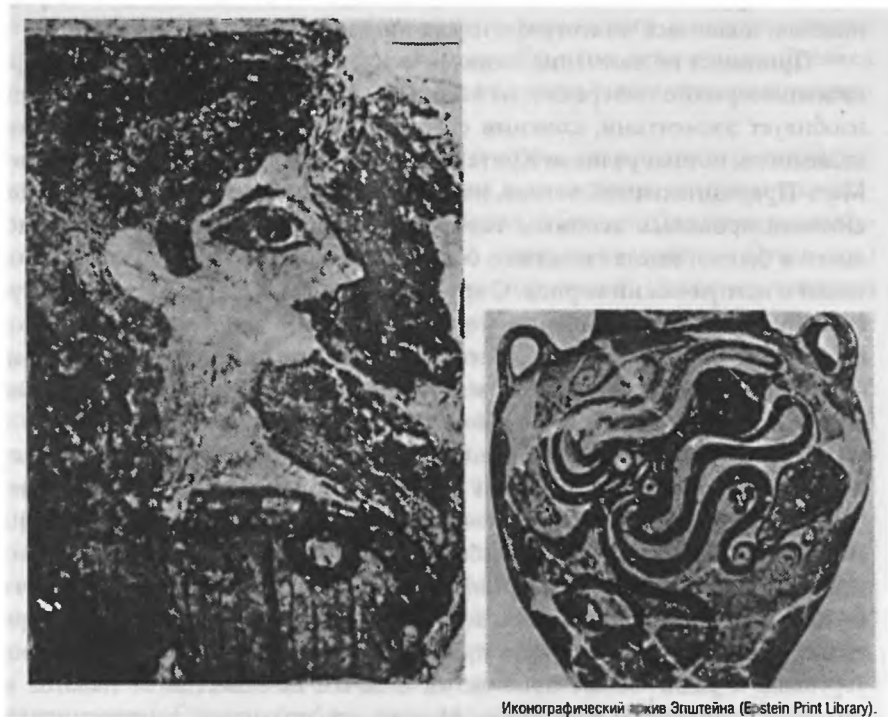
История мореплавания на Средиземном море, по всей видимости, началась около 4000 г. до н.э., когда поселения эпохи неолита впервые появились на Крите⁵². Культурное влияние с материка в большей или меньшей степени прослеживается на протяжении тысячи лет. Пласты культурного слоя, датируемого началом III тыс. до н.э., содержат неопровержимые свидетельства экономических связей с Египтом. Археология не может объяснить, каким образом возникли эти экономические связи. Однако несомненным результатом развивающейся торговли Крита с Египтом и другими странами стала стимуляция социального неравенства между представителями класса торговцев, с одной стороны, и простыми людьми, с другой.

Кто-то должен был организовать рубку леса и экспорт оливкового масла, которые, вероятно, были основными продуктами международной торговли Крита. И тот человек, которому это удавалось, занимал стратегическую позицию в обществе, позволявшую ему увеличивать свое богатство и укреплять власть.

Руины – немые свидетели истории – не могут рассказать, как происходила внутренняя эволюция минойского общества, однако археологические находки указывают, что приблизительно к 2100 г. до н.э. на острове возникла полноценная цивилизация (Средний минойский период). Величественный дворец Миноса был построен примерно в это же время. Бронзовые ору-

⁵¹ J.D.S.Pendlebury, *The Archaeology of Crete: An Introduction* (London: Methuen & Co.,1939), p.53. Сэр Артур Эванс в работе: Sir Arthur Evans, *The Palace of Minos* (London: Macmillan & Co., 1921), I, 66, предположил, что в начале раннего минойского периода на Крите располагалось египетское поселение. Мои комментарии о минойской цивилизации основываются на информации из этих двух книг.

⁵² Так как никаких свидетельств эпохи палеолита на острове не найдено, то вполне возможно, что Крит оставался необитаем до тех пор, пока не был колонизирован мореплавателями эпохи неолита.

Иконографический архив Эпштейна (Epstein Print Library).

МОРЕ И ДВОРЕЦ МИНОСА

Оба изображения — извивающийся осьминог и деталь фрески со стены дворца Миноса в Кноссе на Крите — были, вероятно, написаны в XV в. до н.э. С точки зрения современного зрителя, густо подведенные и широко раскрытые глаза придают этой даме озорное или даже плутоватое выражение лица. Тем не менее каноны минойского искусства ограждали древних зрителей от такого впечатления при виде глаза анфас на лице в профиль, потому что на самом деле художник стремился передать возвышенные чувства и божественный смысл. Однако, если сравнить хеттскую громоздкость с изящной живостью минойских художественных канонов, то контраст в одночасье выдаст фундаментальную разницу между сухопутной военной империей II тыс. до н.э. и более веселой, свободной жизнью, поддерживаемой приносимым морем богатством.

для труда и оружие начали входить в обиход жителей, использование гончарного круга дало возможность производить великолепные гончарные изделия, появилась пиктографическая письменность.

Принимая во внимание экономические связи Крита со странами Средиземноморского побережья, не вызывает удивления, что культура острова изобилует элементами, схожими с другими культурами региона. По всей видимости, истоки религии Крита находятся в Малой Азии. Так, например, Мать-Прародительница, богиня, известная по минойскому искусству, где она символизировалась двойным топором и ассоциировалась со священной змеей и быком, имела сходство с божествами, которым поклонялись в Анатолии в исторический период. С другой стороны, в изобразительном искусстве Крита можно найти явные черты египетского влияния. Но вскоре после первоначального толчка с берегов Нила жители Крита создали собственный художественный стиль, яркие цвета и жизнерадостный натурализм которого притягивает современных ценителей искусства⁵³.

Пока не будут расшифрованы ранние минойские письма, нельзя с полной уверенностью определить структуру общества на Крите. Тот факт, что царские палаты были не мрачными фортификационными сооружениями, а роскошными дворцами-лабиринтами, окружающими зал, который, вероятно, использовался для религиозных церемоний, говорит о том, что именно жрецы, а не полководцы доминировали в политической жизни Крита. Вероятно, богатство и власть правителей Кносса опирались на внешнюю торговлю и религиозные привилегии и почти не зависели от налогов на землю и принудительного труда. И если эти правители контролировали торговый флот, курсировавший между Критом, Египтом, Левантом (общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря. – *Прим. пер.*) и Западным Средиземноморьем⁵⁴, они вполне могли обладать достаточным богатством, чтобы содержать штат квалифицированных ремеслен-

⁵³ Интересная гипотеза, которая, однако, требует дальнейшего доказательства, заключается в том, что как критский, так и индийский художественный натуралистический стиль ведет свое начало от неолитической или по крайней мере предцивилизационной культуры «расписной керамики», появившейся на севере Месопотамии и Сирии на несколько столетий раньше, чем сформировались шумерская и египетская цивилизации. См. Heinz Mode, *Die indischen Frühkulturen*, pp.137-38 and *passim*. Форма может вызвать интересные параллели между художественным мотивом и религиозными символами индской и минойской цивилизаций. Богини-прародительницы, двойные топоры, змеи и быки – все это также присутствует и в искусстве долины Инда. Натурализм некоторых индских статуэток перекликается с натурализмом Крита и по крайней мере в одном случае как бы предвосхищает греческий классический стиль. Подлинность статуи, о которой идет речь, все еще, однако, вызывает споры.

⁵⁴ Остатки минойских изделий были найдены даже на острове Сардиния, причем в таком масштабе, что можно предположить, что купцы организовали торговую колонию на этом

ников, которые строили и украшали их дворец-храм, не угнетая при этом крестьян Крита высокими налогами и принудительным трудом. Во всяком случае, в легкости, щедрости и изяществе минойского искусства словно отражается более свободное и беззаботное общество, отличное от Древней Месопотамии и Анатолии. Но в этом мы не можем быть полностью уверенными.

Возможно, нет ничего удивительного в том, что в искусстве минойского Крита обнаруживается предвосхищение духа свободы, которым впоследствии характеризовалась цивилизация Древней Греции. Память о «минойской талассократии» («морской державе»; «владычице морей»). – *Прим. пер.*) сохранялась на протяжении всей классической эпохи⁵⁵. Также классическая греческая религия унаследовала некоторых богов и религиозные ритуалы острова Крит⁵⁶. Несмотря на то что минойские культурные традиции, воспринятые и преобразованные греками, смогли влиться в основной культурный поток европейской истории, сама минойская цивилизация даже в период расцвета представляла собой некое подобие тепличного растения, нуждаясь в своем островном положении для того, чтобы существовать и развиваться. Примерно в середине II тыс. до н.э. воинственные индоевропейские племена вышли в море и стали заниматься пиратством и грабежом. Минойский флот оказался не способным отстоять свои границы. Очень скоро высокоразвитая цивилизация Крита пришла в упадок, почти одновременно с индской цивилизацией на другом конце цивилизованного мира того времени.

Ахейцы, разрушившие минойскую талассократию, едва ли сделали это умышленно⁵⁷. Однако, грабя купеческие корабли и торговые центры, они, возможно, нарушили обмен товарами, что подорвало экономическую основу цивилизации на Крите. Таким образом, после того как приблизительно в 1400 г. до н.э. город Кносс был атакован и сожжен какими-то грабителями,

отдаленном острове, привлеченные залежами меди, которыми Сардиния славилась в античные времена. См. C.F.C.Hawkes, *The Prehistoric Foundations of Europe* (London: Methuen & Co., 1940), p.156.

⁵⁵ Thucydides, I, 4.

⁵⁶ Martin P.Nilsson, *The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion* (2d rev. ed.; Lund: C.W.K.Gleerup, 1950).

⁵⁷ Расшифрованные минойские документы, написанные линейным письмом Б, которые оказались записями на архаичной форме греческого языка, доказывают, что грекоязычные правители взяли власть в минойских городах на последней фазе их расцвета, не подрывая устоев цивилизации. Более того, их присутствие никак не отражено в неписьменных археологических находках минойской цивилизации. См. Michael Ventris and John Chadwick, «Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives», *Journal of Hellenic Studies*, LXXIII (1953), 84-103: John Chadwick, *The Decipherment of Linear B* (Cambridge: Cambridge University Press, 1958).

он уже никогда не был восстановлен. Только с установлением более военизированной греческой талассократии в VII в. и VI в. до н.э. возникла вторая морская цивилизация на Эгейском море.

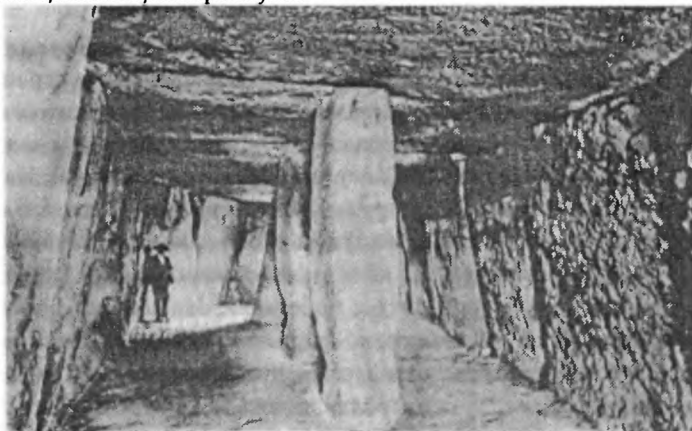
Г. ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ОКРАИНЫ АГРАРНОГО МИРА

Выше мы рассмотрели, как великие цивилизации речных долин Месопотамии и Египта, объединив усилия с горцами и кочевниками с окраин плодородных земель, смогли вызвать к жизни целую совокупность второстепенных цивилизаций. Однако преобразующая сила цивилизации на этом не остановилась. Более отдаленные народы также воспринимали доступные им достижения цивилизации. Таким же образом, как сухопутные цивилизации II тыс. до н.э. во многих отношениях отличались от связанной с морем культуры Крита, так и распространение ценностей цивилизации к границам тогдашнего мира по суше радикальным образом отличалось от их распространения морским путем.

1. МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ ПРОТОЦИВИЛИЗАЦИЯ

Чтобы увидеть более полную картину исторического развития, нужно рассматривать взлет критской цивилизации как часть более обширного процесса, происходившего в приморских областях. Корабли с Крита были не единственными, бороздившими спокойные воды Средиземного моря. Далеко на западе другой, меньший по размеру, остров Мальта стал главным центром обширной морской культуры, которая в конце концов вышла за пределы Западного Средиземноморья в Атлантику. Следы этой культуры, конечно же, найдены археологами, однако их чрезвычайно трудно истолковать, поскольку единственные несомненные свидетельства, оставленные этими ранними мореплавателями, – это надгробные плиты и другие мегалитические памятники, разбросанные вдоль Атлантического побережья Европы и Африки, от Южной Швеции до пустыни Сахары.

Давно идут ожесточенные споры о том, как правильно истолковать эти мегалитические памятники; причиной этому служат различия в их типах и неопределенность датировки времени их сооружения. Возможно, первичной формой этих памятников была вытесанная из камня надгробная плита, хорошо известная на территории, прилегающей к Эгейскому морю, тогда

D. Manuel Gomez Moreno, Madrid.

T. H. Mason & Sons, Ltd., Dublin.

T. H. Mason & Sons, Ltd., Dublin.

ТРИ ЕВРОПЕЙСКИХ МЕГАЛИТА

Эти фотографии отчасти передают разнообразие сооружений, обычно объединяемых под общим термином «мegalитические». Внутренний вид мальтийского храма, изображенного вверху, показывает, что осталось от доисторической «материнской церкви», откуда мегалитические миссионеры, возможно, отправлялись в морские путешествия в Западную Европу и Африку. Ирландский дольмен, представленный снизу в левом углу, — более типичное мегалитическое сооружение, хотя изображенный экземпляр более эффектен, чем большинство других. С другой стороны, круговые сооружения из каменных колонн, соединенных попарно массивными архитравами, подобно находящемуся в Стоунхендже, Англия, встречаются сравнительно редко.

как более простые формы появились в Западной Европе и различались от местности к местности, в зависимости от достатка и мастерства строителей. Мальта, похоже, была метрополией, на которую в определенном смысле и опиралось это распространение мегалитов на запад. Этот остров стал центром торговли между Восточным и Западным Средиземноморьем. Несколько выдающихся храмов и других сооружений наводят на мысль, что остров обладал также особым священным статусом⁵⁸. Во всяком случае, мегалитические надгробные памятники во всем разнообразии своих форм были широко распространены на островах и побережье Западного Средиземноморья и далее по берегам Атлантики, достигая Франции, Британии и побережья Балтийского моря. Стиль жизни, связанный с мегалитическим, сохранился на отдаленных Канарских островах вплоть до XIV в. н.э.⁵⁹

Экспансия мегалитической культуры скорее всего проходила параллельно с распространением религии, обещавшей какую-то форму загробной жизни. Это предположение кажется вполне правдоподобным, особенно если принимать во внимание те усилия, которые затрачивались на строительство гробниц. Мы не знаем религиозной доктрины, которая склоняла простых крестьян Западной Европы высекать гигантские каменные блоки и доставлять их для строительства надгробных мегалитических памятников. Однако для строительства более крупных памятников наверняка требовалось значительное число людей⁶⁰. Каменные сооружения и утверждение представлений о загробной жизни в центре религии, безусловно, указывают на связь с египетской цивилизацией, однако в формировании мегалитической культуры, несомненно, присутствовали и другие культурные влияния, особенно с берегов Эгейского моря⁶¹.

⁵⁸ Themistocles Zammit, *Prehistoric Malta: The Tarxieja Temple* (London: Oxford University Press, 1931); John Davies Evans, *Malta* (London: Thames & Hudson, 1959).

⁵⁹ Dominick Josef Wölfel, «Die kanarischen Inseln, die westafrikanischen Hochkulturen und das alte Mittelmeer», *Paideuma*, IV (1950), pp.231-53; Leonardo Torriani, *Die kanarischen Inseln und ihre Urbewohner*, übersetzt von Dominick Wölfel (Leipzig: K.F.Kochler Verlag, 1940).

⁶⁰ Также возможно, что миссионеры мегалитической религии мобилизовали местных жителей на добычу камня (или заготовку дерева) и тем самым способствовали торговым связям. Однако в гробницах не было найдено никаких металлических предметов; возможно, религиозный консерватизм исключил металл из потустороннего мира. Еще один поразительный факт заключается в том, что главные скопления мегалитических сооружений сосредоточены в тех самых местах, где находились залежи меди, олова, золота и таких ценных веществ, как янтарь.

⁶¹ Возможно, только немногочисленная элита имела доступ к тайнам религии и знаниям мегалитической эпохи. Однако в любом случае преемственность местных гончарных стилей явственно доказывает, что распространение мегалитических идей и обрядов не привнесло или почти не привнесло каких-либо заметных изменений в повседневную жизнь простых людей.

Чтобы четко понять распространение мегалитов в Европе, нужно представить, как примерно в 2500 г. до н.э. мореплаватели, имеющие определенный набор навыков и вдохновленные идеями, преобладавшими тогда в основных центрах цивилизации Среднего Востока, создали первые поселения на побережье Западного Средиземноморья и Атлантики, где, в свою очередь, смогли преобразовать отдельные аспекты жизни первобытных племен земледельцев и рыбаков, населявших эти районы. По всей видимости, территориальное распространение мегалитической культуры происходило мирно. Скорее всего, небольшие группы жрецов и торговцев привлекали на свою сторону население одной небольшой территории за другой, тем же способом, как это позднее делали их духовные преемники – ирландские монахи раннего средневековья. На каждом новом месте они, возможно, предлагая бессмертие, овладевали помыслами людей и могли направлять их труд в новое русло.

Мегалитические памятники можно встретить не только на побережье Средиземноморья и Атлантики. На берегах Восточной Африки, Южной Индии, Юго-Восточной Азии и некоторых островов Тихого океана также расположены мегалитические сооружения, которые удивительно схожи с европейскими. Так же, как и в Западной Европе, прибрежное расположение большинства сооружений подтверждает морской путь их распространения; и вполне возможно, происхождение этих памятников связано со Средним Востоком. Однако, несмотря на схожие мегалитические элементы на Западе и Востоке, существует одна большая разница между ними – время их создания.

Новейшие археологические исследования показывают, что мегалиты Индии не могли быть построены ранее I тыс. до н.э. И если создатели мегалитов мигрировали на восток от Индии, то могилы и каменные сооружения в Азии и на Тихоокеанском побережье должны были бы появиться еще позднее⁶². Так что похоже, распространение мегалитических обрядов и обычаев на восток задержалось на 1500 лет. Как это получилось, остается загадкой⁶³.

⁶² См. Alphonse Riesenfeld, *The Megalithic Culture of Melanesia* (Leiden: E.J.Brill, 1950); Robert Heine-Geldern, «Die Megalithen Südasiens und ihre Bedeutung für die Klärung der Megalithenfrage in Europa und Polynesien», *Anthropos*, XXIII (1928), 276-315; K.P.Srinivasan and N.R.Banerjee, «Survey of South Indian Megaliths», *Ancient India*, IX (1953), 103-15; Christoph von Fürer-Haimendorf, «Altindien», in Fritz Valjavec (ed.), *Historia Mundi*, II, 490-92. Представляется возможным, что мегалиты в Азии были созданы двумя различными культурами и религиозными системами. См. R.E.M.Wheeler, *Early India and Pakistan to Ashoka*, pp.150-69.

⁶³ Возможно, Восточная Африка или юг Аравийского полуострова были теми территориями, где представители мегалитической культуры временно пребывали в этот долгий период. Какие-то изменения в религиозных учениях или усовершенствования в судостроении, свя-

На первый взгляд, географический размах распространения мегалитов может вызвать удивление, однако морские путешествия вдоль побережий Средиземного моря и Индийского океана на примитивных судах были вполне возможны, так как эти суда с легкостью можно было вытаскивать на берег при угрозе плохой погоды. Сухопутные путешествия были совсем другим делом, и именно сложность их ограничивала влияние цивилизации до довольно скромных пределов речных долин.

2. РАЗВИТОЕ ВАРВАРСТВО В ЕВРОАЗИАТСКИХ СТЕПЯХ

Попытки глубокого проникновения цивилизованных народов в бурное море варварских племен скорее всего были вызваны ненасытной потребностью в металле. Таким образом, нубийское золото стимулировало проникновение египтян в долину Верхнего Нила, и, возможно, поиск металла на Деканском плоскогорье привел народы долины Инда в этот регион. Но наиболее значимым направлением экспансии цивилизованных народов в III тыс. до н.э. было северное направление, в западные и центральные степи. С самого зарождения цивилизации горы, расположенные к северу и востоку от Месопотамии, были важнейшим источником металлов. И к 2500 г. до н.э. сухопутные торговые пути уже пересекали горные районы Армении – возможно, старейший и наиболее развитый центр древней металлургии – и продвигались далее в Малую Азию, на Кавказ и в горы Загрос.

В начальный период распространения металлургии ее развивали странствующие старатели и кузнецы, которые держали секреты ремесла в тайне, носили специальные знаки отличия и обладали почти священным статусом в обществе людей, среди которых они работали⁶⁴. Ничто не мешало этим

знанные с овладением железными орудиями труда скорее всего могли вызвать продолжение экспансии; на этот раз путем продолжительных морских путешествий, а не только с помощью каботажных плаваний.

В дополнение к уже названным книгам, я использовал следующие источники по проблемам мегалитической эпохи: C.F.C.Hawkes, *The Prehistoric Foundations of Europe*, pp.159 ff.; V.Gordon Childe, *The Dawn of European Civilization* (4th ed.; London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1947), pp.208-18, 293-311, 316-20; C.Daryll Forde, «Early Cultures of Atlantic Europe», *American Anthropologist*, XXXII (1930), 19-100; Ernst Sprockhoff, *Die nordische Megalithkultur* (Berlin and Leipzig: Walther de Gruyter & Co., 1938), pp.150-53; Harold Peake and Herbert J.Fleure, *The Way of the Sea* (New Haven: Yale University Press, 1929), pp.29-42. Пытаясь понять традиции религии мегалитической эпохи, см. Hermann Baumann, *Das doppelte Geschlecht: Ethnologische Studien zur Bisexualität in Ritus und Mythos* (Berlin: Dietrich Reimer, 1955); Horst Kirchner, *Die Menhire in Mitteleuropa und der Menhirgedanke* (Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1955).

⁶⁴ См. Ernst Herzfeld, *Iran in the Ancient East* (New York and London: Oxford University Press, 1941), pp.156-61; R.J.Forbes, *Metallurgy in Antiquity* (Leiden: E.J.Brill, 1950), pp.69-73.

первобытным ремесленникам путешествовать как на север, так и на юг по территории рудоносных горных районов. Очень скоро варварские племена и степные вожди научились с радушием встречать чужестранцев, владевших секретами изготовления таких необходимых вещей, как металлические топоры, ножи и броши. Первые археологические свидетельства распространения металлургии на север в глубь степей относятся к 2500 г. до н.э., когда вожди Кубанской долины, севернее Кавказских гор, начали использовать металлические оружие и украшения⁶⁵. На протяжении последующих столетий технологии цивилизованных народов, особенно такие, которые можно было использовать в войне, продолжали интенсивно проникать в западные степи.

Точные географические и хронологические стадии этого процесса остаются неизвестными. Еще до того, как влияние цивилизованной войны и технологий приобрело значительный масштаб в Северном Причерноморье, варвары-захватчики начали продвигаться на запад, в покрытую лесами Европу. Эти племена известны археологам под названием «культура боевых топоров». Их отдаленная, но все же реальная связь с более развитыми культурами Среднего Востока может быть проиллюстрирована тем фактом, что во время нашествия на Центральную Европу их характерное оружие все еще оставалось каменным, но имело форму шумерских металлических прототипов.

Хотя продвижение степных народов в Европу начали племена «культуры боевых топоров», темп продвижения варваров значительно ускорился, когда последующие поколения познакомились с производством бронзы. Приблизительно к 1700 г. до н.э. варвары, владеющие технологией изготовления бронзы и говорящие на индоевропейских языках, достигли западных границ Европы, где на Атлантическом побережье они столкнулись с миролюбивыми представителями мегалитической культуры. Соответственно завоеватели сформировали класс аристократов и превратили коренное население в своих данников. Однако мегалитическая культура не исчезла. Вполне возможно, самые значительные памятники мегалитической эпохи – кольца из каменных колонн – были построены по проекту завоевателей, представляя собой воплощение в камне кругов из деревянных бревен. Вероятно, этот архитектурный стиль возник в Северной и Восточной Европе и распространился на запад вместе с индоевропейскими племенами⁶⁶.

⁶⁵ C.F.C.Hawkes, *The Prehistoric Foundations of Europe*, pp.221-22; V.Gordon Childe, *The Dawn of European Civilization*, pp.148-58.

⁶⁶ Harold Peake and Herbert John Fleure, *Merchant Venturers in Bronze* (New Haven: Yale University Press, 1931), pp.37-40; C.F.C.Hawkes, *The Prehistoric Foundations of Europe*, pp.314-16; V.Gordon Childe, *The Dawn of European Civilization*, pp.321-29. Углеродный тест кусочка древесного угля, найденного в Стоунхендже в Юго-Восточной Англии, показал дату 1747 г. до н.э. ±275 лет, что может вполне подтвердить данную гипотезу.

Распространение этих воинственных культур радикально изменило жизнь в Европе. Вместо миролюбивых земледельцев и разобщенных охотников и рыболовов теперь в Европе доминировали воинственные варвары, обладавшие технологией производства бронзы. В лингвистическом отношении Европа была европеизирована в том смысле, что варварские народы вытеснили языки, ранее распространенные на континенте⁶⁷. В глубинном историческом смысле воинственный характер бронзового века дал европейскому обществу характерные и устойчивые черты. Европейцы стали воинственными, почитающими героизм сильнее, чем какие-либо другие цивилизованные народы (исключением могут служить только японцы). И эти черты, ведущие свое начало из образа жизни воинов-кочевников западных степей, составляют основу европейского наследия вплоть до наших дней.

Развитое варварство бронзового века в Европе только косвенно было связано с центрами цивилизации Среднего Востока. Это произошло из-за того, что на пути проникновения развитой цивилизации стояли труднопроходимые горы Анатолии и Кавказа. Однако восточнее, там, где Иранское плато касается евразийских степей, не существовало подобных естественных барьеров, что, в свою очередь, не мешало продвижению месопотамской цивилизации. Начиная с IV тыс. до н.э. земледельческие поселения начали появляться на хорошо орошаемых участках этого плато. В течение II тыс. до н.э. земледелие, похоже, заняло здесь ведущее место⁶⁸. На землях между сельскими поселениями жили варвары-кочевники, которые в языковом отношении были близки к воинам западных степей. Через посредничество земледельческих поселений эти кочевники стали подвергаться культурному влиянию Месопотамии. В результате примерно к 1700 г. до н.э. произошел критически важный сплав цивилизованной технологии и воинской удали варваров, приведший к появлению, а может быть, только к усовершенствованию, двухколесной колесницы, которая стала решающим фактором во всех сражениях на территории Евразии того периода.

Степные народы приручили лошадь примерно в 3000 г. до н.э., первоначально используя ее мясо в пищу⁶⁹. Идея запрячь лошадь (или лошадеподобных куланов) в колесную повозку принадлежала жителям Месопотамии и была известна еще ранним шумерам. Однако шумерские четырехколесные

⁶⁷ Кроме Страны Басков на Пиренейском полуострове.

⁶⁸ Karl Jettmar, «The Altai before the Turks», Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, *Bulletin*, XXIII (1951), 142-43; Ernst Herzfeld, *Archaeological History of Iran* (London: Oxford University Press, 1935), pp.6-9.

⁶⁹ Franz Hancar, *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit* (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik), XI (1955), pp.542-44 и табл.12.

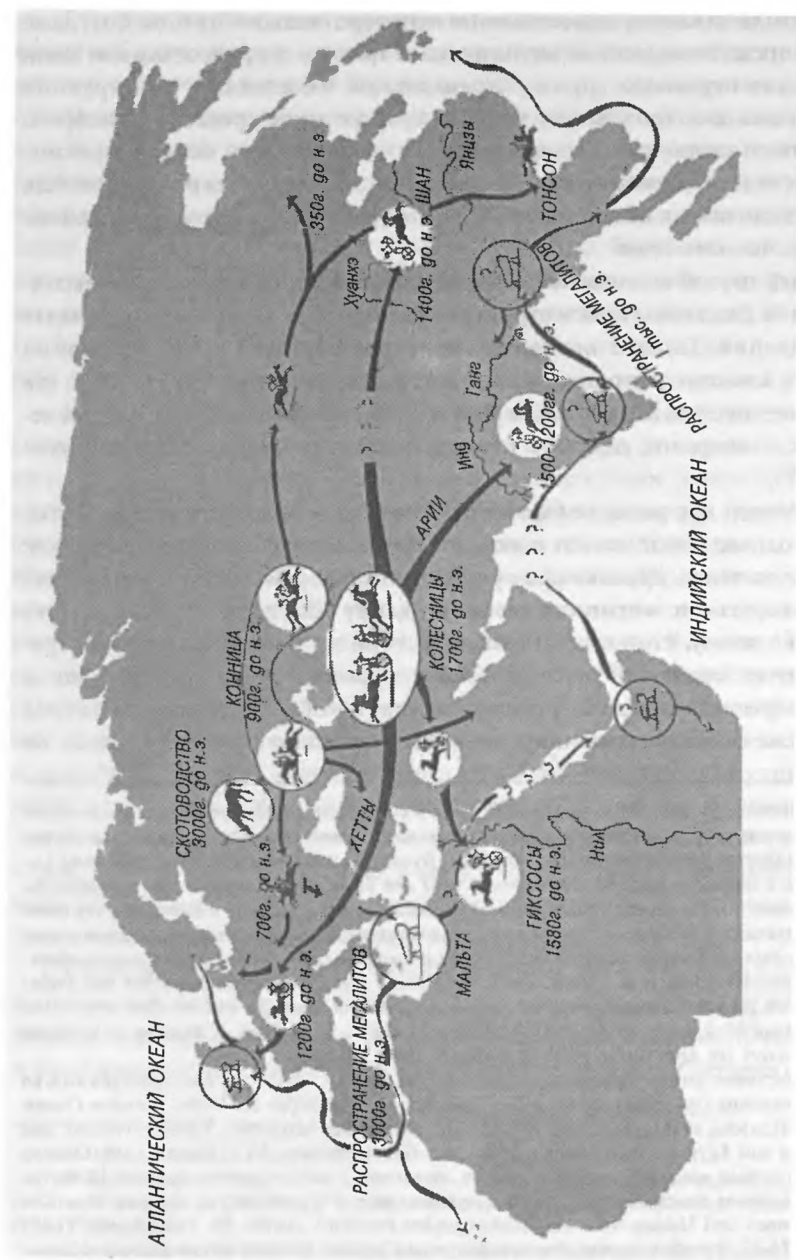
повозки были слишком медленными и неповоротливыми на поле боя, даже если они представляли собой внушительное зрелище в процессиях или были полезны для перевозки грузов. Кардинальные изменения в конструкции понадобились для того, чтобы гужевое транспортное средство приобрело необходимую скорость и маневренность и стало грозной боевой колесницей. В частности, легкие колеса со спицами и на жестко закрепленной оси, а также специальная облегченная сбура позволили двухколесной колеснице стать тем, чем она стала.

Новый способ ведения войны основывался на трех элементах: колеснице, мощном составном луке и строительстве простых квадратных земляных фортификаций. Главное новшество варваров состояло в использовании лошадей в качестве упряжных животных, и нет сомнения, что эта идея, так же как и технология обработки дерева и кожи, необходимая для изготовления колес со спицами, упряжи и ступиц, несомненно, происходит из Месопотамии⁷⁰.

Составной лук также не был абсолютно новым видом оружия во II тыс. до н.э.⁷¹, однако удобство его использования вместе с колесницей придали ему новое значение. Деревянный лук, усиленный костью и сухожилиями для большей упругости, мог иметь меньшую длину без утраты боевых качеств и позволял воину, стоя в прыгающей колесницы, беспрепятственно стрелять через ее защитный парапет. Таким образом, группа колесниц могла галопом передвигаться, одновременно стреляя в любом направлении на поле битвы. Даже самая дисциплинированная и хорошо вооруженная пехота во

⁷⁰ Постепенную эволюцию от цельных колес к спицевым можно проследить по археологическим находкам в Месопотамии; но появление легких, маневренных двухколесных колесниц представляется единовременным событием. Думается, что такое решение проблемы маневренности и скорости пришло только после того, как были проанализированы потенциальные возможности использования колесниц в боевых действиях. По всей видимости, это было сделано владеющими лошадьми воинами-аристократами из окраинных районов Месопотамии; именно они были способны создать транспортное средство, непосредственно приспособленное для перевозки воина, а не грузов. См. Franz Hancar, *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit*, pp.548-51; Joseph Wiesner, *Fahren und Reiten in Alteuropa und im alten Orient (Der alte Orient, Band 38; Leipzig: 1939)*, pp.19-22; Richard LeFèvre de Noëttes, *L'Atelage et le cheval de selle à travers les âges* (Paris: Editions A.Picard, 1931), pp.21-35.

⁷¹ Существуют неподтвержденные свидетельства, что составной лук был известен еще во времена Нарамсина (ок. 2300 г. до н.э.). См. Hans Bonnet, *Die Waffen der Völker des alten Orients* (Leipzig: J.C.Hinrichs, 1926), pp.138-39; W.F.Albright, «Mitannian Maryannu, 'Chariot-Warrior' and the Canaanite and Egyptian Equivalents», *Archiv für Orientforschung*, VI (1930-31), 219. Однако составной лук был известен среди охотников Монголии с самых давних времен. Нехватка древесины вызвала использование кости и сухожилий для производства оружия. См. Karl Jettmar, «Hunnen und Hsiung-Nu – ein archäologisches Problem», *Archiv für Völkerkunde*, VI/VII (1951-52), 174-75. В любом случае, составной лук на Среднем Востоке начал широко использоваться только во II тыс. до н.э. и только вместе с колесницами.

МОРСКИЕ И СУХОПУТНЫЕ ПУТИ МИГРАЦИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В 3000–300 ГГ. ДО Н.Э.

II тыс. до н.э. не могла противостоять тучам стрел, выпущенных с колесниц. Рассеивая беззащитных пехотинцев, колесницы могли решить исход любого сражения. Эта тактика была практически непобедимой.

Армии, которые использовали старую тактику, могли нанести ущерб отрядам колесниц только тогда, когда воины спешивались или лошади были распряжены. Для предупреждения внезапных нападений воины, которые завоевали весь Средний Восток, стали строить простые полевые укрепления, четырехугольные в плане⁷².

Начав использовать новую тактику, варвары-наездники центральных степей стали воистину опасными. Тот факт, что их кочевой образ жизни включал социальную традицию, сочетавшую культ индивидуального мастерства в бою с политической организацией, отдававшей всю полноту власти племенному вождю, делал военную мощь кочевников еще более эффективной.

Новая тактика ведения войны способствовала нарушению всего социального равновесия в Евразии. Ни один народ или государство цивилизованного мира не мог устоять перед армией колесниц. Сокрушительные захватнические походы и миграция народов на континенте были вызваны этой резкой переменой в равновесии сил. Варварские племена всегда после завоевания изменяли жизнь покоренных народов, иногда кардинально, а иногда только поверхностно. Цивилизованные народы были вынуждены признать военное превосходство своих соседей-варваров. Социальный градиент развития больше не протекал гладко по старой схеме, как это было в III тыс. до н.э., от вершин цивилизации Среднего Востока к ее земледельческим окраинам. Напротив, шел обратный процесс, когда получившие цивилизацию завоеватели массово вторгались в древние центры цивилизации. Так все варвары-завоеватели: касситы в Месопотамии, гиксосы в Египте и митанни в Сирии, основывали свое господство на превосходстве в новой тактике ведения войны.

Индоевропейское завоевание европейского Дальнего Запада происходило без использования преимуществ армии колесниц. Степные племена, подчинявшие мирных земледельцев и охотников, не нуждались в новейшей военной тактике. Да у них и не было опытных ремесленников, способных производить колеса на спицах, упряжь и другие приспособления, необходимые для колесниц. Со временем это чудо-оружие появилось и в Европе, но более как принадлежность церемоний и статуса владельца. Тактика использования колесниц с лучниками требовала большого пространства для бит-

⁷² W.F.Albright, «Mitannian Maryannu», p.219.

вы, что было невозможно в Западной и Северной Европе, поросшей густыми лесами⁷³.

Таким же образом тактика ведения колесничного боя не прижилась и в северных районах Азии⁷⁴. В начале II тыс. до н.э. степные воины культуры, близкой к народам Причерноморских степей, захватили территорию до верхнего течения реки Енисей и установили общество с аристократическим типом правления в самом сердце Сибири. Но там, как и в отдаленных частях Северной Европы, завоевателям было нечем поживиться. Как только были завоеваны Средний Восток и части Индии, голодные захватчики скорее всего обратили свои взоры на небольшие, но зажиточные аграрные территории, простирающиеся через Центральную и Южную Азию от Ирана через Восточный Туркестан до реки Хуанхэ.

Археологические исследования этого региона пока не закончены, поэтому невозможно точно сказать, проходили ли завоеватели на колесницах через оазисы этого региона⁷⁵. Однако в долине Хуанхэ лошадь с колесницей, составной лук, бронзовое оружие и прямоугольные укрепления были не просто известны, но и широко применялись примерно с 1300 г. до н.э.⁷⁶ Это совпадение в тактике ведения боя и оружии слишком явное, чтобы быть случайным. Пришедшие с границ Иранского плато или, возможно, из Восточного Алтая воинственные племена, продвигаясь от оазиса к оазису, дол-

⁷³ Наскальные изображения, найденные в Южной Швеции, датированы примерно 1300 г. до н.э. См. Charles Singer (ed.), *A History of Technology* (Oxford: Clarendon Press, 1955), p.722. Когда колесница появилась на европейском Западе, тактика ее использования в паре с луком не прижилась. Вместо этого гомеровские герои, а позднее кельты, сражались один на один копьями или другим ручным оружием. Использование лука Гомер изображал как бесцельное действие, возможное лишь у таких отрицательных героев, как Парис – сын царя Трои.

Существует почти полная уверенность в том, что колесница попала в Грецию и далее в Европу через Малую Азию. См. Wiesner, *Fahren und Reiten*, pp.34-35. Кажется, что огромный престиж, который придавала колесница, заставил европейцев принять ее. Однако они не изменили своему оружию и правилам ведения боя. Описанная Гомером тактика боя абсурдна. Колесницы использовались только в декоративных целях, однако это не означает, что его описание сражения микенской эпохи лишено исторической правды. Воины, воспитанные в правилах рукопашного боя и преданные кодексу чести, использовали грозное азиатское оружие как символ доблести и как транспортное средство, доставлявшее их на поле битвы.

⁷⁴ Karl Jettmar, «Archäologische Spuren von Indogermanen in Zentralasien», *Paideuma*, V (1950-54), 237-39. См. также предисловие Романа Гиршмана в книге: Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири (2-е изд. Москва, 1951); «Histoire ancienne de la Sibérie du sud», in *Artibus Asiae*, XIV (1951), 169-89.

⁷⁵ Результаты исследований были собраны в каталоге новых находок в 1934 г. Folke Bergman, *Archaeological Researches in Sinkiang* (Stockholm: Bokförlags Aktienbolaget Thule, 1939). Я не обнаружил более современных исследований по данному вопросу.

⁷⁶ Herrlee Glessner Creel, *The Birth of China* (London: Jonathan Cape, Ltd., 1936), pp.141-57; H.G.Creel, *Studies in Early Chinese Culture* (Baltimore, Md.: Waverly Press, 1937), pp.133-254; Cheng Te-K'un, *Archaeology in China*, II, *Shang China* (Cambridge: W.Heffer & Sons, 1960), pp.243-49.

жны были пересечь Восточный Туркестан и выйти к долине Хуанхэ, покорив населявших тот регион неолитических земледельцев⁷⁷.

Рассматривая триумфальный поход через Азию, вероятно, продолжавшийся более 200 лет, невозможно не отметить лингвистические и этнические изменения, которые скорее всего произошли в рядах завоевателей. Воины победоносных орд поселялись в захваченных оазисах и наверняка брали в жены местных женщин, а потом, через поколение, снаряжали своих сыновей в новые походы. Однако не стоит думать, что индоевропейцы когда-либо покоряли Китай. Также вряд ли их число было большим, раз маршрут завоевателей проходил через небольшие оазисы бассейна реки Тарим, которые наверняка не могли прокормить много людей и лошадей. Таким образом, малые размеры оазисов и невозможность прокормить новое поколение сыновей внутри их пределов должны были стать сильным стимулом для продолжения походов на восток.

Отсутствие необходимых археологических данных затрудняет понимание связи между Западной Азией и Китаем. Связь между Азией и Индией значительно понятнее. Примерно в 1200–1500 гг. до н.э. орды арийских колесниц и лучников двинулись на юг из Восточного Ирана в направлении долины реки Инд⁷⁸, где они, пользуясь своим военным превосходством, уничтожили индскую цивилизацию.

Такие широкие процессы завоевания, в результате которых окраинные районы Месопотамии влились в границы цивилизации, продолжились и с учетом местных особенностей охватили всю Евразию, от Атлантического океана до Тихого. Социальные различия между завоевателями и завоеванными говорят о том, что богатство накапливалось и сохранялось, чтобы поддерживать достижения цивилизации по всей территории земледельческой Евразии. Но на деле лишь иногда это удавалось после нашествия колесниц. Чаше милитаризация общества, порожденная стремительной экспансией степных кочевников, имела разрушительный эффект, как в Индии. Непрерывающаяся война, повседневная жестокость, грубая эксплуатация

⁷⁷ Искусство и керамика столицы Шан в Аньяне также дают неопровержимые доказательства связи с культурой Месопотамии, хотя местные традиции развивались раздельно. См. Li Chi, *The Beginnings of Chinese Civilization* (Seattle: University of Washington Press, 1957), pp.25-29.

⁷⁸ В общем, если считать, что индскую цивилизацию уничтожили арии, то напрашивается предположение о более ранней дате, тогда как лингвистическое сходство между Ригведой и Авестой свидетельствует о более позднем исходе из Ирана. Если предположить, что героические песни и гимны, датируемые ранним периодом нашествий, были переведены на диалект поздних завоевателей и таким образом смешались с другими, более поздними священными текстами, составив Ригведу, то трудности в датировке можно преодолеть.

зависимых крестьян – все это редко приводит к созданию новой цивилизации. Однако милитаризм, ассоциируемый с завоеваниями кочевников, придал новый оттенок человеческой жизни в тех регионах Евразии, где плотность населения была достаточной для того, чтобы завоевательные походы себя оправдывали. Только отдаленным участкам юго-восточных джунглей и арктического Севера удалось избежать влияния агрессивного варварства во II тыс. до н.э.

Милитаризация евразийского общества остановила развитие цивилизаций морского типа. Всадники, признающие только воинский кодекс чести, не могли ни понять, ни уважать купеческий образ жизни, видя в купце лишь предмет легкой наживы. В таких условиях некоторые ранние морские торговые пути были забыты и не использовались. Из-за опасности грабежей дальние морские путешествия прекратились. В I тыс. до н.э. лишь в Бенгальском заливе и юго-западной части Тихого океана мореплавание сохранилось в прежнем виде, поскольку на побережье жили мирные племена, которых еще не затронул воинственный образ жизни цивилизованных народов и кочевых племен.

Однако в Северной и Центральной Евразии военно-политические события переместились на сушу и морские пути утратили былое значение. Заглушаемый шумом баталий, очень сложный, непрерывный и вечный процесс культурного взаимодействия народов продолжался. Столкновения между различными этносами порождали настолько большие социальные изменения, что вскоре более мирное население Юго-Восточной Азии стало выглядеть на их фоне анахронизмом. Постоянная военная угроза извне не позволяла ни одному народу вести размеренный образ жизни. Тем не менее, несмотря на отдельные периоды упадка, вызванные войной и разрухой, человечество продолжало стремиться к цивилизованной жизни, обеспечивающей уверенность и стабильность.

ГЛАВА IV

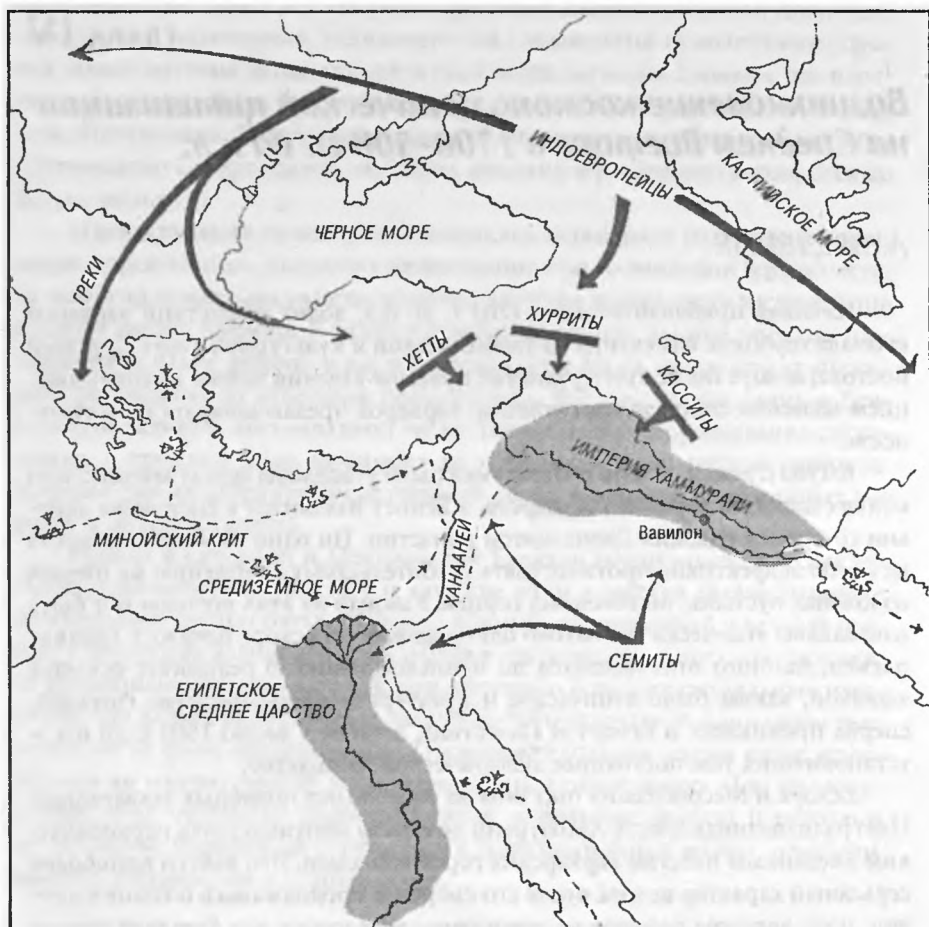
Возникновение космополитической цивилизации на Среднем Востоке в 1700–500 гг. до н.э.***А. ВВЕДЕНИЕ***

Начиная приблизительно с 1700 г. до н.э. волна нашествий варваров вызвала глубокие изменения на политической и культурной карте Среднего Востока; вскоре после этого развитие приемов ведения войны с использованием колесниц придало наступлению варваров чрезвычайную стремительность.

К 1700 г. до н.э. Сирия и Палестина были разделены между множеством мелких царств и городов-государств, а Египет находился в состоянии анархии со времен падения Двенадцатой династии. Ни одно из этих государств не могло эффективно противостоять грабительскому вторжению ни племен из южных пустынь, ни северных горцев. Каждый из этих потоков мог быть изначально этнически и языково однородным; но вскоре началось слияние племен, намного отличавшихся по происхождению. В результате остается загадкой, каким было этническое и культурное происхождение гиксосов, сперва проникших в Египет и Палестину, а затем – около 1680 г. до н.э. – установивших там постоянное политическое господство.

Вскоре и Месопотамия ощутила на себе натиск подобных захватчиков. Централизованная власть Хаммурапи не смогла противостоять периодическим внезапным набегам варварских горских племен. Эти набеги приобрели серьезный характер вскоре после его смерти и продолжались больше столетия, пока варвары-касситы не установили господство над большей частью Месопотамии около 1525 г. до н.э. Касситские монархи, как и владельцы гиксосов, опирались на войска, состоявшие из воинов разных племен, принадлежавших по крайней мере к двум различным языковым группам.

Таким образом, три группы захватчиков объединились в деле покорения центров цивилизации древнего Среднего Востока. Из южных засушливых степей пришли племена, говорившие на семитском наречии; с предгорий спустились хурриты и касситы, а из более отдаленной степи пришли племена, говорившие на индоевропейских языках. В нападении на цивилизованное общество равнин индоевропейские воины, возможно, в силу своего технического превосходства, выраженного в военном применении ко-

СРЕДНИЙ ВОСТОК ОК. 1700 Г. ДО Н.Э.

лесниц, организовывали и вели за собой горные племена. В любом случае, как касситское государство в Центральной Месопотамии, так и новообразованная империя Митанни в долине верхнего течения Евфрата управлялись царями, которые поклонялись богам с индоевропейскими именами. Менее бесспорны свидетельства присутствия индоевропейских племен среди гиксосов. В общем, индоевропейцы, похоже, были немногочисленны. Как тонкий правящий слой они быстро приняли языки своих союзников – хурри-

тов, касситов или семитов. Вследствие этого сохранились только слабые следы их языковой самобытности¹.

Продолжающаяся опасность варварских набегов и завоеваний сузила, отодвинула назад географические границы цивилизованной жизни на Среднем Востоке. Месопотамия и Египет пережили это потрясение лучше других благодаря большому количеству населения и развитым культурным традициям, но за пределами долин, где цивилизация укоренилась менее прочно, варварские атаки подчас совершенно прерывали цивилизованную жизнь. Некоторые города были так разрушены, что на их месте остались лишь безлюдные пустоши. В других случаях полуварварские народы обживали руины более развитых общин. Тем не менее при всей своей жестокости и стремлении к грабежу варвары старались не уничтожать преимущества цивилизации, а наслаждаться ими. Постепенно, по мере того как новые завоеватели оседали и принимались защищать завоеванное, воскреса́ли города и образ жизни цивилизованного общества. К XV в. до н.э. мощные цивилизованные государства, большинством из которых правили потомки захватчиков-варваров, разделили плодородные сельскохозяйственные области Древнего Востока и поддерживали оживленные дипломатические, коммерческие и культурные отношения. Старые географические культурные барьеры были сломаны, и на Среднем Востоке начала возникать космополитическая цивилизация, в целом включившая в себя Египет и Месопотамию.

Эти изменения в организации народов повторили в намного большем географическом и социальном масштабе более раннее развитие месопотамского общества. Первыми элементами цивилизованной политической и социальной организации в Месопотамии были храмовые общины, группировавшиеся в многочисленных независимых городах-государствах. Затем после создания и распада империи Саргона (ок. 2350 г. до н.э.) более крупные политические и социальные образования затмили города-государства. Империи или национально-племенные объединения в Месопотамии и примыкающих к ней областях стали главными действующими лицами политичес-

¹ См. T.Säve-Söderbergh, «The Hyksos Rule in Egypt», *Journal of Egyptian Archaeology*, XXXVII (1951), pp.53-71; Robert M.Engberg, *The Hyksos Reconsidered* (Chicago: University of Chicago Press, 1939); E.A.Speiser, «Ethnic Movements in the Near East in the Second Millennium B.C.», *Annual of the American Schools of Oriental Research*, XIII (1931-32), 13-54; Ignace J.Gelb, *Hurrians and Subarians* (Chicago: University of Chicago Press, 1944); Albrecht Götze, *Hethiter, Churriter und Assyrier* (Oslo: H.Aschehoug & Co., 1936); Theodore Burton-Brown, *Early Mediterranean Migrations* (Manchester: Manchester University Press, 1959), pp.63-76. Возможно, полезно сравнение подобной роли индоевропейских племен с хорошо известной ролью норманнов в европейской истории между 900 г. и 1200 г. н.э. В обоих случаях можно говорить о том, что выдающаяся воинственность соединялась со столь же выдающейся культурной приспособляемостью.

ких и военных событий; возникли новые социальные и профессиональные группы, связавшие эти разросшиеся политические единицы во взаимосвязанное «великое общество». Поэтому к XV в. до н.э. Месопотамская долина и ее приграничные области больше не были самодостаточным театром политических событий. Теперь вся сельскохозяйственная область Плодородного Полумесяца – от Египта через Палестину и Сирию до Месопотамии – стала играть в развитии цивилизации роль, которую уже однажды играли по отдельности Месопотамия и (в меньшем масштабе) Египет, в то время как окраинные области расширились, включив в себя малопродуктивные окраины пустыни на юге и высокогорья и прилегающие степные зоны на севере. Более того, на востоке и на западе Иранское нагорье и Анатолия впервые стали важной составляющей равновесия сил.

Варварские нашествия с XVIII в. по XVI в. до н.э. решительно прервали изоляцию Египта от остального мира. Конечно, он всегда оставался специфической страной, никогда надолго не оставлявшей своих богов и культурные традиции. Так же и в Месопотамии характерные формы религии и искусства оставались живой реальностью на земле Двуречья. Но несмотря на сохранение этих культур и создание или модификацию значительных местных цивилизационных традиций, на Среднем Востоке постепенно, но неуклонно устанавливалось относительное единообразие социальной структуры. Иными словами, мы можем утверждать, что между 1500 г. и 500 г. до н.э. на всем протяжении Плодородного Полумесяца возникло «великое общество», состоящее из профессиональных чиновников, солдат, купцов и ремесленников, объединенное законом и рынком.

Чуть позже Персидская империя унаследовала ведущую роль в обеспечении единых политических рамок для этого космополитического общества. Как Саргон Аккадский объединил мир шумерских городов-государств, а Хаммурапи – мир месопотамских национально-племенных государств, так Кир Великий в свою очередь объединил национальные и имперские государства Среднего Востока. Персидская империя более успешно, чем любой из ее предшественников, установила мир в центральной области цивилизованного Среднего Востока и создала оборону на границе с варварами.

Мы уже видели, что политическая история Месопотамии от Саргона до Хаммурапи представляет собой беспорядочное чередование периодов укрепления империи и периодов внезапных вторжений варваров и внутреннего распада. В обширном географическом и временном масштабе подобный ритм не прекратился и позже. Соответственно политическую историю Среднего

Востока между 1700 г. и 500 г. до н.э. в схематическом виде можно представить следующим образом:

А. Когда великая волна нашествий варварских полчищ около 1500 г. до н.э. схлынула, «патриотическая реакция» против захватчиков усилилась. В Египте изгнание гиксосов местной династией привело к созданию Египетской империи (1465–1165 гг. до н.э.). Это государство, протянувшись от Нубии до Евфрата, стало доминирующей силой своего времени, пока хетты не отодвинули египетскую границу от Северной Сирии. На севере и востоке «патриотическая реакция» была менее выраженной, правители Митанни, касситов и хеттов переняли культурные традиции завоеванных народов в большей степени и в этом смысле перестали быть чужестранцами. Тем не менее цари Ассирии, свергшие господство Митанни (ок. 1380 г. до н.э.), быстро подняли свое государство до уровня первоклассной военной державы, достаточно сильной, чтобы разрушить империю Митанни около 1270 г. до н.э. и подчинить царство касситов. Ассирийцы стали имперскими соперниками далеких хеттов и египтян.

Б. Вскоре после 1200 г. до н.э. новая волна варварских нашествий нахлынула на цивилизованные народы Среднего Востока и разрушила три опоры международного равновесия сил, установившегося между Египетской, Ассирийской и Хеттской империями. Снова племена гор, пустынь и степей смешались в этом движении. Эта вторая волна нашествий была менее опустошительной – ни Египет, ни Ассирия не были полностью разорены. Но сила и натиск нападения были достаточными, чтобы развалить три великие империи и значительно изменить языковую и этническую карту. Именно в этот период такие племена и народы, как евреи, филистимляне, арамеи, дорийцы, халдеи и мидийцы основали свои исторические родины.

В. Когда эти нашествия после 1100 г. до н.э. стихли, начался второй подъем «патриотической реакции», первоначально сосредоточенный в Ассирии. Благодаря непрерывным и уже ставшим привычными кровопролитным военным походам ассирийцы постепенно расширяли свою державу, пока их империя в высшей точке развития (745–612 гг. до н.э.) не объединила цивилизованные области Среднего Востока в единый государственный организм. Однако успех ассирийских армий в завоевании Вавилонии и Египта вызвал противодействие. Вавилоняне и египтяне, помня свое древнее величие, презирали ассирийцев как выскочек и постоянно чувствуя свою унижительную политическую зависимость, никогда не покорялись им полностью. В результате периодические восстания в Вавилоне и внутренние беспорядки в Египте и Палестине поставили ассирийцев перед неразрешимой проблемой.

Итак, Ассирийская империя покоилась на шатком основании. Возмож-

КОЛЕСНИЦЫ В ДЕЙСТВИИ

Henri Frankfort, *Art and Architecture of the Ancient Orient*.

Художники трех государств, расположенных на северной окраине Древнего Востока и относительно поздно достигших уровня цивилизации, изобразили зрелище, которое представляло тогдашнее чудо-оружие — легкую двухколесную колесницу, — здесь скорее используемую для охоты, чем для более серьезных военных надобностей. Наверху — золотой диск, найденный в Рас-Шамре, Сирия, возможно, имеющий митаннийское происхождение. В центре — хеттские возничие, которые в XIV в. до н.э. еще изучали некоторые тонкости управления колесницами у своих соседей-митаннийцев, кажется, без особого успеха пытаются пустить своих лошадей в полный галоп, тогда как внизу, на микенской печати, изображен галоп, столь отчаянный, будто лошади забыли о сбруе и о законе земного притяжения.

Музей Лувра (Musée du Louvre), Париж.

Национальный музей (National Museum), Афины.

но, ассирийская мощь была недостаточной, чтобы разместить войска и чиновников на всей территории Среднего Востока, или усилия по распространению своего влияния опасно истощили ассирийские ресурсы. Как бы то ни было, классическое сочетание нападений варваров (мидийцев из Ирана и скифов из северных степей) с внутренним восстанием (в Вавилонии) вызвало внезапное крушение Ассирийской державы (612–606 гг. до н.э.). Ниневия, столица Ассирии, была разрушена, и Ассирийское государство навсегда исчезло как политическая реальность.

Г. После короткого перерыва, когда мидийцы, халдеи и египтяне разделили наследие поверженной Ассирии, новые полуварвары-завоеватели нарушили шаткое равновесие сил, установившееся между этими тремя народами. Кир Персидский, выйдя на авансцену истории около 550 г. до н.э. в юго-западной части Иранского плоскогорья, в удивительно короткие сроки покорил большую часть Среднего Востока. Когда его сын и наследник Камбиз в 525 г. до н.э. завоевал Египет, Персидская империя простерлась от Нила до Амударьи.

Персидское господство не уничтожило сепаратистские настроения в Египте и Вавилоне, и опасные восстания часто вспыхивали в этих провинциях. Но персы, возможно, располагали большей военной мощью, чем ассирийцы, и каждый раз им удавалось подавить мятеж. Более того, их ассирийские предшественники уже многое сделали для того, чтобы сломить местное сопротивление имперскому господству, и даже национальная гордость Египта и Вавилона пошатнулась после череды военных поражений. В результате военная мощь персов, усиленная торговым и культурным обменом и важными достижениями в методах управления государством и создания коммуникаций, придала Персидской империи относительную стабильность.

С достижением такого результата политическое развитие Древнего Востока пришло к логическому, если не к историческому, итогу. Древний цивилизованный мир был объединен под единой властью, варварские окраины эффективно удерживались в благоговейном страхе. Но на своих северных границах персы столкнулись с проблемой, решение которой оказалось за пределами возможностей их государства. Еще до эпохи Кира группа небольших греческих городов-государств начала создавать цивилизацию, которая хоть и заимствовала многие элементы у Востока, но тем не менее качественно отличалась от него. Эта цивилизация вскоре стала путеводной звездой для народов Македонии, Фракии и Северного Причерноморья и вызывала восхищение даже у персов. Уже в 479 г. до н.э. неожиданные победы греков при Саламине и Платеях принудили персов к обороне. Полтора столетия спустя эллинизированные македоняне и их греческие союзники вторглись в Персидскую империю и разрушили ее (334–330 гг. до н.э.), при-

внеся новое и очень мощное культурное влияние, распространившееся на древнюю цивилизацию Среднего Востока.

Возвышение греческой цивилизации от положения периферийного ответвления цивилизации Среднего Востока до равного и даже превосходящего ее субъекта ознаменовало основополагающую веху в истории цивилизации. Эра превосходства Среднего Востока закончилась – началась эпоха сложных культурных взаимодействий среди ведущих цивилизованных сообществ Европы, Среднего Востока, Индии и Китая. В Евразии возникло подобие равновесия культур, которое просуществовало до 1500 г. н.э., когда Европа начала доказывать свое новое превосходство над всеми народами и культурами мира.

Конечно, любая дата, определяющая окончание эры превосходства Среднего Востока, не может не быть произвольной. Но 500 г. до н.э. – это подходящая дата, совпадающая с высшей точкой могущества персов и их влияния как на греческих, так и на индийских границах мира Древнего Востока непосредственно перед ионийским восстанием 499 г. до н.э., поколебавшим могущество царя царей. Кроме того, к 500 г. до н.э. цивилизации Греции, Индии и Китая приобрели свои многие отличительные особенности. Засверкали греческое искусство и философия, и в это же время Конфуций в Китае и Будда в Индии ввели в повседневную общепринятую практику многое из того, что остается характерными чертами китайской и индийской цивилизаций.

Б. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

На протяжении 1700–500 гг. до н.э. равновесие сил между цивилизованными государствами и их соседями-варварами продолжало занимать центральное место в военно-политической истории Среднего Востока. Это равновесие никогда не было простым. В целом численность населения, регулярная воинская дисциплина, значительные источники материальных ресурсов и развитие ремесел обеспечивали преимущество цивилизованным государствам, но внутренние восстания против деспотичных и иногда культурно чуждых правителей или чиновников порой сводили на нет эти преимущества. Более того, варвары периодически проявляли большую гибкость в изобретении или использовании новых методов ведения войн. Так произошло в XVII в. до н.э., когда народы из северо-восточных окраин месопотамского мира улучшили военные колесницы, и столь же важное усиление ударной мощи варваров, вызванное использованием железного (точнее, сталь-

ного) оружия, помогло подтолкнуть вторую волну нашествий (1200–1000 гг. до н.э.).

Технология выплавки металла из железных руд стала общепринятой и доступной около 1400 г. до н.э. в Северо-Восточной Анатолии, но еще долгое время новое мастерство оставалось секретным и местным². Затем вслед за разрушением империи хеттов (возможно, под ударами фригийских захватчиков) около 1200 г. до н.э. кузнецы Малой Азии, находившиеся ранее под властью хеттов, расселились на обширных пространствах. В результате производство и обработка железа начали приобретать большое значение на Среднем Востоке и в Европе, так что в этих регионах полусталь заменила бронзу как основной оружейный и инструментальный металл в 1200–1000 гг. до н.э.³

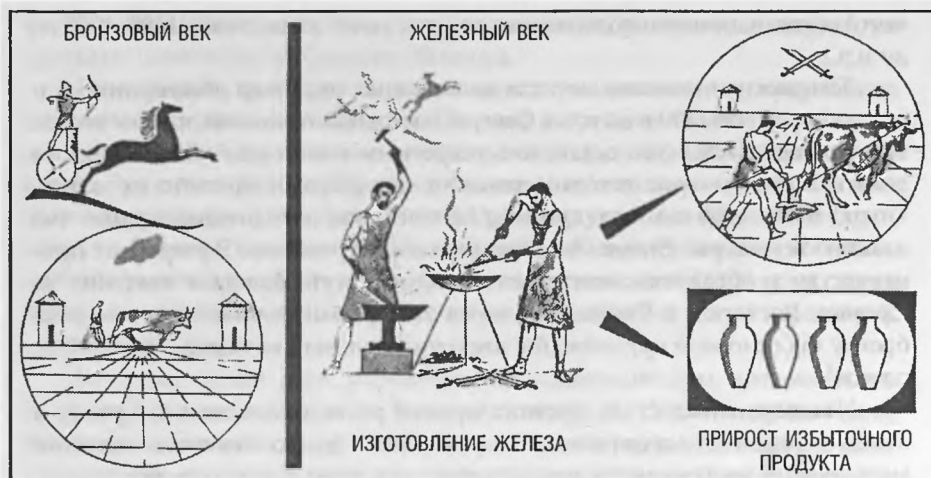
Несовершенная сталь древних времен редко превосходила бронзу и всегда страдала от подверженности ржавчине. Однако важность железной металлургии заключалась в том, что железные руды широко распространены в природе и сравнительно дешевы, так что обычные крестьяне могли позволить себе стальные лемеха плугов, серпы и косы. Такие инструменты значительно облегчили труд и увеличили производительность сельского хозяйства. Стало возможным успешно возделывать тяжелые и каменистые почвы, которые едва ли можно было обработать каменным или деревянным плугом. Доступность таких инструментов увеличила как географические масштабы, так и производительность сельского хозяйства, от которого зависела жизнь городов и в конечном счете – самой цивилизации⁴.

Более явно и быстро новая металлургия улучшала средства ведения

² R.J.Forbes, *Metallurgy in Antiquity* (Leiden: E.J.Brill, 1950), pp.404-14, 418-19. Техника обработки железа фундаментально отличалась от обработки бронзы. Новый металл невозможно было отливать, так как изделия получались хрупкими и непригодными. Чтобы получить твердое и упругое лезвие, его нужно было раскалять докрасна, подвергать ковке и закаливанию, и, кроме того, для получения хотя бы «полустального» изделия, которое могло бы конкурировать с бронзой по прочности и долговечности, его необходимо было насытить углеродом. Насыщение углеродом достигалось путем приведения в прямой контакт полурасплавленного железа с топливом (древесным углем), представлявшим собой углерод с примесями. Этот процесс радикально отличался от выплавки меди и олова в тиглях при подготовке расплавленного металла к отливке. Следовательно, это было изобретением не просто нового металла, но совершенно новой технологии металлургии.

³ Профессор Сирил Смит предположил (устно, декабрь, 1961 г.), что, возможно, быстрое распространение железной металлургии в эти века было вызвано введением технологии, с помощью которой, пусть и неосознанно, древние кузнецы могли контролировать содержание углерода, получая продукт с такими характеристиками твердости и гибкости, которых никогда не могло иметь бронзовое изделие. Не могло ли введение древесного угля как стандартного топлива при изготовлении железа таким образом улучшить и нормализовать получаемый продукт?

⁴ V.Gordon Childe, *What Happened in History* (Harmondsworth: Penguin Books, 1943), pp.175-76.

ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ

войны. Стальное оружие стало достаточно дешевым, чтобы быть доступным для простых воинов, и сразу возросло значение грубого численного превосходства. Защищенный стальными латами, щитом и шлемом обычный пехотинец получил возможность противостоять стрелам даже благородных колесничих и достойно отвечать им. Следовательно, исход битвы уже не решали маневры нескольких десятков колесниц. Массы пехоты стали решающим фактором. Относительно однородные варварские племена, где каждый человек был истинным солдатом, первыми продемонстрировали широкие возможности применения нового металла в военных целях. Цивилизованным сообществам оказалось труднее использовать новую военную технологию. Надменные аристократы, правители цивилизованного мира, редко снисходили (да и просто не отваживались) до того, чтобы вооружить основную массу населения. Военная мощь цивилизации была подорвана острым социальным разделением между воинами-аристократами и невоенным подневольным людом, который во многих случаях был настолько отчужден от своих господ, что был активно или пассивно нелояльным. И поэтому нет ничего странного в том, что отсталые варварские племена оказались способны разгромить колесничную армию хеттов в Анатолии и микенскую цивилизацию в Греции, низведя эти области до уровня варварства.

Однако структура цивилизованной жизни в местностях, более близких к центру Среднего Востока, оказалась прочнее. И египтяне, и ассирийцы уступили свои имперские завоевания варварам, но спасли свои коренные

территории. Итак, два принципиально важных региона цивилизации Среднего Востока сохранили свою политическую автономию, в то время как этническая, языковая и политическая карта драматически изменялась на окраинах Плодородного Полумесяца и наиболее сильно в средней его части, соединяющей Египет с Месопотамией.

Эти технические рассуждения могут объяснить успех варварских нашествий, прервавших политическую историю Древнего Востока к концу II тыс. до н.э. Но возникновение сопротивления в виде «патриотической реакции» должно в большей степени объясняться психологическими факторами. Сборщики налогов и ренты никогда не вызывают симпатий у своих жертв, и можно предположить, что варвары-повелители редко бывали популярны среди поработанного ими населения. Более того, культурные различия между правителями и покоренными народами ежедневно давали местным вождям возможность мобилизовать народное недовольство. Знакомство с новейшими методами ведения войны, позволившими варварам совершить их завоевания, дало возможность таким вождям учиться у своих угнетателей и таким образом увеличить шансы восстаний на победу. И в то время, как военная мощь покоренного населения усиливалась, одновременно невидимые процессы подтачивали силы чужеземных поработителей – для варварских воинов и их потомков привыкание к роскоши цивилизации означало потерю военной сплоченности и доблести. Такое положение обусловило успех «патриотической реакции».

История Египта под властью гиксосов дает яркий пример таких параллельных процессов. Последние правители-гиксосы освоили внешние проявления египетской цивилизации, в то время как местные повстанцы одержали решающие победы только после того, как переняли технику военных колесниц у своих ненавидимых чужеземных господ и сделали ее своей. С момента восстановления независимости Египта фараоны повели наступление в Палестине и Сирии и простерли свое господство до пределов Евфрата, тогда как элиту созданной по новому образцу египетской армии составили наемники и профессиональные возничие колесниц, в большинстве своем набранные из варварских племен на окраинах египетского мира, их служба оплачивалась из военной добычи и налогов⁵.

Основываясь на древней традиции централизованной государственной

⁵ О египетской армии см. Adolf Erman, *Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum*, neu bearbeitet von Hermann Ranke (Tübingen: J.C.B. Mohr Verlag, 1923), pp. 649-57; George Steindorff and Keith C. Seele, *When Egypt Ruled the East* (rev. ed.; Chicago: University of Chicago Press, 1957), pp. 90-93.

машины, египетские фараоны создали военную организацию, превосходившую любую доступную варварским военным вождям или их потомкам. Фараоновы колесничие были наемниками, которых можно было сконцентрировать в гарнизонных крепостях в стратегических пунктах империи и постоянно поддерживать их высокую боеготовность. Такая сила, подобно отточенному лезвию, имела несомненное превосходство над армиями соперников, которые должны были для каждой военной кампании созывать потомков победоносных воителей из их поместий. Но если при этом фараон терял личное влияние на армию, это грозило быстрым падением дисциплины. Такое произошло во времена фараона Эхнатона (1380–1362 гг. до н.э.), который посвятил себя религиозной реформе и не считал военные предприятия необходимыми для сохранения империи.

После бедственного в военном отношении правления Эхнатона реорганизацию армии начал фараон Хoremхем (1349–1319 гг. до н.э.), сам профессиональный военный, узурпировавший трон. Воинственные фараоны Девятнадцатой династии (1292–1186 гг. до н.э.) использовали эту реорганизованную им армию для повторного завоевания Палестины и части Сирии. Но старое военное превосходство безвозвратно ушло. С 1280 г. до н.э. Египет был вынужден защищаться от всевозрастающей силы набегов «народов моря» – воинственных мореплавателей смешанного происхождения, пришедших с севера и запада и вооруженных, по крайней мере к концу тысячелетия, дешевым железным оружием. Египтяне тяжело пострадали от этих нашествий и после 1165 г. до н.э. потеряли все свои территории, кроме самой долины Нила. Идеально отлаженная профессиональная армия колесниц, создавшая империю, теперь устарела; а отсутствие железных руд в долине Нила затруднило египтянам использование преимуществ новой военной технологии. Собственно, они едва ли даже предприняли такую попытку. Египет утратил имперские амбиции и стал придерживаться, насколько это было возможным, политики изоляции, укрывшись за защищавшими его пустынями⁶.

Ассирийцы успешнее использовали «патриотическую реакцию» в борьбе против варваров, которые в XII–XI вв. до н.э. были очень близки к завоеванию цивилизованных государств. Железные руды были широко доступны в горах Северной Месопотамии, и ассирийским монархам в I тыс. до н.э. было легко обеспечить своих солдат оружием из нового металла. Кроме того, относительно широкое распространение железных руд дало им возможность увеличить армии до ранее невиданных масштабов. В случае возникновения

⁶ John A. Wilson, *The Burden of Egypt* (Chicago: University of Chicago Press, 1951), pp.239–54, 258–60, 274.

опасности ассирийские цари призывали на войну мужское население своей страны, и резкое численное превосходство оседлого населения позволяло вести успешную борьбу против воинских отрядов варваров.

Первые солдаты были набраны из коренного крестьянского населения самой Ассирии, а местная знать составила корпус полупрофессиональных офицеров. Но по мере того, как империя увеличивалась в размерах, а военные кампании стали вестись на все более дальних границах, коренных ассирийцев стало не хватать для пополнения рядов солдат. Это привело к тому, что для ассирийских царей политика формирования армии стала опираться на массовое включение в нее войск завоеванных государств в полном составе и на рекрутирование как находящихся в пределах страны рабов, так и завоеванных народов. Такая практика сеяла беду. Ко времени падения Ассирии (612 г. до н.э.) армия состояла из чужеземцев и подданных, не испытывавших чувства преданности своим правителям.

Недостаток твердого национального духа в ассирийских армиях последнего века империи восполнялся умелой методичной организацией и дисциплиной. В период наиболее быстрого распространения власти Ассирии (середина VIII в. до н.э. и позже) вооруженные силы были разделены на четыре основных рода войск: легкую пехоту, тяжелую пехоту, кавалерию (введена ок. 875 г. до н.э.) и уже устаревшие колесницы. Пехота была, безусловно, самой многочисленной и состояла из регулярных воинских частей. Кроме того, ассирийская армия делилась на гвардию, постоянные силы гарнизонной службы и резерв, состоявший из демобилизованных ветеранов и других лиц, получивших земли в обмен на обязательство встать на службу в случае военной угрозы. Офицерский корпус представлял собой отдельное сословие ассирийского государства, но высшие офицеры, похоже, набирались исключительно из узкого круга военных династий. Назначение на должность и продвижение по службе регулярно производились от имени царя, и вступление на престол нового владыки, что характерно, влекло за собой перетряску высшего военного офицерства.

Почти ничего не известно об ассирийской тактике ведения боя. Регулярные части, кажется, не применялись на полях сражений: рассыпной строй, видимо, давал больше свободы лучникам, при этом не делая их удобной целью для вражеских стрел. Скульптурные батальные сцены, ранее украшавшие царские дворцы, позволяют предположить, что пехотинцы-лучники составляли главную ударную силу. Каждый стрелок был защищен тяжело-вооруженным воином-щитоносцем с копьем для рукопашной схватки. Кавалерия и колесницы занимали незначительное, но крайне почетное место и использовались для преследования разбитого врага. Ассирийцы добились больших успехов в создании тяжелых стенобитных и осадных орудий и были

Музей изящных искусств (Museum of Fine Arts), Бостон.

Главное управление античности и египтологии (Soprintendenza alle Antichità-Egitologia), Турин.

ДВА ЛИЦА АССИРИИ

Эти скульптуры двух ассирийских царей, Ашшурнасирапа (883—859 гг. до н.э.) слева и Саргона II (722—705 гг. до н.э.) справа демонстрируют, соответственно, религиозный консерватизм и беспощадную административную рациональность Ассирийской империи. Ашшурнасирап изображен в ритуальной позе, наблюдавшейся еще у ранних шумерских статуэток, и, подобно им, озабоченно ожидает решения богов, которое ему сообщат жрецы, чьи традиции непрерывно восходят к седой древности Шумера. Грозный профиль Саргона II также имеет свои художественные корни в глубоком прошлом Месопотамии, но традиция военных походов и имперских завоеваний, которую он продолжал, разрушала старые привычки, обычаи и благочестие. Трения между жестким консерватизмом и радикальным рационализмом, жрецом и царем, храмом и дворцом стояли в центре письменной истории Месопотамии. Ассирийцы лишь обострили старое противостояние до новой, невыносимой крайности; здесь в камне полностью отражены эти противоречия их империи.

мастерами осады и штурма укрепленных городов. Кроме того, такие достижения, как прокладка дорог для колесниц по пересеченной местности, форсирование людьми со снаряжением рек, а также ускоренные длинные марши, позволявшие застать врагов врасплох, были обычной практикой, отражавшей общее превосходство ассирийской военной организации.

В целом ассирийская военная организация и система управления кажутся нам удивительно современными. Несомненно, стиль европейских армий последних трех веков, а также имперских армий Рима и Персии во многом напоминает ассирийский⁷. Изобретение такого важного инструмента управления государством, как массовая пехотная армия, было, безусловно, величайшим достижением, в чем следует отдать должное кровожадным ассирийцам, каким бы ужасным ни представлялось нам назначение этого инструмента⁸.

В. СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Отливы и приливы народов и армий в плодородных областях Среднего Востока в 1700–500 гг. до н.э. вызвали стихийное улучшение методов управления, необходимых для сохранения целостности большого государства. Этот прогресс, однако, часто прерывался длительными периодами явного отката

⁷ Персидская военная организация была создана по ассирийским образцам. Армия, подобно ассирийской, была построена по десятичному принципу, от отделения числом в десять воинов до армейского корпуса в 60 тыс. человек с командирами-персами во главе всех крупных частей. Персидские цари привлекали в свои имперские армии даже больше различных национальностей, чем ассирийские владыки. См. перечень частей армии Ксеркса в 480 г. до н.э. у Геродота (книга VII, 60–88), который основывался на официальных персидских источниках.

В одном аспекте персы превосходили своих ассирийских предшественников – они призывали на военную службу египетские, финикийские и греческие корабли и моряков, создав военно-морской флот. Таким образом, усилив свою военную мощь до пределов, намного превосходивших возможности, достигнутые ассирийцами, персы расширили свои завоевания намного дальше, чем их предшественники. О военной организации персов см. A.T.Olmstead, *History of the Persian Empire* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp.237–47; *Cambridge Ancient History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1926), IV, 270–76.

⁸ Об ассирийской военной организации см. Bruno Meissner, *Babylonien und Assyrien* (Heidelberg: Carl Winter, 1920), I, 89–114; Johannes Hunger, *Heerwesen und Kriegsführung der Assyrier auf der Höhe ihrer Macht* (Leipzig: J.C.Hinrichs, 1911). Восстановление значения пехоты как основы военных операций явно открыло возможности для более демократических форм управления государством, но только греки на окраине восточного мира имели возможность изменить свои государственные институты в этом направлении. Характерная для Востока монархическая, бюрократическая традиция оказалась слишком сильной, чтобы дать трещину из-за изменений в военном деле, которые произошли в начале I тыс. до н.э. в результате широкого распространения железа.

к прошлому, пока административные методы Хаммурапи не были значительно улучшены Ассирийской и Персидской империями.

Воины на колесницах, прокатившиеся волной по Среднему Востоку в 1700–1500 гг. до н.э., основали слабо централизованные «феодальные» государства. Удачливые предводители воинских отрядов просто разделили завоеванные земли между своими главными соратниками. Весь дух варварского общества делал иную политику немыслимой; царь, который постарался бы сохранить для себя власть и прерогативы методами Хаммурапи, показался бы тираном и узурпатором в глазах своих воинов. Поэтому административная машина, на которой Хаммурапи основал свою власть, была частично разрушена или пришла в упадок.

Во-первых, завоеватели считали, что их племенные и воинские традиции не будут подвергаться существенным изменениям. Войны продолжались по знакомому сценарию: когда царь решит пойти в поход, он призовет своих могучих воинов, которые выйдут из своих поместий при оружии и на колесницах, готовые к новой кампании. Но магнаты-землевладельцы, зная, что их собственной власти над обширными угодьями ничто не грозит, легко меняли героизм как на новые идеалы, так и на новые предметы роскоши, доступные им как хозяевам и повелителям цивилизованного населения. Они не всегда были рады перспективе новой войны и уж вовсе не подчинялись автоматически царским приказам. Уклонение от военной службы в провинциях ширилось одновременно с возрастанием царских амбиций; для царя, правившего городским населением по канонам бюрократической системы, всегда существовало искушение восстановить самодержавную власть, которой наслаждались его предшественники на троне. Потому оседание победоносных военных ватаг среди цивилизованного населения неизбежно заканчивалось трениями между царем и знатью.

Подробности таких процессов редко встречаются в дошедших до нас записях. Каменная стела, найденная в Вавилоне, показывает, что некие царские прерогативы сохранились. Надписи повествуют о том, что различные касситские монархи даровали знати, или реже городам, иммунитет от царского судопроизводства и налогообложения. Эти дары явно раздавались в большом количестве; и слабость касситского государства в международных столкновениях, похоже, показывает, как мало было позволено центральной царской власти⁹.

Дальше к северу на окраинах цивилизации варварский тип феодального правления был более успешным. Приблизительно в 1600–1400 гг. до н.э. цари Митанни создали обширное, хоть и слабо централизованное, государ-

⁹ Bruno Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, 127-29.

ство, распространившее свою власть на север Месопотамии, Сирию и, возможно, также часть Анатолии. В этих областях, где городская жизнь была еще слабой и требовались постоянные усилия для противостояния непрерывным атакам варваров из степей и предгорий, воинский дух и дисциплина, вероятно, разлагались медленнее, чем в касситском Вавилоне. Когда власть Митанни, наконец, ослабела и рухнула (ок. 1380–1270 гг. до н.э.), другое феодальное и имперское государство, Хеттская империя, выросло на северо-западных окраинах цивилизации Среднего Востока. Упадок воинского духа и дисциплины варваров постиг сначала касситов, затем Митанни и наконец хеттов, которые еще в XIV в. до н.э. учились вождению колесниц у специалистов из Митанни¹⁰.

Главным наследником этих варварских империй стал Египет; однако фараоны не ввели никаких важных административных улучшений. В пределах самого Египта бог-царь имел многовековую монополию на власть, которая была восстановлена после изгнания гиксосов. Но реалии управления даже в долине Нила приобретали все большее сходство с центробежными процессами в варварских монархиях того времени. В частности, богатство и привилегии нескольких великих храмов толкали жрецов на попытки создать теократическое «государство в государстве». Кроме того, постоянная армия представляла собой совершенно новый инструмент власти, порой игравший решающую роль в дворцовых интригах и переворотах. Таким образом, привилегированные жрецы и профессиональные военные изменили внутренние реалии египетского государственного управления, хотя их старые формы и способы сохранились в неприкосновенности.

За пределами Египта Нубия на юге была включена в административную структуру египетского государства, но на севере, в Палестине и Сирии, фараоны последовали примеру варваров и оставили местных князей и властителей, требуя от них лишь уплаты дани и отправки воинских отрядов для подкрепления египетской армии во время военных кампаний. Прямое египетское правление в этих провинциях было ограничено военной сферой; в стратегически важных точках были размещены гарнизоны под командованием чиновников фараона¹¹. Ничто напоминающее Кодекс законов Хаммурапи или хотя бы его бюрократическую иерархию административных чиновников не связывало азиатские провинции Египта воедино. Возможно, исконно египетская система управления, строящаяся, как это было на Ниле, на теологических принципах, делавших фараона богом на земле, не могла

¹⁰ См. анализ развитий во II тыс. до н.э. в Albrecht Götzе, *Hethiter, Churriter und Assyrier*, pp.101-12 and *passim*.

¹¹ См. J.A.Wilson, *Burden of Egypt*, pp.181-85; Steindorff and Seele, *When Egypt Ruled the East*, pp.103-5.

быть перенесена в чужие земли, где ни географические условия, ни религиозные и культурные традиции не благоприятствовали этому. Египетская империя в Азии никогда не была чем-то большим, чем просто собранием раздробленных местных княжеств.

Варварские государства, основанные в XII в. и XI в. до н.э., в некоторых важных отношениях отличались от своих предшественников XVIII–XVI вв. до н.э. Изобилие железа демократизировало воинское снаряжение, так что размах аристократических империй больше не отвечал военным реальностям¹². Вместо этого племена и разбойничьи банды, проникавшие на территорию Среднего Востока в 1200–1100 гг. до н.э., основывали небольшие государства, где мелкие землевладельцы и крестьяне противостояли – пусть и тщетно в конечном счете – политической централизации, крепко держась старинных традиций всеобщего равноправия, которые определяли ценность человека его силой, храбростью и успехами в битвах.

Среди этих новых государств только Древнееврейское государство достаточно известно, чтобы можно было понять что-либо в его развитии. До эпохи Саула (ок. 1020 г. до н.э.) евреями руководили, но не управляли ими самодержавно, «судьи», и различные племена свободно объединялись в своеобразный религиозный союз, время от времени собираясь на собрания под руководством жрецов святилища в Шило¹³. Ситуация в Палестине, возможно, была необычной тем, что вторгшиеся туда евреи имели только незначительное военное превосходство над атакованными ими ханаанскими племенами. Евреи стремились основывать свои поселения на возвышенностях и на сельскохозяйственных окраинах Юго-Восточной Палестины, в то время как более богатые прибрежные равнины занимали более сильные в военном

¹² Распространение политического местничества во многом также облегчалось распространенностью залежей железа, что делало невозможным для горстки стратегически расположенных монополистов контролировать торговлю металлом. Когда олово нужно было привозить издалека, монархам и знати было просто контролировать купцов, но когда буквально сотни источников металла находились в непосредственной близости даже к той части Среднего Востока, которая не имела месторождений железных руд, торговля металлами, а также военное дело, были демократизированы и местные племена и крестьяне могли больше не благоговеть перед аристократами, чье вооружение было теперь немногим лучше, чем их собственное, и государства, имевшие огромные территории, не могли процветать, когда даже относительно маленькая часть местного населения имела возможность собрать воинскую силу, приблизительно равную любой, которую можно было бы бросить против них. См. Fritz M. Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte des Altertums* (Leiden: A.W. Sijthoff, 1938), I, 205–7.

¹³ W.F. Albright, *From the Stone Age to Christianity* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1940), pp. 214–17.

отношении филистимляне, у которых железо было распространено намного шире, чем у евреев¹⁴.

В землях, где захватчики имели большее военное превосходство, они образовывали привилегированный класс; иногда, подобно филистимлянам, живя в городах и оставляя работу в поле поработенным туземцам. В Сирии и Южной Месопотамии арамейские и халдейские завоеватели, по-видимому, следовали этому правилу, как и дорийцы в Греции. Города-государства и небольшие племенные союзы, следовательно, сменили имперские и феодальные методы управления, свойственные веку боевых колесниц. Этим маленьким политическим структурам была присуща внутренняя нестабильность, поскольку борьба с соседними государствами и народами довольно быстро приводила к сосредоточению все большей власти в руках отдельных военных вождей, которые по мере своих успехов создавали все большие государства с по крайней мере рудиментарными профессиональной армией и административной бюрократией.

Библейский рассказ о возвышении Древнееврейского царства во времена Саула, Давида и Соломона (1020–925 гг. до н.э.) дает яркое представление о некоторых деталях такого процесса среди древних евреев. Народное недовольство налогами и трудовыми повинностями, вводимыми царской администрацией, можно проследить в библейской истории о грехе Давида – принятой им переписи своего народа¹⁵. Осуждение пророком Натаном¹⁶ поведения Давида демонстрирует столкновение между традиционным моральным кодексом и соблазнами, окружавшими владетельных монархов, опиравшихся на профессиональные воинские отряды, состоявшие как из израильтян, так и, как свидетельствует имя Урии Хеттиянина, из иностранных наемников. Во времена Соломона проникновение из Финикии и Северной Сирии элементов цивилизованного государственного управления и религий было очень активным. Но по мере того, как Древнееврейское царство становилось цивилизованным, его правители все больше отходили от старых народных традиций и стандартов поведения. Эта растущая трещина заставила великих пророков VIII в. до н.э. осудить во имя Яхве и чистоты религии несправедливые новшества, вводимые царями и их слугами.

Несомненно, развитие Древнееврейского царства было уникальным в некоторых аспектах; безусловно, эволюция пророческой религии не имеет аналогов. Но такие соседние государства, как Дамаск, Тир, Хамат, Алеппо и Кархемыш, похоже, прошли более-менее похожий путь от племенных групп

¹⁴ Судьи, 1:19: «И Господь был с Иудой, и Он дал ему во владение землю холмов, но не изгнал обитателей равнины, ибо были у них колесницы из железа».

¹⁵ II Самуил, 24:1–10.

¹⁶ II Самуил, 12:1–13.

или локальных городов-государств до маленьких царств. Политическое развитие в период железного века походило на процессы в Шумере и Аккаде в III и II тыс. до н.э. Но теперь это развитие шло гораздо быстрее: уже были известны готовые удобные модели цивилизованной администрации в таких государствах, как Египет и Вавилон, которые, даже находясь в упадке, продолжали поражать воображение. Честолюбивые и энергичные цари всегда имели наготове образцы цивилизованной системы правления. Было легче заимствовать элементы бюрократической системы Хаммурапи, чем изобретать собственную, так что одно поколение могло достичь степени политической интеграции, сравнимой с той, которой Древняя Месопотамия достигла только после тысячелетнего развития.

Политическая консолидация и бюрократизация, конечно, не остановились с появлением ряда централизованных, но небольших по территории государств на Среднем Востоке. Напротив, военно-политическое давление, которое раньше благоприятствовало централизованной царской администрации, продолжало действовать, причем на еще большем географическом пространстве. Ассирийское государство стало огромной по территории империей, чья административная интеграция была под стать, а то и превосходила в некоторых аспектах достижения Хаммурапи.

Со времен Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н.э.) территория, на которую распространялось ассирийское влияние, была разделена на искусственно созданные провинции под управлением царских чиновников, осуществлявших сбор налогов, мобилизацию людских ресурсов на военную службу и государственные строительные работы, разбравших судебные тяжбы и поддерживавших постоянную связь с царским двором. На окраинах империи, где было труднее насадить центральную власть, ассирийцы превратили местных правителей в своих вассалов, но стремились, как это наблюдалось позже в Римской империи, превратить вассально зависимые государства раньше или позже в обычные провинции.

Как и подобало наследникам древней вавилонской культуры, ассирийцы рано развили основы письменного права. Некоторые ассирийские законы явно опирались на известный Кодекс Хаммурапи, другие отражали более грубые и простые условия и отношения. Эти законы, похоже, действовали во всех провинциях империи, создавая таким образом общую правовую систему в существенной части Среднего Востока. Хотя в зависимых государствах местные законы продолжали применяться во всем их разнообразии.

Другим важным связующим элементом в Ассирийской империи была торговля. Сами ассирийцы не были очень активными купцами. Во внутренней торговле доминировали арамеи, а в морской – финикийцы. Совершен-

но ясно, что даже неидеальное умиротворение огромного цивилизованного региона способствовало коммерции, так же как и, по-видимому, расширение действия ассирийских законов на большую часть империи. Но важнее было то, что ассирийцы создали дорожную систему, сперва предназначенную для военных нужд. В некоторых местах эти дороги были вымощены камнем и достаточно широки, чтобы по ним могли двигаться колесницы; а поскольку перемещение армий по сути своей не отличается от перемещения товаров, важным результатом создания таких дорог стало значительное облегчение дальних перевозок и развитие торговли.

Постоянную опасность для усилий ассирийских монархов по поддержанию стабильности в империи представляли восстания в провинциях. Способность ассирийцев внушать страх, которой они так кичились во многих царских надписях, не исключала такой опасности или даже усиливала ее, поскольку восставшие, решившись на борьбу, сопротивлялись отчаянно. Однако два административных механизма, которые ассирийцы использовали для предотвращения успешных восстаний, имели важные последствия для истории Среднего Востока. Первый заключался в создании военизированных поселений среди склонных к неповиновению народов. Такие поселения сначала, вероятно, организовывались из нуждавшихся в земле ассирийских крестьян. Но прежде чем империя достигла вершины своего могущества, излишек исконно ассирийских земледельцев для основания таких поселений истощился. В результате население новых военизированных колоний стало смесью разных народов, что привело к тесным контактам различных культурных тенденций. Второй предупредительной мерой, используемой ассирийцами, стало полное переселение мятежных народов из их родных земель в отдаленные части империи. Такие переселения становились глубоким потрясением для традиционных социальных моделей и гарантировали смешение народов и традиций в масштабе, много большем, чем это могло быть достигнуто в любом другом случае.

Такая политика, наряду с многоязычным характером ассирийской армии, ростом торговли и распространением арамейского языка и письменности в качестве «лингва франка» ускорила развитие космополитической культуры Среднего Востока. Эта культура многое черпала из многообразных местных традиций, но одновременно в большей или в меньшей степени приводила местные отличия к некоему общему знаменателю. Этот зарождавшийся космополитизм был, возможно, наиболее устойчивым достижением Ассирийской империи, хотя административная и военная структура, в пределах которой происходило развитие культуры, сама по себе тоже была значительным достижением, дав более поздним империям Среднего Восто-

ка и Средиземноморья убедительные модели для строительства собственных систем управления¹⁷.

Персы извлекли огромную пользу из применения ассирийских методов государственного управления, однако только в царствование Дария Великого (522–486 гг. до н.э.) персидская правительственная структура приобрела устойчивую форму. У Кира и Камбиза было слишком мало времени на что-либо, кроме войны, и они не установили систему единообразного правления на завоеванных территориях. Более того, Кир позаботился о восстановлении местных религиозных культов, погранных его ассирийскими имперскими предшественниками. Возможно, его успехи во многом опирались на такую политику, которая позволила ему выступить освободителем не только евреев, которых он избавил от вавилонского плена, но также и других народов.

Вскоре логика империи подтолкнула персов к возвращению ассирийских методов. Дарий, чьи наследственные права на трон были спорными, не мог основывать свою власть лишь на традиционной роли военного вождя, как это стремились делать Кир или его сын Камбиз¹⁸. Наоборот, он создал постоянную бюрократию, ввел в армии единообразную иерархию и издал свод законов. При этом он напрямую заимствовал из вавилонского и ассирийского наследия. Тем не менее Дарий ввел одно значительное улучшение – он время от времени посылал специальных инспекторов («царево око»), которые докладывали о состоянии дел в провинциях, а также о преданности и компетентности местных чиновников¹⁹.

К концу царствования Дария, а особенно во времена правления его сына и наследника Ксеркса (486–465 гг. до н.э.), персидским царям еще больше пришлось черпать из ассирийского опыта. Политика Кира, дававшая широкую автономию храмовым жрецам и другим политико-религиозным институтам, предлагала готовый инструмент власти и фокусировала недовольство, которое честолюбивые местные лидеры могли использовать для организации мятежа. В последние годы царствования Дария восстал Египет, а вслед за ним – Вавилон. Ксеркс отомстил разрушением великого храма Мардука и разогнал его жрецов, издавна служивших залогом сохранения древней вави-

¹⁷ Заметки об ассирийской администрации основываются на исследовании Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, 130-46; A.T.Olmstead, *A History of Assyria* (New York and London: Scribner's Sons, 1923), pp.606-11; *Cambridge Ancient History*, III, 92-99, 108.

¹⁸ Камбиз (530-521 гг. до н.э.) обнаружил скрытые шипы в политике религиозной терпимости своего отца, когда он пренебрег религиозной чувствительностью египтян, что спровоцировало восстание в этой провинции, но его преждевременная смерть на поколение отстрочила столкновение персидских имперских интересов и египетской ксенофобии.

¹⁹ О персидской администрации см. A.T.Olmstead, *History of Persian Empire*, pp.119-34, 185-94; *Cambridge Ancient History*, IV, 184-201.

лонской цивилизации. Подобное же драматическое наказание постигло Египет лишь после восстания 343 г. до н.э., когда персы полностью разграбили все главные храмы этой древней земли и разогнали их жрецов.

Эти разрушения храмовых структур отмечают момент практического исчезновения старых сепаратистских традиций цивилизаций Вавилона и Египта. Конечно, древние жрецы выжили; но по крайней мере в Месопотамии преемственность была необратимо нарушена. В последующих поколениях вавилонские жрецы больше не могли безоглядно основывать свое величие на авторитете незапамятной древности. Наоборот, они вступили во взаимодействие с окружающим их миром, активно переоценивая свое культурное наследие. В общем, сложное взаимодействие между зороастризмом и вавилонскими религиозными темами и идеями начало видоизменять обе религии вплоть до их слияния даже до того, как поток греческого влияния, принесенного нашествием Александра (334–323 гг. до н.э.) на Древний Восток, ознаменовал новую культурную эру в Месопотамии.

С другой стороны, древняя египетская культура сохранилась в своей защитной раковине намного дольше. Даже во времена Птолемеев (323–30 гг. до н.э.), несмотря на давление, которому подвергался египетский дух со стороны эллинизированного населения, египетские жрецы и крестьяне продолжали жить своей жизнью, как и прежде. И разве что на заре римской эпохи стали проявляться признаки плодотворного взаимодействия между исконными египетскими и космополитическими эллинистическими традициями, после чего египтяне, как до них жители Месопотамии, потеряли свое древнее культурное самосознание и постепенно растворились в огромной окружающей их цивилизации, вместе с остальным миром Востока реагируя на одни и те же культурные влияния, и постепенно обретая способность к развитию.

Г. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Если мы попытаемся бросить взгляд с высоты птичьего полета на социальную структуру Среднего Востока в 1770–500 гг. до н.э. и этот взгляд охватит все земли от границ Египта до Иранского нагорья и от Анатолии до Персидского залива – общее впечатление от увиденного можно выразить так: общий подъем и выравнивание. Города укоренились в областях, ранее заселенных только племенами или сельскими общинами; принципы социальной организации, ранее ограниченные географическими рамками Месопотамии и прилегающих областей, охватили весь Средний Восток. Короче, «великое общество» века Хаммурапи пережило трудности варварского на-

шества и возродилось более жизнестойким, чем ранее, распространив свое влияние на весь мир Древнего Востока.

Крестьянская деревня, как и во времена неолита, продолжала оставаться той базовой ячейкой общества, в которой проходила жизнь большинства людей. В горах такие общины, по-видимому, были по-прежнему относительно свободными, лишь в малой степени испытывая политическое и культурное влияние более развитых равнин. Аналогично жизнь племен на окраине пустыни оставалась неизменной с III тыс. до н.э. Дух гордости и первобытного равноправия у населявших эти области варваров резко контрастировал с чувством психологического отчуждения от представителей высших социальных слоев, который был характерен для угнетенного крестьянства цивилизованных равнин, где задолго до 1700 г. до н.э. помещики установили свои притязания на труд землепашцев и долю урожая. Вторжения на протяжении нескольких последующих веков не внесли изменений в эти взаимоотношения, хотя языковые и культурные особенности слоя помещиков менялись в соответствии с течением военных и политических событий.

Начавшееся использование железа и возобновление варварских нашествий в XII–XI вв. до н.э. оказали глубокое влияние на жизнь крестьян Среднего Востока. В эти века захватчики-варвары приходили не как аристократы, восседающие в колесницах и претендующие на господство над земледельцами, а как масса воинов, вооруженных стальным оружием и готовых по мере сил сохранить простое равноправие своих предков. В результате в некоторых частях Среднего Востока возникло свободное крестьянство, признававшее лишь несколько туманное племенное или личное подчинение военным вождям и судьям.

Нельзя сказать определенно, как миграции в железный век привели к появлению свободного крестьянства на Среднем Востоке. В Вавилонии и в Египте традиционная зависимость от жречества, царской власти или помещиков сохранилась без больших изменений, и даже в таких отсталых обществах, как израильское, требования военных вождей относительно установления налогов, снабжения армии и трудовых повинностей к 1000 г. до н.э. стали подрывать независимый статус и личную свободу крестьянства. Политические и военные факторы дополнялись экономической дифференциацией, которая становилась особо сильной везде, где приобретали важное значение деньги²⁰. Это происходило потому, что коммерческий склад ума и

²⁰ Чеканка монет в европейском понимании была изобретена в Лидии, возможно, в VII в. до н.э.; однако задолго до этого в Вавилоне и Ассирии металл отливали по стандартному весу и иногда отпечатывали на плитке знак, говорящий о весе и пробе металла. Во времена Хаммурапи серебряные «шекели» были преобладающей мерой ценности, хотя более старая мера, гур ячменя, продолжала использоваться. Во времена Ассирии металлическая валюта стандар-

деньги породили ростовщичество, а оно оказалось способным очень быстро разрушить свободные крестьянские общины. В плохие времена независимые крестьяне попадали в долговую кабалу и теряли сперва землю, а затем и личную свободу, а их хозяевами становились те, кто так или иначе сумел накопить деньги или семена. Библейские запреты на ростовщичество и осуждение пророками богатства нужно понимать с учетом этих обстоятельств²¹.

К тому времени, когда Ассирийская империя стала господствовать на большей части Среднего Востока, там явно преобладали крупные поместья и зависимые крестьяне. Однако ассирийский закон предлагал зависимым крестьянам некоторую защиту (например, проценты на ссуду под урожай могли начисляться только после согласованной даты возврата ссуды). И даже рабы имели некоторые права перед законом вместе с обязанностью служить в войске²². Возможно, некоторые отголоски более свободного и равноправного века нашли свое отражение в этих правовых положениях, но в целом крестьянские общины снова вернулись к тому полусвободному состоянию, в котором они находились во II тыс. до н.э.

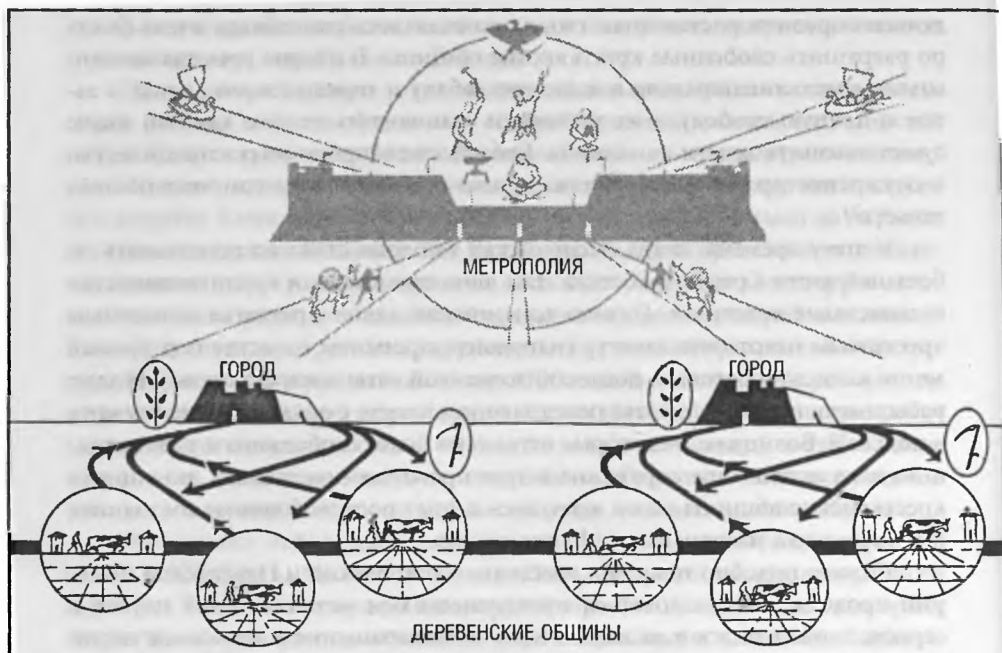
Однако подобно тому, как крестьяне Ассирийской и Персидской империй продолжали пользоваться преимуществами металлических плугов и серпов, появившихся в железном веке, их возвращение в зависимое состояние не исключало все большего участия их в рыночной экономике «великого общества» Среднего Востока. Кроме того, возврат к условиям, существовавшим во II тыс. до н.э., был неполным; даже после того, как помещик, сборщик налогов и ростовщик получали свою часть, по крайней мере некоторые крестьяне сохраняли излишки, чтобы продать их на рынке. Это, в свою очередь, позволяло купить им инструменты и другие товары ремесленников. Металлические орудия облегчили сельскохозяйственный труд и сделали его более продуктивным, обеспечивая крестьян скромными излишками. С другой стороны, поскольку выплавка и закалка металлических орудий требовала специального оборудования и мастерства, лежащих за пределами возможностей обычного фермера, новая необходимость покупать такие орудия требовала от крестьянина производить новые излишки.

Невозможно узнать, как широко была распространена местная торгов-

тного веса вошла во всеобщее употребление. Для меньших деноминаций вместо серебра использовали медь, что во многом облегчало местный обмен при операциях малого масштаба. За исключением дисковой формы лидийских монет и того факта, что в Ассирии государство не монополизировало чеканку монет, нет особых различий между ассирийскими и более поздними лидийскими, греческими и персидскими деньгами. См. A.T.Olmstead, *History of Assyria*, pp.536-38.

²¹ Например, Амос, 2:6-8; 8:4-6.

²² A.T.Olmstead, *History of Assyria*, pp.510-24; *Cambridge Ancient History*, III, 98-99.

МЕСТНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

ля между крестьянами и ремесленниками. Несомненно, ее размах разнился в зависимости от времени и местности, но в итоге, чем больше крестьяне страдали от таких экономических явлений, как рента, налоги и ростовщические проценты, тем меньше излишков они могли продавать на городских рынках. Но так как в I тыс. до н.э. городская жизнь развивалась, можно предположить, что крестьяне продолжали располагать некоторым избыточным продуктом своего труда, которым они обменивались с городскими ремесленниками и торговцами. Без такой местной циркуляции товаров между городом и деревней и без растущей специализации среди городских мастеров и крестьян-фермеров, города продолжали бы оставаться прежде всего административными и религиозными центрами, какими они были во II тыс. до н.э. Тот факт, что размеры и число городов увеличивались, свидетельствует о том, что мастера-ремесленники стали служить не только аристократам-землевладельцам, но также и крестьянским общинам и простым горожанам.

Глубину такой специализации не следует преувеличивать. Несомненно, жизнь огромной части крестьянства Среднего Востока продолжала прохо-

дить в маленьком кругу деревенской общины, где не господствовали рыночные отношения и где горожане всегда оставались чужаками, которым вряд ли доверяли, даже если они и владели таким полезным мастерством, как кузнечное или гончарное дело. Но остается фактом то, что крестьянство, чье появление ознаменовало первое проявление цивилизации приблизительно за две тысячи лет до того, оказалось теперь прочно, пусть и на вторых ролях, включенным в «великое общество», формировавшееся вокруг крупнейших городов цивилизации. Земледельцы больше не были самодостаточными, как в IV тыс. до н.э., и не были просто жертвами аристократии, чья культура поддерживалась подневольным трудом крестьян, как это было в конце III и даже в большей части II тыс. до н.э. Наоборот, крестьяне сами скромно, но основательно стали включаться в «великое общество», обменивая часть своих излишков на железные орудия или другие товары, полезные при новых методах ведения хозяйства. Это позволило самому угнетенному общественному классу скромно, но реально извлекать выгоду из разделения труда между городом и деревней.

Местный обмен товарами придал Среднему Востоку новый экономический базовый уровень. Даже когда политические или военные события прерывали дальнюю торговлю и принуждали регионы опираться на собственные ресурсы, социальная и экономическая структура позволяла поддерживать разделение труда между городом и деревней, ремесленниками и крестьянами. При таких условиях городская жизнь никогда не могла полностью исчезнуть, а с городской жизнью возникала возможность появления цивилизованной высокой культуры, даже при том, что преимущества городской жизни были доступны только привилегированным слоям общества, наслаждавшимся большим богатством и досугом, чем те, что были доступны простым мастерам-ремесленникам. Культурные стили продолжали меняться, оригинальность и изысканность высокой культуры Среднего Востока претерпевали значительные подъемы и падения. Но экономическое разделение труда между городом и деревней питало прочное социальное лоно, где цивилизованная жизнь, даже временно прерванная, могла относительно спокойно и быстро восстановиться. И при всех текущих превратностях Средний Восток никогда не терял своей роли фундаментальной основы цивилизации.

Достижение нового общественного и экономического уровня, обеспечивающего существование специалистов-ремесленников, на всем пространстве плодородных земель Среднего Востока представляло собой одно из главных достижений в истории человечества. В III тыс. до н.э. цивилизация была невозможна в землях, орошаемых только дождями. Затем цивилизация стала распространяться из мелиорированных речных долин, но в зем-

лях, где невозможно было наладить орошение, она оставалась хрупким и слабо укоренившимся растением, всегда зависящим от сиюминутной концентрации богатства в руках малого числа правителей, помещиков или купцов. Но в I тыс. до н.э. падение какого-либо из политических режимов, исчезновение той или иной группы культурных помещиков или нарушение сложившейся сети дальней торговли больше не грозили исчезновением городской жизни, а с ней – ослаблением экономической специализации и сложной социальной структуры, необходимых для прочной цивилизации. Цивилизация укоренилась на Среднем Востоке, наконец полностью приспособившись к землям с дождевым увлажнением.

Рыночная экономика, проникая в деревни Среднего Востока, действовала на различных уровнях. В основе лежал местный товарообмен между простыми ремесленниками и крестьянами. На втором уровне стояли ремесленники и торговцы многочисленных провинциальных городов, которые служили местным землевладельцам, жрецам, сановникам, снабжая их товарами местного производства и случайно завезенными предметами роскоши. На вершине находились несколько коммерческих и производственных центров, чья сеть торговых взаимоотношений распространялась по всему цивилизованному миру и за его пределы.

В центре этой сети лежали города Месопотамии, связанные друг с другом и с портами караванными путями, которые ассирийское и персидское правительство часто улучшало, делая из них постоянные дороги. Вавилон был величайшей метрополией региона, но и многие другие древние городские центры Месопотамии в I тыс. до н.э. продолжали процветать. При касситском и ассирийском правлении некоторые из них обладали царскими жалованными грамотами, гарантировавшими значительную автономию и разнообразные привилегии, распространявшиеся даже на земли за пределами их городских стен. Горожане, например, были полностью освобождены от службы в армии Ассирии, а местные городские собрания и жрецы продолжали управлять делами городов без значительного вмешательства имперских чиновников. Даже после включения в Ассирийскую, а затем в Персидскую империю такие сообщества оставались практически лишь зависимыми городами-государствами, данниками, свободными от обычной провинциальной администрации.

Другие крупные города, также имевшие дарованные имперским правительством привилегии, существовали по всем направлениям от древнего месопотамского центра. Пока стояла Ассирийская империя, ее столицы Ашшур и Ниневия были важными местами торговли и ремесел. Дамаск в

Сирии стал крупным перевалочным пунктом на пути между Финикией и Вавилоном; и Кархемыш дальше на север от верхнего течения Евфрата играл ту же роль в торговле с Анатолией. На юго-востоке Сузы уже были важным торговым городом задолго до того, как стали столицей Персидской империи, хотя другие персидские города, такие как Эктабаны, Пасаргады и Персеполис, кажется, представляли собой не более чем административные центры. То же справедливо и для многих городов внутренней Анатолии, хотя Сарды, столица Лидии, были известны не только как коммерческий и ремесленный центр, но и как крепость и дворцовый город. Вдоль побережья Анатолии многие торговые города расцвели после 900 г. до н.э., и полтора столетия спустя торговля приобрела важное значение по другую сторону Эгейского моря, в материковой Греции.

На восточном берегу Средиземноморья города Финикии стали важными торговыми и ремесленными центрами приблизительно после 1000 г. до н.э. Тир и Сидон сыграли ведущую роль в колонизации Западного Средиземноморья, и энергичные мореходы принесли богатства средиземноморских земель в их порты. Моряки из Финикии достигали Британии и ходили вдоль Атлантического побережья Африки²³. Финикийская торговля следовала путями, проложенными минойскими и микенскими мореходами, связавшими варварские лесные окраины Средиземноморья с мастерскими цивилизованного общества.

В Египте первые города, представлявшие собой нечто большее, чем скопление дворцов и храмов, появляются во времена империи (1465–1165 гг. до н.э.)²⁴. Мемфис в вершине дельты Нила и Фивы в Верхнем Египте были самыми большими из них, но в обоих городах религиозные и дворцовые элементы продолжали доминировать над торговой и светской жизнью. В дельте Нила возникли города более коммерческого склада, из которых наиболее известен Навкратис. Но примечательно, что Навкратис известен под своим греческим именем, поскольку был основан и в значительной мере заселен греками. Как правило, сами египтяне не были заинтересованы в международной торговле и оставляли такие предприятия иностранцам.

Без сомнения, через южные моря, связывающие Египет, Месопотамию и Индию, продолжали ходить купеческие суда во II и I тыс. до н.э. Завоева-

²³ Возможно, финикийские корабли даже обогнули Африку ок. 600 г. до н.э. См. Herodotus, IV, 42.

Одежда, окрашенная пурпуром из Тира, была важной частью финикийского экспорта, наряду с другими предметами роскоши, такими как вино, художественные изделия из бронзы, стеклянные кубки. Импорт из Средиземноморья и с берегов Атлантики составляли главным образом сырье и рабы. G.Contenau, *La Civilisation Phénicienne* (Paris: Payot, 1926), pp.298-308.

²⁴ J.A.Wilson, *Burden of Egypt*, pp.204-5.

ние Индии ариями, возможно, прервало на несколько веков морскую торговлю между субконтинентом и Средним Востоком²⁵, но после персидского завоевания части долины Инда Дарий проявил большой интерес к развитию морских коммуникаций с этой отдаленной провинцией. Его успехи, кажется, не были значительны, хотя твердых данных о ранней коммерческой истории морей и заливов вокруг Аравии слишком мало²⁶. Появление верблюжьих караванов, что позволило торговцам пересекать пустыню с меньшими трудностями, чем вдоль длинной береговой линии полуострова, вероятно, привело к краху (хотя, может быть, только к стагнации) мореплавания в арабских водах в I тыс. до н.э.²⁷

Как всегда, торговля вовлекала сложные потоки культурного влияния. Как следствие, в пределах цивилизованного региона Среднего Востока шло стирание местных различий в культуре. За пределами этого региона, в полуварварском мире Индии и Греции и в еще более варварских землях Западного Средиземноморья воздействие культуры проявлялось в подталкивании местных жителей к подражанию, применению и изменению всего, что они находили замечательным в цивилизации Среднего Востока, и к созданию собственных стилей цивилизованной жизни, второстепенной, но существенной независимой от более старых цивилизаций.

²⁵ Несколько отрывков из Ригведы, похоже, намекают на знание о морских судах и торговле с отдаленными землями; но она предположительно была очень слабой и не имела важного значения. См. R.C.Majumdar (ed.), *The History and Culture of the Indian People: The Vedic Age* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1951), pp.396-97.

Однако не следует забывать, что Индийский океан и юго-запад Тихого океана пережили мегалитическую культурную экспансию в I тыс. до н.э., охватившую Южную Индию, Юго-Восточную Азию, некоторые из островов юго-запада Тихого океана и распространившуюся на север до Японии.

²⁶ Греческий капитан Скилак был отправлен Дарием изучить реку Инд и морской путь, связывающий его с другими владениями; и великий царь считал целесообразным завершение строительства канала между Нилом и Красным морем, чтобы позволить судам проходить из Средиземного моря в южные моря. Неясно, насколько усилилась после этого торговля. Канал Дария, по крайней мере, скоро был заброшен и занесен илом. Хотя известно, что города существовали в Индии, они могли быть скорее религиозными и административными центрами, чем коммерческими и индустриальными центрами. См. A.T.Olmstead, *History of the Persian Empire*, pp.144-47.

²⁷ Начало использования верблюдов как вьючных животных для транспорта – вскоре после 1000 г. до н.э. Это значительно увеличило подвижность кочевников пустынь и дало возможность как торговле, так и военным походам преодолевать ранее непреодолимые географические препятствия, особенно в Северной и Центральной Аравии. В небольшом количестве верблюды были одомашнены вскоре после 2000 г. до н.э., но только почти тысячу лет спустя упрямые животные стали достаточно общедоступными, чтобы оказать влияние на человеческое общество. См. Joseph P.Free, «Abraham's Camels», *Journal of Near Eastern Studies*, III (1944), 187-93; Reinhard Walz, «Zum Problem des Zeitpunkts der Domestikation der altweltlichen Cameliden», in *Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft*, CI (1951), 29-51; Reinhard Walz, «Neue Untersuchungen zum Domestikationsproblem der altweltlichen Cameliden», *loc. cit.*, CIV (1954), 47-50.

Таким образом, право и администрация Ассирийской и Персидской империй вместе с кораблями и караванами купцов создали на всем Среднем Востоке «великое общество», сравнимое с существовавшим во времена Хаммурапи в более узких границах Месопотамии. Только малая часть населения участвовала в этом «великом обществе», дальняя торговля и активность центрального правительства затрагивала лишь незначительное меньшинство. Отсюда экономика метрополии и имперские политические структуры проявляли известную хрупкость, в отличие от намного более устойчивого местного обмена между крестьянами и ремесленниками, гарантировавшего выживание по крайней мере скромной городской жизни даже перед лицом политического или экономического бедствия.

Д. КУЛЬТУРНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ПРОГРЕСС

С 1700-го по 500 г. до н.э в культуре Среднего Востока происходило сложное взаимодействие между консерватизмом, стремившемся сохранить древние традиции, и космополитическими порывами к синкретическому взаимодействию культур и новых идей. Дух консерватизма преобладал в Вавилонии и Египте среди жрецов этих стран, плохо верящих, что нечто новое может быть достойно их внимания. Синкретизм был более заметен в Сирии и Палестине, где встречались и накладывались культурные влияния Египта и Месопотамии. Такой синкретизм включал в себя комбинацию местных традиций с месопотамскими и египетскими мотивами в искусстве и философии, что в результате часто приводило к утрате стилистического единства. Тем не менее на дальних окраинах цивилизованного мира, где местные традиции были сильнее, а влияние цивилизационных эталонов не столь мощным, встречались важные культурные достижения.

1. ВАВИЛОНИЯ

Касситское завоевание и последовавший за ним длительный период ассирийского господства и в итоге полная потеря независимости не вызвали значительных изменений в вавилонской культуре. Ввиду недостатка материалов, дошедших до нас с касситских времен, можно только строить догадки, но общее впечатление о том времени – настойчивое стремление сохранить древние культурные традиции.

Вавилонский культурный консерватизм был частично вызван тем, что очень значительное географическое распространение месопотамского обра-

за жизни до 1700 г. до н.э. стало для вавилонского центра своеобразным буфером против влияния совершенно чуждых ему культур. Прежде чем добраться до городов речной долины, завоеватели из окраинных земель неизбежно приобретали значительный налет месопотамской цивилизации, поскольку она уже была привычной за пределами империи. Поэтому касситы и ассирийцы пришли не как чужеродные бродяги, но как родственники из глубинки, в целом подготовленные к радушному приему и радикальному посвящению в таинства высокой вавилонской цивилизации. Этот факт значительно способствовал культурной стабильности в Вавилоне после 1700 г. до н.э., поскольку для художников, писателей и жрецов Вавилона не возникло условий, требующих нового взгляда на мир под воздействием чужеземного высокого искусства или литературной традиции. Они могли позволить себе благочестиво и самодовольно оставаться верными старым моделям, пришедшим из древних и лучших времен.

Глубоко консервативные жреческие коллегии и школы писцов продолжали составлять главную основу вавилонской культурной активности. Авторитет жречества даже возрос с утеснением политической независимости, поскольку военные и политические неудачи могли всегда быть истолкованы как божественный гнев и давали повод к более прилежному служению богам. Поэтому, коль скоро политический суверенитет оказался в руках пришельцев, внимание коренного населения все более сосредоточивалось на жреческих корпорациях, особенно тех, кто служил Мардуку.

Народная религия во многом оставалась такой же, какой она была в дни Хаммурапи. Ритуал застыл в фиксированных формах, поэтому когда жрецы занялись тщательной разработкой соответствующих версий гимнов, молитв и литаний для каждого церемониального случая, вариантным формам было позволено уйти в небытие. В ходе этого процесса более старая религиозная литература, похоже, систематически очищалась от концепций, которые были оскорбительны для правоверных приверженцев Мардука. Например, шумерские гимны, упоминавшие о божественности правителей, либо замалчивались, либо были просто забыты²⁸. Более поздняя вавилонская религия также стремилась усилить ведущую роль главного бога пантеона Мардука. Но наследие Древних Шумера и Аккада было слишком сильным, чтобы позволить появиться чему-либо, что можно было бы с основанием назвать монотеизмом. Самое большее – происходило движение в таком направлении.

Конечно, не было абсолютной кристаллизации культурных форм. В

²⁸ См. Adam Falkenstein and Wolfram von Soden, *Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete* (Zürich: Artemis Verlag, 1953), pp.16-18.

сфере искусства скудные остатки касситского периода демонстрируют новшества в дворцовой архитектуре, включающие использование колонн и обожженных кирпичей при создании фигурных барельефов. Но старые традиции религиозной архитектуры тщательно сохранялись, и можно проследить лишь незначительные изменения в стиле скульптур. Там, где торжествовали жрецы, царило застывшее постоянство, смягченное лишь случайной неопытностью ремесленника; новые художественные отступления ограничивались двором и дворцом²⁹.

Но и религия сама по себе не была застрахована от нововведений, вопреки неизменному фасаду традиционных церемоний, проводимых от имени общества. В более ранние времена личные заботы поверялись малым богам, с которыми напрямую общался каждый глава семьи. Такие мелкие божества, возможно, задумывались как посредники между человеком и высшими богами, правившими миром. Однако в касситские и ассирийские времена частные лица пришли к убеждению, что эффективнее связываться с божественными правителями мира напрямую, обращаясь к высшим богам через процедуры гадания, которые ранее применялись лишь для дел общественных и государственных. Таким образом, Мардук и остальные боги пантеона оказались в этом смысле демократизированы, универсализированы и даже в некотором роде унижены необходимостью уделять внимание повседневным делам людей. Жрецы остались в выигрыше, поскольку приобрели новую социальную функцию и источники доходов в качестве посредников между частными лицами и высшими богами³⁰, и при этом их новая роль не подрывала многовековую прерогативу жрецов на проведение публичных обрядов.

Возможно, только высших классов общества коснулись эти изменения; ведь как бы там ни было, только богатый мог позволить себе выложить плату, требуемую за успокоение религиозных страхов. Тем не менее эта индивидуализация вавилонской религиозной практики предполагала, что по крайней мере некоторые личности осознавали серьезные недостатки в старой коллективной религии. В многолюдной городской гуще Вавилона отдельный

²⁹ Henry Frankfort, *The Art and Architecture of the Ancient Orient* (Harmondsworth: Penguin Books, 1954), pp.62-64.

³⁰ В этом случае жрецы подражали образцу, который был введен царскими судьями до и во время Хаммурапи, когда царская юрисдикция стала распространяться не только на коллективы, но и на отдельную личность и практическая власть и влияние царского правительства неизмеримо возросли. Так же возросли и доходы от оплат и штрафов. Подобные рассуждения можно использовать для объяснения расширения жреческих функций до сферы личной жизни: жреческая власть над действиями людей и их мыслями расширилась и их доходы возросли благодаря различным взносам и пожертвованиям от частных лиц, ищущих божественной помощи или руководства.

человек не мог больше идентифицировать себя с судьбой своей социальной группы: родной город, ремесленный цех и даже семья перестали означать безраздельную прежде власть над человеческими желаниями. Но поскольку индивидуализированная точка зрения укреплялась, это ослабило и размывало ценности и идеалы месопотамской цивилизации. Какое утешение мог беспомощный смертный искать в доктринах традиционной вавилонской религии, если понятия семьи и города перестали служить отправными точками взаимоотношений с богами?

Так что не стоит удивляться, что некоторые литературные произведения I тыс. до н.э. выражают духовную усталость, пессимизм и безнадежный протест против превратностей жизни. Как пример, можно привести поэму, написанную акростихом, которую иногда называют «Вавилонским Екклезиастом». Она имеет форму диалога, в котором первый говорящий жалуется на свои невзгоды и яростно обличает несправедливость людей вообще. Он обвиняет богов в том, что они укрылись от созданного ими мира и дают двусмысленные и изменчивые ответы на заданные им вопросы, оставляя благочестивого и добродетельного человека беззащитным перед незаслуженными бедствиями. Собеседник сначала предлагает обычные благочестивые ответы, объясняющие непостижимость божественных намерений, и уговаривает терпеть, но к окончанию поэмы он предстает побежденным и разделяет ту точку зрения, что нет справедливости ни на земле, ни на небе³¹. Конечно, никто не может сказать, как широки были такие настроения в Вавилоне в I тыс. до н.э., но сам факт, что подобные поэмы были написаны и сохранились, позволяет предположить, что под поверхностью традиционного общепринятого порядка и церемоний скрывался настоящий упадок. Ясно, что автор этой поэмы, как и те, кто читал и копировал ее, находил мало удовлетворения в традиционной религии и повседневной жизни.

Тем не менее другие искали утешения в попытках восстановить взгляды минувшего прошлого. Различные ассирийские цари, особенно Ашшурбанипал (668–626 гг. до н.э.), разыскивали древние глиняные клинописные таблички, копировали их и хранили в большой дворцовой библиотеке; а Набонид (555–539 гг. до н.э.), последний царь Вавилона перед завоеванием его персами, организовал раскопки развалин древних храмов, намереваясь воссоздать старинные планы, чтобы по ним возвести их точные копии. Такие усиленные поиски древностей предполагают наличие чувства внутреннего несоответствия своему времени, и таким путем Ашшурбанипал и На-

³¹ Перевод можно найти в James B. Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1955), pp.438–40. См. вторую поэму, в которой раб убеждает своего господина «научить бога бежать за собой, подобно собаке», отказывая ему в жертвоприношении! Там же.

бонид надеялись вернуть утерянную уверенность в себе путем сохранения знаний и восстановления физических структур эпохи, которая, как они верили, обладала достоинствами, утраченными в их собственную эпоху.

Таким образом, характерной чертой вавилонской культурной истории после 1700 г. до н.э. кажется внешняя окаменелость, под которой скрывалось внутреннее разложение.

2. ЕГИПЕТ

На протяжении тех же веков традиции древней египетской цивилизации испытали гораздо более сильный натиск, чем все, исходившее от подверженных вселенской усталости месопотамских интеллектуалов. Конечный результат во многом был тем же – сознательный архаизм, маскирующий внутреннюю неопределенность. Но еще до того, как египетская культура была загнана в этот тупик, правители, жрецы, художники и писцы Верхнего и Нижнего Египта впервые стали серьезно воспринимать достижения других народов. Крушение прежней самодовольной изоляции выразилось в бурном романе с иноземными манерами, привычками и обычаями, последовавшим за ярко выраженным отвержением ко всему иноземному.

Во времена Старого и Среднего Царств географические препятствия для внешних контактов позволяли жителям долины Нила считать себя бесконечно превосходящими остальные народы³². Нашествие гиксосов и завоевание ими Египта резко поколебало эту веру, а после их изгнания имперская сущность Египта в Азии сделала невозможным простое отрицание иноземных идей и обычаев. С расширением торговли в эпоху империи заново возникшие города привлекли ищущих прибыли иноземцев в самое сердце Египта, и в то же время египетские армии рекрутировались из соседних варварских народов.

При этих условиях унаследованные обычаи египетского общества проявляли пугающую хрупкость. В теоретически безграничной власти царя-бога таилась чрезвычайная опасность – такая ненормально огромная власть обожествленного человека, которая традиционно поддерживала старое благочестие и этикет, могла быть с равным успехом использована и для того, чтобы разрушить их. Более того, как завоеватель и защитник чужих земель и как главнокомандующий армии, состоящей в основном из иностранных наем-

³² Торговля с соседними странами привела египтян к контактам с регионами, действительно стоявшими на более низкой ступени культурного развития. Возможно, минойский Крит был исключением, но поскольку такая торговля производилась в основном критскими кораблями приблизительно после 2100 г. до н.э., как кажется вероятным, египтяне в основном мало знали о достижениях критян и не стремились узнать больше.

ников, фараон постоянно испытывал влияние иностранных новшеств. Опасность его отступничества была, следовательно, вполне реальной.

Фараон Аменхотеп IV (1380–1362 гг. до н.э.), который переименовал себя в Эхнатона, действительно использовал свои традиционные привилегии, чтобы стать самым радикальным царем-революционером. Перейдя в новую (или переосмысленную) религию солнечного диска, Атона, он подавил все соперничавшие культы богов и сделал поклонение Атону – и самому себе как сыну Атона – единственной религией в империи³³. Революционер-фараон закрыл старые храмы и запретил имя Амона, могущественнейшего из старых богов, возможно, в надежде разрушить власть Амона. Но демонстрируя дух фанатизма, фараон недопустимо натянул традиционной покорности, дающей ему его власть³⁴, и в конце концов спровоцировал слепой встречный фанатизм среди последователей традиционной религии.

Доктрина атонизма предполагала, что сила божественного солнечного диска распространялась равно на все народы как в самом Египте, так и за его пределами. Такой универсализм мог быть отражением радикальной рациональной реакции на разнообразие религиозных представлений человечества – многообразие новых обрядов богослужения, которые солдаты египетских армий и чиновники могли наблюдать в отдаленных землях, вошедших в состав империи. Благочестивые и набожные умы, встревоженные таким многообразием, также были поражены несомненным присутствием в каждой части мира солнца, сияющего в своем величии и дарующего свое великолепие всем народам. Ясно, что это был истинный бог – несомненный, универсальный, уникальный и полезный. По сравнению с ним, другие божества стали казаться фальшивыми, созданными людьми³⁵. Нет, однако, при-

³³ Эхнатон пытался оживить доктрину времен Старого Царства, согласно которой жизнь после смерти – дар фараона и не может быть получена от кого-либо иного. В целом движение за установление культа Атона могло возникнуть как вновь заявленный и реформированный старинный культ гелиополисского солнечного бога Ра. Если это так, предполагаемое возвращение к древней чистоте оправдывало радикальный отход от недавнего прошлого. Таким образом, как и во много более поздние времена европейской Реформации, революция поддержала идею архаизма, чтобы действительно отрицать настоящее.

³⁴ Никакие восстания не вспыхивали при жизни Эхнатона. Даже военные бедствия на границах империи не спровоцировали действенных протестов в Египте. Такая пассивность отражала своеобразную растерянность консервативной позиции; по злой иронии в общественном порядке вещей, строившемся на повиновении воплощению бога на земле, старое благочестие можно было поддерживать, только покоряясь фараону в своем отречении.

³⁵ Тот факт, что солнечный культ уже существовал в Египте и жрецы Ра в Гелиополисе знали о временах, когда о таком важном боге, как Амон, даже не слышали, возможно, помог возникновению религии Атона и привлекал к себе напоминанием о том, что это культ истинного бога.

чин предполагать, что число приверженцев атонизма было больше, чем горстка, или что такая вера могла бы достичь важного значения без поддержки власти фараона. Как бы то ни было, это движение прекратилось сразу после смерти Эхнатона, почти не оставив по себе следов.

Вера в Атона революционно отразилась в искусстве и литературе, так же как и в религии. Ключевым понятием в реформации была концепция «маат», или правды (истины и справедливости), в которой был воплощен Атон. Эта концепция не была совершенно новой для египетской мысли, но применение атонизма к искусству и литературе дало примеры часто потрясающего отличия от более старых традиций.

Атонистическое понимание маат трансформировало культовую архитектуру, поскольку отправление обрядов маат было несовместимо с тайными укромными уголками закрытых храмов Амона. Только открытое пространство дворов, где можно было непосредственно почувствовать солнечные лучи, были приемлемы для культа Атона, и архитектура новой столицы Эхнатона была задумана соответственно. В скульптуре и живописи атонизм вдохновил создание более свободного и более натуралистического стиля. Изображение природы и человека в соответствии с концепцией маат требовало решительного – даже преувеличенного – изображения особенностей самого Эхнатона. Недостатком движения атонизма является то, что слабая мускулатура и костистое лицо Эхнатона стали новым стандартом портрета, в соответствии с которым часто изображали его придворных. Наиболее значительным разрывом атонизма с египетской художественной традицией, судя по всему, стал его отказ от идеалов монументальности и независимости от времени. Художники времени Эхнатона искали возможности зафиксировать мимолетные человеческие эмоции и чувства. Поэтому часто Эхнатон и его семья изображались в поразительно неформальных позах, которые едва ли подобали фараону как воплощению бога.

Для литературы маат означал необходимость приблизиться к повседневной речи. Результатом стало быстрая эволюция словаря и синтаксиса египетской иероглифической письменности. Тем не менее сохранились многие старые образцы – в гимнах Атону продолжали использовать традиционные фразы и эпитеты, а письменный язык сохранил большинство старых грамматических форм. Новый дух можно почувствовать в таких произведениях, как «Гимн Атону», прославляющий универсальную мощь и милосердие солнечного диска. Радость от ощущения красоты природы и отсутствие бесконечного повторения перечня имен богов и их мифических деяний

Институт востоковедения, Чикагский университет (Oriental Institute, University of Chicago).

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Верхний рисунок, найденный в гробнице Тутанхамона (1362—1349 гг. до н.э.), в утонченной манере показывает фараона, рассеивающего своих врагов. Снизу — барельеф, изображающий семейное счастье фараона Эхнатона (1380—1362 гг. до н.э.). Контраст между двумя сценами отражает влияние революции Атона. Так, Эхнатон показан сидящим под защитными лучами Атона, солнечного диска, воплощения маат, тогда как над головой Тутанхамона нависает сокол Гор (см. главу III). Семья Эхнатона изображена в манере, оскорбляющей традиционные понятия о божественности фараона, тогда как изображение на гробе Тутанхамона представляет фараона в древней и полностью традиционной роли военачальника. При таком разительном контрасте обе работы выполнены в рафинированном, манерном стиле и обе позволяют предположить стоявшие за ними слабость и моральную неопределенность.

служат отличительным признаком этого произведения от традиционных египетских гимнов³⁶.

Реформы Эхнатона затронули сферы деятельности более широкие, чем религия и эстетика, хотя лишь последние вполне доступны современным ученым. Возможно, религиозное противостояние между последователя Амона и Атона пронизывало также и яростную борьбу между олигархией и абсолютизмом. Жрецы Амона были тесно связаны с многочисленными и влиятельными аристократическими семействами, чьи выходцы в течение поколений наслаждались монополией на высокое положение в государстве. Вводя изменения, связанные с культом Атона, и новое жречество, Эхнатон одновременно подрывал власть и привилегии этих семейств. Его поддерживали главным образом социальные самородки и солдаты, так что представляется возможным интерпретировать движение атонистов как борьбу между армией и жречеством за верховенство в государстве. Поскольку иностранцы преобладали в армии, пользовались покровительством двора, борьба велась между иностранцами, ведущими «подрывную деятельность», и привилегированными местными уроженцами³⁷.

Иными словами, можно описать реформы Эхнатона как судорожные попытки привести египетскую жизнь и образ мысли в гармонию с возникающим космополитическим миром Среднего Востока. Алогичность египетской религии, застывшая монументальность египетского искусства и жестко закрепленная социальная структура египтян все более казались провинциальными и архаичными людям, уже повидавшим разнообразие жизни и верований, широко распространенных в большом мире за пределами Египта.

Тем не менее, подобно рациональной мемфисской теологии за тысячу лет до описываемых событий, движение атонизма вскоре ослабело. Некоторые усилия во имя компромисса со старым порядком были предприняты в последние годы правления Эхнатона, а его наследник Тутанхамон пошел на еще большие уступки. Но как только фанатизм реформ атонизма был утерян, никакой компромисс не был возможен – жрецы и знать, чьи привиле-

³⁶ Приписывание универсальной и высшей власти одному-единственному богу можно найти и в некоторых других гимнах времен империи. Легкий путь синкретизма (и возможно, естественное стремление к преувеличению достоинств бога) привел людей к возвышению власти Амона-Ра или какого-либо другого бога, охватывающего целый мир, без необходимости даже предполагать, что другие божества при этом не обладают юрисдикцией и властью в своих сферах. Отрицая божественность всех, кроме Атона и фараона, атонизм сделал более значительный шаг к монотеизму, чем ранняя египетская религия; но выражение «монотеистический», которое буквально предполагает существование только одного бога, можно легко найти в религиозных текстах, созданных как до, так и после ереси Эхнатона. Примеры таких текстов можно найти в J.B.Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts*, pp.365-69. «Гимн Атону» переведен там же, pp.370-72.

³⁷ John A. Wilson, *The Burden of Egypt*, pp.206-8.

Фонды Британского музея (Trustees of the British Museum).

Генеральное управление древностей, Египетский музей (Director-General of Antiquities, Egyptian Museum), Каир.

Главное управление античности и египтологии (Soprintendenza alle Antichità-Egittologia), Турин.

НАСТРОЕНИЯ ЕГИПТА

Различия в египетском искусстве могут быть продемонстрированы этими тремя резко отличающимися портретами. Самонадеянная улыбка Аменхотепа III (1417—1379 гг. до н.э.) (вверху слева), превратившаяся в следующем поколении в грустное размышление на лице его сына и наследника Эхнатона (1380—1362 гг. до н.э.) (вверху справа), а менее чем через столетие перешедшая в намеренно архаичное изображение Рамсеса II (1290—1223 гг. до н.э.) (внизу слева), эффективно символизирует трансформацию египетских взглядов на религиозную революцию Эхнатона. Твердую уверенность в имперском превосходстве Египта над всем миром можно прочитать на портрете Аменхотепа, тогда как лицо Эхнатона выражает его приверженность непреходящей истине, а самоуглубленная отстраненность фигуры Рамсеса выражает добровольный уход египтян в собственное прошлое — уход, который стал наиболее ярко выраженным ко времени увядания их империи.

гии были так грубо утеснены, не успокоились, пока следы религии, которую они расценивали как иностранную и подрывную, не были искоренены в Египте³⁸. Армия достаточно легко заключила мир с реакцией. По крайней мере, когда командующий армией Хоремхеб узурпировал трон (1349 г. до н.э.), то он обратил свое внимание на спасение наследия империи в Азии, оставив домашние дела полностью в руках жрецов Амона и их союзников.

С тех пор, хотя официально фараон оставался богом, он стал богом-марионеткой, а веревочки держали в руках жрецы Амона. Было невозможно приступить ни к какому важному предприятию без совета оракула Амона, так что жрецы, интерпретировавшие ответы оракула, приобрели громадное влияние. Армия оставалась уравнивающей силой в государстве, и время от времени между жрецами и воинами происходили трения. Однако в целом господствовали жрецы. Отныне официальные усилия были направлены на сохранение старых форм и подавление всех новшеств, особенно тех, которые пахли иностранщиной.

Культурные изменения, сопровождавшие атонистический переворот, не получилось так легко искоренить, а возможно, противники атонизма, хотя и свергли его, не хотели уничтожать полностью. Крайности ушли из искусства, и произошел частичный возврат к более старым традициям. Некоторые более свободные стили, процветавшие во время Эхнатона, продолжали существовать, а новая иероглифика использовалась в литературе и надписях на монументах. Но в целом уровень художественных достижений снизился. Гигантизм в скульптуре и архитектуре вытеснил тонкое мастерство, особенно при Рамсесе II (1290–1223 гг. до н.э.), когда слава империи целенаправленно возрождалась, несмотря на то что в это же время Египет потерял свою прежде неоспоримую власть в Азии и разделил ее с такими своими противниками, как хетты и ассирийцы.

После окончательной потери всех своих завоеваний в Азии (ок. 1165 г. до н.э.) в Египте произошли некоторые ощутимые изменения. По мере того как страна опускалась до положения второразрядного государства, а торговля все больше переходила в руки иностранцев, египтяне все больше обращали свой взгляд на самих себя и свое прошлое. Архаизм нашел свое выражение в преднамеренной (иногда мастерской) имитации стиля Древнего Царства в архитектуре, скульптуре и живописи. Кроме того, менее заметно – как бы под поверхностью происходящего – в культуре Египта наблюдаются

³⁸ Новые бригады каменотесов были брошены на уничтожение имени Атона, так же как раньше они уничтожали имя Амона. Дворец Эхнатона и храмы были разрушены, а его новая столица была покинута навсегда. Археологи имели огромные преимущества при раскопках относительно неповрежденного города, когда начались работы в Тель-эль-Амарне, где располагалась столица Эхнатона.

важные изменения. Некоторые сохранившиеся надписи позволяют предположить усиление личной набожности, выражение личной признательности или покаяния определенному индивидуальному богу. Бессмертие было демократизировано – единственным условием блаженной загробной жизни стала готовность применять соответствующие заклинания и магические формулы, написанные и вложенные в гроб человека, чтобы дать ушедшей душе необходимую защиту от опасностей потустороннего мира³⁹. Такому развитию можно найти аналогии с более индивидуалистическим взглядом на мир, который в то же время нашел свое выражение и в Вавилоне. Но традиционное благочестие допустило намного более слабые изменения в Египте по сравнению с Месопотамией. Египетская доктрина, в отличие от доктрины Вавилона, предложила блаженство бессмертия как утешение для уставших от мира, и эта надежда поддерживала египтян даже в трудные времена.

3. ЗЕМЛИ МЕЖДУ ЕГИПТОМ И МЕСОПОТАМИЕЙ

Период с 1700-го по 1200 г. до н.э. – век колесниц и феодальных империй – увидел слияние месопотамских, египетских и эгейских культурных влияний в прибрежных областях Леванта. Это был интернациональный век, когда цари обменивались богатыми подарками, создавали различные союзы, выдавая замуж своих дочерей и регулярно переписываясь друг с другом, используя аккадскую клинопись. Даже надменные египтяне вели дипломатическую переписку и хранили архивы, используя аккадскую клинопись.

Вдали от столиц при милостивом покровительстве всевластных царских дворов возникли полусамостоятельные стили искусства и литературы. Раскопки на месте столицы хеттов в Анатолии, например, открыли тяжелый, несколько топорный скульптурный стиль, безошибочно указывающий на месопотамские прототипы. Но хеттские скульпторы не смогли преодолеть стадию грубого, энергичного и по-своему обаятельного ученичества. Они все еще боролись с техническими проблемами ваяния каменных скульптур и только начинали избавляться от влияния иноземных моделей, когда нашествие XII в. до н.э. сокрушило власть их царских покровителей. После этого хеттское искусство растворилось среди менее развитых провинциальных стилей⁴⁰. Хеттская литература также значительно идейно зависела от

³⁹ См. J.B.Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts*, pp.34-36, 380-81.

⁴⁰ См. иллюстрирующую этот вопрос коллекцию фотографий в Margarete Riemschneider, *Die Welt der Hethiter* (Stuttgart: Gustav Killper Verlag, 1954).

месопотамских образцов и использовала клинописное письмо, которым хеттские писцы записывали мифы о своих родных богах на родном языке⁴¹.

О культуре Митанни можно сказать довольно мало, пока не будет найдена столица их царства и там не будут произведены раскопки, но несколько замечательных образцов скульптуры, особенно изображения животных, показывают связь с поздним ассирийским искусством⁴².

Никакой подобной стилистической независимости не возникло ближе к центру Среднего Востока. Сирийское искусство II тыс. до н.э. предложило удивительно разноликую смесь из египетских, эгейских и месопотамских элементов, в которых не видно ни стилистической целостности, ни искусного мастерства⁴³. Сирийская литература этого периода достигла гораздо большего. Глиняные таблички, найденные на месте древнего Угарита (около современного Бейрута), покрыты записями эпических циклов о деяниях богов, царей и героев. Эти поэмы напоминают определенные месопотамские мифы, но в деталях они своеобразны и характерны именно для Сирии, а стихосложение во многом превосходит более поздние еврейские псалмы⁴⁴.

В XIV в. до н.э., когда записывались эти таблички, город Угарит был космополитическим торговым центром. Здесь использовались по крайней мере шесть иностранных способов письма – аккадский, шумерский, хеттский, хурритский, египетский и кипрский. Местным писцам было трудно не запутаться в таком многообразии письменностей, каждая из которых использовала несколько десятков, а то и сотен знаков. Это требовало упростить систему написания, и писцы Угарита с честью решили эту задачу. Испытывая множество иностранных влияний и не имея местных литературных традиций, они свободно экспериментировали с радикальным упрощением, достаточным для тривиальных задач записи коммерческих контрактов и других утилитарных документов на местном семитском наречии. В результате угаритские писцы уменьшили число знаков, требуемых для записи их родного языка, до тридцати. Этот процесс был далеко не уникальным для Угарита – по всей середине Плодородного Полумесяца подобная систе-

⁴¹ Переводы можно найти в J.B.Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts*, pp.120-28.

⁴² См. Albrecht Götte, *Hethiter, Churriter, und Assyrier*, pp.183-85.

⁴³ См. Henry Frankfort, *The Art and Architecture of Ancient Orient*, pp.139-63.

⁴⁴ Таблички, найденные в Угарите, вызвали огромный интерес ученых, поскольку они дают наиболее полное – даже единственное – описание природы ханаанской религии плодородия, которая в последующие века конкурировала с культом Яхве у евреев. Переводы см. в J.B.Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts*, pp.129-55; Cyrus H.Gordon, *Ugaritic Literature: A Comprehensive Translation of the Poetic and Prose Texts* (Rome: Pontificium Institutum Biblicum, 1949). Для обсуждения см. G.A.S.Kapelrud, *Baal in the Ras Shamra Texts* (Copenhagen: G.E.C.Gad, 1952).

ма упрощения записи была принята для различных языков в этот же период⁴⁵.

Такие упрощенные системы письма позволили грамотности распространиться среди более широких слоев населения, чем раньше. Это было фундаментальное изменение, вызвавшее важные сдвиги в структуре и жесткой организации общества в целом. Пока для овладения искусством письма требовались долгие годы усилий, овладевший им студент мог рассчитывать на преуспевание до конца жизни. А кто же еще сохранит мудрость прошлого? Кто сбережет заветные людские и божественные тайны от любопытных? Только редкий выпускник такой школы писцов, потратив годы на учебу, мог сохранить способность мыслить свежо или задавать вопросы об идеях, так непостижимо связанных с этими сложными значками.

Эти иерархические ценности не нужны были людям, рассматривавшим грамотность как полезный инструмент при учете повседневных дел. Подобно древней шумерской клинописи, которая возникла из символов для счета, во II тыс. до н.э. упрощенные азбуки долго использовались лишь для коммерческих или других практических целей. А собственно литературные тексты вплоть до X в. до н.э. хранили верность священной сложности старой письменности.

Второе важное изменение в механизме грамотности произошло к концу II тыс. до н.э. – это было использование папирусных свитков или шкур животных и, возможно, также других материалов, таких как восковые таблички или деревянные дощечки, в качестве общепринятого материала для написания⁴⁶. В этом процессе Египет занимал ведущее положение. Папирус-

⁴⁵ Тридцать знаков можно было выучить так же просто, как современный алфавит, но только различие между гласными определить было не так-то легко, и этот пробел должен был быть восполнен читателем, исходя из его знания языка. Это было не труднее, чем разбираться со сложностями английского правописания.

В более отдаленных регионах – Эламе, Северной Месопотамии и Анатолии – писцы также двигались к упрощению и исключению многих слов-знаков, заменяя их на слоговые символы. Только в центре Месопотамии и Египте сохранялся старый сложный метод записи. См. Ignace J. Gelb, *A Study of Writing* (Chicago: University of Chicago Press, 1952), pp.120-47. Усилия определить более точно время и место возникновения самого раннего «протосемитского» алфавита пока безрезультатны. См. David Diringer, «Problems of Present Day on Origin of the Phoenician Alphabet», *Cahiers d'histoire mondiale*, IV (1957), 40-58. Диринджер считает Палестину и Сирию времен гиксосов (1730-1580 гг. до н.э.) наиболее вероятным местом возникновения семитского алфавита.

Долгое время эти семитские записи обычно считались алфавитными. Эту точку зрения изменил Гелб в работе «Изучение Письма» (*A Study of Writing*). Гелб полагает, что они были на самом деле слоговыми и что первый настоящий алфавит изобрели греки. См. Marcel Cohen, *La Grande invention de l'écriture et son évolution* (Paris: Imprimerie nationale, 1958), I, 138-43.

⁴⁶ Глиняные таблички продолжали использоваться в Месопотамии до I в. н.э., но задолго до этого менее громоздкие, но более тленные материалы стали доминировать даже в Месопотамии, полностью вытеснив клинопись на ее окраинах.

ные свитки изготавливали и использовали для написания со времен Древнего Царства⁴⁷, а специальная форма рукописного шрифта иероглифов была выработана в соответствии с удобством движения руки с кистью. Недолговечность папирусных свитков затрудняет ответ на вопрос: как быстро запись рукописным шрифтом распространилась за пределы Египта? Тем не менее дошедшие до нас надписи на глиняных черепках показывают, что к 1300 г. до н.э. записи рукописными шрифтами уже существовали в Палестине и Сирии. Использование глиняных черепков для записи совершенно обычных событий может говорить о том, что грамотность распространилась и на низшие ступени социальной лестницы⁴⁸.

Но было бы ошибочным предполагать, что во II или даже в I тыс. до н.э. упрощение письменности внезапно изменило жизнь и сознание Среднего Востока. Без сомнения, финикийские и арамейские купцы вели записи для учета своих дел – но так же поступали и вавилоняне за тысячу лет до них. Грамотность продолжала оставаться доступной главным образом консервативно мыслящим жрецам и писцам. Хотя и не только. В длительной перспективе оказалось достаточно нескольких исключительных событий, чтобы изменить культурные очертания Среднего Востока. Когда письменность стали использовать для увековечивания мыслей пророков и мятежных личностей, чьи высказывания выходили далеко за установленные и разрешенные рамки, в традиционном благочестии и образовании высвободился мощный и многосторонний фермент. Прежние пророчества и протесты, критика существующих традиций, радикальные суждения о справедливости могли породить беспорядки, ограниченные во времени и местности, поскольку их прямое влияние было ограничено дальностью распространения голоса и памятью непосредственных слушателей. Но когда такое излияние чувств было записано, яростная поэзия Амоса, Иеремии, Исайи или Заратуштры приобрела невообразимо усиленное резонансное звучание, получила возможность воздействовать на бессловесные миллионы людей всего окружающего мира способом, совершенно непредусмотренным теми, кто так страстно проповедовали и пророчествовали. Если бы письменность оставалась монополией привилегированной клики, гневные слова пророков, которые так вольномысленно атаковали устоявшиеся обычаи, никогда бы не были записаны. Таким образом, демократизация образования, выразившаяся в упрощении знаков письменности, должна рассматриваться как великий поворотный пункт в истории цивилизации.

⁴⁷ Stephen R.K.Glanville, *The Legacy of Egypt* (Oxford: Clarendon Press, 1942), p.137.

⁴⁸ W.F.Albright, *From Stone Age to Christianity*, pp.192-93.

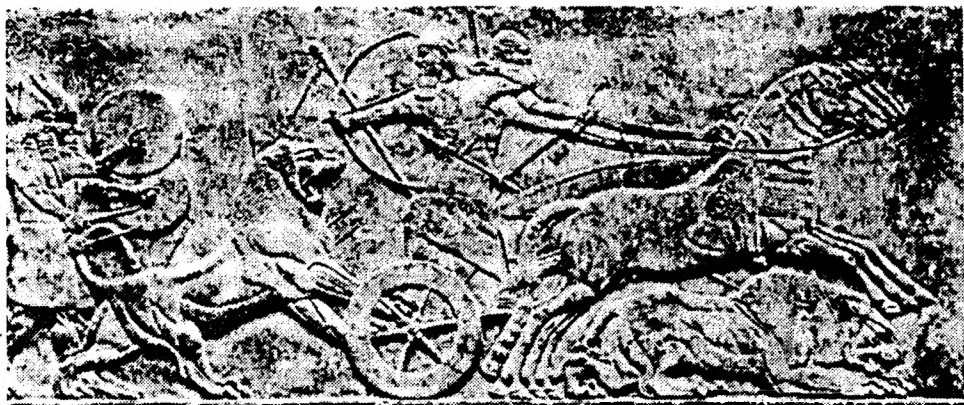
Варварские нашествия в XIII–XI вв. до н.э. вывели на культурную сцену Среднего Востока несколько важных изменений. Сирия продолжала оставаться плавильным тиглем региона, и когда города Финикии стали господствовать в морской торговле Средиземноморья, ремесленники Тира и Сидона начали выпускать металлические изделия, представлявшие собой смесь слабо усвоенных мотивов и стилей, почти таких же, какие были характерны для их ремесла за два или три столетия до того. Так же как и в более ранние времена, основные новые стили в искусстве были порождением царского двора.

В XIII в. до н.э. в ассирийском искусстве возникли характерные особенности, которые выдержали испытания временем на протяжении всего имперского периода. Тонкое мастерство в изображении животных, особенно львов, а также мастерское использование пространства между фигурами, чтобы сконцентрировать внимание на главных действующих лицах сцены, можно увидеть на некоторых изображениях, выгравированных на ранних печатях. Позднее, когда ассирийские цари искали возможности прославить свое величие строительством дворцов и даже основанием совершенно новых городов, скульпторы успешно перенесли эти традиционные миниатюры на полноразмерные резные барельефы из камня. Эти барельефы были и особым видом исторического документа. Сделанные по особому случаю, они, как правило, изображали определенные сцены военных походов или охоты, а необычные пейзажи и ландшафты служили напоминанием о личных великих делах монарха, ищущего славы. Некоторые сцены живо воспроизводят ярость и смятение военных схваток, но главное достоинство ассирийского искусства – это изображение сцен охоты, на которых удивительно переданы и гордость охотника, и сила, и страдание раненных животных. Ассирийская дворцовая скульптура была светским искусством. Поэтому она была независима от старых месопотамских традиций; никакие благочестивые прецеденты и древние модели не ограничивали художников, достигавших высочайших вершин искусства⁴⁹.

И все же рамки ассирийских культурных нововведений были очень узки. Литературные записи показывают, что могучие цари на барельефах в то же время были заложниками жрецов, которые, выступая охранниками древних

⁴⁹ Мотивы из других художественных традиций – например, египетский крылатый солнечный диск как эмблема божественности – также иногда использовались, хотя и были полностью поглощены новым, энергичным и реалистичным стилем.

В этом рассуждении об ассирийском искусстве я опирался на свои глаза и на работу Henri Frankfort, *Art and Architecture of the Ancient Orient*, pp.65–105.

Институт востоковедения, Чикагский университет (Oriental Institute, University of Chicago).

Фонды Британского музея (Trustees of the British Museum).

ЦАРИ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ

Сочувствие, проявленное Мильтоном (в «Потерянном рае») к сатане, похоже, может найти здесь прецедент в чувствах безымянных ассирийских скульпторов, изобразивших мощь и страдание львов, жертв охоты их царственных господ. Такие выезды были заменой войны и в то же время подготовкой к ней, о чем нам напоминает присутствие двух солдат-пехотинцев на верхнем рисунке.

традиций и интерпретаторами оракулов, контролировали деятельность монархов до мельчайших подробностей⁵⁰. Ассирийские жрецы, похоже, были так же могущественны в государстве, как и их современники в Вавилоне, и были столь же настроены на сохранение прошлого, которое, если еще не умерло, то наверняка угасало⁵¹.

На власть жрецов может указывать тот факт, что ассирийские монархи, являясь создателями такого рационального и мощного государства, какого еще не видел мир, тем не менее старались благочестиво сохранить малейшую йоту и титул религии и учения, доставшихся в наследство от Шумера и Вавилона. Действительно, многие литературные и религиозные доктрины известны только благодаря ассирийским копиям, систематически собиравшимся царскими писцами и библиотекарями. Число новых произведений было скудным. Только царские анналы, зародыш исторической литературы, выходили за рамки древних литературных прецедентов, при этом позволив современным ученым реконструировать ассирийскую хронологию с точностью, недостижимой для более ранних периодов. Что касается остального, то ассирийские литература, религия и наука полностью разделяли консерватизм Вавилона того времени.

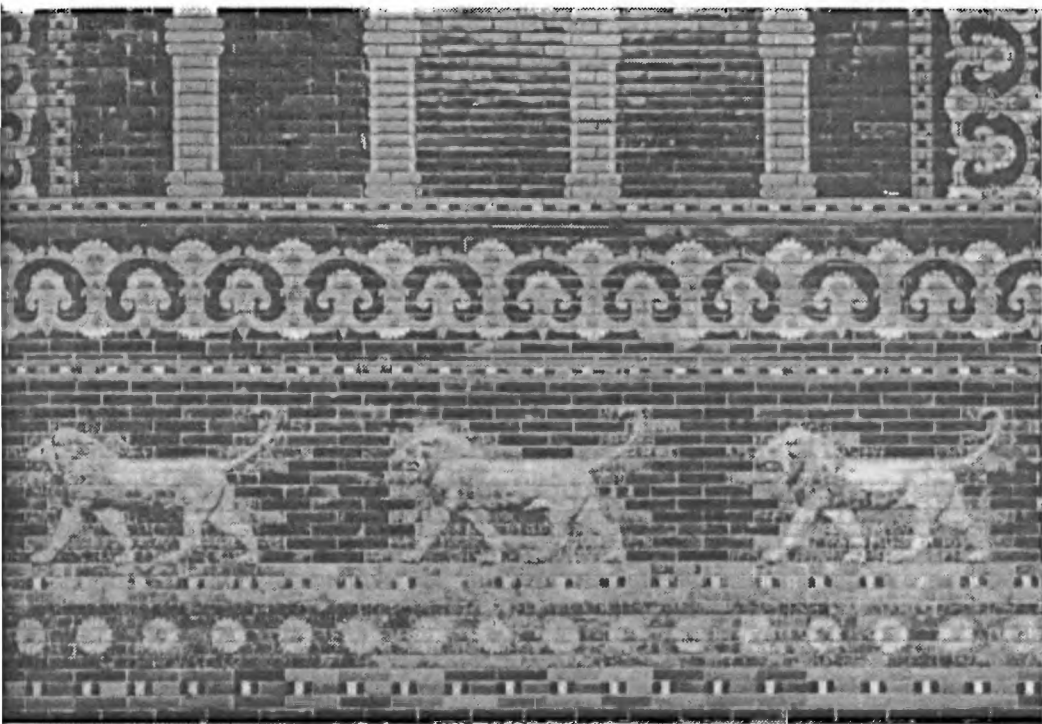
Когда халдейские правители Вавилона поделили с мидийцами главенство на Среднем Востоке, древняя столица пережила короткий период возобновившегося величия. Возрожденное имперское могущество города было полностью отражено в искусстве. Навуходоносор (604–562 гг. до н.э.), подобно своим ассирийским предшественникам, возводил огромные монументальные здания и построил для себе великолепный дворец. Нижняя часть стен дворца Навуходоносора, которая только и уцелела до наших времен, украшена яркими, покрытыми глазурью плитками, из которых выложены рельефные фигуры. Мы не можем сказать, совпадают ли эти фризы с более старыми вавилонскими образцами, поскольку внешняя отделка монументальных строений более раннего времени не сохранилась⁵².

Персидское искусство, наиболее выразительным из доживших до нашего времени образцом которого служит дворец Дария в Персеполисе, было более суровым. Существенное сходство с ассирийским придворным искусством очевидно, хотя старые сюжеты и символы переродились в нечто но-

⁵⁰ Henri Frankfort, *Kingship and the Gods* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), pp.253-55.

⁵¹ В имперский век культ Ашшуря едва ли отличался от культа Мардука и был явно смоделирован на основе вавилонского культа.

⁵² Фантастические животные, которые составляют главный элемент как фриз дворцов Навуходоносора, так и храмов, во всей композиции, похоже, полностью соответствуют духу Древнего Шумера.

Музей Передней Азии, Городской музей Берлина (Vorderasiatisches Museum, Staatliche Museen zu Berlin).

СТЕНЫ ВАВИЛОНА

Эти чудесные львы украшали стены дворца Навуходоносора в Вавилоне. Эта часть стены сохранилась под грудой обломков верхних этажей после ранней гибели его империи и дворца. Облицовка из разноцветного, покрытого глазурью кирпича издавна была присуща месопотамской архитектуре, но лишь произошедшая с дворцом Навуходоносора катастрофа позволила глазам наших современников снова насладиться блеском, который сиял там, где сегодня осталась лишь пыльная груда битого кирпича.

вое. Особенности этого искусства частично зависят от использования персами новых элементов, таких как колонны, так выразительно вздымающиеся над руинами Персеполиса⁵³. Важно также, что художники Персидской империи старались показать мощь и достоинство великого царя не через обычные доблестные подвиги, как это делали ассирийцы, а символически представляя абстрактную взаимосвязь между государем и его подданными в статичных, но иногда удивительно гармоничных композициях. Художники из Ионии и других областей империи работали во дворце в Персеполисе, и несмотря на разноплеменность, их совместное творение оказалось образцом божественной уравновешенности, наполненным особым духом Персии⁵⁴.

Как и ассирийцы, персы в период империи не были пассивными наследниками старых религиозных литературных традиций. Ассирийская культура датируется III тыс. до н.э., когда возник город Ашшур как аванпост шумерской цивилизации, и до падения своей империи ассирийцы сохраняли почтение к Вавилону и к югу, где находились истоки их культуры. Напротив, когда персы завоевали Средний Восток, они только-только вышли из состояния варварства. Персы не имели письменности до времен Кира, и самый ранний персидский шрифт – упрощенная клинопись – никогда не стал средством записи значительных литературных произведений.

Одной из причин, сдерживавших развитие персидской литературы в эпоху Ахеменидов (550–330 гг. до н.э.), было широкое использование ими арамейского языка для письменного общения. Этот семитский язык, вошедший в цивилизованный мир в XII в. до н.э. и принявший в качестве письменности упрощенный алфавит, подобный финикийскому, во времена Ассирийской империи заменил аккадский в качестве языка межнационального общения на Среднем Востоке. Испытывая недостаток в писцах, знавших персидский, Ахемениды использовали арамейский как наиболее подходящий для управления своими отдаленными территориями и оставили за своим родным языком лишь роль средства бытового устного общения.

Поэтому персидская литературная традиция ассоциируется не со двором Ахеменидов, а с религиозным движением, связанным с именем Заратустры (Зороастра). Однако Авеста, священное писание зороастризма, не была записана в своем нынешнем виде до периода между IV в. и VI в. н.э. До этого времени священное писание прошло процесс сложной эволюции,

⁵³ Такие колонны могут представлять собой перенесение в камень мотива ствола дерева, использовавшегося в первобытной архитектуре.

⁵⁴ Henri Frankfort, *Art and Architecture of the Ancient Orient*, pp.215-33.

стадии которого нам совершенно неизвестны. Только маленький фрагмент Авесты, «Гаты», был сочинен до или в VI в. до н.э.⁵⁵ «Гаты», возможно, происходят от тех стихов, которые декламировал перед слушателями Заратуштра, но их язык настолько полон грамматических неопределенностей, что современные переводчики испытывают трудности в поисках смысла некоторых отрывков и не могут передать литературную силу оригинала⁵⁶.

Как бы то ни было, стихи Заратуштры были важны скорее с религиозной, чем с литературной точки зрения. В этом они были порождением своего времени, поскольку трансформация религиозного сознания, полностью вышедшая на авансцену в VI в. до н.э., далеко превзошла по своему значению все другие культурные достижения Древнего Среднего Востока.

4. ЗОРОАСТРИЗМ И ИУДАИЗМ

С шумерских времен культурная жизнь Среднего Востока была поляризована между духовным и мирским, между храмом и дворцом, жрецом и придворным. На протяжении II тыс. до н.э. важные культурные достижения были светскими, в то время как религия оставалась твердыней консерватизма и застоя. I тыс. до н.э. представляло противоположную картину, когда религиозные нововведения этого времени заслонили самые великолепные достижения придворных художников. Религиозные доктрины, получившие мировое признание и связанные с именами Заратуштры и еврейских пророков, продолжали существовать долго после того, как великолепные дворцы Ниневии и Суз превратились в руины и имена их царственных творцов были забыты.

В Египте и Месопотамии жесткий консерватизм продолжал господствовать во всех областях, связанных с религией. Однако на окраинах цивилизованного мира никакая глубокая приверженность к древним обычаям не сковывала мысль, и в некоторых землях, где смешивались соперничающие культурные традиции, мыслящие умы пытались ответить на великий вопрос о том, что есть человеческая судьба и что есть бог. Одним из таких мест была Восточная Персия, где встретились месопотамское и индийское влия-

⁵⁵ Jack Finegan, *The Archaeology of World Religions* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952), pp.75-76, 110, 113. Остальная часть Авесты создавалась в более позднее время, и в целом весь свод развивался до своей настоящей формы во время владычества парфян (250 г. до н.э. – 229 г. н.э.) частично во время сасанидской (229-651 гг.) эпохи истории Персии.

⁵⁶ James Hope Moulton, *Early Religious Poetry of Persia* (Cambridge, 1911), pp.80-85. Английский перевод «Гат» можно найти в J.H.Moulton, *Early Zoroastrianism* (London: Williams & Norgate, 1913), pp.344-90.

ние и возник зороастризм. Вторым регионом был Израиль, где противостояли друг другу египетская и месопотамская цивилизации и где приобрел свою форму иудаизм. Третьим, менее важным и менее известным регионом была Малая Азия, где встретились и слились месопотамская и эгейская культуры и возник культ Орфея. История орфизма настолько темна и неясна, что лучше не обсуждать это учение, а лишь указать, что в центре этой религии стояли очистительные обряды, призванные обеспечить загробную жизнь⁵⁷. Зороастризм и иудаизм заслуживают более пристального внимания.

Происхождение зороастризма спорно. Далекие предшественники мидийцев и персов периода империи исповедывали, похоже, некоторые древние формы религии, определяемой как Ригведа, включавшей в себя культ неких воплощений природных сил и духов, покровительствовавших отдельным ремеслам и местностям⁵⁸. Когда персы перешли к более оседлому, сельскохозяйственному образу жизни и культурное влияние Месопотамии стало более интенсивным, их старая религиозно-нравственная система, выработанная для более суровых пастушеских форм жизни, с трудом справлялась с новыми условиями. Возможно, это открыло путь принятию зороастризма среди иранцев во время Ахеменидов⁵⁹.

Мы не знаем почти ничего определенного об историческом Заратуштре. Когда он жил и где проповедовал – мнения об этом расходятся очень сильно, и даже взаимоотношения между зороастризмом и религией ахеменидских монархов – предмет спора. И только в одном достигнуто согласие – мысль Заратуштры, а иногда и его собственные слова, сохранились в «Гатах». Однако многочисленные неясности и несистематизированный характер этих стихов затрудняют интерпретацию.

Тем не менее слова Заратуштры сохранились. В одном из своих стихов он упоминает свое обращение в веру, во время которого Ахурамазда (иначе Ормузд, т.е. бог мудрости) впервые поведал ему истину веры⁶⁰. Главная тема этого наставления отражена в следующей цитате:

«Я назову то, что наисвятейший поведал мне, словом, которому смерт-

⁵⁷ См. вероятную характеристику мегалитической религии, обсуждавшейся выше.

⁵⁸ Приблизительно сравнимые религиозные идеи были, похоже, общими для многих индоевропейских племен и могли развиться из более ранних форм варварской религиозности как результат косвенного контакта с пантеоном Древнего Шумера, чьи боги бури, солнца и неба не случайно подобны арийским, греческим и другим индоевропейским божествам.

⁵⁹ Eduard Meyer, *Geschichte des Altertums* (Stuttgart: J.C.Cotta, 1910), III, 101 применил эпитет «сельскохозяйственная» к религии Заратуштры; ясно, что пророку нечего было сказать пастушеским ордам, которые грабили оседлые поселения на восточных окраинах Ирана (где, возможно, жил Заратуштра). Иногда Заратуштра ставил знак равенства между силами зла и ордами кочевников.

⁶⁰ Yasna 43:11.

ным лучше повиноваться. Он, Ахурамазда, сказал: «Те, кто по слову моему воздадут ему (Заратуштре) послушанием, достигнут благоденствия и бессмертия силою доброго духа...

В бессмертии да будет душа праведных радостной, да будут вечностью мучения лжецов. Так волею своею установил Ахурамазда»⁶¹.

Покорность Заратуштре и Ахурамазде состояла из соблюдения скромных культовых обрядов, в которых возглашение гимнов и молитв занимало главное место, тогда как кровавые жертвы были прямо запрещены. Но церемониальный аспект религии, который распространился повсюду в более позднее время, не акцентировался в «Гатах». Упор делался на том, как себя вести в этом мире. Заратуштра призывал своих последователей к борьбе, при необходимости с оружием в руках, против последователей Лжи, т.е. против сторонников нереформированной языческой религии и сил зла вообще. Его концепция Ахурамазды была абстрактной и возвышенной:

«Тот, кто изначально подумал: «Да исполнятся благословенные просто-ры светом», тот своей мудростью создал правду... Я постиг тебя, о Мазда, в моих мыслях ты, который первый и последний, – ты отец доброй мысли... и также бог-судия дел жизни»⁶².

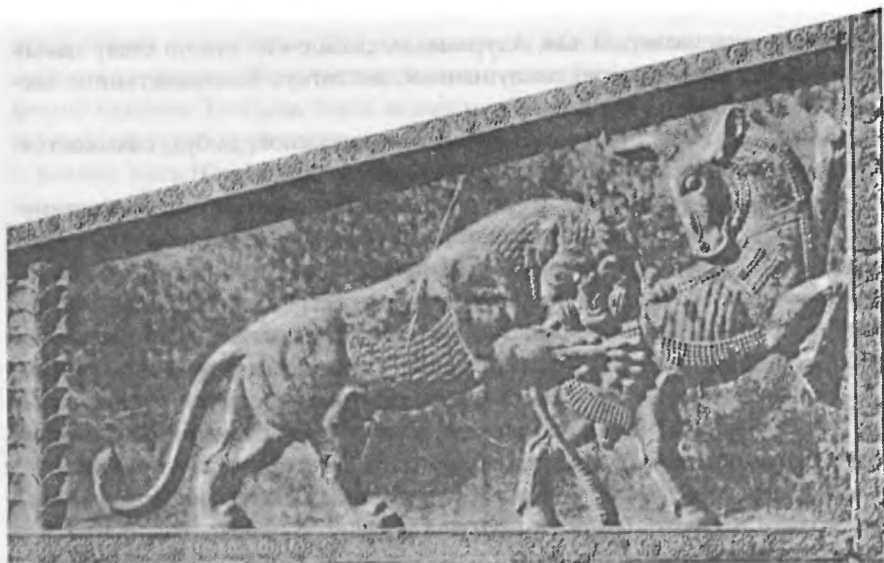
Однако Заратуштра не верил, что мир – то место, где истина и добродетель правят в соответствии с желанием Ахурамазды. Наоборот, он рассматривал Вселенную как сцену, где ведут борьбу добро и зло. Практическая сила проповедей Заратуштры состояла в том, чтобы побудить людей поддерживать добро и жить жизнью, одухотворенной ангелоподобными духами-персонификациями – доброй мыслью, правдой и другими, которых Ахурамазда создал, чтобы они помогали ему в его борьбе с ложью. Человеку, избравшему добро и действовавшему праведно, Заратуштра обещал процветание в этой жизни и бессмертие после. Он также, видимо, проповедовал о пришествии судного дня, когда силы Ахурамазды одержат окончательную победу, после чего поток расплавленного металла очистит землю и силы зла будут низвергнуты, чтобы вечно терпеть страшные муки.

Один элемент послания Заратуштры явно выпадает из общей гармонии его абстрактной теологии – это отношение к скоту. Без сомнения, корни особенности его учения тянутся из далеких первобытных времен, когда жизнь персидских племен вращалась вокруг их стад⁶³. Но такие пережитки

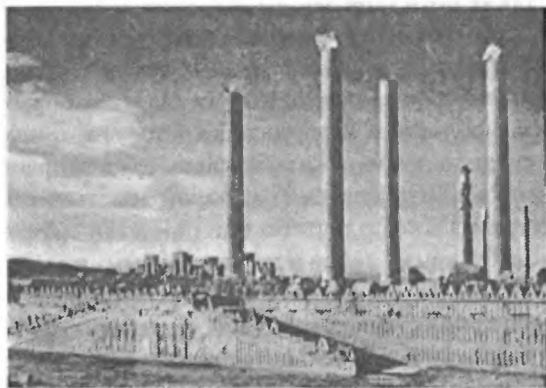
⁶¹ Yasna 45:5-7. Эта и дальнейшие цитаты также взяты из перевода «Гат» в Moulton, *Early Zoroastrianism*, pp.344ff.

⁶² Yasna 31:7-8.

⁶³ Например, в одном из стихов Заратуштры, душа быка молит Ахурамазду защитить крупный рогатый скот на земле от ярости людей и демонов. Ахурамазда предлагает проповедь Заратуштры как средство уменьшить несправедливости, от которых страдала душа быка. Сна-

Институт востоковедения, Чикагский университет
(Oriental Institute, University of Chicago).

КОЛОННЫ ПЕРСЕПОЛИСА

Даже в виде развалин дворцы Дария кажутся величественными и впечатляющими. Величавое спокойствие скульптурных фризів контрастирует как с пронзительной яростью схватки, характерной для ассирийского дворцового искусства, так и с цветистой узорчатостью глазурованных кирпичей Навуходоносора. Даже когда скульпторы Дария решали заполнить какой-нибудь угол знакомым месопотамским сюжетом со львом, нападающим на свою жертву (который здесь можно увидеть на парадной лестнице, а также крупным планом выше), они придавали своей композиции геральдический характер, внося новый и непохожий ни на что ранее известный персидский акцент даже в заимствованные формы искусства. Крылатая фигура ниже слева представляет верховное божество Заратуштры — Ахурамазду. Скульптор стремился изобразить Ахурамазду, который сам являлся отклонением от строгого зороастризма, используя древний месопотамский (возможно, в конечном счете даже египетский) мотив крылатого солнечного диска.

представляют собой исключение. В большинстве случаев Заратуштра решительно и намеренно порывает с религиозными обрядами своего времени. Различные пассажи в «Гатах» осуждают языческие религиозные обряды, такие как кровавые жертвы и ритуальное пьянство⁶⁴, но Заратуштра никогда не предполагал, что таким осуждением он только очищает старые религиозные традиции. Он ненавидел богов старого персидского пантеона, которых поместил среди духов зла, служащих лжи. Он видел самого себя основателем новой религии, вдохновленным самим Ахурамаздой и руководимым Доброй мыслью и другими ангелами⁶⁵.

Хотя религия Заратуштры никогда широко не распространялась за пределы обитания персидского народа, ничто в его учении не делало такое развитие событий неизбежным, наоборот, он адресовал свое послание всему человечеству. Пророк, например, умоляет Ахурамазду открыть божественный план претворения мира и «дать мне язык из твоего рта, чтобы я мог обращать всех живущих людей»⁶⁶. Ни народ, как это было у ранних еврейских пророков, ни отдельный человек не были для Заратуштры религиозной единицей измерения – он имел дело со всем миром как со сценой, на которой разыгрывалась божественная драма.

Универсалистские аспекты учения Заратуштры позволяют предположить, что он жил в то время, когда ослабевали племенные связи, когда знания о большом мире проникали в персидские нагорья и когда мифы и ритуалы традиционной религии перестали удовлетворять потребности чувствительных и пытливых умов. Общая сложность, нравственная взыскательность, абстрактность и всеобщность доктрины Заратуштры предполагают более позднюю датировку, возможно, VI в. до н.э., когда мидийцы и персы находились под беспокоящим влиянием месопотамской цивилизации и, по крайней мере частично, подвергались влиянию универсалистских и индивидуалистских тенденций цивилизованного мира того времени⁶⁷.

чала душа быка не удовлетворена «бездейственными словами бессильного человека... когда я желаю кого-нибудь, кто приказывает мощно», но умиротворяется, когда Заратуштра молится о доброй жизни и мире для быков: «О Ахура, теперь помоги нам, мы готовы во всем служить тебе» (Yasna 29:1-11). Это может быть интерпретировано как метафорическое описание концепции Заратуштры о его миссии – защищать мирных мужей и их стада от грабителей кочевников. Отрывки из «Гаты» подобны эху из очень отдаленного прошлого, а образ души быка напоминает духов животных из палеолитического искусства.

⁶⁴ Например, Yasna 32:12 и 44:20.

⁶⁵ В его полном отрицании старой веры, а также и в некоторых других аспектах его мысли – т.е. в материальных и духовных формах, в которых он представляет себе награды за покорность Ахурамазде, – Заратуштра явно напоминает Мухаммеда.

⁶⁶ Yasna 31:3.

⁶⁷ Учение Заратуштры явно было сформулировано до правления Дария, взойшедшего на престол в 522 г. до н.э., поскольку уже одна из ранних надписей Дария использует зороастрий-

Если Заратуштра проповедовал во времена Кира, когда персидская власть быстро распространилась над уже полностью цивилизованным миром, новая религия должна была все еще сохранять силу откровения, чтобы Дарий и Ксеркс приписывали свою власть воле Ахурамазды. Мы не можем сказать, насколько широко персидский народ принял зороастризм; возможно, сначала это была вера узкого круга аристократов и придворных. Если так, то положение новой религии было весьма шатким – среди Ахеменидов только Дарий и Ксеркс использовали откровенно зороастрийский язык для своих надписей. В более позднее время мидийские жрецы и маги, которые не признавали и резко отрицали некоторые доктрины Заратуштры, стали играть значительную роль при дворе. Позднее под влиянием месопотамских идей началась дальнейшая модификация религии при персидском дворе. Царь Артаксеркс II (404–359 гг. до н.э.), например, ввел культ статуй в храмах, что было несовместимо как с зороастризмом, так и с убеждениями магов.

Все же эти изменения не стали полным отказом ни от зороастризма, ни от Ахурамазды. Скорее это был ряд компромиссов, направленных на то, чтобы привить некоторых древних богов к древу зороастрийской теологии таким довольно необычным способом⁶⁸. Например, Митра, бог солнца из старого персидского пантеона, стал посредником между человечеством и трансцендентным и бестелесным Ахурамаздой, тогда как Анахита, изначально связанная с реками и водой, была неуклюже включена в зороастризм как богиня плодородия.

Вопреки всем историческим неясностям нет сомнений, что среди персов во времена их первой империи произошло быстрое и глубоко впечатляющее развитие религиозных идей. Заратуштра постарался придать религиозный смысл новому миру, открывавшемуся перед его народом, поразительно успешно. И хотя многие его доктрины были переработаны и искажены последующими поколениями, они остались жить в умах. Учение Заратуштры глубоко повлияло на религиозные идеи и окрасило поведение персов, правивших цивилизованным миром. Одного этого было достаточно, чтобы привлечь к его идеям внимание разных народов империи. Зороастризм был переплетен с другими религиозными традициями, наиболее тесно с иудаизмом, который сыграл в мировой истории намного более важную роль, чем

скую терминологию. Это дает прочный *terminus ante quem* (предел, до которого – *лат.*) для деятельности Заратуштры, но не более того.

⁶⁸ Этот процесс можно сравнить с развитием учения о Христе и поклонении Деве Марии в христианской традиции.

та, которую могло предложить сравнительно скромное число обращавшихся в последующие века к Заратуштре как к основателю новой веры⁶⁹.

Трудно определить влияние зороастризма на иудаизм. Несомненно, различия между двумя религиями довольно значительны. Постепенное развитие иудаизма контрастирует с внезапностью откровения зороастризма, и вместо одинокой фигуры, возвышающейся над всеми остальными и затмевающей их, евреи имели много пророков, рассеянных на протяжении шести столетий. Хотя и Заратуштра, и еврейские пророки находились под влиянием своего национального прошлого, Заратуштра явно отрицал персидское религиозное наследие; в то время как еврейские пророки постоянно обращались к более чистой древней религии, которую, по их мнению, они восстанавливали. Наконец, едва ли можно найти более резкое различие, чем в национальных успехах персидского и еврейского народов; в то время как персы завоевали мир, евреи потеряли свою землю обетованную. Поэтому еврейские пророки должны были бороться против громадной национальной катастрофы, и человеческие страдания, выпавшие на их долю, намного превосходили все, что должен был объяснять Заратуштра.

Но также очевидно и существенное сходство между двумя религиями. Например, в основе своей фарисейская доктрина ожидания Судного Дня, когда зло будет изгнано и власть Бога проявится во всем своем величии, очень схожа с зороастрийской эсхатологией с ее верой в бессмертие как награду за праведность и в воздаяние за грехи. Конечно, невозможно установить, возникла ли эта концепция в иудаизме под влиянием общего религиозного духа века или была прямым, возможно, даже бессознательным, заимствованием из зороастризма. В силу некоторых деталей – вера в ангелов, например, – кажется, не вызывает сомнений прямое влияние зороастризма⁷⁰.

⁶⁹ Дополнительно к книгам, цитированным выше, исследуя зороастризм, я обращался к следующим: Ernst Herzfeld, *Archaeological History of Iran* (Oxford: Oxford University Press, 1935), pp.40-43; Ernst Herzfeld, *Zoroaster and His World* (2 vols.; Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1947); H.S.Nyberg, *Die Religionen des alten Iran* (Leipzig: J.C.Hinrichs, 1938); A.T.Olmstead, *History of the Persian Empire; Cambridge Ancient History*, IV, 205-21; Maneckji N.Dhalla, *History of Zoroastrianism* (New York: Oxford University Press, 1938); R.C.Zaehner, *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism* (New York: G.P.Putnam's Sons, 1961).

⁷⁰ См. J.H.Moulton, *Early Zoroastrianism*, pp.286-331; W.F.Albright, *From Stone Age to Christianity*, pp.275-80.

Такие совпадения, как эти, в доктрине поддерживаются поразительным сходством социальной и психологической основы зороастризма и иудаизма пророков. Заратуштра, похоже, проповедовал общинам, находящимся в процессе приспособления древних обычаев к сельскохозяйственному и цивилизованному образу жизни, когда восприятие цивилизованного существования было осложнено наличием двух соперничавших моделей – месопотамской и индийской. Социальная основа еврейских пророков была такой же. Их народ также переходил от кочевого образа жизни к оседлому сельскохозяйственному в течение всего лишь нескольких поколений, в то время как соперничество двух – месопотамского и египетского – образов цивилизованной жизни лишало обе эти культуры бесспорного авторитета. Это были, похоже, идеальные обстоятельства для интеллектуального открытия. Сталкиваясь с новыми условиями дома и с различными моделями за рубежом, пытливые умы искали не просто подтверждения устоявшихся взглядов или заимствования действительно созвучных идей. Требовались рефлексивное переосмысление, соединение элементов старого и нового, исконного и заимствованного, личного и традиционного в эмоционально убедительное и логически прекрасное целое. И Заратуштра, и еврейские пророки так успешно справились с этой задачей, что их идеи уже никогда не прекращали оказывать влияние на умы людей.

Библейская традиция утверждает, что Авраам, праотец еврейского народа, около 1950 г. до н.э.⁷¹ двинулся из шумерского города Ура на север, в Харран, и оттуда в Палестину. Эта история, возможно, не лишена реальных оснований, и тогда Бог Авраама происходит от семейного божества, одного из маленьких богов Древнего Шумера⁷².

Однако возникновение еврейской религии должно датироваться временем исхода из Египта. Возможно, только малая часть еврейского народа, временно пребывавшая в Египте, где-то около XIII в. до н.э. под руководством Моисея вышла в пустыню. Резкая смена образа жизни – от подневольного труда на общественных работах к скитаниям по пустыне, т.е. возврат к

⁷¹ Эта дата основывается на вычислениях по библейской генеалогии.

⁷² См. Leonard C. Woolley, *Abraham: Recent Discoveries and Hebrew Origin* (New York: Scribner's Sons, 1936); Jack Finegan, *Light from Ancient Past: The Archaeological Background of Hebrew-Christian Religion* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1946), pp.57-61. Дата выхода Авраама из Ура, как это следует из библейской генеалогии, соответствует концу Третьей династии Ура. Такое совпадение придает правдоподобие библейской истории.

древней кочевой жизни – потребовала твердого закона для управления в новых условиях. Годы в Египте стерли древние обычаи, и, кроме того, последователи Моисея, возможно, принадлежали к различным родам, не имея единого традиционного лидера и организации.

Естественно, установленные Моисеем законы должны были принять религиозную форму, так что нет необходимости подвергать сомнению подробное библейское описание того, как после удачного исхода из Египта Моисей взойшел на гору Синай для общения с Яхве и возвратился с простым сводом законов – десятью заповедями. Принятие народом заповедей стало их соглашением (заветом) с Яхве, признав верховную власть которого, они получали взамен божественное покровительство⁷³.

Когда племя, которое реформировал Моисей, осело в Палестине бок о бок с другими еврейскими племенами, религия Яхве и закон Моисея предложили полноценную объединяющую основу для большего общества. Другие племена, только вышедшие из пустыни, вероятно, не имели записанного закона, постоянной жреческой организации или достаточно разработанной религии. В условиях завоевания и первоначального заселения Палестины они скоро почувствовали необходимость в таком дополнении к традиционной племенной организации и обычаям и, найдя у родственного племени, живу-

⁷³ Исход, 18:13-20:17; 24:1-8. Библейский рассказ, конечно, представляет собой сложную мозаику, искусно собравшую воедино различные традиции и записи. Я не хочу сказать, что десять заповедей Исхода, 20:2-17 точно воспроизводят закон Моисея, хотя, возможно, это и так. Конечно, законы Моисея, которые включены между 18 и 24 главами, большей частью возникли много позже, явившись отражением того века, когда евреи перешли к оседлости и сельскому хозяйству.

Очень сложный и во многом спорный вопрос о том, был ли Моисей монотеистом, т.е. был ли Яхве единственным истинным Богом, а все другие боги – фальшивыми идолами, или в ранние дни своего существования религия Моисея просто считала Яхве единственным богом, защищавшим и судившим принявший его народ, подобно другим богам, занимающимся делами иных народов. Предположение W.F.Albright, *Archaeology and the Religion of Israel* (Baltimore, Md., 1946), pp.117-18 кажется убедительным, хотя едва ли окончательным. Олбрайт полагает, что Моисей, который, возможно, был знаком с египетской религиозной мыслью XIII в. до н.э., мог задумать своего Бога как единственного, универсального Бога, правящего всеми людьми. Такое понимание было определенно выражено в египетской религии времен империи. Затем, когда космополитизм бронзового века уступил место локализму железного века и взаимоотношения между отдаленными областями и народами прервались в XII-XI вв. до н.э., Олбрайт считает, что универсалистские религиозные воззрения были затуманены и большей частью вытеснены идеей о том, что Яхве, Бог Израиля, был просто одним из многих богов – покровителей народов. Согласно этой гипотезе, утверждение недвусмысленного монотеизма еврейскими пророками VIII в. до н.э. и следующих веков наступило только тогда, когда общественные связи и политика снова возвысили могучие империи и привели чужеземные народы в непосредственные контакты друг с другом, так что судьба одной нации стала зависеть и от действий других народов и государств.

щего по соседству, такую уже готовую систему, приняли религию Яхве и сделали ее своей⁷⁴.

Переход к сельскому хозяйству вызвал изменения в образе жизни, сопряженные с глубокими политическими и религиозными последствиями. С политической точки зрения, необходимость защиты от кочевых соседей на востоке и от грозных филистимлян на западе в XI в. до н.э. привела к возникновению древнееврейской монархии. В религиозном отношении культ Яхве все больше уступал культам плодородия, которые существовали в Ханаане до прибытия еврейских племен. В конце концов, Яхве был богом пустыни и войны, и когда жизнь стала зависеть от сельского хозяйства, то казалось естественным обратиться к другим божествам – к Ваалу, – которые давно доказали свою силу, увеличивая плодородие полей.

Роль Яхве как национального бога войны сохранила его влияние и культ, поскольку часто было необходимо призывать его на помощь в битвах с соседями. Поэтому войны, позволившие Саулу установить монархию, непосредственно возвысили культ Яхве. И даже хотя Давид⁷⁵, Соломон⁷⁶ и их наследники в разделившихся царствах Израиля и Иудеи оказывали гостеприимство иноземным культам, религия Яхве оставалась живой и полной энергии. В частности, Яхве по общему согласию занимал место лидера среди других богов во времена всеобщей опасности.

Цивилизация во всех ее аспектах стала доступна еврейскому народу в дни монархии. Конечно, запрет Моисея на изображение идолов затормозил развитие искусства⁷⁷, но достижения еврейской литературы более чем восполнили этот недостаток. Старые традиции, скорее всего в основном устные, были организованы в сюжетно-тематические повествования – истории о патриархах, Моисее и Иисусе Навине, о судьях Израиля. Самой выразительной и яркой была созданная по свежим следам история о Давиде и его

⁷⁴ По этой гипотезе, Бог Авраама и Бог Моисея не связаны или почти не связаны друг с другом. История патриархов, сохранившаяся в первых книгах Ветхого Завета, может быть пересмотром и повторной интерпретацией событий евреями, которые не были в Египте, чтобы привести в соответствие эти истории с возросшим влиянием религии Моисея.

⁷⁵ Давид, возможно, построил имперский культ в Иерусалиме на основе уже имеющейся иебуситской и других иноземных моделей как дополнение к его собственной личной связи с Яхве. См. Ivan Engnell, *Studies in Divine Kingship in the Ancient Near East* (Uppsala: Almqvist & Wiksell Boktryckeri, A.B., 1943), pp.173-77; H.H.Rowley (ed.), *The Old Testament and Modern Study* (Oxford: Clarendon Press, 1951), pp.189-200, 294.

⁷⁶ I Цари, 11:8.

⁷⁷ Когда Соломон приступил к строительству храма в Иерусалиме, он не мог опереться на исконные традиции строительства таких зданий, и поэтому приглашенные финикийские строители привнесли финикийские, египетские и вавилонские элементы в это сооружение. W.F.Albright, *Archaeology and the Religion of Israel*, pp.142-55.

могучих воинах⁷⁸. Репутация Давида как певца и Соломона как мудреца, несомненно, способствовали развитию лирической поэзии и гностической литературы во времена монархии, но трудно сказать, какие из дошедших до нас псалмов и высказываний могут быть датированы этим ранним периодом.

Исторические записи евреев были слиты с религией Яхве, рука которого, как считалось, руководила событиями. Особая роль Яхве как бога битв означала, что его власть наиболее ярко проявлялась в военной и политической сферах. Библейский рассказ об исходе из Египта – яркий пример убеждения, что Бог обнаруживает себя через историю. Он мог являться в виде столба дыма днем и огня ночью, но он наиболее убедительно проявил себя через освобождение своего народа от гнета фараона.

Как божество, направляющее ход истории, Яхве был уникален на Среднем Востоке. Другие боги войны были одновременно и богами природы, например, как в более древнем Шумере, богами бури. Их культ легко сливался с обрядами плодородия, поскольку буря – это не только гром и разрушение, но и дождь, дающий новую жизнь растениям. Яхве не был похож на таких богов. Его культ выразительно противостоит религии полей. Независимо от обстоятельств, старые раны, полученные во время конфликта между пустынным богом битв и сельскими божествами Ханаана, никогда не могли быть полностью исцелены.

Пророки стали главными выразителями религии Яхве в раннем древнееврейском обществе. Во времена Саула и Давида прорицание было экстатическим и групповым явлением. Танцами и пением достигалось состояние транса, которое считалось знаком прямого общения с Богом, и человек, который мог впасть в такой транс, вызывал благоговение, придававшее ему статус почти святого. Община всякий раз спрашивала у таких людей совета, когда нужно было решать сложные вопросы о событиях, в которых Бог предположительно мог быть заинтересован.

Говоря от имени Яхве, пророки требовали его исключительного почитания и боролись с культом Ваала. В то же время как представители старого культа религии пустыни они вступали в конфликт со всеми новшествами оседлого общества. Опираясь на силу видимой святости и поддерживаемые внутренней убежденностью, они обличали монархию и несправедность богатых и облеченных властью⁷⁹. Таким образом, пророки выступали как особо

⁷⁸ Сохранилась в II Самуиле, 9-20.

⁷⁹ См. историю Натана и Давида, которая служит хорошим примером выражения позиции пророков, направленной против монархии, даже если, возможно, она не исторична. История Илии и его победы над жрецами Ваала иллюстрирует, насколько сильными и эффектив-

привилегированные представители бедных классов во все сильнее расслаивающемся обществе тех дней.

В VIII в. до н.э. пророческая традиция подверглась большим изменениям. Место групп экстатических святых заняли отдельные пророки, которые чувствовали себя вдохновленными Яхве на обличение социальных злоупотреблений и религиозного бесчестия, что они и делали в страстно-поэтической форме. Амос (ок. 750 г. до н.э.) – один из наиболее ранних литературных пророков, чьи пророчества дошли до нас, а за ним вскоре последовали Осия и первый Исайя. После них литературная пророческая традиция продолжалась до времен автора Книги Даниила (ок. 150 г. до н.э.). Эти пророки унаследовали от своих предшественников ореол святости, по крайней мере отчасти. Словами пророка не могли пренебречь даже цари или жрецы, действия которых они осуждали. Бедные и угнетенные, чьим мыслям и чувствам часто придавали форму и направление слова пророков, без сомнения, внимательно к ним прислушивались и серьезно воспринимали предсказания, сделанные так многозначительно во имя Яхве, даже когда непосредственные события не подтверждали предсказанные пророком бедствия.

Главная тема ранней пророческой литературы проста. Яхве был справедливым, но суровым Богом, который требовал от человека праведного поведения и наказывал тех, кто нарушал его заповеди. Но израильтяне изменили своему завету с Яхве, забыли его закон и стали служить ложным богам. Значит, должно было последовать бедствие – день Яхве, когда грехи людей будут рассмотрены им и ужасающее величие Бога проявится над всем человечеством. Пророки не имели четкого представления, в каком виде наступит день Яхве, но многие из них представляли этот день как военное и политическое разрушение царств Израиля и Иудеи.

Такое суждение подразумевало, что Яхве контролирует судьбу не только избранных народов, но и всего человечества. Если ассирийцы, например, завоевывали Израиль, то это был Яхве, который позволил ассирийским армиям наказать израильтян за их грехи. Таким образом пророки распространяли идею о том, что Бог проявляет себя через историю, чтобы доказать свое верховенство над всем миром. В защите и возвеличивании силы Яхве они отметали прочь притязания всех других божеств и культов и провозглашали монотеизм в самых ясных и выразительных формах.

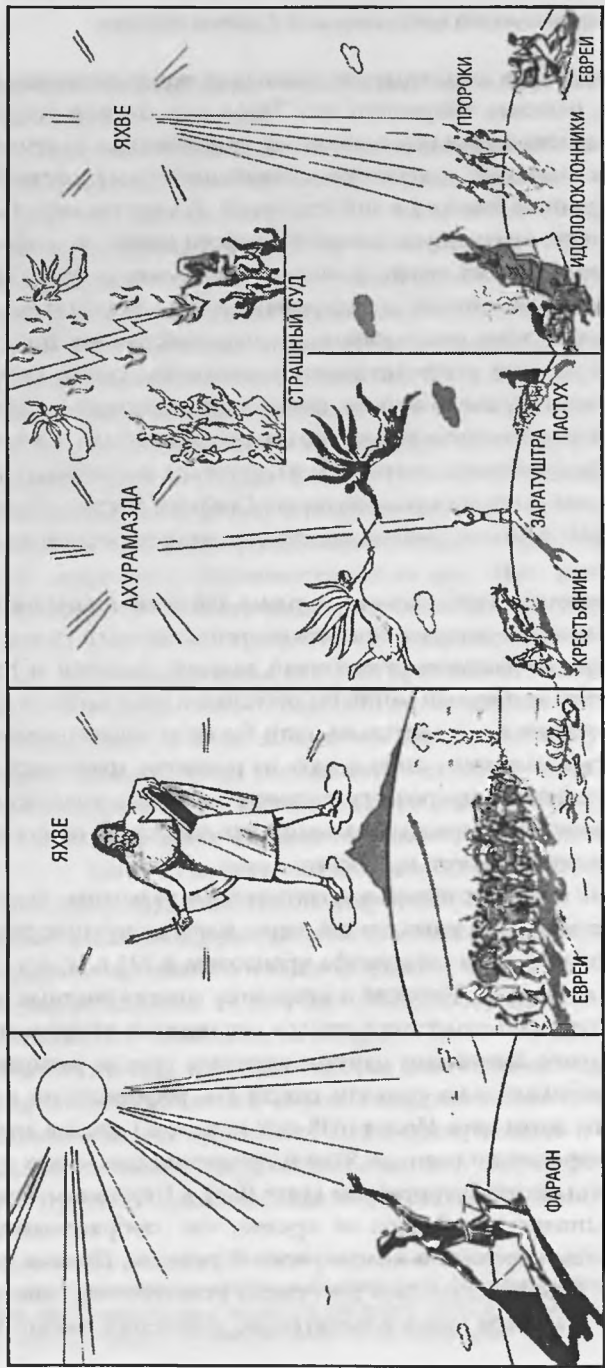
Но пророки провозглашали справедливость и милосердие Бога, а не

ными могли быть действия пророков, направленные на защиту религии Яхве, даже если эти действия противоречили воле монарха и его двору. Позже Иеремия и первый Исайя перенесли пророческую традицию оппозиции на власть предающих.

только его силу, мотивируя его вмешательство в дела людей желанием защитить праведного и наказать творящего зло. Такое совмещение всемогущества и абсолютной праведности привело к логической кульминации стремление к религиозному универсализму и этическому индивидуализму, очевидные в других религиях Среднего Востока в тот же период. Но другие народы, связанные традиционным признанием множественности богов, не могли принять монотеизм без отказа от своего религиозного наследия. Религиозные мыслители Израиля и Иудеи имели здесь преимущество – тот факт, что Яхве всегда был ревнивым Богом, непримиримым антагонистом местных культов плодородия и требовал исключительного почитания, сделал переход к радикальному монотеизму очень легким. Лишь незначительное переосмысление национально-религиозного прошлого потребовалось для того, чтобы Израиль и Иудея были вольны полностью включиться в совершенствование монотеистических идей, уже наполнявших Средний Восток. Древнееврейские пророки VIII в. до н.э. использовали эту стратегическую возможность полностью.

Логика действительно требовала монотеизма. Ни Яхве, ни другое божество или божества не могли просто сохранять местное главенство в век, когда судьба наций и народов зависела от действий далекой Ассирии и Египта. Вряд ли древнееврейские пророки могли бы отстаивать свои взгляды на всемогущество Бога так отчетливо и выразительно, если бы не эти политические условия. Но хотя время наложило свою печать на развитие древнееврейской религии, форма выражения пророчеств в словах и страсть, с которой они были выражены, зависели от индивидуального человеческого опыта в контексте еврейского национального прошлого.

Взаимодействие между религией и политическим развитием ясно проиллюстрировали несколько важных стадий, через которые прошел рождающийся иудаизм. Политическая катастрофа произошла в 721 г. до н.э., когда ассирийцы захватили царство Израиль и отправили многие знатные семейства в изгнание. Под влиянием такого явного исполнения пророчества во все еще сохранившемся Иудейском царстве возникла группа религиозных реформаторов. Приблизительно столетие спустя эти реформаторы приобрели силу и влияние, когда царь Иосия (638–609 гг. до н.э.) провел энергичную кампанию по очищению религии Яхве и искоренил следы всех других культов. Реформаторы сконцентрировали культ Яхве в Иерусалимском храме и возложили выполнение обрядов на жрецов, что сообразовывалось с лучшими прецедентами древней и неиспорченной религии. Данные усилия требовали сбора и кодификации всех доступных религиозных записей, и, возможно, именно благодаря этому последующие поколения имеют Книги

АТЕНИЗМ

МОНОТЕИЗМ МОИСЕЯ

ЗОРОАСТРИЗМ

ИУДАИЗМ ПРОРОКОВ

РАЗВИТИЕ МОНОТЕИЗМА

Второзакония и фиксацию большей части Старого Завета в его нынешнем виде⁸⁰.

Но вопреки реформам, отраженным во Второзаконии, Иудея разделила судьбу Израиля. Царь Иосия едва был способен сохранить свою независимость, и сразу после его смерти царство признало власть Вавилонии. Затем после мятежей, частично вдохновленных пророками, обещавшими божественную помощь, царь Навуходоносор захватил и разрушил Иерусалим и переселил большую часть городских жителей в Вавилон.

Неспособность Яхве предотвратить бедствие поставила наследников пророческих традиций перед лицом нового и устрашающего вызова. Реформы на основе Второзакония явно оказались недостаточны, чтобы предотвратить Божий гнев. Чего же еще требовал Бог? Каков в действительности его план? Чтобы религия Яхве не исчезла, предстояло найти убедительные ответы. Нельзя ждать от человека веры в Бога, который так необъяснимо покинул его именно тогда, когда в нем более всего нуждались.

Во время этого кризиса пороки Иезекииль и второй Исайя, находившиеся в вавилонском плену, смело выступили с оправданием действий Бога по отношению к человеку. Иезекииль требовал еще большей покорности Богу и предсказывал восстановление объединенного царства Израиля и Иудеи как последующую награду. Падение Иерусалима он связывал с сохранением язычества даже после реформ царя Иосии и наметил еще более строгие нормы поведения для царя будущего. Второй Исайя, чья выразительная поэзия была создана во времена Кира Великого, увидел в победе персов над Вавилоном верный знак того, что близок день, когда грехи Израиля будут прощены и слава Бога станет очевидной для всех народов. По его мнению, страдания евреев были не просто наказанием за их непослушание, но частью грандиозного Божественного плана – когда очищенный и раскаявшийся Израиль будет восстановлен во славе, истинная религия и справедливое правление будут установлены везде. Вместо маленького и гонимого народа, презираемого более счастливыми народами, сыны Израиля займут надлежащее им по праву место, станут светом для язычников и установят справедливость во всех концах земли⁸¹.

Конечно, такие несбыточные надежды никогда не были воплощены в жизнь, но Иезекииль и второй Исайя внесли новый эмоциональный тон в иудаизм. Пророчество в более ранние времена носило характер обвинения,

⁸⁰ Интересно отметить, что это энергичное исследование старых религиозных записей, их систематизация и сохранение точно соответствуют во времени с наиполнейшим выражением арханизма в Египте и Месопотамии. См. W.F.Albright, *From Stone Age to Christianity*, pp.241-44.

⁸¹ Исайя, 42:1-9; 49:1-13.

и день Яхве неясно вырисовывался впереди как срок ужасного приговора. Теперь была надежда – всегда далекая, но никогда не забываемая, – что придет день, когда после драматического очищения человечество действительно станет свидетелем установления Царства Божия на земле. Веруя в такое будущее, легче было переживать тяжелые испытания и разочарования. Как это ни парадоксально, действительно набожный человек мог испытывать наслаждение от страданий – пропорционально возрастанию жестокости бедствий настоящего день конечного восстановления справедливости казался еще более неизбежным.

Такая эсхатологическая надежда была вполне совместима со сложностью правил ритуальной чистоты. В условиях мегаполиса Вавилонa такие правила были очень полезны психологически, чтобы сохранить образ жизни маленькой однородной общины. В результате обряды общины изгнанников позволяли ее членам сохранять свое самосознание и особый этос в самом сердце Вавилонa. Более того, когда Кир сломил имперскую мощь Вавилонa и евреи слабым ручейком стали возвращаться в Иерусалим, ритуальные предписания, разработанные Иезекиилем и другими, стали готовым планом для новой общественной жизни.

Возвращающиеся изгнанники сперва связывали свои надежды на восстановление Царства Давида с неким якобы потомком царского рода, но это движение вскоре пришло в противоречие с персидской властью и было подавлено. Впоследствии храм стал средоточием и единственным объединяющим фактором для борьбы и требований еврейской общины в Палестине. Но община возвратившихся изгнанников расцвела только тогда, когда Немия (ок. 444 г. до н.э.) и Эзра (ок. 397 г. до н.э.) реорганизовали культ Яхве в Иерусалиме. И все же этот частичный успех мало сочетался с обширными ожиданиями, основывавшимися на дне Яхве, и надежда на его приход оставалась очень сильной, готовой ярко вспыхнуть восстанием против чужеземной власти, как только появится кандидат на роль Мессии – помазанника Божьего.

Необходимо отметить и два других аспекта работы как Иезекииля, так и второго Исайи. Иезекииль, как никто из его предшественников, придавал особое значение личному отношению к Богу, что, без сомнения, явилось ответом на ослабление общинной солидарности изгнанников, растворившихся среди больших городов Вавилонии. Эта индивидуализация религиозной ответственности и ритуала несла в себе зародыш будущего, как и второй аспект – акцент Исайи на отеческой любви Бога и его терпении, с которым он относится к идущим против его воли. Образ строгого судьи и яростного ревнивого Бога ранних пророчеств был дополнен более доброжелательной

концепцией божества, которая поглотила более старые концепции логически несовместимым, но психологически более убедительным образом.

Так к 500 г. до н.э. религия Яхве испытала трансформацию, обогатившую ее и позволившую в дальнейшем стать мировой религией. Иудаизм не был более племенным культом, как в дни Моисея, но Закон и доктрина требовали универсальной законности, признания того, что все противники иудаизма заблуждаются. Более того, из-за острой необходимости, возникшей во время изгнания, культ Яхве выжил даже без своего средоточия – Иерусалимского храма – и без определенного территориального местонахождения. Где бы ни собирались верующие, они могли молиться, петь псалмы и читать Святое Письмо, сохранившее доктрины и надежды еврейской религии живыми в умах и сердцах ее последователей. Иудаизм продолжал прочно опираться на концепцию избранного народа, объединенного в Боге особым обращением в веру, которое отделило его от всех других и создало коллективную и корпоративную основу развития веры в то, что Бог персонально следит за моральными и ритуальными действиями каждого.

Универсализм и индивидуализм в религии были приспособлены к национальной основе, унаследованной от более примитивной эпохи. В результате человек получил возможность серьезно менять образ жизни и культуру, но оставаться верным религии своих отцов. И хотя языческие обряды были запрещены благочестием, широкое рассеяние в более поздние времена неотвратимо привело евреев к имитации всех видов местных обычаев.

Но такая ассимиляция больше не заключала в себе отступничества. Религия стала отдельным элементом в общем культурном комплексе, и евреи могли сохранять свою веру в то время, как большинство других элементов этого комплекса приобретали окраску того общества, в котором они оказались.

Здесь наблюдалось новое явление – религия, которая жила собственной жизнью, независимой от географического местоположения и светской культуры. Это достаточно похоже на наши времена и даже может казаться естественным. Но по стандартам ранних веков, когда религия и образ жизни были связаны друг с другом в один узел, являясь неотъемлемой частью специфического общества, живущего в более-менее зафиксированной географической местности, новый идеологический характер иудаизма был, конечно же, необычным и новаторским⁸².

⁸² В дополнение к книгам, цитированным отдельно, я черпал информацию по вопросам развития еврейской религии из следующих источников: Julius A.Bewer, *The Literature of Old Testament* (rev. ed.; New York: Columbia University Press, 1938); J.M.P.Smith, *The Prophets and Their Times* (2d rev. ed.; Chicago: University of Chicago Press, 1941); A.T.Olmstead, *History of Palestine and*

Эмоциональная энергия, пронизательность и литературные особенности Ветхого Завета едва ли нуждаются в доказательствах. Редко можно найти поэзию, сравнимую с поэтичностью второго Исайи; то же справедливо и для псалмов и такого литературного произведения, как Книга Иова. С интеллектуальной точки зрения, откровения, ярко выраженные в догматических утверждениях и яростных порицаниях, могут казаться недостаточными заменителями рассуждений. И если современные ученые точно интерпретируют направленность деклараций пророков, эта неблагоприятная оценка также подтверждается практически, так как политические пророчества всегда оказывались неверными. Однако пророки Израиля и Иудеи старались разрешить дилемму, стоявшую перед всей религиозной мыслью Западной Азии, – как оправдать несправедливость страданий, которые Бог посылает даже на праведного человека. В Месопотамии, как мы уже видели, решение этой проблемы не было найдено, что повлекло усиление духа религиозного разочарования. В Египте после отвержения атонизма резко усилился архаичный религиозный формализм. Но в умах еврейских пророков страстное стремление сменило отчаяние, и надежда на приход Мессии и Царства Божия на земле давала мощное утешение в дни бедствий.

Это убеждение и изумительная поэтичность, с которой оно было выражено, стали основной частью европейского культурного наследия, и нельзя не восхищаться людьми, создавшими его. В век, когда цивилизация Среднего Востока двигалась в направлении еще слабого космополитизма и когда гниение поразило две древние цивилизации – Египта и Вавилонии, религия и литература евреев проявили неординарную силу и энергию. И это сильное влияние на умы и сердца, уникально соединившее религиозный универсализм с индивидуализмом и национализмом, стало основой силы иудаизма и секретом будущего изменения мира под его влиянием.

Syria to the Macedonian Conquest (New York, London: Scribner's Sons, 1931); W.F. Albright, *The Archaeology of Palestine* (2d rev. ed.; Harmondsworth: Penguin Books, 1956); Eduard Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, 187-362; III, 157-221; Eric Voegelin, *Order and History*, I: *Israel and Revelation* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1956); Adolphe Lods, *Histoire de la littérature hébraïque et juive depuis les origines jusqu'à la ruine de l'état juif* (Paris: Payot, 1950).

ГЛАВА V

***Становление периферийных цивилизаций
в Индии, Греции и Китае в 1700–500 гг. до н.э.*****A. ВВЕДЕНИЕ**

В течение нескольких столетий, следовавших за вторжением варварских племен в бронзовом веке, постепенно сформировались три новые цивилизации Евразии.

В Индии и Греции, на окраинах древнего цивилизованного мира, новые цивилизации немало заимствовали у индских и минойских предков, обитавших ранее на этих землях, что-то от варваров, этих предков покоривших, и от соседних цивилизаций Среднего Востока. Однако ни различие корней, ни различие элементов, составивших основу индийской и греческой культуры, не препятствовали, а скорее способствовали проявлениям их подлинной самобытности. Мало-помалу становившаяся все более однородной цивилизация Среднего Востока оказалась окруженной и в Индии, и в Греции территориями с новым и разнообразным укладом жизни. В тот же период на восточной оконечности Евразии, в Китае, зарождается новая, третья цивилизация. Китай был значительно сильнее изолирован от столкновений с варварскими племенами, чем Индия или Греция, но эта изоляция никогда не была полной. Китай уже с середины II тыс. до н.э., пусть лишь изредка и частично, включился в процесс евразийского взаимодействия и взаимопроникновения культур.

Для каждой из этих вновь образовавшихся цивилизаций своего рода отправной точкой послужили нашествия варварских племен в XVIII в. до н.э. и последующих столетиях. Все три цивилизации появились благодаря взаимопроникновению культур местных земледельцев и завоевателей, вторгшихся на колесницах в их земли. Таким образом, общность многих характерных особенностей этих параллельно возникших культур не простое совпадение. VI в. до н.э. был свидетелем начала жизненного пути Будды и Конфуция и появления ростков рационалистической философии в Греции. К 500 г. до н.э. в Индии и Греции были уже развиты важнейшие социальные институты: кастовая система (возможно) и (определенно) города-государства (полисы). В Китае, по-видимому, из-за сравнительной изолированности этой страны развитие социальных институтов происходило медленнее,

так что родовые и государственные бюрократические отношения в развивающейся китайской цивилизации попадают в центр внимания лишь с воцарением династии Хань (202 г. до н.э.).

Разумеется, последующий рост благосостояния и совершенствование общественного устройства в Индии, Греции и Китае повлекли огромные перемены. Тем не менее к 500 г. до н.э. важнейшие направления развития и в Индии, и в Греции были уже определены и почти полностью наметились характер и пути развития китайской цивилизации.

В развитии культуры едва ли не до этой самой поры Средний Восток прочно удерживал первенство во всей ойкумене. В период, предшествовавший персидским войнам, архаическая греческая культура немало переняла у Востока. Расцвет самой греческой культуры снизил ее восприимчивость к чудесам и премудростям Востока. Влияние Среднего Востока на культуру Индии куда более предположительно, но искусство обработки железа и алфавитное письмо почти наверняка проникли в Индию из более древнего центра.

Что касается Китая, то это особый случай, но лишь до некоторой степени. Огромные пространства, занятые степями, горами и пустынями, создавали значительные препятствия для развития связей между долиной реки Хуанхэ и Средним Востоком. Прямые и регулярные контакты между странами, разделенными Центральной Азией, установились лишь в I в. н.э., когда мощные военные империи, возникшие на территориях Китая и Ирана, проложили через оазисы Центральной Азии Великий шелковый путь. Морской путь, соединявший Средний Восток с Грецией и Индией, похоже, не позволял в I в. до н.э. связать Китай с Индией и Средним Востоком. Поэтому на той стадии, когда китайская культура еще только складывалась и была восприимчива, из западной части Азии в восточную проникали лишь те элементы культуры, которые могли быть перенесены неразвитыми и воинственными варварскими племенами: бронзовое оружие и конные колесницы. Более тонкие материи, такие как алфавит, были не по силам варварам и не преодолели географические барьеры. К тому времени, когда барьеры были разрушены, а произошло это во II в. до н.э., и китайцы смогли познакомиться с принципом алфавитного письма, их язык и привившиеся традиции закрепились настолько, что алфавит уже не смог вытеснить иероглифическую письменность.

Таким образом, культура Китая изначально подвергалась влиянию модели цивилизации Среднего Востока в гораздо меньшей степени, чем культура Индии или Греции. Поэтому развитие цивилизации после 1500 г. до н.э. шло скорее двумя, чем четырьмя путями. Культуры Среднего Востока, Индии и Греции образовывали единый географический континуум из трех

СВЯЗИ МЕЖДУ ДРЕВНЕЙШИМИ МИРОВЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

основных сегментов и объединяющих их путей. Между тем китайская цивилизация стояла особняком и оставалась изолированной на Дальнем Востоке. Последующее развитие исторических событий показало, однако, что жизненный уклад, сложившийся в Индии и Греции в 500 г. до н.э. в результате взаимопроникновения культур, сравним по уровню развития и исторической значимости со средневосточным прототипом и с укладом в отдаленном Китае.

В этом можно различить двойное биение пульса истории на больших исторических отрезках времени. В эпоху цивилизаций речных долин культура Месопотамии ускоряла и стимулировала развитие культур Египта и Индии, пока не был достигнут тот уровень совершенства и гармонии, при котором дальнейшее заимствование извне стало естественно сходиться на нет. Около тысячи лет, между 2700-м и 1700 г. до н.э., прошло в условиях примерного равновесия, а развитие цивилизаций в Месопотамии, Индии и Египте шло разными путями, подчиняясь собственным внутренним импульсам. Баланс мировых сил менялся медленно вплоть до завершающих веков III тыс. до н.э. и первых веков II тыс. до н.э., когда началось развитие общественных формаций на орошаемых дождями землях, особенно на территориях, граничащих с Месопотамией. Однако явный упадок древних цивилизаций речных долин начался лишь после 1700 г. до н.э., когда населявшие соседние степные территории и вооруженные по последнему слову техники того времени варвары вторглись в пределы древнейших цивилизаций.

Как уже говорилось в предыдущей главе, хаос и разрушения, причиня-

емые вторжениями варваров, послужили толчком к медленному образованию на Среднем Востоке космополитической цивилизации. В ту же эпоху на окраинах земледельческой Евразии, в Северной Индии, Греции, в Северном Китае формировались другие культуры с другим укладом жизни. И точно так же, как культура Древнего Египта и культура долины Инда получила значительный стимул от спорадических контактов с Месопотамией, величественная культура Среднего Востока в 1700–500 гг. до н.э. стимулировала усилия народов Индии, Греции и Китая к созданию новой цивилизации. К 500 г. до н.э. важнейшие черты всех периферических цивилизаций уже сформировались. И потому, что это уже происходило в III тыс. до н.э., на территории всей ойкумены установилось эффективное, хотя и неустойчивое, политическое и культурное равновесие. Возросли географические масштабы развития и увеличились временные периоды. В эту эпоху равновесие культур продолжалось без малого две тысячи лет до тех пор, пока экспансия Европы в новое время не нарушила исконный баланс в мире.

Б. ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

История Индии до 500 г. до н.э. покрыта мраком. Результаты археологических исследований полны пробелов, и до последнего времени научное изучение литературных источников носило преимущественно узко филологический характер. Гимны и ритуальные тексты Вед и связанной с ними литературы проливали лишь слабый свет на вопросы, интересующие историков. Дошедшие до нас эпические поэмы и книги «преданий» содержат лишь описание генеалогии царей и сказания о героях, да и они дошли до нас в той форме, в которой были записаны в начале христианской эры. Остатки подлинных сведений о многовековой истории скрыты в этих текстах под спудом церковного благочестия и приводят к невероятной путанице из-за полного отсутствия хронологии.

Лишенный хронологических вех туман древней истории Индии создает серьезные препятствия для историков-исследователей. Ведический канон, по видимому, обрел свой нынешний вид после 600 г. до н.э.¹, но едва ли можно узнать точно, когда была создана та или иная его часть. Поскольку ведическая литература принадлежала к устному виду творчества, она претерпевала значительные искажения, передаваясь изустно из поколения в поколение, от

¹ R.C.Majumdar (ed.), *The History and Culture of the Indian People: The Vedic Age* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1951), p.227.

учителя к ученику². Языковые формы Вед остались застывшими с тех самых пор, как стали считать, что тщательное сохранение древнейших словесных конструкций – неперемнное условие действенности ритуала. Потому и язык Ригведы, составляющей основу ведической литературы, вполне единообразен. Нет никаких лингвистических критериев, которые позволяли бы отличить ранее созданные тексты от более поздних³. Таким образом, Веда, хотя и дают пищу филологам, историку представляются унылой трясиной.

Тем не менее некоторые вехи древнейшей индийской истории вполне различимы. Непосредственные последствия нашествия ариев свидетельствуют, что это была героическая эпоха, сравнимая с микенским периодом в истории Древней Греции. Можно не сомневаться, что никакие Микены при раскопках в Индии не были и не будут найдены, поскольку нет никаких письменных свидетельств того, что арии строили фортификационные сооружения из камня или кирпича. Но события величайшего индийского эпоса «Махабхарата» концентрируются вокруг истории войны между двумя коалициями высокородных колесничих. Их боевые действия, вполне в духе «Илиады»⁴, представляют собой рукопашные поединки, во время которых боги время от времени являются, чтобы словом или делом помочь «своим». Подобные эпизоды «Махабхараты», описывающие боевые действия такого рода, могут быть восприняты как литературное отражение событий аристократической воинственной и варварской эпохи. Однако конкретные события, которые, возможно, и послужили основой для эпической поэмы, не могут быть восстановлены. Более того, текст приобрел окончательную форму после столь длительной эволюции, что «Махабхарата» ни в коей мере не может считаться надежным источником конкретной исторической информации⁵.

² Когда в XVIII в. дотошные западные ученые попытались вникнуть в обряды Вед, их первой заботой было найти брахмана, который мог бы продиктовать священные тексты писцу. Это почти наверняка был не первый случай, когда тексты были записаны, но что известно абсолютно точно, так это то, что «обычай записывать тексты», столь знакомого исследователям средневековой Европы, в Индии не существовало. Передача индийских саг в записи, а не изустно считалась менее приемлемой, так как запись почиталась низменной формой для священных текстов. Поскольку лишь устная передача и запоминание могли дать ученику подлинное понимание, письменные источники, как правило, не использовались образованными людьми, память которых становилась живым хранилищем ведических текстов.

³ Можно обнаружить лишь некоторые изменения грамматических конструкций, отличающие последнюю книгу Ригведы от остального текста, что свидетельствует о том, что ее тексты приобрели окончательную форму несколько позднее.

⁴ Тактика, однако, оказалась более рациональной в Индии. Поскольку основным оружием был лук, то чтобы выиграть битву, колесничим необходимо было метко стрелять из лука на скаку. Да и как могло быть иначе, ведь арии пришли в Индию из Восточного Ирана, где и было, по-видимому, рождено искусство стрельбы из лука с колесницы.

⁵ «Махабхарата» в том или ином виде появилась не позднее 400 г. до н.э., но современная редакция, успевшая насквозь пропитаться жреческим благочестием, может быть датирована

В героическую эпоху высокородные колесничие господствовали и на поле боя, и в политике, но к VI в. до н.э. они свое господствующее положение утратили. Зная эволюцию военной тактики и социальной структуры на Среднем Востоке и в Европе, можно предположить, что причиной этого стало появление оружия из железа⁶. Так или иначе, к VI в. до н.э. способы ведения войны в Индии опирались преимущественно на пехоту и конницу. Колесницам на поле боя отводилась номинальная, хотя и почетная роль.

Как и на Среднем Востоке, перемены в военном деле открыли новые пути для политического развития. В работах ранних буддистов можно обнаружить ростки аристократической и республиканской форм правления, сравнимые с ранними городами-государствами Греции. Таких сообществ, процветавших в предгорьях Гималаев, похоже, было немало. Но на обширных равнинах по берегам крупных рек, таких как долина Ганга, начиная с VIII в. до н.э. стали преобладать государства с монархическим устройством. Войны и завоевания, административное объединение, фортификационные работы в стратегически важных местах и, возможно, крупномасштабные ирригационные работы – все это способствовало укреплению царской власти. К VI в. до н.э. такие монархии либо смогли установить господство над большей частью малых государств с республиканским устройством, либо сами были поглощены другими монархиями⁷.

Эти политические изменения сопровождались смещением центра об-

лишь 200–400 гг. н.э. Это напоминает переработку и переосмысление отцами христианской церкви поэзии Гомера как аллегории в целях превращения ее в апологию христианской доктрины. В результате этих усилий дух поэмы исчез почти бесследно. См. N.K.Sidhanta, *The Heroic Age of India: A Comparative Study* (New York: Alfred A.Knopf, Inc., 1930), pp.48–49. Различные попытки датировать войну Бхарата от 1400-го до 900 г. до н.э. опираются на предположение о надежности генеалогии различных царей, изложенной в Пуранах, и на подсчете средней продолжительности царствования. См. F.E.Pargiter, *Ancient Indian Historical Tradition* (London: Oxford University Press, 1922), pp.179–83; Majumdar, *History and Culture of the Indian People*, pp.268–69.

⁶ Геродот, VII, 65, отмечает, что стрелы лучников в индийских войсках армии Ксеркса имели железные наконечники. Это первое точно датированное свидетельство использования индийцами железа, однако нет сомнения, что этот металл был известен в Индии задолго до 480 г. до н.э. В Атхарваведе упоминаются мечи, изготовленные из черного металла, и нет сомнений, что этот металл был железом. Если предположить теперь, что содержание этого текста осталось в достаточной степени неизменным с 800 г. до н.э., это сдвинет время овладения искусством обработки железа к IX в. до н.э. См. Narayanachandra Bandyopadhyaya, *Economic Life and Progress in Ancient India: Hindu Period* (2d ed.; Calcutta: University of Calcutta Press, 1945), I, pp.156–59; D.H.Gordon, «The Early Use of Metals in India and Pakistan», *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, LXXX (1950), pp.55–78.

⁷ О политическом развитии Индии см. Majumdar, *History and Culture of the Indian People*, pp.425–33, 482–88; *Cambridge History of India* (Cambridge: Cambridge University Press, 1922); Paul Masson-Oursel et al., *Ancient India and Indian Civilization* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1934), pp.88–105; Hermann Goetz, *Epochen der indischen Kultur* (Leipzig: Verlag Karl Hiersemann, 1929), pp.83–88; T.W.Rhys Davids, *Buddhist India* (New York: G.P.Putnam's Sons, 1903), pp.1–34.

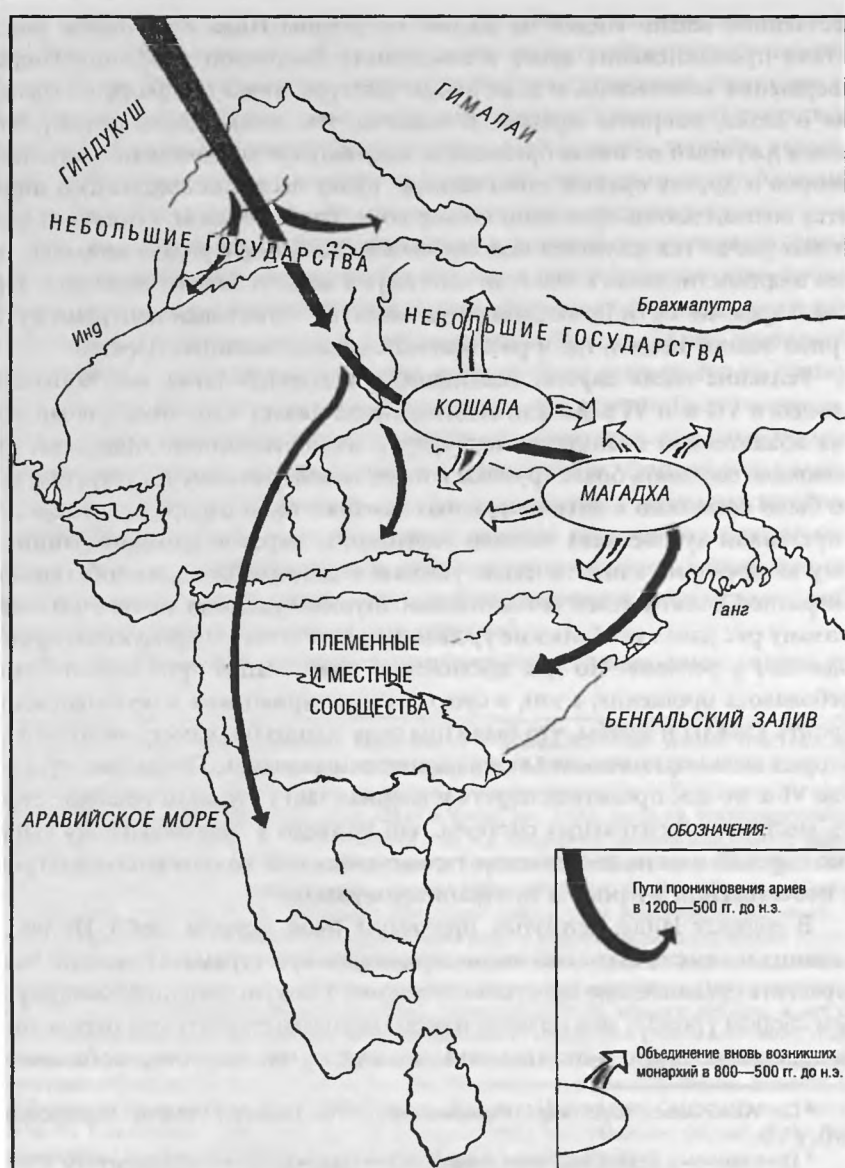
щественной жизни Индии на восток, от долины Инда к равнинам Ганга. Детали проникновения ариев и завоевания Восточной и Южной Индии совершенно неизвестны, и даже общие контуры этого процесса, не говоря уже о датах, покрыты мраком. Возможно, это происходило потому, что полоса джунглей не очень привлекала завоевателей до появления железных топоров и других орудий, облегчающих рубку леса и последующую обработку почвы, сплошь пронизанную корнями. Таким образом, в широких масштабах расчистка джунглей под сельскохозяйственные угодья началась, по всей видимости, лишь к 800 г. до н.э.⁸ Два века позднее долины в верхней и средней части Ганга становятся наиболее активными центрами культурной жизни Индии, где и располагаются самые мощные царства.

Усиление таких царств, появившихся в долинах Ганга, как Кошала и Магадха в VII в. и VI в. до н.э., видимо, представляет типичный случай захвата правителями позиций на периферии цивилизованного общества, что позволяло создавать более крупные и более самодержавные государства, чем это было возможно в патриархальных центрах, где и распри аристократов, и претензии духовенства мешали укреплению царской администрации. К тому же хорошие климатические условия в долинах Ганга способствовали ускоренной политической консолидации. Муссон приносил достаточно воды, поэтому рис давал наибольшие урожаи и стал основным продуктом, производимым в регионе. Но для достижения наибольшей урожайности риса требовалось орошение; а это, в свою очередь, приводило к необходимости строить каналы и дамбы, что было под силу только большому числу людей, которых могла организовать лишь вышестоящая власть. По-видимому, в начале VI в. до н.э. правители царств в долинах Ганга приняли решение строить местные оросительные системы, что привело к чрезвычайному усилению царской власти посредством гарантированной возможности контроля за повседневной жизнью и нуждами земледельцев⁹.

В долинах Инда, напротив, ирригация была развита слабо. Не рис, а пшеница и ячмень были главными зерновыми культурами. Их можно было вырастить сравнительно простыми методами. Поля, истощенные многократным сбором урожая, можно было просто на годы оставлять под паром, пока плодородие почвы не восстанавливалось достаточно для того, чтобы возоб-

⁸ См. Walter Ruben, *Einführung in die Indienkunde* (Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1954), p.103.

⁹ По-видимому, первое надежное свидетельство о надзоре царей за проведением ирригационных работ датируется только временами Чандрагупты (ок. 321–297 гг. до н.э.), хотя ирригация в сравнительно небольших масштабах была известна даже во времена Ригведы. Да и не могла сложиться развитая система управления ирригацией без достаточного периода становления. См. *Cambridge History of India*, I, 417, 475; Majumdar, *History and Culture of the Indian People*, p.399; N.Bandyopadhyaya, *Economic Life and Progress*, pp.130–31.

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

новить цикл. При таких обстоятельствах долины Инда оставались сравнительно малонаселенными, а государства соответственно – малыми и разрозненными. Таким образом, начинающаяся урбанизация в долинах Ганга имела лишь слабые аналоги в северо-западной части субконтинента¹⁰.

Ремесло и торговля приобрели особую важность в Индии после 800 г. до н.э., когда возобновились внешние связи с Вавилоном. Торговые суда курсировали по Инду и Гангу и, возможно, пересекали Индийский океан, чтобы попасть в варварские страны Восточной Африки и Юго-Восточной Азии. Были уже профессиональные торговцы и проводники караванов, если такого рода термин подходит для подобных профессий; но столь важного стимула торговли, как чеканка монет, не существовало вплоть до VI в. до н.э. Денежные отношения возникли лишь как побочный результат завоевания Пенджаба персами¹¹.

Поскольку племенные связи уступили территориальному подчинению и земледелие постепенно вытесняло скотоводство, старые племенные и аристократические узы, присущие общественному устройству ариев, слабели. Путем местных завоеваний, царских милостей или внесением изменений в древние племенные обязательства свободных воинов-ариев принудили нести службу и платить налоги¹². Так сократился разрыв между рядовыми членами сообщества ариев и представителями поработенных народов. Между простым арием и крестьянином из неарийского рода сохранялись лишь остаточные формальные различия¹³.

Как это ни парадоксально, подобное уравнивание оказалось, возможно, мощным стимулом развития одного из отличительных и специфических институтов Индии – каст. Расовая гордость арийских завоевателей была неистребима, и они свысока смотрели на поработенных ими представителей темнокожих народов Индии. Таким образом, по мере того как простые арии опускались к социальному статусу презираемых темнокожих народов,

¹⁰ Побочным фактором, усиливавшим военную власть царей долины Ганга, была возможность отлавливать слонов в целях их дальнейшей дрессировки. Это уравнивало поставку лошадей с севера в регион Инда. Как пришлось убедиться позднее Александру Македонскому, неприученные лошади настолько пугались слонов, что становились совершенно бесполезными на поле боя. См. Rhys Davids, *Buddhist India*, pp.266-67.

¹¹ См. N.Bandyopadhyaya, *Economic Life and Progress*, pp.169-90, 220-29, 253, 255-63; Majumdar, *History and Culture*, pp.396-98; 461-62; *Cambridge History of India*, I, 135-37, 198-219. До того как в Индии была введена чеканка монет, в качестве средства обмена использовались ожерелья из золота и серебра.

¹² Возможно, как это было на Среднем Востоке, немалую роль сыграла долговая зависимость от землевладельцев, в которую попадали низшие классы; но какие-либо доказательства этого мне не известны.

¹³ *Cambridge History of India*, I, 128-29.

они, вероятно, все более энергично цеплялись за верования и обычаи, которые закрепляли их отличие от неарийцев¹⁴.

По крайней мере три дополнительных элемента способствовали формированию кастовой системы. Первым была концепция ритуальной чистоты, которая включала сложные табу против телесных контактов с нечистыми людьми и особенно против пищи, которой такие люди касались. Это особо подчеркивалось в санскритских текстах. Буддийская литература свидетельствовала, что эта концепция была уже известна чуть ли не во времена Будды¹⁵. Именно ритуальная чистота выделяла жреческую касту брахманов от всех прочих.

Не менее важным в становлении кастового сознания было сохранившееся чувство общности интересов среди доарийского населения. Поскольку влияние ариев в Индии усиливалось, без сомнения, местные сообщества были вынуждены подправлять древние обычаи в угоду могущественным завоевателям и во многих случаях платить своего рода дань. Но прежние социальные связи племенных и крестьянских сообществ не прерывались. С другой стороны, предрассудки ариев создавали серьезные препятствия для смешанных браков с темнокожими аборигенами. Все это и привело к тому, что некоторым группам среди покоренного населения удалось сохранить свою самобытность. Такие сообщества и явились прототипами каст¹⁶.

Наконец, третьим элементом кастовой системы было положение, впервые четко сформулированное еще в комментарии к Ведам, известном как Брахманы и сводившемся к тому, что все общество самими богами разделено на четыре касты. Первую составляли брахманы, чья повседневная обязанность – жертвоприношения и прочие религиозные церемонии. За ними шли кшатрии, которым надлежит сражаться и править. Затем – вайшьи, имеющие право занимать должности, и на нижней ступени стояли шудры, на долю которых, в особенности тех, кто носил религиозное клеймо, оставалось выполнение черных работ. Первые три из этих каст составляли арии, четвертую – неарии. Брахманическая литература подчеркивала как наследственный характер принадлежности к этим четырем кастам, так и иерархические отношения между самими кастами.

Практика же не соответствовала такой кастовой теории. Правители и воины никогда добровольно не подчинялись брахманам. Кроме того, и от-

¹⁴ Аналогичное отношение к неграм среди «бедных белых» на юге США хорошо известно.

¹⁵ Richard Fick, *Die soziale Gliederung im nordöstlichen Indien zu Buddhas Zeit* (Kiel: C.F.Haeseler, 1897), pp.24-39.

¹⁶ *Cambridge History of India*, I, 129. На окраинных территориях штата Ассам и в некоторых других местах Индии племенные группы, входящие в состав индийского общества, все еще продолжают формировать новые касты. См. J.H.Hutton, *Caste in India: Its Nature, Function and Origins* (Cambridge: Cambridge University Press, 1946), pp.101, 186.

дельным личностям удавалось от случая к случаю преодолевать кастовые барьеры¹⁷. Вводились состряпанные наспех поправки к теоретическому четырехкастовому образцу, обосновывающие деления на подкасты и создание промежуточных каст; впрочем, порой обходились и без обоснований. Все же теория, пусть не слишком соответствовавшая социальной практике, наращивала влияние и, возможно, отвечала за акцент на социальном старшинстве каст, что позднее стало весьма важной частью общественной системы¹⁸.

В наши дни в Индии вместо четырех каст можно насчитать тысячи, если считать кастой социальную группу, членам которой позволительно заключать браки между собой и совместно принимать пищу. Множество каст тем не менее было организовано с соблюдением всех принятых правил и норм, и дисциплина среди их членов по сей день поддерживается угрозой исключения любого, кто нарушает традиции касты¹⁹. Каста, к которой принадлежал человек, определяла его социальную вселенную. Стандарты личного поведения, а также возможности личности в деловых отношениях с другими зависели от касты и более или менее определенных иерархических отношений между самими кастами в рамках всего общества. В результате было достигнуто сочетание преимуществ жизни внутри небольшой группы людей, находящихся в тесном межличностном контакте, с фактом существования в значительно большем и более свободном, но безличном обществе.

Как и почти все прочее в далеком прошлом Индии, хронология становления кастовых принципов остается неясной. Никто не мог бы сказать с уверенностью, когда именно появились касты. Ясно, однако, что многие из современных каст образовались не так давно и при формировании их ядром послужили профессиональные группы²⁰. Кроме того, у всех последующих завоевателей Индии было, хотя порой и не вполне осознанное, стремление вписаться в существующую систему. Например, британская община в Индии образовывала нечто весьма сходное с кастой, хотя лица, отправившиеся из Англии в Индию, не обладали до этого никаким кастовым самосознанием (в том значении слова, которое бытует в Индии). Действительно, как только деление на касты было признано естественной и неизбежной формой организации человеческого общества, система продемонстрировала неограниченную гибкость. Старые касты могли распасться на две и более новых; профессиональные группировки, которые по своей природе, возможно, и не были вполне однородными изначально, быстро становились новыми каста-

¹⁷ Majumdar, *History and Culture*, pp.451-52, 507-10; Fick, *Die soziale Gliederung*, pp.1-8.

¹⁸ J.H.Hutton, *Caste in India*, pp. 155-56, 164.

¹⁹ *Ibid.*, pp. 41-96.

²⁰ Формирование касты, объединившей работников автомобильного сервиса, завершилось всего несколько лет назад.

ми, как только сами люди, входившие в них, признавали эти группировки кастами. Действительно, любая группа «чужаков» рано или поздно оказывалась вынужденной соответствовать основным ограничениям касты на брак и употребление пищи просто потому, что специфические обычаи их соседей неизбежно меняли их собственные.

К 500 г. до н.э. сложная кастовая система современной Индии оформилась лишь в общих чертах. Ее ростки появились, конечно, значительно раньше, вероятно, еще в период первых контактов между ариями и аборигенами (если предположить, что доарийское общество еще задолго до этого не было разделено на нечто, подобное кастам)²¹. Период между 700-м и 500 г. до н.э., когда роль городов в Индии начинала быстро расти, был, вероятно, критическим для принципов кастовой системы. В городской среде смешались личности самого разного происхождения, и все они, вероятно, были способны менять свой статус куда свободнее, чем в более поздние времена. Возможно, лишь некоторое время спустя, после 500 г. до н.э., принципы касты установились и в городах, но в сельской местности строгие и неукоснительно соблюдаемые кастовые правила действовали, по-видимому, еще со времен Будды²².

То, что касты (или протокасты) играли огромную роль в структуре индийского общества в целом, имело важные политические последствия. Сравнительная недолговечность на исторических отрезках индийских государств и империй может быть отчасти объяснена тем, что преданность личности территориально определенному государству была неизмеримо

²¹ Греческий посланник Мегасфен, побывавший при дворе Чандрагупты в конце IV в. до н.э., упоминает семь групп, подобных кастам, на которые, по его словам, было разделено индийское общество. Он отмечал также, что браки между различными группами запрещались. Перевод заметок Мегасфена и комментариев к ним можно найти в книге N.K.Dutt, *Origin and Growth of Caste in India* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1931), pp.280-94. Буддийская литература также упоминает множество каст. См. Fick, *Die soziale Gliederung, passim*.

²² Сообщества крестьян в деревнях Среднего Востока были во многих отношениях сопоставимы с индийскими кастами. Человек, родившийся в деревне, редко оставлял ее. Четкая грань разделяла жителей деревни и «чужаков»; для членов сообщества были строго определены возможности и виды на будущее; и не менее строгим кодексом определялись их отношения с чужаками. Но в городских сообществах Среднего Востока такая общность коллективных интересов имела тенденцию к разрушению. Городские гильдии Среднего Востока и профессиональные ассоциации того или иного рода, возможно, иногда походили на касты. Но ограничения на смешанные браки и на выбор сотрапезников никогда не приобретали силу закона ни в деревне, ни в городе; и человек мог распространиться с унаследованным статусом куда легче, чем в Индии, где принадлежность к касте полагалась естественной, необходимой и нерушимой.

Возможно, это было обусловлено расовым разнообразием и разнообразием культур народов, населявших Индию. Вместе с запретами, связанными с понятием осквернения обрядов, это укрепляло у деревенских жителей или племен, населявших леса, чувство общности коллективных интересов и позволило таким сообществам, как касты, сохраниться даже в городской среде.

слабее по сравнению с преданностью территориально неопределенной касте. Беззаветное служение коллективу, столь явное в территориальном государстве, характерном для европейской истории, было немыслимо в обществе, где приоритетное социальное группирование составляли касты. Ну, а коль скоро глубинное самосознание человека полностью определялось его кастовой принадлежностью, правители и государственные должностные лица могли в лучшем случае рассчитывать на роль неприятных чужаков, а в худшем – на роль угнетателей и тиранов, чьи запросы и действия имели лишь отдаленную связь с жизненно важными отношениями подданных.

При таких обстоятельствах правители и политики имели куда меньшие возможности в Индии, чем на Среднем Востоке или в Европе. Власть государства над мыслями и чаяниями подданных, хотя и не обязательно над ними самими, была значительно слабее. Война и политика поэтому стали сравнительно узкой заботой немногих профессиональных военных, и эти вопросы могли быть опущены в литературе тем более легко, что они были не очень существенны и в повседневной жизни. Такого рода упущения в индийской литературной традиции весьма специфичны и причиняют танталовы муки историкам, ищущим вразумительные политические и хронологические структуры.

Было бы ошибкой думать, что касты в Индии – абсолютно автономные или изолированные социальные группы. Ежедневный процесс общения членов разных каст требовал взаимной и весьма сложной корректировки. Более того, общность некоторых идей и взглядов на природу вещей объединили касты в некое реально существующее культурное целое. Без такой общности точек зрения путей развития оказалось бы столько, сколько каст, и индийская цивилизация не смогла бы существовать как единое целое. Но индийская цивилизация существует, и единство ей обеспечивает религия. Даже в XX в. святой в Индии может достичь таких вершин власти, о которых ни один древний правитель или завоеватель не мог и мечтать. Однако успех Ганди, достигнутый в недавнем прошлом, возник не сам по себе, а явился результатом неустанных трудов несчетного множества святых, живших до него, тех, кто формировал традиции древней индийской цивилизации. Действия правителей, воинов, торговцев и ремесленников – групп, столь важных в развитии культур Среднего Востока и ведущих в развитии Греции, значили не так уж много на земле Будды и Ганди.

Безусловно, это различие могло быть достаточно иллюзорным, так как почти все, что известно нам о ранней индийской цивилизации, мы знаем из документов, переданных жрецами и монахами. Но и это по-своему показа-

тельно, так как указывает на особую роль религии и на то, что стремление к святости играет в жизни Индии огромную роль. Однажды в истории Индии светская литература процветала, о чем, по сути, и свидетельствует «Махабхарата», но светские традиции были либо утрачены, либо забыты, а быть может, попросту поглощены религиозной литературой. Действительно, всепоглощающую мощь индийской религии едва ли можно более убедительно продемонстрировать, чем странной структурой «Махабхараты». Подобно устрице с Малабарского побережья, которая обволакивает жемчугом причиняющую ей беспокойство песчинку, религиозные поэты Древней Индии откликнулись на тщеславие героической войны, обрядив ее исконную жестокость в ризы религиозных наставлений и аллегорий, затенив таким образом центральную для поэмы тему братоубийственной войны.

Как мог дух грубых воинов арийских племен, прославившихся непоколебимостью в сокрушении врагов силой оружия, измениться настолько, что жрецы и святые смогли задавать тон интеллектуальной жизни Индии и предъявили претензии на главенствующее место в обществе? Почему, иными словами, идеалы и мораль ариев развивались в направлении, столь отличным от того, которое преобладало в Европе?

Нельзя не признать, что в этом вопросе остается немало загадочного, но два фактора помогают прояснить специфику направления развития культуры Индии. Первый фактор – это климатические условия. Формирование индийской культуры и самого отношения к жизни происходило главным образом не в Северо-Западной Индии, где климат был сходен с климатом Среднего Востока, а на равнинах Ганга, находившихся круглый год под доминирующим влиянием муссонов. В таком климате открываются совсем иные возможности, чем в более сухом и суровом климате Средиземноморья. Например, большая часть литературы, оказавшая глубинное влияние на культуру Индии, была создана в лесных скитах, где святые жили настолько аскетично, что многие обходились вообще без какой-либо одежды, стремясь лишь к религиозному познанию и достижению озарения. Аскетические крайности, на которые такие люди себя обрекали, неизбежно привели бы к быстрой смерти в более холодном климате, и мудрость, которую они должны были передать пытливым ученикам, не могла быть постигнута в странах, где зимой падал снег или температура опускалась ниже нуля. Во-вторых, доарийское население Индии не могло не иметь своих собственных культурных традиций, хотя их формы и соответствующие институты неизвестны. Многие из того, что обусловило специфику индийской цивилизации, вполне вероятно, возникло в результате трансформации доарийских традиций. Такая трансформация была необходима, чтобы приспособить уже существовавшие традиции к соответствующим учреждениям и склоннос-

тям ариев, что привело в результате к возникновению совершенно новой формы культуры²³.

Точные даты в хронологии религии Древней Индии не могут быть указаны вплоть до времени нирваны Будды (датируется ок. 485 г. до н.э.). Расхождение в религиозных взглядах, которое можно увидеть в дошедшей до нас литературе, происходило в разные времена, среди различных социальных групп и во многих регионах Индии. Кроме того, даже и после того, как философские школы обретали некую форму, они не вытесняли старые доктрины и ритуалы. Напротив, приходил в движение сложный процесс взаимодействия и согласования старых и новых религиозных взглядов. Среди такой неопределенности ученые долго не могли различить четыре «стадии» развития индийской религии. Эта схема приемлема, если только не забывать, что это логическая реконструкция процесса, а не его точное хронологическое описание.

Собрание гимнов, известное как Ригведа, – самый древний пласт дошедших до нас памятников индийской литературы. Боги Ригведы – довольно путанная персонификация сил и явлений природы: солнца, грома, расцвета, огня и священного опьяняющего напитка – *сомы*. Отправления культа, хотя и разработанные до деталей, были исключительно просты: на расположенном вне жилища и неподалеку от огня алтаре происходило ритуальное заклинание жертвенных животных и приношение богам даров, таких как *сома* и *гхи* (топленое масло). Хотя людям и было известно, что боги могущественны, а порой капризны, но боги едва ли сильно отличались друг от друга. Многие гимны могут быть поняты отвлеченно как молитва, обращенная к богу, но с тем же успехом допускают конкретное истолкование как призыв, обращенный к физическому объекту, используемому в ритуале. Возможно, отсутствие каких-либо художественных образов этих богов и было одной из причин такой неопределенности. В любом случае, более по-

²³ В качестве примера того, как это могло происходить, рассмотрим духовный статус брахманов. Брахманы утверждали, что среди каст их каста – первая, и безоговорочно требовали приравнивания к богам. Такие большие претензии, возможно, происходили от того, что в былые времена жрецы индийской цивилизации и впрямь пользовались привилегиями высокого социального статуса. Видя, сколь высокое положение занимают жрецы у аборигенов, жрецы ариев, видимо, и сами брались претендовать на усиление власти, улучшение социального статуса и благосостояния. Идейное оружие, позволявшее отстаивать подобные требования, было всегда под рукой и заключалось в вере в магические силы жрецов, бытовавшей среди доарийских народов.

F.E.Pargiter, *Ancient Indian Historical Tradition* (London: Oxford University Press, 1922), pp.303-11 даже утверждает, что главные семейства брахманов ведут свое происхождение от доарийских народов. Мнение Перджитера основано на изучении Пуран и на такой их интерпретации, которая отождествляет арийские царства с неарийскими в этом запутанном изложении событий далекого прошлого.

здние поколения имели возможность изменять представления о богах без явных отклонений от буквы и духа ведических гимнов. Такая пластичность очевидна в некоторых частях Ригведы, где и был заложен метаморфический плюрализм более поздней индийской религии, свободно объединяющей воедино различных богов пантеона²⁴.

Поскольку ведическая религия в ранней ее форме мало подходила оседлым крестьянам, то, когда арии перешли к оседлой жизни, в которой сельское хозяйство играло все большую роль, а военное дело, напротив, уже не играло ведущей роли, реконструкция доарийских религиозных идей, возможно, стала занимать их куда больше. Во всяком случае, ведических богов обтесывали и подгоняли до тех пор, пока они не стали всецело устраивать жрецов, искусных в произнесении ритуальных текстов и выполнении ритуальных действий. Намеки на такую трансформацию есть и в самих Ведах – в существующей ныне форме Вед дано описание исполнения гимнов в литургических церемониях²⁵; но подробное изложение измененной доктрины перенесено в комментарий, известный как Брахманы. В Брахманах роль богов Ригведы незначительна. Тенденция сливать различные божества воедино особенно проявляется в том, что выдающаяся роль отдается богу Праджапати, который оказывается уже повелителем всего живого и создателем вселенной. Акт жертвоприношения понимается теперь как воссоздание Праджапати и, следовательно, как микрокосмическое воссоздание вселенной. Отсюда следовало, что жрецы, совершавшие жертвоприношение, были выше, чем сами боги, причем это утверждение не только явно изложено в тексте, но на нем делается ударение²⁶.

Жрецы-брахманы, деклариовавшие такого рода претензии, образовывали закрытую и привилегированную касту, к которой могли принадлежать только сыновья брахманов. От брахмана требовалось приличествующее сану поведение, а кроме того, ему надлежало заучить по крайней мере одну из Вед

²⁴ Sir Charles Eliot, *Hinduism and Buddhism: An Historical Sketch* (3 vols.; London: Edward Arnold & Co., 1921), I, 56-58.

²⁵ M. Winternitz, *A History of Indian Literature* (2 vols.; Calcutta: University of Calcutta Press, 1927-33), I, 158-63.

²⁶ Возможно, стоит указать два определения: «Брахман, ведущий свой род от Риши (т.е. провидца и автора ведических гимнов), воистину является всеми богами» и «Брахман – самое высокое божество». Они исходят из «Сатапатха Брахмана», XII, 4, 4-6, и Закона Ману, IX, 319 соответственно, на что указывается в M. Winternitz, *A History of Indian Literature*, I, 200.

По словам папы римского Иннокентия III: «...Даже большим ученым не следует дурно отзываться о простоватых священниках, так как они удостоены высокого духовного сана. Ибо сказано в Священном Писании, «Богов не злословь» [Исход 22:28]. Это относится к священникам, которых называют богами из-за высокого духовного сана и высокого их положения». *Letter to the Faithful at Metz*, trans. Saul Levin from J.P. Migne (ed.), *Patrologiae Cursus Completus*, CCXIV (Paris: 1890), p.697.

и усвоить цель и значение жертвоприношения, изложенные в Брахманах. Взамен жреческих услуг брахманы освобождались от контроля со стороны светских властей, налогообложения, повинностей любого рода; кроме того, они получали щедрые дары и вознаграждения. Жрец, утверждающий, что вмещает в себя всех богов, не мог, разумеется, позволить себе согласиться на меньшее.

Два аспекта развития этого процесса заслуживают особого внимания. Во-первых, брахман был образованным человеком и свое образование приобретал, сидя у ног наставника, знавшего наизусть точные формулировки священных текстов. Все инструкции были устными, требовавшими тренированной памяти; и личности, известные широтой и точностью познаний, естественно, собирали вокруг себя большие группы учеников, стремящихся к знаниям; таким образом возникали неформальные школы.

Во-вторых, появление школ обеспечило институционные рамки, в которых поощрялось и даже требовалось подробное толкование священных текстов, а также создание дополнительного комментария к ним, тем более что с развитием разговорного языка ясность текстов пострадала. Наиболее ранний комментарий – Брахманы – был результатом деятельности именно таких школ. Они воплотили самые смелые домыслы, не сдерживаемые никаким историческим или филологическим грузом познания или требованием соответствовать четко определенным традиционным концепциям теологии. Таким образом, привнесение новых идей и неожиданных толкований в старые ритуалы было ограничено только изобретательностью и живостью языка писателей. Несомненно, было бы ошибкой путать невероятное изобилие их доктрин с распространенной в то время религией или с тем, как ее реально исповедовали в обществе. Есть серьезные основания полагать, что брахманы никогда не пользовались бесспорным превосходством в обществе и никогда не имели столь высокого социального статуса, на который претендовали. И глава аристократического клана, и царь, и воин могли уважать их, могли даже побаиваться их магической силы, но едва ли могли позволить убедить себя в том, что им придется уступать экстравагантным требованиям выскочек-жрецов²⁷.

Есть и другие доказательства того, что действительность расходилась с претензиями брахманов. Об этом говорит сам процесс развития индийской религии. Декларированные школами брахманов божественная власть духовенства и приверженность ритуалам не могли долго оставаться безальтернативными доктринами. Учение, провозглашавшее уход в уединенную аскети-

²⁷ Свидетельства существования конфликтов между классами воинов и жрецов в древнем индийском обществе приведены в Majumdar, *History and Culture*, pp.280-82; Pargiter, *Ancient Indian Historical Tradition*, p.176; Hutton, *Caste in India*, p.135.

ческую жизнь в джунглях, где средства познания божественной истины и путь к святости отшельник выбирал себе сам, видимо, служило религиозной альтернативой в Индии с доарийских времен. По крайней мере, аскетизм стал неперенным атрибутом общественной жизни еще до начала VI в. до н.э. Необычная святость аскетов приобрела широкую известность, и они привлекали ничуть не меньше последователей, чем высокообразованные брахманы. Так возникла вторая, более-менее сознательно соперничающая школа, в которой стремление познать высшую истину было свободно от прямых связей с древними ведическими текстами. Литературный вклад этих лесных школ – трактат, известный как Упанишады. Учение Упанишад знаменует третью стадию развития индийской религии.

Хотя Упанишады бессистемны по форме и учение их по ходу текста меняется, даже самые ранние из текстов разрабатывают ряд тем, свойственных именно этой доктрине. В этих текстах отрицается необходимость жертвоприношений и жреческих обрядов, целью религиозной жизни объявляется «просветление», достижимое лишь путем овладения эзотерическим знанием, а не правильным выполнением ритуальных действий. Овладению таким знанием должны были способствовать наставления и практика воздержания, но, по существу, все сводилось к аскетическим методам и завершалось мистическим опытом, по определению невыразимым словесно.

Что же касается слов, то тексты Упанишад представляют собой попытку постигнуть этот опыт. Многие доктрины, которые впоследствии стали в центр более поздней формы индуизма, ясно выражены здесь впервые, в частности, концепции *брахмана*, *атмана* и *кармы*. Эти термины не могут быть точно переведены, потому что даже в наиболее близких эквивалентах они неизбежно несут отзвуки европейской религиозной и философской мысли. Мы можем, разумеется, понимать *брахман* как универсальную духовную реальность, скрытую за ощущениями, и приравнивать *атман* к человеческой душе. Но все же такое приближенное толкование санскритских значений этих понятий не оставляет нам возможности понять утверждение «Это есть Ты», а именно, что *брахман* и *атман* есть одно и то же²⁸.

²⁸ Многочисленные аллегории в Упанишадах иллюстрируют смысл высказывания «Это есть Ты». Например, диалог между царем Аруни и его сыном Светакету:

«Эти реки текут на восток и на запад, они берут исток в морях востока и морях запада, и потоки их возвращаются в море снова. И они станут морем и не смогут стать ничем иным. И никто не скажет: вот эта река, а вот другая. Так и со всеми живущими. Они возникают из сущего и не ведают, из чего возникли и чем станут они в этой жизни, как не могут весть того и лев, и волк, и вервь, червь или мотылек, и комар, и мошка. Сверхъестественное дает жизнь всему миру. Это есть сущее, это Само. ЭТО ЕСТЬ ТЫ, Светакету». Из *Upanishads*, trans. Swami Prabhavananda and Frederick Manchester (Mentor Pocket ed.; New York: New American Library of World Literature, 1957), p.90.

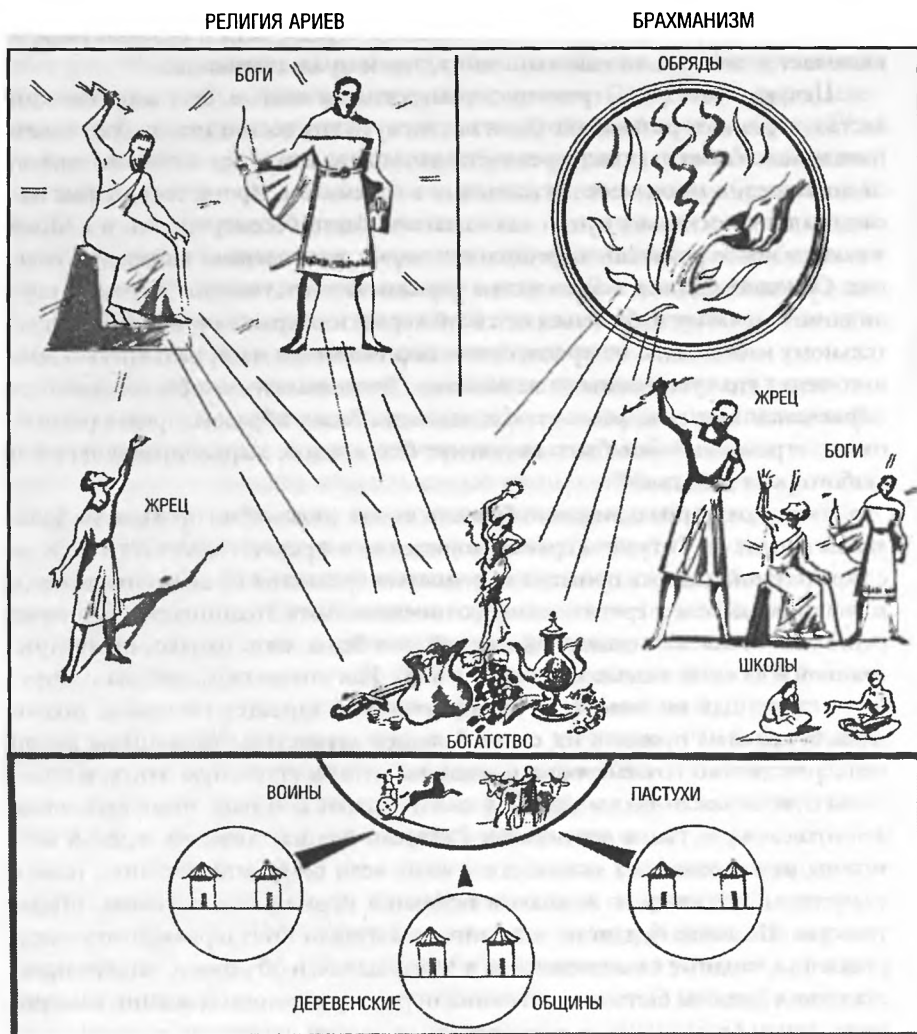
Точно так же карма означает и «действие», и «грех», хотя и особого рода, и включает в себя изъясн как мышления, так и нравственности.

Целью, к которой стремились и мудрецы, и святые, был мистический экстаз, через который может быть постигнуто тождество между брахманом и атманом. Карма являлась препятствием, удаляя или уводя в сторону атман от достижения мистического единения с брахманом. Кроме того, карма наследовалась, поскольку души, как полагали, были бессмертными, и с ними в каждое новое рождение переносилась карма, накопленная в прежних жизнях. Самодисциплина, аскетические упражнения и устные наставления могли помочь атману избавиться от своей кармы и открыть путь к его окончательному избавлению от препятствий, порождаемых материальностью земного тела с его чувственными желаниями. Тогда атман смог бы соединиться с брахманом целиком, полностью и навсегда. Таким образом, предел религиозных стремлений мог быть достигнут без жрецов, жертвоприношений и любого рода действий²⁹.

Такие доктрины осознанно бросали вызов философии брахманов, делающей акцент на ритуале жертвоприношения и прерогативах касты. Все же с характерной для них приспособляемостью брахманы не долго относились к Упанишадам как к еретическому сочинению. Хотя Упанишады никогда не считались столь же священной книгой, как Веда, они, однако, стали признанной и важной частью канона индуизма. Как это ни парадоксально, внутренне присущая им неясность и эзотерический характер их учения позволили брахманам принять их с тем большей легкостью. Упанишады могли непосредственно воздействовать лишь на интеллектуальную элиту, и брахманы отвели место таким людям в своей системе понятий, выдвинув идею, что отшельничество и достижение святости без наставлений жрецов возможны для человека на исходе его жизни, если он в свои активные годы с уважением относился к жрецам и исполнил нормальные семейные обязательства. Но когда буддисты и джайнисты начали популяризировать представления, сходные с изложенными в Упанишадах, и объявили, что эти представления должны быть единственной нормой религиозной жизни, компромисс между брахманами и приверженцами новой доктрины стал невозможен.

Сдвиг в философском мировоззрении, которое получило сложное и пространное выражение в Упанишадах, был весьма радикальным. В поле

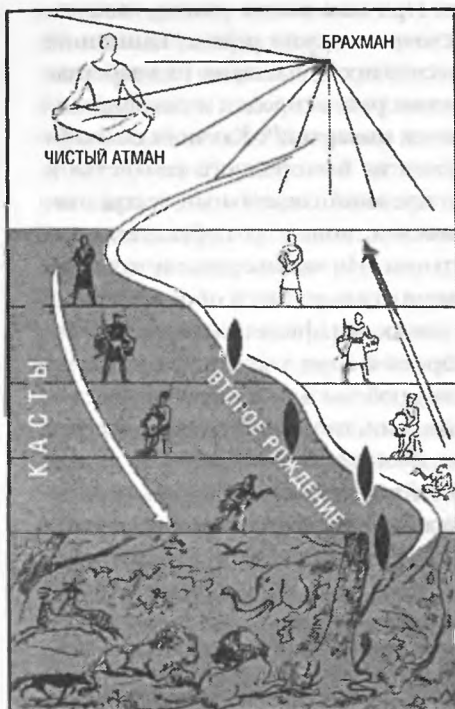
²⁹ В своей попытке выделить наиболее существенные положения доктрины Упанишад я опирался на следующие работы: Winternitz, *A History of Indian Literature*, I, 247-67; Eliot, *Hinduism and Buddhism*, I, 71-86; S.Radhakrishnan, *Indian Philosophy* (2 vols.; New York: Macmillan Co., 1927), I, 137-267; Arthur Berriedale Keith, *The Religion and Philosophy of the Vedas and Upanishads* (Oxford: Oxford University Press, 1925), II, 440-600.

ИНДИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

зрения ведической религии были вполне земные цели: процветание, долголетие и здоровье как награда, которую можно ожидать за хорошие отношения с богами. Книга Брахманы лишь незначительно отличалась в этом смысле, дополняя материальную награду обещанием, что scrupulously исполненное жертвоприношение гарантирует следующее рождение в бессмертном теле. Но Упанишады, презирая простые земные удовольствия, объявляли

УПАНИШАДЫ

БУДДИЗМ

И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

личное уничтожение во вселенском брахмане высшей наградой за праведную жизнь.

Судить о причинах такого изменения крайне сложно, поскольку об устройстве общества в Древней Индии известно слишком мало. Аскетические методы и вера, что посредством аскетической дисциплины может быть достигнута удивительная сила, возникли, возможно, еще в доарийские време-

на. И все же, чтобы появились Упанишады, старые и более наивные системы ценностей должны были прийти в упадок. Причина такого упадка, кажется, ясна: в VII–VI вв. до н.э. свободный аристократический режим, нашедший политическое выражение в племенных республиках и мелких государствах Северной Индии, разрушился под давлением роста городов и самодержавных централизованно-бюрократизированных монархий³⁰. Как повел бы себя в таких обстоятельствах одаренный человек из благородного семейства и какая судьба ждала бы его в мире, где его прежний социальный статус оказался разрушенным? Некоторые, без сомнения, пошли за победителями и стали служить набирающим силу монархиям. Но непокорные и чувствительные души, должно быть, предпочли иной стиль жизни и обрели свободу особого рода в аскетизме, бегстве в леса, где их метафизические размышления о природе и мистических трансах обрели форму текстов Упанишад³¹.

Подобный перенос решения мирских проблем в духовную сферу стал специфической чертой индийской цивилизации, отличающей ее от соседей и современников в Европе и на Среднем Востоке. Вплоть до VI в. до н.э. развитие индийской культуры не слишком отличалось от того, что происходило в других странах. Процесс приспособления обычаев воинственных

³⁰ Воспользуемся грубой аналогией и рассмотрим, что могло бы случиться в Афинах в VI в. до н.э. с идеалами калокагатии, если бы иностранная держава, скажем, Персия, вмешалась в дела Афин и преднамеренными политическими действиями подняла выскочек и иностранцев до вершин власти и тем самым подорвала социальное и экономическое положение класса аристократии. Такая возможность привела бы к полному параличу афинского полиса, и афинская культура, конечно, начала бы искать иные направления, отличные от уже существующих. Когда в IV в. до н.э. аристократию Афин постиг удар куда меньшей силы, один из самых голубых по крови аристократов, Платон, поддерживая, хотя и неохотно, трансцендентальную философию, идеалы которой не многим отличались от идеалов Упанишад или буддизма. О политическом разочаровании Платона см. в его VIII Послании.

О конфликте между индийской аристократией и бюрократическим аппаратом, см. Majumdar, *History and Culture*, p.432. Существует предание, по всей вероятности, отнюдь не беспочвенное, о том, что один из царей уничтожил аристократический клан, в котором был рожден Будда, еще при жизни Гаутамы. T.W.Rhys Davids, *Buddhist India*, p.11.

³¹ В последующие столетия основным методом достижения мистического транса было управление дыханием, в результате чего удавалось, сдерживая дыхание, понизить содержание кислорода в крови ниже уровня, обеспечивающего нормальное сознание. Без всякой специальной тренировки обычный человек, сдерживая дыхание до пределов, когда оно еще поддается управлению сознанием, может вызвать головокружение; но практика позволяет достичь куда более впечатляющих визуальных и психических результатов при более длительном кислородном голодании мозга. Не исключено и даже вполне вероятно, что управление дыханием и было основополагающей методикой, которая послужила фундаментом как Упанишад, так и аскетизму в Индии доарийского периода.

Культурные и исторические последствия такого рода фактов, связанных с физиологией, были огромны. Аскетизм и инспирированные (или по крайней мере усиленные) им видения, вызванные кислородным голоданием, в той или иной степени повлияли на религиозную практику не только индусов, но и мусульман, христиан и даже китайцев, исповедующих буддизм.

ариев к аристократическому и сельскохозяйственному укладу жизни аборигенов во многом походил на тот, что проходил на Среднем Востоке и в Европе. Но когда аристократические семейства долин Ганга подверглись притеснениям со стороны централизованных и абсолютных монархий, их ответ был уникален, поскольку на основе аскетических методов, которые были, вероятно, известны местному населению и в доарийские времена, они, по существу, сформулировали новые мистические идеалы. Найдя литературное выражение в Упанишадах, эти идеалы вскоре стали занимать умы и лишившихся корней горожан, для которых избавление от личных неурядиц и неопределенности новоявленного урбанизма стало насущной проблемой. Подкрепленные выходцами из торгово-ремесленных городов, отшельники джунглей предлагали институционную структуру, в пределах которой могла развиваться самая изощренная аскетическая мистика. Царский двор и рынок сотрудничали с отшельниками джунглей, спеша придать форму выдающемуся оригинальному религиозному мировоззрению, способному удовлетворить умы философической тонкостью, а сердца мистическим экстазом.

Мысли и чувства, выраженные в Упанишадах, популяризировали два духовных вождя, жившие в последней четверти VI в. до н.э. – Махавира, основатель (или реформатор) джайнизма, и Гаутама Будда. Годы их жизни точно не известны, но известно, что они были современниками; и, по-видимому, начали свою деятельность незадолго до или вскоре после 500 г. до н.э.³² Их проповеди и сами их жизни дали начало крупнейшим и наиболее важным религиозным течениям, ознаменовав четвертую, по нашей классификации, стадию развития религии в Индии.

Джайнисты и буддисты бросили вызов обрядности брахманов и нашли массовый отклик. Через два века после смерти Будды Индия, казалось, была на грани того, чтобы стать страной буддизма. Однако брахманизм выжил и в конечном счете стал бороться с противником его же оружием, преобразовавшись в то, что принято называть индуизмом. Индуизм впитал в себя многие положения и идеалы, которые были высказаны в Упанишадах и стали популярны благодаря проповедям джайнистов и буддистов.

С распространением и окончательным формированием джайнизма и буддизма выкристаллизовались отличительные черты мировоззрения индийской цивилизации. К концу VI в. до н.э. сформировались все элементы того, что впоследствии было удачно названо «федерацией культур, известной под

³² Дата смерти Будды известна с точностью до нескольких лет и приходится примерно на 485 г. до н.э. Что же касается Махавиры, то известно лишь, что дата его смерти, в соответствии с различными преданиями и системами датирования, приходится на период между 527 г. и 477 г. до н.э. См. Winternitz, *History of Indian Literature*, II, Appendix I; Jack Finegan, *Archaeology of World Religions* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952), pp.197-99, 248.

именем индуизма»³³, и более поздние изменения никогда уже не нарушали эту фундаментальную структуру.

Мы не станем вникать здесь в сложности джайнистской и буддийской доктрин. Изначальные идеи Махавиры и Будды можно лишь с большим трудом отличить от тех элементов, которые добавлены к их наследию позднее, да и нет оснований полагать, что в первые годы своего существования буддизм или джайнизм подвергались сколько-нибудь серьезным изменениям, как это случилось с христианством, когда оно покинуло свою колыбель в Иудее.

У буддизма и джайнизма немало общего. Обе веры предложили надежду на спасение без жрецов и жертвоприношений. Центрами формирования обеих были группы стремившихся к просветлению и «монахи», к которым тянулись группы мирян, чьи духовные мотивы были менее самоотверженными. Обе веры избрали перевоплощение в качестве основного принципа вселенной, обе искали спасения от круговорота рождений и смерти в истинном знании и правильном поведении, обе были атеистическими.

Но в деталях различия доктрин проявились яснее. Джайнисты полагали *атман* неизменным объектом и проповедовали аскетизм, не исключавший и голодания до смерти, как основное средство освобождения души от кармы и избавления от инкарнаций. Будда, напротив, отрицал неизменность *атмана*, как и всего прочего в мире. После попыток крайнего аскетизма, предпринятых в молодые годы, он решил, что самоистязание бесполезно, и рекомендовал вместо этого средний путь – тихую, умеренную жизнь, практику медитации, религиозные беседы и самоконтроль – как истинный путь к религиозному просветлению.

Доктрина буддизма все больше усложнялась и стала замысловатой настолько, что любого новичка была способна привести в отчаяние. Все же центральная идея Гаутамы Будды о том, что существование и страдание неотделимы и что истинное знание и праведная жизнь могут это страдание прекратить, представляется достаточно простой. Предложенный им способ освобождения не кажется безнадежно запутанным. «Благородный восьмеричный путь» к просветлению состоит из систематического совершенствования, правильного понимания, правильного стремления, правильной мысли, правильной речи, правильного действия, правильного усилия, правильного образа жизни и правильной концентрации. Безусловно, Будда и не пытался объяснить точно, что именно понимается под словом «правильный» в этих фразах. Он учил скорее собственным примером, так что ранняя буд-

³³ Фраза взята из книги N.K.Bose, «Caste in India», *Man in India*, XXXI (1951), 113.

дийская литература по большей части состояла из историй самого Будды (часто сверхъестественных), его деяний и высказываний.

Однако жизнь Будды стала столь существенной для индийской и мировой истории отнюдь не из-за его доктрины, тем более прошедшей в последующем весьма серьезные изменения³⁴, а благодаря разработанной им практики достижения просветления. Причем этот процесс шел без заранее обдуманной цели. Скорее всего последователи Будды, изо дня в день сталкиваясь с обычными проблемами, обращались к Будде, чтобы услышать его мнение, и он постепенно и понемногу создал набор прецедентов, который следующие поколения буддистов объявили обязательным.

Сам Будда вел скитальческую жизнь, задерживаясь в какой-либо местности лишь на сезон дождей. Даже при его жизни набожные миряне жертвовали земли и дома, где бы он и его монахи могли переждать сезон дождей. Так начали возникать монастыри, которые до сих пор остаются важнейшими центрами буддизма. Сначала причисление к кругу последователей происходило после беседы с самим Буддой, но поскольку число обращенных росло, монахи, постоянно пребывающие в одном монастыре, стали принимать неофитов в свои ряды после упрощенного обряда. Дисциплина была добровольной и неформальной. Монахи собирались регулярно для взаимных наставлений, и согрешившие, как правило, каялись в своих проступках публично.

Первые буддийские монастыри, вероятно, копировали дисциплину и методы управления, принятые в аристократических республиканских кланах раннего периода³⁵. В них не было никакой установленной иерархии власти. Решения принимались на общих собраниях монахов, и все назначения происходили в результате неформальных выборов. Таким образом, несмотря на политические обстоятельства, которые сделали прежние аристократические республики нежизнеспособными, Будде в рамках нового сообщества ищущих истины и святости удалось сохранить известный ему с юных лет дух свободы и товарищества. Тем самым он создавал демократическое объединение свободных людей, в котором любой, всерьез посвятивший себя поискам истины, мог быть причислен к сообществу буддистов и занять в нем соответствующее место независимо от знатности рода. Более того, переводя основные принципы сообщества в религиозную плоскость, ему и его последователям удалось ускользнуть из рук крепнущих монархий, которые разру-

³⁴ Популярный буддизм едва ли соответствует тому абстрактному и безличному видению вселенной, которые ученые приписывают (имея на то достаточно серьезные основания) самому Будде.

³⁵ Это мнение основано на информации, почерпнутой мною из работы: Ernst Waldschmidt, «Indien in vedischer und frühbuddhistischer Zeit», in Fritz Valjavec (ed.), *Historia Mundi*, II, 545.

шили тип аристократического политического сообщества, известного Будде в детские годы³⁶.

Создавая объединения ищущих религиозного просветления и мира, Будда, казалось, не открывал ничего нового. Святые с учениками издавна были отличительной особенностью индийской социальной сцены, и нет причин думать, что Будда предполагал, что группы, которые сформировались вокруг него, сохранятся на века. Но само число привлеченных им последователей, исключительная сила его индивидуальности и прежде всего установленные им на каждый день практические правила поведения каждого члена сообщества – все это вместе обеспечило единение его последователей на все последующие поколения³⁷.

Таким образом, вероятно, безо всякого заранее обдуманного намерения была создана своего рода церковь. Поначалу это была церковь без иерархической организации и общественного культа, которые так глубоко связаны со всеми христианскими церквями, хотя эти элементы иногда добавлялись к уставам буддийских общин позднее.

Без сомнения, индийское общество с его кастовой структурой было особенно восприимчиво к созданию социальной организации, тяготеющей исключительно к религиозным целям и удалившейся от мирской политики настолько, насколько это вообще возможно. Все же не следует упускать из виду исключительный характер такого института. Мысль о личном стремлении к святости вне рамок нормальной жизни не могла бы и в голову прийти греческим современникам Будды, для которых религия и государство были нераздельны. Постоянные трения между церковью и государством в Европе иллюстрируют трудности, с которыми сталкивались умы европейцев в попытках отделить религию от других сфер жизни. Ничего подобного последующая индийская история не знала. Буддисты и любые другие религиозные течения могли свободно вписаться в индийскую религию как еще одна каста, и индийские правительства готовы были дать всем таким социальным группам весьма широкую автономию.

Буддийский образ жизни, поддерживаемый монастырями, привлек миллионы приверженцев и направил их жизни в новое русло. Таким образом, тот тип отношений между наставником и учениками, который связы-

³⁶ Если верить благочестивым историям, Будда по рождению был принцем аристократического клана республики. Несмотря на трения между такими государственными образованияами и крепнущими монархиями, некоторые цари долины Ганга активно покровительствовали первым буддийским объединениям. Возможно, некоторых правителей прельщали сверхъестественные возможности, но, кроме того, монашеские общины, очевидно, играли и роль предохранительного клапана, так как благодаря им многие недовольные могли находить вполне аполитичный выход политическому разочарованию, становясь монахами.

³⁷ Это можно сравнить с ролью св. Бенедикта в создании монастырей христианского мира.

вал Будду и его последователей, не исчез бесследно, а был канонизирован и сохранился на века³⁸. Была чрезвычайно развита способность проникновения в сущность отдельного человека и понимание его индивидуальности. Особое видение мира, которое постепенно обретало форму в среде индийских религиозных отшельников, становилось доминирующим во всей Индии. В то же время несколько измененные формы такого видения нашли сторонников в Китае, Японии, Бирме, Сиаме и Тибете.

Длительный и многообразный путь распространения буддизма стал возможным, конечно, лишь благодаря тому, что традиционные версии учения Будды выкристаллизовались в корпус канонической литературы. Существует несколько во многом различных канонов учения. Канон *пали*, распространенный на острове Цейлон, возможно, наиболее близок к учению Будды. Но хотя большинство ученых и принимает отдельные фрагменты этого канона как достаточно точные версии проповедей Будды, невозможно установить, где кончается история и начинаются домыслы. Фигура Гаутамы Будды была очень давно окружена сверхъестественной аурой; и более поздние поколения почитали его как бога и спасителя, что явно противоречило основам его первоначальной доктрины³⁹.

Индийская культура во многих отношениях все еще находилась в процессе формирования, когда Будда и Махавира уже умерли. Неизвестно, например, ни одного произведения изобразительного искусства, позволяющего точно датировать наступление эры буддизма, а поскольку исповедующим брахманизм не требовались ни храмы для отправления церемоний, ни статуи для поклонения, можно предположить, что художественные идеи того времени воплощались в дереве и других материалах, неспособных противостоять времени. Политическая организация страны также была еще далека от стабилизации. Большая часть территории была в ту пору покрыта джунглями, а Юг жил своей собственной жизнью, о которой фактически ничего не известно. Не следует также забывать, что не буддизм, а преобразованный в общедоступную форму брахманизм, известный как индуизм, стал в конечном счете преобладающей религией, так что и после того, как буддизм окон-

³⁸ Современные индустриальные корпорации заимствовали подобные отношения от предшествовавших им частных предприятий или товариществ, сложившихся в экономической истории Европы. Практические последствия совместного делового сотрудничества в своем роде мало чем отличались от практических результатов, которые последовали за основанием популярных религиозных сообществ, первыми примерами которых были, по-видимому, буддисты и джайнисты.

³⁹ Мои суждения о жизни и учении Будды почерпнуты из следующих трудов: Eliot, *Hinduism and Buddhism*, I, 127-345; Winternitz, *A History of Indian Literature*, II, 1-423; T.W.Rhys Davids, *Buddhism: Its History and Literature* (New York: G.P.Putnam's Sons, 1896); S.Radhakrishnan, *Indian Philosophy*, I, 581-611.

чательно сформировался, религиозное развитие Индии отнюдь не остановилось.

Иными словами, индийская цивилизация в V в. до н.э. была исполнена жизненных сил и перед ней простирался долгий путь исторического развития. Тем не менее направление роста и некоторые его рамки к тому времени, когда Будда умер, были уже определены. Важнейший общественный институт – кастовая структура – и основные положения религиозного мировоззрения, которые дали направление развития всей последующей индийской истории вплоть до нашего времени, уже проявилось. Таким образом, вырисовались важнейшие отличительные черты индийской цивилизации.

В. ФОРМИРОВАНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

О древней истории Греции известно намного больше, чем о возникшей в то же время цивилизации в Индии. Основные события греческой истории могут быть приблизительно датированы начиная с 1500 г. до н.э., а к VI в. до н.э. – очевидно, важнейшему периоду формирования греческой и индийской цивилизаций – исторические события и личности в жизни тогдашней Греции начинают вырисовываться с такой четкостью, которая немыслима для того же исторического периода на территории к югу от Гималаев.

Этот факт можно отчасти объяснить тем, что район Эгейского моря поддерживал намного более тесные контакты с ранее возникшими цивилизациями Востока, чем Индия. Зачастую археологические находки, относящиеся к Древней Греции, можно датировать по предметам, завезенным со Среднего Востока, а в некоторых случаях в египетских и хеттских письменных источниках имеются записи о контактах с народами Эгейского моря. Именно эти источники, обнаруженные на Среднем Востоке, а не памятники, оставленные самими греками, позволяют составить достаточно точную хронологию событий в Греции II тыс. до н.э.

Более существенной причиной нашей лучшей осведомленности о древнегреческой истории является тот интерес к ней, который проявляли сами греки, в отличие от своих индийских современников, составляя исторические документы. «Человек – животное общественное», – сказал Аристотель, и это определение наилучшим образом подходит для Древней Греции, где учреждения полисов (городов-государств) охватывали почти все потребности человека. Индийские мыслители, напротив, были совершенно равнодушны к временным и событийным аспектам реальной жизни, занимаясь категориями бесконечности в их внутренних и внешних проявлениях. Как следствие, в индийских литературных памятниках крайне мало сведений о соци-

альных условиях и политических событиях, в то время как греки изобрели и светские хроники, и политическую теорию.

В отличие от письменных памятников Индии, культурные ценности греков были сосредоточены вокруг реальной жизни индивидуума и общества, и история имела для них определенное значение. И все же последовательное изложение событий греческой истории становится возможным только в V в. до н.э. Но и тогда на исторической сцене доминируют Афины и Спарта, а остальные государства остаются в их тени. Ранний период греческой истории можно восстановить лишь в общих чертах, и при этом останется много неясностей.

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Нет ни археологических, ни литературных источников, указывающих, когда грекоязычные племена начали заселять Балканский полуостров. Возможно, первые такие группы достигли территории современной Греции уже вскоре после 2000 г. до н.э.⁴⁰ Однако в продолжение нескольких столетий как на самой территории Греции, так и на островах Эгейского моря культура развивалась со значительным отставанием в сравнении с культурой Крита.

Начиная примерно с 1600 г. до н.э. на территории Греции укоренился более передовой уклад, опиравшийся на несколько крупных укрепленных центров, таких как Микены. Эта культура подверглась значительному влиянию минойской цивилизации Крита; и многие из сохранившихся произведений искусства этого периода неотличимы от произведений критской культуры той эпохи. Тем не менее есть основания полагать, что многие другие аспекты жизни на полуострове значительно отличались от тех, что доминировали на Крите. В частности, многие образцы оружия, найденные при археологических раскопках вблизи мощных фортификационных сооружений, господствовавших над городами микенской эпохи, не соответствуют тем, что применялись на Крите. Очевидно, в Микенах правили воины, а не жрецы-цари⁴¹.

Становление цивилизации на материковой части Греции требовало значительной политической и экономической централизации. Для возведения мощных фортификационных сооружений в Микенах, не говоря уже о горо-

⁴⁰ Появление грекоязычных воинов на территории современной Греции было частью куда более массового процесса переселения народов, в результате которого искусство выплавки бронзы и так называемые индоевропейские языки распространились по всей территории Европы.

⁴¹ О связях критской и микенской культур см. Helene J. Kantor, *The Aegean and the Orient in the Second Millennium B.C.* (Archaeological Institute of America, Monograph No.1 [Bloomington, Ind.: Principia Press, 1947]).

дах поменьше, требовалось объединение усилий большого числа людей. Сейчас невозможно установить, как именно такая централизация была впервые достигнута. Возможно, завоеватели, связанные закаленной в боях воинской дисциплиной, захватив страну, разделили ее на «уделы» между командирами, однако нельзя исключить, что концентрация власти происходила постепенно и в конце концов эта власть сосредоточилась в руках правителей Микен.

Так или иначе, одной из основ социальной структуры Микен была аристократия, выдвигавшаяся во время военных действий. Колесницы появились в Греции примерно в середине II тыс. до н.э., и детали конструкции и упряжи позволяют заключить, что прототипом им послужили колесницы, принятые на вооружение в Сирии⁴². Возможно, отряды заморских искателей счастья (быть может, это и был мифический царь Пелопс) передали грекам новую тактику ведения войны, или же ремесленники, умевшие делать колесницы, были захвачены при набегах на берега Леванта. В любом случае в результате появления новой технологии могла появиться и аристократия или, по крайней мере, еще больше укрепилось влияние тех, кто был в состоянии изготовить снаряжение военной колесницы.

Таким образом, развитие Микен было сходно с развитием цивилизаций Среднего Востока. Подобно государствам касситов, митанни, хеттов и гиксосов, Микенское царство также опиралось на колесничную аристократию, происходившую из варварских племен. И точно так же, как завоеватели Среднего Востока заимствовали и адаптировали культуру покоренных ими более цивилизованных стран и их соседей, микенская культура в своем развитии стала следовать образцу ближайшей культуры – критской – и быстро переняла внешние атрибуты этой цивилизации⁴³.

Есть, однако, одно принципиальное отличие в устройстве общества в Микенском царстве и государствах хеттов, касситов или митанни. Последние были простыми сухопутными народами, тогда как правители Микен неустанно осваивали море, и микенцы господствовали на нем не только как торговцы, но и как пираты. Пути микенских мореплавателей пролегли далеко. Контакты с Малой Азией, Кипром, Левантом и Египтом были обширными и интенсивными. И следы пребывания уроженцев Микен обнаруже-

⁴² Eugen von Mercklin, *Der Rennwagen in Griechenland* (Leipzig: Druck von Radelli und Hilde, 1909), pp.1-2.

⁴³ Критские ремесленники, возможно, захваченные во время военных кампаний, а возможно, привлеченные царскими милостями, скорее всего и создали многие произведения искусства из тех, что были найдены на территории материковой части Греции. В произведениях искусства микенской культуры трудно обнаружить принципиальные отличия от стиля критской культуры вплоть до периода, следующего за разрушением Кносса, которое произошло примерно в 1400 г. до н.э.

Фото Max Hirmer, Мюнхен.

ВРАТА МИКЕН

Это главный вход в крепость Агамемнона, возведенную на вершине крутого холма. Он был обращен в сторону плодородных равнин Аргоса и позволял контролировать путь через горы на север к Коринфскому заливу. Стоящие на задних лапах львы напоминают хорошо известный еще в искусстве Месопотамии мотив. Массивность крепостных стен, равно как и сама конструкция ворот — если воин не был левшой, то при входе в ворота он мог быть атакован со стороны, не прикрытой щитом (т.е. сверху правой стены укрепления, показанного на фотографии). Все это свидетельствует о воинственном характере микенского общества.

ны в столь удаленных землях, как Сицилия, Сардиния. Есть также не вполне достоверные свидетельства об их пребывании в Испании и Британии⁴⁴. Сейчас трудно судить, чем преимущественно занимались микенские мореплаватели – пиратством или торговлей, тем более что в те времена различие было весьма призрачным. Тем не менее нельзя не отметить следующее. Пока Египет оставался мощной военной империей, т.е. вплоть до XIV в. до н.э., нет никаких указаний, что микенский флот участвовал в каких-либо операциях, кроме мирных торговых рейдов вдоль Левантийского побережья. Поэтому нельзя исключить, что предания о «владычестве Миноса на морях», сохранившиеся в памяти греков, относятся к той эпохе, когда мощный и хорошо организованный флот критян держал пиратство в Эгейском море под контролем. Однако приблизительно после 1400 г. до н.э. флот критян пришел в упадок, и с материковой Греции вырвались морские пираты и грабители. Кносс и сам, возможно, стал жертвой набегов вышедших в море жителей материка. Аналогично микенские мореплаватели вполне могли оказаться среди тех «народов моря», которые осуществляли набеги на побережье Египта в конце XIII в. до н.э.⁴⁵. Не исключено, что гомеровская «Илиада» – отголосок одного из таких набегов, на этот раз в северо-восточном направлении, к Трое у пролива Дарданеллы, который традиционно (и, не исключено, довольно точно) датируется 1184 г. до н.э.

По всей вероятности, богатства, добытые за морем, и явились тем центрирующим фактором, который сплотил Микенское царство. Только располагая значительными запасами золота и других ценностей, верховный правитель Микен мог вознаграждать своих приверженцев и соратников с той свободой, какой они от него ожидали, и лишь продуманная щедрость могла позволить правителю содержать войско настолько сильное, чтобы не опасаться возможного противодействия со стороны вассальных князей. Но когда волнения и беспорядки в египетском и хеттском царствах стали препятствовать торговле и тем самым уменьшать доходы Микенского царства, правители Микен решили захватить силой то, что раньше удавалось заполучить более мирными средствами⁴⁶.

⁴⁴ *Cambridge Ancient History*, II, 459; Pierson Dixon, *The Iberians of Spain and Their Relations with the Aegean World* (Oxford: Oxford University Press, 1940), pp.18-21.

⁴⁵ Окончательный отпор морским набегам был дан примерно в 1190 г. до н.э., когда в результате совместных действий армии и морского флота фараона были разбиты как сухопутные, так и морские группировки, осуществлявшие набеги с севера. Те пираты, которым удалось уцелеть, нашли приют в Палестине, где со временем и образовали известное по Библии племя филистимлян, дав этническое название земле, на которой они поселились. См. A.R.Burn, *Minoans, Philistines and Greeks, B.C. 1400–900* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1930).

⁴⁶ Это может быть рассмотрено как частный случай более общей и простой закономерности в отношениях жителей возвышенностей и долин Среднего Востока и Средиземноморья,

С другой стороны, в перспективе массовое обращение к насилию подрывало власть верховного царя. Каждый разоренный город означал меньше средств для поддержания аппарата централизованной власти. Неудачные кампании, как, например, против Египта в начале XII в. до н.э., должны были отбить охоту князьям и царькам затевать новые войны. В конце концов, после провала военных походов, когда казна верховного правителя стала пустеть, возможность мятежа со стороны разочарованных приверженцев, а тем более соперников становилась все более реальной. В последующей истории Греции возникавшие при подобных социальных напряжениях беспорядки смогли в значительной степени облегчить жившим на соседних территориях менее развитым варварским племенам, таким как дорийцы, возможность вторгнуться на земли Микенского царства и разрушить его. Можно заключить, что микенские цари в надежде обрести могущество решились на грабеж и разбой, но в конце концов потеряли и само царство.

Как бы то ни было, вскоре после 1200 г. до н.э. пришедшие с севера дорийцы разграбили великие цитадели и разрушили Микенское царство⁴⁷. Это вторжение вызвало крупномасштабную миграцию, которая продолжалась чуть ли не до 1000 г. до н.э. и, вне всякого сомнения, привела к смешению и многократным вторичным миграциям населения. Сами дорийцы осели преимущественно на территориях, расположенных вблизи древних центров Микенского царства, возможно, потому, что там они нашли наиболее соблазнительные трофеи и наиболее плодородные почвы. В конце концов самые плодородные земли Пелопоннеса, Крита и Юго-Западной Малой

которая уже обсуждалась ранее. Различие заключается лишь в том, что отнюдь не недостаток в пище побуждал микенских «викингов» к их набегам. Они бросались в бой ради престижа и роскоши, которые позволили бы верховному правителю Микен поддерживать власть и величие, раздавая золото, бронзу и рабов своим приверженцам. Поэтому не столько простые селения, сколько города, центры развитой цивилизации, были настоящей целью захватчиков. Так же, как селения, расположенные на вершинах, оказывались в маргинальном положении по отношению к долинам, точно так же и города микенского царства были в маргинальном положении по сравнению с богатыми и более развитыми городами Среднего Востока. Весьма возможно, что источником роскоши Агамемнона были отнюдь не ресурсы его страны, а богатства иных земель, достававшиеся ему в результате войн и торговли с ними. Иными словами, политическая централизация в микенскую эпоху была возможна лишь благодаря паразитическим связям с более старыми и развитыми культурами – на начальном этапе с цивилизацией Крита, а на более позднем этапе микенской культуры и с городами побережья Леванта. Напрашивается сравнение с взаимоотношениями развитых цивилизаций с империями, возникшими в степной зоне, начиная с эпохи сюнну (III в. до н.э.) и вплоть до XVIII в. н.э., т.е. до того времени, когда эпидемия оспы и армии Китая разрушили последнюю степную державу – конфедерацию калмыков.

⁴⁷ Вторжение дорийцев совпало или произошло вскоре после того, как в Греции появились оружие и инструменты, изготовленные из железа. С возможными социальными последствиями подобных перемен мы уже знакомы по истории Востока, имеется в виду демократизация военной тактики и локализация политической власти.

Азии оказались во власти дорийцев, в то время как остальные менее пригодные для земледелия территории достались остальной части населения Греции, чьи предки владели землями задолго до того, как их захватили дорийцы. Например, Аттика стала «ионийской», то же произошло и с рядом городов в центральной части Малой Азии, расположенных вдоль побережья Эгейского моря. В этих городах, где в период нашествия дорийцев нашли приют беженцы с территорий Греции, из рудиментов древней культуры малопомалу началось становление нового стиля жизни, который в конце концов и привел к расцвету классической греческой культуры.

Стремительное развитие Ионии произошло отчасти благодаря ее географическому положению, облегчавшему постоянные и тесные контакты с высокоразвитой культурой Востока. Возможно также, что именно по другую сторону Эгейского моря лучше всего сохранились остатки высокоразвитой микенской культуры. Ионическое (или, быть может, эолийско-ионическое) происхождение поэм Гомера – лучшее тому свидетельство. Можно без труда обнаружить, что в этих поэмах сохранились отголоски культуры эпохи Микенского царства и они представляют последний расцвет поэтической традиции, уходящей своими корнями в эпоху, предшествующую вторжению дорийцев⁴⁸.

Другим стимулом быстрого развития ионической культуры было то, что в чуждой и потенциально враждебной среде возникала настоятельная необходимость социального и политического единства. Беженцы, прибывшие из разных земель, с различным семейным укладом и традициями, вынуждены были порвать с прошлым и начать жизнь сначала хотя бы уже потому, что сам переезд за море обрывал связи с прежним общественным укладом⁴⁹. Таким образом, греческим поселенцам в Ионии вольно или невольно приходилось проявлять немалую гибкость в тех случаях, когда речь шла о становлении политических и социальных условий, в которых им предстояло жить. В результате этого процесса им удалось заложить основы того, что впоследствии привело к созданию важнейшего института культуры Греции – полиса⁵⁰.

⁴⁸ См. Martin P.Nilsson, *Homer and Mycenae* (London: Methuen & Co., 1933); Denys L.Page, *History and the Homeric Iliad* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1959); M.I.Finley, *The World of Odysseus* (New York: Viking, 1954).

⁴⁹ В работе A.J.Toynbee, *A Study of History* (London: H.Milford, Oxford University Press, 1934), I, 84-100 можно найти немало тонких и проницательных замечаний, касающихся социальной гибкости иммигрантов, вынужденных поселиться за морем.

⁵⁰ Многое в развитии Ионии и прилегающей к ней части побережья Малой Азии остается неясным, как, впрочем, и все, что происходило на материковой части Греции в первые столетия после нашествия дорийцев. Археологические раскопки, в частности те, что проводились на территории «Старой Смирны», свидетельствуют, что первые греческие поселенцы в

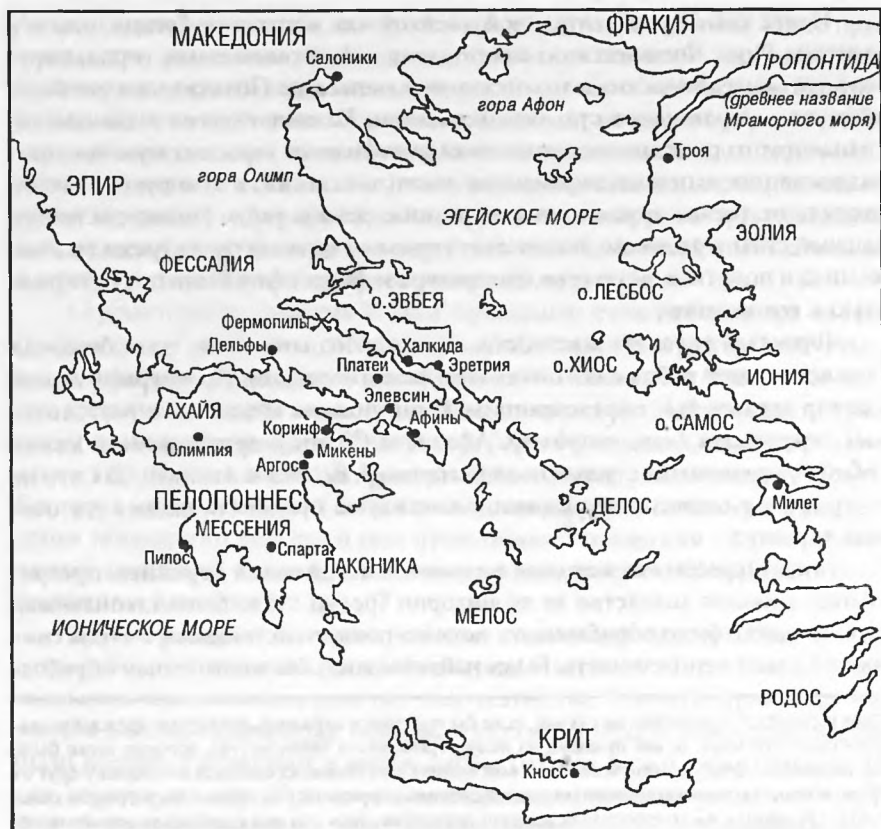
Полис стал фундаментальной ячейкой как в культуре Греции, так и в культуре Рима. Физически он представлял собой селение или город, окруженный земледельческими хозяйствами и выпасами. Политически это было общество, управляемое судьями и законом. Психологически – самодостаточная группа граждан, состоящая исключительно из взрослых мужчин, принадлежавших к привилегированной части населения, в которую не могли входить не только чужаки, но и женщины, дети и рабы. Полис, достигнув высшей стадии развития, полностью управлял жизнью своих граждан. Экономика и политика, искусство, литература и философия были почти полностью в его ведении.

Гористый характер местности, вне всякого сомнения, способствовал возникновению небольших политических образований. Но географический фактор едва ли был определяющим. Одни полисы объединяли разрозненные территории (как, например, Афины и Спарта), другие делили между собой соседние плодородные поля (например, Беотия и Ахайя)⁵¹. Так что не география, а социальные условия и институты придавали полису его особый характер.

Когда переселение народов, вызванное вторжением дорийцев, прекратилось, сельское хозяйство на территории Греции стало более стабильным. Уже не нужно было обрабатывать поля до полного истощения, а затем сниматься с насиженного места. Были найдены способы многолетней обработ-

Ионии селились компактно на случай, если бы пришлось отражать нападения враждебно настроенных туземцев, и, как правило, на полуострове или в таких местах, которые легко было бы защищать. Необходимость во взаимной защите заставляла их селиться неподалеку друг от друга, и впоследствии такие компактные поселения превратились в города. Непрестанная опасность, грозившая им со стороны коренного населения, день ото дня сплачивала ионийцев все больше, возможно, даже сильнее, чем военно-политические структуры городов или полисов. Для сравнения укажем, однако, что темпы урбанизации и образования политических структур полисов намного опережали таковые на материке. Так, поселения беженцев с материка поначалу были достаточно рассредоточены и объединены племенными и семейными узами. В Ионии, напротив, родственные связи были разорваны после бегства за море, и когда кому-либо требовалась помощь в защите от коренных жителей, поневоле приходилось создавать новые политические связи взамен родственных. В Ионии эта проблема решалась путем создания территориальной единицы – полиса. Интересное обсуждение ранней истории Ионии можно найти в работе: Carl Roebuck, *Ionian Trade and Colonization* (New York: Archaeological Institute of America, 1959), pp.24-41.

⁵¹ Республики Северной Индии в VI в. до н.э. и некоторые города-государства Среднего Востока, расцвет которых приходился на начало I тыс. до н.э., во многом напоминали греческие полисы. Но эти сообщества были разрушены уже на ранней стадии великими территориальными монархиями, в то время как греки в персидских войнах 493–479 гг. до н.э. смогли успешно противостоять внешней угрозе. Это стало возможным благодаря их периферийному положению по отношению к центрам цивилизации Среднего Востока и зависимости персидской армии от снабжения по морю. Никакими подобными географическими преимуществами протополисы Индии и Среднего Востока не обладали. В этом смысле географический фактор оказался куда более существенным, чем это отмечено мною в тексте.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

ки почвы, и коль скоро подобные усовершенствования были введены, появились условия для оседлого образа жизни. По мере того как верхушка племени превращалась в аристократов-землевладельцев, отмирали и племенные связи и общество постепенно распадалось на отдельные семьи⁵².

Существовало, однако, немало проблем, которые отдельные семьи решить в одиночку были не в состоянии. Одна из них – невозможность бес-

⁵² В некоторых областях материковой Греции могли сохраниться, хотя и в слабой форме, микенская организация общества и сходный с микенским административный аппарат, и почти наверняка это произошло в Ионии. Возможно, это произошло и в Аттике, поскольку, согласно легенде, Тезей был первым, кто объединил земли в эпоху Микенского царства, и царствовавший после него Кодр сумел собрать войска всей Аттики для отражения нападения дорийцев. Рудименты микенской структуры устройства общества можно усмотреть и в том, что жители Аргоса претендовали на главенствующее положение в Пелопоннесе.

печить личную безопасность. В те далекие времена наказанием за преступление могла быть лишь месть либо самого потерпевшего, либо его родственников. Но кровная месть часто выходила из-под контроля и оказывалась разрушительной для обеих сторон. В этом, возможно, и крылся самый сильный стимул для создания соответствующих общественных институтов, поскольку у самих враждующих групп нередко возникала необходимость в разрешении их споров третейским судом. Традиционно роль миротворцев возлагалась на вождей племен, иначе распри ставили под угрозу сплоченность соплеменников. Этот аспект традиционной власти племенных вождей не был полностью утрачен и после многочисленных массовых миграций, хотя и не совсем понятно, как могли цари распространить свою власть на столь большие расстояния и умиротворять непокорные семейства. Возможно, силу царским решениям придавало то, что они принимались совместно с неким советом, состоявшим из пользовавшихся доверием лиц, конкретно решавшим, что именно следует предпринять в том или ином случае. Несогласие или открытое неповиновение одной из участвовавших в тяжбе сторон, должно было в этом случае привести к применению силы со стороны не только царя, но и членов его совета, которые в этом случае без особых колебаний могли бы прибегнуть к оружию.

Другой общественной функцией было руководство ведением войн. О военной организации греков в период с 1000 г. по 600 г. до н.э. почти ничего не известно, однако мы знаем, что ближе к концу этого периода конница играла решающую роль в их тактике ведения войны. У всадников было множество преимуществ: они могли быстро менять позицию и появляться в неожиданном для противника месте, не давая пехоте времени, чтобы перестроить боевые порядки. Однако лишь люди с немалым достатком могли стать всадниками, поскольку естественный травяной покров лугов Греции был весьма скуден и лошадей приходилось кормить почти круглый год зерном. В той же степени, в которой конница была эффективней пехоты на полях сражений, возрастало и влияние знатных землевладельцев на жизнь общества.

Баланс сил на раннем этапе становления общества в Греции определялся тенденцией объединения наиболее влиятельных семей в целях ограничения царской власти. Уже на раннем этапе это привело к созданию аппарата советников царя, членами которого назначали лишь представители влиятельных семей. Более того, поскольку не было полной уверенности, что коллегия судей всегда и во всех случаях будет служить интересам сообщества землевладельцев, совет всех влиятельных землевладельцев стал собираться чаще, чтобы активнее участвовать в принятии важных решений. Несомненно, в разных государствах эти процессы значительно различались в деталях, но к

VIII в. до н.э. наиболее влиятельные аристократы узурпировали большую часть царской власти. В Афинах, например, было отменено право на наследование царской власти и сам царь стал не более чем судьей, назначаемым на строго определенный срок, причем его функции были преимущественно религиозными. Другие судьи были заняты решением юридических или военных вопросов, в то время как состоявший из аристократов ареопаг выполнял общий надзор за процессами в обществе.

Благородные семейства, активно участвовавшие в управлении полисом, стали селиться неподалеку от административных зданий, что постепенно определяло характер центра города. Центр, который, как правило, изначально выбирали из соображений безопасности, начинал притягивать тех, кто занимался искусством или торговлей, хотя эти группы населения прежде и не имели большого значения в обществе. Поэтому и стиль жизни города изначально определяла аристократия, а не купцы или ремесленники. Это обстоятельство наложило прочный отпечаток на жизнь всех греческих городов. Еще по прошествии многих сотен лет даже в наиболее активных торговых и ремесленных центрах возникшие в аристократической среде идеалы личной и общественной жизни продолжали оставаться неизменными⁵³.

Шло время, и престиж знати рос и за пределами городов. Начиная с тех времен, когда население Греции стало оседлым и взялось за земледелие, вождям племен доставались, по-видимому, более крупные наделы земли, чем их скромным соплеменникам. К VII в. до н.э. во многих областях Греции перенаселенность стала серьезной проблемой. Крестьянские наделы дробились, и в неурожайные годы бедные фермеры были вынуждены брать зерно и продукты питания в долг у более богатых соседей. Расплачиваться им приходилось либо своей землей, либо своей свободой, которую они теряли, если долг не удавалось вернуть. Даже если неурожайные годы шли один за другим, знатные землевладельцы были защищены от нужды уже одним тем, что владели обширными землями, а потому оказывались и в этом случае в более выгодном положении и еще больше обогащались, давая в долг⁵⁴. В

⁵³ Это отличает города Греции от тех, что возникали в Северной Европе в конце средних веков. Общественными лидерами и судьями в средневековых городах были торговцы, чьи моральные идеалы были далеки от тех, которые исповедовала аристократия, состоявшая из землевладельцев. А поскольку наиболее выдающиеся произведения культуры начиная с древних времен создаются преимущественно в городах и населением городов, это различие в жизни древних и средневековых городов внесло порой неуловимые, но глубинные различия в культуру этих двух эпох. Занятие ремеслами, например, никогда не считалось похвальным ни в Риме, ни в Греции, поэтому и занятие искусством неизменно носило оттенок чего-то недостойного.

⁵⁴ Эти процессы, возможно, происходили в то же время, когда в греческое военное дело была введена кавалерия, что придавало знати в греческом обществе еще больший вес.

Главное управление древностей
Кампании (Soprintendenza alle Antichità
della Campania), Неаполь.

ФАЛАНГА

Первая из этих греческих ваз датируется концом VII в. до н.э., когда фаланга была еще нововведением, а вторая, менее поврежденная, была расписана, по-видимому, двумя поколениями позднее. На верхнем фото показаны две шеренги фаланги, атакующие на полном ходу, но строго держащие шаг, а конница охраняет каждый фланг боевого порядка. В реальном бою задние шеренги фаланги сближались с передними, образуя единую, слаженно действующую человеческую массу. Художнику же, расписывавшему вазу, пришлось, руководствуясь чисто художественными соображениями, разделить шеренги и показать только две из них. Детали тяжелого вооружения пехотинцев (гоплитов) — шлемы, щиты, копья и наколенники — более отчетливо видны на фото внизу.

Собрание древностей
(Antikensammlung), Мюнхен.

результате этих процессов вражда между классами все больше обострялась и привела к жестоким столкновениям во многих городах. Однако беднота не могла ничего выиграть от этих конфликтов, так как не только экономическое, но и военное превосходство было на стороне знати.

Серьезные изменения в тактике ведения войны на несколько веков оттянули скатывание греческого общества в сторону дальнейшей поляризации между предающей роскоши аристократией и угнетенной, задавленной нуждой остальной частью населения, т.е. к устройству общества, присущему Среднему Востоку. Во второй половине VII в. до н.э. и особенно в VI в. до н.э. гоплиты – тяжеловооруженные пехотинцы – стали решающей силой на поле боя, почти полностью заменив конницу. Способная слиться в единую массу фаланга – правильный боевой порядок хорошо обученной и согласованно маневрирующей пехоты – могла противостоять кавалерии и тем более смести с поля боя плохо организованную пехоту. Хотя в действиях регулярных воинских формирований не было ничего нового ни для военного дела Греции, ни для военного дела Среднего Востока⁵⁵, комбинация плотных боевых порядков, тяжелого вооружения и прежде всего строго согласованных действий фаланг подняла эффективность действий греческой пехоты на недостижимую высоту.

В своем зрелом виде фаланга состояла из восьми шеренг бойцов, стоявших так близко друг к другу, что щит каждого воина частично прикрывал слева соседа по шеренге. Не известно точно, строилась ли фаланга так же с самого начала. Но к началу VI в. до н.э. мощь хорошо обученных и вооруженных фаланг, состоявших из тысяч действовавших как один воинов, поддерживавших согласованность движения строя громким пением ритмических победных песен – пеанов, казалась неодолимой, и на поле боя фаланга не раз это доказывала⁵⁶. Конница не могла ни противостоять натиску фаланги, ни разрушить ее боевые порядки. И лишь когда удавалось атаковать с флангов или с тыла, конница продолжала оставаться эффективной.

Эти изменения повлекли фундаментальные последствия для социального устройства общества. Важнейшая основа гегемонии аристократии была, разумеется, подорвана, когда на поле боя стала главенствовать тяжеловооруженная пехота. Еще важнее был психологический эффект, связанный с тем, что для умения держать строй, быстро и точно маневрировать воинам фа-

⁵⁵ Вспомним, например, что так Ахилл строил порядки своих мирмидонян (*Iliad*, II, 683-85); кроме того, и армия ассирийцев строилась на основе регулярных пехотных частей.

⁵⁶ Преимущества тяжеловооруженной и хорошо обученной пехоты были, по-видимому, впервые продемонстрированы в затяжной войне между Халкидой и Эретрией, продолжавшейся всю середину VII в. до н.э. После этого новая тактика быстро распространилась по всей Греции, поскольку была столь успешной – ни один город не смог бы выжить, не владея ею.

ланги требовалась длительная подготовка. В шеренге все были равны, и жизнь каждого пехотинца зависела от стойкости бойцов, стоящих с ним в одном боевом строю. Имущественный или социальный статус уже не мог играть прежней главенствующей роли, поскольку награждались лишь храбрость, стойкость и дисциплина. Все это, без сомнения, воспитывало чувство равенства и солидарности у граждан – бойцов фаланги. Более того, на воинов, проходящих обучение тактике нового строя, беспрестанная муштра, ритмические движения многих шеренг, сопровождавшиеся пением и музыкой, оказывали сильное гипнотическое воздействие, что приводило к подсознательному ощущению благополучия и внушало чувство солидарности.

Естественно, эти чувства, возникавшие у воинов, шедших в фаланге, не могли не отразиться на общих моральных принципах Греции. Стиль жизни аристократов стал почитаться варварским, не достойным истинных греков. Уважаемым человеком и гражданином стал считаться тот, кто вел скромную жизнь, был независимым фермером, имевшим достаточно земли, чтобы жить достойно, был в состоянии приобрести копье, щит и шлем и не терял мужества на поле боя. Этот идеал гражданина быстро распространился и стал общепризнанным, богатство и пышность теряли свою привлекательность, и к концу VI в. до н.э. даже самые богатые аристократы предпочли жить и одеваться просто. Почетным стало тратить богатство не на бросающуюся в глаза роскошь, которая еще в VII в. до н.э. считалась неизменным атрибутом благородного происхождения, а на финансирование общественных зданий и учреждений. При этом богатые люди неизменно демонстрировали, что отнюдь не намерены транжирить деньги на прихоти. Так дух равенства и солидарности стал отличать стиль общественной жизни Греции от принятого в других странах⁵⁷.

Применение в военной тактике фаланги имело далеко идущие социальные и политические последствия. То обстоятельство, что чем больше была фаланга, тем сильнее становился полис, стимулировало дальнейшую демократизацию общества. Действительно, теперь социальная система, при которой зажиточные граждане могли расширять свои земельные владения за счет менее обеспеченных сограждан, низводя их до состояния крайней нищеты и даже рабства, становилась неприемлемой. Обнищание каждого гражданина, ведущее к понижению его статуса в обществе, уменьшало строй фаланги, ослабляло город, а следовательно, снижало безопасность всех его граждан. Вследствие этого как в Афинах, так и в Спарте (а только об этих двух городах мы знаем хоть что-то более или менее точно) в конце VII – начале

⁵⁷ Греки классической эпохи видели в этом главное отличие эллинов от варваров. См. Thucydides, I, 6; Herodotus, VI, 207.

VI вв. до н.э. были предприняты необходимые шаги, чтобы уберечь свои фаланги.

Спарта решила проблему поддержания боеспособности фаланги, введя так называемые законы (или конституцию) Ликурга. Возможно, единственной целью этой конституции, введенной в конце VII в. до н.э., было сделать фалангу как можно мощнее и многочисленнее. Конституция содержала законы, предписывающие обязательное прохождение системы военных учений каждым из граждан в течение всего активного периода жизни. Спартанцы намеренно исключали при этом какие-либо упоминания об имущественном или социальном положении граждан и даже официально назывались они *homoroi*, т.е. равные. Фактически каждый здоровый гражданин должен был стать профессиональным солдатом, и только лишенные прав и рабы освобождались от службы и должны были заниматься обработкой земли, чтобы прокормить граждан. Благодаря учениям, в которых граждане проводили все свое время круглый год, фаланга Спарты стала лучшей в Греции. Однако боязнь развращения граждан при столкновении с более свободной жизнью за пределами Спарты, а также еще более парализующий ужас возможного бунта в тылу не позволяли вождям Спарты использовать военное превосходство для установления господства над другими городами Греции. Вместо этого они создали свободный союз-город, функционировавший под их строго консервативным началом.

В Афинах проблему боеспособности своей фаланги тоже решали достаточно радикально, но это не привело ко всеобщей мобилизации и переводу всего мужского населения на казарменное положение. Была введена специальная должность судьи с особыми полномочиями, позволявшими вносить изменения в существующие законы, на которую был назначен Солон. Первым делом Солон запретил продажу в рабство за долги и, аннулировав долги тех, кто был продан в рабство, сделал их снова свободными гражданами. Так было устранено самое значительно неравенство, существовавшее среди граждан Афин, и мощь фаланги была восстановлена⁵⁸.

Таким образом, фаланга была школой, которая создала греческий полис. Эта школа остановила на начальном этапе стремление аристократии к роскоши и заменила его идеалами умеренности во всем, что касалось внешних проявлений личности. Она утвердила, а может быть, и вообще создала впервые, идеальное отождествление своих интересов с интересами полиса. Наконец, она значительно расширила класс граждан, которые могли принимать активное участие в делах полиса, при этом гоплиты, защищав-

⁵⁸ Практические результаты этой реформы проявились уже спустя два поколения, когда афиняне смогли отбить остров Саламин у своих соседей из Мегары.

шие свой город на поле боя, уже никоим образом не могли быть отстранены от участия в делах общества. Они и не были отстранены. Законы Солона, например, давали гоплитам право выступать в качестве апелляционного суда при обжаловании решений, выносимых судами аристократов, а в Спарте законы Ликурга давали право ассамблее гоппитов избирать всех судей. В это случае право голоса в решении государственных вопросов, прежде принадлежавшее исключительно знати, было передано более широкому классу граждан – всем, кто мог экипировать себя для службы в армии. «Гоплитское избирательное право» оставалось неприкосновенным вплоть до V в. до н.э., а во многих городах Греции – и значительно дольше.

Но не всем гражданам доставало средств, чтобы экипироваться всем необходимым, т.е. приобрести меч, щит, шлем и копье. Многие для этого были слишком бедны, а металл в те времена был дорог. К тому же было немало и тех, кто просто странствовал по Греции, не принадлежа ни к какому полису, или же оставил свой город, пренебрегая гражданскими правами и предпочитая жить как иногородцы. С ростом населения городов их роль в формировании общественного мнения росла, так что еще до того, как право гоплита стало привычным идеалом, на политической сцене, особенно в таких торговых центрах, как Афины, Коринф и Милет, появилась влиятельная новая сила.

Человек, не имевший достаточного надела земли, должен был найти иные средства к существованию. И тут был лишь один выбор: заняться ремеслом или эмигрировать за море. Оба эти способа выживания часто дополняли друг друга, тем более что новые колонии, поначалу импортировавшие многие товары с родины, со временем сами начинали производить зерно и другие продукты на экспорт. В середине VIII в. до н.э. происходил как рост эмиграции, так и расцвет ремесел. Города в ионической части Греции, особенно Милет, играли ведущую роль в колонизации, в то время как Коринф, Халкида и Эретрия следовали за ним. Колонизация продолжалась примерно с 750 г. по 550 г. до н.э. Дальнейшая колонизация встретила сопротивление Карфагена и этрусков, которые закрыли западное побережье Средиземноморья для греческих колонистов. Но к тому времени весьма успешная коммерческая деятельность в старых греческих городах уже позволяла даже безземельным гражданам находить средства для сносного существования, не удаляясь от родных мест на значительные расстояния.

Схема коммерческой деятельности, разработанная в эти два столетия, имела фундаментальное значение как для греческой истории, так и для истории Рима. В прежние времена греческие земледельцы производили все необходимые для жизни продукты самостоятельно, продавая лишь столько, сколько было необходимо для покупки инструментов, оружия и других из-

делий, изготавливаемых из металла. Теперь же на значительной части Греции и само земледелие было поставлено на коммерческую основу. И хотя зерно продолжало оставаться основным продуктом сельскохозяйственной деятельности, все больше усилий затрачивалось на то, чтобы производить достаточно ценные и достаточно легко транспортируемые продукты, такие как вино и оливковое масло. Вино, разумеется, служило незаменимым на пирах опьяняющим напитком. Оливковое масло было не только хорошей добавкой к бедной жирами пище жителей Средиземноморья, но могло играть роль мыла, а кроме того, оказалось наиболее доступным горючим для светильников. Поэтому не стоит удивляться, что варварские народы щедро расплачивались зерном, металлами, древесиной и другим сырьем за вино и масло Греции.

Несмотря на очевидные выгоды выращивания винограда и оливковых деревьев, распространение этих культур шло медленно. Даже в тех регионах, где климатические условия благоприятствовали выращиванию винограда или оливковых деревьев, их жители не были знакомы с обрезанием лозы, прививанием, культивированием. Все это требовало сил и затрудняло распространение и выращивание виноградной лозы и оливок. Не менее важным фактором было и то, что пока виноградники или оливковые деревья могли бы приносить урожай, должно было пройти несколько лет. Немногие земледельцы могли пожертвовать урожаем менее ценных культур ради урожая винограда или оливок в некоем будущем. В Аттике, например, новый стиль товарного производства в сельском хозяйстве широко распространился не ранее 560 г. до н.э., когда тиран Писистрат ввел систему выгодных государственных кредитов для земледельцев, выращивающих на своих землях виноградники и оливковые деревья.

Переход к коммерческому земледелию дал огромные преимущества таким передовым городам, как Микены, Эретрия и Афины. По сути, экспортируя вино и оливковое масло, эти города получали куда больше зерна (и других видов сырья), чем могли произвести сами на своих землях. Более того, производство вина и оливкового масла позволяло грекам расширить общую площадь земель, пригодных для сельского хозяйства, поскольку виноград можно было успешно выращивать даже на каменистых склонах, на которых урожай зерна в лучшем случае были скудными, а то и вообще они не были пригодны для земледелия. Таким образом, коммерческое земледелие могло обеспечить средствами к существованию куда больше людей, чем это когда-либо удавалось сделать в рамках натурального хозяйства, и в городах появилась возможность развития экономики принципиально нового типа.

Переход к коммерческому земледелию усилил демократические тенден-

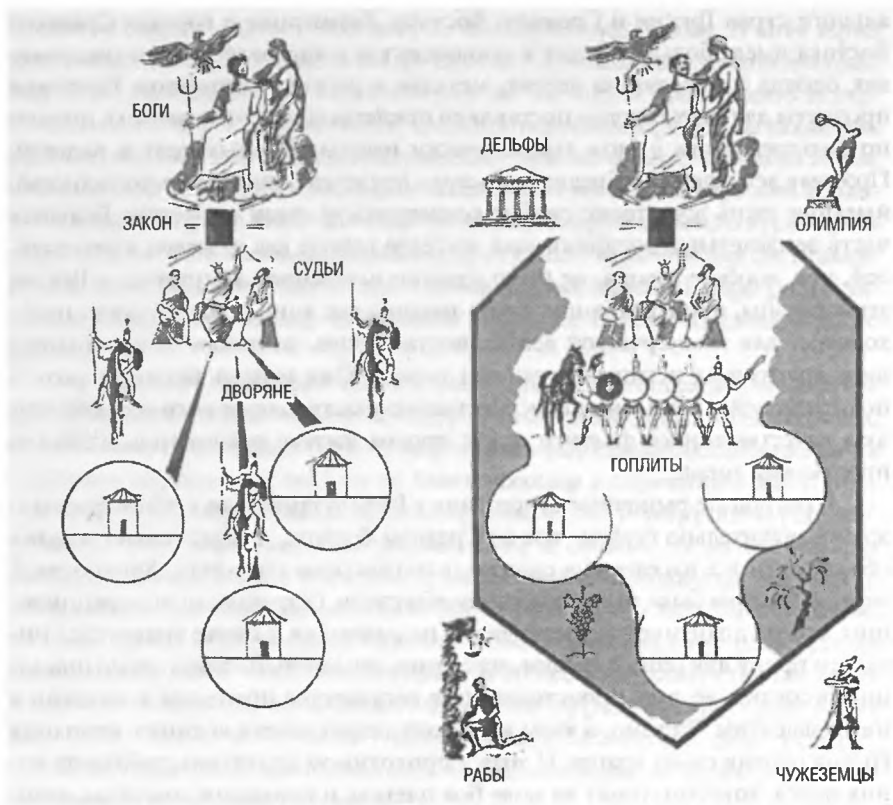
ции, заложенные тактикой фаланги, и сделал более явным различие социального строя Греции и Среднего Востока. Коммерция в городах Среднего Востока имела большой опыт в производстве и торговле такими товарами, как одежда и изделия из дерева, металла и других материалов. Пищевые продукты для этих городов поставляли прилегающие к ним районы, причем по большей части в виде экономически непродуктивных рент и налогов. Поэтому земледельцы Среднего Востока представляли собой крестьянство, имевшее лишь достаточно слабые коммерческие связи с городом. Большая часть земледельцев воспринимала жителей города как чужаков и угнетателей, что, вообще говоря, не было лишено оснований. Напротив, в Греции земледельцы, производившие такие товары, как вино и масло, столь необходимые для коммерческой деятельности города, почитали себя и почитались другими за истинных граждан города. Они играли ведущую роль в политической жизни, они непосредственно участвовали в военных действиях в качестве воинов фаланги и, как прочие жители предместья, снабжали продуктами город.

В результате рыночные отношения в Греции проникли в общественную жизнь значительно глубже, чем на Среднем Востоке, и значительно сильнее объединили все население в единую политическую структуру. Характерной чертой Востока была пассивность земледельцев, безразлично воспринимавших любые политические перемены и не видевших в смене правителей никакого проку для себя. В Греции, напротив, земледельцы были жизненно заинтересованы во всех происходящих в государстве процессах и активно в них вовлечены. Видимо, в этом и состоит секрет успеха военных кампаний греков против своих врагов. И хотя в приводимом Геродотом сравнении воина-перса, которого гонят на поле боя плетью, и греческим солдатом, который сражается по собственной воле, немало преувеличения, есть в нем и доля правды.

Для большинства греческих городов коммерция не играла первостепенной роли. Большинство из них, как, например, Спарта, были прежде всего аграрными центрами, где право гоплита и тому подобные реалии общественного уклада считались нормами как личной жизни, так и политики. В то же время были и такие города, как Афины, которые становились центрами торговли и ремесел. Эти города претерпевали дальнейшие политические коллизии, поскольку по мере того, как численность ремесленников, художников и скульпторов в них росла, эти классы стремились полнее участвовать в общественной жизни. У многих жителей городов, особенно у моряков и ремесленников, не хватало денег, чтобы купить экипировку гоплита. Их недовольство нередко получало поддержку тех обедневших землевладельцев, которым на своих небольших участках земли не удава-

ПЛЕМЕННАЯ АРИСТОКРАТИЯ В 1100—800 ГГ. ДО Н.Э.

ПОЛИС В 800—500 ГГ. ДО Н.Э.

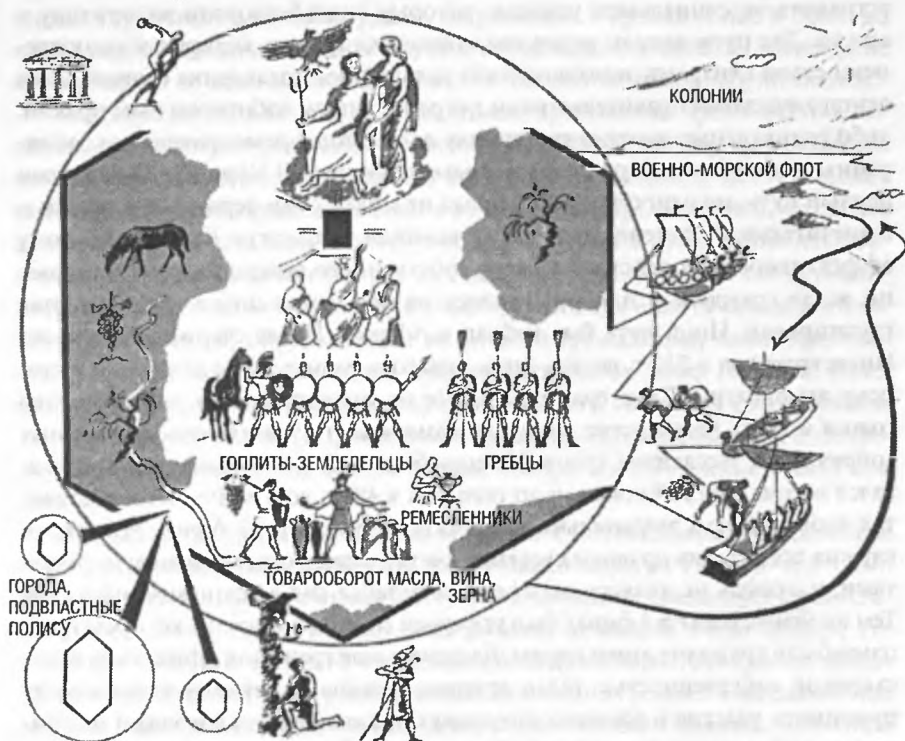

РАЗВИТИЕ ГРЕЧЕСКОГО

лось вырастить урожай, достаточный, чтобы сводить концы с концами. Эти волнения нередко приводили к эпидемии тирании в городах Греции в VII—VI вв. до н.э.

Тиран (в русскоязычной литературе встречается также написание «тиранн», подчеркивая различие между историческим термином и словом в переносном значении. – *Прим. пер.*) – это человек, который захватывал власть путем военного переворота и правил, невзирая на закон. Большинство тиранов одаривали бедных за счет богатых, а временами вообще производили конфискацию крупных земельных владений и распределяли их между теми, кто не имел собственности. Хотя тирания не гарантировала безопасности. Вирус беззакония не так-то легко было уничтожить, и сословие воинов фа-

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ И ИМПЕРСКИЙ ПОЛИС В 500—404 ГГ. ДО Н.Э.

ОБЩЕСТВА

ланги, составлявшее военный костяк государства, видимо, всякий раз стремилось восстановить утраченный контроль над делами государства. Поэтому тирания никогда не отличалась в войнах, и тиранам требовались наемники, чтобы защитить себя от собственных подданных. Эта внутренняя слабость позволяет объяснить ту пассивность, с которой греческие города на территории Малой Азии, где тирании были особенно распространены, покорились сначала Лидии, а затем и империи персов. Тем не менее в материковой Греции в конце VI в. до н.э. спартанцы взяли на себя миссию по свержению тираний везде, где они могли этого достичь. Вероятно, именно за счет доблести фаланг спартанцев с началом войны с персами на европейской части Греции не осталось ни одного тирана.

Однако действия Спарты против тиранов не могли ни изменить, ни устранить те социальные условия, которые способствовали их приходу к власти. Два пути лежали перед теми городами Греции, которые к тому времени стали центрами торговли: либо дальнейшее подавление бедных слоев олигархическими правительствами с ограниченным избирательным правом, либо радикальные изменения в пользу дальнейшей демократизации, не ограничивающейся избирательным правом гоплита. В Коринфе был избран первый путь, но олигархи этого города не могли сами держаться у власти и в значительной степени зависели от военной поддержки Спарты, поэтому эффективность их действий внутри собственного полиса была парализована, когда граждане в нем разделились на две непримиримо враждующие группировки. Иной путь был избран в Афинах. После свержения тирании Писистратидов в 510 г. до н.э. здесь началось радикальное движение в сторону демократии. Даже граждане, вовсе не имевшие земли, обрели право голоса в делах государства, получив возможность участвовать в народных собраниях и заседаниях судов. Но подобный общественный порядок оказался весьма неустойчивым, и до того, как в 483 г. до н.э. Фемистокл считал необходимым значительно увеличить морской флот Афин, этот строй служил всего лишь орудием сведения счетов между отдельными аристократами, и отнюдь не являлся отражением баланса сил в афинском обществе. Тем не менее, когда в Афинах был построен мощный флот, на котором гребцами были граждане этого города, безземельные граждане Афин, чьей единственной собственностью были крепкие мышцы, получили возможность принимать участие в военных операциях полиса. Будучи гребцами на триремах, они в такой же степени обеспечивали безопасность своего города, как и гоплиты. Поэтому их право быть услышанными в народном собрании еще больше утвердилось. В V в. до н.э. гребцы флота Афин, а следовательно, и те слои населения города, из которых они рекрутировались, стали теснить с политической сцены фермеров-гоплитов.

Если фаланга была начальной школой греческого полиса, то флот был высшей школой ее развитой демократии. И если семейный надел и семейное земледелие были экономической основой демократии, не выходящей за пределы права гоплита, то торговый флот с требовавшейся для него системой мастерских, складов и рынков давал экономическую основу радикальной демократии нового типа.

Тем не менее греческая демократия никогда не была всеобъемлющей. Рабы, которые во многих городах составляли немалый процент населения, были лишены всяких политических прав. Прав были лишены и женщины, а кроме того, и все проживавшие в греческих городах иностранцы, поскольку последние могли получить гражданство лишь в исключительных случаях.

Представление, согласно которому граждане – это замкнутая группа, связанная глубокими родовыми узами, сохранялось в Греции и после 500 г. до н.э. Граждане всегда оставались привилегированным сословием, никогда не совпадавшим со всем взрослым мужским населением территории полиса.

Идеалы, установленные аристократией, продолжали преобладать в полисах с демократией радикального толка. У добропорядочного гражданина должно быть достаточно времени для досуга, в противном случае он не может посещать заседания суда, ассамблеи и религиозные празднества и, что самое важное, подготовиться к тому, чтобы с оружием в руках защитить свой собственный город. Физический труд не считался неприемлемым для истинного гражданина, если оставлял достаточно времени для политической деятельности. Принципы, определявшие истинного гражданина, были простым слепком с идеалов аристократов предшествовавших эпох. По сути, более скромные общественные классы не нашли ничего более для себя подходящего, чем перенести их на новую почву, заменив лишь стремление к личному величию, столь свойственное героям Гомера, на стремление к величию полиса.

Сельская община, состоявшая из мелких независимых земледельцев, оставалась политическим идеалом по меньшей мере до IV в. до н.э. Сами афиняне были склонны считать всякую деятельность, связанную с ремеслами и торговлей, нежелательным отклонением от идеала. Надо думать, что пределом желаний среднего гражданина, служившего гребцом во флоте Афин, было сколотить состояние, добыв побольше трофеев в какой-нибудь удачной экспедиции, затем купить надел земли и зажить жизнью, достойной свободного человека и гражданина. Ни удел ремесленников, ни финансовые уловки рыночной площади не могли вызвать уважения в Древней Греции⁵⁹. Более того, в VI–V вв. до н.э. даже владение землей могло вызвать немалые подозрения, если не было полной уверенности, что владелец употребляет все свое богатство во благо государства.

Когда греческие полисы достигли высшей точки своего развития, их влияние на граждан стало чрезвычайно сильным и проникающим во все сферы жизни. Политика во многом заменяла жизнь как таковую, для личной жизни, по сути, не оставалось почти ничего. В демократических Афи-

⁵⁹ Сельское хозяйство в Греции было исключительно сезонным, и по несколько месяцев в году земледельцы были практически свободны от работ. Поэтому земледельцам было не трудно совмещать свои труды с досугом, столь необходимым истинному гражданину, в то время как ремесленники, особенно работавшие сдельно, едва ли могли позволить себе потерять хотя бы один день, потратив его на дела полиса. Возможно, отчасти поэтому ремеслами занимались преимущественно рабы и иноземцы, в то время как большая часть граждан Афин была в высшей степени зависима от потребностей полиса в гребцах, судебных заседателях и пр. См. *Old Oligarch*, I, 2-3.

нах считалось вполне естественным, что время, богатство и все духовные устремления граждан полностью посвящены делам государства, не говоря уже о Спарте, которая по требованиям и ограничениям на жизнь своих граждан оставила далеко позади все современные нам тоталитарные государства. Однако подобный отказ от личной жизни, по-видимому, принимался по собственной воле и без принуждения, поскольку, в отличие от наших дней, граждане сами являлись государством. Всякий гражданин мог на деле ощутить, что государство не враждебно его интересам и не навязано извне, но является обобщенным продолжением его собственной воли и устремлений. При таких условиях общественный опыт разделялся всеми гражданами, что раскрывало новые грани человеческого характера, высвобождая некую коллективную энергию, что, по-видимому, и привело к небывалому расцвету классической культуры Греции.

2. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

История греческой религии, искусства и литературы отчетливо демонстрирует, как государство, особенно в VI в. до н.э., т.е. в период становления, все больше включало эти виды деятельности в свои собственные рамки.

РЕЛИГИЯ. Публичные богослужения в греческой религии возникли из семейных обрядов, проводившихся в царских дворцах. По мере того как мощь монархов угасала, судьи принимали на себя все больше монарших полномочий в проведении богослужений. Следствием этого стало значительное обогащение и усложнение религиозных ритуалов, что особенно проявилось с ростом государств.

С древнейших времен греческой религии была присуща двойственность⁶⁰: пантеону богов Олимпа противопоставлялось то, что у греков именовалось «мистериями». На деле и сами боги Олимпа представляли собой довольно смешанную компанию, отчасти взятую у индоевропейских богов небес и сил природы, отчасти заимствованную у народов, ранее населявших Грецию и поклонявшихся местным богам-покровителям. Однако поэты, в особенности такие, как Гомер и Гесиод, внесли порядок и стабильность в греческие представления об обитателях Олимпа, и высокая художественность «Илиады» и «Одиссеи» обеспечила то, что пронизанная антропоморфизмом теология пережила многие века и поныне не забыта. Иное дело мистерии, которые не были связаны с этой теологией непосредственно. Некоторые из

⁶⁰ См. Raffaele Pettazzoni, «Introduction to the History of Greek Religion» in his *Essays on the History of Religion*, trans. H.S.Rose (Leiden: E.J.Brill, 1954), pp.68-80.

них, как, например, обряды, посвященные Орфею и Дионису, видимо, были родственны обрядам Востока и распространились на территории Греции в VIII в. или VII в. до н.э. Другие, как, например, элевсинские мистерии, были явно местного происхождения и возникли в Микенах или в домикенские времена и были, возможно, связаны с культом плодородия, возникшим не позднее III тыс. до н.э., т.е. практиковавшимися земледельцами еще в эпоху неолита.

Полис успешно примирял вопиющие противоречия в греческой религии, объединяя мистерии и богов Олимпа, не прибегая при этом к интеллектуальному синтезу, а вводя новые обряды. Публичные богослужения, прославлявшие обитателей Олимпа, соседствовали с общественными празднованиями мистерий, и по крайней мере в двух случаях они вообще сливались воедино. Такое единение символизировали общие шествия во время Великих панафиней. Установленные (или по крайней мере утвержденные) тираном Писистратом обряды поклонения богине Афине, главной покровительнице города среди богов Олимпа, начинались тем не менее у святилища, расположенного в Элевсине, где проводились мистерии в честь великой матери-Деметры, и заканчивались в Акрополе, в сердце Афин. Подобно этому, театральные представления, бывшие частью празднеств в честь Диониса в Афинах, брали в качестве сюжетов расхожие мотивы из греческой мифологии, изначально абсолютно чуждые древнему культу поклонения Дионису. Таким образом, хотя это и не было осуществлено формально, государству все же удавалось найти пути для согласования несовместимых основ греческой религии.

Однако не всем разновидностям греческой религии удавалось вписаться в рамки, установленные полисом. Пышные публичные празднества отнюдь не заменили семейных торжеств, особенно для родовитых граждан. Поэтому в мистериях звучал и особый отголосок индивидуального, личного мотива, связанный с собственным спасением и собственной загробной жизнью⁶¹, что уж никак не вязалось с религией государства. На другом конце спектра были представлены религиозные учреждения, провозглашавшие идеи панэллинизма и призывавшие к единению всех греческих городов. Главную роль в этом движении играл дельфийский оракул, жрецы которого оказывали серьезное влияние на внутреннюю жизнь полисов в течение всего VI в. до н.э. и которые, в частности, были особо заметны в покровительстве и поддержке процесса дальнейшей колонизации⁶². Параллельно с Олим-

⁶¹ Предполагаемый характер религии эпохи мегалита обсуждался ранее.

⁶² Престижу оракула был нанесен непоправимый урон, когда в 480 г. до н.э. он высказался в пользу персов, и никогда впоследствии полностью восстановить его влияние уже не удалось.

пийскими играми, происходившими каждые четыре года, подобные состязания устраивались в Коринфе и в других городах, что также носило оттенок панэллинского направления в религии. Так, под эгидой богов некоторые греки продолжали исповедовать старомодные идеи, рожденные еще в среде древнегреческой аристократии, и наблюдалось некоторое возрождение идеи о сверхполисной аристократической солидарности, неразрывно объединявшей весь греческий мир в VIII–VII вв. до н.э., которую ощущали участники и зрители игр, собиравшиеся со всего греческого мира.

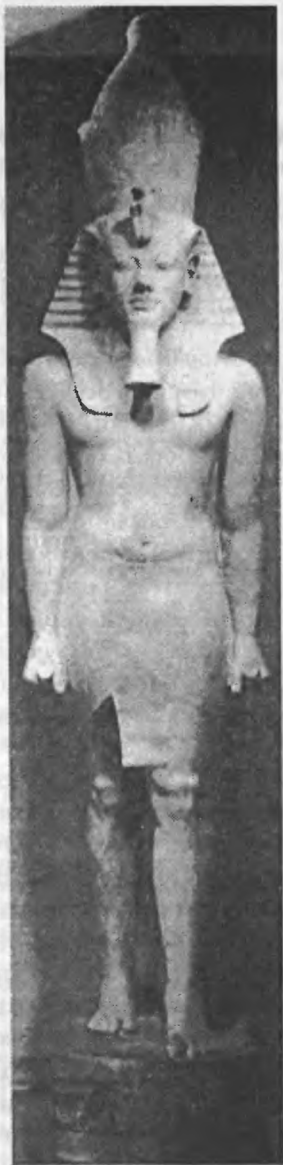
Сегодня едва ли можно оценить воздействие на ум и чувства отдельной личности всех этих аспектов греческой религии и тех культов, которые так и не смогли вписаться в рамки, установленные греческими полисами. Тем не менее есть основания полагать, что ни набожность отдельных лиц, ни торжества религиозного толка в отдельных семьях, ни даже панэллинские празднества не были тем базисом, на котором возводились величественные монументы древнегреческой культуры. Именно установленная полисом религия стимулировала строительство греческих храмов, развитие драматического искусства в Афинах, и лишь эти аспекты древнегреческой культуры смогли преодолеть века и заслужить восхищение последующих поколений. По крайней мере в этом смысле значение официальной религии неизмеримо выше значения тех верований и религиозных течений, которые более или менее успешно противостояли юрисдикции полиса.

ИСКУССТВО. На раннем этапе развития расцвет школы ваяния в Греции обязан покровительству аристократии. Надо думать, что первые греческие скульптуры были изображениями вполне конкретных лиц⁶³ и служили прославлению как богов, которым эти статуи были посвящены, так и тех лиц, которые эти статуи заказывали. Вовсе не праздная забава попытаться разглядеть в причудливых костюмах и отчужденных «архаических улыбках» скульптурных изображений девушек, украшающих Акрополь, зеркальное отражение грации и элегантности аристократической жизни тех дней, которые предшествовали временам нарочитой простоты и суровой строгости, ставшими в последующем нормой для полиса.

В то же время монументальное греческое искусство начинало постепенно вписываться в рамки, установленные полисом. Полный расцвет в греческом обществе наступил лишь после 500 г. до н.э., хотя храмы и прочие монументальные сооружения начали возводить в Греции уже в VI в. до н.э. Подобные предприятия всегда носили общенародный характер, и во многих

⁶³ Gisela A.M.Richter, *Kouroi: A Study of the Development of the Greek Kouros from the Late Seventh to the Early Fifth Century B.C.* (New York : Oxford University Press, 1942), pp.3-4 ; W.Deonna, *Dédale, ou la statue de la Grèce archaïque* (Paris : E. de Boccard, 1930), I, 56-59.

Институт востоковедения, Чикагский университет (Oriental Institute, University of Chicago).

Дельфийский музей (Delphi Museum), Дельфы, Греция.

ГРЕЧЕСКИЙ ПЕРИОД УЧЕНИЧЕСТВА

Эти скульптурные изображения показывают, сколь значительным было влияние Египта на стиль пластического искусства Греции на раннем этапе его развития. На фотографии слева статуя Тутанхамона (1362—1349 гг. до н.э.). Поза фигуры стала характерной для традиционного египетского искусства не менее чем за тысячу лет до того, как эта скульптура была выполнена. В то время как греки лишь осваивали резьбу по камню и только приступали к изображению фигур в полный рост, египетским ваятелям уже был доступен значительно более выразительный стиль. Чтобы убедиться, достаточно сравнить эти два изображения. Детали фигуры справа, датируемой 590 г. до н.э., и даже неуклюжее воспроизведение прически указывают на явное подражание древней и строго регламентированной египетской традиции. Неприкрытая нагота греческой скульптуры скорее всего шокировала бы египтян, но она отражала обычаи гимнастических залов греков.

случаях храмы строились как жилища богов или богинь – покровительниц полиса. Скульпторы отыскивали новые или более масштабные задачи, декорируя стены и фронтоны храмов, и по-прежнему создавали статуи для их внутреннего убранства.

Таким образом, в то время как скульпторы осваивали технику и устанавливали каноны создаваемого ими искусства, их произведения становились все более востребованными государством. Это обстоятельство оказало глубокое влияние на создание греческого стиля в искусстве. Реалистический портрет, который впоследствии стал отличительной особенностью римского искусства, в те времена востребован не был. Напротив, задачей греческих скульпторов было воссоздание обобщенного образа идеальной личности и придание человеческих черт образам богов. Более того, сакральный характер монументальных общественных зданий требовал точного соответствия каноническим архитектурным образцам⁶⁴. Эти ограничения, налагаемые на фантазию и изобретательность, заставляли архитекторов сконцентрироваться на деталях декора, пропорциях и симметрии, что придало греческим храмам изысканную красоту. Ранняя греческая архитектура едва ли могла бы достичь такого совершенства и художественной простоты, если бы она была совершенно свободна в выборе планов и фасадов, как архитектура в Ниневии и Персеполисе.

Основной особенностью греческого искусства, отличавшей его от предшественников Востока и от последователей в Римской империи, был его государственный характер. Тем не менее далеко не все особенности греческого искусства можно истолковать, опершись на этот тезис. В архаической скульптуре раннего периода можно отчетливо различить подражание египетским образцам. Однако по мере того, как греки осваивали мастерство обработки камня, они, стремясь достичь максимальной естественности и пластической выразительности, все больше освобождались от условностей египетского искусства. Причина развития этой тенденции едва ли в том, что греческое искусство все больше приобретало общественный характер. Возможно, причиной обращения греческих мастеров к натурализму было то впечатление, которое на них оказывали поэмы Гомера, где боги были очень похожи на людей. Нельзя исключить, однако, что они достигли подобного мастерства потому, что могли ежедневно наблюдать в гимнастических залах обнаженное человеческое тело в движении. Но теперь об этом можно толь-

⁶⁴ Использование многих деталей греческой архитектуры может быть истолковано как имитация в камне существовавших ранее деревянных конструкций. Торцы стропил и других конструкций, имевших ранее строго функциональное назначение, были скрупулезно переданы в камне, но уже в качестве обычных декоративных элементов.

ко гадать, и движущие силы, направлявшие развитие искусства Греции (как, впрочем, и других великих искусств), навсегда останутся загадкой⁶⁵.

ЛИТЕРАТУРА. «Илиада» и «Одиссея» – самые ранние и самые выдающиеся греческие поэмы из всех дошедших до нас. Обе эти поэмы, равно как и труды Гесиода, не имеют ничего общего с идеологией полиса. Но эти произведения, в особенности поэмы Гомера, играли главенствующую роль во всей последующей культуре Греции. «Илиада» воспевает аристократические и героические идеалы, ярость и наслаждение жизнью, при этом в поэзии отчетливо слышится трагический мотив, неизбежность смерти и неотвратимость судьбы, или рока, что в греческой поэзии начинает считаться незыблемым элементом человеческого существования. Герои Гомера сражаются ради собственной славы и ради добычи. Герои классической эпохи, по крайней мере в теории (пусть это не всегда случалось на практике), обязаны были сражаться во имя славы и богатства полиса, но в остальном идеалы Гомера продолжали оставаться практически неизменными.

⁶⁵ Живопись и скульптура минойского периода тоже были в высокой степени натуралистичны. Однако тут едва ли можно говорить о преемственности и непрерывности традиции в период от минойско-микенской эпохи до времен расцвета классического искусства Греции, поскольку эти две эпохи разделены «геометрическим» периодом, когда керамика, единственный дошедший до нас вид искусства постдорической эпохи, расписывалась в манере, очень далекой от натуралистичности.

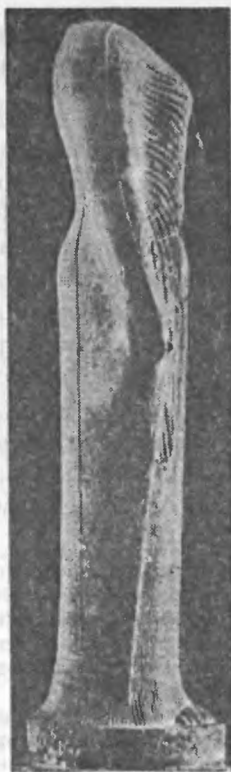
Если позволить себе предположить, хотя я и не вполне уверен, что подобное предположение справедливо, что начальный толчок любому виду искусства дает зрительный опыт, накопленный художником, то в этом случае параллелизм минойского и классического греческого искусства может быть истолкован следующим образом. Любые попытки освоить новую технику или новые средства выражения для отражения визуального опыта на первых порах, как правило, обречены на провал из-за отсутствия мастерства. В обществе, изолированном от других культур, а следовательно, и других стилей искусства, эти первые попытки отразить реальность на свой лад будут довольно неуклюжими, но тем не менее то, что начиналось с неудачных попыток как можно точнее отразить реальность, может, напротив, привести к созданию системы условностей нереалистической традиции в искусстве.

Те, кто имеют дело с различными нереалистическими или несовершенными стилями искусства, могут решить, что не так-то сложно создать и свой собственный стиль. В подобных попытках отражения внешнего мира неизбежно будут развиваться новые технические возможности и будет совершенствоваться мастерство, что в конце концов может привести к созданию реалистического стиля необычайно высокого уровня. Как Крит, так и Греция имели тесные культурные связи со всеми государствами побережья Средиземного моря. В результате художники всех этих государств могли изучать и осваивать различные стили, благодаря чему и могли быть созданы лучшие шедевры реалистического искусства.

Подобная интерпретация тем не менее оставляет без ответа следующий вопрос. Некоторые стили достигли своего совершенства именно на пути искажения видимой реальности, например скифский звериный стиль. Таким образом, можно лишь утверждать, что, хотя точное воспроизведение реальности и являлось подлинной целью художников, те из них, которые имели возможность изучать различные стили, отклонявшиеся от реалистического изображения реальности, оказались более настойчивыми в совершенствовании реалистического стиля, чем те, кто этой возможности был лишен.

Музей Лувра. Отдел музея Осера (Musée du Louvre, Depot du Musée d'Auxerre), Париж.

Музей Лувра (Musée du Louvre), Париж.

Музей Акрополя (Acropolis Museum), Афины.

СТАНОВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКОГО СТИЛЯ

Эти три женские фигуры иллюстрируют освобождение греческой школы ваяния от подражания египетским образцам и возникновение технически совершенного, высокоэстетичного и самобытного греческого стиля. Первая из этих статуй выполнена в наиболее ранний период и датируется примерно VII в. до н.э. В ней можно отчетливо различить отголоски египетского стиля. Так называемая Гера Самосская, показанная справа (датируется примерно 575 г. до н.э.), уже проявляет гармоничную гибкость, не свойственную искусству Египта. Сочетание декоративных складок одежды и натуралистического изображения человеческой фигуры, которое позднее станет отличительной чертой греческой скульптуры, в этой статуе не проявляется, но оно уже ясно заметно в третьей фигуре, выполненной около VI в. до н.э. Богатство драпировки и отчужденная архаичная улыбка этой афинской «девушки из Акрополя» отражают аристократическую эпоху в истории Греции, когда эта статуя и была выполнена.

Лирическая поэзия Греции также была продуктом аристократической эпохи, однако она практически не подверглась влиянию дисциплины полиса. В ранней поэзии преобладали личные, а порой и автобиографические мотивы, при этом многие из стихов были преисполнены ничем не сдерживаемой уверенностью в себе, свойственной аристократии. С другой стороны, были и такие поэты, как Тиртей, который посвятил свой поэтический дар прославлению родного полиса – Спарты и сочинению строевых песен, под которые маршировали недавно созданные фаланги. В этих песнях он выпренно воспевал самопожертвование во благо государства. В том же политическом ключе, но сдержаннее афинский законодатель Солон выразил в стихах свою концепцию закона и справедливости, которые послужили основой проводимой им конституционной реформы в Афинах.

Тем не менее в целом поэзия не подверглась сколько-нибудь значительному влиянию полиса по большей части из-за того, что становление всего разнообразия форм поэтического искусства (за исключением драмы) произошло задолго до того, как полис обрел контроль над умами и чувствами граждан. При всем при том оказалось возможным приспособить поэтические идеалы к идеологии города-государства, чему, без сомнения, способствовало то, что полис немало перенял у идеологии аристократов прежних времен. Эта связь была обоюдной, обаяние поэзии сильнее всего прочего могло обеспечить выживание идеалов аристократии во все более демократизируемом мире полиса. Воспитанное на поэзии Гомера, греческое общество классической эпохи не могло не проникнуться героическим видением мира, которое с такой силой передавали эти стихи.

Что же касается прозы, то до 500 г. до н.э. она развивалась довольно вяло. Исключение представляют лишь труды Гекатея, чье собрание географических сведений и повествований о путешествиях и дальних странах не дошли до наших дней. Его прозаические произведения сохранились во фрагментах и пересказах в книгах позднейших античных авторов.

ФИЛОСОФИЯ. До VI в. до н.э. по меньшей мере две проблемы в гомеровском взгляде на устройство мира беспокоили греческих философов. Первой из них была связь и отношение между роком и богами Олимпа. В одних стихах Гомера Зевс провозглашался всемогущим, в то время как в других он сам оказывался подвластным року. Вторая проблема была связана с тем, что Гомер приписывал обитателям Олимпа непомерно много человеческих слабостей. Для представителей греческого общества классической эпохи, когда правосудие было поднято на новую ступень после создания нормативного законодательства и институтов права, было неприемлемо то, как Гомер изобразил небожителей. Боги в его поэмах непрестанно устраива-

ли потасовки, мошенничали и надували друг друга, точно так же как обычные люди, при этом их сомнительные моральные порывы не встречали должного осуждения.

Изъяны теологии Гомера были лишь частью того сумбура, который царил в религиозной традиции Греции вплоть до VI в. до н.э. и был результатом непродуманного смешения разнородных, а порой и несовместимых мифов. Более того, в Греции не было официально назначаемых священнослужителей, которые могли бы исправить или хотя бы сгладить эти противоречия. Публичные богослужения проводились избираемыми судьями, которые, будучи людьми, занимающимися и практической политикой, едва ли были склонны к отвлеченным размышлениям. Таким образом, в Греции не было каких-либо представителей власти, облеченных полномочиями толковать для простых граждан устройство мира и сверхъестественные аспекты этого устройства. Данные проблемы вообще не принимались во внимание и были отданы на откуп отдельным личностям.

В архаическую эпоху поэты смело брались объяснять все, что требовало объяснения. Они считались провидцами, осененными божественной силой, и были окружены аурой почитания, если не благоговения. В отличие от жрецов Востока, греческие поэты должны были преодолевать два препятствия в попытках упорядочить и систематизировать мир богов и людей. Во-первых, необходимо было добиваться изящества и совершенства слога, с тем чтобы стихи легче запоминались и в них труднее было внести исправления. Таким образом, идеи предыдущих поколений непросто было изменять и приспособлять к нуждам нового времени, не лишая эти идеи поэтической силы. Поколения восточных жрецов могли в безукоризненно благочестивой форме интерпретировать, изменять и приукрашивать смысл священных древних текстов, приспособлявая его к современным вкусам и взглядам, но такие мыслители, как Ксенофан и Гераклит, знавшие доподлинно, что именно сказали Гомер и Гесиод, вынуждены были осудить и объявить лживыми утверждения своих великих предшественников. В то же время нельзя не отметить, что милетские философы смогли избежать вынесения подобных вердиктов, тактично игнорируя поэтическую традицию в целом. Во-вторых, греческие поэты не принадлежали к какой-либо организованной и отстаивающей свои права корпорации, но, оставаясь одиночками, были не в состоянии утвердить свою монополию на истину. Восточные жрецы, исполняя священные ритуалы и произнося нараспев тексты древних мифов, опирались на целую вереницу предшественников, у которых они перенимали знания и полномочия. У греческих поэтов было лишь собственное вдохновение, собственные суждения и собственное воображение.

Так что те греки, которые были наделены пытливым умом и склонно-

стью к размышлениям, не могли опереться на сколько-нибудь организованную доктрину или систематизированную мифологию, способные дать их чувствам и умам ориентиры в окружающем мире. Однако, начав путешествовать и торговать с Востоком, они познакомились с весьма впечатляющими теологическими и космологическими системами и почерпнули немало полезных знаний. Природа вещей настолько поразила воображение греков, что они создали новую науку – философию. Фалес Милетский (ок. 585 г. до н.э.), считающийся создателем греческой философии, предположительно изучал геометрию в Египте и научился применять ее на практике. Его идея о том, что вода – первичная субстанция, напоминает одно из положений древневавилонской космологии, в которой вода считалась первым элементом творения. И в самом деле, доктрины, приписываемые Фалесу, можно считать своего рода переосмыслением мифологии Древнего Вавилона с той существенной разницей, что Фалес устранил из этой концепции богов – существенный элемент восточной космологии.

Однако, если греческая философия началась с попыток поправить на основе знаний, почерпнутых на Востоке, конструкции, возведенные поэтами, то не прошло много времени, как некоторые философы, подобно греческим скульпторам того времени, окончательно освободились от всяческого иностранного влияния, обретя полную свободу для собственных размышлений.

Школа философии, возникшая в Ионии в конце VI в. до н.э., обратила умы к проблемам земного существования и попыталась выявить в физических явлениях общие закономерности. Эти усилия значительно продвинули вперед то направление мысли, которому следовал еще Гомер (или его безымянные предшественники), привнося порядок и субординацию в пантеон Олимпа; ибо Фалес, Анаксимандр и Анаксимен осмелились низвергнуть гомеровских антропоморфных богов и попытались подвергнуть анализу смысл и природу другого гомеровского персонажа – судьбы, или рока⁶⁶. Насколько позволяют судить дошедшие до нас фрагменты их трудов, стиль мышления милетских философов едва ли далеко ушел от стиля их предшественников-поэтов. Вместо выверенной аргументации их обычным методом было простое утверждение, но по крайней мере Анаксимандр начал развивать более строгие правила обоснования своих утверждений⁶⁷.

Ионическая философская школа начала развиваться в существенно ином направлении, отбросив виталистические принципы. Несмотря на не-

⁶⁶ См. F.M.Cornford, *From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation* (London: Edward Arnold, 1912), p.144.

⁶⁷ John Burnet, *Early Greek Philosophy* (4th ed.; London: A. and C.Black, Ltd., 1930), pp.53-54.

которые отличия разных религий Среднего Востока, все они сходились в том, что природные процессы подчиняются воле сверхъестественных существ. Вселенная интерпретировалась в воображении человека следующим образом: все в мире происходит благодаря порывам бога или духа, подобным тем, которые испытывают люди в повседневной жизни, и эти порывы представляют все явления происходить именно так, как они происходят. Но ионические философы исключили богов из своей концепции, считая, что вселенная подчиняется строгим законам, а значит, познаваема. Хотя они и допускали, что душа или духи могут существовать, но полагали, что души, как и все прочее, подчиняются законам мироздания⁶⁸.

С тех пор интеллектуальная традиция всех цивилизаций, подвергшихся влиянию культуры Древней Греции, несла на себе отпечаток основополагающей идеи о том, что ключ к пониманию мира в познании законов природы. Христианским и мусульманским ученым, философам и теологам постоянно приходилось принимать во внимание концепцию ионических философов об отношениях субъекта и закона, и они почти всегда соглашались, что законы природы, по крайней мере частично, защищают вселенную от произвола непредсказуемой божественной воли.

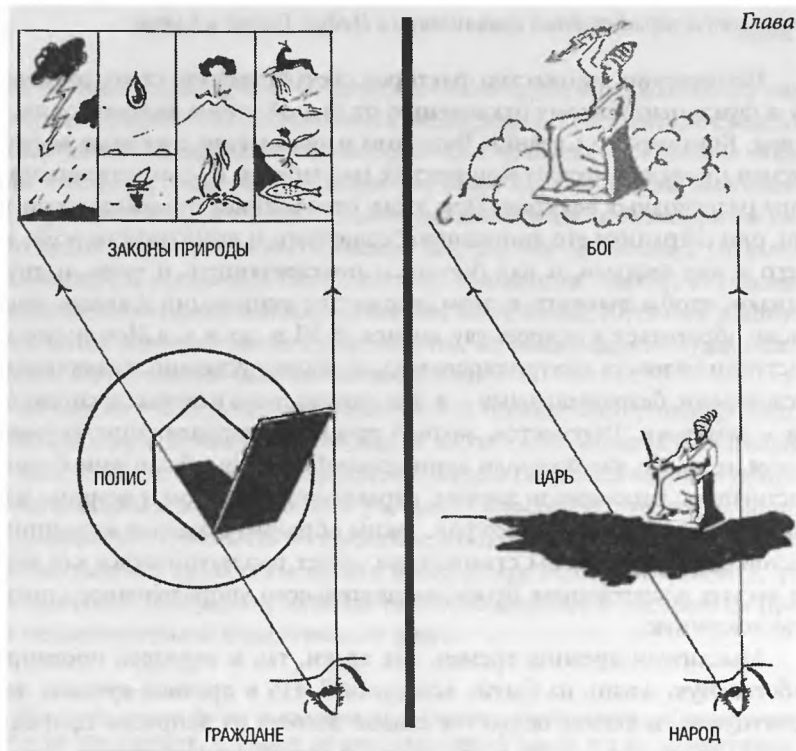
⁶⁸ Возможно, атеизм Будды и упорный отказ Конфуция размышлять о божественном (или о жизни после смерти) породили сходное направление мысли и у их современников в Ионии. Все они, хотя и каждый по-своему, отвернулись от богов. Ионических философов интересовало, как устроен мир, и они пытались познать законы природы. Будду совершенно не интересовали физические законы, и он стремился удалиться из мира, который казался ионическим философам столь привлекательным. Конфуций избрал совсем иной путь – он интересовался лишь бытием человека и стремился восстановить нормы поведения и «законы», управляющие человеческим обществом, присущие древним. Он не искал обоснования принципов, управляющих обществом, в природе вещей, как это пытались сделать его ионические современники в IV в. до н.э., когда греческая философия была уже не в состоянии принимать мир полиса как нечто безусловное или данное свыше. Таким образом, конфуцианский путь (Дао), буддийская нирвана и греческие законы природы существенно отличались друг от друга, несмотря на то что все они в попытках объяснить мир и определить место человека в этом мире отбросили доминировавшую в мировоззрении Среднего Востока концепцию бога (или богов).

Поразительно, что убедительность точки зрения, бытовавшей на Среднем Востоке, оказалась настолько сильной, что вскоре мыслители Индии и Запада вновь возвратились к теологической интерпретации мира. Делая это, как христианские, так и мусульманские преемники наследия греческих и индийских философов не пытались скрыть атеистические корни этого наследия. Напротив, они, каждый на свой лад, постарались совместить старое и новое понимание мира (буддисты даже обожествили вполне атеистическую личность Гаутамы), и безусловно, подобные попытки компромисса не смогли обойтись без значительных натяжек в логике изложения. К этому процессу не остались равнодушны даже холодные и прагматичные конфуцианцы. Почти в это же время даосские философы выдвинули виталистическую (которая была не вполне теистической в западном понимании этого слова) доктрину, противопоставив ее конфуцианству, и буддизм развил эту тенденцию семью или восемью столетиями позднее.

Несомненно, множество факторов способствовало столь значительно-му и фундаментальному отклонению от старой схемы человеческого мышления. Контакты со Средним Востоком и знакомство с жизнью варварских племен привели к отходу ионических мыслителей от существовавших в ту пору религиозных доктрин. При этом, отказавшись от гомеровской теологии, они сохранили его концепцию безличного и неумолимого рока, нависшего и над людьми, и над богами и повелевающего и теми, и другими. Однако, чтобы выявить в этом множестве решающий фактор, придется вновь обратиться к устройству полиса. В VI в. до н.э. в Ионии все дела и поступки человека контролировались, и вполне успешно, безличными, безусловными, безраздельными – и, как можно было надеяться, справедливыми – законами. Разумеется, законы природы, управляющие вселенной в целом, которые, как полагали ионические философы, были ими в основном постигнуты, напоминали законы, управлявшие полисом и незримо направлявшие жизнь самих философов. Таким образом, основная концепция греческой философии поры становления может рассматриваться как наивная, но весьма плодотворная проекция деятельного упорядоченного полиса на всю вселенную.

Мыслители древних времен, как греки, так и варвары, проецировали собственную жизнь на бытие вселенной⁶⁹. Но в древние времена человек практически в любом обществе сильно зависел от капризов природы или произвола властей, а чаще всего от того и другого одновременно. Поскольку количество пищи у сообщества зависело от капризов погоды, а благосостояние в целом – от настроения далекого или близкого, но могущественного повелителя, да и сама жизнь постоянно подвергалась опасности нашествий и эпидемий, любая картина мироздания, не основанная на неустойчивости и непредсказуемости самой природы вещей, должна была показаться абсурдом. В независимых же и процветающих городах, подобных Милету, жизнь и благосостояние граждан зависели преимущественно от их собственной активности и деятельности, регулируемой законом. Угроза голода в случае неурожая перестала быть столь устрашающей после того, как торговые суда смогли при необходимости доставлять в города зерно из других стран. Судьба милетцев была в их собственных руках, и никакой правитель не мог этого изменить. Даже с превратностями войн удавалось справляться, укрепляя дисциплину и совершенствуя выучку граждан-воинов. Таким образом, по-

⁶⁹ Предшественники Гомера, например, явно моделировали правление Олимпом, взяв за образец Агамемнона, на редкость плохо правившего Микенами. Ничем не отличались от них и шумерские жрецы (или их предшественники), смоделировавшие примерно в IV тыс. до н.э. устройство пантеона богов Месопотамии по образцу «примитивной демократии» (или олигархии) разросшихся селений долины Тигра и Евфрата.

СРАВНЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГРЕЦИИ И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

лис становился неким буфером между судьбами своих граждан и своеволием сил природы. Он оградил граждан от произвола судей и правителей, а кроме того, проводя постоянные военные учения, свел к минимуму опасности войн. Граждане полиса были, насколько это вообще было по тем временам возможно, ограждены от вмешательства посторонней воли, но их жизнь строго регулировалась законом. Поэтому едва ли стоит удивляться, что некоторые граждане были склонны думать, что и вся вселенная может подобным образом подчиняться строгим законам. Эта невероятная догадка изменила на все последующие времена направление мысли в Греции, а затем и во всей Европе. Хотя это факт сам по себе примечателен, еще более удивительно то, что законы природы, несмотря на все нагромождение случайностей, по-видимому, существуют⁷⁰.

⁷⁰ Пожалуй, это был единственный случай в истории, когда догадка оказалась столь успешной и своевременной. Даже наиболее оптимистично настроенные приверженцы ионической школы были бы поражены тем, насколько незатейливая проекция частных законов греческого полиса на законы природы развилась в естественные науки современности.

Если ионические философы полностью поддерживали законы полиса, предполагая, что их законы распространяются даже на вселенную, то пифагорейская школа, развивавшаяся главным образом в Италии и на Сицилии, может считаться полным антиподом ионической школе, так как ее центральной идеей был отчаянный протест против тотальной, но неадекватной опеки над жизнью общества со стороны полиса. Сам Пифагор покинул родной остров Самос и поселился (ок. 525 г. до н.э.) в Кротоне на юге Италии, где основал общество или союз братьев по духу, которые были заняты заботами о святости и спасении собственной души. Таким образом, Пифагор был скорее реформатором религии, чем искателем мудрости в прямом смысле этого слова. Впрочем, различие было весьма неопределенным, поскольку он, как представляется, учил, что овладение знаниями – лучший путь очищения души. Идя по этому пути, он и его единомышленники смогли сделать важный вклад в развитие математики, хотя и не упускали возможности очистить души постом и другими аскетическими деяниями⁷¹.

Пифагорейская традиция привнесла в философию принцип дуализма греческой религии. В то время как ионическая философия стремилась к рационалистической реформе теологии Олимпа, пифагореизм можно охарактеризовать как реформаторское движение в рамках орфического культа. Тем не менее оба реформаторских движения двигались параллельно, поскольку пифагорейцы делали упор на то, что наука и знание – путь к спасению, и это в значительной степени снижало ценность неприкрытых чувственных проявлений, столь присущих как орфизму на ранней его стадии, так и прочим мистическим культам Греции.

Сам Пифагор не написал ничего, более того, само его учение долго оставалось тайным и известным лишь внутри своего рода ордена, который он основал, поэтому едва ли стоит надеяться, что о его жизни можно будет хоть что-то узнать достоверно. Ясно, однако, что пифагорейцы стремились к личному спасению, что было несовместимо с теми требованиями, которые предъявлял полис к своим гражданам. Уход от нормальной общественной жизни ради жизни религиозной и интеллектуальной – как в индийской практике – был недопустим в рамках идеологии греческого города. Отсюда и история ордена пифагорейцев была бурной. Либо орден должен править

⁷¹ Не исключено, что Пифагору были известны некоторые положения индийской философии и религии. Это по крайней мере могло бы объяснить то, что у некоторых доктрин Упанишад много общего с пифагорейством. Известно, что во времена юности Пифагора Самос имел обширные торговые связи с Египтом и что в Мемфисе примерно с 500 г. до н.э. постоянно проживала колония индийских купцов. Нельзя исключить и сухопутные контакты, которые могли происходить через персидский двор, управлявший как некоторыми греческими, так и некоторыми индийскими провинциями. См. Nilakanta Sastri, «Ancient Indian Contacts with Western Lands», *Diogenes*, No.28 (1959), pp.44-57.

полисом, что, по-видимому, и произошло в Кротоне через несколько лет после того, как там обосновался Пифагор, либо полис, нанеся ответный удар, сломит орден, как, надо думать, и случилось, когда жизнь Пифагора близилась к концу. Целое столетие подобные конфликты с городскими властями преследовали орден, пока наконец исполненные подозрительности граждане и ревностные судьи не рассеяли окончательно последние общины пифагорейцев.

Такие сообщества безо всяких затруднений могли вплестись в непрочную канву индийской политической и социальной организации, но тотальный контроль полиса над жизнью граждан исключал подобное для общественной жизни Греции. Поэтому мы вправе считать, что история ордена пифагорейцев ознаменовала первый отмеченный в европейской истории конфликт между церковью и государством.

Тем не менее столкновения ордена с идеалами, царившими в Древней Греции, не смогли помешать глубинному влиянию пифагорейской школы на все последующее течение мысли в греческой философии. Стремление к личному спасению и святости, усилия, направленные на приобщение к божественному, жажда бессмертия, причем скорее для себя, чем для общества в целом, – все эти человеческие чаяния не могли найти удовлетворения в рамках полиса. Пифагор попытался устранить эти изъяны, совершенствуя и рационализируя орфизм и заставляя философию-религию обратиться лицом к жизни. Он слишком опередил свое время, и философия стала на этот путь лишь во времена эллинизма и Римской империи, когда жесткие рамки полиса утратили большую часть своей психологической ценности. Однако философы двух последующих столетий – Эмпедокл и элеаты в Италии и Платон в Афинах – испытали на себе влияние пифагорейской доктрины и удержали философию от полной ассимиляции с идеологией полиса. Быть может, отчасти и по этой причине философия стала одной из важнейших движущих сил развития греческой культуры в эпоху, когда местнические интересы отдельных полисов начали препятствовать развитию греческой цивилизации.

К 500 г. до н.э. греки весьма преуспели в создании нового и привлекательного стиля жизни. Главенствующий институт – полис – прочно укоренился в общественной жизни, и самые важные отличительные черты греческой культуры смогли найти свое выражение. Грекам, жившим в V в. до н.э., оставалось лишь совершенствовать и доводить до логического завершения то, основы чему были уже заложены в VI в. до н.э.

Итак, почва, на которой позднее расцвела греческая цивилизация, была

уже подготовлена. Эта почва в той или иной степени явилась основой и для развития всей возникшей впоследствии европейской культуры. Греческое искусство и литература, общественные институты и стиль мышления стали своего рода образцами и нормами для западной цивилизации, эти нормы менялись с течением времени, но никогда не случалось, чтобы они были отброшены полностью.

Наиболее существенная особенность европейского общества – абсолютное главенство территориального принципа перед иными принципами социального объединения – восходит к греческому полису, где он был возведен на такую высоту, которая почти никогда не достигалась впоследствии. Даже становление христианства, имевшего восточные корни, происходило в большой мере на территории Греции, причем первые христиане создавали свои обряды на традиции мистических религий, часть из которых была в Греции под запретом, а другие стали составным элементом принятого вероучения. Христианство обратилось к той сфере человеческого сознания, которую греческий полис всеми силами подавлял: стремлению личности к собственному спасению и индивидуальному общению с Богом. Но даже здесь нельзя не заметить отпечаток, оставленный полисом: для церкви, как и для предшествовавшего ей ордена пифагорейцев, навсегда сохранилось стремление стать государством в государстве. Рост влияния церкви приводил, таким образом, к двойственной преданности Граду Господню и городу от мира сего, причем обе стороны в своих претензиях к личности, повторяли требования, впервые выдвинутые в городах-государствах Древней Греции.

Г. РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ КИТАЯ В ПЕРИОД ДО 500 Г. ДО Н.Э.

Стимулирующее воздействие идей и технических достижений, развитых на Среднем Востоке, дав мощный толчок продвижению вперед культур Индии и Греции, лишь время от времени достигало, преодолев просторы Азии, Китая. Важность местных традиций в формировании собственно китайского стиля жизни была существенно выше. И не удивительно. Непроходимые пустыни, непреодолимые горные хребты и расстояние в три-четыре тысячи миль отделяли долину реки Хуанхэ, где зародилась китайская культура, от древней цивилизации Среднего Востока. Географические препятствия подкреплялись еще и социальным барьером, воздвигнутым примерно в 1700 г. до н.э., когда воинственность и бессмысленная жестокость варваров исключили передвижения от оазиса к оазису на всей территории

Центральной Азии как раз тогда, когда китайская культура только начинала обретать свою форму.

Тем не менее развитие Китая происходило отнюдь не в вакууме. Как мы уже видели, культура земледелия, возникшая еще в неолитический период, и уже к 6500 г. до н.э. развитая и усовершенствованная на Среднем Востоке, неожиданно быстро распространилась по всей территории Азии. При этом произошло слияние с иной культурой земледелия, возникшей в подверженной муссонам части Азии. Еще одно свидетельство культурных связей с Западной Азией – появление в Китае (начиная примерно с 2000 г. до н.э.) нового типа декоративной росписи керамики, который имел немало технических и стилистических черт, присущих керамическим изделиям неолитического периода, найденным при археологических раскопках на Среднем Востоке и в Восточной Европе⁷².

И все же, хотя такого рода контакты и происходили, китайская культура неизменно сохраняла свою самобытность. И вполне симптоматично, что глубинная независимость развития культуры, присущая Китаю, не позволила механически скопировать принятую на Среднем Востоке экстенсивную систему обработки земли. Напротив, была развита собственная система огородного земледелия, основанная на интенсивных методах. Упряжка волов, позволяющая крестьянину в одиночку вспахать довольно большой участок, была известна на Среднем Востоке еще до 3000 г. до н.э., однако нет никаких надежных свидетельств, указывающих, что такая упряжка использовалась в Китае до IV в. до н.э.⁷³ Без сомнения, именно из-за особенностей почв и климатических условий Северного Китая плуг в Китае не прижился. Лесс и аллювиальные почвы долины Хуанхэ вполне позволяли обходиться мотыгой и заступом, тогда как дожди, нередко скудные и всегда непостоянные, толкали развивать искусственное орошение, делая экстенсивное земледелие (при котором как раз и необходима распашка плугом) сравнительно малопригодным⁷⁴. Так или иначе, имеется немало причин того, что повсе-

⁷² Быть может, теми, кто привнесли этот тип росписи керамики в культуру Китая, были беженцы, пытавшиеся найти там прибежище от племен «культуры боевых топоров», апогей которой приходился примерно на 2000 г. до н.э. См. Ludwig Bachhofer, *A Short History of Chinese Art* (London: B.T.Batsford Ltd., 1947), p.19.

⁷³ C.W.Bishop, «Origin and Early Diffusion of the Traction Plow», *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution*, 1937, pp. 531-47. Даже если упряжка с плугом и использовалась в Китае до IV в. до н.э., совершенно очевидно, что методы обработки земли, преобладавшие в то время в Китае, ни в малейшей степени не подверглись веяниям, которые на Среднем Востоке и в Европе привели ко второй аграрной революции.

⁷⁴ Похоже на то, что Китай долго не был знаком с возможностями плужной обработки, так как сельские общины в оазисах Центральной Азии, лежавших между ним и Средним Востоком, не испытывали потребности в устройствах, облегчавших труд, использование которых требовало еще и немалого количества фуража для волов. Способность вспахать больше земли

дневная жизнь большинства китайцев, занятых в сельском хозяйстве, разительно отличалась от жизни земледельцев на Среднем Востоке, в Европе и большей части Индии. И это различие в методах обработки земли, сказывающееся на множестве мельчайших деталей быта, порой не вполне очевидное, делало (и продолжает делать) совершенно непохожей жизнь цивилизованных сообществ Дальнего Востока и Западной Евразии.

Ранняя история Китая известна лишь в общих чертах. Археологам удалось обнаружить в северной части Китая следы трех различных культур, относящихся к неолитическому периоду, наиболее отчетливо различающихся формой и росписью керамики и относящихся к началу II тыс. до н.э. Для одной из них, обычно называемой культурой *черной керамики* и, похоже, ставшей прародительницей всей последующей культуры Китая, характерны достаточно большие поселения, окруженные защитными земляными валами. В эпоху *черной керамики* возникли довольно населенные городища, где преобладало практически полное равноправие членов сообщества. Они жили за счет интенсивного огородного земледелия, но при этом не имели развитых ремесел, которые потребовали бы разделения труда⁷⁵.

Об истоках и путях появления цивилизации можно только гадать. Историческая традиция позже объявила династию Ся первым человеческим (а не божественным) правительством Китая, однако археологам не удалось

несущественна для хозяйства с крошечным лоскутком сухой земли. Возможно, поэтому в оазисах Центральной Азии еще многие поколения сохранялась освоенная при неолите соха.

В некотором смысле долина Хуанхэ была крупнейшим и наиболее удаленным к Востоку оазисом Центральной Азии. Плуг там, по-видимому, мог бы применяться лишь на заре развития методов обработки земли, когда пахотные земли по большей части оставались неосвоенными. Однако к тому времени, когда предположительно технология вспашки земли плугом достигла пределов Китая (скорее всего северным путем, через степи), собственные методы обработки земли там уже прочно укоренились. Появление плуга в Сибири можно датировать V в. до н.э. См. Tamara Talbot Rice, *The Scythians* (London: Thames & Hudson, 1957), p.125.

В конце концов плуг (с упряжкой азиатских буйволов, а не волов) стал играть значительную роль в сельском хозяйстве Китая, однако животные играли всего лишь вспомогательную роль. Сельское хозяйство Западной Евразии, напротив, полностью (или почти полностью) зависело от возможности использования тягловой силы животных. Еще одно различие, связанное с рассматриваемым вопросом, состоит в том, что китайцы, в отличие от жителей Западной и Северной Евразии, избегали использования в пищу молока и молочных продуктов.

Весьма интересные замечания о преимуществах и недостатках использования животных в сельском хозяйстве можно найти в обзоре Fred Cottrel, *Energy and Society* (New York: McGraw-Hill, 1955), pp.20-23.

⁷⁵ См. J.G.Andersson, «Researches into the Prehistory of the Chinese», Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, *Bulletin*, XIV (1943), 7-298; Li Chi, *The Beginnings of the Chinese Civilization* (Seattle: University of Washington Press, 1957); Cheng Te-K'un, *Archaeology in China. I: Prehistoric China* (Cambridge: W.Heffer & Sons, 1959). Некоторые ученые полагают, что культура *черной керамики* имеет немало общего с западной культурой, хотя это обычно вызывает возражения. См. Max Loehr, «Zur Ur- und Vorgeschichte Chinas», *Saeculum*, III (1952), 46-52; H.G.Creel, *Birth of China*, pp.44-49.

ИМПЕРИИ ШАН И ЧЖОУ

ВОЮЩИЕ ЦАРСТВА

ДРЕВНИЙ КИТАЙ, 1500—221 гг. ДО Н.Э.

найти ничего, что позволило бы судить об этом периоде, известном по легендам и преданиям. Совсем иначе обстоит дело со следующей династией в китайской традиции – Шан (иначе Инь), существование которой принято датировать 1766–1122 гг. до н.э. или, по уточненной хронологии, 1523–1028 гг. В городе Аньян, считающемся в соответствии с китайской традицией третьей и последней столицей династии Шан, были проведены масштабные и тщательные археологические раскопки. В находках, датируемых периодом ок. 1300–1000 гг. до н.э., можно обнаружить смешение элементов, восходящих к эпохе культуры черной керамики с элементами стиля, обычно ассоциировавшегося на Среднем Востоке с цивилизацией степных захватчиков: конные колесницы, бронзовое оружие и снаряжение, составные луки, четырехугольная планировка городов, напоминающая лагеря колесничих. Трудно удержаться от предположения, что отряды колесниц вторгались и на территорию Китая и китайцы, как и их современники в Месопотамии и Египте, немало переняли от культуры захватчиков⁷⁶.

⁷⁶ На мой взгляд, от подобного предположения трудно удержаться, однако многие китайские специалисты с жаром отрицают допустимость такой гипотезы. См. H.G.Creel, *Birth of China*, pp.50–51. Возражения, хотя и значительно менее энергичные, можно найти и в работе: Cheng Te-K'un, *Archaeology in China, II: Shang China* (Cambridge: W.Haffer & Sons, 1960), 243–49.

Вне всякого сомнения, гипотеза о преемственности между культурой эпохи неолита и археологическими находками в Китае, относящимися ко временам династии Шан, ничуть не уменьшает вероятность завоевания Китая воинами, освоившими тактику боя на колесницах, впервые разработанную на степных окраинах Месопотамии. Аналогично найденные во время археологических раскопок примитивные и несовершенные по форме предметы, изготовлен-

Период династии Шан был периодом правления родовой аристократии, когда потомственные воины подчинили себе сравнительно незащищенных земледельцев. Аристократы занимались охотой и сражались под началом царствующего правителя. Большая часть территории Северного Китая все еще оставалась болотистой и была подвержена ежегодным наводнениям из-за разливов Хуанхэ. Можно с уверенностью сказать, что племена варваров жили достаточно близко от территории царства Шан. Возможно, именно интенсивные методы ведения сельского хозяйства, в значительной степени определявшие в те времена жизнь общества, были распространены на высокогорных равнинах в пограничных районах Северного Китая и в долинах средней части Хуанхэ и ее притоков. Горы и болота отделяли один пригодный для сельского хозяйства регион от другого, и трудно представить себе, что правитель, царствовавший в Аньяне, мог обладать сколько-нибудь значительной властью над князьями, правившими в других областях Китая⁷⁷.

При раскопках в Аньяне было установлено, что в этом городе были особые кварталы, где работали ремесленники, но не было обнаружено ничего, напоминающего деньги, если не считать раковин каури, которые вполне могли служить мерой стоимости товара⁷⁸. Лишь наличие большого числа предметов, которые могли попасть в эти края издалека – раковин каури, нефрита и пр. – явно свидетельствует в пользу существования дальней торговли. Никаких выводов о социальном статусе ремесленников из результатов раскопок сделать нельзя. Можно предположить, однако, что как купцы, так ремесленники едва ли имели большой вес в обществе, будучи всецело зависимыми от высокородных помещиков, для которых и предназначались изысканные изделия из бронзы и прочие предметы роскоши⁷⁹.

Соображения такого рода позволяют заключить, что структура шанс-

ные из сплавов, состав которых сходен с бронзой, отнюдь не доказывают, что китайские ремесленники из провинциальных городов изобрели и освоили обработку бронзы независимо от мастеров Среднего Востока.

Тем не менее существует определенная трудность в установлении приоритетности для цивилизации Китая культуры степных воинов-колесничих или народов черной керамики. Трудность эта заключается в том, что художественный стиль предметов эпохи Шан имеет мало общего и с той, и с другой культурой. См. Max Loehr, «Zur Ur- und Vorgeschichte Chinas», pp.54-55; Cheng Te-K'un, *Archaeology in China*, II, 236. Эту трудность, однако, можно обойти, если допустить, что ремесленники времен династии Шан, изготовлявшие предметы из бронзы, производили в металле мотивы, заимствованные из искусства резьбы по дереву, поскольку предметы, изготовленные из дерева в Китае в эпоху неолита, до наших дней не сохранились.

⁷⁷ Cheng Te-K'un, *Archaeology in China*, II, 195-212; O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches* (Berlin and Leipzig; Walter de Gruyter & Co., 1930), I, 89-93; Henri Maspero, *La Chine antique* (Paris; E. de Boccard, 1927), pp.36-55.

⁷⁸ H.G.Creel, *Birth of China*, pp.68-69, 90-94.

⁷⁹ Cheng Te-K'un, *Archaeology in China*, II, 109-76.

кого общества была в основном сходна с той, что преобладала на ранних ступенях развития цивилизации в регионах дождевого увлажнения Западной Азии. Тем не менее по самой своей сути культура времен правления династии Шан была именно китайской. Иными словами, все развитые в Китае в эпоху Шан стили и формы в религии, литературе и искусстве явились истоками тех идей, мотивов, знаний и мастерства, которые питали в дальнейшем всю китайскую культуру.

Религия во времена династии Шан была своего рода синтезом поклонения предкам и природе. Боги отождествлялись с могучими силами природы – реками, ветром, землей и пр. Эти боги упоминаются в дошедших до нас письменных источниках эпохи Шан, равно как и другие божества, чьи имена не позволяют достаточно ясно определить ни их функции, ни степень могущества. Но такие боги встречаются в записях куда реже, чем духи предков, к которым обращались за советами по множеству вопросов и чьи возможности помогать или вредить своим потомкам считались весьма значительными⁸⁰.

Искусство эпохи Шан, представленное в изобилии бронзовой посуды, обнаруженной при раскопках вблизи Аньяна и других городов, достигло значительных высот мастерства. Орнамент, часто зооморфный, выполнен с такой точностью и изяществом, что вызывает неподдельное восхищение современных коллекционеров. Не исключено, что декоративное искусство эпохи Шан, в высокой степени развитое и проникнутое понятными современникам мотивами, заимствовало композицию и элементы зооморфного орнамента из более древней школы резьбы по дереву. Подлинная природа отдельных мотивов и по сей день вызывает споры⁸¹, но несомненно, что

⁸⁰ Наши представления о второстепенной роли богов, повелевающих силами природы, вполне возможно, просто следствие того, что число дошедших до нас записей с упоминанием этих богов весьма ограничено. Эти сохранившиеся записи, содержащие пророчества жрецов, были сделаны на раковинах или вырезаны из кости. Об аспектах религии эпохи Шан, не связанных с разного рода пророчествами жрецов, остается только гадать. О религии эпохи Шан см. также: Creel, *Birth of China*, pp.174-216; Cheng Te-K'un, *Archaeology in China*, II, pp. 213-25.

⁸¹ Отличительная особенность китайского искусства обработки бронзы – «маска» животного, разделенная надвое вдоль средней линии, причем парные элементы «маски», такие как рога, уши и пр., располагаются раздельно и зеркально-симметрично, а вся «маска» объединяется непарным элементом, таким, например, как рот. Это заставляет думать о переносе на округлую поверхность бронзового изделия чего-то, подобного тотемным столбам американских индейцев северо-западного Тихоокеанского побережья. Одновременное изображение левого и правого вида сбоку одного и того же объекта на тотемных столбах схематично напоминает орнаменты китайской бронзы эпохи Шан. Стилистическое сходство китайской бронзы и искусства американских индейцев отмечалось неоднократно. Представляется возможным, что источник этого сходства в том, что обитатели Тихоокеанских побережий Азии и Америки наследовали некую общую культурную традицию. См. Osvald Siren, *A History of Early Chinese Art: The Prehistoric and Pre-Han Periods* (London: Ernest Benin, Ltd., 1929), p.20 and Plate 21. He-

форма некоторых ритуальных сосудов эпохи Шан немало унаследовала от североитайской культурной традиции *черной керамики*.

Символы, которыми жрецы в эпоху Шан записывали свои пророчества, имеют много общего с современной китайской письменностью. Действительно, вся методика и все принципы письма эпохи Шан нашли свое продолжение, хотя и в более развитой форме, в позднейшей письменности Китая⁸². В основе своей китайская письменность была идеографической, и ее идеограммы не имеют ничего общего ни с какими другими видами письменности, известными ныне. Исторический анализ позволяет проследить, как письменность развивалась и совершенствовалась. Из всего, что известно в настоящее время, можно заключить, что письменность в Китае возникла и развивалась самостоятельно, однако представляется вполне возможным, что сама идея переложить устную речь на зрительные символы проникла в Китай из Западной Азии⁸³.

Какова бы ни была истина (а поскольку общие идеи не оставляют никаких археологических следов, мы ее, вероятно, никогда не узнаем), ясным остается одно: китайская письменность, возникшая в эпоху Шан и развитая в последующие эпохи, уникальна. И как таковая она – отражение и всего характера начального этапа китайской культуры. Какое бы влияние ни оказал на ее становление Средний Восток и какие бы технические новшества ни привнесли в нее завоеватели, применение этих заимствований было по своей природе исключительно китайским. В отличие от хеттов и греков доклас-

обходимо отметить также известное сходство между мотивами китайских орнаментов и скифским искусством; см. Gregory Borovka, *Scythian Art* (New York: Frederic A. Stokes Co., 1928), pp. 82-89, таким образом, нельзя исключить, что мастера китайской бронзы заимствовали некоторые элементы орнамента звериного декоративного стиля у обитателей степей. См. Ludwig Bachhofer, *A Short History of Chinese Art*, p. 28. Нельзя исключить также и обратный процесс, а именно, что скифы переняли звериный стиль у китайских мастеров, см. также Creel, *Birth of China*, p. 121. Мне, однако, представляется более привлекательной теория, согласно которой истоком орнаментального стиля, который китайцы, скифы и североамериканские индейцы развивали каждый в своем направлении, была древняя резьба по дереву у народов Северной и Восточной Азии. Однако выносить окончательное заключение по этому вопросу было бы весьма неосмотрительно.

⁸² Creel, *Birth of China*, pp. 159-160.

⁸³ См. доводы в пользу «распространения влияния» искусства письма в Египте, приведенные выше.

Русский ученый С.П. Толстов утверждает, что в междуречье Амурарьи и Сырдарьи им были обнаружены надписи, родственные надписям эламитов и культуры долины Инда, относящиеся примерно к этому же историческому периоду. Если эта гипотеза верна, то завоевателям, вторгшимся на колесницах в Китай, вполне могло быть известно, что письменность как таковая в принципе возможна. См. Karl Jettmar, «Zur Herkunft der türkischen Völkerschaften», *Archive für Völkerkunde*, III (1948), 18. См. также I. J. Gelb, *A Study of Writing*, pp. 217-20; David Diringer, *The Alphabet: A Key to History of Mankind* (New York: Philosophical Library, 1948), pp. 98-106.

Музей древностей Дальнего Востока (Ostasiatiska Museet), Стокгольм.

Музей древностей Дальнего Востока (Ostasiatiska Museet), Стокгольм.

Музей древностей Дальнего Востока (Ostasiatiska Museet), Стокгольм.

Смитсоновский институт, Художественная галерея Фрир (Smithsonian Institution, Freer Gallery of Art), Вашингтон.

ПОЯВЛЕНИЕ КИТАЙСКОГО СТИЛЯ В ИСКУССТВЕ

Четыре сосуда, представленные на рисунках, показывают преемственность между искусством эпохи неолита и искусством развитой цивилизации Китая. Сосуды эпохи неолита — слева. Форма первого и геометрический орнамент второго повторяются и на сосудах, показанных справа, которые специалисты относят к периоду династии Шан. Изоляция Китая от других цивилизаций со сколько-нибудь развитыми культурными традициями, способными побудить китайцев изменить свой собственный стиль, отражена в прямолинейном, без какого-либо отклонения, пути развития, представленном здесь. Нетрудно заметить, что ремесленники в Китае, используя достаточно ограниченный набор мотивов орнамента, смогли достигнуть поразительного изящества и филигранности отделки, что стало отличительной чертой культуры эпохи Шан.

сической эпохи, китайцы не пытались подражать более развитым стилям в искусстве, и перенимать мудреные философии, рожденных за пределами Китая. Да соседи Китая и не могли предложить ничего достойного подражания. Таким образом, на ранней стадии китайская культура была вынуждена обратиться к первородным местным ресурсам. Тем не менее, упорно работая на базе, созданной их предками в эпоху неолита, и используя при этом некоторые мотивы искусства соседних народов из степных регионов, они пядь за пядью продвигались по пути создания собственной культуры.

Эпоха Шан, вне всякого сомнения, представляла собой важнейший этап в развитии китайской культуры. Но классический период китайской истории, когда сформировались идеи, ставшие базисными на последующие два тысячелетия ее развития, наступил уже после того, как династия Шан была свергнута. Незадолго до 1000 г. до н.э.⁸⁴ захватчики из долины реки Вэйхэ (территория современной провинции Ганьсу) утвердили новую династию Чжоу, которой, несмотря на все превратности, удалось удержаться у власти до 256 г. до н.э. Период ее правления распадается на два резко различных этапа. В течение почти двух столетий столица империи Чжоу находилась в западной части страны, и власть императора, надо полагать, простиралась почти на весь север Китая. Однако в 771 г. до н.э. столицу захватили варвары, правивший император был казнен, и централизованная система власти разрушена⁸⁵. Для большей безопасности потомок царского рода переместил трон в Лоян, один из важнейших центров китайской цивилизации. Хотя власть императора в новом царстве (известном как Восточное царство Чжоу, в отличие от более раннего, Западного царства Чжоу) была чисто номинальной и фактически перешла в руки разных княжеских домов.

Когда воины Чжоу впервые вторглись в пределы царства Шан, это были грубые вояки, прошедшие суровую школу пограничной войны с врагами-варварами, земли которых окружали почти всю территорию Китая. К тому

⁸⁴ В литературной традиции до сих пор существуют две не согласующиеся хронологии ранней истории Китая. Одна из них датируется началом правления династии Чжоу 1123 г. до н.э., другая указывает 1051 г. до н.э. Современные ученые склоняются к тому, чтобы принять более позднюю дату, некоторые настаивают даже на 1000 г. до н.э., однако полного согласия достичь до сих пор не удалось. События, происходившие после 841 г. до н.э., датируются обеими хронологиями одинаково, и современные ученые находят тут мало поводов для дискуссий, и это поистине выдающееся достижение китайской исторической мысли и литературной традиции, пронесенное сквозь без малого три тысячелетия.

⁸⁵ Падение Западного царства Чжоу, вполне возможно, произошло по причине общего нарушения военно-политических отношений во всей Северной и Центральной Евразии после появления конного кочевничества и новой военной тактики с использованием кавалерии.

же воины Чжоу нередко сотрудничали с варварами и пользовались их помощью при покорении Китая. Однако Чжоу, как и другие окраинные народы, подверглись влиянию культуры Шан задолго до того, как их войска вторглись в земли Шан, поэтому и при династии Чжоу китайская цивилизация продолжала развиваться непрерывно.

Именно во времена правления Чжоу обрела свою форму китайская литература. Хотя невозможно усомниться, что многие сюжеты классической литературы Китая возникли еще на ранних этапах правления Чжоу, тем не менее литература – весьма ненадежный источник для тех, кто пытается понять ту эпоху. Окончательно китайская классика сформировалась в послеконфуцианское время, а до этого литераторы без угрызений совести вносили в старинные тексты собственные добавления, изменения, сокращали то, что находили нужным сократить, и по-своему интерпретировали. Единственный литературный памятник, который предположительно сохранил хоть что-то от своей формы ранее 500 г. до н.э., это Книга песен (Шицзин), включающая более трехсот весьма разнородных поэтических произведений. Часть из них, по-видимому, простые крестьянские песни. Другие были созданы в аристократических домах и воспевают героические подвиги, некоторые – сатира на князей и аристократов, но большая часть – это любовная лирика и личные переживания.

Как и зачем эти песни были собраны воедино, не вполне ясно⁸⁶; но цитирование их во всех подходящих для этого случаях вскоре стало признаком подлинной образованности. Более того, в последующие века песням нередко давали весьма свободную интерпретацию на аллегорический манер, предлагая видеть в них больше, чем написано.

Более надежные, хотя и весьма ограниченные сведения о развитии культуры Китая дают сохранившиеся ритуальные бронзовые сосуды времен династий Шан и Чжоу. Они, по крайней мере, не подвергались редакции и правке последующими поколениями. В течение всего периода Шан форма сосудов неуклонно совершенствовалась, а их декоративная отделка становилась все более мастерской, но вскоре после воцарения Чжоу на смену пышности пришел более суровый стиль. Начав с заимствования лишь некоторых форм и мотивов искусства эпохи Шан, стиль Чжоу после ряда этапов развития и сам достиг изрядной вычурности, подготовив тем самым почву для встречного развития стиля в сторону декоративной простоты⁸⁷.

⁸⁶ По традиции принято считать, что сам Конфуций занимался отбором текстов для книги и расположил их в том порядке, в котором эта книга дошла до наших дней, однако на этот счет имеются серьезные сомнения, см., например, H.G.Creel, *Confucius: The Man and the Myth* (New York: John Day Co., 1949), p.102.

⁸⁷ Bachhofer, *A Short History of Chinese Art*, pp.28-54.

Поразительно, насколько история искусства согласуется с тем, что нам известно об общественной и политической истории Древнего Китая. По мере того как искусство бронзового литья становилось все более развитым, само общество Шан все более приходило в упадок. Безыскусный стиль раннего периода правления династии Чжоу с его упрощенной формой и малым набором мотивов орнамента соответствовал упрощению – нравов и обычаев вообще и древних религиозных культов в частности. Опять-таки пик совершенства бронзового литья в эпоху династии Чжоу приходится как раз на годы крушения Западного царства Чжоу (771 г. до н.э.). В последующие столетия, когда политическая власть постепенно переходила в руки множества мелких князьков, правивших крошечными государствами, в искусстве возникло и множество различных стилей, каждый из которых претендовал на собственное видение и понимание того, что есть простота и гармоничность пропорций. Лишь после 550 г. до н.э. Конфуций упростил и привел в порядок основные положения морали Китая. Как это часто случается, история искусства с необъяснимой точностью отразила все общественные и политические сдвиги⁸⁸.

В начале правления династии Чжоу были заложены те идеи и произведено реформирование тех государственных институтов, которые стали нормативными для последующих поколений. Совершенно очевидно, что они заложили основы развития политической мысли и привнесли нечто новое в религию Китая, что придало ей и новое звучание. Тем не менее ни религия, ни политика, а тем более искусство во времена правления династии Чжоу не подверглись никаким разрушительным изменениям, обрывающим связи с предшествующей цивилизацией эпохи Шан. Напротив, китайцы лишь реорганизовали доставшееся им наследие и настолько бережно вносили в него свои изменения, что нововведения органично вписались в ткань прежней структуры.

Основы политической теории, доминировавшей в Китае вплоть до свержения маньчжурской династии Цин в 1911 г. н.э., по-видимому, были заложены еще в эпоху Чжоу. Согласно этой теории, Тянь (или Небо) вручает полномочия тому, кто призван править, однако в любое время полномочия могут быть и аннулированы столь же таинственным образом, как и были вручены⁸⁹. Эта идея повлекла два важных последствия. Во-первых, поскольку

⁸⁸ Баххофер подчеркивает эти параллели, я же просто привожу его рассуждения.

⁸⁹ Трудно удержаться от искушения и не принять версию Крила, согласно которой эта теория, утверждающая, что императору власть дается самим Небом, была просто пропагандистским инструментом для оправдания распространения власти династии Чжоу на царство Шан. Creel, *Birth of China*, pp.367-75.

Музей Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum), Лондон.

Смитсоновский институт, Художественная галерея Фрир (Smithsonian Institution, Freer Gallery of Art), Вашингтон.

Смитсоновский институт, Художественная галерея Фрир (Smithsonian Institution, Freer Gallery of Art), Вашингтон.

СТАРИННАЯ КИТАЙСКАЯ БРОНЗА

Эти три бронзовых сосуда, использовавшихся во время религиозных церемоний, демонстрируют изменения стиля в сравнительно узких рамках традиционных форм, определяемых самим назначением этих сосудов. Контраст между парой сосудов, расположенных слева, свидетельствует о тенденции к упрощению декоративных элементов, возникшей после покорения Китая царством Чжоу. Сосуд на фотографии справа вверху изготовлен позднее, когда вновь стала доминировать декоративность стиля.

ку Небо даровало императору все земли, император, назначенный Небом, естественным образом становился законным всеобщим повелителем или, по крайней мере, должен был им стать. Идея о том, что все народы – и китайцы, и варвары – должны подчиниться единственному «Сыну Неба» стала фундаментальным положением всех последующих политических теорий и заставляла расценивать разделение Китая как чудовищное преступление, как нравственное, так и политическое. Эта догма значительно облегчила консолидацию империи под началом всех последующих династий и делала ее куда более сплоченной, чем можно было бы достигнуть лишь военной мощью. С другой стороны, уверенность в подвластности всех и вся императору Китая и убежденность, что тому позволено обращаться со всеми прочими как с варварами, сильно осложнила отношения Китая с более цивилизованными и более могущественными странами во все последующие времена.

Вторым следствием политической теории Чжоу стало то, что император как избранник Неба может занимать свое место, лишь пока он в состоянии доказать, что этого действительно хотят Небеса. Поэтому многие поколения китайских мыслителей бились над вопросом: что важнее всего для достойного правителя? В целом они приходили к заключению, что Небесам угодно принесение жертв, а также скрупулезное и регулярное совершение прочих ритуалов. Кроме того, они полагали, что высокая мораль государя и хорошее правление радуют Небо. Нарушение и того, и другого таит в себе огромную опасность для страны – наводнения и голод, чуму и, в худшем случае, аннулирование божественных полномочий на правление для царствующей династии на все времена.

Эта теория правления, придавая законность захвату других государств и дальнейшему их порабощению, все же ограничивала применение завоевателями военной силы. Даже после 771 г. до н.э., когда централизованная власть стала эфемерной, этот идеал власти продолжал существовать в умах. Эта теория, получившая развитие в трудах Конфуция, продолжала служить дальнейшей консолидации империи и в то же время ограничивала власть императора в Китае во все последующие времена.

Сложная космологическая система дополняла многие аспекты политической теории. Земля считалась своего рода образом Неба, которое, в свою очередь, было обиталищем духов предков и воплощением идеалов порядка. Император как «Сын Неба» был звеном, соединяющим оба царства. И так же, как Небеса вращались вокруг Полярной звезды, так и дела земные должны были иметь центром своего движения императора. Опираясь на эту основополагающую идею, ученые разработали систему соответствий между небесными и земными явлениями, которая во многом была сходна с астро-

логическими теориями, бытовавшими на Западе⁹⁰. Но эти новые веяния в китайской религии мало сказались на культе поклонения предкам и не вытеснили богов земли, рек и гор⁹¹. Поклонение старым богам в своей основе осталось прежним, однако человеческие жертвоприношения, как и прочие жестокие обряды эпохи Шан, прекратились.

Государство Чжоу было по своему устройству феодальной монархией. Победоносный император разделил завоеванные земли между своими родственниками и союзниками, а те, в свою очередь, одарили наделами своих верных соратников, каждый из которых имел и собственных подданных. Для защиты от внешних врагов эти благородные семейства воздвигали вокруг своих поселений защитные сооружения, многие из которых впоследствии переросли в города. Когда урожай был собран, они возвращались в эти поселения, чтобы провести зимние месяцы под защитой земляных валов⁹². Население покоренных земель обязано было платить дань, однако сами простолюдины скорее всего были подчинены собственным общинным вождям и учреждениям власти, более-менее не имевшим отношения к завоевателям.

Поначалу у императора Чжоу была возможность по своей воле изымать земли у строптивых родовитых землевладельцев. Но со временем владение землей так сплелось с представлением о воле высших сил, что уже ни сам император, ни тем более кто-то иной не решался посягать на вотчины подданных. Если могущественные духи предков и впрямь охраняли земли влиятельных родовитых семей, никто в здравом рассудке не осмелился бы вызвать их гнев попыткой искоренить законный род. Эти верования до некоторой степени могли сдерживать злобу и ярость и помогали избежать кровопролитных междоусобиц. И хотя такие верования жестко ограничивали права императора, они в то же время охраняли и его власть от узурпации.

⁹⁰ Обязаны ли чем-то китайские астрономы астрономам Вавилона – вопрос спорный. См. Joseph Needham, *Science and Civilization in China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1954), I, 151-52. В некоторых вопросах Чжоу демонстрировали знакомство с идеями Вавилонии, например, введя семидневную неделю вместо десятидневной, существовавшей во времена династии Шан. C.W.Bishop, *Origin of the Far Eastern Civilization* («Smithsonian Institution War Background Studies», No.1 [1942]), p.23. Однако мысль о связи между земными и небесными событиями встречается еще в записях жрецов эпохи Шан. См. Cheng Te-K'un, *Archaeology in China*, 225.

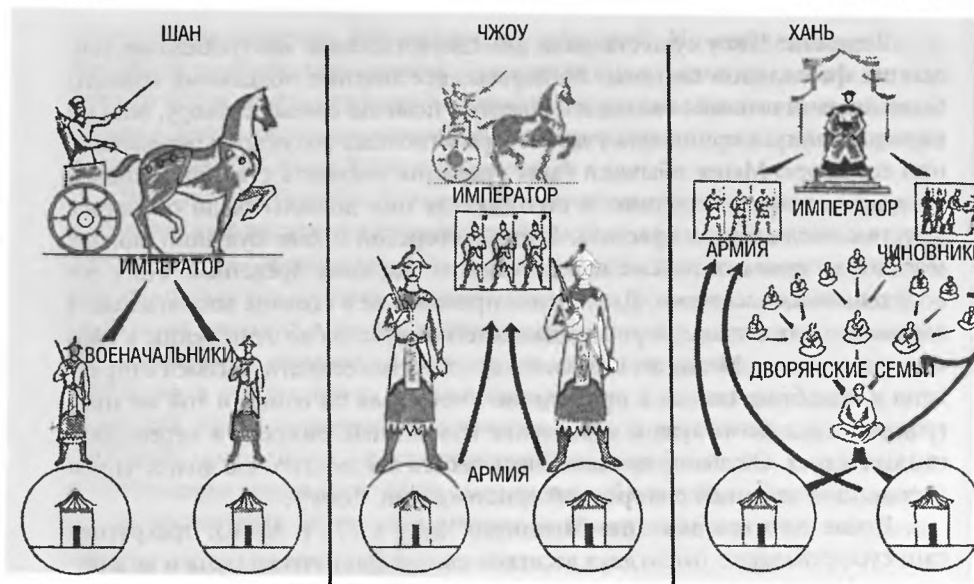
⁹¹ Любопытно отметить, что в эпоху Чжоу поклонялись преимущественно богам мужского рода, в то время как при династии Шан почитали преимущественно богинь. Bishop, *Origin of the Far Eastern Civilization*, p.41. Однако следует отметить, что изменение пола богов, которым поклоняются, отнюдь не такое редкое явление, как это могло бы показаться.

⁹² Такую интерпретацию так называемой системы полей и источников можно найти в книге: Wolfram Eberhard, *Conquerors and Rulers: Social Forces in Medieval China* (Leiden: E.J.Brill, 1952), pp.6-9.

В царстве Чжоу существовали две сдерживающие центробежные тенденции феодальной системы. Во-первых, все знатные подданные обязаны были незамедлительно оказывать военную помощь своему сеньору, если он начинал войну, и принимать участие в религиозных ритуалах и церемониях при его дворе. Менее обычной была традиция посылать старших сыновей из аристократических домов в столицу, где они должны были обучаться вместе с наследником престола. В императорской школе будущий монарх мог близко познакомиться с некоторыми из тех, кому предстояло стать его влиятельными вассалами. Длительное пребывание в столице воспитывало в высокородных вассалах верноподданнические чувства по отношению к царствующему дому. Младших сыновей и детей из менее знатных семей отправляли в подобные школы в провинции. Учеба шла по одной и той же программе: стрельба из лука и управление колесницей, ритуалы и церемонии, письмо и счет. Обучение продолжалось десять лет, достаточно долго, чтобы ученик стал частицей однородной аристократии Чжоу⁹³.

После того как династия Западного Чжоу в 771 г. до н.э. прекратила свое существование, около двух десятков князей фактически (хотя и не юридически) разделили между собой верховную власть в стране. Политическая история последующих столетий иллюстрирует те преимущества, которые дает государству его близость к границе: все без исключения государства, ставшие мощными державами, находились на границах Китая. Покоряя граничившие с ними варварские страны и вовлекая их в круг китайской цивилизации, эти страны развивались столь стремительно, что уже вскоре стали затмевать военную мощь своих ранее вступивших на путь цивилизации соседей, расположенных ближе к центру империи, где дальнейшая территориальная экспансия эффективно сдерживалась политикой баланса сил. Даже когда имперская власть окончательно сошла на нет, китайцы сохранили сильное чувство общности в противостоянии окружавшим их варварам. Это нашло свое политическое выражение в тех усилиях, которые были ими предприняты, чтобы хоть как-то компенсировать отсутствие единства империи, в результате чего возникло «соглашение князей», призванное поддерживать мир во всех государствах Китая. Эти усилия были отнюдь не безуспешными на протяжении VIII–VII вв. до н.э., и даже когда разразилась война

⁹³ Henry Maspero, *La Chine antique*, pp.131-32. Если сравнить феодализм в Китае с феодальным строем в Европе или со сходной социальной организацией общества империи Хаммурапи в Вавилоне, столь важное место, отводимое в обучении грамотности и религии, выглядит совершенно уникальным. И это было действительно необходимым, поскольку никаких особых религиозных сословий, подобных жречеству Месопотамии или средневековой церкви в Европе, в Китае не существовало. Поэтому обучение аристократа не могло ограничиться исключительно военными искусствами. Всякий аристократ в Китае должен был сам становиться своим собственным жрецом, когда речь шла о жертвоприношении его предкам.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КИТАЯ В ПЕРИОД С 1500 Г. ДО Н.Э. ПО 220 Г. Н.Э.

между китайскими державами, она не несла слишком тяжелой разрухи, так как удалось выработать своего рода кодекс чести, которым возбранялось тотальное уничтожение поверженного врага.

Но к VI в. до н.э. намечились явные признаки нарушения и баланса сил, и кодекса чести. Успех «соглашения князей» всегда находился в зависимости от признания первенства того или иного государства над прочими, и когда, как это не раз случалось, появлялся новый претендент на первенство, неизбежно возникала новая цепь междоусобных конфликтов. По той же причине вся система разрушилась окончательно, когда в VI в. до н.э. четыре могущественных приграничных государства одновременно заявили свои претензии на главенствующую роль во всем Китае. За этим последовал целый ряд столкновений, происходивших преимущественно на территориях сравнительно слабых центральных государств. Война приобретала хронический характер, и ее интенсивность росла с такой же скоростью, с какой забывался кодекс чести.

Однако непрекращающийся разлад в китайском обществе не только не ослабил географическую экспансию культуры Китая, но даже ускорил ее. Согнанные войною с насиженных мест беженцы и неустрашимые искатели приключений стали невольными распространителями идей и традиций ки-

тайской культуры в соседних варварских странах. В результате полуостров Шаньдун и прибрежные равнины к северо-востоку от него были полностью вовлечены в сферу китайской цивилизации. Сравнимое по масштабу продвижение произошло на всех северных и западных границах Китая. Наиболее значительное продвижение произошло на юге, где долина Янцзы и прибрежные области по обе стороны дельты постепенно полностью перестроились на китайский лад. В результате варвары, будучи таким образом включенными в китайское общество, внесли немалый вклад в китайскую культуру. Например, древняя китайская поэзия многим обязана царству Чу, расположенному на юге, территории, где прежде обитали варвары⁹⁴, в тех же краях зародились некоторые новые идеи, впоследствии принявшие форму даосизма.

Однако, если крушение старого политического строя и принесло некоторые выгоды Китаю, то для небольших его государств, расположенных вблизи старых центров цивилизации, а именно в средней части и низовьях реки Хуанхэ, все обстояло совершенно иначе. С VI в. до н.э. их участь все более сводилась к роли пешек в большой игре. Их территории непрерывно подвергались вторжениям, они испытывали беззастенчивое и грубое политическое давление со стороны более сильных, но менее развитых пограничных государств. Императорский дом в Лояне, несмотря на имперские претензии на верховную власть, был не в лучшем положении, чем его соседи. Совершенно естественно, что влачившие в этом хаосе жалкое существование образованные слои общества мечтали вернуть старые добрые времена, когда власть императора не была пустым звуком. Такого рода ностальгия была одним из корней, из которых выросло учение Конфуция.

В эти тревожные времена не осталось и следов прежней морали, хороших правителей не было и в помине. Соглашения, заключенные между противниками, и клятвы, приносимые духам предков, то и дело нарушались, не стихали интриги и заговоры при царствующем доме, и привольно чувствовали себя лишь самые отъявленные и беззастенчивые негодяи. Как же могло Небо допустить такое? Отчего величественные духи предков позволили поминать их священные имена всуе? И как же должен был вести себя человек достойный, когда, казалось, рушились все незыблемые каноны традиций?

Таковы были проблемы, с которыми в дни своей жизни (традиционно этот период датируется 551–479 гг. до н.э.) столкнулся Конфуций; и ответы, которые он дал, стали фундаментом для дальнейшего развития китайской

⁹⁴ Arthur Waley, *The Temple and Other Poems, with an Introductory Essay on Early Chinese Poetry* (New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1923), p. 12.

цивилизации. Однако, как это случилось и со всеми прочими великими наставниками человечества, теперь трудно отделить факты от легенды и отличить его собственное учение от тех вставок, которыми украсили его последующие поколения. И даже его труд «Лунь Юй, или Беседы и суждения» (*Analects*), который принято считать наиболее аутентичным представлением учения Конфуция, не может быть принят целиком как изложение мыслей самого Конфуция⁹⁵.

Тем не менее некоторые выводы можно сделать с достаточной уверенностью. На прошлое, на славные, давно минувшие времена Конфуций всегда оглядывался с нескрываемой теплотой. Именно старые времена подсказывали ему, как должна быть устроена жизнь. В «Беседах и суждениях» цитируется его высказывание, обращенное к собеседнику: «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю ее»⁹⁶. Но как должно было вести себя человеку, относившемуся с любовью к древности, в мире, который эту древность не любил? Эта проблема для Конфуция была наиглавнейшей. Поскольку происходило забвение традиций и падение нравов, ему оставалось не «создавать», а всего лишь «передавать» то, чему научила его любовь к древности, и это было единственным практическим воздействием его учения. Акцентируя одни аспекты старинных идеалов, определявших поведение аристократии, и отвергая либо игнорируя другие, он разработал доктрину, которая во многих отношениях была новой.

Одно из важнейших отступлений от взглядов старинной аристократии заключалось в том, что он отказался от идеи, что благородство – свойство врожденное. Человеком благородным (или, лучше сказать, благородным по духу), по Конфуцию, можно было стать, лишь получив соответствующее воспитание и образование. Отсюда следовало, что и человек низкого происхождения, прилежно учась и развивая свои природные способности, мог

⁹⁵ Основные результаты и выводы можно найти в H.G.Creel, *Confucius: The Man and the Myth*, pp.7-11; см. также Arthur Waley, *The Analects of Confucius* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1938), pp.13-26.

⁹⁶ Здесь и далее цитаты из «Бесед и суждений» даются по работе: Arthur Waley, *The Analects of Confucius*. (В тех случаях, когда автор приводит изречения самого Конфуция, они даны в русском переводе, сделанном непосредственно с китайского, см. Кривцов В.А. Древнекитайская философия. – Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – Прим. пер.).

Конфуций утверждал, что его идеи и идеалы не что иное, как пересказ принципов, предложенных князем Чжоу-гуном. Согласно традиции, князь, брат основателя династии Чжоу, стал регентом империи во время малолетства наследника престола, чтобы подавить мятеж, а затем использовал свое положение, чтобы установить новые учреждения и упорядочить правительство, прежде чем передать власть своему племяннику. Есть некоторые основания верить в то, что Конфуций не был так уж далек от истины, считая себя духовным наследником Чжоу-гуна, который мог действительно оказать существенное личное влияние на развитие институтов династии Чжоу.

стать благородным по духу. Отличительные качества человека благородного – доброта, мудрость и храбрость – добродетели, требующие сдержанности как в поведении, так и в чувствах, к тому же требовалось знание традиционных ритуалов и правил поведения, неуклонное исполнение обещаний, верность своему господину и уклонение от общения со всеми, кто этих качеств лишен⁹⁷. Человек благородный должен находить удовлетворение, даже просто развивая в себе эти качества⁹⁸. «Мудрый не испытывает сомнений, человеколюбивый не испытывает печали, смелый не испытывает страха»⁹⁹. Но истинное призвание человека благородного – участие в управлении страной. Как и впоследствии Платон, Конфуций всю жизнь страдал от того, что правители и политики не желали ни принять его принципы, ни назначить его министром, чтобы он сам мог воплотить свои принципы в жизнь. Он, как мог, успокаивал себя той мыслью, что добродетель сама по себе награда, способная утешить и в нищете¹⁰⁰. Однако ни сам Конфуций, ни его последователи ничего не могли противопоставить собственному тезису о том, что по-настоящему проявить себя благородный человек может лишь в управлении государством¹⁰¹.

Воплощением основных идей учения Конфуция явилось понятие *Дао*¹⁰². Передать точный смысл этого термина едва ли возможно, и хотя Конфуций употребляет его достаточно часто, сам он не дает четкого определения. Ясно, однако, что *Дао* – это совершенствование всех добродетелей, присущих благородству. Похоже, Конфуций верил, что жизнь в соответствии с *Дао* – это жизнь в соответствии с волей Неба. Возможно, он, вкладывая собственный смысл в это понятие, брал за образец нравы, царившие в добропорядочной благородной семье, и пытался перенести эту схему на политическое устройство государства¹⁰³.

Доктрина Конфуция явно шла вразрез со старинными аристократичес-

⁹⁷ *Analects*, IV, 5; VI, 4; VII, 7; IX, 7.

⁹⁸ *Analects*, IV, 17, 18; VI, 25; VII, 24, 36; VIII, 8, 16; IX, 24.

⁹⁹ *Analects*, IX, 28; См. IV, 14. (Кривцов В. А. Древнекитайская философия. – Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – С.158. – Прим. пер.).

¹⁰⁰ *Analects*, IV, 8, 9.

¹⁰¹ *Analects*, VII, 32.

¹⁰² Этот термин может быть переведен как «путь», и если сохранить в этом слове все множество его оттенков, оно вполне приемлемо передает смысл понятия *Дао*. Этот термин имел основополагающее значение и для другого направления китайской философии – даосизма, что особенно интересно, поскольку адепты этой школы были самыми яростными критиками конфуцианства.

¹⁰³ Creel, *Confucius: The Man and the Myth*, p.125. При этом сам Конфуций нигде, в том числе в «Беседах и суждениях», не подчеркивал необходимости строгого соблюдения сыновней почтительности. Возможно, он считал это само собой разумеющимся, однако его последователи посчитали необходимым выделить этот аспект *Дао* особо.

кими нравами, причем в своих основополагающих утверждениях. Он порицал насилие и почти не уделил внимания обучению военным искусствам, что всегда было важнейшим делом традиционного обучения. Этикет, перво-степенная для Конфуция и близкая его сердцу концепция, предписывал избегать применения силы во всех случаях, за исключением экстраординарных. Похоже, он верил в возможность управлять с помощью «уступчивости и ритуала»¹⁰⁴, т.е. в соответствии с правилами хорошего тона, всегда уступая дорогу старшим по положению. Любые иные методы правления, полагал он, неизбежно приведут к бесконечным интригам, заговорам и, как следствие, к вспышкам насилия – неизлечимым болезням политической жизни тех времен.

Конфуций переиначил старые обычаи на новый лад, отбросив упрощенные верования, согласно которым щедрые и правильно исполняемые обряды жертвоприношений обеспечат покровительство духов предков и гарантируют удачу в делах земных. Он учил, что добродетель сама по себе награда, но с прискорбием отмечал при этом, что никакие добродетели не могут гарантировать успех в этом мире. Да и как он мог отрицать, что для воплощения его идей в жизнь необходима еще и политическая власть. Когда ему приходилось затрагивать такие темы, как влияние духов на жизнь живущих, он всегда был немногословен и сдержан. Не стоит сомневаться, что он верил в их существование, однако верно и то, что он решительно отказывался обсуждать теологические и метафизические вопросы. А вот церемонии жертвоприношения и другие ритуалы были неотъемлемой частью жизни благородного человека, и потому их игнорировать было невозможно, однако к этому вопросу у него был свой подход. Мир человека и его мораль всегда стояли у Конфуция на первом месте, поэтому-то и разного рода спекуляции о воле Неба и о жизни после смерти он попросту оставлял в стороне¹⁰⁵. Подобное стремление обходить вопросы пошатнувшейся в те времена веры создавало брешь в учении Конфуция, которой постарались в полной мере воспользоваться адепты даосизма, весьма искусные в метафизическом теоретизировании. Однако то, что Конфуций стремился избегать такого рода вопросы, вполне согласовывалось с тем, что он никогда не упускал из поля зрения практические результаты и их последствия и прежде всего то, что достойный человек должен уметь достойно управлять.

Что касается собственной карьеры, то Конфуций считал, что она завер-

¹⁰⁴ *Analects*, IV, 13. См. XII, 1. (Высказывание Конфуция имеет важный смысловой оттенок, поэтому целесообразно привести его полностью: «Если с помощью уступчивости нельзя управлять государством, то что же это за ритуал?», см. Кривцов В.А. Древнекитайская философия. – Т. 1. – М.: Мысль, 1972. – С.149. – Прим. пер.)

¹⁰⁵ *Analects*, V, 12; VII, 20; XI, 11.

шилась полным крахом. Он никогда не обладал достаточной властью и даже не вполне мог распоряжаться собственной жизнью, и, похоже, совершенствование собственных добродетелей было единственным его утешением в трудные минуты. Но по прошествии долгого времени стало очевидным, что его влияние на политическую жизнь было намного сильнее и продолжительнее, чем влияние многих могущественных монархов, поскольку его идеи оказались своего рода катализатором развития тех государственных институтов и того направления мысли, которые в конце концов сформировали китайскую цивилизацию. Последователи Конфуция, порой у кормила государственной власти, а чаще нет, продолжали влиять на общественную жизнь Китая даже два столетия спустя после его смерти (в 479 г. до н.э.). Но лишь после того, как в результате долгих и кровопролитных войн династии Хань удалось вновь объединить государства Китая в единую империю (202–209 гг. до н.э.), учение Конфуция окончательно утвердилось в качестве инструмента государственного управления. И с тех пор вплоть до наших дней¹⁰⁶ доктрина Конфуция не утратила влияния на государственную жизнь Китая.

К тому времени, когда самые смелые мечты Конфуция начали сбываться, его последователи успели внести немало поправок в доктрину своего учителя, однако и на всех этих изменениях лежала неизгладимая печать учения старого мастера. Его идеал истинно благородного и гуманного человека, руководствующегося традиционной и в то же время глубоко индивидуальной этикой, не разбрасывающегося на теологические спекуляции, заботящегося о сохранении приличий, неохотно прибегающего к насилию, имеющего своей главной целью постижение истинного пути – Дао, остался непревзойденным. Именно такие люди, пусть и в разной степени соответствовавшие конфуцианским идеалам, правили Китаем на протяжении более двух тысячелетий, сохраняя стабильность и единство китайской политики и культуры. Немного есть на свете мыслителей, которым история воздвигла бы памятник, сравнимый в своем величии с этим.

Д. ИЗМЕНЕНИЯ В МИРЕ ВАРВАРОВ ДО 500 Г. ДО Н.Э.

Консолидация древней космополитической цивилизации на Среднем Востоке и стремительный рост новых цивилизаций в Греции, Индии и Китае многократно усилили разностороннее влияние этих культур на страны

¹⁰⁶ Следует вспомнить хотя бы то, что и Мао Цзэдун начинал свое обучение в студенческие годы с классических трудов Конфуция и его последователей и лишь в зрелом возрасте, когда ему исполнилось 27 лет, начал изучать марксизм.

варваров. Немалую долю в истории Греции, Индии и Китая составляют события, связанные с распространением собственной культуры и стиля жизни этих цивилизаций на территории варварских стран. К 500 г. до н.э. в Южную Индию, Центральный и Южный Китай и практически на все побережье Средиземного и Черного морей уже проникла или начала проникать культура цивилизованных стран.

Только на примере прибрежных зон Средиземного и Черного морей можно детально проследить последовательные этапы этого процесса. Изначально распространение культуры в этом регионе происходило благодаря трем народам – финикийцам, этруским и грекам. В 800–550 гг. до н.э. большая часть прибрежных территорий Средиземного и Черного морей попала в сферу влияния той или иной из этих цивилизаций, и быстрое развитие торговли связало все Средиземноморское побережье с более развитой культурой его восточной части. Нередко за развитием торговли следовала и колонизация. Финикийцы и греки создавали колонии по образцам городов-государств их собственной родины, и этруские города, которые, возможно, были (а возможно, и нет) созданы беженцами из Малой Азии, напоминали поселения финикийцев и греков¹⁰⁷. С образованием этих сообществ на территориях, где обитали варвары, стали распространяться и достижения цивилизации – грамотность, высокое искусство, монументальная архитектура, которые впоследствии распространились в глубь Европы и Африки.

Хотя к 500 г. до н.э. границы цивилизации значительно расширились, за их пределами все еще оставалось пять огромных регионов, сохранявших дикие обычаи и стиль жизни, присущий варварам. Три из них находились в восточном полушарии (или Старом Свете): 1) Африка к югу от Сахары и Абиссинское нагорье; 2) муссонные леса Юго-Восточной Азии и находящиеся вблизи этой зоны острова Индонезии; 3) степная и лесная зоны Северной Евразии. Кроме того, оставались и отделенные океанами от Старого Света материк: 4) Австралия; 5) Северная и Южная Америка.

Археологические раскопки на этих территориях происходили с разной интенсивностью, и поэтому слишком рано судить о влиянии на развитие их культур, если таковое вообще происходило, цивилизаций Евразии в I тыс. до н.э. Австралия, без сомнения, оставалась изолированным миром и в 500 г. до н.э., и много столетий спустя. Жизнь в Африке к югу от Сахары, по-видимому, тоже не затронули социальные бури, происходившие на севере. Археологи установили лишь незначительное по географическим масштабам распространение культуры Египта на территории Нубии (современный Су-

¹⁰⁷ См. M. Pallottino, *Gli Etruschi* (Rome: Casa Editrice Carlo Colombo, 1939), pp.43-72, 129-54. Luisa Banti, *Die Welt der Etrusker* (Stuttgart: Gustav Kilper Verlag, 1960), pp.132-35.

дан)¹⁰⁸. Ситуация в Юго-Восточной Азии в период до 500 г. до н.э. тоже остается неясной. Самый древний письменный источник, содержащий сведения об этом регионе, датируется II в. н.э. и относится ко времени, когда китайские завоеватели и дипломаты устанавливали контакты с частично индуизированными государствами на севере Бирмы, в Аннаме и Кокхингине (исторические регионы современного Вьетнама. – *Прим. пер.*). Вопрос о том, насколько раньше этого периода установилось влияние Индии на данные территории, остается невыясненным¹⁰⁹. Археологические находки свидетельствуют, что еще до того, как возникли тесные контакты этих стран с культурами Индии или Китая, морские торговые связи обеспечили достаточное накопление материальных средств для возникновения центров протоцивилизаций на южном побережье Китая и на севере Вьетнама¹¹⁰.

Однако, что бы ни добавили последующие археологические изыскания и открытия к знаниям нынешнего дня о доисторической культуре Юго-

¹⁰⁸ H. Alimen, *Préhistoire de l'Afrique* (Paris: Éditions N. Boubée & Cie, 1955); Sonia Cole, *The Prehistory of East Africa* (Harmondsworth: Penguin Books, 1954), pp. 271-85; Diedrich Westermann, *Geschichte Afrikas* (Cologne: Greven, 1952), pp. 3-20. Следует, однако, заметить, что хронология доисторического периода Африки устанавливалась по большей части на основе догадок. Например, вполне возможно, что мегалитическое влияние в районе мыса Гвардафуи и Западной Африки существовало задолго до 500 г. до н.э. См. Dominik Josef Wölfel, «Die kanarischen Inseln: die westafrikanischen Hochkulturen und das alte Mittelmeer», *Paideuma*, IV (1950), 231-53. Торговля Карфагена со странами вдоль Атлантического побережья Африки, по-видимому, охватывала территории, простиравшиеся вглубь вплоть до берегов Рио-де-Оро, а быть может, и дальше. Золотые прииски, подобно магниту, притягивали к себе карфагенские корабли, при этом, однако, преобладала «тихая» торговля, при которой каждая из торгующих сторон после совершения сделки стремилась незаметно исчезнуть, чтобы избежать нежелательных прямых контактов с другими торговцами. См. B. H. Warrington, *Carthage* (London: Robert Hale, Ltd., 1960), pp. 59-66.

¹⁰⁹ Монументы мегалитического периода в Южной Индии, Юго-Восточной Азии и на некоторых островах западного побережья Тихого океана свидетельствуют о некоторой связи этих удаленных друг от друга территорий еще в I тыс. до н.э.

¹¹⁰ D. G. E. Hall, *A History of South East Asia* (New York: St Martin's Press, 1955), pp. 7-9; C. W. Bishop, «Long-Houses and Dragon-Boats», *Antiquity*, XII (1938), 411-24; Wolfram Eberhard, *Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas*, pp. 326-31; G. Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonésie* (Paris: E. de Boccard, 1948), pp. 25-26. Эта протоцивилизация Юго-Восточной Азии, названная культурой Донгсона по месту, где проводились археологические раскопки, в некоторых аспектах может быть сопоставлена с ранней цивилизацией Крита. Однако, в отличие от критской цивилизации, культура Донгсона оказалась недолговечной и не смогла достичь достаточно высокой ступени развития. Более того, в силу своего географического положения ей не удалось избежать роковых для нее столкновений с военной мощью соседней державы – Китая, которым в то время правила династия Хань. В этом можно найти нечто общее с судьбой цивилизации скандинавских викингов. См. A. J. Toynbee, *A Study of History*, I, 340-60. Традиции мореплавания продолжали сохраняться на острове Борнео и на островах Индонезии еще не одно столетие и выразились в колонизации Мадагаскара на заре христианской эры. См. George Peter Murdock, *Africa: Its Peoples and Their Culture History* (New York: McGraw-Hill, 1959), pp. 45, 212-16. Не исключено, что упадок цивилизации Полинезии в I тыс. н.э. произошел по тем же причинам.

Восточной Азии и Экваториальной и Южной Африки, едва ли можно сомневаться, что такие континенты, как Австралия и обе Америки, в культурном отношении оставались отсталыми. В те места не докатилось даже эхо сотрясавших мир перемен, которые радикально изменили саму модель развития цивилизации в Евразии. Что касается лесостепной зоны Евразии, то тут мы сталкиваемся с совершенно противоположным случаем. В XVIII в. до н.э. вооруженные бронзовым оружием варвары на колесницах вызвали весьма драматические последствия для цивилизованных стран на всем Евразийском континенте. Повторное нарушение баланса военных сил между цивилизованными народами и обитателями степей, произошедшее почти тысячу лет спустя, примерно в IX–VIII вв. до н.э., привело к куда менее значительным потрясениям, и его последствия, а также географический размах походов степных кочевников, оказались более скромными.

Решающее обстоятельство здесь заключалось в том, что степные воины освоили верховую езду настолько, что руки всадников могли оставаться свободными для стрельбы из лука даже на полном скаку.

Когда и где именно была применена новая тактика конного боя, можно лишь предполагать. Известно, что ездить верхом пытались еще в III тыс. до н.э., но это были всего лишь редкие попытки. Однако успешное применение боевых колесниц и то, что править конем без седла, уздечки и стремян было весьма затруднительно, надолго отодвинули на второй план такой простой способ использования лошади, как верховая езда. То, что привычным сюжетом резьбы на месопотамских печатях в XIII в. до н.э. стали кентавры, наводит на мысль, что верховая езда для степных народов тоже стала делом привычным. Однако ведущую роль в жизни степных племен и в их военной стратегии она приобрела лишь к IX в. до н.э.¹¹¹ Земли Ирана, прилегающие к зоне степей, где девятью столетиями ранее были придуманы колесницы и выработана тактика боя на них, видимо, и явились тем центром, откуда распространился и более совершенный стиль езды¹¹².

Верховая езда была лишь частью того мастерства, которым должен был овладеть житель степей. Кочевникам для езды верхом пришлось разработать и изготовить соответствующую упряжь и одежду (а именно штаны) и, кроме того, отыскать питание, не зависящее (или почти не зависящее) от

¹¹¹ Franz Hancar, *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit*, pp.551-63; William Ridgeway, *The Origin and Influence of the Thoroughbred Horse* (Cambridge: Cambridge University Press, 1905), pp.94, 98. В этих трудах приведены доводы в пользу того, что потребовалось немалое время, чтобы верховая езда стала привычным явлением, поскольку первые породы одомашненных лошадей не были достаточно выносливы, чтобы долго выдерживать вес всадника.

¹¹² Franz Hancar, *Das Pferd*, p.555; Karl Jettmar, «Archaeologische Spuren von Indogermanen in Zentralasien», *Paideuma*, V (1950–54), 236-37.

Фонды Британского музея (Trustees of the British Museum).

РЕВОЛЮЦИЯ В ТАКТИКЕ КАВАЛЕРИИ

Ассирийский барельеф на стенах дворца Ашшурбанипала (668—625 гг. до н.э.) в Ниневии представляет собой весьма экспрессивное и довольно раннее художественное изображение всадников, скорее на охоте, чем на войне. Нетрудно заметить, что снаряжение всадников еще не вполне подходит для езды верхом, в частности, их одежды, напоминающие юбки, едва ли были удобны для этого. К тому же отсутствие стремян делало всадника серьезно зависимым от коня. Только хорошо тренированные лошади не меняли аллюр и направление, когда всадник отпускал поводья и натягивал лук.

продуктов сельского хозяйства. Лишь в этом случае они могли практически беспрепятственно перегонять свои огромные стада с луга на луг, преодолевая ежегодно сотни километров в поисках лучших пастбищ.

Конное кочевничество потребовало коренных изменений в жизни ранее разрозненных сообществ, населявших степи Европы и Центральной Азии. Но это было лишь прелюдией к дальнейшим изменениям, повлекшим нарушение военного и общественного равновесия в Евразии. Когда кочевые племена окончательно сформировались, самопроизвольно стали формироваться кавалерийские отряды, ставшие впоследствии такой мощной угрозой для жизни цивилизованных стран, с какой те никогда прежде не сталкивались.

Владение искусством верховой езды, вне всякого сомнения, обеспечило племенам скотоводов значительные военные преимущества. Кони были у каждого из них, и, сев с луком верхом, кочевник мог тут же превратиться в кавалериста. Быстрота и стремительность коней, мчавшихся на полном скаку, обеспечили всаднику защиту, достаточную для того, чтобы можно было расстаться с металлическими доспехами и другим дорогим вооружением. Поэтому-то мастерство и доступное кочевникам оружие (чтобы убить человека, каменных наконечников стрел вполне достаточно) позволяли им успешно совершать набеги даже на государства, у которых армия была оснащена гораздо более современным оружием. Таким образом, впервые территория евразийских степей от края до края превратилась в гигантское ранчо для воинов, которые могли в любой момент совершить нападение на любую цивилизованную общину и имели все шансы на успех¹¹³.

Конница кочевников могла продвигаться куда быстрее и на значительно большие расстояния, чем любые другие виды войск, с легкостью преодолевая путь по любой местности и пересекая реки. Эта кочевая «армия» представляла собой всего лишь взрослых мужчин племени или объединения племен, передвигавшихся изо дня в день так же, как обычно передвигались кочевники, но избавленных от бремени женщин, детей и стад. Если они встречали менее мобильного противника, они могли осуществлять свои набеги практически безнаказанно. И только встреча с подобными им войсками или отсутствие корма для лошадей могли удержать их от грабежа.

История I тыс. до н.э. дает немало свидетельств преимущества армии степных кочевников в сражениях. Разумеется, странам Среднего Востока в силу их близости к тому географическому центру, где зарождались и форми-

¹¹³ Можно напомнить также, что в XIII в. до н.э. возможность выплавлять дешевую сталь значительно повысила боеспособность пехоты варваров. Интересные материалы и выводы по истории кочевых племен от киммерийцев до гуннов можно найти в работе E.D.Phillips, «New Light on the Ancient History of the Eurasian Steppe», *American Journal of Archaeology*, LXI (1959), 269-80.

ровались эти армии нового типа, пришлось принять удар первыми. И действительно, есть немало ассирийских письменных свидетельств массовых вторжений кочевников еще до наступления VII в. до н.э.¹¹⁴, что позволяет нам судить и о том, какие изменения произошли в жизни обитателей степей. В те времена орды конников, которых греки называли киммерийцами, сформировавшиеся на территории нынешнего юга России (автор употребляет термин «Россия» для обозначения территории Российской империи или Советского Союза, т.е. шире, чем его современное употребление в русском языке. – *Прим. пер.*), начали совершать опустошительные глубинные рейды по всей Малой Азии. Возможно, эти набеги киммерийцев были вынужденными, так как они испытывали серьезное давление со стороны других племен – скифов, которые около 700 г. до н.э. двинулись со своей центрально-азиатской родины¹¹⁵ на запад и сумели отбить у киммерийцев обильные пастбища на юге России. Конные армии скифов, в свою очередь, последовали за киммерийцами на юг, где стали главной ударной силой коалиции, разрушившей Ассирийскую империю в 612 г. до н.э. Таким образом, кардинальные перемены в жизни степных кочевников привели к краху Ассирии, что, в свою очередь, способствовало стремительному подъему Персидской империи¹¹⁶.

Теперь мидянам и персам, унаследовавшим земли Ассирийской империи, пришлось думать о защите цивилизованных общин Среднего Востока от новых нашествий кочевников. Несмотря на общее превосходство в военной силе, для правителей из династии Ахеменидов эта задача оказалась отнюдь не легкой, о чем можно судить по гибели Кира (530 г. до н.э.) во время похода на восток и неудачам Дария во время европейской кампании против скифов (512 г. до н.э.). Территории Ирана, граничившие со степной зоной, были особенно уязвимы. И только использование конницы наемников, набранных из кочевников, позволило Ахеменидам обезопасить северные и восточные пределы империи от набегов¹¹⁷.

Европе времен варварства возникновение конного кочевничества также принесло любопытные последствия. В начале VI в. до н.э. скифы создали на юге России мощную, хотя и не монолитную «империю» и распространили свое господство далеко на запад вплоть до нынешней Венгрии. Как и их сородичи и соперники в Персии, они провозгласили себя правящим сосло-

¹¹⁴ Свидетельства Геродота, хотя их подлинность и оспаривается, тоже не могут быть сброшены со счетов.

¹¹⁵ Karl Jettmar, «The Altai before the Turks», Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, *Bulletin*, XXIII (1951), pp.154-55.

¹¹⁶ M. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia* (Oxford: Clarendon Press, 1922), pp.35-44.

¹¹⁷ Karl Jettmar, «The Altai before the Turks», pp.156-57.

вием, которому обязаны подчиниться все живущие на покоренных землях. Однако, в отличие от персов, скифы продолжали вести полукочевой образ жизни, подчиняясь внутриплеменной дисциплине¹¹⁸.

Первыми, кто овладел искусством верховой езды в Западной Европе, были кельты, и их приверженность новой конной тактике в значительной мере помогла экспансии с юга Германии на всю Северную Европу. Своим вооружением, однако, кельты отличались от степных кочевников, их обычным оружием был не лук, а длинный двуручный меч¹¹⁹.

Что же касается распространения новой тактики на восток, то тут многое остается неясным. Племена, которые предпочли новый образ кочевой жизни, едва ли могли стремиться на восток, где пастбища и климат были хуже. Так что в Монголию мастерство верховой езды добиралось достаточно долго, по мере того как племя за племенем перенимали его у своих западных соседей¹²⁰. Потребовалось, по-видимому, не меньше четырех столетий, прежде чем этот процесс был завершен, поскольку в китайских письменных источниках первые упоминания о коннице варваров на северо-западных окраинах датируются IV в. до н.э.¹²¹

С появлением у жителей монгольских степей юрт с разборным каркасом и крытых черным войлоком Китай оказался перед той же военной угрозой, что и Средний Восток тремя столетиями ранее. Царство Цинь на

¹¹⁸ Rostovtzeff, *Iranians and Greeks*, pp.35-44.

¹¹⁹ Об экспансии кельтов см. Henri Hubert, *Les Celtes et l'expansion celtique iusqu'à l'époque de la Tène* (Paris: La Renaissance du livre, 1932). О значении кельтской конницы см. William McGovern, *The Early Empires of Central Asia* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1939), pp.46-48. Почему на западе Европы не пришло оружие степных конников и почему кельты предпочли лукам мечи, остается неясным. Возможно, одной из причин было то, что территория Западной Европы была сплошь покрыта лесами и болотами. В лиственном же лесу эффективность стрельбы из лука ограничена и надо рассчитывать на рукопашную схватку с противником. При всем при том не меньшую роль могли играть древние приверженности и предрассудки, не следующие никакой логике.

¹²⁰ Karl Jettmar, «Zur Herkunft der türkischen Völkerschaften», *Archiv für Völkerkunde*, III (1948), 16-17; K.Jettmar, «The Altai», pp.148-150; B.Rubin, «Das neue Bild der Geschichte Eurasiens», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N.F. II (1954), pp.106-7.

Здесь напрашивается аналогия с распространением в XVI-XVII вв. н.э. навыков верховой езды среди американских индейцев, живших на Великих равнинах. В последнем случае можно с уверенностью сказать, что новый стиль жизни привился не благодаря завоеванию, а благодаря заимствованию навыков и опыта. Следует отметить, что распространение этих навыков также преодолело климатический градиент на пути в более суровые земли. Однако в Евразии этот градиент был более серьезно выражен по сравнению с Северной Америкой, так как в последнем случае продвижение на север – к Великим равнинам сопровождается лишь понижением температуры и сокращением сезона вызревания трав, тогда как продвижение по евразийским степям на восток – в Монголию сопровождается к тому же и более существенным фактором – резким снижением нормы годовых осадков.

¹²¹ W.McGovern, *Early Empires of Central Asia*, pp.100-101.

северо-западе Китая первым испытало удар. Поначалу набеги кочевников не были ни достаточно организованными, ни массированными, чтобы преодолеть оборонную мощь Китая. Однако их удары были настолько ощутимыми, что заставили правителей Цинь перенять тактику кочевников и перестроить свою армию по их образцу, сделав ее ядром конных лучников. При этом новая тактика боя не только позволила сдерживать набеги кочевников, но и возвысила царство Цинь над своими соперниками в самом Китае, что в конце концов позволило правителю Цинь объединить Китай и стать в 221 г. до н.э. его императором¹²².

Тем не менее то, что полноценная конная армия была создана в Монголии лишь к IV в. до н.э., отнюдь не означает, что только тогда страны Дальнего Востока впервые ощутили на себе силу конных воинов. Материалы археологических раскопок содержат много неясностей и не позволяют вынести окончательного суждения. В частности, немало споров вызывает проблема так называемого скифского звериного стиля в искусстве. И все же при всех разногласиях невозможно отрицать, что у скифского стиля немало характерных черт, присущих китайскому искусству, и что у искусства эпохи Чжоу много особенностей скифского стиля. Более того, на огромном участке побережья от Южного Китая до Северного Вьетнама сделано множество находок, обладающих поразительным сходством с предметами, либо найденными в далеких от этого региона причерноморских степях, либо поступившими в музеи из неизвестных источников¹²³.

Как это объяснить, пока не вполне ясно. Возможно, скифские племена, жившие вблизи Алтая, овладев искусством верховой езды, использовали свое положение в тогда (VIII в. до н.э.) крайней восточной точке распространения нового конного кочевничества для совершения набегов на оазисы Восточного Туркестана, следуя по вероятному пути завоевателей-колесничих. Нельзя исключить, что одной из причин падения династии Чжоу в 771 г. до н.э. оказалось именно такое стремительное и внезапное вторжение. Примерно в те же времена другие отряды всадников могли проникнуть через провинцию Сычуань в глубь страны вплоть до южного побережья Китая¹²⁴.

¹²² Приход к власти правителя Цинь – классический пример того, как много может выиграть военачальник от одной лишь демонстрации военной мощи. С другой стороны, рост этой мощи как в царстве Цинь, так и в Персидском царстве можно рассматривать как «естественную реакцию» на угрозу, возникшую со стороны конницы кочевников.

¹²³ Gregory Borovka, *Scythian Art*; M.I. Rostovtzeff, *The Animal Style in South Russia and China* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1929); Ludwig Bachhofer, *A Short History of Chinese Art*, p.46; Robert Heine-Geldern, «Das Tocharerproblem und die pontische Wanderung», *Saeculum*, II (1951), 225-55; Karl Jettmar, «The Altai before the Turks», 148-56.

¹²⁴ Это предположение строится на догадке Джеттмара, изложенной в его статье «Алтай до тюркского нашествия» («The Altai before the Turks»), и едва ли может считаться вполне

Согласно этой гипотезе, всего лишь одно или два поколения спустя, прекратив набеги на Китай, скифы повернули своих коней на запад и вошли в историю, столкнувшись с обладавшими письменностью народами Среднего Востока. Такая задержка может быть объяснена тем, что на пути на запад скифам поначалу приходилось вступать в столкновения именно с теми воинственными кочевыми племенами, у которых они, возможно, переняли верховую езду. Лишь после того, как скифы смогли покорить эти племена или объединиться с ними, что еще более усилило их военную мощь, они смогли продолжить путь на запад, но вскоре оказались на обширных и обильных пастбищах юга России. Они быстро победили населявших эти земли киммерийцев и сделали, как мы можем предположить, своим центром нынешние земли Украины, оставив в покое Китай и выставив лишь незначительный арьергард на территории Центральной Азии.

Как это ни поражает воображение, но не исключено, что политические потрясения, обмен новейшими техническими достижениями и сюжетами декоративного искусства, последовавшие за набегами скифов, не ограничились исключительно Старым Светом. Есть немало свидетельств самого разного рода в пользу того, что человек пересекал пространства Тихого океана еще в дохристианские времена. Эта гипотеза позволяет объяснить сходство многих находок, обнаруженных археологами в Перу и Мексике, с теми, что были сделаны на побережье Юго-Восточной Азии¹²⁵. Сравнивая виды рас-

обоснованным. Лишь после тщательных археологических исследований в Восточном Туркестане и Западном Китае это предположение, как и гипотеза о том, где пролегали пути боевых колесниц в предшествующем тысячелетии, могут быть приняты или отвергнуты. То, что оазисы в бассейне реки Тарим на задворках Китая населены народом, говорящим на индоевропейском языке («тохарском»), возможно, наследие скифских набегов. См. René Grousset, *L'Empire des steppes*, p.79. Не исключено, что этот язык, дожив до наших дней, составляет единственное реальное подтверждение такой интерпретации описанных событий.

¹²⁵ Согласно хронологии, предложенной в работе: Robert Heine-Geldern, «Die asiatische Herkunft der sudamerikanischen Metalltechnik», *Paideuma*, V (1954), 347-432, распространение мотивов в искусстве и новых технологий по островам Тихого океана стало особенно актуальным вскоре после того, как гипотетические племена степных кочевников достигли южного побережья Китая, что произошло примерно в VII в. до н.э. Возможно, полуварварская культура Донгсона смогла создать почву для соединения местных навыков навигации и бесшабашного авантюризма выходцев из Центральной Азии, совсем недавно освоивших искусство конного боя. Смена обычаев и нравов меняла и социальные отношения, и, быть может, беспрецедентные океанские экспедиции были одним из откликов на возникавшие проблемы.

Тем не менее совсем не обязательно принимать при этом предположение Хайне-Гелдерна о том, что уже в те времена было налажено двустороннее движение судов через Тихий океан. Если даже единственная лодка и пересекла океан – скорее всего далеко унесенная штормом, с командой, достаточно разумной, чтобы на судне, не способном двигаться против ветра, не пытаться повернуть назад, – то это все, что требуется для объяснения сходства между наход-

Osvald Siren. An Ansient.

ИСКУССТВО КИТАЯ И ИНДЕЙЦЕВ АМЕРИКИ

Слева представлены три предмета, изготовленных в Китае, а справа для сравнения — образцы, изготовленные в Центральной Америке. Сходство между ними столь велико, что едва ли может рассматриваться как случайное. Подобные параллели (хотя и не всегда столь разительные) встречаются сплошь и рядом. Трудно объяснить подобное сходство, исключив контакты между этими цивилизациями.

тений и сельскохозяйственных культур на обоих побережьях Тихого океана, можно предположить, что семена или черенки этих растений были перевезены человеком еще в давние времена¹²⁶.

Учитывая, что европейцы были не в состоянии пересечь Атлантику до 1000 г. н.э., а за пять последующих столетий не смогли создать постоянных поселений на противоположном берегу Атлантики, мысль о том, что жители Азии пересекали куда более обширные пространства Тихого океана еще в дохристианскую эру, может показаться абсурдной. Но эта гипотеза не является столь уж невероятной, если принять во внимание, что, во-первых, покорение Европы варварами в бронзовом веке пагубно повлияло на искусство мореплавания, развивавшееся еще с мегалитического периода, и новое поколение мореплавателей появилось в Европе лишь во времена скандинавских викингов¹²⁷. Тем не менее тот факт, что Канарские и Азорские острова были заселены носителями культуры каменного века, когда в XIV в. н.э. до них добрались европейцы, указывает, что даже примитивные народы из круга, похоже, мегалитической культуры могли – случайно или намеренно – совершать далекие путешествия по Атлантике и даже, с учетом всех возможных возражений, могли добраться, занесенные штормом или спасаясь от какой-нибудь опасности, до берегов Нового Света¹²⁸.

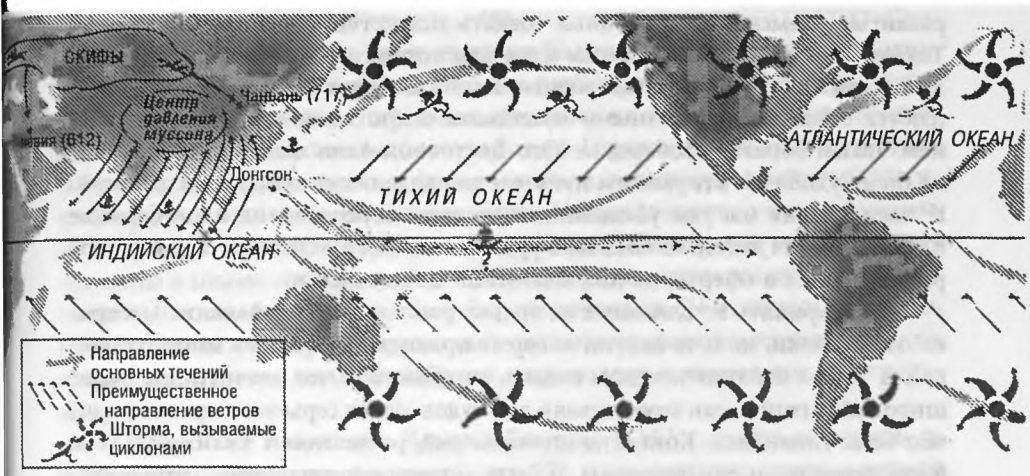
Во-вторых, навигация в двух океанах различается, и притом принципиально, на разных участках побережья. Европа расположена на одном из самых штормовых и самых неудобных для навигации участков побережья

ками на побережье Юго-Восточной Азии и берегах Америки. Можно не сомневаться, что эти авантюристы могли приобрести такое важное значение лишь при чрезвычайных обстоятельствах. Однако, если индейцы Мексики или Перу смогли к тому времени развить свою цивилизацию до достаточно высокого уровня, то передовая технология (например, умение изготавливать изделия из меди и бронзы), а также обладающие магической силой мотивы и сюжеты произведений искусства, оказавшихся у отчаянных мореплавателей из Южной Азии, вполне могли быть инкорпорированы в местную культуру. Даже такие редкие и случайные контакты могли стать причиной поистине революционных изменений в местных технологиях и стилях искусства.

¹²⁶ George F.Carter, «Plant Evidence for Early Contacts with America», *Southwestern Journal of Anthropology*, VI (1960), 161-82; George F.Carter, «Plants across the Pacific», *Society for American Archaeology, Memoirs*, No.9 (1953), 62-72.

¹²⁷ Сохранение мегалитических традиций мореплавания в Ирландии сделало возможным морские путешествия ирландцев в первые века христианства. Открытие и первая колонизация в Исландии стали одним из самых драматических и полностью задокументированных открытий этих веков. Мифы об «Острове Святого Брендана», возможно, своего рода отражение контактов с другими островами Атлантики, а быть может, даже с Америкой.

¹²⁸ Мифы ацтеков о пришедших с запада людях более высокой культуры могут свидетельствовать о трансатлантических путешествиях таких людей. О состоянии культуры на Канарских островах в тот период, когда они были открыты европейцами, см. Dominik J.Wölfel, «Die kanarischen Inseln: die westafrikanischen Hochkulturen und das alte Mittelmeer», *Paideuma*, IV (1950), 231-53.

УСЛОВИЯ НАВИГАЦИИ ДЛЯ ПРИМИТИВНЫХ СУДОВ

Атлантического океана, представления европейцев об океанских плаваниях долгое время формировались их опытом плавания в Северной Атлантике. Однако в более низких широтах, особенно там, где круглый год ветер не менял направления и дул практически с одной и той же силой, путешествие через океан должно было выглядеть совершенно иначе. Небольшие и примитивные суденышки: плоты, каноэ, плетенные из ивняка и обтянутые кожей рыбацьи лодки могли безопасно плавать в спокойных водах, а при хороших парусах, руле и киле немудреное судно могло идти беспрепятственно под боковым или попутным ветром¹²⁹.

Однако в Атлантике постоянные ветра (пассаты) преобладают на широте пустыни Сахары (она, как выяснилось, и была создана этими ветрами), где до недавних пор могли существовать лишь немногочисленные и слабо-

¹²⁹ Даже Северная Атлантика не была абсолютно непреодолимой для примитивных судов. Несколько легких эскимосских лодок с людьми на борту в XVII в. пересекли участок Атлантического океана, разделяющий Гренландию и Шотландию. См. Ian Whitaker, «The Scottish Kayaks and the 'Finnmen'», *Antiquity*, XXVIII (1954), pp.99-104. Известны также сходные по смыслу и, безусловно, подлинные истории, происходившие уже в недавние времена, о японских рыбаках, захваченных штормом и поневоле пересекших Тихий океан в северной его части. Это еще раз доказывает, что даже в северной своей части океаны не представляли собой непреодолимой преграды, отделяющей Америку и Азию. См. Andrew Sharp, *Ancient Voyagers in the Pacific* (Wellington, N.Z.: Polynesian Society, 1956), p.60. Разумеется, древним примитивным судам было куда легче пересекать океан в его более спокойной части. Шарп приводит убедительные дово-

развитые племена, не способные создать искусство мореплавания¹³⁰. А в Тихом океане все складывалось куда благоприятнее для мореплавателей. Зимой пассаты дуют на плодородные земли Южного Китая, а летом – сменяются столь же постоянными муссонами в противоположном направлении. Таким образом, побережье Юго-Восточной Азии являлось несравненно более удобным отправным пунктом для дальних океанских экспедиций. К тому же, как мы уже убедились, искусство мореплавания на побережье Южного Китая достигло высокого уровня еще за столетия до того, как этот регион вошел в сферу влияния китайской цивилизации.

Если принять во внимание не только расстояния, отделяющие материки от Америки, но и те задачи, которые приходилось решать мореплавателям в Тихом и Атлантическом океане, то окажется, что значительно более широкий Тихий океан представлял для судов менее серьезное препятствие, чем воды Атлантики. Контакты цивилизаций, разделенных Тихим океаном, были технически осуществимы, и быть может, мореплаватели, отправлявшиеся из Азии (и возможно, останавливавшиеся по пути на островах, как это впоследствии делали полинезийцы), имели больше возможностей привнести элементы своей культуры в Новый Свет. Тем не менее, хотя изоляция Америки и не была полной, контакты с ней были ограничены и носили спорадический характер, а потому и американские индейцы мало что смогли перенять у цивилизации Старого Света. Из-за отсутствия устойчивых контактов цивилизации в Андах и Мексике развивались замедленно и не смогли достигнуть того же уровня приспособления к окружающей среде и управления ею, как их современники в Евразии¹³¹.

ды в пользу того, что полинезийцы могли свободно преодолевать между островами Тихого океана дистанции в 200-300 миль. Из этого не следует, что не предпринимались и более дальние путешествия, когда задуманное плавание не удавалось и не получалось в намеченный срок достичь островов, которые должны были, по мнению мореходов, уже появиться на горизонте. Шарп, напротив, с упорством перечисляет множество случаев именно таких походов, случавшихся по необходимости, в тот короткий период, когда европейцы только начали свое проникновение в Океанию и местное население продолжало свои морские путешествия, как обычно.

¹³⁰ Лишь после того, как европейцы освоили моря вдоль Сахарского побережья Африки, Америка была открыта испанцами. Колумб знал немало о ветрах и течениях в Атлантике, чтобы направить корабли не прямо на запад, а несколько южнее, взяв курс к Азорским островам, справедливо полагая, что с учетом течений его суда пойдут строго на запад. См. S.E.Morison, *Admiral of the Ocean Sea* (Boston: Little Brown & Co., 1942), I, pp.265-70.

¹³¹ О первых транстихоокеанских контактах см. подборку статей M.W.Smith, *Asia and North America: Trans-Pacific Contacts*, Society for American Archaeology, *Memoir*, No.9 (1953). Саму возможность подобных контактов отвергает большинство американских антропологов и отстаивают в основном немецкие этнологи, такие, например, как Хайне-Гелдерн или Вальтер Крикеберг [Heine-Geldern, Krickeberg Walter, *Altmexikanische Kulturen* (Berlin: Safari Verlag, 1956)], pp.568-75. При этом ни одна из сторон, участвующих в споре, который приобретает порой весьма эмо-

Как культура Греции, так и культура Индии были надежно защищены от разрушительных вторжений степных кочевников. Вплоть до II в. до н.э. Индию от воинственных степняков отделяли не только широкие горные хребты, но и могущественные государства – Персия и царство Селевкидов. Но во II в. до н.э. племена степных кочевников, известные как саки, пересекли Гиндукуш и создали на Северо-Западе Индии несколько недолговечных государств. Точно так же Греция и побережье Средиземного моря были защищены и цепью горных хребтов, и территориями варварских фракийских племен. Таким образом, Западной Европе вплоть до IV в. до н.э. удавалось избегать столкновений со степными кочевниками, хотя в предшествующем тысячелетии битвы на берегах Дуная и приводили к спорадическим столкновениям с ними.

Со времени вторжения Дария в Скифию в 512 г. до н.э. и вплоть до поражения римлян при Адрианополе в 378 г. н.э. влияние кочевых племен на жизнь Средиземноморья ощущалось лишь косвенно. О том, что оно носило маргинальный характер, можно судить уже по тому, что европейцы даже не приспособили свою военную тактику к отражению атак конницы кочевников. В боевых действиях и греков, и римлян кавалерия играла более скромную роль, а лучники – вспомогательную. В центре европейского военного искусства начиная с VII в. до н.э. и вплоть до IV в. н.э. стояло маневрирование дисциплинированных пехотных отрядов в сомкнутых боевых порядках¹³².

Народы степей, оказывавшие столь сильное и далеко идущее влияние на жизнь цивилизованной Евразии, с VIII в. до н.э. сами оказались воспри-

циональный характер, не рассматривает seriously условия навигации тех времен в Тихом океане: направление ветров и течений, уровень мастерства мореплавателей и возможности примитивных судов. Результаты, полученные Туром Хейердалом [Thor Heyerdahl, *American Indians in the Pacific* (Stockholm: Bokförlaget Forma, 1952)], ввели эти аргументы в дискуссию, но обсуждение технических деталей, касающихся возможностей мореплавания полинезийцев, в работе Шарпа (Andrew Sharp, *Ancient Voyagers in the Pacific*, pp.60-61 and *passim*) довольно убедительно опровергает доводы Хейердала, утверждавшего, что в древние времена плавание в Тихом океане было возможно лишь в одном направлении, а именно из Америки на запад.

¹³² Тактика внезапного и молниеносного кавалерийского удара, использованная Александром Македонским, представляла собой скорее исключение, чем правило. Тактика македонцев формировалась в битвах на своих северных границах против фракийских и других племен, в ходе которых границы Македонии простерлись до берегов Дуная. Это, разумеется, привело к прямым контактам македонцев со степными кочевниками. Однако всадники армии Александра не были лучниками. Скорее можно говорить, что Александр приспособил для своей кавалерии тактику фаланги: атаковать стремительно и подавлять противника неуклонным продвижением вперед. Таким образом, кавалеристы Александра были просто фалангерями, пересевшими в седло.

имчивы к благам цивилизации, однако лишь к тем, которые были совместимы с условиями кочевой жизни. Так, они вполне смогли оценить и перенять металлическое оружие и одежду, но оставили без внимания монументальную архитектуру и теоретическую математику.

Грубо говоря, товары цивилизованных стран и их влияние могли проникать к степным народам двумя путями. Могуущественные конфедерации орд кочевников были в состоянии шантажировать и собирать дань даже с весьма отдаленных цивилизованных государств, причем теми товарами, которые соответствовали их собственному вкусу, – подобные культурные связи были односторонними, паразитарными и обрывались сразу же, как только такая конфедерация разваливалась¹³³.

Мирная торговля проникала в быт кочевников медленнее, но закреплялась надежнее. О возможности отношений такого рода свидетельствует быстрое распространение в Скифии греческих вкусов и стилей в искусстве. Высшие классы Скифии могли предаваться роскоши, вкушая греческие вина, добавляя в пищу оливковое масло и другие продукты, поставляемые греками. Взамен они отправляли в Грецию столь необходимое там зерно. Более того, некоторые скифы, породнившись с греческими семьями, жившими в колониях на Черноморском побережье, и сами приобретали respectable налет греческой культуры¹³⁴.

Скифы также служили связующим звеном между цивилизованными странами и отдаленными землями варваров на севере и востоке. К VII в. до н.э., по-видимому, существовал хорошо налаженный торговый путь, бравший начало от устья Дона, пролежавший через Южную Сибирь и достигавший предгорий Алтая. Этим путем, надо думать, и перевозили все то золото, которым столь богаты скифские курганы. Другим путем перевозили золото с Алтая на северо-запад Китая¹³⁵. Объем товаров на столь протяженном торговом пути был скорее всего невелик, а сами перевозки едва ли происходили регулярно, однако имели важное влияние на цивилизации удаленных регионов, ограниченное, впрочем, теми аспектами культуры, которые неграмотные кочевники, служившие передаточным звеном, были в состоянии воспринять.

¹³³ См. Wolfram Eberhard, «Der Prozess der Staatenbildung bei mittelasiatischen Nomadenvölkern», *Forschungen und Fortschritte*, XXV (1949), pp.52-54.

¹³⁴ См. Herodotus IV, pp.78-80, где Геродот рассказывает о том, как царь скифов был убит своими подданными из-за его претензий быть во всем похожим на грека.

¹³⁵ G.F.Hudson, *Europe and China* (London: Edward Arnold & Co., 1931), pp.27-45; Gregory Borovka, *Scythian Art*, p.29; Karl Jettmar, «The Altai before the Turks», 145-48, 154-56; George Vernadsky, *Ancient Russia* (New Haven: Yale University Press, 1943), pp.56-74.

Не все регионы евразийских степей были в равной мере способны воспринять влияние достижений цивилизации. В Монголии и на прилегающих к ней территориях развитие сельского хозяйства было практически невозможно. Скудные водные ресурсы и как результат скудные урожаи заставляли местное население вести прежний кочевой образ жизни. Влияние климатических условий в этих регионах было столь значительным, что закрывало для местного населения решительно все пути дальнейшего развития. Однако на западной границе степной зоны осадков выпадало достаточно для ведения сельского хозяйства, и в некоторых областях оно действительно развивалось вполне успешно для того, чтобы могли возникнуть сообщества с развитой социальной структурой. К тому же кочевникам, жившим в европейской части степной зоны, было куда легче перенять и освоить достижения цивилизации, чем обитателям Дальнего Востока, к которым предметы культуры могли дойти лишь в виде дани, если вообще доходили.

С другой стороны, суровый климат, определявший жизнь монгольских степей, давал их обитателям и определенные преимущества. Закаленные жестокими внешними условиями, они имели военное преимущество над изнеженными западными соседями, в той же степени утратившими вкус к битвам, в какой они были привязаны к комфорту оседлой жизни. Одним из результатов этого стало продолжительное поэтапное продвижение кочевников с востока на запад, начавшееся с захвата скифами юга России, достигшее своего апогея в XIII в. н.э., во времена монгольского нашествия, и продолжавшееся до конца XVIII в., когда племена калмыков, спасаясь от китайской армии, нашли прибежище в России. В течение двух с половиной тысяч лет, разделяющих крайние точки данного процесса, эти нашествия продолжались с неубывающей частотой, представляя собой сильнейшую угрозу политической жизни Европы. Кочевники племня за племенем неуклонно перемещались на юг и на запад, вытесняя менее воинственных своих противников, захватывая богатые пастбища для своего скота либо объявляя себя правителями всех местных земледельцев. Несомненно, многие племена при этом бесследно исчезали.

Лишь после того, как конное кочевничество распространилось до восточных пределов азиатских степей, социально-экономическое развитие степной части Евразии начало восстанавливаться и приходить в норму. Это случилось почти век спустя после 500 г. до н.э., а в Китае, по-видимому, период восстановления затянулся дольше. Рубеж, знаменующий конец одной эры в

истории человечества и начало другой, в качестве которого я взял 500 г. до н.э., выбран, разумеется, достаточно произвольно. Но если этот рубеж рассматривать не как безусловную и четкую границу, он, несомненно, обозначает некий переломный момент, после которого в истории человечества произошли фундаментальные изменения. После этого рубежа лидерство Среднего Востока в развитии культуры ослабевает и начинает отходить в прошлое, лидерство Европы все еще лежит в весьма отдаленном будущем, и в течение двух тысяч лет четыре ведущие цивилизации развиваются своими путями, иногда оказывая влияние друг на друга, иногда что-то друг у друга заимствуя и постоянно подвергаясь набегам кочевников. Однако начиная с 500 г. до н.э. и вплоть до 1500 г. н.э. развитие каждой цивилизации подчиняется собственной логике и идет по собственному пути.

Анализу эры культурного равновесия в Евразии посвящена часть II этой книги.

ЧАСТЬ **II**

*Евразийское
культурное равновесие
(500 г. до н.э. – 1500 г. н.э.)*

Общее введение

Цивилизации подобны горным цепям, которые вырастают и, проходя сквозь вечность геологических периодов, медленно, но неизбежно разрушаются под действием сил эрозии до уровня окружающей их местности. В масштабах более коротких промежутков истории цивилизации также подвержены своеобразной эрозии. Одни цивилизации начинают угасать, в то время как другие народы восходят к новым культурным высотам, заимствуя и усваивая так или иначе достижения предшествующей цивилизации. И все же горы и цивилизации рождаются и умирают лишь в пределах периодов, определяемых геологической палеонтологией либо всемирной историей. В масштабах более коротких исторических промежутков цивилизации служат надежными ориентирами. Сколь прочны были те или иные цивилизации, становится ясным лишь при сравнении культурной карты Евразии в 500 г. до н.э. с аналогичной картой, отображающей состояние этих цивилизаций спустя две тысячи лет.

К началу V в. до н.э. в Евразии существовало четыре явно выраженных региона «высокого подъема» цивилизации. Наиболее значительным из них было древнее и частично разрушенное плоскогорье Среднего Востока, где остатки древних культур уравнились в несколько увядшем космополитизме Персидской империи. К этому древнему центру примыкали два более молодых региона с более резкими перепадами высот. Один из них был сконцентрирован вокруг Эгейского центра с ответвлениями в Италии и Сицилии, другой располагался в пределах долин Инда и Ганга на севере Индии. Далеко на востоке и почти изолированно лежало культурное Китайское нагорье, неспешно восходящее в своем развитии к специфическим формам зрелости.

Спустя две тысячи лет общая картина, определяющая облик Евразии, осталась прежней. Сохранились те же четыре главных культурных региона, и хотя каждый из них расширился территориально и значительно изменился внутренне, в их основах легко просматривались особенности, заложенные двумя тысячелетиями ранее. Эта преемственность, сохранявшаяся примерно восемьдесят поколений, свидетельствовала в пользу шаткого, но реально существующего культурного равновесия в пределах Евразии. Именно неизменность в соотношении культур по праву определяла эту эру мировой истории.

Такое равновесие всегда было шатким, особенно на Среднем Востоке, где три из четырех евразийских цивилизаций сталкивались друг с другом, при том что степной ареал обитания варваров лежал сразу же к северу от них. Именно в этом ключевом регионе разыгрывались основные исторические драмы нашего двухтысячелетнего периода. Сначала эллинизм в лице Александра Великого и его наследников перешел в наступление на восточную цивилизацию и временами, казалось, грозил ей полным уничтожением. Одновременно с этим эллинизм завоевал прочные позиции в Европе, где Римская империя, все более космополитичная, распространила влияние эллинистической цивилизации до самой далекой Британии.

Прежде чем экспансия эллинизма в модифицированных и смешанных формах, характерных для Римской империи, была остановлена, против нее поднялась реакция на Среднем Востоке и привела к важному процессу инфильтрации идей и отношений с Востока непосредственно в самое сердце эллинизма. Одновременно мощное, хотя и не отмеченное значительными военными акциями, расширение индийской цивилизации начало изменять евразийский культурный баланс. Распространение буддизма через Центральную Азию северо-восточным путем в Китай и Японию было одним из аспектов этого расширения; другим фактором было мощное распространение культуры Индии среди сравнительно примитивных сообществ Южной Индии и Юго-Восточной Азии¹.

С началом исламской эры «восточная реакция» обрела новую динамику и мощь. Исламское преобразование цивилизации Среднего Востока обозначило новое движение этого древнего региона к культурному главенству в Евразии. Между 632 г. н.э., когда умер Мухаммед, и примерно 1500 г., когда Западная Европа действительно догнала и перегнала ислам, мусульманский мир постоянно расширялся, хотя и не без периодических локальных уступок, за счет христианского мира и индуизма. В это время мусульмане обратили в ислам жителей африканской саванны и большинство обитателей евразийской степи, караванными маршрутами через Центральную Азию

¹ Такой двойственный характер распространения индийского влияния обнаруживал явное сходство с дуализмом ранней эллинистической экспансии. Отпечаток индийского влияния на Китай и Японию аналогичен эллинистическому оттиску, наложенному на цивилизации Востока, – оттиску, неглубокому даже в тех случаях, когда он способствовал открытию новой страны в истории этих стран. В противоположность этому влияние обеих цивилизаций – эллинизма в западном направлении, в Европу через Средиземноморье и Индию на восток, через Бенгальский залив – были куда существенней, поскольку типы местных культур оказывались слишком слабыми, чтобы противодействовать притягательности этих цивилизаций. Проведение параллели может быть завершено указанием того факта, что слабые отзвуки эллинизма достигали Китая (проявление этого можно усмотреть главным образом в буддизме), а отражение индийского стиля благочестия, по-видимому, было введено в эллинский мир под маской христианства.

проникли в Китай и, одновременно совершая заокеанские плавания, распространили местные варианты исламской культуры в Восточной Африке, Юго-Восточной Азии, в Индонезии и на Филиппинах.

Следовательно, не раз в период между 500 г. до н.э. и 1500 г. н.э. происходили периодические перемещения границ между цивилизациями Среднего Востока, Индии и эллинизма, угрожая нарушить равновесие между четырьмя культурными полюсами Евразии. И все же динамизм эллинизма, а затем Индии и исламской цивилизации никогда не разрушал существующего баланса; ни смешение отдельных элементов различных цивилизаций, ни их близость никогда не затеняли непрерывности всех трех различных культурных традиций.

Громада Китая лежала за пределами бурного центра ойкумены. Кроме того, приблизительно между 600 г. и 1000 г. н.э. цивилизованные стили жизни начали развиваться в Японии, Западной Европе и на Руси. Благодаря их особому расположению все эти четыре сообщества избежали в полном объеме тех потрясений, которые сопутствовали основным культурным бурям эпохи. И все же ни одно из этих сообществ не было полностью изолировано, и каждое из них явно демонстрировало стремление к географической экспансии. Так, китайский стиль цивилизации распространился в южном направлении и в глубь континента, создавая колониальные области в Корее, Аннаме, Тибете и Туркестане. Японская культура, полузависимая от Китая, распространилась на северо-восток по Японским островам. В течение того же периода западно-европейская цивилизация распространяется в восточном направлении за Эльбу, на север к Скандинавии, на запад к кельтской окраине Атлантического побережья Европы и на юг, в Испанию и Италию. Организацией крестового похода европейцы даже сделали попытку, хотя и с преходящим успехом, установить границу своей колониальной сферы по Леванту и побережьям Эгейского и Черного морей. Расширение Руси было менее впечатляющим, так как изначально центры пиратства и торговли, вокруг которых сформировалось Русское государство, были широко разбросаны по течению русских рек. Рост Русского государства на протяжении этих столетий поэтому состоял из больших, но скромных по значению территориальных приобретений. Происходил он путем проникновения земледельцев от первоначальных поселений на берегах рек на широкие лесные пространства восточноевропейской равнины.

Эти процессы совпали с продолжавшейся экспансией и территориальным закреплением завоеваний мусульманских и индийских цивилизаций в центре континента. В результате пробелы ничейных земель между отдельными евразийскими цивилизациями сузились или даже исчезли, а плотность

контакта между евразийскими сообществами явно приобрела тенденцию к усилению, хотя и к спорадическому. После II в. до н.э. китайское и индийское влияние перекрывалось на определенных территориях, например, в регионе, который впоследствии и был соответственно назван Индокитаем, но несколькими столетиями позже, как мы только что видели, к ним добавилось и исламское влияние как результат культурного взаимодействия через южные моря.

Два других торговых пути связывали главные цивилизации Евразии. Первый проходил от оазиса к оазису через Центральную Азию и повторял маршрут регулярных караванов еще II в. до н.э., когда цепочка империй, лежащих в этом регионе, наладила охраняемый и облагаемый налогом так называемый Великий шелковый путь между Китаем и Левантом. Второй, более поздний, но тоже достаточно древний путь пролегал через открытые пространства степей, где кочующие племена иногда грабили своих южных цивилизованных соседей, а иногда и торговали с ними.

Интенсивность движения вдоль этих маршрутов время от времени менялась, но существенно было то, что в результате таких перемещений происходил культурный обмен. Вообще, если исключить случаи перемещения культурных границ на основных территориях в результате военных акций, то взаимные заимствования между цивилизациями Евразии были случайны, избирательны и имели сравнительно малое значение. Пока каждая из четырех основных цивилизаций оставалась примерно на одном уровне с соседними, цивилизованный человек редко находил причину отказаться от традиций своих предков в пользу чужеземной новинки. Лишь когда угроза внешнего завоевания либо внутреннего распада создавала опасность устойчивым институтам, представители любой из этих четырех цивилизаций проявляли далеко идущую восприимчивость к чужому опыту.

Самый северный путь между цивилизациями Евразии, проходя через степь, имел несколько большее, чем другие, значение для культурного обмена, поскольку кочевники продолжали представлять серьезную военную угрозу всем земледельческим народам, попадавшим в предел полета их стрел, вплоть до середины XVII в. Любое местное ослабление открывало степнякам дорогу набегам либо завоеваниям сравнительно больших областей. Восточная Европа, Китай, Средний Восток и северо-запад Индии неоднократно опустошались либо завоевывались, и даже отдаленный и покрытый лесами дальний запад Европы время от времени ощущал удары совершенно необычных для них степных орд, подобных возглавляемым Аттилой гуннам.

Завоевания кочевников, по сути, редко имели большое значение, поскольку варвары спешили усвоить как можно больше из культуры своих по-

коренных подданных. И все же нашествие кочевников и неоднократные завоевания ими соседних территорий иногда провоцировали далеко идущие последствия. Это утверждение особенно справедливо для Среднего Востока, где турецкое господство преобразовало исламское сообщество после 1000 г. н.э. и спровоцировало новую вспышку военной экспансии, принесшей веру Мухаммеда глубокого в Европу и Индию. Кроме того, степные народы зачастую создавали новые культурные образования путем смешения отдельных традиций разных цивилизаций. Так, империя кочевников Чингисхана привязала Китай к другим евразийским цивилизациям сильнее и глубже, чем все предыдущее развитие, тогда как турки Османской империи в Европе и Великие Моголы в Индии более или менее сознательно смешивали ислам с местными культурными традициями в произвольных пропорциях.

Евразийское культурное равновесие в период с 500 г. до н.э. до 1500 г. н.э. было сухопутным. Каждая цивилизация, помимо защиты от внутренних смут и борьбы со своими цивилизованными соседями, должна была иметь постоянный пограничный заслон от набегов кочевников. Контакты по морю при этом остались сравнительно незначительными.

К началу христианской эры цивилизованную форму приняли общества в Перу и Мексике. По сравнению с их евразийскими современниками эти отсталые в развитии сообщества навсегда остались слабыми и во многом схожими с культурами, которые процветали в Месопотамии, Египте и долине Инда в III тыс. до н.э. В общем контексте мировой истории американские цивилизации развились с таким опозданием, что не имели никаких шансов противостоять европейской агрессии. В этом смысле они были мертворожденными и выступали пассивно, лишь как жертвы в истории возвышения Запада.

То же можно сказать о домусульманских культурах Африки. К VII в. н.э., или около этого, несколько африканских сообществ на западе африканской саванны и к югу от Сахары продвинулись в своем развитии к протоцивилизации; а несколько позже и другие сообщества, расположенные вдоль горных хребтов Восточной Африки, последовали этим путем. Данные культуры, однако, никогда не были независимы от основных цивилизаций Евразии и никогда не достигали уровня, позволяющего им противостоять достаточно долго исламским и европейским завоеваниям, которые выпали на их долю начиная с XV в.

Что касается другого обитаемого континента, Австралии, то очевидно,

что он оставался полностью изолированным и находился вне круга взаимодействующих цивилизаций до XVIII в. н.э.

Как внятно и доступно представить многосложный исторический комплекс этого периода и при этом, насколько возможно, не упустить и не преувеличить ни одну фактическую линию – проблема, решить которую практически невозможно именно в этой, средней части книги «Восхождение Запада». В первой части поставленная задача была гораздо проще (также будет она проще и в третьей части), поскольку там рассматривались периоды, в которых нить истории тянулась главным образом из единого центра культуры.

В период евразийского культурного равновесия такой простой структуры уже нет. Каждая из четырех основных цивилизаций развивалась более или менее свободно в своем собственном направлении. Культурные влияния и взаимные интересы основных цивилизаций пересекали варварский мир по пути из одной цивилизации в другую. Можно ли свести такую сложную картину к единственной сюжетной линии?

Мое решение состояло в том, чтобы сначала описать как можно полнее основные центры, определяющие культурный баланс Евразии, либо центры, нарушающие это равновесие в последовательные промежутки времени, а затем обратить внимание на окраинные области, описывая их более бегло. При этом может быть преувеличена роль Среднего Востока и близких ему по духу районов Восточного Средиземноморья и севера Индии, поскольку, когда неустойчивые границы соперничающих цивилизаций начинали быстро меняться именно здесь, это тут же грозило сложившемуся культурному равновесию Старого Света. Возможно, для истории человечества в длительной перспективе эти изменения в сердце Евразии имели меньшее значение, чем постоянное и никогда не прекращающееся наступление цивилизаций на варварство. Именно это наступление и создавало многочисленные и внутренне разнородные разновидности отдельных мировых цивилизаций. При этом все большая частота контакта между ними готовила путь для впечатляющего глобального объединения цивилизаций, которое и произошло в последние три или четыре столетия.

Тем не менее выведение на передний план экспансии отдельных цивилизаций и построение на этой основе мировой истории создает определенные трудности. В частности, всякий раз, когда географические сферы двух или более цивилизаций сталкиваются или накладываются одна на другую, при трактовке ситуации возникает постоянная опасность впасть в повторение либо исказить описываемое событие. Более того, чтобы подчеркнуть уникальность каждой отдельной цивилизации и трактовать ее контакты и

столкновения как вынужденные (или даже как случайные), необходимо слегка «затемнить» главный источник социальных изменений в пределах отдельной цивилизации, возможно, важнейший источник, даже в эту эпоху – стимул, вызванный внешним контактом.

Поэтому часть II этой книги излагается способом, который представляется меньшим из двух зол: основываясь на равновесии культур (о котором всегда будем помнить), предлагается рассматривать нарушения этого равновесия на примерах отдельных историй различных цивилизованных обществ.

ГЛАВА VI

Экспансия эллинизма в 500–146 гг. до н.э.

Греческий стиль цивилизации, организованный и выраженный в основном своем институте города-государства, занимал в начале V в. до н.э. весьма небольшую географическую область. Даже в узких пределах самой Греции не имеющие выхода к морю области, например, такие как Аркадия, можно было лишь условно назвать цивилизованными; а Фессалия была лишь переходной областью, к северу и к западу от которой жили грекоязычные варвары. Но уже несколько столетий спустя сильно изменившийся эллинизм распространился по всей территории Средиземноморья, проник в глубь Европы на Твид, Рейн и Дунай. Элементы эллинизма накладывались на древние цивилизации Среднего Востока и проникали дальше, в Индию, а со временем его отзвуки, слабые, но вполне распознаваемые, зазвучали и в отдаленном Китае.

Такое быстрое распространение поразительно для цивилизации, географически столь ограниченной в 500 г. до н.э. Такое нарушение евразийского культурного равновесия вследствие распространения эллинизма может быть расценено как главное историческое событие в промежутке между 500 г. и 200 г. до н.э. Но поскольку процессы экспансии включали как ассимиляцию чужих культурных традиций, так и социальные преобразования в самом эллинизме с далеко идущими последствиями, то в итоге уже в IV в. до н.э. начальный наступательный порыв стал иссякать.

Когда эллинизм преодолел изначальную замкнутость городов-государств, возник новый греческий космополитизм, который объединил и значительно модифицировал социальные связи общества, исторически возникшие в «великом обществе» Древней Месопотамии. Политическая и социальная структура греческой цивилизации, таким образом, постепенно вобрала более древние модели восточных цивилизаций. В результате многие особенности греческой культуры размылись, заменяясь все больше идеями и отношениями родственными, а иногда и просто заимствованными у более древних цивилизаций Среднего Востока.

Окончательное завоевание Греции Римом в 146 г. до н.э. удобно обозначить как экватор в развитии эллинизма. В это время Восток еще не был готов принять идеи эллинизма, и проникновение его как на Дальний Запад, так и на Дальний Восток оставалось делом будущего. И все же дух греческой

цивилизации утас именно тогда, когда римский орел окончательно разрушил все основы греческого общества, может быть, лишь за исключением иллюзорной независимости отдельных городов-государств. Так изначальный очаг классической культуры опустел, и в этой пустоте остались лишь гулкие развалины политических форм общественного устройства, обезлюдившая сельская местность и обнищавший город, а также изысканная высокая культура, теперь более обеспокоенная поиском того, как вынести жизнь человеку, потерявшему все, чем стремлением и дальше жить с правдой, красотой, свободой или любым другим идеалом, некогда имевшим достойное и изящное выражение у греков.

Кажется совершенно естественным прервать эту главу в том месте, где эллинизм прошел половину пути своего развития. В этой точке его глубокая культурная самобытность начинает растворяться в более естественной, но гораздо менее привлекательной социологической и интеллектуальной среде.

А. РАСЦВЕТ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 500–336 ГГ. ДО Н.Э.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Когда Ксеркс, сын Дария, унаследовал персидский трон в 485 г. до н.э., в наследство ему достались две важные военно-политические проблемы. Первой, и самой неотложной, было восстание в Египте, которое армия Ксеркса подавила только после жестокой борьбы. Второй была безопасность его восточных границ по побережью Эгейского моря. Как источник постоянной нестабильности, эта проблема возникала из-за отказа греческого мира, лежавшего по другую сторону моря, признать персидское господство. Кроме того, Ксеркс унаследовал от своих предшественников Кира, Камбиза и Дария также и военную традицию, которая требовала внести свой вклад в расширение империи завоеванием новых земель. Еще Дарий был предан идее укрепить престиж Персии и расширить владения за счет греческих территорий. Поэтому сразу после усмирения Египта Ксеркс мобилизовал свои армию и флот для завоевания Греции.

Многие греки, включая хорошо осведомленных и мудрых дельфийских верховных жрецов, понимали, что даже союз греческих городов-государств не сможет на равных противостоять мощи персидской армии. Но несмотря ни на что, наскоро созданная коалиция из двадцати с небольшим греческих полисов, которую к тому же ослабляли многоначалие и неопределенность в стратегии, вопреки всем ожиданиям смогла дать решительный отпор войс-

кам персов. За несколько последующих лет военная инициатива полностью переходит к грекам. Серия наступательных кампаний под афинским руководством, длившихся до 448 г. до н.э., привела к освобождению всех греческих (и некоторых негреческих) эгейских городов от власти персов.

Последствия этой победы для греков были так же замечательны, как и сама победа. Спарта, в прошлом определявшая мощь Греции, замкнулась в консервативном застое, почувствовав опасность своему внутреннему общественному строю¹. Афины выбрали противоположный курс – рискуя всем и не отказываясь ни от чего. До греко-персидских войн Афины не значились среди преуспевающих и мощных греческих полисов. Но после этих войн, и в значительной степени именно благодаря им, Афины стали центром всего, что было наиболее активно в греческой цивилизации. Экономически Афины доминировали в торговле на всем Восточном Средиземноморье и Черном море; политически они сформировали и возглавили грозную конфедерацию городов-государств, которые успешно победили персов, и временами казалось, что Афины стали центром всего греческого мира. Их культура, литература и искусство затмили все созданное до этого в Греции; именно Афины внесли в эллинизм новые совершенные формы выражения, которые постепенно стали стандартом для всех знакомых с греческой культурой. Расцвет Афин в течение полувека между изгнанием персов из Европы и началом Пелопоннесской войны в 431 г. до н.э. был, вероятно, самым ярким олицетворением эпохи так называемого золотого века в истории².

Основой небывалого взлета в развитии Афин стал их флот. Он был создан незадолго до греко-персидских войн, когда Фемистокл убедил афинян профинансировать строительство нового флота за счет прибыли от разработки новых месторождений серебра в Аттике. Две сотни трирем, самых современных в то время военных судов, позволили Афинам сыграть решающую роль в войне. Поражение персидского флота в битве при Саламине в 480 г. до н.э. вынудило большую часть персидской армии отступить

¹ См. жизненный путь спартанского царя Павсания, который командовал греческими войсками в сражении при Платеях (479 г. до н.э.) и попытался использовать победу для создания собственной империи. Потерпев неудачу, он умер от голода, когда спартанцы заточили его в храм, где он попросил убежища.

² Население Афин в период так называемого золотого века не превышало четверти миллиона человек. Число взрослых граждан мужчин в Афинах, вероятно, составляло примерно 35–50 тыс. человек накануне Пелопоннесской войны, а полное население Аттики – 250–350 тыс. человек, из которого почти половина были рабы и лишенные гражданских прав иностранцы. См. Julius Beloch, *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt* (Leipzig Duncker & Humblot, 1886), pp.99–101, A.W.Gomme, *The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* (Oxford: Basil Blackwell, 1957), Appendix: «The Citizen Population of Athens during the Peloponnesian War».

обратно в Азию из-за недостатка снабжения³. Более того, доминирование афинского флота позволило вести войну и по другую сторону Эгейского моря, и это привело к освобождению из-под персидского владычества греческих городов в Малой Азии. Вдобавок благодаря контролю Афин над Эгейским и смежными морями флот доставлял грузы из Восточного Средиземноморья в афинский порт Пирей.

Развитие флота имело два важных последствия для афинского полиса.

Во-первых, это укрепило демократию в Афинах, а также закрепило привычку к агрессивной внешней политике. На флоте беднейшие граждане играли основную роль, поскольку гребцам, ведущим суда в сражение, кроме сильных мускулов, не требовалось никакого снаряжения⁴. Таким образом, демократическая форма правления в Афинах чрезвычайно укрепилась, поскольку каждый гражданин Афин, даже слишком бедный, чтобы позволить себе стать гоплитом, мог поступить на престижную военную службу гребцом. Кроме того, агрессивность афинского полиса только возросла, когда плата гребцам и доходы от военной добычи стали необходимой, или по крайней мере желательной, статьей дохода удивительно большого числа афинских граждан⁵. На этом фоне становится понятной причина безжало-

³ См. George B.Grundy, *The Great Persian War* (London: John Murray, 1901) для захватывающей реконструкции столь запутанно описанных Геродотом исторических событий.

⁴ Тренированность гребцов в бою была крайне важна, поскольку только с единым и ритмичным взмахом корабль был способен опережать и превосходить в маневренности противника. Так как военно-морская тактика афинян предполагала использование корабля в качестве тарана для поражения кораблей противника на поперечном курсе, все зависело как от скорости и маневра каждого судна в отдельности, так и от единства действий эскадры в целом.

Тренировки и отработка слаженности при гребле были сродни тренировкам пехотинцев в составе боевых фаланг. Фактически от команд кораблей требовали даже более высокой дисциплины – каждый гребец, находясь спиной к движению, должен был действовать вслепую, как часть машины, и не мог взглянуть, где судно и что за опасность. Дисциплина среди гребцов также не могла поддерживаться за счет звериной жестокости, необходимой в рукопашном бою. И все же, несмотря на различия, общим в обучении гоплитов и гребцов был упор на подчинение командирам и чувство личной причастности к общему успеху.

Имелось, однако, одно жизненно важное новшество. Поскольку фаланга была единственным родом войск полиса, военное обучение и чувство гражданской сплоченности шли рука об руку. Когда возник второй род войск, открылась потенциальная трещина между тяжеловооруженными пехотинцами (гоплитами) и гребцами. Пока афинский флот действовал главным образом за морями и его победы прямо не влияли на земледельцев, которые составили основу боевой фаланги, эта трещина была незначительна. Но как только в ходе Пелопоннесской войны агрессивность Афин, сконцентрированная главным образом в ее флоте, привела к бедствиям для фермеров-гоплитов в связи с оккупацией вражескими войсками части территории Атики, напряжение между зажиточными гоплитами и неимущими гребцами обострилось.

⁵ Быстрое увеличение численности населения не оставляло мелким афинским землевладельцам никакого выбора, кроме поиска дополнительных доходов за пределами Греции. Ферма отца была уже не в состоянии прокормить семьи нескольких сыновей. Аристотель в своем труде (*Constitution of Athens*, 24) подсчитал, что во время Пелопоннесской войны число греб-

стных и непрекращающихся военно-морских акций Афин, которые внесли полный хаос в античный мир с 480 г. по 404 г. до н.э.

Во-вторых, по мере того как граждане Афин столкнулись с новыми условиями жизни и странными обычаями новых мест – это происходило как в ходе их экспедиций на заморские территории, так и оттого, что выходцы из других мест стали селиться в городе, становившемся коммерческим центром всего Восточного Средиземноморья, – традиционные верования и отношения подверглись быстрой эрозии. Многие общественные и социальные институты, а также система связей между верхами и простым людом, землевладельцами и безземельными крестьянами, рабами и свободными людьми глубоко изменились, а новые идеи, трактующие человеческое бытие и место человека во вселенной, получили широкое распространение, когда сдвинулись прежние общественные ориентиры.

И все же целых полвека, вплоть до лишений и поражения в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н.э.), которая положила конец расцвету Афин и вывела на поверхность до той поры сглаженные благосостоянием внутренние конфликты, отказ от прежних норм и отношений, несомненно, казался многим афинянам скорее освобождением, чем потерей. Нищета малоземельных граждан облегчалась распределением богатств от имперского грабежа, податей и торговли. Казалось, нет пределов, которых бы не достигли афиняне. Преданность каждого гражданина задаче преумножения величия и славы Афин казалась удовлетворяющим и достаточным идеалом для человеческих устремлений, идеалом достаточно всеобъемлющим, чтобы развивать и использовать лучшие качества граждан всех сословий и состояний.

Короче говоря, в течение нескольких коротких, но ярких десятилетий были показаны успехи столь значительные, что почти для всех афинян унаследованные законы и этические ценности образовали фундаментальные основы всей их жизни. При этом, хотя общественное устройство оставалось неизменным, новые контакты с широким и разнообразным окружающим миром побудили пытливые умы переосмыслить природу вселенной и человека. С эмоциями, надежно связанными с привычной социальной структурой, и с разумом, освобожденным от обязательств по отношению к каким-либо

цов, внесенных в платежную ведомость, составляло примерно 20 тыс. человек. Не все они, конечно, были гражданами полисов. Однако, если считать общее число афинян, принимавших участие в войне, а это около 35-50 тыс., что, вероятно, составляло максимальное число афинских граждан в 431 г. до н.э., то становится очевидным, в какой мере население Афин зависело от ежегодных военно-морских экспедиций и за счет чего пополнялся бюджет многих семейств. Высокую интенсивность роста численности населения иллюстрирует и тот факт, что приблизительно 10 тыс. семейств эмигрировали из Аттики в колонии (клерухии) в период между 479 г. и 431 г. до н.э.

особым догматичным взглядам, афиняне были идеальным объектом для культурного развития. Восхищение всех последующих поколений лишь подтверждает, насколько полно они смогли использовать свои возможности.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В 500–336 ГГ. ДО Н.Э.

Политическая история греческих городов-государств в V–IV вв. до н.э. представляет собой классический пример того, как распределенный между городами суверенитет, поддерживаемый при равновесии сил между ними, может развиваться через ряд нестабильных союзов в гегемонию отдельного пограничного государства⁶.

Суверенный греческий полис победил с небывалым успехом в Персидских войнах. Неожиданный исход вторжения Ксеркса в 480 г. до н.э. убедительно доказал многим, в частности и Геродоту (ок. 484–424 до н.э.), что под защитой богов свободные люди, объединенные в города-государства, могут не бояться никакой военной опасности извне, развивая личную гражданственность и стремясь к славному общественному величию, невозможному при самодержавии⁷. И все же в глубине этого феномена лежал парадокс, который вскоре стал очевиден, – чрезмерное возвышение одного полиса приводило к утеснению свободы и величия его соседей. Еще в VI в. до н.э. при гегемонии Спарты на Пелопоннесе встал вопрос о том, где пролегает законный предел свободы каждого полиса в международных делах (т.е. во взаимоотношениях между полисами). Этот вопрос стал актуальным после 466 г. до н.э., когда Афины начали преобразовывать союз городов в империю со структурой налогов и податей⁸, хотя изначально он создавался как свободная лига для защиты от персов.

⁶ Вероятный аналог такому развитию в ранней истории Месопотамии уже был упомянут выше. Без сомнения, такой ход событий представляет собой повторяющийся сюжет межгосударственной политики, который мир, вероятно, еще не раз увидит. Однако справедливости ради следует признать, что этот греческий прецедент вызывает определенную гордость. Неподражаемое очарование страниц Геродота, строгий стиль истории Фукидида и красноречие Демосфена позволяют нам более полно и ярко представить переломные моменты политического развития Греции. И это дает нам возможность сделать определенные политические выводы о вероятности повторения аналогичных процессов в других местах и в совсем другие времена. Все это придает изучению классической истории Греции то особое интеллектуальное возбуждение, доступное даже для относительно лишенного воображения ума, как говорил лорд Актон: «Не грузом на память, но просвещением души». John Emerich Edward Dalberg, Lord Acton, *Lectures on Modern History* (London: Macmillan & Co, 1906), p.317 См. комментарии А.Дж.Тойнби о специфическом влиянии классиков Греции на современные умы в работе: A.J. Toynbee, *The Tragedy of Greece* (Oxford: Clarendon Press, 1921), pp.8-15.

⁷ Этой темой пропитаны произведения Геродота, а особенно речь Демарата, обращенная к Ксерксу, VII, 102-4.

⁸ Афины, таким образом, стали, возможно, даже в глазах коренных греков «городом-тираном», нарушающим исконные права и свободы греков, которые их отцы доблестно защи-

Таким образом, афинский империализм очень быстро и ясно показал недостатки идеального представления о полисе, унаследованного еще из VI в. до н.э. Даже поражение Афин не решало эту дилемму; хотя Спарта и ее союзники вступили в Пелопоннесскую войну (431–404 гг. до н.э.) с декларируемой целью восстановления свободы греков, практический результат был совершенно иным. После 404 г. до н.э. победившая Спарта начала вмешиваться в дела других городов даже более своевольно, чем Афины; Фивы и Македония позже поступали точно так же. Откровенно говоря, суверенитет множества маленьких городов-государств не был реален в период, когда уже были созданы огромные армии и флоты, требующие для своего содержания дани и захватов. И все же, даже в III в. и II в. до н.э., несмотря на отдельные успешные усилия объединенного правительства, греческий партикуляризм оказывался слишком сильным, чтобы реализовать устойчивый союз или допустить управление извне. Только подавляющее военное превосходство Рима положило конец внутренним войнам.

Пелопоннесская война ускорила процесс как распространения, так и упадка греческой культуры. То, что начиналось в 431 г. до н.э. как локальная война на материковой Греции, распространилось на дальние области, поскольку в борьбе каждая из сторон искала союзников везде. Победа над Афинами стала возможна только после использования Спартой военной мощи персов. Территории на периферии – Сицилия и Южная Италия, Фракия, Македония, Эпир – также были вовлечены в войну и зачастую сами становились местом сражений либо поставляли наемников и обеспечивали стратегические базы. Таким образом, привлечение на свою сторону персидских сатрапов и фракийских царей, советов племен дикого Эпира или городских собраний Сицилии и Южной Италии – все это в итоге слилось в систему дипломатического и военного равновесия с центром на территории Эгейского бассейна. А так как тот же бассейн был центром эллинской культуры, другие народы, которых война свела с этой цивилизацией, стали так или иначе испытывать ее влияние. Персидские вельможи, подобные молодому Киру Младшему, наемные воины из варварской Акарнании (Эпира), сицилийские греки, которые обратили в рабов остатки афинской экспедиционной армии и, согласно легенде, освобождали тех, кто мог продекламировать стихи Еврипида, – все они, как и многие другие, восхищались и перенимали множество элементов афинской культуры.

И все же в самом сердце греческой цивилизации Пелопоннесская война в корне подорвала жизнь полисов. Во многих городах-государствах следстви-

щали в битвах при Саламине и Платеях. См. слова Перикла, записанные Фукидидом: Thucydides, ii, 63.

ем военного времени стало деформированное, а то и вовсе разрушенное чувство гражданской сплоченности. То, что произошло, лучше всего можно описано словами Фукидида:

«...весь эллинский мир содрогнулся; всюду шла борьба между народными вождями, которые взывали к афинянам, и олигархами, призывавшими на власть лакедемонян [спартанцев]. В мирное время не было ни предложения, ни желания оглашать такие призывы; но когда идет война, возможность привлечь союзников становится как никогда желанной, и все это враги делали ради наибольшей выгоды для себя и наибольшего вреда другому...»

Наступившие бедствия посеяли во всех эллинских странах всякое беззаконие. Простота древних, для которых честь была превыше всего, стала осмеяна и отринута; общество разбилось на враждебные лагеря, где никто не доверял своим товарищам»⁹.

Греческие города-государства никогда больше полностью не оправились от таких потрясений. В Афинах после войны подозрение и взаимная ненависть разделили общество на группы, отделили богатых от бедных¹⁰; подобное происходило и в других греческих городах.

Старая концепция гражданства, по Периклу, с его требованиями равенства для каждого человека не могла полноценно действовать. Индивидуализм, политическая пассивность и чувство личного отчуждения распространились повсеместно. Карьера Ксенофонта (ок. 430–355 или 354 до н.э.), афинянина, который воевал в самом сердце Азии, будучи наемником на службе у Кира Младшего, а впоследствии удалился от активной жизни в поместье на Пелопоннесе, хорошо иллюстрирует ослабление связей греческого полиса, столь характерное для IV в. до н.э. Полный отчаяния эпилог его истории Греции, возможно, отражает широко распространенные усталость и замешательство в умах поколения, для которого старый идеал полиса уже не мог представлять ценности и в тоже время еще не могло возникнуть моральной и политической альтернативы. О сражении при Мантинее (362 г. до н.э.)¹¹ Ксенофонт записал:

⁹ Перевод на английский R.Crawley, iii, 82, 83.

¹⁰ Безземельные граждане и те, чьи малые земельные наделы едва обеспечивали прожиточный минимум, несомненно, чрезвычайно трудно переносили потерю дохода от военной и имперской службы, которая в V в. до н.э. помогала поддерживать их семьи. Однако потери среди населения в течение Пелопоннесской войны были настолько велики, что оставшиеся в живых имели возможность как-то сводить концы с концами. Впоследствии были приняты меры для предотвращения быстрого роста населения, характерного для сравнительно богатых дней имперского величия, например, оставление новорожденных младенцев на произвол судьбы. См. A.H.M.Jones, «The Social Structure of Athens in the Fourth Century B.C.», *Economic History Review*, VIII (1955), 141–55.

¹¹ Например, сражение, которое положило конец краткому периоду верховенства Фив в Греции и в котором был убит сын Ксенофонта.

«Результат сражения был совершенно противоположен тому, который все ожидали... каждая из сторон заявляла о своей победе, хотя ни одна из них не получила ни малейшей прибавки к своей земле, ни новых союзников, ни владений по сравнению с теми, что они имели перед сражением. После сражения вопреки ожиданиям общее беспокойство и хаос в эллинском мире лишь увеличились. Однако я не собираюсь продолжать свой рассказ и оставляю эту возможность тем историкам, которым будет угодно написать о том, что за этим последовало»¹².

В Афинах, единственном греческом полисе, о котором мы более-менее хорошо информированы, уже в IV в. до н.э. наблюдался процесс разделения функций, которые в V в. до н.э. выполнялись единым гражданским обществом. Профессиональные воины и полководцы все в большей мере ограничивались решением чисто военных проблем, как это стало привычным еще в период Пелопоннесской войны. Профессиональные ораторы и демагоги захватили контроль над городским собранием. Финансисты занялись весьма непростой задачей составления сбалансированного государственного бюджета.

Призывы к славному прошлому и былой славе Афин все еще находили отклик у афинян, но даже красноречие Демосфена (ум. 322 до н.э.) не могло сделать большего, чем раздуть слабый жар в гаснущих и слабо тлеющих угольках греческой цивилизации. Тесно спаянная в 500 г. до н.э. община со временем преобразовалась в гораздо более свободное, с явно выраженным космополитизмом, но значительно менее энергичное общество. Исключительная человеческая энергия, которая, собственно, и привела Афины к процветанию, уже никогда более не возродилась с былой силой. И все же формы культурного выражения, которые появились в Афинах в V в. до н.э., сохранились и активно использовались как пример для многих последующих поколений, придавая таким образом отпечаток необычности греческой цивилизации и обеспечивая ее вечную привлекательность.

3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРЕЧЕСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ

ТРАГЕДИЯ. Несмотря на то что «песни козлов» распевали в архаическую эпоху во многих городах Греции, прославляя популярного, хотя и с плохой репутацией, бога Диониса, но только в Афинах из этого языческого ритуала родилось высокое искусство. Индивидуальный гений горстки по-

¹² *Hellenica*, vii, 5. A.J.Toynbee (trans.), in *Greek Historical Thought* (New York: New American Library, 1953).

этов наряду с богатством, позволившим обставить театральные подмостки, сделало принципиально возможным такое развитие. Важной и одновременно исключительно редкой в человеческой истории чертой театра того времени было достижение широкого взаимопонимания между драматургом и публикой. Это было возможно благодаря исключительной сплоченности греческого общества – сплоченности, которая выражалась в дионисийских фестивалях и других подобных публичных религиозных действиях, каждое из которых само по себе было выразительным и постоянно обновляющимся драматическим представлением.

Религиозная направленность греческого искусства давала трагикам традиционный сюжет – то, что мы сегодня называем мифом, но что сами греки расценивали как древнюю историю, сохраненную сказителями в несистематизированной, а иногда и противоречивой форме. Ритуал, от которого берет свое начало трагедия, также определил обязательные драматические условности: хор, маски, стилизованная музыка и хореография. Неспособность восстановить все эти стороны греческой драмы привели современных ученых к подчеркиванию драматургической идеи; но изначально основной акцент действия заключался в воздействии на зрителей ритмами музыки и танца, а также внешним эффектом, когда актеры в масках двигались перед раскрашенными декорациями¹³. В течение V в. до н.э. афинская трагедия была обогащена множеством новшеств. Софокл, например, предложил ввести ступенчатые разрисованные декорации для создания трехмерной иллюзии, а новаторство в пении соло связывают с поздними пьесами Еврипида¹⁴. Еще одна тенденция в эволюции драмы, о которой до нас дошли сведения, – увеличение числа актеров, одновременно появляющихся на сцене, и соответственно в уменьшении значения хора.

Все эти нововведения развили в течение V в. до н.э. афинскую трагедию весьма существенно, однако глубоко укорененная традиция театрального действия осталась, по существу, неизменной. Даже неустанный в творческом поиске Еврипид (484 или 480–406 до н.э.) продолжал черпать сюжеты своих пьес из мифов, сохранил и хор, и другие традиционные атрибуты трагедии. В начале и середине столетия традиционные рамки античной трагедии позволяли Эсхилу (525–456 до н.э.) и Софоклу (495–406 до н.э.) свободно выражать свои мысли и возбуждать аудиторию, бросая вызов общепринятым условностям. Оба они могли освободить и углубить искусство трагедии без разрушения того ритуала, который религиозно связывал авторов со

¹³ Современная опера, если убрать музыку, костюмы и сценографию, дает, насколько мы знаем, примерное представление о греческой драме.

¹⁴ D.W.Lucas, *The Greek Tragic Poets* (London: Cohen & West, 1950), pp.41, 48.

своими зрителями. Скорее всего ни Эсхил, ни Софокл не испытывали угрызений совести от того, что их произведения были довольно вольной интерпретацией старинных мифов, поскольку это было необходимо для удовлетворения их драматических целей. При этом, однако, традиционные представления об отношениях между богами и людьми остались важнейшей стороной в работах каждого из них. Возможно, моральное и теологическое значения этих трагедий, которые так тщательно изучают современные ученые, оставались недоступными для большинства зрителей. Но именно эти аспекты трагедии служили своеобразной пряностью для вдумчивого зрителя-знатока, и в то же время хорошо всем знакомая (и интересно обыгранная) фабула традиционных и известных историй с ритмом, пением и зрелищными эффектами была способна восхитить любого обычного гражданина.

Произведения Еврипида, однако, со временем перестали находить понимание у зрителя и стали терять популярность, поскольку интеллектуальный мир его героев находился на некоем удалении от переживаний простых граждан. По этой причине он более не мог выразить свои идеи полностью и свободно в рамках традиционных форм¹⁵. Он стал изливать свои чувства, наполняя пьесы карикатурами на богов и героев, подвергая их осмеянию на грани кощунства.

С возникновением пропасти между интеллектуальной элитой и остальной частью населения возможность заниматься трагедией в духе большинства великих афинских драматургов V в. до н.э. практически исчезла. Когда наиболее восприимчивые умы уже не могли разделять идеи и мировоззрение общества в целом и начинали давать иные толкования популярным понятиям, обогащая их в свете собственного, персонального опыта, публичный театр перестал быть местом провозглашения высоких и серьезных идей. В IV в. до н.э. новые трагедии практически уже не создавались, их место на сцене заняли возрожденные классические пьесы. Поэты сконцентрировались на комедии, драматической форме, презирующей серьезные идеи и подчеркивающей остроумие, зрелищность, характер и увлекательную интригу, способную привлечь интерес всех слоев афинского общества¹⁶. Исследо-

¹⁵ Несмотря на посмертную популярность, которая затмила всех его предшественников, принято считать, что Еврипид не был хорошо принят современниками. Его идеи, без сомнения, слишком остро расходились с тогдашними предрассудками и не вписывались в догмы и устои, чтобы получить признание.

¹⁶ Наблюдается поразительный контраст между грубыми политическими сатирами «старых комедий» и почти полным отсутствием политических тем и политиков в комедиях, написанных после Пелопоннесской войны. Это также хорошо иллюстрирует всеобъемлющий, или почти всеобъемлющий, упадок полиса и гораздо более широкое развитие частной сферы жизни по сравнению с любым периодом в эпоху Перикла.

вание религиозных и моральных идей, которые прежде выносили на публику поэты и драматурги, теперь перешло в исключительное ведение более закрытой от широких масс философии.

ФИЛОСОФИЯ. Афинскую философию принято считать наследницей трагедии. Читая ранние произведения Платона, невозможно не заметить в них явных признаков драматургического произведения. Причем форма диалога¹⁷ – это лишь внешнее проявление глубокой близости Платона к драме, поскольку он перенес в IV в. до н.э. обсуждение тех политических и этических проблем, над которыми бились великие трагики еще в V в. до н.э. Интеллектуальная значимость Платона стала возможна, поскольку, в отличие от Еврипида, он не обязан был угождать массовой аудитории, а мог обращаться к независимой интеллектуальной элите. Такая публика в силу ее происхождения была свободной от любых ограничений полиса. Везде, где имелись чуткие и вдумчивые умы, знакомые с аттическим наречием, диалоги Платона могли рассчитывать на благосклонный прием.

Афины не были центром ранней греческой философии. Но приблизительно в середине V в. до н.э. город становится ведущим центром нового учения – софизма. Софисты давали своим ученикам навыки и знания, необходимые для дальнейшего развития демократии полиса. Их огромный вклад в развитие греческой философии – заслуга, которую они делят с элатами в Италии, – заключался в открытии того, что язык допускал возможность анализа и манипуляций по определенным, не требующим доказательств, логическим правилам¹⁸. Безусловно, точно определить характер и природу учения софистов сегодня довольно трудно, поскольку лишь незначительная часть их трудов дошла до нас, однако необходимо отметить, что Платон дал им далеко не лестную оценку. Только анализируя влияние стиля и методов софизма на личности, подобные Фукидиду и Еврипиду, и активно используя воображение, выходящее за пределы каких-либо доказуемых фактов, можно хоть в какой-то мере приблизиться к пониманию подверженности софизму молодежи Афин в 450–431 гг. до н.э.

Софисты стали преподавать искусство, с помощью которого любой честолюбивый человек, даже низкого происхождения, мог эффектно выступить перед аудиторией и увлекать людей словом. Помимо этого, софисты

¹⁷ Платон не изобретал диалога. Он, вероятно, просто нашел ему новое применение. См. Leon Robin, *La Pensée hellénique, des origines à Épicure* (Paris: Presses Universitaires, 1942), p.111.

¹⁸ Элеаты – Парменид (род. ок. 514 до н.э.) и его ученик Зенон (ок. 480–430 до н.э.) – причисляли себя к тем, чьи логические умозаключения являлись логическими парадоксами. Можно сомневаться, воспринимались ли когда-либо всерьез их высказывания обществом или даже самими авторами. Однако на фоне их вычурного интеллектуального метода простые утверждения ионийцев и Пифагора казались грубыми и недостаточными.

утверждали, что обладают методом словесного рассуждения с четкими правилами аргументации, посредством которого человек способен постичь и познать все тайны вселенной, если он обладает особым характером и определенным запасом информации. Услышать и понять глубину содержания известной фразы Протагора (ок. 480–410 до н.э.): «Человек есть мера всех вещей», увидеть ограниченность традиционных афинских понятий о богах, мире, а также о месте человека в этом мире; лично после осознания новых истин избавиться от предрассудков прошлого – все это в высшей степени захватывало и прежде всего освобождало. Острая и страстная мысль Фукидида служит основным доступным нам доказательством того, как такие учения раскрывали новые аспекты человеческой сущности, вдохновляли на изучение и определение новых, более точных и тонких принципов человеческих отношений.

И все же к концу V в. до н.э. разрушительные последствия словесного рационализма стали очевидными. Софисты подвергли сомнению само основание жизни полиса. Если закон – заговор слабых против сильных, а этика – не более чем общественный договор, как утверждали некоторые софисты, то становится очевидным, что чувство самоотречения и жертвенности на благо полиса, присущее поколениям прошлого, было на самом деле самообманом. Обнаружив такой обман, гражданин полиса обретал возможность следовать своим «естественным» импульсам, а не думать об общих целях или общественном благе. Такие доктрины были особенно привлекательны для высших классов Афин, которым приходилось год за годом вносить значительные суммы на содержание армии и флота, а в момент принятия судьбоносных политических и военных решений они обязаны были соглашаться с мнением большинства. Доктрины софистов, таким образом, обеспечили олигархам удобные оправдания интригам и насилию, с помощью которых им удалось свергнуть демократическую форму правления сначала в 411 г. до н.э., а затем и в 404 г. до н.э.

Вскоре демократия была восстановлена; однако осталась проблема отыскания системы ценностей, которая могла бы заменить старую, примитивно отождествлявшую личность с полисом. Высшие классы, испытывая недоверие к демосу и, в свою очередь, не пользуясь доверием у него, больше не могли соглашаться на беззаветную верность городу и его лидерам. И при этом политическая карьера была закрыта для любого, кто не собирался льстить народу и раболепствовать перед распространенными предрассудками. Как при этом могла быть достигнута добропорядочная жизнь? И как следовало управлять отдельной личностью и обществом в целом? Это были те вопросы, которые Платон (427–347 до н.э.) задавал сам себе и уйти от которых он не мог. Платон всегда оставался гражданином полиса, афиняни-

ном, который вдумчиво наблюдал происходящие события несколько со стороны. По рождению (он утверждал, что происходит от царей Афин) и образованию Платон считал себя готовым к правлению, но его темперамент не позволял ему поступиться принципами для достижения победы в борьбе за сильное политическое влияние.

Сократ (469–399 до н.э.) представлял собой в некотором смысле альтернативу отчужденности Платона от афинского общества. Годы своей зрелости с небывалым ораторским мастерством он потратил на критику невежества и высокомерия демократических лидеров и в конце концов был казнен по ложному обвинению в растлении несовершеннолетних и непочтении к богам. Тем не менее Сократ служил своему городу в качестве гоплита и мирового судьи. И если не его идеи, то его деяния удовлетворяли стандартам тех дней, чего Платон никогда не мог достичь.

Созданный Платоном портрет его почитаемого учителя столь неотразим, что наше представление о Сократе, возможно, всегда останется под влиянием этого описания. Конечно, мнение Ксенофонта и пародии Аристофана довольно сильно контрастируют с этим портретом Платона. Возможно, для самих современников Сократа было не совсем ясно, в чем по-настоящему состояли его идеи, поскольку он предпочитал развенчивать чужие претензии на истину и не любил положительных утверждений. Тем не менее в целом ясно, что Сократ был радикальным консерватором. Как политик, он был умеренным консерватором и, подобно любому олигарху, естественно, считал, что Афины должны управляться добродетельными и умудренными людьми, однако в определении мудрости и добродетели Сократ был более радикален и вкладывал в эти понятия больше, чем благородство происхождения и подобающее образование. В интеллектуальном плане он был консервативен, считал добро и зло абсолютными и не признавал их следствием общественного договора. Но в попытках подвергнуть эти абсолютные категории рациональному определению и осмыслению Сократ выступает как радикал. Подобными парадоксами наполнено все его религиозное учение: консерватор в почитании авторитетов и внешних форм благочестия – «И не забудьте отдать петуха Асклепию!»¹⁹ – он слышал божественные голоса, и впадал в состояние транса, и отвергал веру в традиционных богов своей страны.

В любом проявлении консерватизм Сократа поверхностен, зато хорошо прослеживается глубокий радикализм. Платон еще усугубляет парадокс; радикализм его рецептов для лечения бед афинского полиса, как это сформулировано в «Республике» или даже в более мягкой версии позднего пери-

¹⁹ *Phaedo*, 118.

ода – «Законах», был настолько бескомпромиссным, что не каждый читатель способен был распознать консервативный характер идеального полиса, к которому подводят радикальные размышления автора. И все же разделенный на три части по наследственному классовому признаку социум «Республики» соответствовал строгому делению греческого общества VI в. до н.э. на рабов и иностранцев, занятых трудом, граждан полиса, воевавших за свой город, и аристократии, которая, собственно, и управляла государством.

Хотя лично для Платона политическая проблема всегда оставалась центральной, другие аспекты его философии в более поздние времена привлекали даже большее внимания, чем в его собственную эпоху. Вероятно, он основал свою Академию в надежде сформировать новое поколение государственных деятелей, которые, обладая новыми знаниями, были бы способны реформировать не только Афины, но и другие греческие города-государства²⁰. И все же в более зрелые годы в таких диалогах Платона, как «Тимей», «Филеб», «Теэтет» и «Парменид», он выглядит, как не верящий в свои силы политик, нашедший бледную замену политической жизни в виде самодостаточных интеллектуальных размышлений. Как бы то ни было, Платон в гораздо большей степени, чем кто-либо другой до него, соединил интеллектуальные берега различных частей греческого мира. Он проделал это так основательно и с таким непревзойденным мастерством, что мало кого можно сравнить с ним по вкладу в последующее развитие основных тем и задач как греческой, так и всей европейской философии. То же можно сказать и о введении Платоном большинства философских терминов.

Последующие поколения, естественно, придали особую выразительность специфическим аспектам философии Платона за счет других положений его учения. Поздняя античная философия ухватилась за повторяющийся время от времени дуализм высказываний Платона, в которых он излагает антитезис между душой и телом, идеей и ее объектом, знанием и мнением, бытием и становлением. В такой версии платонизм рано и глубоко вошел в

²⁰ См. David Grene, *Man in His Pride: A Study in the Political Philosophy of Thucydides and Plato* (Chicago: University of Chicago Press, 1950), p.100. Сходство карьер Конфуция и Платона поразительно. При жизни оба они были несостоявшимися политическими деятелями, но после смерти стали глубоко почитаемыми учителями имперской бюрократии.

Спекулятивный элемент был у Платона, конечно, значительно большим, чем можно было бы ожидать для периода ранней греческой философии. Все же его практический успех, хотя и менее прочный, чем у Конфуция, был, без сомнения, реален. Через четыре или пять столетий после смерти Платона для правителей всего эллинского мира стало привычным, готовя себя к службе, приобретать хотя бы поверхностные знания принципов философии, которые не были в прямом смысле принципами Платона, но тем не менее вели происхождение от платонизма. При этом как конфуцианство отошло от первоначальных основ учения своего создателя, прежде чем стало властвовать в Китае, так и стоики значительно переработали учение Платона.

христианскую традицию, в рамках которой и проходило развитие всей последующей европейской цивилизации. Следовательно, трансцендентный мир идей, который, вероятно, для самого Платона никогда не был сформулирован в виде законченной концепции и от которого, по-видимому, он отделился в последние годы своей жизни²¹, стал историческим сердцем платонизма, влияющим на умы людей многих столетий. В этом (вероятно, несколько искаженном смысле), Платон заслуженно может занять место совсем рядом с такими великими учителями человечества, как Будда, Конфуций, Христос и Мухаммед²².

Чрезвычайное богатство, насыщенность и изящество мысли Платона подразумевали, что его труды обращены к небольшой аудитории образованных и интеллектуально развитых слушателей. После смерти Платона аудитория почитателей философии состояла главным образом из тех землевладельцев, которые, потеряв свою традиционную роль лидеров полиса, зачастую оказывались не у дел. Такие люди не могли оставаться довольны сложившимся положением вещей. Интеллектуальное просвещение, которое софизм привнес в греческий мир, делало такое состояние для них невыносимым. Философия поэтому становилась все более грозным и в то же время коварным оружием и рассматривалась как своеобразный кодекс поведения для знати, которая утрачивала и свою традиционную социальную функцию, и религиозные убеждения предков. В такой социальной среде напряженность между импульсом, предписывающим следовать велению разума при любых обстоятельствах, и желанием верить в гуманизм мира людей никогда не была глубоко спрятана.

Конфликт между этими противоположностями многое объясняет в последующей истории греческой философии. Сначала доминирует приверженность причинности и жадное стремление абсорбировать, организовы-

²¹ *Parmenides*, 129-37.

²² Сходство между элементами философских доктрин платоников и буддистов, например, отрешенность от всего земного, трактовка мира ощущений как играющего роль завесы между человеком и трансцендентальной истиной поднимает вопрос о возможных исторических контактах между индийскими и греческими духовными учениями до периода эллинизма. Хотя и нет никаких прямых доказательств, но см. E.J.Urwick, *The Message of Plato* (London: Methuen & Co., 1920), pp.15-42; K.A.Nilakanta Sastri, «Ancient Indian Contacts with Western Lands», *Diogenes*, No.29 (1959), pp.49-50. Отсутствие каких-либо упоминаний о посещении индийцами мира греков либо сведений о возвращении греческих путешественников из Индии с сообщениями о философской и религиозной сферах жизни само по себе не доказывает, что такие контакты не были возможны. С другой стороны, можно считать, что оставшиеся без наследства аристократы, такие как Будда и Платон, естественным образом развивали свои взгляды в приблизительно параллельных направлениях, что было обусловлено схожестью внешних факторов, когда местная правящая элита и аристократическое общество разрушались новыми социальными и политическими силами.

вать, понять и интерпретировать все более широкие объемы информации. Скептицизм преемников Платона в Академии и величественность новой системы знаний ученика Платона Аристотеля хотя и конкурировали между собой, но все же разделяли общее мнение о том, что здравый смысл – единственно удовлетворительный ориентир среди тайн нашего мира. Поглощение все новой и новой информации быстро вело к специализации: выделению естественных наук из философии, а также появлению филологии, риторики, критики из других отраслей знаний. Весь остаток, определяемый как собственно философия, постепенно утрачивал контакт со смежными областями знаний. Таким образом, философы изолировали себя от тех стимулов, которые обеспечивали поступление новых данных их предшественникам. Основной круг профессиональных интересов философии начал сжиматься вокруг проблем формирования некоего этического кодекса, для обоснования которого была необходима поддержка любой метафизической, физической или эпистемологической доктрины. Поскольку этот процесс практически полностью завершился ко II в. до н.э., то философия в Греции стала в какой-то мере заменителем религии, да и к тому же не очень качественным, поскольку практически все эллинистические философские школы той поры отвергали эмоциональный фактор.

Однако еще до того, как греческая философия выработала кодекс благородных и не слишком отдаленных от нравственных норм героического периода, работы Аристотеля (384–322 до н.э.) ввели в греческое мышление целую область знаний и строгий здравый смысл и непосредственно конкурировали со многими положениями учения Платона. В отличие от своего великого учителя, Аристотель не был человеком полиса; он был профессиональным мыслителем. Течение политической жизни Афин было для него лишь интересным предметом изучения; оно практически не затрагивало его эмоций. В конце концов, он не был уроженцем Афин и испытывал к этому городу не более чем просто привязанность, впрочем, как и к Стагире, городу своего рождения. Таким образом, Аристотель начал свою работу там, где Платон вынужден был закончить свою, – в стороне от больших городов, где можно было всецело посвятить себя получению знаний как самодостаточной ценности.

Масштабность и внутреннее великолепие работ Аристотеля, без сомнения, достойны восхищения. Он, как никто прежде, был близок к обобщению суммы всех знаний того времени; а на фоне его строгого рационализма некоторые полеты фантазии Платона представляли просто ребячеством. Однако у Аристотеля нет ни блеска, ни поэтичности Платона: иногда кажется, что Аристотель скорее некая «думающая машина», чем человек. По иронии судьбы сама необъятность достижений Аристотеля (в совокупности с

прямолинейностью и часто раздражающей прозаичностью сохранившихся работ) привели к его гораздо меньшему последующему влиянию, чем это случилось с Платоном. В пределах его собственной системы миропонимания Аристотель дал ответы почти на все поставленные вопросы. Ученики могли лишь восхищаться работами учителя или заниматься заполнением тех пробелов, которые он оставил открытыми; этим занимался, например, Теофраст, развивая свою классификацию растений. Все жизненно важные проблемы и наболевшие вопросы получили взвешенные и разумные объяснения в работах Аристотеля – ничто действительно важное не было оставлено без внимания. Последователям Аристотеля просто не осталось работы – в течение нескольких столетий, не имея достойных тем для обсуждения, они просто исчезли, позволив остаться работам своего учителя в незаслуженном забвении.

Подводя итоги, можно сказать, что первоначально развитие греческой философской мысли проходило в пределах полисов (сначала лишь ионийских), затем расширило круг рассматриваемых задач и приобрело новые стимулы к развитию в работах элеатов и софистов. Уже в работах Сократа и Платона философские умозаклучения начали выходить далеко за рамки структуры полиса; с появлением Аристотеля крылья философских идеи были расправлены для охвата всего мира в целом, однако и в его работах прослеживается влияние социума, из которого он вышел. Эта уже поднявшаяся над категориями полиса интеллектуальная традиция вскоре сформировала себя в пределах нового, если это так можно определить, сообщества – сообщества состоятельных и склонных к интеллектуализму представителей эллинского мира. Философы, потеряв все реальные надежды на преобразование общества, либо даже претензии повлиять на него, все более концентрируют свое внимание на рассмотрении вопросов личной жизни и нравов.

Золотым веком греческой философии был период выхода ее за рамки полиса, когда методы логической аргументации были уже достаточно совершенны, а огромные массивы новой информации требовали рассмотрения и освоения. Однако, когда объемы информации стали слишком велики, наряду со все более углубляющейся специализацией, начинает развиваться и скептицизм. Естественной реакцией на такой перекокс философской традиции было то, что люди начинали искать опору в практических кодексах поведения. Таким образом, прекрасно построенная система первого поколения философов стала предназначаться для выполнения все менее претендующих на интеллектуальность разработок, в которых нравственное наставление стало играть центральную роль, и это при том, что идеал истины в конечном счете являлся основой в холодном и иссушенном рационализме всех эллинистических философских школ.

ИСТОРИЯ И РИТОРИКА. Исследования Геродотом из Галикарнаса (ум. ок. 425 до н.э.) явлений земных и божественных были столь необычны и так сильно отличались от представленных поэтами и философами предыдущих эпох, что именно им был сформирован новый литературный жанр – история. Благодаря многочисленным путешествиям как в греческом мире, так и на Востоке Геродот приобрел обширные знания о преданиях прошлого. А его обстоятельное и искусное описание греко-персидских войн сохранило многое из того, о чем он слышал.

Подобно первым ионийским философам, Геродот интересовался в первую очередь миром природы, но скорее его разнообразием и чудесами, чем философскими обобщениями и правилами. Подобно трагическим поэтам, он размышлял о богах и их отношении к людям; но в гораздо в большей степени, чем утверждением религиозных истин, Геродот был увлечен многообразием человеческих представлений о божестве, с которыми он мог познакомиться в разных странах. При этом Геродот отстаивал высокую нравственность и не упускал случая показать, как гордыня и высокомерие влекут наказание свыше.

Эпический характер повествования Геродота, не просто напоминающий стиль Гомера, но и во многом ему подражающий, со временем переходит в самостоятельный стиль изложения. Его вера в ценности греческого образа жизни позволяла ему в равной степени воздавать «заслуженную славу» варварам и указывать на «незрелость Эллады» в сравнении с древней мудростью Востока. Видение Геродотом греко-персидских войн как процесса борьбы между свободой и рабством сделало его книгу оптимистической присягой идеалам полиса, идеалам того общества, в котором он жил. Геродот выражал свое восхищение достижениями Афин, возможно, в значительно большей степени, чем другие греки. То обстоятельство, что при всей предвзятости в трактовке исторических фактов Геродот до сих пор остается авторитетом в гуманитарных науках – лучшая дань памяти отцу истории.

Хотя годы жизни Фукидида (ум. ок. 400 до н.э.) и большинства его известных современников частично пересекаются, он вдыхал совершенно другую интеллектуальную атмосферу. Афинский аристократ, полководец афинского полиса, Фукидид вырос в атмосфере новых учений, весьма бурно развивавшихся в V в. до н.э. Риторическая и логическая дисциплина софистов сформировала как стиль, так и строгость критериев значимости, которые он применил в своей истории Пелопоннесской войны. Его тщательность при рассмотрении фактов и усилия для выявления реальных причин тех потрясений, которые Пелопоннесская война принесла в греческий мир, можно представить как сознательную попытку перенести методы медицины Гиппократ на государство. Точность диагноза и убедительность при рас-

смотре́нии частных событий как проявления более общих закономерностей вызывают восхищение и придают произведениям Фукидида качества, о которых он сам сказал: «Книга, написанная не для преходящей награды, но на века»²³.

В отличие от Геродота, Фукидид сам был до мозга костей жителем полиса. Никто не может читать его описание бедствий Сицилийской экспедиции без чувства сострадания и страха при изложении того, как имперская авантюра афинян шаг за шагом продвигается к неумолимой трагической кульминации. Фукидид, вероятно, в поражении родного города видел трагедию, в полном Аристотелевом смысле этого слова – падение, вызванное ужасным пороком, а именно необузданной жадностью афинян, – и поднял до трагических масштабов действия обеих воюющих сторон²⁴. Такой драматический подход даже больше, чем глубокий анализ и умелая риторика, дает истории Фукидида необыкновенную эмоциональность и особую интеллектуальную силу.

В определенном смысле как жизнь Фукидида, так и его книга содержала вынужденное прощание с тесным миром маленьких городов. Нет никакой уверенности в том, что он когда-либо возвращался в Афины после того, как его политические противники, обвинив его в значительных военных просчетах, изгнали его из Аттики в 425 г. до н.э. И в то же время его книга описывает и анализирует распад чувства привязанности к родному городу под ударами Пелопоннесской войны. Последствия такого распада для истории четко просматриваются в работах Ксенофонта, который взялся продолжить повествование Фукидида. Как литератор, более заинтересованный в красоте оборотов речи и действенности морали, чем в анализе все усложняющихся человеческих отношений, Ксенофонт был предвестником наступающего застоя и сведения жанра исторического письма до раздела риторики.

Пока греческие полисы продолжали пользоваться хоть каплей своего прежнего суверенитета, риторика играла важную роль в политической жизни города. В Афинах IV в. до н.э. решения, например, все еще принимались народными собраниями. Риторика занимала значительное место и в судах, поскольку собрание судей голосовало за осуждение или оправдание, основываясь на красноречии противоборствующих сторон. При всеобщем обособлении и профессионализации жизни в IV в. до н.э. произнесение и написание речей все больше становится сферой деятельности специально подго-

²³ I, 22.

²⁴ См. F.M.Cornford, *Thucydides Mythistoricus* (London: Edward Arnold & Co., 1907).

товленных ораторов, для которых красноречие и презентабельность в конце концов стали самоцелью. Безусловно, Исократ (436–338 до н.э.) и Демосфен (384–322 до н.э.) пытались заставить риторику служить высоким политическим и этическим целям. Но к III в. до н.э., когда политические вопросы решались более не в публичных дискуссиях, а на секретных советах царей и полководцев, с помощью красноречия и артистизма ораторы стремились скрыть отсутствие смысла в произносимых речах. Риторика стала искусством ради искусства, стиль – самоцелью, а слова вместо того, чтобы служить руководством к действию либо окнами, распахнутыми в истину, стали циничными сами по себе.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО. В V в. до н.э. монументальное искусство Греции было почти полностью общественным. Архитекторы работали традиционными методами и довольствовались уточнением пропорций и усовершенствованием деталей отделки. И все же никто из посетивших афинский Акрополь, видевших Парфенон и восхищавшийся элегантными украшениями Эрехтейона, не может сказать, что все это были мелочи. Поразительная четкость строений сама по себе производит мощное впечатление на зрителя, и этого эффекта греческие архитекторы V в. до н.э. достигли с уникальным – или почти уникальным – мастерством.

Скульпторы, в отличие от архитекторов, легко отказались от подражания ранним моделям, развивая мастерство композиции и технику создания анатомически правильных фигур. Это мастерство, относящееся и к отдельной, свободно стоящей скульптуре, и к скульптурным группам на фронтонах и фризах, никогда позднее не было превзойдено. Хотя превратности времени уничтожили большинство оригинальных скульптур V–IV вв. до н.э., все же их осталось достаточно²⁵ для научной реконструкции истории искусства Греции. Как и в других сферах, Афины производили величайшие художественные ценности, но скульпторы других городов, в частности Аргоса и Сикиона, были для них достойными соперниками.

Фидий из Афин (ум. ок. 432 до н.э.) был признан последующими поколениями величайшим греческим скульптором. Такие его шедевры, как культовые изваяния Афины в Парфеноне и Зевса в Олимпии, для нас безвозв-

²⁵ Немногие оригинальные скульптуры V в. до н.э., доступные для современного исследователя, дополняются бесчисленными поздними копиями, которые распространили в греко-римском мире александрийские и другие торговцы произведениями искусства. Художественные достоинства этих копий различны. Проследивание «семейств» скульптур в прошлое, к классическим оригиналам и реконструкция с использованием различных копий того, на что это могло бы быть похоже, составляет основу профессии историков классического искусства. Отсутствие оригиналов при этом открывает путь к ничем не ограниченной изобретательности.

Собрание древностей (Antikensammlung), Мюнхен

Фото Alinari.

ДВА ЛИЦА КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Менада, танцующая в экстазе во славу Диониса, представляет ту грань классической греческой цивилизации, которая постоянно находилась в конфликте с олимпийскими идеалами, выраженными Праксителем в его знаменитом Гермесе. Уже потом, когда классическая цивилизация достигла своего созидательного апогея, полис был способен принять оба аспекта греческой культуры. В период, когда расписывалась эта ваза (вскоре после 500 г. до н.э.), успех полиса в подавлении эмоциональных всплесков поклонения культу Диониса был еще не гарантирован, но во времена, когда Пракситель ваял Гермеса, среди образованных слоев населения верования в олимпийских богов уже угасали. Поэтому две представленные здесь фотографии отражают культурную эволюцию греков от грубой, неразвитой силы к благородному, возвышенному, слегка изнеженному стилю жизни.

ратно утеряны, поскольку золото и слоновая кость, которыми они были отделаны, обусловили их раннее уничтожение. Хотя литературные описания кое-что говорят о его работах; а сохранившиеся фрески Парфенона были вырезаны под руководством Фидия и, вероятно, по его рисункам. Статуи богов Фидия были традиционны в том смысле, что содержали все присущие им мифологические атрибуты и символы²⁶. Но нам также известно, что величие и красота его культовых скульптур в Афинах и Олимпии добавляла кое-что к общепризнанной религии²⁷. Божества изображались более спокойными, мощными и вселенскими существами, чем это было принято в традиционной мифологии. Таким образом, Фидий, подобно трагику Софоклу, был способен дать иное толкование традициям, причем в манере, способной удовлетворить искушенный и критически настроенный ум своих современников и произвести глубокое впечатление на человека грядущей эпохи, для которого антропоморфная религия ранней Греции стала не более чем привлекательным мифом.

Скульпторы IV в. до н.э. превратили изваяния богов в прекрасные, практически человеческие фигуры – изящные, иногда чувственные, но не имеющие ауры того божественного величия, которая всегда окружала культовые скульптуры Фидия. Гермес, созданный Праксителем (ок. 385–320 до н.э.) – одна из немногих оригинальных статуй работы великого скульптора, сохранившаяся совершенно нетронутой, – наглядно иллюстрирует изменение отношения скульптора к божественному, аналогично бестрепетному отношению Еврипида к обитателям Олимпа. В IV в. до н.э., конечно, скульптура уже стала осознанием себя искусством, стремящимся к виртуозности и драматическим эффектам. Хотя все их мастерство вряд ли компенсировало скульпторам потерю прежней роли общественных посредников между богами и людьми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Великая эпоха классической Греции закончилась в 338 г. до н.э., когда битва при Херонее впервые явно показала подавляющее военное превосходство Македонии. С тех пор идеал суверенитета для каждого отдельного полиса, почитавшийся давно уже более в нарушении, чем в соблюдении, опустился до уровня ностальгического, хотя все еще мощного чувства тоски по прошлому. Автономия отдельного города-государства перестала быть реализуемым на практике правом выбора, возобновляясь лишь на короткие промежутки времени, либо когда изменяющиеся объединения

²⁶ В истории о Фидии говорится, что перед открытием изваяния Зевса в Олимпии он заявил, что намеревался изобразить в камне того Зевса, который изображен Гомером. См. E.A.Gardiner, *A Handbook of Greek Sculpture* (rev. ed.; London: Macmillan & Co., 1909), p.262.

²⁷ Quintilian (I в. н.э.), *Inst. Orat.* XII, 10, 9.

великих держав разрешали временное возобновление партикуляризма полисов.

Такие изменения на политической сцене имели самые губительные последствия для многих сторон культурной жизни Греции. Никто как личность и гражданин не мог даже надеяться повлиять на запутанный и постоянно меняющийся баланс военно-политических сил в III–II вв. до н.э. В результате ощущение свободы и связанное с ней признание личной ответственности перед обществом были ослаблены и даже стерты. Как никогда, возникшая пропасть между образованными классами и большинством населения усиливала депрессивный психологический эффект потери политической независимости городов. Вся сложность и богатство греческой философии и литературы, которыми будут так восторгаться последующие поколения, стали полностью доступны лишь для тех, кто в свое удовольствие мог повышать собственное образование и имел возможность наслаждаться ими. Очевидно, определенная ирония присуща всем великим достижениям человечества, но та легкость, с которой греки в V–IV вв. до н.э. развили унаследованную в рудиментарной форме культуру предков, выразилась и в том, с какой поспешностью и быстротой распались социальные связи, стимулировавшие и поддерживавшие их творческий потенциал.

Этот социальный паразитизм не должен, однако, умалять ни нашего восхищения величием культурных достижений древних греков, ни безусловного преклонения перед ним. Небольшая горстка людей определила интеллектуальные, литературные и художественные формы поздней классической античности и глубоко повлияла на европейскую цивилизацию, которая в последующие века стала доминировать на всей планете. Это немало, но великопение V–IV вв. до н.э. тяжелым бременем легло на последующие поколения. Столь совершенные культурные модели было трудно улучшить и уж совершенно невозможно было их забыть.

Впрочем, первое время эти ограничения не ощущались. Еще оставалось множество непокоренных миров, дальних неисследованных горизонтов и неведомые будущие победы и слава, к которым необходимо было стремиться. Эти возбуждающие возможности появились как следствия необычайной географической экспансии эллинского мира во времена Александра Македонского и его преемников.

Б. ЭЛЛИНСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ВАРВАРСКУЮ ЕВРОПУ

Вторжение Македонии в сердце Греции было само по себе побочным продуктом, выражавшим определенные аспекты распространения эллинской цивилизации к северу от Эгейского моря. Ведь только после того, как царь Филипп (правил 356–336 гг. до н.э.) смог организовать свою армию по греческой модели, численное превосходство македонян смогло эффективно воздействовать на события, происходившие на греческой политической арене. И все же распространение эллинизма на север и в глубь отдаленных регионов, таких как Македония, требовало привязки к новой социальной и экономической среде, в корне отличной от той, в которой возникла и расцвела греческая культура.

В V в. до н.э. проявления высших достижений греческой культуры были сосредоточены лишь в городах, не слишком удаленных от морского побережья. Афины, как и их предшественник Кнос и их последовательница Венеция, были повенчаны с морем. Без существенных доходов из-за моря гражданские волнения и нестерпимая бедность VI в. до н.э. можно было уменьшить лишь за счет эмиграции; и ясно, что при этом Афины никогда бы не стали действительным центром притяжения, в который они превратились для талантливых и способных людей всего греческого мира.

Это было обусловлено тем, что технологические факторы строго ограничивали возможности античного мира в производстве материальных ценностей. Кроме как на орошаемых землях, большая плотность народонаселения не могла поддерживаться только за счет собственного производства продуктов питания. Только с помощью коллективного использования выгодных условий торговли – масло и вино в обмен на зерно²⁸ – или непосредственной эксплуатации более слабых сообществ путем насильственного сбора дани и грабежа значительное число граждан могло поддерживать скромный или даже удовлетворительный уровень материального существования, требуемый для участия в культурной жизни Греции.

Отсутствие достаточно дешевого транспорта подразумевало, что никакие сколь-либо большие городские сообщества не могли бы себя содержать в глубине территории. Следовательно, только вновь запущенные процессы социальной дифференциации, благодаря которым цивилизованные общества впервые возникли на орошаемых землях во II тыс. до н.э., могли сохранить прекрасный плод греческой городской жизни в областях, достаточно

²⁸ Преимущество такого обмена состояло в том, что количество земли и труда, требуемое для производства определенного количества вина и масла, было обычно гораздо меньшим, чем количество земли и труда, требуемое для производства количества зерна, на которое их можно было обменять.

удаленных от моря. Зарубежные завоеватели или местные вожди племен, ставшие сборщиками податей, однако, нашли способ сконцентрировать производимое на местах богатство в своих руках. Прежде всего они использовали его для приобретения предметов греческой роскоши и постепенно стали содержать небольшое число местных мастеров и профессиональных специалистов (часто живших группами в провинциальных городах), которые могли бы предоставлять товары и услуги точно так же, как это делалось в трудовых сообществах приморских городов.

Греческие колонии были основными посредниками в распространении предметов роскоши из метрополии. Торговцы из городов-колоний были готовы и стремились расширять свою торговлю, продвигаясь в глубь территорий в любое место, где можно было бы получить металл, древесину, зерно и другие ценности. Производство этих товаров, как правило, организовывали местные вожди и владельцы земель, у которых очень быстро развились пристрастия к греческому вину, маслу и тканям. Характер такого обмена подтверждают находки греческих ваз на таких широко разбросанных территориях, как Болгария и Южная Россия, Центральная Италия и Южная Франция. В ряде случаев торговля стимулировала более глубокий интерес к греческой культуре со стороны части варваров; но если элемент страха или принуждения отсутствовал, то большая часть людей была готова изменить свои идеи или привычки только внешне.

Впрочем, греческая цивилизация распространялась не только мирными средствами. В V и начале IV вв. до н.э. греки имели полное превосходство над всеми своими соперниками в организации армии и военной тактике. Даже перед Пелопоннесской войной персидские сатрапы признавали за своими непокорными соседями высшую доблесть, приглашая их в качестве наемников²⁹. Но именно македонские цари наиболее успешно восприняли греческие военные методы, не нанимая греческих воинов – у македонцев не хватило бы на это денег, – а призывая македонских крестьян на военную службу в царские фаланги, вооруженные и обученные по греческому образцу³⁰. Комбинируя массу фаланги с ударной мощью традиционной конницы, набранной из числа македонской знати, царь Филипп создал армию, равной которой не было ни в Греции, ни где-либо еще в мире.

Эллинизация Македонии не была исключительно военной. Уже в V в.

²⁹ H.W.Parke, *Greek Mercenary Soldiers* (Oxford: Clarendon Press, 1933), pp.14-15.

³⁰ Македонские пехотинцы имели более длинные копья, чем было принято у греков, и это давало возможность их фаланге поражать противника с большего расстояния. Таким образом, Филипп не просто перенял военные методы греков, но и улучшил их. См. F.E.Adcock, *The Greek and Macedonian Art of War* (Berkeley: University of California Press, 1957), pp.50-51 and *passim*. Филипп нанимал также некоторое число греческих наемников, в основном для гарнизонной службы. См. Parke, *Greek Mercenary Soldiers*, pp.155-64.

до н.э. царский двор Македонии претендовал на греческое происхождение и даже привлек несколько фигур, известных своей литературной деятельностью, включая Еврипида. Сам Филипп досконально изучил политические методы, военное искусство и культуру Греции в течение трех лет своей юности, которые он провел в Фивах заложником; именно он пригласил Аристотеля воспитателем своего сына Александра. И действительно, греческая культура проникала в Македонию в основном через царское окружение.

Сначала греческое влияние представляло собой потенциальную опасность для македонской монархии, поскольку греки уже давно низвели своих царей до лиц, носящих этот титул номинально, либо просто их упразднили. В начале IV в. до н.э. даже была предпринята попытка группы македонских городов под влиянием живших в них греческих иммигрантов³¹ свергнуть монархию и заменить ее союзом городов по греческому образцу. Спартанское военное вмешательство привело к неудаче этой попытки (379 г. до н.э.); в дальнейшем македонские города всегда оставались покорными своим царям.

Остаток IV в. до н.э. охарактеризовался дальнейшей эллинизацией македонского общества и усилением монархии. Жизнь при дворе и служба в царской армии прививали молодой македонской знати вкус к излишествах и роскоши греческой жизни. Такой жизненный опыт, вероятно, даже больше, чем просто плата за службу и военная добыча, притягивал македонскую аристократию к королевскому двору; лишь однажды увидев более привлекательную жизнь, молодые вельможи навсегда отрекались от яростной провинциальной клановости, которая в прежние времена делала македонскую знать столь непокорной³². Колоссальная притягательность эллинизированной придворной культуры и составляла истинную причину того необычайного политического успеха царя Филиппа, который обеспечил ему лояльность знати в переустройстве армии.

Эллинизация же македонских крестьян и простых солдат была невозможна ни во времена Филиппа, ни значительно позже. Необычайные военные успехи Македонии порождали среди широких масс населения сильное презрение к слабым грекам. До наступления эры римского владычества, когда военные неудачи смирили гордость македонцев, внутренние области страны являлись основными поставщиками воинов в фаланги. Общество этих об-

³¹ Stanley Casson, *Macedonia, Thrace and Illyria: Their Relations to Greece from the Earliest Times down to the Time of Philip, Son of Amyntas* (Oxford: Oxford University Press, 1926), pp.80-86.

³² См. венский стиль барокко, использовавшийся династией Габсбургов не только в целях Контрреформации и в монументальном искусстве, но и в изысканных театрализованных зрелищах, благозвучной музыке и элегантных дамах, – все это делалось для того, чтобы укротить провинциальное венгерское дворянство в XVII–XVIII вв.

ластей характеризовалось почти полным равенством своих членов, при котором процветание настоящих городов было невозможно. Личное богатство, достаточное для того, чтобы поддерживать эллинизированный стиль жизни его владельца на должном уровне, едва ли существовало в Македонии, поскольку традиционные привилегии аристократии не включали в себя сбор огромных податей. Только царь с его доходами от военной добычи, от использования лесов и рудников мог содержать подле себя эллинистический круг придворных. И наоборот – и это было то, что действительно привязывало аристократию к монархии, – частично эллинизированный македонский вельможа мог жить так, как ему хотелось, только служа монарху.

Македония была, конечно, не единственным варварским государством, которое приобрело политическую значимость, усвоив многие стороны эллинизма. Царство одрисов во Фракии развивалось в том же направлении, когда завоевания Филиппа ограничили его рост; а вскоре и Эпир последовал за Македонией. Вдоль берегов Черного моря – как в Боспорском царстве на берегах Азовского моря, так и в Вифинии на севере Малой Азии – в IV в. до н.э. наблюдался расцвет эллинистических династий.

Существование в Центральном Средиземноморье трех высокоразвитых и соперничающих между собой культур – Греции, Карфагена и этрусков усложняло, но не препятствовало распространению цивилизации. Конфликт в основном происходил в Сицилии, где греческие города более двух столетий без особого напряжения боролись с имперским Карфагеном. Это продолжалось до тех пор, пока римляне со всей своей военной мощью не вступили в первую Пуническую войну (264–241 гг. до н.э.) и не превратили Сицилию в первую римскую провинцию. Дополнительный театр военных действий существовал какое-то время вдоль западного побережья Италии, где проходило противостояние этрусков и греков. Однако победа греков в морском сражении при Кумах (ок. 473 г. до н.э.) заставила этрусков отступить с территории Кампании, и это, вероятно, окончательно привело к утрате этрусского контроля над Римом. После этого Латинский Союз под верховенством Рима формирует своеобразный буфер между греками и соперничающими с ними этрусками³³.

³³ Рост могущества Рима в ранний период его истории был крайне медленным. В то время, когда Александр Великий покорял Персию, Рим контролировал только области Лациум и Кампанию в западной и центральной частях Италии. Как и следовало ожидать от земледельческого по своей сути общества, блеск и роскошь цивилизации этрусков и греков была тогда все еще чужда будущей столице средиземноморского мира. Но связано это было не с недостатком внешнего воздействия, а с возможностью выбора. Обретя политическую независимость в 509 г. до н.э., Рим отверг модель цивилизации этрусков с их традиционным монархическим типом устройства общества. Но сторонники «старых добрых методов» из аристократических семей

Этруски, Карфаген, а также греческие города Южной Италии и Сицилии поддерживали торговые отношения как между собой, так и с другими, более отсталыми, сообществами в западной части Средиземного моря. Однако эти западные окраины цивилизованного мира не могли самостоятельно поддерживать тесные отношения со странами Восточного Средиземноморья. И Карфаген, и этруски относительно поздно познакомились с художественными стилями греческого искусства через заезжих греков либо в процессе подражания местными мастерами достижениям греческой классики. К середине IV в. до н.э. Карфаген, подобно Персии, по достоинству оценил качества греческих наемников. К III в. до н.э. аристократы Карфагена уже владели греческим языком и, очевидно, ввели определенную часть греческих идей в свою совершенно особо устроенную консервативную и довольно жестокую религию. И все же факт признания Карфагеном и этрусками некоторых ценностей греческой цивилизации не позволяет в полной мере отнести их к семье эллинистических народов. В Этрурии местный стиль жизни сохранялся под эллинизированной оболочкой³⁴, и аристократическая республика на севере Африки оставалась истинной наследницей финикийской культуры даже тогда, когда сама Финикия уже вступила в фазу эллинизма³⁵.

Таким образом, хотя в период между 500 г. и 336 г. до н.э. греческая культура определенно была наиболее активным культурным течением в Центральном Средиземноморье, до полной победы над ее соперниками было далеко, да и на военно-политическом уровне греческая цивилизация в этих местах удерживалась лишь ценой большого напряжения.

не могли легко измениться и испытывали определенную тоску по утраченной монархии. Таким образом, жесткий эгалитаризм экономических обстоятельств, все растущие потребности в завоевании новых земель, обусловленные стремлением каждой семьи иметь свой надел, и правление аристократии, которое оставалось эффективным, поскольку предшествующая социально-экономическая структура общества осталась нетронутой, выделяли республиканский Рим среди окружающих его народов. Последствия разделения общества на классы в процессе перехода цивилизации через стадию быстрой социальной дифференциации ослабили конкурентов Рима и тем самым подготовили путь к быстрой экспансии Рима в Италии и за ее пределы. Такое искусственное и преднамеренное затягивание процесса внутреннего формирования государственного устройства привело к тому, что Римское государство стало сильнее и закаленнее, чем более развитые сообщества, такие как Этрурия, Карфаген и даже Македония, чего никак нельзя было заранее предположить.

³⁴ Греческое влияние на культуру этрусков может оказаться в значительной степени недооцененным, так как этруские письмена все еще не расшифрованы. См. Gisela M.A. Richter, *Ancient Italy: A Study of the Interrelations of Its Peoples as Shown in Their Arts* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1955), pp. 1-33.

³⁵ Stéphane Gsell, *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord*. IV: *La civilisation carthaginoise* (Paris: Hachette, 1920), pp. 190-93, 484-86, and *passim*; B.H. Warmington, *Carthage* (London: Robert Hale Ltd., 1960), pp. 134-35.

Сдвиг политического и культурного баланса в Западном Средиземноморье не оказывал значительного влияния на греческую цивилизацию до самого конца III в. до н.э. Однако в экономической сфере распространение на обширные области технологий, связанных с более высокой греческой цивилизацией, подрывало значение эгейской сердцевины греческого мира. Так Фракия и греческие города Северного Причерноморья постепенно приобретают те производственные навыки, которые в V в. до н.э. был сконцентрированы в основном в таких городах, как Афины или Коринф. Аналогичный процесс происходил и на Западе в греческих и этрусских городах. Столь же бедственным для экономики Греции оказалось развитие производства вина и масла в Сицилии, Южной Италии и на карфагенских территориях севера Африка. Подрывало греческую экономику и развитие виноградарства в Центральной Италии, Фракии, Вифинии и в Крыму.

Поскольку эти процессы усиливались, режим торговли, ранее обеспечивавший накопление богатства в нескольких крупных эгейских городах, рухнул. Большинство окраинных территорий начали использовать благоприятный обменный курс вина и масла к зерну. Как следствие, это привело к радикальному экономическому упадку центра греческой цивилизации³⁶. Снижение уровня жизни низших классов питало наемные армии, которые становились все более заметными участниками действий на греческой сцене. Ожесточенные гражданские столкновения, которые парализовали так много греческих городов, с IV в. до н.э. стали естественным, хотя и прискорбным, откликом на угасание экономического процветания.

Последствия экспансии греческой культуры и греческих методов ведения хозяйства были по этой причине скорее негативны для тех сообществ, которые первоначально и сформировали греческую цивилизацию. Внутренние беспорядки, непрерывные и зачастую просто варварские междоусобные войны вместе с падением уровня жизни создали все предпосылки для установления македонской гегемонии. И все же, когда Александр использовал власть для того, чтобы направить энергию греческого общества вовне, когда он открыл обширный и совершенно незнакомый мир Востока греческим и македонским предпринимателям, эффект был подобен обвалу плотины. По следам Александра Великого тысячи, а возможно, и сотни тысяч греков переселились на Восток в поисках благополучия. Результат такой экспансии был гораздо более глубоким, чем мог бы быть от простого военного завоевания территории.

³⁶ В работе M.Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World* (Oxford: Clarendon Press, 1941), I, 104-25 собраны хотя и отрывочные, но достаточно убедительные доводы в пользу этого обобщения.

В. ЭЛЛИНИЗАЦИЯ ВОСТОКА (500–146 ГГ. ДО Н.Э.)

1. ВОЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В варварской Европе столкновение с более высокой эллинистической культурой не могло быть полностью осознано до начала сравнительно медленного и болезненного процесса экономической и социальной дифференциации. Именно этот процесс подготовил социальную среду, в пределах которой удобства цивилизации могли быть оценены и оплачены. Для распространения греческой культуры в восточном направлении таких препятствий не существовало. Социально расслоенное общество Востока было уже достаточно зрелым и богатым, а развитый класс правителей, землевладельцев и торговцев уже был готов использовать греческие изделия и навыки всякий раз, когда они оказывались по качеству явно выше местных эквивалентов. Уже в IV в. до н.э. греческие вина и масло в довольно больших количествах использовались в Египте и Леванте³⁷, хотя, конечно, более удаленные от торговых путей области оставались все еще в значительной степени не затронутыми такой торговлей. Соотношение между ценой и объемом греческих товаров было еще не достаточным для того, чтобы завозить их в области вдалеке от морских и речных путей, хотя отдельные черепки ваз из Аттики, датированные IV в. до н.э., были найдены в Иране. Однако торговое проникновение греков в обширные внутренние области Персидской империи началось лишь после завоевания Александром Македонским этих территорий и образования первых греческих колоний на этих территориях в глубине Азии.

Греческие солдаты-наемники дополняли роль греческих торговцев как посланников, несущих греческую цивилизацию на Восток. И все же военные и политические отношения, вызванные привлечением персидского золота для оплаты греческих наемников, были достаточно сложными. С одной стороны, готовность греков воевать за персидские деньги на стороне тех или иных сатрапов Малой Азии сделало персов третейскими судьями в течение всей Пелопоннесской войны и после нее. Но в то же время престиж греческих наемников был настолько высок, что многие персидские правители и даже сам великий царь стремились гарантировать надежность своей власти,

³⁷ Необычно то, что в торговле преобладали оптовые поставки и узкая специализация товаров. В одном из крупных центров торговли на побережье Сирии, в Аль-Мине, археологи обнаружили склады, где привозная глиняная посуда из Аттики (вместе с изделиями местных мастеров) была разложена по товарным позициям – светильники, кувшины с широкими горлышками либо с узкими горловинами и т.д. – каждая на своей площади. Это указывает на торговые операции с крупными партиями товара. См. M.Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, I, 85ff.

нанимая телохранителей из числа греков. Это означало, что восстания, которые все чаще потрясали Персидскую империю в течение IV в. до н.э., начали приобретать, как и в Греции, характер гражданских войн. При этом фалангам наемников отводилось главное значение, в то время как войска из местных воинов играли вторичную и часто весьма неприметную роль. Поэтому, когда Александр напал на Персию, то наиболее многочисленные войска и наиболее профессиональные полководцы, с которыми ему пришлось воевать, были греческие³⁸.

В свете этого головокружительный успех Александра Македонского выглядит скорее не как разрыв, а как логическая кульминация длительного взаимного обогащения культур Греции и Востока. К моменту нападения на Персию в 334 г. до н.э. Александр открыто провозгласил себя защитником эллинизма, а его армия состояла из войск городов греческой конфедерации, главой которой он был. Он также восстановил местное самоуправление греческих городов Малой Азии, а на территориях, которые были завоеваны в дальнейшем и где греческое влияние было невелико, он сознательно и последовательно играл роль поборника греческой цивилизации, зачастую проводя празднества в традиционном греческом стиле. Да и сама армия Александра была в своем роде передвижным греко-македонским государством, поскольку постоянно совершала переходы по всей территории Западной Азии. Однако более значимой для будущего была политика Александра по основанию греческих городов со всеми институтами власти и особыми привилегиями вдоль границ его империи. Наибольшее число этих городов было сосредоточено на территории Восточного Ирана, где защита от набегов степных племен была главной и постоянной задачей. Но из всех этих городов Александрия Египетская, расположенная на другом, юго-западном, краю империи, процветала более других.

После смерти Дария III, последнего царя из рода Ахеменидов, убитого своими вероломными приближенными в 330 г. до н.э., Александр сменил свою роль добровольного защитника эллинизма, предъявив претензии и на персидский престол.

Он также стремился связать персов, македонян и греков на уровне правящей верхушки своей империи. И чтобы подчеркнуть серьезность своей политики, сам вступил в брак со знатной персиянкой, а по возвращении

³⁸ H.W.Parke, *Greek Mercenary Soldiers*, pp.23-41, 57-62, 105-12, 165-69, 177-85. Персидские правители часто проявляли недоверие, причем ничем не заслуженное, по отношению к греческим военачальникам, поступившим к ним на службу. Это сильно ослабляло сопротивление завоеваниям Александра в Малой Азии и, возможно, в какой-то мере способствовало его победе при Гранике.

Главное управление древностей Кампании (Soprintendenza alle Antichità della Compagnia), Неаполь.

Фонды Британского музея (Trustees of the British Museum).

ЭКСПАНСИЯ ЭЛЛИНИЗМА

Слева статуя Мавсола, сатрапа Карии в юго-западной части Малой Азии (377—353 до н.э.), демонстрирует варварский тип одетия, увековеченный в выраженной греческой манере. Фактически наиболее известные греческие скульпторы были наняты вдовой Мавсола для того, чтобы украсить великолепную могилу ее любимого супруга: отсюда и происходит современный термин «мавзолей». Такое мирное проникновение греческой цивилизации на новые территории было дополнено завоеванием Александра. Изображенная сверху сцена показывает Александра во главе кавалерии в сражении при Иссе (333 г. до н.э.) в момент, когда персидский царь Дарий III поворачивает свою колесницу и спасается бегством от яростного натиска македонянина.

из Индии организовал бракосочетание десяти тысяч своих воинов с персидскими женщинами в Сузах.

В возрасте 33 лет, менее чем через двенадцать лет после начала вторжения в Персию, Александр умирает. Именно так он сумел избежать поражения – не поражений на поле битвы (бояться этого у него было не слишком много оснований), но поражения в своих воззрениях на то, как обойтись с многочисленными и отличными друг от друга народами, которых он сумел завоевать. Даже Александру было не под силу долго сохранять популярность среди египтян и вавилонян, которые приняли его как освободителя от гнета Персии, в то же время примирять противоборствующую гордыню персов и македонян и при этом так или иначе обеспечивать единство греков.

Полководцы Александра, которые после борьбы за верховенство в конечном счете разделили его империю, были более не в состоянии проводить прежнюю политику в отношении покоренных народов. Узурпаторы, не имеющие законных прав на власть, чужаки посреди покоренных народов, они полностью зависели от лояльности и подчинения рядового состава македонской армии. Пренебрежение мнением рядовых воинов легко могло привести либо к дезертирству, либо к мятежу, который мог разрушить даже самую многообещающую карьеру за одну ночь. Македонские солдаты, недолюбливавшие греков и презиравшие азиатов, желали невозможного: они требовали установить на новых территориях правила и обычаи, принесенные ими из родных македонских лесов, и при этом каждый из них хотел обладать таким количеством добычи и богатств, которое можно было представить лишь во сне.

Поэтому успешными правителями были те македонцы, которые щедро оплачивали службу своих солдат и демонстрировали царский стиль жизни, сохраняя при этом добродушные и подчеркнуто грубоватые манеры военного лагеря. За исключением их родных мест вражда между греками и македонцами со временем исчезла. На территориях новых эллинистических монархий места хватало всем. Македонские цари отчаянно нуждались в умении греков управлять людьми и эффективно использовать экономические ресурсы новых территорий. Только так можно было получать средства для содержания армии, от которой напрямую зависела устойчивость их власти.

После 281 г. до н.э., когда наступило хоть какое-то равновесие в борьбе между полководцами Александра, его империя была разделена на три больших государства: царство Селевкидов в Западной Азии, Птолемево царство в Египте и Македония Антигонидов в Европе. Эти три царства занимали территорию, лишь немного уступавшую по размерам империи самого Александра. Положение греческих городов-государств было отнюдь не самым

простым: номинально в большинстве случаев они были свободны, но фактически все в той или иной степени подчинялись одной из трех больших эллинистических монархий.

Административные системы этих новых государств были тесно связаны с устройством прежде существовавших на той территории сообществ. В Македонии продолжались эллинизация высших классов общества и развитие греческого образа жизни в городах; однако сельская местность в основном оставалась свободной от этого влияния вплоть до завершения римских завоеваний³⁹. Управление в царстве Египта эпохи Птолемеев представляло собой рационально организованный и, возможно, более безжалостно эффективный вариант древней системы фараонов. Птолемеи монополизировали распределение основных сельскохозяйственных продуктов, производимых крестьянами, расширили и стали контролировать работу ирригационных сооружений, организовав с беспрецедентной тщательностью систему налогообложения населения. На территории царства Селевкидов существовала более свободная административная система, построенная по слегка измененному образцу прежних персидских сатрапий. Ничего подобного тотальному контролю над поселениями и отдельными лицами, как в царстве Птолемеев, невозможно было создать на столь обширных и разнообразных территориях. При таком широком разнообразии форм организации общества, как мелкие княжества, храмовые государства и просто города-государства, все управлялось местными администрациями, которые собирали и выплачивали дань центральным властям. Персия, а еще раньше Ассирия, управлялась подобным же образом.

Тем не менее македонское завоевание оказало существенное влияние на суть и формы социальной жизни Востока. Наплыв голодных греков и крепких македонских переселенцев, эмигрировавших со своей перенаселенной родины на новые земли, принес восточным народам множество образчиков эллинистической жизни. Привлекательность греческой цивилизации усиливалась еще и тем положением, которое греки занимали в эллинизированном обществе. В качестве меры против возможных восстаний местного населения македонские правители Египта и Азии намеренно заполняли свой управленческий аппарат людьми греческого происхождения. Хотя далеко не все иммигранты занимали официальные посты; многие были заняты в сфере обслуживания и торговли либо работали профессиональными врачами, учителями, атлетами, актерами, архитекторами и т.п.

³⁹ Возможно, население Македонии значительно уменьшилось после того, как массы молодых мужчин двинулись завоевывать Восток. Во всяком случае, армия Антигонидов была значительно меньшей, чем армии Филиппа и Александра, а наемники играли в них куда более важную роль, чем прежде.

Чтобы уменьшить расходы на содержание постоянных армий и одновременно удовлетворить потребности солдат, преимущественно выходцев из крестьян, покинувших свои родные земли в поисках лучшей доли на чужбине, и Птолеми, и Селевкиды организовывали солдат в специальные военные колонии, где они получали немалые земельные наделы во временное пользование с условием вернуться в ряды армии по первому требованию. В пределах владений Селевкидов (но не в Египте) такие военные колонии нередко вырастали в развитые города с устройством жизни по греческому образцу. С царского позволения, а иногда и при его активном содействии в этих городах создавались обычные для греческих городов институты власти: избираемая судейская коллегия, совет, собрание граждан.

Жители этих и других эллинистических городов представляли собой смесь из людей разных национальностей. В городах, которые крепко стояли на ногах и действительно процветали, большинство жителей скорее всего имели не греческое происхождение. Однако гражданские привилегии обычно давались лишь тем местным жителям, которые по праву наследования либо благодаря образованию занимал общественное положение, равное грекам или македонянам. Поскольку привилегия гражданства обладала определенной ценностью, она скоро стала пользоваться большой популярностью среди местной знати таких крупных городов, как, например, Антиохия либо Сузы, – принятие гражданства давало возможность приобщиться к греческому стилю жизни. Эти и подобные им города, новые и старые, становились островками эллинизма в восточном море, где в большей или меньшей степени воспроизводился образ жизни, присущий греческим полисам. По крайней мере, это происходило в среде высших классов, которые пользовались всеми правами гражданства⁴⁰.

До македонских завоеваний ядром цивилизации Среднего Востока были Месопотамия, Сирия и Египет, а Иран и Анатолия находились на периферии. Александр действительно соединил Эгейское побережье и Малую Азию с более древним центром цивилизации; в то время как Северная Индия на востоке и земли Центрального Средиземноморья на западе стали сторожевыми заставами для новой эллинистическо-ориентальной цивилизации.

⁴⁰ Красивые общественные здания, гимназии, театры, храмы наряду с оборонительными сооружениями, системой водоснабжения и обустроенными гаванями стали характерными для каждого уважающего себя города. Планировка большинства городов того времени имела линейный характер с двумя главными улицами, пересекающимися под прямым углом и разделяющими город на четыре жилых сектора. Главные общественные здания располагались в центральной части города, но ассамблея, магистраты и суды всегда были не только служебной частью города, но и его достопримечательностью.

Конечно, это было время преобладания культурного многообразия. Смешение различных стилей греческой культуры и общественных институтов, простое добавление одного к другому сплеталось с разнообразием Среднего Востока, и без того пестрым и запутанным. Процесс эллинизации высших классов в странах Востока, возможно, никогда не заходил достаточно глубоко. И все же Греция и Восток становятся в это время, как никогда, связанными воедино. События в Сирии или Египте, в Иране либо Анатолии, собственно в Греции или в Македонии глубоко влияют одно на другое. Со временем Рим и Карфаген, а также государства Северной Индии все больше включаются в военно-политическую сеть активных экономических центров, лежащих по берегам Эгейского моря и Восточного Средиземноморья.

В пределах этого центрального района длинная череда войн и частых дипломатических конфликтов придавала эллинистической политике приводящую в уныние сложность. Птолемеи и Селевкиды периодически боролись за контроль над Южной Сирией и Палестиной; Македония и Египет находились в подобном конфликте за право контролировать Эгейское побережье. Сначала эффективная централизация египетской администрации в совокупности с финансовыми ресурсами, обеспеченными ее налоговой системой, давали Птолемеям в этом регионе ряд значительных преимуществ над ее более бедными и менее организованными соперниками. Однако к концу III в. до н.э. в Египте наступил резкий спад активности, обусловленный разрастанием коррупции и бюрократическим безволием системы, начавшей удушать производителя, которого первые Птолемеи так бережно воспитывали и так безжалостно эксплуатировали.

Более свободное по своей внутренней структуре государство Селевкидов также перенесло ряд внутренних потрясений. В самом начале своей истории ряд отдаленных провинций царства утвердили свою независимость. Сначала Пергам в западной части Малой Азии, а затем и Парфия к юго-востоку от Каспийского моря и Бактрия на далеком северо-востоке – все они отпали в течение III в. до н.э., а в первой половине II в. до н.э. и еврейское государство Маккавеев последовало за ними. Но несмотря на все эти события, царство Селевкидов проявляло определенную гибкость, начисто отсутствующую у египетских Птолемеев. Двое из поздних селевкидских правителей, Антиох III (227–187 гг. до н.э.) и Антиох IV (175–163 гг. до н.э.)⁴¹, на некоторое время возвратили утраченные ранее обширные восточные тер-

⁴¹ Карьера Антиоха III (Великого) хорошо известна прежде всего от Полибия, а жизнь Антиоха IV Эпифана, злого гения Книги Маккавеев, до конца не ясна. Только собрав воедино разрозненные обрывки сведений и надписи на монетах, можно сделать вывод, что именно его доверенное лицо и родственник сверг независимую греческую династию Бактрии и прекратил завоевание Индии, которое эта династия начала несколькими годами ранее. Для увлекательной

ритории, хотя ни один из них не был способен противостоять римскому превосходству на одном своем фланге либо устранить упорное, пусть слабо организованное, давление парфян на другом⁴².

История же более мелких государств той эпохи делает задачу восстановления деталей политической истории эллинизма чрезвычайно сложной. Буферные государства возникали в Греции, Иудее и Малой Азии – везде, где пересеклись сферы влияния трех основных монархий того времени⁴³. На севере эллинского мира развивалась цепочка мелких пограничных царств, таких как Эпир, Вифиния, Понт. Их развитие повторяло процессы, происходившие в Македонии V–IV вв. до н.э., когда шло усвоение греческой культуры царским окружением и поместной аристократией. Царство Пергама ввиду его центрального местоположения в северо-западной части Малой Азии было эллинизировано глубже и включало несколько важных греческих городов. Под энергичным управлением Атталидов Пергам достиг высокого уровня процветания.

С ослаблением царства Селевкидов в Азии появился целый ряд новых государств. Из них Галатия и Каппадокия в Малой Азии оставались в значительной степени варварскими вплоть до римской эпохи. Но Парфянское царство, основанное ок. 247 г. до н.э. ираноязычными племенами, жившими в степях вблизи Каспийского моря, представляло собой интересный симбиоз эллинистических городов и монархии, носившей в некотором роде феодальный характер. Вообще складывается впечатление, что правители Парфии благосклонно относились к городам: один из ранних правителей даже называл себя филэллином (друг греков. – *Прим. п.гр.*). Парфянские цари были чрезвычайно активны в сфере получения доходов; они обложили налогом торговые караваны, связывавшие все главные города в Западной Азии; не исключено, что, восхищаясь греческой культурой, они находили в ней нечто полезное и для себя лично. Во всяком случае, хотя основу их военной маши-

реконструкции этих неизвестных глав истории эллинизма см.: W.W.Tarn, *The Greeks in Bactria and India* (Cambridge: Cambridge University Press, 1951), pp.181-224. Отметим, однако, что реконструкция политики Антиоха IV на Востоке не бесспорна, см. A.K.Narain, *The Indo-Greeks* (Oxford: Clarendon Press, 1959), pp.53-57.

⁴² Значительные колебания власти Селевкидов в восточной части их владений, вероятно, отражают тот факт, что эллинистические города там предпочитали власть Селевкидов, а не других сюзеренов. Жители этих городов охотно открывали свои ворота армиям под знаменами Селевкидов, и это делало «отвозование» городов Селевкидами достаточно легким, тогда как их соперники должны были изматывать города шаг за шагом, разоряя окрестности и захватывая караваны, заставляя правителей городов идти на невыгодные соглашения с правителями степей – парфянами, саками, мятежными сатрапами или еще с кем-либо.

⁴³ В самой Греции усилия по созданию федеративных объединений, достаточно сильных, чтобы на равных соперничать с крупными державами того времени, увенчались некоторым успехом. Но Греция в целом никогда не была способна к объединению, да и отдельные греческие государства не способны были создать единый фронт перед лицом внешней угрозы.

ны составляла иранская знать, они представляли эллинистическим городам полную автономию. Именно поэтому, подчинив себе территорию Месопотамии (141 г. до н.э.), парфяне нанесли минимальный урон процветающим городам, нисколько не пытаясь изменить их эллинистический образ жизни.

Нечто подобное происходило и в Бактрии, где греческие города тесно сотрудничали с иранской по характеру сельской местностью. Отличие состояло лишь в том, что правителями Бактрии были греки⁴⁴. Поскольку не сохранилось летописных сведений об истории этого царства, точная оценка вклада греческой культуры в культуру Бактрии связана с дальнейшими археологическими исследованиями в Афганистане, Пакистане и советской Средней Азии⁴⁵.

Столь феноменальная военная и политическая экспансия эллинизма в IV и III вв. до н.э. начала постепенно терять свой импульс примерно к 200 г. до н.э. Поток греческой эмиграции значительно замедлился, а со временем и вовсе иссяк, что было связано с крайне неблагоприятной демографической обстановкой на родине. Без значительного притока полных сил и энергии греческих иммигрантов, которые так сильно помогли ранее Птолемаям и Селевкидам, мощь этих двух эллинистических монархий оказалась серьезно подорванной. Эллинизированная знать Александрии и Антиохии не могла поставлять хороших воинов, а подчиненное крестьянство Египта и Азии не испытывало любви к своим македонским правителям⁴⁶.

⁴⁴ Развитие и подъем сельского хозяйства, а также зарождение урбанизации начались на этих территориях при Ахеменидах. Решающим фактором для экспансии цивилизации с территории Западной Азии на Восток послужило не только умиротворение, привнесенное сначала персидским, а впоследствии и греческим правлением. Важным было и развитие системы подземных оросительных каналов, что сильно сокращало испарение воды и делало возможным сбережение и без того скудных водных ресурсов на этих землях. См. R.Ghirshman, *L'Iran des origines à l'Islam* (Paris: Payot, 1951), p.180. Техника орошения с использованием подземных каналов была развита после заимствования некоторых технологических решений из горного дела и применения их в ирригации. Вероятно, такая система сначала была испытана в Армении еще во времена Ахеменидов. См. Charles Singer et al., *A History of Technology* (Oxford: Clarendon Press, 1956), II, 666. После принятия этого крупного технического достижения новые, по существу, не менее богатые, чем Месопотамия, регионы смогли возникнуть на дальних восточных окраинах Ирана, в долинах Амударьи и Сырдарьи. Греческое царство Бактрии было первым, но далеко не последним из целого ряда государств, которые будут в дальнейшем основаны на территории этого протяженного сельскохозяйственного оазиса. Другие оазисы, расположенные еще дальше на востоке, использовали точно такой же способ орошения, но несколько позже.

⁴⁵ См. W.W.Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, pp.225-408, A.K.Narain, *The Indo-Greeks*.

⁴⁶ Птолеми обнаружил это после сражения при Рафии в 217 г. до н.э., которое они с помощью фаланги, набранной из коренных египтян, выиграли только для того, чтобы окантоваться перед угрозой разрушительного мятежа возвратившихся домой победоносных египетских солдат. Ср. опыт гиксосов, правивших Египтом более чем за тысячу лет до этого.

МИСТИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ

АСТРОЛОГИЯ

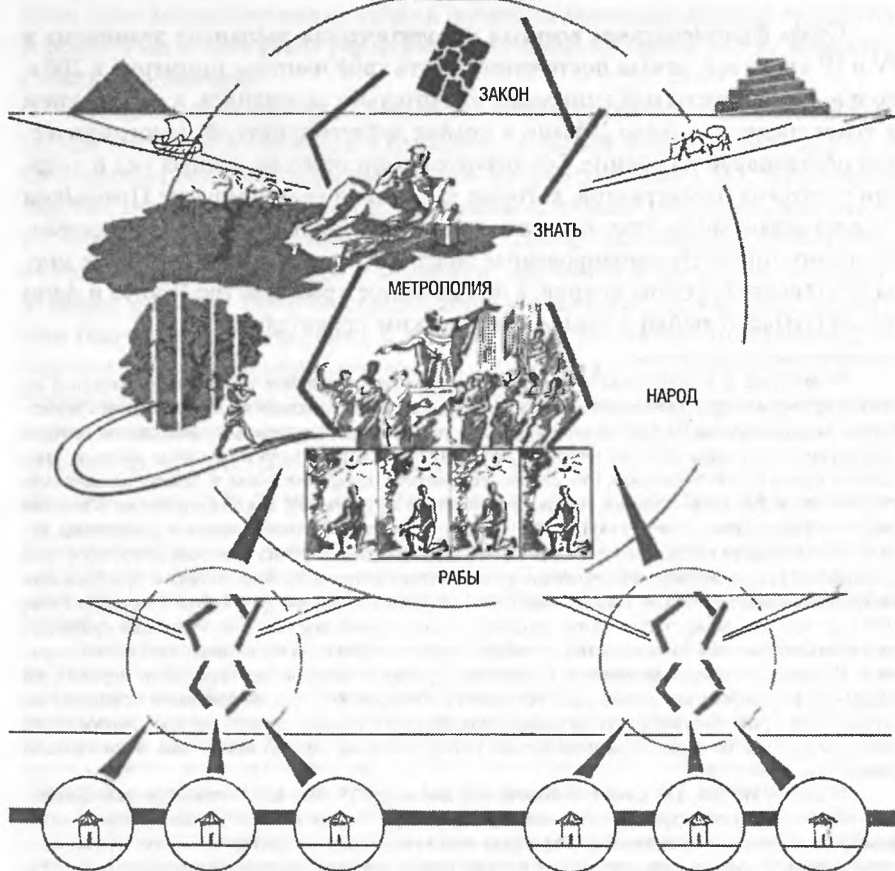
ЧИНОВНИКИ

ЦАРЬ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ

ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

Через некоторое время слабость эллинистических государств стала проявляться на полях сражений. Римляне установили свой контроль над Македонией и Грецией с поразительной легкостью в период между 200 г. и 146 г. до н.э. Почти одновременно – с 165-го по 128 г. до н.э. – Селевкиды уступили свои отдаленные восточные провинции сакам, а Месопотамия отошла парфянам⁴⁷. Очень скоро, к середине II в. до н.э., политическая граница распространения эллинизма была отодвинута назад, за Евфрат; а остальные государства Малой Азии, Сирии и Египта способны были выжить, лишь выступая на стороне Рима в борьбе против Парфии. Безусловно, и римляне, и парфяне во многом переняли ценности и традиции греческой цивилизации. И все же их поразительные военные успехи в борьбе против эллинизма во II в. до н.э. указывают на политическое истощение первой стадии греческой экспансии.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Смешение греков и азиатов в эллинистических городах вызвало сложные социальные и культурные изменения в жизни и тех, и других. В первом столетии после завоеваний Александра вектор культурных заимствований, казалось, имел лишь одно направление – от эллинизма к окружающим народам. Уверенность завоевателей в себе ничем не омрачалась; жизненная энергия греческого общества, оставшегося на родине, была очень высока. Поток эмигрантов приносил на Восток определенные черты образа жизни. Высшие классы эллинистических городов не зависимо от этнического происхождения или культурного уровня старались перенять образ жизни греков и подражать им абсолютно во всем⁴⁸. Греческий язык получил даже более широкое распространение, чем греческая культура. Приобщаться к культурным ценностям могли позволить себе только богатые слои общества, в то

⁴⁷ Neilson C. Debevoise, *A Political History of Parthia* (Chicago: University of Chicago Press, 1938), pp. 21–28.

⁴⁸ Как далеко мог бы зайти этот процесс, хорошо иллюстрирует Книга Маккавеев, описывающая поведение руководителей еврейской храмовой общины во времена Антиоха IV Эпифана. Из всех сообществ эллинистического мира еврейские общины, вероятно, были наиболее закрытыми по отношению к внешнему влиянию, тем не менее, по словам автора Книги Маккавеев, первосвященник Иерусалимского храма, носивший о многом говорящее имя Ясон (в честь предводителя аргонавтов. – *Прим. пер.*), «призывал своих соотечественников к принятию образа жизни греков». Ясон фактически оскорбил чувства большинства своих консервативных соотечественников, переименовав Иерусалим в «Антиохию» и пытаясь перенять большинство греческих обычаев. Особенно возмутительным было основание гимнасиев, где он и его товарищи занимались спортом в совершенно «порочном» виде, т.е. на греческий манер обнаженными. II Maccabees 4:7–15. Edgar J. Goodspeed (trans.).

время как любой мелкий торговец способен был освоить упрощенный вариант греческого языка, так называемый *койне*. Койне постепенно замещал арамейский язык на обширных территориях и становился наиболее распространенным «лингва франка» Ближнего Востока. Для многих горожан, которые даже не стремились выдавать себя за греков, греческий язык стал родным⁴⁹.

И все же, несмотря на очевидное неравноправие в культурных контактах Греции и Востока на этой стадии, именно в эти десятилетия социальная структура самой Греции активно приспосабливалась к тем моделям, которые всегда были характерны для Востока. В этот период города Греции, так же как и азиатские города, в основном находились под властью олигархов, причем даже там, где, как, например, в Афинах, формально сохранилось демократическое правление. Какие-то экономические факторы, видимо, способствовали росту больших хозяйств, где пахотные земли обрабатывались наемными батраками или рабами, в то время как традиционные земледельцы с их правом фамильного наследования земли постепенно исчезали. Обнищавший пролетариат скапливался в городах. Рост заработков не успевал за ростом цен, наступившим после щедрых трат Александром золота Персидской империи; и зависящим от заработной платы людям приходилось жить очень скудно⁵⁰. Снабжение продовольствием, которое для всех крупных греческих городов осуществлялось из-за границы, порождало серьезные проблемы, поскольку даже незначительные изменения в поставках зерна приводили к колоссальным колебаниям цен, и даже кратковременные перебои могли вызывать серьезный локальный голод.

В этих обстоятельствах наблюдалась тенденция к росту богатства небольшой части населения и обнищанию всех остальных. Именно по этой причине все чаще были слышны революционные призывы к списанию долгов и перераспределению земель, что привело к нескольким мощным восстаниям низших классов, особенно сильным в Спарте в конце III в. до н.э. И в каждом случае внешняя интервенция подавила эти движения. Однако становилось ясно, что только репрессиями разрешить проблемы греческого общества было нельзя. Богатство и бедность, образованность и невежество

⁴⁹ Лучшие доказательства этого факта содержатся в иудейских источниках. «Септуагинта», греческий перевод иудейского Пятикнижия, сделанный в III в. до н.э., стал для евреев тем же, чем перевод Библии королем Яковом стал позже для англоязычных христиан: каноническим текстом Священного Писания. О превалировании греческого языка даже в самой Палестине см. Salo Wittmayer Baron, *A Social and Religious History of the Jews* (2d ed.; Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1952), I, 185-87.

⁵⁰ Чуть ли не единственные сведения о размерах заработной платы и цен в течение этого периода исходят из храмовых отчетов в Делосе, которые были кропотливо проанализированы несколькими учеными. См. Rostovtzeff, *Social and Economic History of the Hellenistic World*, I, 235-36.

тянули в совершенно разные стороны. Ученая мудрость и предрассудки, элегантная изысканность и ужасающая бедность, щедро оплачиваемые общественные должности и подавание бедным – все это существовало бок о бок в греческих городах, а сельское хозяйство стало делом батраков и рабов⁵¹.

В демократические времена легко сожалеть о социальных переменах в основных городах Греции в эпоху эллинизма. Сужение круга тех, кто в полной мере был приобщен к высшим достижениям культуры Греции, стало, однако, неизбежным следствием географического распространения цивилизации. При этом безжалостная военная и экономическая эксплуатация Средиземноморского побережья небольшим эгейским центром стала невозможна. Нельзя было повторить то, что удавалось Афинам в период их экономического величия.

Дело было в том, что ограниченные возможности древних технологий делали сам процесс распространения цивилизации дорогостоящим. Только когда основная часть населения трудилась и была лишена основных прав, немногие привилегированные обладали комфортом и свободным досугом, необходимым для создания и поддержания высокого уровня культуры. Эта социальная модель эры эллинизма была, собственно, не нова, хотя и не всегда выразительна в проявлениях.

В V в. до н.э. корпорированные гражданские объединения, и Афины прежде всего, коллективно эксплуатировали более слабые народы и за счет этого поддерживали чувство социального единства и равенства среди собственных граждан. Далекие от раскаяния по отношению к своим жертвам афиняне, как, впрочем, и вся остальная Греция, гордились проявлением достижений своего коллективного мастерства в эксплуатации труда других народов. В эллинистическую эру коллективная и корпоративная эксплуатация уступила место эксплуатации частными лицами (в целом носящей более умеренный характер) соседних, обычно живущих поблизости и, как правило, менее цивилизованных народов. Иными словами, нетрудовые доходы поступали теперь скорее от арендной платы за землю, чем за счет дани; а прибыль от торговли, которая раньше имела большое значение в экономике Афин, стала довольно сомнительным и подсобным средством накопления богатств, необходимых для поддержания условий цивилизованной жизни.

Когда механизм концентрации богатства перешел на индивидуальный и местный уровень, эллинизация внутренних областей сильно ускорилась.

⁵¹ Для досконального изучения социальных и экономических условий в греческих городах см.: W.W.Tarn and G.T.Griffith, *Hellenistic Civilization* (3d ed.; London: Edward Arnold & Co., 1952), pp.79-125.

Метрополитен-музей изобразительного искусства, Фонд Роджерса, 1909
(Metropolitan Museum of Art, Rogers Fund).

Музей Лувра и фотоархив (Musée du Louvre et Archives photographiques), Париж.

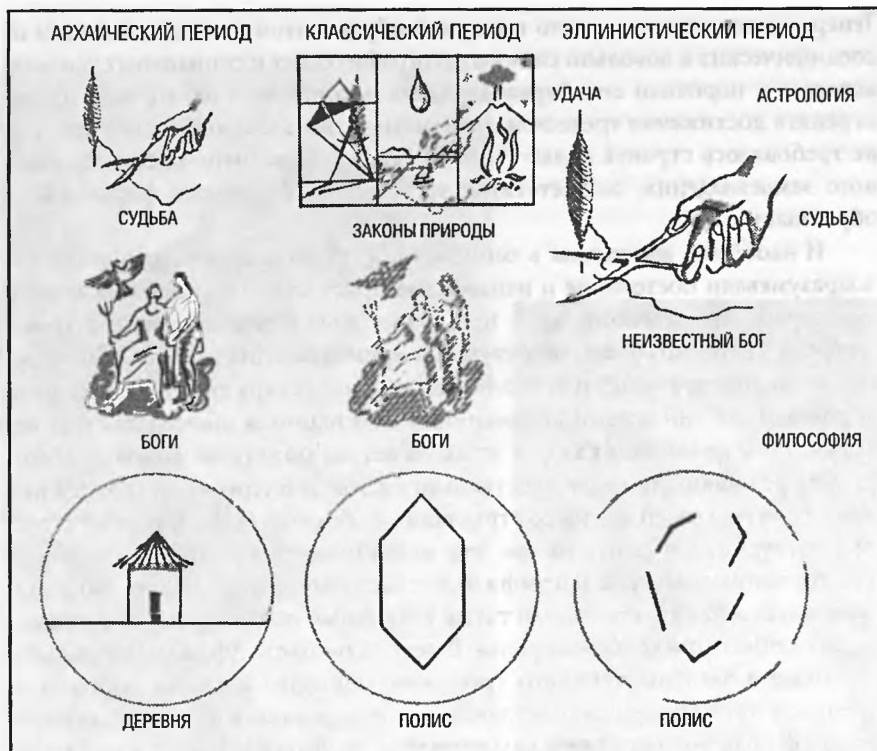
ВЕК ЭЛЛИНИЗМА

Эти скульптуры отражают дистанцию между высшими и низшими классами эллинистического мира и делают это с осознанным, почти ностальгическим артистизмом. У старой торговки, сгибающейся не только под весом своей корзины, но и под грузом прожитых лет, мало общего с великолепной Никой (Победой) Самофракийской, столь гордой и смелой, с неземным ликованием от возможности завоевывать новые миры. Стилистическая виртуозность, которая связывает эти две статуи, очевидна. Моральная позиция, которая позволяла высокому искусству находить сюжеты в уродстве городской бедности, отдает дань все еще оставшемуся чувству гражданского единства, которое некогда так сильно спланивало граждан полисов.

Теперь стало очевидным, что греческий образ жизни не был неотделим от специфических и довольно сложных географических и социальных условий, которые и породили его. Варварам было, в конце концов, гораздо проще перенять достижения греческой цивилизации, коль скоро им для этого уже не требовалось строить новые Афины! Вполне достаточно оказалось местного землевладения, соответствующей ренты и некоторого формального образования.

И наоборот, изменения в социальной структуре эллинского общества подразумевали постоянное и неизбежное присутствие варваров даже в самом сердце классического мира. Крестьяне, рабы и ремесленники, создавая комфорт своим хозяевам, но будучи совершенно лишены реального участия в интеллектуальных и социальных процессах мира своих господ, легко оказывались в униженном положении. В сложившихся обстоятельствах перед высшим правящим классом вставала острая моральная дилемма. Некоторые представители знати чувствовали настоящие угрызения совести при сопоставлении своей жизни со страданиями обездоленных; другие же старались затруднить путь наверх тем, кто желал попасть в привилегированный аристократический круг. Географическое рассредоточение достаточно цивилизованного сообщества имело также вторичный психологический эффект – ослабление социального здоровья. В период расцвета Афин различные покоренные и зависимые группы греческого общества жили за морем, в то время как привилегированные граждане группировались в сравнительно небольшой области с ограниченным доступом, поддерживали друг друга и стимулировали в творческом использовании богатств и досуга. После того как землевладельцы, расселившиеся по обширной территории, унаследовали греческую культуру, этот внутренний круг лиц стал более размытым, а каждая отдельная личность более изолированной. Только некоторые из главных эллинских городов – Александрия, Афины, Сиракузы, Пергам, Родос, а в последующем и Рим – способны были концентрировать достаточное число цивилизованного населения, способного обеспечить необходимый уровень взаимного стимулирования и моральной поддержки.

Но даже в этих больших городах общество образованных горожан, чьи физические потребности были полностью удовлетворены за счет труда рабов и у кого был достаточный уровень доходов либо государственное жалование, способное обеспечить цивилизованный образ жизни, испытывало недостаток того, чем в избытке обладали менее утонченные и гораздо более жестокие афиняне времен Перикла. Прежнее гармоническое единство ума и эмоций, соединявшихся для общего дела и блага, было уже невозможно. Уделом ума стало развитие философии и научных знаний; сферой эмоций –

ИЗМЕНЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

безудержный кутеж⁵². Но высокие и серьезные стремления, объединение воедино рациональной и эмоциональной сторон человеческой личности – все это было далеко от софистики, урбанизации, космополитизма и индивидуализма эллинистического мира. В те времена (любопытно, подобные нашим, нынешним временам) у отдельных личностей не было причины тратить свою энергию на пользу общественному служению. При этом верхушка общества испытывала также и недостаток религиозной веры, способный поддержать ее в периоды личного кризиса. Они полагались в основном на достаточно прагматичные и рационалистические философские концепции, а также на благородство правил хорошего тона.

⁵² Подобно многим другим занятиям, искусство любви также стало профессиональным. Известность некоторых куртизанок конкурировала с известностью профессиональных атлетов и актеров.

Скорость, с которой все эти изменения проходили в греческом мире, не следует преувеличивать. В период первой волны завоеваний, когда греческое оружие и греческая культура, казалось, столь блестяще продемонстрировали свое превосходство над единственным цивилизованным соперником, с которым они столкнулись, в обществе превалировал дух авантюризма и сильного возбуждения. Новые земли давали грекам не только возможность расселяться и управлять на новых территориях, не только приносили неслыханные дотоле богатства, добытые торговлей либо грабежом. Багаж греков пополнялся и новым опытом в результате путешествий и приключений; также были получены и новые знания, которые со временем были осмысленны. Греки обретают новое сознание, которое в дальнейшем реализуется в виде новых песен и сказаний, возникает новая аудитория для греческих художников – скульпторы и архитекторы, живописцы и актеры обрели новых почитателей, нашли своих потребителей врачи и атлеты, учителя и акробаты. Ограниченность представлений прошлого, когда Афины или Спарта, Коринф либо Фивы казались их обитателям центром и вершиной всего цивилизованного мира, теперь осталась в прошлом. Пустил корни дух космополитизма, и человек с хорошим греческим образованием мог чувствовать себя как дома в любой точке цивилизованного мира.

В этом просторном, богатом и деловом обществе культурная деятельность была интенсивна и с широким размахом. Пергам и Александрия конкурировали с Афинами как культурные и научные центры, где честолюбиво собирались все достижения греческого мира и ближайших окрестностей. И все же, оценивая классическую античность, последующие поколения более поздние достижения эллинистической культуры ставят ниже по сравнению с достижениями V–IV вв. до н.э. Именно по этой причине людям нашей эпохи сложно независимо оценивать достижения эллинизма. Поскольку лишь крошечная доля некогда огромного массива эллинистического искусства и литературы дошла до наших дней, имеется определенный риск ошибиться в слишком суровом приговоре, вынесенном при таком ограниченном наборе данных. Тем не менее оценки на основе современного художественного вкуса в целом сходятся в том, что поздний классический период уступает своему предшественнику.

Паразитной особенностью эллинской культуры была высокая степень ее организации. В Афинах процветали четыре философские школы – академическая, эпикурейская, перипатетиков и стоиков. Каждая из них проводила более или менее регулярные курсы, имела в своем распоряжении библиотеки и соответствующие места для лекций. Музей в Александрии и библиотека в Пергаме были государственными учреждениями, где оплачи-

ваемый штат выполнял литературные и научные работы. Почти каждый греческий город имел систему образования, содержавшуюся на общественных началах. И хотя начальное образование обеспечивалось опекунами и родителями, более высокий образовательный уровень давался в гимназиях, которые зачастую содержались за счет государственных налогов либо частных пожертвований. Более того, общественное образование, которое прежде почти полностью посвящалось военным дисциплинам, было в значительной степени расширено за счет преподавания греческих обычаев, литературы, философии и риторики⁵³.

Очевидно, было естественным, что когда интеллектуальная и художественная сферы жизни оказались столь хорошо организованными, источник непосредственности и неиссякаемых эмоций стал пересыхать. И только в областях знания, где требовался лишь интеллект как таковой, достижения эллинизма оставались безупречными.

В литературе проводилась огромная работа по редактированию и упорядочиванию текстов создателей классических произведений; особенно этим славилась Александрия. Но по мере того, как рука ученого оставляла все больший след на литературе, новые произведения становились искусственными, наполненными большим числом ссылок и адресованными в первую очередь тем, у кого было полноценное литературное образование. Утонченность таких произведений порождала и свою противоположность в форме грубых, а часто и непристойных пародий – мимов. Подобно мимам, в возвышенных чертогах философии – но вне каких-либо философских школ – грубые киники провозглашали неуважением к разуму, тщательной аргументации и размеренной жизни благородных философов⁵⁴.

Монументальное искусство сопротивлялось процессу этой всеохватывающей организации приблизительно до 100 г. до н.э., пока не были откры-

⁵³ См. А.Н.М. Jones, *The Greek City from Alexander to Justinian* (Oxford: Clarendon Press, 1940), pp.220-26. Организация системы образования представляет собой один из примеров широко распространенных профессиональных ассоциаций в эллинистическом мире. Например, профессиональные актеры были объединены в организацию с достаточно сложной структурой, которая брала на себя основные функции по охране и определению сроков найма дионисийских актеров при выступлениях в различных городах и государствах. Эти профессиональные союзы и торговые ассоциации, вероятно, воспроизводят в миниатюре большинство общественных институтов греческих полисов – советы местного самоуправления, магистратуры, суды, религиозные учреждения и т.д. Поскольку изначально объединенный единством городской территории круг лиц с общими интересами распался, отдельные личности, вероятно, стремились воспроизвести ощущение личной причастности к большому социальному организму через организацию профессиональных ассоциаций, моделируя их при этом по образу выборных городских органов. См. подобный социологический характер ранних буддийских монастырей, приведенный в гл.V.

⁵⁴ Все эти противоречия, конечно, отражали поляризацию греческого общества на бедных и богатых.

ты научные и технически реализуемые методы получения копий скульптур и архитектурных украшений⁵⁵. В прежние времена скульптура или здание создавались в связи с какими-то памятными датами или в честь богов, а интенсивность этих работ была не слишком высока, что позволяло скульпторам и архитекторам не терять своего мастерства. Теперь, как никогда, возросшее мастерство, широкий диапазон работ и многообразие стилей привели к тому, что скульптура могла быть выполнена в реалистической, драматизированной или в идеализированной манере, а здание – в дорическом, ионическом или коринфском стиле. Все эти стили, хоть и отличались, но имели явно греческое происхождение; и автор такого скульптурного шедевра, как Ника (Победа) Самофракийская, был, без сомнения, достойным наследником любого, даже самого великого из его предшественников.

Объединение интеллектуальных усилий и опыт освоения мира полностью окупились в естествознании. Греки эллинистической эпохи были превосходными математиками, географами, астрономами и медиками. Физика и химия – ключевые науки современной Европы – были развиты несколько слабее, возможно, потому, что в этих науках помимо чистой теории требовалось еще поработать руками, а это не согласовывалось с представлениями тогдашней элиты⁵⁶.

Евклидова геометрия (ок. 300 г. до н.э.) была разработана задолго до того, как ученые Александрии получили какие-либо сведения о достижениях вавилонских математиков и астрономов. Однако развитие греческой астрономии во многом было обязано вавилонянам, которые уже в VIII в. до н.э. умели письменно фиксировать движение небесных тел. С помощью этих записей вавилонские астрономы IV–III вв. до н.э. математически исследовали закономерности наблюдаемых явлений, например, периодичность затмений и численные значения координат, определяющих точный путь Луны и Солнца.

Сами вавилоняне не пытались объяснить наблюдаемые ими движения небесных светил, используя геометрический подход. Но как только греческим астрономам стали доступны переводы текстов с данными о наблюдениях вавилонян, они немедленно попытались создать геометрическую модель, которая могла бы с новой точностью объяснить движение небесных тел. Первые такие попытки сделал Эвдокс Книдский, современник Платона. После

⁵⁵ О геометрических принципах и подручных устройствах (трехмерных пантографах), благодаря которым создавались копии скульптур в античные времена, см. интересную дискуссию в: Gisela M.A. Richter, *Ancient Italy*, pp.105-16.

⁵⁶ Архимед из Сиракуз (ум. 212 до н.э.) представляет собой исключение из этого правила. Поскольку он был одновременно и математиком, и инженером, то сформулировал основной принцип гидростатики, который в физике до сих пор носит его имя (закон Архимеда).

дискуссии, которая продолжалась два с половиной столетия и в ходе которой предлагались и отвергались различные модели движения (включая гелиоцентрическую)⁵⁷, Гиппарх Никейский (ок. 186–126 до н.э.) разработал схему, ставшую классической. По мысли Гиппарха, Землю окружает ряд хрустальных (и поэтому невидимых) сфер, каждая из которых вращается вокруг нее. Обратный ход планет он объяснял как результат сложного комбинированного движения сферы, в центре которой находится Земля, и меньшего вращающегося эпицикла, поддерживающего планету во вращении вокруг движущейся точки на поверхности первой сферы. Любые новые уточняющие наблюдения можно было бы объяснять в рамках этой системы, придумывая новый эпицикл (если нужно, то в пределах предыдущего эпицикла) для того, чтобы описать и, следовательно, согласовать с экспериментально наблюдаемым движением планеты. Громоздкость такого небесного механизма (сложность которого, конечно, лишь увеличивалась со временем) была уравновешена геометрической точностью, с которой производились регулярные исправления доступного наблюдению планетарного движения.

Возможно, самый важный результат всех этих исследований заключался в развитии более точных методов измерений. Конечно, именно эти результаты деятельности астрономов эллинистической поры пережили своих творцов: это разделение времени на часы, минуты и секунды; аналогичное деление круга на градусы, минуты и секунды. Была создана система сферических координат, которая позволяла точно зафиксировать любую точку в небе или на земле и вычислить такие ключевые астрономические величины, как длина дня или продолжительность года, размер Земли, Солнца, Луны, а также расстояния между ними. В некоторых вычислениях античные астрономы достигли точности, почти идентичной той, которая допускается сегодня при астрономических измерениях; в других, например при определении размеров Солнца и Луны, они существенно ошибались. Но несмотря на все эти ошибки и принципиально неверную концепцию небесной механики Гиппарха, астрономия достигла такой степени точности и математической изощренности, которая позже уже никогда не была утрачена полностью.

В астрологии, как и в астрономии, объединение греческих и восточных элементов было впечатляюще плодотворным. Из центра своего зарождения в Александрии астрология широко распространилась по всему эллинисти-

⁵⁷ Аристарх Самосский (ок. 310–230 до н.э.) был наиболее известным защитником гелиоцентрической теории, утверждающей, что Земля и другие планеты перемещаются вокруг Солнца. Вскоре эта теория была отвергнута на основе весьма веских геометрических доводов из-за отсутствия наблюдаемого звездного параллакса, но саму идею полностью никогда не забыли.

ческому миру и стала всепроникающим элементом концепции о связи человека и Вселенной. Исходная идея была еще вавилонской: небеса и Земля соотносятся между собой так, что предсказанные небесные явления предзнаменуют земные события. Античные астрологи применили это древнее положение совершенно по-новому, перенося предсказания, сделанные для звезд, на жизнь человека. Они проделывали это, считая, во-первых, что расположение планет и других небесных тел в момент рождения человека определяет его дальнейшую судьбу. Кроме того, развивая некоторые греко-египетские суеверия, они полагали, что каждое определенное расположение светил имеет особое значение. Астрология сохраняла жизнь математической астрономии во все последующие столетия. Тщательные вычисления, показывающие положения планет в определенный день, причем, возможно, много лет назад, были нужны для того, чтобы астрологи имели необходимые данные, на которых могли бы основывать свои фантазии; причем существовала побудительная причина для постоянного увеличения точности вычислений, поскольку считалось, что чем точнее начальные вычисления, тем, вероятно, более впечатляющими будут конечные предписания астролога⁵⁸.

Александрия предложила иное утешение страждущим – поклонение Серапису⁵⁹. Серапис был городским богом Александрии, преднамеренно введенным в пантеон богов, таких как Осирис, Зевс и Мардук, еще во времена Птолемея I. Культ предлагал спасение и вечную жизнь тем, кто посредством особых ритуалов отождествлял себя с богом. Конечно, древние тайнства Греции в определенной степени были интегрированы в эту религию; но преобладали египетские культы поклонения, особенно доктрина блаженного бессмертия. Несмотря на эклектичный и официальный характер этой религии, удивительно большое число жителей Александрии (а со временем и уроженцев других городов) посчитали удобным уверовать в то, что всемогущее божество может высвободить их души из сетей рока и вознести после смерти в пределы блаженной вечности.

⁵⁸ См. O. Neugebauer, «The History of Ancient Astronomy: Problems and Methods», *Journal of Near Eastern Studies*, IV (1945), 1–38 для весьма острой дискуссии по этому вопросу.

⁵⁹ Серапис фактически был одним из божественной троицы, включавшей в себя также египетскую богиню Исиду и менее значимую фигуру бога Аписа. (Серапис как божество в эллинистическом Египте был введен еще в IV в. до н.э. Птолемеем I Сотером при посредстве Манефона и Тимофея, жрецов из Афин. В образе Сераписа сливались черты Осириса и Аписа. Он считался богом плодородия, богом мертвых, повелителем стихий, в том числе разливов Нила, богом Солнца. Также почитался как бог-целитель и прорицатель. Греками отождествлялся с Зевсом, Аидом, Посейдоном, Асклепием. Несмотря на то что почитание нового бога было задумано для сближения коренного египетского и пришлого эллинского населения, оно распространилось в основном в греко-римской среде. Его изображения сходны с изображениями Зевса, в них нет влияния какой-либо египетской традиции. – *Прим. пер.*).

Поклонение Серапису само по себе не уникально; одни религиозные таинства получили свое развитие из более древних орфических истоков, другие брали свое начало от анатолийских либо сирийских традиций, конкурирующих с египетскими культами. Но человек, воспитанный в греческой интеллектуальной традиции, не мог просто так с легкостью поддаться мракобесию этих вероучений. Таким людям философия предлагала альтернативу: четкую картину мира, недвусмысленно неприветливую к чувствам человека, но гораздо более благосклонную к его рассудку.

Все же кое в чем эллинистическая философия имела глубоко пораженческий характер. Две основные философские школы: эпикурейцы и стоики – использовали прекрасно отточенную бритву греческой логики для того, чтобы окончательного отбить охоту добиваться чего-либо, даже истины или логичности. Согласно обеим доктринам, идеально мудрый человек должен стать свободным от внешнего мира настолько, чтобы, заботясь лишь о собственном спокойствии, внутренне оставаться свободным и неуязвимым даже перед лицом самого сурового из всех нравственных испытаний – неожиданному благоволению судьбы – именно потому, что он ни к чему не привязан.

Придерживаться этой точки зрения не было ни позорно, ни неблагоприятно в период политических и социальных переворотов. И все же, отторгая и подавляя эмоции, философы шли против природы человека. Их доктрины могли привлекать людей лишь сильного природного ума либо тех немногих, для кого судьба припасла в жизни лишь все самое лучшее. Эллинистическая философия, таким образом, стала для правящих классов эквивалентом гораздо более эмоционально привлекательной религиозной мистики. Когда римское завоевание нарушило покой эллинистической знати, когда безжалостные воины вытоптали их сады, разграбили их богатства и убили друзей, философия благородства увяла, а мистические восточные религии получили просторное поле деятельности.

С 146 г. до н.э., когда Македония стала римской провинцией, а Греция – зависимой от Рима территорией, энергия, с которой греки осваивали Восток, исчезла; научный, литературный и философский творческий потенциал в значительной степени изжил себя. Восточное представление о подчинении личного и национального сверхъестественным силам, управляемым, если это возможно, молитвами или ритуальными торжествами, стало преобладающим, заменив рациональный, любознательный и неустанный дух Эллады. Конечно, Ближний Восток носил эллинистические одежды: остались прекрасные города с их гимназиями и театрами, греческий язык оставался средством общения образованной верхушки общества и некоторой части низов.

И все же дух общественной жизни изменился. Реакция восточных традиций начала проявлять свою мощь за греческим фасадом общества. Сила эллинистической экспансии иссякла.

Римское завоевание помогло завершить эти изменения. Все же, невзирая на знаменитую фразу Горация о пленных греках, взявших в плен победителей⁶⁰, эллинизм, хотя и в модифицированном, разбавленном виде, стал другим, доживая последние, осенние дни своей жизни не только в пределах Римской империи, но и на Востоке, среди парфян, саков, кушан и даже среди отдаленных китайцев.

⁶⁰ *Epistolae*, 2, I, line 156.

ГЛАВА VII

Завершение формирования евразийской ойкумены в 500 г. до н.э. – 200 г. н.э.

А. ВВЕДЕНИЕ

Легионеры, которые в 146 г. до н.э. разграбили Коринф и показали грекам всю глубину политической беспомощности их некогда столь славных городов, были не первыми и не последними римскими мародерами, обрушившимися на эллинистический мир. В течение последующих сотни и более лет военачальники и губернаторы, сборщики налогов и авантюристы всех сортов с запада искали богатства и славы за счет эллинистических народов. В результате этого процесса римское правление было распространено на все земли Восточного Средиземноморья, а греческие земли лишились большей части накопленных ими богатств. Многие греческие города, в частности, те, что находились в Эгейском центре греческой цивилизации, испытали удар, от которого никогда уже не оправились. Началось резкое сокращение населения; стало очевидным, что энергия народа, которая вознесла греческую культуру так высоко, иссякла.

В 128 г. до н.э., спустя восемнадцать лет после римского завоевания Греции, деятельный китайский дипломат по имени Чжан-цань, путешествуя на запад в долины Окса и Яксарта (название Амударьи и Сырдарьи, принятое у римлян. – *Прим. пер.*), обнаружил, к своему глубокому удивлению, восточные окраины ближневосточной цивилизации. После этого китайцы время от времени поддерживали торговые и дипломатические контакты с Центральной Азией вплоть до 101 г. до н.э., когда китайские армии, идя по следам Чжан-цаня, покорили цепь оазисов, тянувшихся до самой Сырдарьи. Это громадное расширение китайского владычества на запад привело к установлению регулярного караванного маршрута между Китаем и Ближним Востоком – возник Великий шелковый путь¹.

¹ См. Albert Herrmann, *Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien* (Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1910), pp.1-7 и карта в конце книги. Конечно, успешное существование Великого шелкового пути зависело от сложных политических, военных и экономических условий по всей его протяженности. Но другим фактором особой важности были сами передвижения. Только двугорбый верблюд бактриан мог успешно перевозить большие количества товаров через тяжелые и холодные пустыни, разделяющие Китай и Средний Восток.

Почти в то же время решительно осваивались морские маршруты Индийского океана. Еще со времен варварских вторжений бронзового века (1500–1200 гг. до н.э.) прибрежные князьки, промышлявшие пиратством, затрудняли каботажное плавание по Аравийскому морю и в соседних водах Персидского залива и Красного моря. Несмотря на эти трудности, мореплаватели, служившие у правителя Египта Птолемея II, прошли весь морской путь до Индии приблизительно к 120 г. до н.э. Последующие политические волнения в Египте, увенчавшиеся римским завоеванием страны (30 г. до н.э.), не помешали сохранить недавно открытый маршрут для дальнейшего использования. Как только греко-римские мореплаватели ознакомились с регулярностью сезонных направлений муссонных ветров Индийского океана, они постепенно осмелели и пошли в Индию более коротким путем (не тратя время на остановки на промежуточных стоянках), преодолевая все более широкие водные пространства. К I в. н.э. прямые рейсы через Аравийское море, от Аденского пролива к южным оконечностям Индии, стали делом обычным. Как следствие, переходы между Средиземноморьем и Индийским океаном стали значительно дешевле и быстрее, что существенно увеличило поток товаров между этими регионами, проходивший через Александрию Египетскую. Торговля с дальними странами была основой процветания Александрии даже тогда, когда основная территория государства в долине Нила испытывала экономический упадок под римским правлением.

Как только мореплаватели Индийского океана овладели искусством плавания под муссонами Аравийского моря, они стали проникать все дальше на восток. И вот уже на восточных берегах Бенгальского залива предприимчивые торговцы устанавливают контакты с другими мореплавателями, пришедшими с южного побережья Китая. Так Китай установил связь с Индией по морю, причем произошло это примерно в то же время, когда и Средиземноморье наладило контакты с Индией (хотя, возможно, и несколь-

При этом техника организации и проведения каравана была столь же сложна, как и мореплавание. Нет точных сведений о том, когда двугорбые верблюды были одомашнены. Они были известны, хотя скорее как редкость, еще при Ахеменидах (см. изображение бактриана в Персеполе среди других экзотических подношений). Китайцы знали домашнюю форму верблюда, возможно, уже в V в. до н.э. и уж точно после 221 г. до н.э. – «Верблюд превосходит при переходах через движущиеся пески, несмотря на ношу в тысячу катти, он проходит три сотни ли». Перевод из *T'ai ping yü lan* 901/6/b, сделанный Сю Енши.

Распространение на запад аравийского (одногорбого) верблюда происходило примерно в то же время (или немного раньше) и имело такое же важное значение в освоении жарких пустынь Западной Африки. Аравийские верблюды были достаточно многочисленны и играли заметную роль в ахеменидской Персии, но не были распространены в Северной Африке до эпохи эллинизма, а в Западной – до римских времен. См. W.W.Hyde, *Ancient Greek Mariners* (New York: Oxford University Press, 1947), pp.184-85; Stéphane Gsell, *Histoire ancienne de l'Afrique du Nord* (Paris: Hachette, 1920), IV, 139; Herodotus, VII, 83-86; Xenophon, *Anabasis*, VI, 1.

ко раньше)². Ко II в. н.э. (а возможно, и раньше) ранее не связанные между собой участки морских переходов между Римом и Китаем – от Египта до Южной Индии, от Южной Индии до Малайи, от Малайи до Китая – слились в одну, более или менее непрерывную сеть торговых путей. Образовалась система торговых путей, полностью перекрывающих все пространство южных морей от Африки до Южного Китая³.

Таким образом, в последние десятилетия II в. до н.э. Китай сознательно вступил в регулярный контакт с другими цивилизациями Евразии. Организация торговых путей как по морю, так и по суше быстро связала четыре великие культуры континента. Ко всему прочему расположенные в центре Евразии огромные пастбища обеспечили третий путь связи, который особенно сказался не на торговых, а на военных предприятиях. К IV в. до н.э. кочевым коневодством занимались уже все степные племена. Напряженные отношения этих племен друг с другом, а также с цивилизациями к югу от них постоянно порождали военно-политические конфликты, сотрясающие континент от края до края. Таким образом, евразийская ойкумена оказалась сомкнутой воедино как никогда прежде.

Это событие можно сравнить лишь с гораздо более известным смыканием мировой ойкумены в XVI–XVIII вв. н.э., когда европейские исследователи, торговцы и миссионеры систематически открывали новые земли и острова по всему земному шару для западноевропейского предпринимательства. Разумеется, европейская экспансия происходила в больших географических масштабах, да и политические, социальные и культурные последствия такого процесса были более драматическими, чем в предыдущий период. В столетия между 200 г. до н.э. и 200 г. н.э. четыре основные цивилизации Евразии стояли примерно на одном уровне технологий и духовной культуры. Поэтому для каждой из них не произошло радикальных изменений принятого образа жизни из-за навязанных силой других культурных норм. Культурные заимствования в результате первого формирования евразийской ойкумены ограничились добровольно принятыми элементами. Следовательно, предприимчивость древних мореплавателей, воинов и проводни-

² Китайский историк Бань Гу относит открытие морских контактов с Индией к царствованию императора У-ди (140–86 гг. до н.э.), но не указывает точной даты.

³ См. Mortimer Wheeler, *Rome beyond the Imperial Frontiers* (Harmondsworth: Pelican, 1955), pp.141–83; E.H.Warminster, *The Commerce between the Roman Empire and China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1928), pp.1–34; W.W.Hyde, *Ancient Greek Mariners*, pp.169–232; J.J.L.Duyvendak, *China's Discovery of Africa* (London: Arthur Probsthain, 1949), pp.7–12; K.A.Nilakanta Sastri, «The Beginnings of Intercourse between India and China», *The Indian Historical Quarterly*, XIV (1938), 380–87; G.F.Hudson, *Europe and China* (London: Edward Arnold & Co., 1931), pp.53–102; Radhakumud Mookerji, *A History of Indian Shipping and Maritime Activity* (London: Longmans, Green, 1912), pp.116–41 and *passim*.

ков караванов не создавала ничего похожего на переворот в современном понимании с его разрушением культурной автономии и целостности неевропейского мира. Напротив, баланс евразийских культур оставался таким же, как и раньше.

Однако первое смыкание ойкумены внесло важные изменения в общий ход евразийской истории. Две области, ранее находившиеся на краю цивилизованного мира, отныне стали центральными точками новых торговых маршрутов: Южная Индия и речные долины по обе стороны Гиндукуша. Видимо, не случайно оба эти региона стали местом важных культурных нововведений в последующие два-три столетия. Похоже, именно Южная Индия стала колыбелью культов Шивы и Вишну. Именно эти культы определили позднее характер индуизма. Что же касается буддизма махаяны, то он, вероятно, сформировал свои отличительные черты именно в районе Гиндукуша.

Возникновение творческого потенциала культуры всегда можно было ожидать там, где торговля и урбанизация давали возможность людям различных культурных корней встречаться и смешиваться. Но ни Южная Индия, где арийцы и дравиды встретились с культурой Восточного Средиземноморья, ни Центральная Азия, где пересеклись китайская, индийская, греческая культуры, а также культуры Среднего Востока и кочевников, не породили чего-либо, что можно было назвать новой цивилизацией. В этих регионах внутренний консерватизм и внешняя привлекательность древних, хорошо устоявшихся евразийских форм культуры быстро подавили независимый рост новых форм цивилизованной жизни. Тем не менее и Южная Индия, и Центральная Азия смогли передать по наследству, слить воедино и выработать определенные изменения в элементах древних культур таким образом, что возникли совершенно новые явления, пригодные для того, чтобы быть принятыми, отвергнутыми или преобразованными в более древних цивилизованных сообществах в соответствии с местными условиями.

В целом отдельные элементы эллинистической цивилизации в период с 200 г. до н.э. по 200 г. н.э. привлекали внимание и были благосклонно приняты в гораздо большей степени, чем достижения любой другой мировой культуры. История искусства дает нам ясные свидетельства того, как индийский и китайский художественные стили этого периода испытали глубокое влияние греческой скульптуры. В религии и науке обнаруживается параллельный процесс, хотя и менее впечатляющий. Например, буддизм махаяны демонстрирует влияние на него религиозных эллинистических концепций, а индийская и китайская астрономия и астрология заимствовали многочисленные эллинистические элементы, хотя при этом, разумеется, сохранились важные местные особенности. Глубокий отпечаток эллинского

влияния на Рим и земли Западной Европы можно не обсуждать, поскольку при распространении в этом направлении греческая культурная модель не имела серьезных конкурентов. Поэтому даже после того, как историческое эгейское ядро утратило творческий потенциал, эллинистическое культурное сияние, подобно свету угасшей звезды, продолжало распространяться на все более отдаленные области цивилизованного мира еще в течение двух или трех столетий.

Но в то время, как идеи и методы, берущие свое начало на орбите греческой культуры, широко распространялись по Евразии, другие великие цивилизации также не стояли на месте. Восприятие и переработка изначально греческих элементов были сами по себе свидетельством ассимилятивной энергии индийцев и китайцев – никакая внешняя сила не заставила бы их принять чужеродные нововведения. Кроме того, покоряя и обращая в свою веру многочисленных варваров, и Индия, и Китай быстро расширили географическое пространство, где преобладал их собственный стиль жизни. И в то же время различные нововведения продолжали появляться и в пределах их исконных территорий. Причем шел этот процесс без посягательств на отличительные черты стилистического единства, уже достигнутые каждой из этих цивилизаций в предшествующие века.

Прежде чем анализировать основную тенденцию культурных изменений, происшедших в результате смыкания евразийской ойкумены, необходимо отдельно рассмотреть развитие цивилизаций Азии и крайнего запада Европы в период, предшествовавший началу этих изменений.

Б. ЭКСПАНСИЯ И РАЗВИТИЕ НЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ В 500–100 ГГ. ДО Н.Э.

1. ИНДИЯ

Местом проявления наибольшей активности индийской цивилизации в 500 г. до н.э. была долина Ганга, где мощные централизованные царства находились в процессе разрушения старых племенных и аристократических государственных образований. Долина Инда, частью которой тогда управляла Персия, оставалась политически раздробленной и консервативной в социальном отношении, хотя различные влияния, исходящие с Ближнего Востока, например чеканка денег, проникали в Индию именно отсюда. Юг, о котором нет письменных упоминаний, возможно, подвергался постепенной ариизации за счет контактов с культурно более развитым севером.

Когда Александр вторгся в Индию (327 г. до н.э.), гангское царство

Магадха уже подчинило себе большую часть Северо-Восточной Индии. Несколько позже Чандрагупта Маурья (правил в 322–298 гг. до н.э.) объединил долины Ганга и Инда в единую великую империю, центром которой стало царство Магадха⁴. Его внук Ашока (правил ок. 273–232 гг. до н.э.) довел размеры империи до максимума, контролируя территорию почти всей Индии за исключением небольшой области на крайнем юге. Преемники Ашоки оказались неспособны сохранить единство этого обширного владения, которое вскоре распалось на меньшие, возможно, враждующие государства; около 185 г. до н.э. узурпатор отнял трон Магадхи у последнего правителя из династии Маурьев. Одновременно либо чуть позже захватчики с северо-запада – сначала греческие правители Бактрии, а затем племена саков и кушанов – придали политическим событиям в Индии новый характер. Эти завоеватели не покоряли всю Индию; их правление лишь изредка распространялось на области вне Пенджаба. На юге и востоке другие государства, границы и даже названия которых сейчас трудно с уверенностью определить, разделили наследство Маурьев.

Хронологическая неопределенность делает невозможным точное воссоздание последовательности событий в эти столетия. Тем не менее ясно, что индийская культура продолжала развиваться в направлении, уже определенном ранее. Изучение и передача литературы в устной форме во времена Будды (ум. ок. 486 до н.э.) было нормой, а обычай фиксировать тексты на бумаге приобретал интеллектуальную респектабельность очень медленно⁵. Устные формы творчества придавали индийской литературе большую гибкость. Новые идеи и акценты, приукрашивание и замалчивание вносили в старые тексты почти незаметно, когда от одного мастера к другому передавалась мудрость прошлого. Лишь сакральные тексты, подобные Ведам, либо общепризнанные и непререкаемые классические произведения, такие как грамматика санскрита Панини, избежали таких многогранных изменений при передаче через поколения.

Устная традиция индийской литературы затрудняет использование методов текстологической критики, привычных для западных школ анализа

⁴ В 305 г. до н.э. Чандрагупта склонил Селевка I передать ему индийские завоевания Александра. В дальнейшем эти два правителя поддерживали стабильные дипломатические отношения. Чандрагупта или его сын, вероятно, женился на селевкидской принцессе; можно даже предположить, что его знаменитый наследник, Ашока, был потомком этого брака. см. K.H.Dhruva, «Historical Contents of the Yugapurana», *Journal of the Bihar and Orissa Research Society*, XVI (1930), 35.

⁵ Санскритские термины «книга», «перо», «чернила» имеют греческое происхождение. Это предполагает, что письменная традиция возникла в Индии только после знакомства индийцев с греческим книжным рынком. См. A.L.Basham, *The Wonder That Was India* (London: Sidgwick & Jackson, 1954), p.230.

развития мышления. Существующие рукописи, датируемые сравнительно недавними временами, представляют собой многовековые пласты, целые залежи свидетельств развития устного литературного творчества. Нет надежного способа выявить происхождение этих литературных источников, какие из них сохранились неизменными с давних времен, а какие относительно новы – нет датировки частей исследуемой рукописи. В результате хронология и подлинность всей ранней индийской литературы – предмет принципиально неразрешимого спора.

Несмотря на преобладающую неопределенность, сохранившиеся тексты свидетельствуют о том, что брахманизм находился в обороне начиная с V в. до н.э. и до окончания периода правления Ашоки. Безусловно, старое ведическое учение с его тщательными разработками в Брахманах и Упанишадах продолжали изучать в брахманских школах. Были сделаны новые комментарии к древним текстам и их краткие изложения – так называемые сутры (сутра буквально – связующая нить), которые пытались приспособить традиционную доктрину учения к обширному спектру ритуальных и повседневных обстоятельств, в рамках которых находился набожный брамин. Кроме того, все увеличивавшееся расхождение между разговорной речью и сакральным языком Вед породило впечатляющую, порой даже заумную лингвистическую науку. Великим памятником новой науки стала грамматика санскрита Панини, написанная, вероятно, в IV в. до н.э. Эта книга кодифицировала правила «классического» санскрита – языка, не идентичного тому, на котором написаны Ведаы, но происходящего непосредственно от него⁶.

Вообще похоже, что брахманам было трудно приспособиться к переменам на социальной сцене Индии. Возвышение городов, где торговый и ремесленный люд жил бок о бок с людьми, стоящими социально выше их по праву рождения, плохо уязвлялось с соблюдением установленных обрядов и запретов брахманистской религии. Различные сутры прямо запрещали, например, путешествовать на судах, да и Ведаы не предусматривали каких-либо указаний для жизни в городской среде. О городах в сутрах либо умалчивалось, либо говорилось пренебрежительно⁷.

Буддийские писатели рисуют куда более разнообразные картины индий-

⁶ Кроме текстов для обучения и священных писаний, конечно, существовала устная форма героической литературы на санскрите, ублажавшая вкус царей и воителей. В особых ритуальных действиях священнослужители-брамины декламировали происходившие от этой светской традиции стихи, чтобы восславить и освятить предков своих благородных покровителей. От такого слияния светских и религиозных литературных жанров позже произошла индийская эпическая поэзия.

⁷ См. *Cambridge History of India*, 1, 237, 240, 248; A.L.Basham, *The Wonder That Was India*, p.231.

ского общества. Купцы с их путешествиями в дальние края – положительные герои многочисленных назидательных и религиозных повествований. Подобные сюжеты составляют большую часть буддийской литературы; но в этих работах сохранены лишь случайные следы гордости и чувств, связанных с ритуальной чистотой происхождения, столь характерных для брахманистских записей. Скорее всего, это определяется тем, что буддизм (как и джайнизм) апеллировал в основном к городскому населению Индии. Тот факт, что ранние буддийские монахи проповедовали на языке улиц и не использовали столь темный и полуархаичный язык, как санскрит, очевидно, помог им завоевать массового слушателя.

Основной проблемой как для буддистов, так и для джайнистов оказалось четкое определение своих догматов веры. Сохранившиеся записи содержат ясные отголоски споров и расколов, сотрясавших обе эти религии. Признать священное писание непререкаемой нормой означало бы естественным способом ограничить богословские споры. Однако индийские буддисты с характерной для них страстью создали несколько сборников священных текстов, но так и не смогли создать законченный канон, не говоря уже о том, чтобы установить, какая из многочисленных версий легенды либо проповеди единственно верная⁸. Император Ашока, похоже, попытался внести некий порядок в подобную неразбериху, созвав высшее духовенство к себе на совет; но если это и так, он не счел возможным упомянуть о таком совете в своих знаменитых указах, высеченных на камне. Эти указы представляют собой единственно несомненный источник датировки событий этого периода.

Надписи, высеченные на камнях и колоннах и известные как указы Ашоки, говорят о том, что император перешел в буддизм после юношеского разочарования в излишне жестоких традиционных методах управления государством. В начале своего царствования Ашока вторгся в последнее значительное индийское государство, которое не было завоевано его дедом, и после кровавой борьбы покорил его. После этого он отказался от военных действий в пользу завоеваний духовных и организовал целый ряд миссий по распространению буддизма, как в собственных, так и в соседних землях⁹. До тех пор буддизм успешно распространялся по восточным и южным

⁸ Версия священных буддийских текстов, записанных на языке пали, одном из разговорных диалектов, распространенных при жизни Будды, вероятно, содержит более древний и аутентичный материал, чем другие сборники. Тем не менее более поздние вставки вносились и в палийский канон по крайней мере до 500 г. н.э. и прекратились лишь потому, что разговорный язык в Индии эволюционировал, а язык палийских текстов остался языком посвященных и, следовательно, сакральным, нелегко поддающимся вмешательству.

⁹ Миссии посылали (возможно, в 255 г. до н.э.) ко двору Селевкидов и Птолемея, к правителям Македонии, Эпира (?) и Киренаики (современная Ливия); но никаких эллинических записей об их прибытии не сохранилось.

окраинам арийской Индии, где брахманизм имел лишь некоторое влияние среди коренных народов¹⁰. Миссионерские акции Ашоки утвердили буддизм по всей Индии и на Цейлоне, а также по меньшей мере создали для него плацдарм в Центральной Азии.

Религия, привлекавшая симпатии Ашоки, для распространения которой он сделал так много, к тому времени уже довольно сильно отличалась от учения метафизического пессимизма и нравственной дисциплины, которое, вероятно, проповедовал Гаутама Будда. К исконному ядру учения был добавлен слабо развитый массовый культ, сосредоточенный вокруг ступ (святилищ), воздвигнутых над останками святых¹¹, либо в других священных местах. Колонны и деревья, олицетворяющие дерево, под которым Будда достиг просветления, также часто связывались со ступами.

Путем таких модификаций буддизм постепенно влился в среду старинных местных обрядов. Для святилищ и божеств иного, не буддийского, происхождения почитание реликвий легко приняло буддийские формы, а сам характер изображений Будды все более склонялся к сверхчеловеческому виду. Величайшие храмы и места поклонения стали связываться со знаменательными датами в жизни Будды либо создаваться вокруг мест хранения его останков, которые, согласно божественной традиции, были разделены по нескольким ступам сразу же после его смерти. В дальнейшем распространение культа происходило благодаря набожности Ашоки, который построил множество новых ступ вокруг земных останков Будды в разных частях своих обширных владений.

При государственной поддержке и с кульгом, доступным самому простому пониманию, буддизм стал широко распространенной в Индии религией. Для самого Ашоки и, возможно, для большинства его единоверцев учение и ритуал буддизма были связаны с высоким и всеобъемлющим нравственным законом. Основная тема высеченных указов Ашоки подтверждает это: наставления призывают подданных вести себя в соответствии с дхармой. Его, Ашоки, собственное определение дхармы, как это представлено в

¹⁰ Nalinaksha Dutt, *Aspects of Mahayana Buddhism and Its Relation to Hinayana* (London: Luzac & Co., 1930), pp. 14-21. В дополнение к традиционным религиозным центрам в долине Ганга, где проповедовал сам Будда, его ученики образовали, по-видимому, и другой центр на западе Индии, в царстве Аванти. Возможно, именно здесь палийский канон священных буддийских писаний принял окончательную форму. См. *Cambridge History of India*, I, 184-85; A.L.Basham, *The Wonder That Was India*, p.391.

¹¹ Форма и план построения буддийской ступы происходит от простых могильных холмов. Похоже, идея ступы состояла в почитании останков умершего. Для святого создавалась насыпь со специальной полостью, позволяющей живущим получить непосредственный доступ к источнику святости. Очевидно, отсюда и круглый купол ступы с доступом через узкий проход в небольшое внутреннее помещение, где и покоились реликвии. См. A.L.Basham, *The Wonder That Was India*, pp.262-63.

Археологический обзор Индии (Archaeology Survey of India), Нью-Дели.

Департамент археологии, правительство Индии (Department of Archaeology, Government of India).

Департамент археологии, правительство Индии (Department of Archaeology, Government of India).

ИНДИЯ АШОКИ

Энергично очерченные усатые львы из Сарнатхи (фото слева вверху) заметно отличаются по стилю от более мягко выполненного быка из Рампурвы (фото справа). Оба изваяния первоначально венчали колонны, воздвигнутые императором Ашокой в III в. до н.э. Оттиск печати из Мохенджо-Даро (внизу) предполагает заимствование основного мотива и, возможно, даже пластической идеи из древней культуры долины Инда. Напротив, в замысле и исполнении капители со львами ясно прослеживаются истоки Среднего Востока и даже эллинизма. Тем не менее скульпторам Ашоки не составляло особого труда комбинировать инокультурные заимствования с местными традициями и мотивами — что на практике хорошо проиллюстрировано буддийским «колесом закона», украшающим цоколь, на котором располагаются львы, и средиземноморским по происхождению мотивом пальметты, расцветающей под ногами быка.

заимствования с местными традициями и мотивами — что на практике хорошо проиллюстрировано буддийским «колесом закона», украшающим цоколь, на котором располагаются львы, и средиземноморским по происхождению мотивом пальметты, расцветающей под ногами быка.

так называемом Указе второй колонны, было следующим: «Дхарма – благо. Но из чего состоит дхарма? Она состоит из немногих грехов и многих добродетелей, благодати, великодушия, правдивости и чистоты»¹². Если рассмотреть это определение подробнее, то дхарма в понимании Ашоки требовала от различных религиозных групп в его царстве терпимости и взаимного уважения, а также воздержания от убийства животных и людей. Он запретил жертвоприношения животных, приведя тем самым требования государственной власти в противостояние со старыми ведическими ритуалами, которые включали такую жертву. Сам Ашока отказался от охоты и войны, этих традиционных спортивных состязаний царей в Индии, как, впрочем, и в других землях.

Как религиозный человек Ашока, конечно, был одним из самых ярких личностей Индии, когда-либо занимавших трон. Но он был также и императором с притязаниями на мировое господство и в этом качестве, подобно своему отцу и деду, прежде всего заслуживает эпитета «филэллин»¹³. Идея всемирной империи, очевидно, пришла в Индию из ахеменидской Персии. Археологические данные дают конкретные доказательства сходства между дворцовыми зданиями в Персии и в империи Маурьев. В качестве примера можно привести дворец Маурьев в Паталипутре, который был построен вокруг большого зала с колоннами совершенно в стиле Персеполиса. Еще интереснее данные о близком сходстве скульптуры Маурьев с персидскими (да и греческими) образцами¹⁴.

Греческая концепция приоритета государства над всеми сторонами деятельности отдельного человека, вероятно, также привлекала правителей Маурьев, и они, возможно, пытались установить эффективное бюрократическое правление, подобное правлению Птолемея в Египте. И все же по отношению к основным событиям в период правления Маурьев существует значительная неопределенность, поскольку подлинность основного источника сведений о правлении Маурьев, Артахашастры, весьма сомнительна¹⁵.

¹² N.A.Nikam and Richard McKeon (eds.), *The Edicts of Asoka* (Chicago: University of Chicago Press, 1959), p.41.

¹³ Этот эпитет дан королю Палиботры (т.е. царю столицы Маурьев, Паталипутры) греческим историком Диодором Сицилийским (I в. до н.э.), II, 60.

¹⁴ Скульпторы, вырезавшие венчающих столпы Ашоки львов, возможно, были греческими либо иранскими мастерами, приглашенными двором с целью заложить в Индии школу каменной скульптуры. См. Niharranjan Ray, «Mauryan Art», in K.A.Nilakanta Sastri, *Age of the Nandas and Mauryas*, pp.356-61. Известные указы Ашоки, вырезанные в камне, также заимствованы из ахеменидских обычаев; даже в деталях эти тексты совпадают с известной Бехистунской надписью, высеченной по приказу Дария Великого.

¹⁵ Не исчерпана острая полемика по этому вопросу. Утверждается, что эта книга написана брамином по имени Каутилья, который служил первым министром при Чандрагупте и, согласно легенде, много сделал для успешного захвата власти и дальнейших побед своего пра-

Хотя вне зависимости от того, действительно ли эта книга описывает реальные обычаи управления государством, Артхашастра несет сильный отпечаток эллинистических идей. В частности, учение о том, что царский закон обладает высшим приоритетом, отвергало священную традицию и обычаи и не было присуще ни более ранней, ни последующим индийским традициям¹⁶. Мы, вероятно, должны интерпретировать Артхашастру не столько как описание повседневной практики, а скорее как сборник советов для правителя о том, как максимизировать свою власть¹⁷. Рассмотренную в таком свете Артхашастру, как и административные и военные усилия Маурьев вообще, можно интерпретировать как попытку внедрить в непокорное социальное тело Индии греко-иранское понимание верховной власти, противопоставленной всем иным формам человеческого объединения¹⁸. Тем не менее на практике правление Маурьев было, несомненно, основано на более древних традициях царства Магадха. И хотя Чандрагупта и его последователи, возможно, были ослеплены блеском эллинистической концепции правления, существовал традиционно индийский пласт общества, представления которого в конце концов и стали преобладать¹⁹.

Подведем итоги: развитие Индии ко времени вторжения Александра Великого следует курсом, заданным в V в. до н.э., а то и раньше. С установлением новых тесных взаимоотношений между Индией и эллинистическим миром, которое последовало за походами Александра, и с возвышением в самой Индии «филэллинской» династии Маурьев инородное влияние на индийское общество, хотя все еще относительно поверхностное, стало очевидным. Царское окружение покровительствовало западному стилю в искусстве и, возможно, греко-иранским воззрениям в политике и в методах управления государством. За пределами двора, однако, иностранное влияние, похоже, было незначительным еще долгое время после эпохи Маурьев, пока

вителя. Суммирование аргументов «за» и «против» происхождения Маурьев приведено в К.А. Nilakanta Sastri, *Age of the Nandas and Mauryas*, pp.190-201. Каким бы ни было ее происхождение, окончательную форму Артхашастра скорее всего приобрела не ранее 300-х гг. н.э. См. A. Berriedale Keith, *A History of Sanskrit Literature* (London: Oxford University Press, 1928), p.461.

¹⁶ «Всякий раз, когда священный закон вступает в конфликт с разумным законом [или, по другим переводам, – королевским законом], решение будет приниматься верховной властью...». Артхашастра, III, 1, цитируется по R. Shamasastri, *Kautilya's Arthashastra* (Mysore: Wesleyan Mission Press, 1929), p.171. Г.-н Шамасастри предлагает также альтернативные переводы.

¹⁷ См. «Государь» Макиавелли.

¹⁸ См. мнение К.А. Nilakanta Sastri: «...система администрации Маурьев, подобно искусству Маурьев, была в некоторых своих частях весьма экзотична – ее можно рассматривать как некую интермедию, которая разрушила ход нормального самобытного развития». *Age of the Nandas and Mauryas*, p.190.

¹⁹ Анализ изваяний четко отражает янусоподобную двойственность общества Маурьев – главные города Ашоки с их львами в западном стиле сосуществовали с городами, вызывающими в памяти оттиски древних печатей из долины Инда.

более длительные и интенсивные экономические и военные контакты со Средиземноморьем не привели к глубокому проникновению эллинистического и римского влияния в индийское общество в целом.

2. КИТАЙ

В 500–100 гг. до н.э. Китай варился в своем собственном соку. До открытия Великого шелкового пути в I в. до н.э. сухопутная и морская связь между Китаем и Западной Азией была настолько незначительна, что не оставила заметного следа ни на одном из концов этого маршрута. И все же эти столетия были временем великого литературного и интеллектуального подъема в Китае, периодом, когда сформировалась классическая китайская интеллектуальная традиция.

Использование письменности для записи произведений литературы и для обучения стало нормой в Китае еще до Конфуция (ум. 479 до н.э.), так что, в отличие от Индии, неуловимая устная традиция не затрудняет работу современного историка. Еще со времен династии Хань китайцы с большим энтузиазмом сами занимались историческими исследованиями и сочинительством и сохранили довольно точные хронологии. Именно поэтому китайская история значительно лучше изучена, чем индийская. Хотя возникает значительная неопределенность при интерпретации старинных китайских текстов; сами записи в течение столетий неоднократно редактировались, и их не всегда можно принимать такими, как есть. Более того, само множество уцелевших материалов сильно усложняет выяснение основного направления развития Китая, и это притом, что политическая история предоставляется нам с непревзойденной точностью и есть возможность довольно объективно делать ряд социологических обобщений.

Между V в. и II в. до н.э. феодальное общество периода ранней династии Чжоу было уничтожено. Возникла гораздо более сложная общественная система, в рамках которой чиновники, ученые и купцы постепенно стали играть столь же важную роль, как и более старые классы крестьян и помещиков. В обществе происходят два ключевых изменения: во-первых, развивается новый тип землевладения, который заменяет старое феодальное устройство, и, во-вторых, появляются и быстро растут бюрократические административные системы при многочисленных правителях. Оба этих изменения связаны между собой, их можно рассматривать как аспекты распада старого социального строя с его иерархическим разделением коренного населения от завоевателей Чжоу, изначально державшихся особняком от своих подданных. Одновременно идет развитие денежной экономики, купе-

чества, рынков, городов и как следствие этого возрастает социальная мобильность.

Некоторые современные исследователи используют термин «возвышение дворянства» для описания изменений в землевладении в период между эпохой Конфуция и образованием ранней династии Хань. По-видимому, сущность изменений состояла в том, что отношения, построенные на более жесткой экономической основе между помещиками и крестьянами, заняли место традиционных, иерархически выстроенных взаимоотношений между вождями и их подданными. Как этот процесс происходил в действительности, доподлинно неизвестно. Но бесспорно, что одним из факторов было появление денег и рост рыночных отношений. Кроме того, для усиления власти и увеличения прибыли аристократия Чжоу стала назначать доверенных лиц для непосредственного взимания арендной платы с крестьянских семей²⁰ вместо традиционной схемы сбора подати с деревенского старосты.

Другим фактором был военный. Феодальную систему старого типа составляли потомки захватчиков племени Чжоу, которые, по обычаю, но отнюдь не автоматически должны были подчиняться своему правителю. Поэтому размер и военная мощь феодальных армий были сильно ограничены. Правители, стремящиеся увеличить свою военную силу, начали пополнять свои армии за счет крестьян. По мере происходящего большая часть аристократов-Чжоу постепенно утратила свой привилегированный статус и слилась с массой населения. С другой стороны, именно таким образом шло значительное увеличение могущества некоторых наиболее активных князей как внутри собственных владений, так и по отношению к внешним соперникам.

Но как только изменения традиционных связей в военной и экономической сферах стали общепризнанными, возник вопрос: какая часть старой феодальной иерархии, располагая новыми административными методами управления, может на практике воспользоваться плодами увеличения своей реальной власти и богатства? Сборщики налогов и военная свита мелких дворян образовывали бюрократию в миниатюре. Но они лишь в точности копировали структуру верхушки феодальной пирамиды, где князья в своей тяге к богатству и власти стремились создать мощную бюрократию, способную собирать налоги и войско на большой территории. И если бы поздние императоры из династии Чжоу не были беспомощными марионетками, центральная власть могла бы добиться того же результата. Очевидно, что стремление помещиков выжать как можно больше товаров и услуг из кре-

²⁰ Этих людей, находившихся по отношению к жителям деревни в положении чужаков и надсмотрщиков, нередко набирали из мелких бродячих торговцев, уже по роду своего промысла привычных к подобным же образом обезличенному и оторванному от деревенского обычая отношению к своим поставщикам и покупателям.

стьян вступало в противоречие с желанием местного правителя увеличить сбор налогов и численность армии, поскольку источник реализации этих задач был один и тот же. Такое резкое столкновение интересов, не регулируемое более ни законами, ни традициями, окончательно разрушало старую иерархическую систему Чжоу. И ничто, кроме грубой силы, более не было способно предотвратить окончательный распад.

Эти столетия истории характеризуются постоянными и все более кровопролитными войнами, в результате которых многие аристократические семейства Чжоу были истреблены либо изгнаны. Их земли перешли во владение к высочкам, готовым, с одной стороны, подчиняться верховной власти князя и исправно платить налоги, а с другой – уже свободным от пережитков общества со старыми иерархическими традициями и обязанностями. Так к 300 г. до н.э., когда значительно окрепший класс новых землевладельцев, так называемых дворян, всплывает на поверхность и начинает играть ведущую роль, в новом обществе мало что остается от прежних благородных традиций династии Чжоу²¹.

Укрепление княжеских династий во многом было облегчено усовершенствованиями в системе коммуникаций и прежде всего созданием сети каналов, которые, правда, приобрели особое значение в Китае только после 500 г. до н.э.²² Появление каналов интенсифицировало развитие сельского хозяйства и распространило его на новые земли благодаря усовершенствованиям в оросительных и осушительных системах. Каналы, кроме того, удешевили перевозку большого количества товаров на значительные расстояния. Общий эффект от введения каналов в эксплуатацию был поистине огромен. Сам ландшафт изменился: ранее сельское хозяйство было ограничено определенным типом местности, главным образом холмами с хорошим природным дренажем. Благодаря каналам и ирригационным работам прежние земельные угодья просто растворились на огромной площади новых обрабатываемых земель на ранее затапливаемых землях Северного Китая. Последствия этого процесса для княжеской власти были переломными. Введенные в оборот земли рассматривались как завоеванные, и поэтому ими управляли вне рамок старых феодальных отношений, т.е. поступали они непосредственно в распоряжение княжеской казны. Более того, сеть каналов и дорог, постепенно расширяясь по равнинам, позволила концентрировать большую

²¹ См. Wolfram Eberhard, *Conquerors and Rulers: Social Forces in Medieval China*, pp.8-17; Henri Maspero, *La Chine antique*, pp.134-37; Marcel Granet, *Chinese Civilization* (New York: Barnes & Noble, 1951), p.234. Термин «возвышение дворянства», конечно, заимствован из социальной истории Англии периода Тюдоров. Параллели представляются достаточно близкими, чтобы введение термина принесло пользу.

²² Karl A. Wittfogel, «The Foundations and Stages of Chinese Economic History», *Zeitschrift für Sozialforschung*, IV (1935), 40-42.

массу товаров в крупных городах, а это привело, в свою очередь, к возможности содержать дополнительное число чиновников и солдат. И наконец, совершенствование системы коммуникаций повлияло на торговлю и производство, что привело к появлению новых источников княжеских доходов в форме налогов и таможенных сборов²³.

Когда приграничные княжества показали, чего централизованная власть может достичь путем широкого освоения новых территорий, даже самые слабые и мелкие княжества Центрального Китая начали проводить сходную аграрную политику. Это решило исход дела не в пользу местной знати, поскольку ее богатства было недостаточно для принятия эффективных мер по контролю паводков. Однако победа князей была во многом иллюзорна, так как укрепление их власти внутри собственных княжеств приводило ко все более жестокой борьбе соперничающих князей. В результате многовековые войны привели к исчезновению одного княжества за другим, пока наконец в 221 г. до н.э. Ши-хуанди, правитель княжества Цинь, не стал политическим и военным властителем всего Китая.

Княжество Цинь обладало обычными преимуществами государства, находившегося на окраине цивилизованного мира; его воинское мастерство было отточено школой жестоких пограничных столкновений с кочевыми ордами северной степи. Поскольку князья Цинь тратили огромные силы на пограничную борьбу со степняками, сами они, по сути, оставались наполовину варварами. В частности, их жестокие методы борьбы и готовность пренебречь китайскими общественными и политическими традициями существенно отличали их от более цивилизованных соперников.

В определенном смысле Цинь Ши-хуанди пытался повторить достижения первых императоров династии Чжоу²⁴. Он решительно избавился от архаических форм правления и распространил власть Цинь на всю территорию Китая. Приблизительно восемь столетиями ранее династия Чжоу

²³ Вес, который придавался водному хозяйству в Древнем Китае, стал предметом научного спора. Карлом Виттфогелем была детально разработана теория, суть которой сводилась к тому, что «азиатский деспотизм» представляет собой особый и отдельный тип общественной организации, общий для Индии, Китая и отдельных частей Среднего Востока, и что этот деспотизм базируется на гидротехнике – в частности, на строительстве каналов и ирригации. См. его подробные разъяснения по этому поводу в работе: Karl A. Wittfogel, *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957). Подобно многим теориям с широкими обобщениями, эта теория, похоже, страдает от стремления объяснить многие явления одной причиной; идеи Виттфогеля, во всяком случае в отношении Китая, получили резкие возражения у многих других ученых, например, Eberhard, *Conquerors and Rulers*, pp.18–51; Henri Maspero and Jean Escarra, *Les institutions de la Chine* (Paris: Presses Universitaires, 1952).

²⁴ Фактически царство Цинь занимало тот же регион, откуда изначально происходила династия Чжоу, – долину Вэй.

проводила сходную жесткую политику. Однако при древнем уровне производства и общественной организации Чжоу установили систему правления, в основе которой лежало феодальное устройство в сочетании с более-менее автономной деревенской общиной и широким спектром ее старых местных обычаев. Режим Цинь был совершенно иным: централизованная и военизированная бюрократизированная система, принципиально (хотя и не всегда на практике) единообразная по всему Китаю.

Ши-хуанди провел в Китае важные и оставившие глубокий след реформы. Он разделил страну на провинции и префектуры, управляемые гражданскими и военными чиновниками, при строгой иерархической системе. Этот принцип, уже хорошо известный во многих соседних с Цинь княжествах, был сохранен и всеми последующими правителями Китая. Своим декретом он ввел новую стандартизированную систему правописания, основанную на принятом в Циньском княжестве каллиграфическом стиле, и эта реформа с дальнейшими упрощениями заложила основу китайской письменности²⁵. Ши-хуанди организовал также грандиозные общественные работы, из которых самой известной было возведение Великой китайской стены, а наиболее важной – организация тщательно разработанных систем дорожной и почтовой служб. Все это стало достоянием истории Китая на многие столетия²⁶.

Однако со временем китайское общество отвергло многие положения, присущие династии Цинь. Идея Ши-хуанди о том, что как император он обладает абсолютной властью, чья воля превышает обычаев, этикета или приличий, находилась в прямом противоречии с учением Конфуция. Чтобы подавить учение, подрывающее его режим, Ши-хуанди приказал в 213 г. до н.э. уничтожить все работы Конфуция и некоторых других авторов за исключением официальных копий, находившихся в императорских архивах. Последователи Конфуция никогда не простили этого и впоследствии систематически очерняли имя Ши-хуанди в своих исторических произведениях²⁷.

²⁵ Несомненно, использование кисти для письма, которое становится обычным с этого времени, значительное достижение по сравнению с бамбуковой палочкой, которой пользовались ранее. Движения кисти, однако, отличались от движений жесткой палочки, и это привело соответственно к изменению стиля начертания иероглифов. См. O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches* (Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1931), I, 239.

²⁶ Великая стена соединила воедино несколько стен, которые были построены раньше и были способны отразить набеги кочевников из северной степи. Точно так же система дорог объединила старые дороги и дала Китаю, как говорится, центральную нервную систему, а именно возможность всем без исключения быстро и безопасно передвигаться на большие расстояния. Каналы были хороши для более медленного движения тяжелых грузов, а дороги требовались именно для быстрого передвижения.

²⁷ Эти замечания о циньском объединении Китая взяты прежде всего из Derk Bodde, *China's First Unifier: A Study of the Ch'in Dynasty as Seen in the Life of Li Ssu* (Leiden: E.J.Brill, 1938).

По-видимому, даже такое жесткое государство, как Цинь, не сумело до конца изменить устои старого китайского общества, и авторитарный режим Ши-хуанди породил сопротивление. После его смерти в 210 г. до н.э. неопределенность престолонаследования дала толчок мятежу. В результате короткой, но бурной войны правителем Китая стал Гао-цзу – военачальник, который ранее был мелким чиновником. Так в 202 г. до н.э. была основана новая династия Хань.

Сначала Гао-цзу пошел на компромисс с феодальным принципом устройства государства и признал автономию правителей нескольких княжеств, на которые Китай прежде долгое время был разделен. Однако постепенно он ликвидировал большинство правителей этих княжеств, и со временем централизованное и организованное по типу Цинь бюрократическое государство возвращается. Это было, однако, новое государство; возврата к безжалостному милитаризму и централизации времен династии Цинь не произошло. Гао-цзу своим успехам во многом был обязан продуманной и мягкой политике по отношению к подчиненным, соперникам и подданным. Ядро новой ханьской бюрократии составили соратники Гао-цзу, но пополнение элиты осуществлялось и за счет «людей с превосходной репутацией и очевидной добродетелью»²⁸. На практике это были дворяне; а в течение двух последующих поколений также люди, воспитанные на конфуцианской классике и сформированных согласно конфуцианским идеалам.

Без сомнения, сильное стремление к мирной жизни, возникшее после стольких лет войны, способствовало консолидации и росту могущества династии Хань. Только единое государство представлялось спасением для страны, разделенной на мелкие княжества последние 500 лет, поэтому имперское правительство, которое правило мягко и гибко, чтит ученость и обеспечивало классу землевладельцев ведущую роль как в официальной, так и в неофициальной жизни страны, пользовалось широкой поддержкой. Даже когда после смерти Гао-цзу в 195 г. до н.э. наследником стал несовершеннолетний, а затем вообще ребенок, грубая дворцовая интрига, спровоцированная временным безначалием, не поколебала могущество и авторитет династии в стране.

Окрепнув после внутренних настроений, династия Хань направила энергию Китайской империи вовне, против конфедерации кочевых племен сюнну, которая в это время набирала силы на северо-западе. Более слабые народы Южного Китая также ощутили на себе военную мощь Ханьской импе-

²⁸ Перевод эдикта 196 г. до н.э. на который ссылка в: Homer H.Dubs (trans.), *The History of the Former Han Dynasty* by Pan Ku (Baltimore, Md.: Waverly Press, 1938), I, 18.

рии²⁹. На протяжении длительного царствования У-ди (140–87 гг. до н.э.), прозванного «воинственным императором», мощь объединенной Китайской империи неоднократно масштабно использовалась. Под его знаменами китайские войска покорили оазисы Центральной Азии и обеспечили непосредственный контакт между Китаем и цивилизацией Западной Азии. Завоевав часть Кореи, У-ди расчистил путь для проникновения китайской культуры в эту страну и Японию. Кроме того, в результате покорения Аннама (современный Вьетнам) и походов в Юньнань Китай вступил в соприкосновение с культурой Индии. Таким образом, как мы уже видели, именно эта стремительная и широкая экспансия китайского влияния и привела к окончательному формированию ойкумены в начале I в. до н.э.

Царствование У-ди, кроме того, определило важный поворотный пункт в культурной жизни Китая – именно он (ок. 136 г. до н.э.)³⁰ объявил конфуцианство официальной религией. Философия Конфуция стала оказывать все возрастающее влияние на императорский двор еще со времен Гао-цзу, так что У-ди лишь скрепил императорской печатью результат долгого процесса. В последующие столетия консервативная и гуманистическая ориентация конфуцианства оказала в высшей степени благотворное влияние на дворян Китая. Как наследники и преемники класса феодалов Чжоу они самой своей жизнью склонялись на сторону той философии, которая рационализировала и усовершенствовала старинный рыцарский кодекс поведения. Более того, конфуцианская концепция образования никогда не упускала из виду основных целей обучения правящей элиты. Так что, когда при династии Хань официальная карьера стала целью знатных честолюбцев, обучение по канонам конфуцианства, прямо нацеленное на отбор наиболее лояльных и способных должностных лиц, имело очевидное преимущество по сравнению с другими, более умозрительными либо субъективистскими философскими школами.

Возвращение благосклонного отношения к конфуцианству при династии Хань, означало отмену запрета на распространение трудов Конфуция, действовавшего при династии Цинь. Это, очевидно, потребовало кропотливого труда ученых по воссозданию старинных манускриптов с использова-

²⁹ Император Цинь уже показал, на что способен объединенный Китай, оттеснив к северу от Желтой реки кочевников и распространив власть Китая на юг, к побережью. И даже после падения мощи китайской империи эти южные регионы остались в пределах территории, контролируемой династией Хань. О завоеваниях династии Цинь см. O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, I, 228–29.

³⁰ Это, вероятно, было в том же году, когда У-ди принял предложение знаменитого ученого Дун Чжунсю, согласно которому «все, что выходит за рамки шести дисциплин либо искусств Конфуция, должно быть исключено из дальнейшего рассмотрения». Fung Yu-lan, *A History of Chinese Philosophy* (Peiping: Henri Vetch, 1937), I, 403.

нием различных источников, как письменных, так и устных³¹. Усилия, вложенные в задачу восстановления, а также трактовки конфуцианской классики дали китайской науке литературно-исторический опыт, не утративший актуальности и поныне³². Однако такая удивительная преемственность в изучении архаических текстов имела и отрицательные стороны. Дух древности, ограничивавшийся трактовкой канонических текстов, стал господствовать в интеллектуальной жизни Китая; более смелый полет мысли, которым подчас характеризовались прошедшие века, быстро пришел в упадок.

Такой процесс кристаллизации научных традиций был, возможно, не более чем естественным откликом на социальную и политическую стабильность, наступившую при династии Хань во всем Китае. Хаос и нестабильность, которые стимулировали интеллектуальные усилия в период враждующих государств, больше не терзали китайское общество в той мере, как раньше. Классическое наследие Конфуция было действительно впечатляющим, и овладение им открывало заманчивые возможности в продвижении по государственной службе. Таким образом, стимул к введению радикальных либо энергичных интеллектуальных нововведений просто испарялся³³.

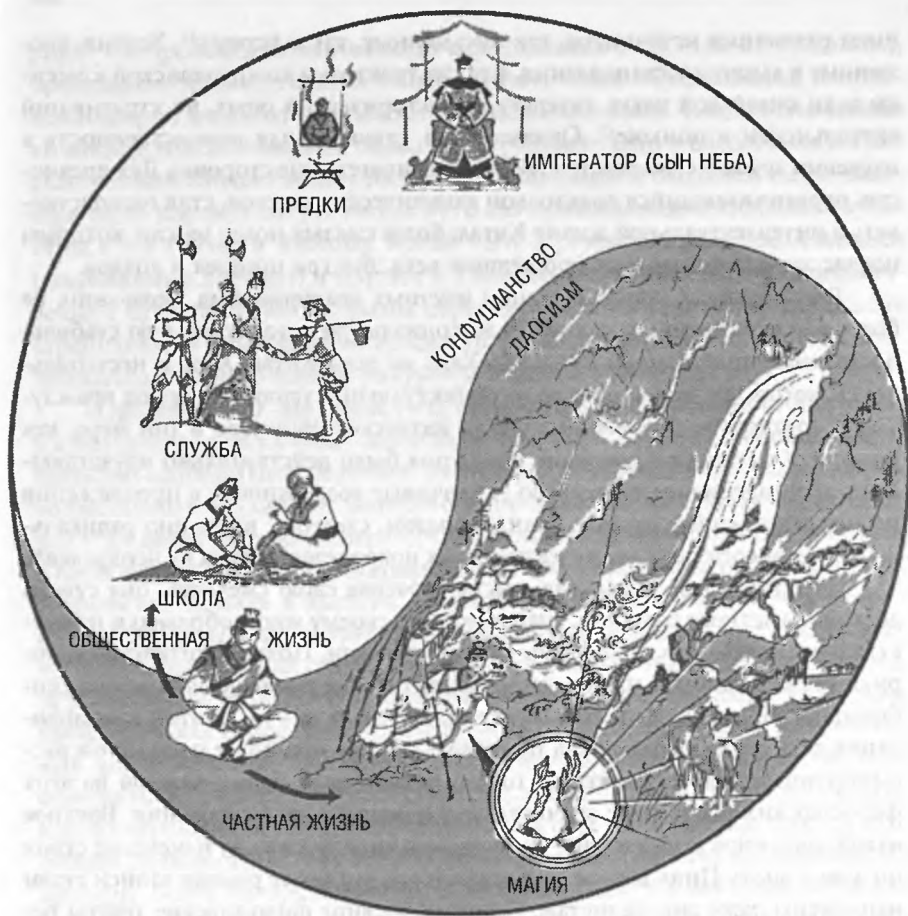
Но прежде чем китайская мысль утратила свою смелость, она сумела достичь заметного расцвета, сравнимого по своему многообразию и изяществу идей лишь с достижениями Греции и Индии. Позднее китайские историки стали различать шесть основных китайских философских школ: конфуцианство, моизм, даосизм, легализм, логизм и инь-ян. В этой классификации есть определенная доля произвольности – при более подробном рассмотрении можно отметить не только размытость границ каждой из этих философских школ, но и значительные взаимные заимствования. Вольное изложение основ этих учений – дело рискованное, поскольку изменение стиля письма в эпоху Цинь вскоре привело к тому, что более ранние записи стали непонятны даже специалистам. Поэтому древние философские тексты редактировались, а затем редактировались повторно в соответствии с воззрениями конфуцианцев периода династии Хань; их первоначальный смысл, в отличие от традиционных интерпретаций этих трудов конфуцианскими учеными, обычно ставится под сомнение³⁴.

³¹ Старые текст в любом случае нуждались в редактировании, поскольку введение нового каллиграфического стиля с использованием кисти сделало более древние рукописи недоступными даже для ученых.

³² См. Derk Bodde, *China's First Unifier*, p.166.

³³ Ср. с аналогичной трансформацией греческой философии в эллинистический период и особенно в римские времена.

³⁴ Как показано в работе: Joseph Needham, *Science and Civilization in China*, II, 109-11, возникают поразительные различия смысла одних и тех же даосских текстов в различных современных переводах.

МИР В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КИТАЙЦЕВ

Необходимо отметить, что китайское философское мышление, по-видимому, проявляло сильную практическую жилку – хотя такое мнение вполне может возникнуть из-за отбора старинных текстов ханскими учеными, которые определяли, какой из текстов должен быть сохранен, а какой нет. Однако конфуцианцы, моисты и легалисты были в первую очередь заинтересованы в исцелении общества от политических и общественных бед, которые особенно проявились в период вражды государств. Моисты создали чрезвычайно дисциплинированное полувоенное объединение, готовое к применению силы оружия в случаях, когда сила слова оказывалась недостаточ-

ной³⁵. Легалисты, в свою очередь, не только обеспечили Ши-хуанди юридической доктриной, оправдывающей его безжалостные военные меры, но и подготовили руководящий состав, проводивший эту политику. Даосисты и адепты школы инь-ян также стремились расширить свою власть и влияние, однако весьма необычно, а именно: попытками с помощью магии манипулировать силами природы. В ходе своих экспериментов они разработали сложные учения (на сегодня в значительной мере утерянные) о космологических, материальных и психологических явлениях. Кажется, лишь логисты позволили себе роскошь чисто интеллектуальной деятельности, не направленной на получение конечного результата в обозримом будущем; в своих пристрастиях к парадоксальным высказываниям они напоминали своих греческих современников из элеатической школы.

Из всех этих философских школ только конфуцианство и даосизм сохранились как характерные составные китайской культуры. По мере официального признания конфуцианство обзавелось рудиментарным культом, в котором почитали Мудреца (Конфуция. – *Прим. пер.*) как основателя истинного учения, превознося его более, чем просто великого человека³⁶. Построенное на основе «Пяти классических книг»³⁷, авторство которых было ошибочно приписано самому Конфуцию, обогащенное Книгой Мэн-цзы (371–289 до н.э.) (китайский философ, известный также как Менций. – *Прим. пер.*), а также произведениями и толкованиями других многочисленных, но малоизвестных ученых, конфуцианство, сформировавшееся в период раннего правления Хань, оказалось способно вобрать элементы соперничавших с ним философских школ и сбалансированно объединить здравый смысл Конфуция с канонизацией древней поэзии. И хотя политическая доктрина самого Конфуция была в значительной степени оставлена без изменений, Мэн-цзы придал ей более выраженный патерналистский оттенок, доказывая, что главный смысл существования правящей элиты в том, чтобы обеспечивать благосостояние народа³⁸.

Прецедент, обычаи предков, благопристойность и сыновнее благочестие; император, который правит с достоинством, окружая себя образованными придворными; общество, где каждый человек занимает свое законное

³⁵ Fung Yu-lan, *A History of Chinese Philosophy*, I, 81–84.

³⁶ Это произошло, однако, не ранее 59 г. н.э., когда император приказал всем школам чтить Конфуция, так что его культ в это время определенно отличался от общепринятого культа предков большинства китайских семей. См. J.K.Shryock, *Origin and Development of the State Cult of Confucius* (New York: Century Co., 1932), p.103.

³⁷ Это следующие книги: И-цзин («Книга перемен»), Сю-цзин («Книга истории»), Синь-цзин («Книга поэзии»), Чжоу-ли («Книга обрядов»), Цзюнь-цю («Анналы весны и осени»).

³⁸ Fung Yu-lan, *A History of Chinese Philosophy*, I, 111–13.

место и не возвышается за счет унижения другого человека, – вот что считалось идеалом. За долгий период китайской истории реальное приближение к нему происходило в той мере, в которой человеческое упорство способно реализовать любой идеал. Глубинный консерватизм конфуцианства вместе с впечатляющей обоснованностью его учения, богатство его литературы, а также фундаментальные образовательные и политические институты, основанные для его вечного продолжения, – все это вместе обеспечило Китаю удивительную стабильность, беспрепятственно проведенную его через все династические изменения и легко восстанавливающую имперскую структуру государства вновь и вновь. Никакая другая великая цивилизация не имела такой удивительной истории.

Даосизм сыграл совершенно другую роль в жизни Китая. Он стал более личностной, даже анархической доктриной, обращенной к конкретному человеку независимо от официального статуса. Человек, проводящий жизнь за работой на собственной земле и обладающий достаточным временем для общения со своей душой, находил даосистские учения особенно привлекательными, поскольку они позволяли ему многое постичь и надеяться на возможность управлять загадочными силами природы³⁹. В среде таких посвященных словесный парадокс и гипербола, а также попытки продления жизни и привлечения сверхъестественных сил слились с собственно философскими аспектами учения. В сущности, даосизм предложил поэтическую альтернативу прозаическому здравому смыслу и холодной сдержанности конфуцианства. Один и тот же человек мог придерживаться обоих философских учений одновременно без всякого усилия, поскольку конфуцианство было пригодно для общественного использования, а даосизм – для частной жизни и личных переживаний. Так, анархические и индивидуалистические элементы даосизма, делая понятие «организованный даосизм» противоречием по определению⁴⁰, указывают на то, что китайцы привыкли обустраивать свой эмоциональный мир в частном порядке, в отличие от других цивилизованных сообществ, передавших этот процесс религии.

³⁹ Возможно, хотя ввиду неоднозначности смысла даосских текстов нельзя утверждать с уверенностью, даосисты в период вражды государств в какой-то мере выражали чаяния более низких классов, в частности, низших слоев общества Южного Китая, где примитивная жизнь деревенской общины продолжала оставаться более неизменной, чем где-либо в стране. Именно поэтому и могло показаться, что даосизм предлагает самую обнадеживающую модель для реорганизации всего общества. См. J.Needham, *Science and Civilization in China*, II, 98-121, где даосисты изображаются как примитивные коммунисты. Недоставало только Маркса, чтобы объяснить им их же диалектическое место в мировой истории.

⁴⁰ Даосские монастыри существовали в Китае, но они возникали только как реакция на вызов для испытания, что было характерным для выражения буддийского мышления в ранние столетия христианской эры.

Именно этим и можно объяснить то, что государственное правление в Китае существовало свыше двух тысяч лет без публичной поддержки и эмоционально влиятельной религии. Таким образом, несмотря на почти полярные акценты, конфуцианство и даосизм составили единое целое, взаимодополняющая и обогащая друг друга, подобно двум половинкам символа инь-ян.

3. ДАЛЬНИЙ ЗАПАД: РИМ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В 336–146 ГГ. ДО Н.Э.

Жители Западной Европы настолько привыкли к тому, что их история выносятся на первый план, что будет не лишним подчеркнуть маргинальный характер римской и европейской истории в IV–III вв. до н.э. Только с 146 г. до н.э. римская Италия и Западное Средиземноморье начинают испытывать тот подъем в развитии цивилизации, который давно уже был присущ эллинистическому миру. И когда завоевание Востока наряду с социальным расслоением на родине подготовили путь для обретения внешних культурных ценностей, пышность иноземного величественного здания была столь подавляющей, что оказалась способна поглотить независимую римскую культуру – хотя и не раньше, чем латинская литература добавила что-то важное в эллинистическую симфонию.

Экспансия эллинистического стиля жизни в западные земли, населенные варварскими и полуварварскими народами, в точности соответствовала процессам, которые происходили примерно в то же время на окраинах других цивилизованных сообществ. Так, североиндийская цивилизация пустила корни на юге еще во времена Ашоки (ум. 232 до н.э.), и в последующие столетия Южная Индия проявляла гораздо большую независимость культурных традиций и стремление к самостоятельному развитию, чем земли Западной Европы. Сходным образом после прихода к власти династии Цинь (221 г. до н.э.) шла экспансия Китая на юг, распространившая влияние китайской цивилизации на обширные новые территории, тогда как на Востоке в период между III в. и I в. до н.э. Корея и Япония начинают создавать свои собственные варианты культурных систем, в основном на китайских моделях. Даже на Ближнем Востоке, где корни цивилизаций уходили в глубь веков и возможности для экспансии были крайне ограничены, в эти столетия шел процесс урбанизации в восточном направлении, в долины Амударьи и Сырдарьи, происходивший, как мы уже говорили, при правителях-греках и, следовательно, под общим впечатлением эллинизма.

И все же было одно серьезное отличие, так как Рим завоевал территорию самой Греции и быстро взял под свой контроль чуть ли не половину

древнего восточного мира. По сравнению с крайним эллинским Западом, юг Индии, а также восточные и южные окраины Китая были политически пассивны. В то время как Рим создал военную мощь, равной которой не было на всем Средиземноморье, народы, попавшие под влияние индийской и китайской культур на территории Азии, были сравнительно мирными и не только не могли покорить своих цивилизаторов, но наоборот, были покорены ими⁴¹. Таким образом, если развитие любой окраинной цивилизации Евразии привело к различию между старым центром цивилизации и новыми «колониальными» регионами, то политическое господство культурной колонии эллинизма над его центром породило совершенно особый тип общества.

Начальный этап возвышения Римской империи можно представить как пример успешной туземной реакции против внешнего влияния. Расположение Рима между центрами греческого и этрусского влияния в Италии дало ему преимущество перед конкурирующим центром туземной реакции, возникшем среди самнитских племен далее к югу. Но даже при этом понадобилась долгая и кровопролитная война с Самнитской конфедерацией (343–290 гг. до н.э.), создавшая предпосылки будущего римского господства в Италии. За поражением самнитов последовало покорение Римом Этрурии. После этой победы Риму удалось сравнительно легко установить контроль над греческими городами в Италии, несмотря на неудачи при первом столкновении с эллинистической военной машиной во всем ее могуществе, представленной армией царя Пирра из Эпира (282–272 гг. до н.э.). В результате к 265 г. до н.э. вся Италия к югу от Апеннин признала римское господство.

Завоевание и политическое объединение Италии лежали в основе последующих побед Рима. Для Италии, плотно заселенной решительным и сильным крестьянством, было характерно фактическое единство всех слоев общества, столь наглядно отсутствовавшее на эллинистическом Востоке. Именно поэтому после победоносного распространения своей власти над всей Италией Рим получил надежный запас военной силы, причем гораздо большей, чем любое государство-противник. Даже после того, как обезземелива-

⁴¹ Культурная граница Китая также, безусловно, перемещалась в ходе войн со степными кочевниками, да и подчинение всего Китая династии Цинь происходило военными методами, отработанными в пограничных столкновениях со степняками. Отношения царства Цинь и центра китайской цивилизации были весьма похожи на отношения Рима и эллинистического мира, но империя Цинь не пережила своего основателя. В Японии китайская культура тоже столкнулась с народом, обладающим, как и в Европе, воинской традицией. Но до XVI в. н.э. Япония не предпринимала никаких длительных и серьезных усилий, чтобы повторить подвиг Рима. Да и к тому времени расхождение между китайской и японской культурами стало гораздо глубже, чем в случае невежественного римского крестьянина, впервые раскрывшего рот перед роскошью Коринфа.

ние крестьян в ходе второй Пунической войны против Карфагена (218–202 гг. до н.э.) создало социальную напряженность на полуостров, число и выносливость италийских солдат, происходивших из крестьян, продолжали давать римским полководцам полное превосходство над их противниками.

Контраст между закоренелым индивидуализмом греческих городов и относительной легкостью, с которой Рим объединил всю Италию в своеобразную сеть союзников, отражал живучесть в Италии свободных и сравнительно гибких кантональных и племенных федераций. Верховная власть, которая никогда не была строго сосредоточена в территориальных или административных единицах, как в греческих городах-государствах, а скорее распределялась между родственными, территориальными, федеральными, религиозными и военными объединениями, вполне могла быть консолидирована в некую сверхфедерацию, контролируемую сенатом и римским народом без покушения на какие-либо укорененные местные взгляды. Греческие города Италии не могли так легко отказываться от собственной независимости, и когда с приходом Ганнибала, казалось, возникла некая альтернатива, часть из них предпочла отречься от верности Риму. Но когда Карфаген перестал быть для Рима серьезным соперником (202 г. до н.э.), то подавляющее превосходство в силе многочисленных народов Италии под руководством Рима не оставило греческим городам никаких шансов для выражения недовольства.

Первая и вторая Пунические войны (264–202 гг. до н.э.) сделали Рим империей. В ходе первой из них римляне впервые аннексировали заморские провинции, не входившие в италийскую систему союзов. Вторая Пуническая война, кроме всего, привела к значительным изменениям внутри самого италийского общества. Годы бесконечных войн сорвали с насиженных земель бывших крестьян, ставших воинами; а праздный городской пролетариат, который впоследствии начнет играть важную политическую роль, потянулся в Рим. Одновременно шел беспрецедентный для римлян процесс обогащения сенаторов и откупщиков (сборщиков налогов в провинциях).

Поскольку в то время в римском обществе происходило стремительное экономическое расслоение, «новые римляне» новой столицы средиземноморского мира вкусили привлекательность изящества и роскоши Греции. К ужасу ревнителей старых римских традиций, таких как Катон, нравы эллинистических городов начинают просачиваться в город на Тибре. Это просачивание вскоре переросло в настоящий потоп, когда после 146 г. до н.э. добыча из покоренного Коринфа, включающая многочисленные произведения искусства, была доставлена в столицу империи. Так Рим, одержав первые политические победы как поборник простых крестьянских нравов и борец

против морального разложения чужеземной цивилизации, сам попался в ловушку соблазнов той же цивилизации в ее эллинистической форме. Глубокая ирония заключается в том, что победы Рима в войне против более цивилизованных, но политически и социально разобщенных народов Восточного Средиземноморья привели к быстрой ассимиляции римской социальной структуры изнеженным Востоком, который победители столь презирали.

Хотя рост Римской империи и был доминирующим фактором развития территории эллинистического Ближнего Востока в этот период, Рим, однако, был не единственной силой, распространявшей свое влияние на это пространство. К северу от Альп с широкой территории в среднем течении Дуная племена кельтов продолжали атаковать более слабых соседей от Малой Азии до Атлантического побережья Европы⁴². Цивилизованный мир впервые ощутил мощь этих варваров только тогда, когда они прорвались в долину По в IV в. до н.э., опустошили Балканы и осели в Малой Азии в III в. до н.э. Но при всей их грозной мощи в битвах кельты удивительным образом потерпели неудачу в создании хоть сколько-нибудь устойчивой и масштабной военно-политической организации. Когда же кельты застыли в своем аристократическом спокойствии, эксплуатируя побежденные народы, они быстро потеряли свою первозданную военную силу. В качестве наемников и союзников Карфагена кельты представляли серьезную опасность для Рима, но после поражения Ганнибала от них уже не исходило никакой угрозы для Италии. Зажатая между обширными германскими племенами на севере, чья бедность превращала угонщиков скота в героев, и римскими армиями на юге, чья дисциплина быстро превращала вчерашних крестьян в легионеров, кельтская военная аристократия обнаружила, что к 150 г. до н.э. военный баланс в регионе решительно сложился не в ее пользу.

Такое положение обрело кельтскую культуру на раннее вымирание, за исключением фрагментов, сохранившихся лишь на самых западных границах Европы, вдоль Атлантического побережья, где влияние Рима никогда не было доминирующим. И все же между IV в. и I в. до н.э. кельты создали своеобразную протоцивилизацию, выраженную главным образом в развитой устной литературе: частично светской с прославлением подвигов древних героев, отчасти жреческой с элементами религиозной доктрины, космологии и культом бессмертия. Сообщества жрецов и бардов сохраняли и развивали эту литературу, а также вершили правосудие и предсказывали будущее. Поддерживая тайные связи вне зависимости от племенных границ,

⁴² Кельтские завоевания начались в VIII в. до н.э. и продолжались, по меньшей мере, до II в. до н.э.

кельтские религиозные общины придали некоторое единство кельтской культуре в Западной Европе⁴³.

Друиды Британии, Галлии и Ирландии, видимо, проповедовали вероучение, представляющее собой некий синтез индоевропейских форм поклонения и более древних традиций бронзового века, типа религии мегалитов. Западно-европейская цивилизация, возможно, выросла бы именно из этих истоков, если бы средиземноморская цивилизация не была столь близкой и величественной. Однако вышло так, что средневековые легенды о короле Артуре и немногие литературные источники, сохранившиеся от ранней христианской культуры Ирландии (IV–VII вв. н.э.), представляют собой чуть ли не единственный пример достижений кельтской культуры, причем даже та форма, в которой эти литературные источники дошли до нас, значительно изменена элементами средиземноморской культуры, главный из которых – христианство⁴⁴.

В. ЕВРАЗИЙСКАЯ ОЙКУМЕНА В 100 Г. ДО Н.Э. – 200 Г. Н.Э.

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Появление китайского гарнизона в Ферганском оазисе в 101 г. до н.э. практически ликвидировало географическую брешь, ранее отделявшую Китай от современных ему цивилизаций Западной Азии. Менее чем через 40 лет после этого границы Римской империи достигли верховий Евфрата и

⁴³ Галльские друиды, например, обычно отправлялись в Британию для изучения неясных положений своей религии. Юлий Цезарь, «Записки о Галльской войне», VI, 13.

⁴⁴ В этих заметках о кельтах я воспользовался консультациями Henri Hubert, *Les Celtes depuis l'époque de la Tène* (Paris: Renaissance du livre, 1932), pp.221-26; J.A.MacCulloch, *The Religion of the Ancient Celts* (Edinburgh: T. & T.Clark, 1911), pp.293-318 and *passim*; T.D.Kendrick, *The Druids: A Study in Celtic Prehistory* (London: Methuen & Co., 1927), pp.194-211 and *passim*; T.G.E.Powell, *The Celts* (London: Thames & Hudson, 1958).

Параллель между ранней культурой ариев на севере Индии и культурой кельтов в Западной Европе поразительна, и это часто отмечается. Однако это сходство культур перестает быть столь удивительным, если вспомнить, что север Индии и Западная Европа представляют собой два крайних предела экспансии воинственных степных кочевых племен бронзового века. На обоих этих флангах тогдашнего цивилизованного мира индоевропейские племена покорили архайчные и, по всей вероятности, управляемые жрецами общества — общества, которые в свою очередь имели отдаленную, но тем не менее реальную связь с изначальными центрами ранней цивилизации на Ближнем Востоке. Друиды и брахманы, возможно, потому так и походили друг на друга, что были продуктом сплава индоевропейского жречества со священными традициями соответственно обществ мегалитической культуры и древних обществ долины Инда.

впоследствии оставались на этом участке почти неизменными, несмотря на постоянные конфликты Рима с Парфией. В I в. н.э. (а возможно, и ранее) усиление Кушанской империи создало последнее звено между Парфией и Китаем, замыкая цепочку цивилизованных империй, которые теперь протянулись через всю Евразию от Атлантического до Тихого океана. На всем протяжении этого пояса цивилизациям Евразии противостояли кочевые племена, чьи постоянные набеги и миграции, подобно океанским волнам, разбивались о внешние границы оседлых сообществ. Противостояние с кочевниками было настолько важным, что политическая история евразийской ойкумены в значительной степени может быть истолкована как результат давления степных народов на различные сегменты цивилизованного мира.

По мере того как земли, пригодные для пастбищ, заполнялись степными кочевниками, борьба за контроль над ними приводила к образованию непрочных конфедераций между различными кочевыми племенами. Во время военных походов племена подчинялись единому вождю, но в мирное время происходил естественный процесс рассеивания племен по бескрайним просторам степей.

В конце III в. до н.э. одна из таких конфедераций в Монголии достигла таких размеров и сплоченности, что стала представлять серьезную угрозу самой Китайской империи. Китайским историкам это государственное образование известно как империя сюнну⁴⁵. Причем следует отметить, что решающим в процессе консолидации новой империи стала военная кампа-

⁴⁵ В своей высшей фазе империя сюнну раскинулась от Маньчжурии до глубинных районов Центральной Азии и господствовала над обитателями оазисов по всему пространству от Китая до Сырдарьи, так же как и над кочевыми ордами до самого Аральского моря. В федерацию было объединено большое число различных этнических групп, отличающихся по расовой и языковой принадлежности. Основная группа этих народов скорее всего говорила на тюркских языках и, вероятно, имела какое-то отношение к гуннам более поздней европейской истории. Этот вопрос неясен и спорен, так как между последними китайскими записями о продвижении сюнну на запад во II в. н.э. и сообщениями о появлении гуннов в Южной России в конце IV в. н.э. – большой пробел как хронологически, так и географически. В промежутке между этими датами оставались широкие возможности для распадов и воссоздания вновь военных союзов и альянсов между небольшими группами кочевников, в которых любое кочевое «государство» рассеивалось по степи на время перегона скота на новые пастбища. Так что преемственность между военно-политическим объединением, известным китайцам как сюнну, и аналогичным союзом, который европейцы знали как гуннов, очень сомнительна. См. William M. McGovern, *The Early Empires of Central Asia*, pp.87-121, 467-70; E.A. Thompson, *A History of Attila and the Huns* (Oxford: University Press, 1948), pp.43-46; Franz Altheim, *Reich gegen Mitternacht: Asiens Weg nach Europa* (Hamburg: Rowohlt, 1955), pp.27-29.

ния императора Цинь на беспокойные, однако с политической точки зрения раздробленные кочевые племена – соседей Китая⁴⁶, поскольку в 214 г. до н.э. Ши-хуанди вытеснил племена, ставшие ядром конфедерации сюнну, из Внутренней во Внешнюю Монголию. На новых территориях изгнанники создали отлаженную военно-политическую структуру, основанную на абсолютной покорности военному лидеру и строгом подчинении традиционной межплеменной вражды более важной верности военной конфедерации.

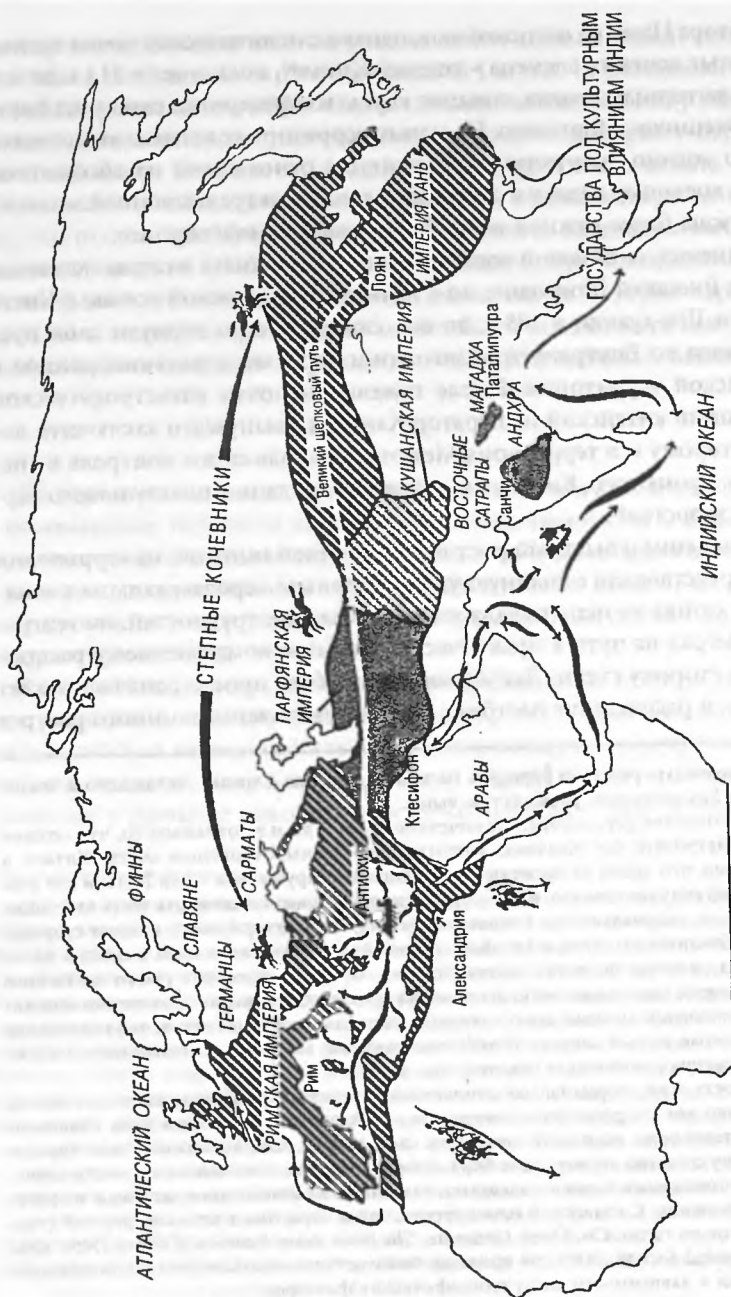
Без сомнения, сила новой военной организация была вначале испытана на племенах Внешней Монголии; но с началом гражданской войны в Китае после смерти Ши-хуанди в 208 г. до н.э. сюнну быстро вернули свои прежние пастбища во Внутренней Монголии и перешли к дальним рейдам в глубь китайской территории. После тяжелой и почти катастрофической кампании новый китайский император Хань был вынужден заключить договор, по которому вся территория Монголии отходила под контроль империи сюнну и, кроме того, Китай стал выплачивать дань в пользу нового варварского государства⁴⁷.

Возникновение и быстрый рост новой военной империи на территории Монголии представляли серьезную угрозу степным народам дальше к западу. Империя сюнну не испытывала ни политических трудностей, ни географических преград на пути к практически безграничному военному распространению в сторону степи. Любая военная победа просто означала захват новых земель и расширение пастбищ, а также увеличение военного ресурса

⁴⁶ Ср. осторожную реакцию варваров на проникновения Саргона Аккадского в пограничные области Месопотамии, упомянутую выше.

⁴⁷ Дипломатическое соглашение, заключенное в 200 г. до н.э., отражало то, что сегодня мы можем рассматривать как обычные, «нормальные» взаимоотношения между Китаем и кочевниками. Ясно, что время от времени эти соглашения нарушались – или Китаем для разгрома набравших силу кочевников, или степняками, пытавшимися завоевать часть либо даже весь Китай. Однако «нормальность» отношений регулярно подтверждалась обеими сторонами. Усилия по объединению степи и китайского сельскохозяйственного мира в единую политическую единицу никогда не имели успеха. То одна, то другая половина такого составного государства регулярно отделилась: либо завоеватели-кочевники начинали постепенно ассимилироваться и становиться чужими для оставшихся пастухами соплеменников, либо китайские воины, вынужденные жить и воевать, подобно кочевникам, выходили из повиновения императорскому окружению, далекому и чуждому для них.

Долговечность этих «нормальных» отношений определялась набором взаимных выгод, которые извлекали обе стороны по заключенному соглашению. Китайская дань позволяла военному правителю орды по-царски содержать свой двор и, что, возможно, было гораздо важнее, давала ему средство держать свое ближайшее окружение в лояльности и послушании, награждая их драгоценными дарами – шелками, изделиями из благородных металлов и другими предметами роскоши. С китайской точки зрения, такие дары были дешевой формой страхования от набегов из степи. См. Owen Lattimore, *The Inner Asian Frontiers of China* (New York: American Geographical Society, 1940), где приведен более детальный анализ этих многовековых взаимоотношений и зависимости их от географических факторов.

ПЕРВОЕ СМЫКАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ОЙКУМENE

империи за счет присоединения новых племен. Конечно, фактор расстояния все же накладывал определенные ограничения на размеры империи: без высокоразвитой почтовой системы распоряжения верховного вождя не могли быть эффективными за тысячи миль. Кроме того, если империя кочевников стремилась достигнуть сплоченности надолго, привычка к выполнению таких распоряжений могла быть привита только путем передачи местной власти человеку, чье влияние основывалось не на том, что он традиционный предводитель местного племени, а на том, что он назначен самим верховным вождем. Все эти положения были развиты империей кочевников в полной мере лишь в XIII в. н.э., когда монголы господствовали не только над всей евразийской степью, но и над сельскохозяйственными районами в Китае, Среднем Востоке и Европе. Однако во II в. до н.э. империя сюнну была во многом примитивной и неустойчивой структурой. После первой волны завоеваний в 209–174 гг. до н.э. вожди-победители неизменно обнурживали, насколько трудно контролировать союзные племена, чья верхушка подчинялась приказам, лишь когда считала, что может извлечь из этого непосредственную пользу.

Тем не менее военная мощь этой первой великой империи восточных степей привела к широкомасштабному переселению народов, ведь бегство было единственной альтернативой покорению. Многие кочевники подчинились, но некоторые предпочли бежать в более богатые и относительно безопасные земли к западу и к югу. Их движение дало толчок охватившей всю Евразию волне миграций. Таким образом, в результате политической консолидации сюнну в Монголии впервые степной градиент проявился в полную силу.

Протагонистами последующих политических потрясений стали ираноязычные народы; поскольку саки и кушаны в Афганистане и Индии, парфяне в Иране и сарматы в Южной России, похоже, говорили на иранских диалектах. Бегство этих народов из центрально-азиатских степей освободило пространство для тюркоязычных племен⁴⁸; а их завоевания отодвинули политические границы эллинизма обратно к Евфрату.

Подробности, а иногда и общая картина этих миграций и завоеваний,

⁴⁸ Действие степного градиента повернуло вспять поток, приведший ранее первых крестьян-земледельцев, затем колесницы и, наконец, всадников-кочевников с запада на восток через оазисы и степи Азии. Таким образом, запущенное во II в. до н.э. этноязыковое течение продолжало действовать на протяжении около 1600 лет и привело сперва тюрков, а со временем монголов далеко на запад. Это движение вновь было обращено вспять уже в новое время с колонизацией и завоеванием Сибири и Средней Азии русскими.

к сожалению, неясны. Хронологическая неопределенность окружает центральное событие всей драмы – консолидацию Кушанской империи⁴⁹, временно закрывшей границу между Ираном и степью для новых вторжений кочевников и вследствие этого создавшей политический климат, благоприятствовавший караванной торговле, которая связала Индию, Китай и Ближний Восток крепче, чем когда бы то ни было. Однако общая канва событий представляется довольно ясной. Ни Рим, ни Китай на обоих оконечностях ойкумены не были глубоко затронуты военными и политическими процессами, происходившими в степях, аж до конца II в. н.э. Развитие этих государств, следовательно, происходило главным образом на основе внутреннего баланса сил; поразительное сходство между римской и ханьской историей можно отнести за счет сходства социальных структур двух империй.

Посреди Евразии, однако, волны, поднятые империей сюнну, были ощутимы весьма остро, когда массированное вторжение племен юэчжи⁵⁰ и саков привело к смене политического режима в Восточном Иране. Заметной жертвой этого переселения народов стало Греко-Бактрийское царство⁵¹. Парфия выдержала натиск гораздо успешнее. Хотя начальный шок от набегов саков заставил парфянских монархов ослабить хватку на Месопотамии (которую они только недавно завоевали у Селевкидов), при царе Митридат II (123–87 гг. до н.э.) это государство снова воспряло. В результате многие сакские князьки признали верховенство Парфии, а на западных границах Митридат смог построить могущественную империю, объединившую Западный Иран с Месопотамией и Арменией. Через сто с лишним лет на восточных границах Парфии возникла Кушанская империя. Консолидация кушанской мощи вытолкнула орды саков из Бактрии в Индию, где они со-

⁴⁹ Ученые, оценивая начало кушанской эры, приводят даты начиная с 80 г. до н.э. и до 278 г. н.э. См. Louis de la Vallée Poussin, *L'Inde aux temps des Mauryas et des barbares, Grecs, Scythes, Parthes, Yuetchi* (Paris: E. de Boccard, 1930), pp.343–74. Самое свежее исследование, с которым я ознакомился, осторожно предполагает, что консолидация империи произошла около 46 г. н.э.; но надежного подтверждения этому по-прежнему нет. Roman Ghirshman, *Bégram: Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans* (Cairo: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1946), pp.118–24.

⁵⁰ Племена, известные под этим именем китайским историкам, бежали из современной провинции Ганьсу около 165 г. до н.э. Они сначала обосновались в районе реки Или в современном Казахстане, а затем перекочевали далее на запад в нынешний Афганистан, где, вероятно, часть их составила ядро Кушанской империи. В научный обиход не вошло никакое другое название для юэчжи, несмотря на то, что китайский термин может ввести в заблуждение, будучи применен для обозначения ираноязычного народа. См. Berthold Laufer, *The Language of the Yüeh-chi or Indo-Scythians* (Chicago: R.R.Donnelley & Sons, 1917); Sten Konow, «On the Nationality of the Kusanas», *Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft*, LXVIII (1914), 85–100.

⁵¹ Несколько греческих правителей еще удержались в течение столетия после этого к югу от Гиндукуша.

здали ряд мелких государств. Кушаны, однако, вскоре последовали за своими побежденными соперниками на юг и покорили большую территорию Северо-Западной Индии в дополнение к своим владениям по северную сторону гор⁵².

Консолидация Кушанской империи привела к отклонению маршрутов степных миграций к северу. В результате орды сарматов, прорвавшись в промежутки между Каспийским морем и Уральскими горами, вытеснили частично эллинизированных скифов с богатых пастбищ в Южной России и на Нижнем Дунае. Вследствие этого римские легионы, расквартированные на Дунае, в 172 г. н.э. впервые встретили носителей полностью развитого степного способа ведения войны – сарматов⁵³. Но как раз незадолго до первого документированного столкновения между римскими и сарматскими воинами произошел распад самого изначального источника военно-политического возмущения в степях – империя сюнну, не выдержав долгих войн с китайцами и раздираемая внутренними неурядицами, пала около 160 г. н.э. под ударами нового завоевателя, пришедшего из земель к северу от Монголии⁵⁴. Впрочем, и новая победоносная конфедерация кочевников не пережила своего основателя; племена восточной степи вернулись назад к состоянию военной распыленности, что дало их соседям передышку более чем на столетие.

Два аспекта цивилизованного отклика на эти степные миграции заслуживают внимания. Во-первых, отступление эллинистического владычества из Месопотамии и Ирана не привело к искоренению эллинистической культуры в этих землях. Парфянский двор был сам, по крайней мере поверхностно, эллинизирован⁵⁵; и цари продолжали «филэллинскую» политику по отношению к городам своей империи. Даже полуварвары-саки, столкнувшись с необходимостью править страной с прочно устоявшейся городской

⁵² Ход этих событий весьма неясен, и хронология установлена неудовлетворительно. Среди племен, вторгавшихся в Индию, явно были как парфяне, так и саки, – возможно, потому, что некоторые саки продолжали считать себя парфянскими подданными. Большинство из сакских княжеств было позже включено в Кушанскую империю; но некоторые правители далеко затерянных государств («сатрапы Уджжайна») пережили кушан и, возможно, никогда не признавали над собой никакой чужой власти, разве что в наиболее общем смысле. Ср. *Cambridge History of India*, I, 563-85; La Vallée Poussin, *L'Inde aux temps der Maurayas*, pp.261-328.

⁵³ См. Michael I. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, pp.113-46.

⁵⁴ Это событие, вероятно, отмечает первое появление монгольских племен на исторической сцене. См. René Grousset, *L'Empire des steppes* (Paris: Payot, 1939), pp.73, 93-94.

⁵⁵ Согласно Плутарху (Жизнь Красса, 33), цари Парфии и Армении, только что скрепившие союз династическим браком, смотрели представление пьесы Еврипида «Вакханки», когда посланники с поля битвы при Каррах бросили на сцену отрубленную голову Красса. См. Nelson C. Debevoise, *A Political History of Parthia* (Chicago: University of Chicago Press, 1938), p.93.

жизнью и сельским хозяйством, решили опереться на эллинистическую культуру в той мере, в какой это позволяли их простые привычки⁵⁶.

Во-вторых, парфяне смогли выдержать, а затем и повернуть вспять натиск кочевников, потому что они выработали новое сочетание вооружения и тактики, эффективное против степных конных лучников. Ключевым элементом было выведение породы высоких сильных лошадей, способных нести на себе столько доспехов, сколько требуется, чтобы сделать и лошадь, и всадника неуязвимыми для стрел⁵⁷. Отряд конных латников может спокойно стоять, пережидая нападение кавалерии степняков, отвечая стрелой на стрелу, пока не иссякнут стрелы и не устанут кони нападающих, тогда последняя решающая атака с большой вероятностью сможет сломить боевой дух и рассеять войско степных агрессоров. Тяжелая кавалерия едва ли способна настичь легких степных лошадей; но отряды латников в состоянии преградить доступ степным лучникам в любые пределы и превратить их отступление в бегство. В итоге введение тяжелой конницы – или катафрактов, как их позднее называли византийцы, – установило довольно точное равновесие между степным и цивилизованным способом ведения войны. Кочевники не могли перенять новый цивилизованный тип доспехов, так как открытая степь не дает достаточного фуража, чтобы содержать больших лошадей⁵⁸. Аналогично цивилизованная кавалерия не могла проникать да-

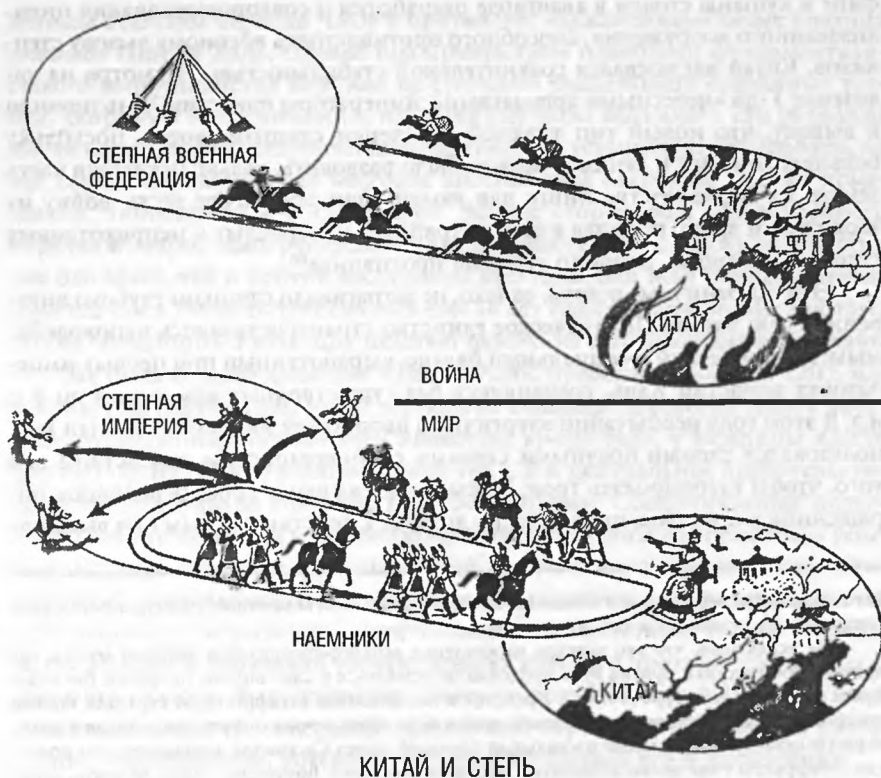
⁵⁶ Римляне, выжившие в Галлии эпохи Меровингов, представляют грубую параллель с ситуацией в Бактрии при власти саков.

⁵⁷ Эксперименты с доспехами для защиты от конных лучников начались вскоре после того, как зародилась тактика степной легкой конницы. Геродот сообщает, например, что массагеты, населявшие приблизительно тот же регион, откуда позднее пришли парфяне, защищали своих лошадей металлическими нагрудниками в 530 г. до н.э. См. Геродот, т.1, 215.

Следовательно, в I в. до н.э. новшеством была не сама идея, а масштаб, в котором были использованы защитные доспехи, и сила лошадей, позволившая латной коннице сохранять жизненно необходимую подвижность даже под тяжестью металлической защиты. Одна из теорий гласит, что большая лошадь Восточного Ирана была выведена в результате скрещивания разных пород. См. W.W.Tarn, *Hellenistic Military and Naval Developments* (Cambridge: Cambridge University Press, 1930), pp.77-83. С другой стороны, открытие, что лошадей можно кормить запасенной люцерной и таким образом обеспечивать им полноценное питание круглый год, может вполне удовлетворительно объяснить выведение породы больших сильных лошадей. Из китайских источников ясно, что великолепные «небесные аргамаки», казавшиеся столь ценными императору У-ди, что он отправил за образцами новой породы экспедицию в Ферганскую долину, питались люцерной, которую затем специально ввезли в Китай (вместе с виноградом) в результате еще одной экспедиции (101 г. до н.э.) См. W.P.Yetts, «The Horse: A Factor in Early Chinese History», *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, IX (1934), 231-55.

⁵⁸ На более увлажняемой западной части степей этот фактор был не столь существенным; и сарматы действительно содержали довольно большие силы конницы нового типа. Возможно, в этом заключалось их главное превосходство над скифами.

Далее к востоку престиж (и красота) больших лошадей сделали их предметом роскоши, который вожь стремился содержать даже ценой больших расходов. На Алтае вождей хорони-

леко в степи без того, чтобы самим освоить (как китайцы, собственно, и сделали) тип легкой конницы. Наступила тысячелетняя патовая ситуация, когда каждый тип кавалерии имел решающее преимущество в родном окружении, но не мог проникнуть в пределы соперника за исключением единичных случаев, когда военная организация и социальная сплоченность одной или другой стороны противостояния ослабевали⁵⁹.

В течение четырех столетий между 200 г. до н.э. и 200 г. н.э., пока пар-

ли как с низкорослыми степными лошадами, так и с большими лошадьми. Исследование содержания желудков этих лошадей (возможное благодаря тому, что вечная мерзлота хорошо сохранила останки) показало, что их кормили зерном – пищей, предназначенной для людей! – а состояние копыт указывает на то, что их содержали в стойлах. См. Tamara Talbot Rice, *The Scythians* (London: Thames & Hudson, 1957), p.71.

⁵⁹ Максимальная эффективность катафрактов зависела от стремя, давших всаднику прочную посадку на лошади и позволивших тактику таранного удара. Кавалеристы, способные атаковать с копьями наперевес (как средневековые рыцари в Западной Европе), вклады-

фяне и кушаны стояли в авангарде разработки и совершенствования цивилизованного вооружения, способного противостоять военному вызову степняков, Китай наслаждался сравнительной стабильностью. Несмотря на увлечение У-ди «небесными аргамаками», императоры династии Хань пришли к выводу, что новый тип тяжелой кавалерии слишком дорог, поскольку больших лошадей и люцерну можно было разводить, только исключив часть земель из производства пищи для людей. Они предпочли вести войну на территории врага, посылая в степь отряды на малорослых и неприхотливых степных лошадаках, подобно войскам противника⁶⁰.

Эти пограничные войны, однако, не затрагивали слишком глубоко внутренние дела Китая. Политическое единство страны оставалось непоколебимым; политический и социальный баланс, выработанный при первых императорах династии Хань, сохранялись без существенных изменений до 9 г. н.э. В этом году необычайно энергичный дворцовый интриган Ван Ман воспользовался своими брачными связями с императорским семейством для того, чтобы узурпировать трон. Затем он затеял нечто вроде революции, обращенной в прошлое, провозгласив возврат к действительным или вымыш-

вая в силу удара вес лошади и всадника, могли сломить любую противостоящую армию, если только она не прибегала к той же тактике.

Не исключено, что это великое изобретение западно-европейской военной мысли, где древние предрассудки против лука продолжали оставаться в силе вплоть до времен битв при Креси (1346 г.) и Азенкуре (1415 г.). Иранские и византийские катафракты не страдали такими предрассудками и регулярно применяли луки в бою, лишь время от времени вступая в рукопашную схватку. Тем не менее наскальный барельеф эпохи Сасанидов доказывает, что иранские катафракты тоже могли атаковать с копьями наперевес. Возможно, таким образом, европейский рыцарь явился результатом не столько западного нововведения, сколько неспособности Запада освоить весь арсенал военного искусства катафрактов.

Вопрос о том, когда и где были изобретены стремена, довольно неясен. Линн Уайт в работе: Lynn White, *Medieval Technology and Social Change* (Oxford: Clarendon Press, 1962) относит первое применение стремян в Индию; другие (с весьма слабыми доказательствами) приписывают это степным кочевникам. Достоверно лишь то, что стремена впервые получили распространение в V–VI вв. н.э. как в Китае, так и в Европе. См. M.Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, p.130; Tamara T.Rice, *The Scythians*, p.50; E.H.Minns, *The Scythians and Greeks* (Cambridge: University Press, 1913), p.250; Charles Singer (ed.), *A History of Technology*, II, 556–57.

⁶⁰ См. Berthold Laufer, *Chinese Clay Figures. Part I: Prolegomena on the History of Defensive Warfare* (Chicago: Field Museum of Natural History, 1914), pp.218–34. Как в любой пограничной области, за которую длилась упорная борьба, по обе стороны границы между Китаем и сюнну возник слой людей, для которых война была главным занятием и которые имели гораздо больше общего друг с другом, чем с мирным населением в тылу. Нередко случалось, что воины переходили на сторону противника как в одном, так и в другом направлении; знаменитые полководцы могли обычно рассчитывать на теплый прием в лагере врага и на новый командный пост, теперь уже против своих недавних друзей. Между воинами пограничья выработался рыцарский кодекс; а неустрашимый командир, атакуя во главе своего отряда, вызывал восхищение как у своих, так и у врагов. Подтверждающие примеры см. W.M.McGovern, *The Early Empires of Central Asia*, pp.130–302.

ленным обычаям периода Чжоу в противовес «искажениям» более поздних режимов Цинь и Хань. Однако под прикрытием подобного фундаменталистского конфуцианства Ван Ман не стеснялся подделывать старинные тексты, исправляя или «дополняя» их, когда ему было выгодно⁶¹. Его реформы имели неожиданный результат; дискредитировав установленный порядок, он тем самым спровоцировал массовое крестьянское восстание против помещиков, чиновников и ростовщиков. Вскоре сторонники общественного порядка и старой императорской династии выступили с оружием как против Ван Мана, так и против восставших крестьян. Ван Ман быстро потерял трон (22 г. н.э.)⁶²; но потребовалось еще 14 лет гражданской войны для того, чтобы объединить Китай под властью одного из потомков династии Хань.

Так была создана династия поздних Хань, продержавшаяся до 220 г. н.э. В основном, императоры этого периода не обладали способностями и энергией, отличавшими основателей династии; кроме того, у вершины власти процветали интриги и насилие. После 184 г. н.э. центральное правительство все более утрачивало контроль над провинциями. Соперничавшие полководцы манипулировали марионетками-императорами и с переменным успехом пытались создать структуры личной власти. Многочисленные народные восстания, возглавляемые последователями даосизма, обладавшими, по их собственному утверждению, магическими способностями, только усиливали беспорядок и добавляли элемент идеологического противостояния гражданскому раздору. Фарс единства империи завершился в 220 г. н.э., когда последний ханьский император официально отрекся от престола по требованию военачальника, который уже семь лет держал его в заключении.

Несмотря на интриги, столь часто уродовавшие политику династии Хань, и на несчастья и беспорядки, преобладавшие на закате династии, сложно переоценить конструктивное значение периода Хань в целом. Идеал единого Китая, управлявшегося в соответствии с конфуцианским учением, был навсегда запечатлен в китайской ментальности почти четырьмя столетиями, в течение которых ханьские императоры (во всяком случае теоретически) служили этому идеалу. В этот же период были практически установлены исторические границы Китая. В течение нескольких поколений солдаты, чиновники и учителя включили обширные области к югу от реки Янцзы в

⁶¹ Насколько длительным оказалось влияние изменений, внесенных в конфуцианские тексты при Ван Мане, остается спорным; но вероятно, их следы сохранились в версиях, дошедших до более поздних времен.

⁶² Он встретил смерть, сидя на троне во всех регалиях, надеясь, возможно (если он в самом деле твердо верил в конфуцианскую доктрину), что грубая солдатня, отрубившая ему голову, будет потрясена, оказавшись в его августейшем присутствии и в окружении величественной обстановки.

ареал китайской культуры; кроме того, ханьские завоевания в Корее, Средней Азии и Монголии направили могучий поток китайского влияния на эти пограничные земли. Иными словами, при Хань Китай стал Китаем в политическом и географическом смысле; и до сего дня китайцы помнят об этом называя себя в разговорах «детьми Хань»⁶³.

Поразительно, до какой степени история императорского Рима напоминает историю Китая эпохи Хань. Римские завоевания в Западной Европе, с помощью которых утонченная версия эллинистической культуры распространилась на обширные полуварварские земли, напоминают обращение Южного Китая в конфуцианство в эпоху Хань. Римские попытки контролировать Аравию, Армению, регион Закавказья и Месопотамию напоминают несколько более успешные предприятия ханьских императоров в Средней Азии. Северные варвары, с которыми римляне сражались и торговали и кого они позднее приглашали в качестве солдат-наемников или поселенцев в свои пределы, находились по отношению к средиземноморскому миру в том же положении, что сюнну – по отношению к Китаю, хотя римлянам никогда не довелось сражаться против такой широкой военной конфедерации, с какой приходилось бороться китайским императорам.

Параллели ведут и во внутреннюю жизнь двух империй. Юлий Цезарь (ум. 44 до н.э.) сумел достичь власти в Римском государстве незаконными методами и практически неприкрытой военной силой, что сильно напоминает действия Цинь Ши-хуанди в Китае почти на два века раньше. Более того, оба этих честолюбца взялись за преобразование структуры власти в своих обществах без малейшего почтения к тонкостям закона; а их наследники после периода возобновившихся гражданских войн предпочли скрыть чистый военный деспотизм за более приемлемой мишурой. Так, Август (ум. 14 н.э.) умиротворил политические симпатии Рима «восстановлением Республики» (27 г. до н.э.), при этом, однако, продолжая контролировать дела государства с позиции верховного военного командующего; тогда как первые императоры династии Хань дополняли и поддерживали победы своих армий ссылками на заветы конфуцианства.

Римская имперская бюрократия при наследниках Августа страдала от недугов, присущих также империи Хань, – дворцовых интриг, постоянного налогового гнета и периодических коррупционных конфликтов. Ностальги-

⁶³ Эти рассуждения о политике Хань основаны на работах: W.Eberhard, *A History of China* (London: Routledge & Kegan Paul, 1948), pp.71-105; O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, I, 358-431; Pan Ku, *The History of the Former Han Dynasty*, Homer H.Dubs (trans.), 3 vols. (Baltimore, Md.: Waverly Press, 1938-55).

ческий классицизм эпохи Антонинов (117–180 гг. н.э.) с его почитанием Древней Греции также имел свою аналогию в Китае, где конфуцианские учения рассыпались в безоговорочных похвалах династии Чжоу и даже более ранним династиям. Наконец, грубый милитаризм Септимия Севера (197–211 гг. н.э.), добравшегося до пурпурной императорской мантии на гребне гражданской войны, напоминает режимы китайских военачальников позднего периода Хань.

В основе этих параллелей – существенное сходство социальной структуры. Как в Римской империи, так и в Китае над обществом доминировал социальный слой образованных землевладельцев, живших на ренту от своих загородных поместий. В обеих империях этот класс поставлял ведущие кадры государственной администрации и проявлял приличествующее рвение в тяготах военной службы и карьеры. Образ жизни римского аристократа II в. н.э., жившего в городе, собиравшего налоги в пользу центрального правительства, организовывавшего увеселения и званые банкеты, возможно, пописывавшего литературные или философские эссе и питавшего слабость к изящным искусствам, – поразительно похож на образ жизни его китайского побратима, если не обращать внимание на радикальное различие в формах традиционного выражения их соответствующих культурных основ. Статус крестьян и простых горожан – первые должны были платить тяжелый оброк тем, кто занимал более высокое положение в обществе, а вторые должны были ублажать вкусы богатых землевладельцев – был также очень схож в обеих империях.

Было, естественно, и важное различие. Римская империя отличалась культурным плюрализмом. В Восточном Средиземноморье господствовавшая греческая традиция впитала огромное ориентальное наследие, которое вышло на первый план, как только порыв греко-римской цивилизации угас в первых столетиях новой эры; тогда как на Западе латинская версия эллинистической культуры никогда не смогла полностью ассимилировать все сложные аспекты и соблазны грекоязычного Востока. В ханьском Китае, напротив, вся империя была подчинена единой культурной традиции; местные вариации не играли значительной роли.

Другое важное отличие касалось роли семьи. Привязанность к родственникам даже второй и третьей степени родства занимала высокое положение на шкале добродетелей в Китае; широко разветвленные семейные кланы формировали основу большей части китайской политической жизни. Конфуцианский акцент на сыновней почтительности и на важности того, чтобы вырастить сыновей, которые могли бы почтить память покойных предков, также способствовал возвышению семьи и обеспечил китайскому дворян-

Фотоархив музея Ватикана (Archivio Fotografico dei Musei Vaticanei).

Фонды Британского музея
(Trustees of the British Museum).

ВЫСШАЯ ТОЧКА ЭЛЛИНИЗМА, ВОСТОК И ЗАПАД

Деметрий, царь Бактрии (ок. 190—160 гг. до н.э.), изображен на монете (справа сверху) в головном уборе в виде слона, символизирующем его победы в Индии. Надпись на реверсе монеты: «Царь Деметрий». Расцвет Греко-Бактрийского царства, оседлавшего Гиндукуш, представляет собой высшую точку эллинистического политического господства в Центральной Азии. Через полтора столетия далеко на Западе консолидация Римской империи, достигнутая Августом (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.), по сути, положила конец военной экспансии Рима. Как портрет Деметрия в вычурности головного убора отражает окружающую обстановку Индии, так и военная форма Августа отражает римское окружение. Однако достаточно очевидна общая сердцевина эллинистического стиля — как это ясно показывает сходство между позой Августа и фигурой Зевса на реверсе монеты Деметрия.

ству удобную социальную структуру. Всего этого не было в римском обществе, где преобладал довольно радикальный индивидуализм, так что отдельные личности оставались один на один с государством при немногочисленных и слабых общественных звеньях-посредниках⁶⁴.

Третий важный контраст между Римом и Китаем заключается в том, что римское сельское хозяйство было гораздо менее интенсивным, чем сельское хозяйство Китая. Орошение в Римской империи применялось редко, за исключением Египта и других мест, где оно издавна представляло собой фундамент образа жизни⁶⁵. Вследствие этого плодородие почв было сравнительно скромным, а это соответственно сокращало средства для содержания имперского государства. Даже во времена Августа крестьянство империи несло значительное налоговое бремя, а с годами солдат и чиновников становилось все больше. Это придавало Римскому государству поздней эпохи несбалансированный характер с чересчур разросшейся верхушкой государственной пирамиды и привело к тому, что в случае крушения государства под натиском вторжения варваров было практически невозможно восстановить бюрократический централизованный режим правления. Напротив, в Китае продолжалось распространение орошения, а с ним интенсивного и относительно высокопроизводительного сельского хозяйства. В результате китайцам, возможно, было легче позволить себе содержание имперской бюрократии и армии. Точно известно, что они сравнительно легко восстанавливали аппарат действенного централизованного управления после неоднократных катаклизмов, вызванных варварскими завоеваниями⁶⁶.

Слабость римского сельского хозяйства уравновешивалась достаточно

⁶⁴ В сельской местности традиционные иерархии и личная привязанность к деревенской общине резко оттеняли индивидуализм, характерный для греко-римских городов. Даже в самих городах ремесленники и другие профессиональные группы формировали гильдии, выполнявшие как экономические, так и, что не менее важно, социальные функции. Религиозные ассоциации, один из примеров которых – раннехристианские общины, также играли важную роль. Следовательно, утверждение, приведенное в основном тексте, применимо, собственно говоря, лишь к высшему классу греко-римских городов. Поразительная неспособность этого класса к биологическому воспроизведению себя может быть отнесена за счет разложения семейных и иных связей, что уничтожило смысл продолжения рода и воспитания детей. Другие факторы (болезни, горячие бани) могли тем не менее играть решающую роль в процессе биологического самоубийства римской аристократии.

⁶⁵ Исключение составляла Северная Африка, где искусное применение водной мелиорации, которую впервые ввели в этих землях карфагеняне, чрезвычайно широко распространилось по провинции в римские времена. См. R.M. Haywood, «Roman Africa», in Tenney Frank (ed.), *An Economic Survey of Ancient Rome* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1948), IV, 48-49; Charles Singer et al., *A History of Technology* (Oxford: Clarendon Press, 1956), II, 670, 678.

⁶⁶ Культурная однородность Китая, в противовес плюрализму римского общества, также имела важное значение, способствуя успеху неоднократных попыток восстановления Китайской империи.

крепкими торговлей и промышленностью. Старая схема связей, при которой области, производившие вино и растительное масло, экспортировали эти продукты, продолжала составлять становой хребет римской коммерции. Сперва Италия, а затем Испания и Галлия стали важными центрами культивирования винограда и маслин, тогда как Египет и Северная Африка специализировались на поставках зерна в столицу империи. Однако, подобно тому, как это ранее произошло в Греции, распространение оливкового земледелия на новые земли вызвало резкое падение благосостояния в более старых центрах коммерческого сельского хозяйства. В результате к концу I в. н.э. непоправимый экономический упадок, столь сильно поразивший Грецию в эллинистический период, пришел в Италию⁶⁷. Напротив, китайская экономика эпохи династии Хань не обнаруживает существенных признаков межрегиональной специализации, так что каждая провинция имела гораздо более замкнутую, чуть ли не автаркическую, экономику, чем любая римская провинция. Это дало Китаю гораздо большую устойчивость, так как сбалансированное производство товаров, необходимое для внешней торговли, не было жизненно важным для его экономики; в то время как без отлаженного оборота налогов и товаров от края до края Средиземноморья ни римская армия, ни римская бюрократия не могли долго продержаться.

Наконец, не были похожи условия в землях, лежавших за пределами двух государств. Германские и сарматские племена, нападавшие на Рим, никогда не объединяли свои силы в единую конфедерацию, подобную конфедерации сюнну; однако их многочисленность сильно затрудняла усилия Рима, направленные на их ассимиляцию. Более того, владения Парфии, примыкавшие к восточным границам Римской империи, были плотнее заселены и культурно гораздо более развиты, чем любой из соседей, с которым приходилось иметь дело Китаю. Конечно, степные соседи Китая представляли вполне реальную военную угрозу, но их успех неизменно сопровождался их постепенным включением в китайский политический организм. В случае Рима, однако, удачливым завоевателям не была суждена ассимиляция и романизация, как это позже показали франки и арабы.

Таким образом, сравнение двух великих империй, процветавших на двух окраинах ойкумены между 200 г. до н.э. и 200 г. н.э., показывает, что структура Китая была гораздо более устойчива, чем структура Рима. Дальнейшие

⁶⁷ Ко II в. н.э. обращение экономических ресурсов в Римской империи можно схематически представить следующим образом: на налоги из восточных провинций содержали легионеров, расквартированных вдоль имперских границ по Рейну и Дунаю. Эти деньги переходили от армии к землевладельцам Галлии и Испании, поставлявшим для войск вино, растительное масло и какое-то количество зерна. Землевладельцы, в свою очередь, тратили деньги на покупку ремесленных товаров из восточных провинций, таким образом, замыкая цикл.

события, конечно, подтверждают такой вывод; но рассуждения о крушении Рима и о возрождении Китая должны подождать до следующей главы. Сейчас остается обсудить те культурные изменения, которые произошли в евразийской ойкумене в эпоху ее первого смыкания.

2. КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ОБМЕН

ИСКУССТВО. Трудности перевода автоматически изолируют литературу и интеллектуальные аспекты культуры от соседей. Для преодоления этих барьеров необходимо целенаправленное усилие, так как воины и купцы, обычно выступающие первопроходцами налаживания связей между сообществами, редко сильны в книжной учености. Несколько иначе в изобразительном искусстве, где и без специальных знаний можно отдать должное новому необычному стилю в искусстве⁶⁸. По этой причине контакты между взаимно чуждыми культурными традициями почти наверняка будут отражены скорее и заметнее в изобразительном искусстве, чем в видах искусства, связанных с языком. Смыкание евразийской ойкумены в I в. до н.э. наглядно иллюстрирует это правило: поскольку наиболее явные заимствования сделаны в области изобразительного искусства, особенно в скульптуре; тогда как следы подобного взаимодействия в литературе и философской мысли представляются гораздо менее отчетливо и часто вызывают споры.

Краеугольным камнем ойкумены была Бактрия, где встречались и переплетались нити эллинистического, индийского, китайского и иранского стилей цивилизации. Греческие цари правили страной до 135 г. до н.э., а некоторые их наследники продержались по индийскую сторону гор еще одно столетие. Владыки саков и кушан, следовавшие за греками, сами не добавили ничего существенного в культурное наследие этой земли; но в целях получения дохода покровительствовали торговле. Караваны в дороге между Китаем и Восточным Средиземноморьем, или в Индию и обратно, обычно могли рассчитывать на благоприятный прием в Бактрии. Таким образом, в городах и на постоянных дворах региона регулярно встречались люди, принадлежавшие к разным культурным традициям, и это превратило Бактрию между 100 г. до н.э. и 200 г. н.э. в активный культурный центр.

⁶⁸ Конечно, для глубокого понимания каждого отдельно взятого стиля необходимы обширные знания культурной основы, на которой этот стиль вырос, и понимание символического языка художественных произведений. Но такое знание не обязательно, чтобы восхищаться, вдохновляться и перенимать – можно указать на воздействие, оказанное африканской скульптурой на некоторых современных западных художников и скульпторов, которые практически полностью пренебрегают магическими верованиями, питавшими это искусство в его исконной среде.

По обе стороны Гиндукуша были обнаружены довольно впечатляющие остатки произведений искусства. Некоторые из ранних монет Греко-Бактрийского царства, главным образом датируемые III в. до н.э., представляют собой художественно самые совершенные образцы портретной нумизматики всего эллинистического периода и предполагают наличие квалифицированных граверов, работающих в эллинистической скульптурной традиции⁶⁹. Много скульптур, выявляющих сильное эллинистическое или римское влияние, было также найдено в Гандхаре, к югу от Гиндукуша. Некоторые исследователи считают, что сами ваятели были греками; однако в тех случаях, когда удастся идентифицировать изображенного, часто оказывается, что это скульптурные портреты буддийских святых и праведников. Мало уместное использование позы Аполлона для изображения Будды редко бывало действительно удачным; но значение скульптур Гандхары далеко выходит за рамки их собственно стилистического успеха. Главное, о чем идет спор, – это дали ли эллинистические прототипы существенный творческий стимул скульптурным стилям Индии и Китая? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько можно разобраться с неясностями датировки: потому что, если искусство Гандхары датируется I в. до н.э., то его влияние на скульптуру Индии велико и бесспорно; однако если это феномен, порожденный кушанским царским двором II в. н.э., то от него можно отмахнуться как от второсортной мешанины уже существовавших стилей. Это вопрос, вызывающий большие споры, который невозможно закрыть, опираясь на имеющуюся информацию⁷⁰.

Однако идея, что индийская скульптура получила существенный творческий стимул от эллинистических моделей, не основана на одной лишь датировке находок из Гандхары. Задолго до эпохи Александра Индия поддерживала связи с миром Средиземноморья. В III в. до н.э. Ашока познакомил Индию с каменными монументами и скульптурами, некоторые из которых

⁶⁹ Отметим зияющие пробелы в археологическом материале, особенно в Афганистане, где никогда не производились раскопки на территории Балха, некогда столицы Греко-Бактрийского царства. Весьма вероятно, что эти раскопки могли бы обнаружить образцы полномасштабных скульптур той же традиции.

⁷⁰ Исследователи пришли по этому вопросу к диаметрально противоположным выводам, причем чувство национальной гордости только усиливает их разногласия. См. A.Foucher, *L'Art greco-bouddhique du Gandhara* (new ed., Paris: E.Leroux, 1951); Ludwig Bachhofer, *Early Indian Sculpture* (2 vols.; New York: Harcourt, Brace & Co., 1929); A.K.Coomaraswamy, *History of Indian and Indonesian Art* (New York: E.Weyne, 1927); Benjamin Rowland, *The Art and Architecture of India* (London: Penguin Books, 1953); W.W.Tarn, *The Greeks in Bactria and India* (Cambridge: Cambridge University Press, 1951); H.Ingholt, *Gandharan Art in Pakistan* (New York: Pantheon Books, 1957). Разногласия этих авторов коренятся отчасти в недостаточности наших знаний о периодах саков и кушан, но главным образом, в различных оценках родства между скульптурами Гандхары и их греческими и/или римскими прототипами.

Музей Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum), Лондон.

Метрополитен-музей изобразительного искусства, Фонд Кеннеди (Metropolitan Museum of Art, Kennedy Fund).

СКУЛЬПТУРНЫЕ СТИЛИ ГАНДХАРЫ И КИТАЯ

Голова Будды (фото слева) представляет удивительно удачный образец скульптуры Гандхары, где, похоже, эффективно сливаются эллинистический и индийский стили. Дата этого портрета неизвестна, но некоторые исследователи относят ее к V в. н.э. Стоящий Будда (фото справа) датирован по надписи на нем 477 г. н.э. и представляет собой один из наиболее ранних сохранившихся примеров буддийской скульптуры из Китая. Греко-индийское влияние явно прослеживается в таких деталях, как прическа и выражение лица; но китайский либо среднеазиатский художник, изваявший эту статую, превратил то, что ранее было реалистическим изображением складок одежды в декоративный орнамент. Как гандхарский, так и китайский скульпторы стремились изобразить благосклонное божество, и тут натуралистическое, в конечном счете эллинистическое культурное наследие не имело почти никакого значения. Отсюда стилистическая трансформация и близкие параллели как по времени, так и по духу в похожем переходе от греко-римского к византийскому стилю на эгейской родине самого эллинизма.

могли быть созданы мастерами из Ирана. В последующие два столетия торговые связи с эллинистическими городами многократно возросли; а завоевание Северо-Западной Индии греками, саками и кушанами принесло на индийскую почву смесь эллинистическо-иранской культуры. При таких обстоятельствах индийским камнерезам и скульпторам открылись широкие возможности увидеть своими глазами работы эллинистических и римских мастеров, и обилие завезенных в Индию статуэток среди археологических находок это подтверждает⁷¹. Поскольку изготовление каменных скульптур в Индии началось в эпоху Ашоки, индийские скульпторы не были связаны никакой древней и священной традицией и могли энергично и творчески откликнуться на новый образец, даже если это была второсортная миниатюрная копия эллинистического шедевра.

Индийский ответ не был ни слепым подражанием, ни точным воспроизведением, как это делали ранние греческие скульпторы, копируя египетские образцы. Скорее, как и в греческом случае, контакт с высокоразвитым и весьма впечатляющим чужеземным искусством помог ускорить созревание коренного стиля, в котором художественный успех зависел как раз от того, насколько художнику удалось отойти от заморского образчика. Быстрота, с которой индийский скульптурный стиль развился от первых изолированных образцов эпохи Ашоки до великолепного расцвета Большой ступы в Санчи, всего лишь два столетия спустя, похоже, подтверждает справедливость такого рассуждения. В Санчи нет явного следа эллинистического влияния: иностранный образец уже оказался успешно переработан в натуралистической форме, сохраняющей в самом общем виде связь с греческим

⁷¹ После II в. до н.э. в Восточном Средиземноморье стало обычным делом массовое производство скульптур и статуэток, с использованием механических методов для полномасштабного воспроизведения известных образцов и литых копий для менее значительных изделий. Торговля статуями была, естественно, главным образом сориентирована на римский рынок на Западе; но ничто не мешало предприимчивому торговцу попытаться счастья и в Индии. Возможно, именно таким путем достигли Индии некоторые из обнаруженных археологами образцов искусства Средиземноморья.

В I в. н.э., когда торговля между Римом и Индией достигла пика, вдоль побережья Индии выросли, как грибы, постоянные торговые станции, заселенные купцами из Римской империи. Одна такая станция недалеко от более позднего французского торгового поселения Пондишери на юго-восточном побережье Индии, видимо, внешне походила на небольшой римский провинциальный город, включая в себя форум и храмы. Таким образом, очевидно, что уже в I в. н.э. здесь было достаточно «пакка сахибов» («настоящих господ» – имеется в виду индийское название английских колониальных чиновников. – *Прим. пер.*), которые старались привезти с собой как можно больше из своего привычного образа жизни, включая небольшие образцы произведений искусства. См. R.E.M. Wheeler, «Arikamedu: An Indo-Roman Trading Station on the East Coast of India», *Ancient India*, II (1946), 17-124; Mortimer Wheeler, *Rome beyond the Imperial Frontiers* (Harmondsworth: Penguin Books, 1955), pp.173-78.

Археологический обзор Индии (Archaeology Survey of India), Нью-Дели.

Археологический обзор Индии (Archaeology Survey of India), Нью-Дели.

Eliot Elisofon и журнал Life.

БОЛЬШАЯ СТУПА В САНЧИ

Общий вид Большой ступы в Санчи в Индии показывает ее планировку с четырьмя витиевато украшенными входами под центральный купол, где помещены мощи Будды, придающие этому месту особую святость. Слева внизу фотография скульптурного украшения северных ворот дает представление о богатстве и сложности композиции, отчасти чисто декоративной, отчасти составленной из сцен жизни Будды. Деталь (справа внизу) литых ворот намекает на чувственность индийской жизни и религиозности, всегда противостоявшую аскетической традиции, столь заметной в литературе.

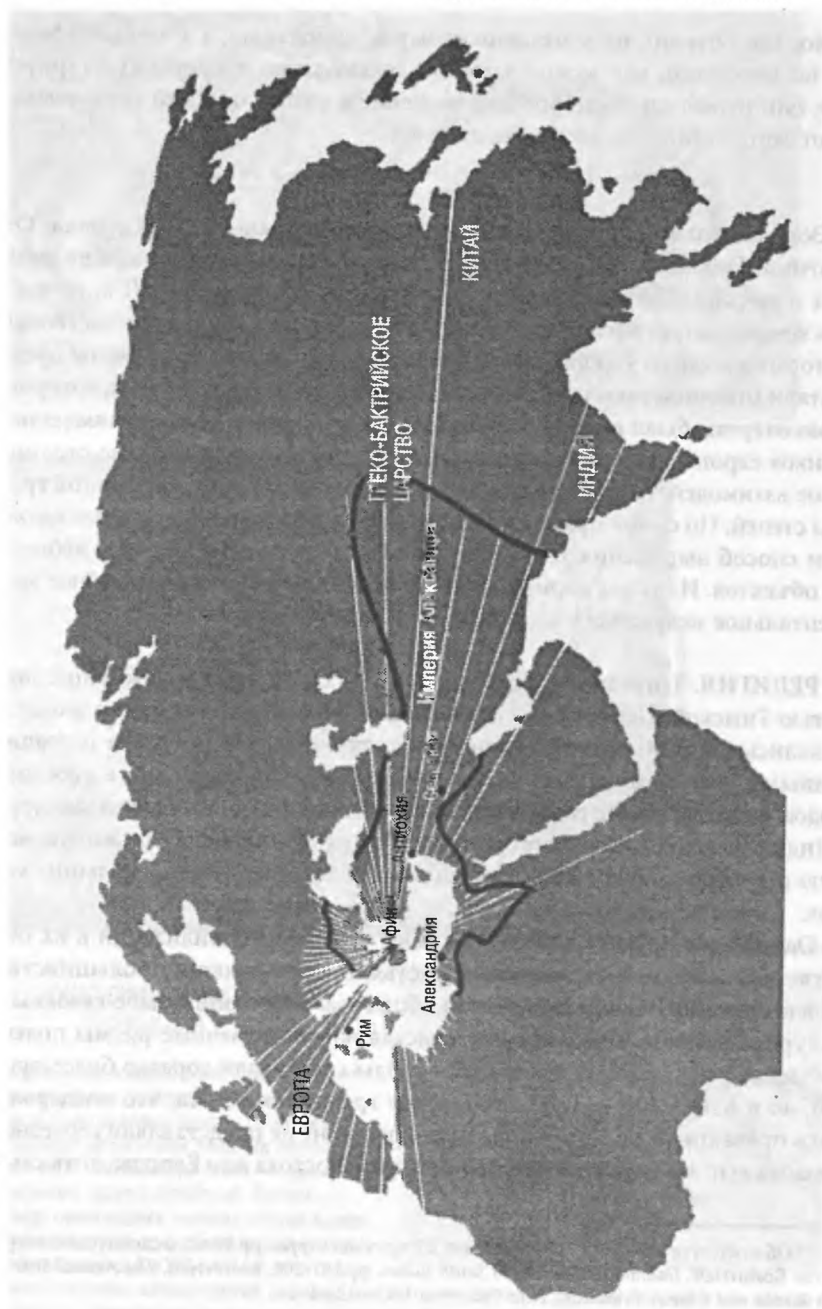
искусством, но уже полностью отличной от него или от любой другой чужеземной художественной традиции.

Связь между эллинистическим и римским искусством и искусством Центральной Азии и Китая более ясна, поскольку археологические открытия позволяют исследователям проследить передачу художественного стиля Гандхары вдоль Великого шелкового пути в Китай. Да, конечно, самые ранние из дошедших до нас китайских скульптур, демонстрирующих влияние эллинизма, относятся к V в. н.э. Но есть веские основания полагать, что искусство Гандхары, будучи тесно связанным с буддизмом, стало проникать в Китай с первыми буддийскими миссионерами, которые добрались туда уже в I в. н.э.⁷² Впрочем, буддийское искусство вначале было столь же чуждым прежней китайской культурной традиции, как и сам буддизм, и поэтому не могло быть сразу же ассимилировано. В эпоху Хань более древние китайские бронзовые орнаменты из звериных масок сменились геометрическими узорами, которые чаще всего использовали для украшения обратной стороны бронзовых зеркал. По сравнению с ними скульптурные изображения людей и животных оставались довольно грубыми. Поэтому мы можем предположить, что буддийское искусство Гандхары и Центральной Азии с его скульптурами в натуральную величину или больше, богато раскрашенными и позолоченными, произвело на китайских ценителей красоты впечатление истинного откровения⁷³. Так или иначе, последующее искусство Китая было преобразовано, восприняв – как обычно, с только ему присущим акцентом – трансцендентализированный натурализм (а также некоторые декоративные детали) греко-индо-буддийского искусства.

Таким образом, скульптура Восточного Средиземноморья оказала влияние на стиль искусства цивилизованных народов ойкумены в период между 100 г. до н.э. и 200 г. н.э. Несомненно, греческие образцы изменялись по мере того, как они пересекали Азию: художественные условности оказывались превратно понятыми, складки тоги превратились в просто линейный узор, а слишком человечная боль эллинистической традиции перешла в невозмутимых Будд, чьи статуи выражают мировоззрение чрезвычайно далекое от язычества Средиземноморья. Короче, культурное заимствование при-

⁷² В середине V в. н.э. правительственные гонения на буддизм включали широкое и систематическое разрушение буддийских храмов и произведений искусства. Это может объяснить тот факт, что до наших дней не дошли более ранние образцы этого искусства. O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, II, 203.

⁷³ Ср. миф, созданный позднее, чтобы объяснить появление буддизма в Китае. Он повествует, что император Мин-ди в 61 (или 65) г. н.э. увидел во сне золотого человека, и таким образом, сон его побудил послать слуг в Индию, чтобы разузнать о Будде. O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, I, 407.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭЛЛИНИЗМА

водило, как обычно, не к механическому копированию, а к метаморфозе, ведь по мере того, как чужие элементы включались в новую культурную среду, они неизбежно приобретали значение и символический груз, отличные от того, какой они несли изначально.

Зона степей тоже переносила художественные сюжеты по Евразии. От Восточной Европы до Восточной Сибири все степные народы внесли свой вклад в звериный стиль, впервые появившийся в VII в. или VI в. до н.э., когда кочевой образ жизни достиг зрелости. Звериный стиль позаимствовал некоторые элементы у цивилизованной традиции – например, сарматы предпочитали многоцветные изделия, напоминающие искусство Ирана, которое, в свою очередь, было передано европейским варварам и стало одним из источников европейского средневекового искусства. Аналогично шло ограниченное взаимодействие искусства Китая и кочевников вдоль восточной границы степей. По самой природе степной жизни искусство кочевников могло найти способ выражения только в украшении легко переносимых небольших объектов. Из таких корней не могло возникнуть полномасштабное монументальное искусство⁷⁴.

РЕЛИГИЯ. Цивилизованные народы Западной Евразии, жившие под властью Римской, Парфянской и Кушанской империй, в основном довольствовались созданными поколениями культурными институтами и традиционным образом жизни своих земель. Эллинизированная знать римских городов, аристократы-бароны иранской глубинки и арийские правящие верхи Индии – все они вели богатую и полную привлекательности жизнь, которую стремились защищать и укреплять. И добились в этом больших успехов.

Однако для других социальных слоев традиции цивилизации в их обществе значили гораздо меньше. Крестьяне, составлявшие большинство населения каждого цивилизованного общества, были лишь слабо связаны с культурой своих повелителей. Деревенская жизнь, извечные ритмы полей, магические ритуалы и праздничные обряды составляли гораздо более простую, но и более стабильную культурную традицию, чем та, что поддерживалась правящим классом. Угнетенные крестьяне не представляли серьезного вызова высокой культуре Индии, Среднего Востока или Европы, хотя само

⁷⁴ Об искусстве сюнну см. René Grousset, *L'Empire des steppes*, pp.59-62; о сарматском искусстве см. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, pp.181-208; Rostovtzeff, *The Animal Style in South Russia and China* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1929).

Метрополитен-музей изобразительного искусства, дар Генри Г. Маркандэ, 1883 (Metropolitan Museum of Art, Gift of Henry G. Marquand).

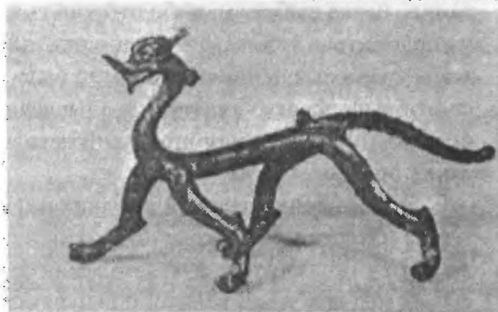

Галерея Эпштейна (Epstein Gallery).

Галерея Эпштейна (Epstein Gallery).

СКИФСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

Фото сверху представляет образец искусства скифских ювелиров; два предмета внизу были сделаны руками бронзовых мастеров Китая эпохи Хань. На верхних двух фото изображены тигры — один скифский, другой китайский. Сходство между ними выдает наличие связей между художественной традицией степей и Китая, относящихся еще к VIII—VII вв. до н.э. С другой стороны, миниатюрный бегущий дракон представляет совершенно иной стиль изображения животных, стилизованная угловатость которого ближе более позднему китайскому искусству.

исключение их из мозаики каждой из этих цивилизаций и представляло потенциальную слабость.

Гораздо важнее была городская жизнь, где сталкивались огромные массы людей, обладавших различным общественным и культурным наследием. В тех землях, где городской образ жизни сложился или был привнесен недавно, горожане часто ощущали себя оставшимися без крепких эмоциональных привязанностей, без прочно установленных рамок поведения и верований, которых можно было бы естественно и бессознательно придерживаться. Люди в таком положении, конечно же, утрачивали многие нравственные устои, которые обычно разделяют людей на различные культурные сообщества.

Неприкаянные души из рабов и ремесленников римских городов, таким образом, были частью гораздо большей массы культурно обездоленных личностей, которые внезапно обнаружили свое психологическое отчуждение от устоявшихся религиозных и культурных ценностей. В этом отношении жители крупных торговых городов Средней Азии, Индии, Ирана и Месопотамии, да и самого Рима все находились в одной лодке. Среди таких групп, для которых политические и культурные границы по большей части не имели значения, нашли питательную среду великие и поистине потрясшие устои религиозные процессы описываемого периода.

Также и другой аспект культурного состояния Западной Евразии между 100 г. до н.э. и 200 г. н.э. сказался на истории религии. Помимо политически господствующих греко-римского, иранского и индоарийского обществ и культур, оставалось немало политически подавленных, но все еще живых культурных традиций, чьи приверженцы оказались в той или иной степени ассимилированы в массе лишенного культурных корней населения больших городов. Египтяне, евреи и сирийцы в Римской империи; евреи, вавилоняне и греки в Парфии; греки, дравиды, мунда и другие неарийские племена Индии – все они были в том или ином смысле обездолены политической и социальной структурой обществ, в которых жили. Члены этих групп оказывались перед выбором: либо отбросить культурные традиции своих предков и уподобиться чужеземцам, либо прозябать в обществе, где их самые глубокие и хранимые ценности не могли быть выражены. Переосмысление и приспособление своего культурного наследия к новым условиям, а также неизбежный процесс культурного синкретизма были естественным откликом на такие обстоятельства.

Евреи – единственный из таких политически угнетенных народов, о котором известно хоть что-нибудь. Но похоже, некоторые другие народы в ту же эпоху столкнулись с невзгодами, сродни тем, которые обрушились на евреев под властью Римской и Парфянской империй. Можно не сомневаться, что евреи выжили как отдельный народ благодаря уникальности своего

религиозного и литературного наследия и поразительной социальной дисциплине, которая хранила сплоченность еврейских общин в самом центре чуждого и часто враждебного мира. Почти все другие народы рано или поздно утратили чувство своей особой идентичности – хотя и после длительной борьбы, часто принимавшей религиозное выражение. Эти народы, а также рабы и ремесленники больших городов Западной Азии сформировали социальные условия для необычайного религиозного расцвета в эпоху непосредственно до и непосредственно после начала христианской эры.

Христианство и буддизм махаяны, конечно, главные памятники этого расцвета, но они вовсе не были единственными. Множество мистических религий процветало в границах Римской империи. В Индии религиозные секты и движения были еще многообразнее; ведь именно в эти столетия из древнего брахманизма стал вырастать индуизм, проявляясь в переосмыслении существовавших с незапамятных времен культов местных богов. На основании очень приблизительных сведений можно заключить, что похожие религиозные искания были присущи и Месопотамии, хотя главные проявления религиозного новаторства в этом древнем регионе относятся к несколько более позднему периоду (III–VI вв. н.э.).

Подобно зороастризму, иудаизму и орфизму предшествовавших столетий, новые религиозные движения зарождались в местах, где встречались и взаимодействовали две и более культурные традиции. Таким образом, христианство появилось в Палестине, Сирии и Анатолии, где переплетались еврейская, греческая, иранская и (хотя и гораздо слабее) индийская культуры; индуизм развивался с особенной энергией в Южной Индии, где культура захватчиков-ариев и (гораздо более слабая) греко-римская культура встретились с исконной дравидской традицией; а буддизм махаяны принял свою зрелую форму в Северной Индии, где встретились индийская, иранская и греческая культуры. Такое многообразие предоставляло огромный запас благочестивых идей и сюжетов, из которых могли развиваться новые религии.

Существенное сходство между христианством, буддизмом махаяны и индуизмом можно объяснить перекрестным заимствованием из ранее более-менее независимых и изолированных религиозных традиций. Но нельзя исключать и независимого параллельного изобретения, так как если общественные и психологические обстоятельства жизни покоренных народов и городского дна были фактически похожи во всех частях Западной Азии, то можно ожидать, что мы обнаружим близкие параллели среди религиозных движений, возникших и процветавших в таком социальном котле. Так и произошло в действительности – поскольку три основные черты, присутствующие во всех главных религиозных движениях этого века, отделяют их от всего, что происходило до сих пор.

Во-первых, христианство, буддизм махаяны и индуизм пришли к согласию в том, что главная цель человеческой жизни – это спасение. Все три религии обещали своим последователям вечную жизнь и блаженство за гробом⁷⁵, хотя предпосылки достижения такого блаженства и теоретические описания небес и самой загробной жизни существенно различались. Более древняя концепция о том, что религия необходима для поддержания мирных отношений со сверхъестественными силами, не была забыта; но сдвинулся акцент – с краткосрочных практических преимуществ в этой жизни к вечному блаженству небес, где будут утолены все печали мира сего⁷⁶.

Во-вторых, все новые религии Западной Азии были эгалитарными в том смысле, что любой обычный человек мог выполнять требования и участвовать в ритуалах, считавшихся необходимыми для спасения. Еще важнее было то, что женщины были допущены к участию в религиозных службах наравне с мужчинами и так же считались способными к спасению. Это был огромный источник силы, так как женщины почти неизбежно были исключены из числа полноправных участников религиозных систем в прошлом. Новые формы богослужения, следовательно, предлагали им надежду ухода от неравноправия и неравенства, с которыми они встречались в повседневной жизни. Поэтому не удивительно, что женщины были самыми благочестивыми и энергичными сторонниками новых религий; а используя свое влияние на детей, они могли обеспечить сравнительно быстрое распространение новых верований.

Третьей общей чертой была концепция бога-спасителя – одновременно и человека, и высшей сущности. Такой спаситель, как утверждалось, вознаграждал своих последователей спасением, либо позволяя им отождествлять себя с ним и тем самым непосредственно разделяя его силу и бессмертие, либо путем передачи своего достоинства или силы, что было более механистически, но тем не менее достаточно, чтобы обеспечить спасение. Пропасть между вездесущим, всемогущим и всеведущим божеством и беспомощной человеческой личностью была преодолена с помощью концепции бога-че-

⁷⁵ В этом не было ничего нового, так как египетская и мегалитическая религии, не говоря уже об орфизме, давали своим приверженцам такие надежды тысячи лет назад. Однако «спасение» было новинкой в том смысле, что более ранние религии считали, что загробная жизнь – это, по существу, продолжение земной, возможно, с некоторым неизбежным ограничением полноты ее. Новые религии спасения, наоборот, считали, что загробная жизнь включает в себя радикальное изменение и улучшение общества и только избранные и очистившиеся души могут разделить вечную жизнь.

⁷⁶ Невозможно переоценить психологическую силу такого подхода к человеческому существованию. Каждый, рожденный в традиции одной из этих религий, лишь с огромным сожалением может отвергнуть утешение, предлагаемое таким объяснением места человека во вселенной.

ловека, своей свободной волей воплощенного в человеческом облике, чтобы вести людей к спасению. Христос и Митра, Вишну и Шива, бесчисленные бодхисаттвы буддизма махаяны – все они разделяют эти характеристики.

Логически невозможно соединить трансцендентное божество и воплощенного бога. Аналогично монотеизм и политеизм могут быть логическими противоположностями. Однако на практике такие несовместимости хорошо сочетаются. Христианство, буддизм махаяны и индуизм были монотеистическими религиями в том смысле, что они приписывали все могущество и славу Богу-Спасителю, Творцу и Источнику Жизни; однако все три веры оставили место для поклонения меньшим сверхъестественным существам – святым и ангелам в христианской традиции и местным богам и духам, приписанным к свите того или иного воплощения верховного божества, в индийской традиции. В целом христиане как наследники более строгого и менее толерантного монотеизма иудейской религии были несколько осторожнее, чем индуисты или буддисты в том, чтобы позволить меньшим объектам поклонения отвлекать внимание от поклонения верховному божеству. Однако, несмотря на сомнения богословов, раннехристианское благочестие быстро включило в себя почитание святых, по существу, аналогичное поклонению местным божествам, распространенному как в индуизме, так и в буддизме махаяны. Различие, следовательно, заключалось скорее в теории, чем в практике. Но теоретическое различие приводило к существенным последствиям, так как дальнейшая история христианства знаменовалась повторяющимися время от времени усилиями по очищению веры путем искоренения идолопоклоннических обычаев, тогда как индийские религии, с самого начала получившие теоретическую санкцию на любую форму местных культов, как бы ни были грубы и странны их обычаи, застрахованы от таких религиозных кризисов⁷⁷.

Христианство также отличала от современных ему индийских религий только ему присущая особая историчность мировоззрения. Христиане считали сотворение мира, пришествие и Страшный суд уникальными событиями, придающими значимость и надежду обычной земной человеческой жизни. В противоположность такому историческому, временному взгляду,

⁷⁷ Это расхождение зародилось далеко в прошлом. Жрецы ариев, похоже, также пытались искоренить местные культы. Но брахманы вскоре обнаружили, что предпочтительнее пойти на компромисс с сельскими предрассудками и стали оправдывать существование таких культов с помощью доктрины, согласно которой какая-то часть абстрактного божества присутствует в каждом религиозном культе. С другой стороны, христианская теология унаследовала древние иудейские трения между Яхве и ваалами Ханаана; и, подобно иудеям, христиане не могли ни устранить, ни полностью оправдать почитание святых и другие местные религиозные обычаи.

буддисты и индуисты создали космологическую систему, в которой бесчисленные миры бесконечно повторяют круговорот творения и разрушения. Божественные воплощения умножились, достигнув фактически бесконечности, так что никакое единственное божественное событие не могло иметь того значения для буддистов или индуистов, какое христиане приписывали пришествию Христа.

Наконец, такие религии, как христианство и буддизм махаяны, можно отличить от многочисленных конкурировавших с ними верований их акцентом на нравственности. От адептов Сераписа и Исида, например, а также некоторых индуистских культов не требовалось существенно изменять обычный образ жизни, чтобы достичь спасения. Магических ритуалов было для этого вполне достаточно. Но буддизм и христианство связывали вечное спасение с нравственным кодексом, к которому надо было стремиться в этом мире, чтобы достичь совершенства в следующем. Эти нравственные стремления вместе с эффективной церковной организацией дали этим двум верованиям гораздо более сильные рычаги влияния на своих последователей, чем могли достичь какие бы то ни было обычные ритуалистические религии. Такая осязаемая печать, лежащая на повседневной жизни сообщества верующих, так же или даже больше, чем доктринальное превосходство, принесла ни с чем не сравнимый успех христианству и буддизму махаяны.

ХРИСТИАНСТВО. В строгом смысле слова христианство зародилось вместе с проповедью и смертью Иисуса из Назарета, около 27–30 гг. н.э. Однако многое из проповеди Иисуса было не более, чем подчеркнутым и энергичным утверждением идей, уже знакомых иудаизму этой эпохи. Со времени Антиоха IV Эпифана (175–163 гг. до н.э.), вызвавшего восстание своими попытками эллинизировать еврейские религиозные обряды, и Маккавеев, установивших независимое еврейское государство в Палестине (168–42 гг. до н.э.), ожидание Мессии, который принесет Царство Божие на землю, привлекало живое внимание евреев. Однако оставалось нерешенным, кем именно будет этот Мессия. Кто-то ждал победоносного монарха, который бы восстановил царство Давида; кто-то – сверхъестественное существо, которое прибудет на огненных крыльях в конце времен, когда небеса разверзнутся, чтобы явить невыразимую славу Божию⁷⁸. Трудные условия жизни в Палестине, которая попала в зависимость от Рима после 63 г. до н.э., убеждали все большее число евреев, что Бог не может позволить такой несправедливости длиться долго. Возникли особые сообщества, подобные тем,

⁷⁸ Иранские, особенно зороастрийские, сюжеты были более всего заметны в образах конца света. Евреи Вавилона, возможно, были наиболее активны в том, чтобы внести эти воззрения в иудаизм, так как они ближе других стояли к иранским религиозным дискуссиям.

о которых рассказывают кумранские свитки с берегов Мертвого моря. Их члены находились в постоянной готовности к концу света, стараясь избежать малейшего осквернения, чтобы Бог не счел их недостойными войти в Его царство в день Страшного суда.

Тесно связанной с этими мессианскими взглядами была идея, провозглашавшаяся главным образом фарисеями, что праведники могут ожидать либо личного бессмертия, либо воскресения во плоти в День Господень. Это учение, отдающее иранскими и эллинистическими влияниями, отвергалось другими евреями, которые не находили оснований для таких воззрений в Законе и Пророках; но отсутствие основы в Писании не помешало укоренению этой доктрины, столь притягательной для человека в смутное время, в еврейском обществе.

Евреи, жившие за пределами Палестины, заложили фундамент христианства в ином аспекте. Живя вдалеке от Иерусалима, они не имели возможности регулярно совершать богослужения в Храме. Вместо этого они сохранили религиозные обычаи, впервые разработанные во время вавилонского пленения, позволявшие проводить обряды на месте. В дополнение к семейным обрядам, имевшим большое значение, евреи диаспоры поддерживали обычаи собираться еженедельно для общественных чтений из Писания, сопровождаемых разъяснениями смысла текстов. Особые здания, в которых проводились такие встречи, синагоги, превратились в центры деятельности еврейских общин. Эти синагоги стали тем зерном, из которого выросли христианские церкви.

Помимо институционной колыбели, еврейская диаспора расчистила путь христианству, начав процесс культурного сближения между евреями и греками. Евреи диаспоры неизбежно подвергались влиянию идей и обычаев мира эллинистических городов. Многие такие евреи говорили по-гречески, как на родном языке, и принимали в свои общины значительное число новообращенных язычников. Но даже после принятия иудаизма эти неопиты часто сохраняли свой старый образ мыслей и чувств. Эта ситуация, а также общее давление окружающей среды придали многим еврейским общинам полуэллинизированный характер; и хватало людей, стремившихся, подобно Филону Александрийскому (ок. 25 до н.э. – ок. 50 н.э.), осмыслить иудаистские религиозные воззрения в терминах греческой философии. Такое сближение между евреем и греком сгладило путь перехода христианства от положения еврейской секты к религии, привлекавшей большинство верующих из языческой среды.

Однако после того, как должным образом были учтены все предшествовавшие появлению христианства события и процессы, оставалась центральная уникальная искра. Эту искру дала горстка галилеян очень скромного про-

исхождения – прежде всего сам Иисус, а также Петр и другие апостолы. Иисус, должно быть, был необыкновенной личностью. Его наставления и личный пример бросали вызов наиболее преданным последователям жить в соответствии с абсолютно бескомпромиссным нравственным идеалом – «Обрати другую щеку»; «Возлюби ближнего своего как самого себя»; «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой», – проповедовавшим со всем накалом чувств, порожденным страстным предвкушением неизбежного конца света. Проповедь Иисуса: «Покайтесь, ибо близко уже Царствие Небесное», конечно же, вызывала сильные чувства его непосредственных учеников и разогревала мессианские надежды гораздо более широкой аудитории. При наличии постоянного для Палестины тех лет обостренного состояния социальной напряженности не было ничего удивительного ни в том, что проповедь Иисуса могла вызвать беспорядки в Иерусалиме, ни в его аресте и последовавшей казни за богохульство и подстрекательство к мятежу.

Что действительно удивительно, так это то, что его учение пережило его смерть. Деяния Апостолов сохранили рассказ, несущий все признаки достоверности, о том, как несколько самых близких к Иисусу последователей собрались в комнате и внезапно ощутили, как на них снизошел Святой Дух, пока они все не стали абсолютно убеждены в том, что их Учитель, только что умерший на кресте, все еще с ними. Это было событие, которого никто из присутствовавших не мог забыть никогда, причем само по себе достаточно чудесное, чтобы его понадобилось приукрашивать вымыслом при пересказе. После того как они пережили такой эмоциональный взрыв, который впоследствии повторился, разве могли они сомневаться, что Иисус из Назарета, сын плотника, был воистину Мессией и вскоре возвратится со славою? И кто, обладая таким опытом, мог удержаться от того, чтобы рассказывать другим об этом, предупреждая о втором пришествии, помогая подготовиться к нему, и толкуя знаки и свидетельства того, что Иисус действительно Мессия? Проповедуя и обучая, вызывая Святого Духа в собраниях верующих, когда вспоминались и восхвалялись эпизоды из земной жизни Мессии среди людей, маленькое ядро последователей Иисуса, сплотившихся друг с другом сразу по распятии, стало быстро собирать вокруг себя новых членов, утверждаться в своем понимании всех потрясающих и чудесных событий, через которые они вместе прошли⁷⁹.

⁷⁹ В последующей христианской истории сектантские группы неоднократно воспроизводили все необычные психические проявления, так крепко связывавшие воедино первые христианские общины. Люди, чья повседневная жизнь была полна разочарований, легко впадали в состояние коллективного возбуждения. В таких обстоятельствах страстная религия давала замену, при этом сама находясь на грани массового насилия. Преследования ранних христиан

Следующий великий поворотный пункт в истории христианства основан на деятельности св. Павла. Рожденный в Малой Азии, в эллинистическом городе Тарс, Павел был человеком, принадлежавшим широкому миру, а вовсе не простым галилеянином, как двенадцать апостолов. Благочестивый, образованный и энергичный еврей, он был среди первых гонителей невежественных и богохульных сектантов, проповедовавших о воскресшем Мессии на улицах Иерусалима. Однако на пути в Дамаск, чтобы подстегнуть местную еврейскую общину к борьбе с новым учением в их среде, Павлу открылось видение Иисуса Христа, и он обратился в веру, преследователем которой он ранее был. Увидев Его, Павел стал проповедовать о Воскресении Христа; и говоря по-гречески с аудиториями, усвоившими греческий образ мыслей и обороты речи, он, естественно, привнес явственный эллинистический элемент в свое учение. Неизбежный конец света, сопровождающий второе пришествие Христа, остался в центре христианского учения; но еще более сильный отклик у слушателей-язычников нашло подтверждение из уст самого Павла того, что Иисус Христос действительно восстал из гроба. Такой спаситель мог действительно иметь силу поднять и других из могил, если они в него будут твердо верить и преданно служить ему.

Сразу же в христианских общинах за пределами Палестины встал вопрос о том, остается ли Закон Моисея обязательным к исполнению. Ответ Павла на это был, что Христос отверг Ветхий Завет, открыв новый путь к спасению. Другие последователи Христа считали, что традиционные еврейские обычаи и обряды должны оставаться в силе. Этот вопрос вызвал первый серьезный доктринальный конфликт в христианском сообществе, и, как случается в споре между людьми, каждый из которых убежден в своей правоте, ни Павел, ни Варнава, пришедший из Антиохии, чтобы обсудить возникшую проблему (40 г. н.э.?), не смогли убедить другую сторону. Похоже, было достигнуто согласие, что каждая община будет следовать тому курсу, который ее лидеры сочтут правильным; это, конечно, означало на практике, что Павел и его последователи нашли плодородную почву для своей проповеди среди язычников, тогда как палестинские христианские общины оставались мелкой сектой в иудаизме, поскольку для евреев расхождение между грандиозными мессианскими ожиданиями и тем, чего Иисус действительно достиг в своей жизни, были слишком велики, чтобы убедить тех, кто еще не вошел в христианскую общину и не испытал на себе силу Святого Духа.

и позднейшие преследования христианами язычников, таких как Ипатия (ум. 415 н.э.), ясно показывают близость религиозного возбуждения и ярости толпы в Римской империи. Более близкая к нам история сект, как средневековых, так и нового времени, дает множество подобных примеров.

По мере того как поколение апостолов стало стареть и умирать, становилось очевидным, что следует записать их воспоминания о делах и учении Иисуса. Из этих воспоминаний, дополненных благочестивыми домыслами, направленными на то, чтобы показать, как эпизоды жизни Иисуса действительно подтверждали мессианские пророчества и ожидания, выросли Евангелия. Христианские общины также нашли полезное и авторитетное разъяснение учения в письмах Павла, посланных им некоторым из церквей, которые он установил. Были включены и другие произведения, важнейшим из которых было апокалиптическое видение приближения конца света, получившее название Книги Откровения, пока около 200 г. н.э. не возник канон Священного Писания, признанный всеми христианскими общинами боговдохновенным. Это был Новый Завет, чтение которого стало важной частью христианского богослужения. Еврейское Священное Писание было также включено как часть христианского наследия, несмотря на выпады против него со стороны непримиримо настроенных новообращенных, находивших антропоморфизм и нравственную первозданность некоторых частей Ветхого Завета неприемлемыми.

В 66 г. н.э. в Палестине вспыхнуло массовое восстание, подстегиваемое мессианскими надеждами, схожими с теми, которые разжигал сам Иисус. Рим послал войска для восстановления порядка; в упорной и беспощадной войне, которая последовала за этим, Иерусалим был взят и Храм разрушен (70 г. н.э.). Это потрясение рассеяло или разрушило христианские общины Палестины; их остатки либо влились в большее христианское сообщество за пределами Палестины, либо вернулись в лоно иудаизма. Ранние связи между христианством и иудаизмом были таким образом разорваны; и новая вера вышла на путь покорения греко-римского мира, соперничая не только с языческими верованиями, но и с самим иудаизмом.

Поскольку новообращенные неизбежно привносили с собой в ранние христианские общины свой языческий менталитет, христианство постепенно стало все более похожим на другие эллинистические религии. Однако невозможно было вытравить важнейшие отличия, проистекавшие от иудейской колыбели религии. Подчеркнутая нетерпимость ко всем соперничающим верованиям и крепко спаянная община верующих были наиболее важными из этих отличий. Успешное распространение раннего христианства во многом основывалось на системе благотворительных заведений, с помощью которых верующие помогали друг другу, и на ритуале еженедельных собраний для чтений Писания, восхваления Иисуса и (поначалу) общей трапезы в память о Тайной вечере Иисуса со своими учениками. Это все были вариации на тему общепринятых обычаев в синагогах, приспособленные для распространения раннехристианского учения. Целью было создание спло-

ченного сообщества верующих, рассматривавших окружающий их мир как преимущественно чуждый и пропитанный злом, но которые в своем кругу могли бы насладиться товариществом, особой общественной дисциплиной и страстной надеждой на будущее, издавна свойственными иудаизму.

Христианство соединило эти черты иудаизма с учением, лучше приспособленным к мироощущению греков, и с ритуалами, свободными от предписаний и запретов, оскорбительных для греков. Никакие другие мистические религии Римской империи не могли предложить ничего лучше. Благородная этика, священные тексты, записанные на народном языке, однако подкрепленные древними пророчествами, теплое чувство братства среди верующих, обещание вечной и блаженной жизни, дополненное ярким ожиданием близкого свержения земной несправедливости – все это упорно притягивало к себе массы бедных и обездоленных в больших городах Римской империи и за ее пределами⁸⁰.

Рождение христианства – одна из центральных драм истории человечества. Огромное влияние, оказываемое Иисусом и горсткой простых деревенских жителей Галилеи на последующие поколения человечества, поражает воображение. Успех апостолов в преодолении крушения всех их надежд с распятием Учителя и в переосмыслении всего своего опыта сам по себе чрезвычайен, но еще более чрезвычайны его всемирные последствия; поэтому новый акцент, сделанный в христианском учении св. Павлом, был не менее важным для будущего. Действия, мысли и чувства этой горстки глубоко повлияли на действия, мысли и чувства сотен миллионов людей. Они продолжают оказывать влияние до сего дня и будут продолжать в обозримом будущем; ибо животворная сила христианской веры, надежды и любви, как, впрочем, и не менее могучая сила христианской нетерпимости и предрасудка, никоим образом не истощилась.

БУДДИЗМ И ИНДУИЗМ. Неопределенность ранней христианской истории не идет ни в какое сравнение с неопределенностью, которая окружает эволюцию индийских религий. Несомненно, главная причина здесь заключается в фундаментальной внеисторичности индийского мировоззрения: время и место не имеют никакого значения для тех, кто привычно живет в присутствии бесконечного.

Первое поколение последователей Будды сохранило память о жизни и

⁸⁰ Успешная миссионерская деятельность в Месопотамии, Армении, Эфиопии и Индии началась очень рано, хотя некоторые исследователи подвергают сомнению даты, приписываемые церквями этих земель легендам о своем основании. См. Johann Peter Kirsch, *Die Kirche in der antiken griechisch-römischen Kulturwelt* (Freiburg: Herder & Co., 1930), I, 135-38; Kenneth Scott Latourette, *A History of the Expansion of Christianity. Vol. I: The First Five Centuries* (New York and London: Harper & Bros., 1937), pp.100-108.

учении своего учителя, подобно ученикам Иисуса. Но буддийский канон писаний никогда не был признан закрытым, так что новые идеи и изменения старых идей продолжали восприниматься вероучением на протяжении тысячи лет после ухода Гаутамы. То же справедливо и в отношении индуизма, правда, с тем различием, что, не имея определенного основателя, он освободился от уз истории с самого начала. Индийские секты всегда были многочисленны, но обычно находили возможным мирно сосуществовать друг с другом, поскольку к истине вели многие пути, и никто в индийском контексте не осмеливался возомнить, что лишь ему одному вручены ключи к спасению. Постоянное тесное взаимодействие между этими различными группами Индии делает религиозную историю крайне запутанной.

Несмотря на всю неопределенность, известно, что в период между 200 г. до н.э. и 200 г. н.э. народный индуизм стал выкристаллизовываться из амальгамы священного брахманизма, незапамятных деревенских культов и нового элемента: концепции воплощенного бога, обладающего силой спасти других. Одновременно стало очевидно, что буддизму не удалось завладеть умами всего населения Индии.

Упадок буддизма в Индии произошел вследствие того, что он никогда не предлагал индийским мирянам полной религии. Ранний буддизм не знал никаких ритуалов, связанных с рождением и смертью, браком, болезнью или другими критическими вехами в личной жизни человека; также не были развиты и буддийские ритуалы для общественных нужд. Только для монашеских общин буддизм предоставлял полный и тщательно разработанный образ жизни. Простые люди могли поддерживать веру, принося подаяние монахам или занимаясь медитацией в ступах и других священных местах, чтобы на них снизошла часть сосредоточенной там святости. Правители и богачи могли строить священные сооружения или просвещать население, заказывая статуи, прославлявшие житие Будды. Но брахманы, имевшие наготове ритуалы и священные заклинания для отведения опасности или уменьшения нанесенного вреда, все же требовались для повседневных кризисов. Этот элементарный факт обеспечил выживание брахманизма в Индии, несмотря на энергичную атаку, которую с VI в. до н.э. буддизм и джайнизм вели на жертвоприношения и претензии жрецов.

Предлагая свои услуги широкой общественности в качестве специалистов по ритуалу, брахманы постепенно приспособились к воззрениям людей, которым они служили. Как сейчас, так и тогда деревни Индии были населены людьми разных культур, говорящими на разных языках. С незапамятных времен крестьяне сохраняли и развивали почитание несметного множества богов и духов, некоторые из которых принимали человеческое обличье, некоторые – звериное или иное. Идентифицируя местные боже-

ства с фигурами из ведического пантеона, брахманы помирили эти культы с ведической религией и привили деревенскому благочестию некие высшие метафизические соображения, воспринятые из оригинальной арийской религии.

Со временем две фигуры – великие боги Шива и Вишну – приняли на себя сложную смесь поверий и мифов, пока не стали соперничающими, но взаимодополняющими верховными божествами индуизма. Не похоже, что циклы мифов – связанные воедино учением об аватарах, согласно которому Вишну и (вероятно, по аналогии) Шива перевоплощались постоянно в разных формах – возникли в виде, напоминающем классический, ранее IV–VI вв. н.э. Многочисленные божества, названные аватарами великих богов, ранее вели самодостаточное существование; и индийцы продолжали почитать десятки, если не сотни, других божеств, которые не нашли себе места в культах Вишну или Шивы. Имея перед собой практическую задачу обеспечивать религиозные нужды людей, почитавших такое множество божеств, брахманы стали рассматривать каждое малое божество как частичное воплощение вселенской духовной сущности, являемое в соответствии с уровнем понимания их почитателей. Такая амальгама может быть названа индуизмом, хотя лучше оставить этот термин для более поздней эпохи, когда систематический пантеон и особый мистический культ придали некую форму переплетению местных религиозных воззрений.

В длительной перспективе буддизм не устоял против индуистского синтеза высокой метафизики и низкого суеверия. Тем не менее до того, как распасться на множество течений, из которых они вышли, индийские буддийские секты прошли через далеко идущие изменения, которые приспособили их к эмоциональным нуждам мирян, не имевших возможности или желания принять строгость монастырского режима.

Идеал раннего буддизма заключался в мысленной и физической дисциплине, достигавшей вершины в мистическом опыте, определяемом как растворение себя, или нирвана. Отдельные личности, достигшие такого состояния, назывались архатами, и считалось, что они избегали колеса перевоплощений. Но на протяжении приблизительно двух веков от начала христианской эры появилась и нашла поддержку среди буддистов довольно отличная от этой концепция высшей цели религиозной жизни. Некоторые учителя стали считать, что вместо поиска эгоистической цели растворения личности и достижения достоинства архата святые люди должны воздержаться от достижения нирваны, чтобы помочь другим, более грешным и заблуждающимся людям, взойти по ступеням перевоплощения и в итоге

избегнуть страданий бытия. Такие религиозные подвижники были названы бодхисаттвами, и считалось, что они населяют свои собственные небеса, ожидая того момента, когда они сочтут возможным достичь своего заключительного перевоплощения и нирваны.

Неясно, как точно произошло это радикальное смещение акцента в буддизме. Давление, оказываемое мирянами, не могущими или не желающими блюсти дисциплину, необходимую архату, но тем не менее стремящимися к спасению, могло быть одним из элементов такой трансформации. Возможно, другим была конкуренция со стороны восходящих культов Вишну и Шивы: наверняка некоторые детали деяний и способностей, позже приписываемых разнообразным бодхисаттвам, были заимствованы из мифологии, окружавшей этих два великих индуистских божества.

Истолкование природы самого Будды также помогло сформировать новое учение. Гаутаме Будде издавна приписывались сверхъестественные и чудесные способности, пока с течением времени сама личность Гаутамы перестала иметь значение. Термин «будда» стал использоваться для обозначения трансцендентного принципа основы мироздания, а воплощения Будды умножились, пока собственно Будда VI в. до н.э. не превратился просто в частный случай более сложной буддологии. Рассуждения о том, какие предыдущие жизни могут подготовить личность к воплощению в Будду, привели к концепции бодхисаттвы, т.е. Будды *in potentia*, потенциально. Бодхисаттвы, в свою очередь, приняли вселенский масштаб, их число возросло бесконечно, и вокруг некоторых из них выросла сложная мифология. Наконец, в буддизм был допущен ритуал молитвы, поклонения и самопосвящения тому или иному бодхисаттве. Такая преобразованная форма буддизма, названная махаяной, или большой колесницей, стала религией, предлагавшей личное спасение, полностью способной соперничать с другими религиозными культами за внимание и почитание простых мирян.

Среди махаянистов идеал личного растворения как конечной цели духовной жизни стал постепенно угасать. Чтобы уйти от вызывавшей чувство неловкости пустоты на вершине своей лестницы перевоплощений, богословы махаяны приписали множественную сущность воплощениям Будды. В то время как одна сущность может проследовать к нирване и старомодно раствориться, другие остаются как вселенские принципы, чтобы помогать человечеству на пути к спасению. С типично индийским размахом буддийская мысль постулировала не одно, но сотни, тысячи и в конечном счете бесконечное число таких спасителей – столько, сколько песчинок в Ганге, согласно одному из текстов, – на чью помощь обычные верующие могут уповать в своих молитвах. Не только монахи, но любой человек, каким бы слабым и грешным он ни был, может надеяться постепенно встать на путь

Будды и после приличествующего числа перевоплощений стать бодхисаттвой и даже самим Буддой.

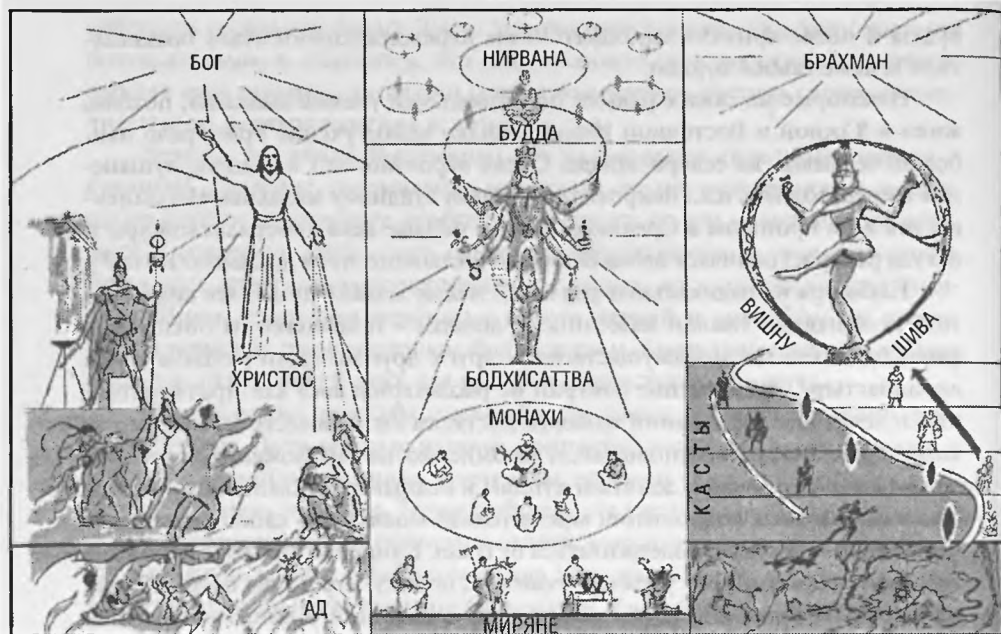
Некоторые из самых ранних последователей учения махаяны, похоже, жили в Южной и Восточной Индии; однако новое учение приобрело наибольший размах на северо-западе. Очень вероятно, что Канишка, кушанский император II в. н.э., покровительствовал буддизму махаяны. Несомненно, эта вера проникла в Среднюю Азию в первые века христианской эры и оттуда распространилась вдоль Великого шелкового пути до самого Китая⁸¹.

Несмотря на радикальные различия между махаяной и более консервативной хинаяной (малой колесницей), монахи – приверженцы обеих этих форм буддизма мирно сосуществовали друг с другом, часто в одном и том же монастыре. Расхождение доктрин не рассматривалось как противостояние; и некоторые из писаний хинаяны достигли Китая вместе с потоком махаяны. Успех махаяны основывался, несомненно, на предложении более теплой надежды мирянам – занятым купцам и бедным ремесленникам, – которые в их текущем воплощении могли только молиться о своем спасении и по мере возможности воздерживаться от греха. Однако на Цейлоне и в Бирме удержалось более старое учение, возможно, потому, что в этих более бедных землях урбанизация, порождавшая мысль о спасении у лишенной корней массы общества, еще не зашла слишком далеко.

Трансформация буддизма, выразившаяся в создании учения махаяны, была столь же радикальной, как и та, что произошла с христианством, когда оно покинуло свою колыбель иудаизма и вышло в греко-римский мир. Более того, в обоих случаях направление изменений было аналогичным: более ранние акценты были дополнены и постепенно заменены народной религией, предлагавшей высокие нравственные принципы в этом мире и надежду на спасение в ином. Буддология с ее умножением спасителей в общем напоминает христологию: центральной для обеих была идея о божественном воплощении.

Что-то большее, чем просто сходство общественных условий, должно было присутствовать в землях, где сформировались эти религии. Тем не менее большинство исследователей буддизма лишь вскользь упоминают о том, что иранские или эллинистические идеи могли оказать важное влияние на развитие махаяны. Несомненно, некоторые детали не ускользнули от

⁸¹ Даты, когда некоторые тексты махаяны были переведены на китайский язык, дают единственный *terminus ad quem* (наиболее позднюю возможную дату) распространения махаяны в Индии.

ХРИСТИАНСТВО

БУДДИЗМ МАХАЯНЫ

ИНДУИЗМ

МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

внимания историков: например, фигура будущего Будды, Майтрейи, напоминает Митру⁸². Один-два бодхисаттвы определенно обладают иранскими чертами, показывая, что индийский писатель, создававший эти рассказы, возможно, заимствовал случаи и описания из иранской религии. Однако такие детали не более значительны, чем появление Будды под именем Варлаама в христианской агиографии в VII в. н.э.

Центральная идея как христианства, так и буддизма махаяны состоит в концепции божественного спасителя или спасителей, принявших людское воплощение, чтобы указать человечеству путь к блаженной жизни после смерти. Давно признано, что христианская сотериология (учение о Спасителе) происходит главным образом из греческой философии; возможно, то же

⁸² Сама идея о спасителе, который должен явиться в будущем, возможно, проникла как в иудаизм, так и в буддизм из иранских источников. Однако эсхатология никогда не играла большой роли в буддийской философии, поскольку люди, привыкшие рассуждать о множественности миров и спасителей, не могли придавать чрезмерного значения приближающемуся концу одного, отдельно взятого мира, в котором они по стечению обстоятельств живут, или даже приходу следующего Будды из бесконечной череды его воплощений.

верно и для буддизма махаяны. Широкие возможности такого взаимопроникновения греческой и индийской мысли существовали. Например, один из греческих царей Северной Индии по имени Менандр (II в. до н.э.) снискал в индийских кругах репутацию ученого-философа. Об этом свидетельствует буддийский религиозно-философский диалог, где он выступает в качестве протагониста⁸³. После времени Менандра поддерживались тесные торговые контакты между Индией и эллинистическими городами Восточного Средиземноморья; и хотя купцы не были философами, они вполне могли передать те народные религиозные воззрения, которые лежали в основе христианской сотериологии⁸⁴. Следовательно, разумно предположить, что учение махаяны могло быть существенно стимулировано эллинистическими воззрениями. Но мы скорее всего никогда этого точно не узнаем, поскольку какие бы связи через культурные границы ни осуществляли люди скромного социального происхождения – купцы, моряки, караванщики и др., – они не оставили записей о своих контактах с чужеземцами⁸⁵.

История искусства также поддерживает гипотезу о том, что христианство и буддизм махаяны, возможно, разделяют эллинистическую сотериологическую тенденцию. Отпечаток эллинизма гораздо яснее виден в буддийском искусстве, чем в буддийской теологии, так как самые ранние портреты Будд и бодхисаттв явно основаны на эллинистических прототипах. В самом деле, греческий обычай изображать богов и героев в виде людей должен был служить популяризации идеи о божественном воплощении среди необразованных и непривычных к абстрактным рассуждениям людей. Для утонченного грека или римлянина II в. н.э. статуя Аполлона могла быть просто красивым произведением искусства; для индийца такая статуя требовала

⁸³ Книга называется *Milindapanha*, переведенная как *The Questions of King Milinda* (T.W.Rhys Davids [trans.] in F.Max Müller, *The Sacred Books of East* (Oxford: Clarendon Press, 1890–94), Vols.XXXV–XXXVI. Святой, отвечающий на вопросы Милинды, монах Нагасена, был, возможно, одной из главных фигур, развивших учение махаяны. Однако не стоит даже вопрос об историчности диалога.

⁸⁴ Тщательное исследование удивительно обширных следов, оставленных в индийской литературе яванами, или греками, можно найти в работах: Sylvain Levi, «La Grèce et l'Inde d'après les documents indiens», *Revue des études grecques*, IV (1891), 24–25. См. также Gauranga Nath Banerjee, *Hellenism in Ancient India* (2d ed.; Calcutta: the author, 1920); Eugene F.A. comte Goblet d'Alviella, *Ce que l'Inde doit à la Grèce* (Paris: Leroux, 1897); Richard Fick, «Die buddhistische Kultur und das Erbe Alexanders des Grossen», *Morgenland Darstellungen aus Geschichte und Kultur des Ostens*, Heft 25, 1933; K.A.Nilakanta Sastri, «Ancient Indian Contacts with Western Lands», *Diogenes*, No.28 (1959), pp.52–62.

⁸⁵ Некоторые центральные фигуры в развитии учения махаяны – Ашвагхоса, поэт, драматург и буддийский моралист и Нагарджуна, утонченный философ буддизма – традиционно связываются со двором Канишки. Этот двор получал существенную прибыль от таможенных сборов с купцов, пересекавших царство; и в главных торговых центрах царства должны были постоянно сменяться гости из самых разных стран. См. R.Ghirshman, *Bégram*, pp.150–54.

сложного объяснения: как бог может быть человеком? И когда Будд и бодхисаттв также стали изображать в виде людей, рассуждения, уже превратившие Будду во вселенский принцип, должны были потребовать переосмысления и повторного объяснения. Учение махаяны могло, собственно, во многом вырасти из такого взаимодействия между традициями искусства и богословскими рассуждениями.

Остается открытым вопрос, который, возможно, стоит задать: если идеи эллинизма действительно играли формирующую роль в развитии махаяны, то значит, две главные религии нашего времени – единокровные сестры, выросшие из семени эллинизма, оплодотворившего двух разных матерей, еврейскую и индийскую; тогда как чуть выше на семейном генеалогическом древе виден персидский тесть? Несомненно, Индия не испытывала недостатка в плодотворных религиозных новшествах; и большая часть мифологии махаяны, основополагающая вневременность буддийского мироощущения и замечательная множественность воплощенных спасителей без всякого сомнения происходит исключительно из Индии. Греческие идеи могли дать ключевой толчок развитию концепции махаяны о спасении; но их разработка и артикуляция происходили в преимущественно индийском окружении⁸⁶.

РЕЛИГИИ ИРАНА И КИТАЯ. Состояние, в котором находился зороастризм при парфянах, его отношение к митраизму и другим иранским культам и религиозная политика и верования парфянских правителей нам просто неизвестны⁸⁷. Некоторые монеты дают основания полагать, что отдельные парфянские правители не склонны были покровительствовать греческим обычаям и подчеркивали исконную иранскую религию⁸⁸. Мы знаем, что

⁸⁶ Для этих рассуждений о началах индуизма и буддизма махаяны я использовал следующие источники: Edward Conze, *Buddhism: Its Essence and Development* (New York: Philosophical Library, 1951); Edward J. Thomas, *The History of Buddhist Thought* (2d ed.; New York: Barnes & Noble, 1951); Nalinaksha Dutt, *Aspects of Mahayana Buddhism and Its Relation to Hinayana* (London: Luzac & Co., 1930); A. Berriedale Keith, *Buddhist Philosophy in India and Ceylon* (Oxford: Clarendon Press, 1923); Helmut von Glasenapp, *Die fünf grossen Religionen* (Düsseldorf-Cologne: Eugen Diederichs Verlag, 1951), Vol. I; Har Dayal, *The Bodhisattva Doctrine in Buddhist Sanskrit Literature* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1932); Emil Abegg, *Der Messiasglaube in Indien und Iran* (Berlin and Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1928); Paul Masson-Oursel et al., *L'Inde antique et la civilisation indienne* (Paris: Albin Michel, 1951); Paul Levy, *Buddhism: A «Mystery Religion»?* (London: Athlone Press, 1957); A. L. Basham, *The Wonder That Was India*; Helmut von Glasenapp, *Der Buddhismus in Indien und in Fernen Osten* (Berlin, Zurich: Atlantis Verlag, 1936).

⁸⁷ Roman Ghirshman, *L'Iran des origines à l'Islam* (Paris: Payot, 1951), pp. 228, 239-43; R. C. Zaehner, *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1961).

⁸⁸ Такая смена политики, возможно, отражала трения между частично эллинизованными городами и собственно иранской сельской местностью, характерные для Ирана и частей Месопотамии с момента македонского завоевания. Цари, опиравшиеся на города для поддержки против всегда непокорной иранской аристократии, покровительствовали городской культуре, все еще носившей отпечатки эллинизма, тогда как монарх, зависевший от поддержки провин-

культ Митры играл важную роль на территории Римской империи и был сперва тепло принят латиноязычным населением на Западе. В III–IV вв. н.э. митраизм фактически превратился в наиболее сильного соперника христианства в римском мире.

В форме, известной римлянам, митраизм был религией, обещавшей блаженное бессмертие; и он сохранил дуализм зороастризма, признавая силу зла во вселенной наравне с силой добра. Но к иранской основе митраизма добавились месопотамские, эллинистические и сирийские мотивы – синкретизм, вероятно, возникший в Анатолии в I в. до н.э., приблизительно в эпоху римского завоевания этого региона. Наиболее уязвимым местом данной религии было то, что община верующих была исключительно мужской, что хорошо вписывалось в жизнь военного лагеря, но не подходило обществу в целом. Возможно, из-за этого митраизм в итоге не смог утвердиться ни в Риме, ни где-либо еще.

Ситуация в Китае была другой, поскольку там полностью отсутствовал всплеск религиозного новаторства, столь характерный для остальной цивилизованной Евразии между 100 г. до н.э. и 200 г. н.э. Большую часть этого периода политические и социальные структуры ханьского Китая оставались нетронутыми; а конфуцианство и даосизм, вероятно, удовлетворяли религиозные потребности населения. Во времена поздней династии Хань конфуцианство разрослось в доктрину, включающую, помимо нравственных устоев, учение о природном и духовном мире. Как государственные, так и семейные ритуалы включили в себя почитание Мудреца (Конфуция); и конфуцианство таким образом приобрело черты государственной религии⁸⁹. Однако эти изменения вряд ли можно назвать нововведениями. Они скорее носили характер консолидации, когда учения, ранее разработанные другими китайскими течениями, главным образом инь-ян, были включены в официальное конфуцианство.

Лишь к концу II в. н.э., когда империя Хань стала клониться к разрушению, в Китае проявились признаки религиозного брожения. Например, даосизм стал ассоциироваться с народными движениями, направленными против власти, хотя никакое изменение в доктрине, кажется, не сопровождало таких политических проявлений. В то же время буддизм стал пускать корни в Китае. Однако его главные успехи приходятся на эпоху уже после

циальных помещиков скорее всего откатывался к зороастризму или какой-либо модификации этой древней веры как к знаку своего иранского самосознания. Похожие трения и колебания двора стали более резкими в эпоху Сасанидов; а раскол между суннитами и шиитами в исламе пронес отзвук подобных социальных противоречий до более поздних времен.

⁸⁹ См. Fung Yu-lan, *A History of Chinese Philosophy*, II, 7-132; John K. Shryock, *Origin and Development of the State Cult of Confucius* (New York: Appleton-Century, 1932).

падения династии Хань, когда вторжения варваров и внутренние междоусобицы разрушили старое общественное устройство Китая и подготовили умы людей к учению, совершенно чуждому более ранней китайской мысли⁹⁰.

ИТОГИ. Религиозные искания покоренных народов и лишенного корней городского населения Западной Азии в первые века христианской эры знаменуют глубокую перемену в истории человечества. Взлет христианства, индуизма и буддизма махаяны предлагал мировоззрение, позволявшее людям встречать лицом к лицу любые выпавшие на их долю невзгоды с подобием оптимизма, поскольку, согласно каждому из этих вероучений, сущий мир – лишь преддверие мира иного. Разрушение имперских государств, открывшее путь смыканию ойкумены, фактически ускорило прогресс этих религий. Они расцветали во времена смуты, будучи готовы предложить утешение всему обществу, как в младенчестве своем предлагали утешение бедным и угнетенным.

Общества прежних эпох не знали ничего похожего на эти религии спасения. Возможно, пророческие и экстатические религиозные движения X–VIII вв. до н.э. в Анатолии и землях Восточного Средиземноморья были аналогичной реакцией на развал цивилизованного общества тех времен. Но эта параллель только подчеркивает, насколько цивилизованный мир развился между X в. и I в. до н.э., поскольку за важным исключением пророческого иудаизма такие движения более раннего периода не преуспели в создании институтов с доктринами, способными влиять на жизни людей в течение многих поколений и веков. Египетская религия с ее постепенной демократизацией бессмертия, ее жреческой организацией и вычурной мифологией, возможно, ближе других подошла к предощущению акцентов и организационного устройства высших религий; но египтяне считали, что загробная жизнь уступает земному существованию; и миссионерского импульса, столь характерного как для христианства, так и для буддизма у них совершенно не было. Скорее наоборот, понимание религии как связанной с данной географической точкой, как драгоценного дара особому народу придало египетской и почти всем другим религиям древности глубоко парохийальный характер, диаметрально противоположный подчеркнутому универсализму религий спасения.

Христианство, индуизм и буддизм махаяны представляли, может быть, первую действительно удовлетворительную адаптацию человеческой жизни к обезличенности и людскому безразличию в урбанизированных агломератах. Религии природы, персонифицирующие силы земли и неба, были спо-

⁹⁰ В конце концов, христианство покорило Римскую империю лишь при схожих обстоятельствах.

события удовлетворить психологические нужды крестьян, связанных между собой близкими и личными социальными узами. Государственные религии были адекватны для ранних цивилизованных народов с их практически однородным культурным багажом и крепким личным отождествлением с общественными и политическими структурами. Но как только такие однородность и спаянность цивилизованного сообщества рушились – а рушились они неминуемо, когда с ростом территорий критически осложнялись культурные и социальные системы, – официальные и государственные религии уже не могли удовлетворить растущее число маргиналов, в лучшем случае способных терпеть отторжение от всех сообществ. Мы наблюдали, как вавилонская религия оказалась неспособной удовлетворить такие нужды⁹¹; и греко-римская религия города-государства также проявила те же недостатки, как только города-государства перестали быть сплоченными, психологически самодостаточными общественными микрокосмосами.

Чтобы обеспечить спокойствие сознания в большом городе, где ежедневно приходится иметь дело с незнакомцами, где бедные и богатые – это существа разных культурных миров и где безличные силы, такие как государственное принуждение или рыночные колебания, больно и непредсказуемо вторгаются в повседневную жизнь, требовалось нечто большее, чем поклонение силам природы или государственная религия. Знание о спасителе, заботящемся и охраняющем каждую человеческую пылинку, плывущую по воле волн в подобных массовых сообществах, и уверенность в будущей жизни, где ждет воздаяние за все зло и страдание этого мира, несомненно, оказывали огромную помощь людям перед лицом трудностей или катастроф. Кроме того, сама религиозная община, спаянная верой и благотворительностью, предлагала жизненно важную замену первичному сообществу, в котором все взаимоотношения были личными, из которого выросло человечество и к которому, видимо, инстинкты человеческие остались фундаментальным образом приспособлены. Даже если мы отвлечемся от вопроса о доктринальной истине или заблуждении, христианство, индуизм и буддизм махаяны вооружили людей успешнее, чем до тех пор, для жизни в цивилизации мегаполисов⁹². Возможно, следовательно, рождение религий

⁹¹ См. также Книгу Иова.

⁹² Со временем, конечно, такие религии распространились широко за пределами городских поселений, поскольку ответы, которые они давали на вопросы, постоянно возникающие в жизни человека, были так же приемлемы для людей, чьи жизни были не столь атомизированы, как в городах, где эти религии впервые возникли. В то же время существование высших религий облегчило и усилило последующий рост городов, смягчив социальные трения и поддерживая нравственную солидарность между всеми слоями и сословиями (при условии, что они принадлежали к одной вере) на более высоком уровне, чем мог бы быть достигнут без таких религий.

спасения обеспечило, и уж точно облегчило, выживание и возрождение общества больших городов.

3. ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ЕВРАЗИИ В 100 Г. ДО Н.Э. – 200 Г. Н.Э.

Несмотря на преобладание новых процессов в религиях связующих их земель, центры ойкумены – Китай, Индия и Рим – оставались в основном консервативными. Чужеземные идеи и обычаи не привлекали образованных людей в этих цивилизациях, уже обладавших вполне удовлетворительным собственным культурным багажом и имеющих возможность пренебрегать всем, что ему не соответствовало.

На Среднем Востоке ситуация была иной. Космополитическая цивилизация этого региона настолько пострадала от ударов, нанесенных Александром и его наследниками, что проявилась тенденция ее распада на отдельные составляющие элементы – египетский, месопотамский, еврейский, иранский. Каждая из этих культур в отдельности должна была найти ответ на неуклонное проникновение ценностей эллинизма. Ни египетская, ни месопотамская жреческая ученость не вынесли такого натиска. Вавилонянин Берос (ок. 250 г. до н.э.), переселившийся на эгейский остров Кос, где он перевел на греческий язык астрономическое и историческое наследие жрецов Бел Мардука, и Манефон, сделавший то же для своей родной египетской традиции приблизительно в тот же период, представляют собой последний вздох интеллектуальной энергии, который можно отнести к их соответственно жреческим традициям. Более не в силах оставаться самими собой, древние религии Месопотамии и Египта вступили в фазу далеко идущей трансформации, сливаясь с греческими идеями и формами, в восточные мистические религии, которыми был проникнут мир Римской империи, начиная с I в. до н.э. Из Египта вышел культ Исиды и Сераписа; Месопотамия породила астрологию. В таких измененных и замаскированных формах, следовательно, часть древней мудрости Среднего Востока продолжала свое существование; но групповое самосознание этих двух традиций было утрачено навсегда.

С другой стороны, евреи оказались способны сохранить независимость своей культурной традиции даже в условиях повторившейся политической катастрофы. Во время восстания 66–70 гг. н.э. римские армии разрушили Иерусалимский храм и уничтожили его жрецов. Полное исчезновение еврейских крестьян в Иудее вследствие второго Палестинского восстания (132–135 гг. н.э.) также не смогло поколебать иудаизм, так как городские общины

диаспоры сохранились. В общем, мессианское возбуждение, из-за которого вспыхнули неудавшиеся восстания 66 г. и 132 г. н.э., утихло; скорое пришествие Мессии более не ожидалось; и большие надежды прошлых дней воплотились в ученых комментариях к юридическим, философским и полемическим аспектам Писания. Храм заменили школы раввинов, поскольку было необходимо подготовить специалистов по адаптации Закона и Пророков к повседневной жизни. Наиболее важная из этих школ находилась в Галилее⁹³, где был утвержден канонический текст иудаистского Ветхого Завета во II в. н.э. Таким образом, иудаизм продолжал оставаться живой религией и под руководством ученых раввинов смог оказать сопротивление как эллинизму, так и христианству⁹⁴.

Иран находился где-то посередине. Конечно, персидская литературная традиция сохранила некоторую преемственность между временем Заратуштры и возрождением национальной культуры при Сасанидах после 226 г. н.э. Однако там также имелся значительный синкретизм, как свидетельствует абсолютно туманная литературная и интеллектуальная родословная Авесты, священного писания зороастризма эпохи Сасанидов⁹⁵.

Таким образом, космополитизм древнего Среднего Востока развалился как культурно, так и политически в период между 100 г. до н.э. и 200 г. н.э. Эллинистические и индийские влияния распространились по региону; вторжения степных кочевников прибавили в смесь свежий варварский элемент, и получившийся в результате культурный синкретизм нашел проявление главным образом в религии.

Никакой подобной фрагментации в римском мире не произошло. Здесь традиции древнегреческой и эллинистической цивилизации продолжали под держиваться, пусть и с уменьшенной энергией. Греческая философия, риторика, историография и художественная литература приобрели латинские параллели; при этом словарный запас латинского языка позволил передать высокую культуру греческого Востока разным народам Западного Средиземноморья. Большая работа по приспособлению греческой учености к латинскому наречию и темпераменту была проведена в I в. до н.э. Цицеро-

⁹³ Население этой области не было изгнано после великой войны 132–135 гг. н.э.

⁹⁴ Salo W. Baron, *A Social and Religious History of the Jews* (2d ed.; Philadelphia: Jewish Publication Society, 1952), II, 89–128.

⁹⁵ Jacques Duchesne-Guillemin, *Ormazd et Ahriman, L'Aventure dualiste dans l'antiquité* (Paris: Presses Universitaires, 1953), pp. 55–134; H. S. Nyberg, «Die Religionen des alten Iran», *Mitteilungen der Vorderasiatische-ägyptischen Gesellschaft*, Band 43 (Leipzig: J. C. Hinrichs, 1938); R. C. Zaehner, *Dawn and Twilight of Zoroastrianism*.

ном (ум. 43 до н.э.), Лукрецием (ум. ок. 55 до н.э.) и Катуллом (ум. ок. 54 до н.э.). В следующем поколении Вергилий (ум. 19 до н.э.), Гораций (ум. 8 до н.э.) и Ливий (ум. 17 н.э.) привели латинскую литературу к ее высшим достижениям. Впоследствии мир, царивший в империи, и спокойная жизнь знатного римлянина не способствовали созданию серьезных интеллектуальных или художественных произведений. Восторжествовал дух дилетантизма и отчасти архаизма, ненадолго прерванный лишь острым жалом исторических трудов Тацита (ум. ок. 117 н.э.)

II в. н.э. стал свидетелем некоторого возрождения греческой литературы, например, в работах Плутарха (ум. ок. 120 н.э.), и очень важной для последующих поколений кодификации древнегреческой науки в трудах Галена (ум. ок. 200 н.э.) по медицине и Птолемея (ум. после 161 н.э.) по астрономии и географии. Казалось, невозможно превзойти само совершенство и математическое изящество астрономии Птолемея и обширный, систематический характер медицины Галена, и потому их труды в какой-то мере способствовали замедлению развития греческой науки. Акцент исследований сдвинулся в сторону метафизических и отчасти богословских вопросов, от чего эффект замедления еще больше усиливался.

Законы природы, проанализированные с математической и с описательной точек зрения Птолемеем и Галеном, носят черты интересного и, возможно, не вполне случайного сходства с законами государств, выработанными поколениями римских юристов. Римская юриспруденция достигла вершины в работах таких правоведов, как Ульпиан и Папиниан, живших в самом конце II в. н.э. и в начале III в. н.э. Концепция объективного закона, применимого к делам людей, однако действующего в согласии с природой и разумом и независимо ни от божественного откровения, ни от прихотей и страстей человеческих, была присуща лишь Риму и обществам, происходящим от римской цивилизации. Другие цивилизованные народы, несомненно, имели законы и своды законов; но их законы обычно относились лишь к вопросам уголовным или государственным, оставляя частные отношения на частное усмотрение или разбирательство согласно обычаям⁹⁶. Римское право, разработанное в космополитической среде империи, попыталось классифицировать и прояснить правила, относящиеся к огромному множеству как общественных, так и частных ситуаций. Понятия собственности, договора, владения, которые столь неотделимы от нашей повседневной жизни, что мы едва замечаем их существование, получали все более точное

⁹⁶ Включение частных взаимоотношений в сферу действия римского права, несомненно, было унаследовано от тоталитаризма ранней полисной организации, возносившей территориальное государство превыше любых иных человеческих связей.

определение, так что конкретные споры можно было свести к судебной процедуре и разрешить в соответствии с заранее известными правилами в ходе юридического процесса. Для сложного урбанизированного и индивидуализированного общества преимущества такой юридической системы были огромны, поскольку теперь можно было безопасно иметь дело с незнакомцами, зная, что споры будут разрешены даже в необычных случаях. Ни одна древняя цивилизация не создала правовой системы, сравнимой с римской по всеобщности и детальности. В других местах местные обычаи, групповой дух, семейные традиции играли гораздо большую роль, при этом оставляя немало возможностей для личного произвола правителей и чиновников.

Трудно преувеличить значение римского права для последующей европейской цивилизации. Когда в Западной Европе после XI в. снова стали развиваться города, уже имелся наготове внушительный корпус римского права. Модели, которые он предложил для преобразования хаотического обычного права, действовавшего в Европе до той поры, автоматически подсказали, стабилизировали и открыли новые горизонты для городской жизни и рыночной активности⁹⁷.

В Индии период от 100 г. до н.э. по 200 г. н.э. совпал с бурным развитием искусства и литературы, продвигавшихся к своему «классическому» выражению в период империи Гуптов (320–535 гг. н.э.). Две великие эпические поэмы индийской литературы «Махабхарата» и «Рамаяна» к 200 г. н.э., вероятно, почти приобрели окончательную форму; а литературный санскрит, основанный на грамматических предписаниях Панини, уже превратился в настоящий, пусть искусственный, литературный язык. Однако хронологическая неопределенность не дает возможности приписать большинство литературных памятников классического санскритского искусства и литературы какому-либо точному периоду ни до, ни после 200 г. н.э. Так что, лучше всего отложить их обсуждение до следующей главы, несмотря на риск приуменьшить достижения Индии до эпохи Гуптов.

⁹⁷ Более того, отношение между человеческими законами, естественными законами и научными законами природы всегда было близким. Умы, привыкшие к тому, что закон управляет одной областью жизни, легко могли переключиться на поиск законов, действовавших и в других областях. См. рассуждения, приведенные выше, об ионийской философии и законах полиса. И наоборот, в обществах, где законы не действовали столь полно, как в римском порядке вещей, люди с гораздо меньшей вероятностью могли раздумывать над закономерностями, проявляющимися в неодушевленной природе. Следовательно, идея о том, что современная наука многим обязана римскому праву, вовсе не надумана. См. сравнение между китайским и европейским отношением к закону, как человеческому, так и научному: Needham, *Science and Civilization in China*, II, 518–83.

В Китае, по крайней мере, мы не сталкиваемся с хронологическими трудностями; в эпоху Хань была проведена успешная консолидация множества унаследованных китайских традиций под знаменем ставшего официальным конфуцианства. Благодаря разработке календаря возросли знания в областях математики и астрономии⁹⁸; но литературные и философские изыскания продолжали занимать центральное место в интеллектуальной жизни Китая. Для таких изысканий главное значение имела текстуальная аутентичность; этот вопрос соответственно вызвал серьезный спор между сторонниками школ «Нового текста» и «Старого текста»⁹⁹. Помимо мелких разночтений, школы разделяли вопрос о том, насколько допустимо позволять понятиям инь-ян, и связанным с ними, влиять на их толкование конфуцианства. Ученые «Старого текста» отвергали такое извращение наследия Учителя; ученые «Нового текста» стремились читать между строк, отыскивая намеки и символическое значение за поверхностным (и иногда довольно тривиальным) смыслом классических текстов. Не ограничившись учеными спорами, которых хватало, дискуссия привела к созданию первого систематического словаря китайского языка, организованного, как до сих пор устроены китайские словари, в соответствии с корнями иероглифов.

Во времена Хань достигла зрелости китайская историография. Сыма Цянь (145–86 до н.э.) в своей многотомной истории Китая (и даже всего мира, известного китайцам) установил рамки, в которых китайская история продолжает существовать до сего дня. Сыма Цянь признал и сделал канонической теорию о том, что каждая династия была установлена особенно добродетельным правителем, а затем постепенно утрачивала эту добродетель, пока небеса не теряли терпение и не заменяли ее следующей династией. Эта идея имела древние корни в Китае, но Сыма Цянь был первым, кто уложил факты истории в эти рамки; его успех привел к тому, что такая схема стала обязательной для последующих историков. Помимо канвы политических событий, организованных по этому принципу, история Сыма Цяня включа-

⁹⁸ Различные системы календаря стали средствами политической борьбы, особенно во время узурпатора Ван Мана (9–24 гг. до н.э.). В результате этих споров поздняя династия Хань ввела новый календарь, который был более точен астрономически, чем календарь Ван Мана. См. Wolfram Eberhard, «Contributions to the Astronomy of the Han Period, III», *Harvard Journal of Asiatic Studies*, I (1936), 194–241. Для подробного, хоть и слишком специального и организованного по темам, описания китайской математической астрономии см. Joseph Needham, *Science and Civilization in China*, III, 1–461.

⁹⁹ Первая основывала свое понимание конфуцианской классики на текстах, восстановленных в начале эпохи Хань после того, как запрет, наложенный императором Цинь на книги Конфуция (213 г. до н.э.), был снят. Последователи школы «Старого текста», с другой стороны, утверждали, что они основываются на более достоверных версиях, записанных более старым иероглифическим письмом и датированных временем до уничтожения книг Конфуция.

ет трактаты на темы музыки, жертвоприношений, фонтанов, военного дела, описывая их развитие от зарождения и до времени жизни историка. Другие приложения рассказывали о жизни древних родов Китая, а самая объемная часть была занята биографическими эссе, посвященными выдающимся личностям. Работа Сыма Цяня соединила размах Геродота с точностью Фукидида (в намерении, если не всегда в исполнении), а его пример создал форму, в которой отливалась вся последующая историография Китая¹⁰⁰. В результате следующий значительный историк эпохи Хань – Бань Гу (32–92) в точности придерживался образца своего предшественника в составлении истории ранней династии Хань¹⁰¹.

Мы гораздо меньше знаем об интеллектуальном подполье эпохи Хань. Похоже, оно было населено даосскими мудрецами, занимавшимися опытами по получению эликсира, способного обеспечить власть и долгую жизнь или даже бессмертие тому, кто его выпьет. Часть терминологии и концептуальных рамок позднейшей европейской и арабской алхимии, похоже, происходит отсюда. Но распространение алхимии на Запад, так же как и движение астрологии на Восток, стало значительным лишь в течение столетий, следующих за 200 г. н.э. Консерватизм учености был таковым, что даже когда торговые связи делали интеллектуальный контакт возможным, не происходило серьезного обмена идеями, пока сильные социальные потрясения не изменили настрой жизни в Китае, Индии и Европе.

Технология была несколько менее, но только несколько менее, консервативна. Происходили существенные миграции полезных растений и животных; но мастерство и секреты ремесленников распространялись лишь изредка. Так, например, знакомство с хлопком, сахарным тростником и курами, впервые одомашненными в Индии, пришло как в Китай, так и в Западную Евразию в эту эпоху, когда Китай познакомил Западную Евразию с абрикосом, персиком, возможно, также цитрусовыми, вишней и миндалем. Взамен китайцы импортировали люцерну и ряд культурных растений, а также больших иранских лошадей¹⁰².

¹⁰⁰ О Сыма Цяне см. Burton Watson, *Ssu-ma Ch'ien: Grand Historian of China* (New York: Columbia University Press, 1958). Отрывки из его труда были переведены Эдуаром Шаванном: Édouard Chavannes, *Les Mémoires historiques de Ssuma-Ts'ien* (5 vols.; Paris: Leroux, 1895–1905).

¹⁰¹ Гомер Дабс перевел отрывки из работы Бань Гу: Pan Ku, *The History of the Former Han Dynasty*, trans. Homer H. Dubs (3 vols.; Baltimore, Md.: Waverly Press, 1938–55).

¹⁰² Charles Singer et al., *A History of Technology*, II, 199; Roman Ghirshman, *L'Iran des origines à l'Islam*, p.256; Alphonse de Candolle, *The Origin of Cultivated Plants* (New York: D.Appleton & Co., 1902).

Путешественникам было относительно просто привозить с собой домой семена экзотических растений, но умение и секреты производства нельзя легко заполучить и перевезти. Во всяком случае, умелые ремесленники, работавшие на экспорт, и купцы, занятые международной торговлей, как можно предположить, не горели желанием распространять в новых землях технические знания. В результате промышленная или протопромышленная технология в этот период представляет собой географически статическую картину¹⁰³.

Римские водяные мельницы и технология изготовления стекла, похоже, были лучшими в мире. Индийская сталь имела особое качество и ценилась римлянами, но они не могли ее повторить; китайский шелк вывозили в Индию, на Средний Восток и в Рим, но секреты его производства не вышли за пределы Китая до VI в. н.э.¹⁰⁴ Римская военная технология, особенно искусство осады и фортификации, очень ценилась в Индии, и, возможно, даже в Китае¹⁰⁵. Вероятно, римские корабли вывели судостроение на берегах Индийского океана на новый уровень, сделавший возможной удивительную заморскую экспансию индийской культуры в первые столетия христианской эры¹⁰⁶.

В целом, однако, слишком мало известно об истории технологии, чтобы можно было нарисовать удовлетворительную общую картину. Даже если считать различия заметными, специальные знания и навыки каждого из цивилизованных обществ были приблизительно на одном уровне. Конечно, везде преобладал ручной труд, так как неодушевленную энергию лишь только-только удалось поставить на службу в водяных мельницах, преимущественно для того, чтобы молоть зерно.

Повсеместно в цивилизованном мире богатство основывалось на сельском хозяйстве. Подавляющее большинство населения цивилизованных государств было крестьянами. Главная разделительная линия скорее всего лежала между землями, где орошение давало сельскому хозяйству возможность поддерживать высокую плотность населения, и менее населенными более сухими землями, где урожай всегда зависел от милости непостоянных, а иногда избыточных, осадков. Пока в Западной Европе не изобрели сельскохозяйственных методов, способных справиться с болотистыми равнина-

¹⁰³ Каждая китайская инновация могла стать как исключительно важной, так и практически неустраиваемой. См. J.Needham, *Science and Civilization in China*, I, 240-43.

¹⁰⁴ Charles Singer et al., *A History of Technology*, II, 57, 322, 593-601; G.F.Hudson, *Europe and China* (London: Edward Arnold & Co., 1931), pp.68-102, 120-22.

¹⁰⁵ Sir Mortimer Wheeler, *Rome beyond the Imperial Frontiers*, p.160; Homer H.Dubs, *A Roman City in Ancient China* (London: China Society, 1957).

¹⁰⁶ Это гипотеза, основанная на одной фразе о «прекрасно построенных кораблях яванов» (т.е. ионийцев, или греков вообще) в ранней тамильской поэзии Южной Индии. См. Wheeler, *Rome beyond the Imperial Frontiers*.

ми, земледелие там было сосредоточено на возвышенностях или на особенно хорошо просыхающих подпочвах (таких, как лесс и мел). Поэтому сельское хозяйство крайнего запада ойкумены отставало от более сухих богатых земель Средиземноморья и Среднего Востока; и нигде в зоне дождевого увлажнения сельское хозяйство не могло сравниться по урожайности с орошаемыми долинами Китая, Индии и Среднего Востока.

Весь этот обмен идеями и навыками зависел от целенаправленных действий людей, и потому безразличие, невежество и невнимательность ему мешали. Но распространению болезнетворных микроорганизмов такие препятствия помешать не могли. Инфекции, раньше известные лишь в одной части Старого Света, несомненно, попадали с торговыми судами и караванами с одного края Евразии на другой, и наоборот. Впрочем, в этом вопросе преобладает неопределенность, поскольку еще нет критического исследования имеющейся информации. Отсюда любые утверждения как об истории болезней, так и о росте или спаде населения древнего мира могут основываться лишь на догадках. Индийские документы не дают данных даже для догадок; но обзор сети каналов Древней Месопотамии позволяет предположить, что население в этом важном регионе достигло максимума между III в. и VI в. н.э.¹⁰⁷ Китайские и римские источники известны сравнительно хорошо и указывают на более ранний максимум населения, около I в. н.э. Серьезные эпидемии стали фактором падения населения как в Римской империи, так и в Китае; и, похоже, не стоит удивляться, что эти сообщества, расположенные по краям ойкумены, пострадали от новых и неизвестных болезней сильнее, чем Средний Восток, для которого торговые связи с отдаленными концами Старого Света не были новостью и где, можно предположить, местное население выработало частичный иммунитет к болезням, все еще способным нести смерть беззащитному населению Дальнего Востока и Дальнего Запада¹⁰⁸.

Эпидемии, вызванные смыканием ойкумены, таким образом, стали

¹⁰⁷ Thorkild Jacobsen and Robert M. Adams, «Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture», *Science*, CXXVIII (1958), 1251; Robert M. Adams, «Agriculture and Urban Life in Early Southwestern Iran», *Science*, CXXXVI (April, 1962), 116-19.

¹⁰⁸ Губительность, с которой новая болезнь может поразить биологически беззащитное население, была многократно проиллюстрирована в ходе смыкания глобальной ойкумены европейцами, когда матросы и другие принесли такие болезни, как корь или даже обычная простуда, индейцам Америки, эскимосам, полинезийцам. Туземцы массово умирали от болезней, которые европейцы считали пустячными. Очевидно, европейское (и азиатское) население приобрело иммунитет, столкнувшись с этими болезнями ранее; причем этот биологический процесс проходил через одну из важных стадий в первые века христианской эры. Об эпидемиях см. Georg Sticker, *Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre*, Band I, erster Teil: *Die Geschichte der Pest* (Giessen: Alfred Töpelman, 1908); W.H.S. Jones, *Malaria: A Neglected Factor in the*

одной из причин¹⁰⁹ радикального снижения народонаселения, превратившегося в постоянную проблему в эпоху Римской империи и приобретшего катастрофический масштаб в III в. н.э.¹¹⁰ Похоже, произошло также существенное снижение населения Китая в период поздних Хань¹¹¹; варварские вторжения, принявшие массовый размах как на Дальнем Востоке, так и на Дальнем Западе в III–IV вв. н.э., могли также усугубить демографический кризис как за римским *limes* (Траян и его преемник Адриан, для укрепления границ, насыпали громадные валы, с каменными бастиями и башнями, остатки которых сохранились до наших дней, – в Северной Англии, в Молдавии (Траянов вал), *limes* (Pfahlgraben) от Рейна (в северном Нассау) через Майн и Южную Германию к Дунаю. – *Прим. пер.*), так и за Великой китайской стеной¹¹².

History of Greece and Rome (Cambridge: Macmillan & Bowes, 1907); Benno von Hagen, *Die Pest im Altertum* (Jena: Gustav Fisher, 1939). О Китае см. K.Chimin Wong and Wu Lien-teh, *History of Chinese Medicine* (Shanghai: National Quarantine Service, 1936), pp.53-138. Ни одна из этих работ, однако, не рассматривает имеющиеся данные в целях получения ответа на важные вопросы; и действительно, серьезный обзор истории инфекционных болезней по-прежнему остается делом будущего.

¹⁰⁹ Поскольку теоретическое понимание проблем народонаселения остается несовершенным даже для нового времени, когда нам доступны практически точные данные обо всем происходящем, было бы смешно утверждать, что можно понять, отчего зависел рост и спад населения в древности. Помимо новых тяжелых болезней, действовали и другие факторы, подрывавшие численность населения Римской империи. Половые извращения и обычай принимать очень горячие ванны (убивающие мужское семя), также могут объяснить, почему высшие слои римского общества постепенно выродились; тогда как экономическая и психологическая неуверенность влияла на снижение рождаемости среди крестьян и ремесленников. Относительная важность и практическое влияние этих и иных факторов просто не могут быть адекватно оценены.

¹¹⁰ О фундаментальной важности падения населения в римской истории см. провокативные рассуждения Arnold Hugh Martin Jones, *Ancient Economic History: An Inaugural Lecture Delivered at University College, London* (London: H.K.Lewis, 1948).

¹¹¹ См. Hans Bielenstein, «The Census of China during the Period 2-742 A.D.», *Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, Bulletin, XIX* (1947), 125-63.

¹¹² Резкое снижение население несет в себе зерно самоисправления, так как следующее за ним падение производительности прерывает или уменьшает дальнюю торговлю, поскольку она главным образом оперировала предметами роскоши. Но по мере того, как контакт между удаленными частями мира уменьшался, мы можем предположить, что передача болезней также снижалась, ограничивая, вероятно, главный фактор, подкашивавший цивилизованное население крайних точек ойкумены. Тем не менее те, кто выжили, сохраняли в своей крови иммунитет, что означало, что повторный контакт с болезнью в отдаленных частях Евразии уже не имел таких опустошительных последствий, как в II–IV вв. н.э.

ГЛАВА VIII

***Натиск варваров и ответ цивилизаций
в 200–600 гг. н.э.******А. ВВЕДЕНИЕ***

К 200 г. н.э. эллинизм почти полностью утратил свой порыв к экспансии. Ни соседи, ни жители далеких земель больше не находили ничего, вызывавшего восхищение, а тем более того, что стоило бы позаимствовать из образа жизни, преобладавшего тогда среди знатных греко-римских наследников этой традиции. Традиция конфуцианства в Китае также прошла через период подобного, хоть и менее ярко выраженного, упадка. Конфуцианство также было преимущественно связано с классами помещиков и чиновников. И холодная умеренность, и добропорядочный консерватизм конфуцианской утонченности слабо подходил эпохе внутренних беспорядков и варварских вторжений, последовавших за падением династии Хань.

Индия, напротив, вступила в век удивительной культурной экспансии как на своей территории, так и за ее пределами. При династии Гуптов (ок. 320–535 гг. н.э.) индийское искусство и литература достигли своего золотого века; одновременно трансцендентная духовность, издавна характерная для индийской цивилизации, стала оказывать огромное влияние на чужеземцев. Распространение буддизма махаяны по суше в Центральную Азию, Китай и Корею и в итоге в Японию был наиболее впечатляющей демонстрацией экспансионистской мощи индийской культуры этой эпохи. Но столь же массовое движение проходило и по морским путям, поскольку как раз в те столетия, когда буддизм одерживал свои наибольшие победы к северу от Гималаев, индийские морские предприниматели заложили ряд государств в Юго-Восточной Азии и в Индонезии, чья высокая культура напрямую происходила из Индии. В Иране и в Восточном Средиземноморье, где господствовали соперничающие религии, индийские культурные модели столкнулись с намного большим сопротивлением. Однако даже там учения неоплатонизма и гностицизма испытали явное индийское влияние; дисциплина индийских аскетов могла внести вклад в развитие того вида мистицизма, который установился в среде христианских монахов; и менее отчетливый, но всепроникающий дух мироотречения, столь характерный для раннего христианства и некоторых из его основных соперников (например, мани-

хейства), также чем-то обязан толчку от господствовавших в Индии религиозных представлений.

Если сосредоточиться лишь на движении идей и особенно на изменениях в религии, то Индия приобретает ведущую роль во всей Евразии в 200–600 гг. н.э. Но если вместо этого задуматься о политических или военных делах, то критическим представляется совсем иной географический узел – длинная граница между цивилизованными и варварскими народами, тянувшаяся от устья Рейна через весь континент до устья Амура. Баланс сил по обе стороны этой границы решительно изменился в конце IV в. н.э., приведя к весьма существенным языковым и демографическим сдвигам в расположенных далеко друг от друга частях Евразии.

На Дальнем Западе отряды варваров и кочевые орды ворвались в Римскую империю; похожие, хотя и менее многочисленные, группы вторглись в Северный Китай. В обоих регионах завоеватели основали ряд недолговечных государств и постепенно восприняли некоторые черты культуры своих подданных. К VI в. начальный импульс этих вторжений иссяк; в Китае стало возможным восстановление единства империи. Но параллельные усилия Юстиниана на римском западе привели лишь к эфемерному успеху; империя, которую он частично восстановил, вновь развалилась под ударами нового вторжения варваров. Лишь после того, как латинский христианский мир (в IX в. н.э.) принял на вооружение иранскую разновидность тяжело-вооруженной конницы, цивилизованные (или полуживилизованные) народы Дальнего Запада смогли остановить варварскую волну и начать встречное движение экспансии (X–XI вв. н.э.).

С военной и политической точки зрения, следовательно, Иран был ключевой зоной ойкумены. Задолго до 200 г. н.э. цивилизованные иранцы разработали эффективные методы оборонительной конной войны и установили общественно-политические институты, способные содержать устрашающую силу конных латников по всей территории государства, где они находились в постоянной готовности оказать упорное противодействие нападению кочевников. Медленно и с неохотой европейские общества приспосабливали свои средства защиты и подстраивали свои общественные системы под иранскую модель. Эта системная перестройка породила в Европе то, что мы знаем как средневековье. На Востоке влияние Ирана на Китай было сравнительно слабым; но именно эффективность иранской обороны против степных кочевников защитила Индию от вторжения, таким образом сделав вклад в процветание индийской культуры в эпоху Гуптов.

Появление нескольких новых стилей жизни в регионах, окраинных по отношению к старым центрам евразийской культуры, явилось важной чертой периода 200–600 гг. н.э. Ирландия, Эфиопия и Япония стали центрами

новых и (по крайней мере потенциально) независимых цивилизаций. Причина ясна: по мере того как угасали торговые связи между главными цивилизациями Евразии, окраинные земли стали вынуждены опираться почти исключительно на собственные ресурсы. Прекращение или сильное ослабление контактов с внешним миром позволило местным народам выработать свои особые стили жизни, при этом используя те элементы цивилизации, которые они позаимствовали в течение предыдущего, более космополитического и открытого для передвижений века¹. В то же время в Новом Свете возникли цивилизации, напоминавшие Древний Шумер. Но пока что нельзя сказать определенно, получили ли жители Перу и Центральной Америки существенный толчок из Старого Света, подобно Ирландии, Эфиопии или Японии.

Поскольку всемирная история в 200–600 гг. н.э. приобретает такой сложный характер, становится крайне затруднительным упорядоченное ее изложение. В этой главе Евразия произвольным образом поделена на две части. Поэтому сначала речь пойдет о расцвете и экспансии индийской цивилизации и ее влиянии на Юго-Восточную Азию и Китай; а затем будут рассмотрены события в Западной Евразии и трансформация общественной организации и культуры в тех землях, которые испытывали постоянное давление от нападений варваров. Глава завершается некоторыми рассуждениями по поводу изменений, происходивших на окраинах цивилизованного мира. Такая подача материала, пожалуй, излишне подчеркивает разделение ойкумены между индийской и иранской сферой влияния и умаляет связи, существовавшие у Индии со Средиземноморьем и у Ирана с Китаем. Тем не менее она представляется наиболее способной пролить свет на действительность, даже если при этом слегка искажает последнюю.

Б. РАСЦВЕТ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 200–600 ГГ. Н.Э.

В III–VII вв., и особенно во времена империи Гуптов, культура Индии достигла своего полного и гармоничного состояния, которое продолжало оставаться нормой и идеалом для поздних поколений. Эта эпоха стала свидетельницей окончательного слияния арийско-брахманской культурной тра-

¹ Классическая греческая цивилизация оформилась при существенным образом похожих обстоятельствах, когда захватчики железного века разрушили космополитизм ранней цивилизации Среднего Востока, которая, по крайней мере на своих окраинах, включала бассейн Эгейского моря.

диции и элементов культуры, ведущих свое происхождение от доарийского населения страны. Вместе с этим индийцы триумфально ответили на культурные стимулы, полученные в предшествующую эпоху от эллинистического мира и из Ирана. Таким образом, эпоха Гуптов более напоминает зрелую силу средних лет, чем беззаботное изыщество юности. Это был золотой век Индии.

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ

Кушанская империя, представлявшая в I–II вв. н.э. краеугольный камень ойкумены, не пережила собственного успеха. Активная военная энергия сасанидской Персии (с 224 г.) вынудила кушанские области к северу от Гиндукуша признать персидское верховенство; в то же время власть кушан в Северной Индии пала. Возможно, сами по себе изменения не были слишком большими: местные правители, в чьих руках была сконцентрирована почти вся власть, просто перестали оказывать кушанским царям церемониальное почитание и платить дань.

Во всей Индии в III в. н.э. преобладала подобная же политическая раздробленность. Однако идеал всеобщего имперского правления, воплощенный ранее в государстве Маурьев, продолжал жить – этот факт, вероятно, облегчил взлет империи Гуптов в течение следующего столетия. Ядро государства Гуптов лежало в долине нижнего Ганга, или вблизи Бенгалии. Этот регион все еще был на окраине индийского общества, когда первый значительный правитель династии Гуптов, Чандрагупта I (320–330 гг.)², как и многие пограничные властители, воспользовался своим стратегическим положением для консолидации власти над большинством государств долины Ганга. Его наследники, Самудрагупта (330–380 гг.) и Чандрагупта II (380–415 гг.), распространили власть Гуптов на всю Северную Индию – от Бенгальского залива до Аравийского моря и от Гималаев до Декана.

В большинстве случаев эти завоевания не сопровождались свержением существовавших династий и государств. Обычно императоры Гуптов оставляли местных правителей у власти, но принуждали их посещать имперский двор, платить дань и в некоторых случаях принимать в качестве «гостя» постоянного представителя императорского двора. Области, непосредствен-

² Его имя на санскрите идентично имени основателя империи Маурьев; но во избежание путаницы в английском языке, имя более позднего основателя империи принято писать через дефис. (В русском языке такая традиция отсутствует; вместо этого делается различие между Чандрагуптой Маурьей и Чандрагуптой I. – *Прим. пер.*)

320 г. знаменовал собой первый год эры Гуптов, согласно указу Чандрагупты I, изданного, возможно, по поводу своей коронации. R.C.Majumdar et al. (eds.), *The History and Culture of the Indian People* (Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1954), III, 2.

но примыкавшие к наследным землям Гуптов, были напрямую включены в императорский домен; но Гупты не пытались распространить свое централизованное правление за пределы среднего течения Ганга. Несомненно, такая мягкая политика по отношению к покоренным правителям способствовала экспансии Гуптов. Она получила дополнительное преимущество, соответствуя нравственным принципам политической теории брахманизма, которые гласили, что добродетельный воитель обязан сохранить поверженного врага (или члена семьи врага) при власти³.

Утрачены все подробности о военных кампаниях, приведших к созданию империи; но вряд ли военные действия были чересчур суровыми. Литература свидетельствует о росте сложных условностей кодекса рыцарского поведения, которые могли сделать войну в Индии в этот период практически безопасной для мирных жителей и не слишком опасной для самих участников боевых действий. Несомненно, экспансия власти Гуптов ознаменовала начало периода необычного мира в Индии. За исключением сведений о набегах кочевников – гуннов-эфталитов, прорвавшихся через иранскую границу и короткое время опустошавших север Индии около 460 г. – не сохранилось записей о войнах почти до конца V в. Декан и Южная Индия никогда не стали частью владений Гуптов; но полдесятка, или около того, государств, деливших между собой эти области, похоже, сосуществовали без особых конфликтов; все они поддерживали торговые и дипломатические связи с империей Гуптов на севере. Таким образом, V в., ознаменовавшийся военными поражениями и невиданной смутой как в Европе, так и в Китае, был веком невиданного спокойствия в Индии. Под покровом этого мира классическая эра индийской культуры уверенно и спокойно достигла своего расцвета.

Миролюбие эпохи Гуптов кажется странным в сравнении с хроническими междоусобицами, сопровождавшими современный ей распад единой политической власти в Европе. Миролюбие Индии можно объяснить, во-первых, окончательным укрощением яростного этоса варварских отрядов, принесенного ариями в Индию почти за два тысячелетия до описываемой эпохи; во-вторых, развитием заменивших его нравственного кодекса поведения и системы ценностей, созданной брахманами и получившей название индуизма. Эти две причины, по существу – стороны одной медали, поскольку закат идеала древнего воина был лишь одним из аспектов более широкого процесса культурного синтеза, приведшего к брахманскому индуизму, – синтеза, включавшего в себя придание нового смысла, часто происходившего из доарийских источников, языкам и культурным нормам ариев.

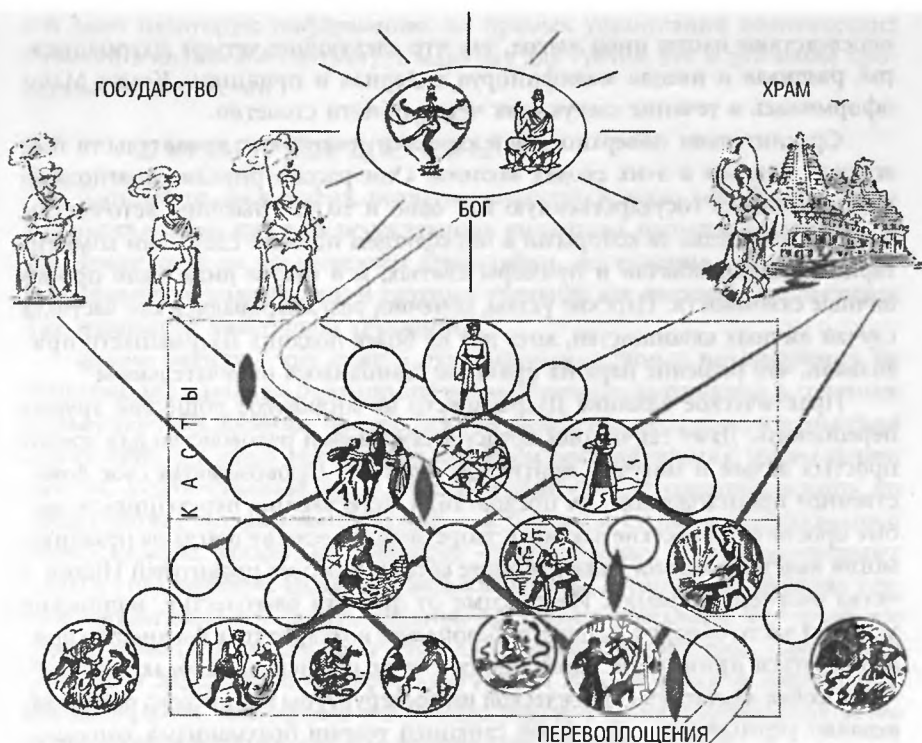
³ A.L.Basham, *The Wonder That Was India* (London: Sidgwick & Jackson, 1954), p.126.

Столетие славных рыцарских подвигов, за которым следуют почти 80 лет столь же рыцарской славы, но не в бою, а на ложе любви, достаточно редко случается в истории цивилизации, чтобы не заслужить наш интерес. Признание того, что главной причиной этого невиданного ограничения применения насилия было широкое распространение эффективной власти в индийском обществе, не должно умалять нашего восхищения. Кто был на троне и кто кому оказывал почести и платил дань, значило удивительно мало для населения в целом до той поры, пока варвары, подобные гуннам-эфталитам, не проникали за северные горные хребты. Социальные связи, управлявшие повседневной жизнью простых людей, оставались практически не затронутыми рыцарским кодексом и торжественностью церемониала царей и императоров, так как Гупты не пытались переделать индийские политические институты на более тоталитарный эллинистический или иранский манер, как, возможно, попытались сделать Маурьи. Вместо этого они были терпимы ко всей сохранившейся с незапамятных времен разноликости индийского общества. Это означало смириться с существенным распылением власти в среде разнообразных освященных традицией жестких рамок каст, сект и местных обычаев.

Многочисленные самоуправляемые корпорации, составлявшие саму ткань индийского общества, устанавливали жесткие практические ограничения для центральной власти. Индийские деревни обычно пользовались широкой автономией и управляли своими делами без особого вмешательства извне. Императорские чиновники облагали налогом урожай и иногда заставляли местное население трудиться на общественных работах; но крестьяне часто были неподвластны контролю местных помещиков⁴. Подобной же широкой автономией и иммунитетом от внешнего контроля пользовались гильдии, города, судьи и храмы. Институт каст, похоже, полностью развившийся ко временам Гуптов, обеспечивал нежесткую, но эффективную координацию между мириадами общественных группировок. Было точно установлено ранжирование между кастами; привычные нормы поведения как внутри, так и за пределами каждой касты давали более-менее ясное понятие о том, как надо себя вести во всех обычных жизненных ситуациях представителям всех слоев населения Индии.

Учение о кастах было основной частью доктрины индуизма. Индуист-

⁴ Китайский паломник Фа-сянь, посетивший буддийские святыни и монастыри во время правления Чандрагупты II, был весьма удивлен легкостью и ограниченностью имперской администрации и одобрительно отмечал свободу и процветание простонародья: «Люди многочисленны и счастливы; они не обязаны регистрировать свои семейства или угождать чиновникам и их правилам... если они хотят идти, то идут; если хотят остаться, то остаются». J.H.Legge, *Record of the Buddhistic Kingdoms, Being an Account of the Chinese Monk Fa-hsien's Travels* (Oxford: Clarendon Press, 1886), pp.42-43.

СТРУКТУРА ИНДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ские мифы объясняли кастовый статус как следствие кармы, накопленной в предыдущих жизнях. Благочестивое поведение в этой жизни, следовательно, могло выразиться в следующей жизни в перевоплощении в члена более высокой касты, пока душа не получала своего конечного избавления от колеса перевоплощений. Книги законов – Дхармашастры – точнее сформулировали принципы поведения человека, определили права и обязанности отдельных людей и их групп в свете традиции брахманизма и священных писаний. Эти книги законов сами по себе вскоре стали священными, и их рекомендации установили нормы индивидуального и общественного поведения. Самая ранняя и самая почитаемая из Дхармашастр – Книга Ману. Она, как считалось, содержала наставления, данные первому человеку божественным творцом вселенной; но фактически эта книга сложилась постепенно, путем накопления устной традиции, пока не стала настолько святой (ок. 200 г.), что в ее текст уже нельзя было вносить никаких изменений. Правовая мысль

впоследствии нашла иной выход, так что следующие четыре Дхармашастры, развивая и иногда модифицируя материал и принципы Книги Ману, оформились в течение следующих четырех-пяти столетий.

Сравнительно поверхностный характер индийских правительств был хорошо показан в этих сводах законов. Они рассматривали религиозную власть и власть государственную как одно и то же. Высшим источником закона были Веда, за которыми в нисходящем порядке следовали комментарии к Ведам, обычаи и примеры святых, и в самом низу были просто личные склонности. Царские указы, конечно, рассматривались как частный случай личных склонностей, хотя две из более поздних Дхармашастр признавали, что решение царя на практике становилось окончательным⁵.

Практическое влияние Дхармашастр на индийское общество трудно переоценить. Даже сейчас они представляют собой руководство для жизни простых людей и могучий противовес властям. Провозглашая свое божественное происхождение, их предписания, естественно, перевешивали любые просто человеческие законы и теоретически, если не всегда на практике, могли ввести действия даже наиболее абсолютного из правителей Индии в четко очерченные рамки. Независимо от личного благочестия, индийские монархи часто обнаруживали, что безопаснее и мудрее хотя бы внешне придерживаться принципов, записанных в этих священных сводах законов⁶.

Особая жесткость политической инфраструктуры индийского общества, недавно укрепленная священной санкцией теории брахманизма, означала, что для Индии мало что значили частные случаи политической географии. Мало что значило для кого бы то ни было за пределами непосредственного царского круга, подчинялась ли данная область такому-то монарху или его сопернику. В результате взлеты и падения индийских государств оставили удивительно мало следов в исторических документах. Для изучения империи Гуптов историкам приходится опираться на описание путешествия Фусяня и другие китайские источники, а также на некоторые цейлонские, тибетские и арабские хроники. Дошедшие до нас индийские материалы содержат удивительно мало сведений, даже организованных хронологически с помощью иностранных источников. Монеты и ограниченное число надпи-

⁵ R.C.Majumdar et al., *History and Culture of the Indian People*, II, 254-57, 335-59; M.Winternitz, *Geschichte der indischen Literatur* (Leipzig: Amelangs Verlag, 1920), III, 479-504; Arthur Berriedale Keith, *A History of Sanskrit Literature* (London: Oxford University Press, 1928), pp.439-48.

⁶ Мораль государственного управления, выраженная в Дхармашастрах, резко отличается от той, что содержится в Артхашастре. Возможно, аморальные методы достижения власти, рекомендованные Артхашастрой, описывают то, что действительно происходило в Индии, более достоверно, чем предписания Дхармашастр. Слишком мало известно об управлении индийскими государствами, чтобы можно было сейчас делать какие-то общие выводы.

сей дают некоторую информацию; но прямых упоминаний политических событий в индийской литературе мало как для Гуптов, так и для менее прославленных династий.

2. КУЛЬТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Литература, философия, религия, искусство и наука века Гуптов сформировали модель для всех последующих индийских попыток в этих областях. Более того, за исключением философии, достижения Гуптов обычно расцениваются индийскими и другими учеными как высочайшие достижения индийской культурной традиции.

Важно уяснить, что даже в эту творческую эпоху нововведения не пользовались слишком большим почетом. Ученость выражалась в создании комментариев к древним текстам, если не делала попыток внести изменения и дополнения к этим текстам под лозунгом восстановления изначального смысла. Художественная литература не могла уйти от создания нового, но предпочитала использовать ученый и в большой степени искусственный язык, санскрит, любому из пракритов – литературных версий разговорных языков того времени. Важные и пользовавшиеся авторитетом древние тексты продолжали передавать изустно, поскольку считалось, что истинное знание может передаваться от учителя к ученику посредством слова изреченного и запомненного. Корпус научной и художественной литературы, таким образом, представлял собой лишь надстройку над сердцевинной устно передаваемой истины, а не что-то законченное само по себе.

ЯЗЫК. В эпоху Гаутамы Будды и в течение нескольких последующих столетий большая часть индийского литературного творчества была направлена на широкую аудиторию. Несомненно, устные сокровища брахманов никогда не были утеряны, поскольку какую-то часть большой санскритской литературы, включавшей Веды, Брахманы и Упанишады, всегда изучали и запоминали те, кто вступал на путь жреца. Но в дополнение и в некотором смысле в противовес этой брахманской санскритской традиции существовала литература на пракритах. Она была особо ассоциирована с буддистами и джайнистами, писавшими притчи, проповеди и стихотворения на языках, близких к народным говорам.

Однако эти формы популярной литературы начали увядать после II в. н.э.⁷ Санскрит, однажды вытесненный в ученые круги брахманов, вернулся

⁷ Нужно сделать исключение для тамильского языка, одного из дравидских языков Южной Индии. Тамильский язык обрел литературную форму в эпоху Гуптов и никогда не перестал быть важным средством письменной передачи информации.

В страну тамилы знания об арийской Индии и об эллинистическом Средиземноморье

с таким триумфом, что даже буддисты и джайнисты стали писать свои богословские и теоретические труды на санскрите, древнем языке своих соперников. Из области науки санскрит распространился в сферу государственного управления. Правительство Маурьев использовало в качестве языка администрации один или несколько пракритов, но надписи и монеты Гуптов были выполнены на санскрите. Можно предположить, что язык администрации был этой же архаичной, но все же понятной речью⁸.

Возрождение санскрита после шести или семи столетий изгнания на ученые задворки общества было воистину чудесным. Оно свидетельствовало о престиже и весе, придаваемых традиции брахманизма, и доказало эффективность многочисленных образовательных учреждений в стране, которые подготовили не только жрецов, но и большое число мирян к знакомству с ученым языком индуистского писания. Возможно, в не меньшей мере оно отражало постепенное удаление буддизма за стены монастырей, оставлявшего брахманам улицы и переулки, где когда-то проповедовал Гаутама. Только на Цейлоне буддийские писатели продолжали использовать один из пракритов; но пали был настолько же ученым языком на Цейлоне, насколько санскрит – в Индии. Отчасти поэтому поздняя литература на пали сильно напоминает санскритскую, принимая форму все более ученых комментариев к священным текстам.

ЛИТЕРАТУРА. Многие шедевры древней индийской устной литературы обрели свой окончательный вид во времена Гуптов. Самые важные из них – две великие эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Обе эти поэмы в итоге происходят от древних баллад и героических песен. В какой-то момент декламация этих песен превратилась в часть религиозного ритуала жертвоприношения, так что жрецы-брахманы стали наследниками корпуса поэзии, который предположительно брал свое начало среди вполне мирских бардов и воителей.

Различные географические и другие ссылки делают очевидным, что в «Махабхарату» вносились дополнения даже около 400 г.; но основная часть

проникли в предшествующие столетия как чуждые, но захватывающие сюжеты. Последующий расцвет тамильской литературы и искусства был подобен весне, молодости и несколько не напоминал зрелый культурный синтез санскритской Индии; однако, как увидим, тамилы внесли важный вклад в распространение цивилизации и в значительной мере в религию остальной Индии, особенно в 600–1000 гг., когда местную культурную автономию Южной Индии затмили величие и зрелость северных достижений. Ср. отношения между ирландским и латинским христианством в тот же период.

⁸ Литература на санскрите всегда оставалась устной, так что язык никогда не утрачивал роль разговорного для образованных брахманов. Это означало, что люди, не знающие разговорного языка друг друга, часто могли объясняться на санскрите. Ср. роль латыни в средневековой Европе или роль английского языка в современной Индии.

поэмы, конечно, гораздо древнее; некоторые строфы, возможно, дошли нетронутыми от II тыс. до н.э. Аналогично тому, как греческая героическая поэзия кристаллизовалась вокруг сюжета о Троянской войне, сюжет этой поэмы основывается на рассказе о борьбе между соперничающими наследниками трона небольшого индийского княжества. Но «Махабхарата» включает чрезвычайно разнообразные части, большинство из которых лишь слабо связано с основной сюжетной линией. Народные сказки и примитивные мифы сливаются с рассуждениями о космологии, богословии и достоинстве брахманов; время от времени действие надолго замедляется, пока продолжается долгий рассказ о событиях, не связанных ни местом, ни временем с основным сюжетом, чтобы проиллюстрировать какую-нибудь мысль. При такой сложности (поэма почти в три с половиной раза длиннее, чем вся Библия) основной сюжет часто пропадает из виду на сотни страниц. Общий эффект похож на впечатление от одного из храмов Южной Индии, сплошь покрытого статуями, полностью скрывающими форму здания, но захватывающими глаз и воображение.

Структурная слабость не помешала «Махабхарате» получить и сохранить огромную популярность в Индии вплоть до наших дней. Как Гомер для греков, «Махабхарата» зафиксировала в народном сознании понятия о богах и их взаимоотношениях; но в отличие от эпоса Гомера, проникнутого структурным и теологическим единством, «Махабхарата» включает идеи и сюжеты на любой вкус, от самых грубых и наивных сказок до парадоксального пантеизма отрывка, известного как «Бхагавадгита»⁹.

«Рамаяна» короче, чем «Махабхарата», но тоже очень длинная поэма. Она рассказывает о приключениях героя Рамы и его жены Ситы. Она сравнительно связна; большая часть «Рамаяны» может принадлежать одному автору. Как и «Махабхарата», она вишнуитская, поскольку Рама объявляется аватарой этого бога. Но явные религиозные пассажи и моральные наставления менее важны, чем живое и очень человеческое изображение героя и его верной жены. Они отзываются в сердцах всех людей, и поэтому среди индийцев «Рамаяна» не менее популярна и влиятельна, чем «Махабхарата».

⁹ Гита представляет собой диалог между Арджунной, главным героем «Махабхараты», и его возницей Кришной, в котором Кришна объясняет всю природу человека и вселенной, открывает, что он является аватарой Вишну и обещает Арджуне спасение. Даже в довольно скромных рамках Гиты находят выражение противоречивые доктрины; но мистический тон поэмы обеспечивает единство, которое для ее поклонников превосходит логику. См. Franklin Edgerton, *The Bhagavad Gita, Translated and Interpreted* («Harvard Oriental Series», Vols. XXXVIII–XXXIX [Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1944]).

Не существует удовлетворительного перевода «Махабхараты» на английский язык. Однако переводы отрывков, чтобы получить представление о целом, можно найти в работах: Edward P. Rice, *The Mahabharata: Analysis and Index* (London: Oxford University Press, 1934); S. C. Nott (ed.), *The Mahabharata of Vyasa Krishna Dwaipayana: Selections* (New York: Philosophical Library, 1956).

Популярность этих двух поэм была столь велика, что эпические поэмы стали обычной формой индийской дидактической литературы. Своды законов (Дхармашастры) и большое собрание легенд и преданий, известное как Пураны, и даже строго практический трактат Артхашастра были записаны в поэтической форме в эпоху Гуптов.

В основе зафиксированных на письме в эту эпоху версий литературных произведений лежал длинный процесс устной передачи и трансформации. Иное положение складывалось с драматургией на санскрите и с придворной поэзией, большинство произведений которых имеют авторов и, похоже, с самого начала были записаны.

Истоки санскритской драматургии неизвестны¹⁰, хотя можно предположить, что для достижения ею зрелости были важны эллинистические влияния в Индии. Как бы то ни было, санскритский театр употреблял некоторые технические термины греческого происхождения; и странствующие труппы мимов или танцоров из Александрии были достаточно известны, чтобы оставить несколько упоминаний в индийской литературе. Но ко времени, к которому относятся наиболее ранние из дошедших до нас пьес, каноны индийской драматургии уже сформировались и не отражали непосредственно своих греческих предшественников¹¹.

Драматические представления в III–IV вв. были заботой придворных. Говорят, что даже цари династии Гуптов сами писали пьесы; дошло до наших дней несколько сочинений, приписываемых монархам. «Махабхарата» и «Рамаяна» стали для индийских драматургов источником большинства их сюжетов; но круг придворных, для которого они творили, отражен в их выборе тем: любовные истории, путаницы «кви про кво» и т.п. Калидаса, который, похоже, был связан со двором Чандрагупты II, вознес санскритскую драму на ее высочайшую вершину. Его стиль был прост, но изящен, с выразительными метафорами, умелым описанием персонажей и с хорошо разработанными, пусть мелкими, сюжетами. Его лирической поэзии, поражающей иногда даже в переводе, свойственны те же черты. Например:

Я вижу твое тело в гибкой гусенице, твой взгляд в глазах испуганной лани,
Твои щеки подобны луне, твои кудри – хвостам павлиньим,

¹⁰ Самый ранний из дошедших до нас драматических отрывков – буддийский рассказ об обращении двух последователей Будды, датирован приблизительно 100 г. Самые ранние полностью дошедшие до нас пьесы на санскрите, вероятно, датированы IV в., как раз перед временем Калидасы, признанного мастера санскритской драматургии и придворной поэзии.

¹¹ Природа и масштаб греческого влияния на драматургию на санскрите продолжают оставаться предметом горячих споров. См. обзор в A. Berriedale Keith, *The Sanskrit Drama* (Oxford: Clarendon Press, 1924), pp. 12–77.

И в мелкой ряби на речной глади я вижу твои взгляды искося,
Но увы, моя дорогая, нигде мне не увидеть тебя всю¹².

Придворные поэзия и драма продолжали развиваться и после Калидасы; но изобилующий красотами язык вскоре стал самоцелью, так что некоторые из поздних поэм на санскрите более походили на загадки-акrostихи, чем на обычное повествование¹³.

Проза в эпоху Гуптов была представлена романами, обычно описывавшими любовь и приключения царственных особ. В то же время анонимный автор «Панча Тантры» довел до совершенства искусство басни о животных. Этот сборник басен был в VI в. переведен на персидский язык и затем получил распространение в мусульманском и христианском мире¹⁴.

В противоположность придворной, изящной санскритской литературе эпохи Гуптов тамильская поэзия этого периода была более прямой и народной. Самые ранние из дошедших до нас тамильских стихотворений были собраны в антологии приблизительно в 500 г. н.э., но представляют результат развития более древней традиции устного народного творчества, уходящей в глубь на несколько столетий. Стихотворения из этих антологий описывали чувства обычных людей – крестьян и торговцев, рыбаков и воинов – в весьма реалистической и неприукрашенной манере. Приемы внутренней рифмы сначала сделали просодию тамильской поэзии совершенно несхожей с канонами санскритской поэзии; но произошедший в течение VI в. сдвиг просодии в направлении санскрита и заимствование тамильским языком многих слов из санскрита свидетельствуют о проникновении брахманской учености на юг.

Эпическая поэзия имела такой высокий престиж в санскритской литературной традиции, что тамильские поэты по мере того, как они все более знакомились с санскритом, ощущали необходимость создать собственную эпическую поэзию. «Песнь о браслете», тамильская эпическая поэма о царской несправедливости и личной трагедии, кажется (во всяком случае, в переводе) гораздо более сильной и несравненно выше художественно, чем знаменитые санскритские эпические поэмы, которые, возможно, отчасти ее вдохновили¹⁵.

¹² Из самой известной поэмы Калидасы «Облачный гонец». Перевод A.L.Basham in *The Wonder That Was India*, p.420.

¹³ Поэт Бхати (VII в.) так завершил одно из своих стихотворений:

Два слова в завершение поставлю, / Загадку без подсказки не оставлю. / Здесь пиршество уму, а глупости мученье – / Всему виной моя любовь к ученью. Пер. с английского текста в: A.B.Keith, *History of Sanskrit Literature*, p.116.

¹⁴ Восстановление истории этих сюжетов – шедевр современного сравнительного литературоведения. Обзор результатов см. в Keith, *History of Sanskrit Literature*, pp.357-59.

¹⁵ Перевод на английский язык V.R.R.Dikshitar, *The Lay of the Anklet* (Oxford: Oxford University Press, 1939).

Наиболее замечательными и влиятельными тамильскими стихотворениями были экстатические гимны, которые сочиняли бродячие святые, прославлявшие Вишну или Шиву. Подобно тамильской эпической поэзии, эти гимны возникли из смеси индуистской санскритской традиции и тамильского устного народного творчества. Хотя боги, вдохновившие эти гимны, давно были известны в Северной Индии, тамильские певцы выразили отчетливо иное религиозное настроение. Горячая и взаимная любовь между божеством и его поклонником была ключевой нотой. Чувство личной малости, слитое с радостным очарованием божественной милостью, и блаженство мистического видения божественного лица были темами этих песен, позднее распространившихся из земли тамилы по всей Индии и придавших зрелому индуизму его эмоциональный тон¹⁶.

РЕЛИГИЯ И ФИЛОСОФИЯ. Индуистская религия, выраженная доктринально в таких произведениях, как «Махабхарата», «Рамаяна» и Дхармашастры, и эмоционально усиленная экстазом авторов тамильских гимнов, в эпоху Гуптов сметала на своем пути все преграды. Сами императоры были последователями и покровителями возрожденного и пересмотренного брахманизма, обычно его вишнуитской ветви. Похоже, большинство простых индийцев также нашло свое место в просторной системе индуизма, который с готовностью включал в себя как простодушно суеверных крестьян, так и наиболее ученых мыслителей.

В результате буддизм – даже по мере того, как он одерживал свои величайшие победы за рубежом, – у себя на родине сжался до положения отстраненной богатой секты. Комфортабельная жизнь в обеспеченных буддийских монастырях, как можно предположить, не способствовала тому, чтобы монахи проповедовали в гуще народа, как Гаутама и его первые последователи. Вместо этого, как можно судить, монахи эпохи Гуптов посвятили свою жизнь ученой разработке доктрины и продолжительной полемике со своими оппонентами-брахманами. Такая тщательная богословская разработка учения имела некоторое значение в Китае, где новообращенные буддисты с энтузиазмом переводили эти тексты на китайский, придавая полуканонический статус возникавшим при этом неясностям. Но в Индии буддизм все более отгораживался от широкой массы населения.

Джайнисты, чей успех в массах никогда не был столь велик, как у буддистов, видимо, проделали похожую эволюцию, хотя джайнизм никогда

¹⁶ R.C.Majumdar et al., *History and Culture of the Indian People*, III, 326-40; см. образцы переводов в A.L.Basham, *The Wonder That Was India*, pp.330-31. Вклад тамильской эмоциональности в индуистское благочестие дает еще один пример того, как покоренная (или полупокоренная) культура проявляет необычную религиозную активность.

полностью не исчез из Индии. Вплоть до настоящего дня он остается важной малой сектой, поддерживаемой преимущественно богатыми группами торговцев.

В эпоху Гуптов в каждом из главных религиозных лагерей возникли признанные философские школы. Из них лишь шесть школ индуистской философии устояли, при этом философия джайнизма скоро угасла, а буддизм отступил. Философы-индуисты, однако, были заняты тем, что пытались привести в порядок народные религиозные обычаи. В частности, возрасставшее почитание Вишну и Шивы плохо, по крайней мере на первый взгляд, сочеталось со старым ведическим пантеоном, тогда как рафинированный теизм Упанишад имел мало общего как с одним, так и с другим. Было предпринято немало попыток объяснить многочисленные противоречия, но по крайней мере до VIII в. и появления философии Шанкары так и не было достигнуто окончательное согласование разнородных элементов индуистского наследия.

НАУКА. Наиболее замечательной из всех индийских наук была грамматика, а также связанные с ней области языкознания, такие как лексикография и метрика. Грамматика санскрита выросла из необходимости выработать в помощь брахманам общие правила запоминания священных слогов Вед. Панини (ок. IV в. до н.э.) придал санскриту классическую форму; но более поздние грамматики продолжали дополнять и комментировать его текст в течение последующих тысячи лет. По мере того как санскрит превратился в ученый язык, изучение грамматики стало необходимым условием любого научного исследования. Ко временам Гуптов, однако, ее принципы были разработаны настолько, что грамматика санскрита уже не поддавалась никаким существенным изменениям¹⁷. Вследствие этого внимание сместилось к другим областям языковедения, породив трактаты на тему размеров санскритской поэзии, а также завершение знаменитого словаря священного языка, ставшего стандартным для последующих веков.

Индийская медицина также имела древние корни. С ведических времен заклинания и магия, а так же лекарства и хирургия присутствовали в индийском арсенале медицинских приемов. С другой стороны, философские доктрины тела и души наряду с религиозными понятиями о космологии, демонах и божествах господствовали в медицинской теории. Три классических труда индийской медицины дошли до наших дней, один, относящийся, вероятно, к I в. н.э., один – к IV в. и один – к VII в. или VIII в. Самый ранний

¹⁷ Две важнейшие грамматики этой эпохи были работой буддиста и джайниста, каждый из которых написал произведение, не обращаясь к примерам из брахманистской литературы. См. R.C.Majumdar et al., *History and Culture of the Indian People*, III, 319-20.

из них, написанный Чаракой, представляет собой довольно запутанный и несистематический каталог болезней и способов лечения, собранный из различных, иногда противоречивых, источников. Совершенно иной характер носит учебник, написанный Сусрутой (IV в.), – краткий, хорошо организованный справочник, задавший тон всем позднейшим индийским медицинским трактатам. В отличие от Галена, Сусрута признавал, что хирургия есть часть врачебного искусства, и даже рекомендовал исследование трупов для изучения анатомии, хотя требования ритуальной чистоты исключали возможность вскрытия¹⁸.

Хотя индийские и греческие медицинские идеи проявляют определенные параллели, которые могут отражать более ранний профессиональный контакт при дворе Ахеменидов, основная часть индийской медицины развивалась независимо. Однако этого нельзя сказать об астрономии, поскольку в эпоху Гуптов греческая математическая астрономия и связанная с ней астрология радикально революционизировали индийские понятия в этих областях. Впрочем, новая астрономия не полностью заменила прежние анимистские объяснения движений небесных тел, которые продолжали смешиваться со сложными математическими вычислениями в индийских астрономических текстах¹⁹.

Индийская математика началась со свода правил о сооружении алтарей или подобных им мест священнодействий. Но не похоже, что существовала преемственность между текстами, описывающими эти правила, и более поздними, более формальными математическими трактатами. Самая ранняя из дошедших до нас математических работ была написана Арьябхатой в 499 г. как пособие по астрономическим вычислениям. Большая часть математического аппарата Арьябхаты была заимствована у греков, хотя он сделал несколько собственных нововведений, например уникальную систему цифровых символов. Он также, похоже, был знаком с десятичной системой счисления, усовершенствованной введением символа для нуля; но сам не использовал это обозначение²⁰.

В последующие столетия арабы признали за индусами честь открытия

¹⁸ Henry R. Zimmer, *Hindu Medicine* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1948), pp.46-59, 175-76; Jean Filliozat, *La Doctrine classique de la médecine indienne, ses origines et ses parallèles grecques* (Paris: Imprimerie Nationale, 1949), pp.199-215 and *passim*; A.B.Keith, *History of Sanskrit Literature*, pp.513-15.

¹⁹ Индии достигла не Птолемея александрийская астрономия, а более ранняя, менее разработанная и более разносторонняя версия. Данные заставляют предполагать, что двор Сасанидов играл роль посредника. См. Otto Neugebauer, *The Exact Sciences in Antiquity*, pp.160-61, 167-69, 178, 180.

²⁰ Туманная и крайне сжатая стихотворная форма делает интерпретацию смысла труда Арьябхаты очень неопределенной. См. перевод и комментарии в Walter Eugene Clark, *The Aryabhatiya of Aryabhata* (Chicago: University of Chicago Press, 1930).

цифр, которые европейцы называют арабскими. В отсутствие ясных данных, доказывающих иное, весьма вероятно, что арабская традиция содержит в себе зерно истины и что индийские математики действительно усовершенствовали систему обозначения чисел, используемую в наши дни во всем мире. Самая ранняя ссылка на использование такой системы относится к 269–270 гг.²¹

Долгосрочные последствия такого улучшения как в упрощении повседневных рыночных расчетов, так и в сложных научных изысканий невозможно преувеличить. Воистину, усовершенствование десятичной системы счисления, сделавшей все обычные арифметические вычисления столь удивительно простыми, можно наряду с изобретением буквенного письма отнести к важнейшим вехам в интеллектуальном развитии человечества.

ИСКУССТВО. Лучшие образцы скульптуры и живописи эпохи Гуптов были вдохновлены буддизмом. Это может показаться странным ввиду характеризовавшего эту эпоху заката буддизма. Однако этот факт не остается необъяснимым, поскольку художники, работавшие на заказ богатых буддийских монастырей, имели за плечами полные пять столетий художественной традиции, на которой они основывались и откуда черпали высокое мастерство как ваяния, так и живописи. Сочетание богатства, художественной традиции и умения, как правило, встречается редко. В Индии Гуптов подобное сочетание породило такие шедевры, как фрески пещеры Аджанты и Будду из Сарнатхи, не говоря уже об элегантном торсе бодхисаттвы из Санчи – зримом воплощении поэзии Калидасы.

Искусство индуизма не достигло такого стилистического успеха, несмотря на то, что индуизм был религией как двора, так и провинции. Индуистская иконография не обладала древней традицией; кроме того, многообразие индуистских богов должно было поставить художников перед сложней-

²¹ Я обязан этой информацией устному разговору с доктором Дэвидом Пингри (1962 г.), чья книга *Yavanajataka of Sphujidhva* должна скоро выйти в свет и привлечь внимание ученых к этой дате. Самое раннее свидетельство, известное до сих пор, содержалось в трактате Арьяхаты, датированном 499 г. н.э. См. G.R.Kaye, *Indian Mathematics* (Calcutta and Simla: Thacker, Spink & Co., 1915); A.B.Keith, *History of Sanskrit Literature*, pp.523-28.

Следует напомнить, что вавилоняне знали разрядную систему счисления еще в XIII в. до н.э. и передали ее эллинистическим математикам. Некоторые вавилонские тексты даже употребляют точку для обозначения нуля, правда, только в промежуточной, а не в конечной позиции, т.е. можно было однозначно записать 202, но не 220. Последний шаг, который, похоже, был сделан в Индии около III в., заключался в том, чтобы обобщить употребление нуля и в то же время освободить десятичную систему счисления от неудобной примеси шестидесятеричной системы. Смещение десятичной и шестидесятеричной систем было характерно как для вавилонской, так и для эллинистической астрономии, и западные математики до сих пор испытывают некоторые неудобства при угловых измерениях. См. O.Neugebauer, *The Exact Sciences in Antiquity*, pp.3-22.

Музей Виктории и Альберта
(Victoria and Albert Museum), Лондон.

ИСКУССТВО ИНДИИ ЭПОХИ ГУПТОВ

Контраст между изящно изваянным торсом бодхисаттвы из Санчи (фото слева) и более грубым барельефом (фото справа), изображающим Вишну в одной из его мифологических инкарнаций, хорошо передает разницу между утонченной придворной культурой Гуптов и пока еще простоватым, но полным энергии и чувства индуизмом провинции. Здание, также находящееся в Санчи, представляет собой ранний пример индуистской храмовой архитектуры. Его простые контуры выявляют основную (возможно, созданную под влиянием эллинизма) структуру, которую работа более поздних архитекторов приукрасила и несколько скрыла.

Археологический обзор Индии (Archaeology Survey of India), Нью-Дели.

шей проблемой. Возможно, понадобились некоторые творческие поиски, пока не было найдено удовлетворительное пластическое представление Вишну, Шивы и других божеств. Неуклюжая индуистская скульптура, дошедшая со времен Гуптов, определенно подтверждает это предположение²².

Ранний брахманизм не нуждался в храмах. Обряды арийской религии проводились на особо освященном для каждого случая месте под открытым небом; кроме того, ведическая традиция отсутствия изображений божеств отмирала не сразу. По мере того как ее божества все более приобретали черты личности, было совершенно естественным ожидать от индусов стремления визуализировать их в скульптуре, а также поместить в подходящих им величественных сооружениях. Отсюда возникла храмовая архитектура.

Священная архитектура индуизма не имела очевидной связи с круглыми в плане буддийскими ступами²³. Индуистские храмы строились в виде глухой, без окон, прямоугольной камеры, где помещались культовые изображения, к которым вел подобающе оформленный вход²⁴. Позже архитекторы добавили шпиль, возводимый поверх камеры, и постепенно скрыли простоту первоначальной формы за множеством второстепенных украшений. Тем не менее, как и во многих других аспектах индийской культуры, общая схема, достигнутая в эпоху Гуптов, осталась основой индуистской храмовой архитектуры.

ИНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Древние индийцы признавали три главные цели, к которым должен стремиться человек: дхарма, или праведность; арта, или практическое умение; кама, или любовь²⁵. До сих пор обзор индийской культуры рассматривал почти исключительно вопросы, относящиеся к первой из этих трех категорий. Несомненно, придворная литература эпохи Гуптов касалась любви; на эту тему даже создавались специальные трактаты. Мы можем предположить, что в повседневной жизни высшие слои общества, да и, возможно, все население, практиковало

²² При рассмотрении истории индийского искусства нужно всегда иметь в виду систематическое иконоборчество мусульманских завоевателей в Северной Индии. Возможно, индуистское искусство, более совершенное, чем дошедшее до нас памятники Южной Индии, существовало в Северной Индии в эпоху Гуптов.

²³ Пещерные храмы, вырубленные в скалах, существовали в Индии до появления отдельно стоящих храмов. Они обычно прямоугольные в плане, завершающиеся на дальнем конце апсидой. Они поразительно напоминают римские базилики, но, возможно, это сходство случайно, поскольку, похоже, пещерные храмы возникли от соединения круглого помещения ступы с входным залом. См. Benjamin Rowland, *The Art and Architecture of India*, pp.69-71.

²⁴ Некоторые ранние сооружения поразительно напоминают по общему плану греческие храмы, например, храм 17 в Санчи; возможно, греческая архитектура оказала на индийскую некоторое влияние.

²⁵ A.B.Keith, *A History of Sanskrit Literature*, p.450.

искусство любви с меньшим стеснением и по меньшей мере с такой же всепоглощающей интенсивностью, которую пропагандирует современная популярная культура Запада. Подобным же образом практические навыки в Древней Индии достигли высокого уровня развития, от скромных ремесленников до вершин музыки, танца и государственного управления.

Необходимо признать, что практическая и эротическая стороны индийской культуры были заметными и важными частями целого и при этом гораздо меньше подверженными идеалам брахманизма и аскетизма, чем можно предположить, читая литературу того времени²⁶. Переходя к замечательной географической экспансии индийской культуры, произошедшей в эпоху Гуптов, следует помнить, что притяжение индийской цивилизации отчасти основывалось на роскоши, утонченности и откровенной чувственности индийской жизни. Аскетическая религиозная доктрина не исчерпывала всех аспектов индийской жизни, хотя она и оставила намного более заметные следы в литературе.

В. ЭКСПАНСИЯ ИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В 200–600 ГГ. Н.Э.

В то время когда Римская и Китайская империи страдали от внутренних потрясений и нападений варваров, а Иран сдерживал атаки степных кочевников, индийская цивилизация достигла полного расцвета. Распространение индийской культуры в эпоху династии Гуптов, возможно, поддерживалось индийскими купцами и проповедниками, проявлявшими такую энергию в расширении сферы индийского влияния, какой они никогда не проявляли ни ранее, ни позже. Результатом их деятельности стали значительное проникновение индийской цивилизации в страны Юго-Восточной Азии и не менее поразительное проникновение индийской культуры в страны Центральной Азии и в Китай. Идеи и обычаи индийской культуры получили определенное распространение даже в землях Восточного Средиземноморья, вопреки антипатии христианской церкви к индуизму и буддийской религии.

²⁶ Необузданная сексуальность могла, собственно, быть главной причиной появления и существования индийского аскетизма, так как крайности чувственных наслаждений и отвращения к эротизму часто идут рука об руку. Индийская храмовая скульптура адекватно подтверждает, что свободное и открытое выражение сексуальности признавалось религией наряду со столь высоко превозносимым в литературе аскетизмом. Особая соборность индуизма проявилась в успехе, с которым он включил неприкрытый секс в лоно религии, что контрастирует с подчеркнуто пуританскими акцентами христианской, мусульманской и конфуцианской традиций.

Экспансия индийской культуры значительно отличалась от ранней экспансии эллинизма в одном отношении – военное покорение земель и народов не играло такой роли, как при распространении эллинизма; купцы и пророки взяли на себя роль армий Македонии и Рима. Вследствие этого расширение сферы влияния индийской культуры происходило вдоль торговых путей, в частности, вдоль морских торговых путей, направлявшихся в Юго-Восточную Азию и на острова Индонезии, и вдоль караванных путей через оазисы Центральной Азии в Северо-Западный Китай.

1. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Связь между Индией и землями Юго-Восточной Азии была очень древней. Общие элементы в археологических находках, сделанных в обеих областях и датируемые доисторическим периодом, позволяют предположить, что индийцы и их соседи поддерживали хоть и ограниченные, но реальные связи через Бенгальский залив в доарийские времена²⁷. Ранние доказательства более обширных контактов датируются первыми веками христианской эры, когда купеческие суда из индийских портов²⁸ стали посещать берега Бирмы, Малайи, Индонезии, Сиама (Таиланда) и Индокитая. В это время население данных областей составляли мирные народы, знакомые с навыками выращивания риса и пользовавшиеся лодками и плотами, но не имевшие продуманной политической организации и выраженной системы культуры, которая могла бы противостоять искушениям цивилизации. Этих людей было легко убедить, что пришельцы с их большими быстрыми судами и странными богами, обладают секретами могущественной магии, которую надо усвоить как можно быстрее. Легенды об основании индуизированных государств этой области, сохраненные китайскими источниками, позволяют предположить, что индийские купцы и путешественники через браки устанавливали родственные отношения с главенствующими семьями в этих землях и занимали лидирующее положение среди коренного населения.

Археологи обнаружили в Юго-Восточной Азии значительное число сан-

²⁷ G.Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonesie* (Paris: E. de Boccard, 1948), pp.23-28; H.G.Quaritch Wales, *The Making of Greater India* (London: Bernard Quaritch, 1951), pp.47-83.

²⁸ Некоторые из первых путешествий, отправной точкой которых были индийские порты, возможно, совершили купцы и искатели приключений из Средиземноморья. Несколько римских изделий, датируемых II в. н.э., были найдены в Кохинхине (Южный Вьетнам); в китайской истории есть упоминание о визите послов от Марка Аврелия в 166 г., которые достигли Китая через южные моря. Coedès, *Les États hindouisés*, p.38. Однако после II в. торговля между областями Восточного Средиземноморья и Южной Индией пришла в упадок в связи с общим упадком римского мира; индийские купцы быстро взяли под свой контроль торговлю с Востоком (даже если они не сами проторили ей путь).

скритских надписей и произведений индийского искусства. Надписи проясняют, что на протяжении IV–V вв. ряд государств как на материке, так и на островах объединились вокруг королевских дворов, чья культура и атмосфера были вполне индийскими. По мере того как возможности достичь славы и богатства в этих государствах стали хорошо известны на индийском субконтиненте, не только простые купцы, проложившие эту дорогу, но также брахманы и воины начали массово мигрировать через Бенгальский залив, что привело к серьезному росту индийского влияния на правителей столиц в Юго-Восточной Азии и их придворных.

Хотя буддисты играли важную роль на начальных этапах индийского проникновения в Юго-Восточную Азию, большинство правящих династий и их вассалов стали поклонниками Шивы в эпоху Гуптов; возможно, ритуал и концепции этой ветви индуизма были созвучны ранним религиозным воззрениям коренных жителей. Кроме того, культ Шивы, подчеркивая магическую роль правителя в увеличении плодородия полей, возможно, помогал местным королям консолидировать свою власть над главами родов и сел. Культовые статуи и другие произведения искусства, привозимые из Индии, придавали форму этим новым политико-религиозным идеалам. Только ориентировочно после 600 г. королевская власть стала поддерживать развитие местной скульптуры и каменной архитектуры, и это стимулировало развитие вариаций на главные темы индийского наследия местными мастерами. Материалы, дошедшие до нас со времен, предшествующих этой дате, позволяют предположить существование вполне колониальной атмосферы при королевских дворах Юго-Восточной Азии, где короли и придворные стремились подчеркнуть свою власть, знатность и высокое положение не поощрением местного искусства, а завозом наиболее удачных из возможных копий аутентичных индийских подлинников.

Подавляющее большинство населения Юго-Восточной Азии лишь косвенно подвергалось влиянию индийской культуры, исходившему от дворов правителей. Сельская жизнь шла так же, как и раньше, возросла только роль королевской власти в сборе налогов и трудовых повинностях. Но тем не менее, хотя распространение индийского стиля, возможно, было чисто поверхностным, мы можем с большой уверенностью предположить, что географическая область, подпавшая под индийское влияние, – от Борнео до Суматры и от Индокитая до Бирмы – далеко превосходила европейские территории, которые Римская империя включила почти столь же поверхностно в орбиту эллинизма.

Итак, расширение сферы индийской культуры на север вдоль побережья Индокитая привело к тому, что индийская и китайская цивилизации встретились. Разумеется, их противоборство было недолгим, поскольку, когда

Китай вышел из состояния распада, в котором он находился после падения династии Хань, и возобновил имперскую экспансию в Аннам (Северный Вьетнам), прямое влияние Индии уже начало идти на убыль в отдаленных землях Великой Индии, созданной вне пределов метрополии в период Гуптов. Восстановление влияния доиндийских культурных традиций сыграло свою роль в этих изменениях. Вдобавок ко всему коммерческая энергия индийцев в VII в. стала быстро иссякать, и конкуренты-мусульмане начали вытеснять индийских купцов из южных морей. Следовательно, уход Индии из Юго-Восточной Азии создал некоторое подобие буферной зоны между культурными областями Индии и Китая. Эта буферная зона все еще существует, но только потому, что изначальное индийское проникновение стимулировало народы Юго-Восточной Азии стремиться к уровню цивилизации их более древних соседей, таким образом отчасти заполнив заметный социополитический вакуум²⁹.

Во времена Гуптов индийские корабли, несомненно, изучали побережье Африки и вели там торговлю; этнологи определили различные следы их пребывания там. Таким образом, народы Суданской Африки вплоть до побережья Гвинеи на западе, похоже, обязаны важными элементами своего сельского хозяйства индийским и индонезийским кораблям и поселенцам, которые, возможно, в начале христианской эры ввели в обиход на Африканском континенте такие культуры, как ямс, таро и бананы³⁰.

2. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ, ИРАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Индийское торговое и культурное проникновение в Юго-Восточную Азию совпало по времени с ослаблением торговых связей с Египтом. Ухудшение положения в римском мире из-за эпидемий и войны уже само по себе могло быть принципиальным фактором, сдерживавшим торговлю в регио-

²⁹ В добавление к книгам, которые цитировались отдельно, я консультировался: R.C.Majumdar, *Ancient Indian Colonization in South East Asia* (Baroda: University of Baroda Press, 1955); Majumdar, *The History and Culture of the Indian People*, II, 651-58; III, 631-44.

³⁰ Тот факт, что Мадагаскар населен в основном людьми, говорящими на индонезийском языке, чьи предки должны были мигрировать через Индийский океан с Борнео или других индонезийских островов, служит яркой демонстрацией возможностей простых судов перевозить людей на большие расстояния через спокойные южные моря. Возможно, мигранты следовали вдоль побережья Южной Азии, а не прямо пересекали открытый океан; но пока не обнаружено следов их промежуточных стоянок – если таковые существовали. См. George Peter Murdock, *Africa: Its People and Their Culture History* (New York: McGraw-Hill, 1959), 212-71; James Hornell, «Indonesian Influences on East African Culture», *Journal of Royal Anthropological Institute*, LXIV (1934), 325 and *passim*; G.W.B.Huntingford, «The Hagiolithic Cultures of East Africa», *Eastern Anthropologist*, III (1950), 119-33.

не Красного моря; но новообразованные арабские и эфиопские государства также ограничивали эту торговлю, вымогая непомерные поборы с купеческих кораблей, пытающихся пройти через Баб-эль-Мандебский пролив³¹. В то время как прямая торговая связь между Индией и Средиземноморьем шла на убыль, просвещенные круги Александрии проявляли живой интерес к мудрости и возможностям «гимнософистов» из Индии.

Не нужно далеко искать причины поначалу удивляющего хронологического сдвига между апогеями экономического и интеллектуального общения Индии со Средиземноморьем. Выразительность абстрактной индийской мысли, аскетизм, исповедуя который, индийские святые достигали мистических видений, предлагали жизненные модели и мировоззрение, которые согласовывались с концепциями благородных философов греко-римского мира и поддерживались ими. В век, когда жестокое насилие и эпидемии разрушали социальную вселенную римского мира, а различные религии спасения добивались признания среди простого народа, оптимистический рационализм греческой философской традиции казался крайне неуместным для объяснения происходившего. Как мог рассудительный человек принять, например, стоическую доктрину превосходства естественного права, когда прихоть и случай так явно определяли действия римских политиков, в то время как империю сотрясали гражданские войны, многочисленные узурпации власти, нашествия варваров. В такие периоды индийская мистическая философия, прямо обоснованная сверхрациональным видением трансцендентального бытия, которого каждый мог достичь с помощью соответствующих тренировок и самодисциплины, казалось, предлагала верный путь к истине. Ключевой фигурой для пробуждения контактов между греческой и индийской высокоинтеллектуальными традициями, похоже, был Аммоний Саккас (ум. 242), который, возможно, сам был родом из Индии и, вероятно, учил Плотина (ум. 270), великого реставратора языческой философии, и Оригена (ум. 254?), первого методического богослова христианской церкви. В любом случае многие наиболее важные доктрины Плотина созвучны Упанишадам, тогда как вполне реальные платоновские корни его философии воспринимаются как более отдаленные³².

В пределах христианской традиции следы индийского влияния менее

³¹ Когда пошлины стали слишком высокими, товары в Персидский залив могли доставляться караванами. Расцвет Пальмиры в III в. был частично вызван движением по этому торговому пути, но он был разрушен в 273 г., и последующие затяжные войны между римлянами и персами должны были прервать торговлю на длительный период даже более эффективно, чем паразитизм государств, контролировавших Баб-эль-Мандебский пролив.

³² См. Émile Bréhier, *La Philosophie de Plotin* (Paris: Boivin & Co., 1923), pp.107-34; Jean Filliozat, *Les Relations extérieures de l'Inde* (Pondicherry: Institut Français d'Indologie, 1956), pp.27-30, 51-58.

заметны. Догматическая религия, провозгласившая монополию на истину божественного откровения, не могла признать наличия внешнего влияния. Нет никаких очевидных доказательств того, что христианство, когда оно в первые века нашей эры медленно выросло из доктринальных споров, позаимствовало что-либо важное из индийской мысли. Различные другие восточные верования, широко распространенные в римском мире – гностицизм в особенности, – по-видимому, были более открыты индийским идеям, хотя на гностицизме также очень заметен иранский отпечаток³³.

С другой стороны, то, что можно назвать «стилем святости» в христианстве, имело многочисленные сходства с обычаями и представлениями, распространенными в Индии. Экстремальным проявлением христианского стремления к святости служит пример сирийских святых-столпников, проявивших в деталях своего аскетического поведения индийское влияние³⁴. Важнее ответить на вопрос: испытало ли христианское монашество влияние традиций индийских аскетов? Вряд ли можно ожидать документальных подтверждений заимствования; и все же популярные истории о доблести индийских святых могли предоставить христианским монахам идеи и помощь в их собственном стремлении к святости и блаженству³⁵.

³³ До недавних пор почти не были известны подлинные источники, позволявшие ученым изучать мысли гностиков с помощью чего-нибудь менее темного, чем христианская полемика. После Второй мировой войны впечатляющие рукописи, найденные в Египте, открыли совершенно новые возможности, но политические и другие обстоятельства помешали их немедленному и полному использованию. См. Jean Doresse, *The Secret Books of the Egyptian Gnostics* (New York: Viking Press, 1960); Eva Meyerovitch, «The Gnostic Manuscripts of Upper Egypt», *Diogenes*, No.25 (1959), 84–117; Robert M. Grant, *Gnosticism and Early Christianity* (New York: Columbia University Press, 1959); Hans Jonas, *The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity* (Boston: Beacon Press, 1958).

³⁴ См. Hippolyte Delehaye, *Le saints stylites* (Brussels: Société des Bollandistes, 1923), pp.cxcix–cxv.

³⁵ Важность индийского влияния на монашество и другие аспекты христианского благочестия как слепо принимались, так и безрассудно отрицались. См. краткое изложение научных мнений, собранных Henri de Lubac, *La Recontre du Buddhisme et de l'Occident* (Paris: Aubier, 1952), pp.9–27. Мнение о значительном индийском влиянии на христианство было очень распространено 50 лет назад. См. Richard Garbe, *India and Christendom: The Historical Connections between Their Religions* (LaSalle, Ill.: Open Court Publishing Co., 1959); Ernst Benz, «Indische Einflüsse auf frühchristliche Theologie», *Akademie der Wissenschaften und Literatur (Mainz)*, *Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*, No.3 (1951), pp.172–202; Mircea Eliade, *Le Yoga* (Paris: Payot, 1954), p.412; Karl Heussi, *Der Ursprung des Mönchtums: Geistesgeschichte des antiken Christentums* (Munich: Carl Beck Verlag, 1955), I, 523–29.

Еврейские общины аскетов, такие как в Кумране, и библейские сообщения о древних пророках, которые пребывали в пустынях, явно предлагали христианским монахам другие и очень важные модели. Но еврейские прецеденты, насколько я знаю, никогда не признавали, что итогом аскетического поведения должно быть блаженное видение Бога, что давно установили индийские аскеты. Более того, психические явления, вызванные постом и другими физическими лишениями, не казались сами по себе безошибочно видениями божества. Индийские прецеденты и интерпретации таких экспериментов в теологическом и трансценденталь-

В Вавилонии и Иране первые сасанидские монархи (после 226 г.) покровительствовали возрожденному зороастризму как части повторного утверждения персидской культурной независимости. Как следствие, Иран и Месопотамия, в отличие от Китая, не смогли стать плодородным полем для миссионерской деятельности буддистов. Чувство гордости не позволяло персу воспринять индийские культурные модели, пока те не приняли эффективную местную маскировку. Это ничего не проясняет в культурной и религиозной истории Ирана и Месопотамии, которые остаются загадочными вопреки усилиям современных ученых реконструировать доктрины и организацию сасанидского зороастризма и таких соперничавших с ним вероучений, как манихейство и маздакизм. Мы можем предположить, однако, что индийские мотивы были более явственны в землях Сасанидов, чем на римских территориях. Более того, в восточной части Персидского царства буддийские монастыри продолжали цвести, как они цвели во времена Кушанской империи и, возможно, еще раньше. Дальше на восток по Великому шелковому пути в оазисах бассейна реки Тарим буддизм активно процветал в 200–600 гг. Под эгидой буддийских монастырей смешанная культура, где индийские элементы сохраняли верховенствующее значение, распространилась через всю Центральную Азию и оказала воздействие на громадные массы самого Китая³⁶.

3. КИТАЙ

В Китае принятие буддизма и индийской культуры поражает тем, что этот сложный процесс продолжался около четырех веков и сопровождался тонкими взаимодействиями между индийскими идеями и старыми китайскими традициями, в частности даосизмом. Главным обстоятельством, которое сделало Китай готовым серьезно принять буддизм, стал болезненный распад институтов империи династии Хань и явная тщетность конфуцианского пути, который так действенно соединялся с этими институтами в эпоху Хань. Во время, когда ожесточенная борьба различных группировок за трон сначала вызвала первое социальное восстание тяжело угнетаемых крестьян (начало 184 г. н.э.), а затем привела к политической раздробленности, когда узурпаторы, захватчики-варвары и местные военные вожди вступили в борьбу за наследие империи, конфуцианские наставления казались все более

ном смыслах могли тем не менее быть важным абсолютным ключом для первых христианских мистиков. Мне кажется, в таком несколько общем и неподтверждаемом значении индийское влияние на раннее христианство имело огромную важность.

³⁶ Roman Ghirshman, *Bégram*, p.100; Sir Aurel Stein, *On Central Asian Tracks* (London: Macmillan & Co., 1933); Albert von LeCoq, *Auf Hellas Spuren in Ostturkestan* (Leipzig: J.C.Hinrichs, 1926).

далекими от политической реальности. Беспокойные умы стали искать другие способы объяснения вселенной³⁷.

Даже когда умы китайцев были подготовлены к принятию религии, которая проповедовала уход из семьи и общества как высшую форму святости и устанавливала уничтожение личности как высшую конечную цель религиозных устремлений – доктрины, которые были прямо противоположны системе традиций китайской цивилизации, – перед переводчиками стояло трудное задание донести индийский оригинал до возможных китайских адептов. Китайский язык не имел терминов, способных передавать буддийские понятия. Эта возможность появилась только в V в., когда немногие ученые, изучившие китайский и индийский языки в достаточной степени, смогли сделать приблизительный перевод буддийских текстов на китайский³⁸.

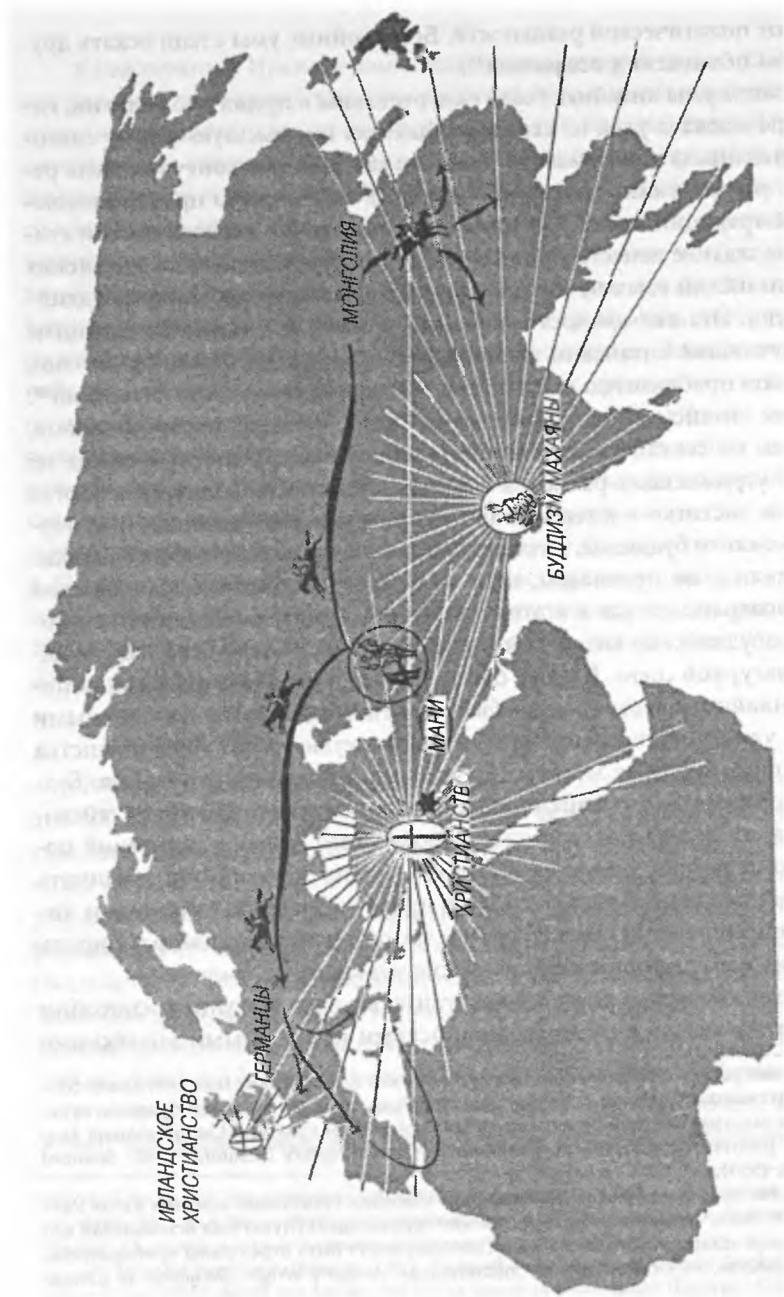
В целом китайские новообращенные приняли такую форму буддизма, как махаяна, но сектантские различия в индийском буддизме никогда не принимали угрожающих размеров в глазах китайцев. К концу IV в., когда переводчики достигли мастерства адекватного перевода концепций и терминов индийского буддизма, китайцы стали развивать собственные школы. Они разделялись по признакам, имевшим малое отношение к индийской доктрине, возвращаясь как к исходному пункту к расхождениям, существовавшим в добуддийской китайской мысли. Буддизм быстро освоился на китайской культурной сцене. Как это бывает, новое и поначалу чужое миропонимание индийской веры должно было найти общий язык с различными течениями, уже существовавшими в китайской культуре, от конфуцианства и даосской философии до местных крестьянских колдовских обычаев. Буддизм был поразительно успешен в проникновении на все уровни китайского общества, от полного достоинства королевского двора и медитаций помещиков до скромных ритуалов крестьян, просто надеющихся увеличить плодородность своих полей. Но по мере приспособления к старинным китайским формам буддийские доктрина и методы одновременно расширяли и переоценивали традиционные китайские чувства и стремления.

Искусство оказалось наиболее чувствительным и доступным способом взаимодействия между внешними индийскими и коренными китайскими

³⁷ Различные усилия по оживлению старых китайских философских школ отражали банкротство конфуцианского учения периода династии Хань даже до того, как буддизм начал продвигаться в вакууме, который создали события в китайской культуре. См. детальный анализ, данный в работе: Arthur F.Wright, *Buddhism in Chinese History* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1959), pp.20-31.

³⁸ В качестве примера изначальной трудности освоения буддийской мысли в Китае Райт указывает на тот факт, что один и тот же китайский термин «дао» (путь) был использован для передачи терминов «дхарма», «бодха» и «йога», которые могут быть переведены приблизительно как «праведность», «просветление» и «дисциплина». Arthur F.Wright, *Buddhism in Chinese History*, p.36.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

особенностями в пределах буддизма Дальнего Востока. Высокий престиж греко-индийского стиля в Китае вдохновлял благочестивых пилигримов привозить из Индии и Центральной Азии подлинные образы Будд и бодхисаттв из мифологии махаяны. Тем не менее к VI в. возникло характерное китайское буддийское искусство, в котором изображение фигур в китайской одежде и с китайскими лицами начинает сочетаться с индийской символикой жестов и орнамента³⁹. Результат часто был очень действенным, и такой достигнутый синтез можно рассматривать как показатель более широкого синтеза между буддийским и добуддийскими культурными стилями, постепенно происходившего в Китае после 500 г. Величие и покой буддийских монастырей, длительное обучение конфуциански образованных людей, магические манипуляции даосских отшельников, церемониал двора, дисциплина армейских лагерей и изнурительный труд крестьянства – все это вошло в измененную социальную и культурную уравновешенность, нашедшую политическое выражение в повторном объединении Китая под властью династии Суй в 589 г.

Степные варвары-завоеватели также внесли некоторые элементы в реорганизованную китайскую цивилизацию VI в. Разноязычные племена⁴⁰, которые опустошали север Китая после 311 г., имели свои культурные традиции и не всегда были полны желания принять китайские обычаи. В IV в. некоторые правители Северного Китая, возможно, поддерживали буддизм как защиту собственной культурной независимости⁴¹ перед лицом древней цивилизации Китая, но постепенно, по мере достижения компромисса между буддизмом и собственными традициями Китая, такая возможность исчезла. Как бы то ни было, к VI в. варварские правители севера совершенно окитаились и больше не стремились быть культурно отчужденными от китайского общества. Поэтому вклад привыкших к воинскому повиновению варваров в новое культурное равновесие Китая ограничился таким важным внутренним аспектом, как более автократичное, чем конфуцианское почитание старших в период Хань, определение императорской власти, а также к таким внешним обстоятельствам, как использование стремени при езде верхом.

Политическая раздробленность Китая в 220–589 гг. не помешала географическому расширению ареала китайской культуры. Отход ханьских гар-

³⁹ См. Laurence Binyon, «Chinese Art and Buddhism», *Proceedings of the British Academy*, XXII (1936).

⁴⁰ Захватчики, нападавшие на Северный Китай, говорили на монгольских, тунгусских, тюркских и тибетских языках, и часто военные союзы охватывали разноязычные группы. См. O. Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, II, 54–117 – краткое изложение наиболее запутанной истории столетия.

⁴¹ Arthur F. Wright, *Buddhism in Chinese History*, p. 57.

низонов из оазисов Центральной Азии вовсе не ограничил направленное на запад влияние Китая; восприимчивость к буддийским потокам, текущим на восток через эти самые оазисы, даже усиливала культурные связи между Китаем и Центральной Азией. Аналогично, различные варварские завоеватели Северного Китая пытались соединить часть степи и их новые китайские территории под одной властью. Это также усиливало китайское культурное проникновение до столь же высокой степени, как когда этот процесс шел путем навязывания китайской культуры окружающим народам ханьскими армиями. В Южном Китае великая работа колонизации и окультуривания происходила спокойно и почти незаметно и в результате привела территории в долине реки Янцзы к экономическому и культурному уровню севера.

В направлении на восток, в Корею и Японию, китайский пример стал находить плодородную почву по мере того, как политические и социальные учреждения этих регионов развивались и усложнялись до уровня цивилизации. Буддийские монахи были основными переносчиками высокой китайской культуры в Японию и Корею, но местные правители быстро поняли, что усвоение институтов китайской цивилизации может усилить их власть, и поэтому их дворы превратились в важные центры китайского влияния. Сотрудничество между правителями и миссионерами утвердило буддизм в качестве подобия государственной религии в каждом королевстве Корейского полуострова в 372–528 гг. Подобные процессы начались в Японии в 522 г., когда первые важные буддийские миссии достигли архипелага. Так Япония и Корея вошли в круг цивилизованных народов, значительно приобщились к культурному многообразию Дальнего Востока. Китайская модель при всей своей важности никогда не затмевала местных особенностей, что сделало Японию навсегда, а Корею частично настолько отличными от Китая, что их можно считать отдельными цивилизациями.

Полное усвоение индийского буддизма культурой Дальнего Востока и возрождение китайских политических и культурных устремлений обозначили конец индийской культурной экспансии вдоль торговых путей Центральной Азии. Набеги варваров на север Индии, во время которых были повреждены или разрушены некоторые важные центры буддийской миссионерской деятельности, ускорили полный поворот культурной тенденции, который произошел, когда династия Тан (618–907 гг.) начала завоевание Центральной Азии. Внутренние изменения, которые низвели индийский буддизм до трудных для понимания размышлений комфортабельно отгородившихся от окружающего мира монахов, перекрыли поток миссионерского вдох-

новения у самого истока⁴². Но до того, как сила индийской культурной экспансии достигла высшей точки (ок. 600 г.), она смогла вложить новые важные элементы в культурное наследие более чем половины человечества.

Г. СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА. ПРОРЫВ ВАРВАРОВ И РЕАКЦИЯ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА В 200–600 ГГ. Н.Э.

К концу VI в. новое варварское нашествие вдребезги разбило мир, который вскормила цивилизация Гуптов. Гунны-эфталиты⁴³ захватили Центральную Азию, вторглись в Северо-Западную Индию и разрушили связи между Индией и Дальним Востоком. Мы уже отмечали их первое вторжение в Индию (ок. 455 г.), которое не имело больших последствий, но в 490–549 гг. эфталиты установили гегемонию над обширными территориями Северной Индии, совершая далекие набеги и оставляя многие буддийские монастыри в руинах. Империя Гуптов никогда не была восстановлена. В 549 г. Индия была ввергнута в пучину политической раздробленности и беспорядка, иногда прерываемую, но никогда не устраняемую появлением время от времени успешных завоевателей, таких как Харша (606–641 гг.), который создал недолговечную империю на Северо-Западе Индии.

1. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Вторжение эфталитов в Индию было только одним из событий namного более масштабного движения людей, происходившего в степях Евразии и глубоко проникшего в прилегающие лесные и сельскохозяйственные зоны. Миграции германских племен на Дальнем Западе были частью того же процесса, к которому относилась оккупация варварами севера Китая. Лишь с огромными усилиями Персия Сасанидов и Восточный Рим оказались способны противостоять натиску варваров и остались островами цивилизованной жизни в центре ойкумены⁴⁴.

Таким образом, когда индийская цивилизация, хлынувшая с юга, до-

⁴² Ср. с утратой эллинизмом способности привлекать новообращенных, когда он выродился в изысканную забаву для высших классов греко-римского мира.

⁴³ R.Ghirshman, *Le Chionites-Hephthalites* (Cairo: L'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1948), p.115. Языковая принадлежность этой орды не определена. Гиришман полагает, что они говорили на иранском языке; в более старых исследованиях их называли тюрко-монголами. См. René Grousset, *L'Empire des steppes*, p.110.

⁴⁴ Южный Китай и Южная Индия также не были атакованы варварами, но скорее благодаря географической отдаленности, чем военной или политической мощи.

бавляла новые составляющие к культурному наследию Центральной Азии и Китая и в меньшей степени Ирана и земель Восточного Средиземноморья, жители степей оказывали не менее сильное влияние на цивилизацию с севера, пробуя ее оборону на прочность, захватывая слабые регионы и побуждая империю Сасанидов и Восточный Рим совершенствовать свои военные учреждения. Вместе эти два влияния, одно главным образом религиозное, другое военное, создавали форму последующей евразийской истории до времени арабских завоеваний.

В соответствии с географическими особенностями степного градиента Внешняя Монголия продолжала быть главным центром, откуда шло расселение кочевников в 200–600 гг. Из этого региона около середины IV в. новый военный союз племен, известных китайцам как жужане, двинулся подобно лавине через степь. В высшей точке своей власти жужане контролировали обширный пояс территорий, протянувшихся от Манчжурии далеко на запад до озера Балхаш или даже дальше. Тем временем другие народы-кочевники проникли на равнины Северного Китая. Один из них, союз тюркоязычных племен Тоба, правил Северным Китаем в 386–534 гг. (северная династия Вэй) и оказался достаточно сильным, чтобы противостоять внешним кочевникам даже после того, как жужане организовали свою конфедерацию. Укрепление империи Тоба блокировало сравнительно короткую дорогу из степи в Китай и таким образом отклонило последующую экспансию кочевников на запад вдоль степи.

В то время, когда на Дальнем Востоке происходили эти события, изменения подобного масштаба охватывали и другие земли вдоль границы между варварами и цивилизацией. Империя парфян долго испытывала сильные центробежные тенденции. Всякий раз, когда на троне оказывался не очень энергичный и агрессивный царь, землевладельцы и князья иранских окраин начинали волнения. В 226 г. один из таких землевладельцев, Ардашир, бросил успешный вызов своему парфянскому сюзерену, низверг его и затем неожиданно доказал свою способность установить эффективное господство во всех регионах, ранее лишь слабо объединенных под эгидой Парфянской монархии. Призыв к персидской гордости, к возрождению и реорганизации зороастризма как государственной религии вместе с более откровенным признанием аристократических привилегий – все это было призвано усилить власть Ардашира. Успех этой комбинации был так велик, что основанная им династия Сасанидов правила более четырех столетий и на протяжении большей части этого периода оказалась явно более успешной в сдерживании степи на своих границах, чем Рим или Китай.

Итак, пока Иран и Месопотамия наслаждались относительной безопасностью своих границ, внутренняя сплоченность Римского государства про-

являла признаки серьезной ветхости. Гражданская война в 193–197 гг. привела к власти первого «солдатского императора» и была не более чем прелюдией к бедствиям 235–285 гг., когда периодическая борьба между кандидатами на императорский трон открыла ворота вторжению варваров, сопровождавшемуся необычайной силой эпидемией. Вызванное этим резкое сокращение численности населения ослабило мощь римского сопротивления в то самое время, когда возросло давление варваров на границы империи.

На Дальнем Западе, вдоль течения Рейна, со времен Тацита (ок. 100 г. н.э.) германские племена начали более интенсивно осваивать сельское хозяйство. Их численность возрастала поначалу без изменений в воинском этосе, унаследованном от более раннего пастушеского образа жизни⁴⁵. Вдоль нижнего течения Дуная сарматы, которые властвовали над наиболее обширным западным участком евразийской степи со II в. до н.э., сменились ордами готов, переселившихся на юг из Прибалтики к Черному морю в начале III в. Как подобало завоевателям, готы (и другие восточно-германские племена) оставались верны пастушескому образу жизни, хотя и практиковали элементы сельского хозяйства. С точки зрения римлян, германские отвага и доблесть, которые теперь соединялись с многочисленностью племен на Рейне и их мобильностью на Дунае, были чреваты бедствием.

Однако ничего подобного чувству общности среди германских племен не существовало. Они сражались друг с другом с той же готовностью, как и с римлянами; германские поселенцы, допущенные на римские территории на договорной основе, были готовы защищать свои новые земли от собратьев-германцев, даже если это означало повиноваться римскому правлению. Разделение среди германских племен, а также наличие реального, пусть даже несколько ослабленного, имперского самосознания среди жителей империи позволило таким императорам-воинам, как Деций, Клавдий Готский, Аврелиан и Диоклетиан, сдержать и повернуть вспять варварское вторжение в III в.

Восстановленная машина римского государства выдержала испытание временем на протяжении века (285–395 гг.) главным образом благодаря расширенным ресурсам, которые жестокое принуждение сделало доступными для государственных целей в целом и для поддержки армии в частности. Но дополнительная сила, достигнутая принуждением, была ограничена. Даже усиленная поддержкой христианской церкви и подкрепленная быстрым

⁴⁵ Ср. состояние латинского населения Италии 800 годами ранее, когда оно также недавно освоило постоянное сельское хозяйство и решило проблему быстрого роста народонаселения ведением успешных войн и завоеваний, что в конце концов привело к возникновению Римской империи. Рассматриваемое в таком свете Римское государство на Западе было разрушено теми же силами, которые создали его.

окульгуриванием германских наемников и жителей пограничья, Римская империя оказалась неспособной быстро восстанавливать силы перед лицом бедствия, так как большинство ее субъектов стали считать правительство деспотичным, жестоким, жадным и чужим. Поэтому в V в. местные военные неудачи в западных провинциях обусловили распад римской власти в латиноязычной половине империи. Только в грекоязычных провинциях сохранилась преемственность Римского государства, во многом благодаря выдающимся оборонительным качествам столицы, основанной Константином (ум. 337) на месте Древней Византии, пока и она не рухнула в 1204 г.

Непосредственной причиной окончательного падения Рима на Дальнем Западе были внезапно появившиеся в Восточной Европе гунны. Можно только строить предположения о причине той стремительности, с которой степь извергала эту орду⁴⁶. Но в 374 г. гунны быстро нанесли поражение остготам на Днестре, после чего вестготы обратились в бегство и стали искать убежища на южном берегу Дуная. Затем гунны создали обширную империю кочевников с центром на Среднедунайской равнине в Венгрии. В последующие десятилетия Италия и Галлия, а также народы Балканского полуострова почувствовали бич набегов гуннов, и по всей Европе целые народы в ужасе покорялись новым завоевателям либо бежали от них. Тем не менее после смерти Атиллы (453), последнего великого военачальника гуннов, распри внутри орды и восстания покоренных народов разрушили и эту империю еще быстрее, чем она возникла. Остатки гуннов нашли убежище вдоль римских границ или отступили в восточном направлении в область Нижнего Дона, где они возобновили свой древний образ жизни и стали одной из многих подобных групп, занимающих степные земли Евразии.

Вследствие гуннского опустошения римское правительство потеряло контроль над своими западными провинциями, и ряд германских «варварских королевств», преемников Западной Римской империи, возник в Италии, Галлии, Испании, Британии и Северной Африке. Подобно другим варварам – завоевателям цивилизованных земель, германцы желали как сохра-

⁴⁶ Внезапное вторжение гуннов в Европу почти совпадает по времени с вторжением эфталитов в восточные области государства Сасанидов. Первое указание на появление эфталитов в сельскохозяйственных районах верхней Амударьи (Древняя Бактрия) датируется 371 г. н.э. В том году Шапур II Персидский достиг соглашения с эфталитами, согласно которому орда признавала его сюзереном и на нее была возложена обязанность защиты этой части сасанидского домена в обмен на право управлять этой все еще богатой землей. См. R.Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, p.82.

Такое удивительное хронологическое совпадение заставляет предположить, что перемещение народов в пределах центральной степи, возможно, начавшееся в регионе, где возникла конфедерация жужаней, выдавало как гуннов, так и эфталитов из их привычных пастбищных земель.

нить свою привычную племенную организацию, так и подражать богатой, легкой и элегантной жизни высших классов Рима. Таким образом, родовые вожди, захватив поместья, взяли на себя роль римских помещиков и господ перед местными землевладельцами и в то же время поддерживали образ удачливых воителей перед германскими дружинниками, собратьями-воинами. Соединить такие качества было сложно, так как достаточно было бы одной римской надменности, чтобы оттолкнуть от себя ряды германских воинов и разрушить основы своей воинской власти. И наоборот, если этос воинской дружины позволял грабеж и насилие, то подобная жестокость была способна рассеять крестьянство, чей труд только и составлял ценность поместья. Стремления племенных царьков сохранить налоги и другие возможности, предоставляемые римской государственностью, и при этом сохранить свои традиционные племенные привилегии в пределах германского сообщества были явно несовместимы. Такие гибридные государства были, несомненно, переходными, и ни одно из них не продержалось достаточно долго⁴⁷.

Можно отметить, что подобные события в Европе имели интересные параллели дальше к востоку. Гибридная социальная структура германских «варварских королевств» была очень похожа на империю эфталитов в Бактрии и Северной Индии (371–576 гг.), где грубые варвары правили цивилизованными народами цивилизованными способами и в то же время старались сохранить свою воинскую дисциплину и ярость натиска. Империя Тоба в Китае (386–534 гг.) также была во многом основана на подобных же гибридных структурах⁴⁸.

Параллели продолжают и дальше, поскольку разрушение государств-преемников произошло в одно и то же время (середина VI в.) в каждом уголке ойкумены и, по сути, зависело от существенно схожих процессов. Везде в игру вовлекалось три фактора: 1) ослабление военной дисциплины и воинского духа варваров при соблазнах цивилизованной или полуживилизованной жизни; 2) восстановление силы цивилизованных империй, по крайней мере частично, за счет силы «патриотической реакции» против иноземных захватчиков; 3) возрастание эффективной политической организации среди

⁴⁷ Важное географическое различие заявило о себе в течение V в. В северо-западных регионах Римской империи сырой, дождливый и холодный атлантический климат делал средиземноморский стиль сельского хозяйства непроизводительным. В этом регионе основы устройства римской жизни сломались еще до вторжения германцев, чье сельское хозяйство было лучше приспособлено к местному климату. Римские поселения в Британии и в землях нижнего течения Рейна были уничтожены, уступив место чисто германскому стилю жизни. Гибридный тип общества в государствах-преемниках одержал победу только на дальнем юге, где римское население было более устойчиво и германская оккупация – слабее.

⁴⁸ Wolfram Eberhard, *Das Toba Reich Nordchinas: eine soziologische Untersuchung* (Leiden: E.J.Brill, 1949).

внешних варваров, которые атаковали государства-преемники на одном фланге, в то время как возрожденные цивилизованные империи атаковали их на другом.

Главными действующими лицами этой драмы в Европе были франки и Восточная Римская империя. При Хлодвиге (481–511 гг.) и его сыне франки образовали мощное военное государство, основанное на все возрастающей плотности сельскохозяйственного заселения прирейнских земель. Сила франкских атак, следовательно, была много больше, чем у сравнительно малочисленных готов и бургундов, с которыми они столкнулись в Галлии. Вторжение франков с севера было дополнено периодическими военными кампаниями императора Юстиниана (527–565 гг.), который намеревался восстановить единство Римской империи. В состав его войск впервые вошли небольшие, но грозные отряды тяжеловооруженных катафрактов-латников, поэтому в техническом отношении военные силы Юстиниана далеко превосходили любые войска западных германских королей, которые те могли вывести на поле боя. Мгновенный успех (как в Северной Африке) или длительная и методичная осада, если противник укрывался в укреплениях (как в Италии), характеризовали военные кампании Юстиниана на Западе. Ко времени его смерти римские армии отвоевали север Африки, Италию и часть Испании и привели эти области к покорности империи, теперь правившей из «Нового Рима» Константины на Босфоре. Однако большая часть Галлии задолго до этого (507 г.) была захвачена франками.

На Дальнем Востоке династия Суй превзошла достижения Юстиниана воссоединением Китая в 589 г. Тем не менее эта победа была невозможна без помощи внешних варваров, которые помогли китайцам разрушить конфедерацию жужаней в 552 г. Эти военные действия открыли путь созданию новой конфедерации кочевников в восточной степи, в которой лидирующую роль играли тюрки. Новая тюркская империя (Тюркский каганат), конечно, представляла угрозу Китаю, как ранее конфедерация жужаней. Но ссора между двумя ветвями тюркской правящей фамилии разделила орду в 572 г. на восточную и западную. После этого китайская дипломатия удерживала восточных тюрков от нападений рассудительным подношением даров, ненавязчиво сочетая их с незаметной поддержкой внутренних разногласий в самой орде.

В Средней Азии такая же драма достигла кульминации в 567 г., когда западные тюрки объединились с империей Сасанидов, чтобы разгромить эфталитов. При разделе захваченных богатств западные тюрки получили оазисы к востоку от Сырдарьи. Это существенное увеличение их богатства стало одним из факторов, стимулирующих ссору с восточными тюрками,

которые довольствовались меньшими успехами и не могли надеяться достичь чего-либо подобного, пока оставалась неповерженной мощь Китая⁴⁹.

Таким образом, во второй половине VI в. на Среднем и Дальнем Востоке сложилось новое соотношение сил между цивилизованными и варварскими империями, которое просуществовало около трех столетий. Конечно, династия Тан сменила династию Суй в 618 г. н.э., а Сасаниды после ряда самоубийственных войн с Византией открыли путь мусульманским народам. Но в обоих регионах восстановленные и вновь укрепленные цивилизованные империи, словно дамба, успешно удерживали степных кочевников до X в. Однако это не относилось к Европе, где свежие волны варварского нашествия быстро уничтожили достижения Юстиниана на Западе и даже принудили его наследников отказаться от контроля над большей частью Балканского полуострова. И снова центром возмущения, породившим новую миграционную волну, стала степь. Новый воинственный народ, который вторгся в пределы цивилизованного мира, спасаясь от своих врагов в Центральной Азии, известен в европейской истории как авары⁵⁰; они разбили свои шатры на венгерской равнине в 567 г. и оттуда, подобно предшествовавшим им гуннам, стали совершать дальние набеги, вынудив лангобардов захватить Италию, а славян толпами двинуться на Балканы и позволив булгарам, другому племени кочевников, установить господство на Нижнем Дунае.

2. ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ

Миграции варваров в III–VI вв. ускорили три общих процесса, каждый из которых внес глубокие изменения в стиль жизни повсюду в Евразии. Первым и весьма немаловажным, было принятие различных стилей цивилизованного образа жизни варварскими народами. Второе: цивилизованные сообщества в Евразии (исключая Китай) были вынуждены модифицировать свою военную, политическую и социальную системы путем введения многих особенностей, которые мы привыкли обозначать в европейской истории как средневековые. Третье: религия, заняв центральное место в личной и общественной жизни, придала радикально новый характер высоким культурным традициям как Рима, так и Персии и затронула китайскую цивилизацию подобным, хотя и менее сильным, образом. Каждый из этих факторов требует некоторых уточнений.

⁴⁹ René Grousset, *L'Empire des steppes*, pp.110-15, 124-30; Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, pp.83-134.

⁵⁰ Нет единого научного мнения относительно того, были ли авары остатками конфедераций жужаней или эфталитов. См. Grousset, *L'Empire des steppes*, pp.226-27.

ПРИБОЩЕНИЕ ВАРВАРОВ К ЦИВИЛИЗАЦИИ. История цивилизации – это история экспансии особо привлекательных культурных и социальных моделей и образцов путем приобщения варваров к стилям жизни, которые они находили превосходящими их собственный. В III–VII вв. Индия и Китай играли роль цивилизаторов, что можно рассматривать как нормальный процесс: Индия – путем обращения варваров в новую веру без открытия ворот перед ними, а Китай – путем окультуривания племен, которые уже смогли прорваться на древнюю китайскую почву. Однако вдоль восточных границ государства Сасанидов да и на всем европейском Дальнем Западе натиск варваров почти поглотил цивилизованную жизнь. Это и не удивительно, поскольку до того времени цивилизация в этих регионах ограничивалась тонким слоем помещиков, чиновников и купцов; и по крайней мере в Европе, численность вторгшихся варваров была подавляюще большой. В результате в Западной Европе и Центральной Азии способность цивилизованного сообщества впитывать в себя и преобразовывать захватчиков была недостаточной, и варварский компонент в конечном сплав был более заметен, чем где бы то ни было⁵¹.

Однако даже здесь тесные контакты с более развитыми народами быстро изменяли образ жизни варваров. Эфталиты, например, хотя и преследовали индийскую религию и разрушали священные сооружения во время набегов за Гиндукуш, но делали это во имя собственной веры – солнечной религии, происходящей, возможно, из примитивного иранского культа поклонения солнцу. Они позволяли существовать и даже покровительствовали буддийскому искусству в своем государстве, основанном к северу от гор, где они создали сеть постоянной администрации, чеканили монету и открывали для себя преимущества торговли. И возможно, если бы империя эфталитов не пала под ударами тюрков и Сасанидов в VI в., она смогла бы стать подобной Кушанскому царству, чьи территории они занимали⁵².

Тюрки, сменившие эфталитов в Центральной Азии и в междуречье Амударьи и Сырдарьи, были достаточно примитивными в культурном отношении, когда впервые явили миру свою военную мощь. Но перед потерей

⁵¹ Нашествия XVIII–XV вв. до н.э., которые разрушили минойскую и индскую цивилизации, но цивилизованные общества Среднего Востока лишь подчинили, кое в чем схожи с описываемыми. Эти события уже повторились в войнах с XII в. по X в. до н.э., когда микенская, хеттская и, возможно, другие менее известные малые цивилизации были снова низведены до уровня варварства.

Тысячелетие цивилизованной жизни не прошло бесследно: в III–VII вв. цивилизованные общества противостояли атакам варваров более успешно, с меньшими потерями и восстанавливались быстрее, чем это было возможно в более ранние столетия.

⁵² Реабилитация эфталитского государства была предпринята в работе R.Ghirshman, *Les Chionites-Hephthalites*, pp.115-34.

политического единства они, по-видимому, восприняли элементы зороастрийской религии из Персии, развивали торговлю с соседними областями и сделали своим достоянием некоторые элементы роскоши сасанидской цивилизации⁵³.

Похожим образом орды гуннов привели славян и германцев из северных европейских лесов в беспрецедентно тесный контакт с цивилизацией Средиземноморья. Золото и другие ценности, которые восточно-римские императоры платили Аттиле как дань, всегда возвращались назад на юг как плата за предметы роскоши, к которым даже у свирепых гуннов быстро развился вкус. Римские купцы стали считать варварские территории благодатным полем для своих торговых операций, в которые вовлекалось большое количество золота. Движение торговцев между Римом и варварскими землями наряду с военными операциями теснее соединяла два региона⁵⁴.

Готы, которые недавно (III в.) завоевали степи северного и западного побережья Черного моря, оказались более восприимчивыми к римской цивилизации, чем германцы из прилегающих к Рейну лесов. Когда готы неожиданно столкнулись с римским образом жизни, они сами еще были в процессе становления собственного стиля жизни в новых степных условиях. Этот факт наряду с острой дифференциацией между аристократией и простолюдинами, верными старому скотоводческому образу жизни, позволил римским предметам роскоши закрепиться среди готов много легче, чем среди более неискушенных франков на Западе. Кроме того, еще до проникновения остготов в римские пределы епископ Ульфила (ум. 383) обратил их лидеров в арианскую разновидность христианства, а также, переведя отрывки из Библии на готский язык, торжественно положил начало германской литературе. К концу V в. православную форму христианства принял король франков Хлодвиг и заставил сделать то же своих подданных (496 г.). Распространение христианства в Британии началось столетием позже (596 г.). Франки и готы имели равные возможности для соприкосновения с римской христианской культурой, и отставание франков в христианизации более чем на столетие показывает, как упорно они сопро-

⁵³ Grousset, *L'Empire des steppes*, pp.129, 131-32.

⁵⁴ Детальное описание лагеря Аттилы, данное Приском, который посетил его как член римского посольства, подтверждает пленяющее влияние римской цивилизации за пределами Рима. См. E.A.Thompson, *A History of Attila and the Huns* (Oxford: Clarendon Press, 1948), pp.161-83. Живая картина государства Аттилы, таким образом сохранный, может служить архетипом дюжин других, по существу, подобных ставок кочевников, которые возникали до и после времен Аттилы в степной зоне и чьи военные успехи привели их к сращению с цивилизацией – китайской, Среднего Востока, Европы.

тивлялись проникновению иноземной мишуры украшений и чуждой им набожности⁵⁵.

Тем не менее, каким бы поверхностным не было обращение в христианство германских князей и королей⁵⁶, принятие христианства принесло с собой не только церкви и монастыри, но и литературу и общее ознакомление с традициями римской и христианской цивилизации. Вместе с греческими и сирийскими торговцами христианские миссионеры стали пионерами цивилизации на всем протяжении римского мира⁵⁷. Конечно, общий уровень культуры в Западной Европе усреднился, но само упрощение и варваризация римской цивилизации позволили ей переступить дунайско-рейнские границы, которые со времен Августа ограждали высококультурные центры Средиземноморья. Вместе с тем консолидация германских государств и социальная дифференциация внутри германского общества подготовили почву для принятия упрощенной формы латинской христианской цивилизации. Ко времени Хлодвига, следовательно, Рейн стал не пределом, а центром германско-римской культурной амальгамации, из которой позднее развилась западная цивилизация.

ИЗМЕНЕНИЕ ВОЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРАЗИИ. Три столетия правления варваров в Северном Китае очень мало изменили политические и военные учреждения эпохи династии Хань. Когда завоеватели окитаились, они сами восстановили правительство и воинскую администрацию. Это произошло потому, что данные учреждения, развившиеся в эпохи династий Цинь и Хань, сами приобрели свои формы под давлением степи и поэтому отлично отвечали задачам охраны границ от кочевников. Далее на запад Персия и Византия были вынуждены приспособлять унаследованные формы общества, государственного управления и приемов ведения войны к задаче защиты от атак варваров.

⁵⁵ Ср. стойкий консерватизм, с которым старый Рим сопротивлялся греческой цивилизации, и не уступающий ему консерватизм «Библейского пояса» Соединенных Штатов (штаты на Юге и Среднем Западе, где сильно влияние протестантских фундаменталистов. – *Прим. пер.*).

⁵⁶ Варварские короли имели достаточно причин приглашать христианских миссионеров, поскольку те провозглашали среди племен божественность и прерогативы власти, намного превосходившие те, что допускались племенными обычаями. Принявшие христианство вожди племен могли рассчитывать на поддержку церкви в борьбе против консерваторов, которые в политике препятствовали преобразованию воинского лидерства в постоянное территориальное королевское правление, а в религии оставались верными старым богам.

⁵⁷ Этот феномен не был ограничен Западной Европой. Во времена Юстиниана, например, Кавказский регион был включен в пределы христианского мира и на юге в IV в. была христианизирована Эфиопия.

Иран намного раньше Рима начал изменения в своих вооруженных силах, поскольку парфянское вторжение (III в. до н.э.) привело к развитию нового рода войск – тяжеловооруженных кавалеристов, или катафрактов, которые решали задачу действенной защиты от легкой кавалерии кочевников. Организация и содержание таких войск поставили перед цивилизованными обществами серьезную проблему – сильные лошади и передовое вооружение были очень дорогими, а катафракты требовали долгих тренировок для эффективного владения своим сложным вооружением. Возможно, парфяне были первыми, кто решил эту проблему «феодальным» способом, который со временем стал обычным во всей Западной Евразии. Сущность системы заключалась в том, что отдельные сельские общины отдавали во владение воинам, которые таким образом получали достаточный доход и свободное время, чтобы экипировать и обучить как самих себя, так и, возможно, некоторое число слуг как тяжеловооруженных всадников, готовых к немедленной местной обороне и способных при наличии действенной центральной администрации собираться в большие отряды для крупных операций. Но воины в своих поместьях могли как не ответить на призыв их короля, так и отказаться подчиняться своим начальникам в поле. Поэтому разрушение действенной центральной администрации всегда было реальной опасностью для государства, которое избрало феодальное поддержание своего войска латной конницы.

В государстве с цветущей торговлей обложенные налогами города могли финансировать содержание царской наемной армии, что давало возможность уравновесить центробежные силы. Постоянная армия, оснащенная, как лучшие феодальные силы, обычно могла держать потенциальных мятежников в благоговейном страхе и принуждать наиболее честолюбивых местных аристократов покоряться царским повелениям. Такая двойственная система была характерна для военного режима империи Сасанидов. Эта организация общества, связывающая воедино царя, магнатов, низшую знать, горожан и даже крестьян, переходила от царствования к царствованию⁵⁸.

⁵⁸ Подробнее см. Arthur Christensen, *L'Iran sous les Sassanides* (2d ed.; Copenhagen: E. Munksgaard, 1944).

Месопотамия была средоточием городской жизни в Парфии и империи Сасанидов. Последние исследования показывают, что оросительная система и инженерное искусство водных сооружений достигли там максимального развития при Сасанидах: разветвленная система каналов, сложные шлюзы и водоводы, главные магистральные каналы, пересекающие меньшие потоки. Орошение и организация хозяйства требовали создавать и поддерживать систему на уровне, ранее никогда не достигавшемся в Месопотамии, даже при Аббасидах. И пока китайцы в период правления династии Тан не открыли большой канал между реками Хуанхэ и Янцзы, подобных проявлений мастерства в водной инженерии не существовало нигде в мире. См. Thorkild Jacobsen and Robert M. Adams, «Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture», *Science*, CXXVIII (1957), 1253–57.

В этом отношении режим Сасанидов мало отличался от Парфии. Но идентификация царского правительства с официальной религией – зороастризмом – и с духовенством, которое не только руководило религиозными делами, но и активно помогало в осуществлении судебных и других функций администрации, было новым и, возможно, способствовало стабилизации и усилению центральной власти. Первый сасанидский монарх Ардашир (226–241 гг.) происходил из рода жрецов. Он, может быть, даже был обязан быстротой и масштабом своих успехов активной поддержке, предоставленной ему жрецами древних иранских культов⁵⁹, которые как никогда ранее чувствовали сильную угрозу со стороны буддизма и христианства, распространившихся на их территории.

Преемники Ардашира на персидском троне были снисходительны к различным религиозным экспериментам, возможно, потому, что они испытывали трудности в контроле зороастрийского духовенства и аристократии, с которой те были тесно связаны. Однако в конечном счете Сасаниды всегда возвращались к вере своих предков. Они были не в состоянии отвернуть от себя иранскую знать, от чьей доблести изначально зависела военная безопасность государства и общества. Городское население империи – которому парфяне покровительствовали сильнее, чем знати страны, – могло находиться в состоянии брожения. Проникновение христианства, расцвет вавилонского иудаизма и больше всего религиозное движение, ассоциируемое с именем Мани и Маздака, свидетельствует о сильном недовольстве горожан. Но только когда ссоры между царем и аристократией достигли необычайно высокой степени, сасанидский монарх мог оказать покровительство той или иной городской религии своего царства. Союз трона и алтаря был слишком драгоценным, чтобы без нужды отбрасывать его, поскольку он предоставлял религиозную поддержку королевской власти и это увеличивало государственную стабильность, которой едва ли можно было добиться другим способом⁶⁰.

Средневековые характеристики Персии Сасанидов поразительны своей схожестью с европейской историей и тем, как победы сасанидских армий

⁵⁹ Религиозная ситуация в Месопотамии и Иране во времена Парфии очень темна. Известно только, что когда Ардашир начал свои завоевания, в иранских землях не было ни единообразного зороастрийского культа, ни религиозной доктрины. См. R.Ghirshman, *L'Iran des origines à l'Islam*, pp.282–86; H.S.Nyberg, *Die Religionen des alten Iran* (Leipzig: J.C.Hinrichs, 1938), pp.404–10.

⁶⁰ Долгое правление сасанидских монархов находится в резком контрасте с серией предательских убийств императоров, которые характерны для римской истории III–IV вв. Только после того, как римляне приняли идею поддержки религии государством, уменьшилась частота восстаний и убийств императоров, поскольку религиозная мощь стала выступать против опасности узурпации.

Смитсоновский институт, Художественная галерея Фрир
(Smithsonian Institution, Freer Gallery of Art), Вашингтон.

САСАНИДСКИЕ ВОИНЫ

На серебряном кубке изображена сцена из жизни сасанидских монархов, занимающихся тем, что им более всего приличествует, — охотой и войной. Кубок сохранился достаточно хорошо для демонстрации того, что, подобно своим ассирийским предшественникам, сасанидские рыцари не пользовались стрелами и, в отличие от своих двойников на Дальнем Западе, не считали ниже своего достоинства пользоваться луком и стрелой.

над кочевниками⁶¹ сделали их моделью сначала для Византии, а через Византию для отдаленной Европы, где вооруженная кавалерия аристократов стала основой местной обороны на целую тысячу лет после развития подобной системы в Иране.

В III–VI вв. римские учреждения работали все хуже и хуже. Только во время позднего периода правления Юстиниана (527–565 гг.) остаток Римской империи на Востоке достиг персидского уровня стабильности в пределах государства и военной мощи за его пределами. В военной сфере постоянные конфликты с персами и с захватчиками из дунайских степей заставили Восточный Рим отвергнуть древнюю пехотную традицию европейского Запада и скопировать персидскую тяжелую кавалерию. Крупномасштабные изменения в военной сфере, связанные с введением нового вида конницы, начались только после периода правления Константина (324–327 гг.), хотя эксперименты с такой формой военной организации проводились и ранее⁶². Ко времени Юстиниана одетый в броню всадник, владеющий копьем и луком, стал становым хребтом римских армий⁶³.

Даже после того, как катафракты стали главной военной силой восточных римлян, имперское правительство никогда не смогло решить проблему их числа. Политически было опасно создавать военную аристократию по персидскому образцу и позволять командирам эскадронов набирать и содержать личные отряды катафрактов за счет дохода от успешных военных кампаний. Даже удачливые полководцы испытывали трудности с поддержанием потока добычи в достаточном количестве⁶⁴, и необходимость получения такой добычи подвергала их искушению перенести военные действия от бесплодных и непривлекательных границ империи в жизненно важные центры, куда манил императорский трон и где богатые города и возделанные

⁶¹ Мелкомасштабные рейды кочевников, которые регулярно прорывали римскую защиту вдоль Дуная, в Иране отражали местные силы вооруженных знатных кавалеристов. Прорыв через местную защиту персидских окраин, такой как штурм Бактрии эфталитами, требовал больших усилий.

⁶² Такие эксперименты восходят к дням Адриана (117–138 гг.). Эффективность сарматских вооруженных всадников привлекла внимание римлян во время войн Траяна на Дунае. Pauly-Wissowa, *Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft* (Stuttgart: J.B.Metzler Verlag, 1899), s.v. *cataphracta*.

⁶³ Подробно см. Robert Grosse, *Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung* (Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1920), pp.314–37 and *passim*.

⁶⁴ Велизарий, наиболее известный из этих военачальников, содержал 7000 приближенных, согласно Прокопию, «Война с готами», III, 1, 20. Его общие силы для нападения на Северную Африку в 533 г. составляли 15 000 человек, но действительно эффективны были только 5000 кавалеристов.

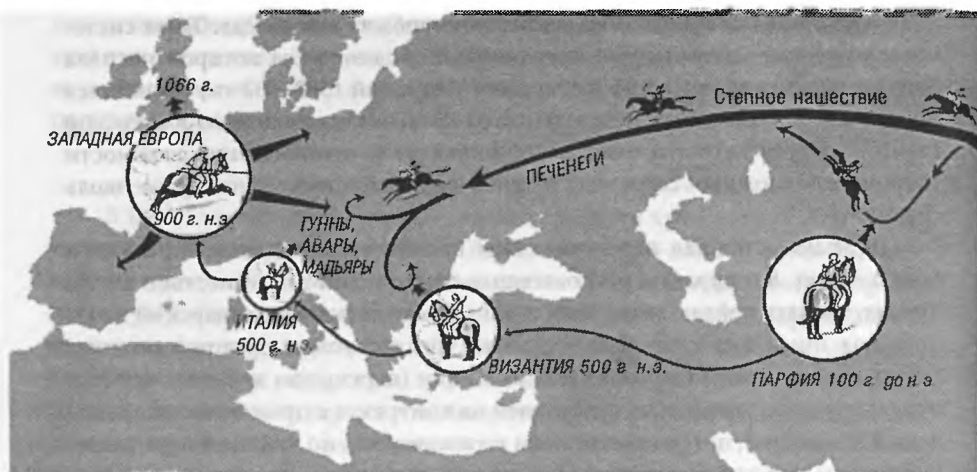
поля представляли собой соблазнительную добычу для солдат. Такая система явно грозила сохранением «генеральской болезни», от которой погибла Западная империя, но когда император Маврикий (582–602 гг.) попытался преодолеть эту опасность путем выплаты армиям содержания из имперской казны⁶⁵, острая нехватка имперских финансов и политические сложности сделали невозможным сохранить нужное число катафрактов на страже вдоль границ.

Дилемма, стоящая перед римским правительством, была, простой и болезненной. Катафракты располагались там, где они действительно могли препятствовать рейдам захватчиков, но где эффективный имперский контроль над ними был слаб. Существовали три доступные организационные альтернативы – военизированные помещики (персидская модель), частные отряды профессиональных грабителей на контракте с правительством (модель Юстиниана), пограничные силы на жаловании, по крайней мере теоретически, имперского правительства, но на практике подвластные отдельному военачальнику, чьи амбиции могли оказаться близки к желанию надеть императорский пурпур (модель Августа), – все были одинаково опасны для центральной власти. Византийские императоры сочли необходимым бросить свои сухопутные границы на произвол постоянных малых набегов и проникновения варваров – факт, который объясняет странно неприметное, но массивное этническое выравнивание на Балканах, когда маленькие славянские племена мигрировали на юг, постепенно вытесняя коренное население⁶⁶.

Ряд войн с персами (572–630 гг.) драматически показал слабость византийского государства в приемах ведения войны на суше. Вопреки препятствиям, которые должны были возникать из-за необходимости действовать далеко от своего государства на предположительно враждебной территории, персидские армии дважды достигали самого Константинополя (610 г., 626 г.) и завоевали Палестину и Египет. Несмотря на это, Византийская империя надолго пережила империю Сасанидов, ставшую жертвой мусульманского потока. Византийская долговечность опиралась на мощь флота, который неоднократно спасал столицу и давал имперским сухопутным силам ограниченную, но предельно эффективную стратегическую мобильность, с ко-

⁶⁵ Steven Runciman, *Byzantine Civilization* (London: Edward Arnold & Co., 1933), p.139.

⁶⁶ Центральное правительство, конечно, осознавало болезненное состояние защиты границ и предпринимало попытки решить проблему, принуждая людей, живущих вдоль границ, строить крепости и располагать в них гарнизоны, основываясь на теории, что такие укрепленные пункты могли бы задержать захватчиков до подхода главных мобильных сил войска – катафрактов, – которые и изгонят врага прочь. Но только действительно массированные атаки были способны привлечь гвардейскую императорскую кавалерию; мелкие набеги могли безопасно обходить такие преграды.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЯЖЕЛОЙ КОННИЦЫ

торой не могли сравниться чисто сухопутные, подобно персидским, силы. Следовательно, хотя византийцам никогда не удавалось гарантировать свои сухопутные границы, пока их флот оставался достаточно сильным, чтобы поддерживать армию, эти две имперские силы всегда были способны защитить жизненно важные центры государства⁶⁷.

В качестве замены военной охраны границ византийскими правителями использовалась дипломатия и различные подношения. Эта политика часто была более дешевой, чем содержание армии, способной справиться с внешней угрозой, и должна была казаться более безопасной императорам, знавшим, как много их предшественников нашли смерть от рук восставших солдат. Более того, дань, которую платили варварам, позволяла мирному населению и торговцам из византийских городов поддерживать свое социальное превосходство в век, когда городские классы в Месопотамии и Иране уступили свои позиции аристократам-помещикам⁶⁸.

⁶⁷ Превосходство морских сил было широко продемонстрировано во время кампании Юстиниана в Западном Средиземноморье и наиболее драматично – во время войн Ираклия с персами (610–630 гг.), когда император покинул свою осажденную столицу, проплыл вдоль берега Черного моря, чтобы напасть на осаждающих персов с тыла и в конце концов заставить их отступить. См. Archibald R. Lewis, *Naval Power and Trade in the Mediterranean, 500–1100* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951), pp. 3–53.

⁶⁸ Арабское завоевание Сирии и Египта лишило Византию ее богатых городов; и в царствование Льва III Исавра (717–741 гг.) сельские районы Анатолии начали, по крайней мере в ограниченном смысле, возвышаться над оставшимися городскими центрами на побережье Эгейского и Черного морей. Эти изменения сделали Византию еще более похожей на империю

Персидское влияние на Византийское государство не ограничивалось военным делом. Со времен Диоклетиана (284–305 гг.) правители Римской империи нарочито копировали особенности персидского придворного ритуала и монаршего великолепия. Среди таких заимствований были знаки правителя – скипетр и диадема, – так же как и требование ко всем иближающимся к трону простираться ниц⁶⁹. Диоклетиан, крестьянин по рождению, кажется, воспринимал эти эмблемы не столько как дань его личным амбициям, сколько надеясь, что атрибуты величия будут склонять окружающих к благоговению, покорности и, возможно, воспрепятствуют предательскому убийству; но его преемники в IV–V вв. все более серьезно воспринимали придворную помпезность и ритуал.

После обращения в христианство Константина все римские императоры, исключая Юлиана [Отступника] (361–363 гг.), были христианами и потому оказывали поддержку религии, лидеры которой спешили прославить цезаря как воплощение Христа на земле⁷⁰, если только не считали его архиеретиком и врагом истины. Эти изменения в имперском стиле также ставят Рим в один ряд с Персией⁷¹, где церковь и государство столь же двойственно переплелись друг с другом в начале правления Сасанидов.

В дни Константина и долгое время после него христианство преобладало как религия горожан, без какой-либо связи с аристократией или сельской местностью, что было характерно для зороастризма в Персии. Таким образом, христианизация империи усиливала позиции горожан в римском обществе. Потеря всех провинций, где города были слишком немногочисленны и слабы, чтобы выдержать тяжесть римской бюрократической администрации, еще более закрепила это положение. Полную противоположность представляло собой государство персов, фундаментально зависевшее от

Сасанидов. Достаточно интересно отметить, что более-менее эффективная охрана границ в Анатолии стала возможной только после реформ, проведенных Львом III, в результате которых появился класс военных землевладельцев, подобных мелкой персидской знати, составлявшей наиболее многочисленный элемент в полевой армии Сасанидов.

⁶⁹ Стили одежды, которые, как и искусство, служат чувствительным индикатором культурных тенденций и заимствований, также ориентализовались в IV в., когда длиннополые одежды заменили римские тоги. См. Kondakov, «Les Costumes orientaux à la cour byzantine», *Byzantion*, I (1924), 7–49.

⁷⁰ См. Eusebius, *Life of Constantine*, III,10: «[Константин] сам прошествовал через середину собрания, подобно посланцу Бога, в одеянии, блистающем, как если бы оно было из лучей света».

⁷¹ Ни Константин, ни его преемники сознательно не моделировали римских религиозных институтов по персидским образцам. Религиозность возрастала повсюду; и Константин, подобно грубому солдату, каким он и был, вероятно, решил, что христианский Бог принес ему победу у Мильвиева моста (312 г.) и поэтому заслуживал внимания и почестей.

военной поддержки сельской аристократии, и становление религий в обеих империях отражало и подтверждало это основное различие.

Подведем итоги: сдерживание военного давления из степи персами было радикальнее и успешнее, чем у римской Византии. Это произошло не только потому, что более сильное и продолжительное давление варваров на границы персов потребовало более радикального регулирования, да и сама эта потребность возникла намного раньше, но также и потому, что невоенное городское население играло в римском обществе большую роль. По берегам Средиземного, Эгейского и Черного морей мореплавание поддерживало торговлю в большем масштабе, чем это было возможным на внутренних территориях, где транспорт был, естественно, дороже. Все то время, пока Византия удерживала восточное Средиземноморское побережье, город сохранял социальное лидерство, а горожане могли, или хотели, лишь отчасти и слегка приспособливать свои политические и военные учреждения к образцам, которые впервые так эффективно применили персы.

КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕРСИИ И РИМЕ. Время так жестоко обошлось с монументами и письменными памятниками империи Сасанидов, что установить культурные достижения их общества представляется едва ли возможным. Светская литература, если таковая существовала, полностью исчезла, и произведения искусства, которые сохранились, почти все пострадали от разрушительного действия времени. Даже религиозная мысль, которая определяла другие аспекты высокой культуры Сасанидов, раздробилась на рассеянные и противоречивые фрагменты. Ясно, что двор Сасанидов стремился к идеалу Древней Персии и подражал Ахеменидам в религии и искусстве, а возможно, и в других сферах. Иран и Месопотамия не могли замыкаться в своих географических границах, поскольку они находились на пересечении дорог ойкумены, где купцы и паломники из дальних мест толпились на базарах, обменивались небылицами и хвастались мудростью и мастерством. Сознательный архаизм придворного круга был всего лишь островком в море культурного синкретизма, который, по крайней мере иногда, также был сознательным. Как и в случае других городских цивилизаций, которым недоставало корней в сельской местности, результаты были величественными и искусственными как в теологии, так и в архитектуре: мусульманские завоеватели прервали внутреннюю традицию в VII в., так же как ранее победы Александра разрушили высокую культуру Ахеменидов.

Характерное непосредственное соседство архаизма с синкретизмом хорошо отражено в искусстве, хотя его образцы дошли до нас в фрагментарном состоянии. При возведении дворцов, этих главных памятников искусства Сасанидов, использовали древнюю месопотамскую технику кирпичч-

ного зодчества и в некоторых случаях возрожденные декоративные мотивы Ахеменидов; но основной план составляли куполообразные и сводчатые интерьеры, предвосхитившие некоторые характерные черты византийской архитектуры, с эллинистическими фасадами из колонн или арок, не имевшими отношения ни к внутреннему плану, ни к конструкционным особенностям здания. Прохладные, наполненные мерцающим светом, предлагающие убежище от месопотамского солнца и чарующие глаз стенными росписями или мозаикой (ныне невосполнимо утраченными), залы все-таки могли показать положительную сторону этого в общем эклектичного и неуклюжего стиля⁷².

Сасанидские монархи также подражали своим предшественникам Ахеменидам высекая гигантские каменные скульптуры в скалах неподалеку от Персеполиса, но стиль этих работ демонстрирует сильное сходство со скульптурой поздней Римской империи⁷³ и с индо-буддийским искусством Восточного Ирана и Центральной Азии.

Индия дала сасанидским вельможам два таких знаменитых развлечения в часы досуга, как шахматы и басни о животных из «Панча Тантры», которые распространились в Персии в VI в. В 529 г., когда Юстиниан доказал свое христианское благочестие закрытием афинской Академии, которую Платон основал более тысячи лет назад, Хосров I (531–579 гг.) пригласил ищущих убежища философов к своему двору. Но разрозненные обрывки информации, подобные этой, не позволяют реконструировать светскую сторону сасанидской культуры, которая в одно и то же время как-то примиряла как грубых и гордых сельских иранских баронов, так и отвечающую самому взыскательному вкусу культуру больших городов, подобных столице Ктесифон на Тигре.

В Персии Сасанидов, как и везде в ойкумене того времени, культурные и социальные движения приобретали религиозные формы. Противостояние архаизма, ищущего возможность возродить зороастризм времен Ахеменидов, и синкретизма, вдохновенно пытающегося объединить истины каждой веры в одну великую и конечную, определяли религиозные устремления городского населения, при этом и религиозный консерватизм иранс-

⁷² См. Oscar Reuther, «Sassanian Architecture», in Arthur Usham Pope, *A Survey of Persian Art* (London and New York: Oxford University Press, 1938), I, 493ff. Индо-буддийские элементы также можно найти в некоторых остатках сасанидской архитектуры.

⁷³ Не удивительно, что многие сасанидские памятники были построены греками, захваченными в плен или по иным причинам вынужденными поставить свое искусство на службу персам. См. Steven Runciman, *Byzantine Civilization*, p.259. Для всестороннего изучения научных аргументов поборников иранского и римского первенства в византийском стиле см. O.M.Dalton, *East Christian Art* (Oxford: Clarendon Press, 1925), pp.68-89.

ких баронов, возможно, также играл важную роль в религиозно-политическом равновесии периода Сасанидов, хотя это трудно документировать.

Поскольку Месопотамия и Иран стояли на перекрестке дорог ойкумены, здесь стремились утвердиться приверженцы всех ведущих религий. Буддисты прочно обосновались в Восточном Иране, где ведущие монастыри и постоянно действующие образовательные центры процветали так же, как и во времена Кушанского царства. Главный путь буддийских миссий в Китай, если только они не зарождались внутри самой империи, пролегал через восточные области империи Сасанидов.

Евреи Месопотамии, выжившие после того, как Навуходоносор переселил в эти земли их предков, проявляли необычайную религиозную активность в IV–V вв. Вавилонские раввины оказали влияние на средневековое еврейство, составив версию Талмуда, ставшую более авторитетной и общепризнанной, чем более ранняя палестинская версия⁷⁴.

Еврейские общины в Месопотамии подготавливали почву для христианства, быстро нашедшего точку опоры в городах государства Сасанидов, как это было и в Восточной Римской империи. Как и в римской Сирии, в Месопотамии арамейский язык соперничал с греческим как средство пропаганды христианства. К V в. диспуты о доктрине взаимосвязи Божественного и человеческого в природе Христа в огромной степени обострили этот языково-культурный раскол. У христиан также были трудности с определением своего отношения к государству Сасанидов, которое то терпело их, то преследовало или просто не доверяло им как потенциальным агентам христианской (после 324 г.) Римской империи. Именно в сасанидский период произошло окончательное разделение константинопольской и персидской христианских церквей, когда в результате внутренних раздоров и постепенной эрозии греческого элемента в месопотамской церкви несторианская доктрина⁷⁵ стала доминировать среди христиан Персии.

Буддизм, иудаизм, христианство – все эти религии пришли в сасанидское государство из-за его пределов и поэтому рассматривались как незваные гости. Еще во время эллинистического периода древние служители культа Бела Мардука прибегали к астрологии; и древняя вера зороастрийцев стала смесью различных устных традиций, сохранившихся на мертвом язы-

⁷⁴ Salo Wittmayer Baron, *A Social and Religious History of the Jews*, II, 204–9, 294–98.

⁷⁵ Изначально провозглашенное в 428 г. Несторием Сириянином, только что избранным патриархом Константинопольским, несторианство утверждало, что Мария была матерью Иисуса только в его человеческой части, и не может восприниматься как «Феотокос», «Богоматерь». Эфесский собор в 431 г. официально предал анафеме эту точку зрения на природу Богоматери, широко распространенную и поддерживаемую главным образом в Сирии среди арамейскоязычных христиан.

ке храмовых жрецов, среди которых аристократическое происхождение значило больше, чем интеллектуальная культура. Ардашир, основатель династии Сасанидов, вышел из такого жреческого рода и старался возродить славу времен Ахеменидов возвышением веры Заратустры. При этом, однако, возникла проблема: как соединить глубоко различающиеся традиции, которые возникли в различных зороастрийских храмах. Усилия (предпринятые при поддержке Ардашира) по свертке этих традиций, чтобы решить, какие из них войдут в канон и станут основой единообразной доктрины и ритуала, натолкнулись на проблему подтверждения подлинности. К тому же поборникам нового официального культа пришлось искать доводы против других, более утонченных вероучений, а положения деревенского, аристократического, покрытого пылью времен зороастризма, заявляющего о своем превосходстве, не давали достаточно материала для убедительного отпора.

Эта проблема была интересно решена при Шапуре I (241–271 гг.), сыне Ардашира и его преемнике. С одной стороны, Шапур поддерживал зороастрийских жрецов в их стремлении исправить все очевидные несоответствия в интеллектуальном наследии путем включения в Авесту частей из греческой и индийской философии, предлагавших ценные дополнения к старинным зороастрийским истинам. Вероятно, ожидалось, что искусный перевод и компиляции создадут священный канон, далеко превосходящий христианские и буддийские священные писания с их логическими и историческими несоответствиями⁷⁶. Но у Шапура была и другая тетива для лука. Он также оказывал милость и поддержку новому пророку Мани (216 – ок. 275), который с интеллектуальной виртуозностью, поразительно похожей на таковую его предшественников гностиков, проповедовал доктрину, в которой смело слил зороастрийские, буддийские и христианские мотивы⁷⁷.

Суть откровения Мани была созвучна персам: пророк утверждал, что

⁷⁶ Практически все энциклопедические материалы, которые использовались как привой к зороастрийскому священному писанию, были впоследствии утеряны, и новые тексты, не использовавшиеся в литургии, скоро исчезли из памяти.

R.C.Zaehner предположил, что греческая философия влилась в зороастрийские интеллектуальные круги во времена Шапура. Такой интересный феномен, как превращение этического принципа Аристотеля о предназначении в действующее лицо космической драмы творения, получился в результате процесса культурного синкретизма. См. R.C.Zaehner, *Zurvan: A Zoroastrian Dilemma* (Oxford: Clarendon Press, 1955), pp.250-51 and *passim*. Мои заметки о культуре и обществе Сасанидов большей частью основываются на материалах этой книги, а также на более всестороннем исследовании этого же автора. R.C.Zaehner, *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism* (New York: G.P.Putnam's Sons, 1961), pp.175-321; A.Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*.

⁷⁷ Подобно многим христианам-гностикам, Мани рассматривал Иисуса в целом как сверхъестественную личность; его доктрина традиционно классифицировалась христианами как форма ереси, родственной монофиситству. F.C.Burkitt, *The Religion of the Manichees* (Cambridge: Cambridge University Press, 1925), p.71; Hans H.Schraeder, «Der Manichäismus nach neuen

мир – это поле битвы между силами Тьмы и Света и призывал своих слушателей восстать на стороне Света. Он развил эту идею в тщательно разработанную космологию, объяснявшую все этапы и уловки, с помощью которых Тьма создала мир, смешав фрагменты Света и заключив их в темницу материи, и показавшую с большой точностью шаги, сделав которые, два антагониста мироздания снова отделятся друг от друга, вызвав таким образом конец света. В своей космогонии Мани нашел достаточно места для Заратуштры, Иисуса, Будды и других божественных помощников человечества, каждый из которых, провозгласил новый пророк, старался явить одни и те же религиозные истины, но был неправильно понят последователями, и человеческая ошибка создала различные символы веры⁷⁸. Таким образом, Мани представлял себя как человека, возвращающего мир к первоначальной истине, утерянной ранее. Он полностью отвергал мнение о том, что его доктрина чем-то нова.

Мани был не просто пророком и метафизиком; он также был занят практической задачей основания церкви. Он установил точную иерархию религиозных деятелей и разделил своих последователей на «избранных», которым была предписана суровая и аскетическая дисциплина, и «слушателей», которые поддерживали «избранных» дарами и извлекали пользу из того, что святость, секретные знания и религиозная доблесть последних служили искуплению грехов «слушателей». Проницательный пророк также предписал соответствующие ритуалы, включающие совместное пение гимнов, покаяние и обряды отпущения грехов. Детальные этические инструкции и правила поведения для «слушателей» и «избранных» составляли эту в большой степени систематизированную религию, которую Мани, как говорил он сам, принес для просвещения всего человечества.

Широкий отклик, который получило учение Мани при его жизни, не удивителен – он пользовался царской поддержкой и утверждал веру, включавшую в себя истины противников, чтобы очистить их от человеческих ошибок и непоследовательностей традиции. Но древних иранских жрецов было нелегко победить, и когда Шапур I умер, Мани утратил царскую защи-

Funden und Untersuchungen», *Morgenland*, XXVIII (1936), 99; H.C.Puech, *Le Manichéisme, son fondateur, sa doctrine* (Paris: Musio Guimet Bibliothèque de Diffusion, 1949), pp.82-83 and *passim*.

Переоценка Христа Мани поразительно напоминала историю преобразования реального Гаутамы, которая была введена в буддизм учителями махаяны. Но индийская традиция религиозной терпимости приняла махаяну как форму буддизма, в то время как учение Мани сразу было воспринято христианами как полная ересь.

⁷⁸ Будучи пророком, обладавшим высоким самосознанием, Мани стремился предотвратить любые подобные извращения своей доктрины, для предупреждения которых создал собственное священное писание, а также строгие предписания против неавторизованного копирования. A.Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, pp.198-99.

ту. Непримируемые ортодоксы зороастризма восстановили свое влияние при дворе (возможно, вместе с реакционной иранской аристократией)⁷⁹. В результате Мани умер в тюрьме. Его последователи ушли в подполье, но долго сохраняли значительное влияние в городах Месопотамии.

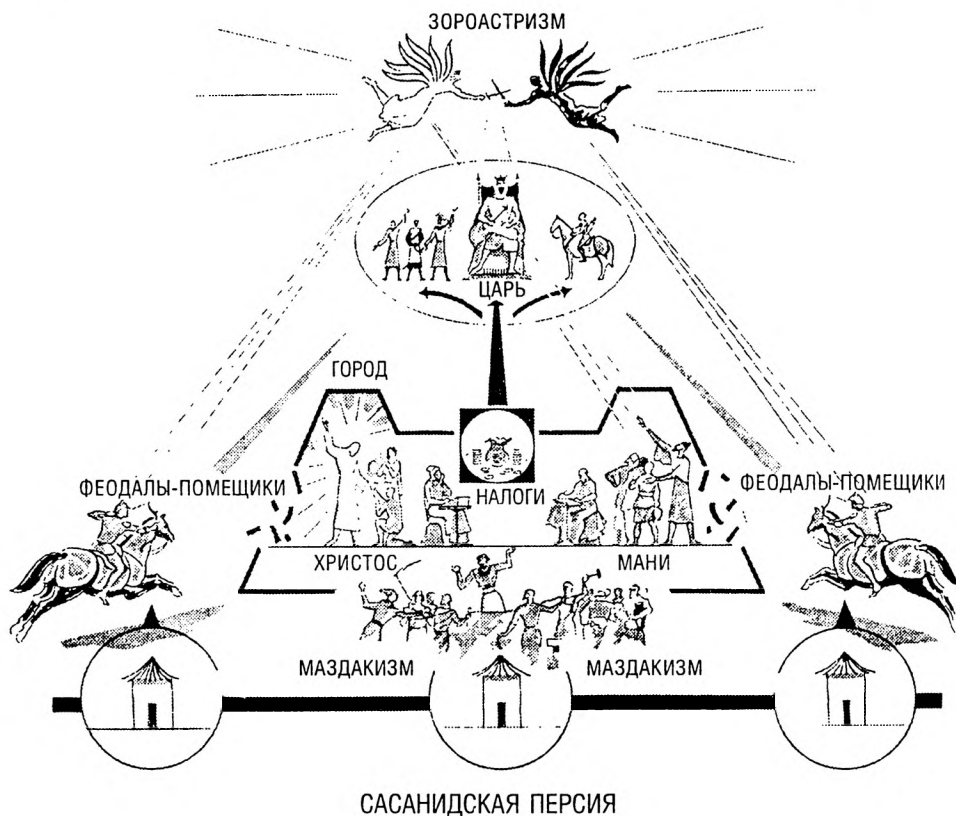
Процесс навязывания ортодоксального зороастризма населению сасанидского государства длился недолго, поскольку попытка таким образом прекратить религиозные волнения оказалась безуспешной. Драматические колебания в царской религиозной политике отразили двойственное положение правителей, сильно зависевших от зороастрийских жрецов и иранских баронов, с которыми идентифицировалось доктринально консервативное жречество. Соблюдение интересов этой социальной группы, чье неповиновение грозило гражданской войной, восстаниями в провинциях и подрывало военную мощь государства, влекло отчуждение городского населения, проявлявшего мало заинтересованности в ортодоксальном зороастризме.

Более энергичные сасанидские монархи регулярно пытались уравновесить власть высокомерного зороастрийского жречества, поддерживая его противников – городские религии и даже христианство, несмотря на его римскую окрашенность. Царь Кавад (правил в 485–498 гг. и 500–531 гг.) произвел наиболее значительный из таких экспериментов. В начале своего правления Кавад атаковал закрепившуюся власть иранской знати, поддержав радикальную секту, известную как маздакиты, чье настойчивое стремление к равноправию бросало прямой вызов аристократическому порядку сасанидского общества⁸⁰. Но царская поддержка социальной революции была очень непродолжительной. Кавад быстро порвал со своими прежними протекже, которые спровоцировали гражданскую войну, прибегая к силе для

⁷⁹ Жрецы зороастризма направляли свой гнев не только против Мани, обвинившего их в искажении истинного смысла пророчеств, но также и против христиан, евреев, буддистов и брахманов. См. R.C.Zaehner, *Dawn and Twilight of Zoroastrianism*, pp.186–90.

Особенную остроту событиям придавала сектантская ссора внутри самого зороастризма между более смелым синкретическим крылом – зурванизмом – и более жестким консервативным и антиинтеллектуальным, ортодоксальным маздакизмом. Яростный сектантский раскол был естественным последствием спущенного с привязи духа теологического теоретизирования в зороастризме. Христианская теология в том же веке показала такую же плодovitость. См. работу: R.C.Zaehner, *Zurvanism* для изобретательной реконструкции различных зурванистских доктрин.

⁸⁰ Противники маздакизма обвиняли его в том, что он предполагал коммунальное владение собственностью и женщинами. Недавние исследования позволяют предположить, что это было всего лишь стремление изменить сасанидские классовые и семейные обычаи путем провозглашения новых брачных и наследственных законов, которые могли бы разрушить первенство аристократии в обществе. См. R.P. de Menasse, «L'Église mazdéenne dans l'empire sassanide», *Cahiers d'histoire mondiale*, II (1955), 561–62. Также см. более старую точку зрения: A.Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, pp.337–40, и марксистскую точку зрения в работе: Ottokar Klima, *Geschichte einer sozialen Bewegung im sassanidischen Persien* (Prague: National Czechoslovak Academy, 1957).

защиты своих принципов. Его сын и наследник Хосров I грубо подавил революционное движение, казнил Маздака, лидера секты, и восстановил консервативный ортодоксальный зороастризм. По-видимому, королевская власть вышла из этих потрясений еще сильнее, чем была прежде. Во всяком случае, сасанидские армии добились своих величайших успехов под руководством Хосрова, и возможно, престиж этих побед позволил Хосрову в последние годы своего правления ослабить цепенящее влияние ортодоксального зороастризма, разрешив христианство и покровительствуя языческим греческим философам, которые прибыли из афинской Академии.

Однако вопреки военным победам Хосрова легкость, с которой столетие спустя мусульмане победили персидские армии и полностью разрушили государство Сасанидов, ясно показала, что официальная зороастрийская религия и социальный строй не имели глубоких корней среди населения им-

перии. Холодный расчет Шапура, стремившегося обогатить зороастрийское наследие квинтэссенцией философии греков и индусов, умозрительный синтез, горячо проповедуемый Мани и, возможно, Маздаком, – все потерпело неудачу в попытке создать мировую религию, способную противостоять исламу. Эта неудача, заклеившая сектантские схватки тех времен как суетные языческие наслоения во взглядах последующих поколений, не позволяет дать какую-либо удовлетворительную оценку культурной жизни империи. Тем не менее тот факт, что сасанидская культура отбрасывала длинную тень за пределы своей родины, должен склонить исследователя к милосердию при оценке ее значения. С ослаблением индийского влияния около 400 г. оазисы Центральной Азии оказались в культурной зависимости от сасанидской империи. Действительно, персидские христиане сами привлекали последователей в Индии; в Римской империи оба наиболее неуступчивых соперника христианства – манихейство и митраизм – пришли из Персии. Манихейство сохранило свою важность даже после IV в., о чем красноречиво свидетельствуют «Исповеди» св. Августина (430 г.), а митраизм сформировался в Малой Азии, где встретились и частично наложились друг на друга греческий и персидский культурные миры, и сохранил свое влияние на римские армии на западе до их исчезновения. Без сомнения, культура, проявившая такую силу влияния на соседей, должна быть очень привлекательной, хотя сегодня мы можем судить о ней только умозрительно.

Как в Римской империи, так и в Персии во II–VI вв. на культурной сцене доминировала религия. Светская языческая культура высших слоев римского общества погибла в гражданских войнах III в. Новые религии поднялись на руинах язычества, впитав некоторые его элементы и объединив старые и новые верования в форме четкого мировоззрения и образа жизни. В Персии Сасанидов религиозный конфликт принес победу несколько архаичному, но, бесспорно, аристократическому учению зороастризма, а в Риме победило намного более близкое народу и даже демократическое⁸¹ христианство.

⁸¹ Наряду с положением о том, что все души человеческие равно ценны в глазах Господа, надо отметить и то, что верующими в первые века христианства были главным образом представители городского населения и низших классов общества. Даже после того, как поддержка государства сделала христианскую веру привлекательной для богатых и облеченных властью людей, такие группы, как египетские монахи, не раз бросавшие вызов имперской власти, сохраняли ощущение общности с городской беднотой.

Несмотря на военную автократию, в Римской империи позднего периода и в Византии раннего периода общество в целом было более демократичным, чем во времена ранней Рим-

Христианство возникло как вера, не затененная сложной метафизикой или теологией. Однако необходимость защищаться от критики язычников и разрешать споры в среде христиан привела к тому, что постепенно был сформулирован четкий свод догматов этой веры. Христианская доктрина была впервые системно представлена в Александрии, где во II в. была создана духовная академия. Ориген (ок. 182–253/254 гг.) и другие преподаватели академии неизбежно были вынуждены опираться на концепции и термины греческой философии при попытке выразить христианскую доктрину в последовательной и логичной форме, отвечая на критику язычников.

Великим событием в истории христианства можно считать акты императора Константина, который объявил христианство законной (313 г.), а затем и пользующейся особым покровительством (324 г.) религией. До этого спорадические, но зачастую жестокие гонения способствовали сплочению христианской общины перед лицом враждебного окружения. Однако, когда государство прекратило преследования и крещение уже не было связано с риском, единство верующих стало ослабевать, особенно когда христианами начали становиться самые разные люди, причем не всегда из побуждений, связанных с верой. В этих условиях споры о положениях вероучения и религиозных ритуалах превратились в один из способов удовлетворения личных амбиций и в средство выражения социальных и прочих противоречий. Донатисты в Африке, ариане в Египте и Сирии были первыми в длинном перечне групп инакомыслящих, нарушавших единство христианской церкви.

У религиозных споров было много сторон. Сам император Константин предпринял попытку примирить противоречия с донатистами и арианами; при этом он всегда использовал влияние своей императорской власти для поддержки доктрины, объявляемой истинной. В итоге ересь становится средством выражения скрытой оппозиции к центральной власти. Соперничество главных епископатов – римского, александрийского, антиохийского и константинопольского – также подпитывало богословские разногласия. Кроме того, форму ереси иногда принимал общественный протест, или же она становилась выражением культурного самосознания народов, не полностью растворившихся в империи, например, берберов в Северной Африке или сирийцев, говорящих на арамейском языке. Однако эти обстоятельства не должны скрывать основополагающую установку теологии, стоявшую за спорами и стремлением обратить всех еретиков в истинную веру и воспре-

ской империи. Крестьяне, пройдя службу в армии, неоднократно занимали высшие посты в империи; руководители государства и высшие сановники церкви нередко происходили из низов. Автократия и демократия намного ближе друг другу, чем это кажется на первый взгляд, о чем нам должна напоминать политическая история XX в.

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР (возможно, IV в.)

Эта огромная бронзовая статуя из Барлетты, Италия, вероятно, изображает императора Валентиниана (364—375 гг.), хотя это мнение и не бесспорно. Подобно Августу, император изображен в воинском облачении; однако относительная грубость деталей, надменное и суровое выражение лица ярко демонстрируют изменения, произошедшие в сфере управления Римской империей, со времен принципата до эпохи деспотизма. Целью художника, по всей вероятности, было показать величие и силу сверхчеловеческого масштаба, в то время как во времена Августа более реалистичный, человеческий портрет императора вполне был способен передать спокойный дух власти.

пятствовать лжеучениям, а иначе Бог возьмет это дело в свои руки и сам покарает как ложных пророков, так и тех, кто им попустительствовал.

Со сложностями определения истинных догматов веры была тесно переплетена необходимость создания церковной иерархии и включения ее в существующую светскую систему власти. Раннехристианские общины сами управляли своими делами, обращаясь за пределы общин лишь за неформальной помощью или советом. Вскоре, а возможно, и с самого начала, каждая местная церковная община передала верховенство над собой в руки епископа; и епископы более крупных городов стремились так или иначе влиять на местные церкви в своей области. По мере того как церковная юрисдикция становилась более определенной, она старалась вписаться в существующее политическое устройство, особенно после того, как христианство стало господствующей религией империи. Учитывая эти тенденции, второй Вселенский собор (381 г.) принял решение о передаче под власть константинопольского епископа практически всех территорий Малой Азии и Балкан, обосновывая свое решением тем, что «Константинополь – это новый Рим»⁸².

Наследование апостолам представляло иную и, с богословской точки зрения, более убедительную основу, на которую могла опираться церковная иерархия. Согласно этому принципу, римский епископ считал себя преемником апостола Петра, первого среди апостолов, основателя христианской церкви в Риме. Поэтому папа римский Лев Великий (440–461 гг.) считал себя вправе предлагать свое собственное понимание истинного христианского учения для разрешения споров о христианских доктринах, раздиравших церковь на востоке империи. Когда Халкидонский собор (451 г.) одобрил послание папы Льва, он решил расценить это как явное признание главенства Рима. В свою очередь, епископы восточной части империи рассматривали этот шаг как проявление верховенства Вселенского церковного собора, в котором все епископы имели равное право голоса.

В конечном счете принцип соборности, который всегда поддерживала восточная церковь, был на практике модифицирован участием императора в церковных соборах. Император Константин председательствовал на первом Всемирном соборе, который был созван в Никее (325 г.), и его мнение там полностью преобладало⁸³. Наследники Константина часто принимали участие в богословских спорах; власть и могущество императора позволяли ему диктовать свою волю при решении как церковных, так и гражданских

⁸² S.Runciman, *Byzantine Civilization*, p.109.

⁸³ См. Eusebius, *Life of Constantine*, III, 6–15. В книге хорошо показано благоговение, которое испытывало большинство епископов, собравшихся в Никее, перед могуществом императора.

вопросов⁸⁴. Таким образом, и император в Константинополе, и папа в Риме претендовали на первенство в решении церковных вопросов и рассматривали собор как способ утверждения своих решений, а не как суверенный законодательный орган. Споры между сторонниками принципа соборности и сторонниками папской концепции никогда не прекращались и создавали постоянную напряженность между латиноязычной западной церковью, которая, как правило, поддерживала Рим, и грекоязычной восточной церковью, которая обычно являлась сторонницей решений, принимаемых соборами.

Отчуждение между греко- и латиноязычной церковью отражало более общие тенденции к разделению в регионе Средиземноморья. Административные реформы Диоклетиана разделили империю на Восточную и Западную. Однако на Балканах и вдоль Дуная Восточная империя включала важные латиноговорящие области. Латинская речь была слышна на улицах и в залах заседаний Константинополя еще долго после того, как греческий язык исчез из употребления в Западной империи⁸⁵. Однако после захвата западных провинций германскими племенами, а территории Балкан – славянами, латинская речь постепенно исчезла в Восточной империи, ставшей наконец Византийской. В греческой части почти не знали латынь, а на западе – греческий язык, и это усиливало неприязнь между романскими народами и греками, ставшую отличительной чертой христианского мира средневековья.

В VI–VII вв. еще одно культурное и языковое разделение приобретает все возрастающее значение. Среди населения Египта и Сирии, где эллинизм наложился на более ранний культурный слой, возникла активная неприязнь как к эллинскому язычеству, так и к церковно-политическому давлению Константинополя. Этот дух нашел свое отражение в приверженности к предложенному монофиситами ответу на вопрос о природе Христа⁸⁶. Даже после того, как Халкидонский собор (451 г.) объявил такую трактовку еретической, епископы и народ «сирийского» Востока не сдались покорно. Вмешательство императора и церковных иерархов с целью выработать теологические догмы, удовлетворяющие обе стороны, только внесли новые раз-

⁸⁴ Однако были и исключения. Например, Амвросий, епископ Милана (ум. 397), заставил императора Феодосия публично наложить на себя епитимью за резню, устроенную в Салониках. Такое понимание пасторских обязанностей, какое проявил Амвросий, нашло принципиальную поддержку на Западе, где гражданская власть после V в. была слабой и недееспособной, а епископы автоматически стали политическими и духовными лидерами своей паствы.

⁸⁵ Родным языком Юстиниана, например, была латынь, хотя он родился в городе Ниш, на территории современной Югославии.

⁸⁶ Согласно этой трактовке, Христос Божественный по своей сути и лишь принял вид человека, не запятнав при этом своей Божественной сущности.

ногласия в спор. Случайные стычки и гонения ожесточали борьбу до тех пор, пока в VII в. победа мусульман не вывела эти страны из-под церковного и политического влияния Константинополя.

Споры о догматах веры и неопределенность иерархии внутри церкви послужили причиной появления многочисленных трактатов полемического и богословского содержания, которые, наряду с церковными гимнами, проповедями, историей христианства, жизнеописаниями святых и комментариями к Библии и составили громоздкую, но порой впечатляющую христианскую литературу этого периода. Одним из величайших писателей того времени был Августин (ум. 430), чьи комментарии к Библии, трактаты по разнообразным вопросам вероучения, произведения «Исповедь» и «О граде Божьем» представляют собой высокоинтеллектуальную основу, на базе которой постепенно развилось западное христианство. Восточная церковь не имела ни одного столь же влиятельного писателя. Греческая церковь славилась своими богословами, которые предлагали более разнообразные, хотя и менее авторитетные трактовки доктрин христианства.

Данный период также известен своими подвижниками. Святые, монахи и отшельники пользовались большой популярностью, и примирение их порой экцентричных богословских положений с установленными церковными догмами представляло серьезную проблему для официальной церкви. Однако св. Пахомий (ок. 290–346), собравший в монашеские общины отшельников, живших в пустынях Египта, доказал, что пламя аскетизма и мистические видения можно обуздать упорядоченным укладом. Немного позднее, св. Василий (ок. 329–379) разработал устав монашеских общин, который постепенно стал общепринятым для греческой церкви на Востоке. На Западе монашество распространялось намного медленнее. Лишь в 529 г. устав, разработанный св. Бенедиктом из Нурсии, положил начало возникновению монашества и в латинской части империи. Монашество привлекало многих интеллектуалов, давая им возможность отрешиться от мирской суеты и посвятить свою жизнь совершенствованию души и ума. Постепенно, по мере того как светские образовательные учреждения приходили в упадок, монастыри, особенно на Западе, стали главными центрами обучения.

Овладев почти полностью культурной жизнью Римской империи, христианство отвергло большую часть языческой культуры прошлого, изменило то малое, чем оно воспользовалось, и в то же время сохраняло связь с древнегреческой и римской литературой. Грамматики классических языков изучались в церковных учебных заведениях так же, как и раньше в языческой школе, так что, несмотря на растущие различия между разговорной речью и литературным языком как в латыни, так и в греческом, по крайней мере некоторые ученые мужи все еще могли читать Гомера (на Востоке) и

Silvana Editoriale d'Arte, Милан.

ИМПЕРАТРИЦА ФЕОДОРА

Фрагмент знаменитой мозаики из церкви Сан-Витале в Равенне, изображающий императрицу Феодору и ее свиту. Холодная величавость, взгляд, устремленный вдаль, и поражающая реалистичность портрета придают ему особую силу. Равнодушие художника к натуралистической передаче деталей представляет разительную противоположность любви именно к таким реалистическим штрихам, занимавшим искусство эллинизма.

Вергилия (на Западе). Наряду с преемственностью в литературе еще большее значение имела преемственность в области права. В начале своего правления император Юстиниан приказал провести кодификацию законов, принятых в империи. На основании этого кодекса, включающего также комментарии к основным положениям законов, был издан сборник «*Corpus juris civilis*» («Свод гражданского права»), который впоследствии оказал большое влияние на развитие юридической теории и законодательной практики Европы.

Христианское искусство Восточной Римской империи оказывает на наших современников более сильное влияние, чем литература, наука, риторика и религиозная практика того периода. Скульптура перестала развиваться, поскольку христианская церковь подозревала, что она слишком близка к идолопоклонству; вместе с тем византийская архитектура и мозаика этого периода могут с успехом соперничать с искусством любой мировой цивилизации. Считается, что истоки византийского искусства зародились в Сирии или Персии. Как бы то ни было, принципы натуралистического изображения, присущие эллинизму, были полностью отвергнуты. Напротив, для создания впечатляющих образов Христа и святых или императора и его двора использовались упрощенный рисунок и богатый колорит. Использование для мозаики стекла или другого цветного материала, обычно выкладываемого на фоне золотой фольги, создавало эффект переливающихся цветов, удачно передающий ощущение вечного и неземного, которое византийские мастера стремились выразить с помощью символических образов в своих композициях.

Архитекторы, так же как и мастера мозаики, не хотели ограничивать себя старым эллинистическим или римским стилем. На смену традиционной для церковной архитектуры (по крайней мере, в Западной империи) римской базилике с длинным залом, украшенным колоннами, приходят новые архитектурные формы, которые византийские архитекторы заимствовали в Сирии, Армении и Месопотамии. Собор св. Софии – самая большая церковь, построенная Юстинианом в Константинополе, – дает представление о радикально новых формах церковной архитектуры с ее крестообразным основанием и доминированием громадного центрального свода, украшенного величественным образом Христа-Вседержителя, олицетворявшего сами Небеса для собиравшихся внизу толп верующих⁸⁷.

⁸⁷ Charles Diehl, *Manuel d'art byzantin* (2d ed.; Paris: Éditions A. Picard, 1925), I, 9-23 and *passim*; O. M. Dalton, *East Christian Art* (Oxford: Clarendon Press, 1925), pp. 1-14 and *passim*.

Hayford Peirce and Royall Taylor, L'Art Byzantin.

ИНТЕРЬЕР СОБОРА СВ. СОФИИ

На фотографии показан интерьер великого собора Юстиниана в Константинополе в тот период, когда этот собор использовал как мечеть. Этим объясняется присутствие медальонов с цитатами из Корана и отсутствие мозаичных украшений, которые турки закрашили, посчитав их проявлениями идолопоклонства. Принцип сооружения высоко вознесенного главного купола тем не менее можно рассмотреть: видны две несущие арочные опоры купола.

Ошеломляющий переход культуры Рима от натурализма и рационализма, присущих эллинизму, к потусторонности и мистицизму, который произошел в V–VI вв., не имел аналогов в тогдашней мировой истории. Цивилизации Индии, Среднего Востока и Китая никогда не переживали такой резкой смены ранее сформировавшихся принципов⁸⁸. Нестабильность европейской культуры сохранялась даже после принятия Европой христианства. Современная западная культура и общество так же отличаются от культуры христианского мира III–VI вв., как христианский мир отличался от своего языческого прошлого. Необычная нестабильность в результате резких колебаний от одной крайности к другой фактически может рассматриваться как наиболее характерный признак европейской цивилизации.

Д. ОКРАИНЫ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА В 200–600 ГГ. Н.Э.

За исключением Австралии и внутренних территорий юга Африканского континента, где преобладала культура каменного века и население продолжало охотиться небольшими группами, как охотились их предки еще с незапамятных времен, все остальные территории, освоенные человеком, начали ощущать на себе влияние цивилизованного мира, хотя в 200–600 гг. н.э. это влияние еще не было очень сильным.

С угасанием римской международной торговли во II в. Эфиопское царство захватывает контроль над Баб-эль-Мандебским проливом, получая возможность полностью контролировать торговые пути в Аравийском и Красном морях. В IV в. население Эфиопии приняло христианство, а затем в VI в. их примеру последовала и соседняя Нубия. Далее к югу вдоль побережья Африки переселенцы из Индонезии, которые сейчас составляют малагасийское население Мадагаскара, играли важную роль в развитии торговли и колонизации. В это же время (III–IV вв.) в другой части континента начинается расцвет королевства Гана на землях Западного Судана за счет сельского хозяйства и торговли золотом с землями на севере континента. В этот же период тропические леса в бассейне реки Конго были, по всей вероятности, населены племенами, говорящими на языках банту, чье подсечно-огневое земледелие в значительной степени основывалось на сельскохозяйственных тропических культурах, завезенных из далекой Индонезии⁸⁹.

⁸⁸ Превращение алчных арийских воинов в аскетов Упанишад, возможно, было столь же ошеломляющим. Однако это произошло еще до того, как стиль жизни Индии полностью преодолел уровень варварства.

⁸⁹ См. George Peter Murdock, *Africa: Its Peoples and Their Culture History* (New York: McGraw-Hill, 1959), p.45 and *passim*. Метод Мердока, описывающий распространение культурных расте-

Проникновение степного стиля искусства на территорию Германии и Скандинавии подтверждает возможность влияния цивилизации на северные земли Евразии, в зоне лесов и тундры. Драгоценные украшения, найденные в захоронениях, служат тому основным доказательством; однако сама ценность этих украшений – достаточное свидетельство довольно высокого уровня развития варварских племен на этих территориях с присущими ему зачатками социальной дифференциации и политического объединения⁹⁰. В Сибири находки в захоронениях под Минусинском также подтверждают влияние культуры степей на эту лесную территорию – процесс, начавшийся за много веков до этого, возможно, в связи с золотыми россыпями на Енисее, привлекавшими торговцев и золотоискателей⁹¹.

Далеко на Западе кельтская окраина Европы в V–VI вв. переживала необычайный культурный расцвет. Так же, как и в случае Эфиопии на другом конце Римской империи, морские пути соединяли, хотя и нерегулярно, кельтские поселения Бретани, запада Британии и Ирландии со средиземноморскими центрами цивилизации. Жизнь св. Патрика (ум. 461), родившегося в Уэльсе (?), получившего образование в Галлии, а жившего в Ирландии, иллюстрирует важность этих морских связей.

Стремительное развитие ирландской христианской культуры, сделавшее Ирландию основным центром христианства, по уровню образованности превосходившим даже Галлию, может служить характерным примером влияния, которое христианство оказывало на общество, выходящее из периода варварства⁹². В то время как Британия и континентальная Европа неоднократно подвергались набегам варваров, удаленное местоположение Ирландии защищало ее рано развившуюся христианскую культуру от влияния варварства. Когда же набеги викингов из Скандинавии нарушили изоляцию Ирландии, ирландская цивилизация погибла и страна превратилась в отдаленную епархию латинского христианства, где сохранилось множество странных и чудных обычаев. Однако до того, как она исчезла, ирландская христи-

ний и других культурных артефактов, нельзя считать безукоризненным, однако его книгу можно расценивать как существенный вклад в изучение истории Африки доисламского периода. См. Diedrich Westermann, *Geschichte Afrikas: Staatenbildungen südlich der Sahara* (Cologne: Greven, 1925), 276–301 and *passim*; E. Wallace Budge, *A History of Ethiopia* (London: Methuen & Co., 1928), I, 52–103, 204–64.

⁹⁰ M.I. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, pp. 189–91, 206–8.

⁹¹ См. René Grousset, *L'Empire des steppes*, pp. 109–10.

⁹² Отдельные характерные черты ирландского христианства имеют корни в кельтском друидизме; а за друидами таились древние мегалитические культы Западной Европы. Например, высокий социальный статус святых в Ирландии, особое внимание, которое уделялось обучению в монастырях, подозрительно напоминают сведения о друидском (и мегалитическом) жречестве.

анская культура частично распространилась на Британию и континентальную Европу. Миссионеры, первым из которых был св. Колумба (ум. 597), принесли культуру ирландского христианства в Шотландию и Северную Англию, а оттуда и дальше – на северо-запад Европы.

В этот период в Америке также существовало два крупных центра культуры – один в горных районах Центральной Америки, а второй – в долинах на побережье и горных районах Перу. Формированию этих культур предшествовал период многовекового развития. Кукурузу, основной продукт питания населения данного региона, выращивали в Мексике еще до 2500 г. до н.э., а первые поселения на этой территории относятся к 1500 г. до н.э. Аналогичное развитие, правда, с некоторым отставанием наблюдается и на территории Перу, поскольку культура кукурузы, как и другие ключевые технологии, попала в Перу с севера только в 700 г. до н.э.⁹³ Если это так, то культура Перу, как и культура древних египтян, компенсировала некоторое отставание более быстрым развитием⁹⁴. Как бы то ни было, классическая цивилизация майя, похоже, возникла в горных районах Гватемалы практически одновременно с формированием сравнимых классических культур в Центральной Мексике и Перу⁹⁵.

Все три цивилизации имели много общего. Как и у древних шумеров, жрецы, по-видимому, играли главную роль в обществе, поскольку на всех трех территориях наиболее важными памятниками являются храмы, пирамиды, священные дороги и другие культовые сооружения. Каждое из этих обществ обладало своим стилем как художественным, где различия можно наблюдать легче всего, так и, судя по всему, общим стилем жизни.

Цивилизация майя была сосредоточена в каком-то десятке или чуть

⁹³ Gordon R.Wiley, «Prehistoric Civilizations of Nuclear America», *American Anthropologist*, LVII, pp.571-93; G.H.S.Bushnell, *Peru* (New York: Praeger, 1957), pp.52-53.

⁹⁴ Перу периода инков, т.е. с XIV в. до начала XVI в., напоминало Египет эпохи фараонов огромной концентрацией политической и экономической власти в одних руках. Сталинская Россия XX в. – это самый близкий к нам пример из длинной череды режимов, которые – сознательно или нет – стремились «догнать и перегнать» более развитые цивилизации, прибегнув к централизации власти и всеобщему принуждению.

⁹⁵ Хронология цивилизации майя может быть воссоздана с высокой точностью благодаря тому, что расшифрованная письменность майя хорошо позволяет читать даты на церемониальных стелах; кроме того, специалисты с недавних пор умеют довольно точно переводить календарь майя в современные даты. Так, с достаточной точностью можно утверждать, что самая древняя известная стела датирована 9 апреля 328 г. См. J.Eric S.Thompson, *The Rise and Fall of Maya Civilization* (Norman, Okla.: Oklahoma University Press, 1954), p.53.

более того, церемониальных центров, созданных в джунглях Гватемалы и соседних районов Мексики. Между жрецами различных общин должен был происходить своеобразный обмен знаниями для сохранения выработанного художественного стиля и поддержания интеллектуального развития, прежде всего для совершенствования удивительно подробного и точного календаря. Крестьянские общины были сосредоточены вокруг великих храмовых центров, существуя за счет примитивного сельского хозяйства, требующего тем не менее лишь минимума усилий для получения необходимого количества продукции⁹⁶. Пользуясь неизвестными нам методами и средствами, жрецы мобилизовали крестьян в свободное от заботы об урожае время на строительство грандиозных сооружений и содержали штат профессиональных скульпторов и резчиков по металлу. Кроме того, жрецы майя разработали систему письменности и счета, которая использовалась, в частности, при астрономических вычислениях и составлении календаря.

Вокруг ядра цивилизации майя развивался ряд сообществ, заимствовавших большую часть технических достижений майя. Но, очевидно, лишь на плато Центральной Мексики, вокруг современного Мехико, до 600 г. был сооружен храмовый комплекс, сравнимый с постройками майя. Архитектурный стиль и искусство этой цивилизации отличались от таковых цивилизации майя, но социальное устройство этих обществ, по-видимому, было сходным.

География Перу обусловила большее разнообразие форм развития. Долины коротких рек, текущих с вершин Анд до Тихого океана, являются местами концентрации перуанских цивилизаций. Эти долины разделены пустынными землями, но в верхнем течении рек, высоко в горах есть долины и плато, подходящие для развития цивилизованных сообществ. География определяет и значительное различие между древними цивилизациями Перу и майя – сельское хозяйство в Перу требовало ирригационных сооружений, в то время как кукурузные поля майя орошались дождями. Перуанцы, живущие на высокогорье, также сажали картофель и разводили лам, которые не были известны жителям Центральной Америки.

К 500 г. в Перу оформились по меньшей мере три цивилизации классического типа: в прибрежных долинах на севере и на юге и на высокогорье

⁹⁶ Установлено, что современный индеец майя должен работать 48 дней в году, чтобы прокормить себя и свою семью. Поскольку методы ведения сельского хозяйства на полуострове Юкатан, где живут сейчас эти индейцы, мало изменились с древних времен, они, должно быть, располагали таким же свободным от крестьянского труда временем и в период строительства грандиозных церемониально-храмовых комплексов древности. См. G.H.S.Bushnell, *Peru*, p.41.

ном плато у озера Титикака. Древние жители Перу явили при этом чудеса ирригационного искусства и инженерного мастерства при строительстве террас. Жрецы не обладали здесь неоспоримой властью – в северных долинах (и возможно, в других местах) важную роль играли воины. Политическая власть отличалась высокой степенью централизации, что естественно для местности, где жизнь зависит от скудных водных ресурсов, которые необходимо строго контролировать. Однако, в отличие от майя, индейцы Перу не создали письменности, и их скульптуры грубее и не столь многочисленны. Поэтому археологи не найдут здесь той информации по религии и мифологии, которую дают каменные монументы майя, хотя ее отчасти заменяют данные, полученные при изучении глиняной посуды⁹⁷.

Говоря в целом, уровень этих американских цивилизаций 600 г. н.э. сопоставим с уровнем древних речных цивилизаций Месопотамии, Египта и Индии III тыс. до н.э. В 600 г. цивилизация майя только вступала в эпоху своего расцвета. В Перу, где хронология менее надежна, классический период начался приблизительно в это же время. Это позволяет сделать вывод о запаздывании возникновения древнеамериканских цивилизаций более чем на 3500 лет по сравнению с цивилизациями Старого Света – и этот разрыв цивилизациям Нового Света не удалось преодолеть. Кроме того, некоторые ключевые элементы развития, свойственные Евразии, не были открыты в Америке, например, наскальная живопись, колесо, черная металлургия. Все это ставило американских индейцев в невыгодное положение в сравнении с их евразийскими современниками. Какие бы стимулы, заимствованные из-за океана, ни способствовали развитию культуры Нового Света, все же американские цивилизации оставались независимыми и параллельными культурными явлениями. История американских индейцев не имела жизненно важных связей с современными ей событиями на евразийской исторической арене вплоть до XVI в., когда испанцы вторглись в Новый Свет только для того, чтобы обезглавить его цивилизации.

⁹⁷ Кроме цитированных источников, использовались также: Sylvanus G. Morley, *The Ancient Maya* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1946); Walter Krickeberg, *Alt mexikanische Kulturen* (Berlin: Safari Verlag, 1956); Hans Dietrich Disselhoff, *Geschichte der altamerikanischen Kulturen* (Munich: Verlag R. Oldenbourg, 1953).

ГЛАВА IX

***Возрождение Среднего Востока
в 600–1000 гг. н.э.*****А. ВВЕДЕНИЕ**

В течение семи столетий Средний Восток был поделен между Римом и персами – линия раздела проходила по верхнему течению Евфрата и Сирийской пустыне. Эта граница оказалась на удивление стойкой. Несмотря на многочисленные войны, она не претерпела никаких значительных изменений с 64 г. до н.э., когда Помпей утвердил власть Рима в Палестине, Сирии и Анатолии, и до 636 г. н.э., когда Халид ибн аль-Валид разбил армию Византии при Ярмуке и опять отодвинул границу римских владений до Анатолии. Вскоре арабские завоеватели овладели Месопотамией (641 г.), вторглись в Египет (642 г.) и к 651 г. уже завоевали Иран и свергли династию Сасанидов.

Стоит отметить быстроту этих завоеваний, но еще более – постепенное изменение культурных границ и дальнейшие переселения народов, последовавшие за ними. Средний Восток – колыбель древнейшей цивилизации земли, позднее поглощенный волной эллинистической культуры и поделенный политически между Римом и Персией, был снова объединен. В рамках новой политической реальности на этих землях вскоре утвердился исламский культурный синтез, впитавший элементы всех цивилизаций, существовавших на этом перекрестке ойкумены в течение тысячи лет. В новой мусульманской империи, безусловно, были определенные региональные различия, особенно когда в нее вошли такие отдаленные земли, как Испания (к 711 г.) и индийская провинция Синд (к 715 г.). Однако на всей этой территории преобладали один язык и одна вера. Учитывая центральную роль религии в этом уникальном культурном синтезе, лучше всего назвать это явление исламской цивилизацией.

Однако нельзя утверждать, что политическое и культурное возрождение Среднего Востока полностью возвратило бывшее культурное превосходство этого региона над другими цивилизациями планеты. Исламская культура и исламское общество не обладали столь очевидными преимуществами, чтобы убедить представителей иных культурных традиций приспособить стиль своей жизни к мусульманской модели. Ничего похожего на смешение элементов отдаленных друг от друга культур, подобного тому, что

породило художественный стиль Гандхары или китайский вариант буддизма, в исламском мире в период до 1000 г. не наблюдалось. Отдельные лица и сообщества либо принимали ислам, либо отвергали его полностью. Не существовало никакого промежуточного варианта, нельзя было выбирать отдельные элементы ислама и адаптировать их к местным культурным традициям. Причиной, очевидно, можно считать ту базовую, основополагающую роль, которая отводилась религии не только в исламской цивилизации, но и в соседних с ней христианской и индийской. Цивилизации, построенные на базе религиозной доктрины, требуют соблюдения принципа ортодоксальности, а он в свою очередь признает только одну культурную модель, отвергая все прочие как еретические или ведущие к ереси¹.

Центральная роль религии в жизни Европы, Среднего Востока и Индии в первые столетия мусульманской эпохи придавала взаимоотношениям трех великих цивилизаций известную жесткость. При наличии религиозной догмы даже самые тесные и длительные контакты представителей разных верований слабо влияли на их культурные предпочтения. Приблизившись друг к другу так, как никогда до или после этого периода, цивилизации Евразии тем не менее существовали в условиях культурной изоляции друг от друга: каждая из них пребывала в уверенности, что у «неверных» не может быть ничего такого, что могло бы представлять интерес для представителя истинной веры. Только после 1000 г. в цивилизованном мире снова стал развиваться более свободный культурный обмен.

Однако на Дальнем Востоке сохранились относительно либеральные и не столь догматичные культурные традиции. В период династии Тан (618–907 гг.) в Китае наблюдается расцвет культуры, пожалуй, самый бурный и разнообразный за всю его долгую историю. В этот период буддизм проходит стадию приспособления к китайской культуре, а последователи традиционных школ даосизма и конфуцианства отчасти пересматривают и трансформируют догмы своих вероучений в свете идей и практики буддизма. Еще один импульс культура Китая получает от степных народов, которые уже вышли из состояния примитивного варварства и в силу своего выгодного географического положения смогли передать Китаю элементы культуры доисламской Персии. В этот период под действием внешних стимулов происходит расцвет китайской литературы и искусства и влияние Китая стано-

¹ Индуизм, конечно, был менее догматичным и более толерантным, чем христианство или ислам. Однако нетерпимость ислама, рассматривавшего, по крайней мере в принципе, все индийские религии как идолопоклонство, ограждала индусов от влияния исламской цивилизации вплоть до того периода, когда политическая власть исламских правителей распространилась в XI в. на земли, лежащие за рекой Инд.

вится еще более ощутимым в Корее, Японии, Юньнани, Тибете и в соседних степных землях.

Расцвет в период династии Тан во многом напоминает происходящее в Индии во времена Гуптов. Однако культура Китая при династии Тан не получила такого признания за пределами страны, как культура эпохи Гуптов. Причина, несомненно, заключается в том, что догматические религии Западной Азии ставили непроницаемую психологическую преграду на пути распространения китайской культуры на запад. Сыграло свою роль и уменьшившееся значение Великого шелкового пути после того, как византийское шелководство стало достаточно развитым и могло удовлетворять спрос рынка Средиземноморья². Однако между Китаем и Западной Азией все же имелись определенные военные и коммерческие контакты; религиозные предрассудки не смогли помешать распространению таких китайских технических секретов, как, например, секрет изготовления бумаги, который арабы получили от военнопленных, захваченных в Средней Азии (751 г.).

Таким образом, ислам не нарушил четырехполюсное культурное равновесие в Евразии, он лишь четче обозначил границы отдельных его составляющих и усилил значение в нем Среднего Востока. Вначале арабские завоевания, в сущности, лишь восстановили линии древних культурных разделов³ и преобразовали культурный баланс в регионе так, что он принял уже существовавшие ранее формы. И это не удивительно для Среднего Востока, которому присуща способность самовосстановления.

В первые столетия мусульманской эпохи карта культур Евразии претерпела второе существенное изменение. За эти века процесс экспансии цивилизаций вышел за рамки довольно узкого «пояса цивилизации», который в начале этого периода простирался по всей Евразии от Атлантики до Тихого океана с некоторыми весьма незначительными ответвлениями. На юге Мухаммед впервые превратил Аравию в неотъемлемую часть цивилизованного мира. Кроме того, негритянские государства в Западном Судане, мусульманские общины на Восточно-африканском побережье и новые или возвратив-

² Коконсы шелкопряда ввозили контрабандным путем из Китая в Византию в период 552–554 гг., и к концу столетия шелкоткацкая промышленность в Византии уже была хорошо развита. См. G.F.Hudson, *Europe and China* (London: Edward Arnold & Co., 1931), pp.120–22; R.S.Lopez, «Silk Industry in the Byzantine Empire», *Speculum*, XX (1945), 1–42.

³ За исключением Анатолии, которая ранее была под властью персов, а теперь входила в сферу влияния Византии (зачастую номинально), первые мусульманские завоевания происходили почти полностью в пределах тех земель, которые когда-то принадлежали Персидской и Карфагенской империям. Полузабытая враждебность по отношению к эллинским завоевателям, которые некогда подавили более древнюю культуру этих земель, безусловно, облегчала задачу первых мусульманских завоевателей и в то же время определяла границы первых завоеваний.

шие свое былое значение государства в Кашмире, Тибете, Бирме и Юньнани расширили зону цивилизованных или получивилизованных народов и заполнили почти все промежуточные территории, которые служили своего рода буферами при контактах ведущих цивилизаций Евразии. Однако за исключением Аравии и Тибета, на землях которых возникли блестящие, но недолговечные империи, все эти новые государства на южном краю ойкумены имели второстепенное значение для мирового культурного баланса, так же как и некоторые более древние страны – Эфиопия, Нубия и индуистские царства в Юго-Восточной Азии.

В степных и покрытых лесами пространствах на севере проникновение цивилизации сыграло более существенную и в конечном счете революционную роль. Долгое время степи были царством воинственных варваров и, начиная с XVIII в. до н.э. цивилизованные народы неоднократно подвергались набегам степных варваров. Кочевая жизнь препятствовала установлению стабильного политического единства и экономической дифференциации, необходимых для развития цивилизации. Этот фактор не исчез и после 600 г., но условия все же существенно изменились, что усилило влияние цивилизации на степные народы. Крупные и сравнительно устойчивые племенные объединения, например, авары, болгары, хазары и уйгуры, возникли в степях. С помощью набегов, взимания дани и мирного торгового обмена степные народы получали в свое распоряжение товары из цивилизованных стран. Эти товары служили целям консолидации племенных союзов (с их помощью покупалась лояльность членов союза) и знакомили более широкие слои кочевников с благами цивилизации⁴.

Торговля зачастую открывала возможности для проникновения иных, нематериальных аспектов цивилизованной жизни. В частности, внимание степных народов привлекали чужие религиозные идеи и институты. За этим часто следовало обращение в чужую веру, правда, не всегда в веру ближайших цивилизованных соседей, так как это могло быть связано с утратой собственной духовной независимости. Так, хазары приняли иудаизм, а уйгуры стали манихейцами⁵, сохранив тем самым собственную духовную уникальность в глазах соседних цивилизованных народов и приобретя преимущества цивилизованной религии – грамоту и принципы законности, которые дополняли и превосходили традиционные племенные ритуалы.

На Дальнем Западе Европы не было степей, которые отделяли бы тер-

⁴ Служба в качестве наемников в армиях цивилизованных стран была еще одним важным каналом распространения цивилизации.

⁵ Религия Мухаммеда – сходная, хотя и намного более значительная и оригинальная адаптация религии цивилизованного мира к местным условиям.

риторию северных лесов от цивилизованных и полумодернизированных земель к югу от Дуная и к западу от Рейна. Однако воинственность племен из европейских лесов была сопоставима с той, которая отличала восточные степные племена, – обе эти группы завоевывали себе место на окраинах цивилизованного мира в рамках одного процесса. Знания и товары, полученные грабежом, в виде дани или путем торговли с цивилизованными народами, изменили скандинавов, германцев и славян еще сильнее, чем тюркоязычных степных кочевников, так как в лесной зоне были возможности для ведения сельского хозяйства. С началом сельскохозяйственной деятельности эти племена переходили к оседлой цивилизованной жизни, которая получила особенно бурное развитие в этих отдаленных лесах после 1000 г.

Таким образом, распространение цивилизации в евразийские леса и степи постепенно сместило центры военной и экономической мощи к северу и после 1000 г. стало основой для радикальной экспансии тюрков и монголов на суше и европейцев на суше и на море.

Б. МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР ДО 1000 Г.

Около 613 г. ничем особо не приметный житель торгового города Мекки по имени Мухаммед (ок. 570–632) начал порицать многобожие своих соплеменников и возносить молитвы новому богу. За три года до этого Мухаммеда, к тому времени уже вполне зрелого мужчину около сорока лет, стали посещать странные видения. В итоге длительных духовных поисков он убедился, что голос, который слышался ему во время видений, был голосом архангела Гавриила, говорившего ему, чтобы он донес волю Аллаха до арабов. Мухаммед повиновался и передал свое откровение в форме вдохновенных поэтических строк. Горстка горожан поверила ему, но большинство насмехались над ним и требовали чуда в подтверждение его пророческой миссии.

Таким было скромное начало мусульманской религии. И все же меньше чем за двадцать лет Мухаммеду удалось сплотить почти всю Аравию в новое религиозно-политическое сообщество. Это сообщество, успешно подавив сепаратистские стремления и вражду среди отдельных племен, уже через два десятилетия после смерти Мухаммеда смогло захватить богатейшие византийские провинции и полностью уничтожить государство Сасанидов. Никогда ни до, ни после Мухаммеда ни один пророк не добивался так быстро столь многого, и никогда дела одного человека не изменяли так быстро и радикально ход мировой истории. Вдохновенными речами, личным примером и созданной им организационной структурой ислама Мухаммед заложил

жил основу совершенно нового образа жизни, который в течение двух столетий привлек к себе значительную часть человечества, и сегодня мусульмане составляют приблизительно седьмую часть населения планеты.

Темы первых проповедей Мухаммеда были удивительно просты. Он проповедовал существование одного бога – Аллаха; говорил, что настанет Судный день, когда гнев Аллаха постигнет неверных, и утверждал, что долг каждого следовать воле Аллаха, выраженной через его пророка.

Аллах изначально был задуман как тот же бог, который явил себя ранее через Иисуса и других иудейских пророков. В первые годы своих пророчеств Мухаммед, видимо, считал, что иудеи и христиане признают в нем последнего и самого истинного посланца этого бога. Только когда он со своими последователями перебрался в Медину (622 г.) и столкнулся с враждебностью осевших ранее в этом оазисе еврейских племен, он осознал свое заблуждение. Мухаммед сделал из этого вывод, что иудеи и христиане настолько исказили или позабыли божественные откровения, что отрицают неискаженное их представление. После этого он объявил себя истинным пророком «религии Авраама», которому приписал сотворение древней святыни Каабы, составлявшей одну из основ коммерческого значения Мекки. Исходя из этого он сделал Каабу в Мекке центральным местом поклонения новых верующих вместо Иерусалима, который на первой стадии своих пророчеств объявлял основным воплощением святости на земле⁶.

Согласно Мухаммеду, Аллах был всемогущим создателем и хранителем мира. Он был также носителем высшей доброты и благосклонности к тем, кто отвечал ему смирением и благодарностью в виде молитвы, благотворительности и очищения. Подобно первым христианам, Мухаммед проповедовал неизбежность Судного дня, когда наступит конец света, мертвые встанут из могил и все предстанут перед богом и будут им судимы по делам и отправлены в рай либо в ад.

В Мекке Мухаммед был частным лицом, которого защищал от врагов его учения лишь вождь его племени, но когда в 622 г. он отправился в Медину, его положение сильно изменилось. Мухаммеда пригласили в Медину враждующие между собой арабские крестьяне, которым был нужен авторитетный человек со стороны, способный их рассудить. Переселение из Мекки в Медину – хиджра – позднее стало считаться началом мусульманского летоисчисления, и с этого момента Мухаммед стал исполнять публичные функции. С той поры сообщество единоверцев стало автономной политической

⁶ Содержание откровений Мухаммеда свидетельствует о его знакомстве с некоторыми библейскими сказаниями, которые он, возможно, слышал у костра во время своих путешествий с торговыми караванами к границам Сирии и Палестины.

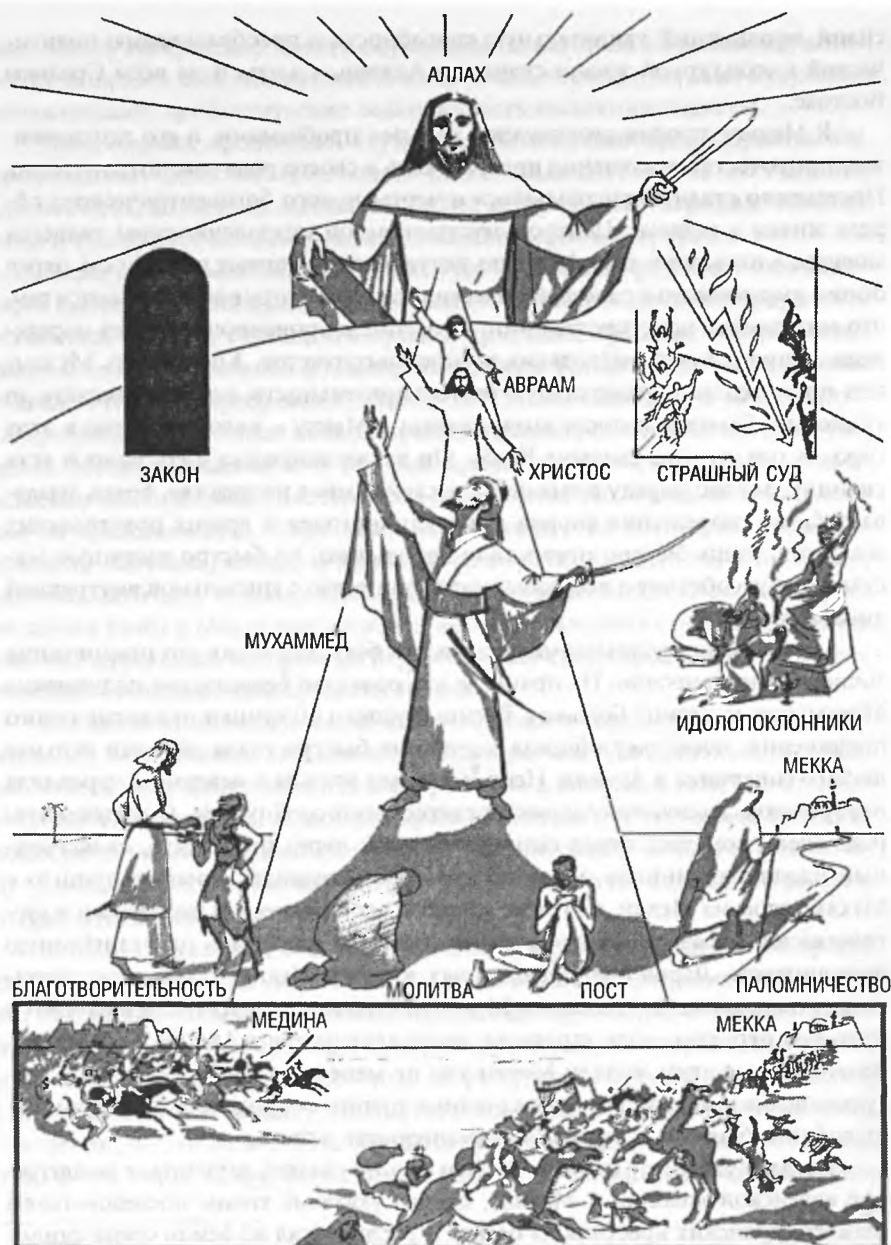
силой, проявившей удивительную способность к преобразованию политической и культурной жизни сначала в Аравии, а затем и на всем Среднем Востоке.

В Медине пророк столкнулся с новыми проблемами, и его вдохновенные пророчества постепенно превратились в своего рода законотворчество. Постепенно стали вырисовываться и черты нового богоцентрического образа жизни – ислама⁷. Центром мусульманской самодисциплины является молитва – пять раз в день. Молитва ритуально воплощает покорность перед богом, выраженную в ряде канонических жестов, которые заканчиваются тем, что молящийся простирается ниц, и состоит в произнесении через определенные промежутки нескольких возносимых текстов. Кроме того, Мухаммед проповедовал обязательную благотворительность, пост от рассвета до темноты в Рамадан и после возвращения в Мекку – паломничество в этот город и поклонение святыне Кааба. Он также запрещал пить вино и есть свинину. Все это наряду с законами, касающимися наследства, брака, раздела добычи, разрешения споров среди единоверцев и других практических вопросов, очень быстро превратило небольшую, но быстро растущую мусульманскую общину в неординарное сообщество с уникальной внутренней дисциплиной.

Цель жизни мусульманина – служить богу, исполняя его предписания точно и безоговорочно. На практике это означало безусловное подчинение Мухаммеду, посланцу Божьему. Военные успехи облегчили принятие такого подчинения, поскольку община верующих быстро стала намного сильнее любого соперника в Аравии. Непримируемая вражда к неверным укрепляла внутреннюю дисциплину нового религиозного сообщества. Определенную роль здесь, конечно, играл священный ужас перед божеством, свойственный идолопоклонникам, но и то, что ядро верующих, которое пришло с Мухаммедом из Мекки, не имело никакой экономической поддержки в густонаселенном оазисе Медины, также не могло не питать их религиозную нетерпимость. Даров новообращенных жителей Медины было недостаточно для поддержания общины, и Мухаммед высылал своих последователей в пустыню перехватывать караваны, направляющиеся в Мекку и из Мекки. Возмущенные этим жители Мекки тем не менее не смогли прекратить мусульманские грабежи, так как различные группы горожан враждовали между собой и были не в состоянии организовать отпор.

Когда Мухаммеду стало ясно, что ему не удалось заручиться поддержкой еврейской колонии в Медине, он дал указание своим последователям изгнать еврейских крестьян из оазиса и распределил их земли среди едино-

⁷ Этот термин означает «подчинение» или «покорность» (воле божьей).

верцев. Однако община его последователей так быстро разрасталась, что этот акт не мог разрешить ее экономических проблем, и следующим шагом явились захваты земель уже за пределами оазиса Медины. Последователи Мухаммеда вскоре подчинили себе еврейское поселение в оазисе, расположенном в нескольких милях к северу от Медины. На этот раз, однако, мусульмане не изгоняли иудеев с их земель, но заставили их платить дань, которую пророк затем распределял среди своих последователей в соответствии с их нуждами и заслугами. Так была создана модель последующих отношений между мусульманскими завоевателями и покоренными христианскими и иудейскими общинами – им как «народам Книги» позволялось сохранять свою религию, обычаи и институты, если они готовы были платить дань.

Теологическая простота и правовая направленность посланий Мухаммеда обладали большой убедительностью. В частности, проповеди Мухаммеда нравились тем арабам, которые предпочли сельское хозяйство или торговлю кочевому образу жизни и с трудом приспособляли традиционные племенные обычаи к новым условиям жизни. Иудаизм и в меньшей степени христианство также начали заполнять духовный вакуум, образовавшийся в арабском обществе, поскольку каждая из этих религий предлагала свои правила и кодекс поведения для оседлой жизни. Но арабская гордость не позволяла принять религию иноземцев. Откровения Мухаммеда, специально рассчитанные на городские условия и адресованные непосредственно арабам и только через них другим народам, нашли поэтому отклик и поддержку среди небольшой, но занимавшей стратегически важное положение части арабского населения.

Быстрый воинский успех последователей новой религии придавал ей силу и убедительность в глазах кочевых бедуинских племен. Религиозные и этические стороны религии Мухаммеда мало волновали кочевников, их привлекала перспектива получить свою долю добычи после успешных набегов и грабежей. Когда же успехи сторонников новой веры стали несомненными, никого уже не надо было убеждать, что бог на стороне мусульман. В итоге Мухаммед и его сторонники довольно быстро завоевали поддержку всей Аравии – в некоторых случаях военной силой, но чаще всего путем переговоров, часто подкрепляемых угрозой применения силы. Так без боя в руки мусульман перешла Мекка (630 г.), и после капитуляции Мекки очень скоро в их руках оказалась и вся Аравия⁸.

После смерти Мухаммеда в 632 г. встал вопрос о наследнике. Пока

⁸ Мои заметки о блестящем восхождении Мухаммеда основаны главным образом на информации из трех книг: Tor Andrae, *Muhammad: The Man and His Faith* (New York: Barnes & Noble, 1957); W.Montgomery Watt, *Muhammad at Mecca* (Oxford: Clarendon Press, 1953); W.Montgomery Watt, *Muhammad at Medina* (Oxford: Clarendon Press, 1956).

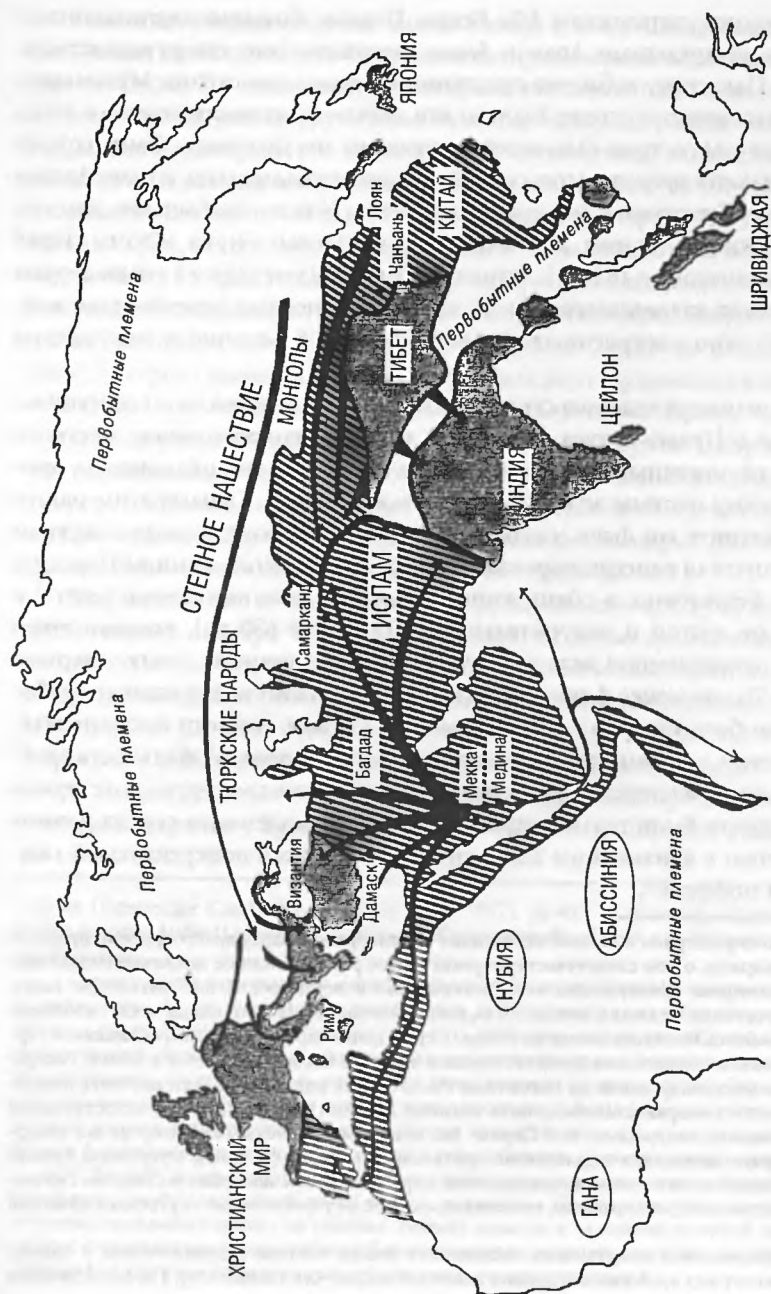
пророк был жив, всеми признавались его решения как выражение воли божьей, и неповиновение приравнивалось к отступничеству. Но как же осуществлять духовное руководство общиной без пророка, который олицетворял связь с богом? К счастью, сторонники Мухаммеда еще не стали теологами и философами и решили проблему практически, признав халифом (наследником) одного из самых ранних последователей и учеников Мухаммеда Абу Бекра⁹. В качестве халифа Абу Бекр стал практическим руководителем мусульманской общины. В своих решениях он старался как можно точнее следовать установленным Мухаммедом прецедентам. Это в свою очередь требовало как можно более точной интерпретации высказываний пророка, особенно тех, которые, по его словам, были следствием откровений, – только тщательный их анализ мог дать верные основания для оценки новых ситуаций.

Многие арабские племена, присоединившиеся к мусульманскому сообществу, после смерти Мухаммеда почувствовали себя освобожденными от обязательств перед ним. Большая часть племенных вождей рассматривала веру в Аллаха и его пророка лишь как незначительный элемент договора о союзе. Однако любое послабление власти над вождями, если его не пресечь вовремя, угрожало самому существованию мусульманского сообщества. Военные победы были жизненно необходимы для сохранения непрочного союза племен, которые отнюдь не забыли прежнюю вражду. Только постоянное пополнение военной добычи, воинская доблесть и дисциплина походной жизни могли помешать возобновлению прежней межплеменной вражды, поскольку в последние годы жизни Мухаммеда мусульманская община росла так быстро, что в ней лишь очень малая часть имела истинные религиозные убеждения.

В эти смутные времена сторонники Мухаммеда в Медине бросили на весы судьбы весь свой энтузиазм и веру. Этому маленькому, но сплоченному ядру общины удалось еще раз решительно переломить ситуацию в пользу ислама. В результате двух тяжелых военных кампаний мятежные племена были приведены к покорности; и как раз в тот год, когда Аравия вновь объединилась под знаменем ислама, умер Абу Бекр (634).

Сменивший его Омар был человеком энергичным, религиозным и властным – эти качества сделали его лидером мусульманской общины еще при

⁹ Мухаммед не оставил сыновей, поэтому наследницей его стала дочь Фатима, которая была замужем за Али, двоюродным братом и одним из первых учеников Мухаммеда. Однако принцип наследования по родству приобрел значение лишь позднее, когда в мусульманскую общину проникли персидские и византийские идеи наследуемой власти. В доисламской Аравии этот принцип соблюдался не слепо – вождь арабского племени не мог стать ребенок или неопытный в делах управления человек.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА ДО 750 Г.

жизни мягкого, стареющего Абу Бекра. Первые большие мусульманские завоевания за пределами Аравии были совершены под его руководством. Набеги на Палестину и Сирию предпринимались и при жизни Мухаммеда, но без существенного успеха. Однако эти набеги создали прецедент, и когда Аравийский полуостров был снова возвращен мусульманам, Омар собрал под свои знамена добровольцев со всей Аравии, чтобы напасть во имя Аллаха на неверных Византии и империи Сасанидов. Успехи необычайно быстро следовали один за другим. Как перезревшие плоды, Сирия (636 г.), Ирак (637 г.), Месопотамия (641 г.), Египет (642 г.) и Иран (651 г.) упали в руки мусульманских завоевателей. После таких несомненных успехов даже наиболее скептически настроенные арабы уверовали в величие и могущество Аллаха.

Накопившееся недовольство византийскими и персидскими сборщиками податей в Ираке, Сирии и Египте и извечное сопротивление местного населения религиозным ортодоксам обеих великих империй, конечно, проложили дорогу первым мусульманским завоеваниям. Однако этим одним нельзя объяснить тот факт, что бедуинские племена под предводительством арабских горожан нанесли поражение профессиональным армиям Персии и Византии. Безусловно, в обеих империях ощущались недостаток денег¹⁰ и усталость от долгой и изнурительной войны (606–630 гг.), помимо этого Византия одновременно вела тяжелую войну с аварами на своих северных границах. Тем не менее факт остается фактом – плохо вооруженные арабы, действуя на больших расстояниях и малым числом, нанесли сокрушительное поражение лучшим греческим и персидским армиям. Мобильность арабских отрядов и мастерство их полководцев сыграли свою роль, а детерминантами успеха были дисциплина и мужество, вселяемые в сердца воинов уверенностью в неизменном покровительстве Аллаха, подкрепляемой каждой новой победой¹¹.

¹⁰ Персию раздирали жестокие внутренние противоречия между аристократией, простым людом и монархом, о чем свидетельствует религиозное революционное движение маздакизм. Одним из факторов, обостривших эти противоречия и истощивших императорскую казну, был упадок торговли шелком в начале VII в., когда разведение шелкопряда на месте позволило Византии обойтись без ввоза шелка из Китая. Персы долгое время были посредниками в торговле шелком, и это приносило прибыль городам империи Сасанидов и казне в целом. Беспрецедентный размах наступления на Восточный Рим в долгой войне 606–630 гг. мог быть попыткой персидского монарха компенсировать военной добычей потери казны от непоступлений налога с караванов, везущих шелк в Сирию. Без денежного притока император не мог содержать регулярную армию для сдерживания притязаний иранских феодалов. Отсутствие хроник времен Сасанидов делает любые предположения о проблемах этой монархии достаточно субъективными, однако легкость арабских завоеваний свидетельствует о некой внутренней слабости противника.

¹¹ Информация о вооружении, численности войск, тактике ведения войны и прочих подробностях первых арабских завоеваний довольно скудна. См. Reuben Levy, *The Social Structure*

Наемный убийца оборвал жизнь Омара в 644 г. Следующим халифом стал Осман, глава семейства Омейядов, которое издавна играло важную роль в делах Мекки. По-видимому, его выбрали как слабейшего и потому наименее опасного из узкого круга советников, которые собрались после смерти Омара, чтобы выбрать его преемника. В соответствии со старой арабской традицией Осман воспользовался властью в интересах своей семьи, назначая родственников на лучшие посты в новой империи. Но Османа тоже убили в 656 г., и тогда Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда, предпринял попытку утвердить свое право на халифат. Последовали около пяти лет разброда и беспорядков, так как не все считали законным избрание Али. Его основным соперником был Муавия, правитель Сирии из рода Омейядов, власть которого зависела от лояльности арабского гарнизона в этой провинции. Основную военную поддержку Али получил из Ирака, но арабские солдаты двух гарнизонов не хотели воевать друг с другом. Спор закончился без столкновения сторон, но в 661 г. один из недовольных сторонников Али убил его¹². Муавия, единственный оставшийся в живых претендент на трон халифа, объявил столицей новой мусульманской империи Дамаск, и халифы династии Омейядов правили из этого города до 750 г.

Мусульманская военная экспансия продолжалась до 715 г., хотя и не так стремительно, как при Омаре. Со временем в армию арабов влились обращенные в ислам персы и берберы, и с их помощью власть ислама была утверждена в далекой Испании и в менее отдаленных восточных областях за Амударьей и Синдом. После этого последовал ряд неудач. В 714 г. тюрки вторглись в район Амударьи и заставили арабов покинуть эту территорию почти на два десятилетия. В 733 г. вождь франков Карл Мартелл разбил вторгшихся арабов у Тура, и мусульмане отошли за Пиренеи. Намного важ-

of Islam (Cambridge: Cambridge University Press, 1957), pp.407-45; Friedrich W.Schwartzlose, *Die Waffen der alten Araber* (Leipzig: J.C.Hinrichs, 1886); *Encyclopedia of Islam*, s.v. «Yarmuk», «Nehawand», «Al-Kadisiya».

Следует также отметить, что ежедневная молитва могла оказывать на армию в походных условиях такое же психологическое воздействие, как современная армейская муштра. Точные жесты и коллективный речитатив молитвы пять раз в день могли способствовать возникновению чувства солидарности в рядах войск и воспитывать навык беспрекословного подчинения командиру, который первое время был одновременно и священником. Без сомнения, такие упражнения способствовали преодолению хронической беды союза кочевников – межплеменной розни и неподчинения приказам. Кроме того, убежденность в том, что смерть в битве во имя Аллаха послужит залогом попадания в рай, добавляла мужества и отваги каждому воину.

¹² Позднее среди верующих мусульман появится множество легенд, связанных с Али и его сыном Хусейном, который погиб в 680 г., сражаясь с Омейядами. Через некоторое время в исламе произойдет раскол на главные течения шиитов и суннитов, основой которого стал вопрос о правомочности наследников Али в качестве правителей халифата. Однако сразу после гибели Али его сторонники, похоже, были очень немногочисленны.

Martin S. Briggs, Магометанская архитектура в Египте и Палестине.

МЕЧЕТЬ РАННЕГО ПЕРИОДА

Храм на скале в Иерусалиме стоит на земле, ранее занимаемой Храмом Соломона. Омар повелел построить на этом месте простую деревянную мечеть сразу после захвата города. Основные же очертания здания, приведенного на этом снимке, соответствуют более поздней постройке, осуществленной по повелению халифа Абд аль-Малика (685—705 гг.). Очевидно сходство этой мечети с византийскими культовыми сооружениями, однако восьмиугольный внешний двор мечети необычен, если не уникален. Здание многократно перестраивалось. Декоративная плиточная мозаика на стенах была добавлена уже в XVI в., купол был переделан после пожара в XV в. Следовательно, сохранился лишь общий план сооружения эпохи Омейядов.

нее этих мелких поражений была неудачная осада Константинополя. Основным силам Омейядов удалось отрезать город от окружающих его земель почти на год, с 717-го по 718 г. Угроза гибели нависла над всей Византией, но Константинополь выстоял, осада была снята и мусульмане впервые потерпели серьезное поражение.

Победоносные войны, приносившие богатую добычу и дань покоренных народов, сдерживали племенную и личную вражду среди арабов: те, кому не досталось места у трона в Дамаске, могли полностью удовлетворить свои амбиции в пограничных провинциях. Однако, когда экспансия остановилась, динамическое равновесие, которое удерживало мусульманское сообщество с дней прихода Мухаммеда в Медину, нарушилось. Как никогда раньше развернулись во всю мощь внутренняя вражда и противостояние фракций, племен и отдельных областей, которые ужесточались и усложнялись противоречиями между отдельными религиозными доктринами и сектами. Кульминацией этого многостороннего противостояния стало свержение в 750 г. династии Омейядов и утверждение у власти Аббасидов.

Противостояние, приведшее к нарушению целостности мусульманского мира после 715 г., базировалось на двух основных противоречиях. Во-первых, это было соперничество между Сирией и Ираком – обе страны претендовали на лидерство в империи. И во-вторых, сыграли свою роль трения между арабами и другими народами, принявшими ислам. Менее явным и очевидным, но не менее важным был религиозный спор о принципах руководства сообществом и о его внутренней организации. Краткий комментарий по каждому из этих пунктов может способствовать лучшему пониманию принципов политической эволюции ислама при Омейядах.

1. Омар первым установил принцип вознаграждения победоносных воинов ислама. Вместо того чтобы наделять их землями, как это делали почти все остальные завоеватели Среднего Востока, он платил солдатам денежное довольствие и размещал их в специальных гарнизонных городах. Самые важные гарнизоны были расположены на краю пустыни либо в новых поселениях, например Куфа в Ираке или Кайраван в Северной Африке, а также в таких старых городах, как Дамаск в Сирии или Басра в Ираке. Этот принцип давал ряд преимуществ: он соответствовал правилу раздела добычи и дани среди последователей учения, установленному Мухаммедом; он утверждал твердую власть правителей над армией, так как довольствие можно было прекратить выплачивать в любой момент, и он сплавивал мусульман, создавая своеобразный островок истинной веры в океане неверных.

Деньги для уплаты армии поступали от податей, собираемых вначале старыми византийскими или персидскими методами и обычно теми же самыми сборщиками. Почти до конца VII в. государственная администрация

состояла почти исключительно из неарабов. Даже после того, как халиф Абд аль-Малик сделал арабский официальным языком, чиновники по-прежнему принадлежали к тому или иному покоренному народу и часто исповедовали христианство или иудаизм. Эти сведения говорят о том, что старая линия раздела между римской Сирией и персидским Ираком пережила арабское завоевание. Ощущение различий между двумя провинциями, бытовавшее среди населения в целом, подчеркивалось различиями в административном устройстве и составе чиновников и усиливалось за счет вражды разных арабских племен, стоявших гарнизонами в этих провинциях. В результате при Омейядах, когда центр империи находился в Сирии, в Ираке были постоянные беспорядки¹³.

2. Политика создания специальных военных гарнизонов, которую проводил Омар, отражала различия между арабскими и неарабскими воинами. Кроме того, поскольку воины из одного племени обычно сражались в одном отряде под командованием своего вождя и во время несения гарнизонной службы квартировали в одном месте, их рассредоточение по отдельным центрам позволяло сохранять старое племенное разделение. В сущности, властная структура халифата при Омейядах опиралась на негласную конфедерацию вождей арабских племен, которые признавали халифа как первого среди равных, и на бюрократию, унаследованную от Византии и Персии. Поразительные военные успехи арабов питали их национальную гордость и сохранялись в племенных преданиях. Поэтому Омейяды не делали систематических попыток обратить в ислам живущих в империи христиан, иудеев и зороастрийцев. Напротив, арабы считали нежелательным обращение в мусульманство все большего числа людей из покоренных народов. Новообращенные не платили налог, устанавливаемый для неверных, и это отрицательно сказывалось на сборах, за счет которых выплачивали жалование арабским гарнизонам. Кроме того, новообращенные не вписывались в племенную структуру, составляющую основу мусульманского сообщества. Их могло принять под свою защиту какое-либо арабское племя на правах «свободных людей» или «странников», однако полные права мог получить только рожденный в племени. В то же время ислам провозглашал равенство всех истинно верующих, поскольку все они равны перед богом и имеют перед ним одинаковые обязательства.

На этой основе возникает противоречие между племенными законами и исламом. Вполне естественно, что новообращенные стремились получить полные права на основе догматов ислама, но арабские племенные традиции

¹³ То, что Али обосновался в Ираке, породило в этой стране множество связанных с ним домыслов и создало в ней благодатную почву для религиозных сект, поддерживающих Али.

не могли этого допустить. Власть Омейядов опиралась на поддержку вождей племен, которые командовали войсками империи, и халиф не мог удовлетворить требования новообращенных мусульман. Напротив, правительство принимало меры, направленные на предотвращение потерь имперской казны за счет новообращенных мусульман, и даже пробовало убедить их продолжать платить налоги. В итоге большинство новообращенных мусульман готово было поддержать движение за равенство с арабами во имя строгого соблюдения заветов пророка.

3. Сами арабы также не были носителями чистого ислама с неукоснительным соблюдением всех его догматов. Религиозная община – такая, как в Медине при жизни пророка, – была скорее идеалом. Было трудно следовать этому идеалу, когда власть ислама распространилась столь широко. Очевидным следующим шагом должно было стать сохранение и изучение всех высказываний пророка. При халифе Османе они были собраны воедино в Коране. Отдельные высказывания Мухаммеда были объединены по принципу их продолжительности, от коротких к более длинным, – и тем самым была нарушена их хронология, а общий текст стал в итоге сумбурным и трудно воспринимаемым¹⁴. Кроме того, вскоре начали рассматривать как священные поступки пророка и его обычные слова, если их пересказывали надежные свидетели, а также поступки и слова его ближайших сподвижников. Это наследие, тщательно проверенное на аутентичность и снабженное комментариями, учитывающими все возможные обстоятельства, в которых может оказаться мусульманин, со временем стало основой шариата – священного закона ислама¹⁵. Вскоре образовался слой знатоков мусульманско-

¹⁴ Коран был переведен много раз, но в английском переводе его литературная ценность оказывалась почти утраченной. С точки зрения литературных достоинств, лучшим можно считать перевод Э.Дж.Арберри: A.J.Arberry, *The Holy Koran* (London: Allen & Unwin Ltd., 1953).

¹⁵ Неудивительно, что прямое толкование Корана и хадисов (священного предания) оказалось недостаточным для применения во всех случаях. Тогда исламские законники приняли согласованное мнение сообщества мусульман в качестве дополнительного источника законодательства на том основании, что Аллах не может допустить, чтобы ошибались все правопониматели. Как еще одно основание была принята юридическая аналогия, чтобы расширить круг дел, решаемых на основе шариата. Эти два дополнительных принципа внесли в мусульманский закон элемент неоднозначности и гибкости. Еще один элемент гибкости внесло произвольное толкование хадисов.

Таким путем в течение первых двух столетий существования ислама был разработан действенный свод законов, регулирующий почти все события в жизни сложного урбанизированного мусульманского общества на Среднем Востоке. Четыре ортодоксальные школы законодателей внесли в этот свод некоторые изменения, не задев, впрочем, того незыблемого правила, что ни одно положение, уже внесенное в шариат, ни отменить, ни поправить невозможно. В конце концов это оказалось серьезным тормозом на пути развития мусульманского мира – законы его отличались такой мерой жесткости, какая никогда не была свойственна юридической системе западного мира.

го права – улемов, которые вначале были сосредоточены главным образом в Медине и занимались рассмотрением особо сложных дел и споров рядовых мусульман.

Желание набожных правоверных сделать свою жизнь и жизнь всех мусульман образцом служения воле Аллаха оказывало серьезное влияние на общественную жизнь. Посвятившие себя служению богу не могли оставить без внимания проблему наследника пророка или удовлетвориться ее решением на основе практических соображений, как это было сделано при выборе халифами Абу Бекра и Омара. Благочестивому сообществу верующих требовался угодный богу лидер, а не просто назначенный главным простой племенной вождь, как все правители династии Омейядов, которые явно слабо соответствовали понятию богоугодности. Одна из духовных школ настаивала на том, что только потомки дочери Мухаммеда Фатимы, супруги Али, обладают божественным благословением, необходимым для того, чтобы вести за собой правоверных; другие считали, что наследники Али от Фатимы или любой другой его жены могут претендовать на эту роль, третьи же полагали, что только согласованное мнение всего сообщества может назвать истинно набожного и законного халифа; кроме того, в религиозных кругах витало и много других, подчас анархических идей, связанных с этим вопросом. Пожалуй, единственным, в чем сходились все мнения, было то, что Омейяды узурпировали власть халифа и следовали принципу наследования трона по рождению, который не опирался ни на племенные, ни на религиозные традиции.

Религиозная доктрина, находящаяся в оппозиции к действующей власти, очевидно, пользовалась поддержкой всех недовольных групп населения империи Омейядов. Власти не могли подавить этого недовольства, не затронув религиозных чувств. И Омейядам приходилось мириться с недовольством верующих. Так продолжалось до 744 г., когда споры о наследовании трона переросли в волну гражданских беспорядков и переворотов, длившуюся десятилетие. Победителем в этой борьбе вышел представитель клана Аббасидов¹⁶ из Мекки, и он принял титул халифа так же безосновательно, как это сделали до него Омейяды. Тем не менее Аббасидам удалось устранить некоторые источники недовольства, питавшие оппозицию власти при их предшественниках.

Первым и самым важным можно считать то, что Аббасиды решительно устранили различия между мусульманами арабского и неарабского про-

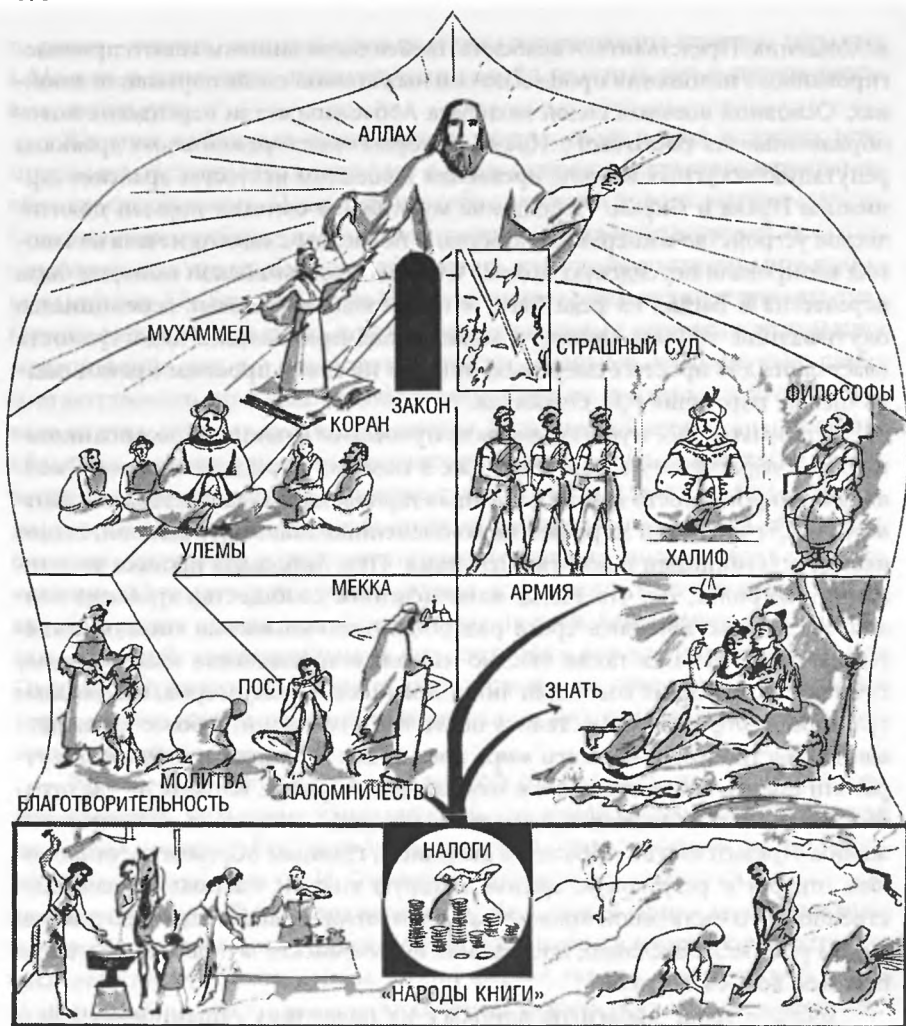
¹⁶ На Дальнем Западе мусульманского мира, в Испании, политическую власть Аббасидов не признавали, хотя правители дома Омейядов, царствовавшие там с 756 г., не провозглашали себя халифами до X в.

исхождения. Представители арабских племен были лишены своего привилегированного положения профессиональных воинов после поражений в войнах. Основной военной силой халифата Аббасидов стали персидские новообращенные из Восточного Ирана, которые подтвердили свою древнюю репутацию искусных воинов, превзойдя в военном искусстве арабские гарнизоны Ирака и Сирии. Персидские мусульмане считали нормой политическое устройство империи Сасанидов, и Аббасиды с самого начала во многом копировали персидскую модель. Столица мусульманской империи была перенесена в Багдад на реке Тигр, и помпезные дворцовые церемониалы, окутывавшие тайной личность халифа, подчеркивавшие недоступность властелина для простых смертных, пришли на смену простым нравам шатра шейха, царившие при Омейядах.

В результате все мусульмане были приведены к одинаковому повиновению самодержавному властителю. Уже в поздний период правления Омейядов изолированность арабов в военных гарнизонах стала не столь абсолютной. Арабы выходили за рамки чисто племенных взаимоотношений, становясь собственниками и землевладельцами. При Аббасидах процесс ассимиляции ускорился, так что всегда малочисленное сообщество арабских воинов быстро растворилось среди разнообразного населения городов империи. В этих условиях также быстро исчезла и преданность арабов своему племени; исключение составлял лишь Аравийский полуостров, где вековые традиции и образ жизни остались почти без изменений. В более цивилизованной части мусульманского мира племенные традиции и отношения утратили политическое значение и межплеменная рознь, которая всегда ограничивала власть Омейядов, перестала что-либо значить в политической жизни. Правительство Аббасидов опиралось главным образом на чиновничий аппарат и регулярную армию, которую вначале набирали преимущественно из воинственной иранской аристократии. Арабские привилегии при новом режиме, безусловно, пострадали, но неарабские мусульмане достигли при нем всех своих целей.

Вначале успех Аббасидов опирался на поддержку сторонников Али – шиитов¹⁷. Тем не менее халифат Аббасидов с точки зрения строгой исламской традиции был не более законным, чем халифат Омейядов, и второй халиф дома Аббасидов аль-Мансур (754–775 гг.) был вынужден подавить крупный мятеж шиитов. Его наследнику, халифу аль-Махди (775–785 гг.), все же удалось наладить отношения с большинством благочестивых радикалов – по сути, аль-Махди признал юрисдикцию улемов при решении большинства вопросов повседневной жизни. В этих условиях улемы приняли ле-

¹⁷ Аббасиды были в родстве с Али и широко этот факт рекламировали.

КОМПРОМИСС АБАСИДОВ

стную для них доктрину о том, что власть опирается на них в своих непрерывных усилиях сформировать общество по заветам бога. Сидя на базарах в качестве частных, но авторитетных особ, почитаемых обществом за набожность и знания, они толковали священный закон и применяли его в конкретных случаях. Кроме того, улемы были организаторами публичных молебнов и воспитателями подрастающего поколения. По сути, именно они

оказались истинными наследниками пророка. По сравнению с ними роль халифа во дворце, его солдат, сборщиков податей и чиновников была исключительно земной. Поэтому вопрос о том, кто будет осуществлять светскую власть и защищать общество, можно было спокойно решить исходя лишь из практических соображений.

Мусульмане, принявшие этот компромисс, стали называться суннитами, и именно они составляют большинство в мусульманском мире. Они, несомненно, отказались от некоторой части притязаний на идеальное, угодное богу общество. Некоторые мусульмане не признали этот компромисс и продолжали отстаивать миропорядок, в котором халиф и его слуги будут настолько же благочестивы, как и в славные дни Медины. Эти секты возлагали свои надежды на ту или иную линию рода Али и выступали против Аббасидов на тех же основаниях, что и их предшественники, выступавшие против Омейядов.

Тем не менее религиозно-политическое равновесие, установившееся при первых Аббасидах, продержалось почти столетие. Смешение народов способствовало расцвету исламской культуры, наиболее значительному при дворе халифа в Багдаде. Мощный экономический подъем сопровождался установлением довольно прочного мира и порядка. Купцы и ремесленники старались угодить утонченным вкусам богатых; развивалась торговля со многими странами Евразии¹⁸. Мусульманские купцы посещали Индию и Китай и проникали глубоко в степные и лесные области на севере. Христиане тоже попадали в сферу мусульманской торговли главным образом через евреев-посредников, которые могли поддерживать отношения по обе стороны границы между религиями.

Попытка переделать жизнь людей согласно воле Аллаха, которая привела к таким важным последствиям в политике, в немалой степени отразилась и на культурной сфере. В своей радикальной форме религия ислама с подозрением относилась к любой деятельности, не служащей ее интересам. Истина и красота заключены в Коране – любой другой источник, принадлежащий всего лишь человеку, может только отвлечь от богоугодных занятий. Это предполагало отрицание всех доисламских культурных достижений, включая иудейские и христианские религиозные тексты, которые, по мне-

¹⁸ К X в. банковская система, созданная евреями, позволяла переводить средства по аккредиту на большие расстояния, и финансовые запросы халифов удовлетворялись за счет займов у крупных банкиров Багдада под залог предполагаемых поступлений из всех провинций. См. Walter Fischel, «The Origin of Banking in Medieval Islam», *Journal of the Royal Asiatic Society* (1933), pp.339-52, 569-604.

нию мусульман, содержат искаженную версию божественных откровений. В связи с этим сфера мусульманской культуры оставалась удивительно узкой: изучение Корана, хадисов и арабского языка как языка ислама стали единственно дозволенными интеллектуальными упражнениями.

Все ж прошлое не забывается так быстро и полно, как того требует религия. Арабские войны продолжали высоко ценить сильно стилизованную арабскую поэзию, восходящую к языческим временам и посвященную восхвалению благородных поступков и происхождения. Ко времени Аббасидов аристократический идеал, выраженный в этой поэзии кочевников, слился с персидскими куртуазными традициями и породил светский, аристократический и благородно воинственный стиль жизни, находящийся в резком противоречии с пуританскими идеалами радикального благочестия. Остались также некоторые познания в греческой философии и науке, хотя лишь в профессиональных кругах. Греческая традиция, как языческая, так и христианская, опиравшаяся на логические рассуждения, бросала постоянный вызов вере, основанной на Коране и хадисах. И наконец, неортодоксальная религия и мистицизм также вносили свой вклад в противоречия внутри исламской культуры.

Во времена Омейядов набожные мусульмане, захваченные идеей совершенного общества под покровительством бога, смогли изолировать свое общество от внешних культурных влияний Среднего Востока. Ученые определили принципы шариата в ходе устных дискуссий, в основном в Медине, а затем их ученики и последователи провозглашали эти принципы по всей империи без каких-либо компромиссов и при полном игнорировании остальных интеллектуальных и моральных систем. При Аббасидах схема претерпела изменения. Когда большинство улемов договорилось с режимом и приняло на себя ответственность за руководство повседневной жизнью поданных огромного халифата, они уже не могли как раньше полностью игнорировать культурное наследие греков и персов. И все же радикально настроенное духовенство пошло лишь на небольшие уступки. В первом столетии правления Аббасидов была сделана официальная запись четырех больших канонов шариата, отличающихся лишь в ряде пунктов и признаваемых равно ортодоксальными. Эта кодификация священного закона придавала большую жесткость религиозному регулированию основ жизни мусульман, и это случилось как раз в тот момент, когда исламские ученые впервые были вынуждены воспринять серьезно логику и абстрактную философию греков и когда политический компромисс с Аббасидами не позволял им, как раньше, объявлять утонченных, подражающих персидским нравам придворных предателями ислама.

Служители бога не отказались от своих притязаний на души всех му-

сульман, но на практике тем, кто предпочитал следовать куртуазному или рационально-философскому идеалу, были выделены ограниченные социальные ниши, где им позволялось рисковать бессмертием своих душ. Двор халифа и аристократия, подражавшая двору, стали основными средоточиями этих неортодоксальных традиций. В остальном же, за исключением предрассудков и остатков древних верований на уровне устных преданий, в халифате доминировали исламская религия и законы шариата.

Мусульманской аристократии было не сложно примирить элементы язычества с идеалами исламской культуры. Основой ее образования был арабский язык, его тонкости и нюансы, но и хорошее знание Корана и основ шариата также считались необходимой частью образования аристократа. В этом смысле оно отличалось от религиозного только расстановкой акцентов – от ученого улема также требовалось хорошее знание арабского, необходимое для правильного понимания Корана. Хотя аристократический культ литературного языка, включающий необходимые познания в истории, географии, естественных науках и прежде всего в языческой поэзии на арабском, мог увести далеко от духа, царившего среди улемов. Роскошные условия жизни помещиков и придворных, казалось бы, не способствовали достижению святости, но, с другой стороны, аскетизм, который Мухаммед открыто порицал, не входил в число мусульманских идеалов. Так что споры между рыцарскими и религиозными идеалами носили скорее косвенный характер, а не характер лобового столкновения.

Совсем иными представляли эти противоречия в случае философов, многие из которых явно сдержанно относились к религии, данной в откровениях, и считали Мухаммеда по крайней мере человеком, который вульгаризировал истину, украсив метафизические постулаты мишурой, чтобы заручиться поддержкой невежд. Религиозные мужи в ответ относились с откровенным недоверием к доводам философов, на практике, однако, признавая, что эти люди могут быть полезны как астрологи или лекари. В этом качестве даже неблагонадежные мусульмане, не говоря уже о христианах и иудеях, находили прибежище при дворах империи и своими идеями и знаниями вносили вклад в мусульманскую культуру.

Нельзя было полностью исключить и влияние греческого наследия¹⁹. Подобно ранним христианам, набожные мусульмане оказались перед необходимостью доказывать правоту своего учения путем логических рассуждений. Таким образом, теология закрепила за собой определенное место в

¹⁹ Это наследие было опосредовано через христианскую теологию и полемику с исламом, а также проникало непосредственно через языческую философию. См. Louis Gardet and M.M. Anawati, *Introduction à la théologie musulmane, essai de théologie comparée* (Paris: Librairie Philosophique, 1948), pp. 37ff.

раннем исламе, хотя никогда не достигала такого блеска, как христианские богословские труды. Большинство мусульман предпочитали выводить религиозные доктрины прямо из текста Корана и хадисов, с подозрением относясь к богословским рассуждениям, выходившим за букву священных книг²⁰.

Кажущийся парадокс состоит в том, что исламская культура до 1000 г. была полностью изолирована от культуры своих цивилизованных соседей, несмотря на постоянные и тесные контакты. Этот парадокс легко объясним. В провинциях доминировали улемы, и их учение, основанное на Коране, шариате и хадисах, было обращено исключительно к правоверным или тем, кто собирался перейти в ислам. Мир образованной аристократии и философов был сосредоточен при дворах правителей, сначала в Багдаде, а где-то после 861 г., когда халифат стал распадаться, и при дворах других правителей, копировавших нравы дворца халифа²¹. До 1000 г. эти ограниченные, хотя и блестящие, центры просвещения мало влияли на исламский мир в целом, не говоря уже об их влиянии на христианский мир, Индию или Китай. Ислам представлялся внешнему миру как бескомпромиссная законодательная и теологическая система, которую можно было воспринимать только как единое целое.

Несмотря на существующие ограничения, исполненные изысканной элегантностью, арабская придворная поэзия и рифмованная проза наряду с объемными философскими и научными трактатами придворных философов завоевали почетное место в истории мировой культуры, возможно, еще и потому, что нигде, кроме мусульманского мира, в IX–X вв. не сохранился дух (и глубокое знание) эллинистической науки и философии.

К сожалению, арабская литература в целом, как и Коран, очень много

²⁰ Основной теологический вопрос во времена Аббасидов – вопрос о том, был ли Коран неизреченным словом божьим и потому частью божественной сущности или же он возник в определенное время и, следовательно, был творением божьим, а не его сущностью. До середины IX в. халифы поддерживали последний постулат, но мнение народа, подкрепляемое иногда уличными беспорядками в Багдаде, победило и радикальный постулат о том, что Коран есть часть божественной сущности, стал официальной доктриной.

В определенной мере это изменение доктрины отражает поражение более рационалистического подхода раннего ислама, сторонники которого, например, пытались обходить антропоморфные места в Коране на том основании, что богу, единому, вечному и трансцендентному, по логике, не свойственны человеческие черты. См. Gardet and Anawati, *Introduction à la théologie musulmane*, pp. 47–60.

²¹ Зависимость светской литературы, философии и науки от высокого покровителя объясняет довольно странное, на первый взгляд, географическое положение центров арабской науки и литературы. Они располагались на окраинах мусульманского мира, в Иране и в Испании начиная с X в. В этих странах независимые от центральной власти правители были наиболее давними и прочно стоящими.

теряет в переводе. Доисламские поэтические каноны были очень жесткими, и к тому же Мухаммед не жаловал языческих поэтов. Поэтому мусульманское завоевание не нашло того отражения в поэзии, которого оно заслуживает. Позже в роскоши дворцов халифа поэзия вернула себе былую благосклонность. Старые языческие каноны были видоизменены и грациозная лирика, воспевавшая вино и любовь, стала отражением стиля жизни роскошного двора. К X в. этот новый стиль достиг совершенства и его дополнили свободно рифмованные рассказы, эссе и поминальные тексты²².

Из памятников искусства Омейядов и Аббасидов мало что сохранилось – в главных городах этих империй сменялось население, их часто разрушали и восстанавливали. Тем не менее можно утверждать, что в архитектуре и оформлении мусульманских дворцов и даже мечетей преобладал стиль Византии и империи Сасанидов. Во дворцах Омейядов в Сирии и Ираке были найдены фрески и мозаики, которые можно легко принять за эллинистические. Запрет изображать человека был в ранний период не более чем радикальной точкой зрения, и только в X в. из мусульманского искусства стали исчезать изображения людей. Говоря в общем, триумф мусульманского искусства в 1000 г. оставался делом будущего²³.

Арабская наука и философия происходят напрямую от греков с некоторой долей идей из Индии. Почти до конца IX в. основной задачей арабских ученых было освоение эллинистического наследия. Здесь много значило чье-либо высокое покровительство. Например, халиф аль-Мамун (813–833 гг.) основал в Багдаде «Дом мудрости», где организовал перевод на арабский множества трудов с греческого, персидского (пехлеви) и санскрита. Эта работа продолжалась до тех пор, пока основные труды греческих философов и ученых, а также некоторые важнейшие санскритские и сирийские тексты не были переведены. Новые сочинения на первых порах сводились к комментариям к трудам великих – Аристотеля, Галена или Птолемея, а также к научно-энциклопедическим компиляциям.

К концу IX в., однако, ученые уже начали писать и свои работы, заметно следуя древнему эллинистическому духу. Симбиоз индийских, вавилон-

²² См. H.A.R.Gibb, *Arabic Literature, an Introduction* (London: Oxford University Press, 1926), pp.14-81; R.A.Nicholson, *A Literary History of the Arabs* (Cambridge: Cambridge University Press, 1930). В блестящем переводе на английский Эрик Шредер приводит примеры различных жанров арабской литературы и описание мусульманского общества того времени: Eric Schroeder, *Muhammad's People* (Portland, Me.: Bond Wheelwright Co., 1955).

²³ См. George Marcais, *L'Art de l'Islam* (Paris: Larousse, 1946), pp.19-60; M.S.Dimand, *A Handbook of Mohammedan Art* (2d ed.; New York: Metropolitan Museum of Art, 1944), pp.7-25, 85-91, 132-35; Ernst Diez, *Die Kunst der islamischen Völker* (Berlin: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1917), pp.7-70.

ких²⁴ и эллинистических идей способствовал открытиям и разработке некоторых научных приборов, например, точных весов, астролябии и перегонного куба. В начале IX в. математик аль-Хорезми первым стал применять индийские (наши арабские) цифры²⁵ для разработки новых видов счисления. Врач ар-Рази (ум. ок. 925), написавший большую медицинскую энциклопедию и много других работ меньшего объема, проводил химические опыты, отличавшиеся удивительной для того времени свободой от предписаний алхимиков. Еще более удивительными представляются радикальные идеи ученого-энциклопедиста аль-Фараби (ум. 952), который отрицал все формы религии, данной в откровениях, и сделал целью своей жизни построение единой философской системы на основе взглядов, выраженных у Платона и Аристотеля.

География и история вызывали у ревнителей ислама меньше подозрений, чем философия и исследовательские науки, и потому к X в. они достигли высокого уровня. Ведущим географом того времени был аль-Масуди (ум. 957), который составил описание географии мира на основании собственных многочисленных путешествий и записок других путешественников. Всеобщая история аль-Табари (ум. 923) описывала события с сотворения мира до 915 г. К восторгу современных ученых, аль-Табари в интересах истинной веры скрупулезно разобрал все конфликтующие течения в раннеисламский период.

Таким образом, теоретически невозможный, но практически удобный компромисс между ортодоксальными улемами с их законами шариата, образованной аристократией с ее изысканной литературой и философами с их рационалистическим подходом создал условия для первого периода расцвета арабской культуры при Аббасидах. Однако по мере того, как высокое стремление посвятить жизнь служению богу превращалось в заурядное использование свода законов шариата для решения повседневных проблем, ревностные верующие, как это всегда бывает, призвали к поиску новых путей. Мухаммед недвусмысленно отрицал монашество как способ служения богу, поэтому в период раннего ислама не существовало институциональной ниши для тех подвижников, которые не довольствовались исполнением законов шариата. С другой стороны, идеалы аскетизма, культивируемые христианс-

²⁴ В Харране (Северная Месопотамия) сохранилось общество ученых-язычников, которые могли передать мусульманским ученым математические знания, унаследованные от древних вавилонян. См. A.Mieli, *La Science arabe* (Leiden: E.J.Brill, 1938), pp.84-85.

²⁵ Эти цифры упоминаются сирийским епископом уже в 662 г., а в переводе «Сиддханты» с санскрита на арабский, сделанном при халифе аль-Мансуре (754–775 гг.), индийский способ арифметической нотации приводится на поколение раньше, чем аль-Хорезми использовал эти цифры в новом счислении. См. George Sarton, *Introduction to the History of Science*, I (Washington: Carnegie Institute of Washington, 1927), 493-530.

кими и буддийскими монахами, долго сохранялись на Среднем Востоке и при мусульманах, и вскоре в рамках ислама стали возникать раскольниковские течения. Организационные формы развивались медленно, но отдельные мистики появились уже при Омейядах. При Аббасидах их голос стал слышнее, и они начали разработку нового положения ислама – постулата личной и неопосредованной любви к богу. В Коране Аллах выступает главным образом как великолепный, великий, грозный и только иногда как человеколюбивый и как объект любви и поклонения. Итак, раннемусульманские мистики балансировали на грани ереси, провозглашая близость с богом на основе мистического опыта. Это выходило далеко за рамки официальных постулатов Корана.

Тем не менее мистическое течение ислама – суфизм – удовлетворяло глубинные духовные потребности и набирало силу по мере того, как правоверный ислам замыкался в рамках жестких законов. У отдельных мистиков было множество учеников и репутация святых, прямо общающихся с богом. Некоторых из них почитали после смерти, и могилы святых постепенно приобрели в исламе такое же значение, как в христианстве²⁶. Трения между мистиками и ортодоксами продолжались до XII в., когда они были сглажены теологическим подходом, допускавшим личное, мистическое отношение к богу как дополнение к обычному пути, описанному в Коране, священном предании и священном законе.

Сомнения в правоверности раннего мистицизма означали, что адепты суфизма явно ассоциировались с раскольничьими сектами ислама. Несмотря на явные центробежные тенденции, эти секты во второй половине VIII в. были уже достаточно хорошо организованы. Несогласные с компромиссом Аббасидов выступили с идеей, согласно которой в каждом поколении ореол божественной власти нисходит на какого-либо представителя рода Али, и носители этой власти – имамы – единственные правомочные вожди мусульманского сообщества. Возникли, правда, споры о том, кто же истинный имам, и различные шиитские секты, оформившиеся после 765 г., отличались как раз тем, кого они признавали носителем этой высшей власти.

Одна из экстремистских шиитских сект – исмаилиты – допускала аллегорическое толкование Корана и тем самым открывала дорогу разного рода отклонениям от ортодоксальной религии. Движение исмаилитов ушло в подполье и разработало сложную систему посвящения в тайны веры. Высшие руководители секты признавали христианство и иудаизм в качестве достойных представлений божественной истины, а рядовые члены секты,

²⁶ О суфизме см.: A.J.Arberry, *Sufism: An Account of the Mystics of Islam* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1950).

по-видимому, занимались изучением несовершенств каждой из религий, данных через откровение. Иسمайлиты развили активную миссионерскую деятельность в мусульманском мире. Они использовали этнические и социальные противоречия и скоро стали представлять реальную угрозу официальной религии. К концу IX в. несколько руководителей сект исмаилитов пришли к власти в отдаленных провинциях империи, и начались постоянные восстания исмаилитов, опиравшиеся, очевидно, на городских ремесленников в Сирии и Месопотамии²⁷. Фатимиды, секта исмаилитов в Северной Африке (909–972 гг.) и Египте (968–1171 гг.), достигли наиболее крупных успехов: им первым удалось нарушить религиозно-политическое единство ислама, отрицая властные полномочия халифа в Багдаде и провозгласив свои претензии на этот титул в 909 г.²⁸

Вторая значительная группа шиитов признавала в качестве истинных имамов других родственников Али и была намного ближе к ортодоксальной доктрине. Эти шииты никогда не брали в руки оружие для мятежа. Когда последний из признаваемых ими имамов в 837 г. умер, не оставив наследника, «двенадцатые»²⁹ ограничивались лишь осуждением алчной эпохи, не позволяющей законному главе мусульман сойти на землю³⁰.

Расколы, безусловно, ослабили позиции Аббасидов. Кроме того, во второй половине VIII в. хорошо вооруженные мятежники на окраинах халифата практически отвоевывали независимость своих провинций. Сирийско-Иракская метрополия оставалась под властью Багдада до 945 г. (правда, власть эта была несколько номинальной), но сам Багдад зависел от тюркских воинов-рабов, которые со времен халифа аль-Мутасима (833–842 гг.) стали опорой власти халифов. Халифы не могли ни возвратить сектантов в

²⁷ Быстрое распространение особого вида ремесленных гильдий, которые иногда приобретали политическое значение в мусульманском мире начиная с X в., можно считать внешним признаком роста этого движения шиитов. См. Bernard Lewis, «The Islamic Guilds», *Economic History Review*, VIII (1937), 22–26. Неясная история религиозных революционных движений в эпоху Сасанидов (манихейства и маздакизма) может служить своего рода аналогом роста популярности этих исламских сект.

²⁸ Род Фатимидов брал начало от Фатимы, дочери Мухаммеда и жены Али, и именем своих могущественных предков претендовал на роль имамов истинной веры. Когда они пришли к власти в Северной Африке, вся секта исмаилитов признавала их лидерство. Позднее, когда их положение правителей вынудило их пойти на компромисс и отказаться от наиболее радикальных постулатов учения исмаилитов, сторонники чистой веры от них откололись. Об исмаилитах см. Bernard Lewis, *The Origins of Isma'ilism* (Cambridge: W. Heffer & Sons, 1940).

²⁹ Называемые так, поскольку они признавали двенадцать имамов после Али.

³⁰ Поминальный ритуал в память Хусейна, сына Али, убитого в 680 г. во время мятежа против Омейядов, стал основным в молитвах «двенадцатых». Некоторые части этого ритуала очень напоминают элементы более древних религий Среднего Востока, которые включали ритуал отмечания смерти и воскрешения бога плодородия.

лоно правоверной религии, ни подавить мятежи. В конце концов распад центральной власти позволил сначала персидским (945 г.), а потом тюркским (1055 г.) авантюристам захватить власть в Багдаде, а в это время десятки провинций, раздираемые этническими и религиозными конфликтами, боролись за власть в империи Аббасидов.

Однако распад империи не прервал процесс развития исламской культуры. Возникшее после распада множество более мелких государств предоставило ученым и литераторам более широкие возможности: они могли теперь пользоваться покровительством большего числа властителей. В ту эпоху децентрализация науки и утрата учеными привилегированных постов при дворе халифа привели к тому, что философия, наука и литература стали искать пути согласования своих идей с официальной теологией, законами шариата и мистическими течениями ислама.

В то же время вторжение тюркских племен из северных степей придало исламу новую военную энергию, проявившуюся вскоре в приграничных конфликтах мусульманского мира с соседями-христианами и индустами. Таким образом, в культурно-религиозном и военно-политическом смысле, ислам вступил в новую фазу своего развития примерно в 1000 г.³¹

³¹ В дополнение к книгам, цитируемым отдельно, по ранней истории ислама я обращался также к следующим работам: H.A.R.Gibb, *Mohammedanism: An Historical Survey* (New York: Mentor Books, 1953); H.A.R.Gibb, *The Arab Conquests in Central Asia* (London: Royal Asiatic Society, 1923); Bernard Lewis, *The Arabs in History* (2d ed.; London: Hutchinson, 1954); Alfred Guillaume, *Islam* (Harmondsworth: Penguin Books, 1954); Ignac Goldziher, *Vorlesungen über den Islam* (2d ed.; Heidelberg: Carl Winter, 1925); Gustave E. von Grunebaum, *Medieval Islam: A Study in Cultural Orientation* (2d ed.; Chicago: University of Chicago Press, 1953); G. von Grunebaum (ed.), *Unity and Variety in Muslim Civilization* (Chicago: University of Chicago Press, 1955); G. von Grunebaum, *Islam: Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition* («American Anthropological Association Memoirs», No.81 [April, 1955]); Carl Brockelmann, *History of the Islamic Peoples* (New York: G.P.Putnam's Sons, 1947); Edward G.Browne, *A Literary History of Persia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1956); T.W.Arnold, *The Preaching of Islam* (2d ed.; London: Constable & Co., 1913); T.W.Arnold, *The Caliphate* (Oxford: Oxford University Press, 1924); Berthold Spuler, *Iran in früh-Islamischer Zeit* (Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1952); A.J.Wensinck, *The Muslim Creed* (Cambridge: Cambridge University Press, 1932); Maurice Gaudet-Demombynes, *Muslim Institutions* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1950); M.Gaudet-Demombynes, *Le Monde musulman et byzantin jusqu'aux Croisades* (Paris: E. de Boccard, 1931); Louis Gardet, *La Cité musulmane, vie sociale et politique* (Paris: J.Vrin, 1954). Особо обязан я, однако, пока еще не опубликованной работе «Manual of Islamic Civilization», подготовленной Marshall G.S.Hodgson в рамках курса лекций «Введение в исламскую цивилизацию» («Introduction to Islamic Civilization»), прочитанных в Чикагском университете.

В. ХРИСТИАНСКИЙ МИР

В первые шесть столетий своего существования христианство распространялось во все стороны, как волны по воде, из своего исторического центра зарождения в Палестине. Экспансия христианства на запад, в Европу и Северную Африку шла одновременно с менее активным расширением в восточном направлении – в Месопотамию, Армению, на Кавказ, а также на юг в сторону Нубии и Абиссинии. Усиление ислама, сопровождавшееся сменой веры христиан и переходом их в магометанство, полностью изменило географию этих религий, лишив христиан возможности свободно и безопасно распространять свою веру по периферии мусульманского мира. Христианство полностью отступило из древних центров своего возникновения, и лишь на крайних флангах Леванта – в горных районах Абиссинии и на Кавказе – образовались однородные христианские сообщества, продолжавшие существовать даже в продолжительные периоды мусульманских завоеваний³².

Если бы Константинополь попал в руки мусульман, а это дважды едва не произошло³³, европейское христианство могло постигнуть аналогичное рассредоточение по отдельным изолированным территориям. Вытесненные из Средиземноморья, однородные в своей вере христианские общества смогли бы выжить лишь в отдаленной лесной глуши да разрозненных сельскохозяйственных сообществах Северо-Западной Европы. Однако на этот раз стены столицы Константина на Босфоре устояли. Именно по этой причине европейский христианский мир как географически, так и в культурном отношении смог пережить соседство такого влиятельного соперника, как ислам.

Однако угроза со стороны ислама все же привела к радикальным изменениям. До 717–718 гг., которые стали особой точкой в истории, Византия боролась не на жизнь, а на смерть за контроль над морем с омейядскими

³² Безусловно, многочисленные общины христиан продолжали существовать в границах территорий, покоренных исламом. Лишь во времена Аббасидов они стали религиозным меньшинством, зачастую ограниченным особыми указами и в деятельности, и в имущественных правах. Хотя в ряде случаев их роль в финансах, управлении и науке была непропорциональна численности, эти осколки христианства были уже не частью окружающего их исламского мира, а скорее сектами в исламском социуме.

³³ В 673–680 гг. флот халифа установил блокаду Константинополя непосредственно со стороны Мраморного моря. Только использование «греческого огня» (легковоспламеняющейся смеси, возможно, лишь недавно изобретенной к тому времени, точный химический состав которой до сих пор неизвестен) заставило мусульманский флот отойти. Как мы уже знаем, в 717–718 гг. мусульмане снова блокировали Константинополь, на этот раз и с суши, и с моря. Город был спасен только после того, как внутренние потрясения вознесли на имперский трон одаренного полководца Льва III.

халифами. Все три попытки в исламском стремлении установить контроль над Средиземноморьем потерпели неудачу. Перенеся столицу ислама в Багдад, Аббасиды отказались от подобных попыток. Но в это же время мусульмане ворвались в Средиземноморье с запада, лишив Византию ее последней цитадели на севере Африки (698 г.), завоевав большую часть Испании и часть Нарбонской Галлии (717 г.).

В то время как христианский мир с огромными усилиями и переменным успехом боролся с исламом, возникла угроза новой волны нашествия кочевников с севера. Образование конфедерации тюркских племен в Монголии и Алтайско-Уральском регионе в 552–565 гг. вызвало переселение огромных орд кочевников, известных в европейской истории как авары, на южные окраины России. Там их силы объединились с кочевниками, заселившими эти районы еще раньше. В 567 г. авары вторглись на равнины Венгрии, уничтожив одно из германских племен – гепидов – и вынудив другое племя – лангобардов – бежать в южном направлении. В последующем столетии аварские всадники не раз опустошали целые области в глубине Балкан, не раз появляясь даже непосредственно под стенами Константинополя. Эти рейды аваров привели в дальнейшем к двум этническим изменениям с далеко идущими последствиями: к захвату Италии лангобардами (568 г.), что лишило возможности Византию управлять этим полуостровом, и к вытеснению крестьян, говоривших на латыни и греческом языке, в более безопасные зоны в горах и на побережье. Их места стали занимать славяне, поддерживавшие свое существование примитивным сельским хозяйством со случайным выбором обрабатываемых земель и с орудиями производства, мало чем отличавшимися от тех, которые дорийцы использовали в Греции еще 1500 лет тому назад³⁴.

³⁴ В какой мере славяне вытеснили народы, ранее заселявшие Балканы, остается предметом научного спора до сих пор. В работе: J.P.Fallmerayer, *Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters* (Stuttgart: J.G.Cotta, 1830) доказывалось, что произошла полная славянизация полуострова. Рассмотреть сведенные аргументы «за» и «против» можно в работе: A.A.Vasiliev, *History of the Byzantine Empire* (new ed.; Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1958), I, 176–79.

Скорее всего отвечает действительности утверждение о том, что всякий раз, когда славянская колонизация охватывала зоны со средиземноморским климатом, начинала происходить их быстрая эллинизация (либо латинизация, как по Адриатическому побережью). Это, вероятно, объясняется тем, что характерная социальная единица древних славян, задруга, была плохо приспособлена для полукommerческого сельского хозяйства Балкан, где преобладало выращивание винограда и маслин. Задруга обычно объединяла несколько небольших семей, связанных правом наследования от общего предка, – доходы и потери от хозяйствования делились между всеми членами задруги. Этот вид социальной единицы, вероятно, давал существенные преимущества при ведении натурального хозяйства в условиях, близких к анархии, когда жизнь и здоровье членов общины находились в постоянной опасности. При этом отдельное семейное хозяйство, которое, по римскому праву, являлось обычным субъектом хозяйственной деятельности среди прежних народов Балкан, легко могло исчезнуть в случае

Внутренние раздоры, разжигаемые китайской дипломатией, вскоре после 630 г. привели к распаду огромной Тюркской конфедерации. Но часть членов конфедерации, большинство которых находилось на востоке, быстро создала новые, хотя и меньшие, но все же огромные политические структуры на пространстве между Кавказом и низовьями Волги. Наиболее крупными из этих государств были Волжская Булгария и Хазарский каганат. В каждом из этих образований доминировали тюркоязычные племена, хотя, несомненно, присутствовали и другие языковые группы населения. Примерно в середине VII в. хазары, очевидно, нанесли поражение волжским булгарам, подчинив часть из них своему правлению и вынудив других бежать на запад, в низовья Дуная, где они и появились в 679 г. После этого положение в западной степи оставалось относительно стабильным целое столетие³⁵.

Византийская дипломатия сделала все что могла, чтобы использовать Хазарский каганат как противовес и булгарам, и мусульманам. Императоры способствовали развитию торговых отношений с хазарами и не гнушались брать в жены хазарских принцесс. Однако Византия оказалась неспособна предотвратить создание на равнине в низовьях Дуная мощного государства, где ушедшие на запад булгары обрели свою новую родину. Со временем булгары, смешиваясь с покоренными славянами, ассимилировались и приняли язык славян. В результате разрозненные славянские племена на востоке и в центре Балкан создали централизованную военно-политическую структуру, которой ранее они не знали. Возможность использовать относительно многочисленные людские ресурсы для пополнения армии сделали Болгарское царство в IX–X вв. наиболее грозным соперником Византии.

Тем временем сопоставимые, хотя и менее радикальные, перемещения народов происходили в Западной Европе. Королевством франков, основанном Хлодвигом (ум. 511), до 751 г. управляли его наследники, хотя фактически после 638 г. короли из правящего дома Меровингов царствовали только номинально. Королевство было разделено между двумя ветвями коро-

потери старшего мужчины в семье. Подобное бедствие в задруге не приводило к исчезновению хозяйства, поскольку другие члены задруги, конечно, поддержали бы вдову и ее детей. О задруге см. работы: Philip E. Mosley, «The Peasant Family: The Zadruga, or Communal Joint Family in the Balkans, and Its Recent Evolution», in Caroline F. Ware (ed.), *The Cultural Approach to History* (New York: Columbia University Press, 1940), pp. 95–108.

³⁵ Хазары вступили в тяжелую борьбу с мусульманами, и на какое-то время после серьезного военного поражения хазарский хан даже вынужден был принять ислам (737 г.). Волнения, связанные с переворотом Аббасидов (737–751 гг.), привели к ослаблению исламского давления, и правящей верхушкой хазар был принят иудаизм. Это была демонстрация духовной независимости как от исламского, так и от христианского мира.

Мои замечания относительно истории западной степи в этот период основаны на работах: René Grousset, *L'Empire des steppes* (Paris: Payot, 1939), pp. 124–42, 226–38; D. M. Dunlop, *The History of the Jewish Khazars* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1954), pp. 41–170.

левского рода, но в действительности власть находилась в руках воинственной местной знати. Основной политической фигурой того времени был особый управляющий королевского дворца – майордом. Именно он обладал теми королевскими правами, которые знать еще не успела узурпировать. В 687 г. Пипин Геристальский получил право на управление в качестве майордома обоими дворцами каждой королевской ветви Меровингов и таким образом эффективно воссоединил Франкское государство. Более того, он конфисковал состояния своих противников, живших преимущественно в некогда римской провинции Галлии, и передал их своим новым приверженцам из Рейнских земель в Германии. Это было равносильно второй волне германского вторжения; прежние франкские правители Галлии к тому времени стали, по крайней мере частично, латинизированными³⁶.

В то время как франки с непрочным успехом пытались сохранить элементы римской культуры и способов администрирования в Галлии и параллельно вести к цивилизации чисто германские сообщества Прирейнских земель, происходил удивительный процесс смены религии и развития культуры на островах Британии. Христианская культура кельтов в Ирландии достигла апогея своего развития в VI–VII вв. Успех ирландских миссионеров в Шотландии и на севере Англии был продолжен на континенте св. Колумбаном (ум. 615). Именно он основал три наиболее известных и влиятельных монастыря на континенте: Люксей в Бургундии, св. Галла на южном берегу Боденского озера и Боббио в Северной Италии. Вторая волна миссионерской деятельности достигла Британских островов в 597 г., когда папа Григорий I Великий направил из Рима в Кент св. Августина. В результате две

³⁶ В 732 г. Карл Мартелл, сын Пипина и его наследник, счел удобным распространить процесс конфискации имущества, начатый его отцом, на церковные земли в Галлии. Но он милостиво разрешил прелатам сохранить номинальное владение этими землями, требуя от епископов и настоятелей, чтобы доходы от церковных земель полностью передавались войнам. Предполагалось, что по приказу Карла люди, содержавшиеся за счет доходов с этих земель, встанут под его знамена, при коне и доспехах. Таким способом значительные отряды катафрактов, или, используя более привычное европейское название, рыцарей, были впервые созданы на франкской земле.

По сравнению с прежними пехотинцами-германцами был сделан огромный технический шаг вперед. Конные отряды использовали высокую подвижность как на поле боя, так и на марше. Это было известно еще с тех времен, когда люди впервые освоили езду верхом. Еще существенней оказалась способность наносить мощные удары, используя стремена и атакуя противника с копьем наперевес. При этом в удар копыя вкладывался полный вес человека и лошади, и только аналогичным образом оснащенный всадник, несущийся навстречу, мог надеяться противостоять такой силе. Чтобы эта тактика боя была эффективной, требовались как длительное обучение воинов, так и чрезвычайно дорогое оружие и снаряжение. Именно по этой причине и нужна была затеянная Карлом Мартеллом конфискация собственности. См. Lynn White, *Medieval Technology and Social Change* (Oxford: Clarendon Press, 1962), 1-38, где эффективно обобщены результаты предыдущих дискуссий и подведена итоговая черта.

несколько разнящиеся формы христианства, одна из которых вела свое происхождение из Рима, а другая из Ирландии, вступили в борьбу за первенство в Англии. На Синоде в Уитби 664 г. английская церковь решила дело в пользу римской версии христианства. После этого англосаксонские королевства Англии, и в частности Нортумбрия, где ирландское влияние было особенно сильным, достаточно быстро приняли культурные традиции христианского мира в его латинском варианте³⁷. К VIII в. англосаксонская религиозная культура и набожность населения были значительно выше, чем в Галлии.

После 750 г. христианский мир получил передышку от постоянных посягательств и вторжений извне. На востоке Византия использовала свое морское могущество, чтобы прервать торговые контакты исламских Сирии и Египта с остальной частью Средиземноморья. В результате торговые пути сместились к северу. Крымские порты Византии стали важными торговыми центрами, связавшими Север с Востоком сначала по лесным рекам Руси, а затем далее – через открытые степи Поволжья. Трапезунд на южном берегу Черного моря стал хорошо обустроенным портом легального ввоза и вывоза товаров, поступающих через Багдад из портов Персидского залива. Аббасидские халифы не были враждебны к такой схеме торговых путей; новые торговые отношения, устанавливаемые Византией, приводили к увеличению значения и преуспеяния Ирака при одновременном снижении влияния прежних опорных пунктов Омейядов в Сирии и Египте³⁸.

В западном христианском мире победы Пипина Геристальского над его

³⁷ Теодор из Тарса, архиепископ Кентерберийский в 669–690 гг., был в значительной степени ответствен за переход английской церкви полностью в лоно римского папства. Его карьера, начавшаяся в Малой Азии, в месте рождения св. Павла, и продолжавшаяся сначала в Риме, а затем в Кентерберии, демонстрирует реальное единство христианского мира в этот период, несмотря на всю его политическую раздробленность.

³⁸ В работе: A. Lewis, *Naval Power and Trade in the Mediterranean 500–1100*, pp. 89–131 доказывается, что это была настоящая экономическая война Византии, начавшаяся в 693 г., но набравшая силу лишь после 718 г., когда флот Византии снова смог патрулировать морские пространства. Именно эти действия Византии оборвали экономические связи Франкского королевства с Левантом, которые поддерживались еще со времен Меровингов и основывались на торговле рабами и лесными товарами для нужд производства на Востоке. Византия же всегда имела под рукой рабов и лесные товары, поставляемые в избытке из Северного Причерноморья, и не нуждалась ни в каких поставках из Галлии. По этой причине морское могущество Византии вредило и франкской, и сирийской экономике. Более того, из-за политической конкуренции между франками и византийцами в Италии власти Византии не способствовали торговле, которая давала бы дополнительный источник доходов франкам и помогала бы росту силы государства Каролингов.

Таким образом, Льюис ставит с ног на голову известный тезис Пиренна, возлагая ответ-

соперниками естественным образом привели к созданию Каролингской империи. Его внук Пипин Короткий первый придал официальный титул власти, которой обладали и он, и его предшественники, – в 751 г. он провозгласил себя королем. Его сын и престолонаследник Карл Великий (768–814 гг.) распространил власть франков до пределов, которые не были превзойдены никогда. В эпоху Карла Великого армия франков, состоящая из крестьянской пехоты, подкреплённой грозной мощью профессиональных конных отрядов, проводила военные кампании практически ежегодно. Она подчинила Саксонию на северо-западе Германии, форсировав Эльбу, вторглась в земли славян и даже razорила поселения аваров в Венгрии. На юге франки аннексировали королевство лангобардов в Италии и оттеснили мусульман за Пиренеи. Эти военные успехи позволили Карлу Великому бросить прямой вызов имперским прерогативам Константинополя – и он сделал это, приняв в Риме из рук папы корону «Императора римлян» на Рождество 800 г.

Карл Великий и его предшественники обратили в христианскую веру все германские народы Европы (кроме Скандинавии). Упрямых саксонцев обращали франкские мечи, а для более миролюбивых фризов, баварцев, тюрингов христианские церкви создавались усилиями миссионеров, таких как св. Виллиброрд (ум. 738) или св. Бонифаций (ум. 754). Франкские правители щедро поддерживали эти усилия миссионеров, разрешая, например, передачу обширных земель для поддержки недавно основанных монастырей и епископств. Христианская вера, таким образом, наряду с ростом социальной дифференциации общества постепенно приобщала германские племена к латинизированному обществу более южных стран³⁹.

Отсюда видно, что относительная защищённость христианского мира от внешних вторжений в течение второй половины VIII в. давала возможность и Византии, и франкам глубже проникнуть в континентальную Европу. Византийское проникновение происходило главным образом через торговлю, франки же распространяли свое влияние военной силой и за счет обращения покорённых народов в новую веру, но в результате и на Востоке,

ственность за свертывание торговли между Сирией и франками не на арабские завоевания, как это делает Пиренн, а на особенности византийской торговой политики. См. Henri Pirenne, *Mohamet et Charlemagne* (7th ed.; Paris: Félix Alcan, 1937); Robert S. Lopez, «East and West in the Early Middle Ages: Economic Relations», *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, III (Florence: G. C. Senisoni, 1956), 113–63; Bryce Lyon, «L'Œuvre de Henri Pirenne après vingt-cinq ans», *Le Moyen Age* (1960), 437–93.

³⁹ Христианизация ускорила процесс социальной дифференциации в германском обществе: христианское учение не только возвеличивало власть и святость короля, но и самим наличием принципа иерархической церковной организации доносила новую, не племенную и авторитарную концепцию социального устройства общества в самые отдалённые уголки государства.

и на Западе территория распространения христианства была расширена, а его социальное значение существенно возросло.

И все же с точки зрения христианства в целом все эти достижения были сведены на нет возникновением острого конфликта между латинской и греческой половинами христианского мира. Византийский император Лев III Исавр (717–741 гг.) положил начало разногласиям в 726 г., изъяв из церквей образы Христа, Богородицы и христианских святых. Такая борьба с широко распространенной религиозной традицией вызвала сопротивление внутри страны, особенно в среде монахов; эти действия вызвали также осуждение папством и всем латинским христианским миром. Тем не менее власти Византии по-прежнему запрещали иконы до 787 г., когда церковный собор восстановил почитание религиозных образов. Затем в 815 г. императоры вновь склоняются к иконоборчеству, и лишь в 843 г. с возвращением к прежней политике иконопочитания этот религиозный спор закончился⁴⁰.

Иконоборчество ознаменовало начало фундаментальных изменений в отношениях папства с Византией. После распада Западной Римской империи римские папы постоянно испытывали необходимость в дипломатической или военной поддержке Константинополя в своей борьбе против остготов, исповедовавших арианство, и против варварских племен лангобардов. Это существенно ограничило папскую независимость. Однако к VIII в. возрождение Франкской монархии к северу от Альп давало возможность римским папам маневрировать между двумя великими государствами христианского мира. В подтверждение этого папа Стефан II в 754 г. достиг выдающегося успеха, прибыв ко двору Пипина Короткого для помазания того на королевский франкский престол – таким образом освящая титул, который Пипин узурпировал тремя годами ранее. В благодарность Пипин вторгся в Италию и, разгромив лангобардов, врагов папы римского, утвердил его власть на территории всей Италии, от Равенны до Кампаньи. Когда этот союз

⁴⁰ Какие силы стояли за иконоборчеством, до конца не ясно. Лев III был профессиональным военным с типичной для востока Малой Азии карьерой. Он пришел к власти путем военного мятежа, низложив Феодосия III в результате кризиса власти при осаде Константинополя в 717–718 гг. Омейядами. Его иконоборчество, возможно, было вызвано личными религиозными убеждениями либо желанием предупредить исламскую критику христианского идопоклонства. Возможно, он стремился примирить пуританские чувства и убеждения, присущие восточным районам Малой Азии, откуда вербовались в армию Византии наиболее умелые воины, а возможно, он просто хотел лишить монастыри части их власти и богатства. Конечно, имелась значительная поддержка иконоборческой политики императора, особенно в армии, но все сведения об этом настолько полно уничтожены победившими иконопочитателями, что восстановить причины и мотивы иконоборчества практически невозможно. См. A.A. Vasiliev, *History of the Byzantine Empire*, I, 251–58, 263–64; P.J. Alexander, *The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire* (Oxford: Clarendon Press, 1958), 111–25, 214–25.

между Франкской монархией и папством завершился провозглашением Карла Великого императором «Священной Римской империи» и коронацией провел папа Лев, оскорбленная Византия уже ничего не могла поделать⁴¹.

Вскоре после смерти Карла Великого расширение трещины в отношениях между восточной и западной частями христианского мира, однако, приостановилось – обе они подверглись атакам извне. Прежде всего южный фланг христианства внезапно стал уязвимым, когда Византия с появлением исламских государств на севере Африки потеряла контроль над морскими проливами. Это было продемонстрировано в 827 г., когда мусульманские пираты захватили Крит, и в это же время произошло вторжение в византийские владения в Сицилии. Поколением позже, руссы – воины и торговцы, спустившись по рекам России (автор книги, написанной в 60-е гг. XX в., так называет территорию бывшего Советского Союза. – *Прим. пер.*) к Черному морю и бросив вызов морскому господству Византии, уже в 860 г. непосредственно осадили Константинополь. Ослабленный флот Византии не мог ни эффективно бороться с руссами, ни защищать Средиземноморское побережье от исламских пиратов и авантюристов⁴².

Усилия мусульман, таким образом, вызвали снижение эффективности торговых ограничений, установленных Византией, и стимулировали быстрое развитие и процветание всего побережья Северной Африки. Торговля через пустыню Сахара, снабжая средиземноморские государства золотом и рабами, привела к возникновению первых государств Черной Африки в областях к югу от Сахары. В мусульманской Испании также наступает золо-

⁴¹ В 812 г. при передаче значительной территории на северо-восточном побережье Адриатики восточный император признал и, таким образом, узаконил право Карла Великого на его титул.

⁴² В 904 г. второй по величине город Византийской империи, Салоники, был захвачен и разграблен во время морского набега мусульман. Только захват самого Константинополя мог предоставить более яркое доказательство упадка византийского морского могущества.

В работе: A.Lewis, *Naval Power and Trade in the Mediterranean*, pp.120-31 была выдвинута интересная гипотеза причин такого упадка византийского флота. Автор объясняет его принципиально неправильной торговой политикой, которую империя установила в начале VIII в. Эта политика, как считает Льюис, ограничивала морское предпринимательство греков и замораживала сирийскую и египетскую торговлю. Поскольку разрушался греческий торговый флот, освободившееся место сразу стало занимать полупиратское предпринимательство итальянских и североафриканских браконьеров, которых уже нельзя было контролировать из Константинополя. Материальные и людские ресурсы военно-морских сил Византии сокращались до тех пор, пока изменение мощи торгового флота окончательно не показало смену баланса сил в Средиземноморье к 827 г. Этот интересный тезис, возможно, не только подозрительно созвучен современным либеральным принципам торговли, но и соответствует истине.

той век только после того, как было разрушено господство Византии в Средиземноморье.

Тот факт, что с начала IX в. и Византия, и Франкское государство испытывали трудности на своих сухопутных границах, помогает объяснять успехи мусульманского мира на море. Ослабление давления Омейядов на хазар после 744 г. привело к тому, что Хазарская конфедерация племен расширилась по всем направлениям. Хазарские орды совершали набеги в Закавказье, покорили большие, хотя точно неизвестно, какие именно, территории юга России и вызвали новую волну переселения кочевников на запад. Вероятно, в 893 г. хазары вместе со своими союзниками из Сибири разбили печенегов, которые занимали территорию между реками Волга и Урал. Печенеги бежали на запад и осели на территории мадьяр, конфедерации финно-угорских и тюркских племен, которые как союзники хазар в это время, вероятнее всего, располагались в средней части Русской степи. Мадьяры в свою очередь бежали на запад и в 895 г. достигли самой дальней окраины Европейской степи – Венгерской низменности. Печенеги за ними не последовали и остались в области между низовьями Дуная и Днестром⁴³. Оба новых соседа христианских народов сразу же перешли к набегам и грабежу, широкому и повсеместному, хотя время от времени Византия использовала диких печенегов для борьбы с полуцивилизованными болгарами, которые, пользуясь падением военной мощи византийцев, возобновили свои нападения на Константинополь в 913–924 гг.

В то время как хазары изгоняли остатки орд своих соперников через степи на беду слабо защищенного христианского мира, другой центр беспокорства возник в Скандинавии. Начиная с конца VIII в., хотя в полную силу их действия развернулись лишь в IX–X вв., дружины викингов на своих кораблях, выйдя из скандинавских фьордов, прошли с огнем и мечем вдоль и поперек всего западного христианского мира. Малая осадка их судов позволяла викингам заходить далеко в реки Среднеевропейской равнины, поэтому даже внутренние области континента не были защищены от грабежей викингов. На востоке Европы реки России предоставляли наиболее широкие возможности, и скандинавские речные разбойники вскоре установили политический контроль над всеми водными путями России⁴⁴. Расширяя завоевания, руссы, как стали зваться эти скандинавы, вскоре столкнулись на

⁴³ Географических подробности этих перемещений до конца не ясны. Но см. работы: D.M.Dunlop, *History of the Jewish Khazars*, pp.196–204; C.A.Macartney, *The Magyars in the Ninth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1930); George Vernadsky and Michael de Ferdinandy, *Studien zur ungarischen Frühgeschichte* (Munich: Verlag R.Oldenbourg, 1957).

⁴⁴ Монеты Сасанидов, Омейядов и Аббасидов, которые находят в Скандинавии, доказывают существование хорошо развитой торговли между Ближним Востоком и Скандинавией в

юго-востоке с хазарами. В конце концов руссы одержали победу. Примерно через столетие после того как в среднем течении Днепра было основано мощное военное и торговое укрепление (862 г.), руссы уже были в состоянии захватить и разграбить столицу Хазарского каганата на Волге в 965 г. Хазары уже никогда не смогли оправиться от этого удара, возможно, потому что основная прибыль от торговли между северными лесными странами и цивилизованным миром юга уже перешла из рук хазар в руки руссов⁴⁵.

Государство Каролингов распалось под ударами викингов, венгров и арабов. Но Византия выжила, частично за счет разумной дипломатии, которая часто натравливала одного из врагов Византии на другого, отчасти за счет финансовой силы, которую давала ее торговля, и частично благодаря военным резервам и войскам в Малой Азии. Возрождение византийского влияния стало явным после 867 г., когда на трон взошел талантливый полководец, основавший, под именем Василия I, Македонскую династию.

Наиболее значимым событием для восточного христианского мира в это время было крещение славян. В 863 г. святые Кирилл и Мефодий рискнули проповедовать христианство в глубине Центральной Европы среди жителей Чехии и Моравии.⁴⁶ Чтобы облегчать задачу, св. Кирилл адаптиро-

удивительно ранние периоды истории. Проникновение руссов по рекам на территорию Руси, возможно, началось в конце VIII в., но похоже, что приблизительно к 840 г. коренное население вытеснило их. Лишь повторное призвание варягов позднее, в 862 г., когда возникла потребность в их военном мастерстве при защите от вторжения хазар (а возможно, и от посягательств венгров), дало им возможность ощутить собственную власть. См. George Vernadsky, *A History of Russia* (new rev. ed.; New Haven, Conn.: Yale University Press, 1944), pp.19–30; Archibald R.Lewis, *The Northern Seas: Shipping and Commerce in Northern Europe, A.D. 300–1100* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1958), pp.270–74; S.F.Cross, «The Scandinavian Infiltration into Russia», *Speculum*, XXI (1946), pp.505–14; F.Dvornik, *The Making of Central and Eastern Europe* (London: Polish Research Center, 1949), pp.5, 61–64.

⁴⁵ Своим успехом руссы, возможно, были обязаны в основном превосходством в живой силе, поскольку воины-варяги, как и болгары, быстро ассимилировались в среде славян, которыми они и управляли. Основную долю населения государства руссов составляли оседлые крестьяне, в то время как власть хазар, вероятно, распространялась исключительно на кочевые образования, по определению гораздо меньшие по своей численности.

Тактика и стратегия речной войны и торговли остаются полностью неясными. Если преобладали рукопашный бой и абордаж, то военные преимущества кочевников на суше теряли свое значение в борьбе за контроль над водными путями. Всадники кочевников, конечно, могли беспокоить караваны судов, обстреливая их стрелами с суши, но едва ли могли так остановить продвижение судов, если только пороги не делали дальнейшее продвижение невозможным либо нападение происходило в месте волока из одной речной системы в другую. Но большинство волоков лежало в глубине лесов, в верховьях русских рек и вне контроля кочевников. А вот территории, где были пороги, подобные днепровским вблизи современного Днепропетровска, представляли собой открытые степи и становились ареной открытого столкновения кочевников и руссов за контроль над водными путями.

⁴⁶ См. Matthew Spinka, *A History of Christianity in the Balkans: A Study in the Spread of Byzantine Culture among the Slavs* (Chicago: American Society of Church History, 1953), pp.22–56.

вал греческий алфавит под особенности местной речи и таким образом дал славянам письменность. В отличие от Римской церкви, которая сделала латинский язык единственным законным языком службы и администрирования, греческие иерархи были готовы позволить использование разговорных языков в литургических целях. Соответственно, когда Болгария была крещена (после 865 г.) и в орбиту христианства вошел многочисленный славяноязычный народ, был разработан новый литературный язык (ныне называемый старославянским), основанный непосредственно на болгарской речи. В конце IX в. оказалось, что восточный христианский мир стал двуединым, состоящим из совокупности греческого и славянского сообществ, так же как и христианский Запад в свое время разделился на народы, говорящие на латыни и на германских языках. В следующем столетии крещение славян на Руси в 989 г. расширило границы христианского мира на север, в лесные зоны Восточной Европы, и увеличило значение славянского элемента в греко-славянском культурном сплаве, в который превратилось восточное христианство.

Какое-то время крещенные славяне, казалось, собирались покорить саму Византию. Принятие христианства не отвратило болгарских монархов от претензий на императорский трон Константинополя: напротив, по мере знакомства с благами византийской цивилизации болгарские амбиции лишь обострялись. В IX–X вв. эти две империи развязали ряд все более кровопролитных войн, кульминацией которых явилось завоевание и присоединение Болгарии императором Василием II в 1014 г. В течение X в. византийской армии удалось отвоевать у мусульман и присоединить север Сирии (968 г.) и Армению (1020 г.), хотя эти успехи империи скорее можно объяснить просчетами исламской политики, чем реальным увеличением военной мощи Византии. Отчасти восстановленная морская мощь Византии также смогла отвоевать Кипр и Крит, хотя ни исламские, ни итальянские пираты так никогда и не признали военно-морского превосходства византийцев.

Западная Европа гораздо медленнее оправлялась от варварских и мусульманских набегов IX в. И все же со второй половины X в. процесс возвращения утраченных территорий стал очевиден. Ослабели набеги викингов, так как в Скандинавии стали постепенно создаваться государственные образования – королевства. Эти королевства, в свою очередь, принимали христианство и таким образом в течение второй половины X – начала XI вв. становились, по крайней мере частично, цивилизованными сообществами. В это же время Оттон Великий, король Германии, нанес венграм сокрушительное поражение (955 г.), а уже следующее поколение мадьяр в 1000 г. приняло христианство. Это расширение латинского христианского мира, происходившее параллельно с почти одновременным проникновением пра-

вославною христианства в глубь Балкан и Руси, означало, что к 1000 г. почти вся Европа была собрана, по крайней мере внешне, в границах христианской культуры. Лишь относительно небольшая область на южном побережье Балтийского моря осталась нетронутой христианством; законсервированное язычество и родоплеменной строй сохранились там вплоть до XIII в.

Можно сказать, что под давлением ислама в 800–1000 гг. от Рождества Христова европейский христианский мир откатывается от Средиземноморья. То море, вокруг которого развилась античная цивилизация, стало ничейной полосой, где грабили и торговали и мусульмане, и христиане (не говоря уже о маврах и египтянах, франках и греках), и при этом именно здесь началось смешение их столь разнящихся культур. Но при всех потерях и утрате своего господства в Средиземноморье христианский мир нашел для своей деятельности новые обширные земли на севере. В конечном счете выгода от приобретений оказалась значительнее, чем потери на юге.

До 1000 г. вытеснение христианского мира из Средиземноморья было менее заметно на востоке этого региона, поскольку византийцы старались никогда полностью не терять связи с морем. Однако при Македонской династии (867–1054 гг.) центр тяжести общественной и военной силы Византии решительно сдвинулся в районы, далекие от побережья, во внутренние области Анатолии и Балкан. Возрождались роскошные поместья, особенно в Малой Азии, владельцы которых подчинялись центральному правительству в лучшем случае шатко. Такие магнаты содержали вооруженные отряды, обученные и снаряженные наилучшим образом для того времени, т.е. как тяжелая конница. Оказалось, что императоры Македонской династии способны были и защищать, и расширять пределы государства, чего не мог даже император Юстиниан. Но ценой этих успехов, как и ранее в Парфянском царстве и в государстве Сасанидов, было ослабление имперского контроля над армией и обществом в целом. Так, еще в начале своего правления император Василий II Болгаробойца был дважды едва не свергнут бунтами в армии, организованными анатолийскими магнатами, а после его смерти в 1025 г. размывание центральной власти ярко проявилось в ходе сложных столкновений интересов земельных и городских аристократий, каждая из которых добивалась контроля над имперским правительством.

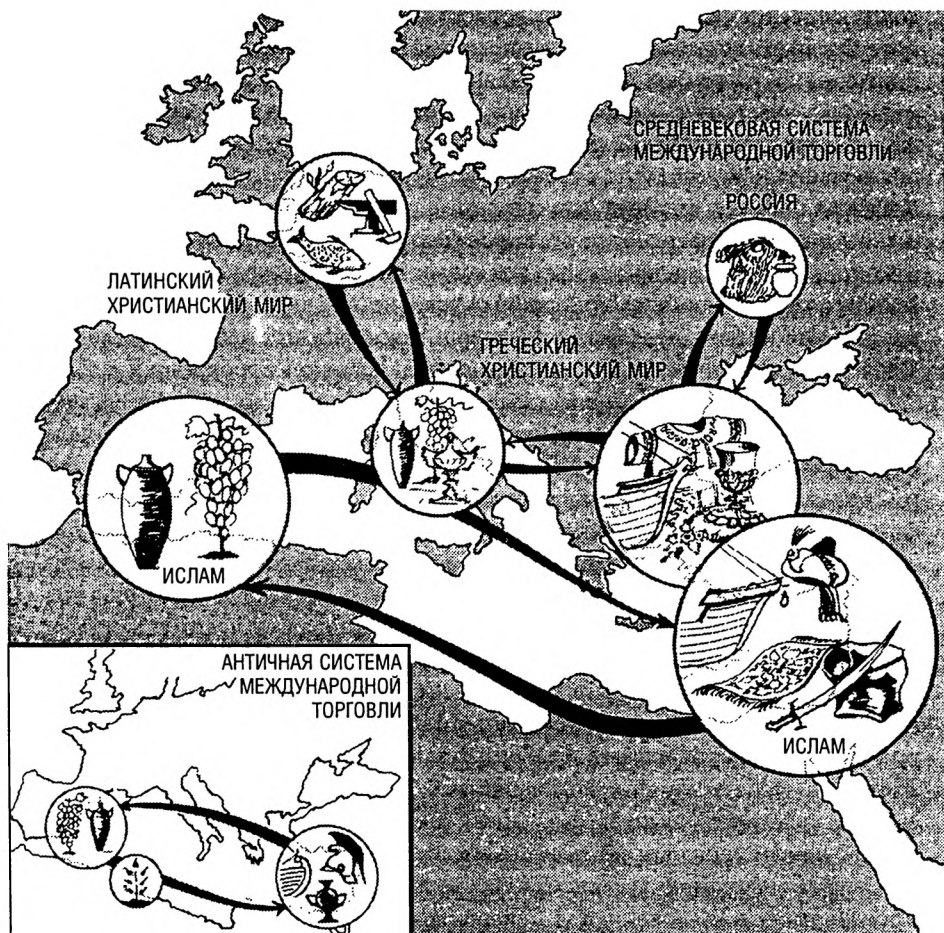
Под властью императоров Македонской династии устройство Византийского общества изменилось и приобрело сходство с аналогичными структурами Сасанидского Ирана. Города и денежная экономика не исчезли с византийской сцены; однако городской элемент с упадком морского могущества государства регрессировал. В то же время рассредоточение наземных войск

по сельской местности эффективно способствовало росту власти провинциальной аристократии. Таким образом, значительное усиление войск на границах государства, которые и обеспечили территориальные расширения в период Македонской династии, зависело от структурных сдвигов внутри византийского общества. Именно эти структурные сдвиги в конце концов и стали фатальными для власти императорской бюрократии.

Географические и социальные изменения в латинской половине христианского мира были еще значительнее и радикальнее. В VIII в. побережье Северного моря и Ла-Манша заменило латинскому Западу и в политическом, и в культурном отношении Средиземноморье как наиболее активный центр общественной жизни. Этому способствовали и изменения в Англии, и становление Франкского государства, и разрыв коммерческих связей с Левантом. Кроме того, введение ряда усовершенствований в европейском судостроении (например, появление вертикального кормового руля)⁴⁷ позволило мореплавателям постепенно преодолеть страх перед ветрами и приливами, которые в римские времена делали судоходство в северных морях практически невозможным. Все это позволяло северу и западу Европы пользоваться преимуществами, сопоставимыми с теми, которые Средиземноморье так долго давало лишь югу. Большие расстояния и необходимость пересекать чужие территории уже не являлись непреодолимой помехой – торговля и сообщение стали более дешевыми и доступными. Огромное число судоходных рек, текущих поперек Европейской равнины на север, значительно расширяло возможности торговых поставок по воде. Ничего похожего в Средиземноморье не было – лишь Нил да реки России могли предложить сопоставимые по длине внутренние маршруты.

Однако до 1000 г. эти географические преимущества были в значительной степени потенциальными. Экономическая жизнь на севере Европы оставалась примитивной, а изделия, произведенные в различных областях континента, не отличались друг от друга настолько, чтобы появился стимул к торговле. Более того, первым плодом новшеств в кораблестроении и навигации была вспышка массового пиратства, в котором викинги играли основную роль. И все же именно в этот период культурного застоя, политического распада и экономического отставания в развитии были созданы методы и институты, которые со временем привели к небывалому возвышению средневековой Европы и сделали латинский Запад совершенно отличным от античного или византийского общества. Имеет смысл рассмотреть три грани этого внезапно появившегося общественного устройства:

⁴⁷ Lynn White, «Technology and Invention in the Middle Ages», *Speculum*, XV (1940).

АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ ДО 1000 Г.

1) достижения в сельском хозяйстве; 2) военные достижения; 3) особая роль пиратской торговли.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Во времена Римской империи большая часть Среднеевропейской равнины была покрыта болотами и девственными лесами. В этих условиях земледельцы могли возделывать лишь относительно сухие склоны холмов, а также быстро высыхающие песчаные почвы. Атлантический климат и ограниченность естественного дренирования пологих низменностей сохраняли повышенную влажность земель настолько

долго в течение года, что методы обработки почвы, развитые в сухом климате Среднего Востока и Средиземноморья еще в древности, оказались непригодными на землях Северной Европы. Исключение составляли лишь несколько участков с особо благоприятной почвой, такие как известняк и лесс. Задача дренирования была в конечном счете решена с помощью использования тяжелого плуга с отвалом, который, переворачивая землю и прокладывая борозду, создавал искусственные гребни и канавки даже на совершенно плоской поверхности вспашки. Таким способом удаляли избыточную воду из самых непригодных пахотных земель. Возможно, германцы в какой-то мере использовали подобные устройства еще в римские времена, но тяжелые плуги с отвалом не находили широкого применения до конца V в. и не стали основой сельского хозяйства Западной Европы до X в.⁴⁸

При очевидных преимуществах такого плуга на влажных и глинистых почвах, которые преобладали на Среднеевропейской равнине, очевидна была и причина столь долгой задержки в его использовании. Вспашка таким плугом предполагала наличие тягловой силы в виде трех-четырех, а то и больше быков. Кроме того, тяжелые плуги с отвалом не могли эффективно использоваться на малых, квадратных по форме участках пахотных земель, свойственных сельскохозяйственным частям Европы. Немногие крестьянские хозяйства имели полную упряжку, чтобы воспользоваться преимуществами такого плуга, и только совместное использование тягловых животных (а также изменение формы полей и прав землевладения) могло сделать возможным этот более совершенный тип возделывания земли. Следовательно, во времена, когда разбой и грабеж разрушали установленные ранее права на земельную собственность, могли найтись люди, пожелавшие объединить свои ресурсы и перераспределить права собственности на землю в соответствии с новым способом ведения хозяйства. В этих либо в подобных обстоятельствах совместное ведение хозяйства давало существенные преимущества. Поэтому в IX–X вв., когда Северо-Западная Европа наиболее жестоко страдала от набегов викингов и венгров, возник новый тип организации сельскохозяйственного производства, известный как манориальный (или сеньориальный, вассально-ленный, поместный). Этим был создан определенный технический базис, который вскоре позволил европейским крестьянам производить значительный избыточный сельскохозяйственный про-

⁴⁸ Основное доказательство этих утверждений базируется на изучении формы пахотных участков; тяжелый плуг с отвалом было трудно разворачивать, и он мог работать только на вытянутых в длину полях. Подробности см. в работах: Marc Bloch, *Les Caractères originaux de l'histoire rurale française* (Paris: A. Colin, 1952); Lynn White, «Technology and Invention in the Middle Ages», 141–59; *Cambridge Economic History of Europe*, I, 127–32; Charles Singer (ed.), *A History of Technology*, II, 86–93.

дукт на землях, которые в прежние века лежали пустошью⁴⁹. Таким образом, плотное заселение севера Среднеевропейской равнины крестьянами-земледельцами было вследствие этого гарантировано, и это означало, что средневековая Европа получила сельскохозяйственную базу, достаточно прочную, чтобы поддерживать и многочисленную военную аристократию, и сильные города⁵⁰.

Освоение Среднеевропейской равнины, а также покорение северных морей создали экономическую базу для возвышения Северо-Западной Европы до такого уровня процветания, власти и культуры, который превзошел древние центры средиземноморской цивилизации. Перемещение к северу политического и культурного центра западного мира стало не преходящим эпизодом изменения политической географии в VII–X вв., а постоянной особенностью европейского общества.

2. ВОЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ Северо-Западной Европы в IX–X вв. напрямую зависели от производства сельскохозяйственных излишков, которые обеспечивала недавно созданная манориальная система. Для этого с

⁴⁹ Тот факт, что историю поместий обычно изучали с юридической точки зрения, затемнял те фундаментальные технологические изменения, которые произошли в европейском сельском хозяйстве IX–X вв. Личная зависимость крестьян от хозяина поместья существовала еще в римскую эпоху и была сохранена при новом порядке; но вместо возделывания малых участков земли независимыми крестьянскими хозяйствами или эксплуатации рабов для обработки больших площадей зрелое средневековое поместье имело совершенно другую технологическую основу в виде тяжелого плуга с отвалом, предполагавшую объединение тягловых животных и возделывание длинных узких полос пахотной земли на открытых пространствах. Мое понимание значения технологической основы средневековой поместной системы получено в значительной степени из превосходной и чрезвычайно плодотворной дискуссии, представленной в работе C.S. and C.S.Orwin, *The Open Fields* (Oxford: Clarendon Press, 1938). См. также Lynn White, *Medieval Technology and Social Change*, pp.39ff.

⁵⁰ Ровный климат и влажное лето Северо-Западной Европы – дар Гольфстрима – позволяли сеять зерновые и весной, и осенью. Это подразумевало, что сезонные характеристики, влияющие на обработку почвы под посев, заметно отличались от средиземноморских. Земледелец побережья Средиземного моря мог пахать лишь в течение трех или четырех месяцев, а средневековый пахарь Северо-Западной Европы не выпускал плуга из рук почти весь год. Останавливался он только зимой, когда без фуража животные не могли выполнять тяжелые работы, а земля замерзала. Летом, когда часть полей была засеяна зерновыми культурами, участки, оставленные под пар, требовали вспашки и подготовки к севу озимых; осенью и ранней весной поля с яровыми требовали такого же постоянного внимания.

В результате площадь, которую средняя крестьянская семья должна была вспахивать, увеличилась с 5-10 акров для афинской семьи в V в. до н.э. до 30 акров в средневековой Англии. Кроме того, поскольку рабочая сила теперь использовалась более равномерно в течение года, отдельная крестьянская семья могла произвести гораздо больший излишек зерна, чем в античные времена. Поставки зерна для столицы и городов всегда была проблемой и для древних греков, и для римлян; для средневековой же Европы только в случае местного неурожая возникала проблема с обеспечением городов питанием. Такое положение дел допускало более интенсивную урбанизацию общества, невозможную в античные времена.

крестьян взимались оброки и повинности на содержание многочисленного класса профессиональных военных, оснащенных и обученных по самым высоким меркам того времени, – тяжелой конницы. Поскольку потребности этого класса были поначалу достаточно просты, а новый тип ведения сельского хозяйства был относительно производительным, даже не слишком заселенная и экономически примитивная Европа получила возможность содержать сравнительно большое число рыцарей.

Эта социальная модель была далеко не нова в мире: Иран организовал подобную систему для защиты провинций от набегов кочевников почти на тысячу лет раньше; и как мы недавно видели, Македонская династия в Византии того периода развивалась в том же направлении. Однако создание института рыцарства глубоко изменило положение латинского христианского мира по отношению к его ближайшим соседям. Когда за крепкими латами профессиональных рыцарей укрылось сельскохозяйственное общество Северо-Западной Европы, разбойники и пираты очень быстро потеряли свое бывшее превосходство. Их бесчинства и грабежи ослабили и вскоре прекратились. Безусловно, противоборствующие отряды рыцарей иногда разоряли земли друг друга; и этот вид междоусобной войны стал чем-то вроде местного обычая, распространившись, как и феодальная система, через всю Западную Европу из центра ее возникновения на севере Франции⁵¹. Но даже в этом случае местные беспорядки были куда менее разрушительны, чем набеги варваров. А вскоре наиболее воинственные и активные представители сословия рыцарей нашли применение своему мастерству в дальних походах и завоеваниях. Таким образом, европейская экспансия получила новую и чрезвычайно эффективную основу в военной технологии, так как европей-

⁵¹ Полное падение авторитета королевской власти в этой области в IX в. облегчило создание систем местной самообороны. Более или менее условная система иерархии сеньоров и вассалов спускалась вниз от короля, придавая вид законности тому, что в эти времена было весьма жестокой реальностью. Другая причина того, что развитие раннего феодализма произошло именно здесь, на севере Франции, заключалась в том, что местное крестьянство в значительной мере происходило от римских колонов, не имевших племенной сплоченности и способности к самозащите. По этой причине они не слишком сопротивлялись принятию какого-либо достаточно сильного, а часто и просто самозванного рыцаря в качестве господина.

В чисто германских областях к востоку племенная сплоченность еще не была растеряна; соплеменники так легко не соглашались с зависимостью и подчиненностью. И это создавало трудности для племенных герцогов (или королей Германии) в попытках найти средства для содержания достаточного числа рыцарей. Крестьянин как основа армии, как это было в войске Карла Великого, не мог устоять против подвижных ударных сил противника – венгерских всадников, дружин викингов или, как теперь, рыцарей французского образца. Следовательно, старомодная военная организация Саксонских императоров (919–1024 гг.) постепенно уступила дорогу поместному рыцарству. Но рост феодализма в Германии предполагал и снижение эффективности власти короля, так же как это произошло ранее во Франции.

ские рыцари показали в целом свое превосходство над военными силами любого соседнего общества⁵².

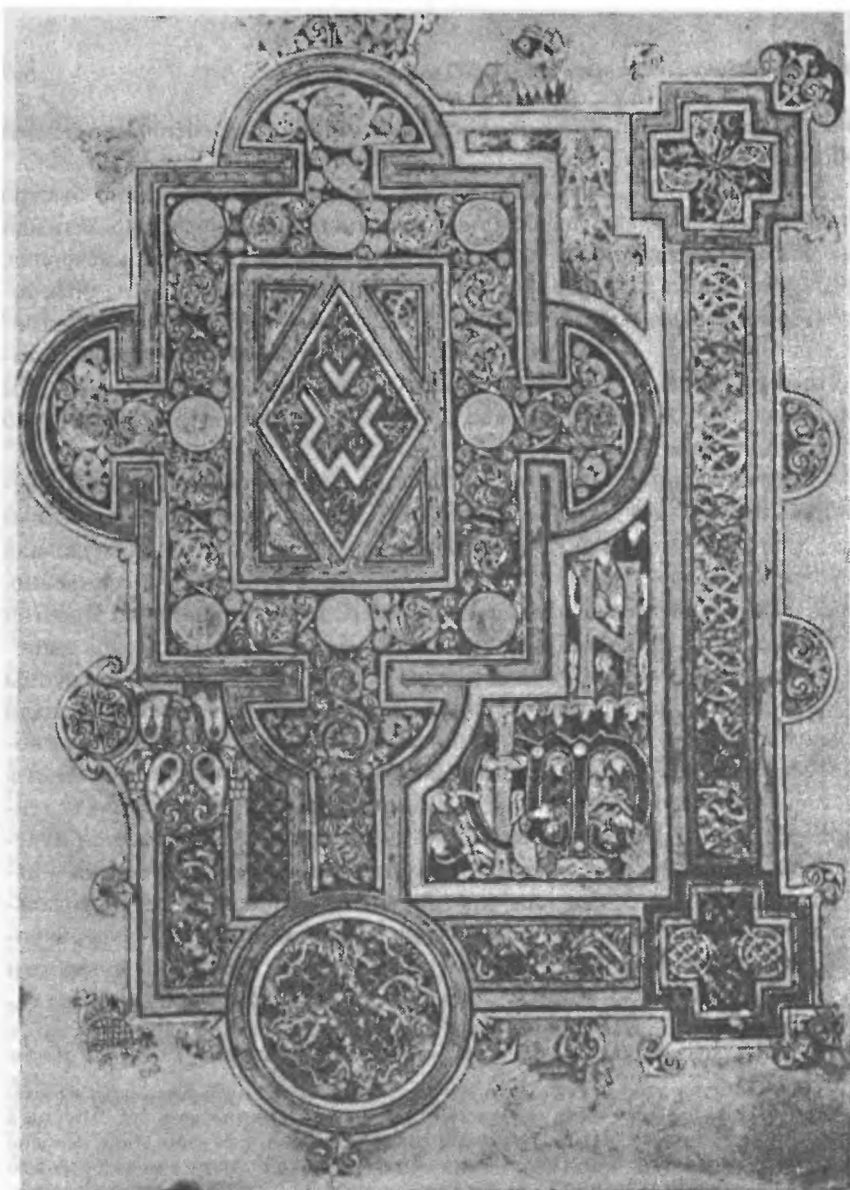
3. ПИРАТСКАЯ ТОРГОВЛЯ. Вполне очевидно, что пиратство быстро потеряло свою привлекательность, когда жертвы нашли способ отразить или даже разбить нападающих. Но когда захват ценностей силой себя исчерпал, торговля предложила альтернативный путь приобретения иностранных товаров, ранее добываемых пиратством. Колебание между грабежом и торговлей в истории⁵³, конечно, происходило неоднократно, и это понятно, потому что даже удачливые пираты редко захватывали то, что было нужно им самим, излишки добычи следовало продать, чтобы затем купить что-либо необходимое, вплоть до оружия или еды⁵⁴.

Следовательно, с развитием действенной местной самозащиты в Западной Европе корабли и десанты пиратов постепенно и предсказуемо уступили место торговому мореплаванию и вьючным обозам. Здесь важна духовная непрерывность этоса пирата IX в. и европейского купца X в. Несомненно, купцы и пираты часто менялись местами, переходя от одной роли к другой в зависимости от конкретных обстоятельств. Но даже когда торговля становилась все более благоразумным предприятием, организованные группы странствующих купцов, подобно их пиратским предшественникам, считали умение владеть оружием делом чести, сами заботились о своей безопасности и сами разрешали споры внутри своего круга. Они также относились к крестьянам и знати тех стран, где они находились, как к чужакам – потенциальным жертвам мошенничества, если уже не меча. Со временем купеческие ватаги находили себе удобное место постоянного пребывания – часто вблизи ставки епископа или реже под стенами аббатства либо феодального замка. Из такого центра, как из ядра, вырастал город Северной Европы. Рост городов происходил главным образом после 1000 г., но основные и наиболее существенные институциональные и психологические формы се-

⁵² Это преимущество в значительной степени основывалось на уникальном использовании европейцами стреляния и копья для усиления удара, при этом игнорируя лук, который в других армиях продолжал быть основным оружием кавалерии. См. Lynn White, *Medieval Technology and Social Change*, 1-38. Предпочтение, которое франки отдавали рукопашному бою и сокрушительному удару, перенесло в уже сформировавшееся средневековье древнюю, имеющую истоки еще в микенской цивилизации, традицию ведения войны. Необходимость сражаться на местности, где деревья были столь многочисленны, что мешали эффективному использованию стрел, так же могла укрепить традиционное европейское презрение к метательному оружию.

⁵³ Обратный пример – карьера ранних последователей Мухаммеда, выходцев с окраин торгового города, однако начавших набеги и завоевания с невиданным успехом.

⁵⁴ Поучительные заметки о торговле викингов см. A.R.Lewis, *The Northern Seas*, pp.282-86ff.

Тринити-коллеж (Trinity College), Дублин. Фото Green Studios, Ltd.

ИРЛАНДСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Это титульный лист Евангелия от св. Луки из Келлской Библии, расписанный красками в VIII в. в Ирландии. Таким образом, он создан во времена, когда христианская культура ирландцев достигла высшей точки развития, накануне набегов викингов, которые разрушили почти все, что было создано ирландскими монастырями. Великолепная геометрическая точность и сложность рисунка этой страницы, а также бьющая ключом, словно готовая прорваться через край тяжелых внешних полей игривыми водоворотами и орнаментами из завитков, многое говорят о самобытности стремительно развившейся в V—IX вв. ирландской цивилизации.

вероевропейской городской жизни были сформированы в эру хаоса, когда пиратство постепенно перерастало в торговлю.

В Византии, на Ближнем Востоке, в Индии и Китае этос горожан существенно отличался от недавних разбойников, а ныне почтенных горожан Северо-Западной Европы. Торговцы и ремесленники цивилизаций Евразии прежде всего обслуживали вкусы высших слоев общества: чиновников, помещиков, правителей. В этом качестве они поддерживали стабильность и исправно платили налоги – а за это могли полагаться на авторитет политической власти и надеяться на ее защиту. Агрессивный, безжалостный и самоуверенный менталитет западно-европейских торговцев был совершенно иным. Отличительные характеристики более поздней истории Запада ведут свое происхождение именно из этого факта, потому что, как только основные задачи экономического и военного выживания были решены, в Европе, как и в других местах цивилизованного мира, именно города стали основными центрами и ускорителями развития культуры.

До 1000 г. христианская культура, как и все христианское общество в целом, находилось в состоянии обороны, разыскивая и пытаясь сохранить фрагменты прошлого, редко решаясь на что-либо новое, особенное либо способное привлечь внимание других цивилизованных народов. Ирландская культура, возможно, была исключением из этого правила, и до вторжения викингов, разрушивших островные монастыри в VIII–IX вв., ирландцы успешно соединяли кельтские устные литературные традиции с латинской и даже греческой ученостью. Аналогично героический эпос Скандинавии эры викингов и его христианизированный аналог, эпические поэмы «*chansons de geste*», свидетельствуют о привлекательном для современного вкуса буйстве первобытной силы. Все же эти явления были не центральными для европейского христианского мира. Обращенное мыслями в прошлое учение Византии, остановившее восхищенный взгляд на христианских отцах церкви, со случайными отблесками язычества и античной старины, а также наивные предания о чудесах и проповеди папы Григория Великого гораздо более характерны для культурной жизни христианского мира в целом.

Таким образом, несмотря на иногда возникающие всплески, христианская культура в 600–1000 гг. находилась в глубоком упадке, будучи почти полностью изолированной от мусульманского мира религиозными предрассудками, а на Западе еще и культурной пропастью между полуварварскими франками и все более урбанизирующимися мусульманами Испании.

Г. ИНДИЯ

Бурный рост ислама в VII–VIII вв. привел к окружению и изоляции индийского мира, но отторгнутой оказалась лишь провинция Синд в низовьях Инда. Победа мусульман над китайцами на реке Талас в 751 г. включила среднеазиатские оазисы к северу от Гиндукуша в сферу влияния ислама и таким образом поставила почти непреодолимую преграду на сухопутной дороге из Индии в Китай. Флот мусульман в VIII в. также стал доминировать в Индийском океане⁵⁵, резко ограничив контакты Индии по морю с индо-буддийскими колониальными территориями Юго-Восточной Азии и с Китаем. Но хотя ислам почти полностью окружал Индостан по суше и по морю, северные окраины вдоль Гималаев остались вне досягаемости мусульман. Здесь индийская экспансия не прерывалась. Кашмир и Бенгалия вскоре после 600 г. стали мощными государствами, позаимствовав свою религию и культурные традиции из Индии. После того как китайские повстанцы устроили в 879 г. резню мусульманской общины в Кантоне, мусульманское господство на южных морях стало приходить в упадок. Соответственно возродилось мореплавание в Индии, но к этому времени развитие национальных культур стран Юго-Восточной Азии достигло такой степени индивидуальности, что дальнейшие культурные заимствования по индийским моделям прекратились.

Объединение мощных государств на северных окраинах придало индийской политике новый характер. Ни одно из этих государств не было достаточно сильным, чтобы объединить весь север Индийской равнины, но каждое из них было в состоянии не допустить, чтобы этого достиг соперник. Такой тип равновесия политических сил в регионе приводил к состоянию, которое было чрезвычайно сложным, если не сказать калейдоскопически запутанным. Защита границ от ислама после того, как мусульманское завоевание Синда в 712 г. было закончено, уже не представляла никакой серьезной проблемы. Это означало, что индийские правители обрели свободу для участия во внутренних раздорах, почти не оглядываясь на угрозу извне.

Поскольку государства Индии не обладали глубокими корнями в социальном теле индийского общества, политическая раздробленность и вызванные ею постоянные междоусобные войны не слишком сказывались на населении в целом. Города процветали, а индийская культура продолжала развиваться в направлении, определенном еще во времена династии Гуптов. Воз-

⁵⁵ См. George Fadlo Hourani, *Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951), pp.51–84.

рождается индуизм: большинство тамильских создателей религиозных гимнов, сделавших так много для придания новой энергии древним индуистским обрядам, становится известным лишь после 600 г., а каноническое собрание их произведений, приспособленное для литургического использования в храмовых церемониях, не было создано до конца X в.⁵⁶

Институционально индуизм самоорганизовывался все более определенно вокруг храмов, предлагавших более доступную и популярную альтернативу монастырям, которые оставались основными центрами буддизма. Индуистские храмы стали истинным средоточием самых разнообразных аспектов культурной деятельности. Не только священники, архитекторы и художники, но и танцовщики, певцы, учителя и писатели – все стали группироваться в пределах храмовых комплексов. Кажется, что царские дворы как культурные учреждения стали играть лишь подчиненную роль, как только утвердились индуистские храмы Индии. Государственная и строго централизованная культура времен Гуптов подверглась соответствующим преобразованиям: религия и боги выдвинулись на передний план, а нерелигиозные интеллектуальные аспекты деятельности, такие как математика и астрономия, развитие которых раньше было столь перспективным, начинают терять свое значение⁵⁷. К X в. некоторые храмы достигают огромных размеров и становятся весьма изукрашенными сооружениями. Характерной особенностью этих храмов была богато декорированная центральная башня над содержащим образ божества святыней. Но и все вспомогательные сооружения, внутренние дворы и стены примыкающих к храму построек сплошь были покрыты поистине поразительными по многообразию и мастерству украшениями.

Возведение храмов как основного способа выражения культуры индуизма, возможно, было стимулировано ассимиляцией доарийских социальных отношений и общественных идеалов в высокую культуру Индии. Такое предназначение храмов во многом соответствовало предполагаемой роли подобных институтов в древней цивилизации Инда, не говоря уже о том, что, возможно, их прообразом послужила шумерская храмовая община⁵⁸. В

⁵⁶ K.A.Nilakanta Sastri, *A History of South India from Prehistoric Times to the Fall of Vijayanagar* (Madras: Oxford University Press, 1955), pp.361-63.

⁵⁷ Нет никаких доказательств того, что между храмом и двором возникали какие-либо трения. Наиболее величественные храмы были основаны царскими семьями и поддерживались щедрым предоставлением им земельной собственности и других источников дохода. Возможно, это делалось для того, чтобы подчеркнуть божественное величие правителя.

⁵⁸ Согласно K.A.Nilakanta Sastri, *A History of Southern India*, pp.57-59, дравиды пришли в Индию из Каспийско-Иранского региона – из этого же района, вероятно, происходят и шумеры. О вероятных связях между цивилизациями Инда и Месопотамии мы упоминали выше.

Сельские верования и религиозная практика могли сохранять элементы индуистских и

сфере религиозного учения подъем тантризма может расцениваться как столь же атавистическое явление, представляющее собой возрождение древних деревенских суеверий на уровне развитой культуры, поскольку магическая и чувственная тантрическая культовая практика ведет свое происхождение напрямую еще от неолитических ритуалов плодородия. Сложные теории, которые индуизм и буддизм построили вокруг даже самых вульгарных и низменных тантрических обрядов для того, чтобы найти место тантрической практике на пути к спасению, демонстрируют изумительную всеобщность индийской религии⁵⁹.

Тантрические идеи начали приобретать известность примерно в V в., но достигли расцвета лишь в VII–VIII вв. К тому времени различные таинства, заклинания и ритуалы, разработанные для того, чтобы контролировать как человеческое тело, так и физический мир, а в конечном счете вызывать личностное отождествление с божеством, стали наиболее характерной особенностью индийского благочестия. В каком-то смысле такая тантрическая практика обесценивала прежние религиозные ценности, обещая обычным людям те удивительные силы, которые индийские святые так долго искали в аскетизме. Подобно демократизации бессмертия в египетской религии столетиями прежде, притягательность таких идей была непреодолима; с их распространением монашество и многие другие, более древние формы аскетизма теряли смысл.

По мере того как индуизм охватывал множество популярных среди крестьян мистически-колдовских культов, разработка философского богословия одновременно и обогащала, и в некоторой степени стабилизировала основные теоретические положения учения. Наиболее известным и влиятельным религиозным философом Индии этого времени был Шанкара

других весьма древних традиций, таких, например, как храмовая проституция, пусть в очень скромном масштабе. Деревянные храмовые строения не могли оставить никаких следов для археологии, но, возможно, они послужили основой для той социальной, а не архитектурной модели, вокруг которой и создавались индуистские храмы VI в. и последующих веков.

⁵⁹ Европейское ведовство проявляет некоторые интересные параллели с тантризмом и, возможно, также происходит из верований неолитического периода. См. Henry T.F. Rhodes, *The Satanic Mass: A Sociological and Criminological Study* (London: Rider & Co., 1954); Margaret A. Murray, *The Witch Cult in Western Europe* (Oxford: Oxford University Press, 1921); Elliott Rose, *A Razor for a Goat: A Discussion of Certain Problems in the History of Witchcraft and Diabolism* (Toronto: University of Toronto Press, 1962).

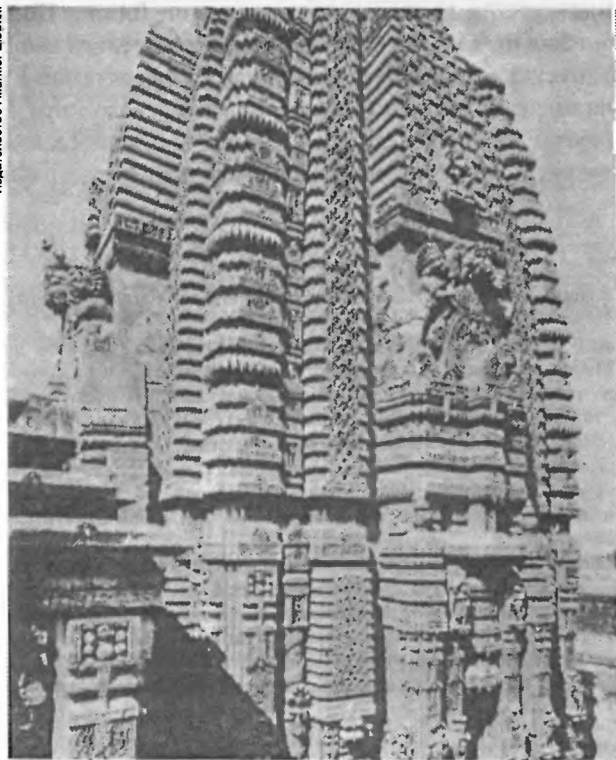
Тантрическая доктрина не слишком исследована, несмотря на большое количество литературы на эту тему (а возможно, как раз из-за этого). До недавних пор, по крайней мере, европейское моральное чувство избегало тантрических обрядов, да и многие индийские ученые испытывали серьезную неловкость, сталкиваясь с их крайними проявлениями. Для обозначения идей тантризма см.: Mircea Eliade, *Le Yoga* (Paris: Payot, 1954), pp. 205–73; Edward Conze, *Buddhism*, pp. 174–99.

ИНДУИСТСКИЕ ХРАМЫ

Храм, представленный на фото вверху, был воздвигнут около 1000 г. В этот период простота построенных ранее сооружений была полностью заменена обилием наружных украшений и прежде всего появлением массивной башни, возвышающейся над темным помещением в центре храма, где находился образ божества. Восхищающее глаз богатство деталей показано на фотографии внизу, которая изображает центральную башню другого храма, установленного немного раньше.

Eliot Elisofon и журнал Life.

Издательство Atlantis. Цюрих.

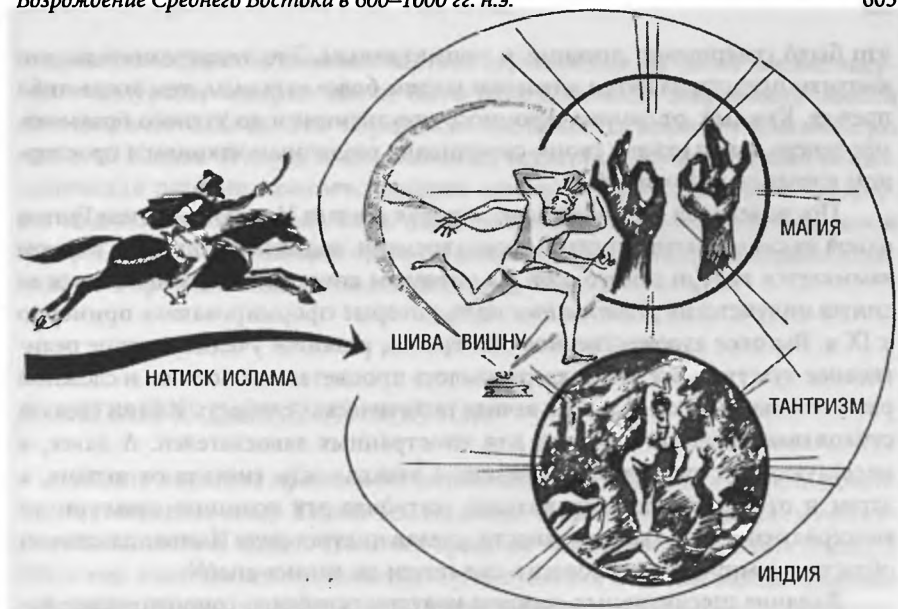
(ок. 800 г.). Он черпал вдохновение в Упанишадах, пытаясь свести их разнообразие в интеллектуальную систему, а затем распространить свои построения на множество общепринятых религиозных течений того времени. Основным принципом его философии был бескомпромиссный монизм, который сводил все разнообразие и изменчивость мира к простой иллюзии. Существование множества общераспространенных культов, представленных как различные проявления иллюзорности мира, оправдывалось тем, что они помогали несовершенному разуму подниматься к постижению некоего Абсолюта, стоящего за каждым таким проявлением. Другие индуистские философские школы соперничали с той, которую благословлял и возвеличивал Шанкара, но основное направление философских изысканий индуизма с тех пор пошло по путям, предложенным и определенным именно им⁶⁰.

Итогом развития тантризма и философии индуизма стал подрыв самостоятельного существования буддизма в Индии. Тот факт, что тантризм одновременно процветал и в рамках буддизма, и в среде индуизма, начинал стирать различие между ними. Кроме того, монашеский образ жизни стал терять свое значение в обществе, где тантризм получил всеобщее признание как короткий путь к сверхъестественному⁶¹ и где почтенный образ Будды давно был принят в индуистском пантеоне как воплощение Вишну. Поэтому буддизм постепенно был поглощен обширным массивом религиозности индийского общества, откуда он вышел, и выжил как самостоятельное религиозное учение и организация лишь на периферии индийского мира – на Цейлоне, в Бирме и Тибете⁶². Но непосредственно в Индии буддизм к концу X в. стал лишь оболочкой, и когда мусульманские завоеватели разграбили

⁶⁰ См. Surendranath Dasgupta, *A History of Indian Philosophy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1951), I, 429-39.

⁶¹ Безусловно, остались отдельные личности, отвергавшие этот более простой путь. Интересно отметить, что Шанкара подрывал буддизм не только с помощью интеллектуального синтеза всех индуистских традиций, но также и введением монастырей как институтов отшельничества в индуизме. Раньше брахманизм учил, что лишь в старости, после выполнения всех обязательств перед семьей человек мог посвятить себя достижению святости. В этой ситуации всегда находились нетерпеливые и одержимые религиозностью молодые люди, которые уходили в буддийские монастыри. Шанкара обеспечил религиозное прибежище в системе индуизма, основав по меньшей мере три индуистских монастыря. Хотя надо отметить, что монашество никогда не имело серьезного значения в индуизме.

⁶² В Юго-Восточной Азии буддизм просуществовал бок о бок с индуистскими культами намного дольше, чем непосредственно в Индии. См. G.Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonésie* (Paris: E. de Boccard, 1948), pp.205-7. Поскольку Тибет был источником наиболее важных элементов и для буддизма, и для индуизма, у этого региона особая репутация. См. H.G.Quaritch-Wales, *The Making of Greater India* (London: Bernard Quaritch, Ltd., 1951), здесь выделены те природные элементы учений, которые автор в значительной степени игнорирует.

ИНДИЯ И ИСЛАМ ДО 1000 Г.

выжившие монастыри, уже никто не позаботился об их восстановлении. Так ислам окончательно уничтожил буддизм на земле его зарождения⁶³.

Эволюция индийской религии (и культуры в целом) в течение VII–VIII вв. всесторонне закаляла индуизм в его противостоянии исламу. Безусловно, мусульмане проявляли инициативу, вторгаясь в Индию с оружием и со словом той непримиримой религии, которая приходила в ужас от индийского идолопоклонства. При этом отсутствие веротерпимости, присущее исламу, вынуждало индийцев относиться ко всему иностранному враждебно. Но ведь культура ислама включала те же элементы культуры Ирана и Греции, которые еще раньше так много сделали для индийской литературы и искусства. В ответ индуизм ушел в оборону, возвращаясь к исконным традициям и отвергая те положения своей ранней культуры, на которых наиболее очевидно проявилось воздействие иностранного влияния. На практике это означало принятие в сферу письменной культуры многого того,

⁶³ Джайнизм Индии противостоял движению тантризма в гораздо большей степени, и тем самым сохранил свою обособленность, но только как секта, число членов которой было ограниченным, а размещение локализовано преимущественно югом и западом Индии. Другой, более четко определенной религиозной группой были парсы, последователи зороастризма, бежавшие в Индию от мусульманских завоеваний между VIII в. и X в. Они сохранились до наших дней как небольшая община в основном вокруг современного Бомбея.

что было совершенно древним и примитивным. Это также означало, что индуизм предстал перед внешним миром более цельным, чем когда-либо прежде. Каждый, от самого скромного крестьянина и до ученого брахмана, мог теперь найти отклик своим совершенно различным чаяниям в просторном наследии индуизма⁶⁴.

После великой эры экспансии, которая сделала Индию династии Гуптов одной из самых развитых стран своего времени, индийское общество в целом замыкается внутри самого себя и с упрямым консерватизмом цепляется за синтез индуистских религиозных идей, которые сформировались примерно к IX в. Высокое художественное мастерство, развитое учение и яркое религиозное чувство – все это поддерживалось процветанием богатой и сложной развитой экономики. И все же вечная политическая слабость Индии сделала субконтинент легкой добычей для иностранных завоевателей. А далее, в последующих столетиях, политическая зависимость сначала от ислама, а затем и от европейских правителей усугубила эту позицию культурного консерватизма и самодостаточности, сделав индуистскую Индию пассивной областью в мировом равновесии сил почти до наших дней⁶⁵.

Влияние примитивных народов изнутри ослабляло сопротивление исламскому давлению на индийскую цивилизацию снаружи. Лесные племена по мере того, как их члены начали переселяться в большие сообщества деревень и городов, с готовностью превращались в касту. В противоположность другим цивилизациям, которые последовательно ассимилировали такие примитивные сообщества, индуизм модифицировал их, но не уничтожал. В итоге образовалось огромное сообщество совершенно отличающихся друг от друга групп населения, сохранивших свои нравы и обычаи и свободно объединенных кастовой системой и религией индуизма. Несомненно, что существование кастовой системы в индийском обществе обеспечивало долгую жизнь и постоянное возобновление атактистических религиозных понятий, которые и нашли свое выражение в тантризме. Те же принципы требовали минимального изменения местных обычаев, и это облегчило вхождение окраинных территорий юга Индии и Гималаев в состав индийского общества. Так же как и раньше, это определило широкое распространение индийских культурных традиций на всю Юго-Восточную Азию.

И все же в соперничестве с другими цивилизациями Евразии Индия неизбежно проигрывала. Неопределенность внутренних социальных связей

⁶⁴ Сила уникального индуистского сочетания атактистически ритуализированных чувств с наиболее утонченной метафизической тонкостью хорошо передана в последнем разделе романа Е.М.Форстера, *Passage to India* (London: Edward Arnold & Co., 1924).

⁶⁵ См. аналогичный путь развития египетской цивилизации приблизительно с 1100-х гг. до н.э. и до римских времен.

индийского общества налагала жесткие ограничения на соотношение энергии и ресурсов, которые могли быть направлены на выполнение любой поставленной задачи. Это определяло постоянную военно-политическую слабость Индии. И перед лицом внешних испытаний отличительная психологическая реакция, соответствующая особенностям социальной структуры индийского общества, была исключительно пассивной, направленной внутрь, и подобной реакции примитивных народов, которых внезапно вталкивают в круг цивилизованного общества.

Д. КИТАЙ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Усвоив внешние проявления китайской цивилизации, тюрки и монголы, захватившие север Китая, тем не менее сохранили присущую кочевникам склонность к войне. Поэтому сразу же после воссоединения Китая в 589 г. под властью новой династии Суй китайская военная мощь проявила себя значительно, чем когда-либо в течение предшествующих шести столетий. Взимающая налоги бюрократия, созданная по древней модели Конфуция и поддерживающая военное сословие, пропитанное духом и методами степной войны, стала действительно устрашающей силой и смогла быстро и успешно распространить китайское господство далеко на запад. В начале VIII в. служители «Сына Неба» столкнулись с последователями Мухаммеда к востоку от Амударьи.

Династия Суй, объединив Китай, не сумела пожать плоды этого впечатляющего успеха; второй император династии стал последним. Недовольство крестьян тяготами безжалостной воинской повинности и постоянного требования рабочей силы на общественные работы помножилось на напряжение, вызванное неудачной войной против Кореи (612–614 гг.), и воцарившаяся недавно династия пала. Бунты вспыхнули во многих частях страны, но в 618 г. один из вождей восставших смог захватить верховную власть и основал династию Тан. Следующий император династии Тан, Тайцзун (Ли Шиминь) (627–649 гг.), первым распространил новообетенную мощь Китая в глубь Азии. В 630 г. Восточный тюркский каганат признал его сюзеренитет; а двенадцатью годами позже большинство племен к востоку от Каспийского моря сделала то же самое. Несколько позже Тайцзун укрепил свой контроль над оазисами Средней Азии, а в 668 г. его наследникам наконец удалось покорить Корею.

В течение нескольких последующих десятилетий ряд дворцовых переворотов, совпавших с восстаниями тюрков и внезапным взлетом нового,

сильного в военном отношении государства в Тибете, явился причиной временной утраты Китаем своего могущества. Но после 715 г. стабилизация правления династии Тан при императоре Сюаньцзуне (Ли Лунцзи) (712–756 гг.) позволила Китаю с помощью ряда тюркских союзников создать серьезные препятствия для продвижения мусульман за Амударью⁶⁶. В 747–749 гг. китайские войска провели ряд успешных военных кампаний на границах Индии, утвердив свое господство над Кабулом и Кашмиром. Но после 751 г., когда в сражении при реке Талас мусульмане разгромили китайскую экспедиционную армию, контроль династии Тан над Средней Азией был утрачен. В том же году китайское вторжение в Юньнань потерпело неудачу; а новый союз кочевых племен, кидани (китай), разбил третье императорское войско, посланное на северо-восточные границы. Эта череда событий привела к мощному военному восстанию, которое вспыхнуло в 755 г. и парализовало Китай на целых восемь лет⁶⁷.

Танская династия смогла пережить этот период, но сохранила свою власть лишь благодаря вмешательству тюркских (уйгурских) войск⁶⁸. И позже императоры династии Тан оставались политически зависимыми от доброй воли уйгуров. Они отказались от попыток установить свое господство в пограничных районах Китая с помощью военной силы и вместо этого поддерживали мир с кочевниками с помощью уплаты дани и дипломатических усилий. Эта политика, возможно, в какой-то мере отражала уменьшившуюся склонность населения Китая к войне, когда наследники диких и воинственных кочевников, пришедших к власти в Китае, со временем поднялись на совершенно другой культурный уровень. Это также отражало и внутреннюю слабость политического правления поздней династии Тан, поскольку во время и после великого восстания 755–763 гг. центральное правительство стало терять реальную власть в провинциях. Различные местные военачальники захватывали власть на местах и, борясь между собой, управляли провинциями как своей личной собственностью, лишь время от времени проявляя уважение к воле императоров.

Окончательное падение династии Тан в 907 г. имело лишь символическое значение, поскольку фактически реальная власть императоров была утра-

⁶⁶ Китайцы не применяли своих собственных войск в борьбе против мусульман до 751 г. В 715 г. они просто подстрекали своих тюркских союзников в центральных районах степи поддерживать местных князьков в их борьбе против арабов.

⁶⁷ Более основательный анализ социальных сил, действующих во время этого восстания, см. в Edwin G. Pulleyblank, *The Background of the Rebellion of An Lu-shan* (London: Oxford University Press, 1955).

⁶⁸ Внутренние потрясения в 743–744 гг. поставили во главе Восточного тюркского каганата вместо старых лидеров новое племя – уйгуров, но народы, принадлежащие к двум тюркским конфедерациям, были, в сущности, одними и теми же.

чена намного раньше. Возобновление вторжений на севере Китая в 936–960 гг. повторило, хотя и в меньшем масштабе, беспорядки, которые привели в свое время к падению династии Хань; но вновь возникшая угроза порабощения варварами, вероятно, облегчила объединение всего Южного и Центрального Китая после 960 г. династией Сун. Восстановив полновластие государственных чиновников, первые императоры династии Сун гарантировали лояльность тех, кто мог положить конец правлению местных военачальников, правящих еще со времен поздних императоров Тан. Однако императоры Сун не смогли восстановить свое господство в северных провинциях, которые оставались в руках варваров до прихода к власти династии Мин (1368–1644 гг.).

Глубокие изменения в экономике Китая сделали возможными военные победы ранних императоров династии Тан и поддерживали роскошный блеск танской культуры. В ранние века китайской истории долина реки Хуанхэ и некоторых ее притоков составляла изначальный центр китайской цивилизации. Буйная растительность и более сырой климат юга страны представляли серьезные препятствия для земледельцев, привыкших к лессовым почвам севера. Поэтому даже после распространения имперского правления династии Хань на юг потенциальные богатства региона оставались неиспользованными. Но в смутные времена 200–600 гг. беженцы из более незащищенных северных областей перемещались на юг. Их было много, и шаг за шагом они проделали огромную работу по расчистке непроходимых джунглей и созданию необходимых оросительных и дренажных каналов. Рисовые поля начали заполнять земельные пространства от речных и озерных берегов и отмелей, где они вначале были сконцентрированы, пока к VII в. не покрыли всей долины Янцзы. Огромное население этого района не только было способно прокормить себя, но и создавало существенный излишек продовольствия.

Аналогичная по объему работа по мелиорации была осуществлена на тысячу лет раньше в долине Хуанхэ, и в результате отдельные лоскутки плодородных земель превратились в единое орошаемое пространство. Именно этот тяжелый труд терпеливых китайских крестьян обеспечил правителям династий Цинь и Хань сельскохозяйственную базу и экономический смысл существования их империй, поскольку единое централизованное правление было необходимо для создания сложных ирригационных сооружений по всему пространству речной долины. Правители династий Суй и Тан отличались от своих имперских предшественников тем, что имели два опорных региона своего хозяйствования: один в долине Хуанхэ, а другой, даже более производительный, в долине Янцзы.

Эффективное использование излишков продовольствия, производимого на юге, требовало создания развитой системы внутренних путей сообщения. Во времена династий Суй и Тан была создана целая сеть каналов, наиболее важным из которых был Большой канал, соединяющий реки Янцзы и Хуанхэ. Это грандиозное техническое сооружение было закончено в 611 г. трудом миллионов крестьян, согнанных на работу. Это позволило переправлять огромные партии риса и других товаров с юга к императорским столицам Чанъань и Лоян на севере страны. Зернохранилища в местах, удобных для хранения и распределения зерна и других товаров, были исключительно в ведении правительства; управление сбором, транспортировкой и распределением товаров стало, таким образом, главной функцией имперской бюрократии. Эта обширная торговая сеть, обогащающая империю, достигла своей наивысшей эффективности в VIII в.⁶⁹

Если урожай в году был нормальный, то бюрократическая система обеспечивала имперский двор таким количеством зерна, которое явно превышало его потребности. Поэтому примерно к середине VIII в. чиновники империи начали обменивать излишки зерна на различные предметы роскоши⁷⁰, спрос на которые при дворе был фактически неограничен. По этой причине в результате был создан или значительно расширен во всех областях Китая рынок искусных ремесел: прекрасных шелков, фарфора, лакированных изделий и других товаров. Провинциальные чиновники, имея личные излишки зерна, быстро обменивали продовольствие на изделия местных ремесленников – их было проще перевозить, да и принимали их при дворе более благосклонно, чем сельскохозяйственную продукцию. Естественно, при этом существенно расширились и увеличились классы ремесленников и торговцев. Никогда ранее города в Китае (если это были не императорские столицы), кажется, не имели большого значения, но эпоха Тан стала свидетельницей повсеместного роста городов, который происходил благодаря большим излишкам продовольствия в южных районах и циркуляции товаров под надзором императорского двора и чиновников.

Распространение денежной экономики сопровождалось ростом провинциальных городов. Хотя монеты в Китае были известны много столетий,

⁶⁹ О развитии юга Китая и системы каналов см. Ch'ao-ting Chi, *Key Economic Areas in Chinese History* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1936), pp.133-39 and *passim*; Pulleyblank, *Background of the Rebellion*, pp.27-28, 32-38; Hans Bielenstein, «The Census of China during the Period 2-742 A.D.», *Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, Bulletin*, XIX (1947), 125-62 и особенно карты народонаселения, представленные в конце этой статьи.

⁷⁰ «Древняя история династии Тан» (*Chiu T'ang Shu*, 84. 1.b) сообщает нам, например, что в 742 г. специальный императорский уполномоченный по делам сухопутного и водного транспорта приказал, «чтобы фуражное зерно в общественных зернохранилищах префектур и округов было продано за товары для развлечений». Цит. по Pulleyblank, *Background of the Rebellion*, p.36.

денежное обращение нашло широкое применение только после того, как стало очевидным удобство выражения доходов в виде стандартной и легко перемещаемой меры стоимости. Согласно официальным данным, например, в 749 г. только 3,9% всего дохода правительства составляли наличные деньги, а в 1065 г. – 51,6% дохода, который значительно увеличился⁷¹.

Возможность перевозить товары на большие расстояния и денежная экономика, конечно, способствовали развитию региональной специализации в зависимости от распределения сырья и уровня квалификации ремесленников. Торговцы нашли себе новую сферу применения как посредники между императорским двором и реальными производителями товаров, вовремя дополнив официальный товарооборот обширной сетью торговых структур⁷². Частичный распад централизованного управления в поздний период правления династии Тан еще более расширил возможности для частного предпринимательства. Создание провинциальных столиц крупными военачальниками в этот период ускорило рост провинциальных городов, которые вскоре стали сравнимы с имперскими столицами.

Изменения отношений земельной собственности были менее ясны, но, вероятно, имели огромное значение. В ранний период правления династии Тан, вероятно, значительная часть крестьянства была независимыми землевладельцами. Особенно это наблюдалось в самых северных областях империи, где многочисленные варвары прочно обосновались в течение предшествующих столетий. Войска первых завоевателей Тан составляли главным

⁷¹ Edward A. Kracke, *Civil Service in Early Sung China, 960–1067* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953), p. 13.

⁷² О развитии торговли и городов см. работы: Stefan Balasz, «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang Zeit», *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin*, XXXIV (1931), 21–25; XXXV (1932), 37–73. Роль буддийских монастырей в развитии денежной экономики и неофициальной торговли была очень важна. Эти учреждения сосредоточивали весьма значительные богатства, собранные за счет пожертвований и подношений, и воспроизводили в уменьшенном масштабе деятельность самого императорского двора, приобретая роскошные предметы для культовых церемоний (да и для использования монахами в быту) везде, где можно. Растовщичество также стало важной частью деятельности монастырей. См. *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin*, XXV (1932), 15–21; Jacques Gernet, *Les Aspects économiques du Bouddhisme dans la société chinoise du Ve au Xe siècle* (Saigon: École Française d'Extrême-Orient, 1956), pp. 149–84.

Буддизм, конечно, попал в Китай через торговые города оазисов Средней Азии. Следовательно, коммерческая и финансовая активность буддийских монастырей в некотором смысле представляла собой просто перенос на китайскую почву модели того экономического обмена, который давно был известен в Западной Евразии. При этом, естественно, происходило последующее приспособление этой модели к особенностям существовавшей в Китае системы. Обратите внимание, как буддийские художественные стили, сначала просто копируемые в их первоначальной форме, постепенно подстроились под эстетическое восприятие китайцев. Экономический вклад буддизма в китайский образ жизни, возможно, был столь же значим, как и более очевидное воздействие буддизма на китайское искусство.

образом крестьяне, усиленные тюркскими вспомогательными отрядами и поставленные под команду профессиональных военных. Но свободные крестьяне-ополченцы раннего периода Тан, видимо, постепенно утратили свою земельную собственность, возможно, за счет лишения должников права выкупа заложенного имущества. Во всяком случае в 737 г. император обратил свое войско в регулярную армию, в основном набираемую из варваров и находившуюся под их командованием.

Крупное восстание 755–763 гг., начатое пограничным военачальником, под чьим командованием находилась армия, состоящая из варваров, верных лишь ему лично, хорошо продемонстрировало слабость такой системы. Восстание было подавлено только после обращения за помощью к еще более диким варварам с еще более дальних окраин китайского мира. После этого императоры Тан оказались в разной степени от них зависимы. К концу правления династии Тан, когда к постоянным военным беспорядкам добавились безмерные поборы ростовщиков и владельцев земли, бедствия крестьянства привели к ряду ожесточенных восстаний (особенно в 874–883 гг.). И все же политические и военные беспорядки начала X в., кажется, не поколебали основ господства знати и крупных землевладельцев над китайским крестьянством. И когда династия Сун после 960 г. хоть в какой-то мере установила мир в Центральном и Южном Китае, крестьяне безропотно остались под пятой господствующих классов⁷³.

К 1000 г. китайское общество достигло того, что можно назвать его формой нового времени. Вплоть до XX в. дальнейшее его развитие лишь увеличивало масштаб, но никогда не сумело изменить те основные особенности социального устройства, которые обозначились к началу II тыс. н.э. Это дало китайской цивилизации определенные преимущества по сравнению с цивилизацией Дальнего Запада, что прекрасно засвидетельствовал Марко Поло, восхищавшийся чудесами Поднебесной. В дальнейшем, однако, недостатки в китайской социальной системе позволили Европе уйти далеко вперед по сравнению с Дальним Востоком. Краткое сравнение со средневековой Европой дает возможность понять социальные ограничения в китайском обществе нового времени.

⁷³ См. Pulleyblank, *Background of the Rebellion*, pp.27-29, 61-74; J.Gernet, *Aspects économiques du Bouddhisme*, pp.126-38; S.Balasz, «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang Zeit», XXXIV (1931), 61-92; Denis Twitchett, «Lands under State Cultivation under the T'ang», *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, II (1959), 162-204.

Во-первых, примерно с 1000 г. европейское сельское хозяйство стало зависеть от степени сосредоточения тягловых животных, необходимых для вспашки тяжелым плугом влажных и глинистых почв. Обильное использование животной силы требовало достаточно экстенсивного земледелия и позволяло отдельному крестьянину производить сравнительно большой сельскохозяйственный излишек. Напомним, что китайское возделывание влажных почв долины Янцзы основывалось на использовании силы человеческих мышц. Китайское сельское хозяйство поддерживало гораздо более высокую плотность населения и обеспечивало гораздо большую урожайность, чем когда-либо знала Европа. Но при этом производство отличалось более низкой производительностью, поскольку китайские крестьяне всю работу делали без использования животной силы, которая так увеличивала усилия европейского крестьянина⁷⁴. Таким образом, европейский тип сельского хозяйства предполагал возможность (не всегда реализуемую) более высокого уровня жизни для большинства людей, поскольку разрыв между минимальным прожиточным минимумом и производством продуктов на одного человека, работающего на земле, был гораздо большим в Европе, чем в Китае⁷⁵.

Во-вторых, сравнительно низкий уровень потребления крестьян в китайском обществе приводил к ограничению рынка продукции ремесленников высшими классами помещиков и чиновников. Важная роль правительства и придворных в организации системы обеспечения и формировании спроса на особую продукцию ремесленников подчеркивала эту тенденцию и приводила к концентрации квалифицированных ремесленников, производивших предметы роскоши, в местах, удобных для высокопоставленных лиц

⁷⁴ Различия в сельском хозяйстве Европы и Китая не были так велики в эпоху Тан, по сравнению с более поздними периодами. Рис только начинал занимать ведущее место среди зерновых культур Китая, и только разведение риса привело к тому, что интенсивное земледелие огородного типа достигло своего полного масштаба. И все же в 624 г. официальная норма для крестьянина, обрабатывающего земельный участок в Китае, была определена примерно в 12 акров, т.е. более чем вдвое меньше, чем те 30 акров, которые приходились на европейского производителя. Сохранившиеся фрагментарные данные статистики показывают, что фактические наделы не очень отличались от этой величины. См. S.Balas, «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang Zeit», XXXIV (1931), 44–52.

⁷⁵ Климат был вторым и очень важным фактором различия в уровне сельскохозяйственного производства в Европе и в Китае. Распространение европейского сельского хозяйства в раннем средневековье на северо-запад включало в сферу цивилизации земли со сравнительно низкими температурами. Требование простого биологического выживания в таких областях определяло потребление большего количества продуктов питания и более сложное устройство жилья и одежды, чем это требовалось в теплом климате. Распространение китайского сельскохозяйственного производства в те же столетия шло от регионов с холодным климатом к более теплым регионам, где предельно низкие уровни потребления пищи, примитивные жилье и одежда были совместимы с возможностью выжить.

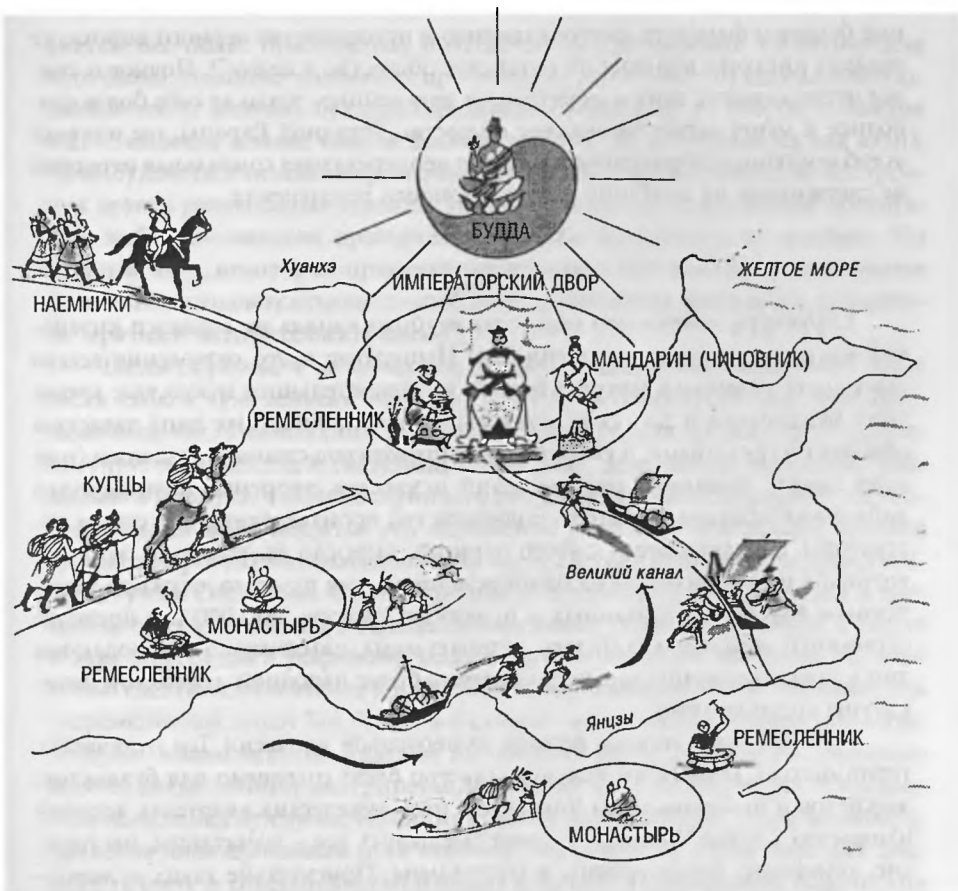
государства. Эта особенность контрастировала с ранним европейским ремесленным производством, придающим подчеркнуто важное значение выпуску продукции повседневного спроса, будь то шерстяная ткань, копченая сельдь или железный либо стальной инструмент и оружие⁷⁶. Всю эту продукцию производили для рынка с гораздо более широким социальным охватом.

В-третьих, торговцев в Китае считали людьми с сомнительной репутацией. Конфуций ставил их на самые нижние ступени социальной лестницы наряду с солдатами и другими на практике необходимыми, но в идеале совершенно лишними профессиональными группами. Тот факт, что многие торговцы в ранние века китайской истории были иностранцами – согдийцами, персами, арабами, уйгурами, – лишь отражает и подтверждает это традиционное суждение. Кроме того, характерной чертой китайской экономики была тенденция сводить деятельность торговцев к роли подбострассно угоджающих вкусам придворных, высоких чиновников и богатых помещиков, поскольку только эти социальные группы и обладали существенной покупательной способностью. В таких обстоятельствах не удивительно ни то, что правительственная политика редко принимала в расчет интересы торговцев, ни то, что процветающие торговцы инвестировали свой капитал скорее в земельную собственность, чем в производство, стремясь изменить свой социальный статус и стать помещиками. Все это затрудняло появление действительно крупных торговых капиталов и отвлекало от активной торговли с зарубежными странами⁷⁷.

Особое различие между Дальним Востоком и Дальним Западом заключается в том, что, несмотря на развитие больших городов, значительную региональную специализацию и наличие высококвалифицированного класса ремесленников, все эти особенности китайского нового времени были успешно включены в более древние сельскохозяйственные общественные отношения. Классы торговцев и ремесленников Китая никогда не стремились бросить вызов престижу и ценностям бюрократии и земельной знати. А в Северо-Западной Европе превращение торговых сообществ в пиратские банды в IX–X вв. с самого начала давало им ощущение независимости, да и настоящей враждебности, по отношению к земельной

⁷⁶ И вновь разница в географическом положении Китая и Западной Европы усиливала глубокие различия; для Китая, кажется, всегда был характерен дефицит металлов (особенно железа) в противоположность сравнительно широкого распространения железа и других металлов на западе Европы. См. Balasz, «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der T'ang Zeit», XXXV (1932), 23-25.

⁷⁷ См. Ping-ti Ho, «Salt Merchants of Yang-chou: A Study of Commercial Capitalism in 18th Century China», *Harvard Journal of Asiatic Studies*, XVII (1954), 130-68.

СТРУКТУРА ТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

аристократии. Европейские торговцы не угождали никому, они стремились стать сильными сами по себе и очень скоро преуспели в этом. Действительно, к XIII в. в Италии, а к XVI в. и в критически важных центрах севера Европы купцы уже стояли у руля государства и использовали государственную власть в собственных целях, что было просто невообразимо в конфуцианском Китае.

Слабость торгового класса в Китае значительно ослабила социальное и политическое воздействие ряда важных технологических достижений, в которых Китай заметно превосходил весь мир до 1000 г. Изобретения, подоб-

ные бумаге и фарфору, книгопечатанию и производству черного пороха, не оказали никакого влияния на китайское общество в целом⁷⁸. Полное и смелое использование этих изобретений в дальнейшем взяло на себя более свободное и менее зарегулированное общество Западной Европы, где никакая всеобъемлющая бюрократия и никакая непререкаемая социальная иерархия не сдерживали их воистину революционного применения.

Структура китайского общества глубоко влияла на характер китайской культуры в эпоху династии Тан. Император и его окружение всегда выступали главными покровителями изобразительного искусства; кроме того, буддийские и даосские монастыри, а также частные лица зачастую обладали и средствами, и склонностью покровительствовать созданию (или даже самим создавать) произведений искусства, творений религиозного либо философского характера. Большинство произведений искусства и литературы, сохранившееся с этого периода, выросло из одного из этих источников или из нескольких одновременно и, как правило, служило утонченным вкусам образованных и праздных классов. До 1000 г. в пределах огромного массива китайских литературных памятников наблюдаются лишь самые незначительные проявления более народной, городской литературы средних слоев.

Религиозная политика первых императоров династии Тан отличалась терпимостью. Имперское покровительство было сохранено для буддистов, даосистов и последователей Конфуция, но в купеческих кварталах великих имперских столиц Чанъаня и Лояня смешались все – манихейцы, несториане, христиане, зороастрийцы и мусульмане. Присутствие таких чужеродных элементов, без сомнения, вносило свой вклад в скрытое напряжение между древними китайскими религиозными школами и прозелитическими религиями спасения. Но в эпоху Тан преобладала тенденция свободного взаимодействия между тремя основными религиями – даосизмом, конфуцианством и буддизмом, и это сближало религии.

Примерно до середины VII в. продолжался перевод индийских текстов на китайский язык. Позже, после упадка буддизма в Индии, китайским буд-

⁷⁸ Бумага впервые была изготовлена во времена династии Хань, производство фарфора достигло полного совершенства в танский период, начало печатания в Китае датируется 756 г., а химическое вещество было впервые использовано как взрывчатка в военных целях в 1000 г. См. T.F.Carter, *The Invention of Printing in China and Its Spread Westward* (2d ed., New York: Ronald Press, 1955), pp.82-85; L.Carrington Goodrich and Feng Chia-sheng, «The Early Development of Firearms in China», *Isis*, XXXVI (1946), 114-23.

дистам все более приходилось полагаться на собственные теологические источники. Наиболее значимым проявлением китайского буддизма, освободившегося от влияния буддизма индийского, был рост во второй половине VIII в. влияния школы чань (в Японии это течение обозначалось как дзэн). Чань-буддисты считали неправильными сложные метафизические построения других религиозных течений, упорно утверждая, что спасение достигается либо мгновенным просветлением, либо не достигается вообще. По крайней мере, некоторые практикующие адепты этого течения умышленно установили парадоксальный способ выражения своих взглядов и достаточно мрачный антиинтеллектуализм⁷⁹.

Таким образом, в то время как буддизм в китайском окружении терял часть своего чужеземного одеяния, даосизм и конфуцианство, наоборот, включили часть положений буддизма в свои учения. Даосисты учредили институт монашества и составили канон книг, признанных в качестве священного писания, чтобы соперничать с буддистами. Конфуцианству не требовалось никакой защиты: его положение уже было обеспечено прямой связью с бюрократическим аппаратом через систему отбора на государственную службу. Оказалось, что изощренность буддийской аргументации и буддийского аллегорического метода обнаружения скрытых значений в тексте может многое дать усердному исследователю, который поставил бы себе целью сделать классические конфуцианские произведения актуальными для современников эпохи Тан. И соответственно основатели неоконфуцианства, которые начали активно работать примерно в 800 г., совершенно свободно использовали технику интерпретации текстов, а также некоторые богословские положения буддизма. В ранние времена династии Сун, когда неоконфуцианские идеи проходили путь становления, мощный поток даосских доктрин проник в конфуцианство именно в процессе применения буддийских методов толкования старых конфуцианских текстов⁸⁰.

Такое смешивание и перекрестное заимствование положений трех главных интеллектуальных традиций Китая не приводили, как можно было бы предположить, к сближению позиций сторонников этих религий. Напротив, неоконфуцианство давало такое истолкование классических конфуцианских произведений, которое должно было как можно лучше опровергать буддизм; и даосизм развивал свои основные положения с теми же целями. Более аг-

⁷⁹ Fung Yu-lan, *A History of Chinese Philosophy*, II, 385–406. Популярность чань-буддизма, возможно, отражает основное противоречие между утонченными абстракциями умозаключений индийцев и темпераментом китайцев и японцев. Китайский и японский интеллектуальный темперамент, возможно, сложился в течение долгого времени под воздействием конкретных условий, постоянно подразумеваемых в идеографическом письме.

⁸⁰ Fung Yu-lan, *A History of Chinese Philosophy*, II, 407–33.

КИТАЙСКИЙ БОДХИСАТТВА

Эта статуя, которая была создана между 550-м и 577 г., демонстрирует успешное усвоение чужеземных буддийских художественных канонов китайскими скульпторами. Явно и безошибочно прослеживаются индийские и среднеазиатские веяния в манере изображения прически и одежды, а также и во всей позе святого. Проводя сравнение с подобной статуей, отлитой за столетие до этого, видно, насколько более китайской стала эта поздняя работа благодаря не только изменению выражения лица и пропорций изваяния, но и более тщательной передаче складок одежды. То, что раньше ошибочно истолковывалось как декоративная условность реалистического изображения, теперь стало умышленно стилизованным узором, который намекает на монолитность, скрытую за легкой драпировкой.

рессивный дух реконструированного конфуцианства⁸¹ и даосизма, естественно, стремился ослабить положение китайского буддизма, который еще в VI – начале VII в., казалось, стоял на грани превращения в государственную религию. Множество других факторов также способствовали подрыву буддизма – это и рост мирского духа в придворных кругах и, как ни странно, в некоторых богатых буддийских монастырях, и мощная ксенофобия, усилившаяся по мере того, как китайское военное противостояние с варварами пошло на спад после 755 г. Теперь тот самый успех, с которым буддизм преобразовал себя из религии бедных и униженных в полуофициальное вероисповедание, хорошо обеспеченное и земельными наделами, и официальными привилегиями, обрывал его связи с народом⁸².

Результатом этих изменений стала мощная вспышка религиозных гонений в Китае в 843–846 гг., которой предшествовал развал государства уйгуров в 840 г. под ударами внешних варваров. Правящие слои уйгуров приняли манихейство еще в 762 г. и с тех пор использовали всю свою военную мощь для распространения манихейства в Китае, при этом облагая его данью. Поэтому, когда власть уйгуров рухнула, китайцы в ответ решили избавиться от всех манихеев, это в основном были торговцы-уйгуры, длительное господствующее положение которых держалось на силе их зарубежных покровителей. Другие носители чужих религий – несториане, зороастрийцы и мусульмане – вскоре подверглись аналогичным преследованиям. А в 845 г. и богатые буддийские монастыри также были закрыты, возможно, скорее по финансовым соображениям, чем вследствие ксенофобии первой волны гонений. Официальные летописи сообщают, что не менее 44 600 буддийских религиозных учреждений было разрушено, а из 260 500 монахов и монахинь, занесенных в налоговые списки, примерно 150 000 были проданы в рабство⁸³. Китайский буддизм никогда больше не оправился от этого удара. Подорвав к себе доверие накоплением богатств и потеряв сами богатства при конфискациях, буддизм предстал резко ослабленным и не имеющим прежнего значения. Обряды и молитвы в защиту простого народа от злых духов стали главными в практике буддистов – но для такой общественной

⁸¹ Основное направление атак на буддизм было хорошо выражено в известном эссе Хань Ю (768–824). «Будучи сыновьями, они не относились к своим отцам, как подобает относиться к отцам, и являясь подданными, они не относились к своим правителям как к правителям... Они ставят правила варваров выше учений прежних царей, становясь почти такими же варварами». Цит. по Fung Yu-lan, *A History of Chinese Philosophy*, II, 410.

⁸² В работе: J.Gernet, *Les Aspects économiques du Bouddhisme*, pp.240-98 описана изменившаяся социальная роль буддизма в наиболее проникновенной и убедительной форме. Очень похожий процесс распада ослабил индийский буддизм несколькими столетиями ранее.

⁸³ O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, II, 498. Эти статистические данные, возможно, преувеличены.

роли даосизм был приспособлен гораздо лучше. Китайский буддизм, выживший главным образом в форме чань-буддизма, в основном сохранился в самых отдаленных областях страны и вне пределов Китайского государства – в Японии и Корее⁸⁴. Бурный расцвет индийских богословских рассуждений полностью прекратился, и буддизм перестал быть важным элементом высокой культуры Китая.

Таким образом, после 845 г. в Китае никакие иноземные религии больше не бросали серьезного вызова ни конфуцианству, ни даосизму; и к эпохе Сун (после 960 г.) неоконфуцианство впитало достаточно много из даосизма для того, чтобы начисто стереть прежнее противопоставление между этими двумя религиозными традициями. Тем же путем, каким конфуцианство успешно переварило легалистов, моистов и другие соперничавшие течения в эпоху Хань, во времена династии Сун, т.е. после 1000 г., неоконфуцианство, впитав в себя наиболее важные догматы буддизма и даосизма, бесспорно, стало официальной интеллектуальной системой Китая. Это была победа знати над торговыми и военными пришельцами, а также победа исконной китайской традиции над метафизическими религиями спасения души, пришедшими из Западной Азии. Отторжение буддизма с его неискоренимо чуждыми аспектами обеспечило китайской цивилизации ту степень единства и непрерывности развития, с которой ни одна цивилизация Евразии не может сравниться. С другой стороны, монолитная природа неоконфуцианского синтеза ограничивала будущее развитие китайской культуры более узкими рамками, чем любая из многочисленных интеллектуальных традиций исламского или христианского мира⁸⁵.

В Китае естествознание, особенно астрономия, математика и медицина, удивительным образом осталось не затронуто иностранным влиянием в

⁸⁴ Манихейство выжило еще несколько столетий среди уйгуров, которые преуспели в создании своего царства в бассейне реки Тарим после того, как их изгнали из основных степных районов. (В этой исторической точке тюркские языки заменили индоевропейские языки, на которых ранее говорили в оазисах Центральной Азии.) Зороастризм фактически исчез, христианство несторианского толка сохранилось лишь как религия меньшинства в центрально-азиатских оазисах, но будущее Центральной Азии было связано с мощной экспансией религии Мухаммеда.

⁸⁵ Если развитие культуры Индии в этот период можно описать как атавистическое движение к своим доарийским и доцивилизованным истокам, то консолидация Китая вокруг сильно модифицированного конфуцианства должна рассматриваться как менее радикальный, но похожий атавизм, нацеленный не в предцивилизацию, но тем не менее в исчезающий, «более чистый», более ограниченный период прошлого. Намеренное ограничение китайской культурной традиции в период возрождения конфуцианства стало более ясным позже, когда китайская ученая критика отвергла многие неоконфуцианские переосмысления классических конфуцианских произведений. Совершенно иные последствия столь же атавистических Ренессанса и Реформации в Европе будут рассматриваться в одной из последующих глав.

эпоху Тан, и это при том, что индийские научные работы были хорошо известны в Китае, а несколько индийских астрономов даже достигли высокого положения на императорской службе. В этот период китайские астрономы сделали множество различных уточнений в своих наблюдениях, а также ряд замечательных усовершенствований приборов для наблюдения за перемещениями небесных тел. Но близкая связь между астрономией и предсказанием – официально астрономы содержались лишь для того, чтобы толковать волю Небес да предсказывать дни затмений и других необычных явлений, – возможно, была достаточной, чтобы оградить традиционные китайские методы от подрывных зарубежных влияний⁸⁶.

Эволюция изящных искусств в Китае в 600–1000 гг. шла параллельно с интеллектуальной и религиозной историей эпохи. В ранний период династии Тан буддийская скульптура и живопись все еще основывались на индийских либо среднеазиатских прототипах⁸⁷. К VIII в., однако, появился отчетливо китайский стиль буддийского искусства. Некоторые скульптуры этого периода ясно отражают процесс угасания религиозного вдохновения на фоне проявления более светского духа. После 845 г. буддийское искусство выжило лишь на окраинах Китая, где религиозные гонения были менее жесткими⁸⁸.

Резкое прекращение деятельности буддийских художников, которое последовало сразу же после закрытия монастырей в 845 г., не привело к окончательному исчезновению буддийского искусства в Китае. Напротив, как неоконфуцианство смогло в конце концов одержать победу только после принятия некоторых черт буддизма, так и китайское светское искусство оформилось только после многих заимствований из буддийских прототипов. Это было особенно очевидно в живописи – основном виде искусства⁸⁹ последующей китайской цивилизации. В резком контрасте с фантастичес-

⁸⁶ Индийский астроном, назначенный управляющим королевской астрономической службой в первой половине VIII в., перевел ряд индийских текстов, в которых были представлены и разъяснены правила записи десятичной системы счисления, таблицы значений функции синуса и другие сведения индийской математической астрономии, но все эти новинки были проигнорированы китайцами. См. Kiyoshi Yabuuchi, «The Development of the Sciences in China from the Fourth to the End of the Twelfth Century», *Cahiers d'histoire mondiale*, IV (1958), 337–39.

⁸⁷ Известный китайский пилигрим Сюань-цзан привез из Индии в 645 г. не только санскритские тексты, но и подлинные образы Будды. Сасанидский стиль, свойственный центрально-азиатским оазисам, также оказал явное влияние на китайское искусство.

⁸⁸ См. Ludwig Bachhofer, *A Short History of Chinese Art* (New York: Pantheon, 1946), pp.63–80; Lawrence Sickman and Alexander Soper, *The Art and Architecture of China* (Harmondsworth: Penguin Books, 1956), pp.53–77.

⁸⁹ Возможно, главное объяснение этого факта состоит в том, что живопись тесно связана с каллиграфией, поскольку обе они исполняются с помощью кисти. Знатный и образованный человек мог, таким образом, стать художником без ущерба для своей репутации; и действи-

Oswald Siren, Arts anciens de la Chine. La Sculpture de l'époque Han à l'époque Ming.

ВЕЛИКОЛЕПИЕ И ЭЛЕГАНТНОСТЬ ИМПЕРСКОГО КИТАЯ

Статуэтка на фото сверху датируется эпохой династии Суй (581—618 гг.). Представленная ниже настенная живопись скопирована в пещере на западе Китая и датируется поздним периодом династии Тан (618—912 гг.). Оба эти изображения кое-что говорят о достоинстве, величавости и изяществе жизни при императорском дворе в Китае. Тонкое высокомерие, искусно выполненное платье и намек на сладострастие в облике статуэтки открывает то, что закрытый паланкин на картине скрывает от простых глаз: высокое искусство куртуазной красоты. Роспись воспроизводит движение торжественной процессии, в центре которой — императорский наместник и его жена. Чтобы выразить пышность всего обряда художник изобразил сопровождающих всадников и выступающих жонглеров и танцовщиков. Буддисты первыми принесли в Китай идею использовать искусство для рассказа историй именно таким способом (еще два панно, не воспроизведенные здесь, дополняют изображение процессии). Но светское содержание и жизнерадостность этих изображений показывают, с каким совершенством китайцы переработали это столь специфическое иноземное влияние в период династии Тан.

Oswald Siren, Chinese Painting.

кими, полугеометрическими изображениями ранних китайских стилей буддийская живопись пытается представить человеческие фигуры и обстановку визуально отчетливо и передать сюжет, который может «прочесть» даже неграмотный. Специальные живописные приемы для выполнения этих задач были в целом удовлетворительно разработаны еще в VIII в., когда процветали самые ранние китайские художники. В течение IX–X вв. китайские живописцы научились изображать пространство как единое и обобщенное целое, хотя и не пользуясь при этом линейной перспективой, открытой в Европе XV в. для решения сопоставимых задач. Вместо использования линейной перспективы ландшафты на китайских картинах изображались с перемещающихся в пространстве воздушных точек зрения, передавая ощущение обозрения обширных пространств, и в то же время предлагая определенное настроение и радуя глаз тонким декором. Этот высоко изысканный, хрупкий и наводящий на размышления стиль определил характер всей последующей живописи Китая, хотя более поздние художники продолжали работу над усовершенствованием его деталей⁹⁰.

В области литературы и музыки классические формы композиции, заложенные еще в эпоху Хань, были всесторонне обогащены в ранний период Тан. Уникальный характер китайской письменности и естественные языковые барьеры гарантировали беллетристике сравнительно стойкую защиту от иностранного влияния, но придворные упоминания о танцах, песнях и музыке свидетельствуют о культурных заимствованиях у степных захватчиков в предыдущих столетиях⁹¹. Кроме того, в народных и изначально не стесненных церемониями песнях и рассказах улиц черпали вдохновение поэты-новаторы. Ли Бо (701–762) и Ду Фу (712–770) – одни из самых ранних и наиболее известных поэтов, занимавших высокое общественное положение. Именно они развили поэтические формы, выводя их из самых простых источников, создавая совершенные, иногда несколько вычурные, произведения поэтического искусства.

В высшей мере парадоксально, что поэтические условности, выработанные этими и другими мастерами, оказались к X в. выхолощенными из-за того, что каждый подобающе образованный аристократ обязательно должен был стать поэтом. Когда вошло в норму правило, согласно которому экзамен на место императорского чиновника включал сочинение стихотво-

тельно, большие художники были весьма уважаемыми людьми. Начиная приблизительно с 500 г. изучение литературы, описывающей жизнь и творчество известных живописцев, твердо вошло в конфуцианскую литературную традицию.

⁹⁰ См. Oswald Siren, *Chinese Painting* (New York: Ronald Press, 1956–58).

⁹¹ E.D. Edwards, *Chinese Prose Literature of the T'ang Period* (London: Arthur Probsthain, 1937), I, 30–40, 60–72.

рения в соответствии с утвержденным строгим каноном и предписанным содержанием, поэзия стала настолько регулируемой, что уже не могла процветать, хотя и продолжала производить огромные количества приглаженных стихотворений. Лиризм, который в течение нескольких поколений прорывался через древние условности и нормы, чтобы поразить читателя высокой личной, часто автобиографической нотой⁹², был, таким образом, мягко возвращен в сети конфуцианской религиозной традиции.

Многие другие литературные формы, несмотря ни на что, упорно продолжали существовать, хотя и не всегда в полном объеме. Хроники, эссе, сборники рассказов и комментарии к текстам классических произведений – все это составляет огромную массу литературных произведений с богатым разнообразием стилей, хотя многие из них и исчезли в прошедших столетиях⁹³.

Другой важной особенностью эпохи Тан и раннего периода династии Сун было существование полной элегантности ночной жизни. Профессиональные актеры, музыканты, танцовщики развлекали императорский двор и знать, а на более низком уровне удовлетворяли потребности крестьян, торговцев и других, менее почтенных групп населения. Керамические изображения в стиле куртуазных красавиц дают некоторое представление об ушедших в прошлое вечерах, когда поющие девушки демонстрировали свое обворожительное искусство. Популярная поэзия и любовные истории, что характерно, рассказывали об экстравагантном влечении знатных молодых людей к певицам низкого происхождения и представляли картины роскоши, утонченной и изысканной жизни, останавливаясь лишь перед передачей сцен самого буйного разврата.

Богатство и утонченность китайской цивилизации в период правления династии Тан и ранних императоров Сун представляли нечто вроде золотого века в длинной истории Китая, хотя непрерывность и всеобщий консерватизм китайской традиции лишают это время какой-либо особой исключительности. Кроме того, догматическая невосприимчивость ислама к любым языческим достижениям подразумевала, что культура династии Тан не смогла повлиять на современные ей цивилизации Евразии, как это ранее сделали

⁹² См. биографию Ли Бо, основанную в большой мере на его стихотворениях, в работе: Arthur Waley, *The Poetry and Career of Li Po* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1950).

⁹³ Мои замечания о достижениях китайской литературы основаны на работах E.D. Edwards, *Chinese Prose Literature of the T'ang Period*; James R. Hightower, *Topics in Chinese Literature* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1950); Herbert A. Giles, *A History of Chinese Literature* (New York: D. Appleton & Co., 1901).

эллинизм и Индия эпохи Гуптов. В результате мощная привлекательность достижений цивилизации Китая была действительна только в пределах узкого круга стран Дальнего Востока. И это состояние сохранялось вплоть до монгольских завоеваний XIII в., которые вызвали некоторый интерес к мастерству китайцев у остальной части цивилизованного мира.

В китайском влиянии на Японию, Корею и соседние варварские государства не было, конечно, ничего нового; и в 600–1000 гг. китайская экспансия в этих областях продолжалась по-прежнему. Главным приобретением для сферы влияния китайской цивилизации была Юньнань, где независимое государство успешно противостояло китайским армиям, но не смогло устоять перед очарованием китайской культуры⁹⁴. В течение этих же столетий индуистские государства Юго-Восточной Азии расширились в глубь континента от прибрежных равнин и долин рек, где они сначала возникли⁹⁵. Так, например, долина реки Меконг стала центром, из которого обширное государственное образование расширило в конце IX в. свои пределы на север, к границам Юньнани. Это привело культуру, созданную на индийских традициях, к прямому контакту с государством, где только что победила китайская культурная традиция⁹⁶. Подобные контакты в восточном направлении, вдоль побережья Индокитая и на запад, через границу между Бирмой и Юньнанью, были и раньше. В результате в Юго-Восточной Азии образовалась более-менее протяженная пограничная зона между двумя зонами-спутниками двух больших цивилизаций. Примитивные формы социальной организации, конечно, сохранились, образовав островки в пустотах растущей сети цивилизованных и полудицилизованных сообществ.

На севере, однако, цивилизованное расширение все более переступало географические границы между степью и сельскохозяйственными территориями, которые так долго привязывали китайский способ хозяйствования к орошаемой земле. Тюркские каганаты, с которыми Китай граничил на севере, а особенно государство уйгуров, существование которого продолжалось с 745 г. по 840 г., уже больше не были просто варварскими ордами. Подобно хазарам, их соплеменникам из другой окраины тюркского мира, уйгуры усвоили многие черты цивилизованных сообществ, включая грамотность, более высокую религию и в известной мере довольно устойчивую систему

⁹⁴ O.Franke, *Geschichte des chinesischen Reiches*, II, 448-51, 501-4. Юньнань оставалась политически независимой до XIII в.

⁹⁵ Величественные храмы и другие религиозные сооружения, построенные в этих странах, были (по крайней мере, некоторые из них) обильно украшены выразительной скульптурой в индийской традиции, но социальная система, поддерживающая это высокое искусство, была сравнительно хрупкой. См. G.Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonesie*, pp.202-9.

⁹⁶ См. G.Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonesie*, pp.167-78, 188-201.

государственного управления. Так же как и хазары, они дополнили свой традиционно кочевой образ жизни, добавив к разведению животных речную и караванную торговлю. Такие торговые пути пересекали степь не только с востока на запад, но и с севера на юг, связав зоны заповедных лесов Евразии с цивилизованными центрами юга. Безусловно, неблагоприятные климатические условия в восточных степях делали местные цивилизации более хрупкими, чем культурные сообщества, расположенные в более благоприятной природной среде Юго-Восточной Европы в тот же период истории. И все же растущее культурное влияние Китая и народов центрально-азиатских оазисов на лесные районы и степи Маньчжурии и Восточной Сибири было бесспорным.

Аналогичные изменения произошли и в Тибете, введя его в круг сообществ с полувцилизированным образом жизни. Развитие Тибета, которое началось довольно резко, в начале VII в. привело к объединению страны в царство с огромной военной мощью. Когда власть Китая в Средней Азии в середине VIII в. пошатнулась, тибетские отряды вступили в борьбу за среднеазиатские города-оазисы, оспаривая их у мусульман Восточного Ирана. Успехи тибетцев были столь значительны, что вскоре они создали империю, начинающуюся от устья Ганга и раскинувшуюся через Инд на север до озера Балхаш и на восток к большому изгибу реки Хуанхэ. К 860 г. отдаленные области отпали от этой империи, но ядро государства Тибет выжило и сохранилось.

В основных положениях тибетцы заимствовали свою религию из Индии, светскую культуру из Китая, окрасив и то, и другое собственными, родными традициями. Под эгидой буддизма начались систематические и впечатляющие по размаху усилия по переводу текстов, содержащих полезные знания, с санскрита на тибетский язык. С этой целью царь Тибета в 632 г. даже послал одного из своих министров в Индию непосредственно для того, чтобы создать или подыскать подходящий алфавит для тибетского языка. «Патриотическая реакция» местных жителей в 836–842 гг. грозила полным искоренением буддизма в Тибете; но к середине X в. был достигнут довольно устойчивый синтез буддизма с местной религией бон. Этот сплав обычно известен под названием «ламаизм»⁹⁷. Занимая в культурном отношении промежуточное звено между Индией и Китаем, а в военном – оставаясь защищенным высокими горами, Тибет легко обеспечивал свою политическую независимость.

На северо-востоке китайское влияние не испытывало никакой конкуренции со стороны индийских или иранских культурных традиций. И сле-

⁹⁷ См. Helmut Hoffmann, «Tibets Eintritt in die Universalgeschichte», *Saeculum*, I (1950), 258-79.

довательно, хотя многие базовые элементы культуры, в частности язык, всегда оставались отличными от китайских, цивилизации Кореи и Японии несли на себе более четко выраженный китайский отпечаток, чем цивилизации других пограничных с Китаем территорий.

Корея в самой малой степени включилась в сферу влияния китайской культуры до времен династии Хань и долго служила посредником между Китаем и Японией. Миграция с севера – аналогичная той, что вызывала перемещение варварских народов на север Китая в III–VI вв., – привела к образованию мощного и воинственного государства на севере Кореи. Корея успешно противостояла посягательствам династии Суй, но внутренние раздоры вынудили корейцев признать китайский сюзеренитет в 668 г. Правда, императоры Тан в основном удовлетворялись символической властью над этим регионом.

Радикальное различие между корейским и китайским языком было основной причиной, послужившей сохранению самобытной корейской культуры. Хотя китайская письменность относится к идеографическим и, подобно знакомой нам системе численного обозначения, может читаться на любом языке, в VII в. корейские ученые сочли полезным изобрести вспомогательные символы, отражающие специфические окончания, предлоги и союзы корейского языка⁹⁸. Используемые сначала как примечания либо пометки на полях в китайских текстах, эти символы в конечном счете развились в независимый корейский алфавит. Это обеспечило Корею своей особой литературной традицией.

Возобновление политических беспорядков в Корее происходило параллельно с крушением династии Тан в Китае. Однако в 935 г. новая корейская правящая династия объединила весь полуостров; и когда Китай в свою очередь вновь заявил о себе как о мощном государстве под управлением династии Сун (960 г.), обе эти страны возобновили политическое и культурные отношения. Теперь Корея была уже определенно менее зависима от Китая, чем во времена Тан. Необходимость сохранять мир с государством киданей, которое граничило и с Кореей, и с Китаем на севере, удерживала династию Сун от открытой попытки установить политическое господство в Корее. Кроме того, новая правящая династия Кореи приняла буддизм, подчеркивая

⁹⁸ В китайском языке нет предлогов и окончаний, но они имели важное значение в иных языках, подобных корейскому и японскому. Следовательно, возникла потребность во вспомогательной системе обозначений, которая должным образом оформилась в виде слоговой азбуки. В конечном счете введенные буквенные системы обозначений и привели к разработке в Корее совершенно нового, полностью оригинального корейского алфавита. Этот процесс был облегчен, а возможно, и вызван, занятиями по изучению санскрита, которые организовывали буддисты для тех, кто искал чистых источников их религии.

тем самым автономии местной культуры и защищая Корею от неоконфуцианства династии Сун. В свое время таким же образом манихейство защищало уйгурское царство от китайского культурного превосходства⁹⁹.

Похоже, что первый импульс в своем движении к цивилизации Япония получила из Кореи. Первым признаком этого послужило проникновение буддизма в 552 г., хотя новая религия не получила надежного статуса в Японии до 587 г. С этого момента укрепление централизованной власти и страстное стремление усвоить достижения китайской цивилизации шли рука об руку. Прямые дипломатические отношения между правящими дворами Китая и Японии были впервые установлены в 607 г.; после этого японские дипломатические миссии прибывали в Китай регулярно и достаточно часто. Искусные мастера и актеры, а также переписчики и переводчики сопровождали дипломатических сановников в составе этих миссий. Все лучшее из китайской культуры, все, что могло считаться полезным на родине, заимствовали и привозили в Японию.

В результате в течение периода Нары (646–794 гг.)¹⁰⁰ в Японии развились пока еще хрупкие элементы придворной культуры. Поэзия и живопись в китайском стиле процветали почти так же, как и непосредственно в Китае. Управление, придворная иерархия, императорский протокол – все было достаточно точно смоделировано по образу и подобию династии Тан. К X в., однако, начала оформляться выразительно японская версия этой культуры. Слововое упрощение китайского письма впервые позволило письменно зафиксировать фонетику японского языка¹⁰¹. В это же время власть японского имперского двора начала уступать грубой силе провинциальных феодалов, которые лишь слегка усвоили китаизированную культуру японской столицы. Наиболее замечательным памятником культурного освобождения Японии от власти китайских литературных моделей стал роман «Сказание о сиятельном принце Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»)¹⁰², написанный Мурасаки Сикибу, придворной дамой из императорского окружения, в начале XI в. Написанный на японском языке лишь со случайным вкраплением китайских слов, «Гэндзи-моногатари» – шедевр мировой литературы, полная жиз-

⁹⁹ M. Frederick Nelson, *Korea and the Old Order in Eastern Asia* (Baton Rouge, La.: Louisiana State University Press, 1945), pp. 28–57; Homer B. Hulbert, *The History of Korea* (2 vols., Seoul: Methodist Publishing House, 1905).

¹⁰⁰ Название период получил по местонахождению императорской столицы, которой тогда был город Нара.

¹⁰¹ Японские слова записывали с помощью китайских иероглифов, используя эквиваленты, основанные на совпадении значения, еще с V в. Эта система, однако, была не более подходящей для японцев, чем для корейцев.

¹⁰² Перевод на английский: Arthur Waley, *The Tale of Genji* (Boston, New York: Houghton Mifflin Co., 1935).

ни любовная история, описывающая изысканные чувства высшего света. Но вскоре императорская власть пала, и у госпожи Мурасаки не нашлось достойных наследников среди обитателей двора, который вскоре стал не более чем позолоченной клеткой¹⁰³.

В конечном счете расширение сферы китайского культурного влияния в эпоху Тан и ранний период династии Сун наряду с одновременной экспансией индийской и мусульманской¹⁰⁴ цивилизаций должны были заполнить почти все бреши, которые ранее отделяли главные цивилизации Азии друг от друга. Пограничные зоны заполнили государства и народы, культуры которых были лишь отчасти автономны и зависели от культур главных цивилизаций континента. Характерно, что эти народы – уйгуры, хазары, тибетцы, корейцы и др., – использовали письмо, религию и военно-политическое устройство своих ближайших соседей как раз для того, чтобы противостоять поглощению ими¹⁰⁵. В более ранние периоды истории культурное поглощение было обычной участью приграничных варварских народов, теперь же пересечение зон влияния различных цивилизаций Евразии стало настолько сильным, что первобытные народы получили возможность выбора различных видов цивилизации. Этот выбор привел к усилению варварского сопротивления с целью добиться больших выгод при ассимиляции в любую из соседних цивилизаций. Это придавало Евразии довольно необычное, новое культурное обличье, сопоставимое в своей сложности разве что с созданными еще во II тыс. до н.э. цивилизациями-спутниками вокруг Месопотамии и Египта.

Е. ВНЕШНИЕ ОКРАИНЫ

Расширение евразийской ойкумены в VII и X вв. привело к созданию широкого и почти непрерывного пояса цивилизаций Старого Света, протянувшегося на огромной территории от Атлантики до Тихоокеанского реги-

¹⁰³ Эти итоговые замечания о Японии основаны на работе: G.B.Sansom, *Japan: A Short Cultural History* (rev. ed.; New York: Appleton-Century, 1943), pp.64–255.

¹⁰⁴ Мусульманское проникновение в западные и центральные степи будет описано в следующей главе; этот процесс начался еще в 1000 г., но все его последствия проявились позже.

¹⁰⁵ Империя киданей, которая контролировала самые северные области Китая начиная с 907 г., – наглядный пример того, насколько сознательно такая политика могла проводиться. Внутренний дуализм этого государства, который, кажется, умышленно поддерживался для того,

она и от Индийского океана до заповедных зон лесного севера. К 1000 г. только тонкая полоса Крайнего Севера с рассеянными по ней охотниками и пастухами северных оленей оставалась все еще почти нетронутой сельским хозяйством и торговлей. На остальной территории Евразии народы степей и большинства лесных зон соприкоснулись с одним, а иногда и с несколькими видами цивилизованной жизни.

В течение тех же столетий купцы успешно прорвались через барьер Сахары на юг. Все более широкое применение верблюдов, которые появились на севере Африки еще во времена Римской империи, позволило организовать более масштабную караванную торговлю, чем прежде. Магнитами, которые в основном притягивали хозяев караванов, идущих на риск и опасности при пересечении пустынь, были золото и рабы. Увеличение торгового потока через Сахару, в свою очередь, стимулировало возникновение более сложных обществ в Черной Африке. Племенные вожди и их ставленники стремились монополизировать поставки золота и рабов и организовать добычу того и другого систематически и в как можно больших масштабах. Гана, самое первое государство, организованное по пути следования караванных маршрутов, по-видимому, в VIII в. подчинилось новой династии, и это был пример передачи власти от берберских негритянским правителям. В это же время в районах, примыкающих к Западной Африке, деревенские сообщества начали поддерживать другие, соперничающие центры политической и коммерческой власти. Эти государства предложили широкие возможности для развития горной промышленности, военной деятельности и кораблестроения и, таким образом, основали теневую протоцивилизацию, которая раскинулась на территории, значительно большей, чем когда-либо занимала Гана¹⁰⁶.

На востоке в ранний исламский период Африка также стала свидетельницей существенного распространения коммерческого предпринимательства на обширные географические области. К VIII в. арабские мореплаватели полностью вытеснили все прежние торговые перевозки вдоль Африканского побережья; и ряд поселений, даже расположенная на далеком юге Софала, бы-

чтобы позволить киданям сохранить свою социальную и культурную самобытность в столкновении с Китаем, был кропотливо проанализирован в работе: Karl A. Wittfogel and Feng Chia-sheng, *History of Chinese Society, Liao (907–1125)* (Philadelphia: American Philosophical Society, 1949).

¹⁰⁶ См. E.W.Bovill, *Caravans of the Old Sahara: An Introduction to the History of the Western Sudan* (London: Oxford University Press, 1933), pp.43–47, 59–63; Diedrich Westermann, *Geschichte Afrikas, Staatenbildungen südlich der Sahara* (Cologne: Greven Verlag, 1952), pp.72–76; J.D.Fage, *An Introduction to the History of West Africa* (Cambridge: Cambridge University Press, 1955); George Peter Murdock, *Africa: Its Peoples and Their Culture History* (New York: McGraw-Hill, 1959), pp.72–73; J.Spencer Trimingham, *A History of Islam in West Africa* (London: Oxford University Press, 1962), pp.20–22.

стро принял мусульманские порядки. В этих прибрежных факториях арабские торговцы в сговоре с местными племенными вождями свозили золото, рабов и слоновую кость из внутренних районов для отправки грузовых партий в различные порты Индийского океана. Все же за возможным исключением Зимбабве¹⁰⁷ все эти торговые операции заведомо не приводили ни к какому государственному строительству и ни к каким заметным изменениям в традиционной социальной организации народов Восточно-Африканского плоскогорья¹⁰⁸.

До окончания I тыс. тропические леса Экваториальной Африки и полупустыни юга континента остались почти незатронутыми прогрессом цивилизации. Конечно, говорящие на языках банту племена, которые занимались примитивным подсечно-огневым земледелием, продолжали распространять его, передвигаясь сквозь лесные пространства бассейна Конго. Племена, живущие древней охотой, уходили все далее на юг и восток, как делали это их предки из века в век. Такого же рода консерватизм преобладал и в другой большой зоне Старого Света, свободной от влияния цивилизации, – в Австралии.

В те же столетия пространства Тихого океана стали ареной одного из наиболее замечательных во всей истории человечества переселения народов. Коралловые атоллы и изолированные вулканические острова, иногда отделенные от самой близкой точки материка сотнями миль безбрежного океана, стали местом проживания людей. В ряде случаев даже на очень дальних островах возникали сообщества с достаточно сложной структурой. Такие сообщества расселялись от одной группы островов к другой за счет случайных плаваний, когда подхваченные ветром и волнами лодки со всем их содержимым уносило за сотни или даже тысячи миль. Конечно, многие команды судов состояли исключительно из мужчин и, следовательно, не могли основать развивающихся поселений, но когда на борту случались женщины, происшествие могло привести, и приводило, к возникновению нового островного сообщества. Весь процесс мало чем отличался от рассеяния семян

¹⁰⁷ Датировка больших каменных сооружений в Родезии, представляющих собой остатки нескольких городов, – это предмет споров. В работе: G.P.Murdock, *Africa: Its Peoples and Their Culture History*, pp.209-11 утверждается, что эти остатки датируются VII в. А в работе: G.Caton-Thompson, *The Zimbabwe Culture* (Oxford: Clarendon Press, 1931) приведены данные в пользу IX–X вв. В работах: D.Westermann, *Geschichte Afrikas*, pp.412-16 и H.A.Wieschoff, *The Zimbabwe-Monomotapa Culture in Southeast Africa* (Menasha: George Banta, 1941) утверждается, что эти строения были возведены в XIV в. Все соглашаются с тем, что добыча золота была экономической базой для возникновения этих городских или полугородских центров.

¹⁰⁸ О начале проникновения цивилизации на восток Африки, см. R.Coupland, *East Africa and Its Invaders* (Oxford: Clarendon Press, 1938), pp.1-41; Zoë Marsh and G.W.Kingsnorth, *Introduction to the History of East Africa*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1957), pp.1-12.

одуванчика попутным ветром. Озадачивающее ученых разнообразие племен Микронезии и Меланезии – результат именно такого способа расселения, которое началось задолго до 600 г. Но наиболее впечатляющая, с переходами на самые дальние расстояния миграция жителей Полинезии, по-видимому, происходила главным образом в 600–1000 гг.¹⁰⁹

Жители Полинезии, вероятно, никогда не уходили в море больше чем на 200 или 300 миль, поскольку их методы навигации были слишком примитивны, чтобы предполагать успешный исход плаваний на большие расстояния. Но факт, что такое случалось, означает, что дальние плавания совершались вынуждено, когда судно терялось в океане. Случайные контакты с Америкой, так же как и с Азиатским материком, несомненно, время от времени происходили, так что жители Полинезии установили тонкий, но вполне реальный культурный контакт на всем протяжении Тихоокеанского региона. Случаи, когда путешествия имели сколько-нибудь важные последствия, были, конечно, очень редки. Только если волны выбрасывали корабль и его команду на плодородный и необитаемый остров или скитальцы выходили на берег, где местное население желало и было способно перенять что-то из культурного багажа чужестранцев, – только тогда эти путешествия могли оставить заметный след. Культурный обмен более общего характера происходил, когда каноэ из отдаленного места привозило незнакомый вид растения или животного как часть своего дорожного провианта. Неравномерное и сложное распределение культурных растений и домашних животных по тихоокеанским островам, таким образом, может служить чувствительным индикатором диапазона и характера временно возникавших контактов, которые связывали побережье и острова в прошлом, еще до того, как европейцы пришли и усложнили местную экологию, привезя много новых видов растений и животных¹¹⁰.

¹⁰⁹ Можно рискнуть сделать предположение, что создание опорных поплавок было настолько эффективным, что сделало возможными столь дальние рейсы полинезийцев. Канокатамараны, должным образом снабженные продовольствием и рулем, могут переживать даже жестокий шторм и плыть или дрейфовать достаточно долго.

¹¹⁰ Эндрю Шарп в работе: Andrew Sharp, *Ancient Voyagers in the Pacific* (Wellington, N.Z.: Polynesian Society, 1956) аргументировано опровергает превратные представления о характере и районе плаваний полинезийцев, сделанные ранее. Внушительный список отчетов о рейсах со случайным дрейфом в первые десятилетия европейского присутствия в южных морях, достаточно убедительно доказывают следующую точку зрения: запланированные рейсы всегда имели относительно малую дальность, дальние путешествия, которые объясняют расселение полинезийцев, были случайными. Тур Хейердал, что интересно, один из тех, кто аргументировано опровергает выводы Шарпа в работе: Thor Heyerdahl, *American Indians in the Pacific* (Stockholm: Bokförlaget Forum AB, 1952). Впрочем, его собственные взгляды и предположения изменились, см. *Aku-Aku* (Chicago: Rand McNally, 1958), pp.371-77.

О расселении растений и загадках, которые они ставят перед ботаниками, см. George F. Carter, «Plants across the Pacific» («Society for American Archaeology Memoirs», No.9 [1953]), pp.62-72.

В Новом Свете так называемый классический период расцвета американских цивилизаций длился несколько столетий после 600 г. В Гватемале и примыкающих частях Мексики классические культовые центры цивилизации майя росли и численно, и по сложности структуры. Но в середине IX в. храмы майя были оставлены один за другим, и джунгли вернулись назад, укрыв зеленью широкие внутренние дворы, дороги и ступенчатые пирамиды. Нет никаких причин считать, что майя оставили эту территорию. Возможно, набеги с севера разрушили надежду на богов, которые не сумели уберечь своих верующих от простых, человеческих врагов. Может быть, пришельцы¹¹¹ захватили и принесли в жертву всех высших священнослужителей и тем самым прервали поклонение старым сложным культам, даже если обычные люди сохраняли свою веру в прежних богов. Но за отсутствием признаков насилия в пустынных и оставленных городах более вероятно предположение, что священнослужители просто не сумели предупредить распространение более простой и популярной религии. Очевидно, новая религия убедила каждого отдельного крестьянина в том, что он сможет сохранить плодородие своих кукурузных полей и защитить их, совершая соответствующую, и главное, неофициальную церемонию вместо дорогостоящей ритуальной службы с бесполезными священниками. В XVI в. европейские пришельцы нашли среди народов майя только такой личностный религиозный культ, для которого (как это бывало и в других странах) громоздкие храмовые центры более ранних времен стали просто не нужны.

На еще более далеком севере ход событий менее очевиден. Мексиканское нагорье и некоторые прибрежные районы видели возвышение и падение величественных религиозных центров. Эти сооружения можно приближенно отнести к тому же периоду, что и храмовые комплексы майя. Почти наверняка мексиканские храмы были разрушены при вторжении более воинственных варварских племен с севера. По крайней мере, во время раскопок на участках, относящихся к более позднему периоду, обнаруживаются дворцы, словно бросающие вызов храмам своей монументальностью, а найденные остатки скульптур указывают на то, что на месте старой религии, уделявшей много внимания астрономии и урожайности овощей, возник новый, более кровавый культ. В конце X в. одна из ветвей этой древнемексиканской цивилизации утвердилась на территории майя и создала крупный религиозный и политический центр в Чичен-Ица на полуострове Юкатан. В памятниках Чичен-Ица старые мотивы искусства майя сплетаются с более поздними мексиканскими, но точность и изящество резьбы

¹¹¹ В некоторых образцах поздней резьбы майя имеются следы пришлых, «мексиканских», лейтмотивов.

по камню, а также полнота астрономических знаний и календаря уступают образцам классической культуры майя.

Хронология памятников в Перу весьма неточна. В 500–1000 гг.¹¹² возникает и распространяется почти по всей территории Перу культура Тианако, называемая так по названию крупного культового комплекса в Андах. Нельзя утверждать определенно, была эта культура свидетельством завоеваний и создания новой империи или же отражением нового религиозного движения, пришедшего на смену старой религии. По-видимому, степень воинственности все же возросла, а художественный уровень понизился по сравнению с прежним¹¹³.

Как и в Старом Свете, в Мексике и Перу цивилизованные сообщества влияли на более отсталое население в пределах досягаемости. Подробности этого влияния не ясны. Однако сельскохозяйственные поселения, возникавшие более или менее прочно на одном месте, распространялись по обширной территории Северной и Южной Америки, и скромные зачатки культовых комплексов, напоминающих мексиканские, по-видимому, стали возникать к 1000 г. даже в таких отдаленных местах, как юго-восток современных Соединенных Штатов.

¹¹² Некоторые ученые оспаривают и эту хронологию.

¹¹³ Gordon R. Willey, «The Prehistoric Civilizations of Nuclear America», *American Anthropologist*, LVII (1955), 571–93; J. Alden Mason, *The Ancient Civilizations of Peru* (Harmondsworth: Penguin Books, 1957), pp. 12–107; Wendell C. Bennett and Junius B. Bird, *Andean Culture History* (New York: American Museum of Natural History, 1949), pp. 153–201; G. H. S. Bushnell, *Peru* (London: Thames & Hudson, 1956), pp. 65–102; Walter Krickeberg, *Alt mexikanische Kulturen* (Berlin: Safari Verlag, 1956), pp. 283–487; J. Eric S. Thompson, *The Rise and Fall of Maya Civilization* (Norman, Okla.: University of Oklahoma Press, 1954), pp. 56–118; G. C. Vaillant, *The Aztecs of Mexico* (Harmondsworth: Penguin Books, 1950), pp. 65–82.

Параллели, которые, по-видимому, существуют между центрально- и южноамериканскими культурами, можно объяснить прямыми (морскими?) или косвенными контактами, однако сильное сходство между американскими и ранними месопотамскими цивилизациями ставит более существенные вопросы. Милитаризация и культурно-интеллектуальный упадок цивилизаций американских индейцев в 600–1000 гг. напоминает период в истории Месопотамии, начавшийся с правления Саргона Аккадского, и эта параллель становится еще более явной, если принять гипотезу о том, что «империалистическому» периоду предшествовало вторжение варваров в древние центры цивилизации.

Достаточно ли такая параллель для определения общего закона экологической периодизации в истории цивилизаций?

ГЛАВА X

Степные завоеватели и европейский Дальний Запад в 1000–1500 гг.**А. ВВЕДЕНИЕ**

Два события резко изменили равновесие сил в ойкумене в первой половине тысячелетия, начавшегося в 1000 г. Первым стало нашествие народов тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского происхождения из евразийских степей, достигшее своего пика в XIII в. во время завоеваний Чингисхана и его преемников. Вторым стал подъем сильной цивилизации в Западной Европе.

Рассматривая оба события, следует признать, что перемещение степных народов было значительно более заметным. Набеги и разрушительные завоевания этих варваров повлияли на развитие почти всего цивилизованного мира. Только территории, расположенные на внешних границах цивилизации: Япония, часть Юго-Восточной Азии, самый юг Индии, а также Дальний Запад Европы, – смогли избежать политического господства завоевателей, прямо или косвенно вышедших из степей. По масштабу завоеванных территорий только завоевания воинов-колесничих бронзового века в XVIII–XV вв. до н.э. могут сравниться с этим нашествием¹. Таким образом, индоевропейские варвары в начале истории степных народов и варвары алтайского этноса на вершине ее делят между собой славу завоевателей, чьи победы отразились на будущей истории всего Евразийского континента.

Завоевания монголов, прокатившиеся от Китая до Восточной Европы, от границ сибирских лесов до Явы, Бирмы и Пенджаба, смешали элементы всех главных цивилизаций Старого Света и сделали это так радикально, как никогда прежде. Задолго до этих событий тюркские воины, захватив исконные территории ислама и продвигаясь к христианским и индийским землям, положили начало взаимодействию трех великих цивилизаций Западной Евразии. Когда монголы добавили к этому взаимодействию китайские

¹ Великое переселение народов в III–VI вв. почти не затронули Индию. Завоеватели железного века (XI–IX вв. до н.э.) тоже не оставили в Индии или Китае заметных следов. Таким образом, хотя эти события и сравнимы в масштабе отдельных регионов, они не оказали столь радикального влияния на историческую судьбу цивилизации во всей Евразии.

элементы, взаимное проникновение высокоразвитых культур Старого Света достигло своего географического предела.

Однако культурное смешение и заимствование в мировом масштабе не стало самым важным последствием тюрко-монгольских завоеваний. Инертные и впечатляющие своей структурой и древностью мусульманская, индийская и китайская цивилизации могли лишь косвенно и в малом объеме измениться в связи с этими завоеваниями. Только на Дальнем Западе Евразии, где мир латинского христианства еще не создал стабильного и имеющего под собой духовный фундамент образа жизни, где люди были достаточно гибкими психологически, чтобы перенимать навыки быта и ремесла даже из далекого Китая, не говоря уже о мусульманских и византийских соседях, была возможность положить разнородный фундамент в основу развивающейся цивилизации. Это было добрым знаком судьбы для развития Европы. Народы Западной Европы приветствовали и перенимали нововведения, в то время как более населенные и древние цивилизованные общества Азии (и юго-востока Европы) уже не могли этого сделать. Впрочем, более древние цивилизации по-разному справлялись с вторжением варваров. Исламский Средний Восток цивилизовал новых хозяев; Китай и Россия, терпевшие, а потом избавившиеся от чужеродных правителей, замкнулись в рамках «патриотической реакции»; а Индии и христианской Византии, не способным изгнать захватчиков, пришлось приспособиться к правлению принявших ислам тюрков.

Таким образом, через смену ролей, что вообще типично для истории, исламская цивилизация, которая пострадала больше всего от набегов и завоевательных походов кочевников, стала набирать силу, черпая энергию из переворота старых взаимоотношений, принесенного вторжением степных завоевателей. Разумеется, понадобилась глубокая внутренняя трансформация исламской цивилизации, прежде чем сложился образ жизни, более или менее приемлемый как для новых тюркских (или монгольских) правителей, так и для более древних и цивилизованных народов Среднего Востока. Когда же этот процесс трансформаций был завершен, воинственность исламизированных народов степей, помноженная на новую энергию миссионерства, свойственную суфизму, привела к грандиозной территориальной экспансии ислама, который вышел за пределы своей исконной территории и проник в Малую Азию, Восточную Европу, в районы Африки к югу от Сахары, охватил большую часть Индии, Юго-Восточной и Средней Азии и даже часть Китая.

Мы так привыкли воспринимать историю с преимущественно европейской позиции, что удивительный размах и мощь этой исламской экспансии, которая отчасти стала прообразом более позднего продвижения западно-

европейской цивилизации, часто ускользают от нашего внимания. Однако мыслящий и хорошо информированный наблюдатель XV в. не мог не прийти к заключению, что скорее ислам, чем периферийное и пока еще сравнительно грубое общество европейского Дальнего Запада, призван господствовать над миром на протяжении следующих столетий. В XV в. мир латинского христианства охватывал сравнительно ограниченную территорию; его возможности и стремление к экспансии только стали проявляться; искусство и культура только начали путь к совершенству и блеску, уже давно известным цивилизациям Азии. Однако наш воображаемый наблюдатель сделал бы неправильное предположение. Не ислам, а Западная Европа оказалась той силой, которая нарушила четырехполюсное равновесие евразийской ойкумены и ввела обе Америки, Южную Африку и Австралию в орбиту цивилизации Старого Света.

Вооруженный знаниями об уже состоявшихся событиях, историк нашего времени может надеяться обнаружить некоторые особенности западно-европейской цивилизации, которые стали факторами, напрямую определившими ее поразительный расцвет. Средневековая Европа, несомненно, заслуживает особого внимания как колыбель, где возникла цивилизация, которая стала доминировать в мировом масштабе, хотя в то время Европа мало в чем проявляла свой будущий потенциал. Становление на территории, ранее населенной полуварварами, цивилизации, сравнимой во многих аспектах с другими мировыми цивилизациями, само по себе привело к изменению мирового равновесия. Подъем цивилизации в Западной Европе занимает второе место по влиянию на изменение культурного баланса Евразии в 1000–1500 гг., уступая первенство лишь движению степных народов.

Б. ЭКСПАНСИЯ СТЕПНЫХ НАРОДОВ

К 1000 г. степной градиент работал в полную силу уже в течение тринадцати или четырнадцати веков, вызывая спорадическое перемещение в западном направлении степных народов одного за другим в поисках лучших пастбищ. Результатом этого процесса было смещение языков на просторах Азии – сначала индоевропейские народы, потом тюрки и наконец монголы мигрировали на запад. Однако изменения наблюдались только в языках, а экономическая, политическая и военная организация кочевников оставалась почти неизменной.

Тем не менее в столетия, предшествующие 1000 г., знания о цивилизованной жизни все сильнее проникали в среду степных кочевников. Более

тесные контакты с крестьянами и горожанами были всегда выгодны для них – крупы, ткани, металлы и украшения были ценными дополнениями к тем достаточно скудным продуктам, которые кочевники получали от животноводства и охоты. Поэтому по мере усиления этих контактов в результате торговли и службы наемниками в армиях цивилизованных государств² жители степей получали более обширные знания о богатстве и чудесах цивилизованных стран, и соответственно усиливалось влияние Китая, стран Среднего Востока и Византии на наводящих ужас степных воинов.

Проникновение кочевников в районы, населенные оседлыми народами, было самым легким на Среднем Востоке, где сельскохозяйственные угодья Восточного Ирана почти незаметно переходили в степи. Там кочевники могли продолжать вести свой привычный образ жизни на границе районов с оседлым населением и пасти скот на полях после жатвы. При этом они получали от сельского и городского населения предметы цивилизованной жизни путем торговли или в виде дани. В то же время города и поселки продвигались в глубь степей, вырастая вокруг торговых пунктов, куда кочевники приходили обменивать меха, животных и рабов на продукты цивилизации. Таким образом, постепенно размывалась граница между степями и окультуренными землями, и со временем тюркоязычные народы проникли в среду иранского населения, подвинув границу распространения тюркских языков далеко к югу от Аральского и Каспийского морей. Эти тюркоязычные племена приняли ислам и переняли некоторые обычаи мусульман, но не затерялись в мусульманском мире. Чувство превосходства, основанное на их лучшем владении военным искусством, удерживало их от полной ассимиляции, и они, подобно большинству воинственных степных народов, сохранили свой язык³.

² Удивительной чертой исламского общества было широкое использование рабов в качестве воинов, защищавших личную власть правителя. Этот обычай восходит к институту индивидуального хозяйства, опиравшегося главным образом на труд рабов, поэтому правитель, власть которого над страной оспаривали непокорные магнаты и прочие мятежники, считал разумным вооружить своих рабов и увеличить их численность, пока они не становились его личной регулярной армией. Первым, кто поступил так, был, очевидно, халиф Мутасим (833–842 гг.), который считал ненадежными феодалов из Хорасана, служивших телохранителями у его предшественников – Аббасидов, и решил заменить их рабами-тюрками. См. Reuben Levy, *The Social Structure of Islam* (Cambridge: Cambridge University Press, 1957), pp.417–18. Рабы-тюрки, как предполагается, были пленниками межплеменных войн степных народов, проданными мусульманским торговцам. Ничего подобного не существовало в Китае, где наемниками при правителях служили не отдельные лица, а целые племена и даже племенные объединения и где институт воинов-рабов был неизвестен.

³ См. W.Barthold, *Turkestan down to the Mongol Invasion* (2d ed.; London: Oxford University Press, 1928), pp.235–58, 391–93; W.Barthold, *Histoire des Turcs d'Asie centrale* (Paris: Maisonneuve, 1945), pp.47–124.

Уязвимость иранской границы со стороны степей в X в. и последующих веках контра-

Два других фактора также способствовали натурализации тюрков в мусульманском мире в качестве отдельного, но не враждебного этноса и отчасти обусловили их военный и политический успех на Среднем Востоке. Один из них заключается в том, что, когда тюрки впервые возникли как грозная сила в исламском мире, почти везде у власти в нем были шииты. Естественным образом тюркские вожди, принимая ислам, становились суннитами, чтобы сохранить свою духовную независимость от ближайших цивилизованных правителей. Однако доктрина суннитов была ортодоксальной в период ранних халифатов, и суннитами оставалось большинство мусульман. Попадая под власть тюрков, многие мусульмане считали, что они расстаются с ересью и возвращаются к славной религии прошлого⁴.

Вторым положительным фактором стала исламская концепция «священной войны», которую вели так называемые *гази* – особые носители веры, чья храбрость на поле битвы являла собой разновидность святости. Завоевательные походы во имя ислама предлагали тюркам эту почетную роль, полностью соответствующую их воинственности. Грабежи и героическое самовозвеличивание, как правило, имели большее значение для тюркских племен, чем религиозность и служение Аллаху – тюрки, подобно многим лучшим воинам Омара, никогда не воспринимали чересчур серьезно идеал построения общества в соответствии с волей всевышнего. Более того, кочевое прошлое тюрков напоминало происхождение первых арабских завоевателей. Все это облегчало поиски подходящей ниши для храбрых варваров и

тирует с тем, как успешно удерживали эту границу парфяне и Сасаниды в более ранний период. Этот факт нельзя объяснить изменениями в технике ведения войны: тяжелая кавалерия в доспехах так же сохраняла свое превосходство над лучниками-степняками, как и прежде. Причина, очевидно, состояла в том, что воинственные помещики и дворяне иранских приграничных областей, державшие в страхе и подчинении степные народы в первые века христианства, утратили свой воинский пыл. Рост городов в Хорасане и за Амударьей – отличительная черта мусульманского периода; возможно, эти помещики переехали в города, поближе к удобствам цивилизованной жизни, утратили воинские качества предков и не могли или не желали противодействовать тюркам. Изменившийся стиль жизни иранского дворянства доносит до нас персидская поэзия X в. и последующих столетий, поэзия, которой присущи элегантность и утонченность, но отнюдь не воинский дух. Сравните аналогичную трансформацию кельтских аристократов Галлии из воинов в римских патрициев, когда в этой провинции в период со II в. до н.э. до II в. н.э. наблюдался рост городов. Как утверждает Бартольд, экономические и политические факторы, приводившие к разорению помещиков и возвышавшие торговцев в городах Хорасана и землях за Амударьей, ускорили процесс разложения иранской землевладельческой знати. См. Barthold, *Turkestan down to the Mongol Conquest*, pp.307-8. Кроме того, ислам требует городских условий, так как живущие вдали от мечетей и знатоков шариата не могут адекватно исполнять свой религиозный долг.

⁴ Сравните аналогичные преимущества франков по сравнению с германскими племенами, которые стали христианами-арианами.

позволяло цивилизованным мусульманам направлять военное искусство тюрков против своих христианских и индуистских соседей⁵.

Совокупность этих географических, религиозных и культурных обстоятельств и привела к массовой адаптации тюркских племен в мусульманское общество. Начиная с XI в. тюрки составляли большинство исламских правителей и воинов, находясь на переднем крае исламской экспансии как в земли христиан, так и в Индию⁶.

В Китае этот тип постепенной экспансии варваров и захват ими власти изнутри, который наблюдался в исламском мире после X в., был абсолютно невозможен. Ни конфуцианские, ни буддийские традиции не отводили воинам почетных мест. Тибетский вариант буддизма, к которому монголы склонялись еще со времен Чингисхана (ум. 1227) и который окончательно приняли в XVI в.,⁷ никого в китайском обществе не мог увлечь под знамя восстановления исконной веры и ушедшей славы. Еще большее значение имело то, что между Внешней Монголией и культурными землями Китая лежала пустыня Гоби. Это ограничивало рамки спорадических контактов между монголами и китайцами Внутренней Монголией, в то время как во Внешней Монголии, где в основном жили степные народы, суровость климата диктовала исключительно кочевой образ жизни, иногда дополнявшийся охотой. Даже зная о привлекательных сторонах китайской цивилизации, степное население не могло ими воспользоваться⁸. Политика всех китайских правителей сводилась к тому, чтобы по мере возможности держаться от варваров подальше. Кочевые племена могли войти в бюрократическую структуру китайского общества только в роли далеких «бедных родственников», и любая группа, которая отказывалась принять этот второразрядный статус, могла завоевать себе место в китайском обществе только военной силой⁹.

Сравнительная защищенность китайской границы определила отличия

⁵ О значении традиций священной войны в Османской империи раннего периода см.: P. Wittek, *The Rise of the Ottoman Empire* (London: Royal Asiatic Society, 1938), pp. 42-43.

⁶ Ср. отношения между германскими варварами и римскими христианами в IV в.

⁷ René Grousset, *L'Empire des steppes* (Paris: Payot, 1939), pp. 592-93.

⁸ См. B. Vladimirtsov, *Le Régime social des Mongols* (Paris: Maisonneuve, 1948), pp. 39-56. Никакая пустыня Гоби не могла воспрепятствовать проникновению китайского влияния на север, и с X в. в Маньчжурии происходит значительное смешение кочевого и оседлого населения. См. Karl A. Wittfogel and Feng Chia-sheng, *History of Chinese Society: Liao, 907-1125* (New York: Macmillan Co., 1940), pp. 53-58, 115-25. Глубина социально-экономических изменений в ходе проникновения кочевников в Маньчжурию сопоставима с событиями на тюрко-иранской границе в тот же период.

⁹ Отношения Византии с кочевниками юга России и Придунайской равнины больше напоминали китайскую, чем иранскую модель, однако, поскольку никакого крупного прорыва византийских границ кочевниками в IX в. не произошло (возможно, благодаря отклонению основных потоков миграции степных народов к югу, на земли, подвластные исламу), можно пренебречь описанием связей Византии с печенегами, половцами и пр. Интересные подробно-

в схеме проникновения кочевников в Китай от модели проникновения тюркских племен в Иран. Чтобы конфедерация племен смогла преодолеть систему защиты китайских границ, она должна была обладать довольно высоким уровнем внутренней организации и дисциплины. Когда такой конфедерации удавалось захватить китайскую территорию, вожди племен старались сохранить те качества организации, которые принесли им победу. Их сила зависела от военного искусства и организации, поэтому слишком интенсивное заимствование китайских обычаев могло разрушить основу их власти. Несколько поколений иноземных завоевателей старались изолироваться от влияния китайского образа жизни. И таким образом, стремление китайских правителей указать подобающее место варварам поддерживали вожди победивших степняков¹⁰.

Такие попытки противостоять влиянию китайского окружения противоречат человеческой природе, однако они были жизненно необходимы завоевателям для того, чтобы в рамках собственной «патриотической» политики сохранить китайскую администрацию и с ее помощью управлять покоренным населением. А это, в свою очередь, означало, что властные рычаги для восстановления почти «исконного» китайского правительства и общества оставались в руках у китайцев. Досут и богатство свидетельствовали о почти неизбежном разложении военной и политической системы завоевателей, и когда это разложение заходило достаточно далеко, было нетрудно организовать местное сопротивление иноземным завоевателям под китайским предводительством, играя на ненависти местного населения к завоевателям. С этого ведет свое начало династия Мин (1368–1644 гг.), которая закончила с монгольским владычеством. Изгнав ненавистных захватчиков, правители этой династии систематически уничтожили почти все следы столетнего внедрения монголов в жизнь китайского общества.

Тюркское владычество на Среднем Востоке имело более стойкие и значительные последствия. Перед тем как получить политическую власть, тюрки уже долгое время жили на окраинах исламского мира и приняли мусульманство. Они не были столь же чуждыми своим завоеванным подданным, как монголы были чужды китайцам. И не так просто было от них избавиться-

сти этих приграничных сношений можно найти в работе: F.Dvornik, «Byzantium and the North» in Michael Huxley (ed.), *The Root of Europe: Studies in the Diffusion of Greek Cultures* (London: The Geographical Magazine, 1952).

¹⁰ В работе Wittfogel and Feng, *History of Chinese Society, Liao, 907–1125* указываются различия в степени изоляции кочевников от китайского общества при разных иноземных завоевателях. Так, чжурчжэньские правители (1115–1234 гг.) допускали более тесные контакты с китайцами, чем кидани (907–1125 гг.), завоевавшие север Китая; а маньчжуры (1616–1912 гг.) были более подвержены окитаиванию, чем монголы (1206–1368 гг.). Эти данные уточняют картину, но не влияют на общий вывод.

ся. В исламских странах, в отличие от Китая, не было готовой нетюркской системы государственного управления¹¹, и любое ослабление военной мощи одной группы правителей тут же открывало дорогу к власти для другой группы тюрков, пришедшей из степей позднее.

Можно точнее охарактеризовать ритм этих событий, если выделить три фазы набегов кочевых племен: 1) захват тюрками политической власти в исламском мире с одновременным прорывом в Индостан и христианский мир (1000–1200 гг.); 2) монгольские завоевания, начатые Чингисханом (1206–1227 гг.); 3) возобновление владычества тюрков на Среднем Востоке, а также повторная мусульманская экспансия в Индию и Европу (1300–1500 гг.).

1. Различные тюркские государства, возникшие в мусульманском мире в XI–XII вв., были по большей части довольно недолговечными. Одно из самых стабильных государств – султанат турок-сельджуков – продержалось лишь полстолетия (1037–1092 гг.) и затем распалось на десятки враждующих территорий. Более успешным оказалось объединение Египта, Сирии и Ирака под властью Саладина (1169–1193 гг.), чему способствовала реакция мусульман на победы франков в Первом крестовом походе (1097–1099 гг.). Неудачи Третьего крестового похода (1189–1192 гг.) доказали эффективность государства Саладина. После смерти последнего представителя этой династии в 1250 г. тюркские воины-рабы, известные как мамелюки¹², установили в Египте удивительный олигархический режим, который с успехом владел всей империей Саладина до 1517 г.

Основным событием тюркского наступления на христианский мир была битва при Манцикерте в 1071 г., когда сельджуки одержали решительную победу над Византией и укрепили свою власть над Центральным Анатолийским нагорьем¹³. На другом краю мусульманского мира сын тюркского во-

¹¹ В мусульманском мире сопротивление носило характер религиозных сектантских движений (шиитских сект). Ассасины, создавшее и поддерживавшее с 1090-го по 1256 г. рассеянное среди населения тайное сектантское движение, прилагали очень много усилий, чтобы свергнуть власть турок-сельджуков, апеллируя при этом как к антитюркским, так и к антисуннитским настроениям. См. Marshall G.S.Hodgson, *The Order of Assassins* (Gravenhage: Mouton, 1955).

¹² В работе: A.N.Poliak, «Le Caractère colonial de l'état mamelouke dans ses rapports avec la Horde d'Or», *Revue des études islamiques*, IX (1935), 231–48 выдвигается интересная гипотеза, согласно которой режим мамелюков был, в сущности, заморской колониальной империей черкесов и тюркских купцов и воинов с Северного Причерноморья, вытеснившей из Леванта подобную франкскую колониальную империю.

¹³ В работе: Claude Cohen, «Le Problème ethnique en Anatolie», *Cahiers d'histoire mondiale*, II (1954–55), 347–62 утверждается, что тюрки проникли в Анатолию до битвы при Манцикерте и эта битва лишь закрепила существующий порядок вещей, а не открыла дорогу для тюркской экспансии.

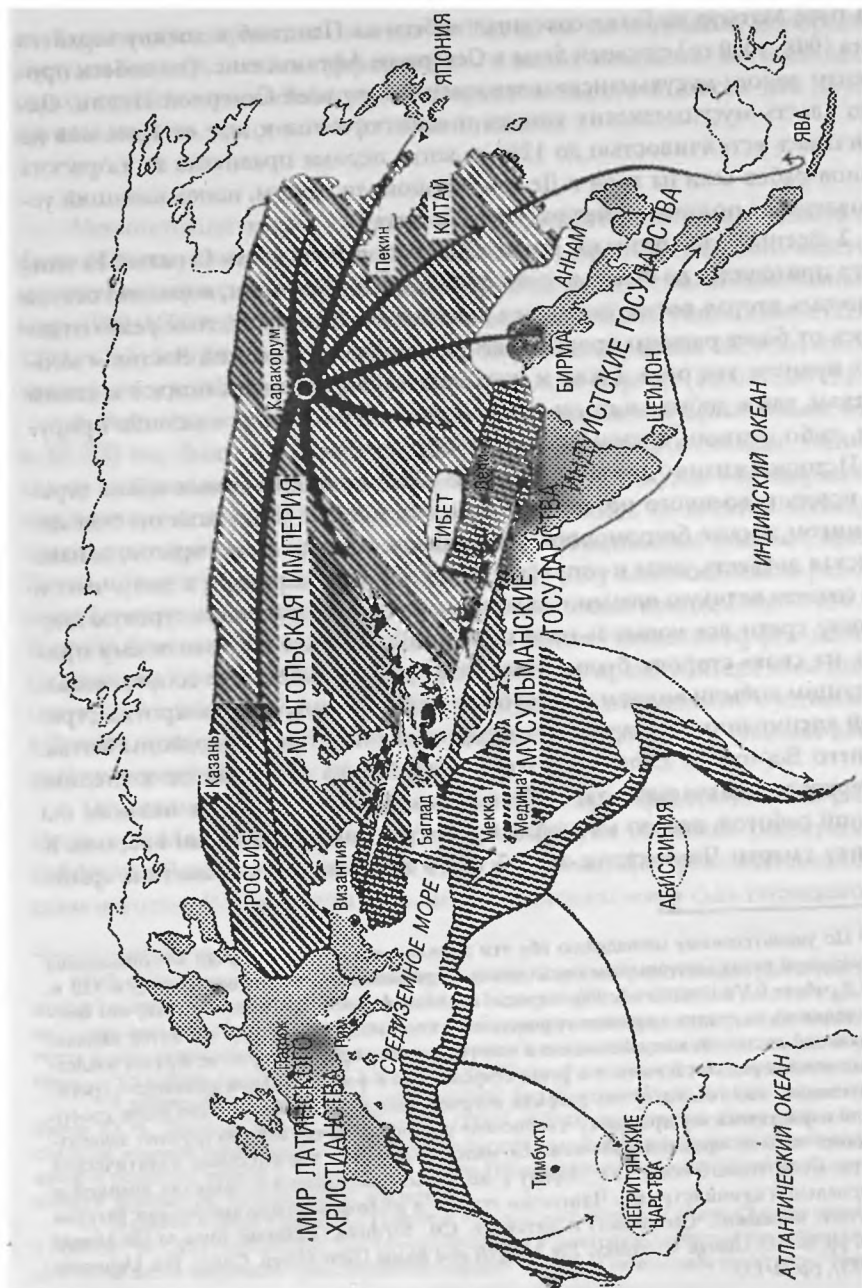
ина-раба Махмуд из Газни совершал набеги на Пенджаб и долину верхнего Ганга (998–1030 гг.) со своей базы в Северном Афганистане. Его набеги положили дорогу мусульманским завоеваниям во всей Северной Индии. Однако власть мусульманских воинов и авантюристов к югу от Гималаев не отличалась устойчивостью до 1206 г., когда первые правители из тюркских воинов-рабов сели на трон в Дели и установили режим, напоминавший установленный позднее мамелюками в Леванте¹⁴.

2. Военная лихорадка охватила в XIII в. большую часть Евразии. Ее эпицентр приходился на степные районы Внешней Монголии, и именно оттуда поднялась вторая волна нашествия кочевников. Это нашествие резко отличалось от более раннего проникновения тюрков на Средний Восток – монголы пришли как орда диких и жестоких варваров, относящихся к своим жертвам, как к добыче в сезон ежегодной большой охоты – их либо приручали, либо убивали, в зависимости от обстоятельств.

История жизни Чингисхана (1155?–1227) – одна из самых ярких страниц истории военного потенциала кочевых племен. В юности он был изгнанником и даже беспомощным пленником в руках своих врагов, однако воинская доблесть, воля и сопутствующая ему удача привели к тому, что он смог создать великую племенную конфедерацию и установить суровую дисциплину среди все новых и новых воинов¹⁵. Победы позволили ему привлечь на свою сторону бывших недругов, и пока успех ему сопутствовал, жаждущим добычи воинам степей было незачем протестовать против строгостей дисциплины. Его армии совершили ряд набегов на те районы Китая, Среднего Востока и Европы, которые находились ближе всего к степям. Мастерство военачальников, мобильность и то, что сегодня назвали бы штабной работой, давало монголам превосходство над любыми врагами. К моменту смерти Чингисхана в 1227 г. его не знающая поражений армия

¹⁴ По удивительному совпадению обе эти державы единственные среди мусульманских стран выстояли перед монгольским нашествием, обрушившимся на исламский мир в XIII в.

¹⁵ В работе B. Vladimirtsov, *Le Régime social des Mongols*, pp.56-158 утверждается, что монголы находились на стадии перехода от родоплеменного общества к тому, что автор называет феодальной системой, когда богатство и власть концентрировались уже не в руках наследственных вождей родов и племен, а в руках сторонников и родственников правящего семейства. Очевидно, что только путем разрыва старых родовых связей и организации своего войска по иерархическому принципу Чингисхану удалось создать свой инструмент завоевания. Однако термин «феодальный» кажется малоподходящим для описания политической структуры монгольского общества. Наряду с местными традициями в создании военной и территориальной администрации Чингисхан опирался на бюрократические модели уйгуров (т.е. в итоге, возможно, Сасанидов) и китайцев. См. Barthold, *Turkestan down to the Mongol Conquest*, pp.386-93; George Vernadsky, *The Mongols and Russia* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1953), pp.92-137.

МОНГОЛЬСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ПЕРИОД ДО 1300 Г.

захватила огромную территорию от Волги до Амура, сплотив племена в мощный военный союз¹⁶.

При потомках Чингисхана набеги ради добычи уступили место более регулярной эксплуатации захваченных стран. Но расширение завоеваний продолжалось: Восточная Европа стала данником монголов после 1241 г., Персия, Ирак и Анатолия – после 1258 г., Китай был полностью завоеван к 1279 г. После этого военный пыл монголов стал стихать. В 1260 г. египетские мамелюки нанесли поражение монголам в палестинской пустыне и изгнали их из Сирии. В 1281 г. неудачное вторжение в Японию положило конец монгольской экспансии на Восток. В 1285–1303 гг. султаны из Дели отразили ряд монгольских набегов, но при этом потеряли часть Пенджаба. В 1292 г. монгольское вторжение на Яву увенчалось успехом, а в 1297 г. они захватили Бирму, но их власть в этих отдаленных районах длилась недолго и не оставила существенных следов.

3. Три старших сына Чингисхана управляли частями великой империи своего отца без поддержки армии, командование которой перешло к младшему брату¹⁷. В результате во всех западных регионах империи монголов на

¹⁶ С монгольскими завоеваниями не было связано никаких технических усовершенствований в области вооружения, однако воины Чингисхана успешно осваивали новое оружие, которое встречали у врагов. Так, катапульты, построенные мусульманскими ремесленниками, применялись монголами при осаде китайских городов, а изобретенный в Китае порох, по-видимому, был использован ими в Венгрии.

Ударной силой монголов была кавалерия, но легкая кавалерия лучников, характерная для монгольской армии вначале, быстро была дополнена тяжеловооруженными катафрактами, таким образом сочетая силу огня и удара. Обычная тактика сводилась к окружению врага, что напоминало привычную тактику монголов во время ежегодной большой охоты. На охоте все мужчины племени образовывали круг загонщиков и, постепенно сжимая его, гнали зверя к удобному для забоя месту. Этот метод требовал четкой координации действий всех участников, и его можно считать лучшими «учениями» для монгольских командиров и солдат, поскольку охотники и воины были одними и теми же людьми.

Армии монголов превосходили армии цивилизованных государств не числом (их часто было меньше) и не вооружением, а мобильностью и координацией действий на очень дальних расстояниях. Они могли перемещаться рассредоточенными колоннами по любой местности, поддерживая постоянную связь, поэтому могли объединяться в боевые порядки в нужный момент и в нужном месте. Субэдэй, монгольский военачальник, возглавлявший вторжение в Европу в 1241 г., мог не заботиться о поддержании связи и координации между частями его армий, наступавших на Польшу и Венгрию, несмотря на то что их разделяли Карпатские горы. Европейские армии не достигли такого уровня координации до конца XIX в. У монголов были отличные гонцы, превосходная глубокая и фланговая разведка. Играла свою роль и удивительная выносливость как воинов, так и лошадей, возвращенных в суровых условиях монгольской степи. Обзор монгольской воинской организации и тактики см.: H.Desmond Martin, *The Rise of Chingis Khan and His Conquest of North China* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1950), pp.11-47.

¹⁷ Согласно мусульманским историкам, каждому из старших сыновей было выделено всего по 4 тыс. воинов, в то время как у младшего сына под командой было 129 тыс. (Barthold,

передний план снова выходят тюркские народы. Они с самого начала были одной из частей военной машины монголов, и теперь благодаря численному превосходству этих народов монгольский язык быстро уступает место тюркским диалектам в правящей верхушке всех частей империи к западу от Монголии. Смена языка сопровождалась культурными переменами. Когда первая опустошительная волна монгольского нашествия схлынула, начал действовать прежний механизм ассимиляции кочевников исламской цивилизацией. Уже в 1257 г. хан Золотой Орды из района Волги стал склоняться на сторону ислама и заключил союз с египетскими мамелюками против монгольского хана в Персии¹⁸. В 1295 г. ислам приняли персидские ханы, и в следующем веке он стал доминирующей религией в древних оазисах бассейна реки Тарим и проник даже в центральные степные области. В этих условиях не играла большой роли сложная вражда, которая привела к падению монгольской династии в Персии (1349 г.) и дала временно власть в руки различных тюркских и тюрко-монгольских правителей. В среде ислама возобновились те спонтанные политические процессы, которые ценой внутренних настроений питали мусульманскую экспансию в христианскую Европу и Индию.

В зависимости от успехов или неудач того или иного военачальника в степных землях, на Среднем Востоке и в Северной Индии с удивительной быстротой возникали и исчезали исламские государства. Самым известным из этих военачальников был Тимур (Тамерлан) (1336–1404), тюрк и мусульманин, который считал себя наследником и преемником Чингисхана и превратил жестокость, свойственную монгольским кочевникам, в средство политического давления. Только империя мамелюков в Египте и Сирии (с 1382 г. ее правители были уже не турки, а черкесы) и Османская империя (1284–1921 гг.) устояли и сохранили независимость и внутреннюю стабильность.

Культурная и экономическая жизнь в сердце исламского мира, безусловно, страдала от политического раздора в нем, но от этого не прервалась экспансия ислама. Напротив, бесконечные конфликты в мусульманском мире порождали все новых и новых воинов, которые, потерпев неудачи в Иране и Центральной Азии, были готовы попытать счастья в качестве борцов за веру против христиан и индуистов. Таким образом, конфликты в мусульманском мире притягивали отдельных воинов и военные отряды из степей,

Turkestan down to the Mongol Conquest, p.404). Но зато при таком неравномерном распределении военной силы империя сохранила свою целостность до 1294 г., когда умер внук Чингисхана хан Хубилай.

¹⁸ Противоречия между ханами Золотой Орды и Персии возникли по поводу контроля над Азербайджаном и Кавказом. Grousset, *L'Empire des steppes*, pp.475-76; B.Grekov and A.Iakoubovski, *La Horde d'Or* (Paris: Payot, 1939), pp.76-82.

а потом лучшие из них, выжив во внутренней борьбе, устремлялись к границам.

Наибольшую выгоду от этой миграции воинов получали мусульманские правители Индии и османские султаны. К 1500 г. мусульмане завоевали большую часть Индии¹⁹. В тот же период Османская империя объединила под своей властью Малую Азию и часть Балканского полуострова к югу от линии Сава–Дунай, за исключением нескольких венецианских анклавов на побережье Адриатики и на Пелопоннесском полуострове. Однако к 1500 г. спрос на степных бойцов изменился. Появилось огнестрельное оружие и благодаря его умелому использованию Османская империя начиная середины XV в. одержала самые блестящие победы²⁰. Но когда на войне стали применять огнестрельное оружие, степные народы утратили все свои боевые преимущества. Такое оружие могли производить только в цивилизованных странах при наличии топлива, металлов, химических веществ и умелых ремесленников, которыми степные кочевники не располагали. Кроме того, века традиционного владения луком в конном строю вызывали у них стойкое неприятие иного оружия, даже когда купцы из цивилизованных стран могли доставлять его к их кочевьям. Ситуация для них усугублялась еще и тем, что огнестрельное оружие вмешалось в извечное соперничество между конницей и пехотой²¹. Со временем, когда пехота цивилизованных госу-

¹⁹ Последнее из сильных в военном отношении индуистских государств – Виджаянагар, основанное в 1335 г., пало только в 1565 г.

²⁰ Знаменитые отряды янычар, набираемые после 1438 г. преимущественно из христианских подданных империи, были вооружены мушкетами около 1500 г. Уже при осаде Константинополя в 1453 г. турки-османы успешно применяли артиллерию. См. David Ayalon, *Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom* (London: Vallentine, Mitchell, 1956), Appendix II. Об огнестрельном оружии в Индии см. Syed Abu Zafar Navdi, «The Use of Cannon in Muslim India», *Islamic Culture, the Hyderabad Quarterly Review*, XII (1938), 405–18.

²¹ До конца XVI в. ружья были слишком тяжелыми и неудобными и всадник не мог ими пользоваться. Даже когда появились кавалерийские пистолеты, их огневая мощь значительно уступала мушкетам, которыми были вооружены пехотинцы.

По иронии судьбы монгольское нашествие ускорило разработку огнестрельного оружия. Китайские опыты с использованием взрывчатых веществ и примитивные пушки китайцев опередили аналогичные разработки в Европе и других странах, и весьма вероятно, китайский опыт вдохновлял европейских оружейников и артиллеристов. Однако без империи монголов в Азии такие стимулы надолго задержались бы или вообще никогда не осуществились.

Пионерская роль Китая в оружейном деле описана в работах: L.Carrington Goodrich and Feng Chia-sheng, «The Early Development of Firearms in China», *Isis*, XXXVI (1946), 114–23; Wang Ling, «On the Invention and Use of Gunpowder in China», *Isis*, XXXVII (1947), 160–78. В последней работе приведены данные о том, что монгольское нашествие в Восточную Европу в 1240–1241 гг., возможно, впервые продемонстрировало европейцам применение пороха в гранатах, запущенных с катапульт. Кажущееся сходство между формой первых европейских пушек (см., например, Charles Oman, *A History of the Art of War in the Middle Ages*, Vol.II [Boston and New York: Houghton Mifflin Co., n.d.], Pl.XXIX) и китайских орудий, «отлитых из чугуна в виде тыквы со стенками толщиной в два дюйма» (Goodrich and Feng, p.117), говорит о том, что европейские

дарств, вооруженная огнестрельным оружием, смогла на равных встретить самую яростную атаку самой дисциплинированной конницы кочевников, последняя утратила свое военное и историческое значение²².

В. РЕАКЦИЯ ИСЛАМСКОГО МИРА НА ЭКСПАНСИЮ СТЕПНЫХ НАРОДОВ

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ

Тюркское проникновение в мир ислама наряду с катастрофическим монгольским нашествием нарушили компромисс между религиозным идеалом общества праведников и имперскими интересами, достигнутый в начале правления Аббасидов. После того как монголы уничтожили Багдадский халифат (1258 г.), не могло быть и речи ни о каком политическом единении²³. Более того, склонность к насилию и интригам, характерная для тюркских авантюристов, и неприятие ислама, типичное для первых монгольских правителей, обрекали на провал любую попытку привести ежедневную политическую реальность в соответствие с принципами религии. В новых государствах управление отчасти строилось по старым персидским моделям, отчасти опиралось на племенные отношения, но прежде всего в государственных институтах процветала всеобщая подозрительность и недоверие ко всем, свойственные правителям-авантюристам, и неприкрытая борьба за власть не признавала никакой морали.

Тем не менее раннеисламский идеал общества праведников не умер в

ремесленники каким-то образом узнали о работе китайских оружейников за десятилетия после великих походов монголов, когда, как доказывают «Путешествия» Марко Поло, передвигаться по Евразии было сравнительно легко.

²² Впечатляющие деяния тюрков и монголов были в центре мировых исторических событий, однако похожие драматические события происходили в Северной Африке и в Испании, где варвары из окраинных регионов Сахары захватили мусульманский Дальний Запад и вызвали там смену политической системы. Однако племена берберов столкнулись лишь с одной развитой цивилизацией и не могли выполнять роль «переносчиков культуры», как тюрки и монголы в Евразии. Берберы-завоеватели «подтолкнули» цивилизацию лишь среди негритянского населения Западного Судана.

См. работу: Ibn Khaldun, *The Muqaddimah: An Introduction to History*, Franz Rosenthal (trans.) (3 vols.; New York: Pantheon, 1958), в которой упадок национальной культуры Северной Африки в XIV в. ставится в зависимость от волны набегов кочевников.

²³ Наследник дома Аббасидов бежал в Египет и был признан правящими там мамелюками халифом, но другие мусульманские государства в основном отказывались это признать. См. T.W.Arnold, *The Califate* (Oxford: Clarendon Press, 1924), pp.87-120.

сердцах правоверных мусульман. Время от времени реформаторы и воинствующие пророки, такие как династии Альморавидов (1056–1147 гг.) и Альмохадов (1130–1269 гг.) – правителей Северной Африки и мусульманской Испании, – всерьез пытались воплотить в жизнь эти принципы, хотя все их попытки заканчивались неудачей. Необходимость консолидации политической власти требовала от них компромиссов за счет религии. Однако на уровне общества идеи мусульманства жили и процветали, несмотря на глубокое разочарование, приносимое политическим процессом.

Даже самые далекие от религии правители разрешали деятельность учителей и судей шариата. Для решения споров между частными лицами в мусульманском обществе не существовало иной юридической системы²⁴. Таким образом, изучение Священного закона продолжалось, несмотря ни на какие политические превратности, и при любом правителе его толкователи и адепты могли рассчитывать на уважительное отношение и даже на высокие посты²⁵. Во время паломничества в Мекку и учебы в Медине студенты и преподаватели со всех концов мусульманского мира получали возможность общаться друг с другом и тем самым консолидировали транснациональную общность мусульманских теологов и правоведов.

Однако по мере того, как шариат превращался в сложный свод правил повседневной жизни, истинно религиозные мусульмане стали отвергать столь механическое утверждение святости в жизни правоверных. Путь суфизма, проповедовавшего мистическое единение с богом, представлял собой альтернативу попыткам регулировать каждую мелочь повседневной жизни в соответствии с божественными предписаниями. Несмотря на очень личный характер своего учения, последователи суфизма, дервиши и факиры, постепенно сделали его публичным. Для основания секты последователей суфизма достаточно было известного святого и нескольких его учеников, которые определяли более или менее четко ритуалы и жизненные правила своей паствы. В XI–XII вв. многочисленные секты последователей суфизма возникали по всему мусульманскому миру, хотя только некоторые из

²⁴ Даже в те периоды, когда монгольские правители Ирана исповедовали некую комбинацию шаманизма и буддизма, исламским законникам разрешалось применять законы шариата для решения споров и ведения дел в среде мусульман. См. Bertold Spuler, *Die Mongolen in Iran* (Berlin: Akademie Verlag, 1955), pp.375–76.

²⁵ Жизнь знаменитого путешественника Ибн Баттуты (1304–1369?) может служить хорошей иллюстрацией международного характера мусульманской науки и юриспруденции. Рожденный в Марокко, он практиковал мусульманское право в Индии и на Мальдивских островах, а вернувшись в конце жизни на родину, пользовался там не меньшим авторитетом. Несмотря на различия в образе правления и обычаях, законы шариата – по крайней мере в принципе – действовали во всех мусульманских странах и знаток этих законов мог практиковать везде. См. Ibn Batuta, *Travels in Asia and Africa*, H.A.R.Gibb (trans.) (London: George Routledge & Sons, 1929).

них просуществовали достаточно долго или оказывали влияние на достаточно большой территории.

Цехи ремесленников и прочие городские братства часто делали ритуалы суфизма центральным действием своих собраний. Такие группы иногда поднимали население на борьбу с мелкими тиранами, навязанными ему превратностями военного времени. Но эта политическая оппозиция власти тюркских военачальников не смогла перерасти в городское самоуправление. В XIV в. несколько городов Анатолии и Ирана, по-видимому, пользовалось автономией, похожей на независимость вольных городов Европы того же времени, но это было скорее исключение из общего правила. Стабильные властные структуры едва ли можно было создать на базе обществ, посвятивших себя прежде всего экстатическому единению с богом. Когда проходил временный кризис, адепты суфизма возвращались к высшей человеческой цели – достижению мистических состояний, забывая о вопросах самоуправления и обороны. Таким образом, управлением занимались военные, а гильдии и братства дервишей только иногда становились эффективным противовесом произволу властей²⁶.

Недостаток научных исследований делает невозможной общую оценку экономической ситуации в мусульманском мире до 1500 г.²⁷ Акты насилия, безусловно, мешали торговле; многие большие и богатые города были разграблены, а некоторые и полностью уничтожены. Кроме того, после X в. мусульманский флот перестал господствовать на Средиземном море, и там утвердились растущие города-государства Италии. Тем не менее мусульманские города продолжали процветать. Потери в одной части мусульманского мира компенсировались за счет расцвета новых столиц, разбогатевших на грабежах и украшенных стараниями художников и ремесленников, свезенных отовсюду могущественными завоевателями. С одной стороны, постоянные беспорядки, такие как в Египте XV в. в правление мамелюков, приводили к экономическому упадку, а с другой – расцвет относительно стабильных новых государств, например Османской империи, способствовал торговле и накоплению.

Ввиду этих противоречивых фактов трудно сделать однозначный вывод об экономической ситуации в мусульманском мире в 1000–1500 гг. Представляется, однако, что Ирак и Сирия, бывшие экономической и политической основой раннемусульманской цивилизации, утратили свои позиции, а

²⁶ См. Franz Taeschner, «Beiträge zur Geschichte der Achis in Anatolien (14-15 Jht)», *Islamica*, IV (1929), 1-47; Bernard Lewis, «The Islamic Guilds», *Economic History Review*, VIII (1937), 20-37.

²⁷ См. Claude Cohen, «L'Histoire économique et sociale de l'Orient musulman medieval», *Studia Islamica*, III (1955), 93-115.

Иран и Анатолия, напротив, возвысились. В частности, тяжелые времена переживала ирригационная система Месопотамии, когда на этих плодородных равнинах шла борьба за власть между тюркскими авантюристами. Систему каналов не поддерживали в надлежащем состоянии уже около ста лет до монгольского нашествия 1258 г., и в результате солончаки, болота, голая пустыня и скудные пастбища стали преобладать на некогда плодородных землях²⁸. Такой упадок древней колыбели цивилизаций не предвещал ничего хорошего для социально-экономического развития всего мусульманского мира, хотя он отчасти и компенсировался экономическим подъемом в Анатолии и на Балканах после утверждения Османской империи²⁹.

Для исламского мира нормой стала политическая фрагментарность: приверженность законам шариата перестала быть отличительной чертой правоверного, и рамки ортодоксальной веры расширились. Суфизм набирал силу, и его доктрины вобрали многие элементы христианских, зороастрийских, индуистских и шаманских культов. В сущности, только с ростом популярности суфизма и связанного с ним культа святых мусульманам удалось обратить в свою веру почти всех христиан Среднего Востока. Фактически суфизм адаптировал ислам – эту, несомненно, городскую религию – к интересам сельского населения. Кроме того, миссионерская притягательность мусульманства сильно возросла, когда первым и самым важным шагом на пути к вере Мухаммеда стало не слепое выполнение строгого Священного закона, а поклонение святым, непосредственно общавшимся с богом.

По мере того как ислам принимали все новые народы и после того как суфизм расширил его рамки, стали наблюдаться существенные различия в верованиях разных стран. Различия в деталях стали бесконечными. Таким

²⁸ См. Thorkild Jacobsen & Robert M. Adams, «Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture», *Science*, CXXVIII (1958), 1257. Главной проблемой было то, что ил, наносимый на поля столетиями, поднимал их уровень выше уровня каналов. Если не предусмотреть частые отводные каналы, ущерб тоже мог быть значительным, но эта проблема существовала с самого начала действия ирригационной системы Месопотамии и ее можно было устранить регулярными сезонными работами. Иначе обстоит дело с подъемом уровня полей. Эту проблему можно было решить, только прорыв новые крупные каналы, а такой сложный технический проект был по плечу лишь сильной централизованной власти. Современный Ирак лишь сейчас, во второй половине XX в., начинает реализацию проекта, необходимого для того, чтобы восстановить уровень развития сельского хозяйства в этом регионе в первые века нашей эры.

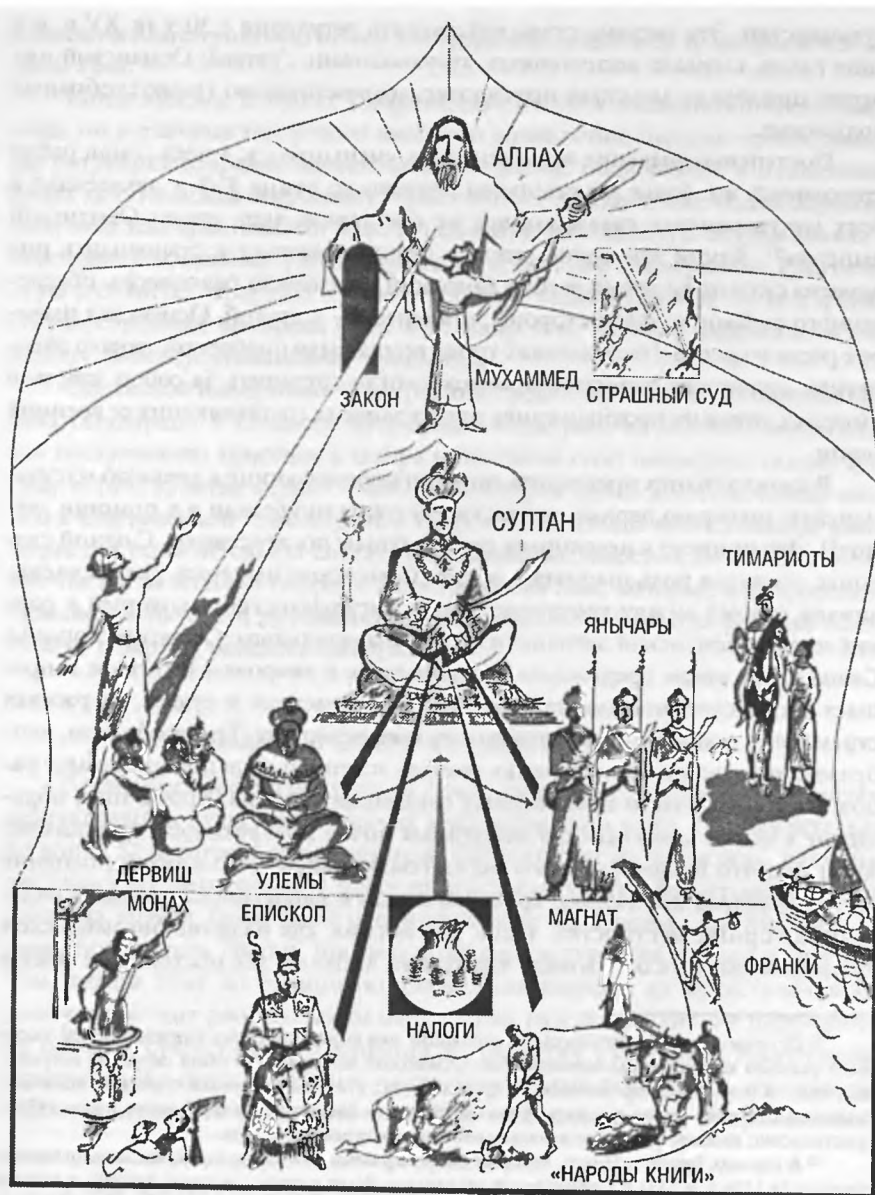
²⁹ Классическая греко-римская цивилизация прошла похожий цикл, когда экономический упадок древнего центра совпадает с расцветом бывшей периферии. История сахарных плантаций Карибского бассейна позже повторила эту модель. Хотя технические факторы во всех трех случаях совершенно различные.

образом, успешная миссионерская деятельность сторонников суфизма поставила более сложные задачи и перед мусульманскими богословами-улемами – они должны были добиваться соответствия веры новообращенных классическому варианту ислама. Шариат очень медленно прокладывал себе путь среди разнообразия местных обычаев и законов, но в конце концов отдельные верующие и целые сообщества приводили свои местные обычаи в соответствие с его законами. В результате ислам как целое смог достичь определенной гармонии между индивидуализмом суфизма и старомодным легализмом улемов.

На фоне политической фрагментарности и религиозной нестабильности остального мусульманского мира Османская империя явилась островом стабильности и централизации. Происхождение этого государства неясно. Оно возникло на стыке ислама и византийского христианства и вначале опиралось на силу приграничных отрядов гази. Тюрки, желавшие принять участие в войнах, постоянно проникали в приграничные области Византии с востока, направляемые стабильными режимами, которые хотели таким образом задешево избавиться от беспокойного элемента. Кроме того, местные христиане часто переходили в ислам, находя больше общего со своими мусульманскими соседями, чем с далеким византийским чиновничеством. Святые и секты приверженцев суфизма играли здесь свою обычную положительную роль³⁰ наряду с духом равенства, провозглашаемого традициями гази и свойственным цехам и братствам, которые имели большой вес в обществе на раннем этапе становления Османской империи.

Когда, однако, Османское государство стало империей с обширной территорией, вождь гази – султан столкнулся с обычной проблемой закрепления своих завоеваний. Его воины были ненадежными подданными, и их можно было удержать в повиновении, только посылая в ежегодные военные походы против христиан. Султаны обратились к традиционному мусульманскому институту семейных рабов для создания структуры управления, однако при этом умело модифицировали этот инструмент власти в традициях гази. Семья, держащая рабов, была превращена в своего рода образовательное учреждение для обращения христианских мальчиков в му-

³⁰ Орден дервишей (бекташи), который позднее стал ассоциироваться с янычарами – османскими воинами-рабами, выделялся своей широкой веротерпимостью даже среди приверженцев суфизма. Бекташи учили, что ислам, христианство и прочие религии, в сущности, не отличаются друг от друга, все они – только несовершенные попытки выразить, и тем самым закрепить мистический опыт божества. Эта доктрина, безусловно, способствовала обращению в ислам, поскольку речь шла не об отрицании христианства, а об отказе от его исключительности. См. J.K.Birge, *The Bektashi Order of Dervishes* (Hartford, Conn.: Hartford Seminary Press, 1937); F.Hasluck, *Christianity and Islam under the Sultan* (Oxford: Clarendon Press, 1929), I, 159-66.

СТРУКТУРА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

сульманство. Эта система стала действовать регулярно с 30-х гг. XV в. и в лице рабов, сызмала воспитанных мусульманами, султаны Османской империи приобрели мощный противовес неповиновению своих свободных подданных.

Постепенно значение вольницы гази уменьшалось, а роль семьи рабов становилась все более значительной. Однако до конца XVI в. закаленная в боях мусульманская кавалерия все же составляла ядро армии Османской империи³¹. Зимой эти воины жили в своих поместьях и становились под знамена султана во время летних кампаний. В условиях равновесия, обеспеченного рабами, с одной стороны, и воинами – с другой, Османская империя росла и крепла. Наследование трона всегда было проблемой, однако энергичные правители династии Османов смогли сохранить за собой власть в империи, играя на противоречиях двух основных составляющих ее военной мощи.

В своих усилиях превратить пограничную вольницу в великую мусульманскую империю первые османские султаны прибегали и к помощи улемов³². Это привело к некоторым любопытным последствиям. С одной стороны, усиливая роль шариата в жизни Османской империи, улемы увеличивали разрыв между христианством и мусульманством, который в ранний период османской экспансии был незначительным. С другой стороны, Священный закон предписывает терпимость к «народам Книги» и запрещает насильственное вмешательство в дела христиан и иудеев, сдерживая стремления гази бездумно нападать на всех неверных. Таким образом, необразованные воины приграничья сначала уступили свои позиции семье рабов, а потом и власти правоверных суннитских улемов. Кроме того, обращение в ислам христианских подданных почти прекратилось, за исключением тех, что были обращены через семью рабов³³. Во второй половине XIV в. массовое обращение христиан в ислам наблюдалось только в отдаленных горных местностях, таких как Босния, где наличие богомильской ереси, похоже, способствовало этому, или Албания, где постоянные войны

³¹ Отряды христианских вассалов, воюющие под командой своих князей, вначале также были важным компонентом военной силы Османской империи. Но такая ситуация сохранилась лишь в румынских провинциях, в других местах султаны назначали турецкую администрацию и отдавали земли в новых провинциях своим военачальникам. В итоге после 1450 г. христианские вассалы уже не играли важной роли в турецкой армии.

³² В городах Брусса и Никея, которые были первыми важными городами, захваченными турками (в 1326 г. и 1331 г.), сразу после завоевания были созданы высшие духовные школы для воспитания необходимого числа богословов и судей для нового государства. См. Abdulhak Adnan, *La Science chez les Turcs Ottomans* (Paris: Maisonneuve, 1939), pp. 9-11.

³³ Значительный рост влияния православия также уменьшил привлекательность суфизма для балканских христиан.

создавали благоприятную почву для традиций, подобных традициям и обычаям гази.

Когда Мехмед II Фатих (Завоеватель) в 1453 г. захватил Константинополь, он установил там режим двойного управления, передав православному патриарху широкие юридические и прочие полномочия в отношении своих христианских подданных. Христианское духовенство, таким образом, получило над христианами власть, подобную той, которую осуществляли в отношении мусульман улемы. Кроме того, султаны скопировали христианскую духовную иерархию применительно к улемам и ввели более строгий государственный контроль за их деятельностью, чем это удавалось до них какому-либо мусульманскому правителю.

Османской империи не было равных среди современных ей мусульманских государств. В Испании мусульмане Андалузии не смогли противостоять наступлению христиан с севера и потеряли свой последний оплот, Гранаду, в 1492 г., когда мощь Османской империи почти достигла своего апогея. В Центральной Азии, Иране и Индии целая плеяда воинственных авантюристов так и не смогла создать стабильное государство, возможно, потому, что им не хватало опоры в виде традиций гази, которые поддерживали Османов в начале и оставались существенным элементом режима после 1500 г., в период расцвета империи³⁴.

2. ПЕРЕМЕНЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Политическая фрагментация и власть тюрок не сразу изменили интеллектуальный и культурный климат мусульманского мира. Приблизительно до конца XI в. сохранялось деление на богословские науки ислама, рационалистическую философию и науку греков и куртуазную беллетристику придворных кругов. Даже такие необразованные завоеватели, как Махмуд Газневи, покоритель Индии, широко покровительствовали наукам и искусствам, доходя даже до похищения самых выдающихся их представителей у конкурирующих дворов. Таким образом, ни разгул насилия, ни перевороты не оказали существенного влияния на развитие культуры. Политическая фрагментация лишь умножила число тщеславных правителей, готовых покровительствовать знаменитостям. Три величайших ума мусульманского

³⁴ Мои заметки о политике Османской империи основываются главным образом на информации небольшой работы Виттека: Paul Wittek, *The Rise of the Ottoman Empire* (London: Royal Asiatic Society, 1957). См. также А.Н.Лыбер, *The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the Magnificent* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1913); Franz Babinger, *Mehmed der Eroberer und seine Zeit* (Munich: F.Bruckmann, 1953).

мира трудились во времена политических потрясений. Врач и теолог Ибн Сина (Авиценна, 980–1037) провел большую часть своей жизни в Восточном Иране, где сильнее всего ощущалось давление тюркских завоевателей, так же как и математик и исследователь индийской философии аль-Бируни (Альберуни, 973–1046). На другом краю мусульманского мира Ибн Рушд (Аверроэс, 1126–1198) пережил завоевание Испании фанатиками Альмохадами. Объем знаний в работах этих и других ученых по своей сложности и системности был равен или превосходил знания, накопленные в эллинистической Александрии.

Иными словами, к XII в. мусульманские ученые освоили научное наследие своих греческих и индийских предшественников и добавили к нему новые знания, особенно выдающиеся в области математики, химии, медицины и оптики, и согласовали их с положениями доктрин мусульманства. Великие систематизаторы греческой науки Аристотель, Гален, Евклид и Птолемей задали общие рамки мусульманской науки, но многочисленные новые находки и некоторые принципы этой науки выходят далеко за рамки, заданные греческими предшественниками³⁵.

Противоречия между рационалистической философией и исламской теологией требовали разрешения. Ряд положений в них, например, о том, является ли наш мир вечным или же был когда-то создан, находились в непримиримом противоречии. Логично было бы одной из школ пойти на уступки в этих вопросах, и именно это произошло. Рационалистическая философия склонилась перед религиозной догмой, однако этому предшествовала борьба идей, и теология победила только после того, как вооружилась инструментами логики, доказывая тщету человеческого познания. Решающим фактором победы официальной религии стал ее союз с популярными религиозными догмами суфизма. Этот союз нашел свое выражение в трудах крупнейшего и, несомненно, влиятельнейшего теолога ислама аль-Газали (1058–1111).

При Аббасидах багдадская чернь в союзе с не доверяющими философам исламскими правоведами пресекла первую попытку создания рациональной мусульманской теологии. Однако во времена юности аль-Газали даже консервативные знатоки шариата вступили на опасный путь теологических дебатов, чтобы опровергнуть рационалистическую философию. В их руках Аристотелева логика служила средством для доказательства неспособности достижения истины путем рациональных рассуждений. Аль-Газали был воспитан в этой традиции, однако на пике блистательной карьеры профес-

³⁵ См. George Sarton, *Introduction to the History of Science* (Washington: Carnegie Institution, 1931), I, II; Aldo Mieli, *La Science arabe* (Leiden: E.J.Brill, 1939), 90–216.

сора богословия в Багдаде он пережил глубокий личный кризис и стал подвергать сомнению то, чему учил. В конце концов он обратился к мистическому опыту. Отказавшись от поста в Багдаде, он стал простым адептом суфизма, провозглашая растворение личности в боге. В пожилом возрасте аль-Газали начал писать и учить по-новому, утверждая что человек в состоянии постичь бога. От утверждал теперь, что богословский спор – лишь удобное средство найти мистический путь познания, постигая ошибки философов и прочих ученых, не признающих религии³⁶.

Полное отрицание логики, провозглашенное аль-Газали, стало нормой для всей последующей мусульманской теологии. Систематический антиинтеллектуализм открыл широкую дорогу мистикам суфизма и позволил улемам получить общественную поддержку в борьбе против рационалистической свободной мысли. В этой недружественной атмосфере попытка Ибн Рушда пересмотреть и возродить учение Аристотеля прошла в мусульманском мире почти незамеченной³⁷. История мусульманской науки и философии XII–XV вв. может быть символически отражена в названиях трех книг: «Разрушение философии» аль-Газали, «Разрушение разрушения» Ибн Рушда, в которой он отводит человеческой логике большую роль, чем аль-Газали, и намного менее значительного труда «Разрушение разрушения разрушения», написанного неким Ходжа Зада (ум. 1487 или 1488) по поручению султана Мухаммеда II, который приказал своему слуге разрешить спор в пользу аль-Газали.

Окончательным итогом этой интеллектуальной революции, таким образом, стало подавление любых зачатков нововведений в мусульманской науке и философии. Отпала необходимость использования греческого и позднее индийского интеллектуального наследия в мусульманской науке при обучении врачей и астрологов, как в начале правления Аббасидов. Появи-

³⁶ Аль-Газали написал свою краткую биографию (перевод Ватта): W.Montgomery Watt, *The Faith and Practice of Al-Ghazali* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1953), pp.19-85. См. также Louis Gardet and M.M.Anawati, *Introduction a la théologie musulmane* (Paris: J.Vrin, 1948), pp. 67-76; A.J.Wensinck, *La Pensée de Ghazzali* (Paris: Maisonneuve, 1940).

Те методы, которыми столетие спустя папа Иннокентий III сумел подчинить энтузиазм францисканцев официальной католической церкви, похожи на методы аль-Газали, хотя христианским аналогом аль-Газали скорее можно считать св. Бонавентуру, мистического теолога-францисканца.

³⁷ Значение Аверроэса в истории философии заключается в его стимулирующем воздействии на теологов католицизма, которые знали его как еретического, но весьма интересного мыслителя. Аристотель был давно известен мусульманским философам, но его доктрина была искажена неоплатоническими наслоениями позднего римского периода. Заслуга Аверроэса состоит в том, что он освободил Аристотеля от этих чуждых наслоений и позволил парижским теологам начать революцию в христианской философии на более или менее аутентичной основе философии Аристотеля.

лись авторитетные учебные пособия, содержащие все необходимые профессионалам знания. Что еще могло понадобиться врачу, если у него под рукой был «Канон» Ибн Сины? В конце концов, если превыше всего ценится мистический опыт, простая человеческая логика теряет смысл. Поскольку ничего существенного уже, как считалось, открыть невозможно, бесплодная игра с установленными истинами и признанными доктринами могла лишь оправдать то недоверие, с которым официальная теология относилась к науке и философии³⁸.

Таким образом, по роковому стечению обстоятельств мусульманская научная мысль остановилась в своем развитии как раз в XII–XIII вв., когда в Западной Европе начала пробуждаться интеллектуальная активность. Механическое запоминание и хоровое чтение, принятые в мусульманских учебных заведениях (медресе³⁹), разительно отличались от брожения умов в университетах Западной Европы. Существование сотен медресе, зачастую хорошо финансируемых и укомплектованных преподавателями, закрепило влияние официальной религии на умы мусульман. Только в сферах, далеких от священных наук, а именно в истории и географии, удалось выжить уче-

³⁸ И все же даже в рамках традиций суфизма логику нельзя было полностью исключить. Предпринимались попытки системного изложения доктрины, шагов и этапов мистического пути с широким использованием терминологии и метафор неоплатонизма, которые в некоторых случаях принимали высокоинтеллектуальную абстрактную форму. См. Reynold Alleyne Nicholson, *Studies in Islamic Mysticism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1921), pp.77-142; A.J.Arberry, *Sufism* (London: George Allen, 1950), pp.93-105.

Расцвет мистицизма в мусульманском обществе можно сравнить с интеллектуальными течениями в Индии VII–VI вв. до н.э. или в Римской империи в первые столетия нашей эры. Тот, кто сам не мистик, вероятно, объяснит эту аналогию крахом надежд человека в этом мире – точно так же и глубокие трансформации мусульманской философии можно приписать крушению идеала построения на земле общества, всецело направляемого божественным промыслом. Когда политическая реальность исключила даже мечты о таком обществе, мусульмане отказались от крайностей секуляризма, к которым прибегли позднее многие лидеры Западной Европы, и вместо этого обратились к личному, непубличному мистицизму.

Сложности городской жизни, где безликая неопределенность рыночных отношений усугублялась грабежами армий, могут объяснить психологическую привлекательность мистического пути. Если начиная с XI в. города мусульманского мира переживали упадок, то экономические трудности и разочарования могли служить благодатной почвой для мистицизма. К сожалению, отсутствие данных об экономике мусульманского мира этого периода не позволяют подтвердить или опровергнуть это предположение.

³⁹ Эти учебные заведения впервые были организованы в Иране и Ираке в XI в., заменив неформальные школы права и теологии, которые организовывались ранее при знаменитых теологах и правоведах. Однако, как утверждает в работе W.Barthold, *Histoire des Turcs d'Asie centrale* (Paris: Maisonneuve, 1945), p.48, у этих учебных заведений более древняя история, что объясняет расцвет науки в таких городах, как Бухара. В II–VIII вв. в районе Амударьи процветали учебные заведения, они назывались медресе и являлись мусульманским вариантом буддийских образовательных заведений. За буддийскими школами в районе Амударьи стоят, в свою очередь, индийские школы, восходящие к Упанишадям.

ным, не забывшим былой блеск мусульманской науки. Тому свидетельством могут служить работы Ибн Баттуты (ум. между 1369 и 1377) и Ибн Халдуна (ум. 1406).

Теософские дискуссии, безусловно, по-прежнему велись в среде суфизма, вне стен медресе и в какой-то мере в оппозиции к их официальному курсу. Поэтому корректнее было бы утверждать, что после XII в. интеллектуальная энергия ислама разделилась между все более ожесточавшимся схоластическим официальным каноном и свободной, развивающейся традицией мистицизма. Однако эта традиция нашла свое лучшее выражение в литературе, которая в странах ислама еще долго продолжала процветать после упадка науки и философии.

Традиции и идеи суфизма сильнее выразили себя в персидской, чем в арабской поэзии, но и арабская литература продолжала активно развиваться. Например, в Андалусии в XI в. возникла новая поэтическая форма рифмованных строф, которая позднее распространилась по всему арабскому миру. В начале XIII в. популярные на базарах и в караван-сараях устные сказания оформились в литературные жанры в таких, например, собраниях, как «Тысяча и одна ночь», где в преимущественно светской манере повествовалось о похождениях плутов и торговцев, принцев и знатных дам⁴⁰.

Однако истинную славу мусульманской поэзии принесли персидские поэты. Персидский стал литературным языком в IX–X вв. на основе устной речи и древних произведений, записанных письмом пахлави. Первым великим персидским поэтом считается Фирдоуси (ум. 1020), главным произведением которого был стихотворный эпос, воспевающий персидских героев от начала времен до мусульманского завоевания. Поэзия Фирдоуси носила скорее патриотический, чем благочестивый характер, но его последователи сосредоточились на утонченных стихотворениях, воспевающих в неясных образах то ли земную, то ли небесную любовь. По этой причине их творчество можно интерпретировать либо как аллегорическое выражение мистики суфизма, либо как гедонистическое прославление плотских радостей. В некоторых произведениях ясно звучит религиозная тема, как, например, в стихах Руми (ум. 1273) – основателя одного из самых известных орденов дервишей в Анатолии. В других случаях отчетливо прослеживаются гедонистические мотивы, как, например, в стихотворениях, приписываемых Омару Хайяму (ум. 1123)⁴¹. Между этими двумя полюсами находится творчество Саади (ум. 1291) и Хафиза (ум. 1390), причем произведения последнего

⁴⁰ H.A.R.Gibb, *Arabic Literature*, pp.60-114. Сравните с фаблю, появившимися в это время в Европе, и китайскими городскими рассказами периода династии Сун.

⁴¹ Омар Хайям был математиком и астрономом, известным главным образом благодаря составленному им при сельджукском султане Малик-шахе (1072–1092 гг.) исключительно точ-

заняли особое положение, отдав дань при прославлении любви обоим крайностям.

Значение персидской поэзии для мусульманского мира трудно переоценить. Достижения персидских поэтов потеснили арабский, считавшийся исключительно языком поэзии. При власти турок арабский язык полностью перешел в сферу богословия, а турецкий стал языком администрации и армии, в то время как персидский был признан языком поэзии и культуры. Таким образом, рыцарский идеал раннемусульманского общества воплотился в формы персидского языка, дополнившись мистикой суфизма и идеалами плотской и божественной любви.

Следовательно, в определенном смысле мусульманская культура XI–XIII вв. успешно переработала и синтезировала течения, которые ранее развивались обособленно и даже вступали в противоречия между собой. Мистика суфизма проникла в богословские науки улемов, внесла элемент духовности в идеал рыцарства и одержала победу над рационалистической философией. Политическая карта мусульманского мира оставалась раздробленной, но и в этой ситуации суфизм питал дух гази и городских братств, сыгравших столь значительную роль в построении Османской империи.

Османская империя стала наиболее влиятельным государством Среднего Востока в то время, когда дух суфизма начал ослабевать и мусульманский мир в целом жил за счет культурного капитала прошлого. Может быть, извилистые пути мистицизма были пройдены до последнего предела, может быть, вульгаризация мистического опыта в коллективных ритуалах и поклонении святым лишила суфизм его ранней интеллектуальной дерзновенности, а возможно, политическая и социальная поддержка, оказываемая внешним правилам и условиям ислама, подорвала жизнеспособность суфизма. Причиной могло стать и восстановившееся процветание в мирных городах Османской империи, которое лишило суфизм питающей его почвы разочарования в повседневной жизни и связанного с ней стремления к постижению истины через мистические откровения. Какой бы ни была причина, фактом остается то, что период, когда Западная Европа приступала к великому историческому прорыву, мусульманский мир оказался в оковах официальных законов шариата и сопутствующих ему дисциплин, с одной стороны, и полуофициальной доктрины суфизма – с другой. Ни то, ни другое не могло быть источником интеллектуального возрождения – их инер-

ному календарю. Вполне возможно, он писал стихи, однако представляется, что этот сборник приписан ему благодаря его репутации вольнодумца в то время, когда свободная мысль была все более гонима. См. Edward G. Browne, *A Literary History of Persia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1956), II, 246–59.

тная масса и бесконечная сложность тормозили любое начинание. Эти две части духовной жизни были настолько четко определены, что любая замена одной из них угрожала бы гибелью всей структуре. Тотальное отрицание также было немыслимо, так как оно привело бы к духовному вакууму и потере культурной идентичности. Следовательно, сама успешность объединения разрозненных элементов мусульманской культуры в рамках суфизма в XI–XIII вв. предопределила медленный прогресс и окончательный застой мусульманской мысли, который продолжался почти до нашего времени.

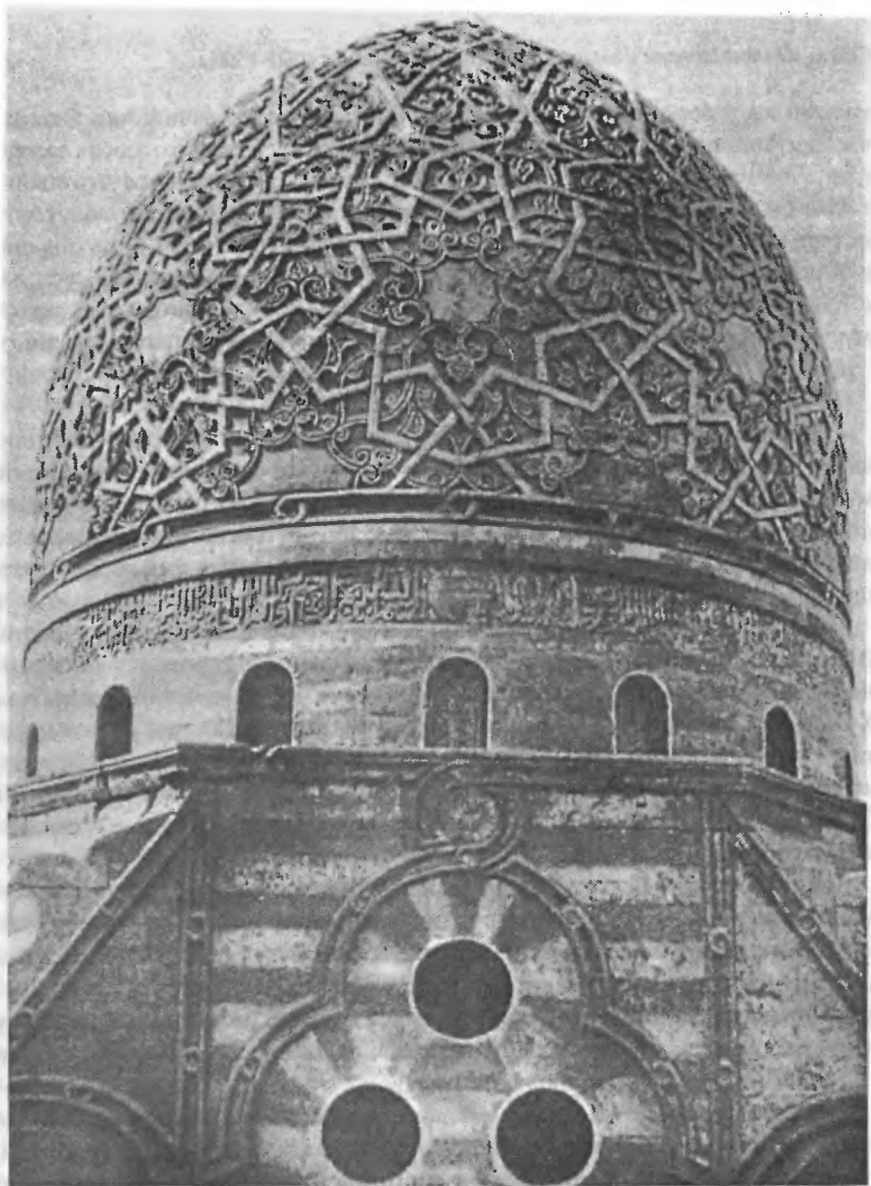
Изобразительное искусство и архитектура избежали упадка – их отличала высокая активность и после 1500 г. В отличие от ученых и писателей, мусульманские люди искусства не избегали иностранного влияния: художники использовали в своем творчестве элементы китайского и европейского искусства, а архитекторы – произведения византийских и индийских предшественников.

История мусульманской архитектуры сложна, и в ней много неясного. В результате реконструкции основных мусульманских городов здания раннего периода были просто уничтожены. Многие мусульманские завоеватели X–XV вв. были великими строителями, и там, где сохранилось много мечетей, как, например, в Каире, артистизм и строительное мастерство продолжали совершенствоваться даже после 1500 г.⁴² Мусульманская архитектура Османской империи, Ирана и Индии сохранила новаторский дух и стилистическое разнообразие до XVII в.⁴³

Архитектуру можно считать главным общественным искусством ислама, так как медресе, мечети, дворцы и крепостные укрепления были важны как для религиозной, так и для светской жизни мусульманского общества. Скульптура и живопись, занимавшие столь выдающееся место в западной культурной традиции, играли иную роль в мусульманской культуре ввиду запрета, налагаемого религией Мухаммеда на изображения. Скульптура так тесно ассоциировалась с идолопоклонством, что ее в мусульманских странах во все времена было мало. Живописи удалось выжить, несмотря на запреты, но лишь в виде полусекретного искусства для частных собраний, поощряемого горсткой правителей и богатых придворных. В сущности, исламская живопись скорее относится к домашним ремеслам наряду с кера-

⁴² См. R.H.C.Davis, *The Mosques of Cairo* (Cairo: Middle East Publications, n.d.).

⁴³ См., например, Georges Marçais, *L'Art de l'Islam* (Paris: Larousse, 1946), pp.109–89; Percy Brown, *Indian Architecture: Islamic Period* (Bombay: D.B.Taraporevala Sons, 1942); Ernst Diez, *Die Kunst der islamischen Völker* (2d ed.; Berlin: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1917), pp.71–185.

Lehnert & Landrock, Succ. K. Lambelet, Каир.

КУПОЛ КАИРСКОЙ МЕЧЕТИ

Этот тщательно украшенный купол венчает мечеть, которая послужила последним пристанищем малоизвестному мамелюкскому султану Египта Каит Бейю (1472—1474 гг.). На примере этого сооружения хорошо видна преемственность архитектурного стиля создателей Храма на скале, что подтверждает жесткий консерватизм ислама и следование нормам, записанным в Священном законе. И все же, если быть точным, то необходимо отметить, что интересный узор причудливой резьбы, которой украшен купол, предполагает высокий уровень мастерства создателей. Арабески не слишком сложны, чтобы затруднить их восприятие издалеки, и в то же время не настолько просты, чтобы не вызвать желания пристально и долго их изучать.

микой, ковроткачеством, ткацким искусством и изготовлением мебели. Все эти ремесла достигли удивительного совершенства в 1000–1500 гг. и позднее⁴⁴.

Почти все мусульманские фрески были уничтожены вместе с дворцами, которые они украшали, однако иллюстрации, сохранившиеся в манускриптах, отчасти могут дать представление об уровне развития живописного искусства ислама. Основной школой живописи была персидская, базирующаяся на искусстве Сасанидов, манихеев и буддистов. Персидские живописцы использовали также отдельные аспекты китайского стиля после монгольских завоеваний XIII в. и проводили смелые эксперименты с перспективой и прочими элементами живописной техники европейского Ренессанса. В XIV в. им удалось уже выработать свой индивидуальный синтетический стиль, а в XV–XVI вв. мусульманская школа достигает пика своего развития. Неповторимая гамма красок и четкость рисунка персидских миниатюр ставят их в один ряд с величайшими мировыми живописными шедеврами. Эти миниатюры обычно служили иллюстрациями к сборникам персидской поэзии и в этом качестве проникали во все уголки мусульманского мира, где проживали ценители этой поэзии⁴⁵.

Г. ИНДУСЫ, ХРИСТИАНЕ И ИУДЕИ ПОД МУСУЛЬМАНСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ

1. СЕРДЦЕВИНА МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Несмотря на привлекательность ислама как религиозного учения и на ряд практических преимуществ, которые приобретали обращенные в эту господствующую веру, терпимость, присущая Корану по отношению к последователям Библии, позволяла выжить и просуществовать христианским и еврейским общинам на Среднем Востоке в течение многих столетий после завершения мусульманских завоеваний. Даже крестовые походы, чьи первоначальные успехи в 1099 г. поставили на какое-то время под сомнение воен-

⁴⁴ Интересные сведения можно найти в работе: M.S.Dimand, *A Handbook of Muhammedan Art* (2d ed.; New York: Metropolitan Museum of Art, 1944).

⁴⁵ Особенно сильное влияние оказали персидские миниатюры на мусульманскую Индию, где на основе имитации персидских возникла собственная школа миниатюр. См. T.W.Arnold, *Painting in Islam* (Oxford: Clarendon Press, 1928); Laurence Binyon, *The Spirit of Man in Asian Art* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1936), pp.105-43; Arthur Upham Pope, *A Survey of Persian Art* (London: Oxford University Press, 1958).

ное превосходство мусульман и вызвали обострение противоречий между этими вероисповеданиями в Леванте, не привели к массовому преследованию христиан в мусульманских государствах. Однако уже в XIII в. в результате вторжения монголов мирное сосуществование религиозных сообществ Ближнего Востока радикально изменилось.

Еще до столкновения с исламом монголы сталкивались и с буддизмом, и с христианством несторианского толка среди уйгуров и других тюркских народов Востока. Отдавая должное особенностям этих цивилизованных религий, вожди монголов особым образом использовали элементы ритуальных действий служителей буддизма и христианства в дополнение к своим родовым шаманским обрядам. В результате, как только монголы стали правителями на Среднем Востоке, они сначала поддерживали христиан в их противостоянии исламскому большинству. Без сомнения, такая стратегия имела вполне определенное политическое обоснование; поскольку мусульмане оказывали сопротивление своим завоевателям-иноверцам, лояльность благодарных христиан представляла собой ценный политический капитал⁴⁶.

Обращение правителей Персии в ислам в 1295 г. привело к длительному и ожесточенному преследованию «изменнических» христианских меньшинств со стороны мусульман. Последовали массовые выселения и убийства, принудительное обращение в мусульманство. В результате этих акций христианские общины Ирака и Сирии утратили свое значение. К 1300 г. лишь несколько горных районов этого региона остались безопасными для проживания христиан⁴⁷. В Египте, который избежал завоевания монголами, и в Анатолии, где политика завоевателей не сумела возбудить серьезной религиозной вражды, христиане выжили и как влиятельное религиозное меньшин-

⁴⁶ Когда первый испуг, вызванный вторжением монголов в Центральную Европу (1241 г.) прошел, латинский христианский мир стал возлагать большие надежды на возможные преимущества обращения монголов в христианство. Запад даже организовывал несколько попыток с помощью миссионеров обратить великого хана в христианство. Отчетная документация о странствиях некоторых из этих миссионерских экспедиций служит основным источником исторических сведений об Азии в XIII – начале XIV в. См. W.W.Rockhill (ed. and trans.), *The Journey of William of Rubruck ... with Two Accounts of the Journey of John of Pian de Carpine* (London: Hakluyt Society, 1900); Christopher Dawson (ed.), *The Mongol Mission* (London and New York: Sheed & Ward, 1955); Leonard Olschki, *Marco Polo's Precursors* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1943).

⁴⁷ Экономические мотивы, вероятно, играли определенную роль в инициации этих гонений за веру, поскольку христиане, как правило, были торговцами, ростовщиками и лавочниками. Это, конечно, вызывало по отношению к ним враждебность со стороны крестьян и городских низов. (Ср. с традиционной ролью евреев в европейском обществе.) Кроме того, если мы предполагаем, что военные беспорядки в XIII в. и последующих столетиях приводили к серьезным экономическим неурядицам, то ясно, что экономические мотивы для нападок на христиан всегда находились.

ство сохранились до настоящего времени, но в Сирии и Месопотамии, в глубоком тылу мусульманского мира, христианские сообщества после 1300 г. перестали быть значительными по числу верующих⁴⁸.

Иудеям в мусульманском мире выжить было гораздо легче, чем христианам, несмотря на то что они также пострадали от преследований и насилия толпы в XIII–XIV вв. Еще до нашествия монголов Месопотамия была главным интеллектуальным, религиозным и экономическим центром евреев и оставалась таким до времен правления Сасанидов. После этого уже ни один центр иудаизма особо не выделялся и не пользовался очевидным преимуществом, хотя различные еврейские общины продолжали поддерживать между собой связи, как и прежде, вопреки существующим политическим границам.

Копты, иоанниты, несториане и другие христианские секты Леванта настолько бдительно охраняли собственные традиции, что не проявляли интереса ко взглядам и мироощущению, преобладающему в окружающем их мусульманском обществе. У евреев тут было иначе. Они, хотя и продолжали развивать свое древнее наследие – Закон (Тору) как ее интерпретировали и применяли поколения ученых раввинов⁴⁹, это не мешало людям, подобным Моисею Маймониду (Моше бен Маймон, 1135–1204), принести свежие веяния различных учений в довольно пыльные залежи мудрости раввината. Маймонид был практикующим врачом и создал ряд трактатов по медицине, но известность ему принесли скорее его работы как богослова и философа. В своих размышлениях он стремился примирить рационализм Аристотеля (в арабской трактовке) с религиозными откровениями Библии. Его работа поразительно перекликается с работой его современника и соратника из Андалузии Ибн Рушда. Но тогда как более поздние мусульманские богословы в основном отвернулись от строгого рационализма Ибн Рушда, книга Маймонида «Путеводитель колеблющихся» оказала большое влияние на более поздних мыслителей иудаизма (да и латинского христианства).

Несмотря на тесные контакты с окружающим его огромным мусульманским миром, иудаизм оказался способным сохранить свою социальную

⁴⁸ См. Pierre Rondot, *Les Chrétiens d'Orient* (Paris: J. Peyronnet, n.d.), pp. 78–79, 144–45, 154–55; William H. Shedd, *Islam and the Oriental Churches* (Philadelphia: Presbyterian Board of Publications, 1904), pp. 196–204 and *passim*.

⁴⁹ Сходство общего характера и целей священных писаний иудейской и мусульманской религий, возможно, облегчило участие еврейских мыслителей в интеллектуальной жизни исламского мира. О сходстве между Торой и Кораном – основными священными текстами евреев и мусульман – см. в работах: S. D. Goitein, *Jews and Arabs* (New York: Schocken Books, 1955), pp. 59–61; Abraham I. Katsh, *Judaism and Islam: Biblical and Talmudic Backgrounds of the Koran and Its Commentaries* (New York: New York University Press, 1954).

и интеллектуальную обособленность, поддержать существование иудейской литературы⁵⁰. Древнееврейский язык оставался живым в среде философов, на нем создавались произведения художественной литературы, расцветало живое древо поэзии. Кроме того, евреи расселялись и вне пределов исламских территорий, проникнув в христианский мир и создав ряд отдаленных поселений в Индии и Китае. Еврейские торговцы и мудрецы поддерживали связи между собой, невзирая на границы, разделявшие мусульманский и христианский мир. Тем самым иудеи поставили себя в положение посредников, готовых распространить некоторые аспекты исламской цивилизации в Западной Европе, как только Европа будет готова к этому.

2. ИНДИЯ

Увеличение религиозной однородности в сердцевине исламского мира компенсировалось постоянным и массированным притоком новых сообществ, которые военная экспансия мусульман объединяла под своим господством. В Восточной Европе отношение между мусульманскими повелителями и их новыми христианскими подданными сводилось к уже известным моделям; но ситуация в Индии была совершенно другой. В представлении мусульман, согласно законам их веры, индуисты и буддисты не были «народами Книги» и считались идолопоклонниками – именно по этой причине они были исключены из сферы действия традиционной религиозной терпимости. Кроме того, во многих индуистских храмах и монастырях были сосредоточены огромные богатства и драгоценности, и это вызывало искушение рассматривать их как объекты грабежа. В результате исламское проникновение в Индию вначале приняло форму священных войн за веру, в которых неприятие идолопоклонства вдохновило победоносные армии мусульман на грабеж и уничтожение главных религиозных центров северной части Индии⁵¹. Как мы уже видели, буддизм рухнул под таким натиском, но индуизм, глубоко укоренившийся в повседневной жизни и религиозности индийского народа, пережил потерю своих храмов и с честью выдержал вспышки гонений со стороны мусульман.

Почти два столетия прошли между завоеваниями Махмуда Газневи (998–1030) и установлением более или менее стабильного исламского государства

⁵⁰ Маймонид писал на арабском языке, но его работы сразу же переводились на иврит и распространялись в основном на этом языке.

⁵¹ Интересно, что позиция и поведение мусульман странным образом повторяли реакцию ариев на религиозные обряды индуистской цивилизации.

на севере Индии после решительных побед, одержанных Мухаммедом Гури (1175–1206). После этого распространение ислама пошло быстрее, пока к 1313 г. мусульманские государства не возникли по всей территории Индии. Около 1335 г. «патриотическая реакция» нашла выражение в индуистском царстве Виджаянагар, которое изгнало мусульман с юга; но вся северная и центральная части Индии оставались в подчинении у нестабильного скопления исламских правителей.

Ясно, что определенное изменение отношения мусульман к «идолопоклонникам» было необходимым условием для совместного проживания завоевателей и их подданных-индуистов. Практически мусульманские правители Индии, проявив религиозную терпимость, быстро предоставили индуистам те же права, которыми пользовались христиане, иудеи и зороастрийцы в других исламских государствах. Кроме того, поскольку мусульманские повелители всегда были в меньшинстве по отношению к своим подданным, значительное число богатых индусов сохранило свое влияние, а многие из них даже служили в армиях мусульман. И наоборот, индуистские правители Виджаянагара содержали в своей армии корпус мусульманских наемников, а среди исламских правителей на севере страны находили себе не только врагов, но и союзников⁵².

В течение первых столетий правления в Индии мусульмане оказали на редкость незначительное влияние на культурные традиции своих подданных. Возможно, большая часть индийского населения рассматривала мусульман лишь как еще одну касту и именно по этой причине просто пренебрегла тем вызовом, который ислам бросил их традиционной системе религии и общественного устройства⁵³. И все же иностранное правление неизбежно вносило определенные изменения в положение дел на местной сцене. Например, уничтожение храмов на севере Индии остановило появившуюся в индуизме склонность кристаллизовываться вокруг определенных культовых церемоний. Это открывало путь к возникновению более примитивных религиозных сект вокруг людей, славящихся особой святостью, харизмой либо религиозным рвением. Такие течения с культом экстатического поклонения лично воспринимаемому божеству распространились по всему северу Индии. А еще раньше, до 1000 г., подобный культ укоренился среди тамилы на юге Индии. Параллельное развитие философии, величайшим представителем которой был Рамануджа, живший приблизительно 1100 г., бросило вызов

⁵² B.A.Saletore, *Social and Political Life in the Vijayanagara Empire* (Madras: B.G.Paul & Co., 1934), I, 395–414.

⁵³ См. A.B.M.Habibullah, *The Foundation of Moslem Rule in India* (Lahore: S.Muhammed Ashraf, 1945), pp.272–308.

ТАНЦУЮЩИЙ ШИВА

В XII—XIII вв., когда это изваяние Шивы и было создано, индуистская иконография обрела свои традиционные и завершенные формы. Мягко очерченный контур фигуры выводит происхождение художественного стиля еще со времен Гуптов, а возможно, и от искусства цивилизации Древнего Инда. Такие созвучия с прошлым Индии объясняют, насколько успешной могла быть реакция индуизма на вызов ислама. Даже после систематического отказа от любых проявлений индийских культурных традиций, ставших чуждыми, богатое и впечатляющее наследие прошлого воплотилось здесь в бронзе.

абстрактной беспристрастности метафизического монизма Шанкары, предлагая тщательно продуманные доводы в пользу монотеистического мироздания. Рамануджа признавал наряду с существованием брахмана реальность эмпирического мира и индивидуальных душ. Этот альтернативный подход развивали в дальнейшем оппоненты Шанкары в рамках веданты – основной философской школы Индии⁵⁴.

Мусульманские правители вообще не очень-то были заинтересованы в обращении своих индийских подданных в ислам, поскольку это могло уменьшить их доход от сбора налогов. Однако во времена распространения суфизма многие праведники убедили большое число индусов принять ислам. Особенно восприимчивы к призывам суфийских миссионеров были самые низшие классы городского населения. Среди них деревенские традиции и чувства статуса были ослаблены. Поэтому индуистскому учению, которое обрекало их на принадлежность к самым низким кастам индийского общества, трудно было соперничать с вероучением, где каждая человеческая душа была равна перед богом. Ислам победил также среди многочисленных примитивных народов Бенгалии, которые в процессе вхождения в культуру индийского мира часто предпочитали религию Мухаммеда системе индуизма, размещавшей их на самой нижней ступени кастовой иерархии.

Происходящая смена веры, конечно, не изменяла прежний образ жизни населения даже после вхождения в исламское сообщество. По этой причине, все усилия изменить нормы жизни и привести их в соответствие со Священным законом имели лишь ограниченный успех даже среди правоверных суннитов Индии. И в то же время еретически настроенные шиитские секты, стоящие на позициях мистики и традиции необязательности Закона, позволяли очень хорошо приспособиться к индийским обычаям и нравам. Так, например, одна из индийских ветвей ислама считала, что Али был земным воплощением бога Вишну⁵⁵. Священнослужители суфизма переняли многое из традиций индуистского аскетизма и положили начало такому явлению, как бродячие дервиши. Эти группы блаженных бродили по всей стране, не связанные какой-либо определенной дисциплиной и не подчиняясь каким-либо религиозным структурам.

Поскольку ислам постепенно проникал в ткань индийского общества, мыслящим индуистам становилось все труднее игнорировать главный упрек со стороны мусульман: индуизм идолопоклонствует и признает касто-

⁵⁴ См. M.Hiriyanna, *The Essentials of Indian Philosophy* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1949), pp.175-99; S.Dasgupta, *A History of Indian Philosophy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1956).

⁵⁵ Marshall G.S.Hodgson, *The Order of the Assassins*, pp.277-78; J.N.Hollister, *The Shi'a of India* (London: Luzac & Co., 1953), pp.356-57.

вые различия⁵⁶. Начиная с XV в. ряд индийских религиозных течений пытались очистить индуизм от этих недостатков и найти точки соприкосновения между соперничающими религиями. Первым великим реформатором, действовавшим в этом направлении, был Рамананда (ок. 1400) – популярный проповедник, отбросивший внешние санскритские покровы индуизма, перейдя в своих проповедях на родной язык индийцев. Он также игнорировал кастовые предрассудки и ввел поклонение богу Рама в виде страстной личной молитвы. Другим знаменитым религиозным проповедником в середине XV в. стал Кабир, который, возможно, был одним из учеников Рамананды. В своем отрицании индийской традиции Кабир пошел намного дальше, чем Рамананда. Он отвергал переселение душ и критиковал проявление всех внешних форм религиозности, будь то обрезание у мусульман или идолопоклонство индусов. Он объявил, что индусы и мусульмане в действительности поклоняются одному и тому же богу, и этим привлек на севере Индии значительное число последователей из обеих конфессий. Сикхи считают Кабира своим родоначальником, хотя их религиозное течение с отличительными и характерными для сикхов чертами возникло лишь через два-три поколения под предводительством Нанака (ум. 1538)⁵⁷. Связующую нить исторической преемственности между Кабиром и Нанаксом восстановить невозможно, но все же сикхи могут с полным правом утверждать, что они были истинными преемниками Кабира в том смысле, что именно они, как и он, стремились объединить индуистов и мусульман в рамках единого религиозного сообщества.

Но традиционные религии индийцев были настолько глубоко укоренены в повседневной жизни народа, что изменить их было непросто. В конечном счете усилия по сближению индуизма с исламом не возобладали. Богатое разнообразие индуистских божеств и различных сект пережило уничтожение северных храмов Индии мусульманами, а основным откликом на религиозное и интеллектуальное наступление ислама стало просто появление еще одной религиозной секты – сикхов.

⁵⁶ Исламский монотеизм в своем противопоставлении индуистскому многобожию не создавал особых проблем, поскольку индийская философия уже давно сократила численность божеств в традиционном пантеоне индуизма, сводя их множественность всего лишь к проявлениям абсолютной действительности, – такая доктрина не сильно отличалась от суфийской трактовки ислама.

⁵⁷ Несколько других религиозных групп, как мусульман, так и индуистов, считают Кабира своим основоположником. См. Charles Eliot, *Hinduism and Buddhism* (London: Edward Arnold & Co., 1921), II, 262-66.

3. ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ МИР

В первые два десятилетия XI в. православный христианский мир, казалось, занимал столь крепкие позиции, каких у него никогда не было со времен Юстиниана. Византия успешно отразила мусульманские нашествия на исконно эгейские территории и даже предприняла скромное, но достаточно успешное контрнаступление на севере Сирии и в Армении. В 989 г. принятие киевским князем христианства открыло обширные пространства к северу от Черного моря для проникновения в них всех достижений византийской цивилизации. Уже в 1018 г. император Василий II нанес поражение своему сопернику – Болгарскому царству и объединил греков и славян Балканского полуострова под единой императорской властью. Эти достижения на фоне политической раздробленности мусульманского мира и отсталости латинского христианского мира, казалось, обеспечивали Византийскому государству всестороннюю безопасность.

И все же четыре столетия после смерти Василия II (1025) принесли лишь бесконечную череду бедствий. Мы уже видели, как мусульманский мир становился все более мощным в военном отношении, интегрируя в свою среду тюрок и монголов. И православный христианский мир стал одной из основных жертв второго грандиозного расширения ислама. Быстрый подъем латинского христианского мира после 1000 г. был для православия не менее опасным. Франки, как называли византийцы все латинское христианство, были для них даже более отвратительными врагами, чем мусульмане. Именно франки требовали от православных отказа от собственных убеждений и обрядов, тогда как мусульманские правители позволяли православной церкви самостоятельно решать собственные дела, требуя от нее лишь уплаты налогов и признания верховенства исламской политической власти⁵⁸. В этих обстоятельствах всякий раз, когда православные должны были выбирать между турецким (или, как на Руси, монгольским) правлением и западным господством, в подавляющем большинстве случаев этот выбор был не в пользу франков. Этот факт во многом обеспечил успех турков на Балканах

⁵⁸ Иоанн Дамаскин (ум. ок. 752) – ведущий апологет христианства того времени, живший непосредственно в халифате, вообще утверждал, что ислам просто одна из ересей христианства, и это было общепринятой точкой зрения православной церкви. Иными словами, доктринально не было большой разницы между исламскими еретиками и латинскими вероотступниками. Оба учения отступали от истины, и если в отдельных положениях латинского догмата это было менее заметно, чем в Коране, то просто делало латинское отступничество более коварным, а поэтому и более опасным.

и помог установлению стабильного господства монголов над русскими княжествами⁵⁹.

Упадок Византии и Киевской Руси во многом был следствием внутренней слабости перед лицом военной мощи турков, монголов либо франков. Распад Киевской Руси на дюжину или более соперничающих между собой княжеств сделал сравнительно легким проникновение кочевников из Прикаспийского и Волжского регионов в Причерноморские степи. При этом русичей вытеснили обратно в северные леса. Когда в 1054 г. последний могущественный правитель Киева умер (имеется в виду Ярослав Мудрый (ок. 980–1054), великий князь киевский с 1019 г. – *Прим. пер.*), украинские степи оказались под властью тюркских орд кипчаков⁶⁰. Это отрезало выжившие русские княжества от возможного контакта с Византией и разделило православный мир на две половины. Спустя поколение православный христианский мир испытал еще более серьезный удар, когда Византия полностью потеряла контроль над Анатолийским плоскогорьем, перешедшим под власть другой ветви тюркских народов, турков-сельджуков.

Турки клещами охватили Черное море с севера и юга, окружив, таким образом, Византию в XI в., причем угроза исходила в это же время и от Запада. Норманнские авантюристы захватили византийские владения в Италии в 1042–1071 гг.⁶¹, освободили Сицилию от мусульман в 1090 г. и направили свой главный удар на Балканский полуостров в 1081–1085 гг. Одновре-

⁵⁹ Жители Запада, по крайней мере иногда, отвечали тем же. Петрарка, например, писал: «Турки – враги, но греки – вероотступники и хуже, чем враги». Цит. по А.А. Vasiliev, *A History of the Byzantine Empire* (new ed.; Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1952), p.671.

⁶⁰ Русичи называли их половцами, византийцы – куманами, они сами называли себя кипчаками. Позже они были включены в состав Монгольского государства (Золотой Орды) и в этом качестве известны как татары. См. R. Grousset, *L'Empire des steppes*, p.242.

Вторжение кипчаков в русскую степь по значению можно приравнять к вторжению мадьяр в Венгрию в IX в., которое отрезало Византию от западных славян и в конце концов свело на нет всю миссионерскую работу святых Кирилла и Мефодия в Моравии. Появление кипчаков в Украине привело к вытеснению ряда кочевых племен, таких как печенеги, гузы и др., в низменные равнины Нижнего Дуная. Эти миграции, следовательно, воздвигали непроходимый барьер между глубинными областями православного христианского мира и его северными, «колониальными», территориями. Новоприбывшие язычники могли быть обращены в христианство и постепенно войти в православный мир, если бы не монгольское нашествие с последующей исламизацией. Так и произошло, например, с частью кипчакских вождей, принявших православие прежде, чем появились монголы. Но как часть Золотой Орды кипчаки все равно в XIV в. стали мусульманами. Все это свидетельствовало о разделении православного христианства на две отдельных части – Византию и Русь.

⁶¹ Папское покровительство норманнам как противовес действиям немецких и византийских императоров помогло сделать раскол 1054 г. между папством и вселенским патриархом необратимым. Все прежние разногласия между Римом и Византией получили окончательное оформление. Любая попытка найти компромисс в вопросе о приоритете латинского догмата веры терпела неудачу. Тот факт, что византийский император больше не имел подвласт-

менно Венеция намертво придавила всю византийскую торговлю, частично своими коммерческими предприятиями, а в ряде случаев просто за счет военной и морской мощи. В обмен на помощь Венеции на море против вторжения норманнов византийские императоры в 1082 г. предоставили венецианским торговцам широкие привилегии, включая отмену торговых пошлин. Естественно, византийские подданные были неспособны составить коммерческую конкуренцию итальянцам со всеми предоставленными им привилегиями. Позже, в 1155 г., в попытке ослабить мертвую хватку Венеции Византия предоставила подобные уступки и Генуе. Не случайно и другие итальянские города старались сделать Византию просто пешкой в конкурентной борьбе итальянского коммерческого империализма⁶².

Военные неудачи находились в поразительном контрасте с успехами Византии предшествующего столетия. Было ясно, что один из источников такой слабости – рост крупных состояний, выведенных, полностью или частично, из-под нормального налогообложения⁶³. Собственники таких состояний, особенно в Малой Азии, превратились в полувоенизированную аристократию с частными армиями, способными поддерживать ее хроническое неподчинение императорскому правительству. Так Византийская империя в XI в. оказалась под угрозой того же политического распада, который разрушил Аббасидский халифат в X в.⁶⁴ Поскольку крупные состояния продолжали увеличиваться, мелкие землевладельцы, составляющие военный хребет армии при императорах Македонской династии, исчезли или перешли в подчинение местным магнатам. Центральное правительство при этом было вынуждено все более полагаться на наемников.

Само по себе такое положение не было бы бедственным, если бы императоры могли обеспечить сбор налогов, достаточных для содержания огромных армий и флота. Но в XI в. таких возможностей не было. Тщательное изучение византийских городских хроник еще предстоит, но уже сейчас можно утверждать, что из-за значительных изменений в характере городской жизни торговцы и ремесленники оказались не в состоянии пополнять государственную казну средствами, достаточными, чтобы сохранить сильную

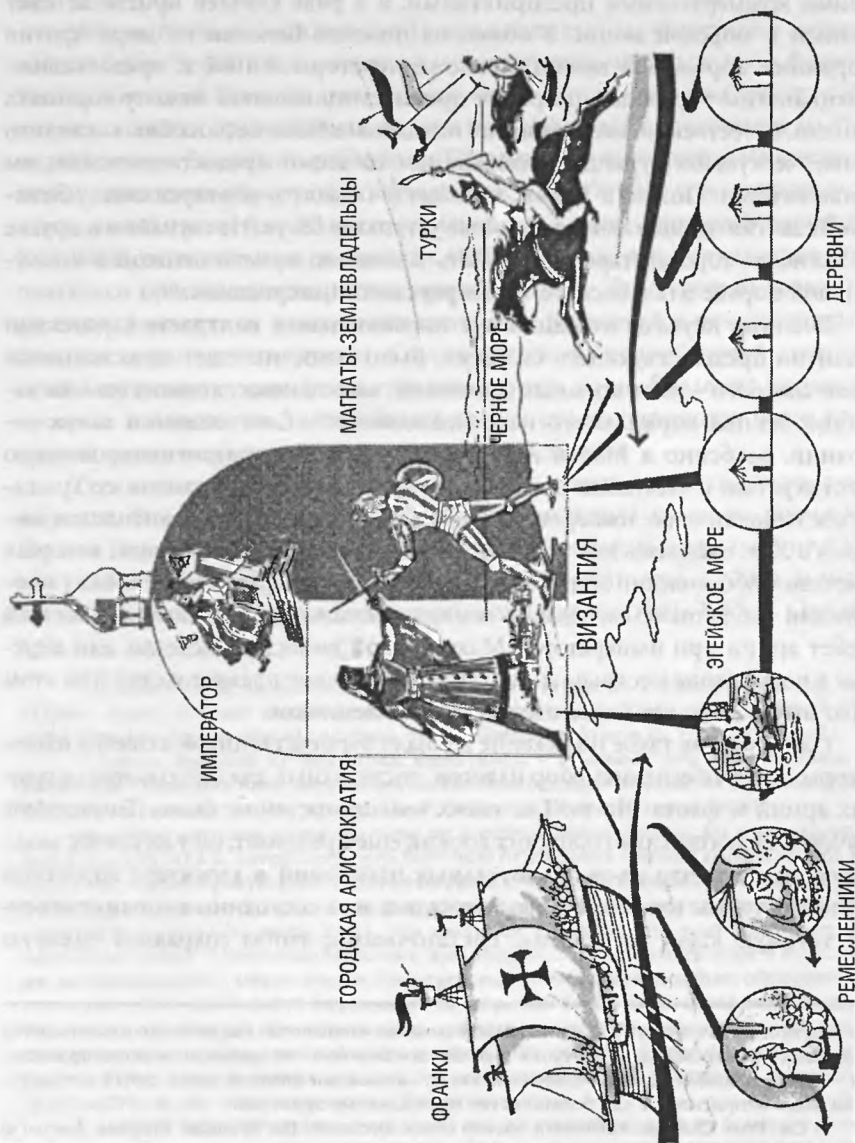
ных территорий в Италии, в действительности означал, что папство уже не могло извлечь выгоды из какого компромисса. Все уступки поэтому должны были исходить со стороны православия – и отсюда любые сделки, на которые могли согласиться римские папы, почти автоматически были неприемлемы для большинства православных христиан.

⁶² См. Peter Charanis, «Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire», *Journal of Economic History*, XIII (1953), 412–24.

⁶³ См. George Ostrogorsky, *Pour l'histoire de la féodalité byzantine* (Brussels: L'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, 1954).

⁶⁴ Ср. подобную эволюцию парфянской, Сасанидской и Каролингской монархий.

УПАДОК ВИЗАНТИИ

империю. Непосредственно в Константинополе аристократия, доминировавшая в городской жизни, извлекала доход главным образом из льгот своего официального положения и во вторую очередь от арендной платы за землю. Некоторые историки доказывают, что дворцовые перевороты, которыми изобилует византийская история после смерти Василия II в 1025 г., отражают борьбу за власть между военизированными магнатами Малой Азии и городскими чиновниками и рантье Константинополя⁶⁵.

Торговцы и предприниматели, вероятнее всего, не могли ожидать процветания своих предприятий при власти рантье и чиновников. Средства, вырученные от успешных торговых и других коммерческих операций, приходилось изымать из ненадежной сферы экономических рисков и вкладывать в покупку официальных должностей либо в надежные операции с недвижимостью. В крайних случаях, когда налоговое бремя становилось непомерным, выгоднее было покупать правительственные должности, чем вкладывать деньги в какое-либо экономическое предприятие. Все эти должности были выгодны лишь потому, что их обладатели могли свободно обирать народ. По сути, правительство стало огромным насосом, перекачивавшим богатства в руки небольшой группы приближенных лиц, за роскошью и культурными ценностями которых стояла жадность кормившего их режима. Налогообложение легко переходило в конфискацию имущества, и сборщики налогов вскоре стали походить на мародерствующих грабителей. Экономическое вырождение и радикальный упадок торговли и ремесел стали неминуемыми последствиями такой политики.

Трудно сказать, до какой степени внедрилась эта порочная практика в жизнь Византии после 1000 г. Однако очевидно, что итальянцы вскоре стали доминировать в получении прибыли от торговли. В течение XI–XII вв. они вытеснили византийцев сначала из Эгейского, а затем и из Черного моря. Кроме снижения доходов от торговли и убытков, нанесенных перемещением торговых посредников в Италию, такое изменение системы международной торговли означало неминуемое крушение византийского морского могущества, так как необходимой основой военно-морской мощи был торговый флот. Следовательно, еще до захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. Византийская империя оказалась в экономической зависимости от Запада.

По мере того как эти процессы развивались, византийские императоры сначала лишились источника послушных и надежных воинов, набираемых в

⁶⁵ См. Richard Busch-Zantner, *Agrarverfassung, Gesellschaft, und Siedlung in Südosteuropa* (Leipzig: Otto Harrassowitz, 1938), pp.60–61; George Ostrogorsky, *History of the Byzantine State* (Oxford: Basil Blackwell, 1956), pp.280–333; A.A.Vasiliev, *History of the Byzantine Empire*, pp.351–54.

сельской местности, а затем и денежного дохода, необходимого для содержания адекватной наемной силы, заменившей воинов-крестьян. В результате стала обесцениваться монета и начались запутанные переговоры с правительствами латинского христианского мира, направленные на получение военной помощи из этой части мира. Но помощь Запада была обоюдоострой: она действительно могла отодвинуть границу распространения ислама в Малой Азии и Леванте, как это было в ходе Первого крестового похода 1097–1099 гг., но могла, как это случилось уже в 1204 г., быть направлена и против самого Константинополя.

Однако Византийская империя умирала медленно. Периоды частичного восстановления, подобное тому, что проходило в 1081–1180 гг. при власти энергичных императоров из династии Комнинов, походили на поразительные возрождения, случавшиеся ранее в византийской истории. Но в конечном счете социальные и экономические процессы, подрывавшие силу центральной власти, оказались настолько мощными, что даже решительные императоры не смогли их преодолеть. В течение XII в. сначала Сербия (1167 г.), а затем и Болгария (1187 г.) покончили с византийским владычеством. Самым большим бедствием стал захват Константинополя западными крестоносцами в 1204 г. Франкские авантюристы владели городом до 1261 г. и даже отторгли часть самых богатых территорий от европейской части Византии, образовав на них личные герцогства. Хотя проникнуть в пределы Северо-Западной Малой Азии, где сохранялось греческое правление и власть императора, они не смогли, но даже после того, как греческий император вернул свою столицу, территории, которыми он управлял, представляли собой лишь разбросанные осколки прежних владений, не более чем номинально зависимые от Константинополя.

К XIV в. политическая слабость Византийского государства, замешанная на религиозных и социальных противоречиях⁶⁶, была очевидна всем. Вопрос состоял лишь в том, кто должен унаследовать территориальные владения Византии. Это могло быть Сербское царство, открытое латинскому влиянию и основанное на власти сельской аристократии, или Османская

⁶⁶ Признаков острой неприязни между правящими и низшими классами Византийского государства было достаточно еще с XII в. Сначала конфликт принял форму религиозного противостояния между зилотами (ревнителями) и политиками – течениями внутри церкви. Предводителями зилотов были монахи, которые стремились сделать церковь свободной от любого светского контроля. Политики же, контролируемые просвещенными деятелями церкви и чиновниками из городских верхов, предпочитали традиционную подчиненность церкви государству; причем некоторые из них были даже готовы договориться с папством о военной и дипломатической помощи с Запада. Богословские противоречия в трактовке религиозных учений, например спор с исихастами, возникли позже, и к XIV в. эти разногласия привели к тому, что в нескольких городах империи вспыхнула настоящая социальная революция. Нанбо-

империя, черпавшая силу в городских, основанных на примитивном равенстве традициях и враждебно взирающая на неверный Запад. Турки разрешили этот вопрос в 1389 г., разгромив сербских рыцарей в сражении на Косовом Поле. И зачастую греческие, сербские и болгарские крестьяне приветствовали турецких завоевателей как освободителей от тирании помещиков-христиан⁶⁷. Это делало победы турков необратимыми, а их неудачи лишь временными. Захват Константинополя в 1453 г. был символическим и имел огромное психологическое значение, но турецкая мощь уже полностью доминировала на Балканах задолго до этого времени.

Для сельских районов Балкан немедленным результатом османского покорения стала замена прежнего класса помещиков турецкими завоевателями. Первоначально турецкий гнет был для крестьянства менее обременительным, чем гнет христианских господ. Турецкие всадники рассчитывали в большей степени жить за счет военной добычи, а не за счет оброка, и было обычным делом, когда, уходя в военные походы, турки предоставляли крестьян самим себе в течение всех летних месяцев⁶⁸. Численность городского населения заметно выросла, и похоже, укрепление Османской державы вызвало подъем торговли и ремесел, хотя бы за счет поддержания определенного уровня спокойствия в сельских районах и разрушения той экономической зависимости от итальянской знати, которая существовала ранее⁶⁹.

Христианское население Балкан в какой-то мере согласилось с турецким правлением, предпочитая его явному подчинению латинскому Западу как единственной альтернативе после поражения Сербии. Мехмед II Фатих пошел навстречу своим православным подданным, предоставив широкие полномочия и привилегии православной церкви, которая, отвергнув все ком-

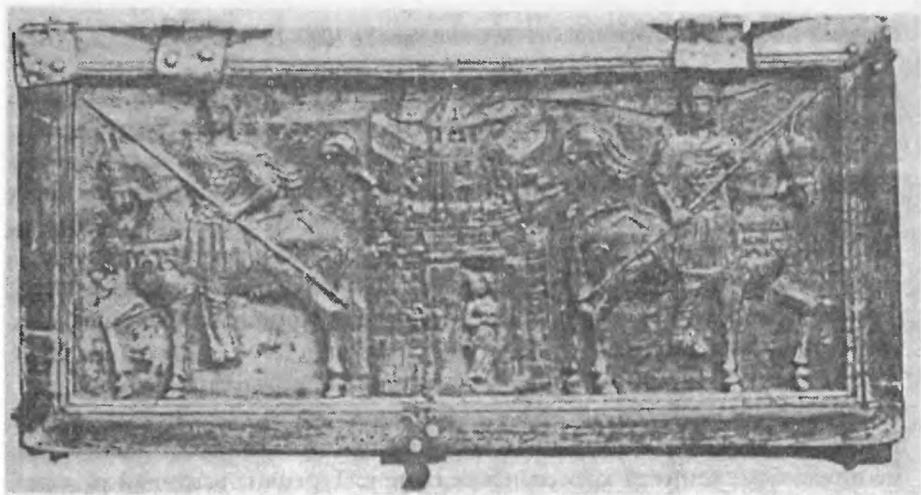
лее значительные волнения произошли в Салониках, где в 1342–1349 гг. под руководством зилотов существовала радикальная демократическая республика, успешно противостоявшая Константинополю. Турки-османы взяли Салоники уже через 11 лет после того, как все эти революционные проявления были подавлены. См. Vasiliev, *History of the Byzantine Empire*, pp.659–84.

⁶⁷ См. F.Braudel, *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II* (Paris: A.Colin, 1949), pp.509–11.

⁶⁸ Richard Busch-Zantner, *Agrarverfassung, Gesellschaft, und Siedlung in Südosteuropa*, p.63.

⁶⁹ См. Omer Lufti Barkan, «Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'empire Ottoman aux XVe et XVIe siècles», *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, I (1958), 9–36.

Значительная миграция евреев из Испании и других частей Европы в Османскую империю, возможно, была и знаком, и причиной преуспевания городского населения. Испаноязычные евреи стали весьма заметными фигурами в коммерческой деятельности Османской империи к XVI в. См. I.S.Emmanuel, *Histoire des Israelites de Salonique* (Paris: Librairie Lipschutz, 1935); M.Franco, *Essai sur l'histoire des Israelites de l'empire Ottoman depuis les origines jusqu'à nos jours* (Paris: Librairie A.Durlacher, 1897).

O.M.Dalton, Early Christian Art.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОИНЫ

Представленные на фотографиях образцы резьбы украшают крышку и лицевую сторону шкатулки из слоновой кости. Выполненная в Византии скорее всего в XI в., эта шкатулка, вероятно, в качестве военной добычи досталась одному из франков во время Четвертого крестового похода и оказалась во Франции, где теперь и хранится среди сокровищ кафедрального собора в Труа (Шампань). Хорошо видны стремени и вооружение полностью оформившихся катафрактов, а также их альтернативные виды оружия: копье, меч или лук. Однако наиболее впечатляет преднамеренный архаизм изображений на этих пластинах. Мало того что лейтмотив охоты на льва восходит к древней, еще ассирийской традиции, когда цари действительно охотились на львов, но и шлем лучника представляет собой классический древнегреческий головной убор, а вооружение всех четырех воинов вполне соответствует древнеримским образцам. Подобно остальной части византийского общества, художник, очевидно, ощущал необходимость в первую очередь сохранить (а в действительности возродить) доблесть прошлого, а уж потом воссоздавать или отражать текущие события.

промиссы с римским католицизмом, стала основным носителем православного самосознания⁷⁰.

Другая обширная часть православного христианского мира, Русь, хотя политически и распалась в XIII в. под натиском монголов, все же появилась в XV в. как сильное, единое и экономически активное общество как раз в то время, когда Византийское государство находилось в предсмертной агонии.

Когда в XIII в. православные княжества Руси были зажаты между возрастающей мощью латинского Запада в лице тевтонских рыцарей⁷¹ и нашествием монголов, большинство русских князей предпочло монгольское господство⁷². Для такого выбора они имели причину. В отличие от рыцарей с их религиозной нетерпимостью, монголы предоставили православной церкви полную свободу в вопросах веры и освободили священников и церковные земли от налогов. Кроме того, монгольские ханы поддерживали власть князей – если те были покорны верховному правителю монголов – против знати и простолюдинов, которые в Киевской Руси обладали определенными политическими правами.

Русские достигли значительных успехов в развитии в период правления монголов. Сначала монголы (или как их называли на Руси – татары)⁷³ собирали дань при помощи специальных сборщиков подати из числа монголов, но в начале XIV в. они стали вверять эту функцию русским князьям. Таким

⁷⁰ Под властью турок православная церковь обладала гораздо более широкой автономией и более глубоким внутренним миром, чем при поздних византийских императорах, которые начиная с 1274 г. неоднократно принуждали церковь к религиозным соглашениям с Римом в последней надежде на спасение с Запада.

⁷¹ Орден крестоносцев был создан на Балтийском побережье в 1229 г.

⁷² Александр Невский (ум. 1263), получивший свое прозвище в честь ряда побед над захватчиками, пришедшими с Запада в 1237–1242 гг., как раз и был тем, кто представлял такую точку зрения и подчинился власти монголов. Позже, в течение XIV–XV вв., процесс пошел в обратную сторону, поскольку с распространением власти Польско-Литовского государства на западные земли Руси многие представители знати сделали выбор в пользу Запада, переходя в католицизм и колонизируясь.

⁷³ Татарами обычно называли совокупность народов, из которых состояла тюрко-монгольская Золотая Орда. Она, в свою очередь, была одним из четырех уделов, которые сыновья Чингисхана получили в наследство после раздела империи монголов. Относительно тесное сотрудничество между великим ханом в Китае и правителями Золотой Орды продолжалось в XIV в. в значительной степени в результате общей враждебности к правителям в центральной части широких владений монголов. Наемные русские войска, например, регулярно посылались великому хану, чтобы усилить его вооруженные силы, и, как указывает случайная ссылка, еще в 1332 г. при ханском дворе в Пекине существовала специальная Русская канцелярия. George Vernadsky, *The Mongols and Russia*, p.87. О Золотой Орде см. также: B.Grekov and A.Iakoubovski, *La Horde d'Or* (Paris: Payot, 1939).

образом, начал организовываться формально подвластный монголам, но практически независимый административный аппарат княжеского управления. Постоянно велась огромная работа по освоению глухих земель, заросших лесом, и превращению их в сельскохозяйственные угодья. Вскоре русские перестали селиться только по речным берегам, оставляя всю внутреннюю территорию охотникам, как это было в киевские времена. Хотя первым результатом монгольских завоеваний было разорение многих русских городов и перемещение торговли по русским рекам к торговцам из Средней Азии, торговля на Руси не исчезла, и к концу XIV в. русские вновь контролировали все торговые пути по Волге⁷⁴. Поэтому, когда после 1419 г. Золотая Орда начала распадаться, ее обломки вступили в борьбу с уже сильно централизованными и энергичными русскими княжествами, главным из которых было Московское Великое княжество.

К 1480 г., когда московский князь Иван III (1462–1505 гг.) официально отказался признавать уже ослабевшее татарское иго, нанес поражение соперничавшим русским князьям и принял титул царя, русские уже изменили баланс сил между лесными и степными землями Восточной Европы. Единое централизованное государство с многочисленным сельскохозяйственным населением, энергичной торговлей и развитым производством огнестрельного оружия позволило москвитам расширить свое владычество глубоко в степь и на всю Сибирь в поразительно короткий срок⁷⁵. Но и самим русским в XV–XVI вв. пришлось с невероятными усилиями сдерживать возобновившееся давление со стороны Западной Европы в лице Швеции и аристократического Польско-Литовского государства.

Религиозная жизнь России долгое время была тесно связана с Византи-

⁷⁴ См. George Vernadsky, *The Mongols and Russia*, p.343.

⁷⁵ Использование огнестрельного оружия в России впервые зафиксировано в 1376 г. В том году московское войско испытало на себе действие нового оружия при осаде городов Волжской Булгарии. Четырьмя годами позже сама Москва уже была защищена орудиями, которые, возможно, были привезены из Чехии. К 1450 г. арсеналы, оборудованные для производства орудий и небольших пушек, существовали в Москве и Твери. Согласно Георгию Вернадскому (*The Mongols and Russia*, p.278), тот факт, что Тимур, пройдя по территории Золотой Орды в 1391–1395 гг., разрушил основные города Орды и разогнал живших в них ремесленников, нанес огромный вред татарам в деле освоения огнестрельного оружия. Когда пришла пора производить новое оружие, искусные и знающие мастера оказались в Самарканде или в других местах. При этом ремесленники Москвы остались практически нетронутыми. Возможно, именно это ускорило изменение баланса сил между Русским и Татарским государствами. Другой причиной изменения расстановки сил было появление ручного огнестрельного оружия, что сделало пехотные войска русских более сильными, чем кочевая конница татар, и позволило использовать превосходящую численность населения аграрного общества Руси против сравнительно меньшего числа татарских конников. (См. о крушении превосходства военных колесниц бронзового века в соперничестве с пехотинцами века железного в гл. IV.)

ей, поскольку русские церковные иерархи напрямую подчинялись патриарху Константинопольскому. Но священнослужители Русской церкви отказались принять далеко идущие уступки, сделанные патриархом Константинопольским в соглашении об унии с Римом в 1439 г. Именно по этой причине Русская церковь стала автокефальной. Вскоре сам Константинополь пал под натиском турок. Набожное население России увидело в этом знамение Божие, наказавшее греков за измену православию в попытках найти помощь у раскольнического Запада. Постепенно приобрела силу идея о том, что Москва – единственное оставшееся прибежище православия, унаследовавшая царскую мантию христианской империи Константина, правившего в «Новом Риме» на Босфоре. Соответственно в 1492 г. митрополит Зосима впервые публично провозгласил Москву «Третьим Римом»⁷⁶.

О высокомерии притязаний Москвы на звание «Третьего Рима» (так же как и сомнительность прав на такую преемственность) свидетельствует то, что примитивная жизнь русских городов и селений не имела ничего общего с отточенным блеском жизни Константинополя. Несмотря на упадок Византийской империи, ее интеллектуальная и художественная жизнь процветала как никогда прежде. Вероятно, этот расцвет культуры явился следствием сосредоточения богатства и власти в руках лиц из числа городских чиновников и рантье, в среде которых довольно правомерно укоренилось живое чувство родства с классическим прошлым. Во всяком случае, византийское искусство и литература в XI в. испытали очень энергичный эллинистический ренессанс.

Историческая наука, вдохновляемая непосредственно Геродотом и Фукидидом, явила собой, возможно, наиболее замечательный результат этого классического возрождения⁷⁷. Но существовали работы и по филологии, а также множество разнообразных произведений поэзии и прозы, вышедших из-под пера представителей образованных слоев населения Византии. Стремление творить на языке древних и показное использование ученых ссылок на классические образцы затрудняют понимание этих произведений современным читателем. Они во многом схожи да, собственно, и дали толчок произведениям гуманистов Италии в XIV–XV вв.

⁷⁶ То обстоятельство, что Иван III женился на племяннице последнего византийского императора, придавало притязаниям Москвы на право быть истинным преемником павшего Константинополя. См. V.O.Kluchevsky, *A History of Russia* (London: J.M.Dent & Sons, 1912), II, 16–25; William K.Medlin, *Moscow and East Rome* (Geneva: E.Droz, 1952), pp.78–80.

⁷⁷ См. Karl Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Literatur* (Munich: Carl Beck Verlag, 1891), pp.78–107.

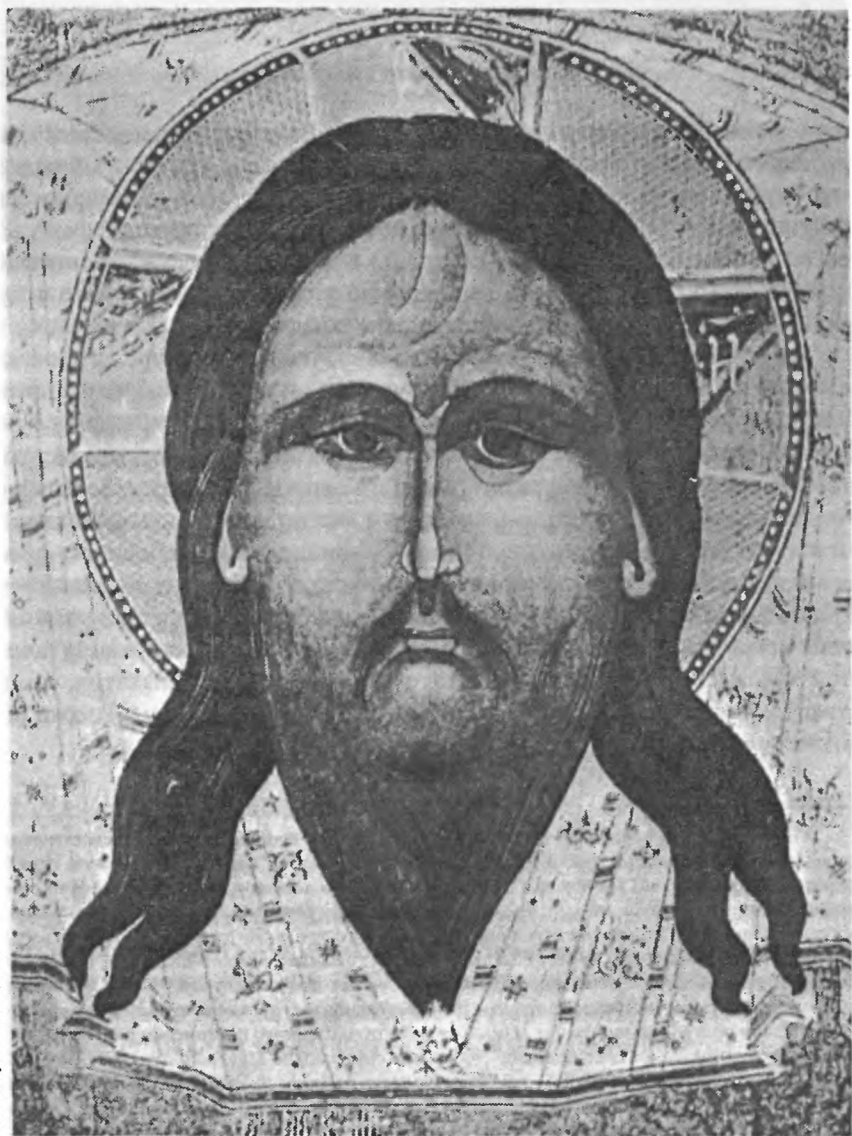
Во всей этой ученой словесности содержался значительный элемент искусственности. Совершенно иным был народный эпос «Дигенис Акрит», вероятно, созданный (а возможно, просто скомпилированный) в XI в. на основе баллад, воспевающих подвиги воинов византийских окраин в битвах с арабами. Эта поэма искренне воспроизводит дух военного быта жителей пограничной полосы, жизнь тех, кто являлся опорой императорского войска в дни Македонской династии⁷⁸.

Если «Дигенис Акрит» пронизан народным духом жителей окраин государства, то богословские споры, которые велись в то время, демонстрируют, что занимало умы людей ближе к центру империи. Для простого люда византийских улиц монахи были главными выразителями их чаяний. Многие из них происходили из самых низов и не отличались книжной ученостью, но тем не менее были уверены в том, что можно найти спасение души в мистической религии и в новом аскетическом служении Господу, которое в XIV в. получило распространение среди монахов Афонского монастыря и во многих других местах. Часть образованной элиты византийского общества также твердо встала на позиции нового религиозного течения. Так св. Григорий Палама (ум. 1360) защищал истинность Божественных видений среди монахов с большой эрудицией и диалектическим изяществом. Его труды были наполнены такой силой убеждения потому, что личная духовная практика и различные аскетические самоограничения приводили его самого к Божественным озарениям. Укрепленные такой духовной практикой, Григорий Палама и его последователи добились существенного обновления православного богословия и решительно реформировали церковную иерархию⁷⁹.

Успех этого религиозного движения привел иерархию православной церкви в большее соответствие с народными представлениями, чем это было раньше, когда рафинированные священнослужители, приближенные к престолу аристократы Константинополя, управляли церковью так же, как и го-

⁷⁸ Обстоятельный обзор византийской литературы представлен в работе: Norman F. Baynes and H. St. L. B. Moss, *Byzantium: An Introduction to East Roman Civilization* (Oxford: Clarendon Press, 1948), pp. 221-52.

⁷⁹ Доныне сохранившимся результатом конфликта с исихазмом, как называлась борьба между мистицизмом монахов и склонными к политике прелатами, было то, что представители монашества получили контроль над патриархатом и всеми высшими должностями церковной иерархии. До XIV в. было обычным для приходских священников (а то и наскоро освященных мирян) возвышаться до звания епископа или патриарха. Но после того, как спор об исихазме был выигран партией монахов-мистиков, высокие церковные посты занимали только выходцы из монашества. Это стало еще одним признаком, отличающим православную церковь от католической (латинской). См. Vasiliev, *History of the Byzantine Empire*, pp. 656-76; Baynes and Moss, *Byzantium*, pp. 114-16.

НАШ ГОСПОДЬ И СПАСИТЕЛЬ ИИСУС ХРИСТОС

(В православной иконографии такой тип иконы носит название «Спас Нерукотворный Мокрая брада». — *Прим. пер.*)

Эта икона, писанная в Новгороде, в России, около 1500 г., похоже, каким-то образом впитала в себя мистический дух, господствовавший над православными церквями с XV в. Отзвуки языческой старины, какие можно найти на шкатулке с византийскими воинами (предыдущая иллюстрация), больше не интересуют художника. И все же принцип, согласно которому искусство отражает прошлое, не оставлен; просто в качестве исходной модели предпочтены мозаики ранних веков византийского христианского искусства. Тем не менее использование светотени для передачи трехмерности глаз и носа выдает влияние художественных образцов итальянского Возрождения. Таким образом, в этой иконе мы можем разглядеть Святую Русь, уже заигрывающую с различными приемами Запада для того, чтобы еще более явно продемонстрировать свои отличия от него.

сударством. Более того, мистическое видение Бога, разделяемое тысячами верующих, придало православию эмоциональную силу, способную поддержать отдельного человека в любом личном кризисе. Такой популярностью православного вероисповедания можно объяснять озадачивающий факт, что совсем немного христиан было обращено в мусульманство в европейских провинциях Турции, тогда как незадолго до этого массовый переход в мусульманство в Анатолии был делом вполне обычным⁸⁰.

В изобразительном искусстве более явно, чем в литературе, отразилась взаимосвязь между различными культурами: византийской, итальянской, армянской, персидской. В XI в., на вершине греческого литературного ренессанса, появился безошибочно реалистический стиль живописи, свидетельствовавший о неизменной притягательности античных образов. Возник ряд местных художественных школ, к которым можно причислить живописцев раннего Возрождения в Венеции и Сиене. Иконопись на Руси и Крите, фрески в церквах Сербии, Македонии и Италии, а также некоторые образцы светской живописи и мозаики являлись мощным источником силы и разнообразия искусства православного мира. Турецкие завоевания положили конец этой художественной традиции в центральных районах Византии, но на окраинах империи, на Крите⁸¹, ставшем владением Венеции, и в России интенсивное развитие искусства продолжалось до самого XVI в.⁸²

⁸⁰ В Малой Азии народное недовольство выливалось в течение суфизма, представляемое мусульманскими праведниками. В Европе христианские монахи сослужили похожую службу, опередив мусульманский мистицизм только на несколько десятков лет. Монахи Афона, поддерживаемые городскими низами, одержали победу над сторонниками партии политиков и получили всю выгоду от контроля над патриархатом в то время, когда турки, уже использовав народное недовольство против землевладельческих и правящих классов Византии, установили свое правление на европейской стороне проливов. Кроме того, между мусульманской и христианской мистикой существовала важная взаимосвязь. Византийские мистики, по-видимому, использовали приемы контроля над дыханием и многочисленного повторения имени Всевышнего – ранее эти приемы использовали суфисты, а еще раньше аскеты-индуисты. Более того, связь мирян с движением исхазма свидетельствовала о близости этого религиозного течения к деятельности, проводимой сообществом дервишей в Анатолии. См. L.Gardet, «Un problème de mystique comparée: la mention du Nom divin–dhikr–dans la mystique musulmane», *Revue Thomiste*, 1952, pp.642-79; 1953, pp.197-216; G.G.Arnakis, «Gregory Palamas among the Turks», *Speculum*, XXVI (1951), 104-16; Jean Meyendorff, *St. Gregoire Palamas et la mystique orthodoxe* (Paris: Editions du Seuil, 1959), pp.64, 85, 108-9, and *passim*. Социальные и экономические предпосылки, на основе которых и возникло движение православного мистицизма, остались, однако, столь же неясными, как и сопоставимый с ним суфизм. Возможно, экономические бедствия, особенно среди низших классов городского населения, могли провоцировать возникновение каждого из них.

⁸¹ Доменикос Теотокопулос (известный под именем Эль Греко, ум. 1614) был наиболее известным учеником критской школы.

⁸² См. O.M.Dalton, *East Christian Art* (Oxford: Clarendon Press, 1925), pp.234-47 and *passim*; N.P.Kondakov, *The Russian Icon* (Oxford: Clarendon Press, 1927).

Гораздо значительнее повлияло турецкое завоевание на развитие византийской литературы и ход религиозных споров. Образованный класс чиновников и их ближайшее окружение, те, кто и составляли круг литераторов Константинополя, прекратили свое существование; осталась лишь церковь, причем церковь, весьма удовлетворенная своим наследством. Энергия мистиков пошла на спад, причем гораздо быстрее, чем она в свое время росла, поскольку православие Балкан обрело спокойствие под османским правлением. И русским, занятым созданием и защитой своего обширного государства, не хватало энергии ни для развития литературы и различных видов интеллектуального творчества, ни для религиозных распрей. Таким образом, если не считать послесвечения в изобразительном искусстве, высокая культура православного христианского мира сильно потускнела и больше не могла сдерживать энергичный напор западно-европейской цивилизации. Мощь Османской империи и Московского государства вызывали уважение на Западе; но после 1500 г. культура православного мира, которая в раннем средневековье была значительно выше, чем в полуварварских странах католического христианства, более не могла оказывать животворного влияния на своих западных соседей.

Д. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

1. КИТАЙ

Традиционная хронология китайской истории – по периодам императорских династий – мало подходит для периодизации, используемой в этой главе, поскольку и 1000 г., и 1500 г. по христианскому календарю совершенно произвольно разрывают список императоров наиболее значимых китайских династий. Безусловно, одним из основных факторов, связывающим пять веков истории Китая в 1000–1500 гг. с историей Западной Евразии и влияющим на весь Дальний Восток, стало тюркское и монгольское нашествие из степных районов Азии на Китай, как и на мир ислама, православного христианства и в определенной мере индуизма. Но Китай подвергался подобным опасностям еще с конца V в. Постоянные переходы власти между местными правящими династиями и династиями степных правителей в 1000–1500 гг. вполне вписываются в длинную серию династических переворотов, которые начались еще во времена Хань и длились вплоть до XX в.

Однако 1000 г. определенным образом символизирует существенное начало глубоких изменений в китайской социальной истории. Приблизитель-

но в это время, когда реорганизация бюрократической системы первых правителей династии Сун была полностью закончена, Китай достиг новой социальной и экономической структуры общества. При этом, как показало дальнейшее, установилось устойчивое и длительное равновесие между сельскими и городскими частями общества – т.е. между чиновниками, помещиками и крестьянами, с одной стороны, и торговцами и ремесленниками – с другой.

Социальное развитие китайского общества можно рассматривать как своего рода состязание между интересами сельскохозяйственных районов и интересами городских слоев населения. Горожане сделали заметный шаг вперед в своем развитии в поздний период династии Тан, в течение которого центральное правительство было практически полностью дезорганизовано. Но в целом, согласно китайской имперской традиции, государство благоволило сословиям помещиков и чиновников; и после 960 г., когда при династии Сун восстановилась мощь централизованного бюрократического аппарата, эта поддержка значительно усилила одну из сторон равновесия. Все же, только когда династия Мин утвердила себя во всем Китае (ок. 1450 г.), превосходство централизованной власти и конфуцианской бюрократии, происходившей в значительной степени из класса помещиков, было полностью гарантировано. В 1000–1450 гг. общественное устройство Китая балансировало на грани фундаментальных изменений, сравнимых с подъемом буржуазии в средневековой и ранней новой истории Европы. И все же преобразования так никогда и не совершились, и общественный строй помещиков и чиновников, организованный еще при династии Сун и восстановленный в период династии Мин, стал в новое время системой китайского общества, сохранившейся вплоть до XX в.

Первое известное потрясение, нарушившее равновесие торговых и земельных интересов, произошло в Китае после потери сунскими императорами севера страны в результате захвата его чжурчжэнями в 1127 г. Отброшенный назад к традициям и ресурсам юга, Китай в поздний период Сун показал заметное развитие прибрежной и морской торговли. На южном побережье Китая и по Янцзы выросли огромные города, а множество торговых кораблей Китая плавали по всей Юго-Восточной Азии и Индийскому океану⁸³. Развитие морской торговли вызвало – и, в свою очередь, было ими

⁸³ См. Jung-pang Lo, «China as a Sea Power», *Far Eastern Quarterly*, XIV (1955), 489-503. Развитие китайского мореходства в XII–XV вв., очевидно, основывалось на древних, еще докитайских морских традициях южного побережья Китая. Если это так, то восход и падение китайского морского могущества, возможно, демонстрирует неудачную в конечном счете попытку сохранить давние традиции юга в противопоставление совершенно иным, связанным с землей, китайскими традициями севера.

поддержано – появление многих важных нововведений в морском деле: замену пластинчатых парусов из бамбука парусами из хлопка, введение в конструкцию корабля выдвижного килля, заметное увеличение размеров судов, а также изобретение компаса⁸⁴.

Эти усовершенствования снизили риск океанских рейсов до разумного предела даже при неблагоприятных погодных условиях и позволили китайским кораблям потеснить судоходство мусульманских купцов, которые долго контролировали торговлю на южных морях. При проведении своих кампаний на юге Китая монголы (династия Юань, 1260–1371 гг.) оценили морской потенциал китайцев, поскольку в их планы входило вторжение на Яву и в Японию. Кроме того, сравнительно высокий статус, которым обладали купцы в монгольском обществе, мог способствовать тому, что судовладельцы юга Китая установили процветающие торговые связи с Юго-Восточной Азией и Индией. Официальные усилия по ограничению этой торговли на том основании, что она приводила к вывозу из страны драгоценного металла, очевидно, предпринимались лишь эпизодически и были безрезультатны⁸⁵.

В правление династии Мин (1368–1663 гг.) установился гораздо более жесткий государственный контроль за морской торговлей. В 1405–1433 гг. ряд больших морских экспедиций, возглавляемых либо организованных императорским евнухом Чжэн Хэ, установил китайскую гегемонию над ключевыми коммерческими центрами Индийского океана – Малаккским проливом, островом Цейлон, Каликутом, а над Ормузским проливом, входом в Персидский залив, был установлен несколько менее определенный суверенитет. Китайские флотилии посетили также побережье Восточной Африки⁸⁶. Приблизительно 250 кораблей и тысячи человек участвовали в этих экспедициях. Проходили они с истинно императорским размахом, который далеко затмевал первые посещения Индии и Америки европейцами столетием

⁸⁴ Компас впервые упоминается в китайских источниках конца XI в. Китайцы не только открыли свойство намагниченной иглы указывать определенное направление, но и разработали целый ряд конструкций компаса: от простого размещения намагниченной иглы в блюде воды до использования оси вращения в корпусе компаса над картой направлений. См. Li Shu-hua, «The South-Pointing Carriage and the Mariner's Compass», *Tsing-hua Journal of Chinese Studies*, n.s., I (1956), 63–113. О китайских компасных картах см. W.Z.Mulder, «The Wu Pei Chih Charts», *T'oung Pao*, XXXVII (1944), 1–14.

⁸⁵ W.W.Rockhill, «Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coasts of the Indian Ocean during the Fourteenth Century», *T'oung Pao*, XIV (1913), 473–76; XV (1914), 419–47; Jung-pang Lo, «China as a Sea Power». Подъем значимых китайских объединений коммерсантов и ремесленников в Юго-Восточной Азии датируется уже послемонгольскими временами.

⁸⁶ J.J.L.Duyvendak, «The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions in the Early Fifteenth Century», *T'oung Pao*, XXXIV (1938), 341–412.

позже. Однако, несмотря на успех экспедиций Чжэн Хэ и триумфальное возвращение с жирафами и другими подобными чудесами, несмотря на покорение правителей острова Цейлон и других дальних стран, император в 1424 г. внезапно отдал приказ о приостановлении подобных предприятий⁸⁷. После этого, очевидно, как побочное следствие интриг при дворе даже память об этих необыкновенных экспедициях была с успехом подавлена. Правительство дошло до того, что запретило строительство морских судов, возможно, потому, что частные лица использовали их для пиратства или контрабанды, и они уже не могли должным образом управляться и контролироваться портовым чиновничьим аппаратом. В итоге побережье Китая было отдано на разграбление японских и малайских пиратов, которые надолго, с XV в., сделали Китайское море местом ненадежным и опасным для миролюбивых торговцев.

Китайцы, несомненно, обладали всеми техническими возможностями⁸⁸, чтобы опередить португальцев в Индийском океане. Мировая история приняла бы совершенно другой оборот, если бы Васко да Гама в 1498 г. обнаружил мощную китайскую колониальную империю, владеющую основными портами и стратегическими проливами Индийского океана. Если бы купеческие сообщества Южного Китая были предоставлены самим себе и к тому же получили поддержку имперского правительства, то именно такая Китайская империя могла бы встретить португальских первооткрывателей. Но императорский двор династии Мин находился далеко от южного побережья Китая, откуда отплывали китайские армады в начале XV в. Правители Китая гораздо больше интересовались проблемами, связанными с возобновлением набегов монголов на северо-западные границы, чем с любыми выгодами, которые можно было получить за счет энергичного использования новых методов в искусстве мореплавания⁸⁹. Именно поэто-

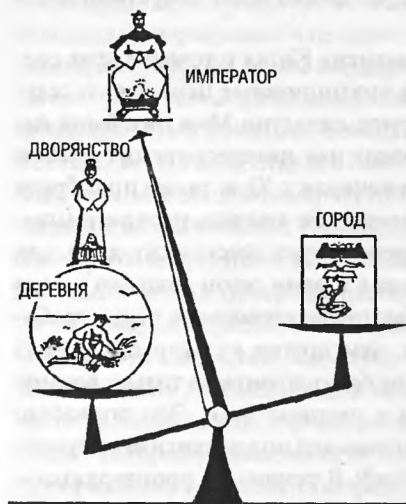
⁸⁷ Это решение впоследствии было изменено, чтобы позволить сделать еще один, последний поход. J.J.L. Duyvendak, «The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions», pp.388-90.

⁸⁸ В 1393 г. императорский указ устанавливал, что каждый военный корабль должен иметь на борту четыре пушки калибра «размером с миску для риса», двадцать пушек меньшего калибра, десять бомб, двадцать ракет и тысячу пушечных ядер. Jung-pang Lo, «China as a Sea Power», p.501.

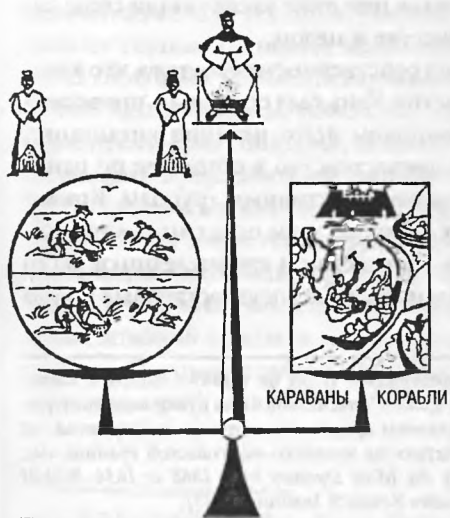
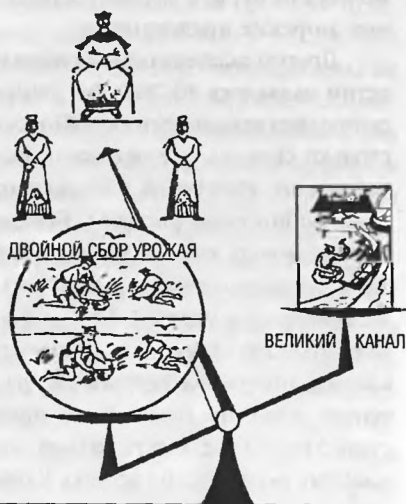
⁸⁹ Автор работы: Duyvendak, «The True Dates of the Chinese Maritime Expeditions», pp.395-99 приписывает отказ от планов возобновления походов в Индийский океан, предлагавшихся примерно между 1465 г. и 1487 г., враждебностью мандаринов императорского двора к евнухам, тем, кого на основании подвигів Чжэн Хэ отождествляли с экспансионистской политикой на морях. См. Jung-pang Lo, «The Decline of the Early Ming Navy», *Oriens Extremus*, V (1958), 149-68.

Соперничество придворных кланов, конечно, могло определить императорскую политику, но принятое решение не было иррациональным, поскольку мандарины имели веские аргументы против распыления имперских сил на заморские походы. В 1421 г. столица империи Мин была перемещена на север, в Пекин, и правительство провело ряд кампаний в Монголии

ДИНАСТИЯ ХАНЬ 202 г. до н.э. — 225 г. н.э.

ДИНАСТИЯ СУН 960—1279 гг. н.э.

МОНГОЛЫ 1280—1365 гг.

ДИНАСТИЯ МИН 1365—1649 гг.

ИЗМЕНЕНИЕ РАВНОВЕСИЯ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

му в критический момент правители Китая не только отмахнулись от возможности играть активную роль на море, но фактически запретили частные морские предприятия.

Другой особенностью социального развития Китая в течение этих столетий оказалось то, что оно опиралось на традиционные ценности и сельскохозяйственную основу общества. В период династии Мин они были настолько сильны, что одержали полную победу над интересами торговцев и городского населения. Сельское хозяйство начиная с XI в. также приобрело новые обширные ресурсы. Безымянные крестьяне явились первооткрывателями новых сортов риса, которые, созревая через шестьдесят дней или даже раньше, позволяли получать два урожая в один сезон с одного и того же земельного участка. Кроме того, эти быстро созревающие сорта требовали гораздо меньшего количества воды, чем другие культуры. Поэтому склоны, покрытые террасами, где орошение было возможно только весной, теперь успешно могли быть превращены в рисовые чеки. Это позволяло существенно увеличить размер посевных площадей под интенсивное производство, особенно на холмах Южного Китая⁹⁰. В результате производительность китайского сельского хозяйства увеличилась в несколько раз, позволяя в свою очередь расти населению сельских районов и сословию земельных собственников, которые поддерживали или даже увеличивали свою социальную значимость в китайском обществе в целом.

Такое усиление интереса к земельной собственности означало, что классу дворян, который еще со времен династии Хань был основным проводником конфуцианских традиций и сторонником всего истинно китайского, было достаточно легко сохранить свое превосходство в обществе по отношению к торговцам или любым экономически активным группам. Кризис возник при власти монголов, поскольку, подобно всем остальным кочевникам, они традиционно уважали купцов. Чингисхан и его наследники легко предоставляли специальные привилегии и высокие государственные посты

с целью предотвратить новую монгольскую конфедерацию. И все же в 1449 г. монголы захватили в плен самого императора. До возрождения времен Чингисхана было рукой подать. Перед лицом таких опасностей разве могли быть направлены средства на морские предприятия, не приносящие непосредственной пользы? О событиях на китайско-монгольской границе см.: D. Pokotilov, *History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty from 1368 to 1634*, Rudolf Loewenthal (trans.) (Chengtu: Chinese Cultural Studies Research Institute, 1947).

⁹⁰ Ping-ti Ho, «Early Ripening Rice in Chinese History», *Economic History Review*, IX (1956–57), 200–218. Новые сорта были, очевидно, получены за счет скрещивания с рисом, завезенным из Индокитая, поскольку этот вид риса отличался засухоустойчивостью. Появление такого сорта заграничного риса было отмечено китайскими писателями в 1012 г., когда с ним познакомилась в низовьях долины Янцзы из Фуцзяня. Впоследствии этот рис и ряд новых скороспелых сортов, полученных из него, постепенно распространяются по большинству районов Китая.

заморским купцам, таким как Марко Поло. Многие из этих чужестранцев совмещали коммерческую активность с откупом налогов и другими фискальными операциями, что только усиливало неприязнь к ним у китайского населения в целом. Таким образом, когда в 1368 г. монголы были изгнаны из Китая, чиновники-дворяне нашли широкую поддержку, утверждая старый конфуцианский принцип, согласно которому купцы – это необходимое зло в обществе. На практике это означало закрепление официального надзора и контроля над всей коммерческой деятельностью – чему служат примером экспедиции Чжэн Хэ по Индийскому океану – и полное подчинение интересов торговли предполагаемым интересам государства, свидетельство тому – внезапное полное прекращение подобных морских предприятий после 1438 г.

Победа интересов чиновников и помещиков в Китае была закреплена постоянной слабостью моральной позиции класса торговцев, у которых не было никаких аргументов для того, чтобы отвергнуть обвинения конфуцианства в социальном паразитизме. Более того, конфуцианское правило, согласно которому возможность преуспеть в социальном служении зависела от образования и высоких моральных качеств, также действовало не на руку торговцам, поскольку открывало широкие перспективы для любого человека с хорошим образованием. Именно по этой причине торговые семейства, дела которых шли успешно, покупали земельную собственность, отказывались от торговли в пользу положения рантье и использовали появившееся у них свободное время для изучения классических конфуцианских произведений. Таким образом, семейства, которые соседи считали общественными паразитами-кровопийцами, за одно поколение могли превратиться в distinguished представителей дворянства. Побудительные причины для того, чтобы следовать таким путем, были достаточно сильными, и тысячи семейств поднимались вверх по конфуцианской лестнице успеха⁹¹. Но такая открытость китайского общества для продвижения наверх приводила к тому, что обезглавливала сословие купечества и практически пресекала развитие крупномасштабной торговли и производства, для которых в 1000 г. Китай был технически гораздо лучше подготовлен, чем любая другая часть цивилизованного мира⁹².

⁹¹ Edward A. Kracke, «Sung Society: Change within Tradition», *Far Eastern Quarterly*, XIV (1955), 479–88; Ping-ti Ho, *The Ladder of Success in Imperial China* (New York: Columbia University Press, 1962).

⁹² Ситуация, противоположная социальной исключительности европейской и японской аристократии, чье безраздельное превосходство опиралось на древность рода. Как точно заметил Тойнби, притесняемые меньшинства, подобно европейским горожанам средневековья и раннего нового времени, иногда могут извлечь неожиданную выгоду.

На политическом и культурном уровне аналогичный вызов древним китайским традициям достиг высшей точки под игом монголов, но затем, в период правления династии Мин, быстро сошел на нет. Монголы, как никогда ранее, усилили связь Китая с западом Евразии. В течение первых десятилетий правления монголов великий хан призывал множество чужеземцев из Центральной Азии, Среднего Востока, Руси и даже из Западной Европы для несения службы в Китае. Пока столица оставалась в Каракоруме на севере Монголии, север Китая был поделен в качестве награды между монгольскими военачальниками, которые правили своими новыми землями так, как считали нужным. Поскольку монгольские вельможи были обязаны постоянно находиться на военной службе, то не могли непосредственно управлять своими владениями. Обычно они вверяли эту задачу купеческим гильдиям из Центральной Азии (уйгурам и многим другим), платившим определенную сумму за право собирать с китайцев подати и налоги⁹³. Но после 1264 г., когда столицей был объявлен Пекин, хан Хубилай решил восстановить прежнюю китайскую налоговую систему⁹⁴. Это предполагало восстановление централизованной имперской бюрократии и набор на государственную службу должностных лиц традиционным способом, на основе экзаменов по конфуцианским классическим произведениям. Китайцы, однако, обычно стояли на сравнительно подчиненных должностях, в то время как чужеземцы самого разнообразного происхождения, подобные Марко Поло, занимали высокие государственные посты. Ясно, что монгольские императоры совершенно не доверяли своим китайским аппаратчикам, но практически основная масса коренного населения имела дело с чиновниками низших рангов, вследствие чего народом снова управляли китайцы и на китайский манер.

Поэтому для миллионов китайцев восстановление бюрократии на севере Китая и распространение власти монголов на южные районы Китая после 1279 г. просто означало, что жизнь возобновила свое обычное течение. Поскольку число монголов и других инородцев⁹⁵ всегда составляло малую

⁹³ Ср. с ролью мусульманских купцов из Западной Азии как откупщиков податей и торговцев на Руси в течение первых десятилетий монгольского ига.

⁹⁴ Herbert Franz Schurmann, *Economic Structure of the Yüan Dynasty* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956), pp.2-8.

⁹⁵ В 1270 г., когда завоевание Китая было почти завершено, а число захватчиков в стране было наибольшим (т.е. еще до того, как межэтнические браки растворили чужеземный характер армии), в Китае жило примерно 390 тыс. таких «военных» семей. Это составляло около 3% китайского населения, поскольку, как показала первая перепись населения, проведенная при монголах в 1290 г., существовало не менее 13 млн семей налогоплательщиков. См. Herbert Franke, *Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolen-Herrschaft* (Leipzig: Otto Harrassowitz, 1949), pp.128-29.

величину по отношению к миллионам китайцев и так как большинство их в культурном отношении занимало нижестоящее положение, то общество и культура Китая под властью монголов подверглись удивительно малым изменениям. Когда завоеватели утратили свою воинскую твердость после смены примерно трех поколений, жиревших на эксплуатации китайцев, восстание коренного населения утвердило новую китайскую правящую династию Мин. Вслед за этим китайцы намеренно отреклись от всех иностранных обычаев, и только на окраинах империи, например, в провинции Юньнань, которая никогда до этого полностью не входила в китайское сообщество, продолжали существовать следы иноземного влияния⁹⁶.

Реальное значение плотной сети коммуникаций, покрывших всю Азию, которую монголы создали в процессе своих завоеваний, не только сказалось в пределах Китая, но и определило проникновение в мусульманские и христианские страны некоторых важных элементов китайской технологии, особенно черного пороха, компаса и книгопечатания⁹⁷. Значение всех этих изобретений для западно-европейской истории едва ли можно переоценить, но

⁹⁶ Прежде независимое царство Наньчао в современной провинции Юньнань было покорено монголами в 1253 г. и включено со временем в созданное ими китайское государство. В 1274–1279 гг. хан Хубилай вверил эту провинцию губернатору мусульманину, благодаря которому, по-видимому, мусульманство пустило здесь прочные корни. См. Marshall Broomhall, *Islam in China* (London: Morgan & Scott, 1910), pp.123-25. Подобное утверждение ислама в Восточной Бенгалии, на окраине индийского мира, происходило в те же столетия. До сих пор оба эти региона сохранили резкие отличия от окружающих их культурных миров Индии и Китая.

⁹⁷ Никаких документальных доказательств распространения этих изобретений из Китая никогда не было да, вероятно, никогда и не будет обнаружено, поскольку ремесленники и торговцы обычно не писали книг. Если бы Марко Поло не попал в плен к генуэзцам и не использовал бы время пребывания в темнице для описания своей карьеры при дворе хана Хубилая, ничего вообще из его необыкновенных приключений нам не было бы известно. И все же и до, и после Марко Поло многие тысячи ремесленников и торговцев передвигались по владениям монголов, и из рассказов тех, кто смог вернуться, можно было извлечь полезные догадки или даже точные сведения об удивительных умениях китайцев.

Обстоятельства, объясняющие быстрое распространение черного пороха и компаса из Китая в пределы мусульманского и христианского мира, достаточно очевидны. И мусульмане, и христиане занимались производством и использованием черного пороха уже в середине XIV в. Морской компас достиг Средиземноморья почти на столетие раньше, проникнув морским путем через южные океаны, а не по суше, как черный порох.

Случай с книгопечатаньем сложнее. Это изобретение было сделано намного раньше в Китае, чем в остальных странах (ксилография – в VIII в. или IX в., печатный шрифт – в XI в.). Но приобщение к этой технологии в христианском мире было отсрочено до XV в., а в исламских странах (где предассудки долго запрещали печатное воспроизведение) – вплоть до XVIII в. Ключ к пониманию этой задержки, по-видимому, находится не в неведении – мусульмане, конечно, были хорошо знакомы с технологией печати в течение многих столетий до того, как стали ее использовать, да и христиане имели широкие возможности овладеть этим методом намного раньше, чем Гутенберг в 1456 г. напечатал свою известную Библию. Скорее всего это запаздывание порождала медлительность, с которой знания о технологии производства бумаги проникали из Китая через мусульманский мир в Западную Европу. До того как появился

в самом Китае их влияние было сравнительно невелико. Книгопечатание способствовало поддержке образования и привело к литературному расцвету в поздние периоды правления династий Тан и Сун, оно помогло таким популярным литературным жанрам, как драма и роман, выйти на новый уровень развития благодаря возможности тиражирования. Тем не менее структура китайского общества оказалась настолько консервативной, что смогла погасить всеобщее распространение новых идей, подобных тем, которые бушевали благодаря европейскому книгоизданию в начале XVI в. Книгопечатание в Китае просто шире распространяло идеи прошлого и таким образом укрепляло интеллектуальное наследство Древнего Китая, делая общество в целом более стабильным и расширяя круг участников мира литературы.

Изобретение пороха тоже не смогло существенно изменить жизнь в Китае. Все произошло как раз наоборот. Как только пушки дали возможность императорским войскам разрушать даже самые мощные укрепления противника за сравнительно короткое время, возвышение провинциальных военачальников, которые в поздний период династии Тан будоражили всю страну, стало невозможным. Поэтому реализовать древние идеалы централизованного государства, послушного единому правителю, стало гораздо проще. Эффект введения нового оружия состоял скорее в сохранении древних идеалов, а не во введении каких-либо новых⁹⁸. Как мы уже упоминали, ни компас, ни усовершенствования, связанные с мореходством, не смогли изменить отношений Китая с остальной частью мира на сколь-либо длительный срок, несмотря на удивительные экспедиции Чжэн Хэ по Индийскому океану.

Неспособность технологических нововведений и контактов с зарубежьем достичь каких-либо значительных результатов, а не просто оставить рубль на поверхности жизни Китая в 1000–1500 гг., была отчасти следствием китайского образа мышления, который рассматривал все иноземное как вар-

дешевый материал, на котором можно было воспроизводить печатный текст, технология печати не давала никаких преимуществ по сравнению с ручным воспроизведением. Было подсчитано, например, что каждая копия Гутенберговой Библии, напечатанной на пергаменте, требовала обработки шкур примерно 300 овец. Thomas Francis Carter, *The Invention of Printing in China and Its Spread Westward* (New York: Columbia University Press, 1925), p.204. Но секреты изготовления бумаги достигли прибрежных земель не ранее XIV в. *Ibid.*, p.85.

⁹⁸ Со времен монгольского владычества и вплоть до XX в. Китай сохранял политическое единство и избегал длительных локальных беспорядков, которые время от времени охватывали эту землю в более давние времена. Это было замечательным достижением для такой большой страны, как Китай. Пушки и конфуцианство сделали это возможным.

варское. Отчасти это отражало действительное превосходство китайцев в численности населения, богатстве и знаниях по сравнению с любой другой частью света. Аналогично китайская литературная и интеллектуальная культура была столь же внушительна, а исходя из ее древности предполагалось, что она выше любой другой, существующей в иных частях цивилизованного мира. Таким образом, китайская культурная эволюция спокойно следовала собственным путем, не вспоминая о существовании внешнего мира.

Развитие неоконфуцианской философии, которое началось еще до 1000 г., продолжалось несколько столетий и пришло к своему завершению в XII–XIII вв. Философы обсуждали многие метафизические проблемы, такие, например, как соотношение формы и содержания, движения и покоя, но всегда главным в размышлениях китайцев оставался основной вопрос практического значения: как вести праведную и мудрую жизнь. Это жизненное устремление исходило непосредственно от самого Конфуция и редко приводило к совершенно отвлеченным рассуждениям. Буддийские и даосские мотивы, проскальзывавшие на самых ранних стадиях неоконфуцианства, отошли на задний план, когда такие философы, как Чжу Си (1130–1200), создали хорошо обоснованный идеал жизни, способный противостоять как в интеллектуальной, так и в эмоциональной сфере буддийским и даосским мифам и метафизике⁹⁹.

Китайская литература в сунский и монгольский периоды была обогащена появлением драмы¹⁰⁰ и беллетристики, написанных повседневным языком и отражающих в определенной степени суету городской жизни. Со временем эти «народные» литературные формы быстро попадают под господство литераторов, воспитанных в конфуцианских традициях; а заповеди Конфуция замыкают пьесы и романы в довольно узких рамках чувств и идей¹⁰¹.

Можно сказать, что искусство не подверглось заметному изменению ни в своих характерных особенностях, ни по сути своего содержания и используемых тем. Живопись оставалась любимым увлечением знати и профессией для избранных. Практика подражания художников этого времени шедеврам периодов Тан и ранних Сун настолько гарантировала преемственность художественного стиля, что современным ученым часто трудно установить

⁹⁹ Fung Yu-lan, *History of Chinese Philosophy*, II; J.Percy Bruce, *Chu Hsi and His Masters* (London: Arthur Probsthain, 1923).

¹⁰⁰ Текст китайских пьес читали нараспев, а сами они больше походили на европейскую оперу, чем на европейскую драму.

¹⁰¹ См. Herbert A.Giles, *A History of Chinese Literature* (New York: D.Appleton & Co., 1901), pp.256-91; J.R.Hightower, *Topics in Chinese Literature*, pp.84-102; Adolf Zucker, *The Chinese Theater* (Boston: Little, Brown, 1925), pp.3-42.

подлинность ранних работ на фоне их более поздних копий¹⁰². Совершенство, изысканность и специализация (например, некоторые художники рисовали исключительно ветви бамбука) отличали различные художественные школы и отдельных мастеров в период правления монголов и династии Мин. Но все они оставались в пределах художественных форм древности и, таким образом, отражали тот склад ума, который доминировал повсеместно в жизни и творчестве китайского образованного класса.

Пока этот класс оставался главенствующим в китайском обществе, нельзя было ожидать значительных изменений. Несмотря на крушение в монгольский период многих географических препятствий, которые раньше всегда затрудняли более чем спорадические контакты с другими великими цивилизациями Евразии, Китай остался, в соответствии со своим собственным выбором, в изоляции от внешнего мира.

2. КИТАЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

Размеры и величие цивилизации Китая долгое время вызывали среди его ближайших соседей чувство восхищения и желание подражать ему во всем. В 1000–1500 гг. Корея и Центральная Маньчжурия, а также Аннам и Юньнань все более развивают отношения с китайской культурной метрополией. При этом, конечно, данные регионы не потеряли своего самобытного значения. Начиная с монгольского периода Маньчжурия и Юньнань управлялись как неотъемлемые части Китая, но тем не менее особый военный режим в Маньчжурии, где перемешались китайцы, тунгусы и монголы¹⁰³, и преобладание мусульманства в Юньнани выделяли эти приграничные зоны. Корея осталась зависимым государством, подчиняясь любой правящей на севере Китая династии. Язык остался основным барьером на пути к полному культурному поглощению Кореи Китаем. При этом высшие классы Кореи старались преодолеть это препятствие, подражая во всем императорс-

¹⁰² Суть этого явления хорошо выражена в сентенции, принадлежащей Чжао Мэнфу (1254–1322), высокопоставленному чиновнику, служившему при хане Хубилае и при четырех его преемниках: «Самое важное качество в живописи – дух старины. Если этого свойства нет, то работа не многого стоит, даже если при этом она умело выполнена... Мои картины могут показаться совершенно простыми и даже выполненными небрежно, но истинные знатоки поймут, что они весьма близки к древним образцам и поэтому могут рассматриваться как замечательные. Говорю это для знатоков, а не для невежд». Цит. по Osvald Siren, *Chinese Painting* (New York: Ronald Press, 1958), IV, 19.

¹⁰³ Franz Michael, *The Origin of Manchu Rule in China* (Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1942), pp. 12–58.

кому окружению и последним веяниям китайской моды¹⁰⁴. Аннам на юге упорствовал в неповиновении и соглашался на статус данника лишь тогда, когда монголы или династия Мин были на вершине своей мощи. Тем не менее китайские культурные модели доминировали даже в периоды политической независимости Аннама.

Суровые географические условия помешали создать что-либо большее, чем протоцивилизацию, в Монголии и Тибете. Это обстоятельство, а также стремление оставаться духовно независимыми от Китая ответственны за столь незначительное проникновение китайского образа жизни в эти земли. Тибетский ламаизм, например, всегда сохранял осознание индийских истоков своей веры и, таким образом, эффективно противился окитаиванию, апеллируя к традициям конкурирующей великой цивилизации. Нравственная сила ламаизма лишь возросла в XIV в., когда реформаторское движение захватило многие монастыри страны и утвердило более строгую интеллектуальную и аскетическую дисциплину среди монахов. Эта реформированная «желтая церковь», названная так по цвету монашеских одеяний, стала основной в поздней тибетской истории¹⁰⁵.

Географически удаленная Япония предложила значительно более плодотворную основу для построения цивилизации, как показало успешное перенесение китайских моделей придворной жизни и высокой культуры на острова в период Нары (646–794 гг.). И все же японцы не были склонны к слепому и массовому заимствованию. Вместо того чтобы, как в Корее, поспешно перенять малейшие детали китайского стиля, японцы в 1000–1500 гг. создали собственное светское общество и свою культуру. Будучи уже не просто провинциальной копией имперской пышности Китая, цивилизация Японии тем не менее оставалась тесно с ней связанной и в основном имела китайские корни.

В IX–XII вв. бюрократическое правительство ранней японской империи, созданной по образу Китая династии Тан, уступило место военному режиму, при котором власть основывалась на праве земельной собственности и личной преданности между господином и вассалом. Существующий

¹⁰⁴ M.F.Nelson, *Korea and the Old Order in Eastern Asia* (Baton Rouge, La.: Louisiana State University Press, 1945).

¹⁰⁵ После того как хан Хубилай принял тибетскую форму буддизма, ламаизм повсеместно оставался официальной религией монголов в Китае до тех пор, пока существовала правящая династия. Затем, когда монголы были изгнаны из Китая, религия великого хана, по-видимому, теряет свой официальный статус в Монголии и повторно возрождается лишь в XVI в. при содействии монгольских князей, которые стремились утвердить и централизовать свою власть над непокорными родовыми вождями. См. D.Pokotilov, *History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty* (Chengtu: Chinese Cultural Research Institute, 1947), pp.135–37. О тибетском буддизме см. также L.Austine Waddell, *The Buddhism of Tibet* (London: W.H.Allen, 1895), pp.5–76.

режим был похож на европейский феодализм. В Японии появился класс профессиональных воинов, самураев, создавших свой кодекс чести и обеспечивавших правовые санкции непосредственно своим мечом, если они выходили за пределы юрисдикции стоявшего над ними сеньора. Соблюдение этого кодекса чести отличало самураю от остальной части населения. Междоусобицы стали хроническими, прерывавшимися только крупными войнами между конкурирующими коалициями магнатов и их вассалов. В такой социальной обстановке военная служба становилась престижной, и это находилось в прямом контрасте с китайским презрением к воинской службе.

К XIV в. важными элементами японского общества стали города. В дополнение к ремесленникам, которые обслуживали местные рынки, города привлекали большое число свободных самураев. Зачастую, потеряв свои родовые земли из-за беспорядков в сельских районах, они выходили в море в качестве пиратов либо купцов. Ясно, что города, порождавшие таких грозных предпринимателей, как японские пираты, радикально отличались от сравнительно мирных и покорных городов Китая, Индии и Среднего Востока. Таких негостеприимных и самоуверенных горожан, как в Японии, можно было найти, пожалуй, лишь на Дальнем Западе¹⁰⁶.

Буддийские монастыри, особенно относящиеся к школе дзэн, представляли собой определенный социальный мостик между городским населением и самураями из сельской местности. Монахи разделяли милитаризм своего века, иногда сами брали оружие в руки. Как крупные землевладельцы, монастыри постоянно участвовали в различного рода военно-политических противоборствах между феодальными правителями. И тем не менее те же монастыри сыграли роль первых организаторов многих весьма рискованных предприятий за морем. Часто именно монастыри служили тихой гаванью для престарелых или потерпевших поражение самураев, предоставляя более почетную альтернативу, чем любое другое городское занятие, доступное воинам. В интеллектуальном плане доктрина дзэн обеспечивала самураям существенную поддержку божественных сил и столь необходимое дополнение к довольно туманным этическим запретам, содержащимся в их собственном моральном кодексе.

Общество, столь отличное от китайского, неизбежно испытывало стеснение, находясь в тесных рамках заимствованных форм китайского культурного выражения, и поэтому вскоре стало создавать новые, свои собственные культурные формы. При этом японцы никогда не теряли чувства восхищения перед китайской культурой. Именно по этой причине в рамках

¹⁰⁶ Горожан Европы XIV в. от их современников в Японии отличало то, что пиратством они занимались несколькими столетиями раньше.

японской культуры развивался определенный дуализм. Малая часть населения в основных центрах метрополии и императорский двор продолжали культивировать самобытное китайское искусство в форме классической поэзии и живописи. В то же время самураи – основные фигуры провинции – и горожане колебались между презрением к утонченности китайского искусства и очарованием им.

К XV в. возвышение провинциальных городов придало интенсивной культурной деятельности несколько более широкую основу. В городском окружении исконно японские и заимствованные китайские художественные стили стали отражаться один в другом и при этом взаимодействовать так интенсивно, как никогда прежде, поскольку ранее художественные контакты были ограничены исключительно императорским двором. В результате созрели японская живопись и драма. Живопись продолжала находиться под влиянием стилей времен династии Сун, хотя художники тем не менее уже развивали ярко выраженные японские темы. А драма была совершенно свободна от китайских прототипов. В ней использовались самые различные темы, заимствованные из легенд и преданий о героях-самураях, а также народные ритуальные танцы и народная поэзия.

Религиозные преобразования в Японии отражали ту же смесь стилей. Различные школы японского буддизма возникли из китайских аналогов и на основе китайских предшественников, но на японской почве они приняли самобытный характер и выразительность. В XII–XIII вв. появилось много религиозных проповедников, призывавших к преобразованиям и исповедывавших реформированный буддизм «Истинного Царства». Они считали, что верующим не нужны посредники в общении со всевышним и даже критиковали монастыри, рассматривая их как препятствия на пути к спасению души. Секты «Истинного Царства» были организованы по образцу общины и апеллировали прежде всего к бедным и униженным. Иногда эти сектанты провоцировали ожесточенные столкновения с древнейшими буддийскими монастырями, а в XV в. они подняли народ на восстания, которые в течение нескольких десятилетий поколебали господство самураев.

Дзэн-буддизм, укоренившийся в Японии вскоре после 1200 г., разделял некоторые догматы сект «Истинного Царства» в той мере, в которой они отвергали мишуру монашеской учености и ритуала. Но дзэн отличался от популярных сект тем значением, которое он придавал «внезапному озарению», духовному опыту и приоритетам личностного выбора над общественной дисциплиной и набожностью. Эмоциональность коллективных собраний была совершенно чужда традиции дзэн, которую в дальнейшем стали тесно связывать с классом самураев.

Буддизм в таких формах только отдаленно напоминает свои китайские

или индийские прототипы даже там, где богословское родство прослеживается. Уникальность японской религиозной жизни в дальнейшем иллюстрируется сохранением исконно японской религии синто, которая связана с богиней солнца. После долгого периода почти полного забвения¹⁰⁷ религия синто вновь обрела прочную основу в XV в., когда священнослужители главного храма богини переосмыслили традиционную мифологию в терминах пантеизма и тем самым наполнили синтоизм богословским содержанием, сопоставимым по сложности с теологией буддийских школ. Вместо сугубо имперского обряда с ограниченным числом участников в лице императора и его окружения, как в более ранние столетия японской истории, религия синто теперь была обращена к широким слоям населения. Более того, подчеркивая уникальность Японии как земли, созданной в самом начале творения мира под покровительством богини солнца, популяризаторы синто обращались к растущему чувству японского национального самосознания¹⁰⁸.

Таким образом, как в религиозной жизни, так и в других областях проявления культуры, Япония в XIV–XV вв. становится независимой от Китая. С этого времени и в дальнейшем на Дальнем Востоке существовали две отдельные, хотя и тесно связанные цивилизации. Китай уже не был неоспоримым и единственным центром высокой культуры в Восточной Азии. Это означало начало фундаментальных изменений в облике евразийской ойкумены. Сопоставимые изменения, хотя в меньшем масштабе, происходили на другом, противоположном краю Евразии, где возникла независимая и заметно отличающаяся от других цивилизация Западной Европы.

Е. ДАЛЬНИЙ ЗАПАД

1. ВСТУПЛЕНИЕ

По сравнению с цивилизованными сообществами Азии европейская цивилизация была отмечена проявлениями неустойчивости в своем развитии. Поднявшись до необычайных высот во времена классической античности, она испытала столь же разительное падение после крушения Римской импе-

¹⁰⁷ Тот факт, что император своим происхождением связан с богиней солнца, и поэтому он в духе китайского сыновнего почтения обязан поддерживать святилище своего божественного предка, было, возможно, основным мотивом, благодаря которому синтоизм выжил при начальном нашествии религиозных идей из Китая.

¹⁰⁸ Эти замечания о культуре Японии в значительной степени основаны на работе G.B.Sansom, *Japan: A Short Cultural History* (New York: Appleton-Century, 1943), pp.256-400.

рии на Западе. Следует подчеркнуть, что ход истории Китая, Индии, и даже Ближнего и Среднего Востока отличала более сглаженная траектория развития. Несмотря на отмеченные различия в формах религиозного, художественного и интеллектуального проявления, цивилизованные народы Азии, по крайней мере на местном уровне, всегда представляли собой достаточно устойчивую основу своей цивилизации. Сложные социальные структуры, подразумевающие наличие экономической и культурной специализации, пережили все конфликты времени, начиная со II тыс. до н.э. (а на Ближнем и Среднем Востоке этот отсчет ведется даже с III тыс.). За исключением, возможно, восточной окраины Иранского плоскогорья такие сложные сообщества никогда не отступали надолго с существенно большей территории. Напротив, географическое положение и социальная база азиатских цивилизаций проявляли тенденцию к постоянному – быстрому или медленному, но расширению.

В Европе, однако, повсеместное распространение эллинистической цивилизации сменилось радикальным откатом. Именно по этой причине к VIII – началу IX вв. регион расположения цивилизованных сообществ был ограничен площадью, не намного большей, чем изначальный район эгейской колыбели, из которого и вышла эллинистическая культура 1400 годами ранее. Из этой исходной точки императоры Македонской династии восстановили византийскую военную мощь, а за этим, как мы уже отмечали, последовало и культурное возрождение. После этого культурная жизнь Византии стала процветать, несмотря на все политические и военные неурядицы и бедствия, до той поры, пока турки не взяли в 1453 г. Константинополь. Но само по себе богатство христианского и классического наследия Византии представляло собой непомерную ношу для последующих поколений. Из-за своего знания и почитания древних – как христианских, так и языческих – светочей культуры писатели и художники Византии оказались неспособны добиться той яркости, силы и того наступательного порыва, которые прежде характеризовали греков и которые вновь стали характеризовать латинский Запад в столетия, следовавшие за 1000 г.

Для сравнения отметим, что европейский дикий Запад XI в. находился в гораздо более выгодных условиях. Хотя элементы классических – византийской и мусульманской – цивилизаций были легко доступны, жители Западной Европы унаследовали общество, где почти все сложные институты цивилизации распадались среди простых, сугубо земледельческих отношений. Зато европейцы могли строить свою цивилизацию с чистого листа, используя по собственному выбору элементы самых разных культурных наследий своих соседей. Кроме того, вселенские притязания римской католической церкви наряду с военными успехами, которых вскоре достигли войска

франков на каждой из своих границ, давали западным европейцам твердую уверенность в своем превосходстве, что исключало как рабское подражание более цивилизованным соседям, так и боязнь того, что вообще любое заимствование подвергает опасности их духовную независимость. Появилось общество, на удивление открытое любым новшествам, демонстрируя уверенность в себе, восхищение чудесами цивилизованного мира и нетерпеливое стремление к богатству, славе и знаниям, откуда бы они ни исходили. В результате за два или три столетия Европа возвысилась до уровня цивилизации, сопоставимого с уровнем развития сообщества в любой другой части света.

Западная Европа использовала также свои географические преимущества, которые впервые оказались востребованными благодаря техническим достижениям в «темные века» (500–900 гг. н.э.). Широкие и плодородные равнины, возделываемые плутом с отвалом, изрезанная береговая линия морского побережья, многочисленные судоходные реки, доступные для судов, способных выдержать опасности атлантических ветров и течений, избыток древесины и металлов, особенно железа, и многое другое – все это вносило свой вклад в быстрое возвышение Западной Европы.

Варварское наследие как отдаленных вторжений бронзового века II тыс. до н.э., так и более близких вторжений германцев, скандинавов, степных кочевников I тыс. н.э. делало европейское общество гораздо более воинственным, чем любое другое цивилизованное общество на земном шаре, возможно, за исключением разве что японского. Существовало, конечно, и греко-римское и иудео-христианское прошлое, но влияние его было значительно ослаблено в течение «темных веков» и не могло послужить фундаментом для поздней средневековой и современной европейской цивилизации. Достояние, которое унаследовали европейцы, было насквозь пронизано противоречиями. Европейцы стояли перед нерешенными и, возможно, неразрешимыми противоречиями между приоритетом территориальной структуры как «естественной» единицы человеческой организации и претензией церкви на управление человеческими душами, между верой и разумом как исключительными способами познания истины, между натурализмом и метафизической символикой как идеалом искусства. Варварский компонент европейской традиции постоянно вносил и другие противоречия: насилие против закона, национальное против латинского, государственное против христианского. Но все эти полярные антитезы были встроены в самую сердцевину европейского общества и никогда не были ни исключены из жизни, ни окончательно решены.

Безусловно, возможно, что западная цивилизация включила в собственную структуру больше различных, зачастую несовместимых элемен-

тов, чем любая другая цивилизация мира; и постоянное, неустанное развитие Запада, неоднократно отвергавшее свои собственные потенциально «классические» решения, возможно, отражает противоречия, глубоко заложенные в самой ее сути. Поздно выйдя на историческую сцену и неся в себе ряд несовместимых явлений, высокая цивилизация Дальнего Запада не только не пришла в состояние покоя, но и революционно перестраивала себя уже три раза. Никакое другое цивилизованное сообщество никогда в мире даже не приближалось к состоянию такой тревожащей неустойчивости и не оказывало такого возбуждающего действия на свое окружение. Именно в этом гораздо в большей степени, чем в интеллектуальном, институциональном или технологическом выражении, проявляется уникальность западной цивилизации.

2. БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

В течение X в. жители Западной Европы окончательно отразили вторжения варваров, нарушавших спокойствие их политической и экономической жизни более пяти столетий, и к 1000 г. начали экспансию. И все же изменение баланса сил между латинским христианским миром и граничащими с ним исламом, православием и варварскими народами не принесли мира и порядка европейскому обществу. Лекарство от посягательств варваров – местная самозащита, порученная хорошо вооруженным, но самодостаточным рыцарям¹⁰⁹, – было не на много лучше, чем сама болезнь. Ослабление внешнего давления просто дало возможность местным феодалам нападать друг на друга с той бешеной энергией, которую прежде они использовали при отражении варварских нашествий.

Анализ запутанных и почти непрекращающихся конфликтов в последующие столетия выявляет борьбу четырех взаимоисключающих сторон, ориентированных на определенный уровень политической интеграции. При этом каждая противоборствующая сторона в политической борьбе твердо придерживалась тоталитарных традиций греческого полиса, требуя абсолютной лояльности от жителей более или менее четко очерченной территории. На одном краю противостояния стоял идеал христианского мира (1), что на практике означало только латинский христианский мир, управляемый рим-

¹⁰⁹ В X в. это описание применимо прежде всего к северу Франции. Только в следующем столетии рыцарство станет заметным сословием в соседних странах: Англии, Германии и Испании. Скандинавия, кельтские окраины Британии и Средиземноморье никогда не увидели настоящего расцвета рыцарства, поскольку в этих землях был достаточно развит спектр других общественно-военно-политических институтов.

ским императором и/или римским папой. Противостояли такой постановке вопроса монархи различных народов (2), феодальные княжества (3), как светские, так и духовные, и города-государства (4). На каждом уровне каждая политическая структура стремилась приумножить свою силу, и в результате большинство союзов и группировок порождали бесконечно сложные и постоянно меняющиеся комбинации равновесия сил.

До 1059 г. это равновесие сил определял альянс между римским императором – т.е. наиболее могущественным властителем Центральной Европы – и прелатами церкви в Германии, а иногда и в Италии. Этот союз был направлен против светских князей Германии¹¹⁰ и византийского влияния в Италии. Зона в стороне от конфликта – Северная Испания, Франция, Англия, Скандинавия, Польша и Венгрия – лишь косвенно взаимодействовала с этой политической системой. Эти страны в основном развивались отдельно и в своих направлениях. Во Франции и на севере Испании прослеживалось преобладание политической раздробленности, по мере того как местные властители собирали новые княжества для себя в неразберихе междоусобиц¹¹¹. В более отсталых областях на севере и востоке, в Англии, Дании, Норвегии, Швеции, Польше и Венгрии наблюдается постепенное политическое объединение в племенные союзы и конфедерации, со временем перерастающие в национальные монархии¹¹².

Ниспровержение такой политической структуры Европы началось тогда, когда мощное реформаторское движение в церкви, поддержанное монастырями Клонийской конгрегации, основанной в 910 г., захватило папский престол. Центральная идея преобразователей состояла в том, что церковь, чтобы выполнять свою духовную миссию, должна обрести независимость от контроля светских властей. Соответственно в 1075 г. римский папа Гри-

¹¹⁰ В любом конфликте часть светских правителей Германии была обязана встать под императорские знамена, так как феодализм способствовал местной вражде. При неурядицах императорская власть, освященная авторитетом церкви, в имперских и личных делах всегда рассчитывала на гарантированную поддержку большинства епископов и аббатов. И как правило, духовенство обеспечивало достаточную поддержку, чтобы император мог справиться со строптивыми светскими вассалами.

¹¹¹ Статус французского короля как преемника Карла Великого теоретически сохранился. Но после 987 г., когда первый из Капетингов вззошел на трон, король превратился просто в одного из многих местных правителей, чьи притязания на сюзеренитет над всей Францией удовлетворялись лишь тогда, когда это было выгодно в провинциях. С другой стороны, в Испании ни одна правящая династия не пережила мусульманского завоевания, так что произошло рассредоточение власти и теоретически, и на деле.

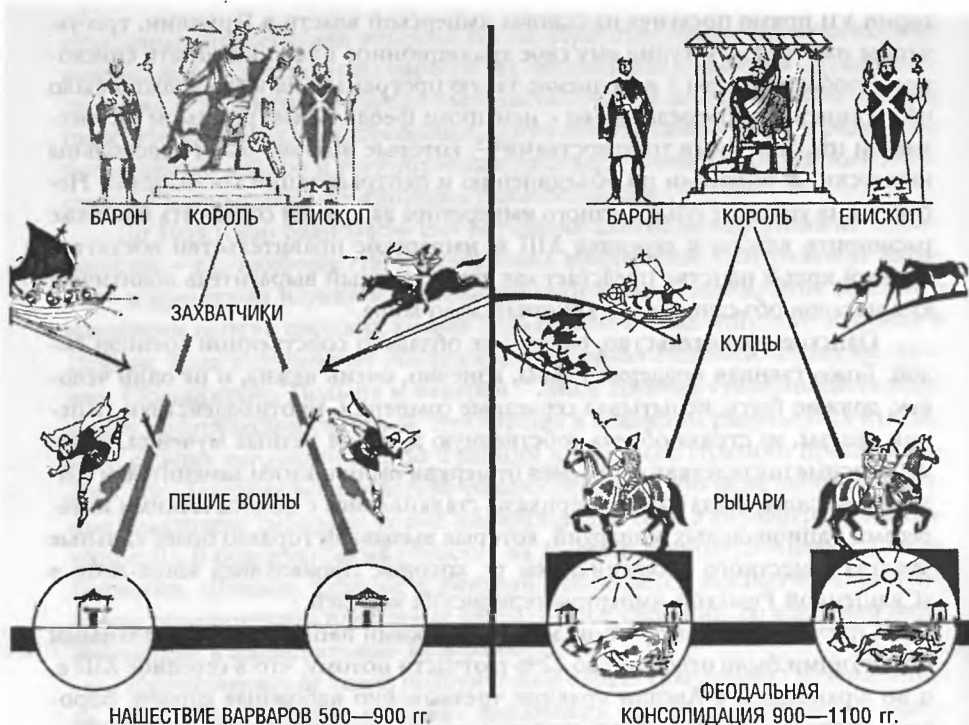
¹¹² Интересным аналогом «Священной Римской империи» была недолго просуществовавшая морская империя с центром в Дании, которая распалась сразу же после смерти короля Канута в 1035 г. на отдельные королевства Англии, Дании, Норвегии и множество меньших государственных образований на Балтийском побережье.

горий VII прямо посягнул на основы имперской власти в Германии, требуя, чтобы император уступил ему свое традиционное право назначать епископов. Чтобы привести в исполнение такую программу, папство должно было объединиться непосредственно с немецким феодальным режимом и с местными итальянскими государствами¹¹³, которые издавна были недовольны имперскими усилиями по объединению и централизации государства. Несмотря на упорные усилия одного императора за другим сохранить или даже расширить власть, к середине XIII в. имперское правительство постигает полный крах и папство предстает как единственный выразитель политических идеалов объединенного христианского мира.

Папское правительство, однако, не обладало собственной военной силой. Божественная поддержка была, конечно, очень важна, и не один человек, должно быть, испытывал серьезные сомнения, противодействуя папским указам, из страха обречь собственную душу на вечные мучения. И все же ужасные последствия отлучения от церкви были плохим заменителем физической силы, когда папские приказы сталкивались с политическими интересами национальных монархий, которые вызывали гораздо более сильные чувства у местного населения, чем те, которые проявлялись когда-либо в «Священной Римской империи» германских королей.

Открытое противостояние между римскими папами и национальными монархиями было отложено до 1296 г. отчасти потому, что в середине XIII в. и во Франции, и в Англии правили чрезвычайно набожные короли. Впрочем, первая половина этого столетия внесла существенные изменения в расстановку политических сил в Европе, когда французские короли Филипп Август (1180–1223 гг.) и его сын Людовик VIII (1223–1226 гг.) захватили несколько самых сильных феодальных княжеств и перешли к прямому правлению этими территориями. Главным проигравшим при этом оказался король Англии, чьи предшественники, вступая во множественные династические браки, принесли ему право на титулы доброй половины всех феодальных владений Франции. В результате были созданы относительно однородные и сравнительно мощные национальные государства как во Франции, так и в Англии. И примерно в то же время окончательное крушение импе-

¹¹³ На севере Италии папство стало защитником городов-государств в их борьбе против имперских и феодальных конкурентов. В Южной Италии возникло сильное централизованное норманнское королевство, созданное авантюристом Робертом Гвискарсом и его сыновьями. Папский престол вступив в союз с этим новым государством, совсем как в прошлом папа Стефан II добился союза с поднимающимся домом Каролингов. Завоевание норманнами Южной Италии не только давало римским папам выгодный для них военный противовес вторжению немецких армий с севера, но и навсегда развеяло угрозу византийского вмешательства в Италию. Таким образом, папский престол освобождался от давней зависимости от немецких императоров, возникшей еще во времена их совместной борьбы против Византии.

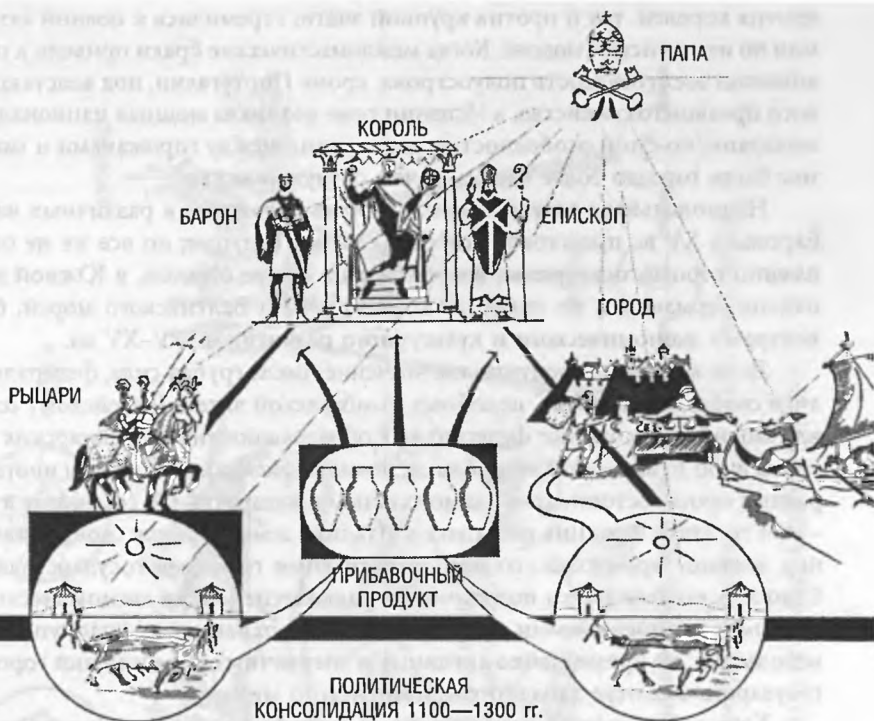

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ

раторской власти в Италии и Германии сделало последние страны сообществом множества мелких территорий и городов-государств.

Когда короли Франции и Англии начали собирать новые налоги деньгами с духовенства своих владений, то сразу возник прямой конфликт интересов между папским престолом и недавно созданными национальными монархиями. Попытка папы римского Бонифация VIII (1294–1303 гг.) запретить такое нарушение церковного иммунитета завершилась полным провалом. С 1305 г. сам папский престол переместился из Рима в Авиньон, поставив под сомнение независимость своей юрисдикции открытым сотрудничеством с французской монархией.

Секрет новой силы французской и английской монархий объяснялся в значительной степени негласным союзом короля с горожанами, которые соглашались платить налоги в королевскую казну в обмен на гарантии их корпоративных свобод и покровительство в противостоянии с местными

ЗАПАД В СРЕДНИЕ ВЕКА

феодалами. Королевская защита, даже если платой за нее служила некоторая степень королевского контроля над городскими делами, казалась французским и английским горожанам более привлекательной, чем анархия, господствовавшая в Италии и Германии. Тем не менее разгул анархии имел и положительные стороны для жителей городов, так как крушение центральной власти в Италии и Германии позволило многим городам этих стран утвердиться в качестве полноправных суверенных субъектов. В Скандинавии, Польше и Венгрии, где городская жизнь была менее развитой, национальные монархии были соответственно более слабыми, но все же и там преобладал тот же тип политического союза между королем и горожанами. Испания была особым случаем. Долгая война против мусульман в Южной Испании, которая завершилась лишь к 1492 г., привела к тесной сплоченности между монархами и дворянами, причем гораздо более крепкой, чем где-либо в Европе. При этом несколько самых крупных городов Испании, выступая как

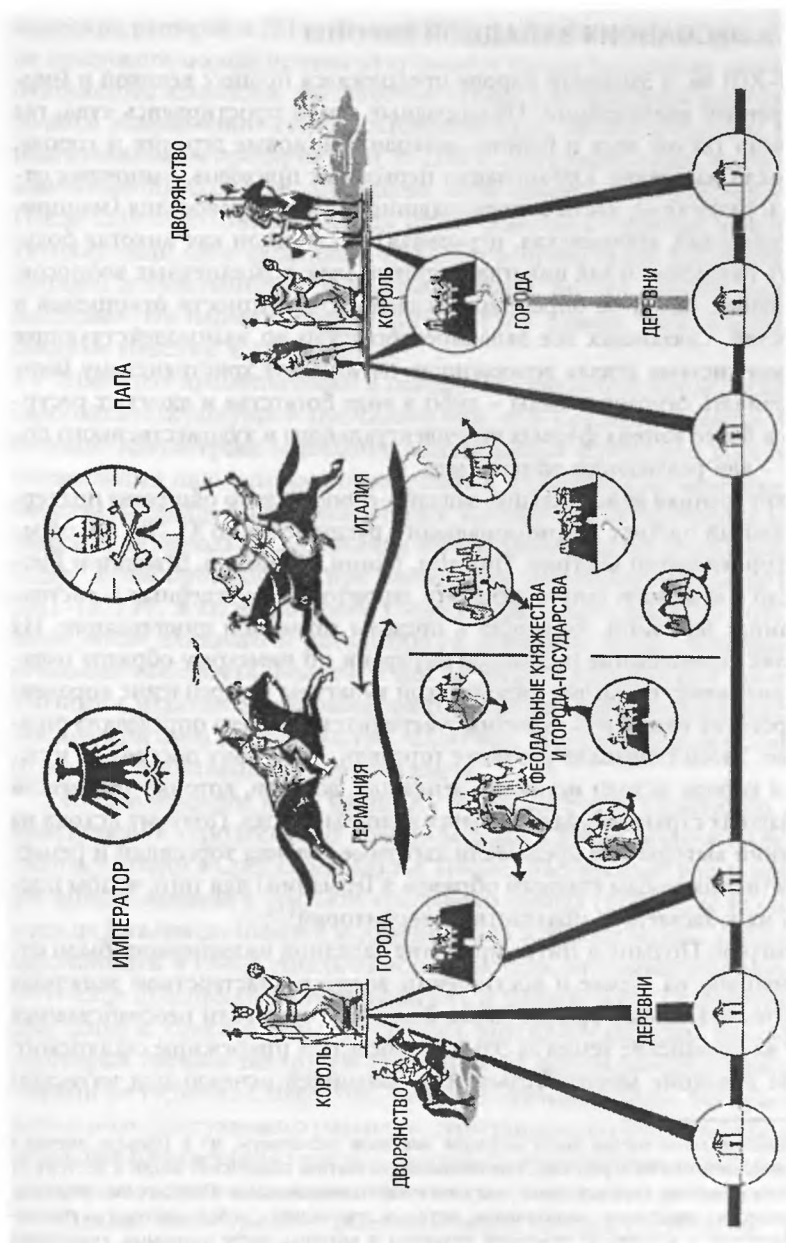
против королей, так и против крупной знати, стремились к полной автономии по итальянской модели. Когда междинастические браки привели к объединению всех государств полуострова, кроме Португалии, под властью единого правящего семейства, в Испании тоже возникла мощная национальная монархия, но с той особенностью, что трения между горожанами и монархом были гораздо более частыми, чем сотрудничество.

Национальным государствам, которые появились в различных частях Европы к XV в., предстояло долгое и славное будущее; но все же не они, а именно города-государства, возникшие на севере Италии, в Южной и Западной Германии и по побережью Северного и Балтийского морей, были центрами экономического и культурного развития в XIV–XV вв.

Даже в войне и политике, где значение имела грубая сила, федеральные лиги свободных городов, подобных Ломбардской лиге и Ганзейскому союзу, или модифицированные федеральные образования типа швейцарских кантонов либо Голландской республики, появившейся позднее, могли иногда на равных противостоять даже национальным государствам. В результате в 1300–1494 гг., когда Франция вторглась в Италию, демонстрируя свое подавляющее военное превосходство над итальянскими городами-государствами, в Европе устанавливается политическое равновесие между экономически отсталыми национальными государствами на окраинах и совокупностью небольших, но чрезвычайно активных и энергичных объединений городов-государств в центре западного христианского мира.

Хотя политическое разнообразие и нестабильность Западной Европы приводили к хроническим войнам, это не препятствовало быстрому культурному и экономическому росту¹¹⁴. Напротив, именно данные факторы и определяли это развитие. Бесконечное соперничество между конкретными политическими устройствами питали социальную среду и вдохновляли нововведения, обещая особые выгоды любому новому способу приложения сил. И действительно, если бы средневековая Европа была приведена к политическому миру и согласию либо сильным и успешно правящим императором, либо победившим папством, трудно представить, чтобы импульсивный характер развития европейской цивилизации не стал бы чахнуть и не иссяк бы в любой из этих институциональных конфигураций. Хронические войны, являвшиеся результатом непрекращавшегося политического многообразия, долго были весьма болезненной, но мощной и притом основной движущей силой жизнеспособности Запада.

¹¹⁴ Известно, что и другие сообщества впервые испытали подобный расцвет в период военных бедствий. Например, шумерские города в начале III тыс. до н.э., китайские государства в VIII–III вв. до н.э., греческие города-государства в VI–IV вв. до н.э.

3. ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В XI–XIII вв. в Западной Европе продолжался процесс великой и мирной внутренней колонизации. Плодородные земли простирались туда, где прежде были глухие леса и болота, возводились новые деревни и города, быстро росло население. Организация церковных приходов, рыночные отношения и различные, часто соперничавшие системы правосудия (манориальная, княжеская, королевская, церковная) охватывали как никогда большую часть населения и как никогда широкий круг повседневных вопросов. Это внутреннее развитие определило создание совокупности отношения и зависимостей, связавших все западное общество во взаимодействующее целое. Такая система давала возможность латинскому христианскому миру сосредоточивать огромные силы – либо в виде богатства и людских ресурсов, либо в более тонких формах интеллектуального и художественного потенциала – для реализации общего дела.

Эта внутренняя консолидация западно-европейского общества поддерживала важный процесс территориального расширения. В XI–XIV вв. обращение в христианство Венгрии, Польши, Дании, Норвегии, Швеции и Литвы привело к созданию широкого пояса территорий на северных и восточных окраинах Германии, входящих в пределы латинской цивилизации. На этих землях установление церковной иерархии по римскому образцу означало проникновение западно-европейской культуры и укрепление королевских прерогатив введением понятия суверенитета, как его определяло римское право. Затем следовало развитие торговли, поскольку постоянно нуждающиеся короли искали источник денежных доходов, которые правители более западных стран получали, облагая налогом города. Поэтому исходя из соображений выгоды они предлагали льготные условия торговцам и ремесленникам (нанимаемым главным образом в Германии) для того, чтобы подтолкнуть их к заселению подвластных территорий¹¹⁵.

В Венгрии, Польше и Литве принятие западной цивилизации было отчасти замешано на страхе и восхищении военным мастерством западных князей, которые еще со времен Карла Великого оказывали неослабевавшее давление на славянские земли за Эльбой. Последнее прибежище славянского язычества в районе между Польшей и Саксонией исчезло под натиском

¹¹⁵ Скандинавские города были заселены местным населением, но в Польше военные столкновения с немецкими герцогами, пытавшимися захватить славянские земли к востоку от Эльбы, делали немецких горожан более или менее неблагонадежными. Поэтому там оказывали гостеприимство еврейским иммигрантам, которые приносили с собой мастерство городских ремесленников и кое-что из немецкой культуры и которых после погромов, учиненных ветеранами крестовых походов, нельзя было заподозрить в стремлении попасть под германское политическое господство.

немецких рыцарей в XII в. После 1229 г., когда Тевтонский орден отказался от крестового похода против мусульман в пользу крестового похода против балтийского язычества, расширение латинского христианского мира в восточном направлении стало долговременным, организованным и хорошо подготовленным предприятием. К 1285 г. Тевтонский орден почти истребил язычников-пруссов и расселил на их месте немецких колонистов и горожан. После 1237 г. тевтонские рыцари путем слияния с Орденом меченосцев активизировали свои действия в Ливонии и продолжали обращать местных жителей в христианство, в основном силой, но без полного истребления населения. Их попытка проникнуть на Русь, однако, была отражена Александром Невским в 1240–1242 гг.

Наиболее драматическим и наиболее важным был процесс расширения европейской культуры и проникновение ее в Средиземноморье. На Пиренейском полуострове медленное выдавливание мусульман христианскими княжествами шло с переменным успехом и походило на немецкое проникновение за Эльбу. Борьба была почти полностью сосредоточена на суше; и ни флот, ни города не принимали какого-либо участия в христианских победах. То же происходило при завоевании норманнами Южной Италии в 1041–1071 гг., а также во время Первого крестового похода в 1096–1099 гг., когда после длинного и рискованного похода по суше у мусульман было отвоено побережье Леванта. И все же тогда, в критический момент осады Антиохии, итальянские корабли прибыли для поддержки крестоносцев. Итальянцы при этом смогли быстро заключить выгодное торговое соглашение со своими победившими единоверцами.

С того времени и до конца XV в., когда турки Османской империи приступили к строительству военно-морского флота, итальянские корабли господствовали в Средиземноморье. Позже участвующие в крестовых походах войска начиная с Третьего крестового похода (1189–1192 гг.) продвигаются от Италии до Леванта исключительно морским путем. А когда войска крестоносцев в 1204 г. заняли Константинополь, итальянские морские и коммерческие предприятия стали включать и Черное море. Процветание Венеции, Генуи и, хотя и в меньшей степени, других итальянских городов и даже некоторых городов по другую сторону Альп основывалось в значительной степени на торговле с Левантом. Без экономической базы, без художественного и интеллектуального развития, стимулированного подъемом этой торговли, без процветания городов-государств возрождение культуры Италии, которое мы сегодня называем Ренессансом, произойти не могло.

Однако более древние цивилизованные народы Восточного Средиземноморья, будь то мусульмане или православные, были глубоко возмущены франкским господством. И это негодование внесло определенный вклад в

успешную борьбу османских турок за объединение Анатолии и Балкан против латинского Запада. Со временем, когда турки в 1453 г. захватили Константинополь, итальянские города повсеместно потеряли свой привилегированный статус в Леванте, сохраняя влияние лишь на нескольких островах, удерживаемых силами франков. Вскоре вслед за этим началась морская война (1465–1479 гг.) между Турцией и Венецией, в ходе которой венецианцы потеряли большинство своих владений в Эгейском море¹¹⁶. Местное соперничество, как торговое, так и морское, возникло вновь, когда было сброшено итальянское иго, и вскоре мусульманские пираты, действовавшие с портовых баз Северной Африки, бросили вызов власти итальянцев даже в Западном Средиземноморье.

Именно так пала перед турками первая заморская империя¹¹⁷ Западной Европы. В ответ на эту неудачу европейские купцы, миссионеры, солдаты, обойдя земной шар, сделали океаны мира главными путями европейской межконтинентальной экспансии. Успех этой второй, океанской, фазы экспансии затмил по масштабу прежние усилия на Балтике и в Средиземноморье и знаменовал наступление новой эры как в мире, так и в европейской истории.

4. ПОДЪЕМ КУЛЬТУРЫ: ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Неуемная энергия западного военного, экономического и политического предпринимательства проникала в искусство и философию. Энергичное поглощение тех положений мусульманской и византийской культур, которые заинтересовывали западную мысль, было всего лишь прелюдией к феноменальной вспышке творческой активности, преисполненной всей свежестью юности. Дух безрассудства, который обычно приписывают западным

¹¹⁶ Венецианская дипломатия добилась кое-каких выгод даже из своего поражения, поскольку турки подтвердили особым договором право Венеции торговать с Левантом. См. W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant au Moyen-Âge* (Leipzig: Otto Harrassowitz, 1885), II, 324–26.

¹¹⁷ Здесь не учитывается империя северных морей, империя викингов, которая охватила не только Скандинавию и Британские острова, Нормандию и речную систему Руси, но также потянулась в Атлантику, Исландию (колонизирована ок. 874 г.), Гренландию (колонизирована в 985 г.) и Северную Америку (открыта в 1000 г.). Но викинги едва ли могли считаться носителями западной цивилизации в то время, когда они создавали свою империю. Как только Скандинавия вошла в пределы латинского христианского мира, неуемная энергия викингов быстро испарилась. Как бы то ни было, но Исландия и Гренландия приняли христианство, и поселения в Гренландии продолжали существовать, но уже в ужасном и бедственном состоянии, до XV в. Небольшие отряды норвежских авантюристов, похоже, проникли в Северную Америку до района Великих озер, но при этом они потеряли контакт с европейским обществом и, кажется, не оставили никакого заметного следа среди индейцев – жителей этого континента.

рыцарям, полностью подходит для характеристики не менее рискованных интеллектуальных приключений св. Ансельма (ум. 1109) и Пьера Абеляра (ум. 1142). Устремленные ввысь своды готических соборов представляют визуальное воплощение того же чувства высоко вознесенного бесстрашия.

В культурном становлении Западной Европы в XI–XV вв. можно выделить три фазы. Прежде всего период, когда слияние энергии церкви и подъема городов обеспечило основу энергичного и систематического усвоения элементов высоких цивилизаций мусульманского мира и Византии. При этом происходила адаптация этого наследства к условиям и интересам Запада. Это явление достигло кульминации, а затем и перешло в кризис в период между пребыванием на престоле папы Иннокентия III (1198–1216 гг.) и папы Бонифация VIII (1294–1303 гг.). Затем последовало время, когда напряжение отношений между церковниками и горожанами сменило ранее существовавшую гармонию. Это произошло тогда, когда попытки церкви контролировать активность в художественной сфере стали скорее тормозом, чем стимулом, в творчестве и когда проявление более светского духа получило поддержку в кругах горожан. К северу от Альп этот период тревоги и смены ориентиров продолжался в течение всего XV в., но в Италии намного раньше стала просматриваться третья фаза развития. Итальянские города были намного сильнее и теснее соприкасались с нехристианским миром, чем города севернее Альп. Поэтому не удивительно, что светский стиль жизни, для которого догматы христианского учения и его практика становились все более неприемлемыми, постепенно начал преобладать в Италии, причем намного раньше, чем в более северных областях Европы. К концу XV в. эта культура Возрождения, или Ренессанса, глубоко проникла даже в папское окружение и начала непосредственно влиять на королевские дворы и крупные столицы севера Европы.

В течение первой фазы этого культурного развития все казалось возможным. На севере Франции возникает выдающийся культурный центр, где принимают свою окончательную форму не только европейский феодализм, но и схоластическая философия и готическая архитектура. Обнищание в период «темных веков» препятствовало возведению монументальных строений из камня, но уже с XI в. сначала монашеские, а затем и кафедральные соборы начали возводиться на всем пространстве Западной Европы как зримые символы реформы церкви и возрождения ее к жизни. Церкви византийского типа с характерным центральным куполом получили распространение в Западной Европе еще со времен Каролингов; но в XI в. предпочтение было отдано старой римской базилике, главной особенностью которой был центральный прямоугольный зал с двумя рядами колонн. Добавление поперечного нефа к стандартному плану базилики породило крестооб-

разную форму основного плана здания, которая наряду со свободной орнаментацией фасада, опорами в виде башен и скульптурой создала стиль, известный теперь как романский.

Структурообразующие принципы романского стиля устанавливали определенные ограничения на ширину и высоту центрального нефа, поскольку любое увеличение веса крыши и надстроек требовали увеличения толщины стен или возведения дополнительных рядов колонн. Более того, поскольку стены служили единственным несущим основанием, нельзя было сделать окна достаточно большими, чтобы они могли пропускать много света. Готический стиль, который зародился на севере Франции в XII в., разрешал обе эти задачи, концентрируя нагрузки от веса крыши и надстроек в избранных точках, от которых большие укрепленные контрфорсы каменной кладки переносили возникающие усилия к земле. Ребра жесткости, которые переводили нагрузку от крыши к контрфорсам, создавали эффектный декоративный рисунок, еще более поразительный потому, что большие окна, пересекаемые этими структурообразующими элементами, пропускали достаточно света, чтобы были видны детали внутреннего убранства храма.

Готическая архитектура быстро распространилась в Англии, Германии и по примыкающим славянским странам, в меньшей степени – в Италии и Испании. Соседние города попытались превзойти друг друга, строя как можно более высокие и величественные церкви в этом новом стиле. Строительство большинства великих европейских соборов было начато в XII–XIII вв. Однако многие из них никогда не были закончены – позже вкусы изменились и пристрастие к декоративным деталям затмило первоначальную простоту структурных линий готики, скрыв их под накипью вычурных украшений.

Другим величественным памятником этого времени была схоластическая философия – попытка определить и объяснить сущность христианского учения. Пионерами этих усилий были св. Ансельм и Пьер Абеляр, которые рассматривали латинское интеллектуальное наследство через призму ранних христианских воззрений, прилагая в радикальной и смелой форме собственные доводы. Такой подход к вопросам богословия и метафизики вызвал мощное волнение в ищущих и свободных умах, собиравшихся в Париже и других центрах схоластического учения и дебатов.

Как только их интеллектуальное любопытство было разбужено, жители Запада обнаружили, что мусульмане располагают сокровищами знаний, далеко превосходящими все, что было доступно на латыни. Возникли постоянно действующие школы переводчиков, которые напряженно работали, переводя с арабского языка массивы текстов для латинского мира. Толедо стал

СВЯТАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Верхний элемент этого витража из кафедрального собора в Пуатье изображает воскресшего Христа на небесах среди ангелов и поклоняющихся ему святых. В центре, господствуя над всей композицией, представлено Распятие, а в самом низу — мученическая смерть св. Петра, князя апостолов и основателя святой католической церкви. Именно так художник решил представить фундаментальные положения учения средневековой церкви в оформлении одного-единственного окна.

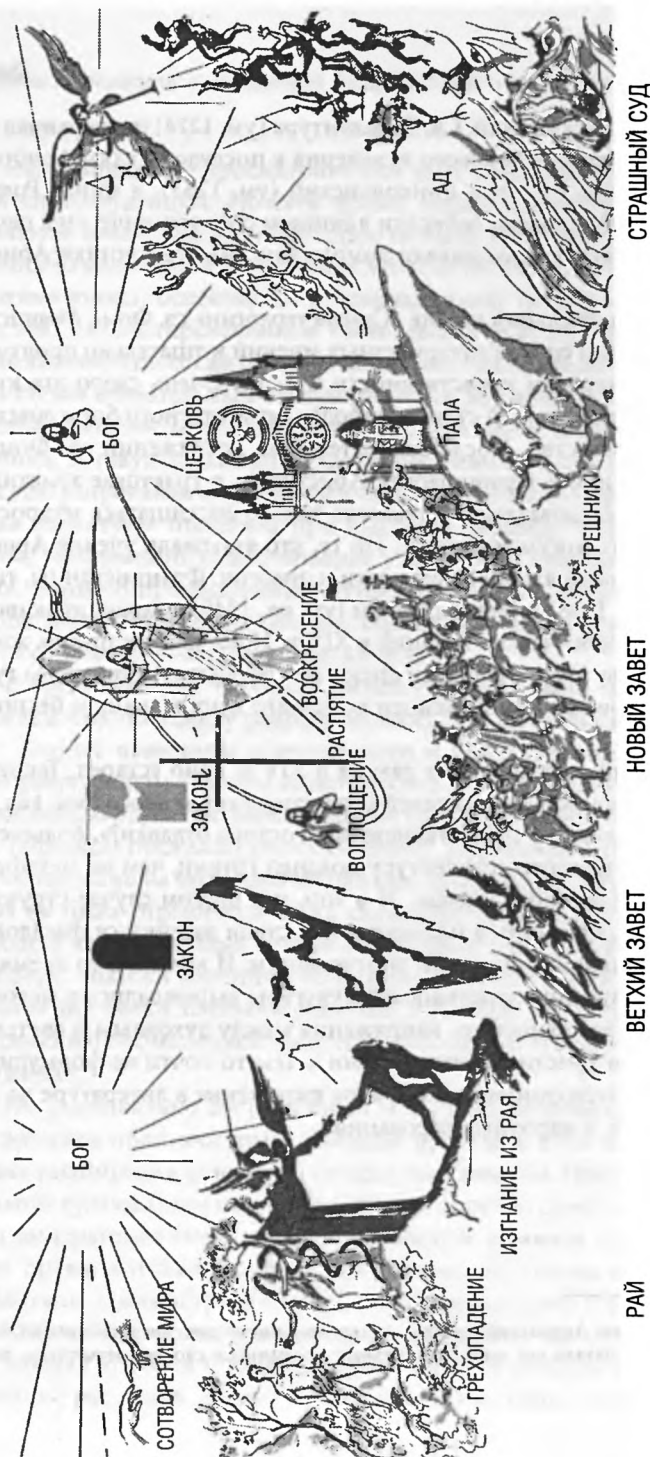
Фотоархив (Archives photographiques), Париж.

основным местом этой деятельности, но параллельно работа велась также в Сицилии и, в меньших объемах, в Салерно, Саламанке и Венеции. Переводчики выискивали полезные знания и не были заинтересованы в беллетристике. Именно по этой причине они сконцентрировались на переводе работ по медицине, математике, астрономии, оптике, философии. Занимались они также энциклопедическим сбором сведений о естественном и сверхъестественном мирах.

В XII в. Ибн Рушд (Аверроэс) и Маймонид возродили к жизни основные принципы философии Аристотеля. Богословы ислама, которые оберегали собственные проверенные каноны суждений и с почтением относились к другим авторитетным источникам, не обратили на это внимания, но на латинском Западе, где люди только начинали постигать тонкости и сложности интеллектуальной жизни, логический метод и системная обоснованность философии Аристотеля произвели впечатление настоящего откровения. Аристотель предложил картину мира, которая конкурировала с традиционными для христиан представлениями (для латинского Запады они были связаны в основном с воззрениями св. Августина). Что и говорить, языческая философия оказалась столь внушительной, столь завораживающей и настолько апеллировала к силам разума, что пренебрегать ею было нельзя. Некоторые священнослужители боялись этих новых мыслей и пытались объявлять вне закона их изучение. Но даже папские запреты не могли подавить огромного любопытства и дерзкого стремления к познанию, захвативших университеты.

В XIII в. в результате вливания в западное мышление настойки из идей Аристотеля возникли две конкурирующие интеллектуальные традиции. Первая, содержащая христианизированные идеи Аристотеля, утверждала приоритет богооткровенной истины над любыми простыми человеческими доводами – таким способом могли быть сохранены основные положения христианского учения, не подлежащие доказательству, – но при этом вдохновенно верила в человеческий разум, насколько это не противоречило христианской истине. Доминиканские монахи Альберт Великий (ум. 1280) и св. Фома Аквинский (ум. 1274) были самыми великими представителями этой школы мышления. Другие, среди которых выделялись францисканские монахи, склонялись к интеллектуальной церковной традиции, связанной с идеями св. Августина, а в конечном счете Платона. Не доверяя абстрактным силлогистическим рассуждениям по Аристотелю, францисканцы верили в божественные явления, постигаемые через созерцание и мистические проявления. Они предпочитали изучать ограниченные, но полезные знания чувственного мира, которые можно было получить экспериментально либо с помощью наблюдений. Такой способ был для них более предпочтителен, чем

ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

путь абстрактных рассуждений. Св. Бонавентура (ум. 1274) подчеркивал мистический аспект францисканского недоверия к последователям Аристотеля. Роберт Гроссетест, епископ Линкольнский (ум. 1253), и монах Роджер Бэкон (ум. ок. 1292) также не доверяли длинным силлогистическим цепочкам, которые так уверенно создавали доминиканские поклонники Аристотеля.

В своей монументальной работе «Сумма теологии» св. Фома Аквинский представил огромный список авторитетных мнений и тщательно продуманных ответов по вопросам нравственности и веры. Очень скоро эта книга приобрела полуофициальный статус наиболее авторитетного богословского толкования христианства. После замечательных достижений св. Фомы в использовании логики и терминологии Аристотеля в трактовке христианского учения его последователям оставалось только восхищаться мудростью и элегантностью его аргументации¹¹⁸. Но те, кто атаковали учение Аристотеля, проявили больше изобретательности и энергии. Францисканцы, такие как Дунс Скот (ум. 1308) и Уильям Оккам (ум. ок. 1349), сохранили живость философских и теологических исканий в XIV в. И все же уже при их жизни тяга к совершенству и утонченности дискуссий породила карикатуры гуманистов на схоластов как приверженцев показного многословия и бесполезного буквоедства.

Средневековый синтез веры и разума в XIV в. явно устарел. Такие абсурдные высказывания в духе поздней схоластической философии, как, например: «Сколько ангелов могут танцевать на острие булавки?», больше похожи на сверхчувственную архитектуру поздней готики, чем на метафорическое проявление здравого смысла. И в том, и в другом случае структура продвижения и главная цель в исследованиях стали затеняться фасадом из чрезмерных украшений и показной виртуозности. И все же, в то время как два основных проявления христианской культуры вырождались в мелочи и излишества, прошлая атмосфера напряжения между духовным и светским, между идеальными христианскими идеями и чем-то почти не формулируемым, земным, посюсторонним нашла свое выражение в литературе на разговорных языках и в народных верованиях.

¹¹⁸ В этом св. Фома Аквинский походил на самого Аристотеля, чья систематическая завершенность работ угнетала его интеллектуальных преемников своим чрезмерным совершенством.

Это напряжение просматривалось даже среди величественных построений юриспруденции. Римское право, зафиксированное Юстинианом на латинском языке, никогда полностью не было забыто на Западе. Однако оно приобрело новое значение в начале XII в., когда Ирнерий (ум. ок. 1130) (итальянский юрист, основавший в Болонье школу глоссаторов – итальянских юристов, комментировавших и толковавших римское право путем составления заметок (глосс) на полях текстов римских кодексов и законов. – *Прим. пер.*) сделал обязательным систематическое изучение Кодекса Юстиниана в Болонье. Римское право дало мотивированные и неизменные принципы юстиции, готовую классификацию общественных взаимоотношений и правила урегулирования споров. Именно этого требовали происходящие изменения структуры общества при быстром переходе к более объективной основе. Несомненно, существование уже готовой правовой системы правосудия, намного превосходящей путаницу местных правовых норм во всей Европе, значительно облегчило и ускорило восстановление цивилизованных структур в западно-европейской жизни.

В средневековой Европе у римского права были и другие функции. Прежде всего, поскольку подразумевалось, что юридическая система воплощает единые принципы естественного и божественного правосудия, она стала действенным орудием политической централизации. Папство первым использовало эту возможность, создав свод канонического права, для которого образцом послужил римский кодекс. Применение этого свода законов было возложено на иерархию церковных судов. Юрисдикция канонического права не была ограничена лишь священнослужителями; вопросы веры и морали, а также спорные случаи с церковной собственностью попадали в его сферу. Знатоки канонического права опирались в своей работе на восстановление мощи папского престола в XI–XIII вв., введя под церковную юрисдикцию бесчисленное множество обстоятельств частной и общественной жизни.

Но рационально составленный и систематизированный свод законов был оружием обоюдоострым. Светские правители тоже могли использовать его для расширения власти над своими подданными. Противостояние с церковными судами было неизбежно. И хотя папство сумело не отдать германским императорам монополию на правосудие в рамках канонического римского права, папская юридическая система не смогла преодолеть новую правовую и административную систему французской и английской монархий. С другой стороны, даже после того, как папа Бонифаций VIII в 1302 г. был унижен королем Франции, юридическая и административная система церкви не распалась. Вскоре короли и римские папы пришли к согласию и

разделили юрисдикцию над духовенством и мирянами, объединив свои силы против феодальной и муниципальной юрисдикции. Этот компромисс между светским и церковным использованием закона продолжался до наступления Реформации.

Народная литература с ее неподдельной естественностью по самой своей сути отражала заботы и тревоги широких слоев населения более полно, чем это могли сделать католическое учение церкви и целые университеты. Скандинавские и англосаксонские саги, героические поэмы старофранцузского эпоса (*chansons de geste*) выражали воинские идеалы рыцарского сословия. Но следов христианства в самых ранних из них немного. Постепенно героическая поэзия уступает место романам, где рыцарство уже принимает крещение, а грубая сила воина сочетается с учтивостью и благородными манерами. И в это же время развивается альтернативная традиция, выраженная в песнях трубадуров, которые в новых формах возобновили старую антитезу между языческими и христианскими идеалами, восхваляя супружескую измену, воспевая прекрасных дам и гедонистическую поглощенность мирскими заботами придворных кавалеров.

В народной литературе с самого начала представлены горожане. Многие фавль (простонародный жанр средневековой французской литературы – пересказ анекдотического события в прозе или стихах. – *Прим. пер.*), например, славят здравомыслие и смекалку простых людей, а священники в них нередко выступают персонажами для насмешек. И все же горожане не были безразличны к призывам христианства; и некоторые религиозно-назидательные представления, разыгрываемые перед городской аудиторией, вызывали простое, но безусловное благоговение. Начиная с Данте (ум. 1321) горожане обрели литературный голос, который вознесся над непритязательными пересказами фавль и простодушными текстами мираклей (средневековое религиозно-назидательное представление в Западной Европе на тему о чуде, совершаемом каким-либо святым либо Девой Марией. – *Прим. пер.*). Если итальянские сонеты Данте представляли христианскую версию изысканной любви, воспеваемой трубадурами, то великое эпическое повествование «Божественная комедия» – великолепный парадокс соединения в поэме, причем наполненной чрезвычайно глубокими знаниями, предельного антиклерикального и в то же время глубоко христианского чувства.

Народные религиозные движения иллюстрировали существующее напряжение между духовенством и горожанами в самом ясном и непосредственном виде. В конце XII в. в северной части Италии и Южной Франции возникает ряд различных ересей. Сначала они находят радушный прием среди ткачей, а затем и среди других групп ремесленников. Наиболее замет-

ными среди таких еретиков были катары¹¹⁹. Будучи строгими религиозными блюстителями нравственности, они требовали от христиан крайнего аскетизма и твердой общинной набожности. Когда аргументы и увещания были исчерпаны, катары были жестоко подавлены в ходе так называемых Альбигойских крестовых походов (1208–1229 гг.)

Но чтобы достойно ответить на вопросы, которые еретические секты поставили перед церковью, одной силы явно не хватало. Доминиканский и францисканский нищенствующие ордены поэтому взялись за поднятие духа христианства и католичества среди горожан Европы. Своими проповедями, милосердием и примером благочестия монахи стремились помочь горожанам лучше понять сущность христианской веры и постичь нормы поведения христианина. Папа Иннокентий III долго колебался, прежде чем разрешить существование мирского братства, которое образовалось вокруг св. Франциска Ассизского (ум. 1226), поскольку мистические видения, чудодейственная сила и эксцентрическое пренебрежение социальными условностями святого – который сам был мирянином – обошли как обычные каналы объявления святым, так и власть официальной апостольской иерархии. Кроме того, требование св. Франциска о нищенствующем положении членов ордена не прямо, но косвенно напоминало о царском стиле жизни среди прелатов церкви. И все же в конце концов папа дал свое благословение новому ордену и таким образом привлек на сторону церкви огромный религиозный энтузиазм св. Франциска и созданного им ордена.

Бурная религиозность францисканцев постоянно создавала проблемы для церковников, чьи многочисленные компромиссы с миром глубоко оскорбляли религиозный ригоризм так называемых спиритуалов, «духовных» францисканцев XIV в. Основной вопрос, разделяющий монахов-францисканцев и церковную иерархию, был чреват мощным эмоциональным взрывом. Спиритуалы утверждали открыто то, что раньше лишь подразумевалось в францисканстве: владение собственностью несовместимо с примером жизни Христа и апостолов, чьими преемниками провозглашались епископы. «Не может человек владеть, ибо владеет только Бог» – эта доктрина содержала прямое указание на недопустимость богатства и власти церкви в миру. Это также подвергало сомнению законность всей церковной верхушки: можно ли в чем бы то ни было доверять людям, так сильно сбившимся

¹¹⁹ Катары (известные в Южной Франции также как альбигойцы), возможно, позаимствовали свое учение от богомилов с Балкан и в конечном счете от манихейства, которое тайно выжило, несмотря на упорные преследования, в Ираке и его пограничных областях еще со времен Сасанидов. Считая материальный мир порождением дьявола, катары осуждали все земное, призывали к аскетизму, обличали католическое духовенство.

с пути? Церковь предала анафеме учение об апостольской бедности. Самые упрямые экстремисты отказались признать правомочность такого решения – голоса многих из них заглушила лишь казнь. Но даже столь серьезные преследования не могли подавить критику сребролюбия и мирских интересов духовенства. Ригоризм «истинно» верующих (как и ранее у катаров) был загнан в подполье и вновь вышел на свет в полном объеме только с приходом Реформации.

Но еще более опасным, чем открытая ересь, для официальной религии был дух религиозного безразличия или скептицизма, который нашел прибежище среди некоторых слоев городского населения в XIII в. и последующих столетиях. Скептики обычно не демонстрировали отсутствия своих религиозных убеждений и не оказывали открытого сопротивления церкви. Вместо этого они посвятили себя «лучшим сторонам жизни», неважно, определялись ли таковые в понятиях богатства, власти или красоты. Такая позиция получала все большее распространение по мере того, как прелаты церкви, особенно в Италии, погружались в мирские ценности – порой не кроясь – и низводили религию до не более чем ритуальных действий и пустословия расхожих фраз. Этот внутренний распад итальянской церкви вместе с продолжающейся жизнеспособностью религиозного ригоризма на севере Европы подготовили почву для взрыва Реформации в XVI в.

Прежде чем произошел этот радикальный и драматический разлом в европейском религиозном единстве, светский дух жизни итальянских горожан породил притягивающий стиль самовыражения в культуре Ренессанса. После XIV в. некоторые ученые решили возродить классический латинский язык во всей его Цицероновой чистоте. Упор на латынь отвлек внимание от арабского языка и работ по классической дидактике, которые так занимали европейских ученых XII–XIII вв., и выдвинул на передний план художественную литературу. Такой интерес привел итальянских гуманистов, как они себя называли, в состояние близкой гармонии с современными им литературными кругами Византии, чьи занятия их собственной классической литературой подсказали части итальянцев идею обратить внимание на богатство древнегреческого литературного наследия, почти забытого в Западной Европе с IV в. В свою очередь, латинская и древнегреческая литературы впервые представили видение жизни, не обремененное откровениями религии. И в конце XV в. наиболее смелые гуманисты сознательно порвали с христианством. Некоторые, подобно Никколо Макиавелли (ум. 1527), сделали своим знаменем безрелигиозность. Другие, как Пико Делла Мирандола (ум. 1494), пытались сохранить веру, модифицируя традиционные христианские догматы в пантеистическом направлении.

Хроническая неспособность воздержаться от классических аллюзий и

других доказательств книжной учености делает большинство из написанного гуманистами совершенно непривлекательным для читателя с современным вкусом. С изобразительным искусством такого не произошло. Античных примеров живописи не было, а в скульптуре и архитектуре художники Ренессанса лишь непреднамеренно выходили за рамки своих (главным образом второразрядных) античных моделей. Первые усилия итальянских художников чаще направлялись на достижение более реалистического эффекта. Мазаччо (ум. 1428) ввел светотеневую лепку – впоследствии переработанную в приемы воздушной перспективы – для передачи объемности изображения. Приблизительно в 1435 г. Леон Баттиста Альберти (ум. 1472) сформулировал геометрический метод для вычисления линейной перспективы. Это позволило художникам организовать изображаемые фигуры в пределах иллюзорного пространства, которое бесконечно отступало вдаль, к точке сходимости. К концу XV в. произошли изменения в живописи, связанные с распространением этих новых приемов, и художники уже перешли от реализма к драматическому преувеличению и искажению изображаемого, предвещая появление барокко.

Эта воистину замечательная ясность нового и явно западного стиля живописи включала в себя развитую математизацию пространства и осознанное освоение интуитивного опыта оптических наблюдений. Итальянские художники, таким образом, предвосхитили применение математического описания в естественных науках, которое осуществилось в полной мере только в XVII в.

Искусство и светская жизнь Италии в период Ренессанса, пронизанные духом поиска неизведанного, нашли понимание к северу от Альп еще до 1500 г., прежде всего в придворных кругах. Но вообще-то Северо-Западная Европа была поймана в своего рода ловушку. В XIV–XV вв. жители Франции, Англии и Германии все более возмущались жесткостью институциональных и интеллектуальных рамок, которые их прадеды создали с таким блеском в XII–XIII вв. Но они могли или, может быть, не желали отбросить или прорваться через ограничения, подразумеваемые рамками этого наследия. Действительно, в XIV–XV вв. средневековая европейская цивилизация, казалось, вот-вот достигнет стабильности в районе ее зарождения, в ее колыбели к северу от Альп. Но как только стала проявляться эта возможная «классическая» определенность европейского общества и его культуры, это единство сразу же начали испытывать на разрыв две революционные силы – Ренессанс и Реформация.

Правда, еще до этого многие признаки в жизни трансальпийского общества говорили о том, что средневековые рамки европейской цивилизации омертвели. Рост городов, например, значительно замедлился: частично из-за

разрушительных последствий «черной смерти» – эпидемии чумы¹²⁰ (1348–1350 гг.) и Столетней войны (1337–1453 гг.), но также и по другим причинам. Большинство городов Северо-Западной Европы подпало под власть крепких небольших олигархий, живших за счет традиционных монополий и ренты и совершенно не желавших пускаться в новые предприятия любого вида: экономического, культурного или политического. И только на окраинах латинского христианского мира, по Балтийскому побережью и в ранее слабо развитых регионах, например в Южной Германии, в XIV–XV вв. энергичное развитие городской жизни продолжалось.

Проявления недовольства этой социальной системой, ограничивающей свободу человека, были совершенно различными. Крестьянские восстания проходили параллельно с бунтами самых обездоленных классов городского населения, но все эти народные движения потерпели неудачу, по крайней мере частично, из-за того, что у восставших никогда не было продуманной программы реформ. Психологическим отчуждением от установленного социального порядка можно отчасти объяснить возникновение ереси лоллардов в Англии, критику церковной практики, вдохновляемую Джоном Уиклифом (ум. 1384), и родственное с ним гуситское движение в Чехии. В поэме «Видение о Петре Пахаре» (ок. 1370) можно почувствовать ту же атмосферу. (Аллегорическая поэма «Видение о Петре Пахаре» – полное название «The Vision of William Concerning Piers the Plowman» – написана в 1362 г. и отразила настроение крестьянства в период восстаний XIV в.; авторство приписывается английскому поэту Уильяму Ленгленду (ок. 1330 – ок. 1400). – *Прим. пер.*) И даже внешне ортодоксальные проявления набожности мистиков, подобные тем, которые демонстрировали «Братья коммуны» в Нидерландах, несомненно, отражают разочарование в мире и неудовлетворенность формальной религией и духовенством. («Братями коммуны» называлось братство, которое создал Герард Гроот (1340–1384) – голландский проповедник. Это товарищество жило коммуной, внутри которой царили монашеские правила в духе ордена св. Августина. – *Прим. пер.*)

¹²⁰ Серьезность демографических последствий «черной смерти» заслуживает особого внимания. Недавние исследования оценивают сокращение населения в Провансе не менее чем на 50% с последующим медленным восстановлением к 1470 г. См. Edouard Baratier, *La démographie provençale du XIIIe au XVIe siècle, avec chiffres de comparaison pour le XVIIIe siècle* (Paris: S.E.V.P.E.N., 1961). См. также Josiah Cox Russell, «Late Medieval Population Patterns», *Speculum*, XX (1945), 157–71.

Приход чумы примерно совпадает со временем открытия более доступных и частых контактов через всю евразийскую ойкумену во времена монгольских завоеваний XIII в., подобно тому, как это случилось с пандемиями II в. н.э. при смыкании ойкумены (см. гл. VII). Очевидно, восстановление и стабилизация европейского населения после разрушительных последствий чумы стали возможны в XIV–XV вв. только потому, что еще раньше население уже подвергалось воздействию эпидемий во II в.

Фонды Национальной галереи (Trustees of the National Gallery), Лондон.

ФЛАМАНДСКИЙ ГОРОЖАНИН

Уверенность в себе, роскошь и спокойное достоинство этих представителей среднего класса характеризует одно из ключевых различий между Дальним Западом и другими цивилизациями мира. Ян Ван Эйк написал этот портрет Яна Арнольфини и его жены в 1434 г. В том же году он стал придворным художником при дворе Филиппа Доброго, герцога Бургундии. Тот факт, что человек из купеческого круга мог нанять мастера, который получал заказы от такого вельможи, как Филипп Бургундский, указывает на необычно высокий статус купеческого сословия в Европе.

И все же было бы неправильным предположить, что трансальпийская Европа после 1300 г. впала в состояние культурного оцепенения. Многие соборы, строительство которых затянулось, были закончены именно в XIV–XV вв.; продолжалась борьба за умы между схоластической логикой и мистической набожностью, не утихали народные восстания. В это же время на картинах Ван Эйка изображались и напыщенное рыцарство двора Филиппа III Доброго (ум. 1467), и негромкая элегантность фламандских горожан, и все это не слишком проигрывало в сравнении с величественным блеском и смелостью итальянской культуры. И все же ясно, что за исключением Италии этот период не значится среди лучших в истории Европы.

5. УНИКАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Поскольку европейская цивилизация после 1500 г. играла в мире революционную роль, стоит задаться вопросом: чем средневековая Европа отличалась от современных ей цивилизаций в других частях света? Предлагаем два подхода к этому вопросу.

Начнем с того, что с XI в. жители Западной Европы, не обремененные собственным прошлым, ознакомились с классическим наследством мусульманского и византийского мира. Легкость и усердие, с которыми они усваивали это иноземное наследие, не имеют никакой аналогии в истории цивилизаций, исключая, возможно, случаи ассимиляции греками достижений восточной цивилизации в VI в. до н.э. Скорость и целеустремленность, с которыми европейцы перенимали то, что более древние цивилизации изучили еще раньше, позволили европейским новичкам продвинуться там, где их азиатские современники еще только пытались осмыслить человеческие достижения, – проделать то, к чему располагала их греческая наследственность. Римское право, греческие наука и философия, а также церковная поддержка осмысления духовной доктрины и мира в целом – все это способствовало такому развитию. Математизация метода воспроизведения пространства в искусстве Ренессанса и измерение времени с помощью изобретенных механических часов (XIII в.) – важные и очень удачные символы новых возможностей, открытых для европейцев. Никакая другая цивилизация не создала таких точных инструментальных средств для согласования человеческих чувств и усилий.

Второе: участие населения в экономической, культурной и политической жизни в Западной Европе было намного большим, чем в других частях

цивилизованного мира. Основным продуктом европейской торговли были не предметы роскоши, созданные для немногих богатых, как это было принято в азиатских цивилизациях. В Европе в основном торговали предметами первой необходимости: зерном и сельдью, шерстью и грубой тканью, металлами и древесиной – весь ассортимент товаров предназначался для гораздо более широкого класса потребителей. Культурные запросы широких слоев населения: духовенства, титулованного дворянства, горожан и в определенной степени даже крестьянства – нашли литературное выражение в средневековом европейском обществе. Все хоть как-то сопоставимое с этими процессами в других евразийских цивилизациях оказывалось на поверхности лишь во время преходящих кризисов. Несмотря на властвование земельной аристократии в сельских районах Европы и олигархов в городах, сравнительно большая часть населения участвовала в войнах и политике средневековой Европы. Такого не было нигде в цивилизованных сообществах Азии за исключением, возможно, лишь тогдашней Японии. Так, например, копейщики, завербованные из городов Северной Италии, а позже из деревень Швейцарии, постоянно бросали вызов военному превосходству рыцарей и дворянства начиная с XII в. В XIV в. сливки французского рыцарства не смогли одолеть английских лучников, нанятых изначально в бедных пограничных районах Уэльса. Что касается политики, то такие представительные учреждения, как английский парламент, французские Генеральные штаты и Вселенские соборы церкви, представляли самые разные социальные группы на самых высоких уровнях политического процесса.

Такое положение дел могло мобилизовать в пределах европейского общества гораздо большие людские ресурсы, чем это было возможно в пределах более жестких иерархических сообществ других цивилизованных стран. Демократическое волеизъявление в Греции классического периода продемонстрировало возможности даже небольшого сообщества свободных людей и граждан. Западная Европа не была так уж свободна, и не так уж она была полна творческих возможностей, но именно здесь мы можем обнаружить стимулирующее воздействие обстоятельств, которые вызвали к жизни самые разные силы огромного числа людей из общей массы всего населения. Этого никогда не могло бы произойти в обществе, где у власти стоял узкий круг лиц с одинаковым мировоззрением, пусть даже гораздо лучше образованных и опытных в государственных делах.

Ж. ОКРАИНЫ ОЙКУМЕНЫ

К 1000 г. большая часть Центральной и Северной Евразии была вовлечена в круг цивилизованной торговли. Осталась незатронутой только арктическая тундра, обиталище кочевых пастухов стад северного оленя, рыбаков и охотников. В течение последующих пяти столетий на севере Европы, особенно в России, зона сельскохозяйственных земель существенно увеличилась, продвинувшись в глубь лесов. Аналогичный процесс шел также, хотя и менее интенсивно, в покрытых лесом районах Дальнего Востока, в Маньчжурии, в долине Амура и в Японии. В этот период, как уже говорилось, находившиеся на поздней стадии развития степные варвары были тесно связаны с цивилизованным сообществом юга Евразии коммерческими и военными отношениями и играли критически важную роль в истории всей Азии и Восточной Европы.

На южном фланге евразийских цивилизаций протянулась широкая полоса территорий, лишь слегка затронутых, а в ряде случаев и абсолютно нетронутых влиянием цивилизаций вплоть до 1000 г. Это вся Южная Африка, Австралия и прилегающие острова. Небольшие островки примитивного образа жизни сохранялись в глухих дождевых лесах вдоль Меконга и в долинах рек, примыкающих к нему. Австралия и прилегающие острова оставались совершенно оторванными от мира, но в Африке и Юго-Восточной Азии военное и коммерческое проникновение цивилизации существенно преобразовало карту культур в 1000–1500 гг. Основным агентом этого проникновения был ислам в силу того, что в 1000–1500 гг. именно мусульмане контролировали всю торговлю по Индийскому океану и через пустыню Сахара.

В Юго-Восточной Азии цивилизованные государства существовали примерно с начала нашей эры. В 1000 г. три индуистских государства: морские империи Шривиджайя на Суматре и Маджапахит на Яве, а также речная империя кхмеров в низовьях Меконга – делили политическую сцену этого региона с окитаенным государством в Аннаме. Огромные пышные храмы, обильно украшенные прекрасными, чрезвычайно выразительными скульптурами, до сих пор остаются памятниками богатству, мастерству и почитанию богов среди народов этих трех государств. Однако в XIII в. варварские тайские племена разрушили империю кхмеров, и одновременно монахи-буддисты с острова Цейлон и мусульманские миссионеры из Индии начинают подрывать основы более древних религиозных систем. В целом деятельность буддистов была успешна во внутренних районах, и здесь они вовлекли тайские племена в свою версию индийской культуры (XIV в.), в то время как

ислам выиграл борьбу на побережье и островах, даже на таких дальних, как Минданао на Филиппинах (XIV–XV вв.)¹²¹.

Основные преобразования в Африке произошли в 1000–1500 гг. Сначала на западе Африки мусульманские государства пришли на смену языческому негритянскому царству Гана после разграбления его Альморавидами (1076 г.) – пуританской исламской сектой, превратившейся в сообщество завоевателей. Среди главных наследников Ганы было негритянское мусульманское государство Мали, которое достигло своего расцвета в начале XIV в. и распалось в 1488 г. под натиском другого исламского завоевателя, пришедшего на этот раз из Марокко. Экономической основой негритянского общества было сельское хозяйство в западно-африканской саванне, и торговые связи через пустыню Сахара с Североафриканским побережьем всегда были особенно важны. Организованные в рамках государства прииски давали столько золотого песка, что когда правитель Мали в 1324 г. совершил хадж в Мекку, его щедрость сбила цену золота в Аравии на целое десятилетие.

Следующее изменение на африканской сцене было связано с миграцией говорящих на языках банту пастушьих племен вдоль западно-африканского горного хребта в основной ареал дождевых лесов на западе и в центре Африки. Эти перемещения начались задолго до 1500 г. и, возможно, были усилены за счет миграции племен, убежавших от мусульманского давления с северо-запада. Этот процесс чем-то напоминал переходы кочевников и конных орд через евразийские степи, происходившие ранее (у банту, правда, не было лошадей), и вполне вероятно, имел сходный толчок, т.е. приобретение навыков культуры скотоводства от более цивилизованных соседей (возможно, в Нубии) сопровождалось развитием воинского этоса, необходимого при их новом кочевом образе жизни. Во всяком случае, банту легко достигли военного превосходства над коренными жителями Восточной и Центральной Африки и в своих походах вышли к реке Замбези к концу XV в. В это же время другие языческие негритянские народы достигли побережья Гвинеи и Дагомеи, где основали ряд небольших государств. Арабская торговля с внутренними районами континента от морских портов восточного побережья свернулась. Банту с их военным мастерством оказались гораздо менее

¹²¹ Возвышение ислама в Юго-Восточной Азии было связано с переходом морского могущества и коммерческого доминирования к Малакке – новому государству, основанному, вероятно, в XIV в. и перешедшему в ислам в XV в. См. D.G.E.Hall, *A History of South East Asia* (New York: St Martin's Press, 1955), pp.37-186; J.C. van Leur, *Indonesian Trade and Society* (The Hague: W. van Hoeve, 1955), pp.44-117; G.Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonesie* (Paris: E. de Boccard, 1948).

удобными торговыми партнерами, чем прежние жители этой части Африки¹²².

Был также и третий, главный, ориентир в африканской культурной истории – консолидация ислама на северо-востоке континента. Критическим событием в этом процессе были мусульманское завоевание и обращение в ислам христианского Нубийского царства, которые закончились к началу XV в. Мусульмане также выиграли борьбу за контроль над побережьем Красного моря, замкнув христиан в горных районах Эфиопии. Но сами усилия, которые потребовались, чтобы противостоять мусульманским посягательствам и избежать участи Нубии, привели к расцвету и наступлению золотого века Эфиопии в конце XIII – начале XVI вв. Именно в это время литература на амхарском языке и изящные искусства процветали, как никогда, в этом изолированном в культурном отношении обществе.

Таким образом, когда европейцы начали исследовать побережья Африки, большинство районов этого континента уже попало под влияние цивилизации. Западная Африка была окраинной территорией ислама; в период своего расцвета варварские племена банту заняли центральный горный хребет континента, а на северо-востоке исламские государства разделили освоенные районы с христианской Эфиопией. По-настоящему первобытные сообщества выжили только в глухих районах экваториальных лесов Конго и на далеком юге¹²³.

В обеих Америках наиболее важные изменения в развитии цивилизаций Мексики, Центральной Америки и Перу произошли в 1000–1500 гг., когда прежние культурные центры развились в городские агломерации. Следует отметить, что все социально-экономические модели цивилизаций коренных народов Америки всегда значительно отличались от моделей, знакомых нам по Старому Свету. Рыночные отношения были развиты слабо. В высоко интегрированной империи инков, например, обмен товарами подлежал по-

¹²² Запустение городов Зимбабве и горных копей, возможно, было последствием завоеваний банту, хотя некоторые ученые уверяют, что, наоборот, именно с их появлением в Родезии были начаты крупномасштабные горные разработки.

¹²³ C.W.Bovill, *Caravans of the Old Sahara* (London: Oxford University Press, 1935), pp.4-183; Diedrich Westermann, *Geschichte Afrikas* (Cologne: Greven Verlag, 1952), pp.356-62, 382, 390-91, and *passim*. A.H.M.Jones and Elizabeth Monroe, *A History of Ethiopia* (Oxford: Clarendon Press, 1955), pp.44-79; J.C. de Graft-Johnson, *African Glory* (London: Watt & Co., 1954), pp.68-126; R.Coupland, *East Africa and Its Invaders* (Oxford: Clarendon Press, 1938), pp.2-43; G.P.Murdock, *Africa: Its Peoples and Their Culture History* (New York: McGraw-Hill, 1959).

литическому контролю. Чиновники собирали продукты питания и готовые ремесленные изделия у производителей, а затем распределяли эти товары как плату за несение военной или административной службы либо выполнение трудовой повинности. Незначительный обмен товарами между ремесленниками и крестьянами происходил. Но, по-видимому, в Новом Свете никогда не существовало отдельного класса, аналогичного профессиональным торговцам евразийских цивилизаций.

Политическая история Нового Света наконец становится относительно понятной. В Мексике возник ряд воинственных и соперничавших между собой городов-государств – преемников жреческого государства тольтеков. Один из них, Теночтитлан, в союзе с двумя меньшими городами распространил свое военное господство над остальными в начале XV в. В последующие десятилетия этот ацтекский город укрепил свое господство на обширной территории в Центральной Мексике. Осуществлялось это с помощью ежегодных военных экспедиций, которые были нацелены на грабеж и захват земельных владений, но всегда оправдывались, по крайней мере теоретически, необходимостью принесения в жертву богам достаточного количества человеческих жизней. Ацтеки, однако, не уничтожали местные племена, саму организацию и структуру городов-государств, и фактически имперская власть воинов Теночтитлана была неустойчивой, как стало ясно в 1519 г. при вторжении Кортеса в их владения.

На территории народа майя политическая раздробленность заменила некогда существовавшее единство. Политическое превосходство города Чичен-Ица, установленное вскоре после 1000 г., около 1200 г. было свергнуто и заменено аналогичной гегемонией другого, соперничавшего с ним города Майяпан. Когда испанцы появились на американской сцене, эта новая гегемония уже тоже угасла (ок. 1450 г.), оставив Юкатан и земли майя на территории современной Гватемалы политически раздробленными между мелкими враждующими государствами.

Перу было единственным местом в Новом Свете, где большое и консолидированное государство действительно оказало сопротивление испанцам. Там в XV в. инки захватили ранее независимые города-государства и мелкие территориальные образования для того, чтобы создать централизованную империю. Они организовали удивительно всеобъемлющее и систематизированное управление захваченными землями, сконцентрировав всю власть в руках Верховного инки и его ближайших родственников. Удивительное инженерное мастерство – особенно в дорожном строительстве – доказывало способность режима организовывать и контролировать труд своих подданных, но система рухнула в 1527 г., когда борьба за престолонаследие парали-

зовала весь административный аппарат. По простому совпадению¹²⁴ именно в этот год Писарро бросил своих головорезов на покорение Перу.

Ни в искусстве, ни в технологиях – а только эти виды деятельности цивилизаций коренных народов Америки легко доступны современной экспертизе – в 1000–1500 гг. не было замечено каких-либо достижений. Большинство экспертов обнаруживает упадок художественного мастерства с того момента, когда милитаризованное правление заменяет ранее существовавший жреческий характер общественного устройства. Конечно, когда появились испанцы, ни одна из цивилизаций Нового Света политически не была достаточно крепкой, а потенциальные силы коренных народов континента никогда в действительности не были объединены настолько крепко, чтобы противостоять горстке европейских захватчиков. И при этом не похоже, чтобы культурная жизнь цивилизаций индейцев особенно процветала или пользовалась симпатией простых людей. Удивительно быстрый успех испанских миссионеров в приобщении местного населения к основным положениям христианства не мог бы состояться, если бы значительная масса населения испытывала глубокую и искреннюю преданность традициям своих императоров и жрецов. Поэтому потери в культуре человечества, связанные с испанским искоренением американских цивилизаций, не кажутся такими уж большими. Кто может сказать, что могло бы в этом месте возникнуть через столетия и тысячелетия? Но в 1500 г. реальные достижения цивилизаций Нового Света казались пустячными по сравнению с достижениями Света Старого¹²⁵.

¹²⁴ А может быть, и нет. Эпидемия оспы, следуя по стопам испанцев в Новом Свете, возможно, опустошила земли инков и создала династический кризис, который так сильно помог Писарро.

¹²⁵ G.C.Vaillant, *The Aztecs of Mexico* (Harmondsworth: Pelican, 1950); Walter Krickeberg, *Alt-mexicanische Kulturen* (Berlin: Safari Verlag, 1956); J.Eric Thompson, *The Rise and Fall of Maya Civilization* (Norman, Okla.: University of Oklahoma Press, 1954), pp.84-130; J.Alden Mason, *The Ancient Civilizations of Peru* (Harmondsworth: Pelican Books, 1957), pp.93-230; Hans Dietrich Diesselhoff, *Geschichte der Altamerikanischen Kulturen* (Munich: Verlag R.Oldenber, 1953), pp.76-201, 303-48.

ЧАСТЬ III

*Эпоха господства Запада
с 1500 г. до настоящего времени*

Общее введение

1500 г. вполне символизирует наступление современной эпохи как во всем мире, так и в истории Европы. Незадолго до этой даты технические новшества в мореходстве, введенные португальцами при принце Генрихе Мореплавателе (ум. 1460), сделали приемлемыми опасности Северной Атлантики с ее штормами и течениями. После укрощения этих опасных водных просторов для европейских моряков больше не было недоступных морей и не покрытых льдами берегов, которых бы они боялись. Один за другим отважные капитаны открывали до тех пор неизвестные моря, и в их числе Колумб (1492 г.), Васко да Гама (1498 г.) и Магеллан (1519–1522 гг.) были лишь самыми известными.

В результате Атлантическое побережье оказалось связанным с большинством других берегов земли. То, что раньше было самым краем Евразии, меньше чем за жизнь одного поколения стало центром мировых морских путей, оказывая и испытывая влияние каждого человеческого общества, живущего в пределах досягаемости моря. Тем самым тысячелетнее равновесие, установившееся на земле среди евразийских цивилизаций, было резко нарушено и в течение трех столетий совершенно изменено. Защитный океанский барьер между Америками и остальным миром был внезапно разрушен, а работорговля поместила большую часть Африки под сень цивилизации. Только Австралия да некоторые мелкие острова Тихого океана оставались на какое-то время в безопасности, но уже к концу XVIII в. они также стали испытывать на себе силу европейского искусства мореплавания и европейской цивилизации.

Западная Европа выиграла, разумеется, больше всех от таких чрезвычайных перемен в мировых отношениях как в материальном, так и в более широком смысле, поскольку она стала местом, не знающим равным по привлечению всевозможных новшеств. Это позволяло европейцам заимствовать понравившиеся им орудия у других народов и побуждало к переосмыслению, переделке и изобретению новых приспособлений на основе собственного возросшего культурного достояния. Наиболее показательными жертвами нового мирового равновесия стали американские цивилизации Мексики и Перу, так как их грубо низвели до относительно простого сельского уровня после того, как испанцы уничтожили или разложили их правящую элиту. В Старом Свете мусульмане утратили свое положение в центре ойку-

мены, когда караванные пути были вытеснены океанскими. Только на Дальнем Востоке влияние нового созвездия мировых отношений поначалу было незначительным. Китай не видел большой разницы в том, что торговля с другими странами, регулировавшаяся традиционными формами, перешла из рук мусульман в руки европейских торговцев. Как только европейская энергия экспансии стала угрожать их политической независимости, сначала Япония, а за ней и Китай изгнали нарушителей спокойствия и закрыли свои границы для новых посягательств. И все же к середине XIX в. даже такая сознательно выбранная изоляция не могла больше поддерживаться. Цивилизация Дальнего Востока – одновременно с первобытными культурами Центральной Африки – начала расшатываться под действием только что индустриализованного европейского (и внеевропейского) Запада.

Ключом к мировой истории с 1500 г. служит растущее политическое господство сначала Западной Европы, а затем разросшегося общества европейского типа от американского побережья Атлантики на западе до просторов Сибири на востоке. При этом вплоть до начала XVIII в. старые сухопутные границы азиатских цивилизаций сохраняли немалую часть своего бывшего значения. И Индия (с 1526 г.), и Китай (ок. 1644 г.) становились объектом завоевательских набегов через эти границы, а Османская империя не исчерпала свою экспансионистскую мощь почти до конца XVII в. Только в Центральной Америке и в западной части Южной Америки европейцам удалось создать в этот период обширные заморские империи. Таким образом, 1500-е – 1700-е гг. следует рассматривать как период перехода от старой сухопутной к новой океанской модели всемирных отношений, период, когда европейская предприимчивость изменила, но еще не опрокинула четырехстороннее равновесие Старого Света.

В следующий знаменательный период 1700–1850-х гг. произошло решительное изменение баланса в пользу Европы, не коснувшееся, однако, Дальнего Востока. К западному миру добавились две большие окраинные части: Россия благодаря петровским реформам и Северная Америка в результате колонизации. Менее масштабные отростки европейского общества укоренились одновременно в самой южной части Африки, в равнинных областях Южной Америки и в Австралии. Индию подчинили европейским законам, а мусульманский Средний Восток избежал этой участи только благодаря внутриевропейскому соперничеству. Варварский заповедник степей Евразии утратил остатки военного и культурного значения с активизацией процесса завоеваний и колонизации со стороны России и Китая.

После 1850 г. быстрое развитие промышленности на основе механической тяги в огромной степени расширило политическое и культурное пре-

восходство Запада. В начале этого периода дальневосточная цитадель не устояла перед орудиями западных кораблей, а несколько европейских держав расширили и упрочили колониальные империи в Азии и в Африке. Хотя европейские империи после 1945 г. распались, а лидерство национальных государств Европы скрылось за концентрацией народов и стран под эгидой американского и советского правительств, следует признать, что с конца Второй мировой войны стремление копировать и овладевать наукой, технологией и другими элементами западной культуры чрезвычайно усилилось во всем мире. Таким образом, свержение Западной Европы с трона, на котором она столь недолго правила миром, совпало (и было вызвано) с беспрецедентным быстрым «озападниванием» всех народов земли. Подъем Запада кажется сегодня все еще далеким от своего апогея; неочевидно также, пусть даже и в самом узком политическом смысле, что эра превосходства Запада миновала. Американская и российская окраины европейской цивилизации в военном отношении остаются гораздо сильнее остальных государств мира, тогда как мощь реорганизованной в федеральном духе Западной Европы потенциально выше, чем у названных двух держав, и остается меньше лишь по причине трудностей с увязкой общей политики государств, по-прежнему цепляющихся за атрибуты их приходящего в упадок суверенитета.

С высоты середины XX в. развитие западной цивилизации с 1500 г. представляется сильнейшим взрывом, значительно превосходящим по масштабности любое подобное явление прошлого как по географическим меркам, так и по социальной глубине. Современную историю Европы характеризовало непрерывное и ускоряющееся самопреобразование, возникающее из пены конфликтующих идей, институтов, устремлений и изобретений. С недавней институционализацией осмысленного нововведения в виде промышленных научно-исследовательских лабораторий, университетов, военных генеральных штабов и всевозможных комиссий по планированию растущие темпы технических и общественных изменений будут оставаться постоянной характерной чертой западной цивилизации.

Такая способность к переменам делает историю Европы и Запада последних веков увлекательной и сложной для исследования. Тот факт, что мы наследники, но также и пленники прошлого, оказавшиеся в самой гуще непредсказуемых и невероятно далеко идущих потоков, не облегчает задачу по сколь возможно хладнокровному, если не безошибочному, установлению знаковых вех для давно минувших эпох и отличных от нашей цивилизаций.

И все же нужно попытаться написать картину европейской и мировой

истории в современную эпоху такими же широкими мазками, которыми мы пользовались в этой книге до сих пор, чтобы не утратить художественные пропорции всего труда. К счастью, благородное войско историков уже промаршировало по этой дороге, а потому нетрудно будет поделить историю Запада на периоды и охарактеризовать их достаточно корректно. Более серьезное затруднение возникает в связи с тем, что требуемые периоды истории Запада не совпадают с периодами мировой истории. В этом нет ничего удивительного, так как Европе приходилось первой перестраиваться на новом уровне до того, как действие ее возросшей силы смогло в значительной мере сказаться в других частях света. Можно, таким образом, увидеть разрыв между последовательными самоизменениями европейского общества и их проявлениями на более широкой сцене всемирной истории.

Я соответственно расположил следующие главы по линиям, характерным для мировой истории. При этом в каждой главе для Европы делается поправка во времени, чтобы рассмотреть отдельные трансформации европейской жизни, предвосхитившие и в значительной степени вызвавшие новый этап развития мира. Так, в главе, посвященной 1500–1700 гг., будет рассматриваться развитие Европы только до 1650 г., когда она болезненно выбралась из своей средневековой формы. В главе, отведенной периоду 1700–1850 гг. в истории мира, будет рассмотрена и Европа, и неевропейский Запад времен Старого режима 1650–1789 гг. Заключительная глава, касающаяся процессов 1850–1950 гг., содержит анализ Запада с 1789-го по 1917 г. В заключении рассмотрены вопросы, которые считаются ключевыми в трансформации западного общества с 1917 г., а также сделано несколько предположений относительно возможных путей всемирной истории на будущее.

Компенсацией за неизбежное неудобство такой схемы должна, по замыслу, стать удачно подчеркнутая основная динамика современной истории.

ГЛАВА XI

**Вызов Дальнего Запада миру
в 1500–1700 гг.****А. ВЕЛИКИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
И ИХ МИРОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

К началу XVI в. европейцы с Атлантического побережья владели тремя секретами успеха, которые позволили им покорить все океаны мира за какие-то полвека и подчинить себе наиболее развитые районы Америки за жизнь одного поколения. Этими талисманами были глубоко укоренившаяся задиристость и безрассудство (1), реализуемые с помощью сложной военной технологии, особенно в морском деле (2), а также население, привычное к тем видам болезней, которых не знал Новый Свет (3).

О варварских корнях европейской агрессивности, уходящих в бронзовый век, о сохранении в средние века воинских навыков у купечества Западной Европы, а также среди городского и сельского дворянства уже говорилось в нашей книге. При этом, если вспомнить почти невероятную храбрость, отвагу и жестокость Кортеса и Писарро в Америке, поразмыслить о безжалостной агрессивности Алмейды и Альбукерка в Индийском океане, узнать о том пренебрежении, с которым даже такой образованный европеец, как отец Маттео Риччи, относился к воспитанности китайцев¹, становится ясна вся сила европейской воинственности в сравнении с поведением и склонностями других крупных цивилизаций земли. Только мусульмане и японцы могут выдержать сравнение по тому почету, который оказывали они воинской доблести. Однако мусульманские торговцы обычно уступали насилию, которое пребывало в большой чести у их правителей, и редко брали на себя смелость противостоять ему. Таким образом, мусульманским торговцам недоставало голой, хорошо организованной, широкой силы, ставшей основным товарным запасом европейских морских торговцев в XVI в. Японцы, конечно, могли бы скрестить мечи с любым европейцем; но ры-

¹ «Бегство у них [китайских солдат] не считается позором; они не знают, что такое оскорбление; если они ссорятся, то ругают друг друга, как женщины, хватают за волосы, а когда устанут от потасовки, то становятся добрыми друзьями, как прежде, будто и не было ран и кровопролития». Из письма 1584 г., цит. по: G.F.Hudson, *Europe and China* (London: Edward Arnold & Co., 1931), p.248.

царский стиль их военного искусства в сочетании с сильно ограниченным количеством железа означал, что ни самураи, ни морские пираты не могли бы достойно ответить бортовому залпу Европы.

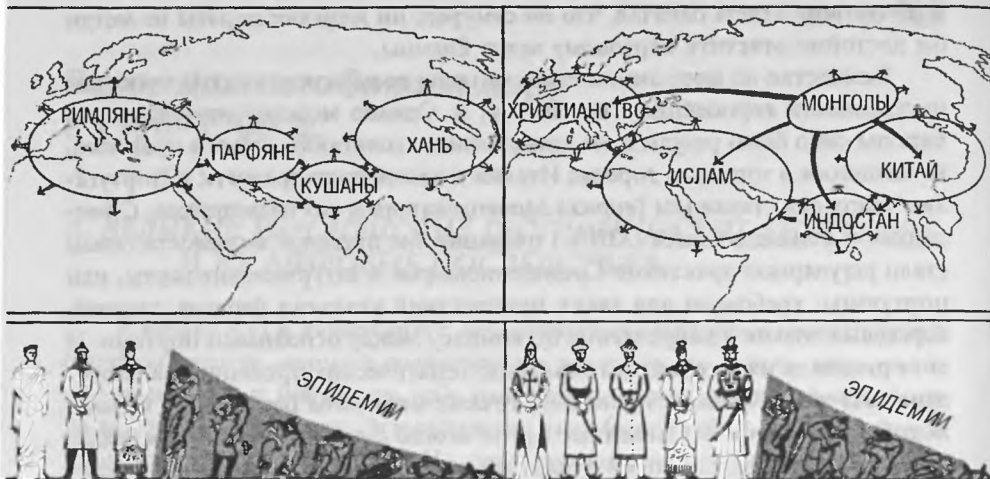
Господство на море значительно усилило возможности проявления воинственности европейцев с начала XVI в. Однако морское превосходство Европы само было результатом сознательного сочетания науки и практики, начавшегося в торговых городах Италии и достигшего зрелости в Португалии благодаря стараниям Генриха Мореплавателя и его наследников. С введением в обиход компаса (XIII в.) плавание вне пределов видимости земли стало регулярной практикой Средиземноморья, а штурманские карты, или портуланы, требовали для таких путешествий указания берегов, гаваней, береговых знаков и направления по компасу между основными портами. И хотя рисовали их от руки, без точных математических проекций, на портуланах все же соблюдались довольно точные масштабы расстояний. Однако подобным образом составленные карты можно было применять для плавания на большие расстояния в Атлантике, только если удалось бы найти способ точного определения ключевых точек вдоль побережья. Для решения этой задачи принц Генрих пригласил в Португалию некоторых лучших математиков и астрономов Европы, и те изготовили простые астрономические приборы и тригонометрические таблицы, с помощью которых капитаны могли измерять широту вновь открываемых мест вдоль Африканского побережья. Расчет долготы был более сложным, и пока в XVIII в. не изобрели удовлетворительный морской хронометр, долготу определяли приблизительно только навигационным счислением. Тем не менее новые способы оказались действенными, и правительство принца Генриха разрешило португальцам изготавливать практичные карты Атлантического побережья. Эти карты позволяли португальским мореходам смело плавать вне видимости берега неделями и месяцами и уверенно приводить свои суда в нужный пункт².

При португальском дворе собирали также систематические сведения об

² Наиболее выдающимся примером применения новых методов научного мореплавания служил маршрут, выбранный Васко да Гама для плавания в Индию в 1497 г. Он ушел далеко в глубь Атлантики (и наверняка приблизился к побережью Бразилии), прежде чем повернуть на восток на нужной широте и взять курс на мыс Доброй Надежды, открытый Бартоломеу Диашем всего одиннадцатью годами раньше. Маршрут этот проходил по штилевым тропическим районам кратчайшими из возможных путей вдали от берегов, где прибрежные течения или приливы и отливы могут поставить под угрозу корабль, борющиеся за ход в безветренную погоду. В этом маршруте использовались также западные ветры Южной Атлантики на восточном отрезке пути. Флот Васко да Гама находился вне видимости земли в течение 96 дней и покрыл 4500 миль (7200 км) от берега до берега (значительно больше, чем 2600 миль – 4200 км, – пройденные Колумбом за 36 дней вне видимости земли). Васко да Гама достиг берега Африки в 130 милях (210 км) от мыса, на который был взят курс, что было замечательным по точности достижением мореходства, если учесть трудности взятия пеленга на солнце с расквашивающе-

I. ПЕРВОЕ СМЫКАНИЕ ОЙКУМЕНИ:
100 Г. ДО Н.Э.—300 Г. Н.Э.

II. ВТОРОЕ СМЫКАНИЕ ОЙКУМЕНИ:
1200—1400 ГГ.

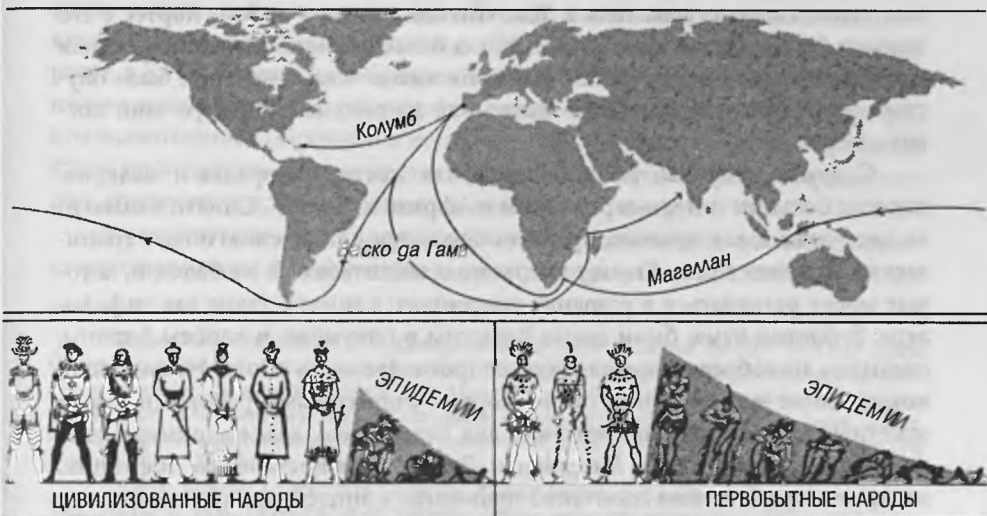
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

океанских ветрах и течениях, однако хранили их как высшую государственную тайну, поэтому современные исследователи не могут с уверенностью сказать, насколько много знали первые португальские мореходы. В то же время португальские морские мастера взялись за совершенствование конструкции судов. Работали они «на глаз», но систематические продуманные эксперименты быстро позволили повысить мореходность, маневренность и скорость португальских, а затем (поскольку усовершенствования в судовой архитектуре нельзя сохранить в тайне) и других европейских кораблей. К наиболее важным новшествам относятся уменьшение ширины корпуса относительно длины, установка нескольких мачт (как правило, трех или четырех), а также использование вместо одного паруса на мачте, как было изначально, нескольких небольших, но лучше поддающихся управлению парусов. Эти нововведения позволяли команде подбирать паруса соответственно условиям ветра и моря, что значительно облегчало управление судном и предохраняло его от беды при внезапно налетевшем шторме³.

гося корабля с помощью примитивных инструментов того времени. См. K.G. Jayne, *Vasco da Gama and His Successors, 1460–1580* (London: Methuen & Co., 1910), p.40; Boies Penrose, *Travel and Discovery in the Renaissance, 1420–1620* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1955), pp.50–51; Henry H. Hart, *Sea Road to the Indies* (New York: Macmillan Co., 1950), pp.128–29.

³ См. Charles Singer et al., *A History of Technology* (Oxford University Press, 1958), III, 471–91.

III. СМЫКАНИЕ ВСЕПЛАНЕТНОЙ ОЙКУМЭНЫ: 1500—1650 гг.

ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛЕЙ СООБЩЕНИЯ

Благодаря таким усовершенствованиям можно было строить большие корабли, а увеличение размера и прочность конструкции⁴ позволяло превратить суда дальнего плавания в артиллерийские платформы для тяжелых орудий. Таким образом, к 1509 г., когда португальцы вели решающие сражения за контроль над Аравийским морем из-за индийского порта Диу, их корабли могли дать мощный бортовой залп на дальность, чего не могли сделать корабли их мусульманских противников. При таких условиях численное превосходство вражеского флота лишь давало португальцам дополнительные цели для стрельбы. Старая тактика морского боя – таран и абордаж – оказалась почти бесполезной против орудийного огня, эффективного на расстоянии до 200 ярдов⁵.

Третье оружие в арсенале европейцев – болезни – было не менее эффективным, чем их агрессивность и сила металла. Эндемические европейские болезни типа оспы и кори были смертельны для американского населения, не имевшего врожденного или приобретенного иммунитета. Буквально

⁴ К XVI в. борта европейских судов делали из дуба, толщиной до 2 футов (60 см) и с двойной обшивкой с каждой стороны мощных шпангоутов.

⁵ К началу XVI в. кораблестроение в районе Индийского океана достигло очень высокого уровня совершенства и экономичности. Легкие суда из связанных растительными волокнами бревен оказались настолько хорошо приспособленными к регулярным ветрам и погоде юж-

миллионами умирали они от этих и других европейских болезней. Эпидемия оспы, свирепствовавшая в Теночтитлане, когда в 1520 г. Кортес с его людьми был выбит из цитадели, сыграла более весомую роль в поражении ацтеков, чем военные действия. Империя инков тоже, очевидно, была опустошена и ослаблена подобной эпидемией до того, как Писарро смог достичь Перу⁶.

С другой стороны, такие болезни, как желтая лихорадка и малярия, нанесли большие потери европейцам в Африке и Индии⁷. Однако климатические условия, как правило, препятствовали проникновению новых тропических болезней в саму Европу в серьезных масштабах. Те же болезни, которые могли развиваться в условиях умеренного климата, такие как тиф, холера, бубонная чума, были давно известны в ойкумене, и народы Европы, очевидно, приобрели определенную сопротивляемость к ним. Несомненно, новые, более частые контакты по морю с отдаленными районами имели заметные медицинские последствия для европейцев, как, например, чума, жертвами которой стали Лиссабон и Лондон. Но постепенно инфекции, которые в прежние века спонтанно приводили к эпидемиям, становились не более чем эндемическими по мере того, как у населения вырабатывался достаточный уровень сопротивляемости. До 1700 г. европейцы успешно отражали удары, наносимые им усилившимся в результате их же морских путешествий притоком болезней. Постепенно эпидемии перестали быть угрозой

ных морей, настолько маневренными, быстрыми и удобными для захода в маленькие гавани, что их до сих пор используют в рыболовстве и прибрежном плавании. В качестве же боевых они были беспомощны против португальских кораблей, строившихся для суровых условий Северной Атлантики. Коренные различия в постройке, а также трудности с получением большого количества металла, необходимого для европейской судовой архитектуры, не позволяли мусульманским кораблестроителям догнать европейцев, хотя, как представляется, определенные усилия по повторению их достижений предпринимались еще до того, как португальцы стали прочно контролировать Индийский океан. См. W.H.Moreland, «Ships of the Arabian Sea c. 1500», *Journal of the Royal Asiatic Society* (1939), pp.63-74, 173-92. Китайские джонки были гораздо крупнее и массивнее, чем мусульманские суда Индийского океана, и могли бы по-настоящему противостоять европейским кораблям в открытом море, если бы не нехватка металла и не глубокое безразличие, если не сказать враждебность, китайских и японских властей к морским вопросам. Но даже и в таких условиях пиратские флотилии в Южно-Китайском море долго соперничали с почти такими же, по сути, пиратскими, но посланными государством европейскими судами.

⁶ P.M.Ashburn, *The Ranks of Death: A Medical History of the Conquest of America* (New York: Coward McCann, 1947), pp.82-87.

⁷ Эти и другие тропические болезни Старого Света косили американское население, когда доставлялись через Атлантику на перевозивших рабов судах. Предполагается, что в результате такие районы, как бассейн Амазонки и долины Карибских островов, стали почти необитаемыми. Частичным возмездием американских индейцев европейским завоевателям стал сифилис; однако медицина не пришла к единому мнению относительно того, действительно ли сифилис был завезен из Америки. P.M.Ashburn, *The Ranks of Death*, pp.98-140, 175-90.

в демографическом смысле⁸. Как результат, с 1650 г. (или еще раньше) наметился ускоренный рост населения в Европе. Более того, насколько позволяют судить несовершенные данные, в 1550–1650 гг. население начало быстро расти в Китае, Индии и на Среднем Востоке⁹. Такое ускорение роста населения в каждой большой цивилизации Старого Света вряд ли может быть простым совпадением. Предположительно одинаковые экологические процессы стали происходить во всех частях населенного мира, когда нашествия старых эпидемий утасли до уровня эндемических болезней¹⁰.

Замечательное сочетание воинственности европейцев, их морских достижений и относительно высокого уровня сопротивляемости болезням из-

⁸ Roger Mols, *Introduction à la démographie des villes d'Europe du XIVe à XVIIIe siècle* (Louvain: Publications universitaires de Louvain, 1955), II, 452. Последняя большая эпидемия чумы свирепствовала в Западной Европе в 1663–1684 гг.; позже отдельные вспышки были в Восточной Европе, и наблюдалась местная эпидемия на юге Франции в 1724 г. См. Georg Sticker, *Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre*, Band I, Erster Teil: *Die Geschichte der Pest* (Giessen: Alfred Töpelmann, 1908), pp.171–236.

⁹ Автор работы: L.Carrington Goodrich, *A Short History of the Chinese People* (3d. ed., New York: Harper & Bros., 1959) pp.198–99 датирует начало прироста населения в Китае 1570 г. Автор работы: G.Findlay Shirras, «The Population Problem in India», *Economic Journal*, XLIII (1933), p.61 оценивает население Индии в 80 млн человек в 1650 г. и в 130 млн в 1750 г., а в работе: Fernand Braudel, *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II* (Paris: A.Colin, 1949), pp.353–57 отмечается быстрый рост населения, находившегося под османским правлением в XVI в. По мнению Омера Луфти Баркана, например, население Анатолии с 1528-го по 1580 г. увеличилось на 41%: Omer Lufti Barkan, «Essai sur les données statistiques des registres de recensement dans l'empire Ottoman aux XVe et XVIe siècles», *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, I (1958), 30.

¹⁰ Данные о численности населения в прошлые эпохи весьма неточны, хотя демографы согласны с тем, что существенный и доныне продолжающийся его рост начался примерно с середины XVII в. Это мнение может быть просто связано с началом своего рода статистики населения в те времена в некоторых европейских городах. См. Walter F.Willcox, «Population of the World and Its Modern Increase», in *Studies in American Demography* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1940), pp.22–52; United Nations Population Division, *The Past and Future Population of the World and Its Continents* (World Population Conference, paper No.243, 1954).

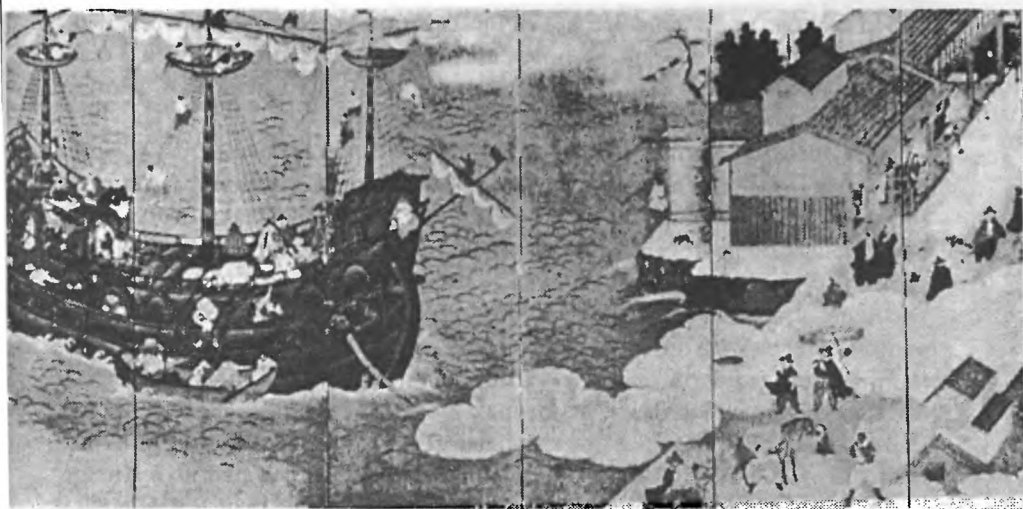
Как бы то ни было, если эти расчеты хоть в какой-то мере близки к истине, то рост населения начался задолго до того, как появились серьезные достижения в медицине. Поэтому новый рост населения едва ли можно приписывать научному контролю болезней. С завозем Старый Свет таких американских растений, как кукуруза, картофель и батат, в некоторых районах пищевые ресурсы существенно возросли. Снижение остроты политических конфликтов также, очевидно, сыграло свою роль в росте народонаселения. И все же ни одно из этих объяснений не может считаться достаточным, чтобы понять этот феномен всемирного масштаба. Нам неизвестны демографы, связывающие рост населения с увеличением иммунитета к болезням среди цивилизованных народов в результате более тесных контактов в мире. См. Raymond Pearl, *The Natural History of Population* (New York: Oxford University Press, 1939); A.M.Carr-Saunders, *World Population* (Oxford: Clarendon Press, 1936); Marcel R.Reinhard, *Histoire de la population mondiale de 1700 à 1948* (Paris: Editions Domat-Montchrestien, 1949). При этом тщательные исследования, приведенные в работе: Roger Mols, *Introduction à la démographie historique*, II, 426–59, не оставляют сомнения в том, что эпидемические болезни серьезно влияли на численность населения европейских стран до 1700 г.

менило культурный баланс мира в поразительно короткий отрезок времени. Колумб связал Америку с Европой в 1492 г., и испанцы бросились осваивать, завоевывать и колонизировать Новый Свет с необыкновенной энергией, невиданной жестокостью и высоким миссионерским идеализмом. Кортес уничтожил государство ацтеков в 1519–1521 гг.; Писарро подчинил себе империю инков в 1531–1535 гг. В последующие поколения менее знаменитые, но не менее отважные конкистадоры основали испанские поселения вдоль берегов Чили и Аргентины, проникли в горные районы Эквадора, Колумбии, Венесуэлы и Центральной Америки, разведали бассейн Амазонки и юг современных Соединенных Штатов. Уже в 1571 г. Испания совершила прыжок через Тихий океан до Филиппинских островов и столкнулась там с морской империей, которую ее соседи по Пиренейскому полуострову – португальцы – тем временем разбросали вокруг Африки и по южным морям Восточного полушария.

Экспансия Португалии в Индийском океане происходила еще быстрее. Ровно десять лет прошло от завершения Васко да Гама его первого плавания в Индию (1497–1499 гг.) до решающей морской победы португальцев при Диу (1509 г.). Португалия тотчас же развила этот успех, захватив Гоа (1510 г.) и Малакку (1511 г.), которые вместе с Ормузом в Персидском заливе (занятым в 1515 г.) служили ей необходимыми базами, откуда можно было контролировать торговлю во всем Индийском океане. Этими успехами Португалия не ограничилась. Ее корабли без промедления отправились за драгоценными пряностями в самое дальнее место их добычи – на Молуккские острова (1511–1512 гг.), а в 1513–1514 гг. португальский купец-путешественник на малайском судне посетил Кантон (Гуанчжоу). К 1557 г. в Макао на южном побережье Китая было основано постоянное португальское поселение. В 1540-е гг. развернулись торговля и миссионерская деятельность в Японии. На другом конце света португальцы в 1500 г. открыли Бразилию и начали обосновываться в этих краях после 1530 г. Береговые посты на западе и востоке Африки, размещенные там в 1471–1507 гг., дополнили цепь портов назначения, связывающих воедино португальскую империю.

Никакая другая европейская держава не могла сравниться с Испанией и Португалией по их первым успехам в заморских странах¹¹. Тем не менее оба пиренейских государства недолго безмятежно вкушали плоды своих завое-

¹¹ Экспедиции из Англии и Франции тщетно обследовали бесплодные и недружелюбные участки Североамериканского побережья в надежде отыскать северо-западный путь к богатствам Востока. Подобные попытки разведать северный путь привели к открытию в 1553 г. торговых отношений между Англией и Россией через Архангельск. Английские купцы могли с тех пор спускаться по Волге и далее по Каспийскому морю до самой Персии.

Музей изящных искусств (Museum of Fine Arts), Бостон.

ПОРТУГАЛЬЦЫ В ЯПОНИИ

На этой красивой, ярко расписанной ширме японский художник конца XVII в. отразил свои впечатления от прибытия португальского корабля. Корабль только что прибыл, матросы еще спускаются по снастям, а некоторые готовятся к высадке. На переднем плане встречающих японских саванников окутали плотные клубы дыма, произведенные, без сомнения, орудийным салютом. Длинный волнообразный язык дыма, вползающий на берег с европейской плавучей орудийной платформы, символизирует начальный этап европейского влияния на весь остальной мир в эпоху великих морских открытий.

ваний. С самого начала Испании трудно было защитить свои суда от французских и португальских корсаров. Новой страшной угрозой с 1568 г. после первого открытого столкновения между английскими контрабандистами и испанскими властями в Карибском море стали английские пираты. В 1516–1568 гг. другой великий морской народ того времени – голландцы – находился под властью правивших Испанией Габсбургов и пользовался соответственно привилегированным положением посредника между испанскими и североευропейскими портами. Поэтому первоначально голландский флот не посягал на морскую мощь пиренейских государств.

Равновесие на море резко изменилось во второй половине XVI в., когда восстание Голландии против Испании (1568 г.) и последующий разгром Англией испанской Непобедимой армады (1588 г.) ознаменовали отступление пиренейских морских держав перед надвигающимися на них северными морскими государствами. Нападения на голландские корабли в испанских портах лишь ускорили этот процесс, поскольку Голландия ответила тем, что направила свои суда прямо на Восток (1594 г.), а Англия последовала ее примеру. С этого момента голландская морская и торговая мощь стала быстро вытеснять португальскую¹² в южных морях. Размещение базы на Яве (1618 г.), захват Малакки у португальцев (1641 г.) и крупнейших торговых постов на Цейлоне (к 1644 г.) обеспечили голландцам господство в Индийском океане. В этот же период английские купцы закрепились в Западной Индии. Колонизация Англией (1607 г.), Францией (1608 г.) и Голландией (1613 г.) материковой части Северной Америки и захват этими же державами большинства малых Карибских островов подрывали претензии Испании на монополию в Новом Свете, хотя им и не удалось выдворить ее хоть из одного сколько-нибудь важного района, в котором она утвердилась.

Поистине чрезвычайный порыв первых завоеваний пиренейских государств и не менее замечательная миссионерская деятельность, начавшаяся следом за ними, без сомнения, ознаменовали начало новой эры в истории человеческого сообщества. При этом следует отметить, что не все более старые вехи этой истории сразу же исчезли из поля зрения. Движение из евразийских степей продолжало влиять на историю, как, например, завоевание узбеками междуречья Амударьи и Сырдарьи (1507–1512 гг.), а также его

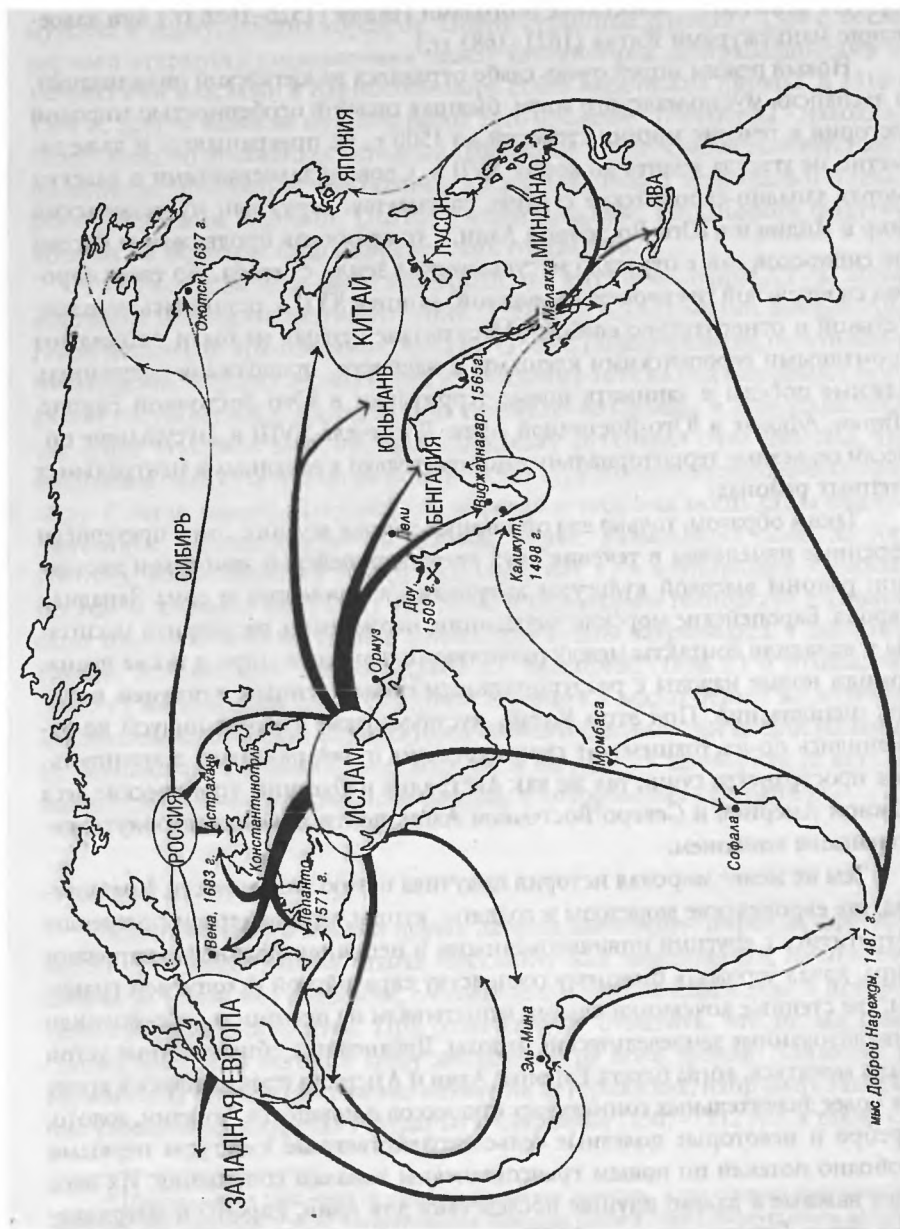
¹² Португалией в 1582–1640 гг. правили испанские монархи, и это ставило португальские владения под двойную угрозу: посягательства Испании были в глазах португальцев не менее враждебны, чем Голландии, Франции или Англии.

прямое следствие – завоевание Моголами Индии (1526–1688 гг.) или завоевание маньчжурами Китая (1621–1683 гг.)

Новый режим морей очень слабо отразился на китайской цивилизации, а экспансия мусульманского мира, бывшая главной особенностью мировой истории в течение многих столетий до 1500 г., не прекращалась и даже заметно не угасала вплоть до конца XVII в. Своими завоеваниями в далеких морях западно-европейские страны, разумеется, окружили мусульманский мир в Индии и в Юго-Восточной Азии, в то время как продвижение России по сибирской тайге отрезало мусульманские земли с севера. Но такая «проба» европейской (и европеизированной) мощи в XVII в. оставалась незначительной и относительно слабой. Мусульмане отнюдь не были раздавлены громадными европейскими клещами, а наоборот, продолжали одерживать важные победы и занимать новые территории в Юго-Восточной Европе, Индии, Африке и Юго-Восточной Азии. До начала XVIII в. мусульмане понесли серьезные территориальные потери только в западных и центральных степных районах.

Таким образом, только два обширных района земного шара претерпели коренные изменения в течение двух веков европейской заморской экспансии: районы высокой культуры американских индейцев и сама Западная Европа. Европейские морские экспедиции, несомненно, расширили масштабы и наладили контакты между различными народами мира, а также познакомили новые народы с разрушительным общественным влиянием высоких цивилизаций. При этом Китай, мусульманские страны, индусы не отклонились по-настоящему от своих прежних путей развития, а значительные пространства суши, так же как Австралия и Океания, тропические леса Южной Америки и Северо-Восточной Азии, почти не были затронуты европейским влиянием.

Тем не менее мировая история получила новую размерность. Край океана, где европейские мореходы и солдаты, купцы, миссионеры и поселенцы встретились с другими цивилизованными и нецивилизованными народами мира, начал угрожать бывшему господству евразийской сухопутной границы, где степные кочевники веками испытывали на прочность и беспокоили цивилизованные земледельческие народы. Древнейшие общественные устои стали меняться, когда берега Европы, Азии и Америки превратились в арену все более значительных социальных процессов и новшеств. Болезни, золото, серебро и некоторые полезные сельскохозяйственные культуры первыми свободно потекли по новым трансокеанским каналам сообщения. Их ввоз имел важные и далеко идущие последствия для Азии, Европы и американских стран. Однако до начала XVIII в. лишь отдельные заимствования более

ПУТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКСПАНСИИ В 1000—1700 ГГ.

непонятных методов и идей переносились по морским путям, соединявшим отныне четыре великие цивилизации Старого Света. В таких обменах Европа чаще получала, чем отдавала, поскольку ее народы были подвижны живой любознательностью, ненасытной алчностью и безрассудным духом авантюризма, резко отличаясь этим от самодовольного консерватизма китайских, мусульманских и индусских вождей.

Отчасти в силу побудительных факторов, принесенных в Европу из-за моря, но преимущественно по причине внутренних конфликтов, возникших на почве ее собственного разнородного культурного наследия, в 1500–1650 гг. Европа вступила в эпоху настоящих социальных взрывов, принесшую с собой болезненные процессы, которые тем не менее вознесли европейскую мощь на новый уровень действенности и впервые обеспечили европейцам явное превосходство над прочими великими цивилизациями мира.

Б. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЕВРОПЫ В 1500–1650 ГГ.

1. ПОЛИТИКА

Прежняя направленность европейской цивилизации, прослеживающаяся как минимум до классической Греции, отдавала предпочтение организации в виде государств в ущерб альтернативным типам объединений. Возможно, по этой причине сравнительно нетрудно понять политические аспекты преобразований европейской цивилизации в XVI–XVII вв., когда местничество городов и феодальных сословий, а также универсализм империи и папства рухнули перед промежуточным слоем средневековой политической иерархии – территориальным и в наиболее удачных случаях национальным государством.

Упрочение относительно крупных территориальных государств было достигнуто благодаря переносу в Северную и Западную Европу административных методов и нравственных норм, развившихся первоначально в небольших городах-государствах Италии в XIII–XV вв. Помимо их выдающейся роли в определении порядка налогообложения, судебного процесса и прочего итальянские города показали, что возможно объединить поместную аристократию и городскую буржуазию в действенное территориально-политическое сообщество, держащееся частично на чувстве патриотизма и частично на профессиональном чиновничестве. В Северной Европе город и деревня до XVI в. находились, как правило, в отчуждении друг от друга. Горожане,

дворяне и крестьяне относились друг к другу с недоверием и пренебрежением, а связующие их нити, исходившие от королевского или императорского правительства, были слишком тонки и непрочны, чтобы исправить положение. Однако к середине XVII в. территориальные правительства значительно усилили свою власть в большей части Европы, подорвав обособленность городов и обуздав привычку аристократии к насилию. Светские правители также в немалой степени забрали церковные дела в сферу своего управления и заставили даже крестьян почувствовать силу королевского закона, проводимого в жизнь профессиональным чиновничеством. Короче, государства Европы нового времени (автор употребляет термин «новое время» в обычном для западной и дореволюционной российской историографии смысле для обозначения эпохи XVI–XIX вв., причем «раннее новое время» относится к первым двум векам этого периода, которые в советской историографии называли «поздним средневековьем». Советская историография обозначала термином «новое время», или «новая история», период между Английской буржуазной революцией, начало которой датировалось 1640 г., и Октябрьской революцией в России (1917 г.). – *Прим. пер.*) слили в себе средневековые сословия и создали национальные государства на севере и западе и династические империи в центральной и восточной частях континента. По мере того как накладывались более упорядоченные политические рамки на средневековый лабиринт корпоративных и частных юрисдикций, соперничающие правительства Европы получали возможность еще сильнее концентрировать рабочую силу и средства как для военных, так и (в менее ярких формах) для мирных предприятий. Результатом стал значительный рост мощи Европы, особенно военной.

Появление ограниченного числа сравнительно четко очерченных суверенных образований в Европе означало как более, так и менее выраженное общественное и политическое разнообразие. Громадное множество чисто местных обычаев, законов и институтов, управлявших жизнью большинства европейцев в средние века, в каждом территориальном государстве развивалось в направлении общей нормы – в этом смысле разнообразие было невелико. Однако одновременное ослабление папского престола и империй приводило к более резкой дифференциации между регионами и между государствами. Разные государства по-разному регулировали равновесие между соперничающими классами и группами интересов. Каждый такой баланс, сохранявшийся национальными и территориальными институтами, способствовал выделению и разделению населявших Европу народов сильнее, чем это происходило в эпоху средневековья. Отказ от латыни как «лингва франка», языка международного общения, и использование местных диалектов

для все более разнообразных целей ускорило эту дифференциацию. Нет сомнения, однако, в том, что именно религиозное разнообразие, внесенное Реформацией и расширенное дальнейшими расхождениями в протестантской среде, больше всего повлияло на разделение населения Европейского континента на самостоятельные, соперничавшие части.

Начиная с XVI в. самые процветающие и богатые государства Европы располагались по побережью Атлантики. Первой великой державой современной Европы была Испания, где Фердинанд Арагонский (1479–1516 гг.) воспользовался своим браком с Изабеллой Кастильской, чтобы слить два королевства в одно новое мощное государство. Самым действенным средством, которое Фердинанд использовал для того, чтобы привести отдельные королевства и сословия его державы к повиновению, стала испанская инквизиция. Это была система церковных судов, предназначенная для искоренения ереси и наделенная с этой целью властью отменять местные иммунитеты и любые формы социальных привилегий. Поскольку неподчинение королевской воле могло указывать также на религиозную ересь, по-настоящему исполнительный инквизитор был обязан арестовать и допросить ослушников. Если их религиозные убеждения оказывались вне подозрений, то их, разумеется, отпускали, но перспектива провести несколько дней, недель, а то и лет в руках инквизиции действовала весьма устрашающе на внутренних противников Фердинанда.

Тесный союз с католической церковью был не единственным источником испанского политического величия. Нарращиванию силы Испании способствовали также американские сокровища и высокопрофессиональная армия. Однако и этой силы оказалось недостаточно, чтобы нести бремя династических амбиций и случайностей. Когда юный Карл Габсбург заявил о своих претензиях на испанский трон своего деда Фердинанда (1516 г.), он принес с собой земли Габсбургов в Германии, бургундское наследство на Нидерланды и вскоре добавил к этой палитре власти еще и претензии на положение императора «Священной Римской империи» (1519 г.). В силу этого государственная политика Испании оказалась нераздельно связанной со всеевропейскими династическими интересами Габсбургов и вобрала в себя блестящие, но умирающие имперские идеалы. Католического рвения, испанской крови и американского серебра было мало, чтобы нести такой груз. Даже после того, как Карл V отрекся от престола (1556 г.) и императорский титул перешел к его брату в Австрии, что дало возможность сыну Карла Филиппу II (ум. 1598) сосредоточить силы Испании на поддержке только одного из двух универсальных институтов средневекового прошлого – папства, испанцы все равно были не в состоянии справиться с Голландией (с 1568 г.) и Англией.

Тем не менее крестовый поход Испании увенчался реальными успехами в Италии, где оружие подкрепило католические реформы и помогло отточить лезвие Контрреформации¹³. Дело средневековой империи было, конечно же, абсолютно проиграно и к 1648 г. сведено до положения *Hausmacht* – «семейного дела» австрийской ветви Габсбургов. Однако папство и католицизм совершили поразительный взлет после периода религиозной пассивности и политической слабости начала XVI в. – в значительной степени благодаря испанской религиозности и политике Испании. Почти полностью искоренив протестантство в Южной и Восточной Европе, властный союз Испании, Габсбургов и папства наложил прочный отпечаток на религиозную и культурную карту континента.

В XVII в. главенствующие роли в Европе переместились на север – во Францию, Англию и Голландию. Во Франции Генрих IV (1589–1610 гг.) восстановил монархию после долгого периода гражданских и религиозных войн. Официально государство оставалось католическим, но национальные интересы Франции были старательно отделены от интересов папы или международного католицизма. Действенный королевский контроль над церковью во Франции, восходивший к XIV в., жестко и успешно поддерживался против ожившего папского престола в XVI–XVII вв.¹⁴ Так, Ришелье, первый министр французского короля и кардинал церкви, без колебаний выступил на стороне протестантов в Тридцатилетней войне, когда этого потребовали интересы Франции.

Во время царствования Людовика XIII (1610–1643 гг.) Ришелье использовал королевское войско для разрушения замков и покорения городов,

¹³ Господство Испании над Италией было достигнуто совсем не просто. Некоторые папы упорно сопротивлялись, даже с оружием в руках, но безрезультатно. Но даже и в период высшего влияния Испании папство никогда не превращалось в семейную часовню Габсбургов и всегда держало в своих руках такие бразды правления, которые были недоступны никому из обычных мирских правителей.

¹⁴ Разумеется, именно существование некоего подобия французской национальной церкви в рамках традиционного католицизма было одной из главных – возможно, именно главной – причиной окончательного провала протестантизма во Франции. По мере того как протестантское движение все больше отождествлялось с мятежными аристократами и упрямыми мещанами, готовыми с оружием в руках защищать свои права и привилегии от центрального правительства, не только сила королевской власти, но и национальные чувства французов и общее желание мира и порядка восставали против протестантов. Генрих IV, начавший свою политическую жизнь как протестант, почувствовал эти настроения и считал целесообразным перейти в католичество.

сопротивлявшихся централизованному управлению. После этого королевская власть впервые стала по-настоящему действенной во всех уголках Франции. Однако лишь после поражения длительного, многопланового восстания, известного как Фронда, французская форма абсолютной монархии окончательно вырисовалась в качестве выдающейся модели государственного управления для Европы нового времени в целом.

К тому времени власть во Франции стала широко опираться на профессиональное чиновничество, набираемое преимущественно из средних классов, и на регулярную армию. Эти привычные инструменты позволили французскому правительству осуществлять более жесткий контроль над более многочисленным и зажиточным населением, чем это могло делать какое-либо другое европейское правительство. Более того, административное объединение страны поддерживалось широко распространенным чувством гордости французов за то, что они принадлежат к самому сильному и цивилизованному королевству Европы. При этом приверженность масс режиму достигалась также точным равновесием между теоретически абсолютной властью короля и традиционными привилегиями дворян, интересами горожан и правами крестьян.

Король редко упразднял старые политические институты. Чаще всего он позволял им постепенно вырождаться в пустые вычурные церемонии, тогда как настоящие дела по управлению передавались в руки новых административных каналов, создаваемых специально для того, чтобы обходить неуправляемые местные обычаи и законы. Из-за такой осторожной политики часто складывалось впечатление административной путаницы, но пока королю Франции служили энергичные, способные чиновники, система показывала себя чрезвычайно эффективной, несмотря на вкрапления (а возможно, даже благодаря им) алогичных пережитков средневекового прошлого.

Голландия с ее федеральной формой правления, ставшей продолжением лиги самостоятельных средневековых городов, и не менее архаичный английский парламентский стиль правления находились не на главном направлении политического развития Европы. Тем не менее, несмотря на внешнюю архаичность, обе эти страны предоставили средним классам больше свободы, чем французская монархия. Конечно же, зажиточные горожане в Голландии стремились влиять на городское управление, а через него и на все государство. В Англии поместные аристократы всегда уравнивали и обычно перевешивали интересы городов, представленные в парламенте. Но представители городов и страны были достаточно близки к делам власти в английском обществе, чтобы превратить парламент в значащий фактор во всех внутренних делах. Победа в английской гражданской войне (1640–

1649 гг.)¹⁵ над зарождавшимся королевским абсолютизмом позволила парламенту добиться права на надзор за правительственными финансами, а контроль за казной дал парламенту возможность контролировать управление государством вообще. Таким образом, дворяне и купцы Англии стали играть более активную и прямую роль в вопросах большой политики, чем это могло быть при абсолютной монархии во Франции.

Оригинальным формам правления в Англии и Голландии отвечала в Центральной Европе федеральная лига городских и сельских швейцарских кантонов, также сочетавшая в себе внешнюю архаичность с необычной внутренней гибкостью. В Восточной Европе шляхетская республика в Польше отказалась от французских моделей правления и ослабляла королевскую власть с каждым выбором на трон. Волею судьбы восточный сосед Польши, Московия, двинулся в противоположном направлении от европейских норм, поскольку здесь самодержавие царей затмило собой права всех общественных классов, а при Иване Грозном (1533–1584 гг.) провело нечто похожее на социальную революцию сверху¹⁶.

Несмотря на эти и многие другие местные особенности, а также несмотря на все военные и дипломатические конфликты (воистину, в значительной мере благодаря им), система управления постепенно укреплялась почти во всех государствах Европы. Это значит, что сила европейской государственной системы в целом возрастала очень быстро по сравнению с остальным миром, где традиционные политические системы испытывали гораздо меньшее давление. С наибольшей очевидностью новая европейская государственная мощь проявлялась в военной сфере. Европейские армии обучались жесткой муштрой и крупными маневрами, причем и то, и другое было направлено на достижение максимальной огневой мощи в любой момент сражения. Аналогичные принципы, применяемые в морском военном деле, позволили флотам, действующим в качестве боевых единиц, еще боль-

¹⁵ Диктатура Кромвеля оказалась всего лишь эпизодом в английской истории, а главным ее результатом стало отращивание к военному правлению – и даже или, может быть, особенно к правлению «святых». В контексте дальнейшей истории Европы правление Кромвеля представляет, однако, особый интерес и значение, так как оно было одним из первых примеров появления на государственной сцене «однопартийной диктатуры», возникающей в результате социальной революции и мобилизующей прежде невиданную энергию для внешних войн. Более ранний пример режима гезов в голландских провинциях и более поздние Французская, а затем Российская революция предстают интересными параллелями, несмотря на большую разницу в революционных идеалах. См. Crane Brinton, *Anatomy of Revolution* (New York: W.W.Norton, 1932).

¹⁶ Россия не может быть полностью отнесена к реальным действующим лицам европейской цивилизации до эпохи Петра Великого. Заметки о развитии России в период с 1500 г. до вступления на престол Петра помещены ниже.

ше повысить и без того сокрушительную действенность стрельбы одиночных кораблей. При численном равенстве европейские армии и флоты стали гораздо более совершенными инструментами насилия, чем силы любого другого цивилизованного народа, исключая разве что Японию.

Такие преобразования в организации и управлении вооруженными силами были частью общего повышения эффективности государственного управления. По мере того как вооружения в Европе становились все совершеннее и дороже, монархам было легче монополизировать организованное насилие внутри своих государств, укрепляя тем самым внутреннюю власть. Но даже и укрепив свой дом изнутри, правители не давали себе большой передышки в своих усилиях по обновлению, ибо внешние противники, стремящиеся к власти теми же способами, постоянно вынуждали даже самые сильные государства разрабатывать все новые и новые военные технологии, от которых столь очевидно зависели их власть и безопасность.

2. ЭКОНОМИКА

Процессы экономического развития Европы шли рука об руку с процессами политического становления и дифференциации. С возникновением более крупных образований и по мере того, как государство дополняло или вытесняло цеховое и городское управление, предпринимательство получило больше свободы и возможность разворачиваться на более обширных территориях. Купцы, рудокопы и ремесленники часто могли расширять теперь географические масштабы своей деятельности, не опасаясь дискриминации со стороны местных властей в отношении пришлых или не путаясь в противоречащих друг другу системах права. Кроме того, понимание большинством европейских правительств торговых и финансовых интересов и прямые действия многих из них по созданию новых мануфактур и ремесел на своей территории, очевидно, способствовали ускорению экономического развития. Точнее, экономическая политика обычно диктовалась податными и военными целями, война же разрушала экономику. Тем не менее к XVII в. европейские государственные мужи твердо усвоили, что процветающая торговля и промышленность несут прямую выгоду государству. Усилия официальной власти по поощрению торговли и ремесел не всегда приводили к желаемым результатам, однако противоположную политику подавления торговли путем государственного вмешательства (как в Китае) в Европе проводить перестали.

Правительства стран в других частях цивилизованного мира не проявляли подобной заботы о процветании городского населения, возможно,

потому, что социальный разрыв между правящими кликами и торговцами и ремесленниками был слишком велик. Разрыв этот существовал не менее реально и в Европе, однако он не был настолько непреодолимым. У европейских горожан была за плечами традиция самоуправления и эффективно-го отстаивания своих прав против любых чужаков, и даже после слияния в более широкие рамки национальных или династических государств европейские горожане сохранили немалую часть своего прежнего политического влияния. В тех странах, где в XVII в. были достигнуты наибольшие политические успехи, средние классы обеспечили себе надежное место в правительственных механизмах и оказывали прямое влияние на большую политику. Купеческие сыновья поступали на королевскую службу и занимали высокие посты, а многие разорившиеся дворяне смиряли гордыню и брали в жены дочерей банкиров с хорошим приданым. Тем самым сокращался разрыв между купцами и аристократами, и несмотря на то что новая бюрократия наложила руку на многие свободы и права, когда-то гордо осуществлявшиеся горожанами и дворянами, оба эти класса нашли себе более или менее удовлетворительное место в преобразованном государстве.

Хотя правительства многих стран и пытались всерьез прибрать к рукам торговлю, в частности пряностями, европейская торговая экономика никогда по-настоящему не была разбита на отдельные ячейки соперничающих политических образований. В XVI–XVII вв. торговля между различными частями Европы активизировалась и была дополнена растущим объемом торговли с заокеанскими странами и территориями. Завозимые издалика товары по-прежнему были товарами, имевшими высокую удельную цену на единицу веса. Пересечение границы при перевозке из Северной Италии на склады Южной Германии не было непреодолимым препятствием для такой торговли, на долгое время ставшей главным направлением торговой деятельности в Европе. Как следствие, прибыли накапливались в Италии и Южной Германии, так что, когда процентное кредитование перестало, хотя бы отчасти, считаться занятием предосудительным и низким¹⁷, международные банковские фирмы, сыгравшие важную роль в развитии в Европе горнорудного дела и других видов хозяйственной деятельности, стали стремиться располагать свои конторы в городах, стоящих на этом пути, таких как Флоренция, Генуя, Венеция, Аугсбург и Ульм.

Такой порядок торговли и использования финансов дополнился, а к

¹⁷ Осуждение церковью ростовщичества удалось смягчить с помощью изощренной казуистики, поскольку такое осуждение твердо основывалось на порицании ростовщичества Ветхим Заветом, что было крайне трудно обойти. Только когда христианские принципы потеряли преобладающую силу в обществе, стало возможно заниматься профессией, открыто построенной на ростовщичестве.

XVII в. был оттеснен перемещением центра международной торговли в Нидерланды. Большинство товаров, перевозимых по морю: зерно, сельдь, треска, лес, металлы, шерсть, уголь и т.д. – составляло в северной торговле более значительную часть, чем специи и пряности, хотя эти и другие товары старой торговли тоже проходили через руки голландских и фламандских купцов.

Еще в средние века изрезанное побережье и судоходные реки Северо-Западной Европы обеспечили существенное развитие крупной торговли на дальние расстояния. В финансовом же смысле превосходство оставалось за торговлей предметами роскоши, сосредоточенной в Италии. Тем не менее в XVII в. массовая торговля более дешевыми товарами обогнала старый стиль торговли, и европейская товарная экономика тем самым достигла той степени прагматизма, который отличал ее от торговых моделей в других частях света. Это означало, что по сравнению с остальным миром гораздо большая часть населения активно вступила в рынок, покупая товары из дальних краев. Венцом такого расширенного участия в рыночных отношениях стало то, что изменения цен начали все шире сказываться на повседневной деятельности, побуждая европейцев расширять одни и сокращать другие традиционные занятия, а также осваивать совершенно новые виды. В европейскую экономику были тем самым внесены элементы сравнительно радикального рационализма. В силу того, что ресурсы перебрасывались с одного участка на другой в соответствии с требованиями рынка, стало возможным мобилизовать средства и усилия для особо привлекательных проектов – как, например, торговля с Индией – гораздо быстрее и в более обширных масштабах, чем было способно любое другое цивилизованное сообщество. Благодаря этому рост богатства и мощи Европы все более ускорялся.

В сельском хозяйстве тоже проявлялось влияние расширения и интенсификации торговой экономики. В наиболее активных центрах европейской жизни расчет цен и прибыли начал приводить к изменениям в севообороте и в методах обработки земли, а также в балансе между животноводством (овцеводством) и земледелием. Порой даже земля и аренда рассматривались как товар для купли-продажи. В результате, возможно, впервые за всю цивилизованную историю для абсолютного большинства населения жизнь перестала ограничиваться установленным с незапамятных времен кругом традиционных сельскохозяйственных работ. Взамен пришли взлеты и падения непредсказуемой рыночной экономики, когда кто-то мог разбогатеть, некоторые становились зажиточными людьми, а многие – нищими, но при этом и богатые, и нищие испытывали неизбежную неуверенность в завтрашнем дне.

Цена, особенно для бедных, была, разумеется, высока, но растущая сложная рыночная экономика Европы, опирающаяся на недорогую перевозку

по воде больших грузов, служила мощным рычагом для подъема европейской силы и богатства до уровня, превышающего все, что было достигнуто в любом другом месте. Технические достижения в горнорудном деле, в производстве товаров и в транспортировке, как правило, приносили финансовую отдачу, так что реальная надежда на прибыль уравнивала и часто побеждала традиционное сопротивление переменам. Тем временем поистине массовый рынок придал европейской товарной экономике энергию, гибкость и размах, равных которым не было больше нигде.

В итоге быстрый рост цен, сильно подкрепленный невиданным притоком золота и серебра из Америки, стал действовать как мощный растворитель на все традиционные экономические и общественные отношения. Когда цены удваивались, утраивались или даже учетверялись в течение одного столетия, рантье и наемные работники, а также правительства испытывали на себе серьезное сокращение реальных поступлений, в то время как всевозможные предприниматели увеличивали свои прибыли. Такая «революция цен» помогает лучше понять подъем средних классов к политическим высотам в Северо-Западной Европе, хотя противоположный ход событий в Испании показывает, что один только рост цен не мог привести к такому результату. Более того: революция цен вылилась в систематическое нарушение традиционных общественных отношений и внесла серьезную напряженность в традиционные ожидания почти всех слоев общества. Ощущение тревоги и чувство неуверенности, охватившее людей в эпоху, когда ничто не казалось надежным, сыграло большую роль в чрезвычайных по степени насилия религиозных и политических столкновениях XVI – начала XVII вв.

3. КУЛЬТУРА

Процессы Возрождения и Реформации разорвали имевшее коренное значение слияние древнегреческих и иудео-христианских элементов в культурном наследии Европы. Крайние представители каждой из этих культур, подчеркивая справедливость только своей точки зрения, отвергали деликатный компромисс между этим светом и тем, разумом и верой, чувственными наслаждениями и духовным совершенствованием, который отстаивали мыслители и художники позднего средневековья¹⁸. При этом отношения между двумя этими движениями были чрезвычайно сложны и зачастую парадоксальны. Протестантские реформаторы твердили о достижении радикального освящения всех человеческих стараний перед Богом, но фактически че-

¹⁸ См. Ernst Troeltsch, «Renaissance and Reformation», *Historische Zeitschrift*, CX (1913), 519-56.

рез каких-нибудь два поколения добились в некоторых частях Европы невиданного прежде усердия в деле обогащения. В то же время иезуиты, борясь за души для Христа и папы, обнаружили в языческом учении гуманистов один из самых эффективных способов воспитания.

Не исключено, что путем обобщения в таком смешении и борьбе противоречий можно видеть, что и религия, и сторонники светского общества обретали новую энергию от столкновений друг с другом. В мире, полном новых достижений разума и охваченном религиозными страстями, стало одинаково трудно как не проявлять усердие в вере (тем более отрицать ее), так и сохранять догматическую убежденность в способности христианского учения направлять людей во всем и всюду.

Если после 1648 г. страсти утихли, то достижения разума сохранились, но при этом расширилась и углубилась приверженность народов к той или иной устоявшейся форме христианской веры, поддерживаемая развитыми образовательными системами, находившимися под контролем духовенства. Новая атмосфера в общественном мнении, проявившаяся во второй половине XVII в. в наиболее активных центрах европейской культуры, позволила разуму и вере двигаться постепенно расходящимися путями. Претензии на открытие и предъявление абсолютной истины, утверждаемой при необходимости силой, утратили свое влияние на людские умы и перестали быть вопросом практического руководства государством. В таких условиях растущая самостоятельность отдельных интеллектуальных сфер стремилась лишить теологию привычного господства над искусством и наукой, хотя при этом не бросала вызов традиционным прерогативам религии.

Результат бурной борьбы в XVI – начале XVII вв. оказался прямо противоположным намерениям почти всех тех, кто в ней участвовал. Именно неспособность европейцев договориться об истинах религии как в пределах государств, так и за их границами открыла дорогу светскости и современной науке. В тех государствах, где религиозные устремления эпохи Реформации наиболее приблизились к успеху, т.е. там, где светские и церковные верхи объединили усилия, чтобы добиться почти совершенного религиозного послушания, последовал определенный интеллектуальный застой, компенсировавшийся иногда художественным блеском. Таким образом, политическое разнообразие Европы помешало горячему желанию чуть ли не всех интеллектуалов той эпохи¹⁹, сделав невозможным построение единственно авторитетной, окончательной и опирающейся на силу кодификации истины.

¹⁹ Рационалисты с математическим складом ума вроде Декарта с таким же, как и богословы, рвением доискивались абсолютной, неоспоримой истины. Но поскольку их было весьма мало, нам неизвестно, чтобы кто-либо из них предложил использовать силу государства для того, чтобы узаконить их истины.

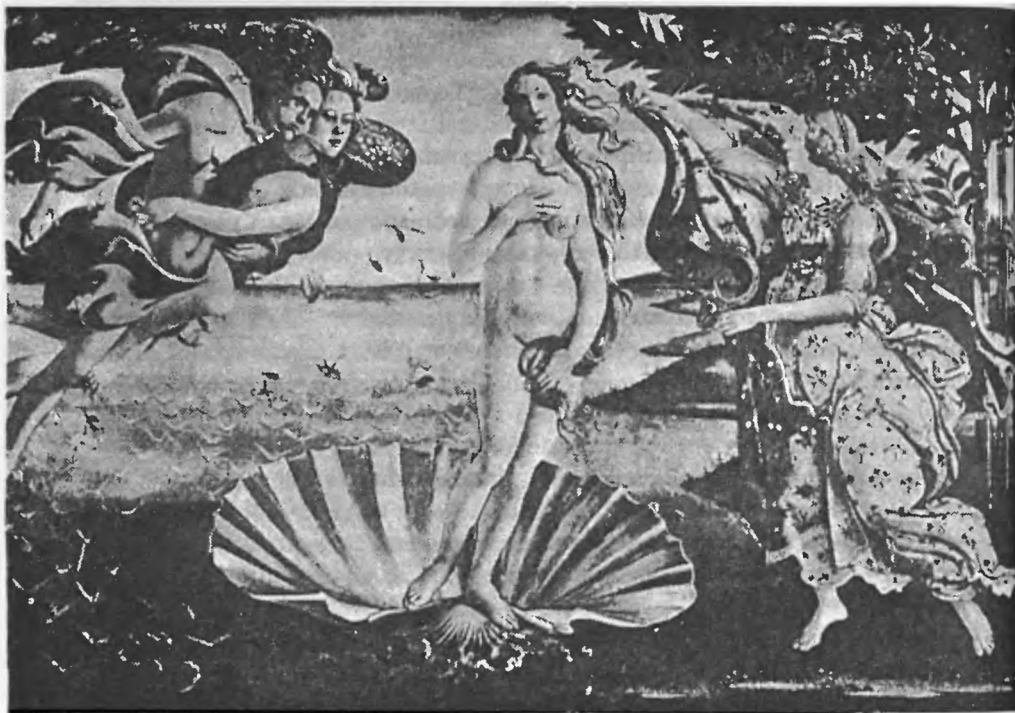
По иронии судьбы оказалось, однако, что неудача с установлением всеобщего согласия, которое могло бы управлять мировоззрением, стала великим достижением рассматриваемой эпохи. Европейцы унаследовали от страстной и исполненной мук борьбы XVI в. большее упорство в погоне за знаниями и спасением. Они унаследовали также ряд нерешенных проблем и новых вопросов, обеспечивших продолжение быстрого интеллектуального и художественного развития. Ни интеллектуальное дилетантство, к которому сползло итальянское Возрождение в XV в., ни вулканический догматизм Реформации XVI в. не смогли бы справиться с проблемами, поставленными каждым из них для другого. Коллизии и взаимодействие Возрождения и Реформации, увеличивая напряженность между несовместимыми нераздельными величинами в сердце европейской культуры – древнегреческим язычеством и иудео-христианским наследием, – умножали разнообразие и потенциальные возможности, поднимали интеллектуальную и духовную энергию Европы на новую высоту.

Богословские страсти периода Реформации легче понять, чем разделить. Когда дела людей более или менее отвечают общим ожиданиям, интеллектуальные гипотезы и новые учения могут привлекать внимание ограниченного круга профессионалов, но пройдут почти незамеченными для подавляющего большинства населения. Так было в XIV–XV вв., когда планы коренной церковной реформы нашли поддержку только у малого числа последователей, когда в итальянских интеллектуальных кругах свободно распространялись еретические мысли о природе Бога и человека, когда ученые-гуманисты все больше относились с презрением к схоластической теологии и философии. Все это резко изменилось в 1517 г., когда один монах в далеком немецком университетском городе вывесил на дверь замковой церкви Виттенберга девяносто пять тезисов, действуя в лучших традициях средневековых академических диспутов. Но вместо диспута вспыхнула вся Германия. Со скоростью взрыва проповедники и печатники распространяли все более радикальные взгляды Мартина Лютера, пока не только Германию, но и всю Северную Европу не охватил спор. Прошла жизнь целого поколения, прежде чем владыки католической церкви в Риме по-настоящему обратили внимание на вызов Реформации. Но когда римская церковь перестроилась, то самоотверженность ее представителей, и прежде всего иезуитов, сравнялась с религиозным рвением и превзошла строгую дисциплину протестантов. К 1648 г. после столетия поражений и побед установилось прочное деление континента на католические и протестантские государства: большая часть гер-

манской Европы стала протестантской, тогда как почти вся латинская Европа вместе со славянской, венгерской и ирландской окраинами средневекового христианства остались верны Риму.

Сложные богословские споры между протестантами и католиками, а также между различными протестантскими церквями вспыхнули вслед за крутой волной лютеранского движения. Такие тонкости вероучения, как точное определение сущности и случайности в таинстве причастия или доводы в пользу супра- или инфралапсарианизма (спор о том, было ли предопределено наказание грешникам еще до грехопадения. – *Прим. пер.*), казавшиеся когда-то жизненно важными, перестали привлекать к себе внимание. Самой же важной точкой разногласий между протестантами и католиками оставался вопрос о природе и истоках религиозной власти. Лютер, Кальвин и их последователи учили, что священнодействовать могут все верующие, распространяя тем самым на всех христиан религиозные обязанности и власть, которые средневековая теология оставляла за профессиональным сословием рукоположенного духовенства. Реформаторы утверждали, что церковная служба налагает определенные обязанности и ответственность, но не наделяет особыми правами по отпуску или лишению спасительной Божьей благодати. Благодать нисходит от самого Бога на тех, кто избран им для спасения от проклятия, которое они заслужили, а единственной подлинной силой в вопросах религии есть слово самого Бога, записанное в Библии. Задача духовенства состоит в том, чтобы излагать и объяснять Божье слово, прививать веру мирянам и ждать с надеждой чуда Божьей благодати.

Точности ради следует сказать, что когда лютеранская и кальвинистская церкви обрели свою форму, практические следствия этих учений перестали быть очевидными. Учения и обряды, выведенные лютеранскими и кальвинистскими священнослужителями из Библии, во многих деталях отличались от вероучения и литургии римской церкви. При этом все учения догматически толковали люди, не позволявшие себе сомневаться в богословских вопросах и подготовленные к насаждению своих взглядов силой, если это позволяли политические условия. Тем не менее, отрицая монополию профессионального духовенства на сверхъестественную силу, протестантские теологи оказались в трудном положении, когда другие пришли к иным выводам из Священного Писания. В результате ярко выраженной чертой протестантства с самого начала стали умножение сект и расколы. А когда некоторые головы отошли от борьбы за бесспорную религиозную истину, предпочитая изучать мир и его чудеса без каких бы то ни было богословских предположений, протестантское духовенство обрушилось со своих кафедр

Галерея Уффици (Uffizi Gallery), Флоренция.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕФОРМАЦИЯ

Представленные здесь картины ясно указывают на сложные связи и силы, объединявшие европейское Возрождение и Реформацию. Полотно Боттичелли «Рождение Венеры» колеблется между языческим и классическим духом. Портреты четырех евангелистов кисти Дюрера возвращают нас к библейским временам в не меньших раздумьях. Оба произведения разделяют реалистический идеал искусства и используют технику перспективы для создания объема, в котором фигуры обретают свободу обернуться, сделать движение в глубь полотна или навстречу зрителю. При этом «Венера» Боттичелли смущена наготой, как это ни странно для языческой богини любви. Евангелисты Дюрера серьезны, напряжены, исполнены внутренней работы мысли, обходясь, однако, без трансцендентного взора и твердости в вере, характерных для русских икон того времени (см. «Спас Нерукотворный», гл. X). В этих произведениях, таким образом, отразились безмерно плодотворные неопределенности европейской культуры XVI в.

Оригиналы хранятся в Баварском государственном музее (Bayerische Staatsgemäldesammlungen), Мюнхен.

на такое уклонение от вечных истин, но оказалось, по крайней мере логически, с точки зрения своего же собственного определения власти священника, не в силах воспрепятствовать этому.

В итоге непосредственное, личное и отдельное общение верующего с Богом, лежавшее в основе протестантского движения в его начале (1517–1525 гг.), было быстро заглушено созданием ортодоксальных протестантских церквей, оказавшихся столь же авторитарными, как и католическая иерархия, а в некоторых отношениях и более тоталитарными в требованиях к вере. При этом индивидуалистическая слабость осталась под толщей протестантских учреждений и открыто проявилась только тогда, когда протестантские меньшинства перестали слушать официальную религиозную власть, ссылаясь на ту же самую Библию, к которой взывали все протестанты. Сложность с достижением согласия на основе Библии способствовала расширению границ терпимости в протестантских государствах. В католических – границы терпимости были значительно уже по той причине, что высшая религиозная власть в лице папы и каноническое право оставляли куда меньше простора для толкований или сомнений²⁰, чем Священное Писание протестантам.

Независимо от того, ускорила Реформация воцарение разнообразия мысли и терпимости в протестантских государствах или нет, не вызывает сомнения, что, разделив Европу на противоборствующие лагеря, протестантство вывело на арену новый ряд религиозного разнообразия в рамках европейской цивилизации. Такое разнообразие ставило под сомнение непогрешимость любой отдельной религиозной или интеллектуальной системы, и такая ситуация будила мысль лучше, чем любая другая, способная возникнуть, пока устройство церкви оставалось незатронутым.

²⁰ Близость протестантства XVI–XVII вв. к либерализму и индивидуализму в том виде, в каком они получили развитие в XVIII–XIX вв., легко преувеличить. Немецкие протестантские государства оставались привязанными к строгой ортодоксальности во времена, когда Англия и Голландия дали место инакомыслию; и наоборот, Франция при всем ее государственном католицизме в XVII в. и позже была средоточием большого религиозного и интеллектуального разнообразия. Лишь там, где влияние Испании и иезуитов в ходе Контрреформации получило простор для действия – в Италии, Австрии, Польше, – католицизм стал таким жестким, как утверждает мой текст.

В общем, земли, где городские средние классы достигали большего веса в обществе, становились наиболее терпимыми с интеллектуальной и религиозной точек зрения. Возможно, развитие Голландии, Англии и Франции объясняется скорее именно этим обстоятельством, а не религиозной принадлежностью их правительств. Даже пример Италии, по-видимому, наилучший для иллюстрации удушающего действия Контрреформации на свободу мысли, также можно рассматривать как отражение упадка городского предпринимательства в Италии.

С другой стороны, Макс Вебер в своем знаменитом труде связывает политический и социальный подъем средних классов в Европе к северу от Альп с моральной дисциплиной кальвинистов.

В вопросах политики и протестантская, и католическая Реформация прямо способствовала продвижению светской власти за счет папства и империи. Протестантские правители конфисковывали церковные владения и зачастую переводили духовенство на положение наемных служащих государства. Даже в католических странах, где церковь сохранила за собой часть собственности, папство было вынуждено уступить очень широкие полномочия местным правителям в таких сферах, как назначение духовенства, налогообложение церковного имущества и судебная власть над священнослужителями. В результате стали формироваться совершенно различные национальные или государственные церкви даже в универсальных рамках католицизма. И хотя международные образования, подобные ордену иезуитов, стремились препятствовать раздроблению церкви по национальному признаку, даже иезуитам пришлось договариваться со светскими правителями, и, действуя обдуманно, они достигли некоторых блестящих успехов, завоевав доверие королей.

Протестантство также объединило немецких князей в борьбе против намерений Габсбургов подчинить Германию своей империи. Сугубо религиозные объединения влияли, но не управляли на самом деле союзами, успешно создававшимися в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), разрушившей имперские амбиции. Так, католическая Франция объединилась с еретиками и турками, когда этот шаг ей продиктовала общая вражда к Габсбургам. С другой стороны, отдельные князья в Германии не единожды становились на сторону Габсбургов в своих собственных интересах. К концу войны территориальные князья Германии стали по-настоящему суверенными благодаря выступлению Швеции, Франции и других иностранных государств против Габсбургов. Таким образом, окончательное крушение средневековой идеи имперского единства (и косвенным путем крах зарождавшегося немецкого национализма), а также в не меньшей степени развал Вселенской церкви можно приписать влиянию немецкой Реформации.

Громогласный шум Реформации и Контрреформации резко отличается от тонких песнопений сирен Возрождения. Хотя звуки сирен были тоже действенными. Их можно было слышать даже среди вулканических страстей и бунтов, вызванных религиозными раздорами, и они мучили многих тех, кого не могли одолеть. Красота, созданная воображением и искусством человека ради самой красоты, и истина, к которой стремился сбросивший оковы разум, не зависящий от какой-либо внешней власти, оказывали притягательное действие даже на тех, кто отчаянно цеплялись за религиозную и духовную определенность. Когда такие идеалы нашли ясное и бескомпро-

Христианское наследие

Эллинистическое наследие

Эллинистическое наследие

СРЕДНИЕ ВЕКА

Христианское наследие

ВОЗРОЖДЕНИЕ

КУЛЬТУРА ЕВРОПЫ

мисное выражение, как это произошло в Италии в XV в. и в Северной Европе в начале XVI в., дорога назад стала невозможной. Люди делали выбор между этими идеалами и громкими требованиями религии подчас болезненно, как это случилось с Эразмом (ум. 1536), Паскалем (ум. 1662) или Мильтоном (ум. 1674), подчас с приятным чувством освобождения, как это было с Лойолой (ум. 1556), Кальвином (ум. 1564) и Декартом (ум. 1650), а подчас без какой-либо видимой внутренней борьбы, как это видно на примере Шекспира (ум. 1616), Сервантеса (ум. 1616) и Френсиса Бэкона (ум. 1626).

Возможно, оттого, что так много основ старого европейского общества и цивилизации были поставлены под сомнение, эта эпоха оказалась чрезвычайно плодотворна в искусстве и литературе и дала жизнь точным естественным наукам. Ни одна последующая эпоха не была столь революционной, и никогда больше европейская культура столь отчетливо не поднималась на новый уровень.

Прогресс культуры разрывался между явно противоположными направлениями. Искусство и литература стремились к выделению в самобытные национальные школы, тогда как наука и ремесла сохраняли общеевропейс-

1000—1700 гг.

кий характер, хотя при этом и проявлялась растущая профессиональная независимость и самостоятельность мышления. Оба эти пути развития выводили ведущих европейских представителей культуры из-под власти какого бы то ни было всеобъемлющего философско-богословского мировоззрения, чем и объясняется бесчисленное множество противоречий в европейском культурном наследии и достижениях.

Народные языки Испании, Португалии, Франции, Англии и Германии нашли свое прочное литературное выражение в XVI–XVII вв. Сервантес и Лопе де Вега (ум. 1635) в Испании, Камоэнс (ум. 1580) в Португалии, Рабле (ум. 1553) и Монтень (ум. 1592) во Франции, Лютер (ум. 1546) в Германии, Шекспир, Мильтон и переводчики Библии короля Якова (1611 г.) придали своим языкам окончательную литературную форму. В Италии, где народный язык раньше обрел литературный вид, эти века в данном смысле сыграли лишь второстепенную роль. В Центральной же и Восточной Европе литературные диалекты увяли, когда Контрреформация придавила всем весом латинской, германской и итальянской литературы еще нежные и несмелые ростки, выпущенные различными местными славянскими языками.

В изобразительном искусстве языковой барьер не способен изолиро-

вать национальные школы друг от друга, и убедительный пример итальянских стилей в живописи и архитектуре был широко воспринят и за Альпами. Хотя и в этих краях художники Голландии, Германии создали собственные национальные школы, невзирая на то что такие основополагающие приемы, как математическая и воздушная перспектива, светотень и идея о том, что живопись должна так копировать природу, чтобы создавать иллюзию оптического опыта (а приемы эти и идеи зародились и достигли полного расцвета в XV–XVI вв.), придавали общую связность всем самостоятельным европейским школам живописи. Архитектура в Северной Европе была более консервативной, итальянское барокко, как правило, ограничивалось католическими странами, тогда как в протестантских – вариации старого готического стиля продержались вплоть до второй половины XVII в.

Развитие науки, техники и ремесел в Европе происходило не путем региональной или национальной дифференциации, а путем разделения на специальные дисциплины и области знаний. Тем не менее заимствования и взаимное влияние нарождающихся дисциплин были важны. Математика особенно стремилась занять среди наук главенствующее место, некогда принадлежавшее Аристотелевой логике. Таким образом появились на свет математическая география и картография, математическая физика, математическая астрономия и (после Декарта) математическая философия. Латынь продолжала оставаться общепринятым языком ученых, так что республика учености, сконцентрировавшаяся преимущественно в Италии, но имевшая крепкий второй центр в Голландии, легко преодолевала национальные и местные языковые барьеры.

Быстрый прогресс естественных наук в Европе объяснялся в значительной мере растущей привычкой проверять теории тщательными измерениями, наблюдениями, а при случае и экспериментом. Такой подход предполагал отказ от веры в авторитетность унаследованной учености, а некоторые проявления новых веяний, как, например, вскрытие человеческого тела и практические опыты в физике и оптике, также бросали вызов давним предубеждениям образованных людей против возможности испачкать свои руки чем-нибудь еще, кроме чернил²¹.

²¹ Точные наблюдения и изобретательные опыты внушали доверие простым, необразованным людям, да и некоторым образованным тоже. Однако при этом были и сильные умы, стойко сопротивлявшиеся выводам, основанным на способных ошибаться органах чувств, и утверждавшим, что таким выводам недостает логической определенности теорий, скрупулезно выведенных из самоочевидных первоначал. В случае конфликта было достаточно ясно, какому роду доводов будет отдано предпочтение. Итальянские астрономы, отказывавшиеся запятнать свой разум, если они поглядят в телескоп Галилея, были, следовательно, не иррациональны, а просто строго логичны.

В эпоху, когда экспериментальный метод достиг ранга догмы, следует подчеркнуть, что астрономы и физики приняли за активные наблюдения и более точные измерения только после того, как Коперник (ум. 1543) выдвинул альтернативу традиционным теориям Птолемея и Аристотеля для ученого мира, причем сделал это Коперник не на основе наблюдений и измерений, а опираясь на логическую простоту и эстетичную симметрию. Его гелиоцентрическая теория родилась, как представляется, отчасти из знания того, что некоторые из древних, в особенности Аристарх [Самосский], отстаивали такое объяснение небесного движения, а отчасти из-за моды на пифагорейский числовой мистицизм и «культ солнца», исповедовавшийся в итальянских интеллектуальных кругах в годы его учебы в Падуанском университете.

Интеллектуальные пристрастия Коперника были не просто его личной эксцентричностью, поскольку пифагорейско-платоническая традиция сказалась на многих (если не на большинстве) первопроходцах современной математической науки, по меньшей мере вплоть до эпохи Ньютона (ум. 1727). Разумеется, едва ли было бы преувеличением сказать, что дверь для точных измерений и наблюдений явлений природы была открыта в Европе XVII в. трениями между схоластической ортодоксальностью Аристотелевой физики и разнородностью ожившего пифагорейско-платонического математического мистицизма. При наличии на поле брани альтернативных гипотез точные измерения движений планет и подробные математические расчеты, основанные на таких наблюдениях, получили смысл как средства разрешения спора между соперничающими теориями. Более того, учитывая, что защитники идей Пифагора и Платона принялись разрушать устоявшееся здание научной доктрины, именно они и возглавили поход за новыми данными. Так, например, Иоганн Кеплер (ум. 1630) решился посвятить жизнь утомительным расчетам в надежде свести музыку сфер к математическим формулам. Благодаря необыкновенной удаче он нашел часть того, что искал, в простой элегантности своих законов движения планет, хотя и не ответил на главный свой вопрос: как различаются гармонические отношения параметров орбит планет.

Следует иметь в виду, что и измерения, и наблюдения вошли в жизнь вовсе не с черного хода. Прогресс таких прикладных наук, как горное дело, гидротехника, кораблестроение, печать, литье пушек, производство стекла и т.д., географические открытия, привлечение внимания Европы к новым растениям и животным, появление в Европе диковинных изделий чужестранных мастеров, например китайского фарфора или индийского хлопка, навели Френсиса Бэкона (ум. 1626), в частности, на мысль, что у природы еще

много тайн, которые наблюдательный ум может раскрыть и применить на практике, если только возьмет на себя довольно труда, чтобы наблюдать, записывать и сравнивать явления природы. Такой оптимистический эмпиризм нашел родственную почву в медицине, где простейшие анатомические и клинические наблюдения развенчали массу общепринятых идей о физиологии и лечении болезней и ран. При этом даже в медицине напыщенность слога Парацельса (ум. 1541), творившего главным образом под влиянием неоплатонического мистицизма и убежденной самозначимости («эготизма»), помогла расчистить дорогу для детальных трудов Везалия (ум. 1564) по анатомии человека и Уильяма Гарвея (ум. 1657) по физиологии. Оспаривая древний авторитет Галена, Парацельс дал жизнь альтернативной теории в своей науке, подобно Копернику в астрономии.

Вторым залогом успеха точных наук стало быстрое развитие приборов, расширивших природные возможности человеческого глаза и других органов чувств. Такие устройства, как телескоп (изобретен ок. 1608 г.), микроскоп (изобретен ок. 1590 г.), термометр (изобретен ок. 1592 г.), барометр (изобретен ок. 1643 г.) и маятниковые часы (изобретены ок. 1592 г.), придали новый масштаб и точность наблюдениям и измерениям физических явлений²². Изобретение новых знаков для математических записей оказало подобное же действие благодаря упрощению расчетов. Даже более крупные, значительно более обобщенные знаки часто подсказывали новые действия и новые взаимосвязи, которые были надежно скрыты за несовершенством старых выражений или за сложностью прежних методов расчета. Аналогичным образом использование гравюр и рисунков для иллюстрирования трактатов по ботанике, географии, медицине и прочим наукам позволило записывать и передавать личные свидетельства наблюдателя с точностью, недосягаемой с помощью одних только слов.

Обычай эмпирической проверки теории, использование (и изобретение) усовершенствованных приборов и математический склад ума, вышедший из пифагорейско-платонической традиции, соединились в личности Галилео Галилея (1564–1642), который больше других заслужил право считаться отцом современной европейской науки. Выведенные Галилеем законы движения Земли, поразительные открытия, сделанные им с помощью телескопа (пятна на Солнце, спутники Юпитера), изобретательные опыты и тщательные измерения в сочетании с его упорядоченными (порой ошибочными) теоретическими объяснениями того, что он открыл, вывели европейскую физическую науку на путь открытий, который до сих пор не исчер-

²² См. A. Wolf, *A History of Science, Technology, and Philosophy in the 16th and 17th Centuries* (New York: Macmillan Co., 1935), pp.71–120.

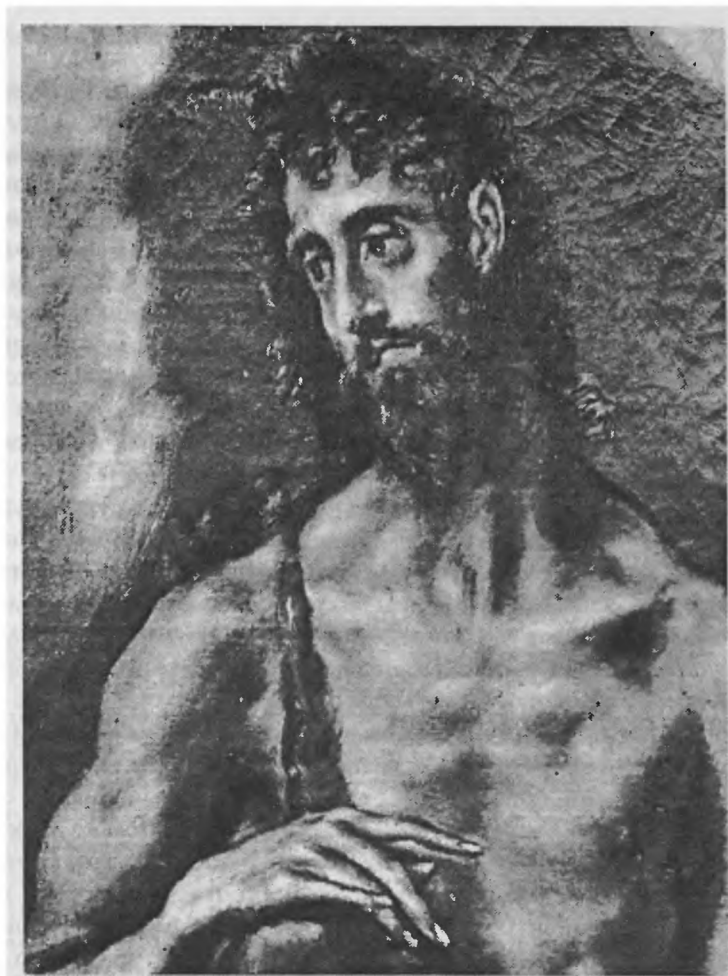
пан. Несмотря на осуждение его астрономических выводов папской инквизицией, европейский интеллектуальный мир постоянно преобразовывался под влиянием его трудов не меньше, чем под влиянием литературного искусства и полемического мастерства, с которым он высказывал свои мысли.

Ко временам Галилея средневековая иерархия наук, уложенная логикой и теологией в стройное мировоззрение, оказалась разрушенной неустанными исследованиями. Какие-либо новые авторитетные обобщения не возникали, хотя законы Ньютона вплотную подошли к этому в области астрономии и физики. В отличие от своих средневековых предшественников, ученые и изобретатели XVI–XVII вв. ограничивались усилиями, необходимыми, чтобы понять лишь маленькую частичку действительности за раз, оставляя в стороне крупные вопросы религии и философии. Быстрый рост объема данных, все больше получаемых наблюдениями и опытным путем, постоянно приводил к сомнению в правильности старых понятий и к появлению новых. Таким образом, в добром десятке отдельных наук установился самоподдерживающийся крут все более усложняющейся профессиональной деятельности. В таких обстоятельствах все усилия вместить научную теорию в те или иные авторитетные рамки были обречены на неудачу, даже если они пользовались поддержкой церковных властей, энергично ссылались на непогрешимость Священного Писания или опирались на строгую дисциплину картезианского сомнения и априорной дедукции.

Величие достижений европейской культуры в XVI–XVII вв., сила и размах религиозных, политических и общественных сдвигов этой эпохи пробуждают интерес и вызывают восхищение. Прежние отношения между людьми, старый образ мыслей и старые шаблоны чувств и набожности утратили привычную твердость, а значение личности соответственно возросло, как еще никогда в истории цивилизации. В каждом конкретном случае традиции лишились былой ортодоксальной точности в определении того, что следует думать, и в указании того, что надлежит делать. Вместо этого отдельные личности и группы получили возможность выбора. В результате стали проявляться необычайной широты человеческие возможности. Высоты и глубины человеческого духа нашли необычно разнообразное выражение, когда формируемые способности человека столкнулись с неопределенностью как с безвыходной ситуацией. Тут уже европейцы воспользовались всеми своими преимуществами: и богатым культурным наследием, и совершенной для своего времени техникой, и стимулирующим действием кон-

Музей Прадо (Museo del Prado), Мадрид.

Архив Мас (Archivio Mas), Барселона

НОВЫЕ ВЫСОТЫ И ГЛУБИНЫ

Деталь картины Иеронима Босха (ум. 1516) «Ад» слева и голова св. Иоанна Крестителя кисти Эль Греко (ум. 1614) справа показывают контрастные аспекты поисков европейцами определенности перед лицом невиданного общественного и культурного переворота, ознаменовавшего собой вступление в эпоху нового времени. Босх изображает пороки чувств с неким завроженным отвращением. Такая живопись ведет в подсознательные глубины человеческого духа — глубины, оказавшиеся необычно близкими к открытому выражению в период бурного перехода Европы от средневековой к новой форме. Картина Эль Греко, с другой стороны, воплощает слияние земного великолепия и стремления к внеземному, присущее католической Европе в XVII в. Эль Греко использует здесь мастерство художников итальянского Возрождения, чтобы выразить обновленное религиозное видение католической реформации. Он достигает задуманного эффекта, свободно уходя от идеала оптической точности, удлиняя лица, увеличивая их глаза и другими способами создавая образ, напоминающий критско-византийский художественный стиль, с которым он познакомился в юности. Такое смешение греческой манеры, итальянской техники и испанской религиозности служит великолепным образцом культурной открытости Западной Европы — открытости, в которой заключены и тайна, и мера ее усилившейся мощи в ранний период нового времени.

тактов по всему свету – для разрешения проблем быстрого распада общественных и культурных рамок их средневекового прошлого.

В Древнем Риме подъем христианства стал реакцией цивилизации на разрушение традиционного общества, аналогично тому, как произошла религиозная революция в Китае во времена династии Хань. В XVI в. индуистская Индия и Европа нашли в религии ответ на распад своего культурного мира: в Индии – в виде эмоционально ожившего и обретшего широкую популярность индуизма, в Европе – в виде Реформации и Контрреформации. Европа к тому же отреагировала на разрушение своего средневекового порядка созданием точных наук и светской литературы, искусства барокко и рационалистической философии, и в этом были заложены ростки силы для прыжка к светскому обществу, ставшему главной чертой последующей истории Европы.

Многообразие реакции на общественный и культурный кризис в Европе XVI–XVII вв. легче понять, если учесть изначальную двойственность европейского культурного наследия. Однако Европа не была единственной частью мира с подобной двойственностью. Китай тоже получил двойное культурное достояние после наводнения его буддистами, а взаимовлияние конфуцианства и буддизма, несомненно, стало существенным фактором роста для позднейшей китайской культуры. Мусульманский мир также с самого начала испытывал культурное раздвоение между эллинистическим и древневосточным наследием. Следует отметить, что взаимодействие между культурными течениями в Китае и на Среднем Востоке, ограничиваясь обычно узкими интеллектуальными кругами, оставалось сравнительно мягким, без страстей и резкости, крайностей и безрассудства, характерных для европейского процесса. Этот контраст объясняется общей устойчивостью китайского и средневосточного общества, всегда основывавшихся на полярном положении землевладельцев и крестьян при вкраплении подавленного населения городов.

Следует иметь в виду, что приведенные объяснения оставляют в стороне фактор личности и стимулирующую роль, которую отдельные люди способны играть в критических ситуациях. Реформацию без Лютера, иезуитов без Лойолы или современную науку без Галилея поистине трудно представить. Недостаток исторических трудов, подобных этому, заключается в том, что уникальный личный жизненный путь либо особо важный момент в мышлении той или иной личности могут быть легко перекрыты весом неточных обобщений.

Даже после того, как надлежащим образом рассмотрены все благоприятные обстоятельства и условия, всегда остается элемент непредсказуемости в делах человека. Элемент этот принимает особенно большие размеры в

ситуациях, подобных тем, с которыми столкнулись европейцы в XVI – начале XVII вв., когда человеческое величие, – как и порочность, – расцвели буйным цветом на благодатной почве духовной неопределенности. Интерес и изумление, возникающие при виде проявлений таких масштабов человеческих возможностей, опираются на подобающее признание личных и коллективных ограничений, в рамках которых должны жить все люди. Мы все и весь мир XX в. в особенности – творение и наследники гениальных личностей ранней эпохи современной Европы, поскольку именно они определили особые и отличные современные черты европейцев, в частности западных, а теперь – на весьма существенном уровне – и мировой цивилизации.

В. СТРАНЫ, ЛЕЖАЩИЕ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЕВРОПЫ: АМЕРИКА И РОССИЯ В 1500–1650 ГГ.

1. АМЕРИКА

Взаимодействие между европейской цивилизацией и цивилизацией американских индейцев в XVI–XVII вв. было на редкость односторонним. Испанцы нашли немного привлекательного для себя в коренных американских культурах и за исключением таких полезных местных растений, как кукуруза, табак и картофель²³, мало что переняли у покоренных ими народов. Что касается самих индейцев, то военное превосходство завоевателей было чрезвычайно преумножено упадком духа местных вождей, чьи вековые устои и правила оказались совсем непригодны для того, чтобы противостоять испанским идеям, испанским болезням и испанской мощи. Таким образом, высокая политическая и культурная организация империй ацтеков и инков исчезла почти внезапно, когда жрецы и воины, поддерживавшие эти структуры, утратили веру в свои традиционные общественные и культурные системы. Вместо того чтобы упорно держаться за привычные идеи и установки, индейцы оцепенело подчинялись словам миссионеров и приказам чиновников. Они оказались такими покорными, что христианство закрепилось в Мексике и Перу чуть меньше, чем за жизнь одного поколения.

Пионерами испанской Америки стали миссионеры, когда утихла золотая лихорадка конкистадоров. Поскольку иезуиты, доминиканцы и францисканцы охотились не за золотом, а за душами, им было легче проникать в сравнительно первобытные районы, такие как Парагвай или долина реки

²³ Даже эти культуры заняли в Европе значительное место только после 1650 г.

Ориноко, где они основали крупные миссионерские колонии. Впечатляющий характер европейской техники²⁴, а также католического ритуала и доктрины, самоотверженность (не лишенная порой своекорыстия) тысяч священников и монахов, поразительная податливость менталитета американских индейцев перед лицом почти полного развала их прежних общественных систем – все это способствовало успеху испанских миссионеров. К концу XVII в. очаги нетронутого язычества в пределах контроля испанцев были немногочисленны и сильно разбросаны по территории. В каждом крупном городе красовались большие церкви впечатляющей архитектуры, а индейцы хранили лишь остатки своих прежних религий, переодетых, иногда вполне сознательно, в христианские одежды²⁵.

Воцарение испанских порядков и светской культуры шло рука об руку с распространением христианства. Система законности и политических взаимоотношений на уровне, выше сельского, стала быстро строиться по испанскому образцу, а в наиболее доступных индейских деревнях новые экономические шаблоны, вводимые испанцами, быстро вытесняли традиционное натуральное хозяйство. Полупринудительный труд на испанских хозяев в рудниках и на ранчо требовал рабочей силы из деревень, так что к концу XVII в. самостоятельные деревни доколумбового типа оставались лишь в отдельных районах гор, пустыни или джунглей²⁶.

Правительство Испании и многие миссионеры на местах добросовестно пытались защитить права индейского населения. Испанские предприниматели были менее щепетильны и находили способы обеспечивать себе индейских работников для рудников и плантаций как с официальными разрешениями, так и обходясь без них. Непривычные и порой очень тяжелые условия труда приводили к гибели части индейских работников, однако непрерывные вспышки европейских болезней были гораздо более опустошительны. По иронии судьбы попытка восполнить нехватку рабочей силы за счет негритянских рабов из Африки только усугубила проблему появлением еще и африканских болезней. Результатом стало резкое вымирание населения. По некоторым оценкам, население Центральной Мексики, равнявшееся в 1519 г. 11 млн, сократилось до 2,5 млн к 1600 г., и вымирание

²⁴ См. Alfred Métaux, «The Revolution of the Ax», *Diogenes*, No.25 (Spring, 1959), pp.30-31, где содержатся интересные замечания о роли металлических орудий труда и оружия в успехе испанских миссионеров.

²⁵ Успешной деятельности христианских священников, возможно, способствовали обычаи доколумбовой эпохи, поскольку простые индейцы переносили на новых властителей сверхъестественное почитание, которое они когда-то испытывали к священнослужителям инков, ацтеков и других народов.

²⁶ Charles Gibson, «The Transformation of the Indian Community of New Spain, 1500-1810», *Cahiers d'histoire mondiale*, II (1954-55), 581-607.

продолжалось, так что в 1650 г. это население составляло около 1,5 млн²⁷. Приведенные цифры при всей их относительной точности красноречиво объясняют деморализацию коренного населения и легкость, с которой численно небольшое испанское меньшинство²⁸ навязало ему свои культурные и экономические порядки.

Ближе к окраинам испанской империи в Новом Свете распад индейского общества был не таким резким и глубоким. Так, в Чили арауканы противостояли испанской военной силе два десятка лет, прежде чем были разбиты; воинственные племена в северной части Мексики нередко беспокоили испанцев в течение всего XVII в. Еще более изолированные общины, например воинственные племена Северной Мексики, избежали глубокого нарушения своих традиционных устоев, даже когда оказались под сенью испанского господства.

Однако на великих равнинах Северной Америки, куда не добралась испанская сила, к быстрым общественным преобразованиям привело распространение коневодства. Племена, жившие на территории пастбищ или поблизости, стали охотиться на буйволов верхом, что позволило им значительно увеличить добычу по сравнению с пешими охотниками. Это было всего лишь начало коренных общественных изменений, так как племена, перебравшиеся в прерии и пересевшие на лошадей, должны были также пересмотреть и приспособить немалую часть общественных обычаев к полувойнному, полукочевому образу жизни²⁹.

²⁷ S.F.Cook and L.B.Stephens, «The Population of Central Mexico in the 16th Century», *Ibero-Americana*, XXXI (1948), 1-48. Более ранние оценки первоначального населения и его сокращения не настолько точны. См. Angel Rosenblat, *La Población Indígena de América desde 1492 hasta la Actualidad* (Buenos Aires: Institución Cultural Espacola, 1945), pp.57, 92, по Мексике, а также общую таблицу по всему Новому Свету, p.109.

²⁸ Согласно оценке Вудроу Бора, число испанцев (включая метисов) в Центральной Мексике на 1646 г. составляло всего 114 тыс., см.: Woodrow Borah, «New Spain's Century of Depression», *Ibero-Americana*, XXXV (1951), p.18. Бора указывает, что с уменьшением индейской общины число испанских метисов возрастало, причем они сравнительно не страдали от эпидемий, истреблявших индейское население. Такая ситуация означала, в свою очередь, возрастающую эксплуатацию индейцев, в то время как чиновники, духовенство, землевладельцы и шахтовладельцы испанского происхождения были по-прежнему ограждены от ручного труда по примеру первых испанских поселенцев. Для этого требовалось разрушать коренные сельские и городские общины, что и составляло политику испанского правительства в первые десятилетия правления. С другой стороны, латифундии, обрабатываемые должниками-пеонами, и рудники, где также применялся принудительный труд, стали преобладающими экономическими и общественными установлениями, в то время как даже представители высших классов в городах погружались в состояние благородной бедности. Поразительное сходство с трансформациями в позднем римском обществе может дать общий ответ на вопрос о вырождении наций, ставшим в обоих случаях результатом сокрушительного действия новых болезней.

²⁹ Ирония судьбы заключается в том, что популярное изображение жизни индейцев, распространенное в Соединенных Штатах, да и в большей части современного мира, по сути, –

Когда в XVII в. поселения французов, англичан и голландцев стали разрастаться на Атлантическом побережье Северной Америки, индейцы восточных лесистых районов ощутили на себе действие тех же болезней и подавленности, которые столь серьезно сказались на их собратьях в испанской Америке. Французы, как и испанцы, уделяли значительное внимание миссионерской деятельности среди индейцев Канады, в то время как голландцы и англичане предоставили это занятие эксцентричным одиночкам и по большей части относились к индейцам как к врагам или как к легковверным партнерам по торговле. В силу этого французы в целом поддерживали лучшие отношения с индейцами, чем их английские соперники, однако болезни от этого не становились менее опустошительными. Крепкие напитки усугубили разлагающее влияние военного поражения, экономической эксплуатации и болезней. Вследствие всего этого коренное общественное устройство индейцев было поражено гнетущей апатией, которую время от времени нарушали спонтанные и безуспешные восстания как на французской, так и на английской территории поселений.

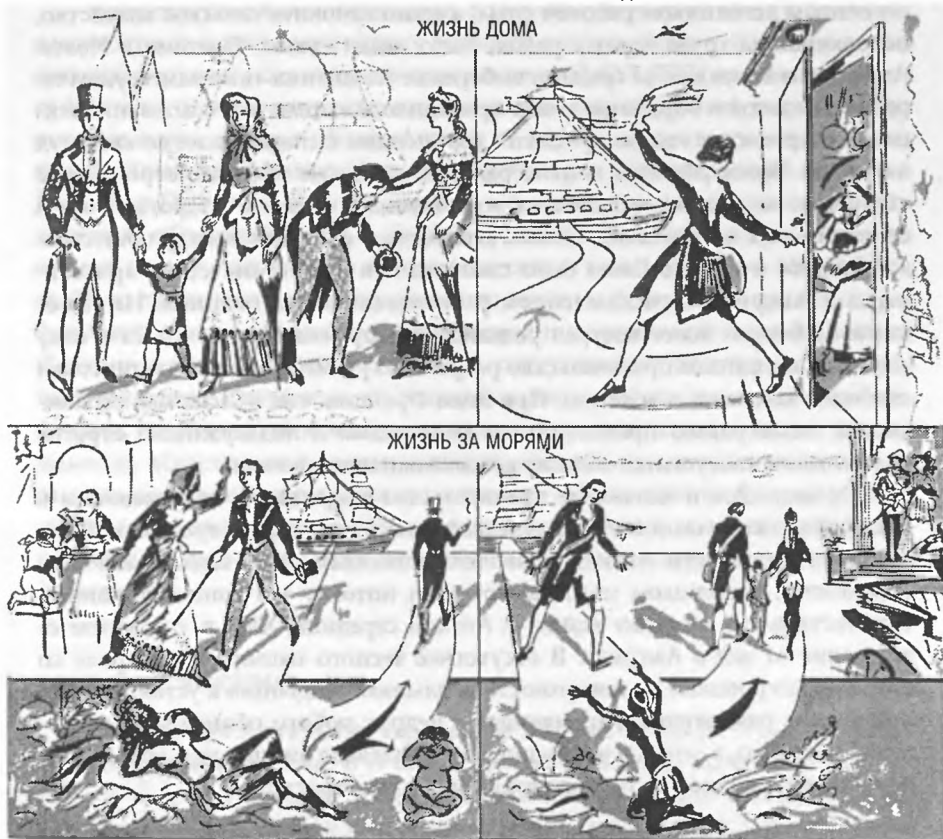
Смешанные в расовом отношении общества возникли на большей части территории испанской и португальской Америки и состояли из европейцев, индейцев и вкраплений африканцев. Довольно распространенная практика предоставления вольной смягчала тяготы рабства в этих районах, а католическая церковь поощряла браки белых иммигрантов с индейскими женщинами в качестве средства от половой распущенности. Однако в южных английских колониях и на большинстве островов Карибского моря наличие вывезенных из Африки рабов способствовало созданию более резко поляризованного двухрасового общества. Строгие расовые предрассудки и рабское положение почти всех чернокожих эффективно препятствовали смешанным бракам, даже если не было законодательного запрета. Такая дискриминация все же не мешала смешению кровей, но дети от родителей разной расы наследовали положение матери. Мулаты и индейские метисы были, таким образом, исключены из белого сообщества. На испанских (и, с некоторым отличием на португальских) территориях установился более тонкий и менее жесткий принцип расовой дискриминации. Немногие родившиеся в Европе притязали на самое высокое положение в обществе, за ними шли потомки европейских переселенцев, а ниже располагались различные расовые смеси, образующие общественную пирамиду, где многочисленные

кариатура на культуру равнинных индейцев, которые только адаптировались к своей новой жизни, когда явились ковбой с грузом западной цивилизации за спиной и произвели сокрушительный эффект.

Один из самых интересных моментов в распространении коневодства среди равнинных индейских племен – сходство с процессом развития конного кочевничества в Евразии.

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ЕВРОПА

СТРУКТУРЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ И СМЕШЕНИЕ РАС

расовые классификации означали, что ни один барьер не может стать таким же трудным и непреодолимым, как те, которыми темнокожие отделены от белых в английских, голландских и французских колониях³⁰.

В Аргентине и в северной части английских и французских колоний индейцы были слишком отсталы и слишком малочисленны, чтобы служить

³⁰ Совершенно различные отношения выходцев с Пиренейского полуострова и англичан к смешению рас может в какой-то мере объясняться разницей в правовом и религиозном наследии; однако более важным фактором была пропорция женщин среди белых. Учитывая, что обычаи в Испании и Португалии требовали строгого надзора за незамужними девушками, в колонии выезжало мало женщин. В Англии же, напротив, более свободные семейные и домашние обычаи позволяли незамужним женщинам отправляться за первыми пионерами в колонии в достаточном количестве, чтобы возникло правило, согласно которому белый муж-

серьезным источником рабочей силы, а плантационное сельское хозяйство, основанное на труде черных рабов, было невыгодным. Поэтому в Новой Англии и в колониях на среднем побережье Атлантики тяжелым трудом по расчистке лесов и обработке полей приходилось заниматься самим поселенцам, а в Аргентине тем же приезжим европейцам выпадал более легкий труд на ранчо. Таким образом, в этих районах возникли прочные европейские общества, во многом похожие на родственные общества Старого Света в своих основах и ценностях. Самым очевидным отличием между обществами Старого и Нового Света была слабость или отсутствие класса аристократов в Америке, за исключением рабовладельческих районов. Не менее важным была и более пестрая религиозная картина Нового Света в силу того, что английское правительство разрешило религиозным меньшинствам свободно выезжать в колонии. При этом Франция, как и Испания, ограничивала иммиграцию правоверными католиками и поддерживала строгое религиозное послушание в своих колоссальных владениях.

Французское и испанское правительства удерживали свои колонии в жесткой политической и экономической зависимости от метрополии. В отличие от них власти Англии позволяли колониальному самоуправлению развиваться в широком масштабе отчасти потому, что конституционные трудности и гражданские войны в Англии середины XVII в. отвлекали ее внимание от дел в Америке. В отсутствие тесного надзора и контроля со стороны метрополии на поверхность всплывала тенденция к установлению в обществе равноправия, дремлющая в недрах любого общества, где население невелико, а земли в изобилии, что придавало английским колониальным правительствам четкую демократическую окраску.

чина может вступить в достойный брак только с белой женщиной. Но поскольку белых супругов все же не хватало, требовались довольно строгие меры в виде общественного презрения вплоть до остракизма, чтобы отворотить мужчин, которым не достались белые женщины, от женитьбы на индианках или негритянках. Результатом стало возникновение четкой цветной границы и серьезных эмоционально окрашенных расовых предрассудков в вопросах отношений полов, характерных для юга Соединенных Штатов и других английских рабовладельческих колоний.

Хорошим примером служит история цветного барьера в Индии. Пока британские женщины не стали приезжать в Индию в значительных количествах, цветного барьера в Индии не существовало вовсе. Однако британские жены взялись за воспитание четкого «цветного» сознания и за установление социальной дискриминации в британском сообществе в Индии. Весь «смысл существования» тесного круга белых женщин, привезенных за большие деньги из Англии для праздной жизни в далекой и чужой стране, строился на сооружении такого барьера против принятия обществом коренных женщин в качестве жен.

Тот, кто наблюдал за американскими или британскими солдатами в заморских краях, вряд ли поверит, что англо-американская культура, законы или предрассудки способствуют расовой дискриминации в половых вопросах и могут существенно повлиять на поведение мужчин — в отсутствие белых женщин.

В перспективе более свободные, более незарегулированные и более демократичные модели английских колоний должны были создать (и позже создали) большие возможности для развития. В XVI–XVII вв., однако, забота Испании о своих американских владениях давала лучший результат. Суровые условия жизни в Новой Англии не идут ни в какое сравнение с роскошью Лимы или Мехико. Утонченным манерам при дворе вице-королей в Мексике и Перу, великолепию церквей в стиле барокко в мексиканских провинциях, образовательной и благотворительной деятельности испанских миссий ничего нельзя было противопоставить в лесной глуши Массачусетса. Но за такие достижения нужно было платить. В короткий срок демографический и экономический упадок подорвали величие колониальной жизни Испании, а экономическому подъему последующих веков не удалось выправить ситуацию. Скованной, стесненной и связанной священниками, чиновниками, законниками и землевладельцами, постоянно удерживаемой вожжами из Мадрида латиноамериканской общине пришлось нелегко, когда самозванные покровители испано-индейско-негритянской общины Америки перессорились друг с другом, а подчиненные классы перестали принимать опеку над собой с безропотной покорностью предшественников двух столетий³¹.

2. РОССИЯ

Экспедиции и открытия европейцев в XVI–XVII вв. не ограничивались только далекими морями. В те самые десятилетия, когда испанцы исследуют Новый Свет за туманной Атлантикой, итальянцы, немцы, голландцы и англичане начинают подобное предприятие по открытию для Западной Европы России. Хотя русские православные княжества, разумеется, соседствовали с латинским христианским миром с XIII в., а ганзейские купцы обосновались крупными поселениями в Новгороде и в некоторых других русских городах с XIV–XV вв., масштабы таких контактов были ограничены, а случаи проникновения в глубь российской территории были редки. Когда же

³¹ Кроме отдельно указанных работ, нами были изучены следующие книги по истории Латинской Америки: С.Н. Haring, *Trade and Navigation between Spain and the Indies in the Time of the Hapsburgs* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1918); С.Н. Haring, *The Spanish Empire in America* (New York: Oxford University Press, 1947); Julian H. Steward and Louis Faron, *Native Peoples of South America* (New York: McGraw-Hill, 1959); William Lytle Schurz, *This New World: The Civilization of Latin America* (New York: E.P. Dutton, 1954); Philip Ainsworth Means, *Fall of the Inca Empire and the Spanish Rule in Peru, 1530–1780* (New York: Scribner's Sons, 1932); Herbert Ingram Priestly, *The Coming of the White Man* (New York: Macmillan Co., 1929); John Collier, *The Indians of the Americas* (New York: W.W. Norton, 1947); H.A. Wyndham, *The Atlantic and Slavery* (London: Oxford University Press, 1935).

Москва стала политическим центром обширного государства, русские меха и древесина начали привлекать азартных торговцев с Запада как раз в тот момент, когда минеральные богатства Нового Света ускорили освоение заокеанских территорий испанцами.

Естественно, Россия не была такой же отсталой по сравнению с Западной Европой, как американские индейцы. Коренные российские устои и культура легко пережили захват Москвы поляками в 1610 г., в то время как цивилизации ацтеков и инков были безвозвратно разрушены под натиском испанских конкистадоров. Но несмотря на эту разницу, Россия, как и Америка, с XVI в. тоже стала окраиной Западной Европы. И не только в географическом смысле, но и потому, что решающе важным для нее стал вопрос о том, как выстоять перед натиском европейцев и их цивилизации.

Московские правители поначалу гостеприимно принимали западных купцов и авантюристов, ценя мастерство и технические знания, которые те несли с собой. При этом с самого же начала существовала и загадка русского ума и души, которые с силой отвергали иностранное влияние во имя православия и самодержавия. По мере того как превосходство западных наций над русской цивилизацией становилось все очевиднее, отношение России к ним принимало все более болезненный двойственный характер. Противоречивое отношение часто раздирало душу отдельных людей, так что каждое обращение к Западу выглядело лишь временным, а отказ от западного влияния всякий раз считался окончательным. В XVI в., когда контакты с Западной Европой были все еще слабыми, и до того, как западная угроза православной культуре и обществу стала явной, русские в целом были вполне готовы к тому, чтобы усваивать те чужеземные приемы мастерства и знания, которые казались выше их собственных. Однако в первой половине XVII в., после того как нападение Польши наглядно указало на опасность, идущую с Запада, возникло противодействие и главным стало стремление укрыться за самобытным русским прошлым.

Глубокая ирония судьбы, связанная с военными потребностями, ослабляла все усилия России, направленные на освоение западного мастерства. Русское правительство никогда не могло совершенно спокойно пренебрегать угрозой, исходящей от любого изменения западной военной технологии. К тому же усилия по переносу всего арсенала западных вооружений на русскую почву требовали быстрых преобразований в существующих общественных отношениях и в практической жизни. Это, в свою очередь, побуждало, если не требовало, прибегать в массовом порядке к насильственным мерам как к простейшему способу заставить народ делать то, что верхи считают необходимым. При том, что технический разрыв между русским и западным обществом сужался, массовое применение силы для того, чтобы

принудить население выполнять то, что правители находили нужным, в то же время расширяло пропасть между общественным устройством России и западных держав. Таким образом, срочные усилия России по копированию западных технологий сделали невозможным полный перенос достижений западной культуры. Более того, массовое применение правительством мер насильственного принуждения для достижения целей, которые в большинстве своем были непонятны русскому крестьянству, вызвали сильное стихийное сопротивление большинства русского народа, который, будучи вынужденным подчиняться, никогда полностью не мог смириться с тяжелой неволей, в которую его ввергало государство.

Такого рода дилеммы начали возникать в период правления Ивана III (1462–1505 гг.), установившего дипломатические отношения с некоторыми западными государствами и приглашавшего иностранных мастеров и зодчих (в основном из Венеции) для строительства в Москве каменных дворцов и церквей. Иван IV Грозный (1533–1584 гг.) оказал гостеприимство английским купцам, прибывшим через Архангельск, и предоставил им специальные торговые привилегии. Даже в XVII в., когда неприятие Запада достигло наивысшей точки, первый царь из династии Романовых Михаил Федорович (1613–1645 гг.) пригласил голландца для налаживания оружейного дела в Туле, с тем чтобы обеспечить надежную поставку оружия своему войску.

Несмотря на то что превосходство Запада в технике никого не оставляло равнодушным, следует иметь в виду, что мастера и промышленники, которых Россия приглашала или допускала на свою территорию, должны были служить только ее интересам. Эффективность контроля, под которым находились иноземцы, определялась силой двух центральных институтов русского общества – православной церкви и московского самодержавия. При этом перед лицом растущего вызова Запада показывать такую силу было нелегко. Поэтому и русской церкви, и русскому государству нужно было принимать радикальные меры по урегулированию давления Запада, и в ходе этого процесса ему не удалось избежать серьезных внутренних волнений.

Русскую церковь в конце XV – в начале XVI вв. раздирали сильные противоречия. Страстные защитники каждой капли существующих форм русского православного обряда и веры вели жесткие схватки с теми, кто желал коренных преобразований. Реформаторы сначала действовали в одиночку и более или менее тайно, за что противники клеймили их словом «жидовствующие», скорее звучавшим как поношение, нежели отвечавшим смыслу их действий. Не успели предать их идеи анафеме, как вспыхнул новый спор о

том, имеют ли право церкви и монастыри владеть землями³². По этому вопросу московские законники заняли двусмысленную позицию, поскольку они колебались между соблазном конфисковать обширные владения церкви, как это предлагали радикалы, и торжественным прославлением пышной власти, бывшим главным козырем консервативного лагеря. Спор привел к выражению диаметрально противоположных взглядов на само назначение церкви. Критики православной верхушки хотели, чтобы духовенство подражало Христу и апостолам и жило в смирении и бедности вместе с народом, тогда как их противники желали, чтобы церковью руководили набожные и грамотные священники, которые бы дисциплинировали и воспитывали рядовое духовенство и вывели бы церковь в первые ряды защитников от чужеземной ереси и греха. В конце концов Василий III (1505–1533 гг.) встал на сторону консерваторов и потребовал от войска и чиновников подавления критиков, радикалов и реформаторов.

Но и такая политика наткнулась на подводные камни. Русские богослужебные книги и обряды значительно отличались друг от друга в силу того, что за прошедшие века переводчиками и переписчиками в них было сделано немало ошибок. Казалось бы, что необходимо было привести все к единому виду, однако подлинные нормы нельзя было определить без критического изучения написанного, на что русское духовенство тогда не было способно. Требовалось, следовательно, обратиться к иностранным ученым. Но такая мысль противоречила глубокому убеждению, вынашиваемому со времени падения Константинополя (1453 г.), что только Россия сохранила православную веру в ее цельной чистоте. Таким образом, когда одна церковная партия пригласила из Италии ученого мужа по имени Максим Грек в Россию, дабы привести русские церковные книги в соответствие с греческими оригиналами, разыгралась новая буря, и несчастный ученый окончил свои дни (1556 г.) заточенным в одном из отдаленных монастырей.

Проблема обострилась после 1568 г., когда в Речи Посполитой (Польско-Литовском государстве) активизировались иезуиты, вооруженные научным багажом Контрреформации. Они быстро добились успеха в борьбе с польскими протестантами, а затем обратили свое внимание на многочисленных православных. Степень учености и благочестия православной верхушки Украины (большая часть которой была тогда в составе Польско-Литовского государства) была весьма низкой. Ввиду этого православное духовенство

³² Ср. современную политику протестантской церкви в вопросах конфискации большей части церковных владений и кризис, вызванный «духовными» францисканцами двумя столетиями ранее. Что касается связей между русскими реформаторами и немецкими протестантами, то если таковые и существовали, сведения о них отсутствуют.

было практически неспособно действенно противостоять иезуитам, опиравшимся на силу королевской власти и дворянства. В результате в 1595 г. большинство православных епископов Украины и Литвы согласились на унию с Римом при условии, что им разрешат сохранить старославянский обряд. Так возникла «униатская» церковь. Это вызвало глубокий страх и враждебность в русском православном духовенстве, видевшем в униатстве компромисс с папством и повторение отступничества (Флорентийская уния 1439 г.), приведшего к падению Константинополя.

Тем не менее доводы и ученость римских католиков опровергать было трудно, особенно если в официальных русских церковных книгах находили очевидные ошибки. Однако у православия было одно сильное средство, которое могло выдержать наступление латинян: большая древность греческого христианства. Нужно было возобновить усилия по реорганизации русских церковных обрядов и по приведению богослужебных книг в соответствие с греческими образцами, и в 1653 г. патриарх Никон³³ официально приступил к реформе. Чтобы опровергнуть нападки иезуитов, Никону нужно было «обобратить египтян», пользуясь методами разбора текстов, в которых большими мастерами слыли римские католики. Хуже всего, по мнению его православных противников, было то, что люди, способные воспользоваться такими методами, все учились в Киеве или где-нибудь еще, в среде, испорченной тесными связями с западными еретиками.

В результате русское православие на долгое время раскололось, поскольку властолюбивый Никон и такие же неподатливые и фанатичные по духу его противники³⁴ не терпели компромиссов. Даже после того, как Никон поссорился с царем и был лишен своего сана, его политику продолжили церковь и государство. Бегство и ссылки старообрядцев, сопровождавшие официальные гонения на тех, кто не принимал новшества Никона, лишь расширили раскол во всю ширь и глубину России. Старообрядческие секты ушли в подполье, оказывая оттуда упорное сопротивление своим гонителям, в которых они видели посланцев и даже воплощение антихриста. Таким образом, русское православие выдержало наступление Запада только

³³ Митрополит Московский был возведен в сан патриарха после переговоров (1588–1590 гг.) с четырьмя православными патриархами Константинополя, Антиохии, Александрии и Иерусалима.

³⁴ См. поучительное жизнеописание протопопа Аввакума, возглавившего староверов, *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself*, trans. Jane Harrison and Hope Mirrlees (London: Leonard & Virginia Woolf, 1924). По мнению Джеймса Г.Биллингтона (личная беседа 1962 г.), влияние еврейских общин России, когда Шаббатай Цви объявил себя Мессией, вызвав чрезвычайное брожение в 1666–1667 гг., послужило важным источником мессианизма среди староверов. О Шаббатае Цви см. ниже.

Отделение изобразительного искусства,
Чикагский университет
(Department of Art, University of Chicago)

Magnum-Brian Brake.

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО В МОСКВЕ

Иван IV Грозный (1533—1584 гг.) построил этот храм в ознаменование покорения им Казанского и Астраханского ханств. Перед нами предстает старая Московия: церковь и государство, объединенные в самой идее собора, построенного самодержцем в честь военных побед. Черты византийского, персидского, итальянского и русского средневекового зодчества соединились и вылились в странный в своей гармонии и колоритный результат. Этот архитектурный подвиг отразил в кирпиче и камне не менее замечательное политическое достижение, заключающееся в том, что Иван Грозный и его ближайшие предшественники перетянули татарских и европейских мастеров на службу России и использовали их технические знания для укрепления и расширения московского самодержавия.

ценой серьезного раскола, вызванного намерением усвоить одним разом науку, которую Запад постигал постепенно в течение четырех-пяти столетий.

Как и церковь, русское государство переживало сильные потрясения и трудности, пытаясь справиться с нападениями из-за рубежа и внутренней анархией. В 1564 г. царь Иван IV³⁵ развязал террор против наследственной аристократии (боярства) России, отбирая его земли и наделяя поместьями людей, состоявших на воинской и других видах службы у государства. Таким путем царь полагал создать войско и систему управления, способные одолеть его иностранных врагов. Выдающиеся успехи были одержаны им на Востоке. Так, русские войска начали занимать Сибирь и открыли Волгу для русской торговли с завоеванием Казанского и Астраханского ханств (1552 г., 1558 г.). Однако в противостоянии с Польшей и Швецией Россия одерживала лишь редкие победы и в течение царствования Ивана IV уступила некоторые свои территории западным соседям.

После смерти Ивана IV правление его неумелого сына и ряда самозванцев привело к периоду беспорядков, известного в российской истории как Смутное время (1584–1613 гг.). Здесь смешались кровавые заговоры в среде высшего боярства, стремление казаков к грабежам и наживе, слепой гнев угнетенных крестьян³⁶, и все это увенчивалось путаным, но массовым единением с православным прошлым России в борьбе против захватчиков из католической Польши. Больше всех выиграли от такой реакции народа патриарх Московский Филарет и его сын Михаил Романов, возведенный на российский трон (1613–1645 гг.) и восстановивший самодержавие и служилое дворянство в качестве основ правления российским государством.

В XVI в. русские правители экспериментировали с полунезависимыми

³⁵ Иван IV первым официально принял титул «царь», хотя он и употреблялся прежде неофициально. Титул был, разумеется, измененной формой римского «цезарь» и означал, что Москва считала себя имперской наследницей Рима и Константинополя.

³⁶ Следствием усилий Ивана IV с целью максимальной мобилизации сил против внешних врагов стало введение ограничения для простых крестьян на передвижение по стране. Земля, подаренная новому служилому дворянству, была бесполезной без работника на ней, поэтому правительство вынуждено было заставить крестьян работать на их нового хозяина. Для этого принимались различные меры: более жесткое определение долговых и трудовых повинностей, введение коллективной ответственности сельских жителей за подати, указы, запрещающие одному помещику набавлять цену против другого за работу крестьянской семьи и пр. К середине XVII в., когда все эти преобразования завершились, большинство русских крестьян оказались в положении угнетенных крепостных, граничащем с рабством. Строгость законов объяснялась легкостью, с которой недовольный крестьянин мог уйти через одну из открытых границ Русского государства и обосноваться в сибирской тайге или в южных степях, где казацкие ватаги готовы были принять таких новобранцев в свои ряды.

органами местного самоуправления и с Земскими соборами, – совещательными органами в составе представителей высшего чиновничества, дворянства, мещан и духовенства, – однако эти органы сошли со сцены при первых Романовых. Их аналоги во Франции – провинциальные собрания и генеральные штаты – в ту же эпоху уступали путь централизованной власти абсолютной и бюрократической монархии. Таким образом, по своему внешнеполитическому развитию Россия вплотную приблизилась к самым передовым странам Западной Европы. Однако вместо сложного равновесия между монархом, дворянством и буржуазией, на которое опирался французский абсолютизм, русское самодержавие оседлало закрепощенное, угнетаемое и в основном недовольное крестьянство и деспотически относилось к мещанам и духовенству. Только созданное самодержавием служилое дворянство могло добиться, чтобы государство прислушивалось к его желаниям; но даже и это сословие, как бы оно ни было необходимо правительству, можно было заставить плясать под дудку волевого правителя. Видно, что, несмотря на внешнее сходство, русское самодержавие и французский абсолютизм на самом деле очень отличались друг от друга.

При первых Романовых Россия стремилась исключить иностранное влияние настолько, насколько это позволяла ее безопасность. Это значит, что хотя в иностранцах и нуждались как в инструкторах по подготовке войска и в оружейных мастерах, что хотя иностранные купцы нужны были для сбыта мехов, приносящих казне существенный доход³⁷, тем не менее всех иностранцев держали насколько возможно на безопасной дистанции. Им выделяли для проживания специальные слободы в Москве и других городах и относились к ним с общим подозрением как к опасным еретикам. Живое любопытство и скорее капризная благосклонность, с которой Иван Грозный согласился на приезд в Россию первого англичанина, исчезли. При этом протяженная и открытая сухопутная русская граница с Западом не позволяла полностью исключить проникновение назойливых чужеземцев, как это могли, например, сделать японцы. Невзирая на все усилия избежать иностранного влияния, Россия оказалась крепко втянутой в дела расширяющейся, опасно могучей и весьма притягательной западно-европейской цивилизации.

В то же время опирающееся на военную силу русское самодержавие занимало очень выгодное положение на южных и восточных границах стра-

³⁷ Автор работы: Raymond H. Fisher, *The Russian Fur Trade, 1550–1700* (Berkeley, Calif.: University of California Press, 1943), p.22 считает, что прибыль от государственной торговли мехами и от налогов на частных торговцев в XVII в. составляла до 10% общих доходов государства.

ны, поскольку уровень готовности к войне с Западом обеспечил русской военной и политической машине решающее превосходство над всеми соперниками в Сибири, а также позволил Москве оторвать большую часть Украины от разваливающегося Польского государства во второй половине XVII в.³⁸ Амбиции России и болезненные отношения с Западной Европой получили превосходную компенсацию на других границах и, несомненно, превратили Россию в полузападное государство по отношению к более отсталым народам лесных и степных районов Северной Азии.³⁹

Г. ИЗМЕНЕНИЕ МИРОВОГО БАЛАНСА В 1500–1700 ГГ.

1. МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

К концу XV в. обращенные в ислам степные воины, воспользовавшись помощью мусульманских миссионеров, купцов и местных мусульман, захватили сердце православного христианства, проникли глубоко в Индию и принесли мусульманскую веру и культуру во внутренние провинции Китая. Даже в Африке к югу от Сахары и в Юго-Восточной Азии, вдали от стрел кочевников, купцам и миссионерам удалось многих обратить в ислам к началу XVI в. Энергия мусульманской экспансии не угасла, когда немногочисленные европейцы обошли вокруг Африки и установили свое превосходство в Индийском океане. Мусульманские воины и купцы вместе с суфийскими святыми и учеными-богословами продолжали, как и до XVI в. завоевывать новые территории и новых верующих в XVI–XVII вв. И хотя военные победы мусульман после 1700 г. стали более редкими, тихая пропаганда ислама и обращение в него не прекращаются и в наши дни.

Более того, общественная поддержка, на которую опиралась мусульман-

³⁸ Тот факт, что большинство казаков имели православные корни и испытывали неприязнь к католической политике Польши, стал важным фактором в процессе привлечения Украины в московский лагерь. Учитывая, что свободные общины казаков не могли выжить как самостоятельные образования – да и соблазн стать помещиками, чем прельщали казацкую старшину и Польша, и Россия, препятствовал этому, – большинство казаков предпочитало объединиться с православной Русью, а не с католической Польшей.

³⁹ В том, что сказано о ситуации в Русском государстве, я опирался преимущественно на работы: Michael T. Florinsky, *Russia: A History and an Interpretation* (New York: Macmillan Co., 1955), Vol. I. Кроме трудов, указываемых отдельно, мы использовали следующие издания: S. Platonov, *Histoire de la Russie* (Paris: Payot, 1929), pp. 167–487; W. E. D. Allen, *The Ukraine: A History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1940); Gunter Stökl, *Die Entstehung des Kosakentums* (Munich: Isar Verlag, 1953); Frederick C. Conybeare, *Russian Dissenters* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1921); James Mavor, *An Economic History of Russia* (2d ed.; London and Toronto: J. M. Dent & Sons, 1925), Vol. I; Serge Bolshakoff, *Russian Nonconformity* (Philadelphia: Westminster Press, 1950).

ская экспансия до XVI в., продолжала действовать в почти неизменном виде на протяжении последующих двух столетий. Так, в 1507–1515 гг. узбекские кочевники вторглись в города междуречья Амударьи и Сырдарьи, как это делала не одна племенная конфедерация до них. Остатки бывшей правящей верхушки этого района – турки, ассимилировавшиеся в персидской культуре, враждовавшие между собой наследники Тимура, ринулись на юг, в долины Северной Индии, где основали империю Великих Моголов⁴⁰. Почти в то же время, в 1565 г., мусульманские правители в Южной Индии, набрав войско в Иране и Туркестане, объединились для захвата Виджаянагара – последнего сильного индуистского государства. Ислам одержал победу и на Яве, где в 1513–1526 гг. объединение мусульманских прибрежных княжеств свергло индуистское правительство внутренней части острова и начало распространять свою веру в глубь территории. Другие острова и прибрежные территории Юго-Восточной Азии, особенно те, где активно велась торговля, в XIV–XVIII вв. также были вовлечены в орбиту ислама⁴¹.

Практически такие же миссионерские процессы проходили и в Судане – в западной части Африки, где купцы и праведники, поддерживаемые такими мусульманскими государствами, как Тимбукту, Кано, Борну, Марокко, спорадически распространяли ислам даже в периоды войн между собой⁴². В Восточной Африке мусульманские торговые города с начала XVI в., как правило, находились под португальским господством, однако кочевые мусульманские племена проникали глубоко внутрь территории (главным образом на севере региона), несмотря на то что побережье находилось под контролем христиан⁴³.

⁴⁰ Подъем сильного Персидского государства был также отчасти вызван узбекской угрозой. Все происходило в соответствии с очень давними прецедентами с той разницей, что это был последний в истории Западной Азии случай, когда степные народы смогли свергнуть цивилизованные правительства и привести в действие цепную реакцию создания государств в Индии и на Среднем Востоке. Завоевание маньчжурами Китая в следующем веке – та же ситуация для восточных степей.

⁴¹ Центральной точкой этой торгово-миссионерской деятельности была Малакка вплоть до 1511 г., когда здесь появились португалцы. После этой даты рассадниками ислама стали многие другие второстепенные центры. См. D.G.E.Hall, *A History of South East Asia* (New York: St Martin's Press, 1955), pp.176-85; G.Coedès, *Les États hindouisés d'Indochine et d'Indonesie* (Paris: E. de Boccard, 1948), pp.382-86, 398-411. Достижения мусульман в строительстве государств на основе торговли и миссионерства в Южной Азии весьма напоминают деятельность, развернутую ранее индуистами и буддистами в этих же районах. По территориальным масштабам размах мусульман был шире, учитывая, что они дошли до Борнео и Минданао, однако в Японии и на Лусоне их опередили христианские миссии.

⁴² J.Spencer Trimingham, *A History of Islam in West Africa* (London: Oxford University Press, 1962), pp.93-103, 121-47.

⁴³ George Peter Murdock, *Africa: Its Peoples and Their Culture History* (New York: McGraw-Hill, 1959), pp.138-41, 320-24.

Даже в христианской Европе, где культурное и военное сопротивление исламу было гораздо сильнее, чем в Африке или в Азии, Османскому государству удавалось теснить христиан вплоть до начала XVIII в. Османские войска в 1526–1543 гг. захватили большую часть Венгрии и создали кольцо зависимых государств вокруг Черного моря. После периода волнений (1579–1623 гг.), когда из-за недостатков османской системы престолонаследия была парализована центральная власть, новый султан (1623–1640 гг.) провел победоносную войну, однако на этот раз против соперничающей мусульманской империи, появившейся в Персии. По завершении еще одного периода слабого правления решительный и воинственный великий визирь Мухаммед Копрюлю развязал еще одну (оказавшуюся последней) кампанию военной экспансии в Европе (1656 г.), выдохшуюся в 1683 г. при осаде Вены⁴⁴. Такой ход истории, казалось, приносил успех мусульманской экспансии, вытеснявшей христианство, хотя оно и возникло раньше ислама. Все правоверные мусульмане могли чувствовать себя уверенно, по крайней мере, до победы Австрии при Зенте в 1697 г., настолько, что тысячелетняя борьба против христианства складывалась, как и в прошлом, в пользу мусульман.

И все же, несмотря на такое впечатляющее продолжение процессов предыдущих столетий, мусульмане потерпели в начале XVI в. три серьезные неудачи, от которых так и не смогли оправиться, а именно: 1) победы государств Пиренейского полуострова в войнах против ислама в Средиземном море, в районе Атлантического и Индийского океанов; 2) укрепление Московского государства, в результате которого ханства западных степей уже не могли больше противостоять русской военной мощи; 3) глубокий раскол между суннитскими и шиитскими мусульманскими сектами, произошедший после побед шаха Исмаила Сефевидского.

Последнее обстоятельство, несомненно, воспринималось современниками как наиболее серьезное, а последовавшие изменения в исламе, вызванные или усиленные соперничеством суннитов и шиитов, со всей очевидностью подтверждают этот вывод. Войны с Испанией и Португалией отвлекали значительную часть сил Османов, но к концу XVI в. турки могли поздравить себя с отражением этой угрозы. В то же время мусульмане Индийского океана – не без помощи Османов – избавились от угрозы со стороны пор-

⁴⁴ Такое возрождение силы Османов при великом визире Мухаммеде Копрюлю не только установило власть султана на Крите (1669 г.) и в Подолье (1676 г.), но и возвратило в фактическое подчинение Турции такие давнишние государства-сателлиты, как Трансильвания (с 1661 г.), Молдавия и Валахия (с 1658–1659 гг.). Усилия Австрии вернуть влияние Габсбургской империи в Трансильвании привели к безрезультатной войне 1661–1664 гг., завершившейся в пользу Турции. Действия Польши по отражению продвижения Османов закончились тем, что Подолье отошло Турции.

тугальцев в отношении их политических и торговых завоеваний в Южной Азии. Что же касается Русского государства, то исламскому миру не удалось организовать сколько-нибудь внушительного отпора. Процветание ислама в западных степях было тесно связано с судьбой тюркской конницы, чье традиционное преимущество перед оседлым населением исчезло с началом использования огнестрельного оружия. Тем не менее до 1676 г., когда Россия и Турция стали впервые граничить между собой, остатки прежних степных империй служили буфером между центрами мусульманской и русской силы. Поэтому какое-то время великие мусульманские державы могли безнаказанно пренебрегать новым, но все еще отдаленным соперником на севере.

ИБЕРИЙСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ОТВЕТ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА. Крестовые походы в Испании начались раньше и длились дольше, чем в любой другой части Европы. И даже еще до падения последнего мусульманского государства на полуострове в 1492 г. Испания и Португалия отправились воевать по морю в Африку. Португальцы укрепились у Гибралтара еще в 1415 г. и продолжали удерживать различные участки побережья Западной Африки вплоть до 1578 г. Главной целью всего португальского замысла в отношении Африки было обойти мусульман и связать христианскую Европу с легендарным христианским царством пресвитера Иоанна. И хотя царство пресвитера Иоанна к вящему разочарованию жалось до размеров полуварварской Эфиопии (куда португальцы добрались по суше уже в 1493 г., а южным морским путем в 1520 г.), военные успехи Португалии в Индийском океане позволили ей перекрыть торговые пути мусульман в южных морях. В этот же период Испания возобновила военные действия против мусульман, завоевав сначала Гранаду (1492 г.), а некоторое время спустя перенесла их в Северную Африку (1509–1511 гг.). Когда Карл V присоединил земли Испании к владениям Габсбургов в Германии и Нидерландах, Испания оказалась косвенно вовлеченной в третий фронт против мусульман – на этот раз на Дунае.

Османская империя ответила решительными действиями на угрозу Габсбургов. На суше Сулейман Кануни (Законодатель) (1520–1566 гг.) отодвинул границы империи до Карпат. На Средиземном море долгая и безрезультатная борьба завершилась в 1578 г., когда заключенный между Испанией и Турцией мир, мыслившийся простой передышкой, стал продолжительным *modus vivendi* в силу истощения финансовых возможностей Испании и ведения ею действий на других фронтах. Несмотря на победу христиан при Лепанто (1571 г.), Турция могла справедливо гордиться окончательным успехом, поскольку она удержала, по меньшей мере под своим номинальным

контролем, Тунис и Алжир, а также сохранила превосходство в Восточном Средиземноморье, отвоеванное ею у Венеции в XV в.

Исламу не удалось достичь подобных решающих успехов в Индийском океане. Хотя турецкие флотоводцы преодолели серьезные географические препятствия⁴⁵, чтобы снарядить три крупные экспедиции против Португалии (1536 г., 1554–1556 гг., 1586–1589 гг.), они не смогли ликвидировать превосходство португальцев в южных морях⁴⁶. Тем не менее ко второй половине XVI в. инициативные действия местных мусульманских мореходов способствовали восстановлению торговли мусульманских купцов почти в прежних размерах в Южной Азии. Избегая портов, находившихся под контролем португальцев, и беря на борт достаточно вооружения, чтобы отбить случайные нападения, мусульманские суда легко проскальзывали мимо португальских патрульных кораблей. С точки зрения мусульман усилия португальцев по поддержанию своего превосходства на море сузились в тот период до размеров терпимых пиратских наскоков. И действительно, мусульмане настолько успешно ускользали из-под контроля португальцев, что еще до конца столетия те открыли свои порты мусульманским судам, считая портовую пошлину более выгодной, чем добычу от пиратства и войны⁴⁷.

Господство иберийских держав в Средиземном море и в Индийском океане постепенно переходило к голландцам, французам и англичанам. Их успехи объяснялись в значительной мере официальным положительным к ним отношением мусульманских правителей, видевших в них солидный противовес Испании и Португалии. Так, например, в 1536 г. Франция получила торговые преимущества как участница франко-османского военного союза против Габсбургов, заключенного в том же году. Английская «Левантская компания» добилась подобных льгот в 1580 г. В 1597 г. в Восточном Средиземноморье (под французским флагом до 1612 г.) появились голландцы, быстро составившие торговую конкуренцию и французам, и англичанам⁴⁸. Подобным образом голландские и английские купцы добрались до Индии, пользуясь защитой договоров, заключенных с Моголами и другими

⁴⁵ Судостроение на Красном море не могло вестись с размахом ввиду нехватки леса. Поэтому турецкие корабли строили из материалов, которые доставляли по суше через Египет из Малой Азии или Сирии.

⁴⁶ Последняя из названных экспедиций была направлена к восточному побережью Африки, где она навсегда отбросила португальские силы с северной части этого побережья. Окончательное поражение турецкого флота (при Момбасе) стало результатом как бунта на судах, так и натиска португальских кораблей. См. F. Braudel, *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, p. 1019. Труд Броделя – фундаментальное исследование истории борьбы иберийских и мусульманских государств, особенно в ее последние полвека.

⁴⁷ B. Schrieke, *Indonesian Sociological Studies* (The Hague: W. van Hoeve, 1955), I, 45.

⁴⁸ Braudel, *La Méditerranée*, pp. 483–502; Paul Masson, *Histoire du commerce français dans le Levant au XVII siècle* (Paris: Hachette, 1896), pp. xi–xxxiii.

мусульманскими правителями. Более того, принимая во внимание первоначальную зависимость от доброй воли мусульман, протестантские державы намеренно воздерживались от миссионерской деятельности, бывшей основной особенностью экспансии с Иберийского полуострова⁴⁹.

Таким образом, деятельность французских, голландских и английских купцов на мусульманских землях, несмотря на то что она велась при покровительстве местных правителей, подготовила почву для будущего европейского владычества. Особенно ярко это проявилось в Индии и в Ост-Индии (Индонезии), где еще в XVII в. торговая активность англичан и голландцев повлекла существенные перемены в экономике азиатских стран. Крупные голландские и английские торговые компании упорно насаждали в Европе спрос на восточные товары, такие как индиго, хлопковые ткани и селитра из Индии, шелк, чай и фарфор из Китая, арабский кофе и персидские ковры, а растущая популярность этих товаров в Европе не замедлила оказать серьезное влияние на производственную систему Азии.

Голландские и английские купцы не довольствовались торговлей между Европой и азиатскими странами, а активно и настойчиво стремились развивать торговлю и промышленность в самих «Индиях». Ставилась цель сделать выгодной внутреннюю торговлю в Азии, так как европейские компании крайне нуждались в получении прибыли в Азии, с тем чтобы ограничить отток золота и серебра из Европы, вызывавший год от года возрастающую тревогу правительств европейских стран. Вывоз звонкой монеты из Европы нельзя было сдерживать (если не прекратить ввоз новых восточных товаров), пока в Азии не появится вкус к европейским товарам. Однако до второй половины XVII в. европейские товары были, как правило, непригодны для азиатских рынков и часто выглядели грубыми и неотделанными по сравнению с местной продукцией. Даже после того, как европейские мастера научились имитировать некоторые виды азиатского шелка и изобрели более совершенные методы производства, азиатский рынок для европейских товаров оставался очень узким, а значит, давление на торговые компании с целью принудить их добывать деньги в самой Азии оставалось весьма сильным.

Последствия для экономики азиатских стран в некоторых случаях были

⁴⁹ Симптоматичным для ранних отношений между протестантскими торговыми компаниями и мусульманскими правителями был тот факт, что голландцы отобрали Малакку у португальцев в 1641 г. только благодаря помощи сухопутных сил, предоставленных им султаном Джохора. С другой стороны, на Яве и других островах Ост-Индии, покоренных Голландией, ее присутствие вызывало безрезультатные, но ожесточенные «противокрестовые походы» мусульман. См. D.G.E.Hall, *A History of South East Asia*, pp.252-82.

поразительны. Голландцы, например, широко вводили рациональные методы ведения сельского хозяйства на Яве и близлежащих островах, наладив выращивание яванскими крестьянами чайных кустов, сахарного тростника и пряностей. В свою очередь, англичане мало-помалу устанавливали широкий управленческий контроль над текстильщиками Западной Индии. Выдавая небольшие суммы ткачам в качестве аванса, английские агенты могли указывать типы товаров, которые им требовались, а размер предоставляемых средств непосредственно регулировал количество одежды, поступающей на рынок. Произведенные таким образом товары предлагали затем на продажу европейские посредники не только в Европе, но и в прибрежных странах Африки и на южном побережье Азии, а также в Японии и Китае, короче говоря, там, где открывались выгодные рынки. В таких экономических условиях стали быстро развиваться отсталые ранее районы, например Филиппины и восточное побережье Бенгальского залива. Европейские торговцы, объединенные в мощные, хорошо оснащенные компании, повсеместно захватывали решающий контроль над крупной торговлей, тогда как местные предприятия постепенно оттеснялись в мелкую локальную торговлю⁵⁰.

Экономическое проникновение Европы в Османскую империю шло гораздо медленнее. Хотя следует отметить, что к концу XVII в. французские, английские и голландские корабли осуществляли основную массу дальних торговых перевозок из турецких портов. Модель обмена турецкого сырья на европейские готовые изделия обрекала Восток на экономическую пассивность. Неблагоприятный социальный статус купцов в Османской империи, находившихся в зависимости от военных и чиновничьих кругов, которые, в основном относились к их интересам безразлично, а то и враждебно, препятствовал и в конце концов подорвал широкомасштабное торговое соперничество подданных султана с европейскими купцами. Доходы посредников от продажи товаров из Азии резко сократились в результате завоевания европейцами океанов, и после такой потери традиционного экономического положения Среднего Востока местные ремесленные и торговые предприятия оказались не в состоянии удерживать за собой ведущее место в мировой торговле. Тем не менее до самого начала XVIII в. европейские купцы редко могли продвигаться дальше османских портов, поскольку внутренняя тор-

⁵⁰ См. W.H. Moreland, *From Akbar to Aurangzeb: A Study in Indian Economic History* (London: Macmillan & Co., 1923); Bal Krishna, *Commercial Relations between India and England, 1601–1757* (London: George Routledge & Sons, 1924); J.C. van Leur, *Indonesian Trade and Society* (The Hague: W. van Hoeve, 1955), pp.159–245.

говля оставалась в руках местных торговцев, а после 1592 г. торговля на Черном море стала вотчиной Османов⁵¹.

В начале XVIII в. никто не смог бы предугадать отдаленные последствия европейской торговой мощи. Крестовые походы иберийских государств получили отпор в Средиземное море и угасли в Индийском океане, а политические намерения Голландии, Франции и Англии, связанные с торговым проникновением в исламские земли, были еще не очевидны. Мусульмане, следовательно, имели достаточные основания надеяться, что вековые устои послужат им и в будущем, как служили в прошлом. По всем признакам наступление Европы на ислам провалилось, как провалились когда-то средневековые крестовые походы. Казалось, не было повода для тревоги, причин для реформ и оснований для сомнений в существенном преимуществе пути мусульман.

ВЗЛЕТ РОССИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИСЛАМА. Когда в 1480 г. Иван III Московский добился политической независимости от Золотой Орды, татары были настолько ослаблены междоусобицами, что оказались неспособны противопоставить ему нечто большее, чем безрезультатную демонстрацию военной силы. В итоге к 1517 г. Московия и Польско-Литовское государство разобрали между собой все русские княжества, находившиеся ранее под властью татар, и обе эти державы начали быстро распространять свое влияние на южные степные районы.

В XVI в. независимые казацкие общины в южных степях сформировали непокорные республиканские объединения, оказавшиеся на короткое время способными образовать силовые центры, соперничающие с Варшавой и

⁵¹ Мне не удалось найти какие-либо удовлетворительные исторические данные об экономическом развитии Османской империи и империи Сефевидов. Можно указать на следующие работы: Paul Masson, *Histoire du commerce français*; A.C.Wood, *A History of the Levant Company* (London: Oxford University Press, 1935); H.A.R.Gibb and Harold Bowen, *Islamic Society and the West* (London: Oxford University Press, 1950), Vol.I, Part I, pp.294-313. Бродель (*La Méditerranée*, pp.616-43) предлагает в порядке гипотезы действие «сеньориальной реакции», распространившееся по Средиземноморью от Испании через Италию до Турции, и говорит о «предательстве буржуазии», которая предпочла скупку земель ненадежной торговле и ремесленничеству. С другой стороны, Траян Стоянович («The Conquering Balkan Orthodox Merchant», *Journal of Economic History*, XX (1960), 234-62) приводит факты подъема торговой активности подданных Османской империи в XIV-XVIII вв.

До появления новых трудов по экономической истории Османской империи было бы преждевременно выдвигать определенные суждения об общественных и экономических преобразованиях Среднего Востока, которые могли способствовать ослаблению его торговых позиций по сравнению с Европой в XVI-XVII вв. Следует отметить при этом очень большое сходство между «колонизальным» положением Византии после XII в. по отношению к итальянским торговым городам и взаимоотношениями Османских территорий с Северо-Западной Европой после конца XVII в.

Москвой⁵². Однако в XVII в. продвижение России, Польши и Турции в степь все сильнее подрывало независимость казаков. Казацкая старшина считала выгодным заключать союзы то с тем, то с другим соседним правительством, получая взамен плату за военную службу и гарантии от Польши и России (но не от Турции) признания их помещиками и господами над чернью. После сложных маневров между Россией, Польшей и Турцией казацкие общины в итоге в 1681 г. высказались за объединение с Россией, в результате чего так называемые реестровые казаки, т.е. мужчины, внесенные в специальные воинские реестры, образовали боеспособные вспомогательные силы русского войска. Преданные собственными вождями, остальные рядовые казаки были низведены до состояния крепостных. Таким образом, не признающая никакой власти вольница первых казацких общин ушла в легенды и в тайное сопротивление, чтобы затем вспыхивать в виде стихийных крестьянских восстаний в XVII–XVIII вв. (Можно оставить на совести автора многочисленные неточности данного абзаца, достаточно серьезные, чтобы вызвать протест, но тем не менее не отвлекающие от основной логики повествования. – *Прим. пер.*)

Задолго до укрепления своей власти в Украине Россия завоевала Казанское (1552 г.) и Астраханское (1556 г.) ханства, открыв все Поволжье для русских поселений и торговли. Вслед за этим первые купцы и авантюристы перевалили через Уральские горы и начали устанавливать власть России в верховьях Оби (1579–1587 гг.). Братоубийственные раздоры в мусульманском ханстве Сибири сделали победу России относительно легкой. Перед ней открывались обширные пространства тайги и тундры, населенные преимущественно первобытными и невоинственными народами, а также горностаем и другим пушным зверем. Русским агентам нетрудно было принудить коренное население добывать меха и отдавать их в качестве дани. Освоив способы передвижения на санях по замерзшим рекам и перетаскивания грузов волоком от одной реки к другой, русские исследователи и авантюристы уже не встречали непреодолимых препятствий на всем пути до Охотска на берегу Тихого океана, куда они вышли в 1638 г.⁵³

Успехи России в западных степях и в сибирской тайге, а также продви-

⁵² Казацкие поселения были сухопутным эквивалентом пиратских общин, обосновавшихся в тот же период в Вест-Индии, в Южно-Китайском море и вдоль Берберского побережья Северной Африки. Подобно укрепленным городищам казаков пиратские гнезда располагались в таких местах, где их не могла потревожить организованная сила государства. Существенная зависимость казаков в снабжении (оружием и боеприпасами) от оседлых сельскохозяйственных общин в точности походила на зависимость пиратов в их снабжении от цивилизованных портов.

⁵³ John F. Baddeley, *Russia, Mongolia, and China* (2 vols.; London: Macmillan & Co., 1919), I, lxi, lxxiii; Robert J. Kerner, *The Urge to the Sea: The Course of Russian History* (Berkeley and Los Angeles,

жение ламаизма в центральных⁵⁴ и восточных степях способствовали значительному оттеснению северной границы ислама в XVI–XVII вв. Великие мусульманские державы не предпринимали серьезных усилий, чтобы повлиять на ход событий⁵⁵. Персия – этот естественный страж ворот, ведущих в центральные степи, вела тяжелую борьбу с Османской империей и не имела лишних сил. Бухарская узбекская империя, принявшая строго ортодоксальный и ограниченный вариант суннизма, активно подавляла миссионерский дух суфизма, принесший исламу в предыдущие столетия его главные успехи в обращении степных народов. Сами степи были бедны и бесперспективны, тем более после того, как караванные пути в Азии утратили в основном былое значение, уступив свою роль новым морским и речным путям, протянувшимся далеко на юг и север Центральной Азии. У представителей мусульманской цивилизации, таким образом, оставалось мало возможностей для проникновения в степные просторы. Образовавшийся культурный и религиозный вакуум соответственно заполнялся тибетским ламаизмом.

Итак, ислам потерпел свои первые серьезные поражения в степях Восточной Европы и Центральной Азии, тогда как в районах, подвергавшихся прямому наступлению Запада, мусульманские империи по-прежнему победоносно расширяли свои границы.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ СУННИТАМИ И ШИИТАМИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИСЛАМА. Расходящиеся во взглядах секты, которые мусульманское учение в какой-то мере произвольно выделило в сообществе правоверных, разделились по вопросу о законности правопреемства пророка на две основные группировки: шиитов, считавших, что наследство должно переходить только по линии зятя Мухаммеда – Али, и суннитов, признававших законность власти Абу Бекра, Омара, Османа и их наследников в халифате. С появлением многочисленных суфийских орденов, братств и других религиозных объединений основной спор о правоте осложнился еще

Calif.: University of California Press, 1946), pp.66-88; Raymond H.Fischer, *The Russian Fur Trade, 1550–1700* (Berkeley and Los Angeles, Calif.: University of California Press, 1943).

⁵⁴ Этот процесс стал заметным провалом мусульманских миссионеров. Территория бассейна реки Или, населенная калмыками, была в свое время мусульманской; однако ислам отступил, когда жившие в этих краях узбеки двинулись на юг и запад в междуречье Амударьи и Сырдарьи, оставив эти земли тогда все еще языческим калмыкам.

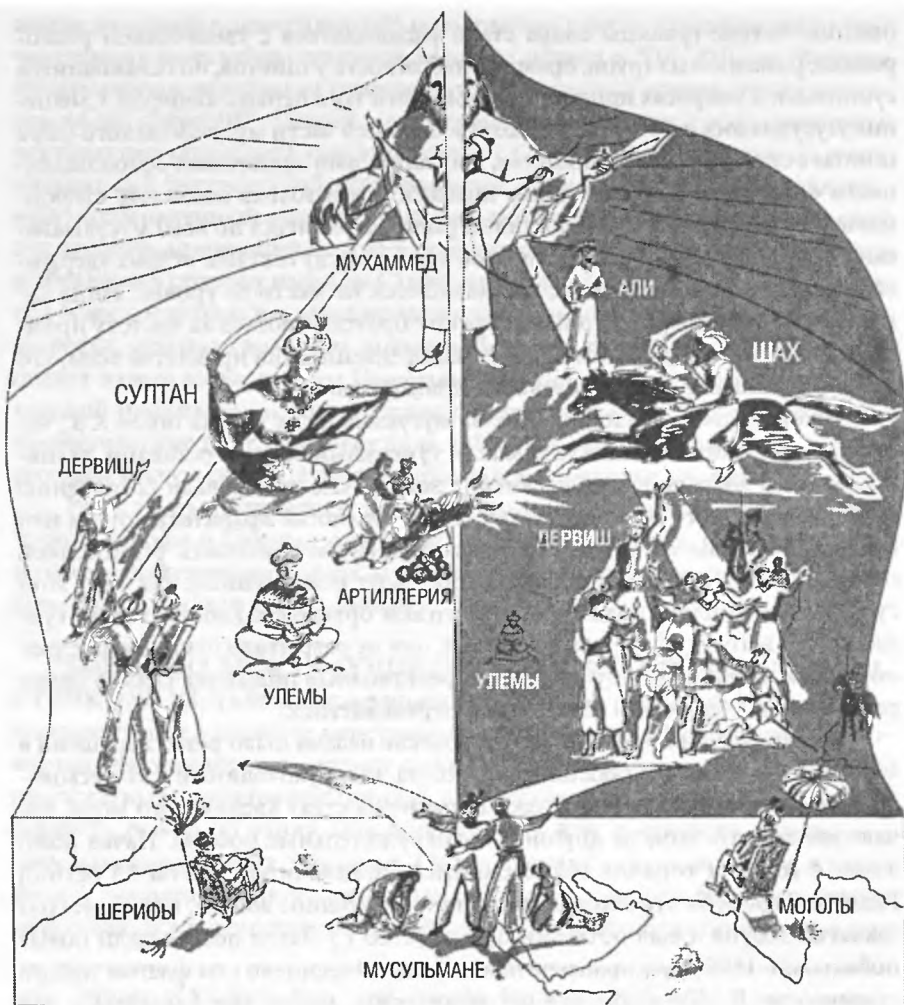
⁵⁵ В 1659 г. Османская империя снарядила экспедицию с целью отбросить Россию с Нижней Волги и соединиться с силами среднеазиатских ханств, оставив в тылу шиитскую Персию. Однако мятеж янычар и раздоры с крымским ханом, возможно, опасавшимся за свою независимость в том случае, если бы Османы утвердились на флангах его владений, привели к тому, что Османская империя отказалась от этой идеи. Интересные комментарии о значении этого довольно нерешительного предприятия и его провале см. A.J.Toynbee, *A Study of History*, VIII, 225-27.

больше. Четкие границы спора стали расплываться с увеличением разнородных религиозных групп, бравших набожность у шиитов, но оставшихся суннитами в вопросах признания законности трех первых халифов. Смешение усугублялось еще и тем, что, хотя в большей части мусульманского мира шииты оставались в меньшинстве, имитация ими суннитской ортодоксальности с посвящением в истинное положение дел только надежных сторонников позволила шиитским общинам распространиться по всем мусульманским землям. В таких условиях долгое время между сектами ислама удерживалось непростое равновесие, нарушавшееся на местном уровне, когда какой-нибудь особо правоверный законник брался бороться за чистоту принципов или же появлялся некий фанатик, предвещавший проклятие всем, кто не придерживался его богословских принципов.

Политическая нестабильность на мусульманских землях после X в., частые случаи непрочного захвата власти турецкими военачальниками, делившими ее во многих частях исламских земель, способствовали сохранению этого религиозного равновесия, поскольку немногие правители хотели или отваживались вызвать бунт, слишком энергично добиваясь религиозной покорности. Османское государство не было исключением, так как, хотя султаны и пришли к поддержке суннитской ортодоксальности, сделав суннизм в XV в. государственной религией, они не разрывали отношений с разнородными общинами дервишей, чей религиозный порыв так сильно помог расширению Османской империи на первых этапах.

Религиозное и политическое равновесие ислама было резко нарушено в 1499 г., когда фанатическая шиитская секта, чьи руководители уже несколько веков жили по соседству с южной оконечностью Каспийского моря, начала одерживать одну за другой головокружительные победы. Начав всего лишь с горстки горячих последователей, предводитель секты 13-летний Исмаил Сефеви быстро создал фанатичное и мощное войско, в течение года захватил Тебриз и был объявлен шахом (1500 г.). Затем последовали новые победы, и в 1506 г. все иранское плато было объединено под флагом нового завоевателя. В 1508 г. Исмаил установил свою власть над Багдадом и над большей частью Ирака, а в 1510 г. нанес жестокое поражение среднеазиатским узбекам, укрепив тем самым свою восточную границу.

Секрет этих успехов лежал в религиозном фанатизме воинов Исмаила, который после нескольких поколений подпольного проповедования шиизма увенчался столь поразительными победами. Следуя силе своих шиитских убеждений, Исмаил подвергал преследованиям всех мусульман-суннитов, попадавших под его власть, и оказывал мощную поддержку распространению шиизма как внутри своего нового государства, так и за его пределами. Более того, победы Исмаила подталкивали многих приверженцев шиизма

РАСКОЛ ИСЛАМА НА СУННИЗМ И ШИИЗМ

открыто выступать в различных частях мусульманского мира, в частности в Восточной Анатолии, где брошенный ими вызов не мог остаться без внимания со стороны османского султана. Так, в 1514 г. в Анатолии вспыхнул массовый бунт шиитов против Османов, и султану пришлось собрать в кулак всю силу своего войска, чтобы подавить его. Подавив еретиков у себя дома, османские силы двинулись на восток, против самого источника заразы. При Чалдыране, недалеко от Тебриза, османская артиллерия взяла верх над фа-

натизмом Сефевидов (1514 г.), но волнения среди янычар вынудили султана отступить, так и не уничтожив власть Исмаила⁵⁶.

На протяжении XVI в. империя Сефевидов оставалась силой, нарушавшей спокойствие в мусульманском мире, защищая и распространяя шиитское учение у себя дома и в других странах. Такая политика приводила, естественно, к состоянию вражды с Османской империей, в котором мир наступал лишь на короткие периоды. Тем не менее к XVII в., когда империя Сефевидов достигла своего апогея при шахе Аббасе Великом (1587–1629 гг.), фанатизм шиитского движения стал утасать, по крайней мере в придворных кругах, и в 1639 г. был заключен долгий мир с Османами⁵⁷.

Резкое противостояние между шиитами и суннитами, больше века разделявшее самое сердце ислама, отразилось на мусульманском мире и превратилось в неизбежный политический вопрос для каждого мусульманского правителя. Прежний непростой симбиоз мусульманских сект повсюду грозил превратиться в тяжелые междоусобицы по мере того, как религиозные убеждения становились критерием политической лояльности. Самые крайние проявления шиизма ограничивались в основном владениями Сефевидов, в то время как на османских землях жесткими и эффективными контрмерами султану удалось подавить шиитскую ересь до того, как она смогла приобрести политическое влияние. Но за пределами Османской империи, на окраинах мусульманского мира местные правители находились в нелегком положении и постоянно колебались между лагерями суннитов и шиитов.

После того как в 1514 г. не удалось искоренить первоисточник нарушения всего установившегося порядка, следующим шагом османского султана стало завоевание находившихся под властью мамелюков Египта и Сирии. Селим I Грозный одержал победу за одну кампанию 1516–1517 гг. благодаря все тому же превосходству в артиллерии, которым он воспользовался про-

⁵⁶ Корпус янычар был тесно связан с орденом дервишей Бекташи, и, возможно, их отношения с этой еретической тайной шиитской общиной стали причиной их нежелания обеспечить решающую победу суннитов. Нам не известны прямые подтверждения этой мысли, хотя, в общем, принципиальная веротерпимость, характерная для ордена Бекташи, располагала его членов к тем, кто стремился к богу, независимо от пути, которым они идут к нему. См. John K. Birge, *The Bektashi Order of Dervishes* (Hartford, Conn.: Hartford Seminary Press, 1937).

⁵⁷ Соперничество Османов и Сефевидов имело большое значение для Европы. С 1606-го по 1639 г. Османская империя сосредоточилась на войне с Персией и соответственно ослабила натиск на христианскую Европу, что фактически позволило состояться Тридцатилетней войне. По взаимному согласию Габсбурги и Османы повернулись друг к другу спиной, чтобы сконцентрироваться на прежде тщетных усилиях истребить ересь в своих религиозных общинах. Каждая из сторон была настолько изнурена этой борьбой, что мусульманско-христианские войны в придунайской Европе были всерьез возобновлены лишь в конце XVII в., когда в 1683 г. турки приступили ко второй осаде Вены.

тив шаха Исмаила. Эта победа предотвратила зарождавшийся союз между шахом Исмаилом и мамелюками. Она также позволила Османам взять под свой контроль стратегически важные в религиозном отношении священные города Мекку и Медину, долгое время находившиеся в зависимости от мамелюков.

Кроме того, Селим распространил свое влияние на побережье Северной Африки: отчасти для отражения испанской угрозы мусульманской Северной Африке, а отчасти для предотвращения экспансии еще одного очага шиитской власти – марокканской династии шерифов Саади. К 1511 г. шерифы создали мощное государство на основе племен и городского населения мусульманского Дальнего Запада, действуя с помощью религиозной пропаганды, подобной той, которая в это же время одерживала столь яркие успехи в Персии и Ираке⁵⁸. В том же году османские морские силы стали вести активные действия вблизи Алжирского побережья, вызвав тем самым длительные морские войны с Испанией, шедшие почти весь XVI в.

Безрезультатность морского противостояния с Испанией не отвратила Турцию от ее цели: опередить Испанию и Марокко в Алжире⁵⁹. Общая вражда с иберийскими христианами помогла избежать прямого столкновения между Османским и Марокканским государствами. Когда натиск иберийских держав был отражен (после 1578 г.), Марокко обратило свои взгляды на юг – на негритянское королевство Тимбукту (завоевано в 1591 г.), тогда как силы Османов были по-прежнему полностью заняты на других фронтах⁶⁰.

Революция Сефевидов вызвала более сложные политические изменения на мусульманском Востоке. Новая узбекская держава довольно естественно встала на защиту суннитского правоверия против соседних еретиков Сефевидов. Тем временем в Индии Моголы балансировали, как на проволоке, между суннитами и шиитами вплоть до эпохи Аурангзеба (1659–1707 гг.). В критические моменты своего беспокойного правления и Бабур (ум. 1525), основатель государства Моголов, и его сын Хумаюн публично исповедывали шиизм, чтобы заручиться более необходимой помощью Сефевидов. Когда же нужда отпадала, каждый из них демонстрировал свою политическую не-

⁵⁸ Для движения Саади главным стимулом была священная война против португальского и испанского вторжения на Африканское побережье, и тут не требовалось побуждения со стороны Сефевидов. Тем не менее, с точки зрения Османской империи, одновременное возникновение сильных шиитских государств на Востоке и на Западе в момент, когда сторонники шиитов в пределах империи готовились к бунту, выглядело, разумеется, угрожающим. Об этом периоде истории Марокко, резко отличающемся от общего положения в мусульманском мире, см. Coissac de Chavrebière, *Histoire du Maroc* (Paris: Payot, 1931), pp.268-94.

⁵⁹ Турки претендовали также на власть сюзерена над самим Марокко, однако это скорее были планы на будущее, а не реальность тех дней. См. Braudel, *La Méditerranée*, p.995.

⁶⁰ Alphonse Gouilly, *L'Islam dans l'Afrique occidentale française* (Paris: Larousse, 1952), pp.62-63.

зависимость, переходя к вере суннитов. Но и такая политика не была полностью удовлетворительной, поскольку османские султаны выдвигали претензии на главенство над всей суннитской общиной в противовес поддержке, оказываемой шиитам Сефевидами⁶¹.

В результате династия, ведшая свою родословную от Чингисхана и Тимура и глядевшая на Османов и на Сефевидов просто как на выскочек, не могла чувствовать себя хорошо ни в стане суннитов, ни в стане шиитов. И как только император Акбар (1556–1605 гг.) укрепил власть Моголов, установив твердое и эффективное правление над всей Северной Индией, он заявил претензии на независимую религиозную власть⁶². Сын Акбара Джангир мало интересовался вопросами религии и, следовательно, поддерживал значительно лучшие отношения с мусульманскими богословами, чем его отец. Следует отметить при этом, что, внешне соблюдая требования суннизма, правительство не становилось на сторону ни суннитских, ни шиитских улемов, пока император Аурангзеб силой оружия не поддержал суннитов. Его войско разбило шиитских правителей Южной Индии, расширив тем самым империю Моголов до наибольших ее размеров. Со временем, однако, религиозное рвение Аурангзеба ослабило империю, так как его нетерпимость

⁶¹ Титул халифа, т.е. наследника пророка как главы правоверных на земле, утратил определенность своего первоначального значения к XVI в. Суннитские правоведы склоняются к мнению, что настоящий халифат исчез в XIII в., когда монголы уничтожили остатки государства Аббасидов. Таким образом, периодическое включение титула «халиф» в перечень различных официальных титулов османских султанов не имеет большого значения. Так именовали и других мусульманских правителей. Тем не менее политическая мусульманская теория, как суннитская, так и шиитская, призывала к объединению правоверных в едином политическом сообществе, и любой правитель, включая османских, претендуя на религиозную законность, должен был стремиться ко всеохватывающему владычеству в рамках ислама, сколь бы туманной ни была идея такого владычества. О халифате и османских султанах см. H.A.R.Gibb and Harold Bowen, *Islamic Society and the West*, Vol.I, Part I, pp.26–38; T.W.Arnold, *The Caliphate* (Oxford: Clarendon Press, 1924), chap.xi.

⁶² Точный характер религиозной политики Акбара и ее мотивов – предмет дискуссий. Как представляется, сам Акбар был человеком широких взглядов, доискивавшимся истины в религии и с интересом слушавшим представителей любой веры, не противоречившей его кругозору, даже если услышанное не всегда было для него убедительным. Он собрал вокруг себя знающих людей и пробовал обряды и правила, взятые из различных источников. Вполне возможно, что Акбар относился к этой группе как к некоему суфийскому ордену, а себя считал ее основателем и главой. Такое эклектическое и отчасти тайное поведение возмущало ортодоксальных мусульман, мучило наблюдавших это христианских миссионеров, но воспринималось совершенно естественно любым индуистом. См. F.W.Buckle, «A New Interpretation of Akbar's 'Infallibility Decree' of 1579», *Journal of the Royal Asiatic Society* (1924), pp.590–608; M.L.Roychoudhuri, *The State and Religion in Mughal India* (Calcutta: Indian Publicity Society, 1951), pp.67–118; Sri Ram Sharma, *The Religious Policy of the Mughal Emperors* (Oxford University Press, 1940), pp.15–69; Arnulf Camps, *Jerome Xavier S.J. and the Muslims of the Mogul Empire* (Schöneck-Beckenried, Switzerland: *Nouvelle Revue de Science Missionnaire*, 1957), pp.51–91; Aziz Ahmad, «Akbar, Hérétique ou Apostat?» *Journal Asiatique*, CCXLIX (1961), 21–35.

ИСЛАМ В XVII В.

Приведенные здесь миниатюры выполнены при дворе могольского императора Джахангира (1605—1627 гг.). На миниатюре слева Джахангир обнимает шаха Сефеви, а у их ног лежат лев и овечка. Художник отразил политическое и духовное примирение суннитов и шиитов, прекращение индийско-иранского соперничества. На миниатюре справа император изображен на своем троне.

Оба рисунка — Смитсоновский институт, Художественная Галерея Фрир (Smithsonian Institution, Freer Gallery of Art), Вашингтон.

Он принимает книгу (Коран?) из рук мусульманского священника в присутствии двух европейцев и индуса. Молитвенная поза темноволосого европейца с бородой указывает, что он, возможно, прибыл испросить разрешение на торговлю (или какую-то другую привилегию) у могущественного мусульманского правителя Индии.

к индуистскому идолопоклонству привела к массовым народным выступлениям в Центральной Индии, а мусульманское сообщество было настолько сильно разделено борьбой суннитов и шиитов, что не могло уже вести согласованные действия против наступавшего индуизма⁶³.

Более серьезно шиизм затронул Азербайджан, Персию и Ирак, так как именно в этих странах Исмаил и его последователи предприняли значительные усилия для перестройки общества согласно своим религиозным принципам. Трудности не заставили себя ждать, когда Сефевиды принялись устанавливать новый режим, поскольку, как и многие другие революционеры до и после них, они быстро обнаружили, что простое сектантское рвение само по себе было недостаточной основой для правления. Тогда Исмаил призвал шиитских богословов и ученых правоведов со всех концов мусульманского мира, где они нашли себе прибежище, и предписал им (как двумя столетиями раньше при почти аналогичных обстоятельствах османские султаны использовали суннитских правоведов) составить правила, по которым должны жить его последователи и подданные. Религиозных противников, включая суфийские братства, ордена дервишей и, разумеется, все суннитские общины, жестоко истребляли – столь же беспощадно, как примерно в это же время уничтожали монастыри в протестантской Европе. Неудивительно, что императорское окружение и шиитские богословы быстрее пришли к согласию о том, что следует уничтожить, чем о том, что следует создать. Шахи неохотно расставались с малейшими из своих прерогатив даже в пользу духовенства, а борцы за чистоту шиизма не склонны были прощать остающиеся отклонения даже тем, кто больше других симпатизировал шиизму. Тем не менее ссоры с шахским окружением только усиливали энергию, с которой шиитские распространители идеи двенадцати имамов внушали населению принципы своей веры⁶⁴. Пользуясь репутацией людей, обладающих чудодейственной силой, которым открыта воля бога, шиитские

⁶³ В политике Аурангзеба, как это было и с Акбаром, могли играть определенную роль личные религиозные убеждения. При этом следует иметь в виду, что к тому моменту, когда он вззошел на индийский трон, власть Османов была ослаблена, и потому Аурангзеб мог надеяться занять место султана во главе всего суннитского сообщества. Завоевания Аурангзеба в Южной Индии с истреблением неверующих и еретиков ясно указывали на него как на подлинного халифа и предводителя правоверных, а следовательно, могли предприниматься им именно с этой целью. Ученые-правоведы действительно даже за пределами его владений именовали его этим титулом. H.A.R.Gibb and Harold Bowen, *Islamic Society and the West*, Vol.I, Part I, p.35. См. также прекрасный труд Азиза Ахмада: Aziz Ahmad, «Moghulindien und Dar-al-Islam», *Saeculum*, XII (1961), 266-90; John Norman Hollister, *The Shi'a of India* (London: Luzac & Co., 1953), pp.126-40.

⁶⁴ Упрощенные ученые книги играли роль «краткого катехизиса» христианской церкви в Западной Европе. По вопросу о шиитской богословской литературе и примерах типичных религиозных книг см. E.G.Browne, *History of Persian Literature* (Cambridge: Cambridge University Press, 1920), IV, 368-411.

богословы оказывали большое влияние на широкие народные массы, пока их мнение не стало превращаться в средство контроля за действиями самого шаха⁶⁵.

Система светского правления и военная организация развивались не столь быстро, пока при шахе Аббасе Великом племенная основа войска Исмаила⁶⁶ и его правительства не была заменена и уравновешена созданием регулярной армии, набиравшейся преимущественно из грузин и армян, обращенных в ислам, по образцу янычарского корпуса Османов⁶⁷.

Жесткие реформы, проводимые Сефевидами, были беспрецедентны как для Османской империи, так и для государства Моголов. Сунниты давно смирились с религиозным многообразием, и в народе больше не возникали вспышки суннитского фанатизма, которые могли бы приводить к религиозным революциям, подобно той, которая преобразила Персию в XVI в. Разнородные ордена дервишей были слишком тесно сплетены с основами Османского государства, чтобы их можно было спокойно уничтожить⁶⁸, а после восстания и резни 1514 г. выжившие на османских землях шииты прибегали к обычному для них средству спасения, соблюдая внешне суннитские обычаи. Когда опасность открытых выступлений была таким образом устранена, суннитская община с ее терпимым характером не допускала и мысли о жестокой контрреформации, подобной той, которая как раз начиналась в католической Европе. Османские султаны ограничивались административными мерами предосторожности. Так, Сулейман Кануни (1520–1566 гг.) усовершенствовал и расширил иерархическую структуру улемов империи, предоставил средства суннитским учебным заведениям, и его администрация, как правило, стояла на стороне более четко определившегося суннизма. Благодаря таким взвешенным законодательным мерам религиозные и полити-

⁶⁵ Судя по языку его тюркских поэм Исмаил предстает человеком, утверждающим, что он – не больше и не меньше как воплощенный бог, и тюркские племена, ставшие под его знамена, очевидно, верили в это. Эти утверждения не были, однако, официальной точкой зрения сторонников идеи двенадцати имамов, заявлявших, что Сефевиды – лишь потомки седьмого из двенадцати законных имамов и соответственно находятся чуть ближе к богу, чем обычные люди. См. Hans Robert Roemer, «Die Safawiden», *Saeculum*, IV (1953), 31–33.

⁶⁶ Ядром первых сил Исмаила были семь тюркских племен из Азербайджана.

⁶⁷ Sir Percy Sykes, *A History of Persia* (2d ed.; London: Macmillan & Co., 1921), II, 175–76; Laurence Lockhart, *The Fall of the Safavi Dynasty* (Cambridge: Cambridge University Press, 1958), pp. 18–22. До царствования Аббаса у персов не было артиллерии и огнестрельного оружия у пехоты. Аббас получил их при посредничестве европейских купцов и авантюристов, в частности, при помощи двух англичан – Роберта и Энтони Шерли.

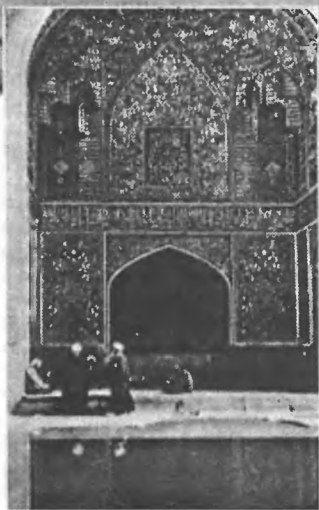
⁶⁸ Нужно было, например, считаться с янычарами, которые могли встать на защиту своих духовных наставников – дервишей Бекташи. Другие ордена дервишей поддерживали подобные стратегические отношения с городскими гильдиями в столице и в провинциях, в частности в Анатолии.

A.U. Pope, Introduction to Persian Art, London: Peter Davies Ltd., 1930.

ПЕРСИДСКАЯ МЕЧЕТЬ И МЕДРЕСЕ

Оба здания украшают город Исфахан — столицу Сефевидов. Мечеть (фото сверху) сооружена в 1621 г., во времена правления шаха Аббаса Великого. Медресе (фото слева), построенная в 1710 г., — доказательство востребованности персидского искусства вплоть до сравнительно недавних пор. Внешнее обрамление обоих зданий представляет собой важную часть всего ансамбля, ведь Исфахан выглядит как город-сад, служащий для царской улады. Бассейны и обширные площади для игр и других массовых церемоний свидетельствуют о мастерстве зодчих и о самодержавной власти шаха, сумевшего на деле дать жизнь новому городу.

Magnum-Inge Morath.

ческие институты Османской империи достигли вида, в котором они сохранялись практически без изменений на протяжении более двух столетий⁶⁹.

Похожей формы достигли институты Моголов при императоре Акбаре (1556–1605 гг.). Акбар построил свой двор и центральную администрацию по образцу персидских, но позволил в селах и городах преобладать местным обычаям. Он дал разрешение некоторым индуистским кланам и местным феодалам – раджпутам – отправлять правосудие на местах. Однако высшие сферы правления оставались за мусульманами. Пестрота религий в империи представляла собой деликатную проблему. В XVII в. суфийские мистики и различные объединения индуистов и мусульман приобрели влияние над беднейшими слоями населения, видевшими в таких вероучениях выход из тяжелого положения, в которое их ставила индуистская доктрина. Огромная пропасть, разделявшая беднейших мусульман и тонкий слой чиновников и военных, окружавших императоров, позволяет понять провал усилий Аурангзеба, направленных на удержание индийского ислама в рамках официального суннизма⁷⁰.

Религиозные и политические трансформации исламского мира, следовавшие за восстанием шиитов, привели и к определенным резким изменениям в мусульманской культуре. Так, в литературе иссякли источники персидской поэзии, поскольку нетерпимый фанатизм не мог совмещаться с тонкой чувственностью и религиозной двусмысленностью классической персидской поэзии. Знание произведений великих персидских поэтов и подражание их стилю было главным элементом в образовании людей из высшего общества в Османской империи и в государстве Моголов, однако, когда дело доходило до собственных сочинений, угодливые рифмоплеты подменяли подлинную тонкость образцов словесной ловкостью и цветистыми клише.

Упадок персидской литературы в какой-то мере компенсировал развитие литературы на турецком языке (в обеих его формах – османской и среднеазиатской) и на языке урду – разновидности хинди с заимствованиями из персидского, использовавшейся при дворе Моголов. Как носители поэзии эти новейшие литературные языки испытывали сильнейшее влияние пер-

⁶⁹ A.H.Lybyer, *The Government of the Ottoman Empire in the Time of Suleiman the Magnificent* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1913). В работе: H.A.R.Gibb and Harold Bowen, *Islamic Society and the West*, несмотря на название, предложен самый лучший анализ религиозной политики Османов, проводившейся в рассматриваемый нами период.

⁷⁰ См. Jadunath Sarkar, *Mughal Administration* (Calcutta: M.C.Sarkar & Sons, 1920); W.H.Moreland, *India at the Death of Akbar* (London: Macmillan & Co., 1920), pp.31-94; R.C.Majumdar et al., *Advanced History of India* (London: Macmillan & Co., 1958), pp.554-65; J.N.Hollister, *The Shi'a of India, passim*.

сидских образцов, однако некоторые произведения турецкой прозы, например замечательные мемуары Бабур, производили эффект дуновения свежего воздуха в паутине традиционного многословия⁷¹.

Расцвет великих императорских мусульманских дворов в Турции, Персии и Индии означал более устойчивое и щедрое покровительство для зодчих и всевозможных мастеров – художников, каллиграфов, ковроделов. И хотя многие произведения этого последнего периода исламского художественного величия утрачены, осталось достаточно их образцов, оставляющих неизгладимое впечатление великолепия и вкуса, необычайного мастерства и изумительного колорита. Известно, что живопись считалась сомнительной с религиозной точки зрения и мусульмане относили ее к низшим искусствам, однако в XVI–XVII вв. придворные художники в Персии и в Индии пытались выйти за рамки своей традиционной роли по украшению рукописей и росписи ванных комнат, создавая портреты, картины на исторические и даже религиозные (!) сюжеты. Такое стремление, очевидно, поддерживалось примерами Европы и Китая, но, как бы то ни было, китайские пейзажные мотивы и европейская линейная перспектива не были чужды мусульманским придворным живописцам и находили среди них подражателей. При этом художники, прибегавшие к таким заимствованиям, не отказывались от собственной стилистической самобытности, в которой яркая цветовая гамма и щедрое обилие мелких деталей в целом приводили к великопному, чарующему глаз результату.

В XVI–XVII вв. архитектура оставалась великим искусством ислама, и когда правители новых империй возжелали увековечить свою набожность и величие в камне, по всему мусульманскому миру прокатилась волна строительной активности. Творения персидских и индийских зодчих отличались порой необычайной утонченностью и красотой как в общем плане, так и в деталях. Индийский мавзолей Тадж-Махал, построенный императором Шах-Джаханом в 1632–1653 гг., и царская мечеть в Исфахане, возведенная для шаха Аббаса Великого двумя десятилетиями раньше, представляют собой всемирно известные образцы искусства и вкуса зодчих и мастеров, которых эти правители у себя собирали. Здания в Персии и в Индии часто сооружали среди строго распланированных садов, разбитых вокруг прудов и бассейнов и украшенных кипарисами и цветниками. Такие сады служили островками прохлады, цвета и тонкого вкуса на изнывающей от зноя и пыли

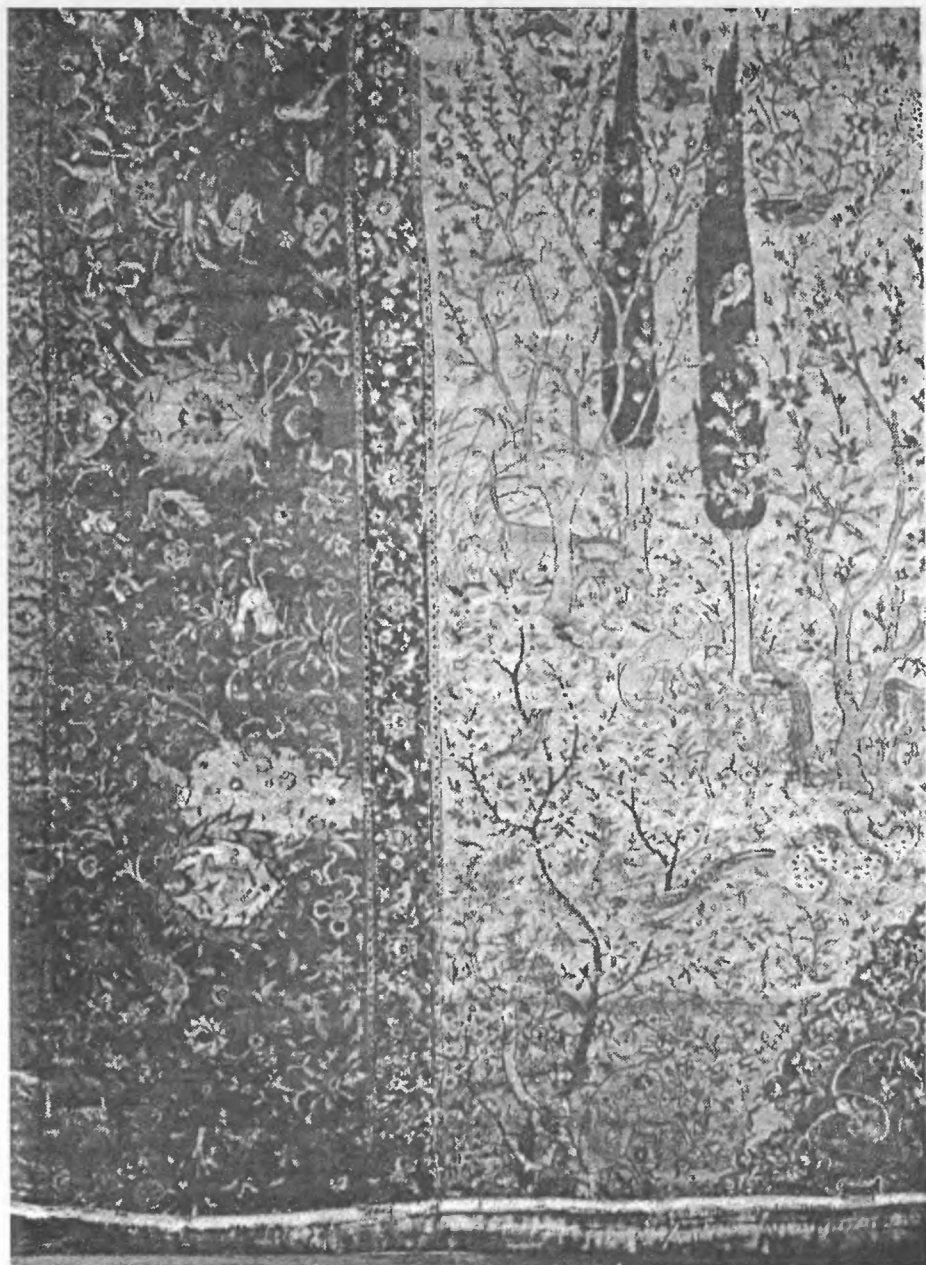
⁷¹ Названные мемуары переведены на английский язык Аннетт С.Биверидж: Annette S. Beveridge (4 vol.; London: Luzac & Co., 1912–21). Турецкая литература и литература урду описана, возможно, с чрезмерным восхищением и с обширными переведенными отрывками в работах: E. J. W. Gibb, *A History of Ottoman Poetry*, II, III (London: Luzac & Co., 1902, 1904); Ram Babu Saksena, *A History of Urdu Literature* (Allahabad: Ram Narain Lal, 1940).

местности и выступали такой же неотъемлемой частью всего произведения искусства, как и само здание. Архитектура в Османской империи была традиционно более монументальной и строгой, выдержанной в византийском стиле. Этот стиль предполагает подчеркнуто замкнутое внутреннее пространство – будь то мечеть или дворец, тогда как персидский и особенно индийский стиль характеризуется созданием декоративных и смысловых эффектов на основе места расположения и окрестного пейзажа. Таким образом, сравнительно суровые климатические условия Константинополя отвечали строгости суннитского учения, которому приличествовала монументальная и массивная архитектура в османских владениях, резко отличавшаяся от более роскошных, почти женственно утонченных зданий в Персии и в империи Моголов⁷².

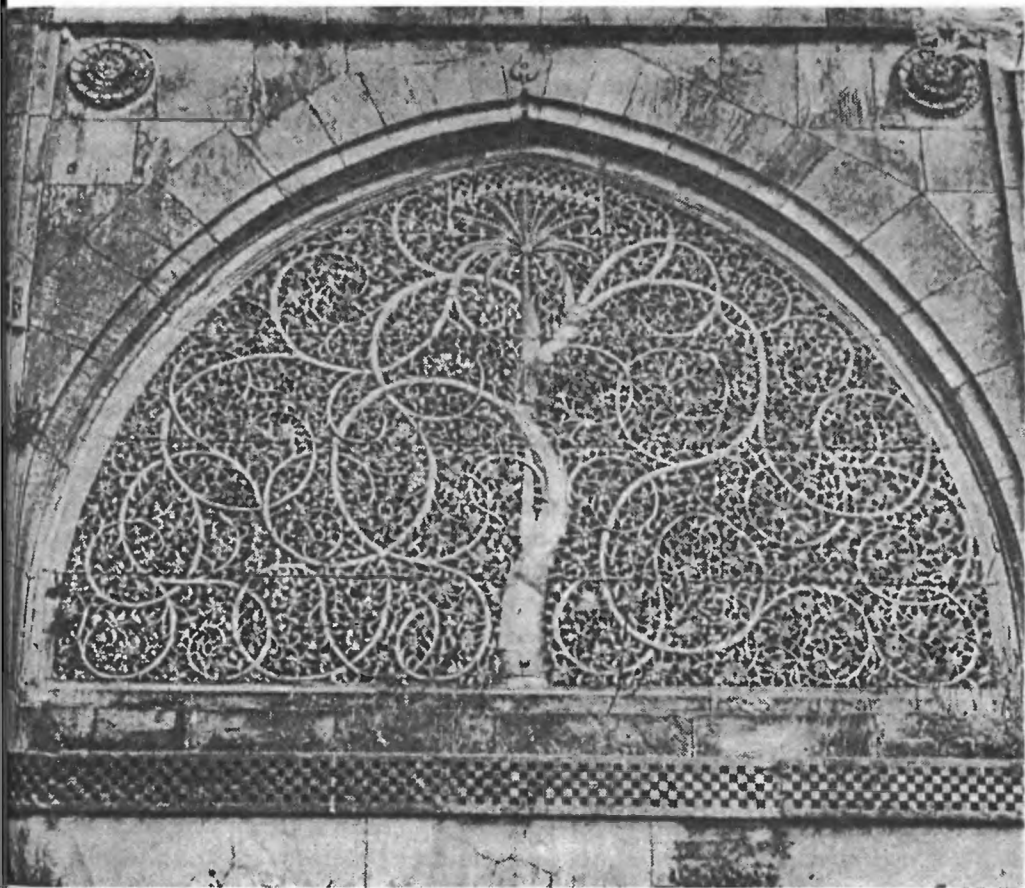
Тот, кто знакомится с мусульманским искусством XVI–XVII вв., отмечает разнообразие дворцовой культуры, отражаемой каждым стилем, а глядя на смешение персидских, турецких, арабских, индуистских, китайских и европейских элементов, а также на удачное объединение различных стилей искусства из такого разнообразия, трудно поверить, что мусульманская культура и цивилизация с начала XVI в. находились в состоянии упадка. Мусульманская литература, художественное крыло которой пробавлялось игрой слов, а философское под крепкой уздой богословов и законников предназначалось лишь для ядовитых выпадов между суннитами и шиитами, выглядит, конечно же, менее привлекательно на вкус западного читателя, однако и здесь расцвет новых диалектов как литературных носителей может, очевидно, восприниматься как признак непрекращающейся способности к росту.

Не вызывает сомнений тот факт, что по всем стандартам за исключением только одного, имеющего отношение к делу, а именно стандарта, установленного современным развитием европейской цивилизации, – ислам находился в состоянии процветания, а с учетом того, что острота религиозных конфликтов в XVII в. притупилась, мусульмане вполне справедливо могли считать, что они успешно прошли через все невзгоды, угрожавшие в начале XVI в. их сообществу как изнутри, так и извне. Результатом была

⁷² По вопросам мусульманского искусства рассматриваемого периода я использовал следующую литературу: F.B.Havell, *Indian Architecture from the First Mohammedan Invasion to the Present Day* (London: John Murray, 1913); Heinrich Glück and Ernst Diez, *Die Kunst des Islam* (Berlin: Propyläen-Verlag, 1925); Arthur Upham Pope, *An Introduction to Persian Art* (London: Peter Davies, 1930); Arthur U.Pope (ed.), *A Survey of Persian Art* (6 vols., London: Oxford University Press, 1938–39); Sir Thomas W.Arnold, *Painting in Islam* (Oxford: Clarendon Press, 1928); Percy Brown, *Indian Painting under the Mughals* (Oxford: Clarendon Press, 1924); L.A.Mayer, *Islamic Architects and Their Works* (Geneva: Albert Kundig, 1956); Hermann Goetz, *Bildatlas zur Kulturgeschichte Indiens in der Grossmogulzeit* (Berlin: Dietrich Reimer & Ernst Vohsen, 1930).

Музей прикладного искусства (Musee des Arts Decoratifs), Париж.

Государственный секретариат по делам Содружества (Библиотека индийского отдела) (Secretary of State for Commonwealth Relations (India Office Library)) и Р.Б.Флеминг и К° (R.B.Fleming & Co., Ltd.), Лондон.

ПЕРСИДСКИЙ КОВЕР И ИНДИЙСКОЕ ОКНО

Изящные линии и четкий орнамент этих двух образчиков мусульманского искусства XVI в. свидетельствуют о поразительном мастерстве, опирающемся на вековые традиции. Такому уровню в XVI—XVII вв. Европа еще не могла противопоставить ничего подобного.

чрезмерная самоуспокоенность по отношению к миру неверных – европейцев и пр., тогда как непоколебимый внутренний консерватизм стоял твердой преградой на пути всяким новшествам.

Обращенный по своей сути в прошлое характер исламского права и обрядовой системы, несомненно, предрасполагал мусульманский мир к такой негибкой позиции. При этом жестокие столкновения между суннитами и шиитами в XVI в. еще сильнее привязывали мусульман к старым догматам об истине и вели к отказу от тех элементов в исламском интеллектуальном наследии, которые могли позволить им в меньшей степени отставать от невиданных революционных преобразований в культуре и экономике Европы⁷³. Дух, подобный духу итальянского Возрождения, широко присутствовал при дворе Мехмеда Фатиха⁷⁴ и Акбара, однако Селим I Грозный и Сулейман Кануни принимали меры для искоренения опасных мыслей в Османской империи, тогда как Аурангзеб пытался делать то же самое в Индии. Сулейман здесь настолько преуспел, что в Османской империи (да и в других мусульманских государствах) иссякли пытливый дух и стремление к новшествам, которые в XVII в. в Европе дали жизнь современной литературе и науке. Именно в этом гораздо больше, чем в утрате прибылей от посредничества в торговле пряностями, лежит главная причина неудач ислама в современную эпоху.

Такому результату в значительной мере способствовала социальная структура исламского мира. Новые идеи наталкивались на невосприимчивую почву в государствах, опиравшихся на небольшой класс чиновников и военных, стоявший гораздо выше обремененного податями крестьянства. Рабская покорность горожан в отношении чиновников и землевладельцев была постоянно характерна для общества Среднего Востока начиная со II тыс. до н.э., а Османская империя и империя Моголов самым размахом

⁷³ Чудовищной бездны религиозной нетвердости, разверзшейся было перед суннитской общиной ислама, удалось избежать скорее институциональными, чем интеллектуальными способами. После того как интеллектуальный вызов ереси был встречен не чем иным, как открытым утверждением прошлого, путь для более конструктивных ответов на дальнейшие интеллектуальные вызовы оказался закрытым. Более того, самые убежденные и образованные сунниты пришли к выводу, что некритичное принятие религиозной истины есть единственное прочное в интеллектуальном смысле положение; и чем менее критичным будет отношение, тем лучше. Однако за отсутствием полемики интеллектуальная мощь Османской империи стала быстро идти на спад, а улемы все в меньшей степени могли считаться полновластными хозяевами даже их собственного интеллектуального наследия. Такая интеллектуальная слабость оказалась высокой платой за защиту суннизма от наступления ереси. Любопытно, что интеллектуальная энергия мусульман осталась явно выше в Персии и Индии, где религиозные споры носили ожесточенный характер (особенно в Индии).

⁷⁴ См. Abdulah Adnan-Adwar, «Interaction of Islamic and Western Thought in Turkey», in T.Cuyler Young (ed.), *Near Eastern Culture and Society* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951), pp.121-22.

своей имперской структуры лишь закрепили такую модель общественных отношений. Только в империи Сефевидов, где распространение шиитского учения привнесло некоторый вес народного фактора в политический баланс и где остатки тюркского племенного строя служили противовесом царской бюрократии, политикам удалось создать несколько более широкую социальную базу.

В XVI в. раскол между суннитами и шиитами не отразился на основных социальных характеристиках в мире ислама. Тем не менее, побуждая султанов к более твердому принятию суннитского учения, он мог бы способствовать еще большему расширению разрыва между сельским и городским населением. Как бы то ни было, в XVII–XVIII вв. ремесленники и торговцы в Османской империи оставались открыты для различных форм религиозного иноверия, а ордена дервишей, оторванные от поддерживаемых государством образовательных заведений и от высшего мусульманского учения, все больше пропитывались духом суеверий и колдовства⁷⁵.

К такому результату привело углубление пропасти между суннитской верхушкой и простыми горожанами и мещанами, а также подавление шиитского восстания. Таким образом, в этом отношении, как и в плане политических и культурных последствий, раскол на суннитов и шиитов оказался центральным событием истории ислама в XVII–XVIII вв. По сравнению с ним противостояние с Европой носило незначительный характер.

2. УГНЕТЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

ИНДУИСТСКАЯ ИНДИЯ И БУДДИЙСКАЯ ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ. Несмотря на политический закат индуизма в XVI в., подавляющее большинство индуистов оставались верны своей древней религии и образу жизни. Завоевание страны Моголами лишь слегка затронуло простых крестьян и городских жителей, которые относились к мусульманам в своей среде как к еще одной касте. Главное звено связи правительства с населением – сборщики налогов – управлялось по большей части индуистами, поскольку только они разбирались во всех лабиринтах традиционных земельных систем и податных списков. Более того, во многих районах индуистская аристократия сохранила за собой свои владения, и, как мы видели, император Акбар даже допускал раджпутов в свои официальные высшие круги в армии и чиновничестве. Таким образом, политическое господство мусульман

⁷⁵ Gibb and Bowen, *Islamic Society*, I, Part II, 179-206.

в Индии существенно не влияло на преемственность жизни индуистов со всей ее незапамятной древностью.

И все же переход политической власти к чужой религиозной общности способствовал обеднению высокой индуистской культуры. Так, например, строительство индуистских храмов велось за счет казны и соответственно остановилось, когда править стали мусульмане. Только на крайнем юге, где политический контроль мусульман никогда не был более чем номинальным, продолжалась некоторая архитектурная деятельность. Кроме того, высшие индуистские классы стремились приобрести внешний лоск персидской культуры своих мусульманских сюзеренов, даже если они и оставались при этом верны своей собственной религии. Наиболее ярким продуктом такого смешения культур была живопись раджпутов, так как применение персидской художественной техники при изображении индуистских божеств и героев вскоре привело к возникновению искусства, отличавшегося по стилю от своего прототипа и наделенного собственным очарованием.

Как уже указывалось, религиозный синкретизм между индуистскими и мусульманскими традициями значительно предшествовал завоеваниям Моголов. Так, сикхи, крупнейшая из сект, которые стремились примирить обе веры высшим откровением, предприняли в XVII в. интересную попытку преобразований. Их канон священных писаний был официально закрыт в 1604 г. Сразу же после этого сикхская знать вступила в конфликт с властями Моголов, а община взялась за оружие в такой мере, что когда в XVIII в. империя распалась, сикхи оказались самым сильным преемником Моголов в Пенджабе. За этот успех пришлось дорого заплатить, поскольку преобразование сикхской общины в военное государство на деле означало отказ от стремления ранних сикхских учителей ко всеобщему спасению душ. Многообразие индуистской религиозной традиции и выработанные официальные заповеди ислама не могли быть сведены к тонкой нити повиновения сикхским гуру, независимо от того, насколько впечатляюще оправдывалось их учение успехами в сражениях.

Гораздо более значительными для индуистской общины были народные верования и литературное творчество, которые не поддавались ученым определениям, но оказывали сильнейшее эмоциональное воздействие на своих последователей. До XVI в. обширное разнообразие местных индуистских правил существовало для большинства населения в виде простых обычаев, немногие из которых оформлялись в письменных источниках или какими-то определениями. Древнее учение брахманов, хотя и не было отброшено, мало что значило для неграмотных людей, которым санскрит был недоступен, и брахманские претензии на общественные привилегии, основанные на санскритской традиции, не всегда с легкостью воспринимались низшими

кастами. Однако в XVI в. индуизм пережил процесс жизненно важного реформирования. Святые мужи и поэты не только переместили направленность народных верований, но смогли также дать литературное выражение диалектам Северной Индии и стали пользоваться такими языками для резко усилившихся религиозных проповедей. Тем самым индуизм получил мощную эмоциональную поддержку, обеспечившую ему постоянную приверженность подавляющего большинства индийцев с тех пор и поныне.

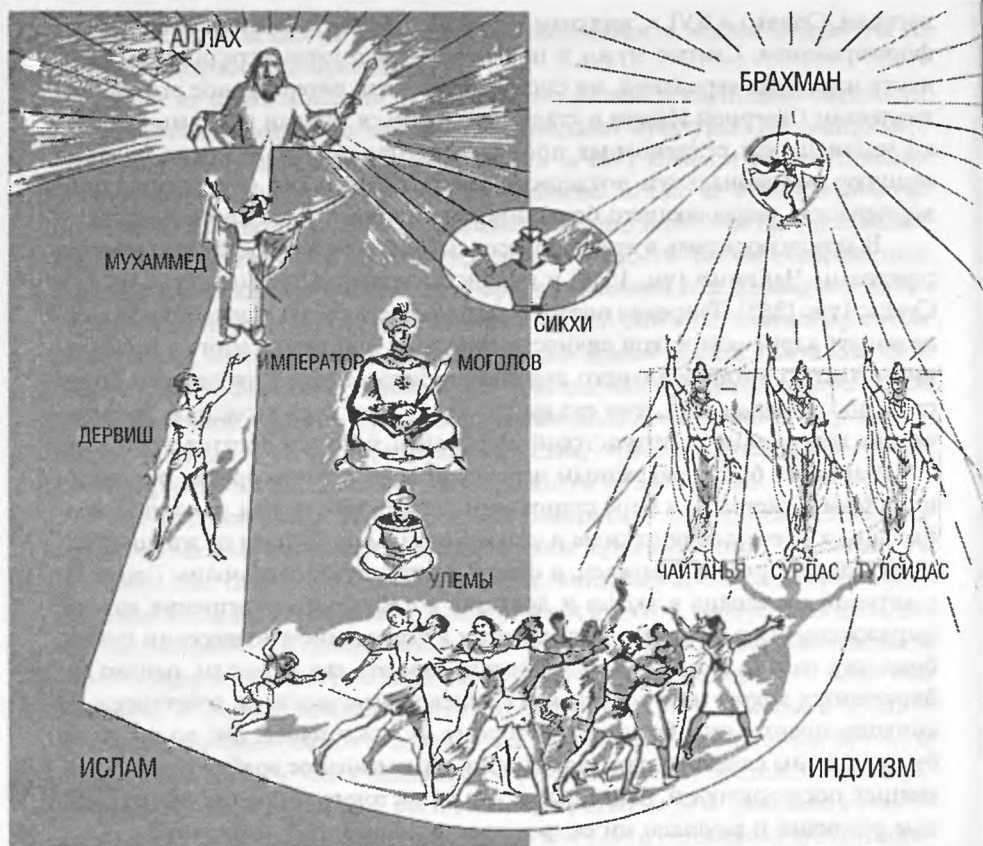
Выдающуюся роль в этом процессе сыграли три личности: святой «возрожденец» Чайтанья (ум. 1534) и индуистские поэты Тулсидас (ум. 1627) и Сурдас (ум. 1563). Творения поэтов и деятельность секты, сформировавшейся вокруг харизматической личности Чайтаньи, привели в итоге к проявлениям высоко эмоционального почитания одного, отдельно взятого божественного воплощения, хотя его выбор из множества инкарнаций, воспеваемых в традиционной индуистской мифологии, у разных адептов отличался.

Чайтанья был незаурядным человеком даже с точки зрения традиции индийских аскетов. По мере становления его личности под влиянием необычайных впечатлений от силы и славы Кришны он отошел от жизни брахмана, для которой был рожден, и стал бродячим проповедником. Легкость, с которой он входил в экстаз и достигал абсолютного отрешения чувств, выражавшегося в сильных конвульсиях и в бесконечном вознесении похвал божеству, давали его недругам основания считать его больным, однако собиравшиеся вокруг него толпы людей видели в нем человека, действительно воплощавшего в себе божество, которому он поклонялся. Бог во плоти не был обычным явлением даже для Индии, и религиозное возбуждение, охватившее последователей Чайтаньи, стирало кастовые и прочие общественные различия и внушало им острое чувство близости к божеству⁷⁶.

Поэт Тулсидас, со своей стороны, ревностно служил другому воплощению божества – Раме, и неустанно описывал его подвиги и славные деяния. И хотя он черпал материал из «Рамаяны», его поэмы были гораздо большим

⁷⁶ Чайтанья проповедовал главным образом в Бенгалии, где в те времена в недавнем прошлом неразвитые народности находились в процессе вхождения в индийское общество. Такие племена, как правило, пребывали на низшей ступени индийской кастовой системы, и некоторые их обычаи считались нечистыми с точки зрения соблюдения обрядов. Этим объясняются успехи ислама в Бенгалии до Чайтаньи, однако движение, начавшееся в результате его деятельности, остановило распространение ислама в этой части страны. Для людей, которые хоть раз испытали на себе эмоциональный подъем возбужденной толпы при виде божества во плоти, исламские обряды и вероучение даже в суфийских формах представляли собой скучный и неинтересный заменитель. А учитывая то, что последователи Чайтаньи на первых этапах этого движения активно отвергали кастовые различия, был подорван и один из основных источников привлекательности ислама.

См. исторический пример победы монашеской и народной веры исихастов в православии, остановившей продвижение ислама на Балканах.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНДУИЗМА

явлением, чем простым переводом с санскрита на хинди. Он обрабатывал и развивал отбираемые эпизоды, постоянно заботясь о подчеркивании божественного начала в прославляемом им боге-человеке. Поэмы Тулсидаса завоевали широкую популярность и играли огромную роль в духовном и религиозном воспитании последующих поколений индуистов.

Весьма схожим по характеру было творчество Сурдаса, в котором мифы о детстве Кришны, в частности истории о его юношеской любви к пастушке, были преобразованы в аллегорию любви божества к людям. Позднее Сурдас был приглашен ко двору Акбара, а его религиозные взгляды и чувства очень напоминали сплетение божественной и плотской любви, долгое время наполнявшее персидскую поэзию и мистицизм суфизма. Возможно,

отчасти в силу такого чужеземного налета его влияние на религиозную восприимчивость более поздних поколений было не так ярко выражено, как влияние Тулсидаса.

Согласно индуистской традиции, и Рама, и Кришна были аватарами бога Вишну, а последователи Чайтаньи считали его еще одним воплощением этого же бога. Таким образом, сообщества, выросшие под влиянием Чайтаньи и двух великих индуистских поэтов, были почти совместимы в плане учения, так как каждое из них могло утверждать, что фактически оно поклонялось одной и той же божественной реальности, хотя и в разных проявлениях. При этом каждое сообщество, сосредоточиваясь почти исключительно на выбранной им форме божества, практически создавало отдельную секту с собственными обрядами и книгами, отодвигая на задний план другие стороны разнообразного индуистского наследия. Так, часть своих последователей потерял Шива, а тантрические заклинания и ритуалы растворялись в тепле поклонения очень человеческому и в то же время высоко божественному существу, называемому Рамой, Кришной или Чайтаньи.

Ни в одной из этих сект учение и обряды брахманов не играли какой-либо роли. Тем не менее древняя санскритская традиция сохранялась и пользовалась большим уважением у всех, кроме последователей Чайтаньи, и брахманов по-прежнему приглашали на семейные торжества при рождении детей, свадьбах, похоронах и в других особых случаях. Учитывая, что сокровища санскритского учения были закрыты для подавляющего большинства населения, индуизм как практическая религиозная система стал опираться на новую литературу, созданную на диалектах, и вошел в семейные церемонии, народные процессии и другие красочные проявления религиозности⁷⁷.

Эти процессы привели к популярности индуистской веры в противовес прелестям и суровости ислама. Тепло и колорит религии, построенной на боге-человеке, с которым в моменты религиозного душевного подъема может отождествить себя бедный, ничтожный человек точно так же, как и богатый, не нуждались в поддержке формального богословия. Живой личный опыт миллионов, подпитывавшийся и, конечно же, вырабатывавшийся публичными внехрамовыми обрядами, сам утверждал себя. Ни строгость традиционного знания брахманов, ни рутина священнодействий больше не могли удерживать индуизм в своих рамках. Религиозность народа была так-

⁷⁷ См. K.B.Jindal, *A History of Hindi Literature* (Allahabad: Kitab Mahal, 1955), pp.52-155; Dinesh Chandra Sen, *History of Bengali Language and Literature* (Calcutta: University of Calcutta, 1911), pp.398-565; F.E.Keay, *A History of Hindi Literature* (Calcutta: Association Press, 1920), pp.19-72; Surendranath Dasgupta, *A History of Indian Philosophy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1922-55), IV, 384-95; Melville T.Kennedy, *The Chaitanya Movement* (Calcutta: Association Press, 1925).

же спасена от незамысловатых и низменных проявлений тантризма. Человек, хоть раз лично и непосредственно видевший живого бога индуизма, какие бы одежды на том ни были, становился невосприимчивым к мусульманской, христианской и любой другой религиозной пропаганде. Таким образом, индуизм избежал упадка и разрушения, настигших индийский буддизм всего пятью веками раньше.

Однако описанные преобразования не смогли укрепить индуизм за моря, и ислам вытеснил культ Шивы из Юго-Восточной Азии, за исключением лишь далекого острова Бали. Буддизм, напротив, выжил на Цейлоне (Шри-Ланке), в Бирме и в Сиаме (современный Таиланд). С древних времен на Цейлоне находилась особо почитаемая буддийская святыня, а центральная роль храма в Канди для буддизма всей Юго-Восточной Азии способствовала сохранению этой веры на Цейлоне. Еще важнее было то, что буддизм стал оплотом сингальской культурной самобытности, служившей противовесом вторгшимся на остров с Индийского субконтинента тамилам с их индуистской верой. Подобные силы способствовали сохранению буддизма в Бирме и Сиаме, поскольку народы этих стран держались за свою религию уже в силу того, что она оберегала их от мусульманских общин, окруживших их со всех сторон. Приход европейских торговцев и миссионеров привнес новый беспокоящий фактор в жизнь Бирмы и особенно Сиам. Однако после периода имперской экспансии и соперничества в XVI в. обе страны замкнулись в своих границах, ограничили контакты с иностранцами и стали стремиться с помощью политики изоляции свести до минимума давление, которое мусульмане и европейцы начали на них оказывать⁷⁸.

ХРИСТИАНЕ В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ. В XVI в. на основных исламских территориях оставались лишь мелкие вкрапления сирийских и коптских христиан. Они жили крестьянским трудом в отдаленных горных районах либо занимались каким-либо ремеслом в городах и играли очень незначительную роль в османском обществе. Более обширные христианские

⁷⁸ Сиам отвернулся от остального мира лишь после необычайного периода заигрывания с Францией. Центральную роль в этом сыграл некий греческий авантюрист, известный под именем Фолкон. Уроженец острова Кефалиния, он отправился на Восток и служил в британской Ост-Индской компании, но затем переметнулся к французам и перешел в католичество. В Сиаме он завоевал доверие короля и в течение нескольких лет практически держал в своих руках внешнюю политику Сиам. Он использовал свое положение для ввода в Сиам французских вооруженных подразделений и миссионеров, так что при дворе Людовика XIV уже почти рассчитывали обратить в скором времени в христианство все сиамское королевство. В 1688 г. произошёл дворцовый переворот, стоявший Фолкону жизни, а вскоре после этого французы покинули Сиам. См. W.A.R.Wood, *A History of Siam* (London: T.Fisher Unwin, 1926), pp.189-216; D.G.E.Hall, *A History of South East Asia*, pp.297-315.

общины сохранились в Грузии, Армении и на Балканском полуострове. Грузия удерживала политическую автономию и управлялась царями из местных династий, опасно балансировавшими между османским и персидским сюзеренитетом. До конца XVII в. румынские провинции Молдавия и Валахия часто лишь номинально находились под османским контролем. Однако анатолийские армяне, а также греки и славяне на Балканах жили в условиях прямого османского правления. Это не означало тем не менее полной утраты самостоятельности, поскольку священники греческой, сербской и армянской церковью выполняли немало обязанностей, которые в Западной Европе возлагались на правительства. Христианское духовенство разрешало споры между братьями по религии, когда сельских обычаев оказывалось недостаточно. Священники выступали также посредниками между христианской общиной и османскими властями. Еще одним важным звеном между османскими чиновниками и подчиненным им христианским населением были откупщики, многие из которых – христиане.

В XVII в. стала быстро возрастать роль товарного сельского хозяйства. Важнейшими культурами в земледелии были хлопок, табак, пшеница и кукуруза. Традиционные способы крестьянского хозяйства, особенно в плодородных долинах восточной половины Балкан, насильственно меняли сельскохозяйственные предприниматели, заинтересованные в максимальном увеличении доходов от земли. Как правило, товарное производство сельскохозяйственных продуктов способствовало увеличению доли помещиков в общем объеме собираемого урожая в ущерб интересам крестьян⁷⁹.

Еще одной жизненно важной переменой для христианского крестьянства стало прекращение после 1638 г. практиковавшегося османскими властями утона в рабство христианских юношей, которых обучали для службы при дворе и в армии. Это означало конец своеобразной дани, часто вызывавшей возмущение крестьянских семей. Однако для османского общества в целом такое решение вылилось в гибельную потерю социальной мобильности. В результате разрыв между христианами и мусульманами, землевладельцами и крестьянами, деревней и городом в XVII в. и в последующем

⁷⁹ Такие перемены повлекли за собой резкое снижение доли военных землевладельцев и, как следствие, сокращение турецких кавалерийских частей в османских войсках. Новые землевладельцы были мусульманами, преимущественно городского происхождения, обязанными своим положением, как правило, личным связям с высокопоставленными особами. Законность многих прав на землю вызывала явные сомнения. См. Richard Busch-Zantner, *Agraverfassung, Gesellschaft und Siedlung in Südosteuropa* (Leipzig: Otto Harrassowitz, 1938), p.63; Jovan Cvijic, *La Péninsule balkanique: géographie humaine* (Paris: A.Colin, 1918); L.S.Stravrianos, *The Balkans since 1453* (New York: Rinehart, 1958), pp.138–42; Traian Stoianovich, «Land Tenure and Related Sectors of the Balkan Economy, 1600–1800», *Journal of Economic History*, XIII (1953), 398–411.

серьезно расширялся. Поскольку все государственные чиновники первые 12-20 лет своей жизни жили в христианских деревнях и обычно сохраняли определенные сдержанное чувство симпатии к своей прежней нации и вере⁸⁰, политика управления не могла отражать только интересы мусульманских землевладельцев и городских группировок общества. Когда же, напротив, в войска и в государственный аппарат стали набирать детей мусульман, причем отцы многих из них уже находились в числе военной и государственной верхушки, такая политика прекратилась. Крестьяне-христиане стали объектом узаконенного и незаконного угнетения. Энергичные крестьянские юноши, которые в прежние времена могли рассчитывать на высокое положение в государстве, вынуждены были заниматься разбоем, и скрытая, сдерживаемая в нормальных условиях вражда между крестьянином-христианином и помещиком-мусульманином, не проявлявшаяся в ранний период существования Османской империи, начала разделять и ослаблять общество в целом. Возможно, эти явления в большей степени, чем другие одиночные факторы, подорвали и разрушили государственность Османов, но их последствия в XVII в. только начинали сказываться.

В XVI-XVII вв. культура христиан в Османской империи достигла нижней отметки. Церковные иерархи и немногочисленные городские торговцы, банкиры и откупщики, составлявшие верхушку христианского населения, как правило, были довольны привилегиями, предоставленными им османским строем. Часто они даже не уступали турецким феодалам и чиновникам в угнетении своих собратьев христиан. Отголоски религиозных споров, так сильно будораживших христианство на Западе в период Реформации, едва-едва доносились до христиан православных. Однако давнее народное предубеждение против латинских еретиков усиливало духовное и интеллектуальное безразличие продажных интриганов, стоявших во главе православной церкви в эпоху, когда должности открыто покупались у султана или его великого визиря. Таким образом, усилия патриарха Кирилла Лукариса, направленные на более эффективную борьбу с католицизмом путем реформирования православия на кальвинистский манер, были успешно подавлены его противниками, убедившими султана казнить его по надуманному обвинению (1638 г.). После этого иерархи греческой церкви сосредоточились на расположении к себе османских властей, с презрением отвергая все западное как ересь.

В то время как городские культурные традиции балканских христиан

⁸⁰ Великий визирь Мухаммед Соколлы, управлявший Османской империей с 1560-го по 1579 г., использовал свою власть для восстановления сербского патриархата в Пече и назначил своего брата первым патриархом.

пребывали в состоянии такого застоя, живая крестьянская культура расцвела в горах дикого Запада полуострова, где в героических балладах описывалось поражение сербского рыцарства на Косовом Поле (1389 г.) и подвиги благородных лесных разбойников. Однако балканские христиане практически ничего не создали на более высоком уровне в литературе, искусстве или в науках. Лишь в нескольких монастырях сохранялись некоторые жалкие остатки бывшего византийского, сербского и болгарского великолепия в виде заброшенных библиотек и приходящих в упадок церквей⁸¹.

ЕВРЕИ В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ. XVI в. можно назвать золотым веком для евреев Османской империи. Многие из них нашли здесь убежище от преследований со стороны Испании и Португалии. Принося с собой не только капитал, но и торговые связи и дух предприимчивости, они очень быстро достигли значительного положения в экономической жизни Османской империи. Так, например, некто Иосиф Нази завоевал доверие султана и играл важную роль в финансовых и дипломатических делах османского правительства в течение более чем двух десятилетий (1553–1574 гг.)⁸².

В XVII в. наметился, однако, сильный спад, поскольку закат торгового процветания Османской империи сказался на евреях более заметно, чем на других общинах. Экономические трудности, в свою очередь, стали основой для необычайного взлета Шаббатая Цви, объявившего себя в 1666 г. долгожданным Мессией, что привело в состояние неистового возбуждения евреев по всей Османской империи и за ее пределами. Результатом стала дискредитация всех евреев в глазах султана, переставшего доверять их политической лояльности. Это позволило выдвинуться на стратегические посты в османском обществе, ранее занятые преимущественно евреями, грекам и армянам. Так, например, христиане стали банкирами османского строя, предоставляя турецким пашам средства, необходимые для покупки должностей, и широко вознаграждая себя получением сложных процентов, всевозможных официальных привилегий и мест откупщиков. Греки стали также основными переводчиками и посредниками для турок в их делах с собственными христианскими подданными и с западными европейцами. Таким образом, во второй половине XVII в. основная масса еврейской общины состояла из подавленных торговцев, бедствующих ремесленников и отвергну-

⁸¹ Турки особенно враждебно относились к христианскому зодчеству и, как правило, не давали разрешения на строительство новых церквей. Они также препятствовали ремонту старых зданий, устанавливая для этого специальные разрешения.

⁸² См. Cecil Roth, *The House of Nasi: The Duke of Naxos* (Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1949).

тых толмачей. От привилегированного и прочного положения предшественников осталось совсем мало⁸³.

3. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

КИТАЙ. С точки зрения Пекина, «варвары южных морей» из Европы, которые с 1513 г. время от времени появлялись в портах Южного Китая и к 1557 г. основали постоянную базу в Макао, были наименьшим из зол, нарушавших покой династии Мин. Центральное правительство постепенно теряло контроль над страной, пока на смену ему не пришло в течение каких-то шести десятилетий (1621–1683 гг.) правление варваров-завоевателей, нахлынувших из маньчжурских лесов и степей на северо-востоке. Такие перемены вряд ли потрясли Китай до основания, поскольку маньчжурские завоеватели XVII в. были гораздо более окитаены перед захватом Китая, чем большинство их предшественников среди варваров. Соответственно жизнь и государственные органы в Китае оказались затронуты меньше, чем при прошлых вторжениях варваров.

Несмотря на не изменившийся в целом характер жизни Китая, новый режим на морях, возведенный прибытием первых португальских купцов в Кантон в 1513 г., имел важные последствия для китайского общества. К концу XVII в. новые морские связи впрыснули в жизнь Китая элементы брожения, начавшие разъедать из глубины традиционную структуру. Однако эти явления сказались не сразу. Напротив, в 1700 г. Китай был по-прежнему велик и благополучен, а его древние устои, искусства и обычаи пребывали в хорошем действующем состоянии.

Переход от династии Мин к маньчжурскому правлению вполне соответствовал историческим примерам, поскольку обычные проблемы долго находящихся у власти китайских династий постепенно подорвали и династию Мин. Тяжелую и несправедливую податную систему дополняли страхи и амбиции лишившихся расположения двора чиновников, способных поднимать бунты в провинции, а военная верхушка империи, по-прежнему многочисленная и временами грозная, утратила свою сплоченность, когда ее руководители погрязли в трясине дворцовых интриг⁸⁴.

Естественно, внутренней слабостью воспользовались варвары. К дав-

⁸³ Traian Stoianovich, «The Conquering Balkan Orthodox Merchant», *Journal of Economic History*, XX (1960), 244–48.

⁸⁴ Замечательная история о том, как удачливый морской военачальник, начавший свою карьеру с восстановления власти Китая в прибрежных водах, потерял должность и жизнь в таких интригах, описана в работе: C.R.Boxer, *South China in the 16th Century, Being the Narratives of Galeote Peireira, Fr.Gaspar da Cruz, Fr.Martin de Rada (1550–77)* (London: Hakluyt Society, 1953); pp.xxvi-xxix.

ним врагам китайцев – монгольским и маньчжурским племенам на северо-востоке – прибавились японские и европейские морские пираты, при этом китайские бунтовщики часто помогали и тем, и другим. В конце XVI в. слабость Китая стала соблазном для Японии, незадолго перед тем объединившейся при военном диктаторе Хидэеси и решившей развить локальные успехи пиратов массовым вторжением на материк. После нескольких лет победных, но не получивших логического завершения военных действий в Корее смерть Хидэеси (1598 г.) вынудила японцев отступить.

Ничто подобное не мешало продвижению маньчжуров. Образовав после 1615 г. прочную конфедерацию, они начали захватывать китайские поселения в Южной Маньчжурии (1621 г.) и в 1644 г. коварством захватили Пекин: маньчжурские войска вошли в столицу как союзники «верного» императору династии Мин генерала, но отказались признавать верховенство Мин и провозгласили новую династию – Цин. Последние сторонники династии Мин продолжали бороться вплоть до 1683 г., а после того, как были повержены или принуждены сдаться, в Китай вернулись мир и порядок и была создана основа для нового периода процветания, надежности и стабильности.

Маньчжуры восстановили китайскую администрацию во всех гражданских сферах, но военное дело держали в своих руках. Лучшие регулярные части стояли по всей империи в стратегически важных пунктах. Если солдатскую службу, кроме маньчжуров, несли и монголы, и некоторые китайские подразделения, то в высшем командовании были только маньчжуры. Прилагались сознательные усилия, чтобы традиции, обмундирование и приемы маньчжурских воинов отличались от китайских, так что в течение нескольких поколений варварская сила и воинская дисциплина новых хозяев Китая позволяли им держать Тибет и Монголию в страхе, если и не всегда в полной покорности.

Все эти события полностью соответствовали предыдущей истории страны. Каждая новая китайская династия стремилась контролировать западные и северные пограничные земли, и все варварские завоеватели рано или поздно признавали преимущества восстановления китайской администрации в центральных районах страны. В этом можно было видеть и симптомы ослабления степных народов, когда в своей борьбе с организованной военной системой цивилизованных государств маньчжурам пришлось столкнуться с новым соперником за влияние на степных кочевников – Россией. Передовые казацкие отряды простерли щупальца Российского государства на сибирскую тайгу еще в начале XVI в., а в дальнейшем не без успеха стремились распространить свое влияние на южные степные районы Центральной и Восточной Азии. Но центры российской власти находились очень далеко,

а русские войска были целиком заняты на Западе, поэтому после нескольких стычек между обеими империями они договорились (Нерчинский договор 1689 г.) о разграничении зон влияния на Дальнем Востоке в целях урегулирования караванной торговли между Сибирью и Пекином. По этому договору, Внешняя Монголия и центральные степные районы оставались ничейными. Китайские силы впоследствии продвинулись глубже в Центральную Азию, и Кяхтинским договором (1727 г.) Россия была вынуждена признать юрисдикцию Пекина над последними крупными оплотами политической власти кочевников⁸⁵. Никогда ранее китайским династиям не удавалось столь успешно укрепить свои границы с кочевниками.

Однако точного соблюдения традиционных способов вскоре уже оказалось недостаточно для защиты китайских берегов. Японские пираты и европейская морская мощь намного превосходили все, с чем прежним китайским правительствам приходилось когда-либо сталкиваться, а морская империя, созданная вблизи южного побережья Китая пиратским главарем Коксингой⁸⁶, оказалась такой угрозой, которой традиционная военная машина не могла легко противостоять⁸⁷. Основным принципом китайской дипломатии был все же принцип «разделяй и властвуй», и, вежливо договариваясь с назойливыми европейскими морскими купцами, и династия Мин, и маньчжуры обеспечивали нужный противовес местным пиратским силам⁸⁸.

Еще важнее для ослабления идущей с моря опасности оказалась политика японского правительства, становившаяся все более враждебной по от-

⁸⁵ См. John F. Baddeley, *Russia, Mongolia and China*; Michel N. Pavlovsky, *Chinese-Russian Relations* (New York: Philosophical Library, 1949), pp. 4-41.

⁸⁶ Коксинга (Кошинга) – португальская транслитерация Чжэн Чэнгуна (ум. 1662), самозванного защитника династии Мин, основавшего пиратское государство на островах и в заливах южного побережья Китая (в частности, провинции Фуцзянь), а с 1662 г. на Тайване, отбитом им у голландцев незадолго до своей смерти. См. также Arthur W. Hummel (ed.), *Eminent Chinese of the Ch'ing Period* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1943-44, s.v.); Henri Cordier, *Histoire générale de la Chine* (Paris: Paul Genthner, 1920), III, 262-65.

⁸⁷ Китайские морские силы действовали временами успешно, а их военные корабли иногда даже одерживали верх в столкновениях с португальскими, как, например, в 1520-1522 гг. Но законное императорское окружение с его недалекими взглядами, обращенными только на сушу, никогда не уделяло должного внимания морской мощи государства. Брошенный на произвол судьбы флот неизбежно становился источником пополнения сил для пиратов, тем самым усугубляя подозрительное к нему отношение со стороны двора. См. P. A. Tschepe, *Japans Beziehungen zu China seit den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1600* (Jentschoufu: Verlag der katolischen Mission, 1907), pp. 216-307.

⁸⁸ Как представляется, поселение в Макао было основано благодаря соглашению между местными китайскими чиновниками и португальцами, обязавшимися использовать свои суда против пиратов. См. Boxer, *South China in the 16th Century*, pp. xxxv-xxxvi; Tien-tse Chang, *Sino-Portuguese Trade from 1514 to 1644* (Leyden: E. J. Brill, 1934); pp. 86-91.

Небезынтересно отметить, что соглашения Китая с Россией, оформленные договором в

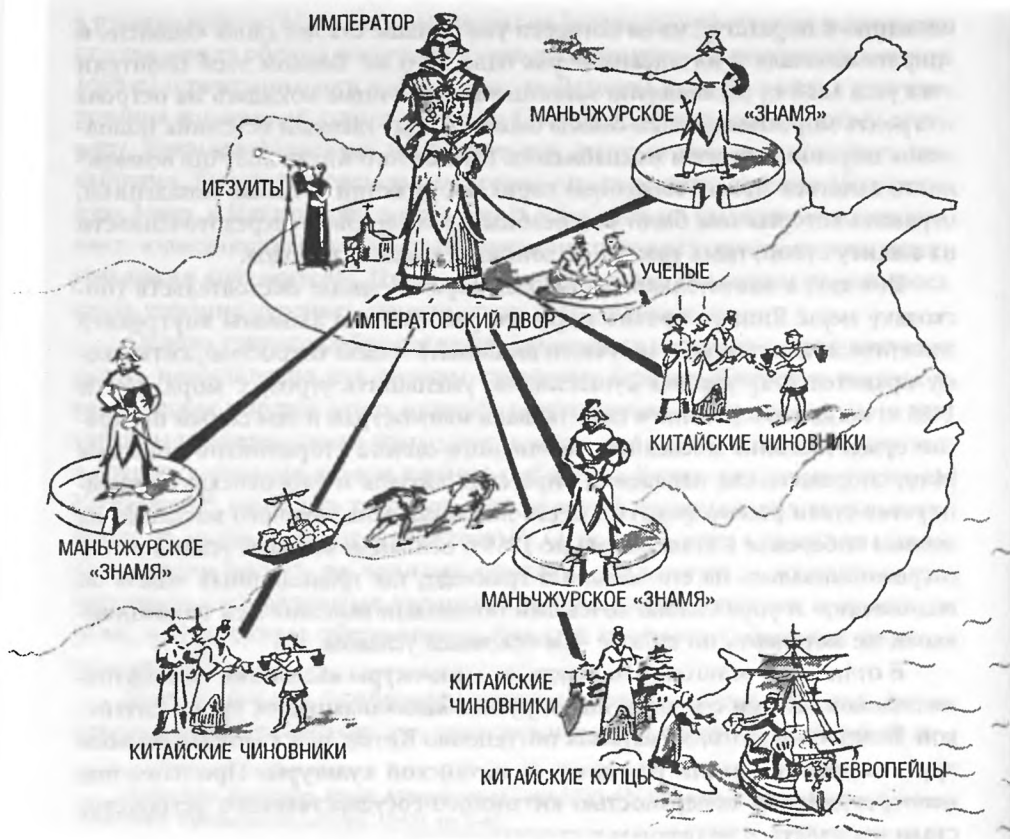
ношению к пиратству, из-за которого уже больше ста лет слова «японец» и «пират» означали в китайских морях одно и то же. Венцом этой политики стал указ 1638 г., официально запрещавший японцам покидать их острова и строить морские суда. Тем самым был перекрыт главный источник пополнения пиратов людьми и их снабжения. После этого Китай получил возможность заняться приспособлением своих вооружений к таким нападениям, отражать которые они были неспособны в силу вековой сосредоточенности на защите сухопутных границ от конницы кочевых народов.

Вот так, в значительной мере благодаря стечению обстоятельств (по-скольку меры Японии против морского разбоя были вызваны внутренней политической ситуацией) и отчасти дипломатической хитростью, китайскому правительству удалось существенно уменьшить угрозу с моря. После 1683 г., когда внук Коксинги сдал Тайвань маньчжурам и тем самым прекратил существование последнего публичного оплота сторонников династии Мин, спорадические нападения пиратских джонок и европейских купцов-пиратов стали рассматриваться всего лишь как дела местного масштаба на южном побережье Китая. Вплоть до 1759 г. основные военные усилия Китая сосредоточивались на его западных границах, где традиционная задача по подчинению и управлению кочевыми общинами выполнялась традиционными же методами, но с более чем обычным успехом.

В отличие от монголов Чингисхана, маньчжуры абсолютно не запятнали себя контактами с какими-либо другими цивилизациями, кроме китайской. Вследствие этого, захватывая постепенно Китай, они с минимальными трудностями усваивали всю широту китайской культуры. При этом под непотревоженной поверхностью китайского государственного устройства стали проявляться медленные и практически не замечаемые изменения, вызванные к жизни европейской торговлей и открытиями. В начале XVIII в. эти нововведения достаточно легко встраивались в здание китайской цивилизации и не ослабляли, а скорее укрепляли империю. Те европейские новшества, которые с трудом вписывались в китайские традиции, просто отвергались как недостойные внимания.

Крупнейшим преобразованием, которое можно приписать завоеванию европейцами океанов, стал ввоз в Китай американских продовольственных культур. В течение XVI–XVII вв. завезенный в страну батат, отличающийся

1689 г., а также местные и менее официальные соглашения в Южном Китае с португальскими, голландскими и британскими купцами в основном отвечали такой же модели. И в том, и в другом случае Китай предпочитал договариваться с более дальними силами, чтобы обеспечить себе возможность ликвидировать непосредственную местную угрозу миру и порядку. С точки зрения Китая, таким образом, зацепки европейцев в Южном Китае представляли собой всего лишь применение проверенной временем дипломатии к постоянным проблемам охраны берегов.

КИТАЙ ПРИ МАНЧЖУРАХ

неприхотливостью к почвам и высокой урожайностью при интенсивном земледелии, позволил обрабатывать склоны холмов и другие неплодородные и непригодные для риса земли⁸⁹. Социальный эффект этого нововведения вместе с внедрением других, менее ценных новых культур (кукуруза, арахис, табак, «ирландский» картофель и др.) оказался аналогичным результату распространения скороспелого риса в XI–XIII вв. Появилась возможность обрабатывать новые обширные площади, особенно в Южном Китае. Это, в свою очередь, способствовало повышению веса помещиков в китайском обществе в целом, что можно расценивать как вопрос критической важности

⁸⁹ См. Ping-ti Ho, «The Introduction of American Food Plants into China», *American Anthropologist*, LVII (1955), 191–201.

в эпоху, когда ремесленничество и торговля также заметно находились на подъеме.

Второй важной особенностью, проявившейся во второй половине XVII в., стал рост населения. Ему, несомненно, способствовали новые американские сельскохозяйственные продукты и умиротворение Китая в результате побед маньчжуров, а также, вероятно, повышение иммунитета к эпидемическим болезням. К началу XVII в. население Китая составляло около 150 млн человек, т.е. в два с половиной раза больше, чем в начале царствования династии Мин (1368 г.). И хотя длительные политические волнения и войны XVII в. привели к сокращению населения, основные потери были восполнены к 1700 г., когда общее население Китая снова достигло примерно 150 млн⁹⁰.

Китайская торговля и ремесленничество в XVI–XVII вв. также расширились. Китайский экспорт нашел для себя новые рынки в Европе и Америке (через Филиппины), а по некоторым видам товаров, например фарфоровым изделиям, было организовано своего рода массовое производство для заморских рынков. Наплыв мексиканского серебра восполнил давнюю нехватку в Китае металла для чеканки монет. Описанные процессы обогатили новых китайских торговцев и, очевидно, способствовали росту числа ремесленников, хотя и не привели к заметным изменениям в социальном статусе тех или иных групп. Пока сельское хозяйство развивалось на равных с городом, ничто не могло разрушить старый порядок подчинения торговцев и ремесленников классу помещиков и чиновников, а вся китайская традиция, политика правительства и даже самые высокие ценности, взлелеянные самими горожанами, были направлены на сохранение такой общественной иерархии.

Культурные процессы в Китае в точности отражали прочную устойчивость китайского общества в целом. Новшества, когда они мирно вписывались в существующие шаблоны мысли и чувств, воспринимались активно, независимо от того, расходились ли они с городских улиц, как это случилось с плутовской прозой, обосновавшейся в китайской литературной культуре в XVII в., или их приносили европейские варвары, как, например, очень интересные новые сведения по математике, астрономии и географии. Отдельные китайские художники экспериментировали также с европейской линейной перспективой и светотенью, а придворным очень нравились часы

⁹⁰ Приводимые оценки даются с широкими пределами погрешности, учитывая сильные расхождения во мнениях исследователей. Мы ссылаемся на работу: Ping-ti Ho, *Studies on the Population of China, 1368–1953* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959), pp.10, 264–66.

с боем и другие механические игрушки, розданные в качестве подарков иезуитами-миссионерами в Пекине.

Отметим, что сам по себе интерес к заграничным вещам ничего не означал. Иностранные взгляды и техника оставались не больше, чем забавными курьезами, ничуть не способными нарушить то самодовольство, с которым образованные китайцы взирали на свое культурное достояние. В конце концов, главной задачей было сохранять это высокое наследие добросовестным почитанием предков как в искусстве, так и в науках. Официальной доктриной государства оставалось неоконфуцианство, и хотя писатели серьезно расходились, толкуя учение Конфуция, все они были согласны, что основные усилия должны направляться на более тесное соответствие «классике Хань» путем очищения от буддийского и даосского наслоений. Такая робкая архаичность⁹¹ едва ли вела к отрыву от неоконфуцианских идеалов; она лишь отчасти ограничивала смелость ранних интерпретаций классики, сосредоточивая внимание на тщательном анализе слов и их значений⁹².

Итак, к 1700 г. торговое, военное и миссионерское давление Европы на

⁹¹ Энергия, с которой китайские ученые цинской (маньчжурской) эпохи стремились очистить древнее учение, объяснялись, очевидно, отчасти психологическим страхом перед новыми и непонятными перспективами, открываемыми европейской ученостью и наукой. Аналогичная защитная реакция, направленная на заделывание прорех в местном культурном панцире с помощью обращения к старой истинности, возникла в России при патриархе Никоне точно в тот же период. Сиа, Бирма и Япония реагировали на давление Европы, как правило, одинаково – путем подтверждения значения своей собственной древней и незапамятной культуры. Только Китай добился какой-то определенной выгоды из такого отрицательного и по своей сути эскапистского отношения, оттачивая орудия своей литературной образованности до уровня, едва ли достигнутого лучшими европейскими филологами.

⁹² J.R.Hightower, *Topics in Chinese Literature* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950); pp.68-70; Fung Yu-lan, *History of Chinese Philosophy*, II, 592-672; Osvald Siren, *A History of Later Chinese Painting* (London: The Medici Society, 1938); II, 70-77 and *passim*; Cyrus H.Peake, «Some Aspects of the Introduction of Modern Science into China», *Isis*, XXII (1934-35), 173-77. Роль миссии иезуитов, прибывшей в Китай в 1582 г. и обосновавшейся при императорском дворе в 1601 г., оценить трудно. Члены миссии занимали высокое положение в официальной иерархии, а Адам фон Шаль, возглавлявший миссии в 1640–1664 гг., пользовался чрезвычайным личным авторитетом у первого маньчжурского императора, взошедшего на драконовы престол еще мальчиком и видевшего в иезуите одновременно друга и наставника. Альфонс Фат в работе: Alfons Vâth, *Johann Adam Schall von Bell, S.J., Missionar in China, Kaiserlicher Astronom und Ratgeber am Hofe von Peking, 1592–1666: Ein Lebens und Zeitbild* (Cologne: J.P.Bachem, 1933, p.192) высказывает даже предположение, что фон Шаль был фактическим правителем Китая в 1651–1660 гг., так как сам император мало интересовался искусством управлять государством.

При всех их придворных связях, пользе, которую они приносили правительству в качестве астрономов, инженеров и математиков, искренности проповедования христианского учения и усилиях по приспособлению христианских привычек к китайским обычаям идеи и умения иезуитов оставались, как представляется, просто экзотической диковиной в глазах образованных китайцев и никогда не пускали корни за пределами очень узкого круга. Очевидно, традиционное воспитание и образование были настолько хорошо организованы, что у простых людей не было времени на новшества. См. Arnold H.Rowbotham, *Missionary and Mandarin: The*

традиционный китайский уклад успешно сдерживалось восстановленным государственным устройством Срединного царства. Интеллектуальные вызовы, приносимые новым дыханием мира, в основном пролетали мимо. Китайские политические проблемы успешно решались традиционными методами, а экономические перемены лишь укрепляли и упрочняли китайское общество.

ЯПОНИЯ. Несмотря на сохранение призрачной императорской власти, Япония в 1500 г. была разделена на многочисленные феодальные владения и то там, то тут шла гражданская война. Общины воинствующих монахов оспаривали власть самурайских родов, а под руководством буддийских сект даже простые крестьяне время от времени брались за оружие. Морской разбой, организованный владельцами прибрежных княжеств и шайками городских авантюристов, дополнял беспорядки на суше. Пиратские банды совершали опустошительные набеги в глубь территории Китая, поднимаясь даже по Янцзы до Нанкина, который был осажден ими в 1559 г., а японские корабли выходили временами в Индийский океан. В течение XVI в. все более крупные объединения самурайских родов увеличивали масштабы военных действий, а более высокое мастерство и организованность этих профессиональных воинов вскоре привели к тому, что буддийские монахи и их крестьянские ополченцы были изгнаны с полей сражений. Укрепление военной системы⁹³ не прекратилось с победой самураев, поскольку к 1590 г. все военные кланы были вынуждены признать верховенство самозванного диктатора Хидэеси (ум. 1598). После временного перерыва, когда Хидэеси тщетно, но упрямо пытался с помощью пиратов полностью захватить Китай, его преемники, сёгуны рода Токугава, ликвидировали единственный оставшийся оплот независимой военной силы, запретив выходить в море и строить корабли (1626–1628 гг.).

Благодаря этим мерам в Японию вернулись мир и порядок. За ними

Jesuits at the Court of China (Berkeley and Los Angeles, Calif.: University of California Press, 1942). Критический опыт иезуитов, возможно, способствовал стимулированию «школы учености Хань» в ее нападках на буддийские включения в произведения Конфуция. См. Herrlee G. Creel, *Confucius, the Man and the Myth* (New York: John Day Co., 1949), pp. 258–59. Однако связь эта могла быть скорее обратной, и иезуиты сами использовали нападки китайских ученых на элементы буддизма в конфуцианстве в качестве эффективного оружия против недружественной христианству части традиционной китайской культуры. См. Kenneth Scott Latourette, *A History of Christian Missions in China* (New York: Macmillan Co., 1929), pp. 196–97.

⁹³ Внедрение огнестрельного оружия европейского типа оказало сильное влияние на победу центральной власти, так как производство мушкетов и пушек можно было монополизировать гораздо проще, чем производство мечей. См. Delmer M. Brown, «The Impact of Firearms on Japanese Warfare», *Far Eastern Quarterly*, VII (1948), 236–53.

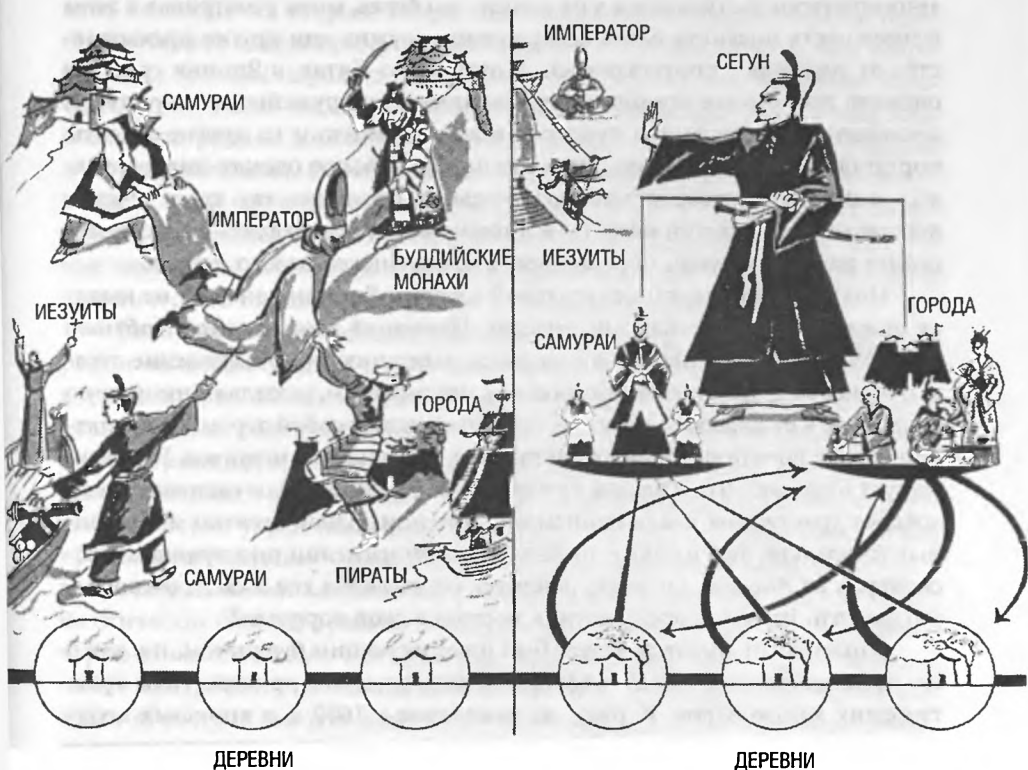
последовала вспышка экономического процветания, позволившего по иронии судьбы купечеству вернуть многое из утраченного во время войны. Лишенные в наступившей мирной эпохе своих занятий самураи бросились в расточительство и безнадежно завязли в долгах. Финансисты и купцы, со своей стороны, использовали богатство для поддержки городской культуры средних классов, отличавшейся силой и чувственностью и вольно или невольно противостоявшей суровому кодексу самураев. Таким образом, города взяли на себя ту роль, которую ранее в истории японской культуры играл императорский двор, и предложили альтернативу жизненному укладу, почтившемуся, хотя и не всегда соблюдавшемуся, военной земельной аристократией.

Такие стремительные и резкие перемены в японском обществе вызывали сильные водовороты и противные течения, и действия правителей, сменявших друг друга в высших сферах власти, должны были учитывать развитие событий. Хидэеси, начавший свою карьеру подручным конюха и ставший в конце концов деспотичным диктатором, чьи приказы не обсуждались нигде и никем в Японии, в течение всей своей жизни проводил безудержную агрессивную политику. Основатель сегуната Токугава – Иэясу – был человеком совершенно другого склада, и его политика была куда менее грандиозной, чем политика его друга и предшественника. Его целью и целью его преемников было укрепление внутренней мощи против всевозможных врагов, а не распространение величия Японии за ее рубежами. Хидэеси пытался слить самурайские традиции с такими же кровожадными традициями морских пиратов. Иэясу предпочитал использовать свою власть над самураями, получившими из его рук право на сбор податей с крестьян, против морских пиратов и всех самовольных военных авантюристов. Таким образом, экспансионистская самоуверенность эпохи Хидэеси была сведена до забот сторонников линии внутреннего развития о сохранении их привилегированного положения перед лицом возможных соперников. Для осуществления таких преобразований потребовалось время. Только к 1639–1638 гг. осторожная политика Токугава пришла к своему логическому завершению, когда третий сегун закрыл Японию для внешнего мира и запретил японским морякам выходить из внутренних вод и строить морские корабли⁹⁴.

⁹⁴ См. подавление походов викингов нарождающимися скандинавскими монархиями в XI в. И в том, и в другом обществе по-настоящему удачливый пират автоматически становился слишком серьезным соперником для центральной власти, чтобы его можно было терпеть. Тот факт, что в Японии было слишком много воинов в расчете на число поместий, придавал особую остроту политике сегуна, поскольку безземельные воины были готовы выступить против режима и находили естественный выход для своих амбиций в пиратских действиях за пределами страны. Таким образом, крайние меры против морского разбоя были необходимы для тех, кто владел вождельными поместьями.

ЭПОХА ДО ВОЦАРЕНИЯ ТОКУГАВА

ЭПОХА ТОКУГАВА

ЯПОНИЯ В 1500—1650 ГГ.

Проведению такой политики изоляции способствовала деятельность христианских миссионеров. Португальские авантюристы впервые достигли Японии в 1542-м или 1543 г., а миссионерская деятельность началась с прибытием св. Франциска Ксавье в 1549 г. Успех миссионерской пропаганды объяснялся праведностью и властным характером Ксавье, мужеством, ученостью и упорством его собратьев иезуитов, а также привлекательностью христианских обрядов и учения. При этом в других районах цивилизованной Азии подобные миссии производили небольшое впечатление. Следовательно, необычный успех христианской миссии в Японии, как и последующий ее провал, надлежит приписать местным особенностям.

Успешным начинаниям первых иезуитов, прибывших в Японию, благоприятствовал политический хаос и наличие массы суверенов по всей Япо-

нии. Если какой-либо феодал отвергал попытки миссионеров, то его сосед автоматически настраивался в их пользу, тем более, когда усматривал в этом возможность получить более совершенное оружие или другие преимущества от торговли с португальцами. В отличие от Китая, в Японии сразу же оценили техническое превосходство европейского оружейного искусства, и восхищение мушкетами и пушками вскоре перешло и на другие аспекты португальской цивилизации. Так, мода на европейскую одежду сопровождалась и широким распространением моды на крещение, так что в течение нескольких десятилетий иезуиты в Японии могли поздравлять себя с казавшимся им неминуемым обращением в христианство целого народа.

Подъем действенной центральной власти в Японии поначалу не казался опасным для христианских миссий. Начавший этот процесс Нобунага (ум. 1582) и продолживший его Хидэеси, завершивший объединение страны, были оба дружественно настроены к миссионерам, разделяя с ними ярую неприязнь к буддийским монахам, представлявшим собой огромное препятствие и для политики военных диктаторов, и для планов иезуитов. Впрочем, следует отметить, что Хидэеси принадлежал к религиозным скептикам и не доверял христианам как реальным или потенциальным агентам иностранных государств. Так, в 1587 г. он издал указ об изгнании иностранных миссионеров из Японии, но затем остерегся от введения его в силу, очевидно, потому, что не желал прекращения португальской торговли⁹⁵.

В отличие от Хидэеси, Иэясу был практикующим буддистом, но, как и его предшественник, питал недоверие к политическим пристрастиям христианских миссионеров. К тому же появление с 1609 г. в японских водах голландцев стало дополнительным источником оружия и других западных товаров, и примирение с португальцами казалось уже необязательным. В результате начались спорадические преследования христианских общин. Большинство японских феодалов, принявших крещение, отреклись от христианской веры, а некоторые лишились своих владений. Однако представители отдельных низших слоев общества оставались непоколебимыми христианами даже перед лицом растущих преследований. Такое упорство вызвало сильные опасения третьего сегуна Токугава, усматривавшего в религиоз-

⁹⁵ Португальские купцы, действовавшие из Макао, занимали особо выгодное стратегическое положение во второй половине XVI в. Официальные отношения между Японией и Китаем были прерваны в результате нападений японских пиратов на Китайское побережье, и мирная торговля между двумя странами, по крайней мере официально, стала тем самым невозможной. Тем не менее китайский шелк и другие предметы роскоши были необходимы для нарядов японских дворян, а японское серебро по-прежнему ждали в Китае. В результате португальцы стали посредниками между двумя странами, перевоза товары из одной в другую и зарабатывая на этой торговле немалые прибыли. См. C.R.Boxer, *Fidalgos in the Far East, 1550–1770* (The Hague: M.Nijhoff, 1948).

ном рвении японских христиан открытый вызов его власти. В 1637 г. вспыхнуло восстание на острове Кюсю, подтвердившее опасения сегуна и предопределившее полный разгром христианства в Японии. Больше года потребовалось войскам сегуна, чтобы захватить последний оплот христиан. Борьба сопровождалась массовыми убийствами и травлей христиан по всей Японии. Иностранцев миссионеров пытали и казнили вместе с обращенными в их веру японцами, а отношения с португальцами были полностью разорваны. С этого времени торговля с другими странами была сведена к минимуму и находилась под жестким контролем, чтобы предотвратить повторение нарушения европейцами вообще и римскими католиками в частности политического порядка, созданного в Японии династией Токугава.

Высокоразвитая японская культура XVI–XVII вв. претерпела такие же резкие изменения, как и те, что сотрясали общественную арену. Крупные военачальники, объединившие Японию, в общественном плане были высокочками, мало ценившими тонкую и неброскую чувственность китаизированной традиции придворного искусства. Хидэеси был великим строителем, и возводившиеся по его приказу строения отличались огромными размерами и яркостью украшений. Однако при сегунах Токугава вновь утвердилась прежняя эстетическая сдержанность. Моральный кодекс воина – бусидо – получил письменное закрепление в официальном эдикте 1615 г., и постепенно этические каноны придали деяниям, приличествующим самураям, некоторую дополнительную элегантность. Ритуалы, наподобие чайной церемонии, в центре которых лежали использование и восхищение древней и прекрасной посудой для угощения чаем, или стилизованный театр «Но» задавали тон этой по-новому оформившейся самурайской эстетике.

А кричащая вульгарность эпохи Хидэеси сохранилась в развивающихся городских центрах, где профессиональные артисты – гейши, кукольники, мимы театра «Кабуки», акробаты и другие угождали прихотям богатых горожан. Поэзия, проза, драматургия и живопись принимали новые формы, отражая роскошь и распущенные нравы растущих городов. Традиционные моральные нормы редко открыто отвергались, хотя искусство и литература отличались духом непочтительности, веселья, а порой явной сексуальности, плохо сочетавшихся со сдержанной благопристойностью старой аристократической Японии. Такие развлечения легко соблазняли самураев, отвлекая их от строго дисциплинированной жизни людей, чьим ремеслом было насилие.

Правительство сегуна с подозрением относилось ко всем этим новшествам и прилагало усилия к тому, чтобы с помощью соответствующих законов и цензуры ограничивать наиболее яркие проявления нового духа. Пра-

вительство поощряло неоконфуцианские взгляды, и немало известных ученых пытались – не без определенного успеха – популяризировать идеи Конфуция. Буддизм, политически выведенный из строя в войнах XVI–XVII вв., погрузился в культурную спячку, в то время как древняя религия богини солнца синто стала почвой для сплочения неортодоксальных ученых, отвергавших принятые официально неоконфуцианские доктрины. Но поскольку в синтоизме превозносилось положение императора как потомка богини солнца в ущерб власти сегуна, то такие мысли вполне могли бы вызвать официальный отпор. Они, однако, высказывались с такими учеными предосторожностями и так замысловато, что нужда в жестких преследованиях отпадала.

Таким образом, после изгнания европейцев и уничтожения христианства Япония вошла в период любопытной культурной двойственности. Официальный мир бусидо, неоконфуцианства и китаизированных стилей в искусстве столкнулся с новой, нерелигиозной, городской культурой, несдерживаемая чувственность и стихийная сила которой отчетливо противостояли официально поддерживаемой благопристойности и сдержанности. Столь явные различия не помешали хитросплетенному балансу японского общества и культуры, установившемуся при первых сегунах Токугава, сохраняться на протяжении более трех столетий.

ТИБЕТ, МОНГОЛИЯ, СРЕДНЯЯ АЗИЯ. В период, когда Япония продолжала свой независимый путь развития по соседству с континентальным Китаем, происходили также интересные и в исключительной степени неясные преобразования в тибетском и монгольском обществе. Центральным явлением стало расширение ламаистской «желтой церкви» среди практически всех монгольских племен. «Желтая церковь» возникла в XIV в. и отличалась требованием безбрачия и строгой дисциплиной монахов. В начале XVI в. «желтая церковь» подчинила себе тибетское правительство, когда ее глава – Далай-лама из Лхасы стал своего рода управляющим царского дворца и взял на себя политическую и религиозную власть в крае.

К концу XVI в. многие монгольские племена начали признавать власть «желтой церкви», а к началу XVII в. большинство их было обращено в ее веру. Китайское правительство пыталось установить дипломатическое влияние на высших пастырей этой церкви, однако точные сведения о том, насколько успешными были эти попытки, отсутствуют. Так, например, религиозная верхушка ламаистов, очевидно, приложила руку к укреплению внутренней конфедерации калмыков, которая из своего центра на реке Или противостояла самым смелым военным предприятиям китайского прави-

тельства вплоть до 1757 г., когда эпидемия оспы довершила начатое китайскими войсками и поставила точку на политическом существовании упорных кочевников. После этого Тибет отказался от существовавшей в предыдущие десятилетия двусмысленности в своих отношениях с более сильным соседом и покорился Китаю.

Какой бы ни была роль ламаизма в кочевых объединениях XVI–XVII вв., религия, как представляется, послужила для защиты степных наездников от духовного владычества их более цивилизованных соседей даже в эпоху, когда развитие военной техники лишило азиатских кочевников привычного для них значения в мировой истории⁹⁶.

4. АФРИКА

До начала XVI в. Африка к югу от Сахары была знакома с цивилизованным миром только благодаря посредничеству мусульман, поскольку изолированные христианские государства Эфиопии и Нубии были едва способны противостоять давлению мусульман на собственные границы и не могли соперничать с исламом в плане влияния на всю Африку. Ситуация изменилась, когда португальцы обогнули мыс Доброй Надежды и наладили торговлю и основали морские стоянки в удобных местах на побережье Африки. В результате народы Африки оказались зажаты между европейским и исламским миром и в отдельных случаях могли выбирать тот или иной из них. И мусульмане, и христиане активно занимались работорговлей, так что не раз их хищнические повадки сводили на нет усилия миссионеров в африканских племенах и царствах. Таким образом, язычество сохранялось, а порой и возрождалось и после официального обращения в христианство или в ислам.

Вплоть до XVIII в. проникновение европейцев в Африку носило очень поверхностный характер. В Западной Африке, где установился ислам и веками существовали мириады сменяющих друг друга местных государств и империй, европейцы просто занимали некоторые прибрежные стоянки, с которых могли заниматься работорговлей. Попад дальше на юг, португальцы открыли обширные по своей территории царства, расположенные в бассейне реки Конго или между реками Замбези и Лимпопо в Восточной Африке. Однако эти государства были сравнительно слабыми, и даже обращение их правителей в христианство привело к незначительным результатам.

⁹⁶ См. John F. Baddeley, *Russia, Mongolia, and China*, I, lxxiv–lxxxiii. В свое время такой же цели послужило манихейство у уйгуров и иудейство у хазар.

Как бы то ни было, и королевство Конго, и империя Мономатапа в Восточной Африке развалились или практически утратили свое значение в течение XVII в., несмотря на поддержку португальцев (а может быть, и по ее причине).

В XVI-XVII вв. Африка претерпела два важных вида экономических перемен. Во-первых, во многих частях континента стали развиваться животноводство и кочевой образ жизни, чего там до тех пор не было либо же оно существовало в незначительных масштабах. Двигаясь через северные районы Судана, от восточной окраины Африки к Марокканскому побережью, кочевые племена расширяли свою среду обитания порой за счет оседлых сельскохозяйственных общин. Кочевники были мусульманами, хотя и откровенно примитивного уровня, но их движение означало проникновение ислама все глубже в Африку. Вдобавок к этому языческие племена народности банту перемещались со своими стадами скота на юг через восточные нагорья Африки по направлению к мысу Доброй Надежды. Их продвижение вынуждало первобытные охотничьи племена бушменов и готтентотов искать себе надежные убежища и в отличие от нашествия кочевников на севере обеспечивало заметные преимущества в техническом уровне использования окружающей среды.

Во-вторых, в Африку было завезено немало сельскохозяйственных культур, скорее всего теми кораблями, которые поставляли в Новый Свет рабов. Кукуруза, маниок, батат, арахис, кабачки и какао быстро заняли ведущее место в африканском сельском хозяйстве, а первые три из названных видов стали стремительно распространяться по широким просторам континента. Очевидно, быстрому освоению этих новых продуктов способствовали сходство климата Африки и Центральной и Южной Америки и непостоянный характер «огородного» сельского хозяйства, преобладавшего в Африке, поскольку экспериментам с новыми растениями не препятствовали твердый севооборот или устоявшиеся сельскохозяйственные правила.

Появление обширных территориальных государств в Центральной и Восточной Африке, выход скотоводов, кочевников и полукочевников на широкие просторы континента, освоение американских продовольственных культур означали тесное соединение Африки с остальным миром. Важным связующим звеном была работорговля, принявшая гораздо большие размеры, когда запасы рабочей силы американских индейцев для плантаций и рудников были истощены и пришлось заменять ее африканскими рабами. И мусульманские, и европейские работорговцы действовали в глубине континента, грубо вламываясь в вековой уклад сельских и племенных общин и захватывая сотни тысяч беспомощных жертв. Их действия были жестоки, однако без такого безжалостного насилия африканские общества не смогли

бы так быстро воспрянуть от своего первобытного сна. Возможно, способность африканских народов выдержать влияние европейского политического и экономического господства в XIX в. объясняется тем, что их предки уже испытали на себе и пережили грубое разрушение работорговцами их коренных социальных устоев⁹⁷.

Д. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVI–XVIII вв. евразийский мир расширился, вобрав в себя отдельные части Америки, большую часть Африки к югу от Сахары и всю Северную Азию. Более того, в самом Старом Свете Западная Европа начала опережать всех соперников, взяв на себя роль самого активного центра географической экспансии и культурного обновления. Бесспорно, революционное самопреобразование Европы превратило средневековые рамки западной цивилизации в новую и гораздо более мощную структуру общества. Следует заметить, что мусульманские, индийские и китайские земли не были серьезно затронуты воздействием новой энергии, исходившей от Европы. Вплоть до начала XVIII в. жизнь в этих районах продолжала вращаться вокруг старых традиций и привычных проблем.

Большая часть остального мира, которой не хватало общей самодостаточности мусульманской, индуистской и китайской цивилизаций, более остро ощутила на себе соприкосновение с европейцами. В Новом Свете такими контактами были сначала обезглавлены, а затем уничтожены общества американских индейцев, однако в других районах с более сильными местной властью и сопротивлением проявлялась на удивление стойкая реакция. В столь различных странах, как Япония, Бирма, Сиам, Россия и некоторые части Африки, первоначальный интерес и энтузиазм, с которым порой воспринимались европейская техника, идеи, религия или мода на платье, в XVII в. сменились политикой отдаления и сознательной изоляцией от европейского влияния. Аналогичным духом были проникнуты возрождение индуизма в Индии и реформа ламаизма в Тибете и Монголии, поскольку и в том, и в другом случае речь шла о том, чтобы защитить местные культурные ценности от чужеземного влияния, хотя оно шло в первую очередь от мусульман и Китая, а не от Европы.

⁹⁷ См. G.P.Murdock, *Africa*, pp.284-327, 364-68, 392-405, 410-21 and *passim*; D.Westermann, *Geschichte Afrikas*, pp.94-208, 211-75, 288-92, 390-97, 412-16 and *passim*; J.Spencer Trimingham, *A History of Islam in West Africa*, 141-47 and *passim*.

Незначительное число областей на планете оставались незатронутыми беспокойными силами цивилизации. Но к началу XVIII в. к обширным обитаемым районам, оставшимся за пределами ойкумены, относились Австралия, джунгли Амазонки и северо-западная часть Северной Америки, хотя и они уже почувствовали толчки общественных потрясений, вызванные приближающимся натиском цивилизации.

Никогда раньше в истории мира общественные преобразования не происходили настолько быстро. Все более плотные контакты через океанские просторы земного шара обеспечивали постоянное взаимовлияние основных культур человечества. Попытки ограничить общение с чужеземцами и убежать от нарушающих покой отношений с пришельцами, особенно с беспокойными и беспощадными представителями Запада, были обречены на провал тем обстоятельством, что продолжающееся преобразование западной европейской цивилизации и, в частности, развитие западной техники быстро усилили давление, которое Запад мог оказывать на другие народы земли. Историю мира с XVI в. можно рассматривать как гонку между растущей способностью Запада подчинять себе остальной мир и все более отчаянными усилиями других народов отбиться от Запада, цепляясь сильнее, чем раньше, за собственное культурное наследие, либо же, когда такие попытки не приводили к успеху, путем заимствования некоторых аспектов западной цивилизации, особенно техники, в надежде найти тем самым способ сохранить свою самостоятельность.

ГЛАВА XII

Шаткое мировое равновесие в 1700–1850 гг.

А. ВВЕДЕНИЕ

К 1700 г. богатство и мощь, сосредоточенные в руках Европы, намного превышали все, чем могли располагать другие цивилизованные сообщества на земле, а европейское общество достигло своего рода равновесия, основанного на усилении и расширении предпринимательства как на своей территории, так и за ее рубежами. Наибольшее пространство для европейской экспансии предлагал Новый Свет, хотя от внимания европейцев не ускользала полностью ни одна часть обитаемой земли. С 1700-го по 1850 г. такие обширные районы, как Северная Азия, Австралия, Южная Африка, Индия и Левант, превратились в той или иной степени в сателлиты европейской политико-экономической системы. Только на Дальнем Востоке крупные цивилизованные сообщества сохраняли полную самостоятельность, но даже там Китай и Япония начинали вступать в полосу внутренних кризисов, готовивших почву для окончательного распада традиционного общественного порядка, совершившегося на Дальнем Востоке в начале второй половины XIX в.

Тысячелетнее равновесие ойкумены между цивилизациями Среднего Востока, Индии, Китая и Европы окончательно нарушилось только к середине XIX в. К этому времени, когда возросшая в результате промышленной революции мощь Запада соединилась с прежней энергией европейской экспансии, правители других народов и цивилизаций на земле стали чувствовать, что в их собственном прошлом отсутствовали некие крайне важные факторы. До этого времени, однако, мусульмане и индуисты могли думать и за редким исключением верили, что ценные традиции их цивилизаций могут быть сохранены в неприкосновенности даже перед лицом очевидного военного и экономического превосходства Европы. На Дальнем же Востоке вопрос о том, как реагировать на присутствие Запада, еще не стоял достаточно остро. Политика удерживания европейцев на почтительном расстоянии казалась вполне эффективной, и Китай и Япония не считали необходимым менять унаследованный уклад и традиции с тем, чтобы справиться с Западом. Период 1700–1850 гг. служит, таким образом, промежуточным этапом в подъеме Запада, когда европейцы стали властвовать над материаль-

ным, но еще не добились большого влияния на умы подавляющей части населения земного шара.

Этот этап мировой истории частично совпал с промышленными и демократическими¹ революциями в истории самой Европы. Два этих революционных движения резко разладили компромиссы Старого режима Европы, приведя к судорожному процессу самопреобразования западной цивилизации, напоминавшему происшедший ранее распад средневековых европейских институтов и идей в ходе Возрождения и Реформации. Несомненно, и промышленная, и демократическая революция начали выливаться в глубокие изменения в западном обществе еще до середины XIX в., а растущее богатство и сила, которыми они наделяли человека европейской культуры, уже начинали сказываться и на остальной части мира. И все же эти процессы пока еще относительно слабо очерчивали будущее, и вплоть до второй половины XIX в. европейское влияние на остальные народы планеты в значительной степени опиралось на достижения Старого режима. Железные дороги и прочие устройства новой техники на механической тяге стали выражаться в преобразованиях даже европейского общества только с середины XIX в., а новые идеи политической лояльности и ответственности, провозглашенные в 1776-м и 1789 г. в ходе Американской и Французской революций, проникали в незападный мир еще более медленно.

Учитывая сказанное, в настоящей главе, как и в предыдущей, Европа и лежащие за ее пределами части света будут рассматриваться в хронологическом промежутке, отличном от остального содержания главы. После описания распространения обществ европейского типа на новую почву и анализа европейского Старого режима (1650–1789 гг.) мы перейдем к исследованию влияния европейского Старого режима на мусульманскую, индустскую и дальневосточную цивилизации (1700–1850 гг.).

Б. СТАРЫЙ РЕЖИМ В ЕВРОПЕ, 1650–1789 ГГ.

Вестфальский мир, завершивший Тридцатилетнюю войну (1648 г.), а также такие его следствия, как Пиренейский мир между Францией и Испанией (1659 г.) и реставрация монархии Стюартов в Англии (1660 г.), знаме-

¹ Термин позаимствован у R.R.Palmer, *The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1959) для того, чтобы описать изменения в политической мысли и практике, совершавшиеся в западном мире в конце XVIII – начале XIX вв. Очевидно, что наиболее ярким, но отнюдь не единственным выражением таких изменений стали Американская и Французская революции.

новали собой новую эру в истории Европы. К концу XVII в. религия стала более личным делом, а искусство управления государством начало поворачиваться в сторону более неприкрытой, но также и более сдержанной борьбы за богатство и власть. С помощью серии молчаливых компромиссов смягчались или скрывались прежние принципиальные конфликты, а новые или вновь укрепленные институты уравнивали, разрешали или подавляли столкновения интересов, сохранявшиеся еще в довольно сильной форме в европейских государствах.

Такая изменившаяся атмосфера стала победой здравого смысла и духовного кризиса перед лицом неподатливого разнообразия и противоречий европейского культурного пейзажа. В свою очередь, смягчить усилия, направляемые на открытие, а затем и на воцарение «совершенно правильно» учения, помогла – возможно, решающим образом – способность европейцев обратить свою неутомимую энергию на окружающий их мир. На востоке и на западе, на суше и на море границы были открыты. Отовсюду предприимчивых людей манили огромные богатства, которыми можно завладеть, территории, которые можно заселить, авантюры, в которые можно пускаться. Таким образом, у Европы в руках был готовый к действию «выпускной клапан». Мятежные души часто могли вырваться из плена стоячей жизни, уходя подальше от родных мест, а растущая кривая благосостояния означала, что сомнения, связанные с колебаниями рынка, были терпимы, если не удобны, для тех, кто оставался дома.

В таких обстоятельствах поиски абсолютной истины, отмеченные размахом и страстями в XVI – начале XVII вв., перестали тревожить общественный покой и тоже стали заботой профессиональных интеллектуалов. Различия в подходах и акцентах между богословами и учеными надлежащим образом урегулировались не с помощью всеобъемлющей логической систематизации, а путем предоставления каждой специальности надежной институциональной ниши в обществе и обеспечения гражданам возможности более или менее свободно обсуждать разногласия между собой. Господствующая церковь, официально осуждающая ереси, существовала в каждом европейском государстве, а официальная цензура на публикации фактически сохранялась даже во Франции. При этом закон и реалии жизни все больше расходились, несмотря на вспышки религиозных преследований, как это было, например, при отмене Людовиком XIV Нантского эдикта (1685 г.).

Подобного же рода нелогичные, но действенные компромиссы между монархией, аристократией, купеческим сословием и простым людом превращались в достаточно стабильные политические институты во всех государствах Европы, тогда как в хозяйственной жизни новаторская, захватывающая, рационализующая деятельность капиталистов и компаний, создан-

ных на основе государственных концессий, проникала в старые формы цеховой организации, не вызывая резкого противодействия. Таким образом, беспорядочная алогичность Старого режима, столь высмеиваемая новым поколением рационалистов и социальных теоретиков, оказывалась тем не менее востребованной, доказывая свою жизнеспособность и высокую эффективность как общественная система.

Наиболее очевидной мерой эффективности Старого режима были его успехи в отношении неевропейского мира. Учитывая, что европейские институты и идеи тяготели к балансу сил, правительства меньше отвлекались на внутренние дела, а те из них, которые располагались на краю Европы, получали соответственно более широкую свободу для приграничной и колониальной экспансии. Тем самым высвобождались силы для новых форм хозяйственного и военного устройства, развивавшихся европейцами в XVI – начале XVII вв., в частности акционерных компаний, регулярной армии и флота. С такими институтами европейцы все глубже проникали в ткани более слабых обществ почти во всех частях земного шара.

Экспансия благоприятствовала, а возможно, даже поддерживала относительную стабильность в Европе, и эта стабильность усиливала натиск Европы за ее пределами. В результате этого кругового процесса к концу XVIII в. Европа превратилась в гигантское общество, оседлавшее Атлантику, достигшее далеких пределов евразийских степей и добравшееся до противоположной стороны земного шара. Такая разросшаяся Европа стала центром обширной политико-экономической мощной системы, захватившей большую часть мусульманского и индуистского мира и окружившей края самой дальневосточной цитадели. Одним словом, Европа стала Западом.

Единственным подобным событием в истории мира был расцвет космополитической цивилизации на Среднем Востоке в 1500–500 гг. до н.э. Тогда тоже серия ударов из Месопотамии вовне бросила в огромный котел независимые ранее цивилизации и культуры. Египет, Анатолия, Иран вместе с окраинами греческого и индийского мира утратили свою самостоятельность и слились в пучине месопотамского космополитизма. Отметим все же, что приведенная аналогия не совсем справедлива. Европейская экспансия совершалась не действовавшими друг за другом имперскими завоевателями, а шла разными путями из политически разделенного центра. Тот факт, что Европа двинулась в районы с неустоявшимся укладом и слабой внутренней организацией, позволил приступить к массовой миграции и заселению с включением обширных и часто отдаленных зон в расширенное «западное» целое. Параллелью этого процесса в миниатюре может служить колонизация греками и финикийцами древнего Средиземноморья. Хотя и в данном случае, если не считать Сицилии, господство финикийцев и греков над коренным

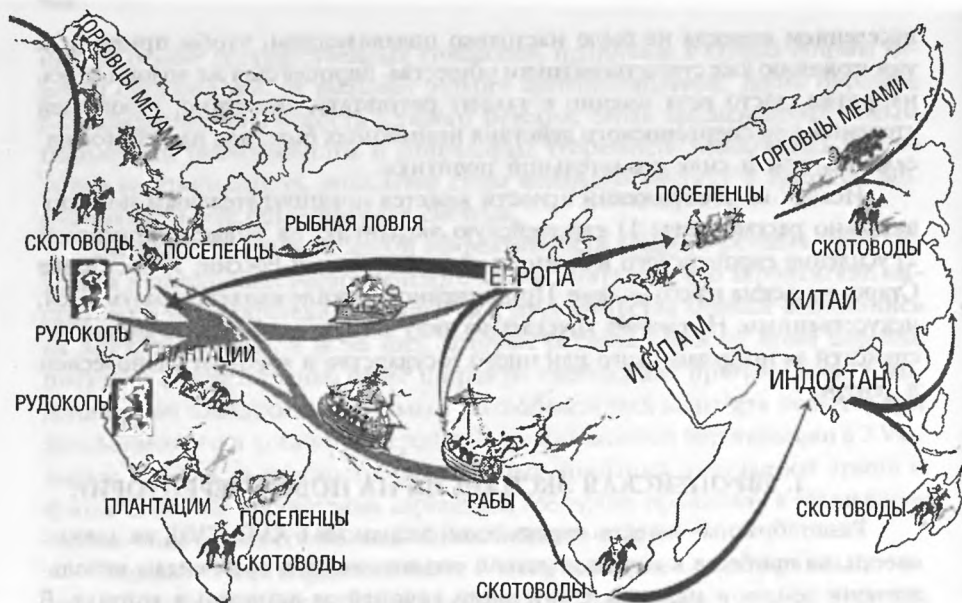
населением никогда не было настолько подавляющим, чтобы привести к уничтожению уже существовавшего общества. Европейская же колонизация, напротив, часто вела именно к такому результату, возможно, в большей степени из-за смертоносного действия незнакомых болезней на местное население, чем в силу сознательной политики.

Исходя из соображений ясности кажется предпочтительным последовательно рассмотреть: 1) европейскую экспансию на новые территории; 2) усиление европейского влияния в зоне Америки и России; 3) состояние Старого режима на его родине. Предложенное деление является, разумеется, искусственным. Не следует упускать из виду тесную взаимосвязь между экспансией за пределами того или иного государства и хрупким равновесием в центре.

1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА НОВЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Разнообразные аспекты европейской экспансии в XVII–XVIII вв. можно свести, не прибегая к излишне резкой схематизации, к трем видам использования земель и народов, с которыми европейцы вступали в контакт. В соответствии с первым и важнейшим из них европейцы продолжали проникать в районы, где уже имеющиеся местные продукты и изделия представляли ценность для европейских или других цивилизованных рынков. В 1650–1789 гг. важнейшими из таких товаров были меха из холодных северных районов Азии и Америки, а также золото и алмазы из бразильских джунглей. Во-вторых, в некоторых тропических и субтропических зонах, в частности в Вест-Индии и Ост-Индии, европейцы перестраивали местную экономику для производства товаров, пользовавшихся спросом на мировом рынке. Это предполагало грубое нарушение существующих общественных отношений, поскольку европейское предпринимательство основывалось на рабстве и других формах принудительного труда, а иногда приводило к массовому перемещению населения. В-третьих, в странах с умеренным климатом, прежде всего в Северной и Южной Америке и в западных районах евразийской степи, европейские поселения превращались из стихийных временок в подлинные проводники европейского типа общества, даже если их и отделяли от Европы тысячи миль.

ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ, ТОРГОВЛЯ И СОПЕРНИЧЕСТВО НАЦИЙ. В середине XVII в. океанские экспедиции почти прекратились, несмотря на то что оставались неисследованными просторы Тихого океана. К этому времени сначала испанцы и португальцы, а затем голландцы уже разведали самые

ЭКСПАНСИЯ ЕВРОПЫ В 1500—1850 ГГ.

богатые и с коммерческой точки зрения наиболее выгодные части земли. Экспедиции вдоль берегов Северной Америки или в направлении Австралии позволили открыть лишь бесперспективные и неразвитые районы, где нельзя было рассчитывать на прибыльную торговлю. Таким образом, корабли можно было использовать с большей отдачей на уже установившихся торговых путях, а не пускаться в рискованные, полные случайностей, невыгодные путешествия по не нанесенным на карту маршрутам. Отсутствие способов точного определения долготы означало, что даже когда судно сбивалось с курса и подходило к новым землям, как это, конечно же, случалось гораздо чаще, чем о том свидетельствуют дошедшие до нас записи, то надежной возможности повторить выход к такому берегу не существовало. Поскольку долгие плаванья оканчивались для экипажа цингой в силу нехватки витаминов в корабельном рационе, экспедиции по большим морским просторам вроде Тихого океана были очень опасны, и оправдать их могла только уверенность в большой выгоде от торговли.

На суше тем временем охота за мехами быстро продвигала все дальше и дальше русские, французские, а после создания в 1670 г. компании Гудзонова залива и британские фактории. Со своих баз в Квебеке французы вышли в район Великих озер, а затем двинулись на запад от Верхнего озера внутрь

Североамериканского континента (Радисон и Грозелье, 1658–1659 гг.) и на юг по Миссисипи (Ла Саль, 1679–1683 гг.). Британцы, еще не освоившие способы передвижения и выживания в суровых районах Северной Арктики, довольствовались поначалу тем, что держались поближе к Гудзонову заливу. Что касается России, то ее экспансия характеризовалась даже более поразительными темпами, чем французская. Выйдя в 1639 г. к Тихому океану в районе Охотска, последующие российские экспедиции спустились по Амуру до самого его устья (1649–1653 гг.) и по Колыме до Арктики, обогнув Сибирь через Камчатку (1648–1656 гг.).² Вслед за этим наступил явный перерыв в разведке новых земель, ибо горстке искателей приключений, сделавших такие шаги в неизведанное, требовалось время, чтобы организовать сбор пушнины и преодолеть невероятные трудности с перевозкой мехов к рынкам сбыта.

Относительно быстрому проникновению в глубь Бразилии в XVII–XVIII вв. способствовала погоня не за мехами, а за золотом. Первоначально отряды метисов шли в джунгли в поисках рабов, однако открытие месторождений золота и алмазов на континенте (1695 г.) привело к «золотой лихорадке» в джунглях Амазонки. В результате Бразилия в XVIII в. стала одной из первых стран в мире по добыче золота, и группы золотоискателей в стремлении найти новые жилы пересекали страну вплоть до Анд, устраивая небольшие поселения вдоль многочисленных притоков Амазонки, даже в тех местах, где золота не было³.

В конце XVIII в. успехи мореплавания в сочетании с соперничеством главных европейских держав дали толчок новой волне освоения территорий. Исследование новых земель стало частью государственной политики, а не делом отдельных флибустьеров или местной самодеятельностью, как это было ранее. Официальные агенты российского, британского и французского правительств, поддерживаемые силами своих флотов и движимые отчасти научным интересом, а отчасти стремлением взять под свой суверенитет новые территории, возобновили морские экспедиции. Первым из таких официальных исследователей стал капитан российского флота Витус Беринг

² Raymond H. Fisher, *The Russian Fur Trade* (Berkeley and Los Angeles, Calif.: University of California Press, 1943), pp.43–45. Существуют сомнения: по суше или по морю шла последняя из названных экспедиций. Если по морю, то Берингов пролив (хотя и не распознанный как пролив) был открыт за три четверти века до первого плавания Беринга.

³ Соперничество португальцев с испанцами на юге и с французами на севере вынудило также португальцев расширять свои поселения на Бразильском побережье. См. Bailey W. Diffie, *Latin-American Civilization: Colonial Period* (Harrisburg, Pa.: Stackpole Sons, 1945), pp.652–81; Felix Reichwein, *Sugar, Gold, and Coffee: Essays on the History of Brazil* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Library, 1959), pp.88–117.

(1728 г., 1741 г.), а самыми успешными и дальними оказались плавания капитана британского флота Джеймса Кука (1768–1779 гг.). Экспедиции Кука принесли два значительных технических достижения. Он победил цингу, введя в рацион матросов кислую капусту⁴, а во втором плавании он испытал первый образец морского хронометра, оказавшегося достаточно прочным и надежным, чтобы обеспечить точный расчет долготы. Таким образом, составленные Куком карты береговой линии и островов северной и южной частей Тихого океана были гораздо надежнее карт его предшественников, что позволило европейским мореплавателям отправляться даже на мельчайшие острова южных морей.

В подобной мере в конце XVIII в. соперничество между государствами стимулировало и освоение суши. Русские торговцы пушниной не замедлили воспользоваться открытиями Беринга на Аляске, основав фактории сначала на Алеутских островах, а затем и на континенте. Прослышав о продвижении русских, торговцы пушниной, базировавшиеся в Монреале, бросились в свою очередь на новые земли и заявили права на дальние районы Северо-Западной Канады (экспедиция Александра Макензи в Арктику в 1789 г.). По той же причине испанцы продвинули свою линию поселений к северу от Мексики вдоль Тихоокеанского побережья в Калифорнию (основание Сан-Франциско в 1775 г.) и в Британскую Колумбию (основание Нутки в 1789 г.). Таким образом, к концу XVIII в. русские торговцы пушниной и исследователи, двигавшиеся на восток, встретились с британскими торговцами (занявшими место французов в Канаде после 1763 г.) на линии канадских Скалистых гор. Они замкнули арктический пояс и ввели тундру и лесистые районы приполярных земель в русло цивилизованной торговли. В этот же период русские и испанцы сделали то же по всему Тихоокеанскому побережью Америки.

Итак, к началу XIX в., когда организованные экспедиции, снаряженные европейскими флотами, исследовали в основном Мировой океан за исключением покрытых льдами полярных зон, только внутренние районы Африки и Австралии оставались терра инкогнита для европейцев. А на всем громадном пространстве остального, уже изданного, мира европейские купцы и мореходы повсюду несли гибель коренным обществам посредством болезней и благ цивилизации.

⁴ См. Christopher Lloyd, *Captain Cook* (New York: Roy Publishers, n.d.), pp.93-95, 120. Капитану Куку не раз приходилось прибегать к плети, «кошке-девятихвостке», чтобы заставить упрямых матросов есть столь дикий продукт. Более эффективный сок лайма (род лимона) стали употреблять на британском флоте лишь поколением позже.

ПЛАНТАЦИИ И СОЗНАТЕЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ТРОПИЧЕСКИХ И СУБТРОПИЧЕСКИХ РАЙОНОВ. Сколь бы резким ни было влияние европейцев на охотников Арктики, на рыболовов и земледельцев Океании, оно в определенном смысле было случайным. Пришельцев интересовала только пушнина, либо же им нужно было пополнить запасы и экипажи после тягот океанского плавания, и они не намеревались переделывать хозяйственный уклад и культуру местного населения.

Иначе обстояло дело в других частях света. В Ост-Индии (Индонезии) голландцы, очевидно, первыми использовали местную рабочую силу для ведения рационального сельского хозяйства, выращивая продукты специально для заокеанских рынков и периодически регулируя объемы производства для извлечения максимальных прибылей⁵. Однако коммерческое разведение пряностей уже издавна практиковалось в Ост-Индии к тому времени, когда голландцы впервые появились на арене, и их действия по монополизации и рационализации торговли не влекли коренного разрыва с устоявшимся укладом. В Новом Свете, наоборот, колониальное сельское хозяйство не могло опираться на имеющуюся рабочую силу или знания. Португальские сахарозаводчики, перебравшиеся с островов Мадейры⁶ в Бразилию, завезли первый тростник в Америку около 1520 г., и эта культура прижилась настолько хорошо, что испанцы вскоре последовали этому примеру в некоторых прибрежных зонах Карибского бассейна. Однако первые успехи этой деятельности были оставлены далеко позади во второй половине XVIII в. быстрым развитием плантаций сахарного тростника на Карибских островах, где сначала англичане, а затем французы и наконец голландцы внедрили строго рациональную коммерческую систему сельского хозяйства на основе рабского труда.

Развитие производства сахара на островах Карибского моря способствовало чрезвычайно выгодной трансатлантической торговле, так как корабли могли везти из Европы дешевые ткани и другие промышленные товары к побережью Африки, где их обменивали на рабов, которых с немалой прибылью сбывали на Карибах или на континенте, а затем возвращались с гру-

⁵ Банда, Амбон и Тернате – основные районы производства гвоздики в Ост-Индии – были завоеваны голландцами в 1621–1657 гг., а когда в число серьезных соперников выдвинулся Макасар, он тоже был сокрушен в 1669 г. Островитян заставляли выращивать лишь столько гвоздики, сколько могли поглотить рынки в Европе, Индии и Китае, причем такая политика требовала поочередного расширения и сокращения плантаций. См. J.H. Parry, *Europe and a Wider World, 1415–1715* (New York: Hutchinson's University Library, 1949), pp.154–56; B.H.M. Vlekke, *Nusantara: A History of the East Indian Archipelago* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1943), pp.138–39, 145.

⁶ Сахар стал важным продуктом на Мадейре в позднее средневековье, причем познакомили с ним европейцев мусульмане, завезшие сахар из района Индийского океана.

зом американского сахара и рома для продажи в Европе. В этом торговом треугольнике ост-индский длинноволокнистый хлопок и индиго оказались менее ценными, но все же важными товарами. Более того, треска с Ньюфаундленда, древесина и зерно из Новой Англии и колоний Средней Атлантики нашли крупные рынки сбыта на островах Карибского бассейна, где сельское хозяйство стало вскоре настолько специализированным, что основные сельскохозяйственные культуры были заброшены. Таким образом, оба конца Атлантики оказались связаны активной торговлей, сконцентрированной вокруг крошечных Подветренных и Наветренных островов в Карибском море⁷.

Менее прибыльные, но все же крупные плантации, на которых использовался рабский труд негров, устраивали в южных английских колониях на Американском континенте и вдоль Бразильского побережья. На другом конце света, в Ост-Индии, уже с самого начала XVIII в. голландцы придавали все большее значение сельскому хозяйству как дополнительному фактору их успехов в торговле. Основой сельского хозяйства становились новые продукты и прежде всего кофе. Хозяйство вели отдельные голландские плантаторы, в некоторых случаях приезжие китайские предприниматели, но в большинстве случаев – местные феодалы, от которых требовалось поставлять определенное количество кофе или других продуктов голландцам в качестве своеобразной дани. Труд в Ост-Индии, как правило, формально не был рабским, но местные «регенты» на Яве тем не менее часто прибегали к силе, чтобы заставить своих подданных выращивать кофейные деревья и другие, новые для них культуры⁸.

⁷ Экономическое значение этих мельчайших клочков земли в XVIII в. просто поразительно. Уже в 1773 г. официальные данные свидетельствовали, что торговля Британии с Вест-Индией была более значительна, чем с континентальными колониями Северной Америки, а весь дальневосточный товарообмен далеко отстал по объемам от торговли с этими маленькими островами. См. таблицы, составленные Эриком Вильямсом: Eric Williams, *Capitalism and Slavery* (Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1944), pp.225-26.

На протяжении XVII-XVIII вв. выращивание сахарного тростника подорвало плодородие почвы, и острова, первыми взявшиеся за эту культуру, уже не могли производить ее с такими же малыми затратами, как те районы, где она появилась позднее. В результате к концу XVIII в. британские «сахарные» острова стали уступать конкуренции французов, а в XIX в. наступил закат французских сахаропроизводящих островов (и бывшей французской колонии Гаити) под натиском Кубы и Пуэрто-Рико, остававшихся владениями Испании. Так сахар двигался по цепочке Карибских островов, подобно «золотой лихорадке», оставляя позади себя истощенную землю, обнищавшее население и серьезно нарушенное в своих основах общество. Ликвидация рабства в XIX в. мало способствовала решению социальных проблем, созданных этим процессом.

⁸ См. В.Н.М. Vlekke, *Nusantara*, pp.179-85.

РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ. Оседая в различных частях света, европейцы становились причиной целого ряда изменений общественных структур в землях, где они устраивали свои поселения. Жесткое рабство на сахарных плантациях Вест-Индии и примитивное равноправие на границах Новой Англии представляют собой крайние проявления спектра, в котором можно различить многие другие промежуточные общественные формы. Безжалостное рабство на Барбадосе переходит в менее жесткие условия неволи на испанских и португальских плантациях в Центральной Америке и Бразилии. Крепостничество в Восточной Европе и эксплуатация индейцев в испанской Америке представляли собой более мягкую форму принуждения, по крайней мере официально, если не на деле, и в данном случае политика Испании вновь оказывалась мягче, коль скоро сила правительственных мер оставалась на стороне прав индейцев. Наем рабочих на несколько лет по договору (распространенная в старой Вирджинии практика) и высылка преступников в Австралию или Сибирь занимают место посередине в этом спектре. И наконец, свободный поселенец колонии, пожалованной кому-либо Британией, плативший откуп аристократу-землевладельцу, и мелкий фермер Новой Англии, владеющий землей согласно безусловному праву собственности, пользовались личной свободой, уступавшей только полной вольнице таких разных людей, как американские пионеры Запада, сибирские и канадские охотники за пушниной, бразильские бандьерос, гаучо в аргентинской пампе, украинские казаки или испанские морские пираты.

На любой расширяющейся территории главная проблема всегда – нехватка рабочей силы. Для ее разрешения применяют диаметрально противоположные методы: радикальное принуждение для поддержания социального расслоения или же не менее радикальная свобода, ведущая к откату в новое варварство с его равноправием. У каждой политики есть свои преимущества и свои недостатки. Жесткое насилие может применяться для того, чтобы поддерживать специалистов, необходимых обществу, если оно вообще хочет существовать. Так, без беспощадных хозяйственных предпринимателей не могли бы создаваться плантации, а без профессионального класса военных нельзя было бы защитить сельскохозяйственные поселения в западных частях евразийских степей. К тому же высшие классы, держащиеся на принудительном труде, могут быстро достичь сравнительно высокого уровня культуры и придать обществу в целом внешний лоск изысканности, которого нельзя добиться другим путем. Такие достижения легко преуменьшать в эпоху демократии, когда люди готовы больше сочувствовать рабам или крепостным, чем симпатизировать их хозяевам. Но подъем цивилизации происходит прежде всего через эксплуатацию труда одной груп-

АЛЬТЕРНАТИВЫ ДАЛЬНИХ ГРАНИЦ

пы населения другой, и за счет подобного процесса цивилизованные общества могли неоднократно переходить через сдерживающие географические барьеры, как это было в давние времена в хеттской Малой Азии и римской Галлии или в более позднее время в испанской Америке или в российской Украине. При этом всегда сохраняются отрицательные стороны такого насильственного распространения цивилизации, ибо культура, исключая из сферы своего действия большинство населения, будет обязательно непрочной.

По-видимому, нам гораздо симпатичнее второй элемент названной альтернативы: глубокий эгалитаризм. Хотя следует иметь в виду, что грубое насилие таких сообществ, направленное против беспомощных коренных жителей и выливающееся в пьяные драки между самими пионерами, означало также опускание прежде цивилизованного населения до состояния варварства. Несмотря на то что европейские переселенцы были вооружены ружьями, изготовленными на цивилизованных заводах, они не обременяли себя законными и культурными ограничениями цивилизованного общества. Точнее говоря, цивилизованная жизнь постепенно приходила вслед за грубыми пионерами через социальную дифференциацию, образование и технический прогресс. Более того, этот процесс происхо-

дил, без сомнения, быстрее и равномернее, чем культурное просачивание просвещенной аристократии. В этом заключается фактическое превосходство анархической окраинной свободы над ее альтернативой в виде массового принуждения. Однако в XVII–XVIII вв. преимущества погружения в анархию оставались почти целиком потенциальными, тогда как текущие успехи принуждения были очевидны и неоспоримы. Несомненно, утонченная изысканность аристократической Вирджинии, Новой Испании, Венгрии и России, основанная на принудительном труде, намного перевешивала скромные зачатки цивилизации в районах, расположенных вдоль морского побережья Новой Англии.

При этом Новая Англия и колонии Среднеатлантического побережья Северной Америки компенсировали свою культурную отсталость сравнительно большим числом европейских (или скорее бывших европейских) поселенцев. Ни в каком другом конце света больше не возникало таких обширных и компактных сельскохозяйственных общин. Тем не менее в XVIII в. был отмечен существенный рост испанского населения в районе Ла-Платы в Аргентине, а в Южной Бразилии португальские переселенцы завладели громадными территориями. И в той, и в другой зоне над традиционным сельским хозяйством преобладали скотоводческие ранчо, так что поселения оставались сравнительно незначительными. В Канаде французские фермеры держались берегов залива Святого Лаврентия, а лежащие в лесной глуши районы начали осваивать лишь к концу XVIII в. по большей части силами тори, сторонников британской короны, бежавших от Американской революции. В Южной Африке голландские колонисты высадились у мыса Доброй Надежды в 1652 г. Когда британцы захватили эту колонию в 1795 г., голландские фермеры проникли уже далеко в глубь территории, а возле самого мыса обосновалась крупная сельскохозяйственная община (вскоре выросшая в город Кейптаун. – *Прим. пер.*). В 1789 г. первые английские поселенцы прибыли в Австралию. Таким образом, за исключением Новой Зеландии, впервые колонизированной в 1840 г., все основные заморские центры европейских поселений начали развиваться к концу XVIII в.

Перемещение европейских поселенцев за океаны носило впечатляющий характер и было важным для будущего. В то же время заселение западных евразийских степных просторов, очевидно, предполагало более крупную миграцию, но было менее значительным в изменении культурного баланса мира. В XVII–XVIII вв. миллионы первопроходцев распахиwały плодородные земли, лежащие между Центральной Венгрией и Западной Сибирью. На дальних оконечностях этого движения на восток анархические условия жизни были сходны с Новым Светом. Русские поселенцы в Сибири подчинялись контролю только номинально и вели суровую жизнь охотников, рыбо-

ловов или земледельцев, во многом похожую на жизнь американских поселенцев на Дальнем Западе. Но все же такая жизнь была нетипичной. В западных степях крупные европейские поселения смогли возникнуть только после того, как Австрия и Россия вооруженной рукой вытеснили мусульманских скотоводов и воинов из этого района. В Венгрии это произошло после 1699 г., а из района Украины мусульманская государственная сила ушла только в результате аннексии татарского Крыма Россией в 1783 г.

Одержав верх над бывшими мусульманскими властителями западной степи, австрийское и российское правительства могли распоряжаться вновь завоеванными, но слабо населенными землями на свое усмотрение. Заселение западных степей шло тремя путями. На большей части Венгрии и Украины крупные наделы передавали знатным дворянам, имевшим влияние при дворе, и они заселяли новые районы, по крайней мере частично, крепостными из своих же более заселенных земель. Вдоль границ с Османской империей и Персией Австрия и Россия шли по пути образования военизированных, свободных крестьянских общин под особой имперской юрисдикцией. На такие поселения можно было положиться в плане защиты их собственных владений от набегов извне. Как бы то ни было, ни российских казаков, ни австрийских граничаров, привыкших носить оружие и время от времени вступать в схватки с татарами или турками на их границах, вряд ли можно было легко превратить в крепостных. Таким образом, сербы, хорваты, румыны и другие народы, жившие на австрийской Военной границе, а также реестровые казаки Южной России продолжали пользоваться личной свободой в обмен на обязательную воинскую службу в специальных полках⁹. Третий путь заключался в том, чтобы привлекать поселенцев из-за границы, предлагая им земли на особо выгодных условиях. Такую политику проводила Австрия в Банате, а Россия в отдельных специфических районах Украины.

По мере того как занимались пустовавшие земли, и военные поселения, и свободные крестьянские общины, образованные под эгидой империи, начинали попадать под пяту феодалов. В некоторых случаях этому способствовала внутренняя дифференциация среди поселенцев, как это было с

⁹ Британцы комбинировали названные способы в стремлении смирить жителей шотландских гор после восстания 1745 г. Подобно своим современникам в среде российского и венгерского дворянства, вожди шотландских кланов получали в дар большие поместья, а все претензии прежних владельцев земли в резкой форме отвергались английским законом. В то же время многих членов кланов рекрутировали в специальные шотландские полки, использовавшиеся, правда, не для местной обороны, как это было в России или в Австрии, а скорее для выполнения британских имперских задач по всему свету. Однако, учитывая, что российские казаки и австрийские граничары также воевали далеко от границ, которые они охраняли в обычных условиях, то фактическая разница между ними была невелика.

казаками, но иногда официальным актом правительства до тех пор свободные общины отдавались на очень условную милость придворных фаворитов¹⁰.

И все же следует привести особый пример, когда освоение европейцами заморских земель не было увенчано такими большими успехами. Колонизация Ирландии Кромвелем и его предшественниками не привела к переходу английского общества через пролив Святого Георгия. Дикие ирландцы, вынужденные жить на одном картофеле, могли работать на новых землевладельцев за меньшую плату, чем английские или даже шотландские поселенцы. Тем самым они сохранили демографическое превосходство, хотя и ценой жалкой экономической зависимости от чужой в культурном смысле аристократии¹¹. Несмотря на различие официальных форм, общественные модели Ирландии XVIII в. были похожи на модели Восточной Европы и южных колоний Северной Америки в том, что касается резкой поляризации между привилегированным классом землевладельцев, относившимся к европейской цивилизации, и обездоленной в культурном плане, психологически отчужденной массой сельскохозяйственных работников.

2. ВКЛЮЧЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГ АМЕРИКИ И РОССИИ

Экспансия европейской цивилизации после 1648 г. продолжалась не только путем захвата новых земель, но и путем привития европейского стиля жизни в районах, лежавших за пределами Европы и находившихся в ее сфере влияния. К 1789 г. этот процесс распространился на обширные области России и Нового Света, сделав их полноправными членами того, что в результате следует называть уже западной, а не просто европейской цивилизацией. Включение Америки и России в политическое целое Запада с центром в Европе увеличило разнообразие и разбавило или, возможно, даже ухудшило качество западной цивилизации. При этом, несмотря на сохранявшиеся различия между старыми центрами европейской цивилизации и странами за ее пределами, принципиальная общность культуры все больше объединяла американцев, западных европейцев и народы России, ставя их особ-

¹⁰ См. Henry Marczali, *Hungary in the Eighteenth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1910), pp.46-61; W.E.D.Allen, *The Ukraine* (Cambridge: Cambridge University Press, 1940), pp.206-32; Boris Nolde, *La Formation de l'empire russe* (2 vols.; Paris: Institut d'études slaves, 1952-55), *passim*; Konrad Schünemann, *Oesterreichs Bevölkerungs-Politik unter Maria Theresia* (Berlin: 1935).

¹¹ См. W.H.McNeill, «The Influence of the Potato on Irish History» (unpublished Ph.D. dissertation, Cornell University, 1947).

няком по отношению к цивилизованным сообществам остальной части мира.

Приобщение России и Америки к европейскому стилю цивилизации шло совершенно различными путями. Прежде чем Россия смогла воспринять Запад, ей нужно было отказаться от многих элементов собственного культурного наследия в ходе бурного и болезненного процесса. Напротив, американские потомки европейских иммигрантов просто восстанавливали то, от чего их предки в разной степени отказались в суровых условиях жизни пионеров, поэтому возврат к европейской цивилизации проходил у них без глубоких психологических потрясений.

И в России, и в Америке культурный прогресс был делом относительного небольших социальных групп. Однако в Америке проводники культуры опирались на добровольную поддержку или по крайней мере пассивное согласие остального населения, тогда как в России насаждение европейской техники, искусства и моды вызывало глухое возмущение большинства населения, плохо или совсем не понимавшего новый культурный мир, в который вступали его хозяева. К тому же культурный процесс в Америке шел без какого-либо осознанного плана, за счет стихийных действий отдельных лиц и групп, лично заинтересованных и видевших возможность обогащения от более полного приобщения к европейской цивилизации. В России же этот процесс принял форму насильственной кампании, сознательно проводимой правительством и первое время непrikрыто направленной на приобретение военной мощи.

Результаты этого культурного процесса отличались в такой же степени, как и методы его проведения. К концу XVIII в. Америка и Россия показали Европе новые крайности свободы и деспотизма. Каждая из этих крайностей противоречила алогичным компромиссам, лежавшим в сердце европейского Старого режима, и каждая из них по-своему способствовала его падению.

ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА. Ослабление испанского господства в Европе было символически обозначено восстановлением национальной независимости Португалии после 1640 г. и неблагоприятными условиями Пиренейского мира, заключенного в 1659 г., хотя Испанская империя в Европе продержалась до 1713–1714 гг., а заморская империя сохранялась почти нетронутой вплоть до XIX в. Такой ситуации способствовали династические факторы и консервативное влияние политики равновесия сил в сочетании с внутренней прочностью и имперскими традициями Испании.

Двойная система иерархической церкви и централизованной бюрократии, управляемая доверенными лицами испанской короны, удерживала испанско-американское общество в строгих и традиционных рамках вплоть

до третьей четверти XVIII в. Американские индейцы оставались покорными и не имели культурных или политических руководителей, которые могли бы эффективно противостоять испанскому господству¹². Но даже и в этом тщательно контролируемом и, на первый взгляд, застывшем обществе происходили далеко ведущие перемены. Первой и главнейшей из них было то, что парализующая деградация индейского населения примерно с 1650 г. перестала подрывать благосостояние Мексики и, возможно, также Перу. Можно предположить, что американские индейцы начали приобретать к тому времени более высокий иммунитет к европейским и африканским болезням. При этом росла численность стойких к болезням метисов, доля которых со временем стала преобладать в общем населении. Восстановление поначалу шло медленно, однако в последние десятилетия XVIII в. наметился очень быстрый рост населения, что в свою очередь привело к поразительному подъему экономической активности: рентабельность рудников поднялась до невиданного уровня, достигли процветания сельское хозяйство и торговля¹³.

Экономической экспансии способствовали широкомасштабные административные реформы, проводившиеся в XVIII в. по инициативе новой династии Бурбонов в Испании¹⁴, и особенно решительная либерализация регулирования торговли. В 1774 г. испанские колонии получили на первое время разрешение на свободную торговлю между собой. Четырьмя годами позже были изданы дополнительные декреты, разрешавшие двадцати четырем испано-американским портам свободную торговлю с любым портом Испании. Тем самым был положен конец исключительным правам Кадиса в Испании, Картахены, Портобелло и Веракруса в Америке на контроль за судами, перевозящими товары между колониями и метрополией.

Более свободная торговля и общий экономический подъем в испанских колониях обеспечили процветание значительного класса купцов, мелких торговцев и лиц свободной профессии. Такой рост среднего класса придал новый отпечаток интеллектуальной и культурной жизни колоний. Несмотря

¹² Данное утверждение представляется, в общем, справедливым, несмотря на спорадические восстания индейцев. Самое крупное из них произошло в Перу в 1780–1781 гг. под предводительством человека, назвавшегося потомком царской фамилии инков. Более примитивные племена, собранные в миссии, часто пытались вырваться от своих новых господ, однако испанским представителям удавалось принуждать их возвращаться без массового применения силы.

¹³ См. статистические данные, приведенные в работе: Bailey W. Diffie, *Latin-American Civilization, Colonial Period* (Harrisburg, Pa.: Stackpole Sons, 1945), pp. 381, 439–40, 450–55, and *passim*; R. A. Humphreys, «The Fall of the Spanish American Empire», *History*, XXXVII (1952), 213–27.

¹⁴ Подробное и очень интересное исследование влияния инициативы правительства Испании на горнорудную промышленность Мексики, см. Clement G. Motten, *Mexican Silver and the Enlightenment* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950).

ря на то что в XVII–XVIII вв. в испанской Америке существовали солидные учебные заведения и некоторые из них ввели современные программы, включающие изучение таких светил, как Декарт, Лейбниц и Ньютон¹⁵, обучение все же оставалось неэффективным, ограниченным узким кругом книжников. Тем не менее к концу XVIII в. широкие круги испано-американского общества начали интересоваться новыми идеями, рождавшимися в Европе, и, как везде в мире, купцы и люди свободных профессий прокладывали дорогу освоению новинок Просвещения. Такие люди все более критично относились к окружающему их обществу. Особенно остро они ощущали систематическую дискриминацию со стороны испанского правительства, ставившего на высокие посты в колониях исключительно испанцев из метрополии.

С появлением значительного среднего класса и началом интеллектуального подъема, распространившегося за пределы круга профессиональных ученых, испанская Америка стала гораздо более европеизированной, чем когда-либо. Неуклонное отступление исконно индийских культур перед натиском миссионеров вело к тому же результату. Разумеется, расовое смешение отделяло новое общество от его европейской модели. Большое количество обширных территорий, массовое применение принудительного труда (как в отработку за долги, так и бесправного рабства), а также необычайное экономическое¹⁶ и культурное влияние церкви по-прежнему отличали испанскую Америку от некоторых частей Европы, однако такие черты американского общества были похожи на существовавшие в самой Испании условия и имели тесное сходство с другим флангом западной цивилизации – Восточной Европой.

БРАЗИЛИЯ И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА. У португальской Бразилии и британских колоний в Северной Америке было нечто общее, что отличало их от испанской империи Нового Света. В политическом плане они характеризовались глубокой децентрализацией, и серьезные волнения в метрополии (Гражданская война в Англии 1642–1649 гг., восстание в Португалии против Испании 1640–1659 гг.) вынуждали колонистов в середине XVII в.

¹⁵ С.Н.Haring, *The Spanish Empire in America*, pp.235ff.

¹⁶ Церковь сама владела землями и также предоставляла ссуды неосторожным землевладельцам. В результате, по некоторым оценкам, около четырех пятых земель в Новой Испании принадлежало церкви или находилось у нее в залоге. С.Н.Haring, *The Spanish Empire in America* (New York: Oxford, 1952), pp.190–91. Кроме того, орден иезуитов стал очень крупной предпринимательской и торговой силой, учитывая, что он распоряжался продукцией своих индейских миссий, отдельные из которых, например в Парагвае, процветали и превратились в количественном отношении в весьма крупные сообщества.

рассчитывать в основном на собственные силы¹⁷. В Бразилии, как и в южных английских колониях, преобладала плантационная экономика, основанная на рабском труде, но и там, и там приграничные территории, заселенные скорыми на решения первопроходцами, могли признавать, а могли и не признавать политическое руководство владельцев плантаций с побережья.

И все же в целом сходство между этими двумя обществами было скорее видимым, чем реальным. Бразильская аристократия, гордившаяся своими воинскими и сексуальными доблестями, презиравшая и тяжелую работу («удел рабов»), и интеллектуальную образованность («дело священников»), коренным образом отличалась от землевладельцев Вирджинии или Южной Каролины. Несмотря на правительственные реформы, начатые в конце XVIII в. деспотичным и «просвещенным» главой португальского кабинета маркизом де Помбалом, а также несмотря на существенный экономический рост, к концу века Бразилия значительно отличалась от других обществ. В частности, индейская и негритянская культуры, хоть они и вплелись в португальскую традицию, сохраняли свою самобытность и энергию в такой степени, что подобного явления не существовало больше нигде в Новом Свете¹⁸.

Даже в конце XVIII в. английские, бывшие английские и французские колонии далеко отставали от испанской Америки. Город Мехико с его 112 926 жителями в 1793 г.¹⁹ затмил все, что только было на севере, и, бесспорно, превышал по размерам любой город современной ему Франции и Англии, исключая Париж или Лондон. Население Мексики значительно превышало население всех тринадцати английских колоний, а роскошь, утонченность и образованность высших классов испанских колоний превосходили все, что было к тому времени достигнуто на Атлантическом побережье Северной Америки.

При этом культурно отсталые Новая Англия и колонии Среднего побережья Атлантики Северной Америки представляли собой образец самого радикального перехода общества европейского типа на новую почву. Эти

¹⁷ Так, например, бразильцы вытеснили голландцев из своей страны после долгой партизанской войны 1643–1654 гг. На первых порах бразильские повстанцы не подчинились правительству Португалии, признавшему в 1641 г. права Голландии на Бразилию с тем, чтобы заручиться поддержкой Голландии против Испании. См. C.R.Boxer, *The Dutch in Brazil, 1623–1654* (Oxford: Clarendon Press, 1957).

¹⁸ По вопросу о Бразилии взяты в качестве источников следующие работы: Diffie, *Latin-American Civilization*, pp.633-753; Gilberto Freyre, *The Masters and the Slaves: A Study in the Development of Brazilian Civilization* (New York: Alfred A.Kopf, Inc., 1946); Lawrence F.Hill, *Brazil* (Berkeley and Los Angeles, Calif.: University of California Press, 1947); Gilberto Freyre, *Brazil: An Interpretation* (New York: Alfred A.Kopf, Inc., 1947).

¹⁹ Diffie, *Latin-American Civilization*, p.453.

английские колонии быстро превратились из маленьких и обособленных прибрежных плацдармов, какими они были в начале XVII в., в более или менее непрерывную полосу поселений, вытянувшихся от Нью-Хэмпшира до Джорджии и простиравшихся в глубину до Аппалачей. Население здесь увеличивалось очень быстро – частично за счет иммиграции, но в основном за счет естественного прироста. К 1790 г., когда была проведена первая перепись Соединенных Штатов, оно насчитывало 4 млн человек, т.е. чуть меньше половины населения Великобритании.

Цифры указывают на приближение к политическим и культурным условиям жизни в Европе и, в частности, в Англии. Если быть точным, то в Новой Англии не было аристократии, а власть монарха находилась очень далеко и обычно почти не действовала. К тому же близость открытой границы делала землю доступной и способствовала основанию и сохранению только фермерских общин, отличавшихся необычным духом равноправия. Однако в более старых поселениях, особенно в морских портах, на английских линиях в XVIII в. начала складываться олигархия удачливых торговцев и собственников. Деловые навыки прочно укоренились в Новой Англии и в колониях Средней Атлантики, причем выросли они в значительной мере на той же пуританской почве, которая дала Англии большинство ее самых преуспевающих дельцов. Так, например, суда Новой Англии стали ходить в далекие моря. Обилие дешевого леса и экипажи, приученные к трудной жизни и тяжелой работе кальвинистским учением и каменистыми почвами, позволяли торговому флоту янки конкурировать с любыми соперниками. С другой стороны, промышленность оставалась в зачаточном состоянии вплоть до Американской революции.

Социальная мобильность и политическая свобода господствовали в английских колониях в необычайном масштабе. Способный и энергичный человек мог подняться быстро и высоко, как показала карьера Бенджамина Франклина (1706–1790). Даже на юге плантационная рабская экономика в какой-то мере уравновешивалась дальними фермерскими общинами, походившими на пограничные поселения Новой Англии во всем, кроме строгости кальвинистской дисциплины. Можно сказать, что английские колонии в некотором смысле взяли лучшее от обеих частей света, поскольку образованный вирджинский аристократ, знакомый с обычным (британским) правом и Джоном Локком, разбирающийся во французской литературе и акциях западных земель, активно участвующий в местном управлении и деятельно направляющий дела собственного хозяйства, обеспечивал умелое лидерство отдаленных районов, не господствуя на этой сцене до такой степени, чтобы ускорить приход олигархического правления над общинами. Подобным же образом купцы, судовладельцы и дельцы северных колоний могли

удерживать свое политическое господство только до той степени, до которой за ними готова была идти сельская часть населения. Сравнительно широкое избирательное право давало возможность значительной части, а в некоторых колониях и абсолютному большинству взрослых мужчин выражать свою волю в политике. Таким образом создавалась атмосфера, разительно отличавшаяся от пассивной покорности рядовых масс власти бюрократии, олигархов и духовенства в Латинской Америке и французской Канаде.

Ригоризм духовенства и праведников смягчался религиозной неоднородностью. Разнообразие церквей в колониях считалось вполне закономерным, и никто не стремился навязать какую-то единую конфессию в британской Северной Америке. К тому же в XVIII в. все общины постепенно отдалялись от суровой религиозности своих отцов – даже в пуританском Масачусетсе – и проникались секуляризацией, под влиянием которой в то время преобразовывалась Европа. Это не удерживало поборников чистой веры из числа священнослужителей от раздувания крайних выражений религиозных чувств, при этом деисты и атеисты, англиканцы, конгрегационалисты, пресвитериане, квакеры, римские католики, методисты, баптисты (не говоря уже о группах, возникших за пределами английской традиции, таких как меннониты или голландские реформаты) должны были так или иначе уживаться друг с другом. В итоге колониальное общество освободилось от господства какой-либо одной церкви или доктрины.

Пока английские колонии были окружены французами и их индейскими союзниками на севере и западе и подвергались нападению французских военных кораблей или каперов, первостепенное значение имела защита, предоставляемая британским флотом, а при случае и регулярными британскими войсками. Однако после захвата Британией Канады в результате победы в Семилетней войне (1756–1763 гг.) французская угроза практически исчезла и соответственно изменились отношения колоний с метрополией. Попытки британского правительства собирать дополнительные подати, размещать войска в колониях, регулировать торговлю в Новой Англии и ограничить власть колониальных законодательных органов вызвали бурю протестов. Для обоснования сопротивления актам британского парламента приводили ссылки на свободы англичан. Организованное неповиновение британским законам и властям ускорило тем не менее народные выступления под флагом прав не просто англичан, а Человека, провозглашавшихся самыми радикальными теоретиками тех дней. И все же спонтанные вспышки насилия толпы против «тори» не увлекли революционное движение в сторону от в общем-то законных путей, учитывая, что патриотическая партия переписала законы разных колоний и приступила к эксперименту, вначале оказав-

шемуся скорее неудачным, с федеративным союзом. Когда же британские войска вознамерились восстановить порядок и повиновение, их действия постепенно вызывали все более резкое сопротивление, и к 1775 г. отношения между колонистами и британским правительством переросли в открытую войну. После многих тягот и лишений в 1783 г. дело революции победило – скорее по причине резко разошедшихся мнений в британском правительстве и вмешательства Франции (объявившей в 1778 г. войну Великобритании), чем благодаря победам, одержанным оборванными армиями Джорджа Вашингтона.

Таким образом, Американская революция оказалась успешной благодаря противоречиям европейской политики силы и оружия, а ее руководители черпали идеи из запасов радикальных политических учений, распространенных в недавнем прошлом по Европе. Те же радикальные идеи, смягченные опытом, вдохновляли и людей, писавших Конституцию Соединенных Штатов. Теоретические принципы разделения власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями, а также распределение управленческих полномочий между местными и федеральными властями были оформлены в виде реально действующей конституции, а принципы индивидуальной свободы и правления с согласия народа были гордо провозглашены на весь мир.

В этом содержался мощный вызов Старому режиму в Европе. Американцы, казалось, принялись за генеральную уборку устаревших институтов с тем, чтобы создать разумную систему управления. И хотя кое-кто мог усомниться в стабильности или отрицать принципы нового режима, никто в западном мире не остался равнодушен к американскому эксперименту. Таким образом, бывшие английские колонии, сколь бы велико ни было их видимое отставание от испанской Америки и сколь бы примитивна ни была их жизнь по сравнению с жизнью европейских аристократов, с удвоенной силой влились в главный поток европейской мысли и практики. Несомненно, пример Американской революции стал сильнодействующим фактором, способствовавшим Французской революции, разрушившей Старый режим в Европе²⁰.

РОССИЯ. Усиление более современного, самодержавного и опирающегося на военную силу правительства в России стало вызовом совсем другого рода для Старого режима в Европе. Вызов этот не был таким же решитель-

²⁰ Взаимосвязь между двумя этими революциями символически подтверждается хронологическим совпадением: Джордж Вашингтон был введен в должность первого Президента Соединенных Штатов 30 апреля 1789 г., буквально на следующий день после даты, установленной для созыва Генеральных штатов в Версале.

ным и непосредственным, как идеологический вызов Американской революции. Однако подъем новой военной империи, располагавшей обширной территорией и большим населением, а также (по крайней мере, в принципе) направлявшей все людские и материальные ресурсы на служение государству, явно контрастировал с политически раздробленной и социально разделенной старой Европой. Только за счет использования новых ресурсов и изыскания новой базы власти путем непрерывного самопреобразования могли такие относительно небольшие страны, как Франция и Британия, надеяться на равное положение с новым российским великаном. За тем фактом, что в течение XIX в. демократическая и промышленная революции создали новые основы для власти и богатства в Западной Европе, оставив Россию далеко позади более чем на столетие, в какой-то мере оказалась скрыта степень российской угрозы в последние десятилетия XVIII в. В сущности, эта опасность традиционному европейскому многообразию была именно так отодвинута вплоть до нашего времени.

До 1698 г., когда юный Петр Великий возвратился из своей знаменитой поездки по Западной Европе, чтобы начать революцию сверху, Россия двигалась не спеша, следуя политике и строю, принятому первыми Романовыми. Усилия направляли на то, чтобы сохранить в целостности самобытное российское наследие путем сведения к минимуму контактов с иностранцами. Такая политика оправдывала себя в XVII в. Так, например, роль России как центра православия помогла царям получить права на Восточную Украину (1667 г.) после долгой войны с Польшей, так как казаки предпочитали иметь над собой православного господина, а не католического, если уж без него нельзя было обойтись.

Однако Петр вовсе не заботился о православии, а грубые и шумные нравы иностранных колоний в Москве были ему больше по вкусу, чем ритуальная жизнь русского двора. При этом его тесные связи с иностранцами оставались всего лишь личной привязанностью почти десять лет после того, как он стал полновластным правителем России. И только после того, как недовольство московских стрельцов (1698 г.) вылилось в мятеж, Петр до конца жизни не жалел усилий для превращения окружавших его веселых друзей и авантюристов в господ Российского государства.

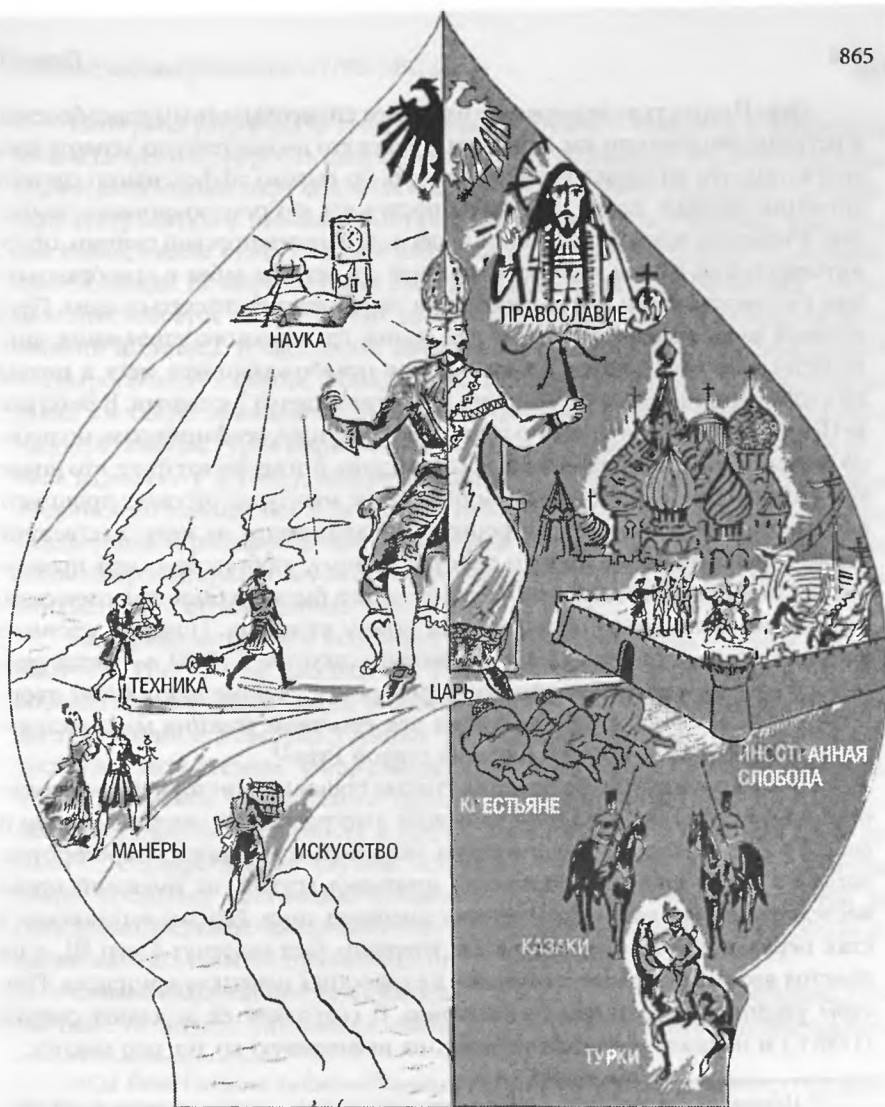
Одна за другой исчезали старые приметы: запрещены бороды и кафтаны, введен юлианский календарь, упрощен алфавит, при дворе отменена изоляция женщин, на Финском заливе построена новая столица – Санкт-Петербург. Петр вытаскивал русских дворян из их вотчин и поместил в казармы, усадил за чиновничьи столы. Он взялся за административную неразбериху России, пытаясь сделать систему управления похожей на шведские модели, и даже осмелился подчинить святую православную церковь свет-

кому прокурору. Повсеместно царь с его неумолимой и капризной энергией загонял свой упирающийся народ на новые пути. Подобно своему предшественнику Ивану Грозному и Сталину в более поздние времена, личность Петра на деле преобразовала русское общество за четверть века.

Устрашением и массовым насилием реформы Петра были прочно укорплены в Российском государстве, чему способствовали также превратности долгой и тяжелой войны со шведами (1700–1721 гг.). Следует отметить, что Петр и его соратники не смогли бы безнаказанно замахнуться на старые русские обычаи и установления, если бы приверженность к старой Руси к тому времени уже сильно не ослабла. Ограниченное, но длительное соприкосновение с ощутимыми преимуществами европейской цивилизации подорвало беззаветную приверженность старым традициям, а официальная церковь была сотрясена до основ старообрядческим расколом. Оставалось только самодержавие, и когда оно перешло в руки революционеров, отвергнувших российское прошлое и решивших перенять достижения европейской цивилизации, то прекратили существовать и объединяющие принципы дестественного сопротивления.

В центре всей бурной деятельности Петра находилось поразительное по своей целенаправленности стремление к огромной военной мощи. Его правительственные реформы были подчинены цели набора, оснащения и содержания армии и флота, равных или превышающих силы западных держав. Это требовало не только людей и денег, но также заводов и верфей, математики и практических навыков, более широкой грамотности и принуждения на любой ступени общественной лестницы. Петр набирал крепостных в армию, на новые оружейные заводы на Урале, на строительство Санкт-Петербурга, ставил дворян почти с такой же непоколебимостью на службу туда, где необходимо, записывал их сыновей в полки императорской гвардии, предписал купцам перенести свои дела из Архангельска в новую столицу – Санкт-Петербург, назначал шведских пленных на административные должности в российских губерниях и выписал сотни голландцев и других иностранных мастеров для развития новых ремесел в России. Жизнь самого Петра, влекомого почти демонической неумолимостью, состояла из переменчивого внимания к мелочам, внезапных крутых решений, необузданных попок и буйных беспричинных вспышек гнева.

Петровские административные реформы оставались хаотичными, и скрытое сопротивление его нововведениям во всех слоях общества серьезно мешало его планам. И все же Петр обновил Россию. Он выиграл войну со шведами, несмотря на искусство своего противника Карла XII, и присоединил к России значительную часть территории на Финском заливе – его знаменитое «окно в Европу». Войны с турками были менее успешными. Победа

ЗАПАД

РОССИЯ

РОССИЯ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

1696 г. обеспечила выход к Азовскому морю, но этот успех был сведен на нет в 1711 г. катастрофическим окончанием второй кампании, что вынудило царя отдать все, что было добыто в ходе предыдущей. Отчасти утешало то, что к самому концу царствования Петра его войска победили Персию и передвинули российскую границу к южному побережью Каспия.

Дело Петра стало возможным благодаря его необычайным способностям и неуравновешенности как личности. Секрет его поразительных успехов кроется в том, что он создал неофициальную, но высоко эффективную систему обучения молодых людей, желавших послужить его революционным замыслам. Учебными заведениями Петра были полки императорской гвардии, сформированные на основе ядра из товарищей его детских забав и преобразованные в воинские части. Когда революция сверху начала спускаться вниз, Петр набирал из гвардейцев офицеров для армии, гражданского управления, дипломатии и других целей. Для заполнения освобождавшихся мест в полках дворянам предписывалось посылать в них своих детей рядовыми. В результате Петр быстро создал мощную правящую верхушку, неофициально, но прочно связанную общим опытом службы в гвардии. К тому же тот факт, что новые хозяева России, с пренебрежением отвергшие многое из русского прошлого, были поначалу не более чем крошечным гарнизоном на недружественной земле, служил им всем мощным стимулом к тому, чтобы удерживать приверженность народа к допетровской Руси от какого бы то ни было политического выражения, способного поставить под угрозу их власть. Поэтому жестокие интриги, столь характерные для правящей верхушки в XVIII в., всегда прекращались внезапным дворцовым переворотом. Любые длительные дворцовые распри могли открыть шлюзы для яростной реакции масс, направленной против всех тех, кто изменил старой Руси²¹.

После кончины Петра история России становится историей революционной верхушки, созданной им на основе императорской гвардии. Вражда и союзы в ее среде выражаются в серии знаменитых дворцовых переворотов, когда на смену одному самодержцу приходил другой, не имевший права наследования или каких-либо других законных прав. Самым выдающимся стал переворот 1762 г., в результате которого был свергнут Петр III, а на престол взошла его супруга – никому не известная немецкая принцесса. При этом узурпировавшая власть Екатерина II сохранила ее до самой смерти (1796 г.) и подняла российскую мощь на невиданную до тех пор высоту.

²¹ Историки еще недостаточно исследовали удивительное сходство императорской гвардии с родовой рабской системой в Османской империи. Хотя солдаты гвардии официально не были рабами, они подчинялись такому же режиму, как и турецкие янычары и дворцовая челядь во времена величия Османов. Более того, перемена мышления, образа жизни и моральных устоев, происходившая с людьми, которые покидали свои вотчины в России, чтобы идти на службу в тот или иной гвардейский полк, была почти такой же сильной по воздействию, как и превращение христианских юношей в османских пашей. Как и турки, Петр разрешал принимать в свои полки людей самого разного происхождения, однако преобладали в них иностранцы и сыновья русских дворян. Многие крестьяне соглашались служить «антихристу», даже если они и могли уйти таким образом от своих господ. В наше время коммунистическая партия Советского Союза сохранила некоторые важнейшие черты обоих этих старых институтов.

Екатерина удерживала трон благодаря дружбе с гвардией и широкому удовлетворению запросов дворянства. Еще до ее прихода к власти простые нравы, отличавшие окружение Петра, стали постепенно укрощать французские гувернантки и немецкие наставники, которых приглашали в дворянские семьи, чтобы учить их детей языкам и манерам европейской аристократии²². Однако, по мере того как русские дворяне ближе знакомились с жизнью аристократов в Европе, они начинали требовать для себя таких же привилегий и статуса. В частности, они желали освободиться от обязательной государственной службы. Злополучный супруг Екатерины в 1762 г. предоставил им такую привилегию, после чего тысячи дворян покинули армию и государственные учреждения, чтобы осесть в своих вотчинах. Екатерина развила дальше эту уступку, обеспечив юридическую защиту от конфискации дворянского имущества и от других произвольных наказаний. Она также подтвердила и расширила законные права дворян на их крепостных и позволила провинциальному дворянству объединяться в свои организации для конкретных и ограниченных целей.

Екатерина могла себе позволить ослабить давление на дворянство, потому что Россия уже располагала к тому времени значительным числом хорошо образованных людей, желавших и даже жаждавших получить должности в армии и в государственных учреждениях. Экономическое развитие достигло такой степени, когда самодержавие получало достаточные поступления от налогов, чтобы платить своим чиновникам нечто вроде жалования, так что отпала необходимость в прежней форме оплаты в виде раздачи земель²³. Государственная служба оставалась лестницей для продвижения вверх, поскольку достижение установленного положения в армии или на гражданской службе обеспечивало автоматическое получение дворянства со всеми официальными привилегиями этого статуса.

Однако находившиеся на нижней ступени общественной лестницы крепостные не видели улучшения своей жизни и, несомненно, подвергались

²² См. Émile Haumont, *La Culture française en Russie, 1700–1900* (Paris: Hachette, 1913), pp.85–90. Профессиональные школы создавались очень медленно, и самой крупной из них стал Пажеский корпус (основан в 1731 г.), дававший возможность молодым дворянам поступить на службу в армию (или в правительственные учреждения), не проходя через гвардию, как это требовалось во времена Петра.

²³ Экономическое развитие страны при Екатерине носило феноменальный характер. Городское население выросло с трети миллиона в конце царствования Петра до 1,3–2,3 млн к времени смерти Екатерины. Расширилось сельское хозяйство, увеличивалось число мануфактур, а экспорт вырос с 30 млн рублей в 1773 г. до 81 млн к концу жизни Екатерины. Цифры приведены в Michael T. Florinsky, *Russia: A History and an Interpretation* (New York: Macmillan Co., 1955), pp.561–64. Обзор подъема экономики в Южной России и близлежащих районах дан в работе: Traian Stoianovich, «The Conquering Balkan Orthodox Merchant», *Journal of Economic History*, XX (1960), 234–313.

более сильному угнетению, чем раньше. После того как дворян освободили от обязательной государственной службы, крестьяне, естественно, также подумали, что их освободят от необходимости служить дворянам. Это убеждение вылилось в мощное крестьянское восстание с центром в Южной России (1773–1775 гг.), жестоко подавленное властями. С той поры недовольство крестьян перешло от прямых форм выражения к сектантству и массовому пьянству.

Таким образом, Россия разделилась на две все более чужие друг другу части общества, и разрыв между ними становился как никогда ранее резким. Привилегированное дворянство, богатые представители которого к концу XVIII в. усвоили образ мыслей и манеры французских салонов, жили в мире, полностью оторванном от вопиющего невежества и грубости крестьянской жизни. Чем образованнее и цивилизованнее становились русские аристократы, тем тоньше были нити, связывавшие их с собственными крестьянами.

В этом, без сомнения, и заключается главный источник грядущей слабости. Однако в XVIII в. социальные трещины между аристократией и народными массами в Западной Европе были почти такими же, и общественная структура России еще не отставала значительно от западных держав. Да и сами размеры государства играли на пользу России. Екатерина не только аннексировала около половины Польши путем трех следовавших друг за другом разделов этой несчастной страны (1772–1795 гг.), но и отодвинула границы России к Черному морю, и русские корабли получили возможность плавать по ранее считавшемуся турками своим внутренним морю и свободно проходить через проливы (1774 г., 1783 г.). Мечты о полном разрушении Османской империи и о замене ее реставрированной и зависимой греческой империей на Босфоре остались неосуществленными. Тем не менее военная мощь, которой обладало столь обширное государство, как Россия, была недвусмысленно продемонстрирована. При Петре Россия заявила о себе как о великой европейской державе, при Екатерине она стала такой.

3. КОМПРОМИССЫ СТАРОГО РЕЖИМА В ЕВРОПЕ

Главным победителем в Тридцатилетней войне стала Франция, которая быстро превратилась в центр притяжения Европы. Роскошь двора Людовика XIV (1643–1715 гг.) свидетельствовала о силе и богатстве, изысканности и утонченности. Аристократы, укрощенные постоянным присутствием при дворе, утратили старые привычки добиваться всего силой. Французские крестьяне получили, таким образом, возможность узнать, что такое мирная

жизнь, а королевские армии совершали марши за пределами страны, давая дипломатам короля аргументы для расширения этих пределов в сторону Рейна. Немецкие князьки, насколько они могли это себе позволить, и Карл II Английский (1660–1685 гг.), насколько он отваживался, стремились повторить успехи французского монарха, и если завести такие же войска было слишком дорого, то завести любовниц не хуже было сравнительно легко. Правды ради, следует отметить, что военное превосходство Франции ослабело после 1715 г., когда Англия, с одной стороны, и Австрия – с другой, нарастили свою мощь. Однако французская философия и литература, достигшие впечатляющего размаха еще в XVII в., приобрели в XVIII в. такой авторитет, который перешагнул через политические и языковые границы и осветил всю Европу, а вместе с ней Америку и Россию.

Со времен упадка латинского христианства в средние века социальное и культурное единство Европы никогда не было таким прочным. Различия европейского наследия, столь сильно вступавшие в противоречие друг с другом в XVI в., удалось примирить в XVII в. с помощью ряда совершенно нелогичных, но от этого не менее действенных компромиссов, охватывавших политику, общество, сферу деятельности мыслителей и менее явно искусство. Возникшее в результате равновесие никогда не было постоянным, меняясь от одной эпохи к другой и от одной территории к другой. Более того, оно изначально содержало в себе семена происшедшего в XIX в. нарушения. Можно все же попытаться охарактеризовать некоторые основные направления и наиболее постоянные черты Старого режима в Европе.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОМПРОМИССЫ. Старый режим в Европе был основан на множестве территориальных государств, ревниво оберегавших свой суверенитет. Не признавая никакой внешней власти, правители таких государств точно так же не признавали и никаких пределов для собственной власти на своей территории. Хотя на практике даже самые абсолютные монархи были обязаны считаться с интересами городов, провинций, привилегированных компаний, гильдий, церкви и прочего у себя в стране, а баланс сил существенно ограничивал их действия за рубежом.

Суверенитет ограничивался также порядками в области собственности. Отрезвленные яростью религиозных войн, европейские правители отказались от прямого обращения к глубинной сущности дел человеческих и стали смотреть на начетническое иступление, внушенное определенным видением религиозной или другой формы истины, как на нечто смешное, наивное и откровенно опасное. Правители пришли к выводу, что благоразумнее будет расширять рамки профессионализма, на который можно положиться

и который будет действовать хоть и не эффективно, но зато эффективно, старыми и хорошо знакомыми способами. Профессиональные юристы, врачи, торговцы, придворные, помещики, чиновники, офицеры, а к XVIII в. и писатели, знающие свое дело и не выходящие за круг его интересов, изменяли жизнь Европы шаг за шагом по мере того, как уходило одно десятилетие за другим, и при этом они лишь изредка обращались к глубинам человеческих страстей или к высотам человеческих устремлений. Даже такой теоретически абсолютный, энергичный и амбициозный правитель, как Людовик XIV, был, таким образом, ограничен в своих возможностях не только союзами иностранных держав, сдерживавшими его агрессивные намерения, но также и менее формальным, но гораздо более прочным союзом самостоятельных или полусамостоятельных профессиональных объединений и корпораций во Франции, каждое из которых упорно держалось за свои права, правила и устоявшиеся обычаи, тем самым выступая стабилизирующей силой в обществе. Устоявшиеся правила и внешние приличия, подкрепленные весом тяжелых установлений, удерживали даже самого абсолютного из королей не просто от крутой ломки в стране, но даже и от самой мысли об этом. Таким образом, теоретически абсолютный суверенитет оставался целиком и полностью теоретическим.

Международные войны и дипломатия хорошо иллюстрируют ограничения суверенитета, присущие Старому режиму. В течение короткого времени в начале царствования Людовика XIV Франция превосходила по силе своих соперников на континенте, однако баланс был восстановлен, когда в 1689 г. к антифранцузскому Великому альянсу присоединилась Англия. После этого даже такие значительные перемены, как распад Испанской империи в Европе (1700–1714 гг.), разгром Шведской империи на Балтике (1700–1721 гг.) и раздел Польши (1772–1795 гг.), происходили при тщательном учете баланса сил между основными европейскими государствами.

На протяжении большей части XVIII в. этот баланс поддерживался идущим параллельно процессом экспансии. На западе Франция и Британия богатели на торговле и заморских авантюрах. В Восточной Европе Австрия, Пруссия и Россия наращивали свою мощь за счет включения в свой состав слабо организованных и частично незаселенных районов на окраине европейского общества. В конечном счете преимущество оказалось на стороне держав, дальше других отстоявших от центра Европы. Так, островная Британия одержала решающую победу в Семилетней войне (1756–1763 гг.) и отобрала у Франции ее владения в Индии и Америке. На востоке Австрия получила такое же преимущество в XVII – начале XVIII вв., когда армии Габсбургов вторглись в Венгрию (1683–1699 гг.) и на Балканы (1714–1718 гг.),

открыв самую западную часть евразийских степей для заселения подданными Габсбургской империи. Со второй половины XVIII в., однако, роль Австрии как главного фактора в непрерывном процессе экспансии на границах Европы перешла к России.

При этом у держав на периферии Европы также были свои слабые места. Покорение, заселение и приобщение к цивилизации отдаленных земель ложились бременем на дипломатию и ресурсы центра, и уже само по себе расширение Британской, Австрийской и Российской империй с их пестрым населением и разнообразными обычаями часто ставило перед центром невыполнимые задачи. Восстания в Шотландии (1715 г., 1745 г.), Американская революция (1775–1783 гг.), выступления в Венгрии (1703–1711 гг., 1789 г.), крестьянские войны под руководством Степана Разина (1670–1671 гг.) и Емельяна Пугачева (1773–1775 гг.) в России указали на трудности и недостатки британского, австрийского и российского правительств на их собственной территории.

В каждом европейском государстве вес различных элементов в системе сдержек и противовесов время от времени менялся. В XVII в. рационалистическое, централизующее давление гражданской и военной бюрократии во Франции имело целью подчинить себе другие элементы французского общества. Так, например, независимость аристократии была подорвана как раздачей королевских пенсий и привилегий, так и прямой узурпацией дворянских прав. Позднее, в XVIII в., аристократия потребовала возвращения определенной части ее самостоятельности, взявшись для этого, однако, не за шпагу, а за перо, с помощью законных аргументов (в парламенте) и теоретических изысканий (Монтескье).

В отличие от галликанской Франции, в Австрии церковь сохранила более значительную независимость и существенную власть. Средние классы здесь были явно слабее, а отдельные земли оставались самостоятельными единицами, слабо связанными воедино лишь подобием вассалитета по отношению к монархии Габсбургов. Административная централизация, с таким успехом проведенная в XVII в. во Франции, стала главной задачей для австрийской бюрократии с середины XVIII в., причем ее выполнение было прервано незадолго до завершения Французской революции. Испания и Португалия в основном двигались вслед за Австрией, пытаясь перенимать опыт Франции в достижении политического и военного величия в середине XVIII в.

Швеция и Польша, игравшие роль великих держав в XVII в., утратили ее в XVIII в. как по причине того, что им не удалось добиться такой централизации в управлении и такого общественного равновесия, каких достигла Франция в XVII в., так и в силу ограниченности людских и природных

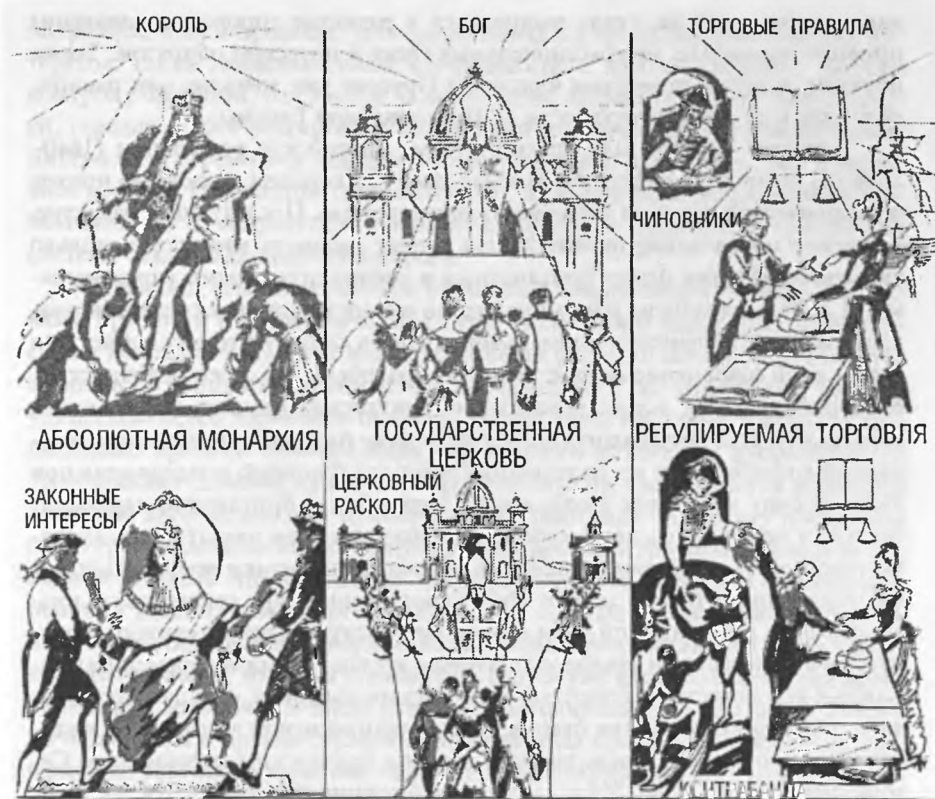
ресурсов²⁴. Аналогичным образом теряла свое политическое значение в XVIII в. Голландия. Несмотря на территориальную близость к центру европейской цивилизации, ее скудные природные ресурсы и относительно низкая численность населения не позволяли ей сохранять положение великой державы. Позиции, завоеванные в свое время военным и дипломатическим путем Швецией, Польшей и Голландией, перешли в руки Британии и Пруссии, чья политика резко отличалась от норм Старого режима. По удивительному совпадению период 1640–1688 гг., ставший свидетелем революции сверху в Пруссии и снизу в Британии, сыграл решающую роль в установлении специфического для каждой из этих стран государственного и общественного баланса.

В 1640 г., когда к власти в Бранденбурге пришел Великий курфюрст Фридрих Вильгельм Гогенцоллерн, Пруссия была бедной далекой провинцией, полученной им во владение от польской короны, а другие его земли были широко разбросаны по всей Германии. Ко времени же смерти курфюрста (1688 г.) Бранденбург-Пруссия превратился в государство – военный лагерь, где все имеющиеся ресурсы направляли на содержание многочисленной и боеспособной регулярной армии. Фридрих Вильгельм и его приближенные не допускали ни малейших препятствий на пути к достижению этой цели. Привилегии дворян, иммунитеты провинций и городов, обычаи гильдий и даже сел строго координировались, корректировались, а при необходимости и упразднялись в целях обеспечения максимальной военной мощи. В результате бедные, слабые и разбросанные территории были сплочены в единое административное образование, не только способное защищать себя, но и ставшее прочной базой, с которой власть Гогенцоллернов могла распространяться и на другие земли²⁵.

Преемники Великого курфюрста были способными правителями и проявили замечательную целеустремленность в укреплении своей власти и расширении территории государства. Ко времени Фридриха II Великого (1740–

²⁴ Несмотря на малочисленное население, Швеция к концу Тридцатилетней войны создала богатую и обширную Балтийскую империю. Тем не менее шведское дворянство предпочитало располагать своей свободой на своих землях, по подобию Польши, а противостоявшие ему силы короля, бюрократия и средние классы были не в состоянии помешать шедшему по этой причине процессу размывания государственной власти. В 1772 г. Швеция была в последний момент спасена государственным переворотом от опасности превращения в беспомощную пешку в руках России и/или Пруссии, как это случилось с Польшей.

²⁵ Тот факт, что в ходе Тридцатилетней войны Бранденбург неоднократно подвергался опустошению, а население большей части территорий курфюрста немало натерпелось от оккупации шведами и войсками других стран, несомненно, способствовал устранению сопротивления старых сил той централизации власти, которую проводил Великий курфюрст. Города были малонаселенными и немногочисленными, так что в них отсутствовала многообразная цеховая структура, как во французском обществе, которая могла бы противиться революции

СТАРЫЙ РЕЖИМ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

1786 гг.) Пруссия сравнялась с Францией на полях сражений, стала соперником Австрии в Германии и союзником России и Австрии при разделе Польши. Одержанные успехи позволили смягчить почти спартанскую жесткость прусского государственного устройства, и скромное благосостояние, заботливо поддерживаемое правительством в его трудах по сборам налогов

сверху. Более того, любая политика, сколь бы радикальной она ни была, предотвращающая повторение горького опыта Тридцатилетней войны, встречала широкое одобрение.

Как и в примере с русским царем Петром Великим, нельзя не учитывать личность правителя. Разрушениям, обрушившимся на земли Гогенцоллернов, подверглась большая часть территории Германии, и городская жизнь была в ней развита слабо. Однако только во владениях Гогенцоллернов эти предпосылки привели или обеспечили радикальную милитаризацию общества и системы правления. Такой результат определялся волей и суждениями Великого курфюрста, опиравшегося на военные традиции тевтонских рыцарей и на всю германскую идею «Дранг нах Остен».

для усиления войска, стало выливаться в развитие городов и появление привилегированных профессиональных слоев в прусском обществе. Таким образом, к концу правления Фридриха Пруссия уже меньше, чем раньше, отличалась от других государств континентальной Европы.

Развитие Англии шло другим путем. Английская революция (1640–1688 гг.) установила власть парламента даже над королем и ускорила приход олигархической системы управления государством. Последующее развитие, например образование правительства в виде кабинета министров, только увеличило отличия между британскими и континентальными учреждениями. В XVII в. парламент напоминал архаический пережиток средневековья, вызывающий нарушения нормальной жизни в силу отсутствия единства и мешающий современному, действенному правительству своей мелочностью. К середине XVIII в. все же новомодный британский кабинет, подотчетный парламенту, стал производить впечатление даже на континентальных наблюдателей способностью вести успешные войны за границей, поддерживая при этом свободу и порядок у себя дома. Прежде всего британский парламент защищал принцип, согласно которому землевладельцы имеют право активно участвовать в создании законов, в выработке политики правительства и в управлении местными делами. Некоторые французские аристократы, низведенные до декоративной роли при дворе, и ведущие представители французского купечества и профессиональных кругов, время от времени выражавшие недовольство жесткостью королевского контроля, начинали чувствовать, что величие Франции было куплено дорогой ценой лишения их политических свобод. Так, после умелого ведения британским парламентом Семилетней войны (1756–1763 гг.) многие во Франции стали склоняться к тому, что определенная перестройка их собственных установлений в направлении британского парламентаризма была бы полезной.

Система управления Британии, как и во Франции, покоилась на плотном клубке юридических корпораций и временных объединений, чей консервативный вес ограничивал парламент почти с такой же силой, как подобные организации во Франции ограничивали абсолютную власть короля. При этом парламентская система обеспечивала более постоянное и более тонкое согласование интересов таких групп, чем это было бы возможно в более жестких рамках бюрократического королевского правления. С ростом богатства и числа указанных групп новые интересы, например, интересы владельцев плантаций сахарного тростника в Вест-Индии, бристольских работорговцев, ведущих прогрессивное сельское хозяйство помещиков Норфолка и даже выбившихся из простонародья владельцев хлопковых мануфактур Манчестера, могли быть представлены в парламенте. Такие группы могли присматривать за тем, чтобы политика правительства согласовывалась с их

потребностями в пределах, устанавливаемых с учетом соперничающих интересов, также представленных в парламенте. С другой стороны, система контроля Франции, Австрии и даже Пруссии, вырабатываемая бюрократией, гораздо слабее реагировала на меняющиеся комплексы экономических интересов и стремилась сохранять свою силу даже после того, как изменялись условия. Результатом становилось отставание и даже блокирование экономических и технических новшеств, которым свободная британская система открывала широкую дорогу.

Очевидно, самым коренным различием между общественными моделями Британии и континента (не считая Голландии и некоторых швейцарских и немецких вольных городов) был более высокий авторитет и самостоятельность купцов и финансистов. Во Франции и на континенте вообще удачливый делец торопился оставить позади свою прошлую жизнь, то ли с помощью прямого приобретения королевского патента на дворянство, то ли отправляя сыновей на государственную службу, где они могли надеяться добиться дворянства или приобрести его благодаря высокому посту. Для этого требовалось выйти из принижающих достоинство объединений на товарном рынке. В Англии, однако, дворяне регулярно выходили на товарный рынок и участвовали в торговых сделках, а богатые купцы, приобретавшие поместья и получавшие дворянство, не обязательно оставляли свою торговую деятельность, хотя они становились скорее уже финансистами, чем практическими дельцами. В таких условиях расточительность праздных дворян во Франции и в других странах способствовала более основательному распылению торгового капитала, чем в Англии. И наоборот, доступность относительно больших масс капитала в результате взаимопроникновения классов аристократов-землевладельцев и купцов существенно способствовала поразительному экономическому росту Великобритании в XVII–XVIII вв.

Экономическому развитию Англии способствовала также терпимость к различиям в вероисповедании. После 1689 г. пуританам и последователям различных более радикальных религиозных сект были предоставлены определенные права, в том числе право на участие в делах, хотя право на участие в выборах в парламент, на поступление в университеты и обучение праву, богословию, медицине за ними не признавали. Не принадлежащая к государственной церкви община, самосознание которой определялось евангелической религией и правовым бессилием, стала колыбелью для многих самых активных английских предпринимателей, а ее представители часто прокладывали путь экономическим новшествам. Во Франции же, наоборот, решительное стремление Людовика XIV искоренить ересь в своем королевстве разрушило сообщество купцов и промышленников гугенотов, игравших в экономике сходную роль. Все это сказалось на французской промышленно-

сти и торговле, а бежавшие из страны гугеноты обогащали такие принимавшие их государства, как Англия или Пруссия.

Георг III (1760–1820 гг.) был последним английским королем, бросившим вызов парламенту и пытавшимся править по собственному усмотрению. «Король-патриот» воспользовался своей возможностью официально назначать на должности с тем, чтобы провести своих приверженцев в парламент, надеясь таким образом преодолеть бесконечные ссоры между представителями разных группировок, составлявшие саму суть жизни парламента и его методов согласования интересов всех слоев британского общества. Попытка эта провалилась, поскольку была дискредитирована успехом восстания в Америке (1775–1783 гг.) и наступавшим время от времени умопомешательством короля (после 1788 г.). Итак, накануне Французской революции в Британии твердо укрепились верховенство парламента, ответственное правительство в виде кабинета министров и олигархическое правление страной. Свободы англичан, состоявшие в постоянном кипении дискуссий в стенах парламента и за его пределами и подтверждавшиеся успехами экономики и имперской политики, резко контрастировали с почтительной покорностью, которой требовали монархи континента от своих послушных подданных.

В большинстве крупнейших территориальных государств Европы Старый режим обеспечивал центральную власть, будь то в лице парламента или монарха, гораздо более значительными средствами военной и экономической мощи, чем когда-либо. Общее богатство Европы выросло до такой степени, что поступления от налогов были достаточны для оплаты и оснащения сравнительно больших и сильных регулярных армий и профессионального флота. Такие новые или ставшие использоваться шире финансовые инструменты, как британские государственные долговые облигации и банк Англии (основанный в 1694 г.), позволяли мобилизовать экономические средства в новых масштабах, привлекая частные капиталы для государственных целей. Подобного рода инструменты наряду с созданием акционерных компаний, появившихся в начале XVII в., дали Европе возможности для непрерывной экономической экспансии и увеличили ее военную мощь во всех частях света.

Несмотря на то что бедные и неимущие играли слабую роль в расширении мощи и росте благосостояния Европы, энергичные и способные личности нередко поднимались на одну-две ступеньки выше по общественной лестнице, и даже самые нуждающиеся стали выживать чаще. Профессионализация начала сдерживать опустошительное действие войны. Выращивание новых культур (в частности, картофеля и кукурузы), применение новых способов обработки земли и совершенствование транспорта способствова-

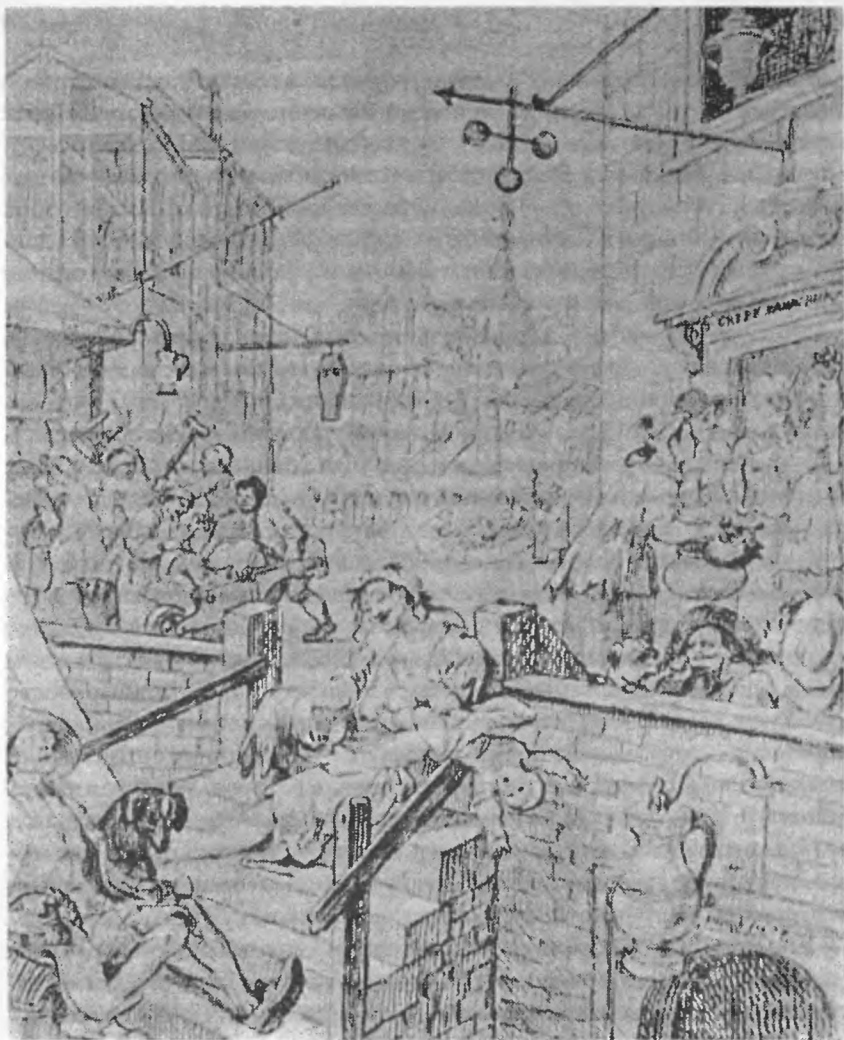
ли борьбе с голодом. Даже болезни переставали быть всеобщим бичом по мере того, как приобретаемый иммунитет и достижения в области медицинской диагностики и лечения приводили к увеличению числа излечиваемых. В результате население Европы совершило скачок вперед. Несмотря на ужасающие условия жизни в таких городах, как Лондон, где дешевый джин на время заменил собой эпидемии в качества главного фактора, уносящего человеческие жизни, низшие, средние и высшие классы в Европе процветали, как это редко бывало до того, благодаря политическим и социальным компромиссам Старого режима.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КОМПРОМИССЫ. Антагонизм между светским образом мышления и религиозной верой, столь пылко выраженный в столкновении идеалов Возрождения и Реформации, нашел свое практическое, если не теоретическое, разрешение при Старом режиме. Так, были прекращены усилия достичь однородности общества. Все в большей и большей степени европейские государства допускали отход от старых законов, требовавших церковного конформизма, и позволяли гражданам следовать собственным религиозным убеждениям. Требовалось только достойное соблюдение условностей, при этом богохульство и крайние проявления сектантства во всех европейских странах по-прежнему были запрещены. Однако признаки отчаяния, столь сильно поднимавшиеся на поверхность в схватках XVI в. за богословскую и метафизическую истину, наряду с беспощадным требованием ортодоксальности в словах, мыслях и делах после окончания Тридцатилетней войны быстро пошли на убыль. К началу XVIII в. ведущие умы Европы сосредоточивали свое внимание на науках и рационалистической философии, а не на богословии и уже не старались приводить результаты своих поисков в соответствие с христианским учением.

Отчасти такую неоднородную интеллектуальную атмосферу объясняют феноменальные успехи рационализма и естествознания в XVII в. Рене Декарт (ум. 1650) поставил перед собой дерзкую задачу вывести полноценную науку из самоочевидных первых принципов, объяснявших метафизическую, физическую, биологическую и психологическую действительность со всей точностью геометрического доказательства. Его современники Барух Спиноза (ум. 1677) и Томас Гоббс (ум. 1679) были также очарованы видимой прочностью и точностью математического рассуждения и, подобно Декарту, пытались применять методы математики к людским и божественным понятиям. Поколением позже аналогично мыслил Готтфрид Вильгельм Лейбниц (ум. 1716). Несмотря на широкое расхождение выводов, к которым приводили их математические способы рассуждения, эти и другие мыслители XVII в. последовательно распространяли царство закона и закономерности

Национальная галерея (National Gallery), Лондон.

Библиотека Пирпойнта Моргана (The Pierpoint Morgan Library), Нью-Йорк.

ВЫСШИЕ И НИЗШИЕ КЛАССЫ ПРИ СТАРОМ РЕЖИМЕ

Портрет достопочтенной Фрэнс Данкомб на фоне сельского пейзажа кисти Томаса Гейнсборо с его классическим стилем резко контрастирует с жанровой уличной сценкой в Лондоне, изображенной Уильямом Хогартом. До промышленной революции вся цивилизация строилась на покоем культурном контрасте между богатыми и бедными, образованными и необразованными, хозяевами и слугами. При этом признание такого разрыва и понимание его несправедливости, выраженное в картине Хогарта, редко встречалось когда-либо ранее. Возможно, неустойчивость Старого режима, рост некоторых по-настоящему крупных городов и соответствующий переход от сословных к рыночным отношениям подорвали привычные модели почтения и привели к тому, что на каждой ступени общественной лестницы люди стали активнее задумываться о ненадежности их общества по сравнению с более чистым аграрным строем.

сти на многочисленные новые явления и сужали, а то и полностью отрицали действие каприза, случая, удачи и чуда. Так, например, и Декарт, и Гоббс утверждали, что животные представляют собой автоматы, управляемые определенными законами, а Декарт сделал набросок принципов мировой машины, чтобы объяснить все явления небесного и земного происхождения. Рассуждения Спинозы и Лейбница были глубже, однако над ними также довлело видение мира, подчиняющегося законам и закономерностям, которые могут быть усвоены и истолкованы человеческим разумом.

У Декарта оказалось больше последователей, чем у других философов, возможно, потому, что его теории были более полными и легкими для понимания. Во второй половине XVII в. картезианская (Декартова) философия стала модной во французских интеллектуальных кругах и завоевала многочисленных сторонников в других странах. Мода эта длилась, однако, не очень долго, поскольку картезианство в целом не могло надолго пережить крах Декартовой физики после ее столкновения с элегантными доказательствами Исаака Ньютона в его «Математических началах натуральной философии» (1687 г.). Главная сила учения Ньютона заключается в его эмпирическом подтверждении и в простоте, с которой он свел движение Луны и планет к математическим формулам, совершенно изумительным образом описывающим также поведение тел, движущихся на поверхности земли. Такое радикальное упрощение видимого разнообразия природных явлений подняло разум на новую высоту. То, что так долго стремились доказать философы, отныне казалось правильным вне всякого сомнения: Вселенной в действительности правит простой, ясный и прекрасный в своей математической точности закон – настолько неизбежный и универсальный, что управляет также будущим движением небесных тел и пушечных ядер. Поначалу некоторые критики пугались оккультного характера силы гравитации, действующей на расстоянии, но сомнения вскоре были развеяны в общем хоре голосов восхищения, по мере того как новые наблюдения подтверждали точность математически выраженных Ньютоном законов движения.

Математика успешно отстояла себя. Можно было легко предположить, что сам Бог как создатель Вселенной, чьи законы отныне открыты, был превосходным математиком, который мог показать свою мудрость и величие своего творения, всего лишь отстранившись от активного наблюдения за созданным им мировым механизмом. Считалось, что вмешательство в природный порядок вещей способно нарушить Божественные законы и тем самым показать их недостаточность. Верховное существо, создавшее такую сложную, хотя и чудесным образом простую, машину, не могло допустить, чтобы труды его были испорчены произвольным вторжением простых че-

ловеческих существ. Такие представления о природе, Боге и человеке в корне противоречили христианскому учению. Ведь, таким образом, не оставалось места для Божественной благодати, провидения или первородного греха, а во Вселенной Ньютона было также трудно найти подходящее место для небес и ада в их традиционном понимании.

Более того, логично было предположить, что Бог установил также законы поведения людей, которые, если их распознать, должны обеспечить человечеству столь же великолепную гармонию жизни, как и гармония физической природы. Какой-нибудь новый Ньютон, который распутает тугой клубок человеческого феномена и откроет природный закон общества, смог бы тем самым возвысить землю до небес, а небеса спустить на землю, как это практически уже сделала физика Ньютона с миром неодушевленных тел.

Такие ожидания были равнозначны коренной секуляризации христианского эсхатологического учения. Вместо того чтобы ждать второго пришествия Христа, разум бесстрашно брался за задачу спасти человечество ото всех бедствий, преступлений и безумия прошлого. Несмотря на стойкую неопределенность всех деталей высшего земного совершенства человечества, смелые шаги по пути прогресса отныне казались реальными, ведь разве человечество в конце концов не рассталось с детством и не прислушалось к голосу разума?

Несмотря на убедительность таких деистских взглядов, подавляющее большинство европейцев по-прежнему придерживались традиционной христианской веры. Причиной тому была отчасти инерция консерватизма; однако деистское мировоззрение имело и серьезные недостатки, способствовавшие существенному усилению ортодоксальной религии. Бог как великий часовщик или математик мало обращался к сердцу человека и не мог помочь ему в трудную минуту. Люди высокого и тонкого ума содрогались при мысли о смерти, механической вселенной с бесконечными просторами и законами, управляющими природой. Самым знаменитым из таких людей был Блез Паскаль (ум. 1662), подтвердивший со всей силой нового убеждения жизненную важность личного соприкосновения и общения с Богом.

Возможно, именно потому, что безмолвная пустота Ньютонова бесконечного пространства грозила поглощением и полным растворением столь малой планеты, как Земля, в XVII–XVIII вв. возникало особенно много новых религиозных движений и сект, подчеркивавших прямой, эмоционально наполненный опыт общения с Богом. В протестантской традиции большой притягательностью обладали квакеры и методисты (Англия) и пиетисты (Германия), а в католических странах янсенизм и квиетизм также могли бы достичь широкого размаха, если бы осуждение со стороны папы не привело к насильственному упразднению обоих течений.

Характерная особенность европейского общества XVIII в. заключалась в том, что таким широко расходящимся взглядам позволялось существовать бок о бок более или менее мирно, а люди делили свои симпатии между ними и часто дремлющим официальным религиозным истеблишментом. Борцы за религиозную ортодоксальность, например французский епископ Боссюэ (ум. 1704), публично высказывали свое глубокое неверие в новую науку. Другие же, подобно английскому епископу Спрату (ум. 1713), восторженно поддерживали дух науки. Как правило, теологи и ученые шли каждый своим путем, оставаясь верными стандартам и условностям их все больше расходящихся интеллектуальных традиций. Многие, включая и самого Ньютона, сочетали новую науку со старой верой, то устанавливая отдельные критерии истины для религии и науки, то пользуясь всяческими хитроумными схемами, предназначенными для того, чтобы выделить место библейской космологии в новом мире науки или новому миру науки в старой христианской космологии.

Не только естествоиспытатели, но и юристы, врачи, писатели, философы, музыканты, художники и другие ученые теперь свободно могли разрабатывать методику и традиции избранной ими профессии без оглядки на соответствие религиозной ортодоксальности. Это стало началом современной плюралистической эпохи интеллекта. Такие новые институты, как Французская академия (основана в 1635 г.) или Английское королевское общество (основано в 1660 г.), поощряли литературную и интеллектуальную деятельность и покровительствовали ей, а профессиональные научные журналы наряду с книгами и брошюрами популяризировали научные результаты, передавали новые идеи и данные всем, кого они интересовали. Менее формальные объединения, например завсегдагаи любимой лондонской кофейни доктора Джонсона или интеллектуальных салонов Парижа, также играли немалую роль в стимулировании и поддержке разнообразия и активности интеллектуальной и художественной жизни в Европе.

Никогда больше западный мир как единое целое не пытался всерьез выработать единую, всеобъемлющую истину и доктрину, хотя отдельные части этого мира – коммунистический Советский Союз, нацистская Германия и фашистская Италия – такие попытки совершали. Память о кровавой и тщетной борьбе прежних поколений в стремлении открыть, а затем навязать всеохватывающую истину помогла людям примириться с «нелогичностью многообразия». Более проникающей и постоянной оказалась самостоятельность различных профессий и объединений, поддерживавших широкое расхождение между мыслью и верой. В итоге – и возможно, именно это важнее всего – общее процветание и успехи европейского общества при политических и социальных компромиссах Старого режима позволили срав-

нительно легко прийти к терпимости при разногласиях даже по важным вопросам.

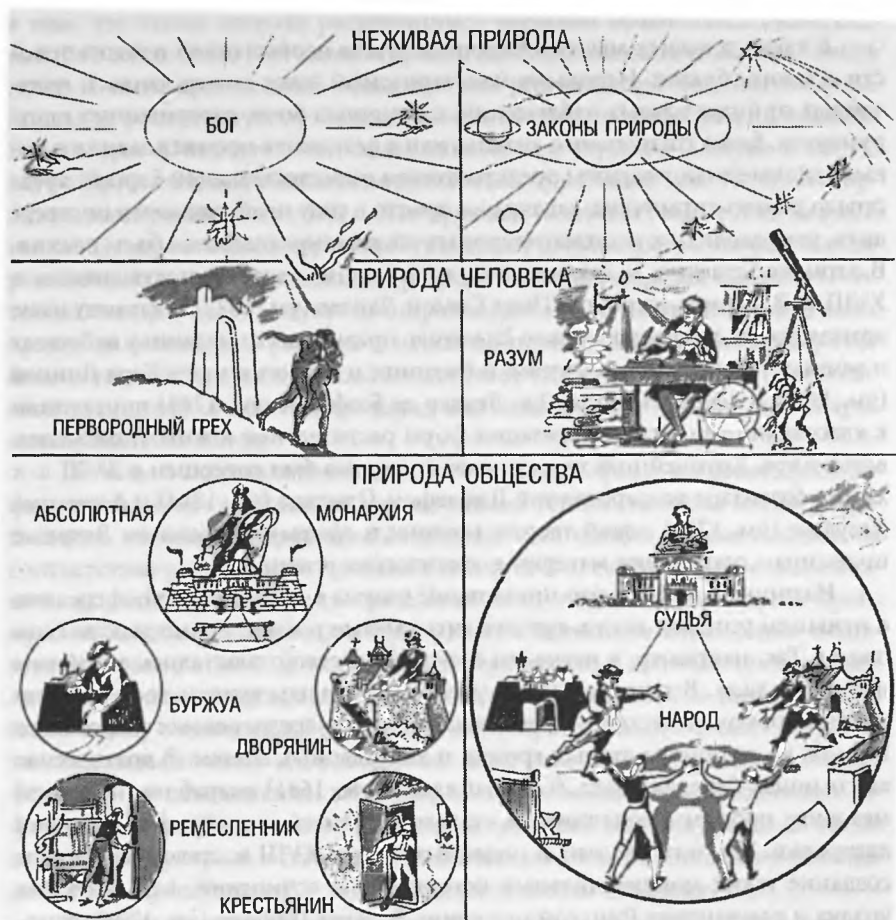
В таких условиях мысль в Европе достигла необычайной плодотворности и многообразия. Используя неисчерпаемый запас новых данных, получаемых от более точных наблюдений, с помощью более совершенных инструментов, более тщательного анализа или в результате проникновения в новые районы земли, ведущим представителям интеллектуальной Европы предстояло решать гигантскую задачу уже просто в силу необходимости подтвердить, упорядочить и систематизировать их расширяющийся объем знания. В этом, собственно, и заключались крупнейшие задачи естествознания в XVIII в. В физике астроном Пьер Симон Лаплас (ум. 1827) и французские артиллеристы продолжили дело Ньютона, применив его механику небесных и земных тел к новым явлениям. В ботанике и зоологии швед Карл Линней (ум. 1778) и француз Жорж Луи Леклер де Бюффон (ум. 1788) приступили к классификации и систематизации форм растительной и животной жизни всего мира. Крупнейший теоретический прорыв был совершен в XVIII в. в химии благодаря разработанной Джозефом Пристли (ум. 1804) и Антуаном Лавуазье (ум. 1794) новой теории горения и сформулированным Лавуазье принципам сохранения материи в химических реакциях.

Излишне говорить, что применение разума в гуманитарной сфере шло с меньшим успехом, хотя и тут делались смелые усилия, приносившие свои плоды. Так, например, в изучении истории блестяще сочетались эмпиризм и рационализм. В течение XVII в. ученые с немалым трудом восстановили точные хронологические рамки классического и средневекового прошлого Европы из путаницы старых хроник и календарных систем. В довершение всего монах-бенедиктинец Жан Мабильон (ум. 1681) разработал сложную методику проверки подлинности старых рукописей и их приблизительной датировки. В результате этих и подобных трудов XVIII в. стало возможным создание таких монументальных исторических сочинений, как «История упадка и разрушения Римской империи» Эдуарда Гиббона (ум. 1794), основанная на детальной исследовательской работе сотен ученых.

В то время как историческая наука поднималась на новый уровень точности и отражалась на смелые обобщения в истолковании событий, существенно снижалось значение метафизики. Джон Локк в своем «Опыте человеческого разума» (1690 г.) выразил сомнение в возможности достижения универсально верного знания; епископ Джордж Беркли (ум. 1753) и Дэвид Юм (ум. 1776) исследовали вопросы, поднятые Локком, и указали на новые препятствия к достижению достоверного знания. Иммануил Кант (ум. 1804) все же вывел философию из тупика, в который ее завел критицизм Юма, согласившись с невозможностью познания вещей в себе, но

СТАРЫЙ РЕЖИМ

ПРОСВЕЩЕНИЕ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СТАРОМУ РЕЖИМУ

утверждая при этом, что внимательное изучение структуры самого человеческого интеллекта ведет к универсально верной истине в отношении всех возможных объектов человеческого опыта. Кант, в свою очередь, открыл возможности для возрождения в Германии XIX в. грандиозных систематических философских школ, основанных на уверенности в необходимости анализа духа, активную роль которого в постижении реальности он столь активно подчеркивал.

Трудности эпистемологического и метафизического характера, разумеется, не удерживали публицистов и самозванных философов XVIII в. от критики существующего общества во имя разума. Под их придирчивым взглядом совершенно иными представляли многие установившиеся обычаи и устоявшиеся институты. Вольтер (ум. 1778) во Франции взялся высмеивать суеверия и фанатизм официальной религии, а в Шотландии Адам Смит утверждал в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776 г.), что экономическое производство и торговля автоматически придут к своим наиболее эффективным формам, если дать полную свободу человеческой природе, движимой разумным своекорыстием. С этой точки зрения, вмешательство государства в хозяйственный процесс, повсеместно практиковавшееся при Старом режиме, было просто помехой всеобщему благоденствию.

Основы любой политической власти явно требовали переосмысления, поскольку люди больше не верили, что Бог лично вмешивается в дела человеческие. В отсутствие же Божественного провидения ссылающаяся на Божественное право монархия становилась просто узурпацией. Альтернативная основа для легитимизации правления была найдена в понятии общественного договора, однако условия такого договора формулировались с огромными расхождениями. Томас Гоббс (ум. 1679) использовал понятие общественного договора для утверждения необходимости абсолютной монархии, в то время как Джон Локк (ум. 1704) и Жан-Жак Руссо (ум. 1778) оправдывали революцию, прибегая к соответствующему переопределению условий договора. «Общественный договор» Руссо был, несомненно, вполне революционной книгой, так как в ней выдвигалась демократическая теория суверенитета и утверждалось, что восстание является оправданным, если правительство не в состоянии удовлетворить народ, которым оно правит. Такие теории, требовавшие фактически упразднения устоявшихся институтов и их замены рациональным порядком человеческого общества, серьезно подрывали Старый режим и все его устаревшие компромиссы.

И все же критики, высказывавшие свои обоснованные принципы для отрицания существующих моделей жизни, были пока еще в меньшинстве. Несмотря на то что доверие разуму и прогрессу, вера в изначальные добродетели природы человека и более светское мировоззрение в XVIII в. проникали в сравнительно широкие слои населения Европы, основная его часть тем не менее оставалась верна прежним шаблонам веры и поведения. Сколь бы велико ни было несоответствие, которое они могли видеть между христианством и новыми понятиями, большинство людей воздерживалось от того, чтобы делать из этих несоответствий какие-либо логические выводы, как на словах, так и на деле. Таким образом, иррациональность институтов,

столь сильно возмущавшая просвещенных критиков, находила свой интеллектуальный аналог среди большинства самих критиков.

КОМПРОМИССЫ В ИСКУССТВЕ. Плурализм европейского общества и мысли при Старом режиме проявлялся и в искусстве. К концу XVII в. в Англии сосуществовали высокий стиль эпической поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (1667 г.) и развязность комедии эпохи Реставрации, а столетием позже утонченный городской стиль прозы Сэмюэля Джонсона (ум. 1784) соперничал с мастерской безыскусностью Роберта Бернса (ум. 1796). Традиционно в европейской литературе различают классический период, за которым последовал период романтический. Искусствоведы же выделяют три стиля в архитектуре и живописи: барокко, рококо и классицизм. Такая классификация приемлема, если не слишком дотошно анализировать ее, но она едва ли подходит к таким писателям, как Даниель Дефо (ум. 1731), или к голландской живописной школе, и нам следует всегда помнить, что меняющиеся стандарты моды и вкуса никогда не могли вытеснить Шекспира с английской сцены или Библию Лютера из немецких домов.

Внешне в конце XVII – начале XVIII вв. искусство и литература отличались поразительным согласием, учитывая, что благодаря авторитету французской культуры классицизм распространялся по всей Европе. Великие драматурги Франции Пьер Корнель (ум. 1684), Мольер (ум. 1673) и Жан Расин (ум. 1699) всерьез воспринимали правила – как в произношении (в соответствии со «Словарем» Французской академии), так и в композиции (триединство). В последующие годы им старательно подражали и во Франции, и за ее рубежами, так что французский язык стал языком литературы чуть ли не по всей Европе. Лишь английская литература оставалась полностью независимой, придерживаясь при этом классических норм сдержанности, элегантности, точности, благодаря таким писателям, как Джозеф Аддисон (ум. 1719) и Александр Поп (ум. 1744). Наряду с этой высокой, космополитичной, деликатной литературной культурой существовало огромное разнообразие других ее проявлений: от лихорадочных видений основателя квакерства Джорджа Фокса (ум. 1691) до степенных трудов немецкого юриста Самуэля Пуфендорфа (ум. 1694).

Французский идеал классицизма стал отчетливо ослабевать во второй половине XVIII в. В частности, в Англии и в Германии писатели отошли от французских образцов и черпали вдохновение больше в античном наследии Греции или в собственной национальной и средневековой эпохе. Крупными вехами движения в этом направлении стали сборник народных баллад «Реликвии древней английской поэзии», выпущенный в 1765 г. епископом Перси (ум. 1811), и страстные выступления Иоганна Готтфрида Гердера (ум. 1803)

за самобытную немецкую литературу, уходящие корнями в язык и мышление простого народа. Романтизм провозглашал спонтанное выражение чувств единственным источником большой литературы и подчеркивал значение национального, местного и личного духа. Такие взгляды подтолкнули (а может быть, это просто совпадение?) внезапный расцвет немецкой литературы. Фридрих фон Шиллер (ум. 1804) и Иоганн Вольфганг фон Гете (ум. 1832) стали центральными фигурами возрождения немецкой литературы, хотя применительно, например, к Гете, термин «романтизм» не может охватить все разнообразие его творчества.

Подобным образом и в архитектуре последовательно воцарявшаяся мода то на барокко, то на рококо, то на классицизм не смогла помешать проявлению широкого разнообразия в практических творениях. Ведь барокко и рококо тяготели к новым и неожиданным эффектам, так что каждый из этих стилей включает огромное разнообразие элементов. В XVIII в. часто намеренно одновременно применялись экзотические архитектурные стили. Так, например, обычный английский полубрусовый дом мог находиться в окружении «готических» руин (построенных по заказу владельца за неимением настоящего замка) и через зеленую лужайку от мрачного грота, скрывающего внутри изысканный интерьер-рококо. Подобный колорит могли дополнять китайский чайный домик или индийские пагоды, тогда как в соседней деревне крытые соломой или черным шифером дома свидетельствовали о неискоренимой верности древнейшим исключительно местным традициям строительства.

Живопись в меньшей степени отражала разнообразный и беспокойный характер европейской культуры. Сохранялась в основном техника эпохи позднего итальянского Возрождения, а привычные сюжеты – портреты аристократов, классические аллегории и религиозные темы – также не выходили за рамки старых традиций. И все же существенным дополнением к жанрам европейской живописи стали пейзажи, на которых люди были изображены очень мелко, а то и вовсе отсутствовали.

В области музыки в начале XVIII в. европейцы уже располагали широким спектром новых или усовершенствованных инструментов благодаря тому, что удалось лучше понять связь между звуковыми волнами и музыкальными тонами. Равномерно темперированный клавикорд Иоганна Себастьяна Баха (ум. 1750), позволивший композиторам использовать все тональности и обозначивший переход от клавесина к фортепиано, а также современная скрипка, усовершенствованная такими мастерами, как, например, Антонио Страдивари (ум. 1737), стали самым заметным из других многочисленных вкладов в музыкальные ресурсы Европы. В результате был открыт новый мир инструментальной музыки, в котором старые принципы

гармонии действовали и расширялись с учетом различий в тоне и тембре между инструментами. Весь XVIII в. европейские музыканты занимались раскрытием возможностей, возросших с появлением новых инструментов, и соединением инструментальной музыки с вокалом. Бах, Кристоф Виллибальд Глюк (ум. 1787), Вольфганг Амадей Моцарт (ум. 1791) и Франц Йосиф Гайдн (ум. 1809) работали по твердо установленным правилам, как и современные им классические писатели. Однако правила гармонии при этом не были ограничены искусственно подобно тому, как это иногда случалось в литературе. Они скорее направляли композиторов и публику в энергичном исследовании возможностей, обеспечиваемых новыми инструментами и их разнообразными сочетаниями. Так сложился один из величайших периодов европейской музыки.

ЭЛЕМЕНТЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ СТАРОГО РЕЖИМА. По мере того как ослабевала память о религиозных войнах и росло доверие к разуму и вера в прогресс, увеличивалась и нетерпимость к многочисленным проявлениям несправедливости в европейском обществе. Французские дворяне были настолько недовольны своей политической малозначимостью, что в годы, непосредственно предшествовавшие Французской революции, они возглавили выступления против абсолютной монархии. Их недовольство сразу нашло отклик среди представителей свободных профессий и деловых кругов, которым легко было убедить себя, что они заслуживают более значительной политической роли и большего веса в обществе. Идеи свободы, прав человека, достоинства личности и даже суверенитета народа вызывали несогласие с существующим порядком вещей. Однако взаимосвязь закрепленных законом интересов затрудняла и даже делала опасными перемены, и в этом смогли убедиться столь разные личности, как, например, деятельный сторонник реформ австрийский император Йосиф II (1780–1790 гг.) или гроза юристов в Англии Иеремия Бентам (ум. 1833).

И все же не только и, может быть, не столько идеи размывали Старый режим. Технический прогресс, набравший скорость в XVII–XVIII вв., сыграл более непосредственную и более существенную роль в переделке общества. Техника входила в жизнь людей постепенно, без всеохватывающих планов или сверхзадач по изменению порядков в обществе. Следует отметить, что некоторые мыслители заявляли о твердой вере в благотворное влияние именно постепенных изменений в технике. Особенно благоприятной для подобных взглядов оказалась английская эмпирическая традиция, поскольку такие личности, как Фрэнсис Бэкон (ум. 1626) и основатели Королевского общества (1660 г.), смотрели вперед с полным доверием к пользе, ожидаемой ими от технических достижений в результате тщательных наблюдений и

опытов. На самом же деле научная теория очень медленно приближалась к той точке, когда она могла оказывать серьезное влияние на процессы экономического производства. Пока химия не достигла той точности, которую она смогла продемонстрировать в XVIII в., абстрактная наука мало влияла на промышленное производство. Потребность в теории по-настоящему не ощущалась. Грубый, но эффективный эмпиризм, выражавшийся во всеобщей готовности к пересмотру традиционных приемов, к ремесленничеству с помощью новых устройств, к опробованию новых операций, материалов и инструментов, был вполне достаточен для того, чтобы в европейской технике произошли огромные перемены, а темпы этого движения вперед значительно ускорились новой культурой фиксирования, измерения, сравнения и публикации результатов в специальных изданиях.

Основным видом экономической деятельности было сельское хозяйство, и такие сравнительно простые направления, как систематическая селекция семян, старательное выведение специализированных пород животных и внедрение или распространение таких новых культур, как клевер, турнепс, картофель, кукуруза, хлопок и табак, способствовали громадному росту производительности фермерских хозяйств. Специальные испытания, проводившиеся с целью определить наилучшую форму плуга, и другие усовершенствования повышали эффективность земледелия. Фермеры регулярно и с энтузиазмом использовали преимущества повторной пахоты, прополки, дренажных устройств, внесения в почву навоза и других удобрений. Ведущую роль в этих процессах захватила Англия, так как английские землевладельцы могли заставить своих работников применять новые методы ведения хозяйства, тогда как в других частях Европы ограниченное привычным порядком крестьянство продолжало работать по старинке и очень медленно перенимало усовершенствованные сельскохозяйственные приемы.

Строительство дорог и каналов налаживали зачастую таким же методом проб и ошибок, хотя в данном случае правительственная инициатива проявлялась гораздо сильнее, чем в развитии сельского хозяйства. Ведущее положение заняла Франция благодаря строительству пригодных для использования в любую погоду дорог и систем каналов, связавших главные реки страны в единую систему судоходных путей. Англия последовала этому примеру только к концу XVIII в., а остальная Европа (за исключением Голландии) оставалась далеко позади. Неуклонно совершенствовались судо-, вагоно- и пассажирское вагоностроение. Для перевозки громоздких и объемных грузов стали повсеместно использовать рельсовые вагонетки на людской или конской тяге.

В прежние времена основным фактором развития техники служила горнодобывающая промышленность. К началу XVIII в. техническое лидер-

ство у Германии перехватили английские угольные шахты. По мере того как шахты становились глубже и увеличивалась добыча угля, потребность в тяжелом подъемном оборудовании и в насосах для предотвращения затопления шахт стимулировала инженерную мысль. Необходимость в мощных источниках энергии подстегнула опыты с паровыми машинами. Сконструированная Томасом Ньюкоменом машина (1712 г.) впервые позволила использовать уголь для приведения в действие шахтных насосных систем. В последующие десятилетия эффективность таких машин возросла благодаря усовершенствованиям их конструкции и быстрому росту их размеров и мощности. В 1760 г. Джеймс Уатт совершил революционный прорыв в конструкции паровых машин, применив «острый» пар для перемещения поршня²⁶. Он запатентовал свое изобретение в 1769 г., а в последующие годы модификация конструкции машины и ее применение для широкого круга задач, помимо откачки воды, намного увеличили ее ценность.

Практические успехи паровых машин определялись техникой точного формования металла, так, чтобы поршень и цилиндр могли достаточно плотно прилегать друг к другу для предотвращения серьезных потерь пара. Эта и другие технические задачи были решены скорее на практике, чем в теории, небольшой группой изобретательных мастеров и механиков с незначительной – а то и вовсе никакой – научной подготовкой. Постоянная работа в мастерских сама по себе была школой, а реальная координация работ, необходимых для широкомасштабного производства такой сложной механической системы, как паровая машина, была не менее важна, чем технологические детали. Сотням работников пришлось вскоре привыкать к технологической дисциплине при изготовлении массы разнообразных металлических деталей, которые, собранные в машину, должны безупречно одна к другой подойти. Это требовало точных измерений на каждом этапе изготовления и искусного владения напильником и кронциркулем для получения нужных размеров. Прежнее мастерство рук и глазомер ремесленника оказались фактически объединены для получения результата, которого невозможно достичь в одиночку без колоссальных затрат времени. Сама эта взаимосвязь была создана невиданно абстрактной и точной сетью типоразмеров отдельных частей – клапанов и их седел, поршней и цилиндров, колес и подшипников, которые после сборки превращались в работающую паровую машину.

Значительного развития достигла также металлургия, прежде всего опять-таки в Англии, где нехватка леса для получения древесного угля долго

²⁶ В машине Ньюкомена поршень опускался под действием атмосферного давления, толкавшего его в зону частичного вакуума, создаваемом конденсацией пара в цилиндре.

сдерживала производство стали. Во второй половине XVIII в. применение кокса в качестве нового топлива позволило разрешить эту проблему. Другие технические достижения обеспечили более однородное качество и увеличение масштабов производства, и по мере удешевления стали она находила новые виды применения в возведении мостов, в производстве строительных конструкций и в машиностроении. Таким образом, Англия и Шотландия уже устремились в век угля и стали, когда разразилась Французская революция.

Самые замечательные технические достижения принадлежали, однако, к текстильной промышленности, где ряд изобретений – от челнока Джона Кея (1733 г.) до прядильной машины Самуэля Кромптона (1774 г.) – позволили механизировать прядение и ткачество, тем самым невероятно увеличив производительность труда и удешевив готовое платье. Хлопковая промышленность, бывшая для Англии новой и не обремененной ремесленными традициями, быстрее других перенимала новые методы работы. В результате в последние десятилетия XVIII в. английскую одежду из хлопка стала продавать дешевле изделий индийских ткачей даже в самой Индии.

Таким образом, Англия и Шотландия стали опережать остальную Европу в важных областях техники. Началась промышленная революция, которой было суждено преобразить облик Европы и мира. И все же до 1789 г. фабрики с происходящими на них переменами и активно работающие угольные шахты только начинали показывать свою силу в преобразовании человеческого общества. Европа в целом оставалась аграрной, и даже в Великобритании превосходство сельского хозяйства еще не ставилось под вопрос.

Старый режим в Европе был низвергнут не промышленной революцией, не распространившимися радикальными политическими идеями, а Французской революцией, причины которой были столь же многогранны, сколь и сотрясенное ею общество. При этом революция и последовавшие за ней войны могли бы не принять такие жесткие формы без влияния радикальных идей, ставших популярными в последние десятилетия Старого режима. В свою очередь, воздействие революции не оказалось бы столь долговременным, если бы принесенные ею законы, войны и смена собственности не способствовали высвобождению силы машин. Политические события революции (включая предшествовавшие им события в Америке) послужили катализатором, активизировавшим элементы нестабильности Старого режима и умножившим их действие до такой степени, при которой начались процессы преобразования европейского общества. Не будь всех тех деталей

меняющегося политического калейдоскопа во Франции – нерешительности Людовика XVI, негибкости французской налоговой системы, неповиновения аристократов, народного недовольства, ни радикальные идеи, ни новые способы производства не смогли бы преобразовать европейское общество столь быстро и столь основательно. Таким образом, даже в предсмертной агонии Старый режим демонстрировал свое сложное и тонкое многообразие.

В. СПЯЧКА МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА В 1700–1850-Х ГГ.

Карловицкий договор 1699 г., по которому Османская империя уступала большую часть Венгрии Австрии, знаменовал собой окончательный поворот в балансе сил между исламским миром и Европой. Всего шестнадцатью годами раньше, в 1683 г., турки поразили и напугали Запад осадой Вены, однако после Карловиц Османское государство было вынуждено постоянно защищаться и оказывалось хронически неспособным противостоять армиям соседних европейских империй. Военная слабость усугублялась нарастанием серьезного расстройтва внутри страны, где местные правители игнорировали власть султана, а шайки бандитов грабили население. В этот же период две другие великие мусульманские империи также пережили полный драматизма упадок. Со смертью Аурангзеба в 1707 г. Индия осталась в состоянии хаоса, в котором индуисты, сикхи, мусульмане и британские силы дрались между собой у распростертого тела некогда гордого и могущественного государства Моголов. Двумя годами позже, в 1709 г., империи Сефевидов был нанесен удар восстанием в Афганистане, а следующие два десятилетия ее существования были отмечены полным замешательством по мере того, как турки, русские, афганцы и узбеки отхватывали себе куски территории бывшей империи Сефевидов.

Политический разлад в важнейших частях мусульманского мира, очевидно, сказался и на экономическом благосостоянии. К тому же изменение структуры международной торговли, в частности рост импорта европейского текстиля и других фабричных товаров, ослабляло традиционное ремесленное производство в мусульманских городах. Сокрушительное экономическое превосходство Европы, достигнутое благодаря более дешевым товарам машинного производства, наступило позже, окончательно установившись к 1830 г., и лишь после этого начал рушиться традиционный уклад мусульманских городов. Однако в течение XVIII в. экономика мусульманских стран (сохранившаяся в окраинных зонах Африки и на далеких остро-

вах Юго-Восточной Азии), как и мусульманские государственные структуры, повсюду слабели и уступали натиску европейцев.

Опыт прошлых веков не мог подготовить мусульманский мир к такому бедствию. До конца XVII в. извечное противостояние между исламом и христианством, как правило, оборачивалось в пользу мусульман. Иначе и быть не могло, по мнению последователей Аллаха, чей пророк объявил, что ясным проявлением божественной милости служит победа над неверными. Поэтому резкий поворот хода истории, столь очевидно и масштабно совершившийся с началом XVIII в., поставил мусульман перед безнадежной и неразрешимой головоломкой. Неужели Аллах оставил их? И если да, то почему? И даже вопреки всем возможным изъяснам общности веры мыслимо ли, чтобы бог благоволил к христианским псам и неверным?

Политические катастрофы случались в истории мусульманского мира и до 1699 г., но они всегда оказывались временными. Даже нашествие монголов на Ирак и уничтожение халифата Аббасидов вскоре закончилось обращением ханов в истинную веру и возобновлением экспансии мусульман на всех фронтах. Таким образом, на несчастья XVIII в. мусульмане реагировали главным образом терпеливым ожиданием конца бури, оставаясь верными своему прошлому, насколько это позволяли обстоятельства.

Когда же стало ясно, что конец бури никак не наступает, в мусульманских обществах начали набирать силу два противоположных подхода. С одной стороны, реформаторы заявляли, что ислам претерпел серьезные искажения за прошедшие столетия. Так, например, чистый монотеизм был затемнен поклонением и почитанием праведников, привнесенных в веру суфизмом. Из этого следовало, что только энергичное и жесткое утверждение изначальных истин религии в том виде, в котором их проповедовал сам Мухаммед, могут вернуть благоволение Аллаха и тем самым вновь поставить мир на правильный путь. Самое крупное движение такого толка возникло в центральной части Аравии в результате проповедей Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703–1792). Влияние ваххабизма весьма медленно распространялось по Аравийской пустыне, но движение это и по сей день остается важной частью реакции мусульман на дилемму, поставленную перед правоверными историей двух последних столетий.

С другой стороны, предпринимались попытки заимствовать те аспекты европейской цивилизации, которые обеспечили успех европейцев. Наиболее очевидным из таких факторов было военное искусство, и начиная с 1716 г. османские правители sporadически пытались перестраивать турецкие вооруженные силы на европейский манер. Однако в течение более чем ста лет непоколебимый консерватизм янычар и улемов сводил на нет все подобные попытки в империи. Перемены, вводящиеся султаном или министром-

реформатором, постоянно разбивались о народные бунты в столице, поддерживаемые мятежниками из числа янычар. Даже после 1826 г., когда султан применил обученную воевать по-европейски артиллерию для разгрома в Константинополе восставших янычар, сопротивление реформам оставалось всеобщим и опиралось на глубокие корни в Османской империи. Непрекращающиеся сложности во внешней политике в сочетании с бунтами внутри империи и постоянными неудачами в войнах с европейскими державами отвлекали султанов от задач, требовавших решения для укрепления военной силы. На троне империи не было сильной, подавляющей личности, способной провести революцию сверху, и потому реформы оставались мертворожденными. Как и в империи Моголов в Индии, турецкие правители пытались спастись, копируя европейские военные приемы, в то время как всевозможные узурпаторы, вытеснившие Сефевидов в Персии, использовали свое шаткое положение у власти для сохранения старой общественной и политической системы. Даже в Османской империи реформы нравились очень немногим. Большинство мусульман пребывали в каталепсии и не могли ни интеллектуально, ни практически приспособляться к новым условиям, возникшим в связи с военным и культурным превосходством Европы. Слепой консерватизм, цепляющийся за крошащиеся принципы разрушающегося общественного порядка, господствовал в мусульманском мире вплоть до второй половины XIX в.

1. РЕФОРМЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ВОССТАНИЕ ХРИСТИАН

Многочисленные трещины в обществе Османской империи серьезно осложняли попытки реформ. В европейских провинциях империи большинство населения было христианским, и оно более или менее сознательно сопротивлялось турецким правителям. Арабы, составлявшие большинство населения азиатской части империи, были отделены от турок языком и в такой же степени своей культурой. Аналогично глубокая пропасть разделяла город и деревню, а кроме того, лежала между селами, принадлежавшими феодалам, и свободными селами в горах и других отдаленных районах. Наконец, скотоводы составляли значительную часть населения как в европейских, так и в азиатских провинциях империи. Они, отчасти ведущие племенной образ жизни, а отчасти жившие в более или менее устоявшихся поселениях, всегда вели себя вольнее по отношению к государственным органам правления, чем это могли себе позволить земледельцы с равнин.

Скотоводческие и полускотоводческие группы населения представляли

собой источник людей, всегда готовых и желающих заняться разбоем. При наличии цели, оправдывающей грабежи, и руководителей, знающих, как совместить проповеди с разбоем, вольница могла быстро разрастаться в крупный вооруженный мятеж. Так в середине XVIII в. возникла первая «империя» аравийских ваххабитов, которая стала быстро расширяться, пока хорошо оснащенные экспедиционные силы из Египта не подавили ее в 1818 г.²⁷ Подобные группы населения на Балканах – пастухи, погонщики мулов, горцы – также сыграли значительную роль в истории сербского (1803–1813 гг.) и греческого (1821–1830 гг.) восстаний, так как военачальники и лучшие бойцы в том и другом случае вышли из разбойничьих банд, поставленных на службу новой идее национализма. Проповедники и наставники этой идеи не были, подобно ваххабитам, реакционными радикалами, а выступали как революционеры, в той или иной степени зараженные знанием и восхищением перед Западом. В ближайшей перспективе эта иностранная «зараза» стала препятствием для сербов и греков, разделившим руководителей и их последователей. Однако, если рассматривать это обстоятельство под углом длительной перспективы, то прививка западных идеалов обеспечила более долгую политическую жизнеспособность национальному движению балканских христиан, чем любые реакционные призывы о возврате к православному наследию, сходные с теми, которыми пользовался ваххабизм в исламском мире.

Совершенно очевидно, что призыв к освященному разбою никоим образом не был единственной причиной выступлений христиан и арабов против своих османских господ. Ваххабизм начал завоевывать популярность среди интеллигенции и горожан именно после того, как распрощался с разбоем, и движение это стало мощной силой за пределами Аравийского полуострова только после своего военного поражения²⁸. Волнения христиан Османской империи имели более сложные причины. Уже в силу самой своей религии они были гораздо более восприимчивы к европейским идеям, чем

²⁷ См. H.St.J.B.Phillby, *Arabia* (London: Ernest Benn, Ltd., 1930), pp.8-102. Один и тот же социальный механизм был использован при образовании империи Мухаммеда и при формировании ваххабитского государства. Основное различие между ними заключается в отделении пророческих идей от практического политического руководства в движении ваххабитов, поскольку учение Абд аль-Ваххаба о религиозном возрождении нашло военную поддержку в лице династии Сауда. Различие в достигнутых военных результатах вызвано тем, что в XIX в. арабским кочевым воинам пришлось столкнуться с артиллерией и ружьями, а не с обескураженными катафрактами, как непосредственным преемникам Мухаммеда.

²⁸ Отрицание интеллектуальной элитой соединения суфийского мистицизма с суннитской приверженностью букве закона, принявшее более или менее официальный характер в Османской империи, стало ведущим фактором роста ваххабизма наряду с растущим чувством этнических отличий между арабами и турками. См. глубокий анализ A.Hourani, «The Changing Face of the Fertile Crescent in the XVIII Century», *Studia Islamica*, VIII (1957), 89-122.

арабы или турки, особенно после того, как православная Россия стала соперничать с Османами на Черном море. Успешное проведение реформ в самой России породило надежду на подобное возрождение в православных общинах на Балканах, и уже с начала XVIII в. российские агенты sporadически, но вполне успешно внушали мысли о восстановлении христианской империи на Балканах под эгидой России. Когда в 1770 г. в Средиземном море появился российский флот и день окончательной расплаты с турками казался столь близким, на Пелопоннесе вспыхнуло восстание, которое, впрочем, было вскоре подавлено.

Внутренние перемены в балканском христианском сообществе дополнялись действиями извне. В XVIII в. стали процветать купеческие общины в Греции и Сербии. Сначала погонщики мулов с балканских гор обогащались, доставляя мелкие товары в новые поселения на венгерских, румынских и украинских равнинах. Эта своеобразная караванная торговля расширялась по мере того, как более организованным становился вывоз зерна из этих потенциально очень плодородных районов. К концу XVIII в., однако, сухопутную торговлю намного обошла морская. По Кючук-Кайнарджийскому договору (1774 г.) Турция впервые разрешала российским торговым судам плавать по Черному морю и проходить через проливы. Полнейшее начальное отсутствие российских судов и моряков в этих водах было восполнено действиями российских консулов на Балканах, щедро предоставлявших грекам и другим христианам право ходить под российским флагом. В итоге перевозка товаров в восточной части Средиземного моря, в Эгейском и Черном морях быстро оказалась в руках греков²⁹. Эти купцы и связанные с ними ремесленники неизбежно сталкивались с западными идеями и становились тонким, но эффективным «приводным ремнем» между православными Балканами и Западной Европой. Они больше, чем кто-либо другой, приносили идеи и выражали лозунги сербского и греческого восстаний³⁰.

Следует заметить, что христиане не выступали единым фронтом против мусульманского господства. Так, с конца XVII в. греки-фанариоты³¹ занимали важное место в османской администрации, работая переводчиками и посредниками турок в их отношениях с европейскими державами и с христианскими подданными империи. Власть фанариотов носила отчасти и финансовый характер, учитывая, что банкиры из их среды регулярно плати-

²⁹ См. Traian Stoianovich, «The Conquering Balkan Orthodox Merchant», *Journal of Economic History*, XX (1960), 234-313.

³⁰ См. L.S. Stavrianos, «Antecedents to the Balkan Revolution of the Nineteenth Century», *Journal of Modern History*, XXIX (1957), 335-48.

³¹ Буквально – «жители Фанара», квартала в Стамбуле, где находилась резиденция греческого патриарха.

ли турецким пашам за должности и надежные значительные привилегии, например доходные места откупщиков. К тому же семейства фанариотов держали под своим контролем православный патриархат Константинополя и в середине XVIII в. стремились распространить сферу его влияния на прежде самостоятельные церкви Сербии и Болгарии³². В итоге с 1711 г. турки поручили управлять румынскими провинциями фанариотам, а те устроили свое правление в Бухаресте и Яссах по образцу полузабытого византийского порядка и втайне мечтали о восстановлении владычества Греции на Босфоре³³. Занимая столь значительное место в режиме Порты, фанариоты придерживались двух разных точек зрения на попытки его свержения. Некоторые из них поддерживали группы купцов в осторожных переговорах с Россией, лелеяли идеи французского Просвещения³⁴ и помышляли о возрождении былой славы Византии. Большинство же вело себя сдержанно, но все равно после 1821 г. лишилось всей своей власти, когда в результате восстания в Греции турки усомнились в лояльности всех греков вообще³⁵.

Низвержение фанариотов (1821–1830 гг.) открыло дорогу небольшой группе европейски настроенных турок к государственным постам, занятым ранее греками³⁶. Мусульманские реформаторы рассчитывали, что смогут проникнуть в самые отдаленные уголки Османского государства, чего никогда не смогли бы сделать неверные, и когда в 1839 г. Решид-паша провозгласил широкомасштабные политические и социальные реформы по европейскому образцу, «западники» уже фактически захватили бразды правления. Однако обещания Решида остались невыполненными, так как очень мало османских чиновников были готовы поверить в здравый смысл или необходимость столь решительных отступлений от османских и мусульманских традиций. До окончания Крымской войны (1853–1856 гг.) откровенная враждебность, с которой турки относились к любым переменам, практически сводила на нет любые реформы, которые начинал султан.

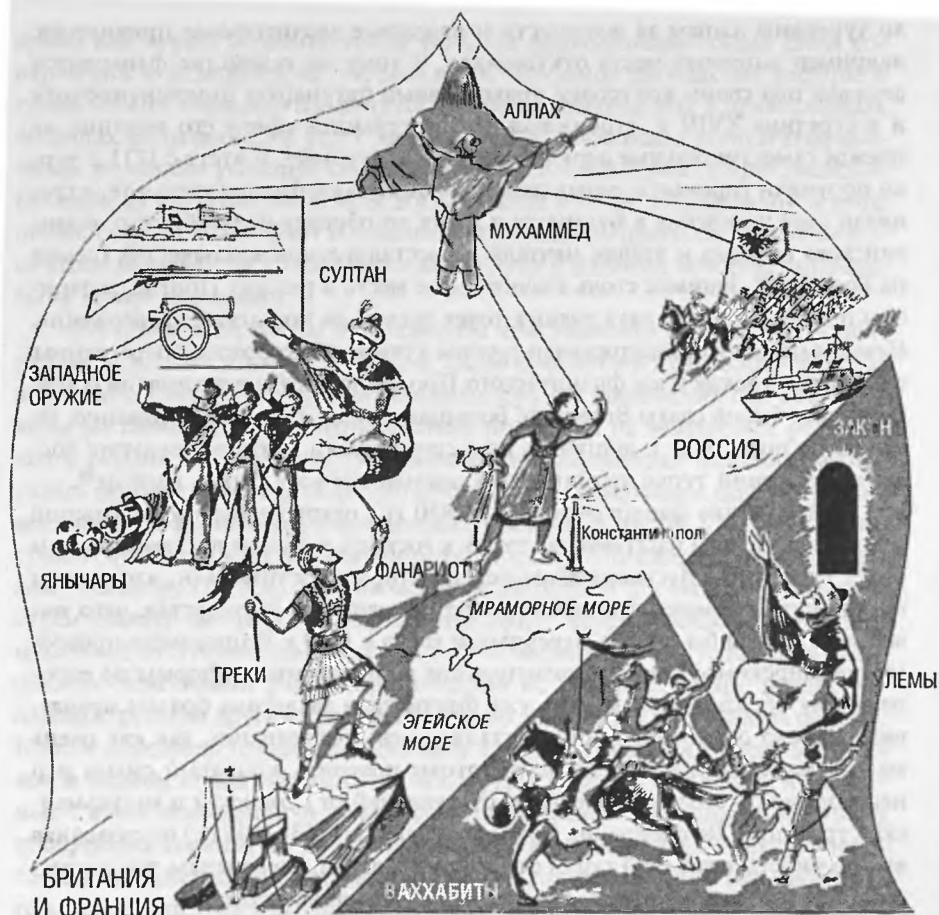
³² См. Ladislav Hadrovics, *Le peuple serbe et son église sous la domination Turque* (Paris: Presses universitaires, 1947).

³³ См. работу: L.Sainéan, «Le régime et la société en Roumanie pendant le règne des Phanariotes, 1711–1821», *Revue internationale de sociologie*, X (1902), 717–48, в которой приведены интересные сведения о смешении византийских и османских порядков у фанариотских правителей.

³⁴ См. Nicholas Jorga, «Le despotisme éclairé dans les pays Roumains au XVIIIe siècle», *Bulletin of the International Committee of Historical Sciences*, IX (1937), 110–15.

³⁵ Аналогичное бедствие постигло и еврейские общины Османской империи после мессиянских выступлений Шаббатай Цви (1666 г.).

³⁶ Турки почти не изучали западное общество и западную технику (кроме узко военных аспектов) до 1792 г., когда султан впервые направил регулярные дипломатические миссии в некоторые из главных европейских столиц. См. Bernard Lewis, «The Impact of the French Revolution on Turkey», *Cahiers d'histoire mondiale*, I (1953), 111–12.

РАСПАД ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Непокорные местные властители иногда намного успешнее ломали закосневшие традиции, столь жестко ограничивавшие османское общество. Они, прибегая к очень жестоким методам, направленным главным образом на максимизацию своей военной мощи, часто становились гораздо более эффективными агентами европеизации, чем султан и центральное правительство. Наиболее значительным и успешным среди этих военных авантюристов был Мухаммед Али, паша Египта (ум. 1848). Албанец, поднявшийся благодаря безжалостным интригам до поста османского губернатора Египта, Мухаммед Али в 1811 г. вырезал гарнизон мамелюков и стал полновла-

ственным хозяином страны, хотя и продолжал номинально подчиняться Константинополю. Он европеизировал армию, реформировал администрацию и построил коммерческую экономику Египта. Он взял на службу многочисленных европейцев (особенно французов) и безжалостно угнетал коренных египтян. Его амбиции не останавливались на границах Египта: он распространил свой контроль над Аравией (Ваххабитская война, 1811–1818 гг.), Суданом (1820–1822 гг.), Критом (1823 г.) и Грецией (1825–1828 гг.). Соединенные военно-морские силы Британии, Франции и России прервали это построение империи, разгромив флот Мухаммеда Али при Наварине (1827 г.). Западные дипломаты принудили его вывести свои войска из Греции и таким образом обеспечили успех войны греков за независимость. Когда в 1832–1833 гг. он захватил Сирию у Османского султана, европейские великие державы снова отняли у него плоды победы, заставив его ограничиться наследственным титулом правителя Египта и Судана³⁷.

Интервенция против Мухаммеда Али подняла на новый уровень степень вмешательства европейцев в дела Османской империи, поскольку великие державы Европы стали рассматривать сохранение Османской империи как жизненную необходимость для европейского равновесия сил. В определенном смысле европейская поддержка османского режима подготовила путь для более широких и далеко идущих внутренних реформ второй половины XIX в. Однако сам факт, что султан оказался в зависимости от иностранной дипломатической и военной поддержки, мог привести к отчуждению мусульман от программы реформ, которые стали походить просто на орудие установления еще более прочного господства европейского могущества над сообществом правоверных³⁸.

³⁷ Henry Herbert Dodwell, *The Founder of Modern Egypt: A Study of Mohammed Ali* (Cambridge: Cambridge University Press, 1931). Другие сатрапы имели похожие, пусть и менее успешные, карьеры, как, например, Али-паша из Янины (ум. 1822) и Ахмед Джеззар из Акры (ум. 1804). Краткое изложение тревожной политической истории арабских провинций Османской империи и проницательные наблюдения о социальных последствиях частных наемных армий, на которых держалось могущество местных правителей, см. H.A.R.Gibb and Harold Bowen, *Islamic Society and the West*, Vol.I, Part I, pp.200–234.

³⁸ К 1841 г. Османская империя потеряла Алжир, захваченный Францией, Черноморское побережье вплоть до устья Дуная, захваченное Россией, и южную часть Балканского полуострова, занятую независимым Греческим королевством, находившимся под покровительством Британии, Франции и России. Кроме того, Сербия была автономным княжеством, Египет – почти независимым государством, княжества Румынии – автономными под российским протекторатом, а на Востоке Ирак, Курдистан и Аравия лишь частично контролировались Константинополем. Однако старое ядро империи в Европе и Малой Азии с примыкающей к ней Сирией было приведено под управление Константинополя путем устранения большого числа непокорных пашей и местных правителей. В этом смысле османские реформы первой половины XIX в. добились действительного успеха.

Ввиду тяжелого политического положения Османской империи неудивительно, что подданные султана не проявляли больших творческих достижений. В языке и литературе, однако, наблюдались важные изменения, поскольку по замечательному совпадению турки, греки и сербы выработали в 1750–1850 гг. новые литературные языки. В XVIII в. турецкая поэзия освободилась от персидских шаблонов, хотя при этом в результате стала беднее и упрощеннее, а турецкая проза в работах Акиф-паши (1787–1847 гг.)³⁹ открыла для себя новый и более простой словарь и стиль. Литературный турецкий язык с этой поры в значительной степени основан на преобразованиях в языке, сделанных Акифом.

Сербский и греческий языки пережили еще более осознанную трансформацию. Доситей Обрадович (ум. 1811) и Вук Караджич (ум. 1864) использовали крестьянский диалект Герцеговины⁴⁰ в качестве основы для литературного сербского языка; к середине XIX в. он заменил прежний литературный язык, основанный на церковнославянском. Аналогично Адамандиос Кораис (ум. 1833) создал новое греческое средство литературного общения, в котором подчеркивалась преемственность с классическим языком, а словарный запас был очищен от сильного засорения итальянскими и турецкими словами. Эти усилия принесли мало плодов до 1850 г. Новые литературные языки оформились не благодаря внутреннему развитию сербской или греческой культуры, а под влиянием философских и национальных идей, развитых в Западной Европе, особенно в Германии. Следовательно, появление новых языков в начале XIX в. было скорее манифестацией будущего, чем проявлением местных культурных достижений.

Тем не менее старая структура османского общества с тщательным разграничением между многочисленными религиозными, профессиональными и местными автономными группировками к 1850 г. была определенно и непоправимо сломана. Тот факт, что как турки, так и арабы и христиане были недовольны получившейся смесью, гарантировал будущие потрясения.

³⁹ См. E.J.W.Gibb, *A History of Ottoman Poetry* (London: Luzac & Co., 1902–05), IV, 3–14 and *passim*.

⁴⁰ Выбор Герцеговины был сделан, чтобы облегчить сближение сербского языка с хорватским, таким образом максимально открывая Сербию влиянию Запада, издавна существовавшему в Хорватии. В отличие от большинства таких прожектов, этот оказался жизнеспособным и сделал возможным создание современной Югославии. (Напомним, это было написано в начале 1960-х гг.; ср. современные попытки разделить литературный сербохорватский язык на сербский, хорватский и боснийский варианты. – *Прим. пер.*) Если бы сближение происходило в направлении болгарского языка, например вокруг македонского диалекта, то в результате у балканских славянских народов наблюдалась бы совершенно иная государственная и культурная конфигурация.

2. ИРАН И ТУРКЕСТАН

Когда в 1736 г. династия Сефевидов окончательно ослабела, наследников Исмаила оттеснил новый завоеватель – Надир-шах (1736–1747 гг.). Надир был фактическим правителем Персии за десять лет до того, как сам воссел на трон, и за это время его победами Персия была спасена от афганцев. После безрезультатных войн с турками Надир предпринял эффективное вторжение в Индию (1738–1739 гг.), разбил войско Моголов и занял Дели. Затем с наступлением жаркого сезона он неожиданно вернул трон императору Моголов и вернулся на север, предварительно потребовав уступить ему всю территорию к северу и западу от Инда. Победоносные походы в Среднюю Азию в 1740 г. вознесли Надира на вершину славы, однако восстания и возобновившиеся войны с турками вскоре стали разваливать новую империю. Ко времени его убийства в 1747 г. она рассыпалась на куски⁴¹, многие из которых были подобраны новым афганским завоевателем – Ахмад-шахом Дуррани (1747–1773 гг.). Империя Ахмад-шаха простиралась от Аральского моря на севере до индийских земель на юге, но и она так же распалась вскоре после смерти своего основателя. Однако деятельность Ахмад-шаха оказала значительное влияние на политику Индии, поскольку выигранная им битва при Панипате в 1761 г. у Маратхской конфедерации навсегда ослабила индуистские войска, и Индия в результате оказалась гораздо более уязвимой, чем раньше, к захвату англичанами⁴².

Непрочные правительства и постоянные войны, замешанные на этническом соперничестве, между афганцами, персами и турками, продолжали нарушать мир в Иране и в Средней Азии после ухода двух великих завоевателей. Эти вечные раздоры благоприятствовали китайским походам в Восточный Туркестан в XVIII в., а продолжающийся политический беспорядок способствовал подобному укреплению позиций России в зоне Каспия и на Кавказе в XIX в. В 1835 г. шах сам вступил в тесные отношения с Россией, вызвав тем самым растерянность Британии, которая беспокоилась за свое

⁴¹ Надир-шах проводил любопытную религиозную политику. При вступлении на трон он отказался от шиитской веры, глубоко укоренившейся в Персии с начала XVI в. Позднее он предпринял грубую попытку ввести шиизм в суннизм, пробуя для этого убедить или принудить суннитских богословов принять шиизм в качестве пятой системы ортодоксального закона. Такая политика потерпела полный провал, так как ни суннитские, ни шиитские теологи не желали соглашаться с подобной волевой ликвидацией их различий.

Возможно, Надир стремился создать панисламскую империю, надеясь объединить Турцию и Индию в одном со славой возрожденному халифату. Не исключено, что он считал необходимым примирить две враждующие ветви ислама, усматривая в этом основной залог достижения своей цели. В личной жизни он был полностью, почти наивно, лишен религиозности. См. L.Lockhart, *Nadir Shah* (London: Luzac & Co., 1938), pp.99-100; 278-79.

⁴² См. W.K.Fraser-Tytler, *Afghanistan* (London: Oxford University Press, 1950), pp.60-69.

положение в Индии. В стремлении опередить Россию, британские силы вторглись в Афганистан (1839 г.), но лишь за тем, чтобы с позором отступить, когда истощились припасы. Вторая карательная экспедиция сожгла афганскую столицу (1842 г.) и тоже удалась восвояси.

В целом старая военная традиция Ирана и Туркестана оставалась почти неизменной вплоть до середины XIX в. Но неудержимые конники при всей их отваге и храбрости уже не могли сражаться на равных с армиями, организованными и оснащенными по европейскому или китайскому образцу. Как следствие, Китай с востока, Россия с севера, а Британия с юга неуклонно сужали прежнюю свободу действий мусульманской конницы. Пускались в ход деньги и снабжение порохом и боеприпасами, чтобы сажать своих и убирать неудобных местных князей, а учитывая, что европейские товары завоевывали все новые рынки, местные ремесленники и купцы теряли почву под ногами. Экономический упадок отбирал даже оставшиеся возможности построения стабильного политического строя на основе местных ресурсов. Таким образом, старое общество Ирана и Туркестана, несмотря на его удаленность от Европы, так же не могло противостоять европейской военной и экономической мощи, как и находившаяся в худшем географическом положении Османская империя. Политическая и экономическая слабость сопровождалась культурным застоєм или откровенным откатом назад⁴³.

3. РАСПАД ИМПЕРИИ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В ИНДИИ

Еще во времена правления императора Аурангзеба (1658–1707 гг.) власть Моголов стали подтачивать хронические восстания. В гористой местности южнее Бомбея группа маратхов под предводительством Шиваджи (ум. 1680) стала промышлять разбоем и вооруженными нападениями, которые императорские войска были не в состоянии предотвратить. Объявив себя борцами за дело индуизма против ислама, маратхи привлекли в свои ряды немало индуистских авантюристов и в конце концов образовали свое собственное

⁴³ См. W.Barthold, *Histoire des Turcs d'Asie centrale* (Paris: Maisonneuve, 1945), pp.188-97; Mary Holdsworth, «Turkestan in the Nineteenth Century» (mimeographed: Central Asian Research Center, Oxford, 1959); Lockhart, *Nadir Shah*, pp.276-78. Заметное возрождение ислама, ориентированного на ваххабитский фундаментализм, отмечалось в Бухаре в середине XIX в. – в самом начале завоевания Россией этого района. Кроме того, северо-западные исламские общины (китайские) предприняли плохо воспринятый религиозный переворот – «Новое учение», которое вначале привлекло к себе внимание китайских официальных кругов в 1762 г. и привело к открытому выступлению против китайских властей в 1781 г. и 1783 г. См. H.M.G.D'Ollone, *Recherches sur les Musulmans chinois* (Paris: Leroux, 1911).

государство. К середине XVIII в. они установили номинальное господство над всей Центральной Индией и определенно выдвинулись в число ведущих претендентов в Индии на наследие слабеющей власти Моголов.

После смерти Аурангзеба (1707 г.) сикхи Пенджаба подобным же образом избавились от контроля Моголов и мусульман и создали свое государство. В довершение мятежные губернаторы провинций империи Моголов образовали целую мозаику из независимых княжеств в разных частях Индии. Наиболее прочным из таких княжеств был Хайдарабад в Декане, где постоянная необходимость обороняться от соседних маратхов помогла выработать настоящий порядок и дисциплину. В конечном счете набеги со стороны Ирана и Афганистана, вторжения гуркхов из Непала завели политику Индии в тупик. Империя Моголов номинально существовала до 1858 г., однако череда слабых и развращенных императоров чаще всего превращала имперскую власть не более чем в фикцию даже в непосредственной близости от столицы.

Такие политические условия все больше вынуждали европейские торговые компании в Индии опираться на собственные ресурсы. Подобно правителям провинций самой империи Моголов, местные агенты компаний постепенно приобретали фактический суверенитет и уходили из-под действенного контроля далеких от них Парижа и Лондона. В сферу деятельности чиновников компаний стали входить как коммерческие, так и военные дела, поскольку набеги и зверства индийских феодалов требовали сооружения фортов и усиления гарнизонов, охраняющих европейские поселения. Учитывая, что коренным жителям можно было платить меньше, чем европейцам, агенты компаний пополняли свое войско новобранцами из местных жителей, однако командирами над ними ставили европейцев. К XVIII в. даже небольшие подразделения таких сипаев, обученных и экипированных на европейский манер, способны были побеждать значительно превосходящие их числом индийские силы⁴⁴. Это обстоятельство не прошло мимо внимания местных правителей, начавших, в свою очередь, нанимать европейских авантюристов в надежде обзавестись собственными мощными армиями. С точки зрения европейцев это давало им неотразимые поводы для вмешательства во внутреннюю политику Индии, поскольку француз, командуя-

⁴⁴ Войска Моголов утратили и свою подвижность, и дисциплину, и даже маратхи стали испытывать на себе результаты подобного ослабления, так как жизнь в роскоши и раздоры среди группировок вождей не замедлили сказаться на их боеспособности. Гораздо сильнее оказались иранцы и афганцы, судя по их успехам в Северной Индии, но неустойчивая политическая обстановка внутри их собственных стран не позволила им надолго обосноваться в Индии.

щий войском индийского князя, мог благоприятствовать французской компании, а англичанин – английской.

Штаб-квартиры ни французских, ни английских компаний не поощряли такие авантюры, так как излишне амбициозная военная политика сказалась бы на их прибылях. Очевидное решение заключалось в том, чтобы окупить военное предприятие путем захвата территорий, а военные расходы покрывать за счет местных налогов. Французские силы под командованием маркиза Жозефа Француа Дюплекса первыми применили такую тактику в 1749 г., когда в награду за участие в местной войне они получили солидный район вблизи Пондишери. Англичане вскоре последовали примеру французов, а вспыхнувшая между этими державами война в 1756 г. подстегнула их соперничество. У Англии было решающее преимущество перед французами, учитывая, что британский флот контролировал моря и мог усиливать и перевозить британские войска, не давая такой возможности французам. Такая стратегическая мобильность, в полной мере использованная Робертом Клайвом, позволила Британии вытеснить своих соперников из большей части Южной Индии и Бенгалии уже к 1757 г.⁴⁵ Договор, которым была подведена черта под Семилетней войной (1763 г.), закрепил поражение французов в Индии, а также в Европе и Америке.

Эта победа Британии в Индии почти совпала по времени с битвой при Панипате (1761 г.), где, как уже отмечалось, маратхи потерпели сокрушительное поражение от афганцев. Быстро последовавший за этим их крах привел к возникновению военного и политического вакуума в Индии. Местные силы не могли противостоять войскам Ост-Индской компании, найти предлог для вмешательства в политику Индии было нетрудно. А когда компания взяла власть над территорией в свои руки, вопросы защиты границ и необходимость предотвращения усиления недружественных соседних княжеств очень быстро совпали с жадностью работников компании еще больше расширить в Индии земли, находящиеся под британским контролем.

Руководство Ост-Индской компании продолжало сопротивляться аннексии новых территорий в больших масштабах, да и общественная критика алчности и стяжательства ее работников в Индии порой могла задерживать продвижение компании. Однако ни возражения парламента, ни ряд административных реформ, ограничивавших возможности личного обогащения за

⁴⁵ Поистине поражает, насколько малыми силами европейцы сражались и одерживали решающие победы в этих войнах. У Клайва насчитывалось 200 европейцев и 300 индийских сипаев, когда в 1751 г. он выступил на Аркот и уничтожил позиции французов в районе Мадраса-Пондишери. Точно так же битва при Плесси (1757 г.), после которой британцы получили свой первый крупный плацдарм в Бенгалии, по стандартам европейского военного искусства XVIII в. считалась не более чем стычкой.

счет выделенных на освоение Индии средств не могли предотвратить спорадическое вмешательство британских сил в дела того или иного индийского государства. За исключением северо-западной части Индии, где афганцы и другие воинственные племена оказывали упорное сопротивление, британские военные интервенции встречали слабый отпор, так что к 1818 г., когда маратхи потерпели окончательных крах, Ост-Индская компания достигла безоговорочного господства над всем субконтинентом. Но даже в это время чиновники компании непосредственно управляли лишь небольшой частью Индии. Остальная территория контролировалась посредством союзов с местными князьями, чья политика находилась под наблюдением британских резидентов, приписанных ко дворам.

Легкость британских завоеваний помогают понять следующие обстоятельства. Во-первых, мусульманские правители Индии так и не смогли объединиться против англичан. Ввиду нападений афганцев извне и индуистских восстаний внутри страны многие из них считали правильным стать под защиту англичан. Во-вторых, мусульманские правители не имели широкой поддержки среди своих подданных, большинство которых составляли индуисты. Даже низшие классы мусульман не проявляли особой лояльности к своим господам и мало участвовали в борьбе с европейцами.

Тем не менее индийские мусульмане тяжело переживали утрату власти и своего положения. Все это нашло скрытое выражение в реформированном и обновленном исламе, близком к модели ваххабизма⁴⁶, а он, в свою очередь, подготовил дорогу для открытого недовольства мусульман, вылившегося в восстание сипаев 1857 г. Восстание на время поколебало позиции Британии в Индии, но завершилось оно разгромом восставших и одновременным концом существования как империи Моголов, так и ее наследницы – Ост-Индской компании⁴⁷.

4. ИСЛАМ В АФРИКЕ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Разлад в старых центрах мусульманской цивилизации не остановил продвижение ислама в Африке. Напротив, темпы исламизации возрастали, особенно в XIX в. Обращением в ислам частично занимались торговцы и праведники, частично местные завоеватели, строившие свои государства на

⁴⁶ См. Murray T. Titus, *Indian Islam* (London: Oxford University Press, 1930), pp.178-93.

⁴⁷ Заметки о крахе мусульман в Индии основаны на следующих работах: *Cambridge History of India* (Cambridge: Cambridge University Press, 1929), IV, V; R.C. Majumdar et al., *An Advanced History of India* (London: Macmillan & Co., 1958), pp.645-783; *Oxford History of India* (Oxford: Clarendon Press, 1958), pp.455-672; Holden Furber, *John Company at Work* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948).

принципах ислама. Кроме того, разрушение племенного уклада в результате работорговли открывало двери для ислама в прежде языческих районах, так как люди, лишенные старых культурных традиций, часто находили в исламе привлекательный путь для перестройки своего умственного и духовного мира. Так, например, в Восточной Африке истовая борьба за религиозную чистоту, характерная для аравийских ваххабитов, вызвала живой отклик у скотоводческих и полускотоводческих групп населения. В других местах свободные формы веры, допускающие различные культы и компромиссы с языческими обычаями, были более очевидны⁴⁸.

В Юго-Восточной Азии тоже ощущалось более энергичное в плане доктрины утверждение принципов мусульманства. И хотя столкновения с англичанами, голландцами и испанцами вынуждали мусульман кое-где к серьезному отступлению⁴⁹, постепенный процесс обращения населения материковой части и отдаленных островов продолжал расширять географические рамки ислама в той части света.

Г. ИНДУИСТЫ И БУДДИСТЫ В АЗИИ В 1700–1850 ГГ.

Начиная с XI в. воинственность распространяющегося в Индии и Юго-Восточной Азии ислама в сочетании с ксенофобией неоконфуцианства в Китае и Японии вынуждали индуистскую и буддийскую культуру, как правило, занимать оборонительную позицию. В силу этого индуисты и буддисты обладали уже длительным опытом сопротивления чужеземному культурному и политическому давлению до того, как в Азии стала проявляться сила европейцев. Этот исторический опыт сохранил свою действенность и в XVIII – начале XIX вв. Индуисты поддерживали в себе гибкость мышления

⁴⁸ См. John Spencer Trimingham, *Islam in the Sudan* (London: Oxford University Press, 1949), pp.102-4; *Islam in Ethiopia* (London: Oxford University Press, 1952), pp.104-17; *History of Islam in West Africa* (London: Oxford University Press, 1962), p.155ff; J.N.D.Anderson, «Tropical Africa: Infiltration and Expanding Horizon» in Gustav E. von Grunebaum (ed.), *Unity and Variety in Muslim Civilization* (Chicago: University of Chicago Press, 1955), pp.261-83.

⁴⁹ В Индонезии произошли два мусульманских восстания, инспирированных фанатичными движениями возрождения ислама: одно в 1750 г. на Яве, а второе в 1820 г. на Суматре. Оба они были не без труда подавлены голландцами. Подобные движения в Африке не столкнулись с вмешательством европейского оружия вплоть до конца XIX в., и наибольшие успехи ислама в Африке, несомненно, связаны с этим обстоятельством. По вопросу об исламских движениях в Ост-Индии (Индонезии) см. B.H.M.Vlekke, *Nusantara*, pp.201, 263; G.W.J.Drewes, «Indonesia: Mysticism and Activism», in G.E. von Grunebaum (ed.), *Unity and Variety in Muslim Civilization*, pp.284-310.

и эмоциональную силу, впервые проявленные ими в ответ на натиск мусульман в XVI в. Буддисты же, напротив, укрылись за стенами своей священной рутины, стремясь свести к минимуму всякие нарушающие их покой контакты с пришельцами извне.

Проводимая буддистами повсюду политика самоизоляции могла в лучшем случае оттянуть их упадок. Так, на Дальнем Востоке усилившийся уход за монастырские стены привел к постепенному снижению значения буддизма в Китае⁵⁰ и стремительному его упадку в Японии. В Юго-Восточной Азии обстановка была сложнее. Буддизм здесь стал защитой бирманского и сиамского национального самосознания, так что судьба религии была неразрывно связана с судьбой этих двух народов. Бирманские имперские амбиции привели к долгой и ожесточенной войне с Сиамом, длившейся почти всю вторую половину XVIII в., однако за исключением эпизодических вторжений Китая в Северной Бирме (1765–1770 гг.) это противостояние не привлекло внимания извне. Проводившаяся с начала XVIII в. политика по ограничению контактов с иностранцами удерживала европейцев на безопасном расстоянии, что было нетрудно, учитывая, что вся энергия Европы и все ее ресурсы направлялись на покорение Индии.

А вот в XIX в., когда Ост-Индская компания достигла вершины влияния, отношения Британии с буддийскими соседями Индии обрели новый оттенок. На Цейлоне конфликты с британцами⁵¹ привели к уничтожению в 1815 г. буддийского царства Канди. В 1768–1824 гг. британцы также нарушали суверенитет Сиам, заполучив плацдарм в Малайе благодаря договоренностям с местными мусульманскими князьями⁵². Даже Бирманская империя уступила большую часть своего побережья тем же британцам после войны 1824–1825 гг. И все же эти демонстрации британской силы не вынудили буддийских правителей и религиозную верхушку Южной Азии предпринять сколько-нибудь серьезные попытки, чтобы перестроить свой образ

⁵⁰ Некоторым исключением могут служить тайные общества, придерживавшиеся в отдельных случаях буддийского (и даосского) учения и начавшие проявлять свою деятельность в виде спорадических бурных народных выступлений в конце XVIII – начале XIX вв. См. B. Favre, *Les Sociétés secrètes en Chine* (Paris: Maisonneuve, 1933), p. 89ff.

⁵¹ Когда французы победили Голландию в период революционных войн, британцы захватили голландские владения на Цейлоне и в Индонезии, и только последние из них были возвращены Голландии по мирным договорам 1815 г.

⁵² Когда в период правления Наполеона Франция аннексировала Голландию, Британия оккупировала голландскую Ост-Индию, чтобы опередить французов. Томас Стэмфорд Рэфлз взял на себя обязанности генерал-губернатора Явы и относящихся к ней территорий и исполнял их с 1811-го по 1816 г., и за это время он провел широкие либеральные реформы в надежде навсегда привязать Яву к Британской империи. Его дальнейшие действия в Малайе должны были в какой-то мере компенсировать потерю Ост-Индии, которая была возвращена Голландии в 1816 г.

жизни. Контакты с европейцами были все еще слишком новы, а буддийские культурные традиции слишком прочны, чтобы можно было вызвать подобную реакцию. Как и мусульмане, буддисты были физически потрепаны европейской экспансией, однако их дух оставался незатронутым вплоть до середины XIX в.⁵³

Индуистские сообщества Индии, и в частности Бенгалии, отнюдь не легко поддавались давлению европейцев. Точнее говоря, основная масса населения почти безразлично относилась к смене мусульманского господства христианским даже в районах, находившихся под прямым британским правлением. Религиозное рвение, получившее такое пылкое выражение в XVI в., по-прежнему привлекало чуть ли не всех индуистов, а кастовая система позволяла даже самым набожным и щепетильным легко приспосабливаться к присутствию европейцев в Индии. Обряда очищения после контактов с европейцами, совершаемого, как то предписывали древнейшие обычаи, было достаточно, чтобы выделить место для еще одной чужеземной общины среди всех разнообразных индуистских каст.

До начала XIX в. эти испытанные временем методы общения с иностранцами довольно хорошо служили индуистам. По мере того как слабела власть турок, персов и афганцев, возрастала сила англичан и французов. С точки зрения индуистов на смену одному иностранцу просто приходил другой, как это часто случалось раньше. Вплоть до 1818 г. или даже позже казалось, что европейское влияние на Индию может быть ограничено сравнительно поверхностным уровнем, которого достигали и прежние завоеватели.⁵⁴

После решающего разгрома сил маратхов британцами в 1818 г. исчезла всякая перспектива появления мощного индуистского государства и стройной индуистской культуры на руинах империи Моголов. Вместо этого британским чиновникам пришлось столкнуться с задачей управления значительно расширенной и необыкновенно пестрой индуистской империей. Многие

⁵³ Замечания о буддизме в Южной Азии основываются на работах: D.G.E.Hall, *A History of South East Asia* (New York: St Martin's Press, 1955), pp.315-460; John F.Cady, *A History of Modern Burma* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1958), pp.3-86; Lennox A.Mills, *Ceylon under British Rule, 1795-1932* (Oxford: Oxford University Press, 1933), pp.1-205.

⁵⁴ См. *Cambridge History of India*, IV, 426-27. Возникновение независимых огромных индуистских государств, подобных государству маратхов, в промежутках между властью Моголов и европейцев не стало, как представляется, значительным стимулом для индуистской культуры. В светских делах правители маратхов довольствовались, как правило, тем, что копировали роскошь и методы управления своих предшественников Моголов, а в вопросах религии соблюдали традиционные индуистские обрядовые требования.

из них были убеждены, что даже горсть британцев способна контролировать обширный субконтинент просто путем соблюдения и поощрения индуистских и мусульманских обычаев и традиций. Другие утверждали, что британское правление может быть закреплено только либеральными реформами, которые должны завоевать симпатии простого народа, предложив ему более высокий уровень справедливости, чем тот, который был ранее. Консервативная политика сохранения в неприкосновенности обычаев страны отвечала желаниям подавляющего большинства индийцев, и пока британское господство над Индией оставалось непрочным, эта политика доминировала в британских кабинетах, и в ней признавали только те изменения, которые диктовались военной или финансовой необходимостью.

К концу XVIII в. небольшая группа англичан, самым выдающимся из которых был Уильям Джонс (ум. 1794), занялась исследованием индийских языков и литературы. В начале следующего столетия британские власти стали выделять официальные средства на поддержку таких исследований и на учебу индийцев в мусульманских и индуистских учебных заведениях. Но даже при намерении сохранить местные культуру и мировоззрение, вмешательство иностранцев, воспитанных в традициях европейского образования, не могло не сместить многих привычных ориентиров. Так, например, европейские ученые вскоре сосредоточили свое внимание на древнейших памятниках индуистской литературы в значительной мере потому, что тогдашняя филология стремилась объяснить первоначальные формы европейской речи путем изучения санскрита. Однако такие исследования выявили бесчисленные расхождения между ведическими и современными религиозными обрядами и верованиями. Пытливые индуисты поняли, что почти невозможно уйти от вопроса о том, как примирить народную религиозность и суеверия с их декларируемой ведической основой⁵⁵.

Таким образом, мысль о том, что индуистская религия нуждается в реформировании, получила веские аргументы в результате самих усилий сохранить и распространить знания о ее корнях. К тому же эта точка зрения легко совпадала с принципами европейских либералов, требовавших гуманистических изменений в индийских институтах и обычаях. Дальнейший толчок к реформам был обеспечен христианскими миссионерами, число

⁵⁵ Желание индуистов докопаться до истоков своей религии могло иметь также и неевропейские корни. Архаизм – совершенно естественный ответ для любой находящейся под угрозой культуры, и интересно отметить, что в точности параллельную реакцию продемонстрировали индийские мусульмане, для которых стремление вернуться к неоскверненной религии Корана означало наступление на последователей суфизма и индуистов. В этом вопросе мусульманам не нужны были стимулы от европейцев. Аравийские ваххабиты, например, с которыми встречались паломники, направляющиеся в Мекку, предприняли именно такое очищение, не дожидаясь западных ученых.

которых стало возрастать в Индии после 1813 г., когда в закон о возобновлении привилегий Ост-Индской компании было включено требование о свободном допуске миссионеров в страну⁵⁶. Христианство приняли немногие индуисты, но миссионеры играли тем не менее немаловажную роль, подталкивая индуистов на поиски ответов в западной цивилизации. Миссионеры были первыми европейцами, обучавшими, проповедовавшими и писавшими на индийских наречиях. Они также основывали школы, в которых светские предметы дополняли религиозное образование, и тем самым они доносили не только принципы христианства, но и более общие европейские идеи и знания до образованных кругов Индии.

В первые десятилетия XIX в. группы британских либералов и миссионеров совместно выступили против некоторых индуистских обычаев и потребовали официального запрещения таких обрядов, как сати – самоожжение вдовы на погребальном костре мужа. Этот вопрос, впрочем, не остался делом одних англичан. Небольшая, но громко заявившая о себе группа индуистов, находившаяся главным образом в Калькутте, также начала требовать реформирования индуистских законов и обычаев, и только после того, как такие радикальные взгляды были высказаны самими индийцами, реформаторская политика получила явное превосходство в официальных британских кругах.

Наиболее заметным из индийских радикалов был бенгальский брахман Раммохан Рай (ум. 1833). Подростком он посещал индуистскую и мусульманскую школы⁵⁷, а позднее основательно освоил английский язык и получил по крайней мере поверхностные знания греческого, латинского и еврейского языков⁵⁸. Такие лингвистические познания позволили ему преодолеть культурный разрыв между индийской и европейской цивилизациями, на что до него оказались способны лишь немногие европейские востоковеды. Отказавшись еще молодым от карьеры на английской службе, Раммохан Рай

⁵⁶ Ост-Индская компания, обосновавшаяся в Индии первоначально путем договоренности с властями Моголов, строго придерживалась политики запрещения христианским миссионерам действовать под ее эгидой. Тем не менее в последнее десятилетие XVIII в. в результате возрождения проповедования Евангелия в Англии миссионеры стали прибывать в Индию, действуя сначала то подпольно, то под защитой датских факторий.

⁵⁷ До 1835 г. британцы использовали в качестве административного язык Моголов, т.е. персидский. Всякий индеец, стремившийся сделать карьеру, должен был, следовательно, знать персидский язык, а через него неизбежно получал выход к мусульманской культуре в широком смысле.

⁵⁸ Его родным языком был бенгальский, и полемические статьи Раммохана Рая на этом языке стали главной вехой в развитии бенгальской литературы. Он первым использовал бенгальский язык для серьезных сочинений в прозе и придал ему форму, принятую впоследствии большинством писателей. См. J.C.Ghosh, *Bengali Literature* (London: Oxford University Press, 1948), pp.98-115.

ИНДИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОКОЛО 1850 Г.

посвятил себя преимущественно вопросам религии. Его исследования христианства, индуизма и ислама привели его к выводу, что все эти три веры несут в основном одинаковую идею – этический монотеизм, напоминавший унитаризм Британии и Америки XIX в. С его всеобъемлющей точки зрения детали образов и расхождения в учении не имеют значения.

Радикально новое истолкование религии явно бросало вызов как христианской, так и индуистской традиции. Раммохан Рай вступил, таким образом, в спор и с христианскими миссионерами, и с индуистскими консерваторами. В конце концов он основал собственную религиозную общину – «Брахма Самадж», с помощью которой надеялся распространить свои убеждения. И хотя в свою веру он обратил немногих, влияние Рая способствовало ускорению реформы индуистских законов и институтов. Он вел кампанию в литературе против самосожжения вдов и требовал от британских властей запретить этот обычай еще за десять лет до того, как они гюшли на это (1829 г.). Также он призывал британцев создавать школы для индийцев, где они могли бы изучать европейские науки. Не дожидаясь мер от властей, он тратил собственное время и деньги на организацию частных школ, где пропагандировались его реформаторские идеи.

В определенном смысле Раммохан Рай был одиноким предшественником тех англоизированных представителей высших индийских классов, ко-

торым суждено было сыграть важную роль в истории Индии. Несмотря на то что прямое влияние созданных им организаций так и не получило распространения, отдельные его последователи занимали стратегические позиции в обществе, укрепляя веру британцев в то, что Англия морально обязана нести блага европейской цивилизации и знаний индийским народам. Знаменательным событием в этих усилиях стало решение Британии (1835 г.) об организации государственных школ для индийцев с обучением по европейским программам на английском языке. Устройство таких школ, а после 1857 г. и университетов европейского образца обеспечило пополнение индийского общества людьми, которые, подобно Раммохану Раю, были носителями как индийских, так и европейских культурных традиций. Значение такого образования и интерес к нему чрезвычайно возросли после 1844 г., когда административным языком стал английский, так что молодые индийцы, надеявшиеся получить официальную должность, должны были его учить.

Результаты этой политики стали ощущаться в основном после 1850 г. До этого шел лишь процесс закладки фундамента для полномасштабного взаимодействия между европейской и индийской культурами. Подавляющее большинство индийцев оставались прочно связанными цепью древнейших обычаев, придерживались своих традиционных верований и не стремились заглянуть за пределы своих наследственных каст⁵⁹.

Д. ПРИБЛИЖЕНИЕ КРИЗИСА НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В 1700–1850 ГГ.

1. КИТАЙ

Если мерить XVIII в. традиционными мерками, то для Китая он стал одним из самых великих. Политическая стабильность внутри страны и экспансия империи в направлении соседей сопровождалась резким подъемом сельского хозяйства, торговли и ростом численности населения. Мир и процветание были опорой массового развития образования и искусств, что при-

⁵⁹ Использованы следующие материалы: R.C.Majumdar, *Advanced History of India*, pp.812-26; Upendra Nath Ball, *Rammohun Roy: A Study of His Life, Works, and Thoughts* (Calcutta: U.Ray & Sons, 1933); Sophia Dobson Collet, *The Life and Letters of Raja Rammohun Roy* (London: H.Collet, 1900); Sahitya Akademi, *Contemporary Indian Literature* (2d ed.; Calcutta: Ministry of Information and Broadcasting, 1959); J.N.Farquhar, *Modern Religious Movements in India* (New York: Macmillan Co., 1915), pp.1-45.

давало вес поразительному культурному влиянию Китая на таких далеких от него варваров, как европейцы. С такими достижениями империи маньчжуров можно сравнить только великие эпохи империй Хань и Тан.

При этом тот успех, с которым политика маньчжуров повторяла достижения своих древних предшественников, нес в себе семена окончательного и полного распада общественного и политического строя, если учесть, что институты и отношения, вознесшие Китай высоко над окружавшими его варварами в прежние века, внезапно утратили свою действенность в отношении европейцев в XIX в. Тем не менее до середины XIX в. кризис китайского общества оставался главным образом внутренним и, подобно всем аспектам маньчжурского государственного устройства, в полной мере отвечал старым моделям. Только после того, как медленно идущие процессы, способствовавшие усилению продажности чиновников, крестьянским волнениям и ослаблению военной мощи, подготовили почву для вполне традиционного крушения, Китай на деле ощутил угрозу, исходящую от европейской цивилизации. До этого контакты с европейцами лишь незначительно сказывались на истории Китая.

Император Канси блестяще укрепил правление маньчжуров в Китае в период своего долгого царствования (1662–1722 гг.). Главной задачей его преемников было карать чужеземных варваров на внешних границах империи и управлять ими. В результате длинного ряда нелегких войн в 1688–1757 гг. китайское правление было распространено на Тибет, Монголию и Восточный Туркестан. После уничтожения в 1757 г. Джунгарского государства – последней крупной победы в Центральной Азии – маньчжурское правительство стало проводить политику закрытия северо-западной границы, даже прибегая к выселению жителей приграничных районов⁶⁰. Другие границы Китая имели гораздо меньшее военное значение. Дипломатию редко приходилось подкреплять военными действиями (как это было в Бирме в 1765–1770 гг.), чтобы предотвращать угрозу, идущую из Юго-Восточной Азии или Кореи, и большинство этих государств пребывали с Китаем в отношениях данников, т.е. церемониально признавали свою от него зависимость⁶¹.

⁶⁰ Китай также часто прерывал российскую торговлю вопреки условиям Кяхтинского договора (1727 г.), устанавливавшего отправку раз в три года русского каравана в Пекин и регулярную торговлю в пограничном городе Кяхта. После 1762 г. русские караваны перестали приходить в Пекин, и до 1792 г., когда были вновь установлены более регулярные и дружеские отношения, китайцы препятствовали даже приграничной торговле. По вопросу о китайско-российских отношениях и политике Китая в Центральной Азии см. Michel N. Pavlovsky, *Chinese-Russian Relations* (New York: Philosophical Library, 1949), pp. 18–40.

⁶¹ Поскольку, согласно китайскому протоколу, любые дипломатические или торговые отношения трактовались как «дань», этот термин был очень расплывчатым. Бирма продолжа-

На морских границах деятельность европейцев ограничивалась строгим контролем, сводившим к минимуму контакты китайцев с чужеземцами и возлагавшим ответственность за любые неблагоприятные последствия присутствия европейцев на лиц, находившихся в полной власти местных правителей. Действительно, при пекинском дворе на отношения с европейскими купцами смотрели как на нечто мелкое, недостойное оформления официальными договорами и соответственно перекладывали на местные власти заботу об отношениях с иностранцами. К тому же, поскольку прямое участие в вопросах торговли считалось унижительным для конфуцианского мандарина, то даже местные вельможи возвели барьер между собой и европейцами. Таким барьером стала китайская купеческая гильдия, которая с 1720 г. вела дела со всеми европейскими судами, прибывавшими в Гуанчжоу (Кантон). В 1757 г. император объявил Кантон единственным портом, где была разрешена такая торговля, официально подтвердив монополию, которой город практически владел определенное время⁶².

До 1834 г., когда британский парламент отменил исключительное право Ост-Индской компании на торговлю Англии с Китаем, такой порядок действовал вполне гладко, так как и компания, и купеческая гильдия в Кантоне пользовались своим монопольным положением. Говоря точнее, монополия китайцев была гораздо прочнее, чем у компании, поскольку за торговлю с Кантоном боролись и другие европейские державы, не говоря уже о британских контрабандистах. При каждом удобном случае европейцы стремились добиться более благоприятных условий торговли для себя путем расширения круга китайских купцов в Кантоне или путем нарушения их монополии, однако все эти усилия оказывались тщетными. Тогда европейские купцы стали прибегать к контрабанде, чтобы уравновесить легальные преимущества китайских монополистов. После 1800 г., когда китайское правительство запретило ввоз опиума, но оказалось не в состоянии обеспечить выполнение запрета, эта незаконная торговля приняла большой размах. В результате кантонская торговля в XIX в. утратила официальный и тщательно контро-

ла официально считаться вассалом, несмотря на военное поражение Китая в 1769 г.; так же классифицировалась и Британия. Только с Россией как преемницей бывших империй, стоявших на северо-западных границах Китая, ему приходилось считаться как с равной. Благодаря такому уникальному статусу только Россия имела право держать постоянную дипломатическую и торговую миссию в Пекине с 1727 г.

⁶² Британская Ост-Индская компания открыла Кантон для торговли в 1699 г. в качестве дополнения к старому европейскому плацдарму в Макао. Основанная главным образом на продаже в Китае товаров из Индии и Юго-Восточной Азии, британская торговля стала быстро расширяться, подминая прежних португальских и новых европейских соперников. Соответственно Китай обошел Макао в качестве главного пункта контактов между китайцами и европейцами.

лируемый характер, установленный китайскими властями в XVIII в., а взамен стали снова практиковаться нерегулярные и иногда сопровождавшиеся насилием виды торговли, типичные для первых торговых операций европейцев на Китайском побережье.

Значение иностранной торговли в Кантоне для китайской экономики невозможно оценить. Разумеется, объемы ее быстро возрастали. Чай стал основным экспортным товаром Китая, но шелк, лакированная посуда, фарфор и различные диковины также пользовались в Европе большим спросом. Главным предметом китайского импорта была хлопковая одежда из Индии, пока в XVIII в. в Китае не привилась привычка курить опиум⁶³. Производимый преимущественно в Индии опиум стал для европейцев тем первым товаром, который китайцы были готовы покупать в больших количествах. В результате отток денег из Европы для оплаты китайских товаров неуклонно сокращался, пока торговый баланс не склонился в пользу европейцев и не началось выкачивание китайского серебра. По мере того как европейская торговля сосредоточивалась на опиуме, любое стимулирующее действие, которое растущий экспорт китайских товаров мог оказывать на ремесленников и торговые общества, уравнивалось социально разрушительным эффектом привычки к опиуму. К тому же, вполне вероятно, что с помощью различных форм принуждения большая часть доходов от внешней торговли перекачивалась в руки вельмож, которые всегда могли держать под жестким контролем кантонских купцов, а через них и ремесленников, производящих экспортные товары.

Еще одним оружием Европы в Китае были христианские миссии. Влияние миссионеров резко ослабло в XVIII в., причем в основном из-за споров самих миссионеров о правильном переводе христианских богословских положений на китайский язык и о том, до какой степени обращенные в христианство китайцы могут придерживаться своих древних обычаев. С самого начала своей деятельности в Китае иезуиты утверждали, что семейные обряды почитания предков и народные праздники, посвященные Конфуцию, представляют собой гражданские церемонии, которые не обязательно противоречат христианской вере. Другие миссионеры, в частности доминиканцы, считали, что такое приспособление к китайской жизни не совместимо с

⁶³ Опиум был давно известен в Китае и в других странах, но использовали его как лекарство для приема внутрь. В 1689 г. о курении опиума сообщает некий голландец, видевший на Яве, как его смешивают с табаком. К концу XVIII в. курение опиума (без примеси табака) широко распространилось в Китае. Немало наркотика производилось и в самом Китае, вопреки императорскому указу 1729 г., запрещавшему торговать им. Спрос на опиум увеличивался столь быстро, что ввоз его через Кантон вырос с 5000 ящиков в 1821 г. до не менее чем 30 000 в 1839 г. См. L.C. Goodrich, *A Short History of the Chinese People* (3d. ed.; New York; Harper & Bros., 1959), pp.222-23.

христианством. В результате государственных и личных трений разгорелся «спор об обрядах», усложнившийся еще больше, когда спорящие обратились и к папе, и к китайскому императору с просьбой о его разрешении. После некоторых колебаний папа высказался в 1715 г. против иезуитов, чем вызвал сильное негодование «Сына Неба», ставшего тем временем на сторону иезуитов⁶⁴.

Спор имел значительные последствия и в Китае, и в Европе. В 1708 г. китайский император постановил, что все миссионеры должны принять точку зрения иезуитов либо покинуть страну, и когда верные католики больше не могли придерживаться этой позиции, христианские миссии в Китае вынуждены были действовать только вопреки закону страны. В действительности миссионеры продолжали проскальзывать в Китай, и их конгрегации никогда полностью не исчезали, но христианство было низведено до положения тайного общества⁶⁵. А в таком положении оно было обращено почти целиком к бедным и обездоленным, власти его в лучшем случае не замечали, а в худшем – преследовали изредка и не очень упорно.

И все же император разрешил иезуитам оставаться в Пекине, а император Цяньлун (1736–1795 гг.) регулярно обращался к ним для выполнения таких работ, как проектирование дворцов и строительство фонтанов, изготовление часов и других механических устройств. Иезуиты занимали также официальные должности астрономов и составителей календаря, пока папа не распустил орден в 1773 г., после чего их миссию взял на себя орден св. Лазаря. Однако какие-либо общие стремления или серьезный интерес к европейским знаниям и цивилизации, и без того еще небольшой в XVII в., стали все меньше проявляться в XVIII в. Китайские образованные круги были слишком уверены в надежности китайских институтов и слишком твердо убеждены в самодостаточности их собственного культурного мира, чтобы тратить время на погоню за варварской ерундой.

В Европе, напротив, «спор об обрядах» вызвал живой интерес к Китаю в широких кругах интеллектуальной элиты. Тот факт, что иезуиты во Франции были глубоко вовлечены в дискуссию с янсенистами и галликанцами, привел к обострению спора о законности методов работы иезуитов в Китае. Соответственно сведения о Китае пользовались значительным спросом и не только потому, что касались его самого, но и как пища для дискуссий с носителями других основ и целей. При этом знания о Китае, просачивавшиеся в Европу как второстепенный продукт распри, имели существенное по-

⁶⁴ Возникнув еще в 1628 г., этот спор не утихал вплоть до 1742 г., когда папа своей буллой еще раз и более строго запретил иезуитам приспосабливаться к китайским обычаям.

⁶⁵ Китайское общество пестрело такими группами, которые, как правило, обряжали социальное недовольство в религиозные одежды.

бочное действие. Увлечение «китайскими штучками» окрасило целый стиль рококо, получивший широкое распространение в Европе примерно с 1715 г. Портреты благочестивых китайских мудрецов, чья духовность не зависела от религиозного откровения, привлекали к себе деистов, а такие черты китайского общества, как его воспитанность (вызвавшая презрение Риччи поколением раньше), отсутствие наследственной аристократии и принцип назначения на государственные должности на основе открытого конкурса – все это было созвучно радикальным направлениям мысли, пробивавшим себе дорогу, в особенности во Франции, в XVIII в. Для Вольтера и некоторых других философов Китай стал образцом, которому надлежало следовать в Европе. Разве не была Поднебесная великой, процветающей и мирной империей без какой-либо корысти для духовенства и родовой аристократии? При этом конфуцианство империи рассматривалось как действенная и лишь слегка поистертая модель рациональной религии.

Такое пылкое увлечение Китаем, пусть даже оно исходило от внутри-европейских интеллектуальных и художественных ожиданий, стало тем не менее заметным отходом от неприязни, страха и пренебрежения, которые свойственны людям разных цивилизаций. Горстка европейцев, доброжелательно исследовавших сложность и утонченность китайской цивилизации в XVIII в., были первопроходцами новых и более открытых связей между культурами. Их отношение резко контрастировало с царственным безразличием к иностранному, господствовавшим в аналогичных интеллектуальных сферах Китая⁶⁶.

Само богатство и разнообразие китайского литературного и художественного наследия, требовавшее усилий целой жизни, чтобы освоить их, высокая награда в случае успеха на провинциальном или императорском

⁶⁶ Мода на китайские вещи ослабла в последней трети XVIII в. почти так же внезапно, как и возникла. В начале XIX в. европейские купцы, солдаты и миссионеры, находившиеся на Китайском побережье, вернулись к более привычному пренебрежительному отношению к «развращенным» китайским порядкам, и это отношение передалось в значительной мере всей Европе. По мере падения интереса европейцев к Китаю эту пустоту пыталась заполнить Индия благодаря захватывающему открытию индоевропейских языковых связей и начавшимся исследованиям бескрайних просторов древней индийской философии и мистицизма. То, чем был Китай для философов XVIII в., Индия стала для романтиков начала XIX в. Таким образом, интерес и симпатии европейцев переместились в другую точку, но они никогда полностью не обрывались с тех пор, как Риччи в Китае и менее знаменитые миссионеры-иезуиты в Индии вроде Роберто де Нобиле (ум. 1656) впервые отважились попытаться понять другую цивилизованную традицию изнутри. Любопытно, хотя, возможно, и не удивительно, что самый близкий сосед Европы и ее традиционный соперник – ислам – стал предметом изучения европейцев в последнюю очередь, и даже сейчас историки обычно рассматривают развитие ислама после 1256 г. прежде всего под углом его связи с христианством и современной Европой. Живучесть крестовых походов и джихада против крестоносцев объясняется именно тем, что у европейской и мусульманской цивилизаций было так много общего.

экзамене достаточно хорошо объясняют безразличие китайцев к иностранной науке. Традиционные формы обучения при маньчжурах продолжали процветать по всей стране. Серьезный сбор, систематизация и обобщение прежних знаний осуществлялись под эгидой властей. Любовно издаваемые документы и авторитетные комментарии выкристаллизовывали давнюю китайскую традицию образования и обеспечили большую часть материалов для современных китаеведов.

Стихотворные и литературные сочинения оставались частью официальных экзаменов и здесь по-прежнему отдавали предпочтение безыскусному прилежанию. Образная проза переросла в самый яркий жанр китайской художественной литературы, и при маньчжурах роман достиг респектабельности, несмотря на свои народные истоки. «Сны красной комнаты», написанный в конце XVIII в., остается, по всеобщему мнению, величайшим китайским романом⁶⁷, хотя он был лишь одним из многих⁶⁸.

Китайская живопись по-прежнему оставалась плодотворной, искусной и разнообразной. Древнекитайские художники отличались преданностью старине и традициям старых мастеров, в то время как современные китайские и западные ученые ценят в первую очередь индивидуальную манеру и стилистические новшества. И тем, и другим было чем восхищаться в китайской живописи XVIII в., хотя и китайские, и западные искусствоведы XX в. высказывают довольно неблагодарное мнение, что подлинное величие китайского искусства относится к прошлому⁶⁹.

Таким образом, судя по всему, китайская цивилизация и китайское государство в XVIII в. процветали. При этом те же механизмы, что приводили к падению прежних династий, уже были в действии и проявлялись в публичных событиях в последнюю четверть столетия. Главной проблемой

⁶⁷ Большой объем этого романа отбил охоту к его переводу. См., однако, Tsao Chan, *Dream of the Red Chamber*, Chi-chen Wang (trans.) (New York: Twayne Publishers, 1958): перевод первой главы и содержание остальных.

⁶⁸ См. Ou Itai, *Le Roman chinois* (Paris: Editions Vega, 1933).

⁶⁹ См. Oswald Siren, *A History of Later Chinese Painting*, II, 152-227; Laurence Sickman and Alexander Soper, *The Art and Architecture of China*, pp.188-204. Невысокое мнение о произведениях более поздних художников представляется результатом неоправданной идеализации древнего искусства, многие образчики которого на самом деле стали известны или оценены через современные копии.

В отличие от литературы XVIII в., китайская живопись время от времени обращала внимание на западную технику и пробовала применять ее у себя. Вдобавок некоторые европейцы, например иезуит Джузеппе Кастильоне (ум. 1766), удостоивались высокой чести стать живописцами при императоре Цяньлуэне. Кастильоне добился своей репутации благодаря тому, что привнес западный натурализм в общий китайский стиль композиции. Некоторые китайцы последовали его примеру, показав тем самым лишний раз сравнительную легкость, с которой художественные мотивы и приемы могут переходить из одной культуры в другую, поскольку языковой барьер в данном случае несуществен.

Музей изящных искусств (Museum of Fine Arts), Бостон.

АРИСТОКРАТКА XVIII В.

Знатная китаянка, общающаяся с природой под звуки флейты, представляет намного более давний, глубже укорененный и явно более надежный образ жизни, чем тот, который воплощали европейские аристократы того же времени. Когда писалась эта картина, китайские армии одерживали победы в Средней Азии, куда их нога не ступала со времени династии Тан, а энергичные усилия, предпринимавшиеся с тем, чтобы сохранить верность в словах и в мыслях, приносили, казалось, великолепные результаты. В этой картине можно видеть исключительно утонченные мотивы чувствительности, возможно, с оттенком смутной тревоги перед подчинением размеренному декоруму китайского общества — злые на язык критики называют это упадочничеством. Был ли художник декадентом или нет, но он верно отразил консервативную аристократичность китайской культуры при маньчжурах.

было дальнейшее обнищание крестьян. Рост сельского населения привел к чрезмерному разделу земли, при котором в неурожайный год образовавшиеся крохотные хозяйства не могли прокормиться⁷⁰. Неизбежным результатом такого положения были безнадежная долговая кабала и невозможность выкупа просроченных закладных. Земли оказывались в руках ростовщиков из мелкопоместного дворянства, которым часто удавалось уклоняться от уплаты налогов на землю и переносить все увеличивающееся бремя платежей на оставшиеся крестьянские хозяйства. В то же время усиление чиновничьей коррупции и утрата воинской доблести маньчжурскими военачальниками, привыкшими к легкой гарнизонной жизни, со своей стороны способствовали ослаблению режима на фоне растущего недовольства и отчаяния крестьянских масс⁷¹.

Основным ответом на эти тягостные обстоятельства были курение опиума и крестьянские восстания. Широкомасштабное выступление 1774 г. положило начало длинному ряду подобных всплесков, кульминацией которых стало бурное Тайпинское восстание 1850–1864 гг. Восстания ухудшали экономическое положение страны в целом, вынуждая правительство вводить дополнительные поборы на карательные военные действия, что, в свою очередь, усиливало недовольство крестьян.

Порочный круг, в который, таким образом, попало правительство, не ускользал полностью от внимания верховной власти. Благонамеренные указы против курения опиума и призывы к чиновникам о честности не были эффективны, а вот параллельные усилия с целью поставить под контроль вольнодумство принесли несколько больший успех. Во всяком случае, в 1772–1788 гг. правительство провело большую чистку китайской литературы, предавая огню книги, содержавшие пренебрежительные замечания о маньчжурах или их предках. Некоторые книги, приговоренные в ходе этой инквизиции, очевидно, утрачены навсегда⁷².

⁷⁰ Автор работы: Ping-ti Ho, *Studies on the Population of China, 1368–1953*, pp.270–78 считает, что население Китая выросло со 150 млн в 1700 г. до 313 млн к 1794 г. и достигло 430 млн человек в 1850 г. накануне кровопролитного Тайпинского восстания. Он предполагает, что «оптимальные условия» с учетом технологии того времени были достигнуты в 1750–1775 гг., после чего продолжившийся рост численности населения приводил лишь к еще большей нужде и проявлениям недовольства.

⁷¹ Chung-li Chang, *The Chinese Gentry: Studies of Their Role in Nineteenth Century Chinese Society* (Seattle, Wash.: University of Washington Press, 1955), pp.70–141, здесь содержатся интересные данные о росте численности населения в XIX в. См. также Wang Yu-Ch'uan, «The Rise of Land Tax and the Fall of Dynasties in Chinese History», *Pacific Affairs*, IX (1936), 201–20; Maurice Meissner, «The Agrarian Economy of China in the Nineteenth Century» (unpublished Master's thesis, University of Chicago, 1955).

⁷² См. L.C.Goodrich, *The Literary Inquisition of Ch'ien Lung* (Baltimore, Md.: Waverly Press, 1955).

Подобный страх перед независимой мыслью стоит, возможно, и за изменениями (1792 г.) в императорских экзаменах, которые включали проверку памяти, каллиграфию, легкость сочинения эссе и поэм на заданные темы по строгим правилам. Поскольку подготовка к этим испытаниям была главным делом в интеллектуальной жизни китайцев, то введенные изменения позволяли сузить круг суждений ведущих представителей китайского общества, ограничив их мысль политически безвредными направлениями⁷³. Усилия эти оказались в высшей степени успешными, и почти весь образованный класс Китая сохранял лояльность по отношению к маньчжурскому строю даже в XX в.

До 1850 г., когда Тайпинское восстание потрясло империю до самого основания, правительственные контрмеры выглядели в целом адекватными для того, чтобы имперское здание могло выстоять в буре внутренних волнений. Казалось, что принципиальные перемены не требуются, а намеренный акцент на властном прошлом Китая должен был, как обоснованно ожидалось, отвести угрозу развала империи. Китайской самоуверенности был нанесен, однако, страшной силы удар в 1839–1842 гг., когда несколько британских военных кораблей и морской десант смогли пройти через оборону китайских войск почти беспрепятственно.

Поводом для этой демонстрации британской военной мощи стал спор об отправлении правосудия⁷⁴, но за ним крылись принципиальные разногласия во взглядах, вызывавшие бесконечные трения на местном уровне. В 1834 г. британское правительство лишило Ост-Индскую компанию ее прав по контролю за торговлей с Китаем и управлению ею, сделав эту торговлю открытой для всех, попыталось ввести торговые отношения с Китаем в законные рамки, обычные для европейских наций. Это потребовало отмены сложных ограничительных правил, более века регулировавших торговые сделки между европейцами и Китаем. Указанное изменение британской политики произошло в момент, когда китайское правительство взялось за ограничение и контроль внешней торговли еще более жестко, чем раньше. В 1839 г. в Кантон прибыл специальный уполномоченный императора с целью ликвидировать незаконную торговлю опиумом. В результате его энергичных действий было конфисковано не менее 30 тыс. ящиков наркотика у британ-

⁷³ См. Chung-li Chang, *The Chinese Gentry*, pp.174-82; David F.Nivison and A.F.Wright (eds.), *Confucianism in Action* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1959), pp.4-24.

⁷⁴ Один из британских моряков совершил убийство, но самого виновника установить не удалось, и тогда Китай, следуя своей практике возложения вины на общину за нарушение закона и порядка, потребовал выдачи для наказания любого другого англичанина. Этот пример наиболее ярко иллюстрирует конфликт между взглядами европейцев и китайцев, ведь каждая сторона, естественно, считала себя правой.

ских и других европейских торговцев. Жалобы с обеих сторон приняли острый характер, и спор по поводу правильности законных мер стал лишь предлогом для войны.

Слабость Китая в военном отношении вскоре вынудила правительство императора принять мир на британских условиях. Согласно Нанкинскому договору 1842 г., были открыты четыре новых порта для британской торговли и в придачу победившей стороне перешел Гонконг. Другие европейские державы и Соединенные Штаты поторопились заключить аналогичные договоры и расширили при этом британские условия, обеспечив освобождение своих граждан от подсудности китайским органам правосудия и добившись официальных гарантий для деятельности христианских миссий в «договорных портах».

Такие уступки никак не совмещались с традиционным отношением китайцев к иностранцам и купцам. Нанесенное этим договором унижение и показанная им же военная беспомощность перед западными канонерками, несомненно, дискредитировали маньчжурский режим в глазах китайцев, хотя при этом в китайском обществе и не возникло сколько-нибудь значительных настроений, направленных на отказ от старых обычаев. Образованные китайцы считали едва ли возможным, чтобы Поднебесная могла поучиться хоть чему-нибудь стоящему у варваров. Действительно, впечатляющие успехи, совсем еще недавно достигнутые Китаем, в абсолютно консервативных рамках политики маньчжуров необычайно затрудняли приспособление к новым реалиям мира и дел в нем. Поэтому Китай только в XX в. серьезно взялся за перестройку общества, с тем чтобы суметь противостоять Западу⁷⁵.

⁷⁵ Кроме приводимых отдельно книг, автор этих заметок о Китае использовал следующие труды: G.F.Hudson, *Europe and China*, pp.258-357; Henri Cordier, *Histoire générale de la Chine* (Paris: Librairie Paul Genthner, 1920-21), III, IV, *passim*; Kenneth Scott Latourette, *A History of Christian Missions in China* (New York: Macmillan Co., 1929), pp.120-302; A.H.Rowbotham, *Missionary and Mandarin*, pp.119-301; Antonio Sisto Rosso, *Apostolic Legations to China of the Eighteenth Century* (South Pasadena, Calif.: P.D. & Iona Perkins, 1948); H.B.Morse, *The Gilds of China, with an Account of the Gild Merchant or Co-Hong of Canton* (Shanghai: Kelly & Walsch, 1932); B.Favre, *Les Sociétés secrètes en Chine* (Paris: Maisonneuve, 1933); J.R.Hightower, *Topics in Chinese Literature*, pp.102-13; Ssu-yu Teng and John K.Fairbank, *China's Response to the West* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954), pp.1-45; John K.Fairbank, «Synarchy under the Treaties», pp.204-34, in John K.Fairbank (ed.), *Chinese Thought and Institutions* (Chicago: University of Chicago Press, 1957); L.Petech, *China and Tibet in the Early Eighteenth Century* (Leiden: E.J.Brill, 1950); Marshall Broomhall, *Islam in China*, pp.129-30, 147-51; Grace Fox, *British Admirals and Chinese Pirates, 1832-69* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1940); Adolf Reichwein, *China and Europe: Intellectual and Artistic Contacts in the Eighteenth Century* (New York: Alfred A.Knopf, Inc., 1925); Lewis A.Maverick, *China: A Model for Europe* (San Antonio, Texas: Paul Anderson Co., 1946); Donald F.Lach, *Contributions of China to German Civilization, 1648-1740* (Chicago: University of Chicago Press, 1944); Virgile Pinot, *La Chine et la formation de l'esprit philosophique en France, 1640-1740* (Paris: Librairie Paul Genthner, 1932); Earl Pritchard, *Anglo-Chinese Relations during the 17th and 18th Centuries* (Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1929).

2. ЯПОНИЯ

История Японии в XVIII – начале XIX вв. поразительно отличается от истории Китая в этот же период. В то время как китайские войска вторгались в Центральную Азию, Япония постоянно вела мирную жизнь. Если население Китая больше чем удвоилось за это время, то население Японии оставалось стабильным и даже с 1730-х гг. начало уменьшаться. Главное же отличие состояло в том, что китайская культура была фактически монолитной, закрытой для влияния извне, тогда как культура Японии разрывалась между непримиримыми внутренними течениями и становилась все более восприимчивой к ветрам чужих учений, пронесившимся через море из дальних и близких краев. Официальная политика окитаивания ставила целью – и не без успеха – превратить воинов в церемонную знать, однако ей не удалось победить своеобразие народной культуры. В то же время небольшая, но занимавшая хорошие стратегические позиции группа японских интеллектуалов рассматривала такие альтернативы неоконфуцианской ортодоксальности, как местная синтоистская религии или западная наука, а люди искусства достоверно отражали напряженные взаимоотношения между местным, западным и китайским стилями.

Учитывая ускоренный и меняющийся ход японской истории как до, так и после периода Токугава, политика строгой изоляции и внутренней стабилизации, столь успешно выдерживавшаяся сегунами более двух столетий, выглядит незаурядным достижением. В Японии в XVIII – начале XIX вв. действовали мощные экономические, политические и интеллектуальные силы, подрывавшие непростое равновесие политической системы, с помощью которой первые сегуны Токугава стремились укрепить и защитить свою власть. Система все же сохранилась нетронутой до 1853 г., и даже после того, как весь механизм сегуната был сметен реставрацией императора в 1867 г., государством продолжала управлять и командовать военная аристократия, правившая Японией при сегунах.

Самые большие трудности сегуната возникли от растущих противоречий между политической и экономической силой. Занимавший высшее политическое положение класс самураев попал в экономическую зависимость от купцов и ростовщиков, официально находившихся в самом низу общественной лестницы. Такому положению способствовала и политика сегунов, требовавших от всех своих сподвижников и полунезависимых феодалов находиться часть времени в городских центрах, ведь когда они уезжали из своих поместий, то даже самые богатые из них должны были обращать урожай риса в деньги, продавая его купцам, и спускать все среди экстравагантной городской жизни. Более того, успех сегунов Токугава в прекращении вне-

ших и внутренних войн оставлял самураям все меньше возможностей вернуться к ратному искусству, оторвавшись от роскошной праздности.

И феодалы, и крестьяне несли убытки от резких колебаний цен на сельскохозяйственные продукты, вызванных проникновением денежных отношений в сельскую жизнь, а недовольство росло вместе с долгами. Отчаяние крестьян находило выражение в спорадических бунтах, вспыхивавших все чаще с конца XVIII в. и служивших ярким признаком растущей социальной нестабильности⁷⁶. С помощью правительства Токугава самураи прибегали к более изощренным, но едва ли более успешным попыткам покончить со своими долгами. Порча денег, контроль над ценами, увещевания о бережливости, законы, регулирующие расходы, аннулирование долгов, а иногда и незаконная конфискация состояния торговцев – все эти способы пускали в ход⁷⁷. Однако достигался в лучшем случае временный успех, поскольку те же безликие и плохо понимаемые экономические силы вскоре вновь ввергали и правительство, и самураев в финансовую зависимость от презренных купцов и торговцев.

Другие способы разрешения финансовых затруднений самураев оказались более значительными для будущего. Отдельные феодалы вводили на своих землях методы интенсивного хозяйствования, а в некоторых случаях открывали шахты и новые промышленные предприятия. Так, заметно расширилось шелкоткачество, и в первой четверти XIX в. Япония перестала зависеть от ввоза шелка из Китая⁷⁸. Кроме того, сидевшие без гроша аристократические семьи иногда усыновляли купеческого сына, обеспечивая тем самым себе финансовые поступления, а купцу – преимущества и престиж

⁷⁶ Широко распространенная практика детоубийства, несмотря на официальное неодобрение, поддерживала население Японии на более или менее стабильном уровне и, несомненно, уберегала японское крестьянство от полной нищеты. См. Ryoichi Ishii, *Population Pressure and Economic Life in Japan* (Chicago: University of Chicago Press, n.d.), pp.3-16.

⁷⁷ См. George Sansom, *The Western World and Japan* (New York: Alfred A.Knopf, Inc., 1950), pp.144-95. Для борьбы с колебаниями цен испытывали схемы так называемых постоянных резервов, управляемых правительством, но для осуществления таких программ недоставало ни честности чиновников, ни нужного коммерческого умения, и потому все эти усилия позорно проваливались. Обсуждалась также теоретическая возможность регулирования цен декретами и с помощью манипуляций с деньгами, но длительного практического результата эти меры тоже не приносили. Хотя ограничения на вывоз металла, особенно серебра и меди, введенные в 1715–1742 гг., способствовали тому, что доля Голландии и Китая в торговле была сведена к незначительному объему, как это и было задумано. См. Takao Tsuchiya, *An Economic History of Japan* (Tokyo: Asiatic Society of Japan, 1937), pp.206-7.

⁷⁸ Усовершенствования ирригации – кругоприводные и двурычажные насосы для подъема воды, а также некоторые новшества в земледелии и обмолоте и размоле риса – давали свои плоды. В японскую экономику вводились новые культуры, например, сахарный тростник, батат, картофель, арахис, кукуруза и некоторые европейские овощи. Аналогичным образом, благодаря введенной правительством налоговой льготе осваивались значительные площади новых земель. См. Takao Tsuchiya, *An Economic History of Japan*, pp.154-57.

положения самураев. Таким образом, различия между самураями и простым народом, на которых утвердилась государственная система Токугава, несколько смягчились. Значительное ускорение экономического роста и стирания различий между слоями общества оказалось центральным явлением социальных перемен, происходивших в Японии в период после Токугава. Перемены эти, однако, начались намного раньше.

Слабость, присущая режиму, опирающемуся на гордый, но обедневший класс воинов, угнетаемое и недовольное крестьянство, богатую, но политически ненадежную торгово-финансовую олигархию, усугублялась старыми политическими трещинами, которые были всего лишь «заклеены» при сегунате Токугава. Сильные феодальные князья по-прежнему владели обширными районами Японии, и память о соперничестве их предков с победившей династией Токугава никогда не исчезала. По мере того как падали авторитет и дух правителей Токугава, феодальные князья становились центром потенциально сильной военной оппозиции режиму. Проблемы внешних сношений также начали принимать угрожающие размеры в XIX в., когда русские, британские, французские и американские корабли стали огибать японские берега. Все чаще эти суда нарушали закон, заходя в японские гавани под предлогом действительного или мнимого бедствия, и время от времени добивались удовлетворения своих требований под угрозой применения силы.

Небольшие, но авторитетные группы японской интеллигенции ясно осознавали слабость своей страны и пытались различными, иногда противоречивыми способами вырабатывать пути решения выявляемых ими трудностей. Официальные идеологи режима неоконфуцианского толка стремились прививать законопослушание и покорность во всех слоях общества. Моральное порицание и законы об ограничении расходов были теми мерами, которые скорее всего приходили им в голову для исправления ошибок эпохи, но даже в их собственном официальном неоконфуцианстве таились предательские политические ловушки для режима Токугава. Если высшей добродетелью считалась лояльность по отношению к начальнику, то как можно было оправдать обращение сегунов с императором? Исторические исследования, начатые под эгидой официальных властей в конфуцианском духе, приводили к таким же и более затруднительным вопросам, так как никакие перетолкования документов не могли представить власть сегунов не чем иным, кроме узурпации. Таким образом, стали возникать группы добрых конфуцианцев, порицавших режим исходя из его же принципов.

Еще важнее со временем оказалось полное неприятие конфуцианства и официальной политики окитаивания. Но представители этого течения разделились на две группы: приверженцев коренных японских традиций, стре-

мившихся их возродить и очистить, и тех, кто восхищался западной цивилизацией и отстаивал необходимость заимствовать западные знания и технологии. Несмотря на кажущиеся принципиальные расхождения во взглядах, оба эти лагеря часто находили возможности для совместных действий, так как и тем, и другим надо было одолеть одного и того же противника – официальную власть и вес китайской традиции. В конце концов, ведь западную медицину, географию, астрономию и математику можно было принимать не ради их самих, но также как подтверждение до тех пор незамеченных недостатков китайского учения.

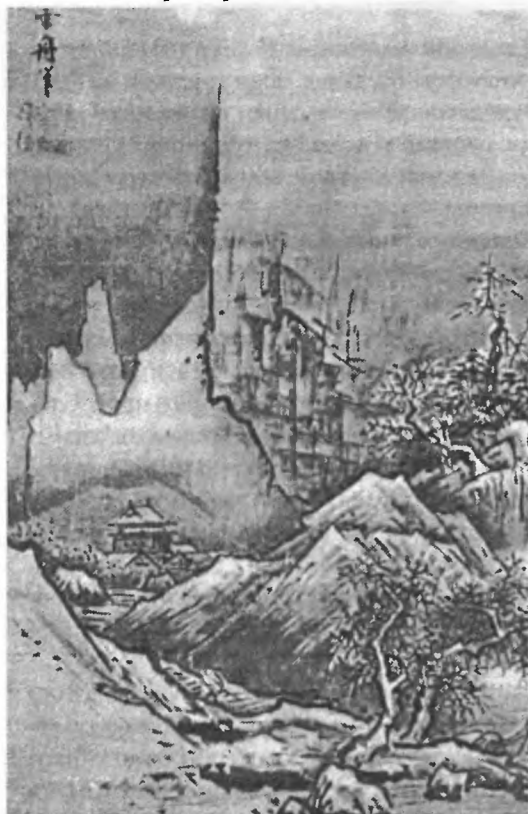
В среде антиконфуцианских традиционалистов исторические и археологические исследования японского прошлого служили материалом для трансформации древнего синтоистского культа в религию, которая могла бы выдержать сравнение со всем, что исходило из Китая, а то и с Запада⁷⁹. Учитывая, что императорская фамилия, происходившая от богини солнца, занимает в синтоизме центральное место, этот культ неизбежно уводил умы людей от лояльности сегуну с его фаворитами к находящейся в строгой изоляции личности императора. Явных приверженцев синтоизма до 1850 г. насчитывалось сравнительно немного, хотя к этому времени само учение и обряды были обновлены и определены. Синтоизм, таким образом, был готов к взлету, и все было подготовлено к замене неоконфуцианства как привилегированной религии государства, едва только режим Токугава сойдет со сцены.

Энергичные старания горстки людей, желавших проникнуть в тайны европейского знания, были еще более впечатляющими и также оказались плодотворными для будущего. Задаче этой серьезно мешали языковые барьеры и ограниченные возможности общения с образованными европейцами. И все же за нее взялись с настойчивой решимостью и энтузиазмом. К концу XVIII в. некоторые японцы не только освоили голландский язык, благодаря которому они знакомились с европейскими науками, но и выпустили книги на японском языке, излагавшие западные идеи в таких областях, как медицина, анатомия, астрономия и география⁸⁰. Отдельные японцы отдавали себе

⁷⁹ Даже в этой загадке японской национальной набожности связь между патриотизмом и озападниванием, очевидно, сработала, так как те, кто реставрировал синтоизм, вероятно, заимствовали принципы церковной организации и прочие понятия у христиан. См. Donal Keen, *The Japanese Discovery of Europe* (New York: Grove Press, 1954), pp.110-11.

⁸⁰ «Голландская ученость» в Японии в XVIII – начале XIX вв. отличалось такой же дополнительной привлекательностью, как и Китаеведение во Франции в начале XVIII в. И в том, и в другом случае знакомство с далеким и малопонятным миром приводило к косвенной критике своего общества, что было бы опасно делать прямо и во весь голос. См. примечания Т.С.Смита: Thomas C. Smith, *Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868–1880* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1955), p.2.

Шаткое мировое равновесие в 1700–1850 гг.

Национальный музей Токио (Tokyo National Museum).

Королевский музей искусства народов мира (rijksmuseum voor Volkenkunde), Лейден

Charles P. Swann, An Introduction to the Arts of Japan.

ТРИ ЯПОНСКИЕ КАРТИНЫ

О стилистическом разнообразии японской живописи свидетельствует резкий контраст между этими тремя картинами. Зимний пейзаж (вверху слева) Сэсю (1420—1506) изображает китайский ландшафт в абсолютно китайском стиле, хотя эксперты могут выделить особенности кисти мастера, придающие картине самобытный характер. Сравнительно грубый портрет крестьянина (внизу) датирован XVIII в. и выполнен простым «народным» художником, но его экспрессивность подчеркивает энергичность японских крестьян. Остроумная шуточная картина Хиросигэ (1797—1858), на которой обезьяна ловит отражение луны в море, предстает веселой карикатурой на саму Японию с ее стремлением поживиться сначала у китайской, а затем у западной цивилизации.

отчет и в превосходстве западной военной технологии. Когда в 1842 г. британцы подвергли унижению китайскую гордыню, такие люди извлекли из этого ясный урок, но не с паническим удивлением, охватившем сегуна и его окружение, а с чувством удовлетворения. Они давно полагали, что Япония не может позволить себе пренебрегать знанием и мастерством «рыжеволосых» варваров, и события подтвердили их правоту.

Столь пагубные для установившегося порядка идеи, естественно, вызывали соответствующую реакцию. Так, например, в 1790 г. правительство сегуна запретило преподавать какую бы то ни было философию, кроме официально одобренной неоконфуцианской, бросив в тюрьму или казнив нескольких человек за нарушение этого и подобных указов. Но эти меры оказались не эффективнее предпринятых против экономических процессов. Частные лица, пользуясь иногда протекцией кого-либо из полунезависимых феодальных князей, продолжали запретные занятия с целью не подчиняться режиму и вырабатывать для Японии альтернативную политику, которая, на их взгляд, лучше отвечала бы реалиям времени. В итоге в 1853 г., когда сегун неохотно согласился открыть Японию для торговли с Западом, небольшая, но занимающая стратегические позиции группа японцев уже выработала ясные ориентиры, чтобы направлять назревшую перестройку японского общества.

Богатая и разнообразная художественная и литературная жизнь Японии в XVIII – начале XIX вв. отвечала сложности описанных интеллектуальных течений. Стили живописи, заимствованные у китайских художников разных периодов, соседствовали, а иногда и смешивались с местными и западными стилями. Цветная гравюра со строго натуралистическими элементами, когда ее выполняли в традиционном стиле, стала новейшим достижением японского искусства в это время. Расцвел также жанр остроумной, разговорной и порой непристойной поэзии наряду с драматургией и романистикой. Как и в XVII в., актеры и гейши продолжали вдохновлять поэтов и художников в их соперничестве с официально поддерживаемой, более строгой и традиционной модой, черпавшей свое вдохновение в Китае. Но подобно тому, как классовые барьеры в Японии Токугава в XIX в. стали утрачивать свою прочность, в искусстве различия в стилях, столь четко очерченные в начале XVIII в., постепенно стирались по мере того, как художники сочетали в своих произведениях элементы, взятые из народных и официальных вкусовых канонов, и даже экспериментировали с такой чужеземной западной техникой, как живопись маслом.

Искусство, как и интеллектуальная сфера, отражало социальное замешательство и напряженность, лежавшие под внешней недвижностью режима Токугава. Учитывая все эти обстоятельства, длительность существова-

ния этого режима представляется более удивительной, чем его распад. Если уж быть до конца точным, то крестьянство оставалось крупным, устойчивым элементом японского общества, существовавшим на грани выживания, почитавшим своих властителей и закрытым для диковинных новых идей. Однако шаткость внутреннего положения сегунов проявилась в скорости и размахе перемен, происшедших в Японии, как только страна была официально открыта для иностранцев. Иностранное влияние стало лишь толчком к высвобождению внутренних сил, ускоривших революционное преобразование Японии после 1853 г.⁸¹

Е. ОТСТУПЛЕНИЕ ВАРВАРСТВА В 1700–1850 ГГ.

Быстрое наступление цивилизации, особенно западной, увенчалось уменьшением географических размеров и политического значения более примитивных обществ. В Старом Свете в XVIII в. произошел окончательный распад политической силы степных народов. Россия и Китай поделили степи между собой, причем Китаю досталась восточная часть, а России – более богатая западная. Венгерская низменность отошла Австрии. Победа Китая над конфедерацией калмыков в 1757 г. прозвучала заключительным аккордом в этой эре мировой истории, став последним случаем, когда цивилизованные армии столкнулись с серьезным степным противником⁸².

Окончательная ликвидация варварского и дикого уклада в Америке и

⁸¹ Кроме отдельно приводимых книг при работе над разделом о Японии была использована следующая литература: George B. Sansom, *Japan: A Short Cultural History*, pp. 441-524; E. Herbert Norman, *Japan's Emergence as a Modern State* (New York: Institute of Pacific Relations, 1940), pp. 3-35; C. R. Boxer, *Jan Compagnie in Japan, 1600-1817* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1936); George Alexander Lensen, *The Russian Push towards Japan: Russo-Japanese Relations, 1697-1875* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1959), pp. 9-306; Masaharu Anesaki, *Religious Life of the Japanese People* (Tokyo: Kokusai Bunka Shinkokai, 1938); Noritake Tsuda, *Handbook of Japanese Art* (Tokyo: Sanseido Co., 1936) pp. 218-80; Peter C. Swann, *An Introduction to the Arts of Japan* (Oxford: Bruno Cassirer, 1958), pp. 159-213; D. C. Holm, *The National Faith of Japan: A Study in Modern Shinto* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1938), pp. 44-52; Robert H. Bellah, *Tokugawa Religion* (Glencoe, Ill.: Free Press, 1957).

⁸² О присоединении Россией Украины и Нижнего Поволжья уже говорилось. Дальше к востоку владычество России над Казахстаном было установлено рядом договоров, подписанных между 1730-м и 1819 г. с четырьмя ордами, на которые был разделен этот народ, без тяжелой вооруженной борьбы. После поражения калмыков казахи убедились в необходимости договариваться с той или иной великой сельскохозяйственной империей Азии, а Россия была ближе всех. См. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М.: Изд-во Академии наук, 1957.

Разгром калмыцкой конфедерации привел в дальнейшем Монголию и Тибет к мысли об отказе от давних интриг, направленных на избавление от китайского контроля.

Океании произошла только к концу XIX в.; при этом, учитывая активное расширение западных границ в XVIII – начале XIX вв., конечный распад индейских и австралийских племенных обществ был лишь вопросом времени. Даже самые маленькие острова Тихого океана испытали социальные потрясения после захода китобоев, торговцев копррой и миссионеров. Тропические джунгли Южной Америки, Юго-Восточной Азии и крупнейшие острова на юго-западе Тихого океана служили географически более крупными районами, где могли найти себе приют первобытные общества. Но даже это убежище было ненадежным, так как охотники за золотом и рабами из цивилизованного мира свободно, если и не слишком часто, проникали в такие заповедные места.

К 1850 г. Африка к югу от Сахары представляла собой единственный крупный заповедник варварства, оставшийся в мире, но и здесь цивилизованные и получивилизованные общества тоже быстро закреплялись. Мусульманские скотоводы и завоеватели продолжали подчинять себе северные части Судана от Нигера до Нила и южные – ниже Африканского рога. В то же время получивилизованные негритянские царства, обосновавшиеся в джунглях Западной Африки, расширяли и укрепляли свою власть, широко прибегая к организованной поставке рабов и к различным другим формам торговли с европейскими дельцами с побережья. К 1850 г. политическая власть Европы начала продвигаться вдоль побережья и в глубь территории по рекам, но эти плацдармы были крайне невелики по сравнению с огромными пространствами Африканского континента⁸³.

В Восточной Африке власть Португалии к северу от Мозамбика исчезла к 1699 г., уступив силе местных восстаний и вооруженного вторжения из Омана в Южной Аравии. В XVIII в. новая купеческая держава, опиравшаяся на Оман и его колонию Занзибар, взяла под свой контроль торговлю Восточной Африки. Рабы, захваченные в глубинных районах Африки, слоновая кость и гвоздика из самого Занзибара стали главными экспортными товарами этого торгового государства. После 1822 г., однако, британское превосходство в Индийском океане вынудило султана Занзибара пойти на различные и все более строгие ограничения работорговли, так что его власть перестала быть полностью независимой⁸⁴.

⁸³ Усилия, направленные на прекращение работорговли, были одним из главных побудительных факторов европейского политического присутствия в Западной Африке. Не менее важным фактором служила также деятельность миссионеров, тесно связанная с гуманитарным движением против рабства. См. J.D.Fage, *An Introduction to the History of West Africa* (Cambridge: Cambridge University Press, 1959), pp.98-133.

⁸⁴ См. Zoe Marsh and G.W.Kingsnorth, *An Introduction to the History of East Africa* (Cambridge: Cambridge University Press, 1957), pp.16-24.

В южной части Африканского континента такие военные конфедерации народов банту, как зулусская (с 1818 г.) и матабеле (с 1835 г.), боролись за пастбища с поселенцами голландского происхождения (бурами). В поисках новых территорий для выпаса скота и в стремлении освободиться от британского правления на мысе Доброй Надежды голландцы в 1835 г. массово двинулись на север, в степную зону, где захватили все земли, подходящие для ранчо и ферм, а своей военной силой обеспечили обильный приток чернокожих невольников⁸⁵.

Таким образом, простые земледельцы и скотоводы внутренних районов Африки оказались обложены со всех сторон. Отовсюду на них надвигались мусульманские, африканские и европейские силы, обладавшие превосходством в политической и военной организации или в технологии либо в том и другом вместе. У старого простого уклада не было шансов устоять перед такими противниками. Только географические препятствия, усиленные африканскими тропическими болезнями и политическим соперничеством самих европейских держав, способствовали тому, что во второй половине XIX в. еще сохранялась некоторая самостоятельность и культурная независимость африканских первобытных сообществ.

⁸⁵ См. Leo Marquard, *The Story of South Africa* (London: Faber & Faber, 1955), pp. 74-155.

ГЛАВА XIII

***Восхождение Запада:
космополитизм в мировом масштабе
в 1850–1950 гг.******А. ВСТУПЛЕНИЕ***

Четыре события в середине XIX в. символизируют непоправимое разрушение традиционного порядка четырех величайших цивилизаций Азии. В Китае Тайпинское восстание 1850 г. глубоко потрясло и в течение 14 лет разъедало социальное устройство государства, в результате чего возвращение к имперской политике преднамеренной изоляции от внешнего мира становилось все более неосуществимым. Одновременно в результате пусть и не такой яростной, но тем не менее драматической революции сверху, начавшейся в 1854 г., Япония ломает ограничения, придуманные сегунатом Токугава, и открывает свои границы для ограниченной иностранной торговли. В Индии сипаи в 1857–1858 гг. сыграли роль могильщиков старых общественных порядков. После того как восстание было подавлено, школы и железные дороги стали причиной того, что индийцы больше не могли относиться к европейцам как к особенной касте завоевателей. И подобно тому, как змея сбрасывает старую кожу, все большее число индийцев стало отбрасывать унаследованные традиции. Наконец, Крымская война (1853–1856 гг.), в которой турки с помощью англичан и французов одержали победу над Россией, разрушила намного больше общественных институтов Османской империи, чем какие-либо прежние поражения. Султанская империя никогда раньше не знала таких порожденных войной новшеств, как большие долги перед европейскими вкладчиками в железные дороги, построенные европейскими инженерами. Однако все это не гарантировало для всех подданных Османской империи формального равенства и свобод, провозглашенных правительством в 1856 г. по требованию британского, французского и австрийского послов.

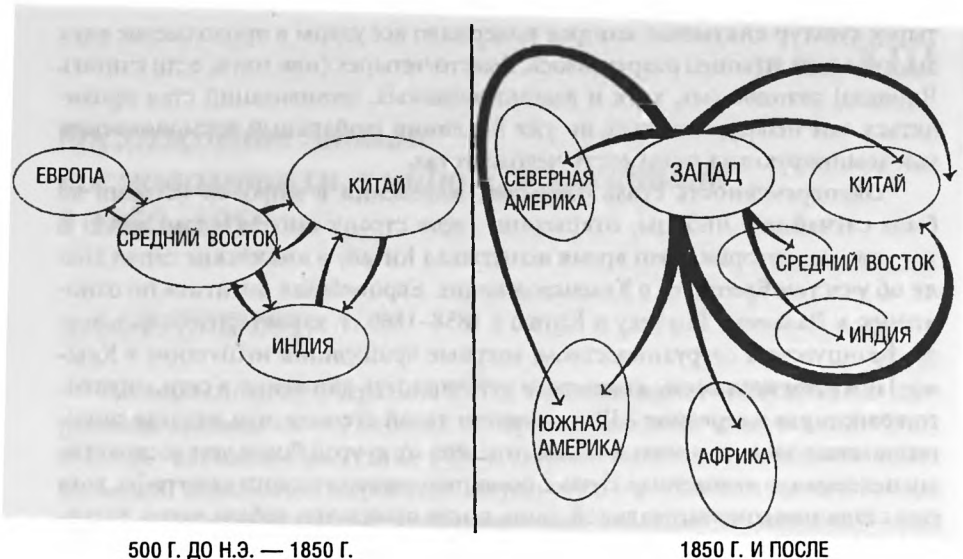
Таким образом, во всех великих азиатских цивилизациях революции снизу или сверху внезапно дискредитировали или разрушили старые ценности и обычаи, и в каждом случае разрушительное влияние было стимулировано контактами и столкновением с индустриализующимся Западом. За считанное десятилетие в середине XIX в. фундаментальное равновесие че-

тырех культур ойкумены, которое выдержало все удары в продолжение двух тысячелетий, наконец разрушилось. Вместо четырех (или пяти, если считать Японию) автономных, хотя и взаимосвязанных, цивилизаций стал проявляться еще неоформленный, но уже подлинно глобальный космополитизм как доминирующая реальность человечества.

Одновременность столь огромных изменений в мировой истории не была случайной. Японцы, открывшие свою страну иностранцам, знали о трудностях, которые в это время испытывал Китай, и индийские сипаи знали об участии Британии в Крымской войне. Европейская политика по отношению к Дальнему Востоку и Китаю в 1858–1860 гг. характеризовалась англо-французским сотрудничеством, впервые прошедшим испытание в Крыму. При этом плотность, скорость и регулярность движения в сети мирового транспорта к середине XIX в. достигли такой степени, что никакая цивилизованная часть планеты не была отделена от другой более чем несколькими неделями; а мгновенная связь с помощью электрического телеграфа, хотя она стала межконтинентальной лишь после прокладки кабеля через Атлантический океан (1867 г.), была уже в 1850 г. реальностью во многих странах Европы и Северной Америки. Распространение железных дорог, которые требовали много большего труда при прокладке, несколько запаздывало по сравнению с распространением телеграфа, но только на десятилетие или около того. В 1870–1890 гг. на океанах пароходы повсюду заменили парусные суда для перевозки стандартных грузов.

Эти революционные усовершенствования в транспорте и связи были частью целого комплекса быстро развивающихся западных технологий, а технологии, в свою очередь, во второй половине XIX в. вошли в тесное и плодотворное взаимодействие с теоретической наукой, которая и сама развивалась невиданными темпами. Более того, такая революция в средствах связи, резко изменившая взаимоотношения мировых цивилизаций, опиралась на широкую базу технологии, та – на развитие науки, и все они зависели от состояния общества, европейских институтов и отношений, без которых связь, технология и наука не смогли бы достигнуть своей революционной силы. Однако технологические изменения преобразовали старые общественные отношения непредвиденным и непредсказуемым образом; в некотором смысле можно действительно сказать, что в первых десятилетиях XX в. побочным эффектом выдающихся успехов новой технологии (которая стала массовой всего лишь за сто лет до этого, даже в такой передовой стране, как Великобритания) стало разрушение старых традиций цивилизации Запада, точно так же, как традиции старых цивилизаций Азии были разрушены за 60 или 70 лет до этого.

Можно сказать, что союз науки и техники, оформившийся два века

ВОСХОЖДЕНИЕ ЗАПАДА

назад, перевернул все цивилизации, которые образовывали социальный пейзаж предыдущих столетий, и возвел на развалинах культур старых ограниченных цивилизаций новую космополитическую, современную культуру. Огромные изменения в повседневной жизни свидетельствуют о продолжающемся процессе слияния ранее изолированного сельского населения с населением городов-мегаполисов. Кроме того, «разрушение» западной цивилизации, которое стало ощутимым в начале XX в., было не разрушением как таковым, а просто дальнейшей стадией ее собственной эволюции. На всем протяжении истории драматическая нестабильность отличала Дальний Запад от цивилизаций Евразии, и возможно, новая история мира – еще один пример этой давней склонности к переменам, которые на этот раз охватили не только Запад, но и все человечество.

Для тех, кто считает себя наследниками западной цивилизации, выбор между взаимоисключающими интерпретациями недавних исторических событий в огромной мере зависит от личного вкуса и темперамента, тогда как наследники других культурных традиций обычно предпочитают ту точку зрения, что цивилизация нового времени скорее существенно отличалась от всех предыдущих, чем имела с ними сходство. Нельзя ожидать согласия в этом споре, и люди XX в. по понятным причинам не могут оценить происходящие события с позиций, не окрашенных эмоциями. Тот факт, что все

культурное разнообразие человечества сейчас находится, тесно взаимодействуя, в пределах целого, может иметь совершенно непредвиденные последствия. И даже самые зоркие наблюдатели XX в. при попытках проникнуть в суть окружающего мира могут оказаться столь же ограниченными, как утонченные греко-римляне I в. н.э. были полностью равнодушны к грядущему величию тончайшей прослойки первых христианских общин. Есть все же определенный предел, заложенный в самой сути человека, за него не выйти ни нашим предкам, ни нам самим, ни нашим потомкам.

Но и оставаясь в рамках, налагаемых временем, окружением, темпераментом, можно говорить о том, что в истории прошлого столетия две темы кажутся первостепенными: 1) возрастание контроля человека над видами природной энергии; 2) увеличение готовности манипулировать общественными институтами и обычаями в надежде достигнуть желаемых целей. В терминах более близких историкам, можно сказать, что это развитие свелось к индустриализации и политико-социальным революциям; тогда как на языке социального (возможно, старомодного) философа две основные темы можно соединить под одним заглавием – «прогресс человеческого разума в приложении к природе и человеку». Прогресс был наиболее выражен в науке и технологии, но не обошел и многих важных аспектов человеческих отношений. И высшая ирония нашего времени заключается в том, что философы открыли непознаваемость, психологи – иррациональность природы человека, антропологи, социологи, экономисты – несоизмеримость социальных явлений по сравнению с человеческим расчетом, не говоря уже о какофонии мыслителей, вопрошающих: куда, во имя каких целей, в соответствии с какими ценностями бестолково движется суетливое человечество? Но эта ирония не вызывает отчаяния. Как ни слаб тростник, мыслящий разум подобен острию рапиры, пусть споры о решении интеллектуальных дилемм нашего времени через столетия покажутся столь же интересными, сколь не имеющими значения, как нам сейчас кажутся богословские споры XVI в. в Европе.

Если рассматривать успех в целенаправленном использовании 1) природной; 2) общественной энергий как центральную тему новой истории, то Европа и Запад оказываются еще более в центре внимания, поскольку все важнейшие нововведения в технологии и общественной структуре, растрескавшие человечество в течение XIX в. и в первой половине XX в., возникли в западном и во многих случаях именно в европейском контексте.

Здесь, как и в непосредственно предшествующих главах, кажется разумным сопоставить развитие Европы в более ранние времена с тем, что происходило на мировой сцене несколько десятилетий спустя. Новый режим, который потряс Европу после 1789 г., соединив французский полити-

ческий и британский индустриальный опыт, придал новые формы и звучание быстро растущему Западу. Кроме того, экспансия Запада помогла решительно низвергнуть старые стили цивилизованной жизни в Азии около середины XIX в. Полных сто лет после этого незападный мир боролся за то, чтобы приспособить местное культурное наследие во всем его многообразии и богатстве к идеям и технике, пришедшим из Европы XIX в. Более новые типы интеллектуальных и нравственных дилемм, вырастающие из более новых типов социального и политического манипулирования и новой страны электронных, атомных и ракетостроительных чудес середины XX в., не стали действительно актуальными нигде за границами западного мира. Это не значит, что другие народы не подверглись воздействию таких изменений. Но это значит, что индусы, китайцы, мусульмане Среднего Востока – как и подавляющее большинство западного человечества – не стали той активной частью человечества, которая создавала новшества, обещавшие придать второй половине XX в. особый исторический характер.

Поэтому в данной главе будут проанализировано европейское и западное развитие с 1789 г. по 1917 г., при этом изредка будем обращать внимание на события текущей истории Запада для убедительности выводов. Усилия будут направлены на то, чтобы распознать поворотные пункты в процессе культурного взаимодействия между западным и незападным миром до 1950 г. Однако 1950 г. не имеет какого-то особенного значения – он выбран просто арифметически. Будущие историки, возможно, предпочтут 1945 г. или более позднюю дату, когда попытаются разделить историю XX в. на ее наиболее значительные периоды.

Б. ЗАПАДНЫЙ ВЗРЫВ В 1789–1917 ГГ.

1. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ

Ко времени начала Великой французской революции в 1789 г. географические границы западной цивилизации можно было определить с приемлемой точностью. Но ко времени Русской революции 1917 г. ситуация изменилась. История Запада слилась с мировой историей, но одновременно та же судьба постигла и другие цивилизации, а также первобытные и протоцивилизованные сообщества – всех, кто составляет человечество.

В этом сплаве народы Запада имели большие преимущества над всеми другими. Твердая вера в ценность своих собственных унаследованных институтов, а также быстро растущая численность, наиболее мощное оружие

в мире и наиболее развитая сеть транспорта и связи позволили представителям западной цивилизации легко преодолеть сопротивление других народов.

За несколько десятилетий европейцы заселили центр и запад Северной Америки, пампу и примыкающие регионы Южной Америки, большую часть Австралии, Новую Зеландию и Южную Африку. Одновременно в XIX в. происходило и расширение границ России в Сибири, Средней Азии и на Кавказе. Но политическое и экономическое проникновение Запада далеко превосходило географические рамки расселения европейцев. К 1914 г. почти вся Африка, Юго-Восточная Азия и Океания находились под политическим контролем европейцев. Новые плантации и шахты появились даже в местах, отдаленных от европейской или какой-либо иной цивилизации. Новые продукты, такие как чай и резина, никель и нефть, наряду со старыми, например золотом, лихорадочно добывали в джунглях, пустынях и арктической тундре, как и в более обжитых регионах. Даже для торговли пушниной XVIII в. нашлась аналогия в XIX в. в виде китобойного промысла – охотники на китов бороздили просторы всех океанов и тревожили первобытных обитателей далеких островов болезнями и безделушками так же, как торговцы пушниной раньше охотились в приполярных областях, тревожа зверей и местное население.

Эти движения людей и товаров вызвали огромные изменения в демографии и культурах мира. Ни природа, ни созданные человеком обстоятельства не могли больше противостоять распространению западной технологии и идеям нигде во всем обитаемом мире. Однако, несмотря на значение для мировой истории, географическое расширение западной цивилизации в XIX в., кажется, не имело критического значения для исторического развития самой Европы. Европейская история 1789–1917 гг. определялась промышленным капитализмом, основывавшимся на использовании природной энергии, и политической революцией, основанной на новом определении прав человека и его обязанностей. Оба фактора выросли из прошлого самой Европы, и ни их зарождение, ни развитие до 1917 г. не имело каких-либо внешних связей с другими цивилизациями, помимо косвенных.

Почти до наших дней – и возможно, даже сегодня – изменения в культурах, вызванные космополитическим смешением людей из различных регионов земного шара, развиваются в одном направлении: от Запада к незападному миру. В результате незападные традиции не внесли большого вклада в достижения современной высокой культуры и мысли. Конечно, убеждение в превосходстве собственной цивилизации наложило отпечаток на западные умы – убеждение, подкрепленное нарезными винтовками и кано-

нерскими лодками – и сделало европейцев менее восприимчивыми к иностранным культурным влияниям и в том же смысле более ограниченными, чем их предки в XVIII в.¹

2. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

В XIX в. промышленный капитализм прошел две отдельные стадии, разделенные приблизительно 1870 г. Каждая имела определенную технологию и характерные организационные формы и идеалы. Первая стадия наиболее ярко проявилась в Великобритании, вторая была более географически размытой, поскольку и США, и Германия, но особенно Германия, служили первопроходцами и образцами для подражания.

ПЕРВАЯ, ИЛИ БРИТАНСКАЯ, СТАДИЯ. Технические аспекты первого этапа промышленной революции можно подsumмировать в двух словах – железо и уголь. Этот тип технологии достиг полного выражения к середине века, когда железные дороги, фабрики по переработке хлопка и сотни других новых или усовершенствованных машин и механизмов включились в работу. Большая выставка в Лондоне в 1851 г. не просто показала, но и стала символом технологических изменений, которые произошли в Великобритании к этому времени.

Использование угля и железа для промышленности, так же как и для потребностей домашнего хозяйства, вовсе не было новым для Англии XIX в. Томас Ньюкомен использовал уголь как топливо для двигателя в 1712 г., а железо уже в течение трех тысяч лет было обычным материалом для изготовления орудий. Новаторство состояло в масштабах, в которых стали использоваться эти материалы. Были найдены неисчислимые новые способы применения силы пара в железных механизмах. Деревянные ткацкие станки и вращающиеся колеса, приводящиеся в движение мускульной силой человека и разбросанные по сельским домикам, имели мало сходства со стальными шпульками и десятками приводимых в действие паром ткацких станков, сконцентрированных на хлопчатобумажных фабриках ранней викторианской Англии. Но в результате производились более дешевые и более качественные изделия, чем те, которые можно было получить, используя ручной

¹ Даже систематическое изучение примитивных народов и других цивилизаций, которое всегда предпринималось учеными, стремилось стать изучением интересных социальных моделей, которые даже наиболее симпатизирующего наблюдателя, вооруженного научной пылкостью, непременно оставят отстраненным от объекта исследования. Такая научно-социальная отстраненность подавляла обычные культурные взаимодействия даже более эффективно, чем это делали раньше религиозные догмы.

труд. Почти такие же радикальные изменения в других традиционных отраслях – металлургии или печатании, возрастание числа новых профессий, например заводских или железнодорожных инженеров, глубоко внедрило новые технологии в ткань британского общества к 1850 г.

К этому времени несколько мыслителей (Анри Сен-Симон, ум. 1825; Огюст Конт, ум. 1857; Роберт Оуэн, ум. 1858) попытались представить возможности будущей экономики изобилия, в которой массовое применение неодоушевленных сил в индустриальных процессах положило бы конец нищете. Однако большинство продолжало считать, что бедность неискоренима и что любое увеличение количества товаров будет быстро поглощено растущим числом членов общества. Конечно, население Великобритании в XIX в. росло стремительными темпами, и через двадцать лет после 1801 г. возросло почти на 34%. А за столетие в целом население Британии возросло с приблизительно 10 млн в 1801 г. до 37 млн в 1901 г.²

С точки зрения 1960-х гг., все изменения в промышленности, которые начались в Англии приблизительно 200 лет назад и достигли огромных размеров немногим более чем за столетие, вызвали перемены в экономической и социальной жизни человечества, сравнимые по важности с временами неолита, когда человек перешел от охотничьего образа жизни к сельскому хозяйству и одомашниванию животных. Во времена неолита целенаправленная сельскохозяйственная деятельность изменила природную среду, в несколько раз увеличив количество добываемой пищи и доступных человечеству источников энергии, что вызвало радикальное увеличение населения и сделало возможным концентрацию сравнительно большого числа людей в городах, где профессиональная специализация дала ремесла, науку и блага цивилизованной жизни. В течение всей письменной истории (с глубокой древности и до наших дней) подавляющее большинство живших людей проводили свою жизнь в устоявшемся порядке ежедневного и ежегодного возделывания земли, страдая от капризов погоды и стихийных бедствий, войн и эпидемий и покоряясь прямой зависимости между урожаем и тяжелой работой на полях.

Современная промышленность еще может установить довольно устойчивую систему, в пределах которой большинство человечества будет существовать в обозримом будущем, но социальные, политические и культурные возможности, свойственные таким изменениям, в ритме и заведенном порядке человеческой жизни еще окончательно не установились и могут быть предметом изучения. Следовательно, трудно преувеличить исторические последствия передовых работ маленького круга инженеров, изобретателей и

² Данные собраны в «Report of Royal Commission on Population», Cmd. 7695 (1949), Table III.

тех, кто способствовал их деятельности в нескольких провинциальных городах Великобритании в конце XVIII – начале XIX вв.

Тем не менее очень легко преувеличить важность институциональных и интеллектуальных достижений, которые составили атмосферу британской промышленной революции. Возможно, такие метафизические понятия, как «пуританская этика», «нонконформистское сознание» и «дух капитализма», были необходимыми составляющими элементами для начала промышленной революции. Но в Венгрии, например, ни кальвинизм, ни нонконформизм не вызвали индустриальных последствий. Великобритания была счастливой обладательницей залежей угля и железных руд, трудовых ресурсов, которые могли легко воспринять новый порядок труда, а также опиралась на изобретателей и предпринимателей, стремившихся развивать новые идеи и способных добывать деньги для того, чтобы вкладывать их в новые машины и виды производства.

Незарегулированность отношений в структуре британского общества, возможно, стимулировала возникновение новшеств и позволила Великобритании занять лидирующее положение среди других наций на первой стадии современного индустриализма. Эта ситуация была унаследована от того парламента, который возмущенно разрушил абсолютизм Стюартов в середине XVII в. Но в 1756–1815 гг. лишь трудности ведения войны с Францией могли обеспокоить архаичный парламент английского Старого режима³. Резкие изменения в морской торговле, зависящие от легко меняющегося местонахождения военно-морских сил, резкие изменения в указаниях правительства о выделении денег для постоянно растущих потребностей все усложняющихся средств ведения войны⁴ и драматические изменения в количестве денег в экономике и уровне цен ослабляли традиционное противодействие экономическим новшествам. В таких условиях финансовый успех удачливого или искусного дельца мог быть настолько велик, что сотни других амбициозных или жадных соперников стремились превзойти его достижение⁵. Вполне возможно, что в более регламентируемом обществе более энергичный официальный контроль частной инициативы и спекуляций на

³ В 1756–1815 гг. Британия вела войну с Францией и с различными другими государствами, и в течение этого времени мирными были только 22 года.

⁴ В 1814 г. в Британской армии под ружьем находилось 1 062 000 человек, включая ополчение, добровольцев и регулярные войска. Даже минимальное содержание такой армии требовало огромных усилий для экономики страны с 12-миллионным населением. См. W.W.Rostow, *British Economy of the Nineteenth Century* (Oxford: Clarendon Press, 1948), p.13.

⁵ См. работу: Robert Owen, *The Life of Robert Owen* (2 vols.; London: E.Wilson, 1857–58) о том, как энергичные и удачливые люди извлекали большие прибыли в хлопчатобумажной промышленности в первые десятилетия XIX в.

военных нуждах воспрепятствовал бы такой быстрой трансформации британской промышленности, которая происходила в конце XVIII – начале XIX вв.

Но никакой перечень общих условий не может учесть все изменения в делах человека. Разные люди, стремясь к разным целям, принимали решения и действовали по-разному, и все это в итоге изменило жизнь в Англии. Гордость своим мастерством и желание заслужить уважение коллег-механиков уже сами по себе могли быть достаточным стимулом для изобретательства так же, как в других случаях стремление заработать деньги. Человек, которые терпеливо обрабатывал металл напильником, стремясь усадить гайку легко и плотно, полагаясь при этом на свое мастерство и наметанный глаз, был так же необходим для успеха нового механического оборудования, как и капиталист, который заказывал новые машины и платил тем, кто работал на них. Изобретатель же, если он не был одновременно и капиталистом, как, например, Джеймс Ватт, зависел от сотрудничества с механиком и капиталистом, пока его идея не воплощалась в движущемся металле.

В любом обсуждении институциональных нововведений раннего промышленного капитализма очень важно учитывать то, что старые порядки британского общества, хотя и изменились под напором технических нововведений, не желали уступать своих позиций⁶. Тот факт, что ранний промышленный капитализм появился и расцвел в структуре учреждений, которая была одновременно торговой и сельскохозяйственной, аристократической и парламентской, островной и индивидуалистической, не доказывает, что учреждения такого типа породили революцию. Предположение о необходимой взаимосвязи между ростом промышленности и взаимоотношениями, специфическими для Британии (а также впоследствии для Западной Европы и Северной Америки), является общей ошибкой догматиков-марксистов, либералов XIX в. и консерваторов XX в.

Тем не менее это предположение считалось правдоподобным до приблизительно 1870 г., когда пальма индустриального мирового первенства стала переходить от Великобритании к Германии и Соединенным Штатам Америки. Адам Смит (ум. 1790) и схоже с ним мыслящие философы создали тщательно разработанную и выразительную теорию, показывающую, как рациональные действия свободно мыслящих личностей в процессе купли-продажи приводят к максимальному удовлетворению человеческих потреб-

⁶ Романы Джейн Остин являются прекрасным напоминанием о том, как войны и революции – индустриальная или прочие – отражались на провинциальной жизни. И провинциальная Британия до второй половины XIX в. продолжала сохранять за собой одно из наиболее важных мест как в общественных отношениях, так и в политике.

ностей. И поскольку британские учреждения предоставляли наиболее широкий простор именно для такого личного стремления к удовлетворению частного интереса, можно сделать заключение о том, что бурный промышленный прогресс в Британии напрямую обязан рациональности британских законов в сочетании с рыночной свободой личности. Эта философия свободного рынка стала основополагающей идеей либеральной идеологии в середине XIX в. и во многих европейских странах была лозунгом, объединявшим всех, кто боролся против законодательств и любых причин, препятствующих развитию промышленности в их странах.

Однако даже в XIX в. факты не соответствовали такой теории. Технология быстро обогнала либеральные государственные структуры и нашла убежище в совершенно иных типах общества. Индустриализация Японии служит наиболее поразительным примером, но даже в западном мире рост промышленности в Германии после 1870 г. и в России двумя или тремя десятилетиями позже облачил в доспехи современной индустриальной технологии общества, где либеральные традиции были слабы или политически незначительны. Кроме того, промышленность расцветала под присмотром правительства и чиновников корпораций, чей интерес в успехах предприятия, если его измерять персональным обогащением через долю в доходах, был часто незначительным или вовсе отсутствовал.

Более того, в то время как промышленность Германии и России развивалась все быстрее, британские капитаны промышленности были не прочь почитать на лаврах. Сыновья преуспевающих промышленников хотели вести образ жизни, характерный для праздного класса помещиков. Хозяева, стремившиеся к светской жизни, часто не желали вкладывать большие деньги в новое оборудование – зачем вмешиваться в то, что и так хорошо работает? К тому же претензии на знатность требовали отказа от активного ежедневного управления фабрикой или заводом, требовали дома в Лондоне или хотя бы в Манчестере, а если возможно, и загородного дома, вдали от заводской грязи и грохота. Все это неизбежно и очень сильно расширяло пропасть между владельцами и рабочими. Плодотворное в технологическом отношении сотрудничество между предпринимателями и наемными рабочими в ранних более скромных мастерских постепенно исчезало. Все еще имелись гениальные механики, но мало кто из них стремился, чтобы его изобретения использовали для обогащения социально далеких капиталистов, особенно если из-за этого могут выгнать на улицу товарищей по работе.

Второй причиной утраты Британией лидерства в промышленности было отсутствие продуманной и систематической связи между теоретической на-

укой и технологическими изобретениями⁷. Конечно, иногда, когда возникали специфические трудности, промышленники советовались с учеными-теоретиками. Так шахтовладельцы уполномочили сэра Гемфри Дэви в 1815 г. изобрести безопасную лампу для угольных шахт, а профессор естествознания Чарлз Уитстон стал партнером в первой достигшей успеха Британской телеграфной компании (1837 г.), потому что предприниматели нуждались в его знаниях об электромагнетизме⁸. В следующем поколении лорд Кельвин, профессор университета в Глазго, решил проблему передачи трансокеанских телеграфных сообщений, а также изобрел компас, который мог работать на новых железных кораблях, строившихся на верфях Глазго⁹. Но такое сотрудничество между научной теорией и технологической практикой оставалось случайным, и очень часто срочные дела внезапно прерывали обоюдное соглашение, как только специфическая проблема была решена.

Фундаментальное восприятие индустриального процесса отличалось статичностью. Как рабочие, так и владельцы считали, что как только новая технология опробована – построено оборудование, технологические навыки освоены, рынок для конечного продукта установлен, – значит, дальше процесс может протекать без значительных изменений. Но факты никогда не соответствовали такому идеалу. В самом начале, когда начальные капитальные вложения были еще малы, соперник, вооруженный новым патентом на улучшенное оборудование, мог легко разрушить сложившуюся на рынке ситуацию путем снижения затрат и цен, и грубая встряска экономических кризисов способствовала удалению с рынка технически устаревших предприятий.

Итак, вопреки всем существующим противоречиям британские промышленники и рабочие ожидали стабильности или надеялись на нее. По мере того как возрастающая сложность оборудования и развитие производственных процессов увеличивали стоимость начальных капитальных вложений, беспокойство, вызванное внутренней конкуренцией, шло на убыль, но конкуренция с зарубежными промышленниками в конце концов оказалась не менее тревожной¹⁰. Идея о том, что технический прогресс является непрерывным, не нашла отклика среди людей, занимавшихся решением практических вопросов в Британии. Им было трудно поверить, что совершенные,

⁷ См. Sir Eric Ashby, *Technology and the Academics: An Essay on Universities and the Scientific Revolution* (London: Macmillan & Co., 1958), pp.1-49 and *passim*.

⁸ См. Charles Singer *et al.*, *A History of Technology* (Oxford: Oxford University Press, 1958), IV, 95-96, 656-57.

⁹ *Encyclopedia Britannica*, s.v. «Kelvin».

¹⁰ История производства анилинового красителя может служить примером сказанному. После блестящего начала в Британии в 1850-х гг. эта промышленность получила значительно большее развитие в Германии в 1860-х гг. Тесное взаимодействие между немецкими химиками-

прекрасно работающие машины могут устареть. Парадоксальная мысль, что компания должна увеличивать свои текущие затраты, финансируя исследования и разработки, направленные именно на улучшение производственного процесса на собственных заводах, утвердилась в Британии лишь с трудом и только в некоторых отраслях перед Первой мировой войной.

Британская мощь и национальное богатство, возможно, пострадали из-за таких социальных и морально-интеллектуальных помех технологическому прогрессу. С другой точки зрения, эта зарождавшаяся (и неудавшаяся) стабилизация промышленного капитализма подтвердила силу и приспособляемость старых моделей британского общества. Успешные капиталисты и ученые ассимилировали традиционные взгляды и манеры высших классов, в то время как рабочие на другом конце социального спектра показали гораздо большую оригинальность, создавая удовлетворяющую их требованиям моральную вселенную вокруг новых учреждений, таких как пабы, профессиональные союзы, методистская церковь.

Если бы Британия полностью оказалась предоставленной самой себе, чрезвычайный взрыв изобретательства и технологических изменений, который достиг пика в первой половине XIX в., сошел бы на нет, сменившись медленной технической эволюцией. Но Британия не была предоставлена самой себе, наоборот, промышленный капитализм, взаимодействуя с различными учреждениями в других странах, потребовал второго, даже более мощного чем первый, импульса для своего развития, и Британия была вынуждена приспосабливаться к сложившимся условиям.

ВТОРАЯ, ИЛИ ГЕРМАНО-АМЕРИКАНСКАЯ, СТАДИЯ (ДО 1917 Г.).

Технологии второй фазы промышленного капитализма нового времени использовали более разнообразные материалы и искали новые источники и формы энергии, хотя главенствующее положение угля и железа нерушимо сохранялось вплоть до начала Первой мировой войны. Особенности, вносимые электротехнической, химической, нефтеперерабатывающей промышленностями, цветной металлургией, а также столь различающимися их изделиями, как автомобили, радио, самолеты, синтетический текстиль, только начинали оформляться. Но роль железа и угля начала меняться. Оказалось, что уголь можно использовать не только как простое топливо – смолы,

исследователями и индустрией химических красителей остро контрастировала с положением в британских фирмах, которые защитившись патентом, стремились только эксплуатировать изобретение. Этот контраст более, чем любой другой единичный фактор, позволил Германии занять лидирующее положение в индустрии красителей перед Первой мировой войной. О возникновении британской промышленности красителей см. Singer *et al.*, *A History of Technology*, V, 269-74, 281.

получаемые при его перегонке, можно было превратить в такие разные продукты, как аспирин, краски, взрывчатку. Фундаментальные изменения коснулись также использования железа – после изобретения Бессемером конвертера (1856 г.) стало возможным в массовых количествах получать сталь. Сама сталь, будучи химической смесью железа, углерода и других элементов, могла быть бесконечно разнообразной по своим качествам. Химики и металлурги открыли, что минимальное изменение составляющих и их соотношения меняет свойства стали, и перед ними встала необходимость стандартизировать и точно контролировать качество своей продукции – твердость, устойчивость к ржавчине, гибкость. Сам термин «сталь» стал собирательным для различных типов металлов для специфического использования. Итак, хотя железо и уголь все еще занимали главенствующее положение среди промышленных материалов в 1870–1917 гг., к концу этого периода химики и металлурги превратили их в комплекс совершенно новых веществ.

Получение специальных сталей и производных угольных смол может служить примером общего направления в технологии конца XIX в. Новое использование угля и железа облегчалось и тем, что свойства получаемых из них продуктов и их изменение можно было контролировать на молекулярном и субмолекулярном уровне. Химики вырвались в первые ряды технологического прогресса, превратив промышленных инженеров в своих подручных¹¹, и диапазон старой технологии, сосредоточенной на макроматериальных манипуляциях, выполняемых железными машинами, был намного расширен поразительной миниатюризацией природных сил, используемых в промышленном производстве. Осознанные действия с молекулами, атомами и (в случае с электричеством) элементарными частицами вывели технологию на качественно новый уровень, где оказалось возможным контролировать как материю, так и энергию. Заменяя использование пара в качестве движущей силы, электричество смогло приводить в движение множество разнообразных машин, к которым обычные передаточные шестерни даже не могли подступиться. Если стационарный паровой двигатель с громоздкими шатунами, клапанами, грохочущими движущимися частями и клубами пара и дыма был механическим архетипом первой стадии современного индустриализма, «машина», в которой причина действия не улавливалась чувствами человека – радио, трансформатор, электролитическая ванна, фотопластинка или электрическая печь, – стала символом второй стадии.

¹¹ Карьера Юстуса фон Либиха, профессора химии в Гессене и Мюнхене, ярко символизирует союз между теоретической химией и технологией. Кроме своих теоретических открытий, из которых наиболее известными являются определение и анализ химических компонентов, необходимых для роста растений, Либих преподавал удивительно большому числу промышленных и коммерческих химиков XIX в.

Конечно, новые технологии не заменили полностью более старые процессы, как когда-то паровой двигатель заменил мускульную силу животных и человека. Новые достижения в давно знакомых технологиях иногда имели большое значение. Увеличение размеров домен, локомотивов, пароходов, печатных прессов имело важные последствия для экономики, а изобретение автомобилей и аэропланов ознаменовало изменение человеческого общества, сравнимое с тем, которое принесли железные дороги. Но эти улучшения, хоть и такие явные и впечатляющие, скорее явились исполнением обещаний первой стадии промышленного капитализма, чем вехами второй стадии – стадии, которая продолжается и в 1960 г.

Социальная организация и основные идеалы промышленной организации в Соединенных Штатах перед Первой мировой войной во многом сходны с таковыми в Англии. США восприняли многие особенности британского общества, будучи при этом даже более замкнуты,веря чиновникам минимальные экономические и социальные функции и без явной, по крайней мере на севере, дифференциации социальных классов. Задолго до Американской революции финансовая изобретательность и рыночная смекалка были прочно усвоены в Новой Англии и штатах среднего Атлантического побережья, а механическая изобретательность янки не имела равных в мире. В таком обществе промышленный капитализм нового времени легко пустил корни, особенно когда железные дороги и речная навигация сделали доступными богатые залежи угля и железа в Пенсильвании и других внутренних регионах. Огромные природные ресурсы Соединенных Штатов и сравнительно малочисленное, но быстро растущее население обусловили сохранение до Первой мировой войны, и даже после, атмосферы бума, очень похожей на ту, которая существовала в Англии в 1790–1850 гг. Более того, индивидуалистические идеалы и практичность американских промышленников очень напоминали ранние этапы викторианской эпохи, покрывая легким налетом общественной благопристойности грубую реальность заводской жизни. Карьеры механиков и предпринимателей, таких как Томас Эдисон (ум. 1931) и Генри Форд (ум. 1947), повторяли судьбы Ричарда Аркрайта (ум. 1792) и Джеймса Уатта (ум. 1819) при больших финансовых возможностях и больших масштабах рынка как по числу участников, так и по географическому размаху.

Индустриализация Соединенных Штатов была значительно ускорена многочисленным и разнообразным потоком иммигрантов. К 1914 г. американский народ стал этнической лигой наций с преобладанием европейских

элементов, включением негритянского меньшинства и, по крайней мере символическим, представительством всех других больших ветвей человечества. Культурное многообразие этой смеси добавило своеобразные черты к общественному и психологическому напряжению перехода от сельской жизни к городской в период индустриализации. Американское решение этого вопроса основывалось на подчеркивании английского культурного наследия и политических прецедентов, затушевывая, по крайней мере на несколько десятилетий, разнообразие, которое принесли с собой иммигранты, и создав сравнительно гибкую основу, на которой могли взаимодействовать культурные различия разных слоев населения.

Индустриализация Соединенных Штатов отличалась от своего британского прототипа также тем, что здесь корпорации быстро стали обычной формой организации для бизнесменов. Для американских корпораций было характерно превращение в частные бюрократии, когда власть принадлежала скорее чиновникам-руководителям, чем собственникам, что ярко отличало такие корпорации от строгого индивидуализма, преобладавшего в Британии на первой стадии промышленного капитализма. Государственное регулирование частного бизнеса также показало, что мощные компании, такие как «Стандарт Ойл» Джона Рокфеллера, иногда перерастают размеры, допустимые для частной собственности даже в Соединенных Штатах. Но эти тенденции получили более полное развитие в Германии, где традиции прусского правительства заметно влияли на ход экономической жизни и где простые люди воспринимали государственных чиновников не как боровов, кормящихся за счет налогов, а как представителей трансцендентного явления, государства, в котором – по крайней мере в принципе, если не фактически, – частные интересы подчинены общему благу.

Индустриальное развитие Германии было очень похожим на процессы, происходившие в это время в Соединенных Штатах, частично потому, что обеим странам потребовались железные дороги, чтобы сделать доступными свои минеральные богатства, ранее отрезанные от переработки трудностями транспортировки из внутренних областей. Но относительно жесткая классовая система в Германии, мощное и популярное, почти мистическое, восприятие государства, превосходство германского образования, широкое распространение ремесленников, организованных в цеха, – все это гарантировало, что современная индустрия в Германии будет иметь моральный и социальный характер, отличный от такового в США и Англии.

Наиболее важным немецким новшеством было введение хорошо про-

думанного, сознательного управления процессом индустриализации. Это управление осуществлялось по трем различным направлениям, которые можно обозначить следующим образом: 1) техническое; 2) финансовое; 3) воспитание нового человека.

1. В сфере техники немцы ввели изобретательство в организационные рамки, сделав его структурированным, предсказуемым, повседневным. Крупная немецкая промышленность вышла на сцену, когда результаты химиков стали совпадать с теоретическим пониманием объекта их деятельности и помогли утверждению мнения о том, что технику можно бесконечно улучшать. Несомненно, немецкие химические и электрические компании были пионерами в создании промышленных исследовательских лабораторий, где работали получившие университетское образование специалисты, чьи исследования и эксперименты воспринимались не как результат деятельности вспомогательного подразделения, а как постоянная составляющая предприятия. Итак, несколько немецких корпораций институировали технические изобретения путем установления надежной связи между академической наукой и обычным фабричным производством. Вознаграждением стало мировое лидерство немецкой химической и электротехнической промышленности.

2. В финансовой области немецкое правительство установило зону продуманного управления, ограничений и контроля над рынком, который, как считалось, направлялся решениями британских промышленников. Итак, тарифы, и прежде всего точные тарифы на железных дорогах, использовали для поддержки отдельных предприятий и оборонной промышленности. До, но особенно после 1866 г., когда Пруссия впервые продемонстрировала, как достигнуть внезапного стратегического превосходства быстрой переброской войск, стали обращать внимание на потенциальное военное использование железных дорог. Необходимость быстрого развертывания войск вдоль границ стала важнее любой финансовой выгоды при определении направлений строительства новых железных дорог. Такое вмешательство в рыночные отношения позволило Германии не только добиться значительных военных преимуществ, но и после 1879 г., когда государство выкупило железные дороги у частных владельцев, развить необычайно эффективную транспортную сеть.

Правительственные агенты были не просто чиновниками, контролирующими развитие немецкой промышленности. При содействии государства возникло примерно полдюжины частных бюрократий, которые оказывали чрезвычайно большое влияние на рост немецкой экономики. Эти «частные» иерархии назывались банками. Их власть возрастала, поскольку они финансировали немецкую индустрию, предоставляя ей долговременные займы в

размерах, которые британские банкиры, неохотно вкладывающие деньги в машиностроение и строительство, отказывались предоставлять. Возможность получения таких займов сильно ускорила подъем немецкой промышленности после 1870 г. Но существовала и другая сторона этой медали – банки настаивали на праве голоса в финансируемых предприятиях. Это право обеспечивалось главным образом введением представителя банка в состав правления предприятия. Когда банк установил такой начальный симбиоз с различными индустриями и с многочисленными предприятиями, независимость отдельных фирм превратилась в фикцию. Точка зрения банкира национального или даже международного масштаба определяла решения управляющих.

Картели стали характерным выражением немецкого способа управления промышленностью, в котором главенствующую роль играли крупные банки. Главной целью картеля был контроль над ресурсами и отпускными ценами определенных групп товаров с целью увеличить прибыль для индустрии в целом и минимизировать колебания в потоке товаров и обслуживания. Было обычным явлением, когда устанавливалось соглашение о разделе рынка между всеми членами картеля, определяющее долю торгового участия и цены, так что часто один и тот же товар предлагали разным категориям покупателей по разным ценам. Детали варьировались в зависимости от рода промышленности, и в случае невозможности стандартизации продукта принцип картеля обычно не использовался. Но в угольной, стальной промышленности и других ведущих отраслях немецкие картели действовали со все возрастающим успехом.

Через картели немецкие финансовые и промышленные управляющие контролировали рынок (в определенных пределах), вместо того чтобы подчиняться ему. На первой стадии промышленного капитализма просто считалось, что колебания цен – естественное явление рынка, активность предприятий подстраивалась в зависимости от его роста или спада, подобно тому, как крестьяне испокон веков действуют в зависимости от погоды. Немецкие картели, конечно, также зависели от изменений на мировом рынке в годы, предшествующие Первой мировой войне¹², но введением планирования выпуска продукции и некоторой жесткости цен они достигли прежде недоступного контроля над финансовым климатом.

3. Даже в Германии перед 1914 г. прогресс в воспитании нового человека

¹² Благодаря сотрудничеству между французскими, голландскими, английскими и другими банкирами и промышленниками картели действовали в соответствии со своим принципом и за пределами национальных границ, регулируя поставки некоторых товаров перед Первой мировой войной.

был неровным. Тем не менее система немецких технических и профессиональных школ подготавливала людей более эффективно, чем любые другие в мире; да и законы социального страхования Бисмарка также ввели новый элемент целевого управления в миллионы человеческих жизней. Более того, теневые манипуляции Бисмарка средствами массовой информации также были вступительным шагом к контролю за мыслями, столь широко распространенному в наши дни.

Более важным, чем эти робкие первые шаги, в общенациональном масштабе было то, что владельцы-предприниматели быстро сдали позиции прослойке профессиональных управленцев, которые не только руководили заводами, фирмами, картелями и банками с уникальной эффективностью, но и определяли условия собственного существования, создав управленческую элиту со строгой внутренней дисциплиной и чувством локтя, совершенно отличными от индивидуалистического и ничем не прикрытого стремления к деньгам, характерного для британских бизнесменов начала XIX в. Члены немецкой промышленной и коммерческой элиты распределяли сами себя в аккуратную бюрократическую иерархию и вознаграждались за успехи и верность духу своей касты продвижением на высшие посты с расширением власти. Деньги сами по себе – награда и мера успеха на рынке – часто имели меньшее значение для таких людей, чем их ранг в обществе бизнеса.

Довольно узкая олигархия набирала своих членов из наиболее способных и дисциплинированных кандидатов путем продвижения их по службе под строгим контролем в течение всей жизни и этим очень напоминала пирамиду государственной бюрократии. Поэтому на деле промышленная и правительственная бюрократии частично перекрывали друг друга. В Германии государственные чиновники руководили железными дорогами, шахтами, телеграфом и телефоном, но в то же время доброжелательность государственных чиновников наиболее ярко проявлялась по отношению к частным корпорациям и достигала кульминации в активном и тесном сотрудничестве ключевых промышленных поставщиков с прусским генеральным штабом.

Воистину впечатляющие достижения технологий управления людьми в XIX в. сконцентрировались в военной сфере – и здесь бросалось в глаза немецкое лидерство. В посленаполеоновский период Пруссия была первым из европейских государств, которое сделало военное обучение (по крайней мере в принципе) обычным в мирное время, и успехи, которых добились прусские солдаты-резервисты, действующие во время войны по планам, предварительно разработанным офицерами, удивили всю Европу. После побед Пруссии над Австрией в 1866 г. и над Францией в 1870–1871 гг. все континентальные власти Европы поспешили последовать прусскому приме-

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ру. В результате первые недели Первой мировой войны представили удивительное зрелище огромных человеческих машин, состоящих из взаимозаменяемых частей, действующих совершенно нечеловеческим образом и движущихся в соответствии с предрешенными и неотвратимыми планами. Миллионы людей, составлявших соперничающие машины, поступали так, как будто они потеряли разум и свободу воли. В результате в августе 1914 г. десятки тысячи человек встретили свою смерть, ликуя и уйдя от реальности в автоматизм сомнамбулического героизма.

Последующие годы войны принесли гигантское слияние различных элементов германского общества, так энергично расширявшего рамки сознательного контроля над социальным действием. К 1917 г. после трех лет войны различные группы и элементы бюрократической иерархии, которые в мирное время действовали независимо друг от друга, оказались подчинены одному (и возможно, наиболее эффективному) из них – генеральному шта-

бу. Офицеры контролировали гражданских чиновников, персонал банков, картелей, фирм и фабрик, инженеров и ученых, рабочих, фермеров – любой элемент немецкого общества. И все усилия, не только в теории, но и на практике, были направлены на достижение победы в войне.

К 1917 г. картонная система и военные нужды заменили рыночные цены в качестве регуляторов распределения всех товаров первой необходимости. Расчеты потребностей в рабочей силе, сырье, транспорте и энергии преобладали над финансовыми контролем и расчетами. Научный талант также был мобилизован: например, для решения такой срочной программы, как фиксация атмосферного азота, без которого Германия не могла производить ни взрывчатые вещества, ни удобрения. Военная организация имперской Германии также распространилась, хотя и не так совершенно, на территории союзников или стран, завоеванных немецкими войсками. Концентрация мощи государства во имя целей государства таким образом превратилась, в рамках, поставленных австрийской расхлябанностью, бельгийской замкнутостью и балканской отсталостью, в международный тоталитаризм. Во время Первой мировой войны немцы быстро превзошли все другие нации в достижении максимальной концентрации и нивелирования человеческих и механических ресурсов для военных целей. Поражение в 1918 г. повлекло демонтаж военно-административной машины, которая была сердцем комплекса власти. Однако открытие возможностей того, чего могут достигнуть решительные, беспощадные и умные люди, вдохновленные корпоративной солидарностью и организованные в жесткую иерархию власти, намеренные сконцентрировать энергию и ресурсы всей нации на достижении целей правящей клики, не давало покоя одним, вдохновляло честолюбие других и означало наступление новой эры в мировой истории¹³.

Каждая западная нация имела свои нюансы в типе индустриализации, как и во всем другом. Как британские прецеденты и модели по-разному принимали на континенте в первой половине XIX в., так и немецкая модель более позднего периода этого столетия видоизменялась в зависимости от местных традиций, навыков, ресурсов и соревновалась с различными моделями, предлагаемыми Британией и/или Францией в Восточной и Южной Европе в начальной фазе промышленного капитализма. Но в 1917 г. промышленный капитализм лишь начал пускать корни за пределами Западной Европы и северо-востока Соединенных Штатов. Несмотря на значительное вли-

¹³ Автор работы: Thorstein Veblen, *Imperial Germany and the Industrial Revolution* (New York: Macmillan Co., 1915), возможно, более точно передает мою концепцию немецкого индустриализма, чем любая другая книга. Помогли также данные из J.H.Clapham, *The Economic Development of France and Germany, 1815–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1951).

яние на народы земного шара, промышленный капитализм был все еще экзотическим местным ростком, когда Первая мировая война грубо вдребезги разбила Новый режим Европы.

3. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В 1789 г. французские Генеральные штаты, преобразовавшись в Национальное собрание, провозгласили права человека и ввели эти права в новую конституцию. В связи с этим демократическая революция, впервые нашедшая свое заметное выражение в британских колониях в Северной Америке, перенеслась через Атлантику и под звуки фанфар укоренилась в самом сердце Европы. За фанфарами первых дней последовали более чем 20 лет салютов и фейерверков, в результате которых идеи революции распространились почти по всей Европе, а также воспламенили Южную Америку. Вплоть до Первой мировой войны перед европейскими политиками стоял вопрос, как приспособить унаследованное политическое разнообразие к идеям, недавно открытым во Франции, т.е. как секуляризировать, рационализировать и реформировать существующие учреждения в свете демократических принципов¹⁴

Сама Французская революция была соткана из противоречий. Не говоря уже о неизбежных компромиссах на практике, революционная теория, подытоженная в лозунге «Свобода, равенство, братство», была пронизана неоднозначностью. Но неоднозначность была и есть сутью всех хороших политических лозунгов, позволяя людям с различными точками зрения сплотиться, вопреки различиям, для активных действий. В этом отношении революционное движение во Франции вобрало в себя такие же многообраз-

¹⁴ Страстные эмоции и события, порожденные Французской революцией, а также позиция, мощь и важность Франции в западном мире после 1789 г. несколько затмили влияние более раннего американского примера. По этой причине лучше сконцентрироваться здесь полностью на Франции и воздержаться от обсуждения превратностей и триумфов демократических идеалов в Соединенных Штатах. В течение XIX в. развитие США было абсолютно самобытным в огромной степени благодаря их географическому положению. Американское развитие стало провинциальным, как это было в XVII в., но не в XVIII в. и не в XX в.

Даже Гражданская война 1861–1865 гг. мало повлияла на что-либо за пределами США. Рабство и крепостничество были отменены в большинстве стран Европы еще раньше, чем в Соединенных Штатах, за исключениями, подобными Кубе и Бразилии. Достижения военного дела в ходе Гражданской войны, которая предвосхитила некоторые особенности битв Первой мировой войны, прошли почти незамеченными. Через пять лет после окончания американской войны Пруссия дважды показала, как побеждать в ходе одной-единственной хорошо спланированной военной кампании. Имея перед глазами прусскую модель, профессиональные военные Европы и остального мира не видели причин изучать массированные передвижения американских граждан в мундирах.

ные человеческие мотивы, как и любые более ранние потрясения европейской истории, в том числе Реформация.

«Свобода» прежде всего может означать право большинства преодолеть все преграды своим желаниям. Благодаря несложному парадоксу «свобода» может означать даже право клики просвещать народ, используя обычные инструменты призывов и угроз, а при необходимости открыто прибегать к насилию для убеждения сомневающихся и искоренения врагов, сеющих в народе яд обмана. Но «свобода» могла значить и прямо противоположное – право личности совершать все, что она желает в самых широких пределах практически выполнимого, даже если его поведение неприятно или оскорбительно для большинства. Короче говоря, «свобода» могла означать как радикальное распространение, так и жесткое ограничение правительственной власти, и это слово регулярно вовлекалось в полемику для оправдания как той, так и другой политики.

«Равенство» и «братство» также включали в себя заметные противоречия. Значит ли «равенство» – равенство всех перед законом, так что все должны платить одни и те же налоги, соблюдать одинаковые ограничения и пользоваться одинаковыми свободами? Если так, действительно ли богатый человек равен бедному и голодному, готовому продать свое право первородства за пищу? Или настоящее равенство также требует уравнивания экономического статуса и перераспределения собственности? И будут ли богачи после революции равны перед законом, или они будут врагами народа, которых необходимо подавлять специальным законодательством? Что касается «братства», то все ли люди братья или только французы? Или, может быть, только правильно мыслящие люди – братья в окружении невежественных или замысляющих зло врагов? Или братьями являются только добродетельные и правильно мыслящие французы, тогда как даже разделяющие их убеждения представители других народов не могут быть членами братства? Эти метания были присущи Французской революции изначально и проявились более-менее ясно в ходе революционной борьбы, когда в рядах революционеров то и дело происходило дробление на фракции.

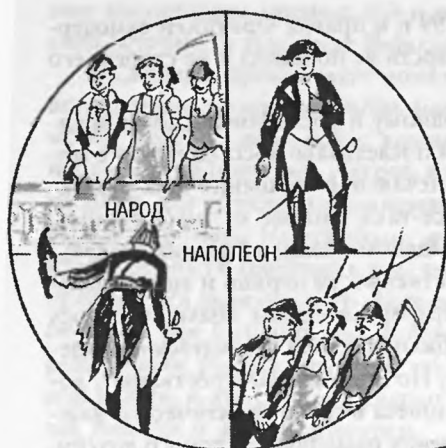
Нет необходимости подробно описывать здесь перипетии партийной борьбы и меняющихся коалиций как в самой Франции, так и за ее пределами во время революции. Достаточно сказать, что после краха конституции, написанной Национальной ассамблеей, и вспышки непримиримой вражды между революционной Францией и консервативными Пруссией и Австрией (1792 г.) развитие событий стало быстро приближаться к точке кризиса. К 1794 г. успехи на полях сражений спасли Францию от иноземного завоевания. Но военный триумф на фоне растущего замешательства и идеологического смятения открыл дорогу честолюбивым устремлениям Наполеона

Бонапарта, который захватил власть в 1799 г. и правил Францией самодержавно, пока коалиция европейских государств не победила и не свергла его в 1814–1815 гг.

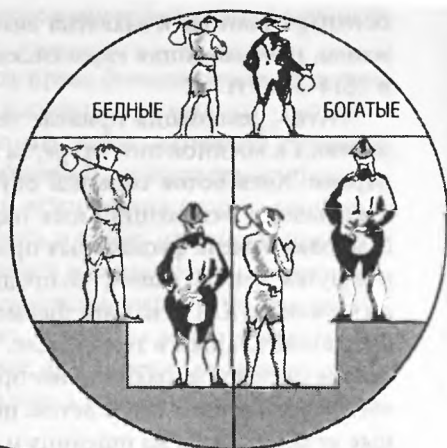
Итак, революция привела не к народному и республиканскому правлению, а к военной диктатуре, за которой последовало восстановление монархии. Хотя поток событий обусловил печальное крушение всех радужных надежд революционных партий, все-таки многие из них сбылись. Массовая отмена феодальных прав, распределение земель бывших владельцев путем конфискации, распродажа собственности церкви и знати сделали Францию XIX в. нацией фермеров. Перераспределение земли оказалось фундаментальным в том смысле, что стабилизировало французское общество и сделало революцию необратимой. Но практические крестьяне¹⁵, хозяйевая своей земли, жен и детей, погружившиеся в такие практические важные дела, как цены на пшеницу и определение размеров приданого дочери, были только частью революционных изменений. Городская жизнь с подавлением цехов и других древних узаконенных корпораций и монополий также изменилась. Само изменение управления государством и взаимоотношений между государством и отдельной личностью охватило жизнь как города, так и деревни и может быть упомянуто как наиболее важные достижения Французской революции.

Изменения в сфере политики находились в самом сердце революционных надежд. Они состояли в попытке создать правительство, приличествующее великому и свободному народу, миллионы которого сражались за свою революцию, погибая сотнями тысяч – по крайней мере так утверждали вожди революции. Жонглирование конституционными нормами, которое отмечает всю историю Франции 1790–1815 гг., подтвердило на практике и без всякого сомнения то, что раньше было лишь радикальной теорией: правительства действительно созданы не Богом или природой, а просто людьми. Конечно, консерваторы и либералы резко разошлись во мнении относительно того, доказали ли революционные опыты с конституцией, что созданное людьми правительство может служить людям лучше, чем Старый режим. Но было неоспоримым, что французы добились успехов сначала во время Республики, а затем под руководством Наполеона в мобилизации немыслимой энергии, обратив ее на служение национальному государству. Этот ас-

¹⁵ Экономическое предвидение наряду с равным разделом завещанного имущества, согласно Кодексу Наполеона, привело к тому, что французские крестьяне крайне не желали делить свою землю между большим числом детей. Поэтому они стремились ограничить численность своих семей. Сравнительно низкий прирост населения, замедлявший действительно быстрый темп индустриализации во Франции, стал одним из неожиданных долговременных последствий Французской революции.

СВОБОДА

РАВЕНСТВО

БРАТСТВО

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

пект Французской революции сделал из нее могучего близнеца промышленной революции, так как очень сильно повысил уровень возможностей для народов и правительств Запада.

Рассматриваемая в таком свете Французская революция выглядит удивительно похожей на восстановление движения к централизации и консолидации, характерного для французской монархии в средние века. Но революционеры действовали во имя нового и совершенно абсолютного монарха – народа. Теория, открыто провозгласившая верховенство прав и достоинства

простого народа с улиц или полей – и в некоторой мере осуществившая это, – также дала суверенному народу возможность требовать через своих официальных представителей нового служения и величайших жертв от отдельных представителей этого самого народа. Люди – граждане и хозяева своих собственных прав, переставшие быть слугами короля и знати, – стали прямо ответственны за судьбу государства. Любому увальню, который не признавал своих обязанностей, можно было напомнить о них. Упрямцев можно было даже принудить к свободе силой.

Итак, революционное французское правительство, вооруженное демократической теорией и прищипоренное острой нуждой в деньгах, товарах, людях, не задумываясь, преодолевало привычные сдержки и противовесы, уравнивающие абсолютную монархию во Франции во времена Старого режима. Ранее неоспоримые привилегии, права и иммунитеты были отброшены прочь головокружительной ночью 4 августа 1789 г. и никогда более не были восстановлены. Вскоре олигархические городские и аристократические провинциальные правительства вместе с запутанным клубком квазиправительственных столоначальников рассыпались, словно сами по себе, и были заменены сперва стихийными чрезвычайными комитетами, а в конце концов искусно подогнанной, рационализированной, унифицированной и прежде всего централизованной бюрократической администрацией.

Из всех корпоративных учреждений и привилегированных групп, которые выступали посредниками между центральной властью и личностью при Старом режиме, только церковь эффективно противостояла узурпаторству революционного правительства. Церковь потеряла свою земельную собственность (1790 г.), и взамен священники стали получать государственное жалование. Но это не сделало церковь ветвью правительственной бюрократии – власть священников и епископов не проистекала ни из верховной власти народа, ни из государства, а лишь из ее апостольского преемства. Радикальные попытки вытеснить христианство путем создания религии разума потерпели полную неудачу, и усилия правительства по демократизации церкви путем назначения на религиозные посты кандидатов в соответствии с желанием народа, выраженном через свободные выборы, не имели успеха. Гражданская конституция духовенства, которая стала законом в 1790 г., пробила во французском обществе трещину, существующую до сих пор. Те, кто отвергал, и те, кто поддерживал усилия сделать церковь более близкой демократическим принципам, оказались неспособными прийти к согласию. Каждая сторона вызывала сильные чувства, оправдываемые интеллектуально цельными, но совершенно несовместимыми теориями.

Конкордат 1801 г., которым Наполеон заключил мир с папством, не смог соединить края этой раны. Непосредственно в посленаполеоновский период

римская церковь везде стала оплотом реакции, соперничая в последовательном консерватизме только с государственными протестантскими церквями. Тем не менее во время демократической революции была достигнута некая разновидность победы даже над клерикальными реакционерами. В большинстве стран католической Европы еще до конца XIX в. защиту целей и прерогатив церкви взяли на себя не только прелаты и монархи, полные страха перед революцией, но и политические партии и ассоциации мирян – например, католические профсоюзы, – которые стремились получить широкую народную поддержку и во многих случаях принимали прямое участие в парламентских процессах.

На заре революции такой проблеск в разрешении революционного конфликта между демократической и католической доктринами сильно отдавал дряблым иррационализмом Старого режима и поэтому был просто невыносим. Можно сказать, что, все отрицая, революция стремилась разрушить общественные институты, стоявшие между гражданином и «его» государством. Такие корпоративные посредники воплощали в себе то, что революционеры обычно называли «привилегиями». Однако, разрушая привилегии, революция в действительности поляризовала французское общество намного сильнее, чем прежде, между централизованной бюрократией, державшей в руках всю полноту власти, объявившей себя исполнительницей воли национального государства, и миллионами свободных, равных и, по определению, братских граждан Франции.

Обязательная служба в армии, которой потребовало революционное правительство от всех граждан Франции, ранее была бы расценена как нарушение «свобод» свободного гражданина. Всеобщая воинская обязанность была введена как чрезвычайная мера декретом, изданным в тревожном 1793 г., когда революции грозила опасность. Позднее она была организована префектами и полицией Наполеона, пока Франция не была обескровлена последними катастрофическими императорскими военными кампаниями. То, что было введено как отчаянный последний призыв к гражданским чувствам, таким образом, превратилось в молохоподобную машину, перемалывавшую тела граждан независимо от их воли и желания и питавшую ими французские армии в таком масштабе, что они почти на два десятилетия стали грозой Европы.

Однако миллионы французов добровольно служили под победоносными знаменами Наполеона и его маршалов, и почти все они испытывали захватывающую гордость от чувства принадлежности к могучей нации, которая, подобно колоссу, возвышалась над Европой от Кампоформио (1797 г.) до Ватерлоо (1815 г.). Поэтому, когда конституционные преобразования На-

полеона ограничили законодательную ветвь власти до состояния послушной беспомощности – таким образом закрывая путь, которым, согласно демократической теории, должна была выражаться воля народа, – большинство французов едва ли жалели о том, что и так находило мало сторонников. Голос свободы, вверенный избранным законодателям, за время короткого периода, когда они были вольны выражать свои мысли, стал более походить на визг всплывших школьников, чем на священные речи суверенного народа, так самонадеянно предвосхищенного последователями Руссо.

Ни полиция, ни префекты Наполеона и сменившего его короля из династии Бурбонов не могли установить связь между властью и народом на дореволюционной основе. Народ Франции уже произнес многомиллионными устами слова о том, что власть принадлежит ему, и слишком многие верили в это, чтобы этим мнением можно было пренебречь. Конечно, правители всегда исполняли что-то из воли и желаний своего народа. Но в большинстве случаев достаточно точное традиционное разграничение ролей правителя и подданных позволяло и правителю, и подданным игнорировать друг друга, пока сохранялись установившиеся общественные связи – традиционный сбор налогов, церемониальные знаки почтения, щедрые королевские дары и т.п.

Уже во времена Старого режима привычные определения политических ролей были довольно неточными. Короли и министры выказывали интерес к таким некоролевским, с точки зрения их коллег в иных краях и в иные времена, делам, как коммерция и промышленность, в то время как купцы и другие простые люди бесцеремонно интересовались делами власти и иногда даже влияли на их. Но даже во время размыwania границ традиционных взаимоотношений при Старом режиме король все еще оставался королем по воле Божьей и его подданные оставались по воле Божьей подданными.

Доказав, что простые люди могут сознательно создавать и разрушать политический порядок, революция вдребезги разбила традиционную основу власти. Когда человек, а не Бог оказывался, пусть и в малой мере, ответственным за политические отношения, правители больше не могли беспечно полагаться на автоматическое принятие их привычного статуса. Наоборот, они должны были постоянно оправдывать свое существование перед обществом. Но эта политика была и ловушкой – неисполненные обещания и преданные принципы опасно застревали в памяти людей и оборачивались против тех, кто пришел к власти с помощью опрометчивых обещаний. С другой стороны, консервативные правители, отказывающиеся обращать внимание на новомодные идеи и шире привлекать подданных к делам власти, позволяли другим завоевывать симпатии своих подданных, тем самым уве-

личивая риск открытого восстания, как это показали события 1830-го и 1848 г. Успешными оказывались только те правители, которым удавалось вызвать симпатии, энтузиазм поддержки, чувство добровольного самопожертвования у значительного числа людей – с помощью парламента, плебисцитов или харизматической легенды. Стабильно управлять государством без взаимопонимания между правительством и народом стало сложно, а выполнив это условие, европейские правительства могли использовать гораздо большую часть общей энергии населения, чем прежде¹⁶.

Новые тесные отношения между народом и властью были настоящим секретом Французской революции. Только когда европейские монархи научились у той же революции привлекать на свою сторону массовые симпатии, они оказались способны собрать силы, достаточные, чтобы свергнуть власть Наполеона. И как бы ни старались короли и министры Европы дистанцироваться от слишком тесных объятий народа, они больше никогда не могли игнорировать этот новый фактор управления государством.

Таким образом, в XIX в. власть была или слишком усилена, или слишком ослаблена прививкой демократических принципов и претензий. С одной стороны, власти могли оказаться в тяжелом полупарализованном положении из-за неконтролируемых распрей среди населения страны, как это произошло в Австро-Венгрии. Но иногда монарх или министр мог так мастерски играть на чувствах публики, что это стимулировало чрезвычайные успехи, как это было в случае с Бисмарком. Главным образом усиление власти наблюдалось в Северо-Западной Европе. На юге и востоке континента демократические идеи сеяли сомнения и ослабили относительно, если не абсолютно, империи Австрии и России, созданные на сухопутных границах Европы в XVIII в.¹⁷

Восточно-европейские империи в целом по сравнению с западными дер-

¹⁶ Несколько городов-государств в классической античности и в средние века достигли такой интеграции народа и правительства, которую не смогли превзойти европейские национальные государства XIX в. Заслуживает внимания тот факт, что некоторые французские революционные лидеры обожествляли республиканские добродетели, прославленные на страницах трудов латинских историков, и желали создавать Францию по образцу древнего города-государства Рима.

¹⁷ Указанный факт наряду с географически определенной сферой воздействия промышленного капитализма на столетие или даже больше изменил равновесие влияния государств Западной и Восточной Европы – равновесие, которое в последние десятилетия существования Старого режима одновременно с попытками России не отстать от других европейских государств в политической организации явно начинало склоняться на Восток. Крымская война (1853–1856 гг.), в которой французские и британские экспедиционные войска одержали победу над Россией на ее собственной территории, наглядно показала, что ситуация полностью изменилась.

жавами намного отставали в таком вопросе, как пробуждение энергии действий среди своих поданных. Причина заключалась в том, что государства Западной Европы добивались таких грандиозных успехов, поскольку общественное положение среднего класса в них было намного более активным, чем где-либо. Юристы и доктора, купцы и финансисты, владельцы фабрик и рантье действовали как главный приводной ремень, соединяющий правителей и широкую общественность, заботясь о том, чтобы первые слышали дискуссии вторых. Там, где такие группы были многочисленны, богаты и обладали групповым самосознанием, было возможно достигнуть эффективного партнерства между властью и народом. А там, где они были слабы и робели в присутствии высших классов общества, такого партнерства не возникало. Наоборот, чиновники и аристократы продолжали осуществлять власть даже тогда, когда, как в Австрии после 1867 г. и в России после 1906 г., парламентаризм ограничил бюрократическое государство. Таких полумер оказалось совершенно недостаточно, чтобы установить эффективное сотрудничество между правителями и управляемыми ни в Австрии и России, ни в Османской империи. Наоборот, во имя языкового национализма народные политические движения разорвали на клочки социальную и политическую ткань Восточной Европы¹⁸.

Приблизительно после 1870 г. Новый режим, провозглашенный Французской и промышленной революциями, постепенно все больше стал уподобляться вытесненному ими Старому режиму. В Западной Европе средние

¹⁸ Свободное и демократическое устройство не требует совпадения лингвистических, патриотических и административных границ, доказательством чему могут служить немецкоязычные французы Эльзаса и франкоязычные бельгийцы и швейцарцы. Но в Центральной и Восточной Европе, где географическое смешение различных лингвистических групп было чрезвычайно сложным, идея о совпадении языковых и политических границ пользовалась огромной поддержкой.

Характерная неуверенность, возникавшая из крушения сельского образа жизни, существовавшего с незапамятных времен – в большой степени как побочный продукт распространяющегося промышленного капитализма, – придала особую эмоциональную энергию национализму конца XIX в., напоминая силу подобной неурегулированности социальных отношений в период Реформации. Националисты Восточной Европы пытались распространить свои идеализированные представления о жизни тесной сельской общины на весь народ. Полная несостоятельность национального самоопределения как средства достижения такой идиллии стала совершенно очевидной после Первой мировой войны, и окончание острой фазы начального становления индустриализированного мира может объяснить значительное ослабление языкового национализма как составной части живой ткани европейской политической жизни после Второй мировой войны. Опасный и иногда политически разрушительный национализм в Африке и Азии после 1945 г. в этом отношении повторил более ранний европейский опыт.

классы заняли центральное место в обществе и политике, разделяя власть с чиновничеством (формируемым в большей степени из представителей среднего класса) и составляя различные декоративные соглашения с остатками аристократии. Идеологический раскат грома Французской революции повсеместно был приглушен прагматическими компромиссами. Различные католические партии, образованные с санкции папы, стали входить в состав парламентов, и даже диктаторски настроенные аристократы, такие как Бисмарк, научились играть в парламентские игры. Социальные противоположности, которые недавно казались несовместимыми, нашли почву для соглашения.

Одновременно стала все больше разрастаться новая группа привилегированных корпораций в форме акционерных компаний с ограниченной ответственностью. Власть и сила таких компаний часто была огромной, и некоторые из них стали настоящими государствами в государстве. Союзы рабочих также начали бороться за почти неограниченную власть над своими членами или по крайней мере стремиться к ней. И некоторые наиболее идеологически выраженные политические партии, самая известная из которых Немецкая социал-демократическая партия, превратили свою организацию в образ жизни. Такое размножение полуавтономных групп в структуре национального государства явно препятствовало полноте политической власти. Ряд прагматических и нелогичных компромиссов между соперничающими интересами идеологий стал таким сложным, что любое изменение могло опрокинуть всю структуру, как это произошло из-за множества различных интересов и идей во время Старого режима. Более того, напряжение Первой мировой войны взорвало эти компромиссы так же, как ранее Французская революция разрушила равновесие европейского Старого режима, а еще ранее средневековое здание Европы было опрокинуто Реформацией¹⁹.

В ретроспективе легко определить критическую слабость в политическом равновесии, которое возникло в 1870–1914 гг., поскольку несмотря на установившийся баланс интересов и компромиссов между принципами, не были учтены интересы двух стратегически важных групп. Меньшую, но более четкую составляло образованное меньшинство Восточной Европы, которое, получив западное образование и проникшись европейскими теориями, оказалось отчужденным от социальных отношений своей родины. Крайние и весьма разнообразные социальные взгляды таких людей, вскормленные чувством изоляции и отчаяния, поддерживали вулканическое кипение револю-

¹⁹ Возможно, работа: Bertrand de Jouvenel, *Du Pouvoir: histoire naturelle de sa croissance* (Geneve: Éditions du cheval ailé, 1945) внесла наиболее значительный вклад в науку этим анализом Французской революции.

ционных порывов под поверхностью жизни в Восточной Европе и особенно в России.

Вторая группа сложилась в более индустриализованных странах Западной Европы, где фабричные рабочие не всегда желали принимать политическое лидерство среднего класса. С середины XIX в. марксисты и другие предложили промышленным рабочим видение общества, основанное на их собственном опыте и интересах. Поэтому не удивительно, что с 1870-х гг. социалистические аргументы и воззвания начали привлекать все больше людей, особенно в Германии. Несмотря на весь словесный гром, с которым марксисты осуждали капитализм и буржуазное правление, в своей основе они еще придерживались ценностей и структур демократизированного и достигшего компромиссов национального государства, которое возникло из слияния французской революционности с более старыми политическими традициями. Единодушие, с которым все, кроме российских социалистов, поддержали войну 1914 г., подтверждает это суждение.

Роковое стечение обстоятельств в политической эволюции отличало Россию от западных стран. В 1890-х гг. идеологический экстремизм, задолго до этого существовавший в России, нашел свое конгениальное выражение в марксизме. Одновременно разрушение извечного сельского уклада и возникновение современной промышленности начали изменять крестьянскую косность, которая приводила в отчаяние мятущихся российских разночинцев в начале XIX в. Инициатива государства в деле отмены крепостного права и строительства железных дорог, предприимчивость помещиков, стремящихся ввести технические и другие улучшения в сельском хозяйстве, – все это в сочетании с ростом населения привело в движение сельские массы. Когда это произошло, интеллигенция, так долго страдавшая от «темноты и глухоты» крестьянства, оказалась лицом к лицу со слепым рассерженным гигантом, необоримо стремящимся к свету. Городские условия также стимулировали изменения, так что царский режим, который никогда не смирился даже с Французской революцией, обнаружил, что ему бросили вызов как либералы, так и социалисты, недовольство которых существующими порядками коренилось в жизни города и деревни. Проигранная война с Японией, а затем еще большие неудачи в войне с государствами Центральной Европы привели к выходу на поверхность противоречий русского общества, результатом чего стали революция 1905–1906 гг. и намного более масштабная революция 1917–1922 гг.

4. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Активность художников и интеллектуалов на Западе в 1789–1917 гг. была очень интенсивной и выразительной как в качественном, так и в количественном разнообразии. Ставя под сомнение то, что до сих пор считалось бесспорным, и стремясь по мере обретения новых истин к еще более новым рабочим гипотезам, европейцы ослабили или разрушили многие старые связи, которые систематизировали их искусство и руководили им в течение столетия или даже тысячелетий. Так по крайней мере кажется, глядя из 1960-х гг.

С другой стороны, культурные связи с отдаленными эпохами могут быть частично иллюзорными. Многое из многообразия и потока просто утеряно и забыто, поскольку искусству и мысли, чтобы выжить, необходимо пройти через фильтр вкусов последующих поколений. Более того, чем дальше исторический взгляд, тем менее различимы страсти, сомнения, противоречия на фоне более крупных событий – почти так же, как взгляд с высоты птичьего полета, размывая детали, может превратить пейзаж в карту. Через несколько столетий главные линии художественного и интеллектуального развития XIX–XX вв. могут предстать такими же отчетливыми, как и для любой другой эпохи.

Забыв о такой перспективе, легче констатировать распад хорошо знакомых связей и ценностей, чем предчувствовать и постигнуть проявления нового – если оно действительно готово появиться. Конечно, разрушение прошлого Запада или освобождение от него достаточно очевидно. К 1917 г. ведущие художники отказались от соблюдения требований перспективы, в рамках которых европейское художественное видение существовало начиная с XV в. Физики модифицировали ньютоновские законы движения, придерживаясь которых, европейская научная мысль двигалась вперед начиная с XVII в. Даже «фирменное» интеллектуальное достижение XIX в. – эволюционное видение мира – взорвав все традиционные моральные и эстетические стандарты, низвело западную мысль на уровень раненой гиены, грызущей свои внутренности на виду у всех. Тем не менее взрывная энергия, которая проявилась таким разрушительным образом, была также освобождающей силой для новых художественных, научных и философских взглядов, которые возникли в начале XX в.

В живописи техники и приемы линейной и воздушной перспективы для создания иллюзии трехмерного пространства использовали задолго до 1789 г., и для современного вкуса лишь немного, вышедшее из-под кисти тех, кто

Институт изобразительного искусства. Мемориальное собрание Хелен Берч Бартлетт
(Art Institute of Chicago. Helen Birch Bartlett Memorial Collection), Чикаго.

ЕВРОПЕЙСКИЙ НОВЫЙ РЕЖИМ

Городская идиллия, изображенная на картине Жоржа Сера, созданной между 1884-м и 1886 г., как зеркало отражает стиль жизни новой европейской системы, когда средний класс Франции и других европейских государств мог позволить себе отдохнуть в воскресенье в середине лета, гордый и довольный высотами цивилизации, окружающими его. Техника Сера, состоящая в создании изображения с помощью множества разноцветных точек, была задумана как научный эксперимент, основывающийся на новых теориях света и цвета. Но отказываясь от оптической точности более старых европейских традиций, Сера также дал выход растущему недовольству унаследованными формами искусства.

Бюст Жоржа Клемансо, созданный Роденом до начала Первой мировой войны (1911 г.), предлагает более высокий уровень неопределенности и беспокойства. Грубо вытесанные, неотполированные скульптурные формы здесь служат средством для изображения бесконечной усталости духа, возникшей, когда революционные истины «Свободы, Равенства, Братства» потеряли свою ясность и силу.

Роден (Phaidon edition).

продолжал придерживаться этих принципов, кажется важным и полным жизни. Эксперименты со светом и цветом в середине XIX в. дали импрессионистам набор новых изобразительных средств, но только в следующем поколении Винсент Ван Гог (ум. 1890), Поль Гоген (ум. 1903), Поль Сезанн (ум. 1906) освободились от рамок строгих ограничений, налагаемых требованиями правил перспективы и реалистичной цветопередачи. Полный и окончательный отказ от техники Возрождения для создания иллюзии трехмерного пространства произошел уже в деятельности следующего поколения, непосредственно перед Первой мировой войной, когда несколько авангардистских художников в Париже отказались от устоявшихся общепринятых условностей ремесла во имя новой, личной точки зрения, с самого начала почти непостижимой умом и часто не признающей ничего более важного, чем мгновенная причуда или шуточный эксперимент.

Тем не менее, как и любое великое искусство, живопись десятилетия, предшествовавшего Первой мировой войне создала выдающееся зрительное воплощение тенденций, лежащих в самом сердце культурной вселенной западного человека. Лучшие образцы предложили художники, которые произвольно вырвали фрагменты зрительных ощущений из привычного контекста и затем произвольно скомпоновали их в новом порядке, не имеющем никакой связи с внешней реальностью. Но такое дробление привычного, часто сочетая несочетаемые с общепринятой точки зрения части в точности отразило то, что случилось с жизнями миллионов людей во время и после Первой мировой войны. Поэтому кажется, будто несколько необычайно чувствительных душ предощутили неминуемый грядущий развал режима западной цивилизации, более не являвшегося Новым, и таким образом символически стремились поведать о грядущем с помощью искусства.

Сейчас ретроспективно кажется очевидным, что все сооружение западного общества, неидеально подогнанное в течение XIX в. к реалиям промышленного капитализма и идеям демократии, стало крениться и рушиться даже перед 1914 г. Война 1914–1918 гг. привела в движение огромные глыбы традиций и общепринятых норм поведения, подобно тому, как Ледовитый океан взламывает лед весной – каждая плавучая льдина тверда и распознаваема, как винные бутылки и гитары на картинах Пикассо, и каждая способна к движению и к сочетанию – как те же бутылки и гитары – вместе с другими движущимися фрагментами разрушенного прошлого. Лед еще не застыл, и нескоро еще начнутся новые морозы; и усилия тоталитарных диктатур реорганизовать культурную вселенную с помощью произвола и специальных декретов пока принесли мало успеха. Ни интуитивные, ни рассудочные усилия художников XX в. реорганизовать видимую реальность,

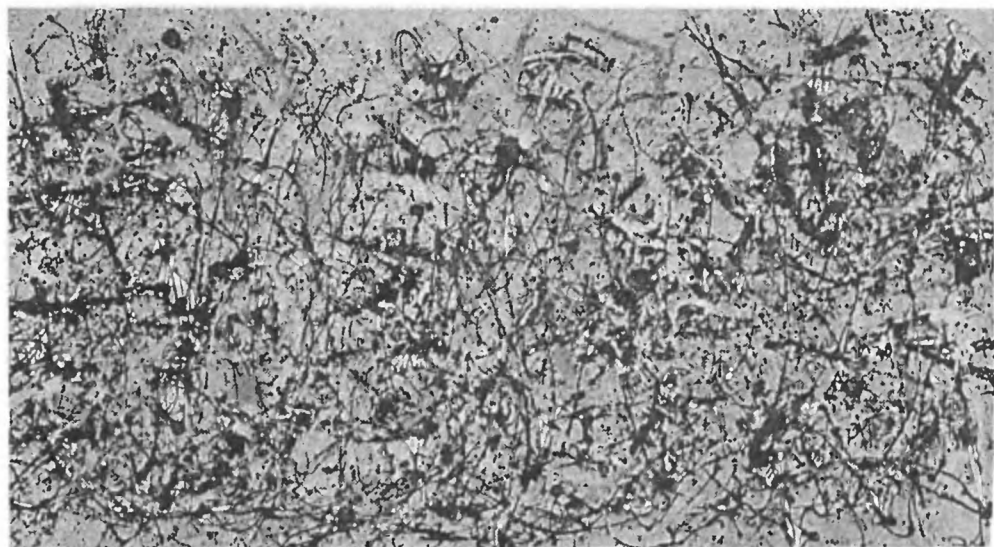
к чему они так стремились, кажется, не привели к достижению длительных стилистических успехов, что также, возможно, стало мистическим зеркалом, в котором правдиво отразилось общество.

Среди искусств музыка находилась на противоположном полюсе по отношению к живописи, но ее развитие в 1789–1917 гг. было схоже с развитием живописи. В начале этого периода музыка, еще не исчерпавшая возможностей восьмитонового гармонического ряда, позволявшего множеству разных инструментов играть вместе в любых комбинациях и по отдельности, начала быстрое развитие. Людвиг ван Бетховен (ум. 1827), Иоганн Брамс (ум. 1897) и Рихард Вагнер (ум. 1883), как и множество менее известных композиторов, превосходно использовали эти возможности. Однако перед началом Первой мировой войны несколько безвестных европейских композиторов начали экспериментировать с размерами и гармонией, выходя за пределы унаследованных традиций. В то же время в затерянных американских притонах другие местные экспериментаторы слили африканские ритмы с западным звучанием, явив столь же резкое, хотя и не столь сознательное, отступление от классической традиции. Атональность и джаз, хотя они и произошли от противоположных крайностей – интеллектуальной и чувственной, – тем не менее (подобно прямым линиям в неевклидовом пространстве) встретиться в точке, полярно противоположной правилам гармонии и ритма, как их определяла европейская музыкальная традиция начала XVIII в.

Различные направления литературы и таких базовых искусств, как скульптура и архитектура, находились где-то между крайностями: преждевременным энтузиазмом, с которым художники отвергли старые правила их ремесла, и высокомерным равнодушием, с которым почти все европейские музыканты встретили эксперименты с джазом и атональностью. Нетрудно найти предшественников радикального отхода. Достаточно назвать таких столпов литературы, как романиста Марселя Пруста (ум. 1922), драматурга Артура Шнитцлера (ум. 1932) или поэта Александра Блока (ум. 1921), вспомнить грубо высеченные скульптуры Огюста Родена (ум. 1917) и драматически упрощенные формы ранних скульптур Константина Бранкузи (ум. 1957). Одновременно в архитектуре фантазии из кривых линий и цемента Антонио Гауди (ум. 1926) и парящие надменными небоскребы Луиса Салливена (ум. 1924), созданные с использованием стального каркаса здания, отрицали традиционные ограничения, навязанные частично вкусами и частично техническими возможностями старых строительных материалов и методов. Но до Первой мировой войны такие люди были исключением. В Западной Европе главный поток литературы, скульптуры и архитектуры оставались в

Музей современного искусства (Museum of Modern Art).

Метрополитен-музей изобразительного искусства. Фонд Джорджа А. Херна, 1957 (Metropolitan Museum of Art, George A. Hearn).

МУЧИТЕЛЬНЫЕ СОМНЕНИЯ XX ВЕКА

Фрагментарная карикатура зрительного восприятия у Пикассо и абстрактные пятна краски Джексона Поллока сходятся в нескрываемом отрицании техники и условностей европейского искусства и разделяют беспокойство и неистовство духа, которое можно найти в истории европейского искусства разве что в живописи Иеронима Босха (см. главу XI). Опыт XVI в., когда на европейском Дальнем Западе в муках рождалась новая история, представлял наиболее острый шок, испытанный европейским культурным порядком до того, как идеи и события XX в. превратили столько старых несомненных истин в спутанный клубок сомнений и страхов, зрительно ярко выраженных в этих двух картинах.

привычном русле, проложенном большей частью в XV–XVI вв., когда впервые были установлены национальные литературные языки и набор ренессансных скульптурных и архитектурных тем.

Однако в России очень мощная литература, в которой первым светилom был Александр Пушкин (ум. 1837), в течение XIX в. подошла к вершине своего совершенства. Почти все великие русские писатели демонстрировали противоречивое отношение к культурным традициям Западной Европы²⁰. Тот факт, что многие западноевропейцы после 1917 г. начали чувствовать подобную же неопределенность в своих отношениях к культурному наследию, значит, что в творчестве русских писателей XIX в. (подобно Фукидиду в Афинах в V в. до н.э.) начали звучать поразительно современные ноты. Федор Достоевский (ум. 1881), например, превзошел многое из того, что кажется характерным для XX в. Это не так удивительно, как кажется на первый взгляд, поскольку разрушение русской культурной самобытности в результате революционных реформ Петра Великого поставило россиян психологически впереди западно-европейских наций, чья культура сохранилась дольше. Поэтому, в то время как западноевропейцы еще не сомневались в прирожденном превосходстве своего культурного наследия, поколение русских интеллектуалов времен Достоевского нашло невозможным легко и автоматически принять какую-то одну культурную вселенную. Достоевский и многие другие стремились и отвергнуть, и принять достижения западной цивилизации, одновременно и высоко оценивая, и презируя особенности, которые отличали Россию от Запада. Такое напряжение могло быть преодолено только воссозданием, пусть субъективным, культурной вселенной. Но такой путь после мучительного выбора – даже если это неудовлетворительный психологический суррогат безоговорочной веры в неразрывность культурного преемства – может тем не менее явиться крайне плодотворным для высокого искусства и глубокой мысли. Русская литература XIX в. отразила превосходство и недостатки этой ситуации, как и нашей собственной, превзошла многие характерные особенности западной литературы XX в.

Западная наука переживала такой же период беспокойства, как и западное искусство. В период между Французской и Русской революциями физики и их научное окружение разработали мировоззрение исключительной силы и строгой красоты – мировоззрение, которое соединило огромность видения с мельчайшей точностью деталей и которое, более того, было под-

²⁰ То же самое справедливо, хотя и не в таких острых формах, и для американских писателей, например Марка Твена (ум. 1910).

тверждено экспериментами и новыми технологиями. Главные направления этой научной структуры были установлены в XVII в., когда физики сконцентрировали внимание на изучении материи в движении, сперва в классической форме. Но в течение XIX в. размах и сложность их теоретических систем были так громадно расширены, что люди стали мечтать о возможности представить так же широко все знание.

Научные знания развивались в двух направлениях: 1) открытия новых законов, которые объединяли в одно большое целое ранее представлявшиеся несвязанными явления; 2) применения уже известных законов физики к новым классам явлений. Первое направление дало такие достижения, как закон Джеймса Джоуля (ум. 1889), установившего взаимоотношения между работой и теплом, и математическое обобщение Джеймса Кларка Максвелла (ум. 1879), который объединил различные формы уже известной лучистой энергии (свет, лучистое тепло и т.д.) в континуум электромагнитного излучения. Второй путь привел к применению методов и теорий экспериментальной физики к таким наукам, как химия, астрономия, биология, генетика и геология, – в каждом случае к сознательно ожидаемому успешному результату.

Эти достижения стремились свести явления к некоему количеству проявлений в пределах математически сконструированной вселенной, определяемой четырьмя основными условиями – материей, энергией, пространством и временем. До публикации в 1905 г. первой работы о теории относительности Альбертом Эйнштейном (ум. 1955) время и пространство оставались математически однородными и абсолютными сущностями, предложенными Галилеем и сформулированными Ньютоном. Концепция материи, с другой стороны, хоть и с различными затруднениями, к концу XIX в. подверглась значительному совершенствованию и потеряла свою незыблемость. В начале XIX в. ученые отделили понятие молекулы от понятия атома и к середине века разработали методы анализа атомной структуры молекул со все возрастающей точностью. К концу столетия химии и физики объединили усилия, чтобы проникнуть в атом, который все еще определялся как конечное, неделимое состояние материи. В первом десятилетии XX в. электроны (открытые Джоном Джозефом Томпсоном; ум. 1940) заменили атомы в роли конечных строительных блоков материи, и при этом «неделимый» атом превратился в миниатюрную Солнечную систему с электронами, двигающимися по планетным орбитам вокруг твердого (или сравнительно плотного) ядра.

Метод, благодаря которому ученые XIX в. превратили обычную твердую материю в облако все более мелких и всегда широко рассеянных частиц, соответствовал методу, с помощью которого они сделали саму энергию бо-

лее осязаемой. Сам термин «энергия» потребовал совершенно нового определения. Точные вычисления²¹ установили энергетическую равнозначность между такими явно отличающимися явлениями, как химические реакции, движение видимых частиц, движение молекул и электронов, тепло, звук, свет, магнетизм и вновь открытыми видами излучения, такими как радиоволны и рентгеновские лучи. Принцип сохранения энергии при любых изменениях физического состояния был умозрачительно предсказан Германом Людвигом Фердинандом фон Гельмгольцем (ум. 1894) в 1847 г. Каждое открытие, совершаемое в следующей половине XIX в., явно подтверждало этот принцип и предоставляло его новые примеры.

Метаморфозы неразрушимой материи, которые так успешно происходили под контролем химиков, кажется, имело явные параллели с преобразованием некогда считавшейся неразрушимой энергии, которая стала специальным объектом исследования физики. Разделение материи и энергии в пространстве и времени определяло мир физики в XIX в. Это был комфортабельный интеллектуальный мир, немного закрытый для эмоций. Осторожно определяемые термины и осторожно проводимые вычисления и экспериментальное подтверждение математически оформленных гипотез – все это было элегантно выражено в закрытых и логически самосогласованных системах, которые искусно и точно объясняли все физические явления – с некоторыми приводящими в замешательство общеизвестными исключениями.

К концу XIX в. эти приводящие в замешательство исключения начали множиться, и многие концепции классической физики стали совершенно неясны. В некоторых обстоятельствах энергия представляла как излучение частиц, проявляясь только в постоянных «квантах» – термин, предложенный Максом Планком (ум. 1947) в 1900 г. Материя оказалась способна в некоторых случаях распадаться и в некоторых процессах излучать мощную радиацию – явление, впервые наблюдавшееся Антуаном Анри Беккерелем (ум. 1908) в 1896 г. И еще труднее было разобраться кому-либо, за исключением нескольких физиков, как связаны время и пространство. Впервые решение этой задачи предложил Эйнштейн в своей теории относительности (1905 г.), попытавшейся объяснить (помимо всего прочего) постоянство скорости распространения света в любом направлении, даже когда она рассчитывается наблюдателем, стоящим на быстро движущейся платформе, например на движущейся по своей орбите Земле. Такое постоянство скоро-

²¹ Плюс некоторые чисто метафизические изобретения, подобные «потенциальной» энергии, которую придали случайной книге на каминной полке для того, чтобы объяснить, откуда черпается энергия, необходимая для ее падения.

сти в 1887 г. наблюдал Альберт Михельсон (ум. 1931) и его коллега Эдуард Уильямс Морли (ум. 1923). Это казалось фундаментально несовместимым с концепцией Ньютона об абсолютности пространства и времени, ведь в соответствии с обычной логикой лучи света, распространяющиеся в том же направлении, в котором движется Земля, должны двигаться быстрее, чем лучи, распространяющиеся в противоположном направлении, поскольку скорость Земли должна быть прибавлена к абсолютной скорости лучей в одном случае и вычтена в другом.

Неожиданная развязка этих противоречий растворила элегантную ясность физики XIX в. Материя, энергия, время и пространство – четыре основные составляющие, на которых основывалась вся структура, – стали необъяснимы с точки зрения классической физики. В результате к моменту, когда Первая мировая война разорвала Европу, недостаточно хорошо понимаемая система материя–энергия, казалось, мистически превратилась в любую из различных пространственно-временных координат – евклидову, гиперболическую или сферическую, а может быть, и в несколько одновременно.

Более того, онтологический статус материи–энергии был далек от ясности. Электрон, открытый в 1897 г., быстро породил стаю других субатомных частиц. Квант энергии Планка оказался таким же плодовитым, и два переходящих друг в друга понятия – «волна–частица» и «частица–волна» слились так, что их невозможно было описать в привычных терминах трехмерного мира. Еще более сомнительной была применимость к действительно существующей Вселенной сети координат, разработанной для априорного вычисления пространства-времени.

Для человека, не принадлежащего к кругу физиков, все это выглядело так, будто метафизика и мистика перенесли от алтарей в лаборатории, ловко подтвердив свое древнее превосходство над математикой. Для обычного здравомыслящего человека все это выглядело каббалистической бессмыслицей, противоречащей его интуитивному знанию о материальном мире и тем не менее продолжающей производить технологические чудеса. Здесь магия соединяла свои силы с математикой, и какая магия могла превзойти эту – Вселенная должна была покориться законам человеческой мысли и вести себя в соответствии со строгой математической логикой²².

²² Мнение, общее для XVII, XVIII и XIX вв. и состоявшее в том, что чувственное восприятие (обостренное приборами для измерения, визуального увеличения и усиления способностей человека) способно доказывать теоретические рассуждения ученых и связывать их теории с практикой, становилось все менее приемлемым с усложнением исследований. Эксперименты по проникновению в мир микрочастиц и астрофизики давали результаты, трудно соотносимые с миром ощущений и потому мало что объяснявшие исследователю. Длинная и

Едва ли можно вообразить более экстраординарную революцию мысли, прошедшей от торжества конца XIX в. к растерянности XX в., даже при том, что новые перспективы, открытые физиками в первом десятилетии XX в., в действительности не опровергали классическую теорию, а только делали ее частным случаем более высокого уровня.

Физика, конечно, была не единственной областью интеллектуальных исканий в 1789–1917 гг. В определенном смысле можно сказать, что стиль мышления математической физики был просто грубым анахронизмом в попытках предсказания результатов при научных исследованиях универсальных и вечных законов, сильно отдавая математическим детерминизмом XVII в. Более того, такие предсказания были едва ли совместимы с единым видением реальности, которое в XIX в. впервые резко заняло центральное место и увидело все явления – будь то законы физики или человеческого общества – в процессе бесконечного развития. Идея развития стимулировала взлет философии и ранее униженной истории, попытавшихся выстроить события в интеллектуально привлекательные последовательности, менее стройные, чем простая симметрия физиков, и оказавшиеся очень привлекательными для некоторых умов своими неожиданными нерегулярностями, несвязностями и путанными незавершенностями.

Со времен Геродота история считалась, и сомнений тут не возникало, ветвью литературы. Но история традиционно описывала действия людей, ограничиваясь политическими и военными событиями. До XIX в. едва ли кто-то отнесся бы серьезно к утверждению, что все во Вселенной, как и сама Вселенная, имеет свою историю. Но в начале XIX в. это традиционное ограничение, наложенное на царство истории, было отброшено. Георг Вильгельм Фридрих Гегель (ум. 1831) и другие философы подняли до уровня всеобщего принципа идею о том, что развитие во времени является уникальным, отчего некоторые вещи возможны только в какой-то данный момент и невозможны до него или после. Это дало историкам новую программу – не просто записывать необычные события, произошедшие главным образом в неизменном человечестве и природе, как Эдуард Гиббон (ум. 1794), но попытаться постигнуть внутреннюю эволюцию человеческой мысли и общества, постоянно стараясь определить новые потенциальные возможности, возникающие в потоке времени.

хрупкая цепь предположений, лежащая между, скажем, следами на фотопластинке и любым «реальным» событием на субатомном уровне, может быть понята только как уже ранее записанная, и даже более того – то, что ученые видят на пластинке, предсказано математически, и все ожидания проистекают из теории, которая все более кажется похожей на библейское определение христианской веры: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1).

Карл Маркс (ум. 1883) – наиболее известный социальный теоретик, который развил философию Гегеля до простой, но правдоподобной схематизации судьбы человечества и его истории. Предложенное Марксом понимание стадий развития человечества в прошлом и будущем – от рабства, через крепостничество, финансовую эксплуатацию свободного рынка до идеальной свободы социалистического и коммунистического общества – было обращено как к собственно промышленным рабочим, так и к идеализму интеллектуалов, растерявшихся перед необходимостью осмыслить происходящее. Марксизм быстро стал религией, очень привлекательной для людей, недавно резко сменивших неизменность сельской жизни на неуверенность городского и промышленного бытия.

Историческое понимание событий также привело к пересмотру традиционных религиозных представлений. Христианство, рассматриваемое в контексте мистерийных религий Римской империи, потеряло свою уникальность, и Библия, став объектом тех же критических канонов, которые историки применяли для исследования других текстов, перестала быть словом Бога, поддиктованным ряду верных секретарей, а наоборот, превратилась в творение человека, переполненное текстуальными ошибками. Точность и полнота христианской доктрины на протяжении европейской истории постоянно изменялись, и в этом не было ничего нового. Но отказывая Библии в высоком философском содержании и концентрируя внимание на текстуальных деталях, новый «высокий критицизм» оказался самым ужасным противником христианства, с которыми ему приходилось сталкиваться. Религиозный «модернизм», который увидел человеческое восприятие божества и самораскрытие Бога человеку как дополняющие и поступательные процессы, текущие во времени, представлял одну крайнюю реакцию на дух нового времени. Категорическое отрицание результатов, полученных «высоким критицизмом», и утверждение полной власти традиционной догмы – другую.

Плодотворность понимания исторических событий в их развитии не ограничивалась историческими и социальными науками. В биологии произошла настоящая революция, когда Чарльз Дарвин (ум. 1882) собрал рассеянные факты биологической эволюции, даже известные до него другим натуралистам, но не осмысленные ими, в единую систему и вместе со своими выводами изложил в известной книге «Происхождение видов» (1859). Теория Дарвина объединила все живущие организмы в рамках единого эволюционного процесса. Эволюция органического мира потребовала невообразимо длительного времени, но геологи уже предложили масштаб времени для существования Земли, проистекающий из исследований горных отложе-

ний, и палеонтологи до и после публикации книги Дарвина заполнили огромную пропасть во времени, которая разверзлась перед человеком. Человеческая жизнь и история выглядели карликами перед грандиозностью геологического и биологического времени. Но это было не просто чувство неудобства, испытываемое человеческим сознанием перед длительностью эволюции. Дарвиновская картина эволюции биологических видов не делала исключений и для человека²³. Низводя его до уровня других животных, объектов, подлежащих тем же законам естественного отбора и борьбы за выживание, Дарвин подрывал основы не только религии и социального порядка, но и всю изысканность человеческой культуры. Также не было недостатка в последователях теории, делающих выводы, от которых воздерживался сам Дарвин, и переносящих концепции естественного отбора и борьбы за выживание на общество в целом, оправдывая жестокий экономический индивидуализм у себя на родине и беспощадный империализм вне ее пределов.

Историческое видение, сначала использовавшееся для объяснения человека и его деятельности, распространившись на все живые субъекты и на саму планету, превратилось в основную тему, привлекающую общественное внимание, а попытки применить историзм при изучении космоса – первая из них пришлось как раз на 1917 г. – стали вершиной этого метода и произвели эффект, сравнимый с революцией Коперника. Для астрономов, ищущих понимания процессов развития Вселенной, холодное доказательство возникновения и угасания бесчисленных звезд, одновременно означало и допущение существования неисчислимых солнечных систем, находящихся в разных стадиях развития, и несомненное существование других галактик, объединенных в группы, которые, в свою очередь, объединяются в еще большие и большие группы. Такой эволюционный взгляд низводил Солнце, Землю, жизнь и человека – не говоря уже об отдельных личностях – до несоизмеримо малой значимости, потрясаящей даже умы, уже настроенные на масштаб бытия, присущий системе мироздания Коперника и Ньютона²⁴.

Такое изменение масштаба восприятия истории, навязанное общими работами историков и археологов, вызвавших к жизни древние цивилизации Среднего Востока, биологов, геологов и палеонтологов, показавших человеку панораму биологической эволюции, и астрономов и математиков, взявшихся изучать бесконечность, внесли новую актуальность в старый

²³ В своей работе «Происхождение человека», опубликованной в 1872 г., Дарвин прямо сказал то, что он уже заложил в своей первой великой работе.

²⁴ G.J. Whitrow, *The Structure and Evolution of Universe: An Introduction to Cosmology* (New York: Harper Torchbooks, 1959), эта книга послужила основой для многих из этих абзацев.

вопрос о величии и значении дел человека под невообразимо далекими звездами на незапамятно древней земле, среди людей, оказавшихся не такими уж и далекими от своих животных предков и первобытных прародителей.

Макрокосмическая громадность была только одним из аспектов эволюционного взгляда на мир, утвердившегося к концу XIX в. Вслед за классической физикой эволюционная точка зрения, с таким торжеством преподнесенная в начале столетия, превратилась в объект острой микрокосмической критики философов и психологов. Философы обнаружили, что им все труднее убеждать себя в том, что Кант удовлетворительно разрешил проблему знания, но усилия по усовершенствованию его анатомии власти и ограничению разума привели к растущей одержимости эпистемологией и к стремлению отразить возможности знания как такового. Однако ученые и историки продолжали заниматься своим делом, не обращая на них внимания, так что философские дилеммы века оставались более или менее частным вопросом самой философии. Не так обстояло дело с проблемами, поднимаемыми психологами, которые имели дело как с непоколебимостью суждений разума, так и с экстравагантной поэтичностью воображения, изменяющего нормы разума в отношении человеческих действий. Зигмунд Фрейд (ум. 1939) был наиболее важным первопроходцем. Исходя из наблюдений за поведением человека в ненормальных ситуациях Фрейд сделал вывод, что причины, управляющие действием человека, лежат в области подсознательного. Сознание соответственно становится внешним, искаженным и деформированным зеркалом реальности, часто скрывающим от нас истину.

Такие точки зрения, безусловно, связывали человека с животными и низшими формами жизни, как это сделал Дарвин. Это приходило в противоречие с оптимистическим определением человеческой природы и разума, которое дала демократическая революция. Кроме того, вставал простой вопрос, волновавший философов, – как человек вообще может точно знать? Если разум питается и руководствуется инстинктивными побуждениями, проявляющимися спорадически в виде неконтролируемых импульсов и переплетаясь с ними, что остается от способности охватить всю окружающую реальность и понять ее?

Фрейд был отнюдь не одинок в стремлении свергнуть с престола разум. Социальные теоретики, такие как Фридрих Ницше (ум. 1900), Жорж Сорель (ум. 1922) или Вильфредо Парето (ум. 1923), независимо друг от друга пришли к развенчанию разума; а профессионалы командования над людьми – прежде всего офицеры лучших европейских армий – и так знали, что рамки законов разума всегда оказываются слишком узкими, когда дело касается поведения больших масс. Художники, в свою очередь, отрицая традиции

Чикагский институт изобразительного искусства. Дар г-на и г-жи Мэрмонт
(Art Institute of Chicago. Gift of Mr. and Mrs. Arnold H. Maremont).

ПРЕДВЕЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Эта возлежащая фигура, изваянная Генри Муром (1898—1986) в 1957 г., дает визуальный пример первобытной примитивности, положившей начало нашему пониманию женственности. Вероятно, художник намеревался выйти за границы зрительного восприятия, пытаясь создать образ, резонирующий с подсознательным. Художественная универсальность может также быть объяснена тем, что все мужчины унаследовали общее ядро подсознательных склонностей. Такое понимание очевидным образом освобождало художника от западной или любой другой традиции искусства. Это привело — или могло привести — высокую интеллектуальную искушенность в прямой контакт с темными порывами, спрятанными глубоко под видимым культурным разнообразием человечества. В такой статуе находит зримое воплощение научно обоснованный отказ от культурных ограничений, свойственный XX в.

своего искусства, отрицали и его рациональность, переходя от трехмерного изображения пространства к двухмерному, и все их новые методы сильно отдавали бессознательным, глубины которого пытался измерить Фрейд, которое долгое время уже использовали политики и солдаты, а социальные теоретики начали признавать как нечто большее, чем просто языческие пережитки или особенные примитивные черты, которые должны исчезнуть с развитием цивилизации.

Любой обзор всегда недооценивает консерватизм и преемственность социальной среды, излишне подчеркивая новшества и дискретность. Но даже при таком простом объяснении и принимая во внимание миллионы людей, чьи жизни оказались совершенно не задеты тонкостями науки, а умы совершенно не взволнованы новыми мыслями, не забыв также о тех людях из респектабельного большинства, которые никогда не интересовались, что делают беспутные художники, живущие по соседству с ними в Париже и других городах, помня о способности общественных институтов и обычаев переживать отрыв от своих социальных основ и даже преуспевать во враждебном окружении, все-таки можно сказать, что западная цивилизация в первом десятилетии XX в. перешла на необычайно критический этап, даже раньше, чем рухнула в бездну войны и революции. Когда искусство и гуманитарные науки, экономисты и политики одновременно так твердо выступают против одних и тех же шаблонов – шансы новшеств и дискретности возрастают как никогда. Инерция миллионов, желающих прожить свою жизнь без потрясений, в обычных условиях сдерживает политико-экономических мечтателей и честолюбцев, но когда культурные лидеры цивилизации единодушно берутся жечь мосты, то лишь вопрос времени: когда массовая инертность превратится в энергию масс и хлынет по новым руслам? Первая мировая война и Русская революция, возможно, ускорили этот процесс, но, безусловно, не создали сам кризис. Новый режим, провозглашенный Французской революцией, стал старым. Было совершенно очевидно, что западное (а более вероятно, мировое) общество и культура могут измениться – или смятение и неопределенность овладеют миром.

В. НЕЗАПАДНЫЙ МИР В 1850–1950 ГГ.

В середине XIX в. в мусульманском, китайском, индуистском и японском мирах произошло крушение традиционных стилей жизни. В этом отношении народы стран Африки к югу от Сахары и собственно Запад отставали от азиатских народов приблизительно на полстолетия – поскольку как стиль жизни племен Африки, так и стиль жизни западного среднего класса уклонился от столкновения с общим кризисом вплоть до самого конца XIX – начала XX вв. По крайней мере в определенном смысле, крушение каждого незападного мира было результатом воздействия западной технологии. Только когда непроницаемая раковина привычных традиций и убеждений дала трещину, когда умы африканцев и азиатов стали чувствительны к веяниям чужеземной доктрины, идеи Запада вступили вслед за технологиями в дело преобразования местной культурной сцены.

Общественные и государственные институты, олицетворяющие обычаи и традиции, были твердынями консерватизма и возвышались столпами стабильности на фоне растревоженной социальной панорамы мира. Но эти институты всегда были исключительно местными, так что их взаимодействие с космополитическими новшествами необходимо изучать для каждого конкретного региона. Перед тем как взяться за решение этой задачи, кажется правомерным подробно остановиться на факторах, затрагивавших весь, или почти весь, мир и сплетших сеть глобального космополитизма, в которую попались примитивные культуры и древние цивилизации в 1850–1950 гг.

1. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ И СТИЛЯ ОЙКУМЕНЫ

В течение столетия, в 1850–1950 гг., изменения в самой сути транспорта вызвали и изменения общей картины ойкумены. Расстояния уменьшились, коммуникации улучшились, центры реальной и потенциальной политической власти сместились. Конечно, это был всего лишь один из аспектов общей технологической революции, но он был специфически важен. Хотя, определяя, что важнее чего, не следует забывать, что транспорт и связь всегда очерчивали основные рамки, в которых существовало человеческое общество, – только масштабы были иными. А ведь масштаб может быть решающе важным, и огромный охват современной сети механического транспорта и мгновенность средств связи создали глобальный космополитизм.

Каждое изменение в механическом транспорте резко уменьшало время пути между различными областями земного шара. Так, появление механи-

ческих судов, сначала построенных из железа, а затем из стали, усилило важность трансокеанских линий, поскольку морской транспорт стал дешевле и надежнее, чем прежде. Великие трансокеанские каналы через перешейки Суэца (1869 г.) и Панама (1914 г.) оказывали влияние в том же направлении; но каналы обновили важность старых путей²⁵. Суэцкий канал возвращал Среднему Востоку его былую важность как центра пересечения дорог Восточного полушария, круто изменив при этом геополитику Старого Света. Панамский канал также воздействовал на мировое равновесие, хотя и менее выражено, путем усиления военного влияния Соединенных Штатов.

Механический морской транспорт стал глобальной реальностью после 1870-х гг., но и раньше возможности механизированного транспорта при перевозках на длинные расстояния были очевидны. Заводы, изготавливающие материал для железных судов, также предложили материал для постройки дышащих паром коней, которые начиная с 1869 г. с лягом помчались через континенты. Но железные дороги были не единственным изобретением – в большинстве регионов планеты телеграф на десятилетие или два опередил железнодорожный транспорт, и после первого большого железнодорожного бума в 1850-х гг. дальнейшее улучшение транспорта и связи пошло стремительно: появились легковые и грузовые автомобили, трубопроводы, телефон, радио и впоследствии телевидение.

За короткое время улучшения в наземном транспорте усилили главенство Западной Европы в масштабах ойкумены. Больше всего новых изобретений было создано в Европе, где также сконцентрировались технические и финансовые возможности их использования. Первые пользователи транспорта и связи, даже в неевропейских регионах мира, поэтому тоже часто были европейцами. Запад, таким образом, получил новый и очень мощный инструмент для проникновения внутрь континентов от прибрежных портов, где ранее обычно концентрировались контакты с другими народами.

Но если смотреть на этот процесс с позиции будущего, то открытие внутренних районов для быстрого, дешевого и независимого транспорта таило в себе опасность свержения Западной Европы с трона мирового господства. Подъем американской и русской мощи до их современного состояния был бы невозможен без объединения их огромных континентальных просторов сетью дорог, по которым двигается механический транспорт. Южноамериканцы, африканцы и азиаты еще не построили действительно

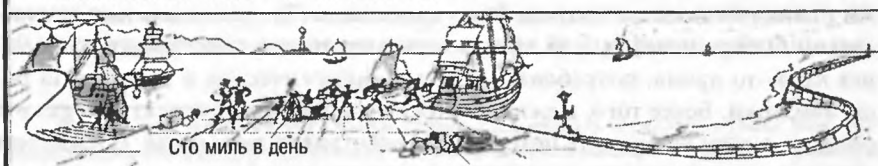
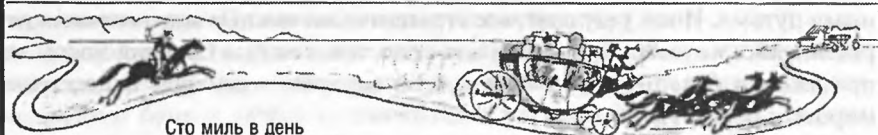
²⁵ Испанская колониальная администрация предпочитала перевозку мулами через Панамский перешеек куда более долгому путешествию вокруг мыса Горн так же, как караванные пути Среднего Востока соединяли Индийский океан с Средиземным морем задолго до того, как был проложен морской путь вдоль Атлантического побережья Африки.

континентальную транспортную сеть. Политические, финансовые и географические обстоятельства препятствовали этому, но техническая достижимость сейчас очевидна. Если это осуществится, старое верховенство Европы во всех землях и океанах покажется таким же невероятным, каким показалось бы оно человеку средневековья.

Воздушные пассажирские и грузоперевозки, которые благодаря достижениям в самолетостроении, достигнутым во время Второй мировой войны, могут в будущем предложить небесную альтернативу человечеству, концентрировавшемуся в прошлом на континентах и океанских островах. Препятствия, расположенные на земле, не имеют значения для самолетов, и это придает трансконтинентальным воздушным трассам глобальное, а не только трансокеанское значение. Более того, поскольку большинство населения проживает в Северном полушарии, все наиболее важные центры народонаселения и власти на земле связаны между собой трансарктическими воздушными путями. И как результат, все стратегически важные зоны планеты передвинулись на север. Арктика может стать тем, чем был Средний Восток на протяжении большей части письменной истории – центром пересечения мировых маршрутов.

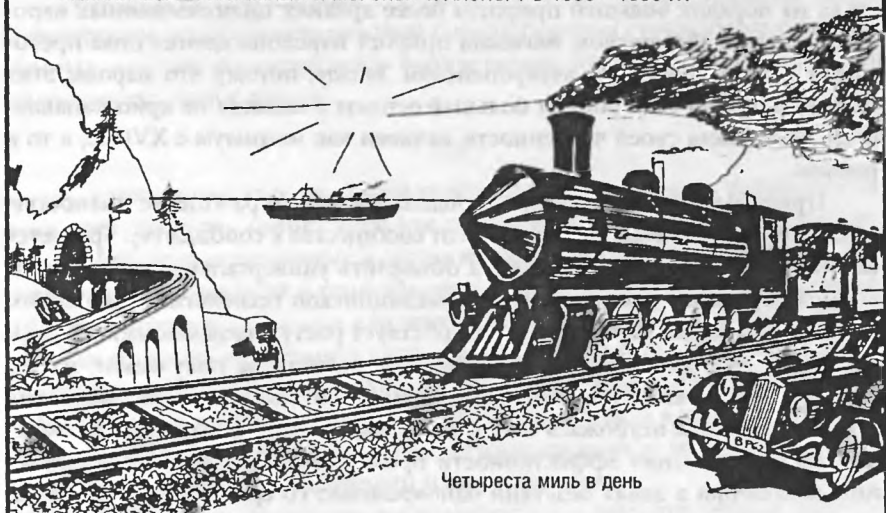
Изменения в расположении транспортных путей и соответственный сдвиг стратегически важных точек, возможно, даже менее значимы, чем общее «сжатие» земного шара, сделавшего всех людей соседями. Да, конечно, есть еще большие территории, не охваченные даже самым новым транспортом. Но ведь ни в джунглях Новой Гвинеи, ни в пустынях Южной Африки, ни в экваториальных лесах Амазонки, ни в тундре и на побережье Северного Ледовитого океана нет условий для проживания значительных людских сообществ. И если эти регионы по какой-то причине станут в будущем важны для внешнего мира, щупальца современного транспорта и связи автоматически притянут их и космополитизм нашего века неумолимо придет к народам, живущим там.

Второе проникающее повсюду влияние технологии заключалось в ускорении роста населения во всех уголках планеты. Значительное уменьшение численности первобытных и полупервобытных народов, столкнувшихся с оружием, микробами и психологическо-социальным распадом, принесенными цивилизованными людьми, было временным. Такие народы или сравнительно быстро исчезли, или начали восстанавливать свою численность через какое-то время, потребовавшееся для биологической и культурной реорганизации. Более того, выжившие народы подстроили структуру семьи к необходимости возместить потери от воздействия цивилизации. И когда они научились извлекать пусть даже малую выгоду от общественных санитарных мер и первой медицинской помощи, население начинало быстро расти.

СЖАТИЕ МИРА

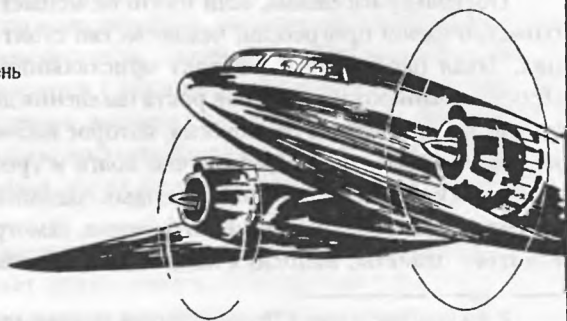
МЕХАНИЧЕСКИЙ НАЗЕМНЫЙ И МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ В 1850—1950 ГГ.

Четыреста миль в день

ОЙКУМЕНА С ЦЕНТРОМ НА ПОЛЮСЕ 1950 Г.

Две тысячи миль в день

СЖАТИЕ МИРА

В результате новые члены цивилизованного сообщества: африканцы, американские индейцы и маори будут увеличивать свою численность со скоростью, на порядок большей прироста более древних цивилизованных народов. Однако в абсолютном значении прирост народонаселения пока преобладает в Азии, Европе и неевропейском Западе, потому что народы этих регионов начали свой рост от большей основы и никогда не приостанавливали увеличения своей численности начиная как минимум с XVII в., а то и раньше.

Причины взрывного роста народонаселения мира еще не полностью объяснимы и различаются в деталях от сообщества к сообществу. Требуется определить общие факторы, чтобы объяснить универсальность феномена. Возможно, применение современной медицинской технологии было одним из таких факторов, который как способствует росту народонаселения, так и позволяет контролировать его. Увеличение количества получаемой пищи, ставшее результатом применения современной технологии и смягчения эффекта местных неурожаев путем доставки помощи современным транспортом и увеличения эффективности правительственных мер по облегчению положения в зонах бедствий одновременно со сравнительно высоким уровнем мира и стабильности, а также относительно малой кровопролитностью последних войн²⁶ – все это способствовало смене прежних демографических балансов.

Поскольку население, если ничто не мешает его росту, увеличивается в геометрической прогрессии, человечество стоит перед угрозой перенаселения. Такая перспектива – объект пристального внимания и обсуждения. Простое планирование темпов роста населения делает очевидным, что нарушение экологического равновесия, которое наблюдается в настоящее время, не может продолжаться бесконечно долго и требует жестких ограничений, не говоря уже о необходимости твердых социальных и экономических ограничений²⁷. И чтобы ни принесло будущее, демографический рост усиливает «сжатие» планеты, наполняя людьми малонаселенные местности, которые

²⁶ Абсолютные потери в Первой и Второй мировых войнах, конечно, были огромны, но в соотношении с числом людей, вовлеченных в события, и прежде всего по соотношению с возможным числом жертв среди гражданского населения, потери в двух последних войнах кажутся умеренными.

²⁷ Демографические и экологические последствия введения сельского хозяйства в период неолита позволяют иначе взглянуть на современный демографический рост. Увеличение численности населения намного превосходило то, что произошло в недавнем прошлом в связи с улучшением ведения сельского хозяйства. Но начальные темпы прироста населения среди земледельцев снизились через несколько столетий, когда количество земель, легкодоступных для обработки, стало сокращаться. Войны и убийство новорожденных наряду с менее жестокими обычаями, ограничивающими рождаемость, а также болезни и голод установили жесткое равновесие между количеством населения и средствами пропитания.

когда-то отделяли и отчасти изолировали друг от друга общества и цивилизации.

Эти аспекты современной технологии и человеческой экологии вместе с очевидным, но неизменно важным товарооборотом стандартных промышленных изделий по всему миру окончательно переплетают все сегменты человечества друг с другом.

С улучшением качества связи увеличивается и скорость распространения идей. Конечно, потоку идей иногда препятствуют языковые и политические барьеры, религиозные и сектантские сообщества ограничивают проникновение новых идей в свои общины, а различия в местных и классовых обычаях, древних традициях или личных пристрастиях – все оказывает влияние на их распространение в мире и иногда приводит к непониманию или ужасному преувеличению²⁸. Однако в некоторых областях знания, особенно в естественных и прикладных науках (главным образом в инженерном деле), иногда успешно сотрудничают люди, принадлежащие к разным культурным традициям и с разными личными пристрастиями.

Есть и другая сложность, заключающаяся в том, что многие наиболее образованные и тонко мыслящие люди чувствуют себя неуютно после того, как обнаружили вокруг себя более чем одну вселенную значений и ценностей, и не уверены в том, какая именно из них окажется более важной в трудную минуту. Также типично и то, что дети, воспитанные в традиции своих стран – мусульманской, индуистской, китайской, христианской и т.д., – в дальнейшей жизни сталкиваются с рационалистическими, светскими, критическими и релятивистскими элементами современного мышления. И они оказываются неспособны воспринять обе части как равноценные, не могут ни полностью отречься, ни до конца воспринять две фазы собственного опыта.

Это не обязательно должно причинять страдания и психологический дискомфорт. Человек может принадлежать одновременно двум различным культурным мирам, если можно легко разграничить ситуации, когда приемлемо использование норм поведения одной традиции, от ситуаций, когда более приемлема другая традиция. Однако такое разграничение не всегда возможно. Более того, в критических обстоятельствах требования одной системы могут вступать в противоречие с требованиями другой, приводя к

²⁸ Даже в пределах западно-европейского мира различие в языках исключает совершенные переводы. Более того, тот, кто читает обзор написанного им самим, часто приходит к выводу, что точная передача сказанного и подразумеваемого вообще встречается редко, даже между людьми одной и той же профессии и языка.

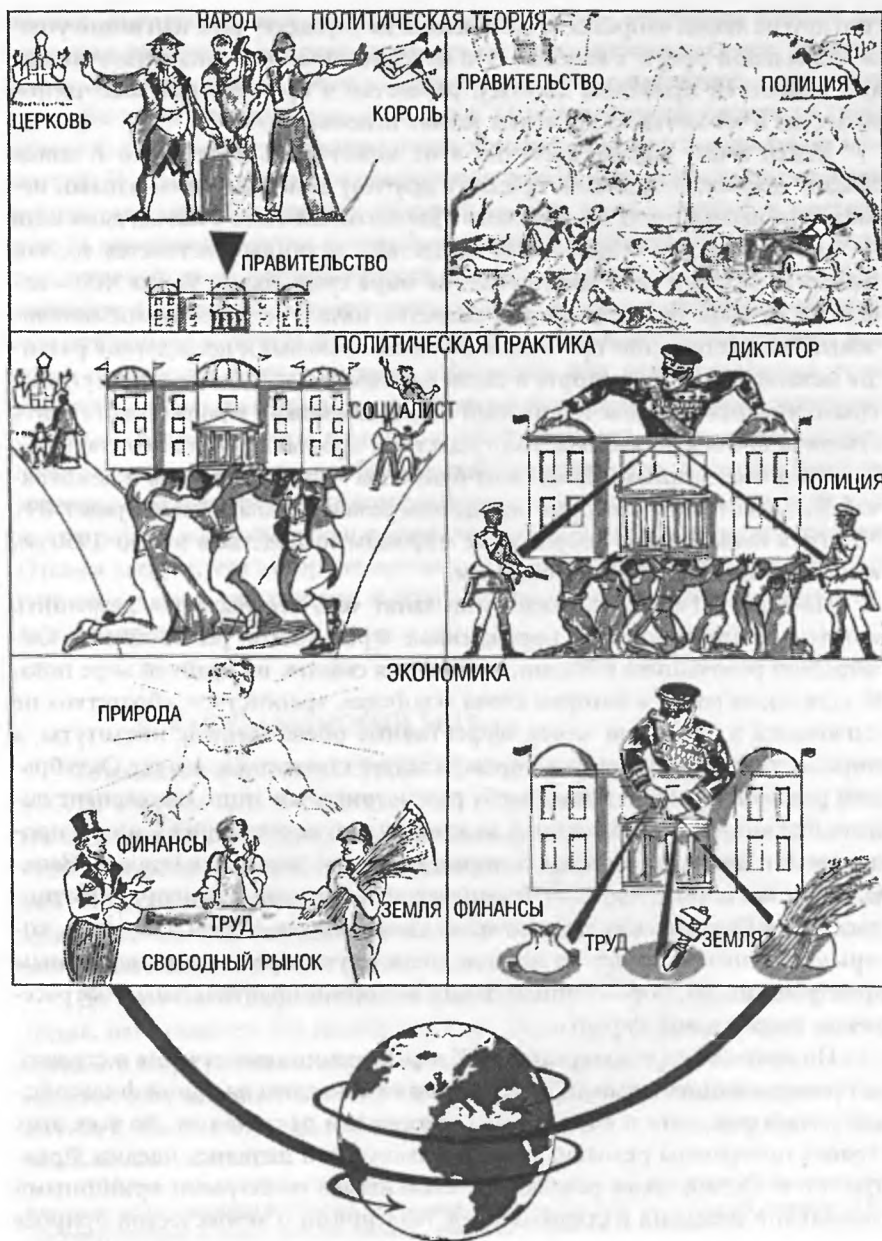
внезапным скачкам в поведении человека с не всегда предвиденными последствиями для всех вовлеченных в ситуацию²⁹. В массах же, например в возбужденной толпе, такой фактор нестабильного личного поведения может вызвать вспышку насилия.

Но дела в мире обстоят не так мрачно, как это может показаться. Светские надежды и теории Запада, который привлек к себе умы большей части населения планеты, более оптимистичны. Подобно идеалам ранних религий, они демонстрируют свою стабильную силу даже перед лицом повторяющихся неудач и разочарований. И ясно, что люди всех национальностей, хоть раз оказавшиеся под влиянием понятий равенства, братства и свободы в любой из их версий и в любой интерпретации, ни при каких обстоятельствах не смогут их забыть. Перспектива существования человека свободно, сытого, хорошо одетого и обеспеченного жильем, члена свободного и миролюбивого общества, имеющего голос в определении политики «его» правительства и вносящего вклад во всеобщее благоденствие, притягивает практически каждого. Она имеет то преимущество, что ее можно упростить либо уточнить практически любым образом и подстроить к настроениям любой аудитории.

Те, кто принимают видение такого будущего человечества, сами обнаруживают, что борются с устрашающим отрывом идеала от реальности. Этот разрыв так огромен, что практические действия в несовершенном мире могут показаться просто безнадежными или даже потребовать настолько активных действий против нынешних устоявшихся, структурно зафиксированных интересов, что превратят доброе дело в злодеяние. И поскольку идеала достичь нелегко, мечта о рае на земле не утрачивает своей актуальности. Наоборот, легко реализуемые идеалы быстро утрачивают свою вдохновляющую силу, тогда как нереализованное вдохновение некоторым людям должно и будет давать силы посреди жестокой битвы. В пылу такой борьбы несоответствие результата идеалу беспокоит только критически настроенные умы, да и они никогда не будут полностью уверены в том, что конечная цель не оправдывает средства.

Даже беглый анализ войн и революций, политических и социальных реформ, множества благотворительных, социальных и миссионерских деяний на протяжении столетия после 1850 г. показывает, как много людей искренне желали и были готовы самоотверженно трудиться, страдать и даже при необходимости умереть в борьбе за построение рая на земле. Либералы, националисты, социалисты, коммунисты – все они на политической сцене неотступно следовали своему пониманию идеала, и неисчислимое множе-

²⁹ См. интересный взгляд на эту проблему в работе: E.M.Forster, *A Passage to India*.

ство других людей направляли свои усилия на переделку того или иного уголка социальной сферы в надежде, что добровольные действия многочисленных личностей приблизят свободу, равенство и братство для всех членов общества и их мечта со временем может исполниться.

Конец этому еще не наступил и не может быть предсказан. В конце концов человек, безусловно, придет к другому видению мира, однако, несмотря на несовершенство мирского идеала социального счастья, даже если он и воплотится в человеческих обществах, истинным останется то, что универсальность и сила такого видения мира среди людей конца XIX – начала XX вв. была характерной особенностью начала всемирного космополитизма. Распространение промышленного капитализма и последствия развития механического транспорта и связи для ойкумены были более ощутимы; однако изменение человеческих идей о том, как можно и должно поступить с увеличившимся богатством и могуществом промышленного капитализма, было не менее важным. Итак, силы-близнецы – промышленная и демократическая революция – которые определяли развитие западной истории 1789–1917 гг., а также борьба за обладание мировым господством в 1850–1950 гг., возможно, продолжатся и в будущем.

Начиная с 1917 г. западный мир занят тем, что пытается разрешить проблемы и противоречия, порожденные Французской революцией и Октябрьской революцией в России, чего нельзя сказать, по крайней мере пока, об остальном мире, в котором слова «свобода», «равенство», «братство» не воплощены в более или менее эффективные общественные институты, а скорее остаются идеалом, к которому следует стремиться, лозунг Октябрьской революции «Мир, земля, хлеб» рассматривается лишь как вариант лозунга Французской революции, а не как призыв, находящийся с ним в противоречии. Дилеммы свободы, которые так много значат для человека Запада, являющегося наследником Французской революции и скептически относящегося к Октябрьской, по-видимому, далеко не так важны для людей, которым еще только предстоит пройти долгий путь к реальным социальным преобразованиям, порожденным двумя великими политическими потрясениями современной Европы.

По крайней мере до середины XX в. революционные течения в странах, не принадлежащих к западному миру, были основаны на одной философской платформе, хотя и с некоторыми местными различиями. Во всех этих странах программы революционной деятельности питались идеями Французской и Октябрьской революций, сталкиваясь со старыми принципами социальной иерархии и старыми представлениями о человеческой природе и предназначении человека. Люди увлекались далеко расходящимися взглядами, нередко успевая за свою жизнь побывать приверженцами всех точек

зрения, уместающимися между крайними. В итоге отдельные сообщества утратили присущую им ранее культурную и институциональную идентичность. Во всем мире, включая и Европу, можно было наблюдать следующую реакцию на революционные изменения: 1) подчеркнутое, иногда на грани истерии, повторное утверждение старых норм поведения и моральных ценностей; 2) настойчивые попытки реформировать настоящее путем возврата к более или менее условной первичной чистоте идей, действий и институтов; 3) пассивность перед лицом болезненного замешательства воли, которое, пожалуй, лишь подчеркивалось отдельными вспышками неистовой активности; 4) активная заговорщическая деятельность в виде тайных обществ, существующих в тесном симбиозе с тайной полицией; 5) откровенно жестокое стремление к личной власти и богатству, лиц, освободившихся от каких-либо моральных принципов; 6) преданность идее на грани аскетизма. Святые и негодяи, трусы и герои, а также обычные люди, короче говоря, человечество во всем разнообразии темпераментов его представителей находилось под влиянием невиданного ранее многообразия стимулов, не в силах выработать устойчивую и последовательную реакцию на их воздействие. Отсюда следует, что исторические обобщения для крупных регионов стали еще ненадежнее, чем раньше, и поэтому дальнейшее изложение лучше сделать обзорным.

2. МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР

Течение истории, столь сурово испытывавшее на излом мусульманство в XVIII – начале XIX вв., и после 1850 г. продолжало разочаровывать религиозные ожидания. Неверные-христиане, не почитающие даже свою собственную религию, продолжали удивлять мир растущим богатством и силой. И наоборот, престиж мусульманства продолжал падать по мере того, как мусульманские государства все более и более заимствовали политические и экономические технологии у западных неверных.

До окончания Первой мировой войны непрерывно сокращалась территория, находящаяся под властью ислама. Большая восточная часть мусульманского мира оказалась между мощным давлением Британии, распространявшей свое влияние на север от Индии, и России, стремившейся утвердиться к югу от степей Центральной Азии³⁰. К 1907 г., когда эти две державы

³⁰ Мусульманская община Китая также сильно пострадала, когда китайские имперские власти жестоко подавили восстания в Юньнани, Туркестане и Ганьсу во второй половине XIX в. Систематическое истребление мусульман, особенно в Юньнани, значительно уменьшило их число в Китае. См. Martin Hartmann, *Zur Geschichte des Islams in China* (Leipzig: Wilhelm Heims, 1921); G.Cordier, *Les Musulmans du Yunnan* (Hanoi: Imprimerie Tonkinoise, 1927).

заключили договор Антанты, вся мусульманская территория к востоку от границ Османской империи либо находилась под иностранным господством, либо была поделена на сферы влияния, почти не оставлявшие никакой реальной власти в руках удержавшихся на престолах шахов Персии и Афганистана. Западные окраины исламских земель разделили схожую судьбу в конце XIX – начале XX вв., когда европейские державы завершили раздел мусульманского мира и языческой Африки на колонии и протектораты. Задолго до этой даты сама Османская империя – традиционный страж мусульманского мира и борец против мира христианского – попала под опеку великих европейских держав. Первая мировая война нанесла империи смертельный удар. Поощряемые англичанами арабы подняли восстание против турок, и после 1918 г. сами турки, внезапно почувствовав отвращение к империи и самой имперской идее, отреклись от них в пользу турецкого национализма.

Скромное политическое возрождение наступило вскоре после Первой мировой войны. Успешно бросив вызов британской имперской политике, националисты Турции и Саудовской Аравии достигли реальной независимости. Персия и Афганистан также расширили свою независимость, освободившись от влияния как Британии, так и России. В 1930-х гг. продолжался процесс утраты европейскими державами влияния на арабские страны; но лишь после Второй мировой войны такие страны, как Марокко, Тунис, Египет, Пакистан и Индонезия стали действительно независимыми³¹.

Восстановление политической независимости мусульманского мира отразило возросшую эффективность мусульманской политической организации. Современное чиновничество, современные армии и современные теории о праве народов решать свою судьбу прививались мусульманским государствам. Политическая воля арабов, турок и других мусульманских народов стала фактором, с которым приходилось считаться в международной, а еще более во внутренней политике. Однако атрибуты современной государственности были скорее похожи на взятые напрокат украшения, мало идущие древним исламским политическим структурам, и в большинстве государств лояльность к ним омрачалась чувством глубокой ностальгии по невозвратному прошлому.

В сущности, мусульманские народы в течение прошлого столетия одновременно испытывали силу воздействия демократической и промышленной революции, а также не менее драматической революции, которая в европейской истории проявилась в процессах Реформации и Возрождения. И

³¹ К 1962 г., когда завершилось французское правление в Алжире, только Россия и Китай продолжали в Средней Азии удерживать власть над большим числом мусульман.

это было не случайно. В начале европейского нового времени мусульманские народы отшатнулись от ересей и нововведений и предпочли уют авторитарной доктрины и стабильной иерархии. Но когда в XIX в. институты, стоящие на страже правоверия утратили свою эффективность – т.е. когда Османское и Персидское государства, а также суннитские и шиитские улемы потеряли возможность командовать людьми и властвовать над их умами, – мусульмане были вынуждены заплатить высокую цену за свое прежнее интеллектуальное и моральное отчуждение, погрузившись всего за век в сложный комплекс идей и технологий, который европейцы развивали на протяжении четырех столетий. Нет ничего удивительного в том, что смятение воцарилось как в общественных, так и личных делах.

Ислам требует от своих последователей прежде всего покорности предписаниям Корана, который регулирует человеческие взаимоотношения в соответствии с желаниями бога. Но оказалось невозможным привести этот незыблемый свод законов поведения в соответствие с новым, быстро меняющимся под влиянием западных технологий миром и противостоять секуляризации мышления в XIX в. и XX в. Кроме того, энергичность и упорство мусульманских докторов богословия, твердо придерживавшихся требований Корана о невозможности хоть на йоту изменить его канон, поставили современных мусульман в отчаянное положение, оставляя их один на один со всеми неясностями, проистекающими из несоответствия требований Корана текущему дню³². И поскольку отказ от старой религии означал потерю своего культурного самосознания, даже многим образованным людям оказывалось нелегко преодолеть строгие границы традиционного ислама³³.

³² Конечно, предпринимались попытки переосмыслить Коран, но без особой энергии и без особого успеха. За дело взялись богословы или скорее правоведы-«модернисты», из которых наиболее известным был Мухаммед Абдо (ум. 1905) из Египта, а также мыслители, предлагавшие более радикальное философское переосмысление значения ислама, подобно индийскому мыслителю Мухаммаду Икбалу (ум. 1938), обеспечив альтернативу закостенелому консерватизму традиционных мусульманских богословов. См. Mohammed Iqbal, *The Reconstruction of Religious Thought in Islam* (Oxford: Oxford University Press, 1934), написанную по-английски; G.E. von Grunebaum, «Attempts at Self-Interpretation in Contemporary Islam», in *Islam: Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition* (American Anthropological Association, Memoir No.81 [April, 1955]), pp.185-236, в которой проанализированы подобные попытки реорганизации старого ислама и общества. См. также Wilfred Cantwell Smith, *Islam in Modern History* (New York: Mentor Books, 1957).

³³ Нельзя сказать, насколько сильно ослабили традиционные исламские убеждения, но априори можно смело утверждать, что турецкие, иранские и арабские крестьяне оставались намного глубже погруженными в традиционное древнее исламское благочестие, чем их урбанизированные соотечественники, особенно те из них, кто получил образование.

На окраинах мусульманского мира, главным образом в Африке и в некоторой степени в Юго-Восточной Азии, ислам сохранил свою привычную уверенность. В этих регионах ислам предложил людям, отвергавшим традиции племенной и местнической организации, путь к ци-

На уровне личности обычная реакция на несовместимость исламской ортодоксии и современной мысли приводила к тягостной фрагментации сознания³⁴. Неискреннее прославление ислама и таких западных идеалов, как демократическое правление, плюс постоянная неспособность следовать заповедям хотя бы одной из этих религий – все это было общественным эквивалентом личного раздвоения сознания наиболее образованных мусульман. Необходимо было предпринять усилия, чтобы вырваться из внутренне неустойчивого положения. Радикальная секуляризация государства в Турции и в Российской Средней Азии произошла во время кемалистской (1919–1923 гг.) и большевистской (1917–1922 гг.) революций. В 1925 г. Персия тоже вступила на путь менее радикальной, но вполне явной политики секуляризации после вступления на престол Реза-шаха. На другом конце спектра ваххабиты-пуритане, стремившиеся к исламизации абсолютно всех сторон жизни человека путем возврата к моделям примитивного мусульманского общества, пришли к власти в Аравии с победой Абд аль-Азиза Ибн Сауда (1919–1925 гг.).

Только будущее даст нам возможность увидеть результаты этих экспериментов. В Турции реакция против безбожия Мустафы Кемалю стала очевидной в 1950-х гг. Но информация о мусульманских сообществах Советского Союза и Китая слишком неполна, чтобы можно было сделать какие-либо выводы. Равным образом религиозный пыл ваххабитского движения в Саудовской Аравии, попав под золотой дождь открытых нефтяных месторождений, несколько поутих. Возможно, самый большой интерес представляет Пакистан. Эта страна была образована в 1947 г. как мусульманское государство, самым смыслом существования которого является мусульманская вера большинства его граждан. Более того, благодаря школам и армии Британской Индии, состоятельные граждане Пакистана оказались намного больше осведомлены о западной культуре, чем кто-либо в мусульманском мире. Если бы возможно было где-нибудь достичь слияния между западными и исламскими идеями и обычаями, то, похоже, именно здесь. Однако успех отнюдь не был ослепительным. Пакистан, подобно другим мусульманским государствам мира, похоже, оказался в положении страны, для которой Свя-

вильзованной жизни, особенно привлекательный с тех пор, как начались их выступления против христианства правящих европейцев. См. эссе о тропической Африке и Индонезии Gustave E. von Grunebaum, *Unity and Variety in Muslim Civilization* (Chicago: University of Chicago Press, 1955), pp.261-310; Jean-Paul Roux, *L'Islam en Asie* (Paris: Payot, 1958), pp.251-74; Alphonse Gouilly, *L'Islam dans l'Afrique occidentale française* (Paris: Larousse, 1952), pp.267-92.

³⁴ Формально образовательная система Египта отражала этот компромисс, доверяя религиозное образование выпускникам мусульманского университета аль-Асхар, при этом одновременно приглашая для преподавания «новых» наук учителей, получивших образование в Европе.

щенный закон классического ислама настолько же неудобоварим, насколько и неизбежен – по крайней мере пока³⁵.

Промышленный капитализм оказал на мусульманский мир меньшее влияние, чем демократическая революция. Западные товары, произведенные машинами, уже повсеместно разрушили ручное производство, и западные предприниматели внедрили в местную экономику некоторые важные отрасли перерабатывающей промышленности – прежде всего нефтяной. Но из-за отсутствия последовательности и проницательности у мусульманских политических вождей исламские предприниматели лишь в малой степени внедрили современную промышленность в своих странах до 1950 г. Даже когда государство предпринимало усилия по резкой индустриализации, как это было в кемалистской Турции, успехи были незначительными, поскольку в соответствии с давними традициями население государства считало торговлю и экономическое регулирование уделом презираемых религиозных меньшинств – евреев, армян и греков³⁶.

3. ИНДУИСТСКАЯ ИНДИЯ

Восприятие западных идей индусами в целом проходило много легче, чем мусульманами. Многовековая враждебность не отделяла Индостан от Запада; более того, индуистское большинство населения не было так уж недоволено британской победой над мусульманским владычеством в Индии. Отсутствие строгой религиозной доктрины в индуизме позволило индусам легче рассматривать западную культуру с позиций ее собственных ценностей или по крайней мере избегать таких парализующих столкновений, какие

³⁵ См. Leonard Binder, *Religion and Politics in Pakistan* (Berkeley, Calif.: University of California Press, 1961).

³⁶ В дополнение к работам, цитированным ранее, в исследованиях мусульманства мне очень помогли: Wilfred Cantwell Smith, *Modern Islam in India: A Social Analysis* (London: Victor Gollancz, 1946); George E. Kirk, *A Short History of the Middle East* (London: Methuen & Co., 1948); George Antonius, *The Arab Awakening* (London: Hamish Hamilton, 1938); T. Cuyler Young (ed.), *Near Eastern Culture and Society: A Symposium on the Meeting of East and West* (Princeton: Princeton University Press, 1951); H. A. R. Gibb (ed.), *Whither Islam?* (London: Victor Gollancz, 1932); H. A. R. Gibb, *Modern Trends in Islam* (Chicago: University of Chicago Press, 1947); Richard N. Frye (ed.), *Islam and the West* (Gravenhage: Mouton, 1957); A. J. Arberry and Rom Landau, *Islam Today* (London: Faber & Faber, 1943); Alfred Bonne, *State and Economics in the Middle East* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1948); David S. Landes, *Bankers and Pashas: International Finance and Economic Imperialism in Egypt* (London: Heinemann, 1958); Richard A. Pierce, *Russian Central Asia, 1867–1917* (Berkeley, Calif.: University of California Press, 1960); Vincent Monteil, *Les Musulmans soviétiques* (Paris: Édition du Seuil, 1957); Olaf Caroe, *Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism* (London: Macmillan & Co., 1953); Walter Z. Laquer, *Communism and Nationalism in the Middle East* (New York: Praeger, 1956).

происходили между западными идеями и предписаниями мусульманского Священного закона³⁷. Кроме того, западное присутствие в Индии было гораздо более интенсивным и широким, чем в какой-либо другой части Азии, и Индия приобрела многие западные атрибуты, такие как система образования по британскому образцу, знаменитая Индийская гражданская администрация, современный свод законов, армия, полиция, экономическое предпринимательство и связь. Эти институты в огромной мере увеличили возможности как для европейцев, так и для индусов изучить достижения культуры друг друга.

Британское присутствие в Индии уже само по себе позволяло преобразовать индийское общество путем одновременного предоставления возможности принять западный стиль и поощрения тому, кто так и сделал. Британцы постепенно низвели коренных индийских правителей и всю правящую клику до статуса марионеток или просто сместили их. Административная власть под британским присмотром перешла в руки индусов, получивших образование на Западе. Одновременно были востребованы и представители других профессий для осуществления британского владычества. Такие люди, чья работа часто требовала находиться в тесном контакте с англичанами и чья карьера зависела от того, насколько они оправдают надежды своих английских патронов, имели сильные мотивы персонально воспринять западный образ жизни. И поскольку обязанности по реальному административному управлению были возложены именно на таких индусов, ассимилировавших западные манеры наиболее эффективно, это сделало влияние англизированного слоя непропорционально большим по сравнению с его долей в населении Индии и по сравнению с тем, чего он мог бы достичь без британской поддержки.

По этой, а возможно, и по другим причинам индуизм, который из четырех главных древних цивилизаций мира к началу современной эры наиболее пострадал, реагировал на изменения в своем наследии, вызываемые западной цивилизацией, более гибко, чем мусульмане или (по крайней мере

³⁷ Различные индуистские обряды, да и само индуистское благочестие, конечно, входили в острое противоречие с мировоззрением и отношениями Запада. Однако студенты, обучавшиеся в Калькутте или Лондоне, став полузападниками и борцами с предрассудками, по возвращении домой могли вновь столкнуться с местными и семейными обычаями традиционного индуистского окружения и приспособиться к ним. И наоборот, ислам провозглашал универсальную действенность и поэтому был независим, по крайней мере теоретически, от местных обрядов и социальных обстоятельств, что не было присуще индуизму. Ислам не мог быть снят и выстиран, как одежда, тогда как индуизм мог, по крайней мере без серьезной логической непоследовательности, быть применен к социальным обстоятельствам, с которыми он оказывался созвучным, и отложен в ином случае, когда его традиционная применимость оказывалась недостаточной для удовлетворения текущих нужд.

до 1950 г.) Китай. Промышленная и демократическая революции имели свои аналоги в Индии, и путем смешения характерных особенностей британской и индийской культур обе они получили дополнительный толчок к развитию.

Промышленное и экономическое развитие Индии в 1850–1950 гг. определялось противоречием между политической практикой и политическим принципом. Практика, утверждая власть и верховенство британской административной машины, создала Индийскую гражданскую администрацию и со временем ряд подчиненных ей провинциальных служб. Но британский политический принцип требовал ограничить управленческую активность, сосредоточившись в основном на внутреннем порядке и защите границ и не вмешиваясь в частное предпринимательство. Очевидно, что соединение британского либерализма XIX в. с действенной, централизованной, наделенной властью бюрократией, очень похожей на ту, которая существовала в восточных империях Европы в XVIII в., должно было привести к серьезным аномалиям. Индия их получила сполна.

Говоря коротко, сверхсовременность постоянно совмещалась с незапамятной древностью, в которую правительство предпочитало не вмешиваться. Экономические и технологические достижения, которые, как было решено, попадали под юрисдикцию правительства, вводились быстро и систематически, причем в таких масштабах и с такой степенью рациональности, что это превосходило что-либо виданное в Англии. Превосходным примером может служить сеть железных дорог в Индии. Широкомасштабное строительство шло в соответствии с планом, утвержденным генерал-губернатором в 1853 г. Несмотря на колебания: передать дороги в государственную или в частную собственность, и неудачное применение двух стандартов колеи, официальный контроль над индийскими железными дорогами был пристальным и сделал железнодорожную сеть очень развитой. К концу XIX в. почти 50 тыс. миль путей пролегли по субконтиненту³⁸. Ирригационные работы, особенно в Пенджабе, составляли другой аспект деятельности британской администрации в сфере экономики, в то время как дороги, оборудование портов и городское строительство оказались вне сферы ее внимания.

С другой стороны, частный сектор оставался все еще не развит. ДЕРЕ-

³⁸ Перенос столицы из Калькутты в Дели в 1911 г. стал символом новой основы власти и нового принципа экономического и политического развития, принесенного железными дорогами. Морские порты, такие как Калькутта, Бомбей и Мадрас, больше не могли выполнять функции размещения администрации, управляющей огромной внутренней территорией Индии.

венские обычаи ограждали подавляющее большинство индийцев от всех преимуществ и новых возможностей, которые открывали перед ними новый транспорт и технология. Большинство индийцев были очень далеки от предприимчивости, необходимой для либеральных планов британской администрации. Даже богатые и купеческие классы обычно предпочитали старое традиционное ростовщичество или прямое вкладывание денег в земельную собственность промышленным или другим непривычным формам экономической активности. Как результат, современные предприятия и компании, которые возникали в это время, в большинстве своем контролировали европейцы, парсы или другие иностранцы. Либеральные экономические принципы, которые успешно функционировали в Британии, где прочно укоренился класс предпринимателей, далеко не так успешно работали в Индии, где стремительный рост сельского населения равнялся (а возможно, и превосходил) существенным темпам роста сельскохозяйственной и промышленной продукции. Тем не менее с 1880-х гг. фабричная промышленность становится в Индии реальностью. Текстильная, как хлопчатобумажная, так и джутовая, промышленность стала первой важной отраслью современной индустрии, а за ней последовали металлургия (сталелитейная промышленность с 1913 г., алюминиевая с 1944 г.) и другие отрасли³⁹.

Голод и война изменили отношение между квалифицированной бюрократией, которая принципиально оставляла экономические вопросы на усмотрение частных лиц, и апатичным обществом, которое за редкими исключениями даже не представляло себе, как начать действовать на ниве новых, неиспытанных экономических возможностей. Принцип человеколюбия подвиг британских чиновников предпринять все возможное для предотвращения опасности голода, который всегда грозил, если ослабление муссонов приводило к падению количества осадков ниже определенного уровня. Специальный свод законов о голоде, составленный в 1883 г., предписывал меры, принятие которых предотвращало значительные жертвы в сезоны неурожая. В соответствии с этими законами чиновники обязаны были предпринимать шаги, направленные на импорт и распространение продовольствия в регионах, страдающих от голода, и организовывать выполнение работ, оплата за которые позволила бы поддержать население, пострадавшее от голода. В результате принятых мер оказалось возможным избавиться от некоторых традиционных для Индии тягот, вызываемых голодом, вопреки все возрастающему недостатку площадей, годных для земледелия, что становилось все более явным начиная с 1870-х гг.

³⁹ К концу Второй мировой войны, согласно мнению некоторых исследователей, Индия заняла шестое место в списке наиболее развитых индустриальных государств. Vincent A. Smith, *The Oxford History of India*, Percival Spear (ed.) (3d ed.; Oxford: Clarendon Press, 1958), p.835.

Первая и Вторая мировая война повлекли значительно большее отступление от привычных методов управления. Оба эти события убедительно показали уязвимость Индии – даже временное нарушение каналов снабжения различными продуктами из Англии вызвало неожиданно сильные неприятные последствия для индийской армии и правительства. Поэтому чиновники энергично взялись за срочные программы развития или увеличения местных запасов тысяч наименований – недолго и без большого успеха во время Первой мировой, а затем более систематически и весьма успешно во время Второй мировой войны. Это потребовало специального вмешательства, чтобы уговорами, лестью и обещаниями побудить частных лиц действовать в духе новых экономических отношений, если казалось, что это проще, чем организовать государственные предприятия.

К концу Второй мировой войны, когда Индия стала политически независимой, она отказалась от старой сдержанности правительства в сфере экономики в пользу смешанного типа экономики, в которой и частные, и общественные предприятия функционировали в пределах системы государственного регулирования, стремящегося помочь или даже принудить экономику к развитию промышленности. После некоторых крайностей в распределении новое индийское правительство оживило и увеличило систему официальной стимуляции и направления экономического роста, которая возникла во время войны. И мы еще увидим, опередит ли рост народонаселения Индии результаты усилий по увеличению производства промышленной продукции.

Парсы и англичане, а также небольшое число греков и левантийцев были пионерами современной промышленности в Индии. Но бенгальцы и вскоре последовавшие за ними гуджаратцы, маратхи и другие стали лидерами в проведении идей демократической революции. Как мы видели, Раммохан Рай (ум. 1833) в начале XIX в. указал путь. Постепенная консолидация школьной системы на основе английской модели в последовавшие за 1835-м годы подготовили нужные кадры, а неудача восстания 1857–1858 гг. дискредитировала старые социально-политические идеалы. Затем целое поколение прошло обучение в новых школах, воспринимая европейское понимание политических прав, и в итоге веяние новых доктрин нашло свое организационное воплощение в партии Индийский национальный конгресс (основан в 1885 г.). Однако потребовалась жизнь еще одного поколения, чтобы политические выражения протеста и петиции дополнились массовыми демонстрациями, воодушевлением демагогов-ораторов и тайным терроризмом.

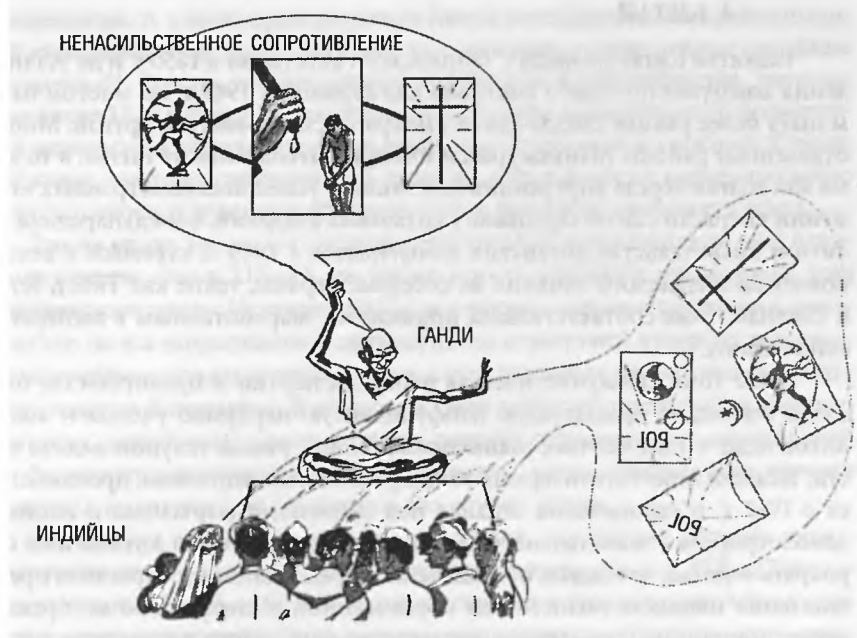
Впрочем, тайные ячейки, пароли и активность революционных студенческих обществ в Калькутте в 1905–1907 гг., как и парламентский образ действий самого Индийского национального конгресса, основывались на

зарубежных моделях и довольно мало восприняли от своего индийского окружения. Первое современное и в то же время исконно индийское политическое движение возникло после Первой мировой войны под руководством Мохандаса Карамчанда Ганди (ум. 1948). В нем харизматически сочетались индийская и западная святость, что принесло ему титул «Махатма», т.е. Великая душа, и волнения, которыми он руководил, сочетая решительное гражданское неповиновение с эмоциональным отказом от насилия, в 1947 г. принесло Индии независимость.

Мысль Ганди и его действия эффективно слили индуистский аскетизм с христианским пацифизмом и демократическим секуляризмом. Сравнительно разные точки зрения, иногда соединявшиеся в сознании одного человека, а иногда воплощенные в отдельных личностях или группах, сплавлялись в форму индийского национального движения и партии Конгресса. Такое первоначальное смешение коренных индийских и экзотических западных идей и методов было новым явлением. Более того, ранее не существовало такого массового движения, которое бы руководило огромным большинством индийского городского населения, охватывая все его классы, воздействуя даже на сельское население и поддерживая себя достаточно долго на высоком, но хорошо контролируемом эмоциональном уровне.

Эти достижения сделали реальностью демократическую теорию, в соответствии с которой каждый обычный человек должен иметь право голоса в политических делах. Однако последователи Ганди были более прочно объединены своей оппозиционностью правлению Британии, чем поддержкой каких-либо позитивных программ. Усилия по воскрешению ремесленного производства не входили в экономические планы нового индийского правительства, и, конечно, в холодном свете точных расчетов ручная прялка Ганди не могла решить проблему бедности в Индии. Кроме того, выступления Ганди за предоставление прав касте неприкасаемых возбудили глубокое недовольство среди религиозных консерваторов. В добавок ко всему массовый характер движения Ганди пугал индийских мусульман и провоцировал их на кажущееся вначале безнадежным, но тем не менее оказавшееся успешным требование о создании отдельного, особого государства – Пакистана.

Будущее покажет, как гуманные и благородные идеалы переживут время и как они будут вписываться в демократические, парламентские рамки индийского правительства, согласовываться с просвещенным деспотизмом бюрократического планирования, со всеми страстями, возникающими вследствие религиозных и языковых отличий, и экономическими трудностями, коренящимися в диспропорциях между ростом населения и экономическим развитием. Однако подводные камни будущего едва ли опаснее, чем препятствия недавнего прошлого, которые сумели преодолеть индийцы. В мас-

УЧЕНИЕ ГАНДИ

штабах, сравнимых только с китайскими, правительство и общество Индии предложили пример интерпретации западных и местных идей, технологии и общественных институтов. Глядя из 1960-х, можно с уверенностью сказать, что западные элементы укоренились в Индии. Начиная с 1947 г. западная социальная революция XX в., кажется, слилась с индийской «национальной» революцией, сделав Индию одним из участников и партнеров во всемирном, космополитическом, европоориентированном социальном процессе.

На становление Индии в этом качестве можно своеобразно взглянуть через призму искусства. Рабиндранат Тагор, чья поэзия спланировала воедино европейские, санскритские и бенгальские литературные формы и идеи, был одним из тех, кто добился мирового признания, и невозможно сказать, окажется ли интерес к его творчеству только модой или это литературное наследие будет востребовано еще очень долго⁴⁰.

⁴⁰ В дополнение к книгам, цитированным ранее, я также использовал работы по индийской истории: Abdullah Yusuf Ali, *A Cultural History of India during British Rule* (Bombay: D.B. Taraporevala Sons, 1940); Nirad C. Chaudhuri, *The Autobiography of Unknown Indian* (New York: Macmillan Co., 1951); Romesh Chunder Dutt, *An Economic History of India in Victorian Age* (2d ed.,

4. КИТАЙ

Развитие Китая начиная с Тайпинского восстания в 1850 г. и до установления коммунистического контроля над страной в 1949 г. во многом напоминает более ранние смены одной императорской династии другой. Многие отдаленные районы Маньчжурской империи откололись от Китая, в то время как долгая череда внутренних восстаний и успешных иностранных вторжений потрясли самую сердцевину китайских владений. Международная политика правительства китайских коммунистов с 1949 г., стремясь к восстановлению китайского влияния на соседние страны, такие как Тибет, Корея и Вьетнам, тоже соответствовала принципам, выработанным в императорский период.

Более того, коммунистическая иерархия партии и правительства была очень похожа на предыдущую конфуцианскую иерархию ученых и чиновников даже в том, как они взаимодействовали, решая текущие задачи власти. В самом деле, тоталитарный государственный социализм, проявившийся с 1917 г. в европейских странах под знаменами марксизма и нацизма, демонстрировал значительное сходство с традиционными китайскими бюрократическими методами, принципами и предписаниями. Практика предоставления широких полномочий образованной и специально отобранной элите, принцип использования государственной власти в интересах народа в целом и оправдание этим даже жесточайшего подавления инакомыслия, а также предрассудки против такого воплощения зла, как спекулянты и бабрышники, иностранцы и религиозные суеверия, были общими как для добродетельных конфуцианцев, так и для истинных коммунистов и нордических партайгеноссе.

Другой главный институт китайского общества – семья пережила столетие 1850–1950 гг. так же, как она пережила экономические трудности и политические потрясения других периодов. Нескрываемое отречение от конфуцианского семейного благочестия, которое стало заметным явлением после 1917 г., привело к оспариванию сыновнего долга среди образованных молодых китайцев, старающихся не замечать своей связи с предыдущими

London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1929); J.N.Farquhar, *Modern Religious Movements in India* (London: Macmillan & Co., 1929); Atulchandra Gupta, *Studies in the Bengal Renaissance* (Jadavpur: National Council of Education, Bengal, 1958); J.C.Ghosh, *Bengali Literature* (London: Oxford University Press, 1948); Percival Griffiths, *The British Impact on India* (London: Macdonald, 1952); Percival Griffiths, *Modern India* (London: Ernst Benn, Ltd., 1957); R.C.Majumdar et al., *An Advanced History of India*, pp.829-1004; Lewis S.S.O'Malley, *Modern India and the West* (London: Oxford University Press, 1941); K.M.Paniikar, *A Survey of Indian History* (3d ed.; Bombay, Calcutta, New Delhi, Madras: Asia Publishing House, 1956); William Theodore de Bary, *Sources of Indian Tradition* (New York: Columbia University Press, 1958).

поколениями. А в некоторых регионах Китая зарождающийся промышленный капитализм еще более, хотя и не так очевидно, теснил старые семейные отношения⁴¹. Однако традиционные отношения и обязательства, которые даже после 1917 г. продолжали оставаться в крови подавляющего большинства молодых китайцев, оказались необычно прочными и гибкими. Семейные связи часто восстанавливали даже те, кто в юности недвусмысленно заявлял о своем отрицании конфуцианской формулы сыновнего долга.

Тем не менее эта впечатляющая непрерывность традиции не дает основания считать, что в XIX–XX вв. Китай просто проходил привычный этап исторического цикла. Начиная с 1917 г. китайское высокообразованное меньшинство со все возрастающим единодушием и энергией отвергло весь комплекс конфуцианского кодекса жизни, с его древними понятиями о приличиях, манерах и политике. В конечном счете характер китайской жизни определился радикальным воздействием резкого переключения лояльностей, тем более что интеллектуальная элита смогла легко использовать древние китайские политические институты для новых целей.

Все идеалы, исповедуемые образованными китайцами, пришли непосредственно из космополитической культуры Запада. Даже в XIX в. Тайпинское восстание (1850–1864 гг.), которое ударило в самое сердце Маньчжурской империи, провозглашало идеалы христианского братства, хотя даосские и буддийские элементы, с самого начала сплавленные с христианскими мотивами, по мере успеха восстания становились все более явными⁴². После унижающего военного поражения от японцев в 1895 г. поколение революционных лидеров, из которых наиболее известным был Сунь Ятсен, почти панически бросилось искать новые талисманы государственного и национального спасения. Мировые великие державы предлагали очевидные модели, и стало совершенно очевидным, что западные народы, а к тому времени и Япония организовали свои общества много успешнее, чем смог это сделать Китай. Соответственно Сунь Ятсен и другие революционеры начали искать западные политические и экономические идеи (часто профильтрованные через Японию). Они действовали очень наивно, глубоко не разбираясь ни в классической китайской, ни в западной культурной традиции. После 1917 г. Октябрьская революция в России предложила другой, очень за-

⁴¹ См. Hsiao-tung Fei, *Peasant Life in China: A Field Study of Country Life in the Yangtze Valley* (New York: Oxford University Press, 1946), pp.233–35 and *passim*; Chow Tse-tsung, *The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960), pp.257–59.

⁴² См. Eugene Powers Boardman, *Christian Influence upon the Ideology of the Taiping Rebellion, 1851–64* (Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1952).

манчивый⁴³ источник чужеземного вдохновения, и с 1949 г. коммунистическая идеология успешно захватила интеллектуальную и политическую монополию в континентальном Китае.

Все это идеологическое непостоянство расцветало на фоне довольно скромных институциональных изменений. До рубежа веков политика правительства и конфуцианского дворянства, сохранявших социальное лидерство в глубинке, была направлена на минимизацию любого влияния Запада и его присутствия в Китае. После 1842 г., когда британские военные суда впервые принудили китайскую власть приспосабливаться к иностранным коммерческим и дипломатическим методам, и еще более выразительно после 1858–1860 гг., когда возобновившееся проникновение Британии и России в Китай заставило последний увеличить привилегии иностранцам, правители Китая уже не могли делать вид, что заморские варвары – это их данники. Тем не менее большинство мандаринов предпочитали не замечать величайшие нарушения этикета: наивный этноцентрический универсализм конфуцианства запрещал признание равенства – тем более превосходства – любых альтернативных систем общества и цивилизации.

Необходимость справиться с Тайпинским восстанием привела энергичных и дальновидных реформаторов на ключевые посты в китайском правительстве. Они стремились перевооружить армию и флот, улучшить арсеналы, считая эту реформу основной для развития своей страны по западному образцу. Однако по окончании Тайпинского восстания официальные реформы пошли на спад: отчасти из-за неприятия их консервативными умами, но главным образом потому, что они сами носили половинчатый характер. Их главной целью было сохранение старого порядка, и когда нововведения начинали этому порядку угрожать, правительство просто отказывалось от них. Для того чтобы дать Китаю армию, вооружение, промышленность и средства связи, с которыми он чувствовал бы себя достаточно независимым,

⁴³ Притягательность марксистско-ленинской доктрины в Китае очень походила на притягательность различных экзотических религий для народов, находившихся на окраинах той или иной устоявшейся высокой цивилизации. Так же, как уйгуры предпочли манихейство или хазары иудаизм любым другим ортодоксальным верованиям их цивилизованных соседей, китайцы и другие гордые неопиты западноцентрического космополитизма совершенно предсказуемо предпочли коммунизм любым другим установившимся ортодоксиям Запада. Только так неопит мог противостоять своим учителям и одновременно учиться у них.

По мере того как коммунизм сам стал устоявшейся ортодоксией – сперва в России, потом в Китае, – это его преимущество оказалось утраченным. Во всем мире для людей, не вовлеченных в противостояние, нет худшего выбора, чем безальтернативный коммунизм или либерализм. Интеллектуальная, равно как и политическая, независимость представляют особую важность для народов, чувствующих себя обойденными.

требовалась гораздо более глубокая модификация китайского общества, чем того хотели реформаторы 1860-х гг.⁴⁴

В последние годы XIX в. события ускорили крушение конфуцианского режима. Победа Японии в 1895 г. и неудача Боксерского восстания в 1900–1901 гг. еще раз унизили Китай как державу и убедили в необходимости коренных перемен даже тех, кто, яростно сопротивляясь, придерживался освященных веками догм. Реформы проводились во многих направлениях. Те изменения, которым подвергался аппарат управления в течение довольно длительного времени как до, так и после отречения от престола последнего императора маньчжурской династии в 1912 г., обычно носили поверхностный характер и оказались неэффективными для усиления мощи Китая. Однако в системе образования изменения были глубже и существеннее и достигли своей цели преобразования интеллектуального климата в стране. Отмена императорских экзаменов, основанных на знании претендентом конфуцианской классики, резко положила конец методу, по которому правящая клика отбирала претендентов на включение в свой состав на протяжении более чем двух тысячелетий. В результате честолюбивые молодые люди, которые раньше были обречены всю свою жизнь изучать классику Древнего Китая, хлынули в образовательные учреждения Запада. Идеологическая многоголосица, сопровождавшая отрыв от традиционной опоры, обрушилась на миллионы китайцев, чье детство и ранние годы обучения проходили в традиционных рамках, а потом они оказались подхвачены вихрем чужеземных и часто лишь наполовину понимаемых идей⁴⁵. Но для каждого, кто пережил такие потрясения в юности, любой моральный, политический или интеллектуальный выбор в дальнейшей жизни был связан с внутренней неустроенностью и уязвимостью. Как результат, даже самые эмоционально выраженные убеждения могли резко уступить новомодной доктрине, которая обещала еще более быстрое спасение от мучительных колебаний в мыслях и неэффективности в действиях. Массовое вступление в ряды гоминьдана в 1920-х гг. и более поздняя коммунистическая консолидация в Китае стали возможны только благодаря такой интеллектуальной изменчивости.

Но несмотря на пылкость, с которой китайские интеллектуалы и поли-

⁴⁴ См. Mary Clabaugh Wright, *The Last Stand of Chinese Conservatism* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1957).

⁴⁵ По некоторым оценкам, 10 млн китайцев в 1917 г. получали образование по западному образцу. См. Chow Tse-tung, *The May Fourth Movement*, pp.379–80. Странно думать, что такой человек, как Мао Цзедун, формировался в сугубо конфуцианском окружении и принял марксизм только в 27 лет. Другие лидеры китайских коммунистов в своей жизни также преодолели пропасть между старым и новым режимами, факт, который гарантирует, что многое из прошлого будет перенесено в любое будущее, которое смогут создать китайские коммунисты.

тики обсуждали западные идеи, их влияние на Китай до 1950 г. было повер-хностным. Огромная масса китайского крестьянства, составляющая 80% населения, была подобна великому океану, уровень которого не могли заметно повысить ручейки западных товаров и потоки миссионерских проповедей. Временный успех Тайпинского восстания, постоянная слабость маньчжурского режима, взлет и падение гоминьдана и успех коммунистов в 1930-х и 1940-х гг. – все это обернуло классовое крестьянское недовольство против арендодателей, сборщиков налогов и ростовщиков, большинство из которых по соображениям деловых связей и безопасности жили в городах⁴⁶. Но подобное часто случалось в истории Китая и раньше – по мере приближения каждой династии к своему концу. Насилие, голод и болезни, которые преобладали в китайских обширных сельских регионах в первой половине XX в., были не более чем традиционным, хоть и грубым, средством улаживания увеличившихся диспропорций между землей, рентой, налогами и населением. Наличие западных фабричных товаров, например хлопчатобумажной одежды и керосина, могло обострить бедствия крестьянства в некоторых частях Китая, приводя в упадок сельские ремесла. Городские ремесленники также пострадали из-за того, что вкусы богатой части населения переменялись в пользу экзотических западных изделий. С другой стороны, новые или расширившиеся промыслы, такие как производство тунгового масла, вольфрамовой руды, чая и шелка для западных и мировых рынков, увеличивали возможности заработка для этих же классов.

Современная машинная индустрия сделала первые скромные шаги в Китае в 1840-х гг. и получила значительное ускорение только после 1895 г., когда договор об окончании японско-китайской войны дал иностранцам право возводить заводы и фабрики на китайской земле, одновременно предоставляя привилегии в торговле товарам, импортируемым из-за границы. Первая мировая война прервала поставки из Европы и тем самым временно подтолкнула развитие китайской промышленности, особенно в производстве хлопчатобумажной одежды, но конкуренция с Японией, финансовая и общая нестабильность межвоенного периода помешали ускоренному развитию современной промышленности в Китае. Такие большие современные города, как Шанхай и Тяньцзинь, не превратились в крупные индустриальные комплексы, но остались ведущими торговыми и финансовыми центрами в основном под контролем иностранцев.

Железные дороги в Китае не играли такой важной роли, как, например,

⁴⁶ Эмоциональные, но подробные исследования собраны в работе: M.P.Redfield (ed.), *China's Gentry: Essays in Rural-Urban Relations by Hsiao-tung Fei* (Chicago: University of Chicago Press, 1953).

в Индии. Широкомасштабное строительство началось только в первой декаде XX в., и создание дорог, связывающих важные пункты страны в единую сеть, сопровождалось яростной борьбой и интригами между европейскими финансовыми группами, делавшими вложения в строительство железных дорог в Китае. Более того, даже там, где железные дороги были построены, они функционировали нерегулярно из-за финансовых и административных беспорядков и постоянных военных действий⁴⁷.

Действительно широкомасштабные и успешные усилия по созданию в Китае современных промышленности и транспорта были отложены до появления по-настоящему эффективного правительства, способного установить в стране мир. Это произошло в 1929 г., когда гоминьдан взял власть в Китае, но вскоре возобновились атаки японцев (1931 г.) и волнения в провинциях. Мир наступил снова только в 1949 г. Таким образом, до этого времени промышленная революция только затронула Китай. Основа старых экономических отношений в городе и деревне оставалась все той же. Западное присутствие спровоцировало необычайно бурный подъем китайской экономики, подобный тому, который вызвали монголы в XIII в., но это все еще была не фундаментальная трансформация.

Только после того, как Китай завершил традиционный цикл эволюции от одного сильного политического режима к другому, западный космополитизм получил возможность встать лицом к лицу с традиционными китайскими общественными институтами в широком масштабе. И до тех пор, пока традиционные социальные диспропорции в китайском обществе вызывали традиционную ответную реакцию в виде насилия и беспорядков, острие западного экономического проникновения было притуплено. И все горячие дебаты среди образованного меньшинства – о приверженности к западным формам и их глубокой важности для отдаленного будущего Китая – оказывали действительно мало практического влияния на немедленное внедрение западного промышленного капитализма. Действительно глубокое и имеющее решающее значение противоречие между китайской и западной цивилизациями – дело будущего. Именно оно обещает наиболее важное культурное взаимодействие XX в. и, возможно, XXI в.

В век таких острых перемен, когда моральные, равно как и экономические и политические, стандарты постоянно менялись, трудно ожидать расцвета высокого и безмятежного культурного творчества. Однако среди важных реформ, особенно в письменности, был проект Ху Ши (1919 г.) о принятии народной речи как стандарта литературного языка и более позднее

⁴⁷ См. E-tu Zen Sun, «The Pattern of Railway Development in China», *Far Eastern Quarterly*, XIV (1955), 179-99.

предложение коммунистов создать алфавит для китайского языка. Сильные интеллектуальные и ученые традиции страны содействовали введению западной науки и образованности в Китае, частично благодаря усилиям миссионеров, частично благодаря студентам, которые обучались за границей в западных университетах. Особенно в области китаистики соединение китайских и западных методик, подкрепленное предложением стипендии, часто оказывалось очень плодотворным. Однако по сравнению с великим прошлым столетие 1850–1950 гг. оказалось низшей точкой в культурных достижениях Китая⁴⁸.

5. ЯПОНИЯ

Во время сегуната Токугава японская цивилизация проявляла удивительную двойственность, балансируя между противоположными крайностями. Так моральный идеал воина со всеми его спартанскими требованиями вступал в противоречие с потворством жизнелюбию укие-э, и между этими двумя моральными кодексами не существовало среднего пути. Япония была официально закрыта для внешнего мира; однако любопытство к «голландской учености» могло преодолеть громадные препятствия. Опять же личные наследственные узы японского феодализма лишь маскировали, но не могли скрыть нити бюрократической администрации в каждом из шестидесяти или около того отдельных феодальных ленов, или территорий кланов, на которые была разделена Япония. Но более мучительным было разделение между экономической и политической властями, позволяющее процветать презренным купцам, в то время как крестьяне и воины, превосходившие их по

⁴⁸ В дополнение к цитированным ранее книгам, я использовал следующие работы, посвященные Китаю: George C. Allen and Audrey G. Donnithorne, *Western Enterprise in Far Eastern Economic Development: China and Japan* (London: Allen & Unwin, Ltd., 1954); G.E. Hubbard, *Eastern Industrialization and Its Effect on the West* (London: Oxford University Press, 1938); Kuo-heng Shih, *China Enters the Machine Age* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1944); Li Chien-nung, *The Political History of China, 1840–1928* (Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1956); E.R. Hughes, *The Invasion of China by the Western World* (London: Adam & Charles Black, 1937); Ssu-yu Teng, *New Light on the History of the Taiping Rebellion* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950); Siang-tseh Chiang, *The Nien Rebellion* (Seattle, Wash.: University of Washington Press, 1954); Meribeth E. Cameron, *The Reform Movement in China, 1898–1912* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1931); Hu Shih, *The Chinese Renaissance* (Chicago: University of Chicago Press, 1934); F.F. Liu, *A Military History of Modern China, 1924–49* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1956); Étienne Balasz, «Les Aspects significatifs de la société chinoise», *Asiatische Studien*, VI (1952), 77–87; Franz H. Michael and George E. Taylor, *The Far East in the Modern World* (New York: Henry Holt & Co., 1956); Kenneth Scott Latourette, *A History of Christian Missions in China* (New York: Macmillan Co., 1929); Chiang Monlin, *Tides from the West: A Chinese Autobiography* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1947); Y. Chu Wang, «The Intelligentsia in Changing China», *Foreign Affairs* (1958), 315–29.

традиционной общественной шкале, страдали от постоянной нищеты. Итак, натянутые, но стабильные отношения между императором и сегуном просто символизировали дуализм, пронизывающий всю японскую жизнь. Святой и безвластный монарх, почитаемый как источник власти и окруженный паутиной ритуала, почему-то терпел наследников удачливых головорезов начала XVII в. и был терпим ими. И сегуны рода Токутава, которые правили Японией тяжелой рукой при помощи целой армии чиновников, шпионов и солдат, искусно балансировали на острие противоречивых интересов различных людей, классов и кланов.

Письменного повеления из дворца сегуна было достаточно, чтобы сохранять равновесие между такими кажущимися несовместимыми интересами. Но когда такое повеление было проигнорировано, как в 1850-х гг. из-за конфликта между кланами, решавшими, кто сменит бездетного правителя, даже такая незначительная непредвиденная случайность, как появление «черных кораблей» commodора Пири (1853–1854 гг.), вызвала далеко идущие глубокие изменения в японском обществе и цивилизации.

Реорганизация японской политики и экономики, проходившая до Второй мировой войны, явила миру не имеющий себе равного пример успешного реагирования на европейские стимулы – успешного в смысле способности нации сперва противостоять, а затем и отразить наступление западных наций, чьи корабли и торговля ускорили падение режима Токутава. Однако политика быстрого и массированного освоения западной техники и технологий не снимала внутренних противоречий, присущих Японии периода Токутава. Наоборот, успех, с которым японцы заимствовали различные аспекты западной цивилизации – особенно в области производства военной техники, – зависел от мастерства балансирования между старыми и новыми элементами. Таким образом, почти незатронутая, продолжавшая существовать в старых образцах, безошибочно японская социальная иерархия с определенными моделями поведения для представителей различных социальных слоев позволила маленькой группе вождей в течение одного поколения довести до конца изменения военных и экономических институтов и перестроить политическую систему Японии по западному образцу⁴⁹.

⁴⁹ Китайская идеологическая изменчивость перед лицом сравнительно прочной институциональной стабильности была антитезой ситуации в Японии. Парадоксально, но идеологическая стабильность в Японии сохранялась благодаря организованной нестабильности институтов, поддерживаемой лидерами-самураями. Соответственно быстрота институциональных изменений стала возможной только благодаря традиционным ценностям и обновленным мифам и символам строгой социальной дисциплины.

Ср. европейские радикальные революции периода Реформации, проведенные во имя восстановления древних ортодоксий.

Психологическое напряжение, порой приводящее к внезапным изменениям в поведении, непостижимым для посторонних, возникло в Японии задолго до окончания ее изоляции в 1854 г. Рвение, с которым японцы сначала приняли, а затем изгнали португальцев, много более ранний энтузиазм, с которым японский императорский двор воспринял китайскую цивилизацию в VI в. и последующих веках нашей эры, а также резкие перемены в отношениях с США и другими странами в этом столетии – все это производит впечатление закономерности и позволяет предположить, что крутая переменчивость – скрытая черта психологии японцев⁵⁰.

Совершенно не говоря об особенностях японского общества, сам тот факт, что Япония заимствовала большую часть своей высокой культуры и технического искусства у Китая в течение более чем тысячи лет, содействовал восприятию западных идей и технологий в XIX–XX вв. Их предшественники уже как бы признали превосходство иноземцев в некоторых вещах, т.е. открытие того, что европейцы превосходят их в знаниях и мастерстве, не было ударом для японского самосознания. И как их предки полюбили все китайское, так японцы стали энтузиастами в принятии Запада.

Наконец, определенное сходство японской и западной цивилизаций облегчало принятие западных моделей в Японии. К XIX в. варварская воинственность на Западе и в Япония была организована (а в Японии почти подавлена) бюрократическим правлением. Но японский «путь воина» с его понятиями чести и социального превосходства имел почти точные аналогии в европейской жизни, и – что, возможно, даже было решающим – в

⁵⁰ Две интересные попытки пролить свет на особенности японской жизни, чтобы объяснить резкие повороты в японской истории, используя при этом две различные схемы исследования, были предприняты в работах: Ruth Benedict, *The Chrysanthemum and the Sword* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1946); Robert N. Bellah, *Tokugawa Religion: The Values of Pre-Industrial Japan* (Glencoe, Ill.: Free Press, 1947).

В европейской истории дуэль – яркая параллель с недавним национальным поведением японцев. Понимание точек схождения может даже пояснить резкие изменения в отношении японцев к иностранцам. Дуэли в начале нового времени ограничились до рамок неписаного, но строго соблюдаемого кодекса поведения фехтовальщиков, чье традиционное место в обществе быстро становилось ненужным. Законодатели нравов, которые создали дуэльный кодекс, в сущности, старались приспособить самих себя и своих последователей ко все более чуждому, урбанизированному и организованному миру, сводя эмоциональные крайности ситуации до церемониальной ссоры и примирения. Японские самураи, такие же фехтовальщики, пережили более суровую перестройку в течение столетия. В отличие от своих европейских двойников, они смогли сделать кодекс бусидо нравственным ориентиром всего японского народа. Возможно, слишком быстрый переход Японии от феодального к космополитическому социальному порядку сделал возможным такое достижение самураев, а более медленная эволюция, как в Европе, могла бы, расслаивая японское общество, оградить различные его классы от принятия самурайского кодекса для нации в целом.

обоих обществах ценности и отношения профессиональных военных в значительной степени разделяли и поддерживали другие классы. Крестьяне и горожане в Японии, так же как и их современники в Европе, были склонны скорее братья за оружие, чем склоняться перед жестокостью и принуждением аристократических специалистов.

Японцы предложили интересный парадокс – государство, в котором идеологический (и эмоциональный) консерватизм послужил принципиальным инструментом радикальной трансформации институтов власти. Как результат, промышленная и демократическая революции оказались успешными в разной степени: хотя японская технология и совершила скачок вперед начиная с 1885 г., демократическая революция, несмотря на внешние конституциональные формы, почти не затронула традиционную японскую иерархию до 1945 г.

После неуверенного старта в 1880-х гг. основанные на механической силе промышленность и транспорт позволили японским товарам к началу Первой мировой войны вступить в соревнование с европейскими и американскими товарами на всем Дальнем Востоке. В период между войнами японцы продолжали расширять сферу своих коммерческих операций и к 1930-м гг. подошли к соперничеству со своими конкурентами в мировом масштабе. И даже более того, индустриальная база, необходимая для современной армии, военно-морских и военно-воздушных сил, быстрыми темпами развивалась не только собственно в Японии, но и в недавно завоеванных ею землях – в Корее (1910 г.) и Маньчжурии (1931–1932 гг.).

Японская индустриализация не следовала европейским образцам. Государство играло более центральную и властную роль, чем в какой-либо европейской стране. В результате решения промышленников всегда согласовывались с требованиями национальной военной мощи. В этом отношении японская индустриализация как бы предвляла российский коммунизм. Но в отличие от позднейших коммунистических правительств, японцы предоставляли свободу множеству малых предпринимателей, которые действовали в традиционных рамках ремесленничества и семейных отношений. Два усовершенствования помогли приспособить эти древние модели промышленности к современным условиям. Во-первых, легкие инструменты, приводимые в движение электрическими моторами, заменили ручные и значительно увеличили выпуск продукции. Во-вторых, распространение товаров, производимых маленькими ремесленными фабриками и мастерскими, поручали большим фирмам, или, если смотреть на это с другой стороны, крупные торговые фирмы заказывали товары у маленьких мастерских. И поскольку

им требовались значительные ссуды в период между покупкой и продажей, такая схема оказалась включенной в крупномасштабную сеть основных предприятий – банков, металлургической и другой тяжелой промышленности, кораблестроительных компаний, в строительство и эксплуатацию шахт и т.д.

Самые современные средства производства контролировал узкий круг олигархов – зеркальное отражение политических олигархов, контролировавших правительство. Отношения между теми, в чьих руках была экономическая и политическая власть, всегда оставались очень тесными, и часто эти две элиты сливались благодаря бракам между их представителями. Крупные семейства предпринимателей, такие как Мицуи и Мицубиси, приобрели заметный вес в последние десятилетия XIX в., взяв в свои руки управление предприятиями, поставленными в строй в рамках бюджетных программ. Малые, почти символические суммы запрашивало государство за готовые дорогостоящие заводы, но новые частные владельцы, испытывавшие чувство ответственности перед политическими вождями государства и будучи зависимыми от них, считали своим долгом предпринимать шаги, необходимые или полезные государству⁵¹. В результате консолидация могущественной и богатой экономической олигархии уменьшила необходимость прямого вмешательства государства в экономические действия, хотя государственные арсеналы продолжали производить некоторые типы вооружения, особенно новые или экспериментальные модели.

Итак, хотя техника и машинное производство были западными, общественно-экономическая организация, которая приводила в действие новую машинную технологию, была почти полностью японской. Это означало, в частности, строгое соблюдение правил честности и почтительности между выше- и нижестоящими как в экономике, так и в других социальных отношениях. Таким образом, промышленная революция в Японии носила особый социальный характер, лишив современный индустриализм его «обычного», по мнению исследователей европейской истории, спутника – демократической революции⁵².

Сохранившаяся строгая иерархическая социальная структура в Японии сделала аккумуляцию капитала, необходимого для инвестирования в промышленность, сравнительно легкой. Правительство финансировало первые шаги индустриальной модернизации налоговыми поступлениями, таким образом предоставив крестьянам оплачивать капитальные вложения; друго-

⁵¹ Такое понимание экономики нашло точное выражение в уставе, написанном основателем корпорации Мицубиси. В статье 4 читаем: «Руководить всеми предприятиями с точки зрения национальных интересов». См. Bellah, *Tokugawa Religion*, p.187.

⁵² См. интересный анализ в James C. Abegglen, *The Japanese Factory: Aspects of Its Social Organization* (Glencoe, Ill.: Free Press, 1958).

го внутреннего ресурса и не нашлось бы. Позднее, когда при направляющей роли правительства сформировалась финансово-индустриальная олигархия, монополистические цены на товары и услуги как в пределах страны, так и за рубежом позволили сконцентрировать достаточные финансовые ресурсы в нескольких руках. Однако эти монополисты были энергичными предпринимателями, жившими довольно скромно, призывая других воздерживаться от показной роскоши и стимулируя образование капитала как на верхних, так и на нижних ступеньках социальной лестницы⁵³.

В Японии никогда не происходило революции в западном понимании этого слова. Феодалы и воины, которые свергли режим Токугава в 1867 г. и восстановили на троне императора Мейдзи, определенно не были сторонниками народного правления. Даже когда в 1889 г. японцы ввели написанную по западному образцу конституцию с полным демократическим набором: избираемый парламент, кабинет министров и независимая судебная ветвь – политический вес обыкновенных людей был урезан введением ограничений на полномочия законодательного органа. Конечно, реалии политики, вращающейся вокруг феодальных родов и давно существующей системы местной и семейной круговой поруки, находились еще дальше от демократической практики в том виде, в каком она была записана в конституции Мейдзи.

С течением времени клановая преданность ослабевала и традиционная социальная иерархия японского общества стала терять свою прочность. Итак, хотя конституция Мейдзи просуществовала до 1945 г., внутренние реальности японской политики становились все более сложными. Всеобщее избирательное право для мужчин (1925 г.) расширило электорат и позволило честолюбивым выходцам из низов соперничать со старинными семействами за политическое лидерство внутри страны. В 1930-е гг. военная клика стала независимо влиять на правительственную политику, но вопреки таким изменениям в традиционной табели о рангах узкий круг олигархов продолжал закулисно определять японскую политику до 1945 г.

После поражения во Второй мировой войне Япония оказалась на некоторое время под контролем американских оккупационных сил. Новая японская конституция, провозглашенная при содействии американцев в 1947 г., была вполне демократической – в стиле Соединенных Штатов. Однако вы-

⁵³ Руководящие семьи экономической олигархии имели самурайское происхождение и привнесли в экономический менеджмент значительную дозу спартанской этики самурайского кодекса. Делать деньги, чтобы достигнуть видного положения, никогда не было мотивирующим фактором в Японии. Коллективное расточительство на военные цели – другое дело.

зывает сомнение, что сохранившиеся японские понятия о личности, обществе и иерархии вместе со всеми общепризнанными правилами поведения между неравными по положению в действительности позволят не только провозглашать равенство, индивидуализм и совершенно чуждые идеалы, так тщательно прописанные в конституции⁵⁴.

Хотя не произошло ничего убедительно напоминающего демократическую революцию у других народов, японская система власти пережила два полуреволюционных изменения. Первое из них – восстановление императора – было, на первый взгляд, реакционным государственным переворотом, совершенным группой молодых самураев, многие из которых начинали свою жизнь в скромных условиях и некоторые из которых уже имели чиновничий опыт местного администрирования перед тем, как перенести свою энергию на общенациональную сцену. Это были люди, которые хотели реставрировать императорскую власть и изгнать иноземцев, начавших индустриальную модернизацию Японии. Они также разработали важные административные изменения, объединяющие все феодальные лены Японии периода Токугава под эгидой центрального правительства и исключающие правовую основу феодализма путем выкупа прав землевладельцев и самураев за государственные ценные бумаги. В действительности это было логическим завершением неполной бюрократической централизации, на которой первые сегуны рода Токугава построили свою власть и которую их наследники сохраняли почти неизменной в течение двух столетий.

Реорганизация японского класса военных составляла очень важный аспект реставрации Мейдзи. Надменные самураи, необразованные крестьяне, смиренные торговцы и даже отбросы японского общества – все были записаны в новую японскую армию, создававшуюся по европейскому образцу, где все они были обязаны подчиняться офицеру императорской армии так же безукоризненно, как раньше семейному, сельскому, цеховому или чиновному вышестоящему. Перенесение традиционного почитания и покорности на офицерский корпус прошло очень успешно. При этом человек любого происхождения, ставший офицером императорской армии, получал нимб командира, сиявший в веках благодаря дисциплинированной жестокости господ и воинов, направленной против остальной части японского общества.

⁵⁴ Такое беглое описание эволюции японской политики в 1850–1950 гг. вызвано ее удивительной сложностью. С 1870-х гг. всегда находилось несколько японцев, защищающих западные либеральные идеи, и в первое десятилетие своего существования и позже, в 1920-х гг., такие группы играли ограниченную, пусть и отрицательную, роль, побуждая своих оппонентов предпринимать более энергичные и рискованные действия. И после окончания американской оккупации марксизм в форме западного социализма или российского коммунизма стал играть подобную провокативную роль.

Таким образом, армия стала социальным эскалатором, в особенности для крестьянских детей, которые получили возможность благодаря своим деловым качествам достичь статуса, когда-то доступного лишь наследственным самураям⁵⁵.

В результате молодые армейские офицеры оказались наиболее радикальными горячими головами, недовольными властью. Выражая чувства огромного сегмента сельского населения Японии, армейские экстремисты составили одну из важных групп, способных заменить олигархов, контролировавших партийную политику. В этом смысле они представляли демократический элемент в японской политике. Более того, они были готовы действовать за рамками старой социальной иерархии для достижения своих целей. Оппозиция в лице этой военной группировки, поддержанная опасностью народного недовольства и прибегавшая к насилию вплоть до устранения неудобных, ограничивала свободу маневра японских политиков в 1930-е гг. и сыграла большую роль в продвижении Японии к войне с Китаем и, наконец, к ее вступлению во Вторую мировую войну. Этот процесс был, возможно, самым близким к демократической революции из того, что испытала Япония до Второй мировой войны.

Еще невозможно предвидеть результаты второй японской полуреволюции в верхах, совершенной между 1945-м и 1952 г. генералом Дугласом МакАртуром и его как американскими, так и японскими ставленниками. Кажется невероятным, что иерархическая система японского общества просто исчезнет, хотя она и может несколько поколебаться под воздействием военных неудач, оказавшись дискредитированной военным поражением режима и разрушительным воздействием открывшегося после войны американского примера и экономического оживления. И также пока точно не ясно, сможет ли соединение западной технологии с почти неизменной японской социальной структурой сломить устойчивое равновесие либо в конечном счете промышленная революция потребует общей и драматической реорганизации японского общества. Вопрос заключается в том, действительно ли демократическая и промышленная революции в Европе в XIX–XX вв. были связаны некоторыми совершенно неизбежными взаимоотношениями или их можно эффективно разделить на неопределенное время, как японцы разделили их на 60 лет до 1945 г.

⁵⁵ Офицерский корпус военно-морских сил, наоборот, оставался намного более аристократическим.

Социальные и психологические конфликты, которые подрывали традиционные культурные формы Китая и других незападных народов, действовали менее сильно в Японии, потому что японцы смогли сохранить свою политическую и духовную независимость от Запада. Объем японского художественного и литературного творчества, следовательно, оставался огромным. Однако традиционные искусства Японии стали превращаться в дань традиции или даже приходить в упадок, импортируемые новшества – архитектурные, научные или литературные – не достигли по-настоящему масштабного развития. Поэтому японцы, подобно большей части остального мира, прошли через сравнительно вялый период культурного существования в 1850–1950 гг. Конечно, достижения японцев значительно отличаются от культурного состояния менее счастливых цивилизованных народов Азии, главным образом в демократизации литературной культуры благодаря действительно всеобщей грамотности⁵⁶.

6. ДРУГИЕ ЧАСТИ МИРА

Из существовавших в середине XIX в. нескольких тысяч различных культурных сообществ очень многие растворились с тех пор в численно и эволюционно превосходивших их группах человечества. Общее число различающихся обществ в середине XIX в. оставалось достаточно большим, и даже в середине XX в. существует огромное разнообразие институтов и отношений. Каждое общество, большое или малое, как и раньше, продол-

⁵⁶ В дополнение к цитированным ранее книгам я черпал сведения о Японии из следующих работ: Hugh Borton, *Japan's Modern Century* (New York: Ronald Press, 1955); George B.Sansom, *The Western World and Japan*; Thomas C.Smith, *Political Change and Industrial Development in Japan: Government Enterprise, 1868–1880* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1955); William W.Lockwood, *The Economic Development of Japan: Growth and Structural Change, 1868–1938* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1954); E.Herbert Norman, *Japan's Emergence as a Modern State* (New York: Institute of Pacific Relations, 1940), and *Soldier and Peasant in Japan: The Origin of Conscript* (New York: Institute of Pacific Relations, 1943); Jerome B.Cohen, *Japanese Economy in War and Reconstruction* (Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1949); F.C.Jones, *Japan's New Order in East Asia: Its Rise and Fall, 1937–45* (London: Oxford University Press, 1945); Inazo Nitobe et al., *Western Influence in Modern Japan* (Chicago: University of Chicago Press, 1931); Fujii Jintaro, *Outline of Japanese History in Meiji Era* (Tokyo: Obunsha, 1958); Charles David Sheldon, «Some Economic Reasons for the Marked Contrast in Japanese and Chinese Modernization», *Kyoto University Economic Review*, XXIII (1953), 30–60; Yukio Yashiro, *2000 Years of Japanese Art* (London: Thames & Hudson, 1958); George M.Beckmann, *The Making of the Meiji Constitution: The Oligarchs and the Constitutional Development of Japan, 1868–1891* (Lawrence, Kan.: University of Kansas Press, 1957); Shibusawa Keizo, *Japanese Society in the Meiji Era* (Tokyo: Obunsha, 1958); Irene B.Taeuber, *The Population of Japan* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1958).

жало реагировать по-своему на новые стимулы, возможности и опасности. Но западный космополитизм, возникший из демократической и промышленной революций, не оставил незатронутым ни один уголок планеты.

Громадное разнообразие, радующее любого антрополога, продолжало присутствовать в жизни человечества. Потеря европейцами (и американцами) своих колоний после Второй мировой войны сделала разнообразие социальных условий человечества даже более впечатляющим, чем когда колониальные администрации пытались втиснуть в рамки единообразия разные области земного шара. Революционные движения XX в. в некоторых латиноамериканских странах также акцентировали внимание на продолжающемся существовании американских индейцев как значительной социальной общности. Например, мексиканские художники, вдохновленные революцией 1911 г., включали старые индейские мотивы в очень сложные художественные и архитектурные стили и таким образом успешно вливали примитивизм Нового Света в репертуар современного космополитического искусства⁵⁷. Но другие области духа, в которых происходило слияние западного и местного искусства и мышления, еще не привлекли пристального внимания или оказались неспособными предложить что-либо обогащающее для и так уже перегруженного космополитизма XX в.

⁵⁷ Хосе Ороско (ум. 1949) и Диего Ривера (1880–1957) по крайней мере любили претендовать на звание наследников ацтеков и тольтеков в той же степени, что и европейского прошлого. С другой стороны, примитивизм Старого Света – прежде всего западно-африканский – был востребован европейцами еще незадолго до Первой мировой войны.

Заключение

Весной 1917 г. Соединенные Штаты Америки вступили в Первую мировую войну. Осенью того же года большевики в России свергли царское правительство и вывели свою страну из войны. Эти события сделали 1917 г. поворотной вехой в истории, обозначив новую фазу развития западной и мировой цивилизации, характеризующейся превращением России в коммунистическую страну, достижением Соединенными Штатами статуса мировой державы, уменьшением роли Западной Европы как бесспорного центра и арбитра западной цивилизации и громадным прогрессом возможностей манипулировать как человеком, так и различными видами энергии.

Совершенно очевидно, что наиболее важные изменения, связанные с этими событиями, произошли в 1917 г. как на уровне, так и в самом масштабе политики.

А. РАЗМАХ ПОЛИТИКИ

Две сверхдержавы, по стандартам западно-европейских национальных государств, в 1917 г. объявили о себе, провозгласив соперничающие панацеи для продажного, империалистического и одержимого войной мира, доведенного до этого состояния европейским Новым режимом. К 1945 г. как вильсонизм, так и ленинизм уже не были блестящей новой монетой. Но увеличение значения металла, по выработке которого Соединенные Штаты и Советский Союз превзошли всех соперников, полностью компенсировало потускнение идеологий в течение прошедшего поколения. К концу Второй мировой войны только два эти гиганта могли обеспечить производство вооружения для ведения современной войны, опираясь лишь на собственные ресурсы. Поскольку сложность и дороговизна вооружения возросли, соответственно снизилась возможность восстановления увядшего могущества различных государств Западной Европы и их роли в реальном обеспечении безопасности малых стран.

Возвышение Соединенных Штатов и Советского Союза до мирового лидерства после Второй мировой войны – только новый пример исторического феномена: перехода военно-политической власти от ранее цивилизо-

ванных, но не сумевших эффективно организовать свой тыл наций к окраинным землям. Машинная технология, на памяти одного поколения вознесшая Западную Европу на вершину мирового господства, сейчас, подобно Зевсу из античной мифологии, внезапно безжалостно изменила свое отношение к родителям. С 1917 г., и особенно с 1945 г., транспорт, переработка и распределение продукции, характерные для сложного комплекса современного промышленного капитализма, более не укладывались в рамки национальных государств старой Европы. В 1945 г. обладание половиной континента дало Соединенным Штатам и Советскому Союзу более-менее удовлетворительную основу для военного превосходства. Но даже владения в масштабе половины континента стали бы неадекватны, если какой-то силовой центр сумел бы добиться успеха в эффективном объединении ресурсов еще больших регионов. Короче говоря, современная промышленность и транспорт должны теперь экстравагантно щедро вознаграждать просто за владение обширными географическими пространствами.

Логическим окончанием такого возрастания политического масштаба могло бы стать установление единой мировой верховной власти. Любая мировая война, произошедшая она в ближайшем будущем, пока на ринге находятся два сверхтяжеловеса, могла бы привести к такому результату¹. Определенно можно сказать, что техническая возможность достижения мирового господства уже находится в руках человечества. Монополизация сверхмощного оружия путем организации заслуживающей доверия центральной власти была бы достаточной для того, чтобы заменить организованные военные силы отдельных государств верховной властью. Такое развитие представляется возможным даже в ближайшем будущем.

С другой стороны, переход политической доминанты от таких значимых держав, как Франция, Британия или Германия, к сверхдержавам, раскинувшимся на полконтинента, может подготовить основу для будущего рав-

¹ Всеобщее уничтожение человечества и всех высших форм жизни радиоактивным загрязнением атмосферы кажется совершенно реальным. С другой стороны, большинство современных видов ужасающего по своей мощности вооружения легко уязвимо. Все возрастающая сложность вооружения все более усложняет его применение и контроль над ним. Для армий и целых наций возникает возможность внезапного паралича из-за отсутствия снабжения или неправильной команды. Другими словами, транспорт и связь – ахиллесова пята государств, имеющих современное вооружение; и тотальная победа или тотальное поражение могут наступить, как это было во Второй мировой войне, когда население и производственные мощности побежденных окажутся разрушенными еще до собственно военного поражения. Современные вооруженные силы также очень дороги в производстве и хрупки по той же причине, по которой высшие организмы и сложное оборудование должны платить за свою эффективность уязвимостью перед всеми видами неполадок, которые не могут причинить вреда более низко организованным и простым структурам, чьи функции не зависят от слаженного взаимодействия множества частей.

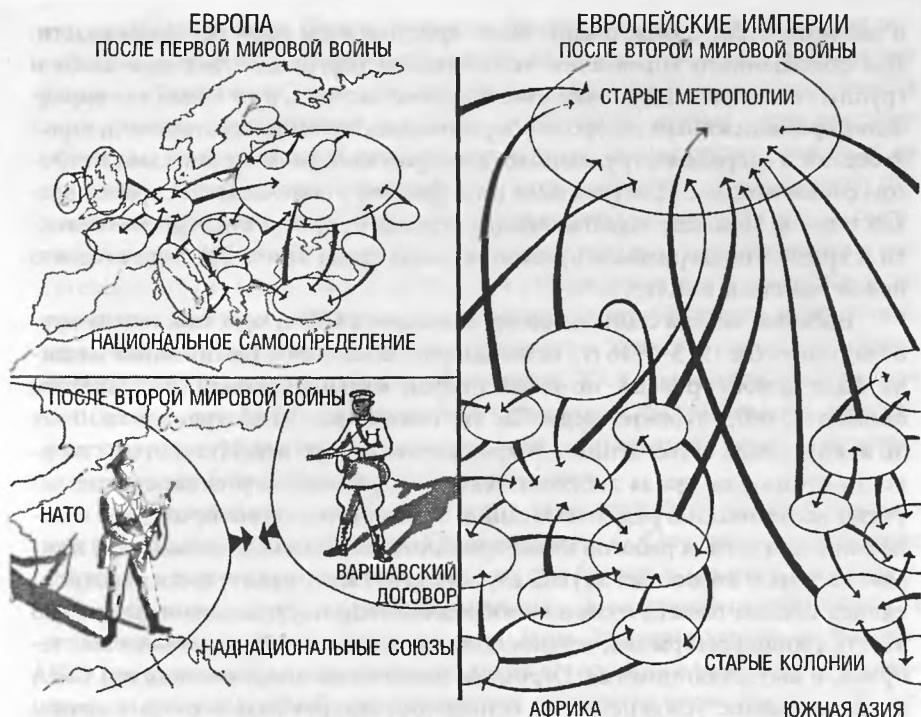
новесия сил, подобного существовавшему при Старом режиме в Европе. Новая семья мировых держав может включить в свой состав Китай и Индию и, возможно, Бразилию и некоторые другие, еще политически не оформившиеся государства, занимающие большие территории континентально-го масштаба (т.е. Объединенная Европа, или, что менее реально, Объединенный Средний Восток, или Объединенная Африка), которые будут играть ведущие роли наряду с двумя сверхдержавами, уже присутствующими на сцене.

Б. ОХВАТ ПОЛИТИКИ

Изменение политических масштабов, ставшее результатом двух мировых войн, коммунистической и других тоталитарных революций XX в., кажется необратимым как для будущего социального ландшафта, так и для расширившегося охвата политики. Все, что изобрел генеральный штаб Германии еще в 1917–1918 гг. в качестве чрезвычайных мер для решения все множившихся проблем, возникших из-за необходимости бросить все ресурсы на решение военных задач, для российских коммунистов стало нормой как во время войны, так и в мирное время. Революционные заговорщики, которые пришли к власти в России в 1917 г., не просто поставили себе на службу традиционные государственные аппараты – армию, полицию, бюрократию, но и взяли под свой контроль банки, заводы, фермы, средства связи и газеты, профсоюзы, политические партии и ассоциации. Революционное государство даже прибегало к подневольному труду, когда при распределении человеческих ресурсов в соответствии с желанием государства призывов и увещаний оказывалось недостаточно.

Таким образом, экономика здесь растворилась в политике, которая воистину стала совпадать с самой жизнью человеческой, поскольку, по крайней мере в принципе, искусство, литература, отдых и семейная жизнь были поставлены на службу коммунистической цели, определяемой и манипулируемой свыше постоянно изменяющимся в зависимости от времен и обстоятельств «курсом партии».

Страны, которые избежали опасностей коммунистических революций, не подверглись такому быстрому и радикальному расширению охвата политики, хотя в большинстве европейских государств (и в Японии) социалистические, националистические и фашистские движения быстро набирали силу в межвоенные годы. Гитлеровская Германия в общих чертах лишь не-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА В 1918—1950 ГГ.

много отставала от сталинского Советского Союза в подчинении человеческой деятельности политическим целям. Во время Второй мировой войны большинство консервативных демократий, где либеральные принципы традиционно ограничивали власть государства в мирное время, нашли разумным подчинить экономику и многие другие аспекты социальной деятельности военным целям, т.е. политическим задачам, которые, по существу, не отличались от задач тоталитарных режимов, только немецкие нацисты и советские коммунисты действовали более жестокими средствами.

Точно так же, как в XIX в. в некоторых странах различие между экономикой и политикой почти исчезло или затухало, так и более древнее различие между миром и войной стало не таким ярко выраженным. Обычные (т.е. мирные и военные) методы и организационные модели, развитые советскими коммунистами и немецкими нацистами, сильно напоминали англо-американское экономическое, политическое и военное сотрудничество во время Второй мировой войны. Тщательно разработанное стратегическое

и экономическое планирование было присуще всем трем системам власти. Для обобщенного управления человеческим ресурсом отдельные люди и группы (взвод, дивизия) были заменяемыми частями, в то время как управление промышленным ресурсом оборачивалось танками, аэропланами, взрывателями и снарядами, грузовиками и неприкосновенными запасами в строгом соответствии с приоритетами и графиками утвержденных стратегических планов. Наконец, захватывающая атмосфера срочности, чрезвычайности и кризиса поддерживала чувство подъема среди причастных к освоению новой ипостаси власти².

Военные модели социальной организации в США, конечно, уже не преобладали после 1945–1946 гг., когда американская мобилизационная машина была демонтирована, но опыт Второй мировой войны, несомненно, оставил по себе глубокие следы. То, что показалось бы абсурдным за 10 лет до войны, стало естественным и приемлемым после нее. Итак, ответственность правительства за экономическое процветание, субсидирование научных исследований, развитие атомной технологии и гарантированное обеспечение адекватной работой инженеров считалась почти доказанной. В каждом из этих и во многих других случаях действия правительства вдохновлялись военно-политическими соображениями, посягающими на старую власть свободного рынка, установленную либеральной экономической теорией, и вытесняющими ее. Огромное увеличение вооруженных сил США и чрезвычайное усложнение их оснащения мощно развивались в одном направлении, сопровождаясь ростом всего необходимого для обеспечения армии, усилением принципов военной иерархии и налоговой бюрократии, прикрепленной к значительным прослойкам населения и действующей экономики.

После Второй мировой войны, когда даже такие консервативные стра-

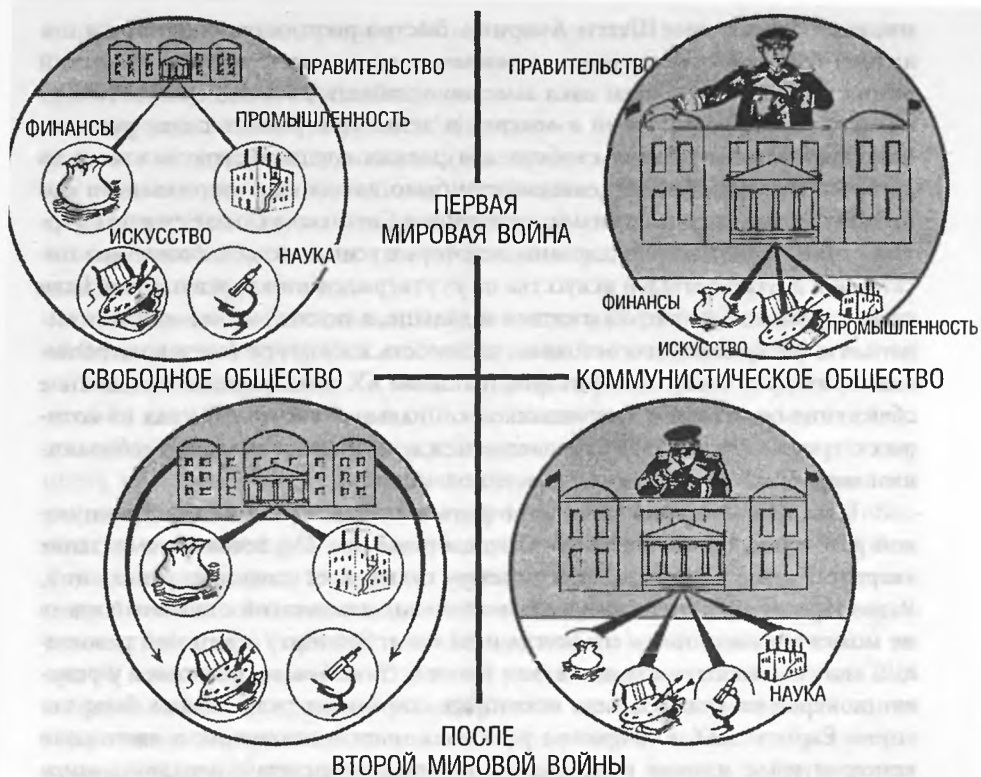
² Более основательные замечания по этой теме см. в W.H.McNeill, *America, Britain, and Russia: Their Cooperation and Conflict, 1941–46* (London: Oxford University Press, 1954), pp.747–68. Некоторые, скорее всего даже большинство, из этих наблюдений приложимы и к Японии, и к Соединенным Штатам, СССР и, возможно, в меньшей степени, к Германии и Великобритании. Однако планирование войны японцами основывалось на тщательной предварительной подготовке – прусская формула победы в 1866 г. и 1870 г. – и на бульдожьей цепкости в стремлении сохранить все достигнутое. Нехватка морских торговых судов и многого другого начиная с 1941 г. затрудняли нормальное функционирование японской индустрии и вооруженных сил, так что японские планировщики и администраторы едва ли имели шанс показать, на что они способны. Немецкое военное планирование также напоминало японский консерватизм: германский генеральный штаб рассчитывал на короткую войну, как в 1866 г. и 1870–1871 гг., и поэтому опирался лишь на те запасы, которые имелись к началу каждой военной кампании. Все это – интересный пример того, как наследники великого прошлого колебались при необходимости изменить устоявшиеся методы, чтобы приспособить их к изменившимся условиям.

ны, как Соединенные Штаты Америки, быстро распространяли нормы политико-военной юрисдикции на граждан, коммунистический диктаторский режим в Советском Союзе стал заметно ослаблять революционные усилия по введению единообразия в мыслях и действиях разных слоев русского общества. Относительная свобода для разных специалистов, каждому из которых в своей области деятельности было достаточно формального почтения к марксизму-ленинизму, наступила в Советском Союзе еще до смерти Сталина в 1953 г. Были сделаны некоторые усилия по освобождению писателей и других деятелей искусства от уз утвержденного курса партии. Если такое развитие будет продолжаться и дальше, в последующем можно ожидать, что растущее благосостояние, сложность и культура советского общества приведут к тому, что во второй половине XX в. мы увидим постепенное сближение советской и американской социальных систем, каждая из которых с трудом удерживает равновесие между противоречивыми требованиями мирного благосостояния и военной мощи.

Такая эволюция могла бы повторить взаимодействие между Французской революцией и европейским Старым режимом. Постепенное смягчение твердости доктрины – это, без сомнения, судьба всех успешных революций. Разнообразие человечества настолько велико, что никакой отдельный идеал не может удовлетворить его всегда и во всем. Экспорту успешной революции могут помешать только те, кто готов и способен заимствовать у революционеров по крайней мере некоторые секреты их силы. Такова была история Европы XIX в. Образцы революционного изменения и адаптации консерватизма, похоже, повторяются в большем масштабе западного мира XX в.³

Российская революция не просто напоминала Французскую, но и была ее следующим логическим шагом. Сутью Французской революции была попытка смыть, подобно волне, древние привилегии в наделении имущественными правами и корпоративные препятствия к концентрации политической власти в руках народа, абстрактность величия которого неизбежно требовала воплотить практическую власть в ком-то: либо в парламенте, либо в кабинете министров, либо в диктаторе. Так и Российская революция, как это

³ Тот факт, что сближение внутренних социальных порядков двух главных действующих лиц «холодной войны» в середине XX в. существует не в вакууме, а в мире, где множество других государств в это же время борются за власть, богатство, безопасность и во многих случаях за само существование, может осложнить, но может и ускорить этот процесс. Голодные и обиженные аутсайдеры, например китайцы, могут однажды подтолкнуть СССР и США в объятия друг друга, как это сделали немцы во время Второй мировой войны. И это может создать потенциально много более взрывную политическую расстановку сил, разделяющую мир по расово-культурным признакам намного более резко, чем советско-американская поляризация 1950-х гг.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ 1917 Г.

отчетливо видно сегодня, необычайно бурно смела древние имущественные и сословные интересы, препятствовавшие сосредоточению власти – политической, экономической, моральной – в руках той же обожествленной абстракции – суверенного народа. И, как и прежде, народ передал свою власть – как утверждали самозванные вожди – группе идеологических и административных специалистов, организованных в строго иерархическую партию. Если Французская революция доказала, что политические учреждения и власть создаются самими людьми, то Российская революция с неумолимой логикой на деле показала, что социальные и экономические институты также создаются людьми и, более того, могут также подвергаться массовой и целенаправленной реконструкции. В преобразованном российском обществе ликующие коммунисты грубо подпали естественное право собственности, пришедшее из XVIII в., и грубо отбросили гражданские свободы XIX в. Даже

природа, в которую так верили либеральные мыслители, в умах миллионов россиян уступила коммунистическим манипуляциям так же, как божественное право монархов рухнуло в революционной Франции за столетие с четвертью до того.

Совершенно ясно, что Российская революция успешно сконцентрировала власть в прежде невиданных военно-политических и экономико-психологических масштабах так же, как это в свое время сделала Французская революция. Однако в обоих случаях можно спорить о том, является ли жизнь человека при революционных, рациональных, целенаправленно созданных институтах действительно более полной, чем при старых, более разветвленных, не подверженных единообразию дореволюционных институтах. И в обоих случаях старые моральные дилеммы мучительно обострились по сравнению с прежними временами, когда возможностей в распоряжении человека было меньше и соответственно выбор решения был не так чреват ужасными последствиями.

В. ДИЛЕММЫ ВЛАСТИ

Образно говоря, в действительности народ никогда не контролировал «свое» правительство ни в США, ни где-либо еще, даже при том, что во времена Джефферсона и Джексона чиновники имели довольно ограниченные права, и возможные политические альтернативы были ограничены либеральными принципами XIX в. Что же касается административных моментов середины XX в., их лишь с трудом могут контролировать профессионалы, посвятившие этому делу все свое время. Даже в тех странах, где нет правительственной монополии на средства массовой информации, правительство вполне успешно может уговорить общество согласиться со своей политикой либо даже разжечь горячий энтузиазм в ее поддержку.

С другой стороны, зависимость современных демократических правительств от искусного манипулирования общественным мнением накладывает ограничения на попытки официальной власти достичь тиранического господства. В конце концов, не каждый готов совершить самоубийство. Апатия крупных должностных лиц, нашедшая поддержку в общественном невежестве, иногда может привести к тому, что дела «как-то образуются». Тем не менее благоговейный страх правительства задеть интересы влиятельных групп, чаще всего путем закулисных интриг, оказывающих давление на политику, удерживает его от попыток установить тиранию дома, а также от введения любого нового политического курса, поскольку каждое важное

действие, задевающее кого-либо, может вызвать открытое или скрытое противодействие. Помня о предстоящих выборах, политики совершенно правильно могут оценить, что опасно задевать даже малые меньшинства. При таких обстоятельствах политические лидеры строго следуют по пути наименьшего сопротивления, либо отказываясь от действий, либо находя компромиссы, даже идеологические, между несовместимыми альтернативами.

Когда внутригосударственные институты общества пребывают в полном порядке, такая спокойная отстраненность может часто служить удовлетворительной заменой мудрости. Но когда возникает настоящий кризис, такое сдерживание демократическим процессом (явление, знакомое Соединенным Штатам и другим либеральным обществам) действий правительства оказывается тупиком и может превратиться в настоящее бедствие. «Слишком мало и слишком поздно» – горькая эпитафия, но всегда остается надежда, что неконтролируемый тотальным режимом народ, пусть даже медленно реагирующий на уколы обстоятельств и действия чиновников, высказывая свое неофициальное и полуофициальное мнение, может сохранить спасительную гибкость и многосторонность мысли и действия.

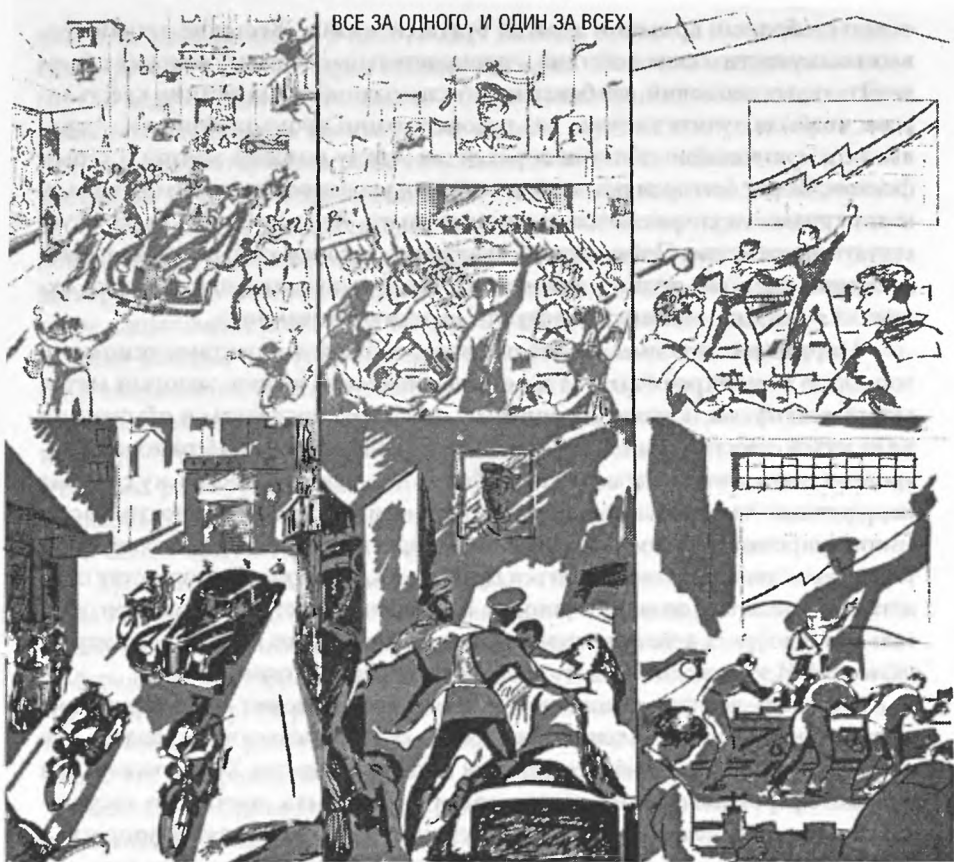
Кроме того, дилемма демократического правления в наши дни возникает из того факта, что методы обращения к неосознанному и даже подсознательному уровню человеческого поведения в политике все еще не изучены. Либеральная демократическая теория опирается на убеждение в разумности человека и не берет в расчет чувства, хотя психологи и социологи сегодня не верят, что люди руководствуются разумом, а военные и администраторы знают это наверняка. Возможность прихода к власти кого-либо путем расчетливого и беспринципного использования элементов человеческого подсознания не позволяет со снисходительным оптимизмом смотреть на будущее демократии.

Несоответствия между теорией и фактами, идеалом и реальностью также относятся к коммунистическим режимам, возможно, даже в более резкой форме. Маркс и Ленин взяли на себя ответственность утверждать, что, как только революция сметет частную собственность на средства производства, человеческий разум и благожелательность автоматически займут главенствующее положение после короткого переходного периода. Но даже в преддверии 50-летнего юбилея Российской революции нельзя говорить об очевидности коммунистической идиллии. Наоборот, коммунистические правительства регулярно ограничивают стремления людей, подавляют народные движения и притесняют отдельных граждан, утверждая, что руководство лучше знает, что такое добро, права и что правильно и необходимо. Возможно, коммунистам не повезло, что произведения основоположников содержат такое сильное осуждение угнетения, а также утопические пророче-

ства о свободной, праздной и сытой будущей жизни. Жестокие реалии первых коммунистических действий – принудительные займы и высокий объем капитальных вложений, требовавший беспощадной эксплуатации крестьянства, чтобы получить капитал для реконструкции промышленности, – проявили и чрезвычайно обострили различия между розовой мечтой и серым фактом, между благородным вдохновением и уродливой действительностью, и эти трудности сохраняются достаточно долго. Ясно, что русские уже чувствуют напряжение. Победившая революция, которая «устарела», не позволяет неопределенно долго оправдывать опасностью капиталистического окружения неудачи в попытках достичь «земли обетованной».

Моральные дилеммы, подобные этой, являются аспектами основного вопроса о структуре общества и цели человеческой жизни, который мучит людей в эпоху, когда унаследованные от прошлого институты и обычаи уже не кажутся естественными, неизбежными и неизменными. Иерархия и контроль остаются необходимыми даже более, чем раньше, поскольку сложная координация человеческих усилий в современной промышленности, госаппарате и военном деле гарантирует, что лишь немногие будут управлять, планировать и пытаться предвидеть, тогда как большинству придется подчиняться, даже при условии сохранения какого-то права критиковать или одобрять действия своих начальников. Но кто имеет право управлять кем? И куда должны быть направлены человеческие усилия?

Чем больше сфер человеческой деятельности может быть подчинено государственному управлению, тем более судьбоносными становятся эти вопросы. Возможно, наиболее жесткий критик общества XX в. скажет: чем больше сфер человеческой деятельности может быть подчинено государственному управлению, тем более бессмысленными становятся вопросы о структуре общества и целях человека. Надо признать, что по мере того, как управленческая элита любой страны набирается опыта, она берет под свой контроль новые сферы деятельности человека и соединяет частные планы в едином национальном (или наднациональном) целом, бюрократическая машина, выполняющая такие планы, становится все более автоматической, с целями, встроенными в саму ее структуру. Административный механизм, как и другие специализированные инструменты, может делать лишь то, для чего он был построен. Научная классификация кадров позволяет (даже требует) взаимозаменяемость частей этого аппарата. Следовательно, отдельные назначения и снятия с должности ни на что не влияют до тех пор, пока они не достигают, по объему или частоте, критического значения. Административный итог: структура плюс функциональность плюс даже общие направления политики – не зависит от смены избираемых должностных лиц. Даже энергичные реформаторы, находящиеся на высоких постах и формально

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ДИКТАТУРЫ

ответственные за такие огромные бюрократические структуры, могут рассчитывать лишь на то, чтобы слегка отклонить в сторону общий курс движения.

Действительно сплоченная бюрократия, такая, какая имеется в любом современном государстве, становится укоренившимся интересом, причем более сильным и лучше размещенном стратегически, чем любой частный укоренившийся интерес прошлого. Такие группировки характеризуются живым чувством корпоративного самосохранения, выраженного в сложных правилах, выработанных предшественниками, и в процедурах, принимающих форму полусвященного ритуала. Они охраняют удобный консерватизм привычного и дают современной бюрократии возможность подавить даже

мятежный порыв общественных и технических изменений, питаемый современной наукой. Следовательно, по мере того как все корпоративные единицы правительственных бюрократий растут и переплетаются друг с другом, как внутри, так и между современными суверенными государствами, принцип «так заведено» может стать адекватным суррогатом социальной теории. Поддерживая непрерывную работу, административная рутина может сделать рациональное определение целей избыточным.

Если угроза международной войны когда-нибудь и перестанет беспокоить человечество и чиновники от разных политических группировок утратят стимул к более активному действию, можно ожидать, что бюрократическая рутина подчинит себе все части планеты. В сравнительно короткое время невысказанный, но практический лозунг «Бюрократы всех стран, соединяйтесь, вам нечего терять, кроме своих должностей» гарантированно затормозит нынешний головокружительный темп перемен. Осторожный принцип: «Делать то, что правильно – или по крайней мере удобно» и правило, гласящее: «Это действие требует разрешения, с анкетой в трех экземплярах на нужном бланке, которое может быть дано лишь после того, как комиссия более высокого уровня рассмотрит ваше предложение» везде войдут в силу без обязательного принятия официального закона. При таком режиме теоретические дилеммы и моральные вопросы, терзающие мир в середине XX в., растут в мыслях людей, как растаял Чеширский кот на глазах у Алисы в Стране Чудес.

Многое зависит от того, когда – если когда-нибудь вообще – наступит такая бюрократическая стабильность. Возможно, следующим шагом на пути преобразования человека, начатого Российской революцией, будет изменение человеческого генома, чтобы получить специализированные виды недо- и сверхлюдей. Теоретические знания наших дней, вероятно, еще не позволяют такое управление эволюцией человека. Потенциальные результаты по улучшению эффективности и общественной дисциплины представляются огромными. Любая революция, пошедшая путем рационализации и ускорения эволюции человека, может, следовательно, подобно предшествовавшим революциям, заставить других взять что-то из ее арсенала. Если это случится, человек будущего может очень отличаться от нас, как отличаются домашние животные от своих диких предков; и такое постчеловеческое человечество, возможно, разовьет специализацию, подобно современным пчелам, муравьям или термитам.

Можно надеяться только на то, что сохранившаяся строптивость человеческой природы и общества – если не человеческой генетики – помешает дальнейшему продвижению к такому царству идеального управления. Тот факт, что даже лучшие планы управления человеческими делами часто про-

валиваются, указывает на возможность сохранения человеческого милосердия. С другой стороны, период такого милосердия может быть просто переходным, во время которого человеческие общества проходят свой путь из дикого настоящего в одомашненное будущее. И будет ли человек приручен, мы не можем знать наверняка, поскольку неудача в первой, второй и тысячной попытке переделать природу человека в соответствии с планом не доказывает, что это вообще невозможно. Этот дамоклов меч может нависать над человечеством бесконечно долго. Каждый новый опыт власти поднимает старые вопросы: кто? для чего? в новом порядке значимости. В конце концов, вопрос «Кто приручает кого?» отличается от вопроса «Кто контролирует кого?» только степенью ответственности между двумя частями одного целого, вступившими во взаимодействие.

Обоюдоострая природа власти всегда была известна. Все важные изобретения, освобождающие человека от необходимости организовывать и осуществлять власть, будут постоянно ограничиваться правилами ее использования. Когда-то охотник с презрением относился к первому земледельцу, обреченному на тяжелый труд в поле, и в течение последующих столетий варварские свободные народы всегда презирали рабское поведение своих цивилизованных современников. И все же такое отношение никогда не останавливало распространение сельского хозяйства и цивилизации. Историю цивилизации, как я пытаюсь показать в этой книге, можно понимать как ряд крупных открытий, направленных на осуществление все большей и большей власти: от власти прекрасного в искусстве и мышлении – пусть хрупкой, но такой действенной – до жестоких и грубых форм принуждения.

Поэтому кажется маловероятным, что текущее и перспективное увеличение способностей человека организовывать и использовать власть будет постоянно ограничиваться предписаниями против ее использования. Дерзкие авантюристы в попытке создавать новые источники власти могут всегда поставить перед выбором даже не желающих этого соседей – погибнуть или поступать так же. Власть, говоря коротко, поглощает более слабые центры власти или стимулирует соперников усиливать свою мощь. Это факт – и это не менее важно, чем определение термина «власть», – доминировал на протяжении всей истории человечества. Политически, экономически, социально – и, возможно, хотя мы и надеемся, что это не так, биологически – развитие властных структур быстро продвигается к своей высшей точке. Земной шар не безграничен, и если соперничающие политико-социально-экономические системы власти нашего времени сольются в единое целое под сводом мирового суверенитета, движущие силы побуждения человека развивать новые источники власти иссякнут. Естественно, останутся большие задачи социального и экономического улучшения и будет востребована

Музей современного искусства (Museum of Modern Art), Нью-Йорк, и Национальный музей современного искусства (Musée Nationale d'Art Moderne), Париж.

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Остроумие этого рельефа на изголовье двойной кровати (работа Жоржа Лакомба, 1892) в совмещении изощреннейших попыток европейских интеллектуалов проникнуть в подсознание человека и отзвуков христианского мифа о рае и первородном грехе. При этом художник избрал форму, напоминающую стиль примитивного африканского искусства. Этот зрительный каламбур отражает конвульсии человечества XX в. Змея, образующая лицо человека из колец своего тела, сплетаясь от боли и заглатывая свой собственный хвост, удивительно напоминает интеллектуалов нашего времени, использующих свое сознание и рациональные способности для того, чтобы открыть темное бессознательное психическое — царство, которое связывает нас так тесно с примитивным. Они не могут больше доверять рациональному, но вместо этого скармливают разум самому себе, выдвигая аргументы разума в пользу его беспомощности.

искусная регулировка соотношения населения и развивающихся ресурсов, и все последующее, возможно, будет нацелено на восстановление разрушений, нанесенных войнами: для этого достаточно привычных методов и запаса интеллекта и решений, уже хорошо известных человечеству. И как только такое первоначальное урегулирование будет успешно проведено, корпорированные аппаратчики, намного более стойкие, чем несдвигаемая китайская бюрократия, будут определять ежедневную жизнь мирового космополитического общества.

Более интересной и более обещающей для отдаленного будущего представляется нерешенная и в наше время порой страшно запутанная проблема власти эстетики. Пока люди остаются такими, какими их знала предшествующая история, они будут стремиться к прекрасному в искусстве и мышлении. Даже в самом зарегулированном мире, который можно представить себе из XX в., продолжали бы оставаться области, возможно, даже неограниченные, для воображения и интеллектуальной игры. Религия, возможно, переодевшись в новые немыслимые одежды, могла бы снова прийти сама к себе как действующая сила, подтверждающая личную безопасность и поддерживающая социальную солидарность. Могли бы также расцвести изящные искусства и художественная литература, если бы установившиеся модели жизни позволили открыть их смысл и символику, объединяя художников и писателей с их аудиторией более тесно, чем это даже возможно представить себе сегодня. Наука также продолжила бы свое теоретическое развитие и совершенствование, но непоколебимый консервативный бюрократический социальный порядок – худший вариант с точки зрения быстрого внедрения научных открытий в новые технологии. Технологический и, возможно, научный прогресс стали бы развиваться много более медленными темпами, если бы основные идеи не вызвали общественного беспокойства и ослабло бы или исчезло раздражающее беспокойство, вызванное технологическими новинками.

Такое ожидаемое будущее – конечное создание общемирового космополитизма, которое по сравнению с беспорядками и торопливостью нашего времени будет намного более стабильным. Подходящие политические рамки для такого общества могут возникать сразу – в результате победы или поражения в войне или постепенно – в результате последовательной инкапсуляции особенного равновесия мировой власти в рамках растущей эффективности международной бюрократии. Но не столь важно, как именно это произойдет, космополитизм будущего, без сомнения, будет нести на себе западный отпечаток. По крайней мере в его начальной стадии любое всемирное государство будет империей Запада. Это было бы так, даже если бы незападному миру каким-то образом удалось получить полный контроль над

мировым политико-военным правительством – он должен был бы снова вводить такие западные характерные особенности, как индустриализм, наука и общественное оправдание власти посредством ее защиты с помощью той или иной политической веры. Следовательно, «Восхождение Запада» может служить стенографическим описанием конечного результата истории развития человеческого сообщества до определенного времени⁴.

Не нужно далеко искать исторические параллели такой стабилизации смятенного и хаотического общественного порядка. Римская империя стабилизировала эллинистический мир путем монополизации военной силы. Династия Хань в Древнем Китае как последний довод в борьбе против массовых волнений в нежелających покоряться государствах использовала создание императорской бюрократической структуры, которая выдержала испытание временем и, несмотря на те или иные неудачи и ограниченные улучшения, дошла до наших дней. Воюющие государства в XX в., кажется, стремятся к подобному решению своих конфликтов за исключением, конечно, апокалипсического видения, которое неотступно мучит наше время, – взрыва ядерной бомбы и стонов облученного человечества.

Бремя неопределенности нашего времени и драматический масштаб альтернативных возможностей явно гнетут умы многих восприимчивых людей. Однако может воодушевлять и беспримерная гибкость дел человеческих. Предвидение, осторожное решение, беспримерная храбрость никогда ранее не имели такой возможности обострить нашу жизнь и жизнь последующих поколений. Добродетели и мудрость людей во всех частях мира редко стоили дорого, но они надеялись самым фактом своего существования подтвердить общие идеалы, провозглашаемые всеми – или почти всеми – мировыми лидерами.

Тот факт, что тупость, зло и порок точно так же усиливали власть, не должен уводить в стороны наши мысли. Скорее мы должны считать их неизбежной частью все возрастающего добра. Только великие опасности порождают великие победы. И без возможности поражения все человеческие достижения были бы пресными. Наш мир, конечно, не избавлен ни от поражений, ни от опасностей. И это дает возможность проявления героизма в той степени, в которой это было невозможно во всей предыдущей истории.

Через несколько столетий люди, конечно, будут смотреть на наше вре-

⁴ Восхождение Запада, как обозначено в названии этой книги, только ускоряется по мере того, как народы Азии и Африки освобождаются от европейского господства – поскольку именно овладение западными техникой, отношениями и идеями позволило им сделать это.

мя как на золотой век беспримерных технических, интеллектуальных, институциональных и, возможно, даже художественных достижений. Жизнь Афин в эпоху Демосфена, Китая в эпоху Конфуция и Аравии в эпоху Мухаммеда была жестокой, рискованной и неоднозначной – надежды боролись со страхами, великие дела творились на краю бедствия. Мы принадлежим к этому высокому обществу и должны считать себя счастливыми, что живем в один из великих веков мировой истории.

Указатель личных имен и географических названий

А

- Аббас Великий 801, 807, 808, 810
Аббасиды династия 523, 565, 568, 569,
571, 572, 574-582, 584, 588, 638, 648,
656, 657, 673, 803, 893
Абд аль-Азиз Ибн Сауд 992
Абд аль-Малик 564, 566
Абеляр Пьер 713, 714
Абиссиния 580
Абиссинское нагорье 324
Абу Бекр 560, 562, 568, 798
Аванти 410
Аввакум 785
Август 440, 442, 443, 522, 527, 539
Августин св. 537, 542, 583, 716
Авель 55ы
Авиньон 706
Авраам 54, 228, 230, 556
Аврелиан 515
Австралия 324, 326, 346, 546, 631, 637,
728, 734, 735, 747, 840, 841, 846, 848,
851, 853, 937
Австрийская империя 871
Австрия 751, 764, 791, 854, 869-871,
873, 875, 892, 929, 950, 954, 960, 961
Австро-Венгрия 960
Агамемнон 269, 271, 299
Аддисон Джозеф 886
Аденский пролив 403
Аджанта 499
Адриан 482, 526
Адрианополь 337
Адриатика 581, 587, 647
Азенкур 438
Азербайджан 646, 806, 807
Азиатский материк 46, 632
Азия 25, 31, 46, 60, 63, 119, 161, 168,
169, 188, 205, 211, 240, 303, 308, 334-
336, 352, 356, 379, 383, 386, 387, 406,
426, 433, 450, 607, 629, 636, 637, 647,
664, 685, 693, 700, 701, 727, 728, 736,
747, 791, 794, 795, 798, 833, 845, 906,
929, 932, 933, 936, 961, 984, 994, 1014,
1031
Восточная 39, 309, 700, 825
Западная 39, 63, 169, 238, 304, 308,
309, 380, 382, 386, 387, 414, 420, 429,
455, 456, 472, 553, 620, 692, 790
Малая 153, 154, 156, 162, 168, 179,
222, 268, 271, 272, 285, 324, 329, 352,
376, 379-381, 384-386, 389, 428, 461,
537, 540, 584, 586, 589, 591, 636, 647,
673, 675, 676, 684, 793, 852, 899
Северная 309, 747, 789, 839, 841
Средняя 27, 387, 433, 440, 454, 467,
518, 553, 607, 608, 611, 626, 636, 680,
901, 919, 937, 990, 992
Центральная 28, 55, 62, 63, 115, 168,
240, 304, 305, 328, 332, 343, 345, 402,
405, 410, 420, 430, 442, 450, 483, 502,
503, 508, 511-514, 519, 520, 531, 537,
620, 646, 655, 692, 798, 825, 826, 913,
923, 989
Юго-Восточная 27, 37, 39, 50, 161,
170, 200, 247, 324, 325, 332, 334, 336,
343, 344, 483, 485, 502-505, 554, 600,
604, 606, 625, 635, 636, 686, 687, 728,
729, 747, 789, 790, 820, 893, 905-907,
913, 914, 930, 937, 991
Южная 168, 334, 505, 790, 792, 793,
907, 908
Азовское море 376, 865
Азорские острова 334, 336
Аид 399
Акарнания (Эпир) 355

- Акбар 803, 806, 809, 814, 815, 818
 Акиф-паша 900
 Аккад 23, 90-95, 98, 104, 111, 136, 190, 202
 Акра 899
 Албания 654
 Александр Македонский (Великий) 25, 193, 247, 337, 343, 372, 375, 376, 378-384, 389, 390, 406, 407, 413, 446, 474, 530
 Александр Невский 679, 711
 Александрия Египетская 380, 387, 393, 395-399, 403, 494, 506, 538, 656, 785
 Алеппо 189
 Алеутские острова 848
 Алжир 793, 802, 899, 990
 Али 560, 563, 566, 568, 569, 571, 577, 578, 669, 798
 Али-паша 899
 Аллах 555, 556, 560, 562, 563, 567, 568, 571, 577, 639, 893
 Алмейда 738
 Алтай 168, 331, 338, 436
 Алтайско-Уральский регион 581
 Альберт Великий 716
 Альберти Леон Баттиста 723
 Аль-Бируни (Альберуни) 656
 Альбукерке 738
 Аль-Газали 656, 657
 Аль-Мамун 575
 Аль-Мансур 569, 576
 Аль-Масуди 576
 Аль-Махди 569
 Аль-Мина 379
 Альморавиды династия 649, 729
 Альмохады династия 649, 656
 Аль-Мутасим 578, 638
 Альпы 428, 586, 711, 713, 723, 764, 768
 Аль-Табари 576
 Аль-Фараби 576
 Аль-Хорезми 576
 Аляска 848
 Амазонка 742, 744, 840, 847, 981
 Амбон 849
 Амвросий 541
 Аменхотеп III 210
 Аменхотеп IV 206 *см. также* Эхнатон
 Америка 30, 32, 39, 46, 47, 308, 326, 334-337, 481, 548, 550, 632, 637, 687, 730, 732, 734, 738, 742, 744, 747, 758, 775, 778, 780, 781, 782, 829, 839, 845, 848, 849, 851, 852, 855-859, 861, 862, 869, 870, 876, 891, 904, 911, 929
 Северная 42, 324, 330, 634, 712, 735, 746, 777, 778, 840, 845, 846, 850, 853, 855, 858, 859, 861, 933, 937, 941, 953
 Центральная 333, 485, 548, 549, 730, 735, 744, 838, 851
 Южная 47, 324, 634, 735, 747, 838, 845, 930, 937, 953
 Американский континент 54, 850
 Аммоний Саккас 506
 Амон 131, 206, 207, 209, 211
 Амон-Па 131, 209
 Амос 195, 215, 232
 Амударья 118, 177, 309, 387, 425, 516, 520, 563, 607, 608, 639, 658, 746, 790, 798
 Амур 484, 645, 728, 847
 Анаксимандр 297
 Анаксимен 297
 Анатолийское нагорье 642, 672
 Анатолия 47, 151, 153, 156, 157, 164, 174, 179, 180, 187, 193, 199, 212, 214, 384, 385, 455, 471, 472, 528, 529, 551, 553, 591, 642, 645, 650, 651, 659, 664, 684, 712, 743, 800, 807, 844
 Англия 30, 41, 159, 163, 249, 416, 482, 548, 583, 584, 592, 595, 703-706, 714, 723, 724, 744, 746, 751-754, 764, 767, 779-781, 796, 842, 858-860, 869, 870, 874-876, 881, 886, 888-891, 904, 912, 914, 938, 939, 941, 946, 947, 995, 997
 Андалузия 655, 659, 665
 Анды 336, 549, 634, 847
 Аннам 325, 344, 420, 505, 696, 697, 728
 Ансельм св. 713, 714
 Антигониды династия 382, 383
 Антиох III Великий 385
 Антиох IV Эпифан 385, 386, 389, 458

- Антиохия 384, 387, 389, 461, 711, 785
Аньян 169, 306-308
Апеннины 426
Апис 399
Аполлон 446, 469
Аппалачи 860
Аравийская пустыня 47, 893
Аравийский полуостров 27, 118, 153, 161, 562, 569, 895
Аравийское море 141, 403, 486, 546, 741
Аравия 27, 37, 55, 118, 200, 440, 553-555, 557, 559, 560, 562, 729, 893, 899, 930, 1032
Аральское море 430, 638, 901
Аргентина 744, 779, 780, 853
Аргос 269, 274, 369
Ардашир 514, 524, 533
Арджуна 493
Аристарх Самосский 398, 769
Аристотель 266, 352, 365, 366, 375, 533, 575, 576, 656, 657, 665, 716, 718, 768, 769
Аристофан 362
Аркадия 349
Аркот 904
Аркрайт Ричард 946
Арктика 847-849, 981
Армения 162, 387, 434, 435, 440, 463, 544, 580, 590, 671, 821
Ар-Рази 576
Артаксеркс II 226
Артур 429
Аруни 256
Архангельск 744, 783, 864
Архимед 397
Арьябхата 498, 499
Асклепий 362, 399
Ассирийская империя 24, 175, 177, 184, 186, 190, 191, 195, 198, 201, 220, 329
Ассирия 95, 100, 175, 177, 183, 194, 198, 233, 329, 383
Астраханское ханство 786, 787, 797
Атлантика 30, 47, 56, 158, 160, 161, 163, 199, 325, 334-336, 344, 428, 553, 629, 712, 734, 735, 738, 739, 742, 751, 778, 780, 781, 844, 850, 859, 860, 946, 953, 980
Атлантический океан 169, 335, 336, 430, 791, 933
Атон 206-209, 211
Атталиды династия 386
Аттика 272, 274, 282, 351-353, 368, 379
Аттила 345, 516, 521
Аугсбург 756
Аурангзеб 802, 803, 806, 809, 814, 892, 902, 903
Афганистан 387, 433, 434, 446, 643, 892, 902, 903, 990
Афины 260, 267, 273, 276, 279-283, 286, 287, 289, 290, 295, 302, 351-357, 360-363, 365, 367-369, 371, 373, 378, 390, 391, 393, 395, 399, 969, 1032
Африка 19, 27, 29, 36, 37, 39, 127, 158, 159, 199, 324, 325, 336, 346, 377, 378, 404, 505, 518, 538, 546, 547, 581, 587, 630, 631, 636, 728-730, 734-736, 739, 742, 744, 747, 776, 778, 789-793, 795, 837-839, 848, 849, 892, 905, 906, 930, 931, 937, 961, 979, 980, 990-992, 1018, 1031
Восточная 161, 247, 344, 346, 687, 729, 790, 837, 838, 930
Западная 325, 403, 630, 730, 792, 837, 930
Северная 23, 27, 61, 115, 403, 443, 444, 516, 518, 526, 538, 565, 578, 580, 587, 648, 649, 712, 792, 797, 802
Центральная 729, 735, 838
Экваториальная 37, 631
Южная 326, 637, 728, 841, 853, 937, 981
Ахайя 273
Ахемениды династия 220, 222, 226, 329, 380, 387, 403, 498, 530, 531, 533
Ахилл 273
Ахмад-шах Дуррани 901
Ахмед Джеззар 899
Ахурамазда (Ормузд) 222-226
Ашвагхоса 469
Ашока 407-413, 425, 446, 448

Ашшур 95, 153, 198, 218, 220

Ашшурбанипал 204, 327

Ашшурнасирпал 184

Б

Бабур 802, 810

Баб-эль-Мандебский пролив 506, 546

Багдад 569, 571, 574, 575, 578, 579, 581, 584, 657, 799

Багдадский халифат 648

Бактрия 385, 387, 407, 434, 436, 442, 445, 516, 517, 526

Бали 820

Балканский полуостров 267, 516, 519, 647, 671, 672, 821, 899

Балканы 428, 519, 527, 540, 541, 581, 582, 591, 651, 671, 677, 685, 712, 721, 817, 821, 870, 895, 896

Балтийская империя 872

Балтийское море 160, 591, 708

Балтика 679, 704, 712, 724, 870

Балх 446

Балхаш 514, 626

Банат 854

Банда 849

Бань Гу 404, 479

Барбадос 851

Басра 565

Бах Иоганн Себастьян 887, 888

Бейрут 213

Беккерель Антуан Анри 971

Бенгалия 486, 600, 669, 693, 817, 904, 908

Бенгальский залив 170, 343, 403, 486, 503, 504, 795

Бенедикт св. 264, 546

Бентам Иеремия 888

Беотия 273

Беринг Витус 847, 848

Берингов пролив 46, 847

Беркли Джордж 883

Бернс Роберт 886

Берос 474

Бессемер 945

Бетховен Людвиг ван 967

Бирма 265, 325, 467, 503, 504, 554, 604,

625, 635, 645, 820, 830, 839, 907, 913

Бисмарк 950, 960, 962

Ближний Восток 390, 400, 402, 406,

425, 428, 429, 434, 588, 599, 664, 701

Блок Александр 967

Боденское озеро 583

Болгария 374, 590, 676, 897

Болгарское царство 582, 671

Болонья 719

Бомбей 605, 902, 995

Бонавентура св. 657, 718

Бонифаций VIII 706, 713, 719

Бонифаций св. 585

Борнео 325, 504, 505, 790

Борну 790

Босния 654

Боспорское царство 376

Боссюэ 882

Босфор 518, 580, 681, 868, 897

Босх Иероним 773, 968

Боттичелли 762

Бразилия 139, 739, 744, 847, 849-851, 853, 858, 859, 953, 1018

Брамс Иоганн 967

Бранденбург 872

Бранкузи Константин 967

Бретань 547

Британия 160, 199, 270, 343, 429, 516, 517, 521, 547, 548, 583, 703, 850, 851, 861, 863, 870-872, 874-876, 899, 901, 902, 904, 905, 907, 911, 912, 914, 933, 939-944, 947, 952, 989, 990, 996, 998, 1002, 1017

Британская Индия 992

Британская Колумбия 848

Британские острова 583, 712

Бруссa 654

Будда 178, 239, 248, 250, 251, 253, 260-266, 298, 364, 407, 409, 410, 446, 447, 449, 450, 463, 464, 466-470, 491, 494, 499, 511, 534, 604, 621

Бурбоны династия 857, 959

Бургундия 583, 725

Бухара 658, 902

Бухарская узбекская империя 798

Бухарест 897

Бхати 495

Бэкон Роджер 718

Бэкон Френсис 766, 769, 888

В

Ваал 230, 231

Вавилон 84, 96, 98, 100, 104, 108, 111-113, 144, 175, 177, 186, 187, 190, 192, 193, 198, 199, 202-204, 212, 218-220, 235, 236, 247, 297, 316, 317, 458

Вавилония 24, 106, 175, 177, 194, 201, 235, 236, 238, 316, 508

Вагнер Рихард 967

Вади-Хаммамат 118

Валахия 791, 821

Валентиниан 539

Ван Гог Винсент 966

Ван Ман 438, 439, 478

Ван Эйк Ян 725, 726

Варлаам 468

Варнава 461

Варшава 796

Василий I 589

Василий II Болгаробойца 590, 591, 671, 675

Василий III 784

Василий св. 542

Валлерштайн Иммануил 21, 30

Васко да Гама 688, 734, 739, 744

Ватерлоо 958

Ватт Джеймс 941

Вашингтон 139

Вашингтон Джордж 862

Везалий 770

Великие Моголы династия 346, 790, 902

Великие озера 712, 846

Великий шелковый путь 26, 240, 345, 402, 414, 450, 467, 508, 553

Великобритания 30, 860, 862, 875, 891, 933, 938-941, 1020

Вена 791, 801, 892

Венгерская низменность 588, 929

Венгрия 329, 516, 581, 585, 645, 672, 704, 707, 710, 791, 853, 854, 870, 871, 892, 940

Венесуэла 744

Венеция 373, 673, 684, 711, 712, 716, 756, 783, 793

Веракрус 857

Вергилий 476, 544

Верхнее озеро 846

Вест-Индия 797, 845, 850, 851, 874

Виджаянагар 647, 667, 790

Византия 516, 519, 522, 526-530, 537, 551, 553, 562, 565, 566, 575, 580-582, 584-591, 596, 599, 636, 638, 640, 642, 652, 671-673, 675, 676, 678-681, 684, 701, 705, 713, 722, 796, 897

Виллиброрд св. 585

Вирджиния 851, 853, 859

Виттенберг 760

Вифиния 376, 378, 386

Вишну 405, 457, 465, 466, 493, 496, 497, 500, 501, 604, 669, 819

Волга 582, 588, 589, 645, 646, 680, 744, 787, 798

Волжская Булгария 582, 680

Вольтер 885, 917

Вьетнам 325, 331, 420, 503, 505, 1000

Вэй династия 417, 514

Вэйхэ 311

Г

Габсбурги династия 375, 746, 751, 752, 765, 792, 793, 801, 870, 871

Гавриил 555

Гаити 850

Гайдн Франц Иосиф 888

Галатия 386

Гален 476, 498, 575, 656, 770

Галикарнас 367

Галилей Галилео 768, 770, 771, 774, 970

Галилея 463, 475

Галлия 429, 436, 444, 516, 518, 547, 581, 583, 584, 639, 852

Гана 630, 729

Ганг 244, 245, 247, 252, 261, 264, 342,

- 406, 407, 410, 466, 486, 487, 546, 626, 643
- Ганди Мохандас Карамчанд 251, 998
- Гандхара 446, 447, 450, 552
- Ганнибал 427, 428
- Ганьсу 52, 311, 434, 989
- Гао-цзу 419, 420
- Гарвей Уильям 770
- Гауди Антонио 967
- Гаутама 260-262, 265, 298, 410, 464, 466, 491, 492, 496, 534 *см. также* Будда
- Гвардафуй 325
- Гватемала 548, 549, 633, 731
- Гвинея 505, 729
- Гвискар Роберт 705
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих 973, 974
- Гейнсборо Томас 879
- Гекатей 295
- Гелиополис 128, 206
- Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд фон 971
- Генрих IV 752
- Генрих Мореплаватель 734, 739
- Генуя 673, 711, 756
- Георг III 876
- Гера Самосская 294
- Гераклит 296
- Гердер Иоганн Готтфрид 886
- Германия 330, 482, 547, 583, 585, 590, 596, 703-708, 710, 714, 723, 724, 751, 756, 760, 765, 767, 768, 792, 872, 873, 881, 882, 884, 886, 890, 900, 938, 941-944, 947-950, 952, 963, 1017, 1018, 1020
- Гермес 370, 371
- Герне Жак 18
- Геродот 135, 185, 244, 283, 329, 338, 352, 354, 367, 368, 436, 479, 681, 973
- Герцеговина 900
- Гесиод 108, 288, 293, 296
- Гете Иоганн Вольфганг фон 887
- Гиббон Эдуард 883, 973
- Гибралтар 61, 792
- Гиза 135
- Гималаи 244, 266, 483, 486, 600, 606, 643
- Гиндукуш 337, 405, 434, 442, 446, 486, 520, 600
- Гиппарх Никейский 398
- Гиппократ 367
- Глазго 943
- Глюк Кристоф Виллибальд 888
- Гоа 744
- Гоббс Томас 877, 880, 885
- Гоби 640
- Гоген Поль 966
- Гогенцоллерн Фридрих Вильгельм 872
- Гогенцоллерны династия 872, 873
- Голландия 746, 751-754, 764, 768, 794, 796, 859, 872, 875, 889, 907, 924
- Голландская республика 708
- Гольфстрим 595
- Гомер 108, 168, 244, 272, 287, 288, 292, 293, 295-297, 299, 367, 371, 493, 542
- Гонконг 922
- Гор 128, 131, 134, 135, 208
- Гораций 401, 476
- Гордон-Чайлд В. 20
- Горн мыс 980
- Гранада 655, 792
- Граник 380
- Греко-Бактрийское царство 434, 442, 446
- Гренландия 335, 712
- Греция 26, 86, 89, 108, 113, 157, 168, 178, 180, 189, 199, 200, 239-244, 251, 266-268, 270-276, 278-291, 293-296, 298-303, 323, 324, 337, 338, 349-352, 354-357, 365, 369, 371-376, 378, 380, 385, 386, 389-391, 399, 400, 402, 421, 425, 427, 441, 444, 581, 605, 727, 749, 886, 896, 897, 899
- Григорий I Великий 583, 599
- Григорий VII 704
- Григорий Палама св. 682
- Грозелье 847
- Гроот Герард 724
- Гроссетест Роберт 718
- Грузия 821
- Гуанчжоу 744, 914 *см. также* Кантон

Гудзонов залив 846, 847
 Гупты династия 477, 483-488, 490-492,
 494-502, 504, 505, 513, 553, 600, 601,
 606, 625, 668
 Гутенберг 693, 694

Д

Давид 189, 230, 231, 236, 458
 Дагомея 729
 Дальний Восток 19, 30, 40, 241, 305,
 331, 339, 349, 481, 482, 511-514, 518,
 519, 552, 612, 614, 625, 685, 700, 728,
 735, 826, 841, 907, 933, 1009
 Дальний Запад 17, 30, 167, 349, 481,
 482, 484, 513, 515, 516, 520, 525, 554,
 568, 612, 614, 635-637, 648, 698, 703,
 725, 738, 802, 854, 934, 968
 Дамаск 189, 198, 461, 563, 565
 Даниил 232
 Дания 67, 704, 710
 Данте 720
 Дарвин Чарльз 974-976
 Дарданеллы 270
 Дарий III 380, 381
 Дарий Великий 192, 200, 218, 224-226,
 329, 337, 350, 412
 Двуречье 107, 174
 Дева Мария 226, 720
 Деканское плоскогорье (Декан) 162,
 486, 487, 903
 Декарт Рене 759, 766, 768, 858, 877, 880
 Дели 643, 645, 901, 995
 Делос 390
 Дельта 122
 Демарат 354
 Деметра 289
 Деметрий 442
 Демосфен 354, 357, 369, 1032
 Дефо Даниэль 886
 Деций 515
 Джахангир 803, 805
 Джебель-эль-Арак 121, 129
 Джексон 1023
 Джефферсон 1023
 Джонс Уильям 909

Джонсон Семюэль 886
 Джорджия 860
 Джоуль Джеймс 970
 Джохор 794
 Джунгарское государство 913
 Диаш Бартоломеу 739
 Диодор Сицилийский 412
 Диоклетиан 515, 529, 541
 Дионис 289, 357, 370
 Диу 741, 744
 Днепр 516, 588, 589
 Днепропетровск 589
 Доброй Надежды мыс 739, 837, 838,
 853, 931
 Дон 338, 516
 Донгсон 325, 332
 Достоевский Федор 969
 Древнееврейское царство 188, 189
 Ду Фу 623
 Дун Чжунсю 420
 Дунай 52, 337, 349, 428, 435, 444, 482,
 515, 516, 519, 526, 541, 555, 582, 588,
 647, 672, 792, 899
 Дэви Гемфри 943
 Дюплекс Жозеф Франсуа 904
 Дюрер 762

Е

Евклид 656
 Евразия 17-19, 26, 29, 50, 63, 65, 69,
 119, 164, 166, 167, 169, 170, 178, 239,
 242, 305, 311, 324, 326, 328, 330, 336,
 337, 339, 340, 734, 735, 777, 934
 Еврипид 355, 358-360, 371, 375, 435
 Европа 17, 19, 26-28, 30-32, 37, 39, 40,
 42, 43, 46, 47, 50, 55, 61, 65, 115, 119,
 158, 161, 163, 164, 167, 168, 178, 179,
 242-244, 251, 252, 260, 261, 264, 265,
 267, 300, 304, 305, 317, 324, 328-330,
 334, 339, 340, 343-346, 349, 351, 379,
 382, 397, 406, 426, 428, 433, 438, 452,
 477, 479, 484, 487, 492, 516-521, 526,
 544, 546-548, 552, 554, 580, 585, 588,
 591, 592, 594-596, 599, 612-615, 620,
 623, 635-637, 642, 643, 645-647, 650,

- 659, 666, 677, 684, 686, 698, 701, 702, 704, 705, 707, 708, 713, 719, 721, 722, 725-728, 734-737, 739, 742-744, 747, 749-761, 764, 768, 769, 773-775, 778, 791, 792, 794-796, 801, 806, 807, 810, 813-815, 824, 829, 830, 839, 841-845, 849, 850, 855, 856, 858, 860-864, 867-871, 874, 876, 877, 882, 883, 885-887, 889, 891, 892, 894, 899, 902, 904, 907, 915-917, 930, 933, 935-937, 950, 953, 958, 960, 962, 972, 980, 981, 984, 988, 989, 992, 995, 1004, 1008, 1009, 1013, 1017, 1018, 1021
- Восточная 163, 304, 345, 452, 516, 590, 635, 636, 645, 647, 666, 680, 728, 743, 752, 754, 767, 798, 851, 855, 858, 870, 952, 960-963
- Западная 29, 42, 43, 47, 61, 159-161, 168, 330, 337, 343, 344, 406, 425, 429, 437, 440, 477, 480, 520, 522, 547, 582, 590, 594, 597, 614, 616, 635-637, 658, 660, 666, 680, 692, 693, 700-703, 708, 710, 712, 713, 720, 722, 726, 727, 734-736, 738, 743, 747, 749, 773, 781, 782, 788, 789, 806, 821, 839, 863, 868, 896, 900, 941, 952, 960, 961, 963, 967, 969, 980, 1016, 1017
- Северная 30, 61, 163, 168, 276, 330, 594, 597, 749, 760, 766, 768
- Северо-Западная 580, 594-596, 599, 614, 723, 724, 758, 796, 960
- Субарктическая 40
- Центральная 47, 61, 85, 163, 589, 664, 704, 754, 767, 963
- Юго-Восточная 626, 747
- Южная 752, 952
- Евфрат 69-74, 84, 88, 90, 91, 95, 115, 117, 122, 172, 175, 181, 199, 299, 389, 429, 433, 551
- Египет 16, 23-25, 60, 66, 86, 99, 117-132, 134-139, 141, 143-145, 154, 156, 158, 167, 171, 173-175, 177, 181, 182, 187, 188, 190, 192-194, 199, 201, 205, 206, 209-212, 214, 215, 221, 228-231, 233, 235, 238, 241, 242, 268, 270, 271, 291, 294, 297, 301, 306, 309, 324, 346, 350, 379, 382-385, 387, 389, 399, 403, 404, 412, 443, 444, 474, 505, 507, 527, 528, 538, 541, 542, 548, 550, 551, 562, 578, 584, 629, 642, 646, 648, 650, 662, 664, 793, 801, 844, 895, 898, 899, 990-992
- Екатерина II 866-868
- Енисей 168, 547
- З**
- Загрос 47, 97, 147, 162
- Закавказье 440, 588
- Замбези 729, 837
- Занзибар 930
- Заратуштра (Зороастр) 215, 220-228, 475, 533, 534
- Зевс 295, 369, 371, 399, 442, 1017
- Зенон 360
- Зент 791
- Зимбабве 631, 730
- Золотая Орда 646, 672, 679, 680, 796
- Зосима 681
- И**
- Иберийский полуостров 794
- Ибн Баттута 649, 659
- Ибн Рушд (Аверроэс) 656, 657, 665, 716
- Ибн Сина (Авиценна) 656, 658
- Ибн Хальдун 659
- Иван III Московский 680, 681, 783, 796
- Иван IV Грозный 754, 783, 786-788, 864
- Иезекииль 235, 236
- Иеремия 215, 232
- Иерихон 117
- Иерусалим 230, 235, 236, 389, 459-462, 556, 564, 785
- Изабелла Кастильская 715
- Израиль 222, 229, 230, 232, 233, 235, 238
- Иисус Навин 230
- Иисус Христос 458, 460-464, 532-534, 556
- Или 434, 798, 836
- Илия 231

- Инд 69, 118, 138-145, 156, 162, 169, 200, 242, 245, 247, 309, 342, 346, 406, 407, 411, 413, 429, 552, 600, 601, 626, 668, 901
- Индийский океан 26, 29, 162, 200, 247, 403, 480, 505, 600, 630, 631, 686-688, 691, 694, 728, 738, 741, 742, 744, 746, 789, 791-793, 796, 831, 849, 930, 980
- Индия 19, 25-29, 37, 39, 60, 62, 67, 99, 115, 118, 119, 138, 142, 144, 161, 168, 169, 178, 199, 200, 239-253, 256, 259-261, 265-267, 273, 298, 303, 305, 323-325, 337, 342-347, 349, 364, 382, 384, 385, 403-414, 417, 420, 421, 425, 426, 429, 433-435, 438, 442, 445, 446, 448-450, 452, 454, 455, 463, 464, 467, 469, 470, 474, 477, 479-481, 483-488, 490-493, 496-499, 501-507, 511-513, 517, 520, 531, 537, 546, 550, 552, 553, 571, 574, 575, 599-602, 604-608, 616, 620, 621, 625, 626, 635, 636, 640, 642, 643, 646, 647, 649, 655, 658, 661, 663, 666-670, 687, 693, 698, 701, 728, 735, 739, 742-744, 746, 747, 757, 774, 780, 789, 790, 793-795, 802, 803, 805, 806, 810, 814, 816, 817, 839, 841, 849, 870, 891, 892, 894, 901-910, 912, 914, 915, 917, 932, 989, 992-999, 1005, 1018
- Индокитай 345, 503, 504, 625, 690
- Индонезия 324, 325, 344, 483, 503, 546, 794, 849, 906, 907, 990, 992
- Индостан 600, 642, 993
- Индра 144
- Иннокентий III 254, 657, 713, 721
- Инь 306 *см. также* Шан
- Иоанн 792
- Иоанн Дамаскин 671
- Иоанн Креститель св. 773
- Иов 110, 238, 473
- Иония 220, 272-274, 297-299
- Иордан 117
- Иосиф II 888
- Иосиф Нази 823
- Иосия 233, 235
- Ипатий 461
- Ирак 78, 94, 562, 563, 565, 566, 569, 575, 584, 642, 645, 650, 651, 658, 664, 721, 799, 802, 806, 893, 899
- Иракий 528
- Иран 47, 62, 168, 169, 177, 222, 240, 243, 326, 329, 379, 380, 384, 385, 387, 433-436, 448, 452, 454, 470, 475, 483-486, 502, 508, 514, 523, 524, 526, 528, 530-532, 551, 562, 574, 591, 596, 605, 626, 638, 641, 646, 649-651, 655, 656, 658, 661, 790, 844, 901-903
- Иранское плато (нагорье) 47, 115, 164, 168, 174, 177, 193, 701
- Ирландия 65, 334, 429, 484, 485, 547, 583, 584, 598, 855
- Ирнерий 719
- Исайя 215, 232, 235, 236, 238
- Исида 134, 399, 458, 474
- Исин 98-100
- Исландия 334, 712
- Исмаил Сефевии 791, 799, 801, 802, 806, 807, 901
- Исократ 369
- Испания 42, 43, 270, 344, 444, 516, 518, 551, 563, 568, 574, 581, 587, 599, 648, 649, 655, 656, 677, 703, 704, 707, 708, 714, 744, 746, 751, 752, 758, 764, 767, 776, 779-781, 791-793, 796, 802, 823, 842, 850, 851, 856-859, 871
- Исса 381
- Исфакан 808, 810
- Италия 30, 89, 301, 302, 342, 344, 355, 360, 374, 376-378, 425-428, 444, 515, 516, 518, 519, 539, 581, 583-586, 615, 650, 672, 673, 675, 681, 684, 704-708, 711, 713, 714, 720, 722, 723, 726, 727, 739, 749, 752, 756, 757, 764, 766-768, 784, 796, 882
- Иуда 189
- Иудея 230, 232, 233, 235, 238, 262, 386, 474
- Иэясу 832, 834
- К
- Кабир 670

- Кабул 608
 Кавад 535
 Кавказ 162-164, 580, 582, 646, 901, 937
 Кадис 857
 Казанское ханство 786, 787, 797
 Казахстан 61, 434, 929
 Каин 55
 Каир 661
 Кайраван 656
 Калидаса 494, 495, 499
 Каликут 687
 Калифорния 848
 Кальвин 761, 766
 Калькутта 910, 994, 995, 997
 Камбиз 177, 192, 350
 Камознс 767
 Кампанья 376, 586
 Кампоформио 958
 Камчатка 847
 Канада 778, 848, 853, 861
 Канарские острова 160, 334
 Канберра 139
 Канди 820, 907
 Канишка 467, 469
 Кано 790
 Канси 913
 Кант Иммануил 883, 884, 976
 Кантон (Гуанчжоу) 600, 744, 824, 914, 915, 921
 Канут 704
 Капетинги 704
 Каппадокия 386
 Караджич Вук 900
 Каракорум 692
 Карибские острова 742, 746, 849, 850
 Карибское море 47, 651, 746, 778, 849, 850
 Кария 381
 Карл II Английский 869
 Карл V (Габсбург) 751, 792
 Карл XII 864
 Карл Великий 585, 587, 596, 704, 710
 Карл Мартелл 583
 Карловцы 892
 Кармель 39
 Каролинги династия 584, 585, 589, 673, 705, 713
 Карпаты 645, 792
 Карры 435
 Картагена 857
 Карун 117
 Карфаген 281, 325, 376, 377, 385, 427, 428, 553
 Кархемыш 189, 199
 Каспийское море 385, 386, 435, 607, 638, 744, 799, 865, 901
 Каспийско-Иранский регион 601
 Кастильоне Джузеппе 918
 Катон 427
 Катулл 476
 Каутилья 412
 Кашмир 554, 600, 608
 Квебек 846
 Кей Джон 891
 Кейптаун 853
 Кельвин 943
 Кемаль Мустафа 992
 Кент 583
 Кентербери 584
 Кеплер Иоганн 769
 Кефалиния 820
 Киев 672, 785
 Киевская Русь 672, 679
 Кипр 268, 590
 Кир Великий (Персидский) 174, 177, 192, 220, 226, 235, 236, 329, 350
 Кир Младший 355, 356
 Киренаика 409
 Кирилл Лукарис 822
 Кирилл св. 589, 672
 Китай 17-19, 23, 26-30, 32, 37, 40, 52, 62, 63, 67, 169, 178, 239-242, 265, 271, 303-315, 317-319, 323-325, 330-333, 336, 338, 339, 343-346, 349, 363, 402-404, 406, 414, 416-421, 424-426, 429-231, 433, 434, 436, 438-441, 443-447, 450, 452, 453, 467, 471, 472, 474, 478-485, 487, 496, 502, 503, 505, 508, 509, 511-514, 517-520, 522, 532, 546, 552, 553, 562, 571, 574, 599, 600, 607-617,

- 619-630, 635, 636, 638, 640-643, 645,
647, 666, 679, 685-688, 690-694, 696-
698, 700, 701, 735, 743, 744, 747, 755,
774, 789, 790, 794, 795, 810, 824-831,
834, 836, 837, 839, 841, 849, 902, 906,
907, 912-917, 920-924, 926, 928, 929,
932, 933, 989, 990, 992, 995, 1000-1006,
1008, 1013, 1014, 1018, 1031, 1032
Киш 87, 88, 90
Клавдий Готский 515
Клайв Роберт 904
Клемансо Жорж 965
Кносс 154-157, 268, 270, 373
Кодр 274
Коксинга (Кошинга, Чжэн Чэнгун) 826,
827
Колумб 336, 734, 739, 744
Колумба св. 548
Колумбан св. 583
Колумбия 744
Колыма 847
Комнины династия 676
Конго 546, 631, 730, 837, 838
Константин 516, 518, 526, 529, 538, 540,
580, 681
Константинополь 527, 540-542, 544,
545, 565, 580, 581, 585-588, 590, 647,
655, 675-677, 681, 682, 685, 701, 711,
712, 784, 785, 787, 811, 894, 897, 899
Конт Огюст 939
Конфуций 178, 239, 298, 312, 313, 315,
319-323, 363, 364, 414, 415, 418, 420,
421, 423, 471, 478, 607, 614, 616, 695,
830-832, 915, 1032
Коперник 769, 770, 975
Кораис Адамандиос 900
Корея 344, 420, 425, 440, 483, 512, 553,
607, 620, 625, 627, 628, 696, 697, 825,
913, 1000, 1009
Коринф 281, 286, 290, 378, 395, 402,
426, 427
Коринфский залив 269
Корнель Пьер 886
Кортес 731, 738, 742, 744
Кос 474
Косово Поле 677, 823
Кохинхин 325, 503
Кошала 245
Красное море 118, 121, 200, 403, 506,
546, 730, 793
Красс 435
Креси 438
Крит 62, 99, 153-158, 205, 267, 271, 293,
325, 587, 590, 684, 791, 899
Кришна 493, 817-819
Кромвель 754, 855
Кромптон Самуэл 891
Кротон 301, 302
Крым 378, 854, 933
Ксенофан 296
Ксенофонт 356, 362, 368
Ксеркс 185, 192, 226, 244, 350, 354
Ктесифон 531
Куба 850, 953
Кубанская долина 163
Кук Джеймс 848
Кумы 376
Кумран 507
Курдистан 899
Куфа 565
Кушанская империя 430, 434, 435, 452,
486, 508, 520, 532
Кюсю 835
Кяхта 913

Л
Ла Саль 848
Лавуазье Антуан 883
Лагаш 75, 88, 89, 100
Лакомб Жорж 1029
Ла-Манш 592
Лаплас Пьер Симон 883
Ла-Плата 853
Ларса 98, 99
Ласко 44
Лациум 146, 376
Лев III Исавр 586, 587
Лев Великий 540
Левант 156, 212, 268, 270, 271, 344, 345,

- 379, 580, 584, 592, 642, 643, 664, 665,
676, 711, 712, 841
Лейбниц Готтфрид Вильгельм 858, 877,
880
Леклер де Бюффон Жорж Луи 883
Ленгленд Уильям 724
Ленин 1024
Лепанто 792
Ли Бо 623, 624
Либих Юстус фон 945
Ливан 23
Ливий 476
Ливия 409
Ливония 711
Лидия 194, 199, 285
Ликург 280, 281
Лима 781
Лимпопо 837
Линней 883
Лиссабон 139, 742
Литва 710, 785
Лойола 766, 774
Локк Джон 860, 883, 885
Лондон 139, 742, 859, 877, 879, 903, 938,
942, 994
Лопе де Вега 767
Лоян 311, 319, 610, 616
Лугальзаггиси 89, 90, 101
Лука св. 598
Лукреций 476
Лусон 790
Лхаса 836
Людвик VIII 705
Людвик XIII 752
Людвик XIV 820, 843, 868, 870, 875
Людвик XVI 892
Лютер Мартин 760, 761, 767, 774, 886
- М**
Мабильон Жан 883
Маврикий 527
Мавсол 381
Магадха 245, 407, 413
Магеллан 734
Мадагаскар 325, 505, 546
Мадейра 849
Маджапахит 728
Мадрас 904, 995
Мадрид 781
Мазаччо 723
Маздак 524, 536, 537
Маймонид Моисей (Моше бен Май-
мон) 665, 666, 716
Майтрейя 468
Майяпан 731
Макао 744, 824, 826, 834, 914
Мак-Артур Дуглас 1013
Макасар 849
Македония 177, 337, 355, 371, 373-377,
382, 383, 385, 386, 389, 400, 409, 503,
684
Македонская династия 589, 591, 592,
596, 673, 682, 701
Макиавелли Никколо 413, 722
Маккавеи 385, 389, 458
Маккензи Александр 848
Максвелл Джеймс Кларк 970
Максим Грек 784
Малабарское побережье 252
Малайя 404, 503, 907
Малакка 729, 744, 746, 790, 794
Малаккский пролив 687
Мали 729
Малик-шах 659
Мальдивские острова 649
Мальта 158, 160
Манефон 399, 474
Мани 524, 533-535, 537
Мантинея 356
Манцикерт 642
Манчестер 874, 942
Маньчжурия 430, 514, 626, 640, 696,
728, 825, 1009
Маньчжурская империя 1000, 1001
Мао Цзэдун 323, 1003
Мардук 84, 100, 108, 111, 192, 202, 203,
218, 399, 474, 532
Марк Аврелий Антонин 503
Марко Поло 30, 612, 648, 691-693
Марк Карл 424, 974, 1024

- Марокко 649, 729, 790, 802, 838, 990
Массачусетс 781, 861
Маурьи династия 407, 412, 413, 486, 488, 492
Махавира 261, 262, 265
Махмуд из Газни (Газневи) 643, 655, 666
Мегара 280
Мегасфен 250
Медина 23, 556, 557, 559, 560, 565, 567, 568, 571, 572, 649, 802
Междуречье 98 *см. также* Месопотамия
Мейдзи 1011, 1012
Мекка 23, 555-557, 559, 563, 568, 649, 729, 802, 909, 910
Меконг 625, 728
Мексика 332, 334, 336, 346, 548, 449, 633, 634, 730, 731, 734, 775-777, 781, 848, 857, 859
Мексиканское нагорье 633
Меланезия 632
Мемфис 130, 199, 301
Менандр 469
Менес 120, 122, 129, 136
Меровинги династия 436, 582-584
Мертвое море 459
Месопотамия 16, 22, 23, 25, 66, 70-75, 77-82, 84-91, 93-100, 102-104, 106-111, 113-115, 117-124, 127, 128, 134, 136-141, 144, 151-153, 156-158, 162, 164, 165, 167, 169, 171-174, 181, 182, 184, 187, 189, 190, 193, 198, 199, 201, 212, 214, 221, 222, 235, 238, 241, 242, 269, 299, 306, 317, 346, 349, 354, 384, 387, 389, 431, 434, 435, 440, 454, 455, 463, 470, 474, 481, 508, 514, 523, 524, 528, 530, 532, 535, 544, 550, 551, 562, 576, 578, 580, 601, 629, 634, 651, 665, 844
Мефодий св. 589, 672
Мехико 549, 781, 859
Мехмед II Фатих (Завоеватель) 655, 677, 814
Микены 243, 267-272, 274, 282, 289, 299
Микронезия 632
Милан 541
Милет 281, 299
Мильтон Джон 217, 766, 767, 886
Мин династия 30, 609, 641, 686-688, 690, 692, 693, 696, 697, 824-827, 829
Минданао 729, 790
Мин-ди 450
Минос 154, 155, 270
Минусинск 547
Миссисипи 847
Митанни империя 172, 175, 186, 187, 213
Митра 226, 457, 468, 471
Митридат II 434
Михельсон Альберт 972
Михаил Федорович (Романов) 783, 787
Мицубиси 1010
Мицуи 1010
Мозамбик 930
Моисей 228-230, 327, 461
Молдавия 482, 791, 821
Молуккские острова 744
Мольер 886
Момбаса 793
Монголия 165, 330, 331, 339, 430, 431, 433, 435, 440, 514, 581, 640, 643, 646, 672, 688, 692, 697, 825, 826, 839, 913, 929
Мономатапа 838
Монреаль 848
Монтень 767
Монтескье 871
Моравия 589, 672
Морли Эдуард Уильямс 972
Москва 680, 681, 782, 783, 787-789, 797, 863
Московия 685, 754, 786, 791, 796
Московское великое княжество 680
Мохенджо-Даро 138-143, 411
Моцарт Вольфганг Амадей 888
Мраморное море 580
Муавия 563
Мур Генри 977
Мурасаки Сикибу 628, 629
Мухаммад Икбал 991

Мухаммед (Мухаммад) 27, 28, 145, 225, 343, 346, 364, 553-557, 559, 560, 562, 563, 565, 567, 568, 573, 575, 576, 578, 597, 607, 620, 651, 661, 669, 798, 893, 1032

Мухаммед II 657

Мухаммед Абдо 991

Мухаммед Али 898, 899

Мухаммед Гури 667

Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб 893, 895

Мухаммед Копрюлю 791

Мухаммед Соколы 822

Мэн-цзы (Менций) 423

Н

Набонид 204

Наварин 899

Наветренные острова 850

Навкратис 199

Навуходоносор 218, 219, 224, 235, 532

Нагарджуна 469

Нагасена 469

Надир-шах 901

Назарет 458, 460

Нанак 670

Нанкин 831

Наньчжао 693

Наполеон Бонапарт 907, 954, 955, 957-960

Нара 628, 697

Нарамсин 95-97, 101, 165

Нарбада (Нармада) 141

Натан 189, 231

Неемия 236

Непал 903

Несторий Сириянин 532

Нигер 930

Нидерланды 724, 751, 757, 792

Нидэм Джозеф 18, 19

Ника Самофракийская 392, 397

Никея 540, 654

Никон 785, 830

Нил 69, 118, 120, 122-124, 127, 137, 141, 145, 156, 162, 177, 182, 187, 199, 200, 205, 399, 403, 592, 930

Ниневия 177, 198, 221, 292, 327

Ниппур 86

Ницше Фридрих 976

Ниш 541

Нобиле Роберто де 917

Нобунага 834

Новая Англия 780, 781, 850, 851, 853, 859-861, 946

Новая Гвинея 981

Новая Зеландия 853, 937

Новая Испания 853, 858

Новгород 683, 781

Норвегия 704, 710

Нормандия 712

Нортумбрия 584

Норфолк 874

Нубия 124, 175, 187, 324, 546, 554, 580, 729, 730, 837

Нурсия 542

Нутка 848

Ньюкомен Томас 890, 938

Ньютон Исаак 769, 771, 858, 880-883, 970, 972, 975

Ньюфаундленд 850

Нью-Хэмпшир 860

О

Обрадович Досифей 900

Обь 797

Океания 336, 747, 849, 930, 937

Оккам Уильям 781

Окс 402 *см. также* Амударья

Олимп 288, 289, 295, 297, 299, 301, 371

Олимпия 369, 371

Оман 930

Омар 560, 562-566, 568, 639, 798

Омар Хайям 659

Омейяды династия 563-569, 571, 572, 575, 577, 578, 584, 586, 588

Ориген 506, 538

Ориноко 776

Ормуз 744

Ормузд 222 *см. также* Ахурамазда

Ормузский пролив 687

- Ороско Хосе 1015
Орфей 222, 289
Осирис 128, 131, 134, 399
Осия 232
Осман 563, 567, 798
Османы династия 654, 655, 791, 796, 798, 800-803, 806, 807, 809, 822, 866, 896
Османская империя 346, 640, 646, 647, 650-652, 654, 655, 660, 661, 676, 677, 685, 711, 735, 791, 792, 795, 796, 798, 799, 801, 802, 807, 809, 811, 814, 815, 822, 823, 854, 866, 868, 892, 894, 895, 897, 899, 900, 902, 932, 961, 990, 991
Остин Джейн 941
Ост-Индия 794, 845, 849, 850, 906, 907
см. также Индонезия
Оттон Великий 590
Оуэн Роберт 939
Охотск 797, 847
- П**
Павел св. 461-463, 586
Павсаний 351
Пакистан 387, 990, 992, 998
Палестина 39, 171, 174, 175, 181, 182, 187, 188, 201, 214, 215, 228, 229, 236, 270, 385, 390, 455, 458-462, 527, 551, 556, 562, 580
Пальмира 506
Панама 980
Панамский канал 980
Панамский перешеек 980
Панини 407, 408, 477, 497
Панипат 901, 904
Папиниан 976
Парагвай 775, 858
Парацельс 770
Парето Вильфредо 976
Париж 139, 714, 859, 882, 903, 966, 978
Парис 168
Парменид 360, 363
Парупатий 140
Парфия 385, 386, 389, 430, 434, 435, 444, 452, 454, 514, 523, 524, 591
- Пасаргады 199
Паскаль Блез 766, 881
Паталипутра 412
Патрик св. 547
Пахомий св. 542
Пекин 679, 688, 692, 824-826, 830, 913, 914, 916
Пелопоннес 271, 274, 354, 356, 896
Пелопоннесский полуостров 647
Пелопс 268
Пенджаб 247, 407, 635, 643, 645, 816, 903, 995
Пенсильвания 946
Пергам 385, 386, 393, 395
Перикл 355, 356, 359, 393
Персеполис 199, 218, 220, 292, 403, 412, 531
Перси 886
Персия 100, 185, 220, 221, 260, 329, 337, 350, 376, 377, 380, 382, 383, 403, 406, 412, 486, 513, 519, 521, 522, 524, 529-532, 537, 544, 551, 552, 562, 566, 645, 646, 664, 744, 791, 798, 801, 802, 806, 807, 810, 811, 814, 854, 865, 894, 901, 990-992
Персидский залив 72, 88, 117, 118, 193, 403, 506, 584, 687, 744
Персидская империя 24, 151, 174, 177, 186, 195, 198, 199, 201, 220, 329, 331, 342, 379, 380, 390, 508, 553, 790
Перу 332, 334, 346, 485, 548-550, 634, 730-732, 734, 742, 775, 781, 857
Петр св. апостол 460, 540, 715
Петр I Великий 754, 863-868, 873, 969
Петр III 866
Петрарка 647
Печ 822
Пикассо 966, 968
Пико делла Мирандола 722
Пипин Геристальский 583, 584
Пипин Короткий 585, 586
Пирей 352
Пиренеи 563, 585
Пиренейский полуостров 164, 711, 744, 779, 791

- Пири 1007
 Пирр 426
 Писарро 732, 738, 742, 744
 Писистрат 282, 289
 Писистратиды 286
 Пифагор 301, 302, 360, 769
 Планк Макс 971, 972
 Платей 177, 351, 355
 Платон 260, 302, 321, 360-366, 397, 531,
 576, 716, 769
 Плесси 904
 Плотин 506
 Плутарх 134, 435, 576
 По 428
 Поволжье 584, 797, 929
 Подветренные острова 850
 Полибий 385
 Полинезия 325, 632
 Поллок Джексон 968
 Польско-Литовское государство (Речь
 Посполита) 679, 680, 784, 789, 796
 Польша 645, 704, 707, 710, 754, 764,
 782, 787, 791, 797, 863, 868, 870-873
 Помбал де 859
 Помпей 551
 Пондишери 448, 904
 Понт 986
 Поп Александр 886
 Портобело 857
 Португалия 708, 739, 744, 746, 767, 779,
 791-793, 823, 856, 858, 859, 871, 930
 Праджапати 254
 Пракситель 370, 371
 Прибалтика 515
 Пристли Джозеф 883
 Протагор 361
 Пруссия 870, 872-876, 948, 950, 953, 954
 Пруст Марсель 967
 Пта 130
 Птолеми династия 193, 383-385, 387,
 409, 412
 Птолемей 476, 498, 575, 656, 769
 Птолемей I Сотер 399
 Птолемей II 403
 Пуатье 715
- Пугачев Емельян 871
 Пунт 124
 Пуфендорф Самуэль 886
 Пушкин Александр 694, 969
 Пуэрто-Рико 850
- Р**
 Ра 128, 131, 206
 Рабле 767
 Равенна 543, 586
 Радисон 847
 Разин Степан 871
 Рама 493, 670, 817, 819
 Рамананда 670
 Рамануджа 667, 669
 Раммохан Рай 910-912, 997
 Рампурва 411
 Рамсес II 210, 211
 Расин Жан 886
 Рас-Шамра 176
 Реза-шах 992
 Рейн 349, 444, 482, 484, 515, 517, 521,
 522, 555, 869
 Решид-паша 897
 Ривера Диего 1015
 Рим 23, 185, 273, 276, 281, 349, 355, 376,
 377, 385, 389, 393, 400, 404, 406, 425-
 428, 430, 434, 440, 442-445, 448, 454,
 458, 462, 471, 474, 476, 480, 503, 513,
 514, 516, 517, 519, 521-523, 529, 537,
 540, 541, 546, 551, 562, 583-585, 672,
 679, 681, 706, 760, 761, 774, 785, 787,
 960
 Римская империя 26, 138, 190, 292, 302,
 343, 401, 426, 428, 429, 440-444, 448,
 452, 454, 455, 461, 463, 471, 472, 474,
 481, 482, 484, 502, 504, 515-518, 526,
 529, 531, 532, 537, 539, 542, 544, 547,
 586, 593, 630, 658, 700, 974, 1031
 Рио-де-Оро 325
 Риччи Маттео 738, 917
 Ришелье 752
 Родезия 631
 Роден Огюст 965, 967
 Родос 393, 730

- Рокфеллер Джон 947
 Романовы династия 783, 788, 863
 Россия 62, 329, 332, 339, 379, 430, 433, 435, 548, 581, 587-589, 592, 636, 640, 680, 681, 683, 728, 735, 744, 747, 750, 754, 781-789, 792, 797, 798, 825, 826, 830, 839, 845, 853-856, 862-864, 866-873, 896, 897, 899, 901, 902, 914, 929, 932, 937, 942, 960, 961, 963, 969, 988-990, 1001, 1002, 1016, 1018
 Руми 659
 Румыния 899
 Руссо Жан-Жак 885, 959
 Русь 344, 584, 590, 591, 671, 672, 679, 680, 683, 684, 692, 711, 712, 789, 864, 866
 С
 Саади 659, 802
 Сава 647
 Саксония 585, 710
 Саладин 642
 Саламанка 716
 Саламин 177, 280, 351, 355
 Салерно 716
 Салливен Луис 967
 Салоники 541, 587, 677
 Самарканд 680
 Самос 301
 Самудрагупта 486
 Санкт-Петербург 863, 864
 Сан-Франциско 848
 Санчи 448, 449, 499-501
 Саргон II 184
 Саргон Аккадский 23, 81, 85, 90, 91, 93-99, 101, 102, 106, 136, 141, 147, 148, 173, 174, 431, 634
 Сардиния 156, 157, 270
 Сарды 199
 Сарнатха 411, 499
 Сасаниды династия 438, 471, 475, 498, 508, 513, 514, 516, 518-520, 523, 524, 527, 529-533, 536, 537, 551, 555, 562, 569, 575, 578, 588, 591, 639, 643, 663, 665, 673, 721
 Саудовская Аравия 990, 992
 Саул 188, 189, 230, 231
 Сахара 19, 27, 39, 47, 158, 324, 335, 346, 587, 630, 636, 648, 728, 729, 789, 837, 839, 930, 979
 Св. Георгия пролив 855
 Св. Лаврентия залив 853
 Светакету 256
 «Священная Римская империя» 587, 704, 705, 751
 Северный Ледовитый океан 981
 Сезанн Поль 966
 Селевк I 407
 Селевкиды династия 113, 337, 382-387, 389, 409, 434
 Селим I Грозный 801, 802, 814
 Сен-Симон Анри 939
 Септимий Север 441
 Сера Жорж 965
 Серапис 399, 400, 458, 474
 Сербия 676, 677, 684, 896, 897, 899, 900
 Сервантес 766, 767
 Сефевиды династия 796, 801-803, 805-808, 815, 892, 894, 901
 Сиам (Таиланд) 265, 503, 820, 830, 839, 907
 Сибирь 43, 50, 61, 127, 168, 305, 338, 433, 452, 547, 588, 626, 680, 735, 787, 789, 797, 826, 847, 851, 853, 937
 Сидон 199, 216
 Сиена 684
 Сикион 369
 Синай 124, 137, 229
 Синд 551, 563, 600
 Сиракузы 393, 397
 Сирия 26, 62, 89, 124, 156, 167, 171, 174-176, 181, 182, 187, 189, 199, 201, 213-216, 268, 379, 384, 385, 389, 455, 528, 532, 538, 541, 544, 551, 556, 562, 563, 565, 566, 569, 575, 578, 584, 585, 590, 642, 645, 646, 650, 664, 665, 671, 793, 801, 899
 Сицилия 270, 301, 342, 355, 376-378, 587, 672, 716, 844
 Скалистые горы 848

- Скандинавия 344, 547, 585, 588, 590,
 599, 703, 704, 707, 712
 Скифия 337, 338
 Скот Дунс 718
 Смит Адам 885, 941
 Соединенные Штаты Америки (США)
 13-15, 248, 522, 634, 744, 777, 780,
 860, 862, 922, 938, 941, 946, 947, 952,
 953, 980, 1008, 1011, 1016, 1017, 1020,
 1021, 1023, 1024
 Сократ 362, 366
 Соломон 189, 230, 231, 564
 Солон 280, 281, 295
 Сомали 124
 Сорель Жорж 976
 Софала 630
 Софокл 358, 359, 371
 Союз Советских Социалистических
 Республик (СССР) 329, 587, 866, 882,
 992, 1016, 1017, 1019-1021
 Спарта 267, 273, 279-281, 283, 286, 288,
 295, 351, 354, 355, 390, 395
 Спиноза Барух 877, 880
 Спрат 882
 Средиземное море 147, 154, 156, 158,
 162, 200, 293, 324, 337, 530, 595, 650,
 791-793, 796, 896
 Средиземноморье 25, 26, 39, 61, 148,
 156, 158, 160, 161, 192, 199, 200, 216,
 252, 270, 281, 282, 324, 337, 343, 347,
 349, 351-353, 376-378, 384, 385, 391,
 402, 403, 405, 414, 425, 426, 428, 441,
 444-446, 448, 450, 469, 472, 475, 481,
 483, 485, 491, 502, 503, 506, 514, 521,
 522, 528, 530, 541, 553, 580, 581, 584,
 587, 588, 591, 592, 594, 693, 703, 711,
 712, 739, 793, 796, 844
 Среднедунайская равнина 516
 Среднеевропейская равнина 588, 593-
 595
 Средний Восток 15, 16, 19, 22, 24-29,
 31, 32, 39, 45-51, 54-57, 59-64, 66, 69,
 70, 115, 117-119, 137, 144, 145, 147,
 148, 150, 151, 161, 163-165, 167, 168,
 171, 173-175, 177-181, 185-188, 190,
 191, 193-198, 200, 201, 209, 213, 215,
 216, 218, 220, 221, 231, 233, 238-240,
 242, 244, 247, 250-252, 260, 261, 266,
 268, 270, 271, 273, 278, 283, 298, 299,
 303-307, 309, 323, 328-330, 332, 340,
 342-347, 349, 384, 385, 402, 405, 411,
 417, 433, 452, 474, 475, 480, 481, 485,
 519-521, 546, 551-553, 557, 565, 567,
 572, 577, 578, 594, 636, 638, 639, 641-
 643, 646, 651, 660, 663, 664, 692, 698,
 701, 735, 743, 774, 790, 795, 796, 814,
 841, 844, 936, 975, 980, 981, 1018
 Стагира 365
 Сталин 864, 1021
 Стефан II 586, 705
 Страдивари Антонио 887
 Стюарты династия 842, 940
 Субэдэй 645
 Судан 324, 546, 553, 648, 790, 838, 899,
 930
 Сузы 199, 221, 382, 384
 Суй династия 511, 518, 519, 607, 609,
 610, 622, 627
 Сулейман I Кануни (Законодатель) 792,
 807, 814
 Сумагра 504, 728, 906
 Сун династия 18, 29, 609, 612, 617, 620,
 624, 627-629, 659, 686, 694, 695, 699
 Сунь Ятсен 1001
 Сурдас 817, 818
 Сусрута 498
 Суэц 980
 Суэцкий канал 980
 Сыма Цянь 478, 479
 Сырдарья 118, 309, 387, 402, 425, 430,
 518, 520, 746, 790, 798
 Сычуань 331
 Сэсю 927
 Сюань-цзан 621
 Сюаньцзун (Ли Лунцзи) 608
 Ся династия 305

 Т
 Тагор Рабиндранат 999
 Тайвань 826, 827

- Тайцзун (Ли Шиминь) 607
Талас 600, 608
Тан династия 18, 512, 519, 523, 552, 553,
607-613, 616, 617, 621-624, 627-629,
686, 694, 695, 697, 913, 919
Тар 47
Тарим 169, 332, 508, 620, 646
Тарс 461, 584
Тацит 476, 515
Твен Марк 969
Тверь 680
Твид 349
Тебриз 799, 800
Тезей 274
Тель-Асмар 78, 81
Тель-эль-Амарна 211
Темза 41
Теночтитлан 731, 742
Теодор из Тарса 584
Теофраст 366
Тернате 849
Тианако 634
Тибет 265, 344, 553, 554, 604, 608, 626,
697, 825, 837, 839, 913, 929, 1000
Тибр 427
Тиглатпаласар III 190
Тигр 69-74, 84, 88, 90, 91, 95, 115, 117,
122, 147, 299, 531, 569
Тимбукту 790, 802
Тимофей 399
Тимур (Тамерлан) 646, 680, 790, 803
Тир 189, 199, 216
Тиртей 295
Титикака 550
Тихий океан 46, 161, 169, 170, 200, 325,
332, 334-337, 430, 549, 553, 631, 734,
744, 797, 845-848, 930
Тоба 514, 517
Токугава 831, 832, 834-836, 923-926, 928,
932, 1006, 1007, 1011, 1012
Толедо 714
Томпсон Джон Джозеф 970
Трансильвания 791
Трапезунд 584
Траян 482, 526
Троя 168, 270
Труа 678
Тула 783
Тулсидас 817-819
Тунис 793, 990
Тур 563
Туркестан 168, 169, 331, 332, 344, 790,
901, 902, 913, 989
Турция 684, 712, 791, 792, 796, 797, 802,
810, 896, 901, 990, 992, 993
Тутанхамон 208, 209, 291
Тюдоры династия 416
Тюркский каганат 518, 625
Тяньцзинь 1004
- У
Угарит 213
Удджайн 435
У-ди 404, 420, 436, 438
Уиклиф Джон 724
Уитби 584
Уитстон Чарлз 943
Украина 52, 63, 332, 672, 784, 785, 789,
797, 852, 854, 863, 929
Ульм 756
Ульпиан 476
Ульфил 521
Умма 89, 90
Ур 54, 80, 98, 100, 101, 109, 140, 153,
228
Урал 588, 864
Уральские горы 42, 435, 797
Урий Хеттиянин 189
Урук 83
Урукагина 88, 100, 101
Уэлльс 547, 727
- Ф
Фалес Милетский 297
Фа-сянь 488
Фатима 560, 568
Фемистокл 286, 351
Феодора 543
Феодосий III 541, 586
Ферганский долина 429, 436

Фердинанд Арагонский 751
 Фессалия 349
 Фивы 131, 136, 145, 199, 355, 356, 375, 395
 Фидий 369, 371
 Филарет Московский 787
 Филипп 373-376, 383
 Филипп II 751
 Филипп III Добрый 725, 726
 Филипп Август 705
 Филиппины 344, 729, 744, 795, 829
 Филон Александрийский 459
 Финикия 189, 199, 216, 377
 Финский залив 863, 864
 Фирдоуси 659
 Флоренция 756
 Фокс Джордж 886
 Фолкон 820
 Фома Аквинский св. 716, 718
 Форд Генри 946
 Фракия 177, 355, 376, 378
 Франклин Бенджамин 860
 Франкское государство 583, 584, 586-588, 592
 Франциск Ассизский св. 721
 Франциск Ксавье св. 833
 Франция 30, 42, 44, 160, 374, 596, 678, 703-706, 708, 713, 714, 719-721, 723, 743, 744, 746, 752-754, 764, 765, 767, 780, 788, 793, 796, 820, 842, 843, 859, 862, 863, 868-871, 873-875, 885, 886, 889, 892, 899, 907, 916, 917, 926, 940, 950, 952-955, 957-960, 965, 1017, 1023
 Фрейд Зигмунд 976, 978
 Фридрих II Великий 872
 Фридрих Вильгельм Гогенцоллерн 872, 874
 Фукидид 354-356, 360, 361, 367, 368, 479, 681, 969
 Фу-сянь 490
 Фуцзянь 690, 826

Х

Хазарский каганат 582, 589
 Хайдарабад 903

Халид ибн аль-Валид 551
 Халкида 278, 281
 Хамат 189
 Хаммурапи 25, 84, 89, 98-106, 110-113, 126, 171, 174, 186, 187, 190, 193, 194, 201-203, 317
 Ханаан 231, 457
 Хань династия 26, 240, 323, 325, 414, 415, 419-421, 431, 438-441, 444, 450, 453, 471, 472, 478, 479, 482, 483, 505, 508, 509, 511, 522, 609, 616, 620, 623, 627, 685, 690, 774, 830, 831, 913, 1031
 Хань Ю 619
 Хараппа 138, 139, 141-143
 Харран 228, 576
 Харша 513
 Хафиз 659
 Хеопс (Хуфу) 135
 Херонея 371
 Хеттская империя 24, 175, 187
 Хефрен 135
 Хидзеси 825, 831, 832, 834, 835
 Хиросигэ 927
 Хлодвиг 518, 521, 522, 582
 Ходжа Зада 657
 Хогарт Уильям 879
 Хорасан 638, 639
 Хорватия 900
 Хоремхеб 182, 211
 Хосров I 531, 536
 Ху Ши 1005
 Хуанхэ 28, 62, 168, 169, 240, 303-305, 307, 319, 523, 609, 610, 626
 Хубилай 646, 692, 693, 696, 697
 Хумаюн 802
 Хусейн 563, 578

Ц

Цейлон (Шри-Ланка) 265, 410, 467, 492, 604, 687, 688, 728, 742, 820, 907
 Цинь династия 313, 825
 Цинь династия 330, 331, 417-421, 425, 426, 439, 522, 609
 Цинь Ши-хуанди 417-419, 431, 440, 478
 Цицерон Марк Туллий 475, 722

Цяньлун 916, 918

Ч

Чайтанья 817, 819

Чалдыран 800

Чандрагупта I 486

Чандрагупта II 486, 488, 594

Чандрагупта Маурья 245, 250, 407, 412, 413, 486

Чанъань 610, 616

Чарака 498

Черное море 147, 324, 344, 351, 376, 515, 521, 528, 530, 584, 587, 671, 672, 675, 711, 791, 796, 868, 896

Черноморское побережье 338, 899

Чехия 589, 680, 724

Чжан-цань 402

Чжао Мэнфу 696

Чжоу династия 67, 311-317, 320, 331, 414-418, 420, 439, 441

Чжоу-гун 320

Чжу Си 695

Чжэн Хэ 687, 688, 691, 694

Чили 744, 777

Чингисхан 17, 18, 346, 635, 640, 642, 643, 645, 646, 679, 690, 803, 827

Чичен-Ица 633, 731

Чу 319

Ш

Шаббатай Цви 785, 823, 897

Шаль Адам фон 830

Шамаш 110

Шампань 678

Шан (Инь) династия 169, 306-313, 316

Шанкара 497, 602, 604, 669

Шанхай 1004

Шаньдун 319

Шапур I 533, 534, 537

Шапур II 516

Шах-Джахан 810

Швейцария 727

Швеция 158, 168, 680, 704, 710, 765, 787, 870-872

Шекспир 766, 767, 886

Шива 140, 405, 457, 465, 466, 496, 497, 501, 504, 668, 819, 829

Шиваджи 902

Шиллер Фридрих фон 887

Шило 188

Шнитцлер Артур 967

Шотландия 335, 548, 583, 871, 885, 891

Шривиджая 728

Шумер 59, 66, 74, 76, 86, 88-92, 94, 95, 98-101, 104, 111, 113, 118, 124, 151, 184, 190, 202, 218, 222, 228, 231, 485

Э

Эвдокс Книдский 397

Эгейское море 25, 153, 158, 160, 199, 266, 267, 270, 272, 342, 344, 350, 352, 355, 373, 384, 385, 402, 485, 528, 530, 675, 712, 896

Эдисон Томас 946

Эзра 236

Эйнштейн Альберт 970, 971

Экбатаны 199

Эквадор 744

Элам 117, 214

Элевсин 289

Эллада 367, 400

Эль Греко (Доменикос Теотокопулос) 684, 773

Эльба 344, 585, 710, 711

Эльзас 961

Эмпедокл 302

Энлил 84, 86

Эпир 355, 376, 386, 409, 426

Эразм 766

Эретрия 278, 281, 282

Эсхил 358, 359

Этрурия 377, 426

Эфиопия 463, 484, 485, 522, 546, 547, 554, 730, 792, 837

Эхнатон 182, 206-211

Ю

Юань династия 687

Югославия 541, 900

Южная Каролина 859

- Южно-Китайское море 742, 797
Юкатан 549, 633, 731
Юлиан 529
Юлий Цезарь 429, 440
Юм Дэвид 883
Юньнань 420, 553, 554, 608, 625, 693, 696, 989
Юстиниан 484, 518, 519, 522, 526-528, 531, 541, 544, 545, 591, 671, 719
- Я**
Ява 635, 645, 687, 728, 746, 790, 794, 795, 850, 906, 907, 915
Яков 390, 767
Яксарт 402 *см. также* Сырдарья
- Янина 899
Янцзы 28, 319, 439, 512, 523, 609, 610, 613, 686, 690, 831
Япония 28, 29, 200, 265, 343, 344, 420, 425, 426, 483-485, 512, 553, 617, 620, 625, 627-629, 635, 645, 687, 697-700, 727, 728, 735, 744, 755, 790, 795, 825, 827, 830-836, 839, 841, 906, 907, 923-929, 932, 933, 942, 963, 1001, 1003, 1004, 1006-1014, 1018, 1020
Ярмук 551
Ярослав Мудрый 672
Ясон 389
Яссы 897
Яхве 189, 213, 229-233, 235-237, 457

Список иллюстраций

КАРТЫ

Распространение земледелия	68
Древняя Месопотамия	87
Древний Египет	125
Морские и сухопутные пути миграции народов Евразии в 3000–300 гг. до н.э.	166
Средний Восток ок. 1700 г. до н.э.	172
Древняя Индия	246
Древняя Греция	274
Древний Китай, 1500–221 гг. до н.э.	306
Условия навигации для примитивных судов	335
Первое смыкание евразийской ойкумены	432
Распространение эллинизма	451
Распространение мировых религий	510
Распространение тяжелой конницы	528
Распространение ислама до 750 г.	561
Античная и средневековые системы международной торговли до 1000 г.	593
Монгольская экспансия в период до 1300 г.	644
Пути мусульманской и европейской экспансии в 1000–1700 гг.	748
Экспансия Европы в 1500–1850 гг.	846

СХЕМЫ

Годичный цикл	58
Перераспределение хозяйственных ролей между полями	66
Развитие общества Месопотамии	92-93
Великое общество Хаммурапи	105
Эволюция египетского общества	133
Развитие цивилизации в землях дождевого увлажнения	149
От бронзы к железу	180
Местный экономический базовый уровень на Древнем Востоке	196
Развитие монотеизма	234
Связи между древнейшими мировыми цивилизациями	241
Индийское общество и мировоззрения	258-259
Развитие греческого общества	284-285
Сравнение мировоззрения Греции и Среднего Востока	300
Развитие общественного устройства Китая в период с 1500 г. до н.э. по 220 г. н.э.	318

Эпоха эллинизма	388
Изменения в греческом мировоззрении	394
Мир в представлении китайцев	422
Китай и степь	437
Мировые религии	468
Структура индийского общества	489
Сасанидская Персия	536
Ислам	558
Компромисс Аббасидов	570
Индия и ислам до 1000 г.	605
Структура танского общества	615
Структура Османской империи	653
Упадок Византии	674
Изменение равновесия в китайском обществе	689
Европейский Дальний Запад в средние века	706-707
Политика западного христианского мира	709
Христианское мировоззрение	717
Демографические последствия изменения моделей сообщения	740-741
Культура Европы 1000–1700 гг.	766-767
Структуры семейной жизни и смешение рас	779
Раскол ислама на суннизм и шиизм	800
Возрождение индуизма	818
Китай при маньчжурах	828
Япония в 1500–1650 гг.	833
Альтернативы дальних границ	852
Россия при Петре Великом	865
Старый режим в теории и на практике	873
Интеллектуальный вызов Старому режиму	884
Распад Османской империи	898
Индийское мировоззрение около 1850 г.	911
Восхождение Запада	934
Промышленная революция	951
Неоднозначность Французской революции	956
Сжатие мира	982-983
Демократия и коммунизм	987
Учение Ганди	999
Политическая перестройка в 1918–1950 гг.	1019
Правительство и общество после 1917 г.	1022
Теория и практика современной диктатуры	1026

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ручное рубило эпохи палеолита	41
Пещерная живопись эпохи палеолита	44

Расписной горшок эпохи неолита	52
Верховные жрецы или божества Месопотамии	78
Оттиск цилиндрической печати	81
Алебастровая ваза	83
Нарамсин – бог и завоеватель	97
Саргон Аккадский и Хаммурапи Вавилонский	102
Любопытный козел	109
Каменный нож, Египет	121
Красная керамическая плита фараона Нармера-Менеса	129
Хефрен, повелитель Верхнего и Нижнего Египта	135
Печати индской цивилизации	140
Статуэтки из долины Инда	142
Хеттский барельеф	152
Море и дворец Миноса	155
Три европейских мегалита	159
Колесницы в действии	176
Два лица Ассирии	184
Что есть истина?	208
Настроения Египта	210
Цари людей и животных	217
Стены Вавилона	219
Колонны Персеполиса	224
Врата Микен	269
Фаланга	277
Греческий период ученичества	291
Становление греческого стиля	294
Появление китайского стиля в искусстве	310
Старинная китайская бронза	314
Революция в тактике кавалерии	327
Искусство Китая и индейцев Америки	333
Два лица классической Греции	370
Экспансия эллинизма	381
Век эллинизма	392
Индия Ашоки	411
Высшая точка эллинизма, Восток и Запад	442
Скульптурные стили Гандхары и Китая	447
Большая ступа в Санчи	449
Скифский и китайский звериный стиль	453
Искусство Индии эпохи Гуптов	500
Сасанидские воины	525
Римский император	539
Императрица Феодора	543
Интерьер собора св. Софии	545

Мечеть раннего периода	564
Ирландское Евангелие	598
Индустские храмы	603
Китайский Буддизм	618
Великолепие и элегантность имперского Китая	622
Купол каирской мечети	662
Танцующий Шива	668
Византийские воины	678
Наш Господь и Спаситель Иисус Христос	683
Святая католическая церковь	715
Фламандский горожанин	725
Португальцы в Японии	745
Возрождение и Реформация	762-763
Новые высоты и глубины	772-773
Храм Василия Блаженного в Москве	786
Ислам в XVII в.	804-805
Персидская мечеть и медресе	808
Персидский ковер и индийское окно	812-813
Высшие и низшие классы при Старом режиме	878-879
Аристократка XVIII в.	919
Три японские картины	927
Европейский Новый режим	965
Мучительные сомнения XX века	968
Предвечная женщина	977
Конец и начало	1029

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора	5
Почему эту книгу надо прочитать именно сейчас? (<i>Предисловие редактора</i>)	10
«Восхождение Запада» двадцать пять лет спустя	13
Предисловие	34
ЧАСТЬ I	
Эпоха культурного доминирования Среднего Востока (до 500 г. до н.э.)	35
ГЛАВА I. В начале	36
ГЛАВА II. Прорыв к цивилизации в Месопотамии	70
ГЛАВА III. Диффузия цивилизации: первая фаза	115
А. ВВЕДЕНИЕ	115
Б. ЦИВИЛИЗАЦИИ ДОЛИН НИЛА И ИНДА ДО 1700 Г. ДО Н.Э.	120
1. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ	120
2. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОЛИНЫ ИНДА	138
В. ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РАЙОНЫ ДОЖДЕВОГО УВЛАЖНЕНИЯ: МАЛАЯ АЗИЯ И КРИТ	145
1. ВСТУПЛЕНИЕ	145
2. МАЛАЯ АЗИЯ	151
3. КРИТ	154
Г. ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ОКРАИНЫ АГРАРНОГО МИРА	158
1. МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ ПРОТОЦИВИЛИЗАЦИЯ	158
2. РАЗВИТОЕ ВАРВАРСТВО В ЕВРОАЗИАТСКИХ СТЕПЯХ	162
ГЛАВА IV. Возникновение космополитической цивилизации на Среднем Востоке в 1700–500 гг. до н.э.	171
А. ВВЕДЕНИЕ	171
Б. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ	178
В. СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	185
Г. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА	193
Д. КУЛЬТУРНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ПРОГРЕСС	201
1. ВАВИЛОНИЯ	201
2. ЕГИПЕТ	205
3. ЗЕМЛИ МЕЖДУ ЕГИПТОМ И МЕСОПОТАМИЕЙ	212
4. ЗОРОАСТРИЗМ И ИУДАИЗМ	221
ГЛАВА V. Становление периферийных цивилизаций в Индии, Греции и Китае в 1700–500 гг. до н.э.	239
А. ВВЕДЕНИЕ	239
Б. ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	242
В. ФОРМИРОВАНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	266
1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ	267

2. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ	288
Религия	288
Искусство	290
Литература	293
Философия	295
Г. РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ КИТАЯ В ПЕРИОД ДО 500 Г. ДО Н.Э.	303
Д. ИЗМЕНЕНИЯ В МИРЕ ВАРВАРОВ ДО 500 Г. ДО Н.Э.	323

ЧАСТЬ II

Евразийское культурное равновесие (500 г. до н.э. – 1500 г. н.э.)	341
---	-----

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ	342
----------------------	-----

ГЛАВА VI. Экспансия эллинизма в 500–146 гг. до н.э.	349
--	-----

А. РАСЦВЕТ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 500–336 ГГ. ДО Н.Э.	350
--	-----

1. ВСТУПЛЕНИЕ	350
---------------------	-----

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В 500–336 ГГ. ДО Н.Э.	354
---	-----

3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРЕЧЕСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ	357
--	-----

Трагедия	357
----------------	-----

Философия	360
-----------------	-----

История и риторика	367
--------------------------	-----

Монументальное искусство	369
--------------------------------	-----

Заключение	371
------------------	-----

Б. ЭЛЛИНСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ВАРВАРСКУЮ ЕВРОПУ	373
--	-----

В. ЭЛЛИНИЗАЦИЯ ВОСТОКА (500–146 ГГ. ДО Н.Э.)	379
--	-----

1. ВОЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	379
---	-----

2. СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	389
--	-----

ГЛАВА VII. Завершение формирования евразийской ойкумены

в 500 г. до н.э. – 200 г. н.э.	402
-------------------------------------	-----

А. ВВЕДЕНИЕ	402
-------------------	-----

Б. ЭКСПАНСИЯ И РАЗВИТИЕ НЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ

ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ В 500–100 ГГ. ДО Н.Э.	406
--	-----

1. ИНДИЯ	406
----------------	-----

2. КИТАЙ	414
----------------	-----

3. ДАЛЬНИЙ ЗАПАД: РИМ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В 336–146 ГГ. ДО Н.Э. ..	425
--	-----

В. ЕВРАЗИЙСКАЯ ОЙКУМЕНА В 100 Г. ДО Н.Э. – 200 Г. Н.Э.	429
---	-----

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ	429
---	-----

2. КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ОБМЕН	445
--------------------------------------	-----

Искусство	445
-----------------	-----

Религия	452
---------------	-----

3. ДРУГИЕ АСПЕКТЫ ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

ЕВРАЗИИ В 100 Г. ДО Н.Э. – 200 Г. Н.Э.	474
---	-----

ГЛАВА VIII. Натиск варваров и ответ цивилизаций в 200–600 гг. н.э.	483
---	-----

А. ВВЕДЕНИЕ	483
-------------------	-----

Б. РАСЦВЕТ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 200–600 ГГ. Н.Э.	485
---	-----

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ	486
--	-----

2. КУЛЬТУРНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ	491
Язык	491
Литература	492
Религия и философия	496
Наука	497
Искусство	499
Иные аспекты индийской культуры	501
В. ЭКСПАНСИЯ ИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В 200–600 ГГ. Н.Э.	502
1. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	503
2. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ, ИРАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ..	505
3. КИТАЙ	508
Г. СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА. ПРОРЫВ ВАРВАРОВ И РЕАКЦИЯ	
ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА В 200–600 ГГ. Н.Э.	513
1. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ	513
2. ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ	519
Приобщение варваров к цивилизации	520
Изменение военных и политических учреждений цивилизации	
в Западной Евразии	522
Культурные изменения в Персии и Риме	530
Д. ОКРАИНЫ ЦИВИЛИЗОВАННОГО МИРА В 200–600 ГГ. Н.Э.	546
ГЛАВА IX. Возрождение Среднего Востока в 600–1000 гг. н.э.	551
А. ВВЕДЕНИЕ	551
Б. МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР ДО 1000 Г.	555
В. ХРИСТИАНСКИЙ МИР	580
Г. ИНДИЯ	600
Д. КИТАЙ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	607
Е. ВНЕШНИЕ ОКРАИНЫ	629
ГЛАВА X. Степные завоеватели и европейский Дальний Запад	
в 1000–1500 гг.	635
А. ВВЕДЕНИЕ	635
Б. ЭКСПАНСИЯ СТЕПНЫХ НАРОДОВ	637
В. РЕАКЦИЯ ИСЛАМСКОГО МИРА НА ЭКСПАНСИЮ СТЕПНЫХ	
НАРОДОВ	648
1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ	648
2. ПЕРЕМЕНЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ	655
Г. ИНДУСЫ, ХРИСТИАНЕ И ИУДЕИ ПОД МУСУЛЬМАНСКИМ	
ПРАВЛЕНИЕМ	663
1. СЕРДЦЕВИНА МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА	663
2. ИНДИЯ	666
3. ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ МИР	671
Д. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	685
1. КИТАЙ	685
2. КИТАЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ	696
Е. ДАЛЬНИЙ ЗАПАД	700
1. ВСТУПЛЕНИЕ	700

2. БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК	703
3. ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	710
4. ПОДЪЕМ КУЛЬТУРЫ: ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	712
5. УНИКАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	726
Ж. ОКРАИНЫ ОЙКУМЕНЫ	728
 ЧАСТЬ III	
Эпоха господства Запада с 1500 г. до настоящего времени	733
ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ	734
ГЛАВА XI. Вызов Дальнего Запада миру в 1500–1700 гг.	738
А. ВЕЛИКИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И ИХ МИРОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	738
Б. ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЕВРОПЫ В 1500–1650 ГГ.	749
1. ПОЛИТИКА	749
2. ЭКОНОМИКА	755
3. КУЛЬТУРА	758
В. СТРАНЫ, ЛЕЖАЩИЕ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЕВРОПЫ: АМЕРИКА И РОССИЯ В 1500–1650 ГГ.	775
1. АМЕРИКА	775
2. РОССИЯ	781
Г. ИЗМЕНЕНИЕ МИРОВОГО БАЛАНСА В 1500–1700 ГГ.	789
1. МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР	789
Иберийский крестовый поход и ответ мусульманского мира	792
Взлет России и его последствия для ислама	796
Конфликт между суннитами и шиитами и его последствия для ислама	798
2. УГНЕТЕННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ	815
Индуистская Индия и буддийская Юго-Восточная Азия	815
Христиане в мусульманских странах	820
Евреи в мусульманских странах	823
3. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	824
Китай	824
Япония	831
Тибет, Монголия, Средняя Азия	836
4. АФРИКА	837
Д. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	839
ГЛАВА XII. Шаткое мировое равновесие в 1700–1850 гг.	841
А. ВВЕДЕНИЕ	841
Б. СТАРЫЙ РЕЖИМ В ЕВРОПЕ, 1650–1789 ГГ.	842
1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА НОВЫЕ ТЕРРИТОРИИ	845
Освоение земель, торговля и соперничество наций	845
Плантации и сознательное преобразование экономики тропических и субтропических районов	849
Расширение европейских поселений	851

2. ВКЛЮЧЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КРУГ АМЕРИКИ И РОССИИ	855
Испанская Америка	856
Бразилия И Северная Америка	858
Россия	862
3. КОМПРОМИССЫ СТАРОГО РЕЖИМА В ЕВРОПЕ	868
Политические и общественные компромиссы	869
Интеллектуальные компромиссы	877
Компромиссы в искусстве	886
Элементы неустойчивости Старого режима	888
В. СПЯЧКА МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА В 1700–1850-Х ГГ.	892
1. РЕФОРМЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ВОССТАНИЕ ХРИСТИАН	894
2. ИРАН И ТУРКЕСТАН	901
3. РАСПАД ИМПЕРИИ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В ИНДИИ	902
4. ИСЛАМ В АФРИКЕ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	905
Г. ИНДУИСТЫ И БУДДИСТЫ В АЗИИ В 1700–1850 ГГ.	906
Д. ПРИБЛИЖЕНИЕ КРИЗИСА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1700–1850 ГГ.	912
1. КИТАЙ	912
2. ЯПОНИЯ	923
Е. ОТСТУПЛЕНИЕ ВАРВАРСТВА В 1700–1850 ГГ.	929
ГЛАВА XIII. Восхождение Запада: космополитизм в мировом масштабе в 1850–1950 гг.	932
А. ВСТУПЛЕНИЕ	932
Б. ЗАПАДНЫЙ ВЗРЫВ В 1789–1917 ГГ.	936
1. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ	936
2. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ	938
Первая, или британская, стадия	938
Вторая, или германо-американская, стадия (до 1917 г.)	944
3. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	953
4. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	964
В. НЕЗАПАДНЫЙ МИР В 1850–1950 ГГ.	979
1. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ И СТИЛЯ ОЙКУМЕНЫ	979
2. МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР	989
3. ИНДУИСТСКАЯ ИНДИЯ	993
4. КИТАЙ	1000
5. ЯПОНИЯ	1006
6. ДРУГИЕ ЧАСТИ МИРА	1014
Заключение	1016
А. РАЗМАХ ПОЛИТИКИ	1016
Б. ОХВАТ ПОЛИТИКИ	1018
В. ДИЛЕММЫ ВЛАСТИ	1023
Указатель личных имен и географических названий	1033
Список иллюстраций	1055

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Серия «СДВИГ ПАРАДИГМЫ»
(Выпуск 2)

Уильям Мак-Нил

ВОСХОЖДЕНИЕ ЗАПАДА
История человеческого сообщества

Иллюстрации *Bela Petheo*

Редактор А. С. Волынский
Корректоры Е. В. Попова, В. Е. Биляш
Оригинал-макет О. В. Гашенко

Подписано в печать 21.07.2004. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 86,52. Усл. печ. л. 61,85. Тираж 1000 экз.
Зак. № 993.

Издательство «Ника-Центр». 01135, Киев-135, а/я 192.
Т./ф. (044) 242-61-56; e-mail:psyhea@uprotel.net.ua, servic57@i.com.ua;
www.nika-centre.kiev.ua

Свидетельство о внесении в Государственный реестр субъектов
издательского дела ДК №1399 от 18.06.2003

Отпечатано с готовых диапозитивов
ООО «Видавництво «Аспект-Поліграф».
16610, Черниговская обл., г.Нежин, ул.Шевченко, 109-а.
Т./ф. (04631) 3-11-08; т. (04631) 3-18-03; e-mail:aspekt@ne.cg.ukrtel.net
Свидетельство о внесении в Государственный реестр субъектов
издательского дела ДК №1115 от 12.11.2002